DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

914.7
P7610A
ch. 1

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Pokrovskii, Mikhail Nikolaevich

Часть I.

Изданіе Т-ва „МІРЪ“.
Москва—1915.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1915.

914.7
P761OA
ch. 1

Экономическій и государственный строй.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Долгія десятилѣтія въ русской исторической литературѣ господствовала гегелевская схема историческаго развитія. Какъ извѣстно, согласно этой схемѣ, вѣнцомъ историческаго творенія, зрѣлымъ плодомъ исторіи являлось государство. А такъ какъ растеніемъ интересуются ради плода, то вся исторія превращалась въ исторію государства. Все, что было на Руси до образованія централизованной монархіи Романовыхъ, разсматривалось, какъ подготовительная ступень—какъ завязь и цвѣтъ древа государственности. Все, что происходило послѣ этого, шло отъ государства и случалось благодаря ему. Все русское общество, со всѣми его классами, было создано государствомъ. Государство „закрѣпостило" это общество, когда ему, государству, было это нужно—оно „раскрѣпостило" его, когда съ государственной точки зрѣнія это стало необходимостью.

Схема принесла огромную пользу—этого нельзя отрицать. Если русскіе историки конца XIX вѣка могли разобраться въ русскомъ историческомъ процессѣ и сдѣлать его понятнымъ широкой публикѣ—то благодаря ей, гегелевской схемѣ. Такъ важны въ исторіи даже одностороннія обобщенія! Но все на свѣтѣ имѣетъ свой конецъ. Мало-по-малу въ кругъ интересовъ публики—и за нею и науки—стало входить все болѣе и болѣе фактовъ, не охватывающихся понятіемъ „государственности"—а затѣмъ и само это понятіе попало въ ковычки... Вспомнили, что, кромѣ „государственности", у насъ есть и была „общественность". Но попытки написать ея исторію, сохраняя въ общемъ вѣрность гегелевской точкѣ зрѣнія, естественно, не могли удаться.

Новые интересы вытащили на свѣтъ божій новые факты—новые факты потребовали новыхъ точекъ зрѣнія. Гегелевской схемѣ, уже успѣвшей отождествить себя съ наукой, но могли понравиться молодые конкуренты. На нихъ обрушились всею тяжестью академическаго презрѣнія. Но—прошелъ десятокъ лѣтъ, и съ ихъ существованіемъ приходилось помириться.

Настоящій „Очеркъ“ представляетъ собою попытку провести одну изъ этихъ схемъ, явившихся на смѣну гегелевской. Предыдущія попытки этого рода, по разнымъ обстоятельствамъ, не доводились до конца. Будетъ ли доведенъ до конца нашъ „Очеркъ“, это, разумѣется, зависитъ отъ очень многихъ условій—современная русская дѣйствительность такъ сложна. Но уже и выпускаемая теперь первая часть книги стремится дать, насколько возможно, цѣльное изображеніе экономическаго и политическаго развитія Россіи на всемъ протяженіи ея исторіи. Сдѣлать это въ одной книгѣ, и притомъ небольшой, можно было, конечно, только при бережливомъ, до скупости, отношеніи къ фактическимъ иллюстраціямъ. Нѣкоторыя страницы могутъ показаться, благодаря этому, сухими: автору приходилось выбирать между доступностью книги со стороны ея объема—и доступностью въ смыслѣ легкости и занимательности чтенія. Онъ выбралъ первое.

Для тѣхъ, кто желалъ бы имѣть больше фактическихъ подробностей, въ концѣ каждой главы даны краткія библіографическія указанія. Единственная цѣль, какую преслѣдуютъ эти указанія—назвать читателю книги, гдѣ подробно говорится о фактахъ, лишь затронутыхъ на страницахъ „Очерка“. „Библіографія“ вовсе не замѣняетъ собою подстрочныхъ ссылокъ: эти послѣднія устранены по совершенной ихъ ненужности въ книгѣ, предназначающейся для неспеціалистовъ; использованная авторомъ литература далеко не ограничивается сочиненіями, названными въ библіографическихъ примѣчаніяхъ. Авторъ не пытался дать также исчерпывающаго перечня литературы предмета: безъ оцѣнки называемыхъ книгъ такой перечень не имѣлъ бы никакого значенія для читателя-неспеціалиста; съ этою оцѣнкой библіографическій отдѣлъ разросся бы до размѣровъ

самостоятельной небольшой книжки. Кое-какія критическія замѣчанія пришлось все же дать и теперь: нельзя безъ оговорокъ называть книги, о содержаніи которыхъ невозможно судить по одному заглавію. Авторъ предвидитъ, что эти замѣчанія навлекутъ на него укоры въ „субъективности",—пожалуй, и въ „пристрастіи". Что касается перваго, то человѣческая мысль вообще относится къ области субъективнаго, и всякій, кто рѣшается высказывать свои мысли, неизбѣжно впадаетъ въ грѣхъ „субъективности". Что же касается „пристрастія", то, думается, достаточно бѣгло просмотрѣть имена называемыхъ въ „библіографіи" авторовъ, чтобы устранить этотъ упрекъ: названо то, что нужно, въ интересахъ читателей. Если есть пробѣлы, то ихъ приходится отнести на счетъ тѣхъ условій, въ которыхъ писалась книга,—вдали отъ большихъ русскихъ библіотекъ.

Остается сказать нѣсколько словъ объ отношеніи выпускаемой теперь въ свѣтъ маленькой книжки къ большому изданію, составленному, въ значительной части, тѣмъ же лицомъ,—къ „Русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ". Сопоставленіе ихъ размѣровъ можетъ навести на мысль, что „Очеркъ"—нѣчто въ родѣ конспекта „Исторіи". Такое представленіе было бы совершенно ошибочно. „Очеркъ исторіи русской культуры"—вполнѣ самостоятельная работа, написанная по совсѣмъ иному плану, чѣмъ „Русская исторія", затрагивающая серіи фактовъ, въ послѣдней отсутствующія, и наоборотъ—не говорящая о многомъ, что тамъ имѣется. Двѣ книги объединяетъ только одинаковое пониманіе русскаго историческаго процесса.

Sceaux.
Мартъ, 1914.

М. Покровскій.

Предварительныя замѣчанія.

Латинское слово „культура“ въ буквальномъ смыслѣ значитъ „обработка“. Во французскомъ и англійскомъ языкахъ это значеніе и до сихъ поръ остается господствующимъ. И у насъ говорятъ о „физической культурѣ“ или о „культурѣ хлѣбныхъ растеній“, въ смыслѣ ухода за человѣческимъ тѣломъ, такъ сказать „обработки“ его, или въ смыслѣ обработки земли для посѣва на ней хлѣба. Все, что является результатомъ человѣческой работы, въ широкомъ смыслѣ, можетъ быть причислено къ культурѣ: эту послѣднюю можно, стало быть, опредѣлить, какъ совокупность всего, созданнаго усиліями человѣка, въ противоположность тому, что даромъ, безъ усилій съ нашей стороны, даетъ намъ природа. И въ исторіи культуры приходится говорить о „явленіяхъ природы“,—такихъ, какъ климатъ, почва, устройство поверхности и т. д.,—но не какъ о фактахъ культуры, а какъ о ея необходимыхъ условіяхъ. Потребность въ пищѣ или половой инстинктъ, какъ явленія природы, къ исторіи культуры не относятся: но тѣ способы, какими люди стремятся удовлетворить эту потребность и урегулировать этотъ инстинктъ, исторія хозяйства, исторія семьи и связанной съ семьею половой нравственности, могутъ быть предметомъ культурной исторіи; при чемъ наличность самой потребности историкомъ будетъ приниматься, какъ данное, на такихъ же точно основаніяхъ, какъ такими данными являются опредѣленный климатъ, извѣстное отношеніе воды и суши и т. под.

Собираніе фактическаго матеріала для культурной исторіи началось чрезвычайно давно: собственно, уже „отецъ исто-

ріи", Геродотъ, поскольку онъ въ своихъ „Музахъ" описывалъ нравы, обычаи, учрежденія различныхъ народовъ, стоялъ на культурно-исторической точкѣ зрѣнія. Но какъ „Музамъ" Геродота задолго предшествовали, въ качествѣ образчика исторіи, надписи египетскихъ фараоновъ и вавилонскихъ царей, восхвалявшія ихъ подвиги, такъ и до сего дня многимъ кажется, что именно описаніе подвиговъ всякаго рода и должно составлять настоящій предметъ исторіи. Подъ „исторіей" многіе и до сихъ поръ понимаютъ „политическую" или „прагматическую" исторію—какъ еще ее иначе называютъ, „исторію событій" (названіе совершенно неправильное, ибо изобрѣтеніе паровой машины, напримѣръ, или открытіе бактерій, или появленіе „Фауста" суть событія не хуже всякихъ другихъ—но въ „прагматической" исторіи о нихъ не говорится). Исторію же „быта" (названіе опять совершенно неправильное, ибо подъ „бытомъ" въ обыкновенномъ словоупотребленіи мы понимаемъ нѣчто постоянное, неподвижное, предметомъ же исторіи является именно движеніе, развитіе) многіе склонны отодвигать на второй планъ и разсматривать ее какъ какой-то придатокъ къ „настоящей" исторіи. Въ плохихъ учебникахъ вы и до сихъ поръ найдете главы, посвященныя этому „быту", сзади главъ, посвященныхъ изложенію „событій"—при чемъ дорожащій временемъ преподаватель безъ сожалѣнія вычеркиваетъ „бытовыя" главы, ибо казенныя программы на нихъ не настаиваютъ: лишь бы знали ученики всѣ имена да всю хронологію. Не приходится скрывать, что къ точкѣ зрѣнія казенныхъ программъ весьма склонно присоединяться и „общество". Сплошь и рядомъ вы можете встрѣтить интеллигентнаго родителя, который жалуется, что его сына „плохо учатъ исторіи". „Почему же плохо?" „Да вотъ, онъ не знаетъ, въ какомъ году умерла Екатерина II"... Объяснять дѣло однимъ произволомъ начальства, стало-быть, нельзя: приходится припомнить одинъ изъ историческихъ законовъ, раньше всего подмѣченный историками, „законъ косности". Люди чрезвычайно упорно держатся разъ пробитой колеи и весьма неохотно покидаютъ ее для новыхъ путей.

Но собираніе культурно-историческаго матеріала, дѣло само по себѣ весьма простое, въ свою очередь, далеко опе-

редило обработку этого матеріала. Для того, чтобы написать исторію культуры, мало знать факты, — нужно еще знать зависимость фактовъ однихъ отъ другихъ, знать, какіе факты главные, какіе второстепенные. И вотъ, если въ дѣлѣ выбора фактовъ мы видѣли сейчасъ вліяніе исторической косности, въ образѣ начальства и „образованной публики“, то въ дѣлѣ толкованія фактовъ та же косность принимаетъ гораздо болѣе опасную форму, дѣйствуя въ образѣ самого историка. Не нужно представлять себѣ этого послѣдняго какимъ-то безплотнымъ существомъ, воодушевляемымъ нѣкіимъ отвлеченнымъ „научнымъ интересомъ“. Историкъ живой человѣкъ,—т. е. человѣкъ опредѣленной эпохи, опредѣленной страны, опредѣленнаго общественнаго класса: а прежде всего другого—опредѣленной профессіи. Профессіональныя, повседневныя занятія накладываютъ опредѣленный отпечатокъ на всю психику человѣка: всякому, конечно, приходилось подмѣчать, что у доктора, у военнаго, у купца, у учителя есть у каждаго своя особая складка, своя особая манера подходить къ фактамъ и объяснять ихъ. Историкъ, по своему личному положенію, человѣкъ умственнаго труда, интеллигентъ—это во-первыхъ; а затѣмъ, если переходить къ признакамъ болѣе частнымъ, онъ человѣкъ труда письменнаго, литераторъ. Что могло быть естественнѣе для него, какъ принять умственный трудъ за главное въ исторіи, а произведенія письменности, отъ стиховъ и романовъ до философскихъ трактатовъ и научныхъ изслѣдованій, за основные культурные факты? Совершенно естественно, что исторія литературы оказалась самымъ разработаннымъ отдѣломъ культурной исторіи. Въ литературѣ усмотрѣли ни болѣе, ни менѣе, какъ отраженіе самого „народнаго духа“, нимало не стѣсняясь тѣмъ обстоятельствомъ, что 90% народа не умѣли ни читать, ни писать, а 90% грамотныхъ читали не Пушкина или Бѣлинскаго, но „Аглицкаго милорда Георга“. Но этого мало: людьми умственнаго труда—и это тоже было довольно естественно—овладѣла та же гордыня, которая диктовала фараонамъ ихъ хвалебныя надписи. Имъ стало казаться, что это они дѣлаютъ исторію. Что она движется исключительно работой человѣческаго ума въ „высшихъ“—т. е. наиболѣе далекихъ отъ

житейской прозы—формахъ его дѣятельности. Что какой-нибудь поэтъ или философъ „дѣлаютъ эпоху въ исторіи". Словомъ, исторія культуры стала исторіей „просвѣщенія". При этомъ „просвѣтители" наивно не замѣчали, какъ много мѣста занимаютъ „низменные", матеріальные интересы даже въ ихъ собственной жизни,—какъ часто творчество поэта подстрекалось просто нуждой въ деньгахъ, а та или иная философская доктрина того или другого мыслителя объяснялась необходимостью добыть каѳедру или удержать за собой уже добытую [1]). Не говоря уже о томъ, что десятки милліоновъ трудового люда живутъ исключительно матеріальными интересами, имѣя для удовлетворенія своихъ „высшихъ" стремленій слишкомъ мало времени. Мы такъ срослись съ этою, „идеалистической", точкой зрѣнія, что намъ не безъ труда удается представить себѣ поэзію и философію какъ отдаленное отраженіе будничныхъ, матеріальныхъ интересовъ и столкновеній. И когда впервые было провозглашено ученіе „историческаго матеріализма" — „законъ косности" обрушился на него съ еще большею силой, чѣмъ на исторію культуры вообще. Кто началъ свою сознательную жизнь въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, можетъ, впрочемъ, легко представить себѣ все это по личнымъ воспоминаніямъ.

Теперь эта борьба отбушевала давно. Современнымъ противникамъ историческаго матеріализма приходится штурмовать прочно занятыя позиціи—и болѣе искренніе изъ нихъ не стѣсняются въ этомъ признаваться. „Одной изъ отличительныхъ чертъ историческаго самочувствія нашей эпохи является, безспорно, „экономизмъ",—пишетъ одинъ изъ такихъ противниковъ. „Безъ преувеличенія можно утверждать, что ни одна еще историческая эпоха не сознавала

---

[1]) Классическимъ образчикомъ является извѣстный германскій философъ Ибервегъ, исторія философіи котораго переведена и на русскій языкъ. По словамъ одного очень близкаго къ нему лица, „онъ былъ во всѣхъ направленіяхъ рѣшительнымъ атеистомъ и матеріалистомъ, хотя, какъ офиціальный профессоръ, онъ (преимущественно) считалъ своей задачей сообщать студентамъ только познанія въ исторіи философіи и ловкость въ логикѣ". Онъ не рѣшился открыто объявить себя „свободнымъ мыслителемъ" потому, что не считалъ себя „способнымъ къ другому призванію, кромѣ профессуры".

съ большей ясностью хозяйственной природы жизни и не склонна была въ большей степени ощущать міръ, какъ хозяйство... Экономическій матеріализмъ поэтому не можетъ быть просто отвергнутъ, онъ долженъ быть положительно превзойденъ, онъ не позволяетъ себя отбросить, но повелѣваетъ преодолѣть. Онъ запечатлѣнъ особой исторической подлинностью и искренностью. Число фактическихъ послѣдователей экономическаго матеріализма гораздо больше, чѣмъ открытыхъ и сознательныхъ его приверженцевъ...“ [1]). Кому приходилось слѣдить за спеціальной литературой, тотъ особенно оцѣнитъ мѣткость послѣдняго замѣчанія. Куда только ни забирается матеріалистическая ересь! Вы раскрываете книгу ученаго лингвиста, проф. Гирта, объ индо-германцахъ: филологи, казалось бы, такъ должны быть далеки отъ экономическаго объясненія исторіи. И вы читаете: „Развитіе человѣческаго общества въ первой линіи зависитъ отъ его хозяйственной формы. Настойчивыя изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ показали, что ея вліяніе отражается не только на плотности населенія какой-нибудь страны, но и на такихъ, казалось бы столь далеко отъ нея стоящихъ вещахъ, какъ искусство, религія, формы семьи“. Вы берете работу не менѣе компетентнаго въ своей области французскаго ученаго Дешелетта—автора лучшаго въ европейской литературѣ руководства по доисторической археологіи—и находите чисто матеріалистическое объясненіе происхожденія культа солнца у первобытныхъ европейцевъ: культъ солнца явился въ Европѣ, по мнѣнію Дешелетта, вмѣстѣ съ земледѣліемъ; перемѣна въ религіозномъ сознаніи точно соотвѣтствовала извѣстной перемѣнѣ въ хозяйствѣ. И Гиртъ и Дешелетъ, вѣроятно, очень удивились бы, если бы имъ сказали, что подобнаго рода утвержденіями они проповѣдуютъ историческій матеріализмъ. Большинству „безсознательныхъ“ историческихъ матеріалистовъ ихъ точка зрѣнія подсказана не какими-либо теоретическимм разсужденіями, а просто знаніемъ фактовъ и научной добросовѣстностью.

Ибо историческій матеріализмъ является не чѣмъ другимъ, какъ попыткой приложить обще-

---

[1]) *С. Булгаковъ.* „Философія хозяйства“ („Русская Мысль“, 1913, мартъ).

научные методы къ изученію историческихъ явленій. Всѣ науки начинали съ того, что для объясненія соотвѣтствующихъ явленій подставляли извѣстные психическіе факторы. Такъ, физики учили, что „природа не терпитъ пустоты“: природа рисовалась извѣстнымъ живымъ существомъ, съ тѣми или другими вкусами и привычками; физіологи объясняли явленія органической жизни особаго рода „жизненной силой“, и т. д. Мало-по-малу, по мѣрѣ созрѣванія науки, всѣ эти объясненія смѣнились механическимъ—признаніемъ того, что всѣ явленія природы связаны желѣзной цѣпью необходимости и ни отъ чьей сознательной воли не зависятъ. Объясненіе исторіи культурнаго развитія работой человѣческаго сознанія было послѣднимъ отзвукомъ старо-научной теоріи, послѣднимъ ея прибѣжищемъ: всюду необходимость—а вотъ въ исторіи-то свободная воля и даетъ себя чувствовать! Но уже восемнадцатый вѣкъ призналъ, что человѣкъ есть часть природы. Физіологія и психологія на каждомъ шагу насъ учатъ, что жизнь нашего организма и работа нашего сознанія подчинены такимъ же желѣзнымъ законамъ, какъ и вся природа. Откуда возьмется свобода въ исторіи, разъ въ человѣкѣ ея нѣтъ? А какъ скоро вы признаете, что человѣческія дѣйствія, всѣ тѣ культурные факты, которые являются результатомъ человѣческой работы, съ механической необходимостью вытекаютъ одни изъ другихъ, что человѣкъ со всѣми своими „идеями“ ничего въ процессѣ культурнаго развитія измѣнить не можетъ,—а можетъ повліять на этотъ процессъ, какъ и на всякій другой природный процессъ, лишь изучивъ его законы: какъ скоро вы это признаете, всякій смыслъ бороться противъ матеріалистическаго пониманія исторіи для васъ исчезнетъ. Не все ли равно, что отъ чего зависитъ, литература отъ хозяйства или хозяйство отъ литературы, разъ и литература и хозяйство не зависятъ отъ нашей воли, а развиваются по какимъ-то законамъ, столь же непреложнымъ, какъ законы, опредѣляющіе вращеніе земли вокругъ солнца? Новѣйшіе нѣмецкіе философы, Риккертъ и его школа, правильно поняли задачу, взявъ весь споръ историческаго идеализма съ историческимъ матеріализмомъ, какъ споръ свободной воли противъ необходимости: бѣда

для нихъ только въ томъ, что въ наукѣ споръ этотъ давно рѣшенъ. Свободная воля осталась только въ богословіи и тѣсно съ нимъ связанной метафизикѣ (не даромъ мѣтко прозванной въ средніе вѣка „служанкой богословія“). Но сослаться на богословіе передъ современной публикой значитъ погубить всякое къ себѣ довѣріе. Смутно чувствуя это, нѣкоторые изъ послѣдователей названной нами сейчасъ школы устраняютъ изъ объясненія и свободную волю, сводя все—къ случаю. Но свести всю исторію къ игрѣ случайностей значитъ попросту сказать: „я въ историческомъ процессѣ ничего не могу понять“.

Разъ ставъ на точку зрѣнія историческаго детерминизма [1]), можно спорить только объ одномъ: является ли экономическое объясненіе теоріи наилучшимъ съ научной точки зрѣнія, т. е. позволяющимъ съ наименьшими натяжками охватить наибольшее число явленій? Отвѣтъ на это могутъ дать, само собою разумѣется, только спеціальныя изслѣдованія. A priori, раньше всякаго изслѣдованія можно только догадываться, что такъ какъ человѣкъ, физіологически, подчиненъ тѣмъ же законамъ, какъ и всѣ органическія существа, стало-быть главной его потребностью является потребность питанія („все, что живетъ, питается, и все, что питается, живетъ“), а съ другой стороны, его сознательная жизнь предполагаетъ, какъ необходимое условіе, его жизнь органическую (организмъ умершій лишенъ

[1]) „Детерминизмомъ“ называется такое міросозерцаніе, которое всѣ явленія природы разсматриваетъ, какъ связанныя другъ съ другомъ и обусловливающія одно другое. Историческій детерминизмъ хорошо формулированъ уже однимъ изъ философовъ-матеріалистовъ XVIII вѣка, Гольбахомъ, въ его „Системѣ природы“. „Въ ужасныхъ потрясеніяхъ, которыя охватываютъ иногда политическія общества и нерѣдко причиняютъ ниспроверженіе государства, не существуетъ ни одного дѣйствія, ни одного слова, ни одной мысли, ни одного движенія воли, ни одной страсти въ дѣйствующихъ лицахъ, участвующихъ въ революціи какъ въ роли разрушителей, такъ и въ роли жертвы,—которыя не были бы необходимы, которыя не дѣйствовали бы, какъ они должны дѣйствовать, которыя не производили бы неминуемо слѣдствій, которыя они должны произвести согласно положенію, занимаемому дѣйствующими лицами въ этой нравственной бурѣ“, говоритъ Гольбахъ. „Это было бы ясно такому уму, который былъ бы въ состояніи оцѣнить каждое дѣйствіе и противодѣйствіе, происходящія въ духѣ и тѣлѣ участниковъ“. Цитируемъ по Ланге „Исторія матеріализма“, русск. перев. стр. 340—341 I тома.

сознанія): то потребность въ поддержаніи организма, потребность питанія, есть основная потребность человѣка, какъ и всякаго другого живого существа; только послѣ удовлетворенія этой потребности онъ можетъ думать о другихъ— и его дѣятельность, направленная къ удовлетворенію этой потребности, есть основная дѣятельность человѣка. Значитъ, „главными“ культурными фактами являются факты экономической культуры, исторія хозяйства—ибо основной задачей хозяйства является добываніе пищи. Повторяемъ, это апріорное положеніе можетъ стать научной истиной только послѣ провѣрки на цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ вопросовъ. До сихъ поръ такая провѣрка говорила въ пользу этого положенія: доказано, напримѣръ, что такой видный элементъ музыки, какъ ритмъ, зародился въ связи съ работой— имѣетъ, стало-быть, „экономическое“ происхожденіе; что формы семьи тѣсно связаны съ формами хозяйства—у охотниковъ своя семья, у скотоводовъ своя, а наиболѣе близкій и понятный намъ семейный строй связанъ съ земледѣліемъ новѣйшаго типа—пашней съ помощью рабочаго скота, вола или лошади. Наиболѣе ясна зависимость отъ хозяйственныхъ отношеній политической организаціи—каждому опредѣленному экономическому строю соотвѣтствуетъ опредѣленный политическій строй: доказательства этому читатели найдутъ на послѣдующихъ страницахъ настоящей книги. Все это дѣлаетъ историческій матеріализмъ наиболѣе надежной, наиболѣе плодотворной „рабочей гипотезой“, какую только когда-либо имѣла въ своемъ распоряженіи историческая наука: изъ всѣхъ возможныхъ объясненій той или другой исторической перемѣны ученый обязанъ испробовать, прежде всего, „экономическое“ объясненіе—и только, если оно откажетъ, онъ вправѣ будетъ перейти къ другимъ. До сихъ поръ случаевъ такого отказа, при добросовѣстномъ изслѣдованіи, не было: но общепринятымъ „экономизмъ“ сталъ такъ еще недавно, что достигнуть такой степени убѣдительности, какую пріобрѣлъ, напримѣръ, дарвинизмъ въ біологіи, матеріалистическому объясненію исторіи пока не удалось. Это не удивительно: лежащій въ основѣ дарвинизма „трансформизмъ“, ученіе объ измѣнчивости видовъ, уже отпраздновалъ столѣтній юбилей, а историческій ма-

теріализмъ завоевалъ себѣ довѣріе только на нашихъ глазахъ. Если прибавить къ этому, что дарвинизму приходилось бороться только съ предразсудками религіозными, не столь могущественными въ наши дни, а поперекъ дороги историческаго матеріализма стоятъ всѣ современные общественные предразсудки, гораздо болѣе прочные, то остается скорѣе удивляться быстротѣ, съ которою распространяется наше ученіе, нежели отчаиваться по поводу медленности его успѣховъ.

Что научное пониманіе исторіи есть ея матеріалистическое пониманіе, что историческій матеріализмъ и историческій детерминизмъ суть одно и то же, это—открыто или молчаливо—признается болѣе или менѣе всѣми [1]). Только въ Россіи и нѣкоторыхъ отсталыхъ странахъ—напр., въ Румыніи—можно еще встрѣтить людей, которые возможность исторіи, какъ науки, признаютъ, но считаютъ, въ то же время, своимъ долгомъ ратовать противъ историческаго матеріализма. Тамъ, гдѣ философская мысль всего острѣе, въ Германіи, давно поняли, что нужно или отказаться отъ исторической науки вообще, или примириться съ матеріалистическимъ ея пониманіемъ. А такъ какъ по цѣлому ряду причинъ, не имѣющихъ къ наукѣ никакого отношенія, примириться съ этимъ для господствующихъ общественныхъ круговъ очень трудно, то вполнѣ естественно, что въ Германіи возникло цѣлое, весьма вліятельное, философское теченіе, представители котораго взяли, что называется, быка за рога и заявили, что вообще исторія никогда наукой стать не можетъ. На эту тему писались толстыя книги—и развивалась эта тема съ огромной эрудиціей и не безъ большого литературнаго таланта. Но если освободить основную мысль сторонниковъ этого направленія отъ пышной философской терминологіи и свести ее къ наиболѣе простому и ясному выраженію, получится нѣчто чрезвычайно скудное и, съ позволенія сказать, дѣтски-наивное. Исторія никогда не можетъ стать наукой, гласитъ эта основная мысль, потому, что предметомъ науки могутъ быть только явленія повторяющіяся, въ

---

[1]) См., между прочимъ, цитированную статью г. Булгакова.

исторіи же мы имѣемъ дѣло съ фактами индивидуальными, которые одинъ разъ случились, и ни раньше, ни послѣ такихъ именно фактовъ не было. Только повторенія явленій даютъ намъ возможность установить ихъ законъ: для того, что не повторяется, никакого закона установить нельзя. Одинъ авторъ, признающій исторію наукой и отчаянно борющійся, въ то же время, съ ересью историческаго матеріализма, отвѣтилъ на это такъ убѣдительно, что историческому матеріализму нечего прибавить къ его доводамъ: до такой степени несостоятельность основной мысли германскихъ анти-матеріалистовъ ясна для самаго простого ума. Да въ какой же наукѣ нѣтъ индивидуальнаго? спрашиваетъ этотъ авторъ: развѣ въ математикѣ? Но уже въ астрономіи, напримѣръ, индивидуальнаго сколько угодно; у каждой планеты есть свои индивидуальные признаки: такихъ колецъ, какъ у Сатурна, нѣтъ ни у одной другой планеты; у Юпитера 5 спутниковъ, а у земли одинъ; земля обращается вокругъ солнца въ 365 дней, а Марсъ въ 687, и т. д. и т. д. Значитъ, астрономія не можетъ быть наукой? Геологія, біологія точно такъ же имѣютъ дѣло съ явленіями, въ сущности, однократными—та или иная геологическая формація, тотъ или иной видъ растеній или животныхъ существуютъ только однажды. Стремясь оградить публику отъ „вреднаго“ историческаго матеріализма, германскіе анти-матеріалисты, не замѣчая этого, упразднили всѣ науки, кромѣ математики. Съ другой стороны, безусловная индивидуальность историческихъ явленій только кажущаяся—и объясняется этотъ историческій миражъ, главнымъ образомъ, нашимъ фактическимъ невѣжествомъ. Европейскіе „средніе вѣка“, средневѣковая культура, сложившаяся на развалинахъ античной цивилизаціи, еще недавно казалось чѣмъ-то „совершенно индивидуальнымъ“. Потомъ замѣтили черты сходства съ ней въ гомеровской Греціи,—а съ открытіемъ такъ называемой эгейской культуры стало ясно, что античная Греція начала съ самаго форменнаго „средневѣковья“: культура гомеровской Греціи возникла на развалинахъ другой, гораздо болѣе высокаго порядка, существовавшей на островахъ Эгейскаго моря за 3000—2000 лѣтъ до Р. Х. Греки начали, подобно герман-

цамъ, съ разгрома старыхъ цивилизованныхъ государствъ, а потомъ устроились на ихъ обломкахъ. Значитъ, по крайней мѣрѣ южная Европа имѣла два средневѣковья, а не одно: два періода подъема, два слѣдовавшихъ за ними вторженія варваровъ и два вызванныхъ этими вторженіями періода упадка. Когда будутъ расшифрованы памятники эгейской письменности, весьма легко можетъ оказаться, что многое, поражавшее насъ своею оригинальностью и свѣжестью въ греческой литературѣ, на самомъ дѣлѣ результатъ такого же „возрожденія", какое пережила Европа въ XIV—XV вѣкахъ послѣ Р. Х. Когда будутъ вовлечены въ научный оборотъ исторіи Китая, Японіи, Индо-Китая и т. д., нынѣ извѣстныя лишь очень поверхностно, число такихъ историческихъ повтореній увеличится во много разъ: о „японскомъ феодализмѣ", напримѣръ, уже теперь можно говорить. На долю „индивидуальнаго" останутся тогда только индивидуальности въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова—личности отдѣльныхъ „героевъ" съ ихъ подвигами. Другими словами, „исторія фараоновъ" никогда не станетъ наукой: историкъ-матеріалистъ констатируетъ это съ особеннымъ удовольствіемъ. Значитъ, исторія культурныхъ фактовъ не только по содержанію важнѣе исторіи „подвиговъ", но и методологически она выше ея, ближе къ типу настоящей науки. И установлено это превосходство культурной исторіи ея врагами: стало-быть, сомнѣваться въ этомъ никакъ ужъ не приходится. Германскіе анти-матеріалисты убрали съ нашей дороги много лишнихъ бревенъ.

Есть, говорятъ, однако, у исторіи особенность, которая сулитъ ей непріятную, для науки, перспективу: остаться вѣчно юной. Два главные способа научнаго познанія: непосредственное наблюденіе и опытъ навсегда будто бы останутся для нея закрытыми. Исторія можетъ знакомиться со своимъ объектомъ только косвенно—она не можетъ наблюдать прошлое такъ именно, какъ оно происходило, во всей его полнотѣ; въ то же время историкъ всегда будетъ рабомъ своего матеріала—онъ не сможетъ никогда переставить съ мѣста на мѣсто ни одной самомалѣйшей детали, чтобы провѣрить тотъ или другой свой выводъ. Замѣчаніе это, конечно, гораздо болѣе серьезное и

дѣловое, чѣмъ разговоры о „неповторяемости“ историческихъ явленій. Нѣтъ спора—наблюдать живьемъ и воочію древне-египетскую культуру мы не можемъ; не можемъ мы произвести, ради опыта, хотя бы маленькаго крестоваго похода. Но все же возраженіе не такъ убійственно, какъ кажется на первый взглядъ. Во-первыхъ, опять-таки подавляющее большинство наукъ сплошь и рядомъ довольствуется наблюденіемъ косвеннымъ. Въ зоологіи признаки родовъ и видовъ часто устанавливаются по скелету, т.-е. на основаніи такой вещи, которой у живого экземпляра не увидишь: но матеріальные обломки погибшей цивилизаціи такой же скелетъ; для вымершихъ видовъ, кромѣ костей, по большей части и нѣтъ ничего—да не всегда есть и цѣлые костяки: въ палеонтологіи сходство съ археологіей почти полное. То же самое въ геологіи—никто никогда не изслѣдовалъ „непосредственно“ всей земной коры: молчаливо предполагаютъ, что изученные нами образчики могутъ служить для сужденія обо всемъ остальномъ, хотя извѣстное относится къ неизвѣстному, какъ единица къ милліону. Въ астрономіи совершенно невозможенъ опытъ, а въ психологіи приложеніе его очень ограничено. А затѣмъ, исторія въ обоихъ этихъ отношеніяхъ вовсе не такъ обездолена, какъ кажется съ перваго взгляда. Совершенно ошибочно, будто непосредственное наблюденіе культурно-историческихъ фактовъ дѣло абсолютно невозможное: на земномъ шарѣ есть цѣлый рядъ народовъ, еще теперь стоящихъ на тѣхъ ступеняхъ развитія, которыя для европейцевъ представляются болѣе или менѣе отдаленнымъ прошлымъ. За примѣрами ходить недалеко—въ половинѣ прошлаго XIX вѣка сельская поземельная община въ Западной Европѣ существовала только въ видѣ ничтожныхъ остатковъ, тогда какъ въ Россіи или въ Индіи ее можно было наблюдать въ полномъ цвѣту. Въ негритянскихъ государствахъ Судана передъ нами—живьемъ Европа поздняго средневѣковья, съ сильнымъ развитіемъ ремесла, цехами, первобытной бюрократіей и примитивнымъ денежнымъ хозяйствомъ; а Полинезія даетъ намъ столь же яркую картину непосредственно предшествующей ступени культурнаго развитія—т. наз. „помѣстнаго хозяйства“ [1]). Весь этотъ бо-

[1]) Термины будутъ объяснены въ дальнѣйшемъ.

гатѣйшій родникъ культурнаго матеріала сталъ разрабатываться не больше одного поколѣнія назадъ, и уже теперь для такихъ капитальныхъ вопросовъ, какъ исторія земледѣлія, ремесла или денегъ, какъ исторія религіозныхъ вѣрованій или семейной организаціи, мы имѣемъ матеріалъ, несравнимый, по своей полнотѣ, съ тѣмъ, что знали ученые 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Трудно представить себѣ, что дастъ тутъ „непосредственное наблюденіе" къ концу XX вѣка. Не такъ наглухо замкнута исторія и для опыта, какъ можетъ показаться. Во-первыхъ, непрерывнымъ опытомъ является исторія текущаго момента. Историкъ, не чуждый интереса къ окружающему, на каждомъ шагу долженъ прибѣгать къ „прогнозу", дѣлать предсказанія, которыя сейчасъ же подтверждаются или опровергаются фактами: чѣмъ это не опытъ, хотя бы и въ самой грубой его формѣ? Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло съ явленіями, поддающимися количественному анализу, доступными статистической обработкѣ, въ этомъ „опытѣ" возможна довольно большая степень точности: всѣмъ извѣстно, напримѣръ, что промышленные кризисы предсказываются, съ рискомъ ошибки, пожалуй, меньшимъ, чѣмъ какой существуетъ въ такихъ неоспоримо „естественныхъ" наукахъ, какъ метеорологія. Но это, вѣдь, не прошлое, а настоящее: это не исторія, а соціологія, возразитъ намъ читатель. Мы не видимъ никакой разницы между культурной исторіей и соціологіей: и та и другая отыскиваютъ законы развитія человѣчества, какъ создателя культуры (можно, вѣдь, изучать развитіе вида homo sapiens и съ чисто зоологической точки зрѣнія,—но это не будетъ ни соціологія, ни исторія культуры). Соціологія была бы отлична отъ исторіи культуры для того ученаго, который видѣлъ бы въ „обществѣ" особаго рода организмъ (школа Спенсера): но эта точка зрѣнія имѣетъ нынѣ такъ мало сторонниковъ, что едва ли стоитъ ее опровергать. Какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, культурный прогрессъ возможенъ только въ обществѣ: изолированный индивидуумъ (Робинзонъ на своемъ островѣ, напримѣръ) навѣки застрялъ бы на первыхъ ступеняхъ культурнаго развитія. Отсюда, исторія общества—наука объ обществѣ, и исторія культуры суть одно и то же. А по поводу есте-

ственно-научныхъ методовъ въ этой наукѣ прибавимъ только одно: „опыты“ возможны не только для настоящаго, но и для далекаго прошлаго, какъ это ни странно звучитъ. Очень часто, по недостатку матеріала, историку приходится пополнять пробѣлы при помощи предположеній и догадокъ, на основаніи аналогіи съ другими случаями подобнаго рода. И, сплошь и рядомъ, послѣдующія открытія вполнѣ подтверждали такія догадки. Въ древнемъ Египтѣ, напримѣръ, долгое время отрицали наличность самой ранней культуры, такъ называемой „древне-каменной“, палеолитической: египетская культура, такимъ образомъ, казалась явившейся сразу въ законченномъ видѣ, безъ прошлаго, безъ предварительной долгой подготовки; это давало поводъ ко всевозможнымъ фантастическимъ предположеніямъ о происхожденіи древне-египетской цивилизаціи. Но сторонники однообразнаго всюду развитія культуры не сдавались, утверждали, что и у Египта должна была быть своя древнѣйшая стадія—и раскопки постепенно дали имъ полное оправданіе: въ Египтѣ найдены были памятники древне-каменнаго вѣка. „Опытъ“ подтвердилъ гипотезу.

Итакъ, въ исторіи культуры примѣнимы и непосредственное наблюденіе, въ размѣрахъ ничуть не меньшихъ, чѣмъ въ другихъ естественныхъ наукахъ, и даже опытъ—послѣдній, правда, въ размѣрахъ несравненно болѣе скромныхъ пока, нежели въ настоящихъ „опытныхъ“ наукахъ: но давно ли опытъ завоевалъ себѣ право гражданства въ біологіи, напримѣръ? Что окажется возможно черезъ пятьдесятъ лѣтъ, мы и тутъ представить себѣ не можемъ. Словомъ, нѣтъ никакого разумнаго основанія отрицать, что исторія культуры есть одна изъ естественныхъ наукъ, притомъ вовсе не столь отсталая, какъ иногда думаютъ. По мѣрѣ того, какъ матеріалистическое пониманіе исторіи дѣлаетъ все большія и большія завоеванія въ кругу спеціалистовъ, наша наука все больше и больше догоняетъ свою ближайшую сосѣдку и предшественницу—біологію. И жгучій въ дни нашей юности вопросъ—существуютъ ли „законы исторіи?“—понемногу сходитъ со сцены: лучшее доказательство зрѣлости науки. Ибо ни для физика, ни для химика, ни для біолога такого вопроса, по отношенію къ интересую-

щимъ ихъ явленіямъ, не существуетъ: они ищутъ эти законы и открываютъ ихъ, а не спорятъ между собою, есть ли что искать. Исторія культуры идетъ тѣмъ же путемъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о планѣ и задачахъ настоящаго „Очерка". Читатель уже знаетъ, что авторъ его стоитъ на матеріалистической точкѣ зрѣнія—развитіе русскаго народнаго хозяйства естественно должно поэтому составить первую и основную часть „Очерка". Къ сожалѣнію, никому въ этомъ случаѣ не приходится строить на болѣе зыбкомъ фундаментѣ, чѣмъ русскому историку. Въ то время, какъ съ исторіей права и учрежденій Россіи мы знакомы весьма недурно—насколько, конечно, право и учрежденія можно понять, не зная исторіи хозяйства,—въ то время, какъ исторія русской литературы, а въ послѣднее время даже исторія русскаго искусства даютъ все болѣе и болѣе возможности для широкихъ культурныхъ обобщеній, исторіи русскаго народнаго хозяйства просто еще нѣтъ—она не написана. То-есть, есть довольно много книжекъ подъ соотвѣтствующими заглавіями: но горе тому, кто вообразилъ бы, что вопросы, поставленные авторами въ заголовкахъ этихъ книжекъ, дѣйствительно въ нихъ разрѣшены. Для очень важныхъ эпохъ — какъ, напримѣръ, XVIII вѣка—даже факты плохо извѣстны. Вотъ почему автору „Очерка", къ большому его огорченію, придется быть въ этомъ основномъ отдѣлѣ болѣе „субъективнымъ", чѣмъ онъ самъ желалъ бы, и отвести фактическимъ иллюстраціямъ въ этой области нѣсколько больше мѣста, чѣмъ требовала бы архитектура книги: нигдѣ, какъ здѣсь, не приходится менѣе предполагать знаній у читателя, даже сравнительно подготовленнаго, прошедшаго курсъ средней школы, напримѣръ.

Экономическое развитіе, тѣ или другія смѣняющія въ исторіи другъ друга системы производства, даютъ основаніе для тѣхъ или другихъ общественныхъ группировокъ: другими словами, исторія хозяйства неразрывно связана съ исторіей общества, исторіей возникновенія и развитія общественныхъ классовъ. Соціальные результаты той или иной организаціи производ-

ства удобнѣе всего разсматривать въ тѣсной связи съ этой организаціей: исторія общественныхъ классовъ войдетъ, поэтому, въ тотъ же первый отдѣлъ „Очерка“. Но командующіе въ народномъ хозяйствѣ общественные элементы никогда не довольствуются своимъ фактическимъ преобладаніемъ; они стремятся закрѣпить его навсегда путемъ юридическихъ нормъ, путемъ обычаевъ, права и государственныхъ учрежденій. Право и учрежденія образуютъ какъ бы твердую оболочку надъ жидкимъ, текучимъ процессомъ хозяйственнаго развитія. Время отъ времени хозяйству становится тѣсно въ этой оболочкѣ; она трескается и спадаетъ—обыкновенно къ тому моменту, когда подъ ней успѣла уже образоваться достаточно прочная „молодая кожица“. Въ то время, какъ соціальныя отношенія, являющіяся прямымъ воплощеніемъ отношеній производства, разсматривать отдѣльно отъ послѣднихъ въ общемъ обзорѣ невозможно, твердую оболочку экономическаго процесса, право и учрежденія можно изолировать и изучать отдѣльно: обзоръ развитія права и учрежденій составитъ самостоятельный второй отдѣлъ „Очерка“.

Но и формальнаго права бываетъ, обыкновенно, недостаточно командующимъ классамъ для обезпеченія ихъ преобладанія. Право, въ концѣ концовъ, всегда опирается на матеріальную силу: но ни одинъ режимъ въ мірѣ не устоялъ бы сколько-нибудь продолжительное время, если бы ему на каждомъ шагу приходилось обращаться къ матеріальной силѣ. Эта печальная необходимость достается только на долю режимовъ открыто реакціонныхъ, стоящихъ въ явномъ противорѣчіи съ потребностями хозяйственнаго развитія. Въ большинствѣ случаевъ бываетъ не такъ: въ большинствѣ случаевъ стараются выработать въ подвластныхъ „охоту къ повиновенію“, командующіе классы стараются добиться своего „добромъ, а не жесточью“. При этомъ воспитаніи подвластныхъ „въ духѣ кротости и смиренія“ главную роль играетъ религія,—необходимое дополненіе права и государственной организаціи. По своему происхожденію религіозныя эмоціи не связаны ни съ хозяйствомъ, ни съ правомъ: въ основѣ религіи лежитъ фактъ, почти столь же физіологическій, какъ потребность питанія—страхъ смерти.

Это чувство историку культуры приходится принять, какъ данное, и въ этомъ, широчайшемъ, смыслѣ религія, конечно, есть „частное дѣло каждаго“; ей мѣсто не въ исторіи культуры, а въ психологіи. Но на практикѣ такой изолированной религіи, религіи Робинзона на его островѣ, мы нигдѣ не встрѣчаемъ, на практикѣ мы всегда имѣемъ религію „обобществленную“, обросшую прочными общественными учрежденіями—неизбѣжными признаками всякой исторической религіи является культъ и церковь. Если право вынуждаетъ повиновеніе себѣ страхомъ матеріальныхъ каръ, религіозныя учрежденія добиваются той же цѣли страхомъ каръ „нездѣшняго міра“, тѣмъ болѣе страшныхъ, чѣмъ онѣ таинственнѣе и непонятнѣе. Лежащій въ основѣ религіи мистическій страхъ культивируется здѣсь съ общественными цѣлями—религіозная организація является особой системой господства, дополняющей свѣтскую систему господства—государство. Оттого въ древнѣйшемъ государствѣ право и религія тѣсно переплетены другъ съ другомъ, и правовыя предписанія часто являются прямо въ видѣ заповѣдей свыше. Но, въ то же время, повторяемъ, по своему происхожденію религіозная организація представляетъ собою нѣчто самостоятельное: при чемъ, разъ переплетясь съ политикой, религія можетъ быть использована и противъ даннаго государственнаго строя — въ угоду строю будущему. Религія можетъ быть, при случаѣ, и революціоннымъ факторомъ. Эта относительная самостоятельность религіи и заставляетъ выдѣлить ее въ особую, и очень важную, главу исторіи культуры: обзоръ религіознаго развитія русскаго народа составитъ, поэтому, самостоятельный, третій отдѣлъ „Очерка“.

Хозяйство, право и религія на раннихъ ступеняхъ развитія исчерпываютъ собою все содержаніе культуры—въ исторіи первобытной культуры, поэтому, ни о чемъ болѣе говорить и не пришлось бы. „Очеркъ“ ставитъ себѣ задачей довести обзоръ культурнаго развитія Россіи до нашихъ дней—ему придется, поэтому, коснуться періодовъ, болѣе сложныхъ въ культурномъ отношеніи. По мѣрѣ развитія сознательности, у людей является стремленіе осмыслить и понять существующее, при чемъ эта работа осмысленія

существующаго, начавъ съ природы, распространяется и на общественныя явленія. Командующіе классы хотятъ не просто господствовать помощію страха человѣческаго и страха Божія,—они хотятъ доказать себѣ и другимъ, что такъ и должно быть, что ихъ господство разумно и необходимо. Классы, борющіеся за господство съ тѣми, что въ данную минуту стоятъ у власти, также стремятся разумно оправдать свои требованія. Каждый классъ вырабатываетъ свою идеологію: у экономическаго процесса, рядомъ съ твердой оболочкой права, и туманной, мистической оболочкой религіи, появляется третья, идейная оболочка. Путемъ воспитанія, въ школѣ, мы чаще всего усваиваемъ именно эту послѣднюю, подъ видомъ знакомства съ подлинной дѣйствительностью, которую изъ подъ идеологической оболочки часто трудно и разглядѣть. Анализъ различныхъ идеологій составляетъ, поэтому, даже практически, чрезвычайно важный отдѣлъ культурной исторіи—особенно, если принять во вниманіе, что и различныя книги по исторіи культуры написаны подъ тѣми или иными идеологическими вліяніями. Этому анализу, въ рамкахъ русской культуры, будетъ посвященъ четвертый отдѣлъ „Очерка“.

И, наконецъ, очеркъ исторіи русской культуры не можетъ обойтись безъ тѣхъ отдѣловъ, съ которыхъ исторія культуры, какъ наука, начала—безъ исторіи литературы и искусства. И то и другое такъ же стары, какъ сама культура—и хозяйство, и право, и религія имѣютъ свое эстетическое отраженіе на самыхъ раннихъ ступеняхъ культурнаго развитія. Уже въ концѣ палеолитическаго періода европейской культуры, въ такъ называемую „мадленскую“ эпоху, мы имѣемъ искусство, очень высоко стоящее въ техническомъ отношеніи и, несомнѣнно, тѣсно связанное съ первобытной религіей: а памятникамъ „мадленской“ культуры, по опредѣленіямъ разныхъ археологовъ, отъ десяти до тридцати тысячъ лѣтъ! Камни молчатъ, а то бы мы, безъ сомнѣнія, знали и мадленскую поэзію, которая, вѣроятно, оказалась бы не ниже поэзіи современныхъ „дикихъ“ и „полу-дикихъ“ народовъ, давшей столько мотивовъ поэзіи цивилизованныхъ европейцевъ. Для историка-матеріалиста важна, конечно, прежде всего общественная сторона

поэзіи и искусства—отраженіе въ нихъ тѣхъ или другихъ общественныхъ отношеній: этому и будетъ, главнымъ образомъ, посвященъ пятый отдѣлъ нашего „Очерка“, при чемъ, въ виду богатства фактическаго матеріала и сравнительно очень широкой его извѣстности, здѣсь характеръ общаго обзора, намѣчающаго лишь основныя линіи процесса, его главныя тенденціи, и не претендующаго сообщить какія-либо новыя фактическія свѣдѣнія, будетъ по необходимости выступать наиболѣе отчетливо.

Для каждой ступени культурнаго развитія хозяйство, право, религія, литература и искусство являются, какъ одно цѣлое—характерныя черты данной культурной фазы выступаютъ всюду. Является вопросъ: почему мы находимъ нужнымъ разрѣзать культурно-историческій процессъ на пять вертикальныхъ полосъ, а не разсматривать его въ порядкѣ горизонтальныхъ напластованій, фазу за фазой? Матеріальная основа культуры, въ послѣднемъ случаѣ, была бы вѣдь яснѣе? Совершенно вѣрно: но зато, во-первыхъ, читателю пришлось бы, не одинъ разъ, отъ искусства переходить къ хозяйству, которое на протяженіи районовъ правоваго, религіознаго, идеологическаго и т. д. давно успѣло уйти изъ круга его вниманія. А затѣмъ, не нужно забывать, что прошлое для насъ важно, главнымъ образомъ, для пониманія настоящаго: при „фазеологическомъ“ методѣ и раздѣленіи книги на нѣсколько выпусковъ читатель на долгое время вынужденъ былъ бы довольствоваться знакомствомъ съ фазами болѣе или менѣе отдаленными и потому менѣе для него важными. При „вертикальномъ“ же дѣленіи читатель получаетъ цѣльные обзоры наиболѣе важныхъ отдѣловъ—съ матеріалистической точки зрѣнія наиболѣе важныхъ—сразу: онъ видитъ, какъ современное хозяйство Россіи развилось изъ его зачатковъ, и вниманіе его не дробится между различными сторонами культурнаго процесса. Соображенія, которыя, повидимому, заставили отступить отъ своего принципа и самого творца „фазеологіи“, Мюллера—Ліера [1]), остановившагося, въ концѣ-концовъ, тоже на вертикальномъ дѣленіи. Представить же читателю „планъ“ культурнаго развитія

---

[1]) См. Muller-Lyer, Die Phasen der Kultur, München 1908.

удобнѣе всего въ концѣ книги, въ видѣ сжатаго повторительнаго обзора, или, еще нагляднѣе, въ видѣ таблицы.

Въ заключеніе нѣсколько словъ въ отвѣтъ на послѣдній вопросъ, который, навѣрное, уже давно задаетъ себѣ читатель: что разумѣетъ авторъ подъ русской культурой? Думаемъ, что едва ли найдутся люди, которые предъявили бы къ исторіи русской культуры требованіе, внушенное видомъ учебниковъ русской политической исторіи: говорить о культурѣ всѣхъ народовъ, входящихъ въ составъ „россійской державы". Слишкомъ уже очевидно, что поляки, финляндцы, армяне, грузины, даже татары и туркестанскіе сарты имѣли ту или другую культуру задолго до соприкосновенія съ русскими, и выработали ее безо всякаго вліянія со стороны этихъ послѣднихъ. Но зато найдется, можетъ быть, не мало читателей, которые не прочь были бы опредѣлять „русскую" культуру по географическому признаку и видѣть въ нашемъ „Очеркѣ" обзоръ культурнаго процесса, какъ проходилъ онъ на „классической территоріи русской исторіи"—между четырьмя морями, Балтійскимъ, Бѣлымъ, Каспійскимъ и Чернымъ, къ востоку отъ Нѣмана и Днѣстра, къ западу отъ Волги, Камы и Уральскихъ горъ. Намъ пришлось бы начать со слѣдовъ „ледниковаго человѣка" на этой „классической территоріи" и переходить отъ кіевской стоянки охотниковъ на мамонта къ таинственнымъ создателямъ „трипольской" культуры, а отъ нихъ—къ скиѳамъ, сарматамъ и т. д. Мы должны отказать въ этомъ удовольствіи и себѣ и имъ. Единственнымъ научно-цѣннымъ принципомъ при выдѣленіи изъ общекультурной массы отдѣльныхъ группъ и районовъ культурнаго развитія является принципъ лингвистическій: культуру опредѣляетъ языкъ, главнѣйшее и необходимѣйшее орудіе культурной передачи,—орудіе, безъ котораго культура просто немыслима. Русская культура тамъ, гдѣ говорятъ по-русски,—говорятъ не въ канцеляріяхъ и участкахъ, разумѣется, а у себя дома, въ народной массѣ. На какомъ языкѣ говорили „трипольцы", мы не знаемъ, а о скиѳахъ знаемъ доподлинно, что они, по языку, принадлежали къ иранской группѣ—значитъ, никакого отношенія къ русской культурѣ не имѣютъ. Но такъ какъ зачатки русской культуры отно-

сятся еще къ „пра-славянской“ эпохѣ, когда еще нарѣчія восточныхъ славянъ не успѣли сформироваться, то объ этой „пра-славянской“ культурѣ придется сказать нѣсколько словъ тамъ, гдѣ необходимо будетъ выяснить происхожденіе тѣхъ или другихъ культурныхъ пріобрѣтеній, съ которыми русскій народъ пришелъ въ историческую жизнь.

Библіографія.

Классическимъ изложеніемъ взглядовъ „историческаго матеріализма“ въ русской литературѣ является до сихъ поръ книга Н. Бельтова. „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“ (4-е изданіе, Спб. 1906), къ сожалѣнію, сильно загроможденная совершенно устарѣвшею полемикою съ народниками 90-хъ гг.—Михайловскимъ, В. В. и другими. Устарѣла эта полемика не потому, чтобы народники оказались правы,—а потому, что опровергать „субъективно-соціологическій“ методъ Михайловскаго въ наши дни значитъ ломиться въ открытую дверь: а этому мало плодотворному занятію посвящено $^2/_3$ книги Бельтова. Въ очень элементарной формѣ и съ другихъ точекъ зрѣнія пытался изложить теорію историческаго матеріализма пишущій эти строки (М. Покровскій, „Экономическій матеріализмъ“, М. 1906): тѣ, кому настоящее введеніе покажется слишкомъ сжатымъ, могутъ найти кое-какія дополненія въ этой брошюрѣ. Неутомимымъ противникомъ „экономическаго объясненія исторіи“ въ русской литературѣ является проф. Карѣевъ, выпустившій свои статьи на эту тему отдѣльнымъ томомъ (Н. Карѣевъ „Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ“—новѣйшее изданіе въ изд. „Прометей“, подъ заглавіемъ „Критика эк. м-ма“). Болѣе глубокая „анти-историческая“ точка зрѣнія блестяще представлена Г. Риккертомъ, двѣ главныя работы котораго („Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft“—„Наука о культурѣ и наука о природѣ“, 2-е изд. Tübingen 1910 г. и „Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung“—„Границы естественно-научнаго образованія понятій“, Tübingen 1902) переведены на русскій языкъ. Какъ легко „привести къ нелѣпости“ риккертовскую точку зрѣнія, лишь только изъ заоблачныхъ высей метафизики мы спустимся въ область реальныхъ историческихъ фактовъ, показываетъ небольшая брошюра извѣстнаго историка древняго міра, Эд. Мейера („Zur Theorie und Methodik der Geschichte“, 1902—перепечатано въ его „Kleine Schriften“ 1910, есть русск. переводъ). Ратуя противъ историческаго детерминизма, Мейеръ, въ концѣ концовъ, вынужденъ прибѣгнуть, какъ къ главному принципу объясненія, къ абсолютной случайности: современная Германія обязана своимъ возникновеніемъ „могучей индивидуальности“ Бисмарка,—а Бисмаркъ появился на исторической сценѣ совершенно случайно, благодаря тому, что заболѣлъ одинъ изъ членовъ „соединеннаго ландтага“ 1847 г., и Бисмаркъ занялъ его мѣсто! Къ счастію, въ своихъ спеціальныхъ работахъ Эд. Мейеръ забываетъ о своей

диковинной теоріи и говоритъ, напр., о возможности въ исторіи опыта и тому под. дѣйствительно научныхъ пріемовъ. Очень удачныя возраженія защитникамъ безусловной „индивидуальности“ историческихъ фактовъ можно найти въ брошюрѣ румынскаго профессора Ксенополя (A. D Xénopol, „L'Histoire est-elle une science?“), что не мѣшаетъ самому Ксенополю держаться теорій, совершенно допотопныхъ: въ его большой книгѣ („La Théorie de l'histoire“, Paris 1908) можно найти и „народный духъ“, и представленіе о древнихъ грекахъ, какъ о людяхъ, занимавшихся исключительно „изящными искусствами“, и т. под. благоглупости, давно брошенныя даже гимназическими учебниками. Само собою разумѣется, что историческій матеріализмъ онъ оказывается не въ состояніи просто понять—и его „критика“ можетъ доставить любителю „непосредственнаго комизма“ истинное наслажденіе.

ОТДѢЛЪ I.

Экономическій строй.

1.

Первобытное хозяйство.

Въ недавнее еще, сравнительно, время запасъ фактовъ, извѣстныхъ историку хозяйства, былъ очень не великъ. Непосредственно знали хозяйство современныхъ европейскихъ народовъ. Имѣлись кое-какія отрывочныя свѣдѣнія объ экономическомъ строѣ народовъ прошлаго—и уже совсѣмъ неясныя извѣстія о способахъ, какими добываютъ себѣ пищу „дикари:“ а подъ „дикаремъ“ разумѣли всякаго человѣка, не вполнѣ одѣтаго и съ болѣе темнымъ, нежели у европейца, цвѣтомъ кожи. Собственно, объ этихъ „дикаряхъ“ можно было знать довольно много: путешественники уже XVIII вѣка собрали довольно обильный фактическій матеріалъ относительно полинезійцевъ, американскихъ краснокожихъ и т. д. Но наивное дѣленіе народовъ на „историческіе“ и „неисторическіе“—дѣленіе, еще не вовсе позабытое и теперь, нѣмецкой, напримѣръ, литературой—мѣшало оцѣнить этотъ матеріалъ, какъ слѣдуетъ. Стоитъ ли историку возиться съ тѣми, кто „не имѣетъ исторіи?“ Гораздо проще придумать схему историческаго развитія и всунуть въ надлежащія клѣтки этой таблицы тѣ факты, которые казались хорошо знакомыми. Ясно, что человѣкъ старается заработать себѣ на жизнь возможно легче—прокормиться съ наименьшей затратой труда. А какое занятіе легче и интереснѣе всего? Конечно, охота: для современнаго европейца, съ

ружьемъ и дрессированной собакой, это даже и не трудъ, а просто забава. Еще проще рыбная ловля: сиди себѣ съ удочкою на берегу. Есть ли народы, живущіе исключительно охотой? Говорятъ, есть такіе. Ну вотъ, это и есть древнѣйшая ступень экономической культуры: сначала люди были охотниками. Какое послѣ охоты самое легкое занятіе? Разумѣется, скотоводство: глядите, шести — семилѣтній мальчишка можетъ гусей пасти; одна дѣвушка можетъ ходить за нѣсколькими коровами. Правда, это скучнѣй охоты и требуетъ больше аккуратности и настойчивости: рано нужно вставать, стеречь скотъ и т. под. Поэтому, пока много было даровой дичины въ лѣсу, люди не интересовались разведеніемъ животныхъ. Но вотъ, дичь повывелась — пришлось, извѣдавъ на опытѣ разъ-другой голодовку, устраивать запасы живности: человѣкъ, вмѣсто того, чтобы убивать звѣрей въ лѣсу и тамъ бросать ихъ полусъѣденными, сталъ загонять ихъ къ себѣ домой и утилизировать всесторонне, ѣсть не только ихъ мясо, но и молоко, яйца, нашелъ примѣненіе для ихъ шерсти, кожи, рога, костей. Но для скотоводства нужно очень много земли: по мѣрѣ размноженія, скотоводамъ стало тѣсно — а въ тѣснотѣ опять и голодно. Пришлось перейти къ еще болѣе трудному способу добыванія пищи—къ земледѣлію: это уже третья стадія хозяйственнаго развитія. Но земледѣліе потребовало орудій, вся жизненная обстановка усложнилась — стали прочнѣе дома строить, потребовались плотничные инструменты: появились ремесла, начался новый, четвертый, періодъ—промышленный. Наконецъ, такъ какъ не всюду можно найти одно и то же, люди стали обмѣниваться между собою благами: наступилъ послѣдній періодъ, промышленно-торговый, въ которомъ и мы живемъ.

Въ дни нашей юности все это казалось намъ такъ „просто“ и „естественно“, что какія же могли быть возраженія? Нашлись ученые, которымъ смѣна этихъ пяти періодовъ— охотничьяго, скотоводческаго, земледѣльческаго, промышленнаго и торговаго—показалась ни болѣе, ни менѣе, какъ историческимъ закономъ, первымъ изъ законовъ, которые удалось открыть историкамъ. Одинъ французскій статистикъ, Левассеръ, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ о плотности

населенія въ различныхъ странахъ (едва ли нужно говорить, что по отношенію къ первымъ двумъ періодамъ данныя были довольно сомнительныя,—потому что какая же у охотниковъ и скотоводовъ статистика?) придалъ этому „закону“ почти что математическую форму. Такъ какъ движущимъ началомъ народнаго хозяйства, согласно нашему „закону“, является тѣснота, то, очевидно, переходъ отъ одного „періода“ къ другому долженъ вызываться уплотненіемъ населенія. Левассеръ высчиталъ, что у охотниковъ приходится отъ двухъ до трехъ человѣкъ на сто квадратныхъ километровъ, у скотоводовъ отъ одного до трехъ на одинъ квадр. километръ, у земледѣльцевъ не болѣе 40 на километръ, въ промышленномъ періодѣ — до 160, а въ послѣднемъ, промышленно-торговомъ, густотѣ населенія нѣтъ предѣла. Что уплотненіе населенія играетъ нѣкоторую роль въ экономическомъ развитіи, это несомнѣнный фактъ—съ образчиками этого факта мы встрѣтимся какъ разъ въ исторіи русскаго народнаго хозяйства. Но значеніе его было до чрезвычайности раздуто Левассеромъ и его последователями. Кто знаетъ, какъ стоитъ на западѣ вопросъ о ростѣ народонаселенія, какъ упорно борется западно-европейская буржуазія с попытками пролетаріата урегулировать рождаемость—перестать изображать изъ себя кроличій садокъ, доставляющій дешевыя рабочія руки предпринимателямъ,—тотъ сейчасъ же догадается, что соблазнило французскаго ученаго. Ростъ населенія у него является естественнымъ факторомъ, не зависящимъ отъ соціальныхъ условій: хочешь, не хочешь, — а размножайся! На этомъ стоитъ все экономическое развитіе: перестанешь размножаться—историческій процессъ остановится. Шутка сказать! Но цѣлый рядъ статистиковъ, французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ, менѣе увлекающихся, чѣмъ Левассеръ, доказали внѣ всякаго сомнѣнія, что размноженіе зависитъ именно отъ соціальныхъ условій. Во-первыхъ, какъ это ни странно можетъ показаться съ перваго взгляда, бѣдняки размножаются гораздо быстрѣе, чѣмъ богачи. Во всѣхъ крупныхъ европейскихъ центрахъ максимумъ рождаемости приходится на бѣдные, рабочіе кварталы, минимумъ—на буржуазные. Въ

Парижѣ, въ кварталахъ Пасси и Елисейскихъ полей, застроенныхъ роскошными особняками, число рожденій не превышаетъ 16—17 на тысячу: а въ кварталѣ Обсерваторіи, наполненномъ [1]) домами-казармами, съ массою мелкихъ квартиръ, рождается ежегодно 38—39 дѣтей на тысячу населенія. Въ Лондонѣ рабочіе кварталы даютъ 35 рожденій на тысячу, буржуазные—не болѣе 25. Въ Неаполѣ, въ аристократическомъ кварталѣ Санъ-Фердинандо средняя годовая рождаемость 24—27 на тысячу, а въ пролетарскомъ кварталѣ Санъ-Лоренцо 39—49. Затѣмъ, крестьяне размножаются гораздо медленнѣе, чѣмъ рабочіе. Во Франціи самый низкій процентъ рожденій (16—17 на тысячу) приходится на плодородные департаменты юга, гдѣ преобладаетъ зажиточное мелкое землевладѣніе; напротивъ, департаментъ Нижней Сены, съ большимъ процентомъ пролетаріата, даетъ и высокій процентъ рожденій: это тѣмъ характернѣе, что окружающіе его департаменты, густо населенные зажиточнымъ нормандскимъ крестьянствомъ, отличаются очень медленнымъ ростомъ населенія; значитъ, географическія условія тутъ ни при чемъ. Зато въ Бретани, гдѣ крестьянство очень бѣдно, почти пролетаризовано, населеніе растетъ быстрѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было во Франціи. Итакъ, первое условіе, опредѣляющее ростъ населенія—это распредѣленіе собственности. Но распредѣленіе собственности само только отражаетъ экономическій строй данной страны. Населеніе Франціи растетъ медленно потому, что Франція до сихъ поръ земледѣльческая страна съ относительно (для Западной Европы) слабо развитой промышленностью; нѣмцы размножаются быстрѣе, потому что Германія, напротивъ, промышленная страна, гдѣ большая часть населенія состоитъ изъ рабочихъ. Не ростъ населенія опредѣляетъ развитіе хозяйства, а наоборотъ — отъ развитія хозяйства зависитъ ростъ населенія. Статистическія данныя мы имѣемъ, конечно, только для культурныхъ странъ,—но для некуль-

[1]) Въ тѣ дни, къ которымъ относятся изслѣдованія—въ 80-хъ годахъ XIX столѣтія. Теперь и онъ „аристократизируется"—рабочіе переходятъ въ предмѣстья.

турныхъ мы имѣемъ цѣлый рядъ показаній путешественниковъ, удостовѣряющихъ, что „дикари" регулируютъ ростъ населенія едва ли не тщательнѣе и, во всякомъ случаѣ, гораздо откровеннѣе, чѣмъ европейцы, не останавливаясь передъ хирургическими операціями, даже убійствами новорожденныхъ и т. д. Совершенно „естественный", „физіологическій" процессъ размноженія мы можемъ найти только въ животномъ мірѣ, а не въ исторіи. Повторяемъ, въ извѣстныхъ, отдѣльныхъ случаяхъ и размноженіе можетъ сыграть роль экономическаго фактора, но строить какой-нибудь „всемірно-историческій" законъ на этихъ отдѣльныхъ случаяхъ значило бы обнаружить большое легкомысліе.

Но если такъ плохо обстоитъ дѣло съ „закономъ Левассера", если переходъ хозяйствъ изъ одного „періода" въ другой есть не слѣдствіе, а причина по отношенію къ росту населенія, то гдѣ же причина, что люди были сначала охотниками, потомъ скотоводами и т. д.? Тщетно было бы искать эту причину, потому что такой смѣны періодовъ въ дѣйствительности никогда не было. Наблюденія надъ бытомъ тѣхъ же „дикарей" показали, что прежнія наши представленія объ охотникахъ, скотоводахъ, земледѣльцахъ объясняются исключительно нашимъ малымъ знакомствомъ со всѣми этими видами хозяйства. На самомъ дѣлѣ, для первобытнаго человѣка, вооруженнаго каменнымъ топоромъ и дубиной, охота на крупнаго звѣря была вовсе не самымъ легкимъ, а очень труднымъ и опаснымъ занятіемъ. Рыбная ловля въ морѣ на первобытномъ челнокѣ тоже весьма далека была отъ знакомаго намъ тихаго и комфортабельнаго спорта. Что касается скотоводства, то когда этимъ вопросомъ, о развитіи скотоводства, занялись спеціалисты-зоологи, они сразу наткнулись на рядъ фактовъ, опрокидывающихъ привычную гипотезу. Во-первыхъ, дикія животныя, какъ правило, въ неволѣ не размножаются: населеніе нашихъ зоологическихъ садовъ постоянно приходится пополнять подвозомъ свѣжаго матеріала; рожденіе львенка или тигренка—событіе, о которомъ пишутъ въ газетахъ, и число смертей среди обитателей звѣринца всегда гораздо выше числа рожденій. Уже изъ этого видно, какое сложное дѣло прирученіе дикихъ животныхъ—какого труда стоило,

напримѣръ, изъ дикаго зубра выработать теперешній крупный рогатый скотъ. Но этого мало: въ дикомъ состояніи корова или коза даютъ лишь ровно столько молока, сколько нужно для прокормленія дѣтенышей; дикая овца не даетъ шерсти, на что-нибудь пригодной. Какъ разъ то, изъ-за чего теперь разводятъ скотъ, свойственно ему только уже въ прирученномъ видѣ! Но изъ-за чего и какъ начали его приручать? Быка, по всей вѣроятности, приручили изъ-за его силы,—какъ рабочее животное: съ помощью быка можно было пахать землю глубже и быстрѣе, нежели съ помощью только рукъ человѣческихъ. Но это значитъ, что скотоводство моложе земледѣлія, что первое предполагаетъ послѣднее, а не наоборотъ. И дѣйствительно, есть всѣ основанія думать, что земледѣліе было самымъ раннимъ видомъ правильнаго, систематическаго хозяйства. Ранѣе люди питались, вѣроятно, просто на даровщинку: ловили мелкихъ животныхъ, собирали раковины, улитокъ, дико-растущіе плоды и хлѣбныя растенія. Но трудъ они впервые приложили именно къ землѣ: ибо это была самая легкая и простая форма приложенія труда, особенно въ тропическомъ климатѣ и на дѣвственной почвѣ. И до сихъ поръ нѣтъ ничего проще, напримѣръ, воздѣлыванія маніока въ Анголѣ (въ южной Африкѣ): разъ въ три-четыре года женщины острой палкой слегка вскапываютъ землю и сажаютъ туда стебли маніока; черезъ годъ они даютъ уже урожай, черезъ два-три года еще болѣе обильный; на четвертый годъ корни засыхаютъ и „посѣвъ“ приходится повторять. Что можетъ быть легче и проще! А маніокъ одно изъ самыхъ питательныхъ хлѣбныхъ растеній. Несомнѣнно, что придумать лукъ и стрѣлы или бумерангъ—охотничье ружье дикарей—требовало куда болѣе умственнаго напряженія, чѣмъ подобное земледѣліе. Если прежнимъ историкамъ-экономистамъ земледѣліе казалось самымъ сложнымъ видомъ хозяйства, то это потому, что они не имѣли понятія ни о какомъ способѣ обработки земли, кромѣ современнаго европейскаго, съ пашней при помощи плуга на лошади или быкѣ, съ бороньбой, удобреніемъ и т. д. Наблюденія надъ жизнью „дикарей“ познакомили съ гораздо болѣе примитивной формой обработки—

ручной, при помощи мотыки (по-нѣмецки Hacke—отсюда терминъ Hackbau, „мотыжное земледѣліе“) или даже просто виловатаго сука. Непосредственнымъ потомкомъ этой первичной формы земледѣлія является наше садоводство, которое и до сихъ поръ ведется вручную, съ очень примитивными инструментами, и до сихъ поръ представляетъ собою нѣчто среднее между забавой и серьезнымъ дѣломъ. Серьезнымъ дѣломъ „ручное земледѣліе“ могло стать только, повторяемъ, при очень благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ: прокармливаетъ людей оно только подъ тропиками или очень близко къ нимъ (напримѣръ, въ южномъ Китаѣ). Но что начинали съ него люди вездѣ, любопытнымъ свидѣтельствомъ этого являются славянскіе языки и знакомый намъ всѣмъ инструментъ, соха. Слово это пра-славянское,—но въ однихъ славянскихъ нарѣчіяхъ оно обозначаетъ то же, что и въ русскомъ—орудіе для обработки земли,—а въ другихъ просто палку или жердь, при чемъ послѣднее значеніе филологами признается за основное. Предкомъ нашего національнаго земледѣльческаго орудія былъ виловатый сукъ, которымъ нѣкогда славянскія женщины вскапывали землю, чтобы сажать въ нее не маніокъ, разумѣется, а, какъ увидимъ дальше, по всей вѣроятности, просо.

Старую схему экономическаго развитія—охота, скотоводство, земледѣліе и т. д.—теперь всѣ оставили, т.-е. всѣ спеціалисты по исторіи хозяйства: въ кругахъ неспеціалистовъ она еще держится съ прочностью предразсудка, почему и пришлось потратить столько времени на ея разборъ. Но явившіяся на ея мѣсто новыя схемы, при всѣхъ своихъ преимуществахъ, все же несвободны отъ предразсудковъ другого рода. Наиболѣе распространенной изъ нихъ является схема Бюхера.

Знаменитый германскій экономистъ занимаетъ въ исторіи хозяйства приблизительно такое же мѣсто, какъ Ключевскій въ русской исторіи; его отдѣльныя наблюденія часто поразительно мѣтки и глубоки—въ новѣйшее время едва ли кто сдѣлалъ столько для превращенія исторіи хозяйства въ науку, какъ Бюхеръ: тѣмъ авторитетнѣе въ глазахъ многихъ его схема, и тѣмъ необходимѣе указать ея недостатки. Основная идея этой схемы—то разстояніе, которое

проходитъ продуктъ отъ производителя до потребителя. Человѣкъ началъ съ того, что хозяйничалъ индивидуально, единолично стремился удовлетворить всѣ свои потребности. Это—періодъ „индивидуальнаго разыскиванія пищи“ (individuellen Nahrungssuche). По мѣрѣ усложненія потребностей, силъ одного человѣка для ихъ удовлетворенія оказалось мало—люди стали сплачиваться: въ группы, появилась семья; но хозяйство не выходило еще изъ предѣловъ семьи—то, что въ ней производилось, ею же и потреблялось. Отъ греческаго слова „ойкосъ“ (домъ, семья) Бюхеръ назвалъ эту вторую стадію ойкоснымъ хозяйствомъ. По его мнѣнію, древній міръ въ общемъ и цѣломъ не вышелъ за предѣлы ойкоснаго хозяйства: благодаря рабству, ойкосъ получилъ возможность развиваться до громадныхъ размѣровъ; у римскаго богача временъ имперіи были не только всевозможные домашніе ремесленники, но домашніе артисты и даже домашніе философы; тѣмъ не менѣе это была лишь огромная семья, одно хозяйство, которое само же потребляло все, что производило. Средневѣковая вотчина принадлежитъ еще къ тому же типу, но во второй половинѣ среднихъ вѣковъ произошло уже отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія: часть населенія посвятила себя исключительно ремеслу, вымѣнивая хлѣбъ и т. д. на свои ремесленныя издѣлія, а крестьянинъ все больше и больше привыкалъ покупать нужныя ему орудія, отчасти даже платье и т. под. на рынкѣ, а не изготовлять домашними средствами, какъ это онъ раньше дѣлалъ. Появляется обмѣнъ. Но обмѣнъ ограничивается сначала очень тѣснымъ райономъ—маленькіе мѣстные рынки распредѣлены такимъ образомъ, что изъ самой далекой деревни можно пріѣхать на рынокъ и домой вернуться въ теченіе одного дня. Городъ съ его уѣздомъ, говоря по-нашему,—вотъ каковъ былъ районъ обмѣна по Бюхеру въ средніе вѣка: отсюда для третьяго періода онъ употребляетъ терминъ городское хозяйство. Мало-по-малу, однако же, города растутъ, и городскіе округа спеціализируются на изготовленіи, главнымъ образомъ, одного какого-нибудь продукта: обмѣнъ охватываетъ цѣлую страну, цѣлый народъ—наступаетъ четвертая эра.

хозяйства народнаго. Противники Бюхера раньше всего указали на неисторичность этой схемы—на то, что историческіе факты не укладываются въ ея рамки; что, напримѣръ, античный міръ, древнюю Грецію и древній Римъ, съ ихъ развитыми путями сообщенія, огромной торговлей, мануфактурами и банками, никакъ нельзя уложить въ тѣсныя рамки ойкоснаго, семейнаго хозяйства. Возраженія на это Бюхера были очень неубѣдительны,—но и ошибки талантливаго человѣка иногда бываютъ полезны: благодаря этому спору выяснилась роль рабства въ древнемъ мірѣ, и обнаружилось, что, по крайней мѣрѣ въ Греціи, рабскій трудъ вовсе не имѣлъ такого значенія, какое иногда ему приписываютъ—греческая промышленность была, главнымъ образомъ, въ рукахъ свободныхъ ремесленниковъ. Но схема Бюхера не только противорѣчитъ отдѣльнымъ историческимъ фактамъ—нетрудно замѣтить, что она вся, въ цѣломъ, чрезвычайно искусственна. Ея основная идея навѣяна старой, „классической“ школой политической экономіи, отправлявшейся, въ своихъ построеніяхъ, отъ „хозяйствующаго индивидуума“. Почвой, на которой эта идея возникла, было мелкое ремесленное производство: оно, дѣйствительно, „индивидуально“—ремесленники работаютъ поодиночкѣ или почти поодиночкѣ, съ однимъ-двумя помощниками. Это мелкое ремесленное производство завѣщало намъ безчисленное множество понятій, которыми, по закону исторической косности, мы еще и сейчасъ живемъ, хотя экономически міръ давно уже перешелъ къ производству крупному: отъ ремесла ведетъ свое начало всяческій индивидуализмъ, начиная отъ правового (индивидуальная собственность), и кончая эстетическимъ, индивидуализмомъ въ искусствѣ (импрессіонизмъ, „декадентство“ и т. под.). Первобытный человѣкъ Бюхера, „индивидуально разыскивающій пищу“, не что иное, какъ „хозяйствующій индивидуумъ“ экономистовъ XVIII вѣка, перенесенный въ туманъ сѣдой старины, гдѣ онъ кажется правдоподобнѣе, за дальностью разстоянія. На самомъ дѣлѣ первобытные люди хозяйствовали, навѣрное, группами, какъ теперешніе дикари. Взять хотя бы ту же культуру маніока. Мы сказали, что дѣло это простое, въ томъ смыслѣ, что оно не-

хитрое—не требуетъ никакого напряженія умственныхъ способностей, но рукъ оно требуетъ очень много. Чтобы приготовить мѣсто для посадки маніока, нужно вырубить деревья, выкорчевать кустарники, выжечь траву—словомъ, продѣлать много такой работы, которая одному человѣку не подъ силу: оттого разсказы путешественниковъ о воздѣлкѣ маніока всегда употребляютъ множественное число, когда рѣчь идетъ о „субъектѣ хозяйствованія". То же самое и относительно охоты: большая охота, или охота на крупнаго, опаснаго звѣря всегда ведется сообща; точно такъ же бразильскіе индѣйцы устраиваютъ общія охоты, „когда нужно собрать запасы", т.-е. какъ разъ охота въ качествѣ серьезнаго хозяйственнаго предпріятія всегда дѣло цѣлой группы—иногда цѣлаго племени. Но даже когда отдѣльный охотникъ убьетъ дичь, онъ обращается къ услугамъ другихъ, чтобы перенести ее домой и дѣлится съ ними: у тѣхъ же бразильскихъ индѣйцевъ эта помощь другихъ настолько предполагается сама собой, что въ большинствѣ случаевъ охотникъ и не даетъ себѣ труда тащить добычу—онъ спокойно возвращается домой и только сообщаетъ домашнимъ, гдѣ онъ убилъ звѣря. Не-охотники, женщины, дѣти, ужъ позаботятся доставить его на стоянку. Рыбная ловля въ Полинезіи также ведется сообща—морскія лодки и огромныя сѣти, которыя для этого употребляются, требуютъ десятковъ рукъ.

Можно возразить что, вѣдь, это все далеко не „первобытные" люди, вѣдь полинезійцы или ангольскіе негры—„дикари" только съ прежней, наивной, точки зрѣнія, на самомъ дѣлѣ это, можетъ быть, люди довольно старой культуры. Но бразильскіе индѣйцы, во всякомъ случаѣ, принадлежатъ къ наиболѣе низко-стоящимъ племенамъ, какія только существуютъ теперь. А затѣмъ, мы знаемъ, что и настоящіе первобытные люди, люди древне-каменнаго вѣка, охотились, напримѣръ, на мамонта: нельзя же себѣ представить, чтобы человѣкъ убивалъ мамонта, который былъ крупнѣе теперешняго слона, въ одиночку, не имѣя къ своимъ услугамъ ничего, кромѣ камня и дубины. Мало того, индивидуализмъ первобытныхъ людей чрезвычайно мало вѣроятенъ даже зоологически: гиббоны, та порода обезьянъ, ко-

торая является наиболѣе вѣроятнымъ предкомъ какъ человѣкообразныхъ обезьянъ, такъ и самого человѣка, живутъ стадами; пришлось бы предположить, что, на пути къ человѣку, обезьяна утратила свои соціальные инстинкты, которые потомъ человѣку пришлось вырабатывать сызнова. Такой зигзагъ нужно доказать, во всякомъ случаѣ, лучше, нежели ссылками на то, что дикари не охотно даютъ другому въ руки свое оружіе или что они хоронятъ вмѣстѣ съ покойникомъ всѣ лично ему служившія вещи. На этихъ примѣрахъ мы можемъ только видѣть, въ какой области зарождается экономическій индивидуализмъ: оружіе охотникъ-дикарь приготовляетъ себѣ, обыкновенно, самъ, единолично: съ началомъ ремесленнаго производства является и индивидуализмъ—и онъ держится именно въ ремесленной сферѣ. Въ области же добыванія себѣ пищи первобытный человѣкъ былъ коммунистомъ,—какъ ни непріятенъ этотъ фактъ буржуазнымъ историкамъ хозяйства.

Но натяжки схемы Бюхера не ограничиваются этимъ. Въ ней не одинъ этотъ отзвукъ устарѣвшихъ экономическихъ взглядовъ. Бюхеръ начинаетъ съ предположенія, что обмѣнъ является только на высшихъ ступеняхъ хозяйственнаго развитія: въ „индивидуальномъ“ періодѣ и въ „ойкосномъ“ обмѣна еще нѣтъ. Онъ ссылается при этомъ на изслѣдованіе одного очень виднаго ученаго о началѣ обмѣна у полинезійцевъ. Тотъ приводитъ нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ, будто бы, что до появленія европейцевъ многіе изъ обитателей острововъ Тихаго океана совершенно не имѣли понятія о торговлѣ. Какъ европейцы ни соблазняли ихъ разными, съ точки зрѣнія европейцевъ, интересными и привлекательными вещами—они ничего не могли получить въ обмѣнъ, а когда эти вещи дарили туземцамъ, тѣ ихъ бросали на берегу. Но для того, чтобы этотъ примѣръ имѣлъ какую-нибудь убѣдительность, нужно, чтобы эти вещи были интересны и привлекательны для самихъ „дикарей“, а этого-то какъ разъ мы и не знаемъ. Представьте себѣ, что въ глухую русскую деревню какой-нибудь остроумный человѣкъ привезетъ большую партію парижскихъ дамскихъ шляпъ послѣдняго образца, и начнетъ на нихъ вымѣнивать хлѣбъ, холстъ и т. под. Весьма вѣроятно, что

ему также ничего не удается вымѣнять, — а подаренныя шляпки будутъ употреблены на огородахъ въ качествѣ пугалъ: но это вовсе не будетъ служить свидѣтельствомъ, что русской деревнѣ не знакомы обмѣнъ и торговля. У тѣхъ же самыхъ полинезійцевъ другіе путешественники легко вымѣнивали нужные имъ съѣстные припасы въ обмѣнъ на водку или разныя лакомства—и, постепенно, спаиваніе туземцевъ стало своего рода „торговой политикой". Притомъ какіе же, еще разъ скажемъ, полинезійцы „дикари"? Они, правда, не знали металловъ, но ихъ хозяйство и общественный строй, по своей сложности, были, при первой встрѣчѣ ихъ съ европейцами, не ниже того, что знали сами европейцы въ началѣ среднихъ вѣковъ. Предки Карла Великаго, Карлъ Мартелъ какой-нибудь, не были, конечно, очень цивилизованными людьми, но къ дикарямъ ихъ никто еще не относилъ. Между тѣмъ, самъ Бюхеръ приводитъ рядъ случаевъ систематическаго обмѣна, правильной торговли у настоящихъ дикарей, у австралійскихъ негровъ, которые, наравнѣ съ бразильскими индѣйцами и африканскими бушменами, принадлежатъ къ наиболѣе низко стоящимъ народамъ земного шара. Эти австралійскіе негры устраиваютъ цѣлыми племенами отдаленныя, за триста-четыреста верстъ, экспедиціи за такими товарами, какъ краска, которою они окрашиваютъ себѣ тѣло, наркотическія вещества, даже камень для ручныхъ мельницъ. Пріобрѣтя большой запасъ подобныхъ вещей, они торгуютъ ими со своими сосѣдями, вымѣнивая у послѣднихъ оружіе, звѣриныя шкуры и т. под.,—изготовляемыя и добываемыя тѣми, очевидно, тоже для продажи. Въ самыхъ глухихъ углахъ экваторіальной Африки, сообщаетъ намъ другой, очень авторитетный, изслѣдователь, широко распространена торговля съѣстными припасами: этотъ изслѣдователь готовъ ее считать чуть ли не самымъ раннимъ видомъ торговли вообще. Негритянскія женщины съ ранняго утра сидятъ на рынкѣ съ овощами, мясомъ, сырымъ или вареным, кашей и т. под.— и вымѣниваютъ все это либо на ремесленныя издѣлія либо на пищевые же продукты, но которыхъ у нихъ въ деревнѣ нѣтъ (напр., на рыбу). У каннибаловъ, по словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, на такомъ рынкѣ можно найти

и человѣческое мясо: какъ видимъ, мы здѣсь уже среди дикарей самыхъ настоящихъ, безъ всякихъ ковычекъ. И эти дикари ведутъ торгъ предметами первой необходимости, тогда какъ, по схемѣ Бюхера, вплоть до „городского хозяйства“ разрѣшается торговать только „предметами роскоши“: слоновой костью, напримѣръ, золотымъ пескомъ, страусовыми перьями и т. под. Бюхеръ тутъ опять поддался очень старому взгляду, согласно которому люди начали съ натуральнаго хозяйства и лишь потомъ перешли къ мѣновому и денежному. Въ дѣйствительности, и деньги африканскимъ неграмъ очень хорошо знакомы, хотя и въ очень непривычной для насъ формѣ: наиболѣе распространенной формой является одна раковина, Каури, — нѣкогда, повидимому, самая распространенная форма денегъ на земномъ шарѣ. Періоды „натуральнаго“ и „мѣнового“ хозяйства нужно также сдать въ архивъ, какъ періоды охотничій, скотоводческій и т. д.

Приглядываясь къ этой первобытной торговлѣ, можно, однако же, подмѣтить двѣ ея особенности. Во-первыхъ, торгуютъ тѣ, кто непосредственно добылъ или сдѣлалъ тѣ или другія вещи: досталъ охру, сварилъ кашу, изготовилъ копье, щитъ или бумерангъ. Между производителемъ и потребителемъ нѣтъ посредника, какимъ является современный купецъ. Эту особенность подчеркиваетъ и Бюхеръ. На другую онъ меньше обращаетъ вниманія, а она не менѣе характерна: торгъ, какъ и добываніе товара, ведется не отдѣльными лицами, а цѣлыми группами, племенами. Это особенно относится къ торгу вещами, болѣе или менѣе рѣдкими, какъ наркотики или произведенія ремесленнаго труда: въ Новой Гвинеѣ, напримѣръ, есть племена, спеціализировавшіяся на изготовленіи глиняной посуды, за которой изъ другихъ пунктовъ острова являются „цѣлые флоты“ туземныхъ лодокъ. Въ Африкѣ такой мѣновой характеръ носитъ производство матерій, иногда металлическихъ издѣлій. Древнѣйшій рынокъ и является мѣстомъ такого междуплеменного обмѣна. Рынокъ—мѣсто священное; люди даже враждующихъ между собою племенъ приходятъ туда безпрепятственно и безопасно: „нарушеніе торговаго мира“—одно изъ первыхъ пре-

ступленій, которое знаютъ дикари и которое они наказываютъ особенно строго. Мало-по-малу привыкаютъ между собою обмѣниваться и отдѣльные люди: этотъ индивидуальный, уже не племенной, обмѣнъ начинается раньше всего въ области ремесленнаго труда. Мы сейчасъ упомянули о существованіи въ Африкѣ цѣлыхъ племенъ кузнецовъ: но это рѣдкое исключеніе; гораздо чаще кузнечествомъ занимаются отдѣльныя семьи, притомъ по происхожденію часто чужія тому племени, среди котораго мы ихъ находимъ. Туземцы относятся съ суевѣрнымъ страхомъ къ этимъ пришлецамъ, владѣющимъ таинственнымъ, незнакомымъ для туземцевъ искусствомъ. Иногда это существа полубожественныя, иногда же это паріи, потому что чужіе, не той крови, какъ тѣ, на кого они работаютъ. Но выдѣленіе ремесленника начинается раньше кузнечества: въ Полинезіи мы имѣемъ рѣдкій и любопытный образчикъ „перваго ремесленника", въ лицѣ одного мѣстнаго царька, прославившагося на далекое разстояніе своимъ искусствомъ обтесывать каменные топоры. Съ выдѣленіемъ ремесленника субъектомъ обмѣна является уже отдѣльное лицо: но обмѣнъ попрежнему идетъ непосредственно между производителемъ и потребителемъ. Только постепенно торговля захватываетъ все большіе и большіе районы и пріобрѣтаетъ характеръ особаго ремесла: появляется ремесленникъ торговли, купецъ, скитающійся со своимъ караваномъ изъ конца въ конецъ страны. Понемногу онъ и становится настоящимъ хозяиномъ товара: ремесленникъ работаетъ на скупщика, а не непосредственно на потребителя. Послѣдній идетъ за товаромъ къ купцу, а не прямо къ ремесленнику. Появляется торговый капитализмъ—наравнѣ съ ростовщичествомъ отецъ всякаго капитализма вообще.

Какъ видитъ читатель, передъ нами отчетливо выступаютъ черты трехъ періодовъ хозяйственнаго развитія: первобытнаго племенного хозяйства, ремесленнаго индивидуальнаго и новѣйшаго, капиталистическаго. Второй періодъ довольно точно соотвѣтствуетъ „городскому" хозяйству Бюхера. Да и въ первомъ одномъ существенный признакъ совпадаетъ съ бюхеровскимъ „ойкоснымъ" хозяйствомъ: суть дѣла и тамъ и тутъ въ томъ,

что производство ведется группой, но эта группа вовсе не непремѣнно племя. Племя, это, главнымъ образомъ, охотничья организація: у бразильскихъ индѣйцевъ-охотниковъ территорія подѣлена между племенами, и границы племенъ извѣстны не хуже, чѣмъ государственныя границы въ Европѣ. Но для земледѣлія, напримѣръ, нѣтъ надобности ни въ большой территоріи, ни въ такомъ количествѣ рабочихъ рукъ, какъ для массовой охоты—земледѣльческая группа можетъ быть и въ 30—40 человѣкъ: „большая семья", классическая форма первичной общественной организаціи у земледѣльческихъ народовъ, какъ разъ и имѣетъ такіе именно размѣры. Такимъ образомъ, бюхеровская схема, въ общемъ, соотвѣтствуетъ фактамъ—только изъ нея нужно устранить то, что дано не фактами, а является остаткомъ старыхъ экономическихъ предразсудковъ. Хозяйство начинается не индивидуальными попытками, а коллективной работой и заканчивается на нашихъ глазахъ такими же коллективными формами: но первобытная коллективность была, такъ сказать, стихійной, естественной, пережиткомъ первичной стадности; а характеризующее капиталистическій періодъ объединеніе многихъ рукъ въ одномъ хозяйствѣ явилось результатомъ искусственнаго техническаго приспособленія. Чтобы это цѣлесообразное приспособленіе оказалось возможно, необходимъ былъ промежуточный ремесленный періодъ, когда люди работали, дѣйствительно, въ одиночку, создавая технику, постепенно переросшую силы одного человѣка и повелительно потребовавшую новой коллективности. Но этотъ ремесленный періодъ кончился такъ недавно, что мы еще живемъ его идеями, его правомъ и его моралью. Созданіе новой идеологической оболочки происходитъ на нашихъ глазахъ: созданіе новой оболочки правовой—очередной вопросъ грядущаго дня.

Всѣ три стадіи экономическаго развитія—первобытное коллективное хозяйство, племенное или семейное, ремесленное хозяйство и хозяйство капиталистическое—мы находимъ и въ русской исторіи. Хронологически эти стадіи смѣняютъ другъ друга довольно правильно: семейно-племенное хозяйство характеризуетъ до-московскую Русь X—XV столѣтій;

XVI—XVII вѣка являются въ Россіи періодомъ до-капиталистическаго ремесленнаго индивидуализма (пусть читатель не смущается, что на эти вѣка падаетъ пресловутое „закрѣпощеніе общества на службу государству“: нѣтъ ничего болѣе индивидуалистическаго, чѣмъ новѣйшее русское крѣпостное право); съ XVII столѣтія мы имѣемъ уже торговый капитализмъ, а съ XIX и промышленный. Но не слѣдуетъ, конечно, представлять себѣ эти періоды отрубленными, какъ топоромъ: такое представленіе было бы какъ нельзя болѣе неисторично. Развитіе хозяйства, во-первыхъ, быстрѣе происходило въ центрахъ, медленнѣе на окраинахъ: на крайнемъ сѣверѣ, напримѣръ, если не самое первобытное коллективное хозяйство, то его юридическіе остатки дожили чуть не до нашихъ дней. Зато въ Кіевѣ и Новгородѣ мы встрѣчаемъ зачатки ремесленнаго хозяйства задолго до московской Руси,—и очень крупные зачатки, притомъ. А во-вторыхъ, русское народное хозяйство, подобно всякому другому, не развивалось, какъ что-то совершенно обособленное: у него была своя „среда“, данное положеніе международнаго хозяйства,—вліяніемъ этой среды объясняются нашъ прогрессъ и нашъ застой. Хозяйство Кіевской Руси, напримѣръ, нельзя себѣ представить, не считаясь съ вліяніемъ Византіи, арабовъ, а отчасти и Западной Европы. Хозяйство Новгорода было тѣсно связано съ ганзейской торговлей. Экономическіе запросы Западной Европы – преимущественно, сѣверо-западной, Голландіи, Даніи и Швеціи— дали сильный толчокъ развитію русскаго торговаго капитализма съ конца XVII вѣка. А проникновеніе капитализма въ русское сельское хозяйство невозможно мыслить, не учитывая образованія международнаго хлѣбнаго рынка около половины XIX столѣтія. Съ другой стороны, экономическій, а съ нимъ и всякій другой культурный упадокъ сѣверо-восточной Руси въ такъ называемый „удѣльный“ періодъ (XIII—XV вѣка) гораздо больше объясняется полною экономической изолированностью, нежели татарскимъ, напримѣръ, нашествіемъ. Эти два явленія, свойственныя, конечно, не одной Россіи—географическую неравномѣрность распредѣленія культуры и зависимость мѣстнаго культурнаго развитія отъ общаго хода развитія

культуры на землѣ — необходимо имѣть въ виду, чтобы правильно примѣнять „фазеологическую“ точку зрѣнія: она отнюдь не совпадаетъ съ „хронологической“. Въ XVIII вѣкѣ мы можемъ найти, тамъ или тутъ, признакъ, характерный и для XVI-го, а въ XII-мъ нѣчто очень похожее на то, что окончательно сложилось только къ XVII-му. Всякая классификація условна, а классификація тѣхъ сложныхъ явленій, которыя составляютъ предметъ исторіи культуры, тѣмъ болѣе.

Со всякаго рода условностями мы встрѣчаемся въ исторіи русской культуры на первыхъ же шагахъ. Чрезвычайно важно, конечно, опредѣлить, съ чего началось экономическое развитіе русскаго народа, какъ особаго историческаго цѣлаго. Мы уже знаемъ, что опредѣляющимъ признакомъ для народа является языкъ. Первые письменные памятники на русскомъ языкѣ—лѣтописи и сборники обычаевъ, потомъ объединившіеся подъ именемъ „Русской Правды“— относятся, если брать не время ихъ написанія (наши рукописи, обыкновенно, очень поздняго происхожденія), а время ихъ составленія, къ X-му вѣку по Р. Х. Но ни въ лѣтописяхъ, ни въ памятникахъ права мы не находимъ полной картины русскаго хозяйства этой эпохи. Достаточно привести одинъ примѣръ: древнѣйшая редакція „Русской Правды“ изъ всего домашняго скота знаетъ только лошадь. Но мы поступили бы очень неосторожно, если бы на основаніи этого заключили, что русскіе X вѣка были, преимущественно, коневодами. Напротивъ, отъ одного арабскаго писателя начала этого столѣтія мы имѣемъ извѣстіе, будто лошадей-то какъ разъ у славянъ того времени было мало, и конскіе табуны были только у князя, тогда какъ простонародье разводило овецъ и свиней. И это очень правдоподобно, такъ какъ овца, во всякомъ случаѣ, одно изъ древнѣйшихъ домашнихъ животныхъ вообще: на всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ имя ея звучитъ одинаково, и это позволяетъ думать, что овцу индо-европейцы приручили раньше, чѣмъ появились различные индо-европейскіе языки. Сейчасъ мы увидимъ, въ какихъ предѣлахъ убѣдительными являются подобныя „лингвистическія“ соображенія: пока ясно одно—ограничься мы одними литературными памят-

никами древней Руси, мы немного узнаемъ о древнѣйшей стадіи русскаго хозяйства. Только съ XII-го, примѣрно, столѣтія мы имѣемъ настолько богатую литературу, что можемъ въ основу характеристики положить литературныя указанія, лишь для большей наглядности прибѣгая къ археологическимъ, напримѣръ, даннымъ. Чѣмъ дальше „въ глубь временъ“, тѣмъ чаще приходится намъ прибѣгать къ разнымъ „вспомогательнымъ наукамъ“, въ родѣ археологіи, къ показаніямъ иностранцевъ и т. д. Показанія иностранцевъ—мы имѣемъ разсказы о древнихъ славянахъ византійцевъ уже отъ VI-го вѣка по Р. Х., арабовъ отъ VIII—IX-го—когда-то служили главнымъ источникомъ для знакомства съ до-письменнымъ періодомъ русской исторіи. По мѣрѣ того, какъ начались раскопки, дававшія все болѣе и болѣе богатый матеріалъ для непосредственнаго знакомства съ бытомъ нашихъ предковъ, разсказы иностранцевъ отступили на второй планъ. Но „археологическій“ методъ имѣетъ свою невыгодную сторону: камни молчатъ; отнесеніе той или другой находки къ славянскому, и именно русскому, прошлому, очень часто основывается на рядѣ весьма произвольныхъ допущеній. Во вступительной главѣ мы упоминали, напримѣръ, о трипольской культурѣ, найденной въ Кіевской губерніи, отличительнымъ признакомъ которой является цвѣтная керамика, посуда съ яркими, разноцвѣтными узорами. Культура эта не моложе второго тысячелѣтія до Р. Хр.: и тѣмъ не менѣе, нашлись изслѣдователи, утверждающіе, что „трипольцы“ были славяне. Ихъ противники утверждаютъ, что это „невѣроятно“: но, кромѣ произнесеннаго съ большимъ удареніемъ слова „невѣроятно“, имъ нечего возразить, пока мы остаемся въ области археологическихъ данныхъ; лишь принявъ въ соображеніе разсказы византійцевъ отъ VI-го вѣка по Р. Хр., разсказы, изображающіе славянъ настоящими дикарями, мы должны согласиться, что, дѣйствительно, невѣроятно, чтобы эти дикари за полторы тысячи лѣтъ до этого создали такую богатую и прочную культуру, какъ „трипольская“. Пришлось бы допустить громадный и продолжительный регрессъ въ славянскомъ развитіи, для чего все, что мы знаемъ о древнихъ славянахъ, не даетъ никакого основанія.

Какъ видимъ, казалось бы такой прочный и простой методъ, какъ археологическій, въ концѣ концовъ, опирается на рядъ условныхъ допущеній и даетъ выводы, надежность которыхъ приходится опредѣлять при помощи столь утлаго пособія, какъ „разсказы путешественниковъ", сплошь и рядомъ не видавшихъ славянъ въ глаза и передававшихъ, нерѣдко изъ третьихъ рукъ, чужіе разсказы. Но кое-что мы можемъ узнать отъ самихъ древнихъ славянъ, хотя они писать и не умѣли: они называли разные предметы своего обихода, и по названіямъ предметовъ мы можемъ судить, до нѣкоторой степени, о содержаніи славянской культуры. Славянскіе языки, какъ извѣстно, распадаются на три группы: западную (чешскій и польскій), южную (сербскій и болгарскій) и восточную (русскій въ трехъ его подраздѣленіяхъ—великорусскомъ, бѣлорусскомъ и украинскомъ). Если какой-нибудь культурный терминъ встрѣчается во всѣхъ этихъ трехъ группахъ, мы въ правѣ считать его очень древнимъ и относить его возникновеніе къ тому времени, когда эти подраздѣленія одного славянскаго языка на группы, а группъ—на отдѣльные языки еще не успѣли образоваться. Какъ выражаются иногда, этотъ терминъ относится къ славянскому „пра-языку". Иногда мы можемъ прослѣдить то или другое названіе за предѣлы даже славянскихъ языковъ, къ „праязыку" всѣхъ индо-европейцевъ [1], если не далѣе: таково, напримѣръ, слово медъ, встрѣчающееся не только во всѣхъ индо-европейскихъ, но во всѣхъ финскихъ нарѣчіяхъ. Въ послѣднее время дѣлаются попытки объединить индо-европейскіе и финскіе языки въ одну, еще болѣе общую, группу: если эта догадка справедлива, то придется предположить, что пчеловодствомъ, бортничествомъ, занимались еще общіе предки индо-европейцевъ и финновъ, т.-е. общіе предки бѣлой расы. Но могло быть, что финны заимствовали и это слово, и это занятіе у своихъ индо-европейскихъ сосѣдей—могло быть

[1]) Индо-европейскими, какъ извѣстно, называются языки, на которыхъ говоритъ и говорило большинство населенія Европы, съ одной стороны, передней Азіи и Индіи, съ другой: латинскій, греческій, кельтскій, древне-германскій и новѣйшіе романскіе и германскіе, славянскіе яз., литовскій, армянскій, древне-персидскій, санскритъ и нѣкоторые, вновь открытые, діалекты центральной Азіи.

и наоборотъ, что тѣ заимствовали то и другое у финновъ: какъ видимъ, утверждать что бы то ни было, кромѣ глубокой древности термина, было бы рискованно. Возможна и другая опасность: слово могло, за тысячи лѣтъ своего существованія, измѣнить свое значеніе. Приведемъ, для ясности, опять примѣръ. „Романскіе“ языки, французскій, итальянскій, испанскій, румынскій и т. д., произошли отъ латинскаго. По-французски городъ—ville; есть болѣе старое названіе—cité, итальянское citta. Въ латинскомъ языкѣ есть и villa, и civitas, отъ которой, посредствомъ сокращенія, произошло cité; но villa по-латыни значитъ „дача“, а civitas „гражданство“ и лишь въ позднѣйшемъ латинскомъ языкѣ „городская община“. А „городъ“ по-латыни—или urbs (если рѣчь шла о Римѣ), или oppidum. Во французскій не перешло ни то ни другое, а перешедшія слова утратили прежній смыслъ. Вотъ почему, прибѣгая къ лингвистическому методу, нужно обращать вниманіе не только на звуки, какъ это дѣлали прежніе ученые, но и на значеніе словъ: а если значеніе неясно, никакихъ выводовъ не дѣлать. Если мы, со всѣми этими предосторожностями, начнемъ допрашивать славянскій „праязыкъ“ насчетъ древнѣйшей славянской культуры, мы все же получимъ данныя, достаточно богатыя и болѣе надежныя, чѣмъ какія бы то ни было другія. Во-первыхъ, на всѣхъ славянскихъ языкахъ совпадаетъ корень жить и названіе хлѣба, жито; слово „брашно“ означаетъ, болѣе частнымъ образомъ, муку, затѣмъ пищу вообще, затѣмъ имѣніе; „обилье“ означаетъ и „урожай“ и „богатство“; всѣмъ славянскимъ языкамъ знакомы обще-индоевропейскіе термины главнѣйшихъ земледѣльческихъ операцій—„пахать“ (въ формѣ „орати“—лат. arare, греч. aroo и т. д.) и „сѣять“ (лат. serere, литовское seti и т. под.), обще-индоевропейское названіе плуга [1]) „орало“ (греч. arotron, армянск. araur) и серпа (греч. harpe, лат. sarpere); жатва—общеславянское слово, точно такъ же, какъ и нива. Совершенно ясно, что славяне въ незапамятныя времена, до образованія

---

[1]) Точнѣе: земледѣльческаго орудія вообще—это вовсе не было непремѣнно то, что теперь мы называемъ „плугомъ“.

отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій, не только занимались земледѣліемъ—этого мало сказать, но главнымъ образомъ при помощи земледѣлія добывали себѣ пищу, при чемъ, однако, не сами выдумали земледѣліе, а унаслѣдовали его отъ еще болѣе ранняго періода, когда и отдѣльные индоевропейскіе языки не успѣли еще образоваться. Если мы теперь отъ лингвистики перейдемъ къ археологіи, то увидимъ, во-первыхъ, что уже въ древнѣйшихъ славянскихъ погребеніяхъ встрѣчаются серпы; но серпы эти желѣзные, т.-е. погребенія, сравнительно, очень позднія: археологія, въ смыслѣ древности, къ нашимъ знаніямъ о славянскомъ земледѣліи ничего не прибавляетъ. Зато западно-европейскія раскопки доказываютъ, внѣ всякаго сомнѣнія, существованіе культуры хлѣбныхъ растеній до всякаго знакомства съ металлами, въ неолитическій, „новокаменный" періодъ [1]). Знали ли славяне металлы въ тотъ древнѣйшій періодъ, о которомъ идетъ рѣчь? Названія металловъ у нихъ были—но, какъ мы уже отмѣтили выше, звуки сами по себѣ еще ничего не доказываютъ. Наблюденія же надъ значеніемъ словъ даютъ одну мелкую, но характерную подробность: наше слово „ножъ", несомнѣнно, происходитъ отъ древне-прусскаго (древне-прусскій языкъ—одинъ изъ вымершихъ діалектовъ литовскаго) nagis, что значитъ кремень. Вполнѣ можно допустить, что древнѣйшіе славяне получили ножи съ запада, отъ пруссаковъ или пруссовъ: на южныхъ берегахъ Балтійскаго моря неолитическая культура стояла особенно высоко, тамъ больше всего найдено ея остатковъ и самые лучшіе образчики. Это былъ культурный центръ,—весьма возможно, что это былъ и центръ промышленный. Что въ неолитическій періодъ торговля ремесленными произведеніями была уже сильно развита, показываетъ то обстоятельство, что мѣстами находятъ неолитическія орудія изъ породъ камня, незнакомыхъ не только въ данной мѣстности, но и по близости: очевидно,

---

[1]) Характернымъ признакомъ неолитической культуры считались прежде орудія изъ полированнаго камня, а не только оббитаго, какъ въ древне-каменный („палеолитическій") періодъ. Теперь придаютъ большее значеніе умѣнью дѣлать посуду—гончарное искусство не было знакомо палеолитическому человѣку.

такія орудія могли быть занесены только путемъ торговли. Путемъ торговли древніе славяне могли получать свои орудія отъ пруссовъ—и орудія эти были каменныя. Слово „ножъ“ даетъ намъ нитку, столь же надежную, какъ разобранное нами выше (стр. 29) слово „соха“.

Лингвистика даетъ намъ довольно точный отвѣтъ не только на вопросы: занимались ли славяне земледѣліемъ?,— но и на вопросы: что именно они воздѣлывали, и гдѣ они этимъ занимались? Названія хлѣбныхъ растеній—овса, ячменя и т. д.—общи, болѣе или менѣе, всѣмъ славянскимъ языкамъ: но, еще разъ, названія сами по себѣ ничего не доказываютъ; вполнѣ можно допустить, напримѣръ, что славяне знали эти растенія въ дикомъ видѣ. Относительно двухъ, однако же, хлѣбныхъ растеній это предположеніе мало вѣроятно. Мы имѣемъ два слова, происходящія, несомнѣнно, отъ одного и того же корня: „пшеница“ и „пшено“ отъ „пьхати“—молотить. Но пшено и пшеница ботанически не имѣютъ между собою ничего общаго: пшено—это молоченое просо, хорошо всѣмъ знакомое въ образѣ пшенной каши—съ пшеничнымъ хлѣбомъ оно не имѣетъ никакой связи, кромѣ лингвистической. А эта послѣдняя связь возникла благодаря тому, что для полученія зерна и просо и пшеницу подвергали одинаковой (или сходной) технической операціи. Итакъ, пшеницу и просо славяне не только знали въ дикорастущемъ видѣ, но и воздѣлывали; это опять-таки подтверждается (если нужно еще подтвержденіе) и общей аналогіей—просо едва ли не древнѣйшее изъ культурныхъ хлѣбныхъ растеній Европы, пшеницу же, и притомъ нѣсколькихъ сортовъ, отлично знаетъ неолитическая культура. Просо—единственное изъ европейскихъ хлѣбныхъ растеній, культура котораго очень близка къ садовой—его приходится, напримѣръ, полоть и т. под. Изъ-за хлопотъ, съ которыми связано его разведеніе, просо и не воздѣлываютъ теперь нигдѣ въ крупныхъ размѣрахъ, но для мелкаго земледѣлія вручную, съ помощью виловатаго сукна, „пра-славянской“ сохи, оно весьма подходило, давая хорошіе урожаи на дѣвственной почвѣ, притомъ урожаи очень надежные: просо не боится засухи. Но оно требуетъ, въ то же время, какъ и пшеница,

много свѣта и тепла и очень боится весеннихъ заморозковъ. Просо и пшеница не сѣверныя, а южныя растенія, не лѣсныя, а степныя. Очага земледѣльческой славянской культуры мы должны искать на югѣ,—скорѣе всего на Украинѣ, близко къ степи, далеко отъ холодящихъ воздухъ лѣсовъ и болотъ сѣвера.

Уже это обстоятельство должно поколебать очень сильно распространенное мнѣніе, что исконнымъ занятіемъ славянъ былъ лѣсной промыселъ—охота. Досаднымъ для сторонниковъ такого взгляда образомъ, и лингвистика, и археологія упорно отмалчиваются на этотъ счетъ. „Языкъ даетъ очень скудныя указанія (на охоту)... Археологія также почти ничего не даетъ", говоритъ, напр., проф. Грушевскій. Два-три термина—„ловъ", „ловить", „сѣть" и „тенеты"—несомнѣнно, древне-славянскіе: звѣроловствомъ славяне, конечно, занимались, но серьезнаго экономическаго значенія въ древнѣйшую эпоху охота не имѣла. Не то было нѣсколько позже. Для X вѣка мы имѣемъ уже два-три указанія на крупное значеніе, какое имѣла охота въ жизни русскихъ славянъ. Мы знаемъ, что лѣтопись дѣлитъ послѣднихъ на нѣсколько племенъ,—Полянъ, Древлянъ, Радимичей, Вятичей и т. д. Что лежало въ основѣ этого племенного дѣленія? Одно мѣсто начальной лѣтописи бросаетъ на это яркій свѣтъ. Въ 975 году, говоритъ начальная лѣтопись, древлянскій князь Олегъ, встрѣтилъ въ лѣсу Лота Свѣнельдича—сына перваго кіевскаго вельможи того времени—выѣхавшаго на охоту изъ Кіева; древлянскій князь убилъ его. Это было поводомъ къ враждѣ между Олегомъ и Ярополкомъ, кіевскимъ княземъ, которая кончилась гибелью Олега. Почему Олегъ убилъ Лота? Потому что тотъ изъ Кіева, т.-е. изъ земли полянъ, пріѣхалъ охотиться въ древлянскую землю: очевидно, что территоріи племенъ именно въ охотничьемъ отношеніи были отдѣлены другъ отъ друга въ древней Руси не менѣе рѣзко, чѣмъ отдѣлены другъ отъ друга территоріи современныхъ намъ бразильскихъ индѣйцевъ. Охотиться на чужой землѣ все равно, что вступить съ войсками на чужую территорію въ современномъ государствѣ; это casus belli, отвѣтъ на это даютъ вооруженной рукой. Съ другой стороны, политическое под-

чиненіе племени выражалось въ томъ, что побѣдитель получалъ неограниченное право охоты въ землѣ побѣжденныхъ: когда Ольга завоевала древлянскую землю, она первымъ долгомъ устроила тамъ „становища и ловища“—это былъ самый прочный и выразительный символъ господства полянъ надъ древлянами. Какъ видимъ, въ X-мъ вѣкѣ охота имѣла въ жизни русскихъ славянъ не только экономическое, но и политическое значеніе: но это было одно изъ новообразованій, привнесенныхъ въ славянскую жизнь международными отношеніями. Охотой славяне систематически и усиленно стали заниматься подъ вліяніемъ торговли—объ этомъ мы будемъ еще имѣть случай поговорить ниже.

Пристепное положеніе очага древне-славянской культуры должно было бы, казалось, иначе поставить вопросъ о скотоводствѣ: гдѣ же разводить скотъ, какъ не въ степи? Но мы видѣли, что славяне въ этотъ древнѣйшій періодъ своей исторіи стояли на очень невысокой ступени культурнаго развитія, а скотоводство одинъ изъ самыхъ сложныхъ и трудныхъ видовъ хозяйства. Иностранные писатели сообщали на этотъ счетъ такія вещи, что имъ долго не вѣрили, видя въ ихъ разсказахъ какое-то недоразумѣніе: недоразумѣнія же были со стороны новѣйшихъ историковъ, упорно державшихся не-исторической градаціи охота—скотоводство—земледѣліе. Если земледѣліе у славянъ было, разсуждали они, то какъ же скотоводства не было, или оно было развито слабо? А между тѣмъ арабъ Ибнъ-Даста, какъ мы упоминали выше, сообщаетъ, что „рабочаго скота у нихъ (славянъ) мало“, а лошадей имѣетъ даже, будто бы, только одинъ князь. Византійскій же писатель Константинъ Багрянородный утверждаетъ даже, что русскіе славяне пріобрѣтаютъ себѣ скотъ исключительно покупкою у степняковъ южной Россіи—печенѣговъ. Изученіе терминовъ и здѣсь поясняетъ дѣло, если, конечно, мы отрѣшимся, притомъ, и отъ стараго взгляда на скотоводство, какъ на нѣчто предшествующее земледѣлію. Въ древнѣйшей редакціи „Русской Правды“ слово „скотъ“ явно имѣетъ значеніе денегъ, серебра. Вотъ, говорятъ, явное доказательство огромнаго значенія, которое имѣло скотоводство въ древней Руси. Во-

все нѣтъ, это доказываетъ лишь, что скота было мало, что скотъ былъ рѣдкостью. Деньгами для каждаго народа становится тотъ товаръ, говоритъ Бюхеръ, „котораго онъ самъ не производитъ, но который онъ постоянно вымѣниваетъ у иностранцевъ". Та же „Русская Правда" даетъ чрезвычайно рѣзкое доказательство того, какъ мало было распространено въ тогдашней Руси молочное хозяйство: при опредѣленіи штрафовъ за кражу коровье молоко сравнено съ цѣлымъ жеребенкомъ—и то, и другое оцѣнено въ 6 ногатъ, тогда какъ поросенокъ, напримѣръ, оцѣненъ въ 1 ногату. И такія расцѣнки мы имѣемъ еще въ редакціи XII-го вѣка, когда скотоводство вообще, какъ показываетъ именно этотъ тарифъ штрафовъ, было уже значительно развито. Въ древнѣйшую же эпоху славяне, вѣроятно, вовсе не знали молочнаго хозяйства: древнѣйшее значеніе слова молоко („млеко")—просто „жидкость", а масло—это то, чѣмъ „мажутъ". Откуда заимствовали молочное хозяйство древніе славяне, показываетъ третій, относящійся сюда, терминъ: творогъ, несомнѣнно, происходитъ отъ тюркскаго turak, что значитъ „сыръ". Образцомъ скотоводства для славянъ были тѣ, кто доставлялъ имъ и самый скотъ—степные кочевники южной Руси. Это заключеніе подверждается, опять-таки, и общей аналогіей: по наблюденіямъ новѣйшихъ изслѣдователей, индо-европейцы въ древнѣйшую эпоху не знали молочнаго хозяйства—если у нихъ и былъ скотъ, то только мясной, напримѣръ, овцы. Что овца была наиболѣе распространеннымъ видомъ скота даже еще у русскихъ славянъ X—XII вѣковъ, т.-е. очень, сравнительно, поздно, показываетъ „Русская Правда: „скотъ въ полѣ", по Русской Правдѣ, это всегда прежде всего овцы; въ то же время это самый дешевый видъ скота: баранъ стоитъ въ 50 разъ дешевле вола. Но даже и баранина стала обиходной пищей сравнительно въ новое время. Какъ извѣстно, наибольшимъ консерватизмомъ отличаются религіозные обычаи: по составу жертвы мы можемъ, поэтому, сдѣлать заключеніе о древнѣйшихъ способахъ питанія даннаго народа—потому что своихъ боговъ онъ, конечно, кормилъ лучшимъ, что зналъ самъ. Но „кумірская жертва", по словамъ боровшихся съ остатками язы-

чества христіанскихъ проповѣдниковъ XII—XIV вѣковъ—это хлѣбъ, сыръ, медъ и рыба,—а кромѣ того, куры. При чемъ подъ „сыромъ“ древне-русскій языкъ разумѣлъ не то, что приготовляется изъ молока непремѣнно,—а все не вареное и не мясное. Ни говядиной, ни даже бараниной древній славянинъ своихъ боговъ не кормилъ, потому что не ѣлъ ихъ еще самъ.

Итакъ, основой древне-славянскаго хозяйства было земледѣліе,—сначала, вѣроятно, ручное—позже съ помощью рабочаго скота, вола или лошади, при чемъ и перваго и второго славяне заимствовали у сосѣдей. Охота и рыболовство,—а еще раньше пчеловодство играли роль подсобныхъ промысловъ. Скотоводство было развито слабо. Хозяйственная техника должна была опредѣлить и древнѣйшій общественый строй. У всѣхъ индо-европейскихъ народовъ мы встрѣчаемъ одну основную общественную форму—такъ называемую „большую семью“—„Большой“ она названа въ отличіе отъ того, что мы связываемъ съ понятіемъ „семьи“. Наша семья—это совокупность отца, матери и дѣтей. Женившіеся братья, вышедшія замужъ сестры живутъ, обыкновенно, врозь. Но русской деревнѣ еще недавно была знакома—отчасти знакома и теперь—другая форма, гдѣ подъ властью „большака“, отца или дѣда, живутъ вмѣстѣ нѣсколько поколѣній—женатые сыновья, выданныя замужъ дочери съ принятыми въ домъ зятьями, племянники, племянницы и т. д., всѣ составляютъ одно хозяйство. Въ новѣйшее время въ великорусской деревнѣ такой строй поддерживался, главнымъ образомъ, сверху. попеченіемъ помѣщиковъ, которые видѣли въ суровой дисциплинѣ „большой семьи“ наилучшую опору крѣпостной дисциплины вообще. Но когда-то „большая семья“ была экономической необходимостью — наша, «маленькая“, семья съ первобытнымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ не справилась бы. Чрезвычайно наглядную картинку этого первобытнаго земледѣлія мы можемъ найти, не уходя съ территоріи современной Россіи и не спускаясь слишкомъ далеко въ глубь временъ—у восточно-русскихъ инородцевъ XVIII столѣтія. Приводимъ эту картинку цѣликомъ, какъ зарисовалъ ее современный наблюдатель, ѣздившій по сѣверо-востоку Рос-

сіи въ 1760-хъ годахъ академикъ Лепехинъ. Вотъ что онъ говоритъ о зырянахъ: „Озими ихъ стояли среди огромныхъ лѣсовъ, въ которыхъ они пространныя вырубаютъ мѣста и, сжегши лѣсъ, на пеплѣ сѣютъ хлѣбъ. Сихъ мѣстъ они не пашутъ, но, выжегши лѣсъ, прямо сѣютъ и, заборонивъ, совершаютъ посѣвъ. Какъ для облегченія работы, такъ и для защиты посѣянному хлѣбу, оставляютъ на пашнѣ своей нѣсколько деревъ, не вырубивъ, которыя чтобы не вытягивали питательнаго изъ земли сока, разстояніемъ отъ корня аршина на два сдираютъ съ нихъ кору вокругъ. Такая новина служитъ имъ только на одинъ годъ или, какъ крестьяне говорятъ, со всякой новины снимаютъ они только одинъ хлѣбъ, а на другой годъ надобно дѣлать новую новину. Такіе труды употребленные для посѣва озими изъявляютъ Божіе слово: въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой.“ До какой степени стереотипна эта форма первобытнаго земледѣлія, показываетъ одинъ удивительный фактъ: обычая—оставлять на пашнѣ нѣсколько деревьевъ, содравъ съ нихъ кору—придерживаются и упоминавшіеся выше ангольскіе негры. Причина и тамъ и тутъ одинаковая: срубить большое свѣжее, не засохшее дерево слишкомъ большой трудъ для первобытнаго человѣка.

Итакъ, первобытное земледѣліе—дѣло чрезвычайно громоздкое, требующее усилій многихъ рукъ. Какъ ни кажется намъ, горожанамъ, трудна современная пахота, но для крестьянина, имѣющаго желѣзный плугъ и борону, знающаго удобреніе и работающаго на изстари культурной почвѣ, это—дѣтская игра сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ было земледѣліе для его предковъ. Маленькая семья, съ двумя-тремя работниками, совершенно не въ состояніи была бы справиться съ этимъ дѣломъ. Оттого у славянъ всюду, у всѣхъ славянскихъ племенъ, мы встрѣчаемъ одну и ту же основную общественную форму — „печище“ въ сѣверной Россіи, „дворище“ въ юго-западной, „велику кучу“ у сербовъ,—характеризующуюся соединеніемъ въ одномъ хозяйствѣ большого числа рабочихъ рукъ, подъ властью одного „большака“ или „домачина“ (у южныхъ славянъ). Какъ общее правило, работники такого семейнаго

хозяйства—родственники, внуки одного дѣда: но что суть дѣла тутъ не въ кровной связи, показываютъ такіе факты, какъ то, напримѣръ, что южно-славянская „велика куча“ принимаетъ къ себѣ и чужихъ людей, на равныхъ правахъ со своими, а въ сѣверной Руси мы встрѣчаемъ и совсѣмъ искусственныя большія семьи, образованныя соединеніемъ двухъ или болѣе маленькихъ по договору складства. Сѣверно-русское „печище“ мы можемъ наблюдать только по его остаткамъ, юридическимъ, а отчасти архитектурнымъ: кто видалъ большія, двухъэтажныя избы Олонецкой или Архангельской губерніи, тотъ легко можетъ себѣ представить жилье древне-славянской „большой семьи“, объединявшей подъ одною кровлей нѣсколько десятковъ человѣкъ. Южно-славянскій образчикъ этого типа сохранилъ до сихъ поръ и экономическое значеніе—въ Босніи или Герцеговинѣ хозяйство до сихъ поръ ведется такими семьями. Наша начальная лѣтопись называетъ эту „большую семью“ родомъ и явно приписываетъ ей политическое значеніе: „родъ“,—это маленькое государство, находившееся съ другими родами въ „международныхъ“ отношеніяхъ, воевавшее съ ними и т. п. Въ эпоху, знакомую лѣтописи, эта древнѣйшая форма государства уже закрылась болѣе новой—„племенемъ“: но выразительный остатокъ междуродоваго быта сохранился въ кровной мести—учрежденіи, которое намъ придется изучать въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Была ли эта форма экономической и соціальной организаціи самой древней? Во главѣ „большой семьи“ знакомаго намъ типа мы находимъ всегда мужчину—это семья „отцовская“, патріархальная. При той формѣ земледѣлія, которую Лепехинъ видѣлъ у зырянъ, а новѣйшіе путешественники у ангольскихъ негровъ, массовое приложеніе физической силы играетъ такую роль, мужчины съ ихъ топорами являются такимъ необходимымъ элементомъ въ хозяйствѣ, что командующее положеніе мужчины въ семьѣ не требуетъ объясненій. Но наблюденія надъ жизнью теперь существующихъ первобытныхъ народовъ показываютъ, что сначала земледѣліе всюду было въ рукахъ женщинъ. По своему происхожденію это было женское занятіе, какъ охота была занятіемъ мужскимъ—при чемъ

и плоды охоты, мясо убитыхъ звѣрей, доставалось, конечно, главнымъ образомъ, мужчинамъ. Мы видѣли, что лингвистика даетъ возможность спуститься въ очень глубокіе слои славянской экономической древности: „соха“ насъ вплотную подводитъ къ самой первобытной формѣ земледѣлія. Кто орудовалъ этимъ виловатымъ сукомъ въ ту далекую пору, когда славяне начали разводить свое просо на границѣ лѣса и степи? Наблюденія надъ юридической терминологіей бросаютъ на это нѣкоторый свѣтъ. Очень характерно, во-первыхъ, что славяне не знаютъ обще-индоевропейскаго имени „отца“ (санскритское pitar, греч. pater, лат. pater, откуда père, vater и т. д.): славянское слово происходитъ отъ, тоже очень древней, но параллельной формы atta. Для брата отца, дяди, тоже нѣтъ общей индо-европейской формы. Зато не только славянамъ знакома общая индо-европейская форма слова „мать“, но есть особое слово для обозначенія „сына сестры“, нетій. Еще болѣе замѣчательна смѣна терминовъ въ „Русской Правдѣ“: въ числѣ возможныхъ мстителей здѣсь въ древнѣйшей редакціи стоитъ „сынъ сестры“, а въ позднѣйшей онъ замѣняется „сыномъ брата“. Все это, какъ будто, указываетъ на два факта: во-первыхъ, патріархальная большая семья сложилась у славянъ довольно поздно, славяне не унаслѣдовали этой формы отъ индоевропейцевъ; а во-вторыхъ, въ древнѣйшую эпоху у славянъ счетъ родства велся не по мужской, а по женской линіи, центромъ семьи и главой хозяйства была мать, а не отецъ.

Патріархальный строй древне-славянской семьи связанъ, такимъ образомъ, съ опредѣленнымъ типомъ земледѣльческаго хозяйства—съ хозяйствомъ подсѣчнымъ, „лѣснымъ земледѣліемъ“, если такъ можно выразиться. По мѣрѣ того, какъ славяне подавались все далѣе и далѣе на сѣверъ, въ лѣсную полосу, отцовское начало въ ихъ семьѣ торжествовало надъ материнскимъ. Къ „исторической“ эпохѣ, т.-е. той, отъ которой дошли до насъ письменные памятники, изъ „материнскаго права“ имѣлись уже только слабыя „переживанія“, выразившіяся, главнымъ образомъ, въ болѣе самостоятельномъ положеніи женщины древне-русской семьи, чѣмъ въ индо-европейской семьѣ вообще. Съ этими

переживаніями намъ опять-таки придется еще имѣть дѣло въ дальнѣйшемъ,—изучая первобытный юридическій строй. Оставаясь пока въ области исторіи хозяйства, намъ нужно отвѣтить на другой вопросъ: что заставляло восточныхъ славянъ двигаться въ этомъ направленіи, отъ лучшихъ климатическихъ условій къ худшимъ? Не непониманіе выгодъ своего пристепного положенія, во всякомъ случаѣ: ибо мы застаемъ русскихъ славянъ въ процессѣ отчаянной борьбы съ сосѣдями за южно-русскія степи, и борьба эта провожаетъ насъ черезъ весь древнѣйшій періодъ русской исторіи, съ IX по XIII вѣкъ. При чемъ въ началѣ этого періода борьба шла успѣшнѣе, чѣмъ въ концѣ его: славянскія поселенія IX—X вѣка заходили на югъ до Азовскаго и Чернаго морей, къ XIII же вѣку граница не шла далѣе нынѣшнихъ Кіевской, Черниговской и Курской губерній. Въ чемъ же дѣло? Присматриваясь ближе, мы видимъ, что у попятнаго движенія русскихъ славянъ, съ юга на сѣверъ, была не одна, а много причинъ. Въ основѣ лежало несомнѣнное измѣненіе климата. Въ началѣ русской исторіи климатъ южной Россіи былъ гораздо болѣе влажнымъ, чѣмъ теперь. Еще документы XVII вѣка свидѣтельствуютъ, что лѣсная растительность тянулась тогда несравненно далѣе на югъ, чѣмъ въ XX вѣкѣ. Губерніи Полтавская, Харьковская, Воронежская, теперь типично степныя, тогда были во многихъ мѣстахъ покрыты густымъ высокоствольнымъ лѣсомъ. Тамъ, гдѣ триста лѣтъ назадъ встрѣчались дубы въ сажень діаметромъ, теперь изрѣдка можно встрѣтить мелкую поросль, годную лишь на дрова. За много вѣковъ раньше климатъ, конечно, былъ еще влажнѣе: Геродотъ, въ V вѣкѣ до Р. Х., зналъ большое озеро на мѣстѣ теперешнихъ Пинскихъ болотъ. Въ Полтавскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу Ворсклы, гдѣ теперь открытая степь, въ до-историческое время былъ сплошной лѣсъ, тянувшійся на 40 слишкомъ верстъ въ длину и болѣе 15 въ ширину. Но земледѣліе возможно только при извѣстной, минимальной, степени влажности. Просо сравнительно хорошо выдерживаетъ засуху, но въ совсѣмъ безводной мѣстности, безъ искусственнаго орошенія, и оно расти не станетъ. Начавъ свое земледѣльческое хозяйство на границѣ лѣса и степи,

русскіе славяне естественнымъ путемъ должны были подаваться все далѣе и далѣе на сѣверъ, по мѣрѣ того, какъ граница степей подвигалась все сѣвернѣе. Но этотъ естественный процессъ проходилъ бы довольно медленно, если бы ему не помогали „искусственныя", историческія условія: не говоря уже о томъ, что въ теченіе ряда вѣковъ могло имѣть мѣсто и постепенное приспособленіе русскихъ славянъ къ степному земледѣлію, которое оказалось же возможно въ наши дни. На это приспособленіе у нихъ не нашлось времени. По мѣрѣ того, какъ степь завоевывала все болѣе и болѣе территоріи у лѣса, степная, скотоводческая культура на югѣ Россіи оказывалась все сильнѣе и сильнѣе — и все труднѣе было земледѣльцамъ-славянамъ держаться противъ тюрковъ-скотоводовъ, наполнявшихъ при-черноморскія степи и носившихъ разныя имена — сначала печенѣговъ, потомъ половцевъ, потомъ татаръ. Ихъ степному хозяйству шло на прибыль то, что тѣснило земледѣльческое хозяйство славянъ: а они и безъ того въ культурномъ отношеніи были сильнѣе этихъ послѣднихъ. Прежній взглядъ, видѣвшій въ степнякахъ только хищниковъ, основывался на старой схемѣ экономическаго развитія — охота, скотоводство, земледѣліе: разъ земледѣліе есть высшая форма, а скотоводство низшая, то побѣда степи должна была выражать собою разгромъ культуры дикарями—и ничего болѣе. Археологическія раскопки послѣднихъ десятилѣтій какъ нельзя быть болѣе убѣдительно показали, какое огромное культурное вліяніе имѣли „дикари" на древнюю Русь. Степной востокъ былъ для русскихъ IX—XI вѣковъ тѣмъ, чѣмъ впослѣдствіи для Московскаго государства и петровской Россіи стала Западная Европа. Все, что украшало жизнь, отъ серегъ и бусъ до матерій, посуды и домашней утвари, даже въ такихъ удаленныхъ отъ степи мѣстахъ, какъ нынѣшняя Смоленская губернія, носитъ ярко выраженный восточный колоритъ. Скотоводческая культура, болѣе сложная и болѣе крѣпкая, чѣмъ первобытное земледѣліе, была такимъ же непреодолимымъ барьеромъ для славянства, какимъ для славянскаго хозяйства была степная засуха.

Какъ видимъ, роковая для русскаго историческаго развитія передвижка восточныхъ славянъ съ юга на сѣверъ была

предопредѣлена и природными и культурными условіями. Удивляться приходится не ей, а тому, что при столь неблагопріятной обстановкѣ русское славянство все-таки имѣло блестящій моментъ своей исторіи, извѣстной подъ именемъ кіевскаго періода. Тѣ же археологическія раскопки съ каждымъ годомъ приносятъ все новыя и новыя доказательства, какъ высоко стояла въ области матеріальной культуры Кіевская Русь даже сравнительно съ современной ей Западной Европой. Музеи все болѣе и болѣе наполняются образчиками кіевской художественной промышленности, мало уступающими ихъ византійскимъ образцамъ. Въ такихъ второстепенныхъ пунктахъ, какъ кіевскій Бѣлгородъ, открываютъ остатки каменныхъ зданій такого масштаба, какой былъ бы не по плечу даже московской Руси. Грандіозность матеріальныхъ остатковъ подтверждаетъ то, что мы знаемъ о „кіевской имперіи“ изъ другихъ источниковъ. Но откуда она взялась? Славянское первобытное земледѣліе было слишкомъ слабо, чтобы стать основой крупной политической организаціи. Если эта послѣдняя возникла на восточно-европейской равнинѣ въ X вѣкѣ, въ образѣ „великой державы“ Владиміра Св. и Ярослава, то это былъ не результатъ внутренняго мѣстнаго развитія, а послѣдствіе внѣшняго толчка, даннаго движеніемъ на югъ норманновъ. Эта скандинавская волна была міровымъ событіемъ первостепенной важности. Ея прямыми или косвенными результатами объясняются такіе факты, какъ образованіе средневѣкового англійскаго королевства съ его своеобразными формами, какъ такъ называемые „крестовые походы“. Образованіе русской державы было однимъ изъ многихъ аналогичныхъ явленій, восходящихъ къ той же причинѣ: это былъ первый знакомый намъ случай вліянія на русскій историческій процессъ общихъ условій. Норманны были типичными представителями „разбойничьей торговли“, родоначальницы всякой торговли вообще; они грабили во всѣхъ концахъ свѣта и награбленнымъ торговали, создавая такимъ путемъ связи между мѣстностями, до норманскаго нашествія не имѣвшими понятія другъ о другѣ. На восточно-европейскую равнину ихъ привела, повидимому, погоня за цѣнными мѣхами — однимъ изъ главныхъ предметовъ роскоши того времени. Раньше всего они появляются на Двинѣ и

Бѣломъ морѣ: наши Холмогоры до сихъ поръ напоминаютъ своимъ именемъ объ этихъ далекихъ временахъ. Слово, несомнѣнно, происходитъ отъ скандинавскаго Holmgaard (городъ на островѣ) и пришло къ намъ въ его финской формѣ, почему старинные документы и пишутъ „Колмогоры". Это была, вѣроятно, первая норманская стоянка на территоріи теперешней Россіи. Но балтійскіе норманны очень ненадолго отстали отъ своихъ товарищей, оперировавшихъ на Бѣломъ морѣ. Уже около 800 года по Р. Х. ихъ городъ Бирка, на островѣ озера Мелара, въ восточной Швеціи, былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ торговыхъ центровъ міра, куда во множествѣ стекались, въ числѣ прочихъ, и „славяне и другіе скиѳскіе народы", и гдѣ было „изобиліе всякихъ благъ и великое скопленіе денегъ", какъ записали современные историки. А новѣйшій историкъ отмѣчаетъ, что это былъ, вѣроятно, первый средневѣковый городъ, населеніе котораго жило исключительно торговлей, такъ какъ островъ слишкомъ былъ малъ, чтобы прокормить свое населеніе земледѣліемъ. Шведовъ изъ Бирки арабы встрѣчали въ Астрахани (тогдашнемъ Итилѣ), и по разсказамъ этихъ арабовъ извѣстный уже намъ Ибнъ-Даста составилъ древнѣйшее описаніе руссовъ, какое мы имѣемъ. Ибо восточные славяне называли этихъ шведовъ „Русью", взявъ имя, опять-таки, изъ финскаго источника: названіе „Руоцы" или „Рузеръ", данное финнами норманнскимъ мореходамъ, происходитъ отъ древне-шведскаго rother, означавшаго „греблю", „морскую поѣздку". Около 1000 года Бирка уже не существовала, но Швеція продолжала играть выдающуюся роль въ восточной торговлѣ: ея центромъ сталъ теперь Готландъ, островъ Балтійскаго моря, на которомъ до сихъ поръ найдено 223 клада съ восточными монетами (23 тысячи штукъ)—тогда какъ въ самой Швеціи такихъ кладовъ извѣстно лишь 137. Выше Готланда въ этомъ отношеніи стоитъ только сама Россія, съ 329 кладами, при чемъ только въ одномъ, найденномъ въ Муромѣ, было болѣе 11.000 монетъ. Норманновъ, или, какъ называли ихъ русскіе славяне, варяговъ [1]), привлекли и къ рус-

[1]) Слово, чрезвычайно широко распространенное — оно встрѣчается и въ греческомъ, и въ арабскомъ, и въ грузинскомъ языкахъ. Оно сохранилось до

скимъ славянамъ прежде всего мѣха: древнѣйшее упоминаніе о варяжской дани говоритъ о „бѣлкахъ и вѣверицахъ“ (куницахъ). Но уже очень скоро—вѣроятно, какъ только имъ удалось проникнуть до ближайшихъ южныхъ и восточныхъ рынковъ, Константинополя, Булгара на Волгѣ и Итиля — они открыли здѣсь товаръ, гораздо болѣе цѣнный и прибыльный: рабовъ. Древнѣйшее арабское описаніе руссовъ рисуетъ ихъ прежде всего, какъ работорговцевъ: они „нападаютъ на славянъ, захватываютъ ихъ въ плѣнъ, отвозятъ въ Хазеранъ и Булгаръ и продаютъ тамъ“. Древнѣйшій договоръ русскихъ съ греками, 911 года, говоритъ о челяди, рабахъ, какъ о главномъ русскомъ товарѣ. Древнѣйшая редакція „Русской Правды“, еще четко отличающая „русина“, т.-е. норманна, отъ „славянина“, разсматриваетъ „челядина“, какъ главный видъ движимаго имущества, — при чемъ варяжскій челядинъ оказывается имуществомъ, охраняемымъ особенно тщательно. Какъ и на Западѣ — въ Нормандіи и въ Англіи—норманны въ Россіи быстро утратили свои національныя особенности, усвоили „русскій“, т.-е. славянскій, языкъ и стали называться славянскими именами. Но это нисколько не измѣнило ихъ экономическаго значенія: обрусѣвшій норманнъ оставался работорговцемъ. Интересы невольничьяго торга опредѣляли политику создателей „кіевской державы“: Святославъ собирался перенести свою станицу на Дунай потому, что туда сходились „вся блага“ изъ русской земли—и въ числѣ всѣхъ этихъ благъ онъ не позабылъ и „челяди“; Владиміръ Св. самъ былъ крупнымъ работорговцемъ. Первичной формой добыванія челяди былъ просто захватъ; именно примѣненіе кіевскимъ княземъ Игоремъ этого древнѣйшаго способа заставило древлянъ вспомнить поговорку: „повадится волкъ къ овцамъ, такъ по одной выноситъ все стадо, если не убить его“. Этотъ способъ сохранилъ все свое значеніе и впослѣдствіи: княжескія усобицы, которыми полна исторія Кіевской Руси, и которыя на первый взглядъ не имѣютъ никакого смысла, на самомъ дѣлѣ имѣли глубокое экономическее основаніе; „ополониться

сихъ поръ въ русскихъ мѣстныхъ говорахъ со значеніемъ „мелкаго торговца, торгующаго въ разносъ“: очень характерное воспоминаніе о томъ качествѣ, въ какомъ являлись на Руси отдѣльные норманны.

челядью“ было завѣтною мыслью всякаго князя и его дружины—споръ изъ-за „столовъ“ только прикрывалъ экспедиціи за живымъ товаромъ, какъ теперь разбойничьи колоніальныя войны прикрываются „національными потребностями“ и „интересами цивилизаціи“. Но рядомъ съ прямымъ захватомъ постепенно выработались болѣе мирные способы порабощенія. Изъ „Русской Правды“ мы узнаемъ о систематическихъ попыткахъ обращать въ рабство наемныхъ слугъ, „вдачей“. Еще большее значеніе имѣло долговое холопство, „закупничество“ — при чемъ интересно, что самъ юридическій институтъ въ этомъ случаѣ пришелъ къ намъ изъ Скандинавіи. „Закупъ“ „Русской Правды“—точная копія долгового раба скандинавскихъ правдъ. Княжескія усобицы и тутъ подготовляли почву: разоряя земледѣльческое населеніе, онѣ все чаще и чаще заставляли послѣднее прибѣгать къ займамъ у крупныхъ собственниковъ, которыми были тѣ же обрусѣвшіе варяги. Такъ норманское нашествіе съ чрезвычайной быстротой создавало на Руси рабовладѣльческую культуру, яркую и грандіозную, ибо торговля рабами приносила на Русь огромныя суммы денегъ [1]) и, въ то же время, систематически подрывавшую основы всякой культуры, уничтожая ея создателя, славянскаго крестьянина. Но попутно та же рабовладѣльческая культура разрушала и старыя общественныя формы, создавая новыя, болѣе прогрессивныя: въ Кіевской Руси мы встрѣчаемъ первые, и очень крупные зачатки городского хозяйства, которые удобнѣе разсмотрѣть въ общей связи — въ слѣдующей главѣ.

Библіографія.

Новѣйшая работа по экономической исторіи Россіи принадлежитъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскому („Исторія русскаго народнаго хозяйства“, томъ I—пока единственный—Кіевъ, 1911). Книга г. Довнаръ-Запольскаго должна была бы быть крупнымъ шагомъ впередъ въ данной области, такъ какъ авторомъ впервые привлеченъ къ дѣлу богатый археологическій матеріалъ, до сихъ поръ не использовавшійся

---

[1]) Какія суммы—покажетъ одинъ примѣръ: изъ Смоленской земли въ одинъ только походъ было уведено 10.000 плѣнниковъ. Цѣна раба, по „Русской Правдѣ“, 5 гривенъ=120 р. на наши деньги. Общая стоимость добытаго, стало быть, составляла 1.200.000 рублей.

историками русскаго народнаго хозяйства. Къ сожалѣнію, авторъ, очень начитанный въ археологической литературѣ, гораздо менѣе освѣдомленъ въ литературѣ своего ближайшаго предмета—исторіи хозяйства: его точки зрѣнія на развитіе земледѣлія, торговли и т. д. совершенно устарѣли. Если прибавить къ этому, что книга написана очень небрежно, что въ ней въ изобиліи встрѣчаются необоснованные, поспѣшные выводы и даже прямыя фактическія ошибки, то станетъ понятно, почему не только не приходится ее рекомендовать начинающему читателю, но и спеціалистъ до сихъ поръ не обойдется безъ старой работы Аристова („Промышленность древней Руси", Спб. 1866), гдѣ добросовѣстно сгруппированъ извѣстный въ тѣ годы фактическій матеріалъ. Очень хорошая, сжатая характеристика древне-славянскаго хозяйства имѣется въ I томѣ извѣстной книги проф. М. В. Грушевскаго („Исторія Украіни-Русі"— на украинскомъ; есть нѣмецкій и русскій переводы). „Законъ Левассера" см. въ „Очеркахъ по исторіи русской культуры" П. Н. Милюкова (вып. I, очеркъ первый: „Населеніе"; „поправки" къ этому закону,—не замѣчая того, что эти поправки уничтожаютъ безъ остатка самый „законъ",—авторъ приводитъ тутъ же). Основной работой Бюхера является „Происхожденіе народнаго хозяйства" (Die Entstehung der Volkswirtschaft", нѣсколько изданій). Дополненіемъ къ ней являются „Хозяйство первобытныхъ народовъ" (Die Wirtschaft der Naturvölker") и „Работа и ритмъ". Всѣ эти сочиненія имѣются на русскомъ языкѣ. Изъ болѣе новой литературы по-русски переведена только „Исторія первобытной культуры". Шурца („Urgeschichte der Kultur"), гдѣ есть отдѣлъ и по исторіи хозяйства. Спеціальныхъ монографій, на которыхъ, отчасти, основанъ предыдущій очеркъ, не указываемъ, въ виду безполезности такихъ указаній для читателя не-спеціалиста. Для знакомства съ древнѣйшими формами русскаго землевладѣнія очень важна статья А. Я. Ефименко, „Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ" (Въ „Изслѣдованіяхъ народной жизни", М. 1884). О роли норманновъ въ развитіи міровой торговли см. статью Bugge въ „Vierteljahrschrift für Social-und-Wirtschaftsgeschichte" за 1906 г.

2.

„Городское" хозяйство.

Къ тому времени, отъ котораго дошли до насъ древнѣйшіе письменные памятники русской исторіи, первобытный семейный строй находился уже въ состояніи полнаго разложенія. По крайней мѣрѣ, въ этихъ памятникахъ онъ отразился очень мало: нужно, однако, имѣть въ виду, что сами памятники отражаютъ собою жизнь наиболѣе культурныхъ мѣстностей тогдашней Россіи, главнымъ образомъ

жизнь крупныхъ городскихъ центровъ, въ родѣ Кіева или Новгорода. Гдѣ-нибудь въ безграмотной глуши, у Радимичей или Вятичей, можно было найти во всей неприкосновенности „большую семью“ и весь укладъ первобытнаго земледѣльческаго хозяйства, какъ, по крайней мѣрѣ, юридическіе остатки этого строя можно было найти на сѣверѣ Россіи еще лѣтъ пятьсотъ спустя. Но Радимичи или Вятичи и въ XII вѣкѣ для насъ, отдаленныхъ потомковъ, продолжаютъ оставаться „народами доисторическими“—они по себѣ никакихъ памятниковъ не оставили, кромѣ могильныхъ кургановъ. „Древняя Русь“, которую мы можемъ изучать по документамъ и лѣтописямъ, это—городская и пригородная, кіевско-новгородская Русь: о ней и будетъ идти рѣчь на ближайшихъ страницахъ.

Кіевская Русь XI—XII вѣковъ была страною „современнаго земледѣлія“, т.-е. обитатели ея обрабатывали землю плугомъ и бороной, съ помощью лошади или быка. Именно плугомъ и бороною работалъ тотъ „закупъ“, о которомъ говорилось въ концѣ предыдущей главы: соха, очевидно, отодвинулась въ болѣе глухія мѣста. Возрожденіе сохи въ русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ новѣйшаго времени объясняется, главнымъ образомъ, свойствами почвы центральной, около-московской Россіи. Верхній растительный слой здѣсь очень тонокъ, скоро начинается песокъ: глубокая вспашка плугомъ выбрасывала бы наружу именно этотъ песокъ и, безъ удобренія, только портила бы почву. Удобреніе же появилось лишь очень поздно—даже во второй половинѣ XVIII вѣка удобрялись только помѣщичьи земли, да и то не всѣ: крестьянская же земля почти не знала удобренія. Вспашка сохой, углубляющейся въ землю не дальше полутора—двухъ вершковъ, была, при такихъ условіяхъ, наиболѣе цѣлесообразнымъ пріемомъ земледѣльческой техники. Кіевляне XII вѣка пахали на черноземѣ и потому могли пахать глубже, плугомъ. Животная сила являлась, главнымъ образомъ, въ видѣ лошади: волы были, но они, повидимому, примѣнялись рѣже и, кажется, въ болѣе крупныхъ хозяйствахъ. Въ извѣстномъ разговорѣ Владиміра Мономаха съ дружиною насчетъ того, что выгоднѣе „смерду“ (крестьянину)—идти ли въ походъ съ лошадью

въ рабочую пору или дожидаться, пока половцы придутъ къ нему и уведутъ у него лошадь, а съ нею и его самого въ плѣнъ, непремѣнной принадлежностью крестьянскаго хозяйства является именно лошадь. Зато въ числѣ вещей, которыя могъ украсть „закупъ", Русская Правда называетъ и вола: очевидно, легальнымъ путемъ получить это цѣнное животное крестьянину приходилось рѣдко, но онъ прибѣгалъ къ средствамъ внѣ-легальнымъ. Надо имѣть въ виду, что сборники судебныхъ обычаевъ, извѣстные подъ именемъ Русской Правды, составились путемъ накопленія отдѣльныхъ конкретныхъ случаевъ судебнаго разбирательства, такъ что въ основѣ каждаго правила лежитъ то, что дѣйствительно случалось. Вотъ почему мы и можемъ утверждать, что если Русская Правда говоритъ о кражѣ вола, значитъ воловъ дѣйствительно крали.

Уже этотъ маленькій примѣръ показываетъ намъ, что Кіевская Русь знала два типа земледѣльческаго хозяйства: болѣе богатое, примѣнявшее болѣе цѣнную и дѣйствительную животную силу—вола, и болѣе бѣдное, довольствовавшееся лошадью. Что послѣднее было крестьянскимъ, „смердьимъ", объ этомъ лѣтопись говоритъ прямо. Владѣлецъ перваго, болѣе богатаго, въ древне-русскихъ памятникахъ носитъ названіе боярина,—слово, такъ хорошо знакомое намъ въ его сокращенной формѣ, „баринъ". Была барская пашня и была крестьянская, мужицкая пашня—въ XII вѣкѣ, какъ и теперь. Съ происхожденіемъ крупнаго, боярскаго землевладѣнія въ нашей исторической литературѣ связано множество предразсудковъ. Въ качествѣ крупныхъ землевладѣльцевъ бояре древней Руси были „правящимъ классомъ", точно такъ же, какъ и теперешніе дворяне-помѣщики. Что послѣдніе „правятъ" именно потому, что они владѣютъ землею, а не наоборотъ—потому имѣютъ землю, что управляютъ—объ этомъ едва ли кто станетъ спорить даже и изъ людей, къ экономическому матеріализму вовсе не причастныхъ. Ибо всякій слишкомъ хорошо знаетъ изъ газетъ и даже изъ личныхъ наблюденій, что министры, губернаторы и т. д.—до земскихъ начальниковъ, берутся у насъ изъ того сословія, которое владѣетъ землей. Кажется, всего проще было бы заключить, что такъ и всегда было. Но тутъ

замѣшалась теорія, согласно которой русское общество создано русскимъ государствомъ—въ этомъ, будто бы, главное отличіе Россіи отъ Западной Европы. Эту теорію мы въ своемъ мѣстѣ разсмотримъ подробно. Мы увидимъ, что своимъ возникновеніемъ она обязана бюрократическо-полицейскому государству, образовавшемуся на русской почвѣ въ XVIII и началѣ XIX вѣка. Бюрократъ, чиновникъ, которому государство дало власть и средства существованія, естественно разсматривалъ это государство, какъ силу всемогущую, которой все живетъ, движется и существуетъ. На самомъ дѣлѣ, ею двигались, жили и существовали только чиновники, но всякій лучше всего видитъ то, что его касается. И вотъ, возникла теорія, согласно которой древнерусскіе бояре были тоже своего рода чиновниками, которымъ землю далъ князь, на такихъ же основаніяхъ, какъ теперешніе чиновники получаютъ жалованье 20 числа—за ихъ службу. Въ той бюрократической средѣ, которая создавала науку русской исторіи, въ средѣ университетской, это ученіе о служиломъ происхожденіи боярства стало своего рода догматомъ. Когда славянофилы 40-хъ—50-хъ годовъ, которые были, по большей части, помѣщики, а не чиновники, вздумали отыскивать въ древней Руси земскихъ, не служилыхъ бояръ, это сочтено было величайшей ересью. Говорить о „земскихъ боярахъ“ стало такъ же неприлично, какъ обсуждать серьезно вопросъ о лѣшихъ, домовыхъ и тому подобномъ. И намъ понадобилось, какъ видитъ читатель, довольно длинное отступленіе, чтобы подойти къ мысли, чрезвычайно простой и само собою разумѣющейся: что не княжеская власть создала боярство, а наоборотъ, князья вышли изъ боярской среды, изъ среды крупныхъ землевладѣльцевъ. Между тѣмъ, у того, кто станетъ безъ всякихъ предразсудковъ читать древнѣйшіе памятники русскаго права, договоры русскихъ князей съ греческими, византійскими императорами, одинъ 911, другой 945 года, иной мысли и возникнуть не можетъ. Первый изъ этихъ договоровъ даже не отличаетъ титуловъ „бояринъ“ и „князь“: тѣ, кого онъ въ началѣ именуетъ „свѣтлыми боярами“, въ дальнѣйшемъ фигурируютъ подъ именемъ „князей свѣтлыхъ нашихъ русскихъ“—это все одни и тѣ же люди. А изъ

второго договора мы узнаемъ, что этихъ „князей“ или „бояръ“, какъ угодно, и въ 945 году было очень много: болѣе крупныхъ, посылавшихъ каждый особаго уполномоченнаго для переговоровъ съ греками, нашъ документъ называетъ по именамъ, но за нимъ стоитъ еще густая толпа „всякаго княжья“, уже безыменнаго. „Государственная“ же „власть“ въ это время настолько еще мало была въ почетѣ и въ силѣ, что древнѣйшая редакція Русской Правды, составленная именно въ этомъ самомъ X вѣкѣ (и притомъ ближе къ первой половинѣ его) о княжескомъ судѣ не говоритъ ни слова, изъ чего новѣйшіе изслѣдователи правильно заключаютъ, что въ то время князь еще судебной властью не обладалъ—этотъ аттрибутъ „государственности“ попалъ въ его руки только позднѣе (вѣроятно, при Владимірѣ Св., т.-е. въ концѣ X вѣка). Бояръ выдвинула изъ массы „русскихъ людей“ не княжеская власть, а ихъ богатство, какъ можно думать, именно земельное богатство. Процессъ образованія въ древней Руси крупнаго землевладѣнія не можетъ быть изученъ въ деталяхъ, за отсутствіемъ документовъ. Но главнѣйшія условія этого процесса намѣчены нами въ предыдущей главѣ. Свѣтлые бояре-князья русско-греческихъ договоровъ X вѣка почти сплошь носятъ еще норманскія имена. А изъ болѣе позднихъ памятниковъ мы знаемъ, что древне-русское крупное землевладѣніе опиралось на рабовладѣніе. Въ числѣ возможныхъ рабовладѣльцевъ Русская Правда знаетъ князя, боярина и монастырь [1]): изъ одного новгородскаго документа XII вѣка мы узнаемъ, что даже небольшія имѣнія работали при помощи холопьяго труда—а въ большихъ, княжескихъ, напримѣръ, бывало по нѣскольку сотъ человѣкъ пашенной „челяди“. Конкуренція холопьяго труда доканчивала то, что было начато войною и грабежами: разорившійся крестьянинъ могъ себѣ найти работу, только соглашаясь стать на одинъ уровень съ холопомъ. Хозяинъ билъ его наравнѣ со своими

[1]) Благодаря ошибкѣ переписчика въ одномъ изъ списковъ Русской Правды получилась возможность говорить о „смердьемъ“, т.-е. крестьянскомъ, холопѣ. Но увы! На самомъ дѣлѣ данное постановленіе доказываетъ лишь, что крестьянинъ и холопъ въ глазахъ древне-русскаго закона имѣли одну и ту же цѣну.

холопами, а иногда и продавалъ вмѣстѣ съ ними, при чемъ постановленія Русской Правды, запрещавшія продавать „закупа“, едва ли имѣли больше значенія, чѣмъ всякія другія бумажныя гарантіи правъ „трудящихся массъ“. Недаромъ Мономахъ называетъ „смерда“, крестьянина, „худымъ“ и даетъ понять, что обидѣть „худаго смерда“ было такъ же легко, какъ „убогую вдовицу“. Но Мономахъ писалъ душеспасительное „поученіе“; въ дѣловыхъ документахъ, въ договорахъ между собою, князья по просту не отличали „смердовъ“ отъ своихъ холоповъ: „а холоповъ нашихъ и смердовъ выдайте“, говорилъ такой договоръ, когда, послѣ усобицы, заходила рѣчъ о „размѣнѣ плѣнныхъ“.

Такъ, путемъ экспропріаціи крестьянства, создавалось въ древней Руси крупное землевладѣніе. Прямое, голое насиліе играло въ этой экспропріаціи очень видную роль: но не слѣдуетъ, конечно, представлять себѣ дѣло такъ, что порабощеніе крестьянина бариномъ держалось только на насиліи. Одной голой силой нельзя создать новыхъ экономическихъ отношеній. Хроническая зависимость крестьянскаго хозяйства отъ барскаго должна была имѣть свою, чисто экономическую, подкладку—и разглядѣть эту подкладку нетрудно, въ особенности теперь, когда намъ отчетливо видны главнѣйшіе этапы въ развитіи сельскохозяйственной техники. Мы видѣли, какъ медленно развивалось скотоводство вообще, и какъ низко, въ этомъ отношеніи, стояла древняя Русь. „Современное“ земледѣліе немыслимо было безъ рабочаго скота, а его было мало, и всего меньше его было у крестьянской массы. На этомъ и держалась экономическая зависимость этой массы отъ помѣщиковъ. Мы видѣли, что „закупъ“ былъ „задолжавшимъ“ крестьяниномъ. Что же онъ бралъ у барина въ долгъ? Русская Правда говоритъ объ этомъ вполнѣ ясно: ссуда, которую получалъ закупъ, состояла въ сельскохозяйственномъ инвентарѣ,—плугѣ, боронѣ и лошади. Какое огромное значеніе имѣли ссуды скотомъ въ Кіевской Руси, показываетъ длинный списокъ относящихся сюда постановленій въ Русской Правдѣ. И эти постановленія, попутно, ярко освѣщаютъ намъ одинъ изъ источниковъ прибыли на капиталъ. „Правда“ подробно высчитываетъ.

какой приплодъ можетъ дать тотъ или другой видъ скота въ тотъ или другой промежутокъ времени: и ссудившій скотъ считалъ себя вправѣ требовать возврата скота, конечно, съ приплодомъ. Это и была древнѣйшая форма процентовъ съ капитала. „Правда“ знаетъ и настоящій процентъ, въ нашемъ смыслѣ слова, съ капитала въ его денежной формѣ: но недаромъ и капиталъ въ денежной формѣ носитъ въ „Правдѣ“ названіе скота (см. выше, стр. 46). Экономическая зависимость крестьянина отъ барина держалась на томъ, что древне-русскій бѣднякъ только отъ богача могъ получать необходимый для земледѣльческаго хозяйства живой инвентарь. И это явленіе провожаетъ насъ черезъ всю „древнюю Русь“, до XVII вѣка. „Псковская Судная грамота“, которая моложе Русской Правды на два, примѣрно, столѣтія, знаетъ „закупня“ и знаетъ очень любопытный синонимъ для этого слова: „скотникъ“. При чемъ совершенно очевидно, что „скотникъ“ здѣсь не обозначаетъ человѣка, который ходитъ за скотомъ: ибо „скотникъ“ въ этомъ постановленіи ищетъ „верши“, т.-е. хлѣба. Скотникъ „Псковской грамоты“ занимался, такимъ образомъ, земледѣліемъ. Грамота имѣетъ еще и третье названіе для задолжавшаго крестьянина: „изорникъ“. Одинъ изъ новѣйшихъ издателей грамоты замѣчаетъ по этому поводу: „въ Сербіи до сихъ поръ вознагражденіе зерномъ за ссуду воловъ называется изоръ“. Какъ видитъ читатель, мы имѣемъ здѣсь отношенія необычайно древнія, восходящія чуть не до „пра-славянской“ эпохи. А дожили эти отношенія чуть не до нашихъ дней. Въ крестьянскихъ „порядныхъ“ XVII вѣка ссуда выдается „на лошади, и на коровы, и на всякую животину, и на хлѣбъ, и на сѣмена, и на всякій крестьянскій заводъ“... Экономическая основа зависимости крестьянина отъ помѣщика и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ было та же, что при Владимірѣ Мономахѣ. Только теперь крестьянинъ бралъ въ ссуду уже не самый скотъ, въ натурѣ, а деньги на покупку скота—скотъ ему предоставлялось самому найти на рынкѣ. Но получить скотъ безъ помощи барина крестьянинъ все-таки не могъ [1]).

---

[1]) Не слѣдуетъ, однако же, думать, что ссуда скотомъ въ натуральномъ видѣ была не знакома Московской Руси, даже очень поздней. Въ одной кре-

Глубокія экономическія основанія крестьянской неволи значительно ослабляютъ интересъ юридическаго вопроса, такъ занимавшаго предшествующія поколѣнія историковъ: вопроса о происхожденіи крѣпостного права. Если крупное хозяйство древней Руси держалось на рабскомъ трудѣ, а задолжавшій крестьянинъ становился на одну доску съ холопомъ, то сближеніе холопства и крестьянства должно было происходить само собою, такъ сказать, автоматически. Спрашивать приходится не о томъ, почему это случилось, а о томъ, почему этотъ автоматическій процессъ тянулся такъ долго—о крестьянской задолженности мы знаемъ уже изъ документовъ XII вѣка, а „происхожденіе крѣпостного права“ относятъ къ XVI—XVII вв. Но тутъ, во-первыхъ, нужно имѣть въ виду, что московская Русь не была простымъ продолженіемъ Кіевской. Надо имѣть въ виду, что заселеніе славянами Поднѣпровья закончилось не позднѣе VII столѣтія по Р. Х.,—а славянская колонизація „междурѣчья“ Оки и верхней Волги началась не ранѣе XI—XII вв., то-есть раньше тутъ были отдѣльныя славянскія поселенія, вдоль рѣкъ (Ростовъ, Муромъ), но сплошное крестьянское населеніе появилось только позже. Даже и не считаясь съ фактомъ норманскаго нашествія, втянувшаго древнюю Русь въ обороты міровой торговли, приходится признать кіевщину XII вѣка столь же „старой“, какъ московщина XVI: въ XII же вѣкѣ на сѣверо-востокѣ, вѣроятно, въ полномъ расцвѣтѣ было еще „первобытное земледѣльческое хозяйство“, на югѣ-западѣ уже исчезавшее. Недаромъ же у инородцевъ русскаго сѣверо-востока мы встрѣтили эту форму хозяйства еще въ XVIII столѣтіи: да изъ разсказовъ того же, цитированнаго нами, путешественника 1760-хъ годовъ мы узнаемъ, что и русскіе крестьяне Владимірской губерніи тѣхъ дней недалеки были отъ зырянъ. „Кіевскій періодъ“ и „Московскій періодъ“—это не два послѣдовательныхъ акта одной и той же драмы, а двѣ параллельныхъ

стянской „порядной“ 1686 г. мы читаемъ: „а взялъ я, вольный человѣкъ, польскіе породы, у властей (Чудова монастыря) ссуды 15 рублей денегъ, да мерина въ пять рублей, да корову, да 10 овецъ, да 10 свиней“... А въ это время царствовалъ уже Петръ Великій!

драмы, двѣ варіаціи на одну и ту же тему. У каждой варіаціи были свои особенности: кіевская развертывается на фонѣ широкой картины, на перекресткѣ торговыхъ путей, связывавшихъ скандинавскій сѣверъ съ передней Азіей—Бирку съ Константинополемъ и Багдадомъ, московская носитъ болѣе захолустный, провинціальный характеръ; но въ основныхъ чертахъ соціальный процессъ шелъ въ одномъ и томъ же направленіи. Почему въ Кіевской Руси онъ не дошелъ до своего неизбѣжнаго конца—и „закупы“ не превратились въ крѣпостныхъ крестьянъ, подобно московскимъ „серебрянникамъ“ (такъ назывался въ XV—XVI вѣкахъ крестьянинъ, взявшій денежную ссуду)? Отвѣтъ даютъ, въ концѣ концовъ, географическія условія. Индивидуализируетъ исторію именно географія: въ основныхъ чертахъ развитіе хозяйства во всѣхъ странахъ міра идетъ совершенно одинаково, и если одна сторона не похожа на другую, если эскимосы до сихъ поръ не вышли изъ каменнаго вѣка, а обитатели маленькаго выступа Азіи, называемаго „Западной Европой“, живутъ въ вѣкѣ „машинномъ“, то виноваты въ этомъ, прежде всего, климатъ и другія географическія особенности. Кіевская Русь, на первый взглядъ, представляла гораздо болѣе благодарную почву для развитія земледѣлія, нежели сѣверо-восточная, московская. Сравнительно гораздо болѣе теплый климатъ (средняя годовая температура Москвы 4°, Кіева 6°; средняя температура зимы—января мѣсяца—въ Кіевѣ—6°, въ Москвѣ—12°), черноземная почва, наконецъ, близость старинныхъ культурныхъ очаговъ („скиѳовъ-земледѣльцевъ“ въ южной Россіи зналъ еще Геродотъ)—все это, казалось бы, указывало юго-западной Россіи то назначеніе, которое она и получила въ новѣйшее время. Но на самомъ дѣлѣ, мы видимъ тутъ рѣзкій примѣръ того, какъ мало еще значитъ одна „физическая географія“, въ голомъ ея видѣ. Біологи давно замѣтили, что для развитія животныхъ и растительныхъ видовъ животная и растительная среда значитъ не меньше, нежели количество теплоты, влаги и т. под. Для развитія той или другой страны „соціальная географія“ значитъ не меньше, чѣмъ физическая. Своими рѣчными системами южная Россія гораздо тѣснѣе связана съ Азіей, чѣмъ съ Европой.

Днѣпръ и Донъ текутъ къ Черному морю, Волга—въ Каспійское, но первое изъ нихъ на $^3/_4$, а второе всецѣло являются азіатскими бассейнами. Передняя Азія—Византія и арабы—были ближайшими рынками для Кіевской Руси. А эти страны съ испоконъ вѣка жили рабскимъ трудомъ: арабы, въ частности, и мусульманскій востокъ вообще, до сихъ поръ являются главными потребителями живого товара, теперь добываемаго, преимущественно, въ Африкѣ. Тогда источникомъ этого товара была Россія. Работорговля въ Кіевской Руси была гораздо выгоднѣе сельскаго хозяйства—и притомъ она самымъ опредѣленнымъ образомъ мѣшала успѣхамъ послѣдняго, потому что рабы не такой товаръ, который можно добыть мирнымъ путемъ: чтобы добыть „челяди", нужно было жечь и разорять, убивать и грабить, и мы уже упоминали, что въ охотѣ за рабами былъ главный экономическій смыслъ безсмысленныхъ, съ перваго взгляда, княжескихъ усобицъ. Но громили не только крестьянство, распугивая его и заставляя бѣжать въ лѣса; доставалось и боярскимъ имѣніямъ, грабили даже и княжескія. Крупновладѣльческимъ хозяйствамъ доставалось, можетъ быть, съ чисто экономической точки зрѣнія, хуже, нежели мелкимъ. Въ большомъ имѣніи можно было добыть гораздо болѣе цѣнный видъ челяди—обученныхъ холоповъ, ремесленниковъ, продававшихся на рынкѣ въ 2—$2^1/_2$ раза дороже рядового раба. При такихъ условіяхъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ въ большомъ масштабѣ было сизифовой работой: только что наладили дѣло, какъ слѣдуетъ—глядь, отъ него и слѣдовъ нѣтъ, только головешки однѣ напоминаютъ объ усадьбѣ. И невольно обанкрутившійся зевлевладѣлецъ начиналъ вышибать клинъ клиномъ—поступалъ въ дружину къ какому-нибудь князю и отправлялся вмѣстѣ съ нимъ искать челяди. Недаромъ историки давно отмѣтили возрастающее значеніе сельскаго хозяйства и крупнаго землевладѣнія по мѣрѣ перехода центра русской исторіи съ юга-запада на сѣверо-востокъ. Верховья Волги и Оки, суздальская, позже московская Русь, правда, еще оставалась связанной и съ Востокомъ—черезъ Волгу: но гораздо тѣснѣе была она связана съ сѣверо-западной Европой, черезъ рѣчныя системы Балтійскаго моря: Западную Двину, На-

рову, Волховъ, который своими верхними отростками, Мстою и Ловатью, и тогда уже почти сливался съ верхне-волжскимъ бассейномъ. Но въ сѣверо-западной Европѣ среднихъ вѣковъ рабскій трудъ далеко не игралъ уже такой роли, какъ въ Византіи или арабскихъ государствахъ. Сѣверо-западная Европа была классическою страною свободнаго ремесла, и ея купцы, если иногда и не прочь были купить отдѣльнаго раба, или, въ особенности, рабыню, въ Россіи, являлись къ намъ, главнымъ образомъ, не за этимъ, а за мѣхами: до открытія Сѣверной Америки Русскій сѣверъ оставался единственнымъ источникомъ цѣннаго пушного товара для всего міра. Въ вопросѣ о рабовладѣніи это совершенно перестанавливало центръ тяжести. Усобицы прекратились, потому что въ нихъ больше не было никакого экономическаго смысла. Накоплявшійся запасъ холоповъ,—накоплявшійся теперь уже „мирнымъ" путемъ, путемъ порабощенія обѣднѣвшаго крестьянства—выгоднѣе всего было посадить на землю. И никакія опасности крупному хозяйству теперь не грозили—еще мелкое крестьянское грабили почасту бояре и ихъ челядинцы, но самъ бояринъ могъ пострадать только въ случаѣ войны съ иноплеменникомъ, что не случалось же каждый день: уже XIV вѣкъ зналъ мирные промежутки, для политическаго центра тогдашней Россіи, въ сорокъ лѣтъ. Принявшись за мирное сельское хозяйство, во много разъ менѣе выгодное, чѣмъ добываніе челяди и торговля ею, но во столько же разъ болѣе надежное, русское крупное землевладѣніе и выработало, мало-по-малу, соотвѣтствующую новымъ задачамъ форму холопства—въ образѣ крѣпостного права.

Мнѣніе, будто это послѣднее возникло сразу, установлено однимъ или нѣсколькими правительственными указами конца XVI вѣка, въ настоящее время почти никѣмъ изъ ученыхъ не поддерживается. Всѣ согласны въ томъ, что то положеніе, въ какомъ мы застаемъ жившее въ помѣщичьихъ имѣніяхъ крестьянство на порогѣ „новой" русской исторіи, въ срединѣ XVII столѣтіи,—что это положеніе сложилось постепенно, было результатомъ медленной эволюціи. Но самую эволюцію ученые понимаютъ весьма различно. Одни отводятъ здѣсь больше мѣста вліянію государственныхъ

интересовъ, другіе стараются объяснить все дѣло изъ „частно-правовыхъ“ отношеній, не выходя изъ круга интересовъ помѣщика и крестьянина. Первые, напримѣръ, указываютъ на то, что правительству выгодно было поручить сборъ подати въ деревнѣ мѣстному барину—имѣть, такимъ образомъ, одного отвѣтственнаго сборщика податей, человѣка состоятельнаго, съ котораго легко и удобно было взыскать недоборъ; а положеніе отвѣтственнаго сборщика податей давало помѣщику огромную власть надъ крестьянами—это, говорятъ, одинъ изъ главныхъ корней крѣпостного права. Съ другой стороны, говорятъ, на крупныхъ земледѣльцахъ лежала воинская повинность, которую они должны были отправлять на собственный счетъ, на своемъ конѣ, въ своемъ вооруженіи, съ отрядомъ вооруженныхъ холоповъ: значитъ, у государства былъ расчетъ обезпечить ихъ имѣнія рабочей силой, не дать имъ запустѣть,—вотъ государство и помогло имъ прикрѣпить къ своимъ имѣніямъ крестьянъ. Вторые упираютъ, главнымъ образомъ, на задолженность крестьянъ—фактъ, намъ уже знакомый,—и стараются прослѣдить, какъ въ московскомъ правѣ сливались постепенно понятія крестьянина и долгового холопа. Ни тѣ, ни другіе не ставятъ, обыкновенно, вопроса о томъ: да какой же былъ экономическій смыслъ въ этомъ прикрѣпленіи? Предполагается само собою, что имѣть дарового работника, холопа, вообще очень пріятное дѣло—какъ же къ этому не стремиться? Но вотъ потомки тѣхъ же самыхъ помѣщиковъ въ серединѣ XIX вѣка явно тяготились даровыми, крѣпостными работниками, нѣкоторые даже—по ихъ словамъ—не знали, какъ отъ своихъ крѣпостныхъ отдѣлаться, и 19 февраля 1861 года отпустили ихъ на волю. Почему же триста лѣтъ раньше было какъ разъ наоборотъ? Ища этихъ экономическихъ корней крѣпостного права, надо на время забыть государство съ его военными и финансовыми заботами, и даже древне-русское гражданское право, и присмотрѣться просто къ тому, что дѣлали крестьяне въ деревнѣ. Одинъ игуменъ XIV вѣка, котораго крестьяне обвиняли, что онъ требуетъ съ нихъ недолжнаго, въ своемъ оправданіи подробно намъ разсказалъ, что́ крестьяне по обычаю должны были дѣлать. Они обязаны были чинить церковь, поддер-

живать въ порядкѣ тынъ вокругъ монастыря, пахать тотъ „жеребій“ пашни, хлѣбъ съ котораго шелъ монастырю, потомъ засѣять его, хлѣбъ сжать и свезти въ монастырь, косить на монастырь сѣно и опять-таки отвозить его, куда надо, ловить для монастыря рыбу и бобровъ; молотить монастырскую рожь, потомъ молоть ее; печь изъ нея хлѣбы и варить пиво—а когда игуменъ раздасть ленъ по деревнямъ, крестьянки обязаны были его прясть. Поставьте вмѣсто церкви и монастыря „усадьбу“—и вы получите картину любого большого русскаго имѣнія той эпохи. Чтобы это имѣніе могло вести свое хозяйство, около него густымъ строемъ должны были стоять крестьянскіе поселки—имѣніе безъ крестьянъ такъ же нельзя себѣ представить, какъ фабрику безъ рабочихъ. При этомъ, чѣмъ интенсивнѣе будетъ хозяйство этого имѣнія, тѣмъ больше должно быть около него крестьянъ: жалобы крестьянъ на игумена тѣмъ, повидимому, и объяснялись, что игуменъ сталъ „интенсифицировать“ монастырское хозяйство. Но XVI вѣкъ какъ разъ и отмѣченъ въ нашей экономической исторіи большой интенсификаціей сельскаго хозяйства. Въ предыдущей главѣ мы видѣли картину зырянскаго подсѣчнаго хозяйства, гдѣ пашню „выдираютъ“ изъ-подъ лѣса (отсюда наше слово „деревня“) только на одинъ годъ и, снявъ урожай, переходятъ на новое мѣсто. Есть основаніе думать, что во времена Русской Правды (XI—XIII вв.) подсѣчное, лѣсное земледѣліе вообще являлось на Руси нормальнымъ, обычнымъ типомъ хозяйства. По Русской Правдѣ границей двухъ земельныхъ владѣній является „межьный дубъ“, дерево съ насѣчками, обозначавшее предѣлъ лѣсного участка, отмежеваннаго себѣ кѣмъ-нибудь для пашни. Такіе отмѣченные насѣчками на деревьяхъ участки лѣса знаютъ еще до сихъ поръ въ глухихъ мѣстахъ Сибири: они называются тамъ „чертежами“, и нарушить чужой „чертежъ“ считается въ сибирскомъ сельскомъ быту большимъ преступленіемъ,—какъ считала это большимъ преступленіемъ и Русская Правда. Подсѣчное хозяйство оставило многочисленные слѣды въ московской Руси: документы XVI вѣка знаютъ еще и насѣчки на деревьяхъ для обозначенія межи, и „лѣсъ пашенный“, приготовленный для пашни. Но для XVI вѣка

это уже пережитки прошлаго: господствующей въ это время является переложная система, при которой одну и ту же землю пашутъ нѣсколько разъ, пока она даетъ урожаи; когда же она истощается, ее оставляютъ „отдохнуть“ и переходятъ на новый участокъ, потомъ еще на новый: тѣмъ временемъ первый оказывается уже опять годнымъ для посѣва, и къ нему снова возвращаются. Очевидно, что при переложномъ хозяйствѣ на той же площади можетъ прокормиться гораздо больше народу, чѣмъ при подсѣчномъ. Но XVI вѣкъ сдѣлалъ уже крупный шагъ дальше и этого: во многихъ имѣніяхъ мы встрѣчаемъ уже знакомую намъ трехпольную систему—дѣленіе пашни на три клина, на одномъ изъ которыхъ сѣютъ яровое (въ средней Россіи, обыкновенно, овесъ), на другомъ озимое (рожь), а третій оставляютъ подъ паромъ. Если при подсѣчномъ хозяйствѣ используется какая-нибудь $^1/_{100}$ всей площади, при переложномъ $^1/_5$ или $^1/_6$, то при правильномъ трехпольѣ ежегодно „гуляетъ“ только $^1/_3$ земли, $^2/_3$ работаютъ. Правда, нужно сказать, что правильное трехполье въ московской Руси мы встрѣчаемъ еще довольно рѣдко, такъ же, какъ и необходимое при правильномъ трехпольѣ удобреніе—чаще трехполье чередуется съ перелогомъ: тѣмъ не менѣе, сравнительно со временемъ Русской Правды, интенсивность была достигнута огромная. И эта интенсивность совершенно мѣняла отношеніе земли и крестьянина—съ помѣщичьей точки зрѣнія. При подсѣчномъ хозяйствѣ не было ни смысла, ни возможности долго удерживать крестьянъ на одномъ мѣстѣ: выпахавъ все, что можно было, въ лѣсу, земледѣльческое населеніе, въ силу условій хозяйства, должно было уйти въ другое мѣсто. При перелогѣ, а тѣмъ болѣе при трехпольѣ, это оказывалось уже возможно—при трехпольѣ даже необходимо. Переходъ къ болѣе интенсивнымъ формамъ культуры создавалъ, такимъ образомъ, для владѣльцевъ и интересъ и возможность не только на время подчинять себѣ крестьянина, но привязывать его къ себѣ надолго, по возможности навсегда. И уже въ срединѣ XV вѣка самые умные и разсчетливые хозяева того времени, монастыри, начинаютъ подыскивать новыя юридическія формы, которыя позволяли бы имъ разрѣшать эту задачу, не существовав-

шую ранѣе для древне-русскаго землевладѣльца, а стало быть, и для древне-русскаго права. Раньше цѣпью, привязывавшей крестьянина къ барину, былъ ссуженный послѣднимъ первому инвентарь, главнымъ образомъ, скотъ— и этой связи было достаточно: когда вся земля была распахана, барину нечего было больше дѣлать со своимъ „закупомъ"—развѣ продать его на сторону или перевести въ другое имѣніе, если у барина ихъ было нѣсколько. Самъ закупъ смотрѣлъ на свое положеніе, какъ на временное,— и мы постоянно встрѣчаемъ его въ поискахъ денегъ, чтобы выкупиться: при чемъ деньги эти, конечно, чаще всего давалъ другой баринъ, у котораго было еще много нераспаханной земли. Эта юридическая форма дожила до XVI вѣка, вмѣстѣ съ „межнымъ дубомъ" и „пашеннымъ лѣсомъ": она сохранилась въ хорошо извѣстномъ „Юрьевомъ днѣ", правилѣ, въ силу котораго крестьянинъ разъ въ году могъ „отказываться" отъ своего барина, уплативъ ему долгъ. Пріуроченіе этого отказа къ опредѣленному сроку, Юрьеву дню осеннему (26 ноября), показываетъ, однако же, что подвижности крестьянъ начинали класть извѣстныя границы,— что эта подвижность стѣсняла уже тѣхъ, кто вырабатывалъ право. И вотъ, монастыри, при помощи великокняжескихъ жалованныхъ грамотъ, начинаютъ проводить идею совершенной неподвижности крестьянина, безусловнаго закрѣпленія его въ данномъ имѣніи. Идея эта, по поводу которой было въ наукѣ много споровъ, въ дѣйствительности очень простая и вполнѣ доступная нашему, современному, правосознанію: идея давности. Намъ теперь ничуть не кажется страннымъ, что домъ или имѣніе, которымъ мы провладѣли безъ спора 10 лѣтъ, считается нашимъ, хотя бы мы ничѣмъ доказать своего права на него и не могли. Точно такъ же древне-русскому землевладѣльцу казалось совершенно естественнымъ, что крестьянинъ, который живетъ у него „изстари", не смѣетъ уйти изъ его имѣнія безъ его, барина, разрѣшенія, хотя бы и уплативъ долгъ. Въ жалованныхъ грамотахъ монастырямъ средины XV вѣка намъ начинаютъ попадаться крестьяне-„старожильцы", какъ противоположность тѣмъ, кто вновь порядился въ монастырское имѣніе на пашню („новопорядчикамъ"). Терминъ этотъ, „старо-

жильцы", былъ хорошо знакомъ тогдашнему праву: такъ назывались на судѣ свидѣтели изъ мѣстныхъ людей, давно въ данной мѣстности жившіе и потому „помнившіе" за двадцать, сорокъ и даже семьдесятъ лѣтъ. Въ этомъ смыслѣ быть „старожильцемъ"—извѣстное право: званіе это давало человѣку авторитетъ, голосъ его получалъ больше вѣса, чѣмъ имѣлъ голосъ какого-нибудь новичка. Рачительные хозяева, игумены русскихъ монастырей, умѣли найти здѣсь оборотную сторону—и изъ права сдѣлать обязанность. Разъ „застарѣлъ" въ имѣніи—сиди въ немъ до конца жизни, и съ потомствомъ своимъ: само собою разумѣется, что родившійся въ данной вотчинѣ крестьянинъ былъ „старожильцемъ" вдвойнѣ. Новому толкованію старожильства не удалось войти въ жизнь безъ борьбы. Это толкованіе, какъ сразу видно, было выгодно для старыхъ вотчинъ, густо заселенныхъ крестьянами: въ иномъ положеніи были владѣльцы, только что заводившіе свое хозяйство. Гдѣ они могли бы достать себѣ крестьянъ, если бы тѣ всѣ были объявлены „старожильцами" своихъ прежнихъ господъ? Между тѣмъ, конецъ XV и первая половина XVI вѣка какъ разъ были временемъ развитія у насъ средняго, помѣстнаго, землевладѣнія, быстро росшаго подъ вліяніемъ все той же интенсификаціи хозяйства. Распахивались новыя земли, ставились новыя усадьбы и новыя деревни: изслѣдователи отмѣтили, что какъ разъ въ это время возникаетъ множество имѣній, носящихъ „фамильныя" названія: Иваново, Петрово, Сергѣево и т. под. Помѣщикъ стойко боролся за свое существованіе и, во имя своихъ интересовъ, не давалъ прикрѣпить крестьянъ къ старымъ поселеніямъ. Его даже правиломъ о Юрьевѣ днѣ трудно было связать: въ половинѣ XVI вѣка Ржевскіе, Псковскіе и Луцкіе (Великихъ Лукъ) „дѣти боярскія"—средніе землевладѣльцы—вывозили за себя крестьянъ „не по сроку, по вся дни, безпошлинно"—ничего не платя. Зато, когда крестьяне были уже у нихъ, дѣти боярскія держались за нихъ и ногтями, и зубами—и кто къ нимъ являлся „отказывать" ихъ крестьянъ, того ждала самая плохая участь: его „били и въ желѣза ковали",—„да и крестьянъ, поймавъ, мучатъ и грабятъ и въ желѣзо куютъ". Мы видимъ, что средній помѣщикъ вовсе не былъ безко-

рыстнымъ радѣтелемъ свободы крестьянскаго перехода и послѣдовательно держался бушменской морали: хорошо увезти чужого крестьянина, но плохо, когда моего крестьянина увезутъ. Вотъ почему медленно нараставшая крестьянская крѣпость стала двигаться впередъ гигантскими шагами, какъ только среднему землевладѣнію, дворянамъ, удалось, при Грозномъ, покончить въ свою пользу споръ съ крупнымъ землевладѣніемъ, боярами. Какъ только конфискованныя въ опричину боярскія вотчины оказались въ рукахъ дворянства, новые владѣльцы поспѣшили закрѣпить за собою населеніе доставшихся имъ деревень. Опричныя конфискаціи приходятся на 1560 годы, а въ 1570-хъ на „старину“ ссылаются уже, какъ на непререкаемое основаніе для того, чтобы не выпускать изъ-за себя крестьянина. Затѣмъ, повидимому, была сдѣлана попытка закрѣпить крестьянъ за владѣльцами совсѣмъ—запретивъ „выходъ“ на нѣсколько лѣтъ („заповѣдныя лѣта“). Но это повело къ треніямъ среди самой уже дворянской массы,—среди которой тоже были болѣе счастливые, которымъ при дѣлежѣ достались самые лакомые куски, были и обдѣленные. Опиравшееся на низы дворянства правительство Годунова установило 5-ти лѣтній срокъ давности по отношенію къ крестьянамъ; реакціонное, съ дворянской точки зрѣнія, правительство Василія Ивановича Шуйскаго увеличило срокъ до 15 лѣтъ. Но, въ концѣ концовъ, дворянское землевладѣніе упрочилось,—и крестьяне стали крѣпки своимъ помѣщикамъ „и безъ урочныхъ лѣтъ“.

Въ основѣ двухъ крупнѣйшихъ соціальныхъ переворотовъ XVI вѣка, смѣны боярства дворянствомъ и закрѣпощенія крестьянъ, лежитъ, такимъ образомъ, прогрессъ сельско-хозяйственной техники—переходъ къ болѣе интенсивной культурѣ земли. Русскаго крестьянина закрѣпостило трехполье,—то трехполье, которое и до днесь является традиціонной формой русскаго земледѣлія. Это отвѣчаетъ намъ на вопросъ; откуда, экономически, взялось крѣпостное право? Но ставитъ насъ передъ другимъ вопросомъ: зачѣмъ же понадобилась болѣе интенсивная культура? Почему московской Руси XVI вѣка нужно было больше пахотной земли, чѣмъ предшествующимъ вѣкамъ?

Очевидно, хлѣба было нужно больше,—но такой отвѣтъ только отодвигаетъ вопросъ, и притомъ очень недалеко: куда же сбывался лишній хлѣбъ? Въ отвѣтъ на это указываютъ часто на ростъ населенія въ центральныхъ областяхъ Московскаго государства XVI вѣка. Къ сожалѣнію, почти никакихъ прямыхъ данныхъ для статистики населенія этой эпохи у насъ нѣтъ, и историки, ссылающіеся на густоту населенія, какъ на причину экономическихъ успѣховъ московской Руси, вынуждены оперировать данными косвенными. Указываютъ, напримѣръ, на то, что иностранные путешественники, къ ихъ большому удивленію, не находили около Москвы тѣхъ густыхъ, непроходимыхъ лѣсовъ, о которыхъ они столько слышали: попадались имъ только пни, свидѣтельствовавшіе, что здѣсь были когда-то лѣса, а изъ звѣрей—только зайцы. Но это служитъ скорѣе признакомъ того, какъ долго даже въ центрѣ Московскаго государства держалось подсѣчное хозяйство, нежели доказательствомъ большой плотности населенія. Противъ послѣдняго говоритъ зато другой косвенный признакъ: та ожесточенная борьба между землевладѣльцами изъ-за крестьянъ, о которой мы говорили выше. Будь населеніе вообще очень плотно, находить работниковъ не было бы трудно,—вѣроятно, даже и крѣпостного права бы не понадобилось. Уплотненіе населенія, какъ причину перемѣны, приходится, такимъ образомъ, отвести. Указываютъ на роль такихъ центровъ, какъ Москва, въ которой, къ концу царствованія Ивана Грознаго (около 1570 года), по довольно точнымъ показаніямъ иностранцевъ, было до 200.000 жителей. Напоминаютъ, при этомъ, что и Новгородъ—тогда второй, по всей вѣроятности, городъ Россіи—всегда жилъ привознымъ хлѣбомъ, и привозился этотъ хлѣбъ изъ Суздальской земли, „снизу", какъ тогда выражались (смотря внизъ по теченію Волги и съ притоковъ)—изъ позднѣйшаго великаго княжества Московскаго. Но второе указаніе только ослабляетъ значеніе перваго: Новгородъ всегда, и въ XII вѣкѣ, снабжался хлѣбомъ изъ Суздаля, однако это ни къ какимъ хозяйственнымъ переворотамъ не вело. Да и представленіе, будто въ самой новгородской области земледѣліе было мало развито, такъ что она жила исключительно привознымъ хлѣбомъ, не выдерживаетъ кри-

тики: въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ [1]) мы вездѣ встрѣчаемъ пашенное населеніе, и новгородская земля идетъ въ отношеніи земледѣльческой техники во главѣ всей Россіи—здѣсь мы раньше всего находимъ трехполье. Значитъ, когда говорятъ о Новгородѣ, какъ потребителѣ московскаго хлѣба, имѣется въ виду самый городъ Новгородъ,—да и то, преимущественно, въ неурожайные годы. Очевидно, что одинъ, два, даже три города, съ общимъ населеніемъ хотя бы и въ нѣсколько сотъ тысячъ, еще не могли опредѣлить собою хозяйства цѣлой обширной страны: не говоря уже о томъ простомъ вопросѣ, что, вѣдь, должны были питаться чѣмъ-нибудь эти сотни тысячъ раньше, чѣмъ наладился подвозъ хлѣба къ нимъ изъ деревни,—а наладить его было не такое легкое дѣло. Иными словами, ссылка на крупные городскіе центры переворачиваетъ вопросъ кверху ногами: чтобы могли образоваться такіе центры, необходимы были извѣстные избытки хлѣба у населенія, а не наоборотъ, образованіе такихъ центровъ вело къ производству лишняго хлѣба. Эта привычка — производить хлѣба больше, чѣмъ нужно для потребностей мѣстнаго населенія—складывалась у послѣдняго медленно и постепенно, подъ вліяніемъ мелкихъ, на первый взглядъ, но въ совокупности огромныхъ перемѣнъ, именно, въ мѣстномъ быту. Основную изъ этихъ перемѣнъ даютъ намъ тѣ же новгородскія писцовыя книги: въ нихъ, на ряду съ пашеннымъ населеніемъ, которое рѣшительно преобладаетъ, мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу людей непашенныхъ, ремесленниковъ всякаго рода: лучниковъ, сѣдельниковъ, рожечниковъ, коробейниковъ, деготниковъ, портныхъ, скорняковъ, кожевниковъ, сапожниковъ—даже „кровопусковъ“, а всего болѣе, конечно, кузнецовъ. Послѣдніе иногда сидятъ цѣлыми деревнями и платятъ оброкъ не хлѣбомъ, какъ другіе крестьяне, а косами, сошниками, сковородами и топорами. Эти ремесленныя деревни были зачатками болѣе крупныхъ торгово-промышленныхъ поселеній, образчики которыхъ, правда, не очень многочисленные, даютъ тѣ же писцовыя книги. Это—

[1]) Переписи платящаго населенія новгородской области, предпринятыя московскимъ правительствомъ въ концѣ XV вѣка, послѣ завоеванія Новгорода Москвою.

рядки и погосты. Въ одномъ изъ нихъ писцовая книга насчитываетъ 24 двора, а людей (т.-е. взрослыхъ мужчинъ) 39 человѣкъ. На ряду съ ними въ Новгородской землѣ были и настоящіе города, но цифры населенія ихъ показываютъ, какъ недалеко они ушли отъ этихъ зачаточныхъ ремесленныхъ поселковъ: въ „городѣ“ Ладогѣ, напримѣръ, очень старинномъ, мы находимъ 137 человѣкъ мужского пола — т.-е. человѣкъ 400 всего населенія. Сравнительно съ этимъ Ямъ (теперешній Ямбургъ) съ 332 мужчинами (около 1000 всѣхъ жителей) былъ чуть что не большимъ центромъ.

Если мы возьмемъ теперь Московское государство XVI вѣка, то встрѣтимъ въ немъ то же явленіе, только въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Московская Русь была усѣяна городами и городками, съ населеніемъ въ одну, двѣ, три тысячъ человѣкъ[1]): и каждый такой городокъ былъ маленькимъ мѣстнымъ центромъ. Откуда бралось ихъ населеніе, объ этомъ документы говорятъ намъ достаточно подробно: это, обыкновенно, „обмолодавшіе“, „разоренные“ крестьяне, которые „кормятся рукодѣльишкомъ“. А затѣмъ идетъ перечень: сапожникъ, овчинникъ, прядильщикъ, соляникъ, игольникъ, ягодникъ, сыромятникъ, рукавишникъ, крупеникъ, кисельникъ, калашникъ. Какъ для теперешняго крестьянина „пролетаризироваться“, превратиться въ наемнаго работника, кажется большимъ несчастьемъ (и не для одного крестьянина) — хотя наемный батракъ живетъ иногда лучше „самостоятельнаго домохозяина“, такъ и для тогдашняго забросить пашню, переселиться въ городъ представлялось катастрофой. Чувства и настроенія, связанныя съ такой катастрофой, хорошо выражаются всѣмъ знакомымъ словомъ „бобыль“, которое въ просторѣчіи обозначаетъ бездомнаго, безпріютнаго человѣка, а на старинномъ юридическомъ языкѣ обозначало именно крестьянина, забросившаго пашню и занявшагося ремесломъ. Это непашенное населеніе не всегда уходило въ городъ — уходъ въ

[1]) Для примѣра приведемъ Торопецъ, нынѣшней Смоленской губерніи, считавшій въ 1540—41 гг. до 400 дворовъ торгово-промышленнаго населенія, Сольвычегодскъ, гдѣ, нѣсколько позже, было до 600 такихъ дворовъ, Каргополь (Новгор. губ.), гдѣ ихъ было до 500, Каширу съ 400 дворами, Серпуховъ съ 600 и т. д.

городъ, собственно, былъ уже второй стадіей развитія. Мы вездѣ встрѣчаемъ бобыльскіе дворы и по деревнямъ, гдѣ, въ XVI вѣкѣ, они составляли уже отъ 2 до 5% общаго числа. Нужно прибавить, что и рынки, гдѣ торговали хлѣбомъ и другими „земляными плодами", вовсе не были непремѣнно городскіе рынки: на каждомъ шагу попадаются и села, гдѣ было 5, 19, 37 лавокъ, въ которыхъ торговали „тутошніе люди". Въ одномъ житіи начала XVI столѣтія мы имѣемъ чрезвычайно наглядную картинку такого маленькаго „торговища", куда крестьяне окрестныхъ деревень рано утромъ, еще до свѣту, тянутся со своими телѣгами, при чемъ каждый спѣшитъ занять мѣсто на рынкѣ раньше другихъ. Москва, Новгородъ Великій или Новгородъ Нижній были въ сотни разъ увеличенными рынками,—но того же типа: съѣзжавшіеся туда ежедневно сотни крестьянскихъ возовъ съ сельско-хозяйственными продуктами были, по большей части, не очень издалека. Крупной хлѣбной торговли теперешняго типа, когда товаръ привозится изъ-за тысячи верстъ, мы совершенно не можемъ себѣ представить въ тогдашнихъ условіяхъ. Одинъ изслѣдователь, къ этимъ условіямъ относящійся очень оптимистически, высчиталъ, что при провозѣ на разстояніе больше 500—600 верстъ, провозная плата съѣла бы, въ концѣ XVI вѣка, весь барышъ хлѣбнаго торговца. Везти далеко хлѣбные караваны былъ расчетъ только при неурожаѣ и, значитъ, исключительно высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ.

Итакъ, не ростъ населенія и не скопленіе его въ отдѣльныхъ пунктахъ вызвали спросъ на „лишній" хлѣбъ и дали толчокъ развитію земледѣлія въ московской Руси. Этотъ толчокъ былъ данъ дифференціаціей населенія, появленіемъ новаго общественнаго класса, ремесленниковъ. Собственно, можно сказать, — „появленіемъ общественныхъ классовъ", ибо ремесленники были первымъ общественнымъ классомъ въ исторіи. До выдѣленія ремесла общественнаго раздѣленія труда не существуетъ: всѣ работники, болѣе или менѣе, земледѣльцы—понятія „крестьянина" и „работника" покрываютъ другъ друга. Внѣ крестьянской массы и надъ ней, эксплуатируя ее, стоятъ иногда группы неземледѣльческаго населенія, — какъ у насъ въ

древней Руси шайки полувоенной, полуторговой вольницы, выступающей, то какъ „дружина“, то какъ „купцы“, и въ первое время сплошь иноземнаго, норманскаго происхожденія. Но эти группы не являются общественнымъ классомъ, потому что онѣ никакого участія въ производствѣ не принимаютъ. Когда отдѣльныя единицы изъ этихъ группъ осаживаются на землю, и руками холоповъ, которыхъ не удалось или невыгодно было продать, начинаютъ обрабатывать землю, дѣло еще не мѣняется. Бояринъ древнѣйшей эпохи еще не хозяйничаетъ: онъ только, какъ это онъ дѣлалъ и раньше, собираетъ плоды чужого хозяйства—только не путемъ прямого захвата, а болѣе мирно, зато и болѣе систематически. Собственная запашка даже новгородскихъ бояръ XV вѣка, обыкновенно, совершенно ничтожна — немногимъ больше хорошаго крестьянскаго двора: самый богатый изъ нихъ пахалъ „на себя“, руками своей дворни, всего отъ 20 до 30 десятинъ. Зато крестьяне обязаны были доставлять на его дворъ извѣстное количество хлѣба, мяса, яицъ, масла и тому подобнаго,—чѣмъ кормился не столько самъ бояринъ, сколько его многочисленная вооруженная и невооруженная дворня. Количествомъ этой дворни мѣрялась общественная сила боярина, — чѣмъ ея было больше, тѣмъ больше былъ его политическій удѣльный вѣсъ: и если онъ старался закрѣпостить какъ можно больше крестьянъ, то для того, чтобы содержать какъ можно больше „послужильцевъ“, дружинниковъ. „Развивая“ свое хозяйство, онъ, такимъ образомъ, вовсе не преслѣдовалъ экономическихъ цѣлей въ собственномъ смыслѣ: ибо съ экономической точки зрѣнія совершенно все равно, служитъ ли сотня ничего не производящихъ военныхъ людей одному барину или десяти. Съ выдѣленіемъ ремесла картина рѣзко измѣнилась. Хлѣбъ сталъ товаромъ, который можно продать, можно прямо или черезъ посредство денегъ обмѣнять на продукты обрабатывающей промышленности. Бояринъ начинаетъ интересоваться хозяйствомъ. Уже смѣнившіе новгородскихъ бояръ въ концѣ XV вѣка московскіе помѣщики пахали „на себя“ вчетверо и впятеро больше ихъ предшественниковъ. Съ крестьянъ, вмѣсто опредѣленнаго количества хлѣба, начинаютъ требовать доли урожая, явно спекулируя на

то, чтобы, въ случаѣ урожая хорошаго, не оставить мужику всѣхъ выгодъ, — а заставить его подѣлиться божіей благодатью съ бариномъ. У нѣкоторыхъ изслѣдователей довольно естественно явился соблазнъ—совсѣмъ уподобить помѣщичье хозяйство XVI вѣка современному, работающему исключительно въ расчетѣ на рынокъ. „Торговое земледѣліе“ кажется имъ господствующимъ уже въ государствѣ Ивана Грознаго и Бориса Годунова. Но этому искушенію поддаваться не слѣдуетъ. Современное сельское хозяйство работаетъ для неопредѣленнаго, мірового рынка: ему сколько ни произвести хлѣба, никогда не будетъ слишкомъ много. Хозяйство XVI вѣка работало на очень узкій мѣстный рынокъ, не на міръ, а только на свой уѣздъ. Его хлѣбному производству были поставлены очень тѣсныя границы—и есть основаніе думать, что даже тѣ скромныя улучшенія въ сельскохозяйственной техникѣ, которыя мы имѣли случай наблюдать въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка, на добрую долю были результатомъ увлеченія землевладѣльцевъ новыми перспективами. Когда увлеченіе прошло—началась реакція: къ концу XVI вѣка трехполье опять явно сдаетъ передъ перелогомъ. При всей относительной прогрессивности, русское сельское хозяйство временъ Ивана Грознаго было типично средневѣковымъ, и модернизировать его не слѣдуетъ. И этотъ средневѣковой его характеръ объясняетъ намъ, почему оно довольствовалось мало производительнымъ подневольнымъ трудомъ крестьянъ; мы увидимъ, что, когда рѣчь зашла о производствѣ на міровой рынокъ, этотъ подневольный трудъ оказался очень невыгоднымъ.

Московское государство XVI вѣка даетъ намъ, такимъ образомъ, типичную картину городского хозяйства, знакомаго Западной Европѣ въ серединѣ среднихъ вѣковъ, въ XI—XIII столѣтіяхъ. И въ этомъ случаѣ, можно думать, московская исторія повторяла, со своеобразными варіаціями, кіевскую: то множество „городовъ“, которое мы находимъ въ юго-западной Руси XI—XIII вѣковъ, были, по всей вѣроятности, такими же мелкими мѣстными рынками, какъ и московскіе Каширы и Каргополи. Только тамъ эти мѣстные рынки, благодаря хронической усобицѣ, носили болѣе эфемерный ха-

рактеръ, исчезая и вновь возникая, какъ грибы послѣ дождя. Москва строила медленнѣе, зато прочнѣе, чѣмъ Кіевъ. Этотъ параллелизмъ двухъ развитій находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что и выдѣленіе ремесленниковъ началось уже въ Кіевской Руси, притомъ очень рано. Первыя упоминанія о ремеслѣ относятся къ концу X или началу XI вѣка. Изъ дѣтскихъ книжекъ всѣмъ хорошо извѣстенъ разсказъ о богатырѣ, дравшемся съ печенѣгомъ по вызову князя Владиміра. Разсказъ этотъ въ лѣтописи стоитъ подъ 993 годомъ — но, конечно, сложился онъ много позже и, можетъ быть, заимствованъ лѣтописью изъ какой-нибудь народной пѣсни. Какъ бы то ни было, герой разсказа—кожевникъ, и съ этой стороны онъ намъ и интересенъ: сила его обнаружилась, когда, разсердившись на что-то, онъ изорвалъ въ клочки кожу, которую мялъ въ ту минуту. Почти подъ тѣмъ же годомъ въ новгородской лѣтописи стоитъ другой разсказъ, изъ котораго видно, что въ Новгородѣ въ то время продавали горшки на рынкѣ—были, значитъ, гончары. А отъ самаго конца XI вѣка, отъ 1092 года, мы имѣемъ уже современную запись, свидѣтельствующую о чисто ремесленномъ производствѣ гробовъ: въ этомъ году въ Кіевѣ была какая-то эпидемія, и гробовщики разсказывали лѣтописцу, что они съ Филиппова поста до мясоѣда, то-есть съ ноября по январь, продали гробовъ 7000 штукъ. Это извѣстіе цѣнно тѣмъ, что оно показываетъ намъ въ Кіевѣ конца XI вѣка вполнѣ развитое ремесло, когда ремесленникъ самъ закупаетъ матеріалъ, самъ его обрабатываетъ и самъ продаетъ произведенія своего труда. Едва ли въ такомъ положеніи были только одни гробовщики. Сохранилось извѣстіе, что монахи Кіево-Печерскаго монастыря покупали шерсть, вязали изъ нея—„копытца", т.-е. носки, и продавали ихъ. А изъ Кіево-Печерскаго Патерика мы узнаемъ, что на кіевскомъ рынкѣ можно было купить не только гробы и носки, но и книги: „списаніе книжное" тоже могло, такимъ образомъ, принять ремесленный характеръ. Неясный разсказъ того же Патерика о чудѣ, приключившемся съ иконописцемъ Алимпіемъ, даетъ понять, что производство нѣкоторыхъ предметовъ — въ данномъ случаѣ иконъ,

могло принять характеръ даже предпріятія. Алимпій, принимая заказы на иконы въ большемъ количествѣ, нежели самъ, единолично, могъ исполнить, кажется, отдавалъ работу другимъ монахамъ, но ставя, такъ сказать, свою подпись—выдавая работу за свою, такъ какъ ему, въ виду его знаменитости, платили дороже. Подручные въ чемъ-то остались имъ недовольны и, изъ мести, разсказали заказчикамъ, въ чемъ дѣло. Тѣ явились въ монастырь и подняли шумъ, но монастырскія власти вступились за Алимпія, и онъ вышелъ сухимъ изъ воды, а эксплуатируемые имъ мелкіе иконописцы были прогнаны изъ монастыря. Этотъ примѣръ интересенъ въ томъ отношеніи, что подтверждаетъ давно сдѣланное наблюденіе: быстрѣе всего развиваются и раньше всего достигаютъ экономически совершенной формы не ремесла, обслуживающія обыденныя потребности, а производство предметовъ роскоши. Кромѣ иконописи, въ Кіевѣ процвѣтало, какъ показываютъ археологическія данныя, ювелирное дѣло: а при недавнихъ раскопкахъ открыты слѣды мастерской эмалевыхъ издѣлій, дошедшихъ до насъ и въ образчикахъ, и производившихся, повидимому, въ довольно широкомъ масштабѣ. Въ то же время плотничьи работы исполнялись еще барщиннымъ путемъ, натуральной повинностью окрестнаго крестьянства. Такимъ способомъ строили, напримѣръ, кіевскія церкви, при чемъ уже князю Ярославу пришлось убѣдиться въ невыгодности барщиннаго труда. При постройкѣ Георгіевской церкви дѣло шло медленно и плохо, рабочихъ было мало. Когда князь спросилъ своего „тіуна“ (приказчика), почему дѣло не идетъ, тотъ объяснилъ это барщиннымъ характеромъ работы („дѣло властельско есть“), за которую работники ничего не получаютъ. Тогда Ярославъ установилъ заработную плату—по „ногатѣ“ за день — отъ рабочихъ не стало отбоя, и церковь была быстро закончена. Плотничество въ Кіевской Руси едва ли было окончательно выдѣлившимся ремесломъ — оно стояло еще на предыдущей ступени, ремесла племенного: новгородцевъ, по лѣтописи, въ насмѣшку называли „плотниками“—очевидно, плотничанье было обычнымъ отхожимъ промысломъ новгородскаго крестьянства. Раньше всего вы-

дѣленіе началось здѣсь, повидимому, въ крупныхъ хозяйствахъ. Князь Изяславъ, желая поправить одну церковь, позвалъ „старѣйшину древодѣлей“, и тотъ, собравъ „сущая подъ нимъ древодѣли“, выполнилъ работу. Это была, стало быть, плотничья артель, спеціально состоявшая при княжескомъ хозяйствѣ: князь строился часто, и ему былъ расчетъ держать такихъ постоянныхъ ремесленниковъ. Впослѣдствіи такую „дружину“ плотниковъ мы находимъ у новгородскаго владыки. Мы знаемъ даже и ея составъ — она состояла изъ шести мастеровъ (они, собственно, и назывались „плотниками“) и 10 подмастерьевъ („дружинниковъ“).

Но заведенные для потребности большого хозяйства ремесленники могли быть не заняты въ немъ все время — у нихъ могли оказаться свободные промежутки. И для ихъ хозяина была прямая выгода, чтобы они въ это время не сидѣли праздно: въ этомъ—источникъ перехожаго ремесла, наиболѣе ранней формы „выдѣлившагося ремесла“ вообще. Не занятый въ барскомъ хозяйствѣ холопъ-ремесленникъ („ремесленники“ „Русской Правды“ именно холопы) получалъ отпуски — право бродить по окрестнымъ деревнямъ, предлагая свои услуги нуждавшимся въ нихъ и платя своему барину оброкъ. Очень выпуклый образчикъ такого оброчнаго мастерового мы находимъ въ одномъ позднемъ документѣ XVII столѣтія. Одинъ портной рядится къ помѣщику въ „бобыли“ и обязуется 4 недѣли въ году шить на помѣщика и его сына, а все остальное время „по городамъ и по деревнямъ промышляти своимъ рукодѣльемъ портнымъ мастерствомъ“. Перехожіе мастеровые Кіевской Руси, вѣроятно, были въ родѣ этого портного. Одного изъ нихъ, монаха Кіево-Печерскаго монастыря, постоянно бѣгавшаго изъ обители, и въ бѣгахъ промышлявшаго тѣмъ, что онъ „платья дѣлалъ“, легко даже сблизить съ сейчасъ упоминавшимся „портнымъ мастеромъ“: ибо монахъ былъ членомъ обширнаго хозяйства — въ монастырѣ каждому, кромѣ богатыхъ монаховъ, готово было свое „послушаніе“, ничѣмъ, кромѣ идеологическаго объясненія, не отличавшееся отъ того, что дѣлали крѣпостные ремесленники въ боярскомъ хозяйствѣ; монахи и муку мололи, и хлѣбы пекли, и за монастырскимъ садомъ и огородомъ ходили—въ Кіево-

Печерскомъ монастырѣ были и свои кузнецы и, вѣроятно, свои плотники. Иконописное мастерство развилось, внѣ всякаго сомнѣнія, тоже на почвѣ монастырскихъ нуждъ; исторія съ Алимпіемъ показываетъ намъ, кромѣ всего прочаго, какъ частно-владѣльческое ремесло выходитъ за предѣлы частнаго хозяйства и становится общественной функціей. Но занятые въ монастырскомъ хозяйствѣ не всегда обязательно были монахи. Кіево-Печерскій Патерикъ упоминаетъ о монастырскихъ работникахъ, насчитывая ихъ въ одномъ только случаѣ нѣсколько десятковъ. Въ московскую эпоху изъ такихъ монастырскихъ ремесленниковъ вырастали цѣлыя поселенія. У Костромского Ипатскаго монастыря подъ Костромою было двѣ слободы, а въ нихъ 185 дворовъ людей „торговыхъ, и промышленныхъ, и ремесленныхъ, и работныхъ и съ тѣми, которые ходятъ по міру". „Ходить по міру" здѣсь не значило „нищенствовать", а значило быть именно „перехожимъ ремесленникомъ".

Московской эпохѣ знакомы все тѣ же формы ремесла, что и кіевской: если бы мы не знали, что первая была не продолженіемъ второй, а параллельнымъ процессомъ, можно бы подумать, что исторія остановилась на мѣстѣ. Въ Московскомъ государствѣ мы имѣемъ и холопское ремесло — „ремесленниковъ" „Русской Правды"; одна богатая барыня начала XVI вѣка даетъ въ приданое за своею дочерью и „дѣвку швею", и „хамовника съ женою и дѣтьми" („хамовное дѣло" — тканье скатертей), и „бралню скатертницу", и „тонкопрядицу дѣвку", и „убрусную дѣвку" (мастерицу, изготовлявшую полотенца). Имѣемъ и перехожее ремесло — „монастырскихъ бобылей", которые „сапожнымъ и портнымъ ремесломъ и рукавицами и чулками походя кормятся". Знаемъ, конечно, и ремесленную мастерскую съ подмастерьями и учениками. О ремесленномъ ученичествѣ впервые упоминаетъ Псковская судная грамота — документъ, въ основѣ, XIV вѣка. Собственно, въ московской Руси наиболѣе организованными являются, какъ и слѣдовало ожидать, производства, изготовлявшія „предметы роскоши". Московскіе серебряники представляли изъ себя корпорацію, очень напоминающую западно-европейскіе цехи. Они имѣли своихъ выборныхъ представителей, ста-

ростъ, которые должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы, и по качеству матеріала, и по отдѣлкѣ, выставленный въ серебряномъ ряду товаръ былъ не ниже извѣстной нормы. Мастера обязывались „дѣлать въ серебряномъ ряду образцовыя пуговицы . . . . серебряныя въ чистомъ серебрѣ, и въ серебро мѣди и свинцу не мѣшать, и приносить свово дѣла серебрянаго ряду старостамъ на оказъ". Но наиболѣе законченную форму цеха приняла еще въ XVI вѣкѣ иконопись. Мы здѣсь имѣемъ налицо всѣ отличительныя черты цехового производства: и правильный общественный контроль, осуществлявшійся высшимъ духовенствомъ, и правильно поставленное ученичество, съ представленіемъ „образцовой работы", безъ чего нельзя было сдѣлаться мастеромъ, и безусловное запрещеніе заниматься этою работою всѣмъ, кто не удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ „цехового" мастерства. „А которые по се время писали иконы, не учась, самовольствомъ и самоловкою, и не по образу, и тѣ иконы промѣняли дешево простымъ людямъ, поселянамъ невѣждамъ, ино тѣмъ запрещеніе положите, чтобы учились у добрыхъ мастеровъ . . . . И аще которые не престанутъ отъ таковаго дѣла, таковые царскою грозою накажутся, и да судятся, и аще они учнутъ глаголати: мы тѣмъ живемъ и питаемся—и таковому ихъ реченію не внимати".

Московскіе ремесленники — не только серебряники, но и шапошники, сапожники, калачники и т. д., сами торговали, произведеніями своего ремесла въ рядахъ: представляютъ значитъ, совершенно законченный типъ ремесленнаго производства. Тѣмъ не менѣе, цехового строя въ западно-европейскомъ смыслѣ у насъ не сложилось—слишкомъ быстро надвинулся на московскую Русь торговый капиталъ. Дѣло не пошло дальше отдѣльныхъ примѣровъ. Торговымъ капитализмомъ мы займемся въ слѣдующей главѣ. А въ заключеніе настоящей попытаемся отвѣтить на вопросъ: какіе же соціальные результаты дало въ Россіи „городское хозяйство", съ характеризующимъ его развитіемъ ремесла? Вообще говоря, какъ мы видѣли въ первой главѣ, на ремесленное производство опирается индивидуализмъ всѣхъ родовъ и видовъ. Съ индивидуализмомъ политическимъ, религіознымъ и художественнымъ мы познакомимся въ дру-

гихъ отдѣлахъ этой книги. Но одинъ видъ индивидуализма непосредственно связанъ съ тѣми сюжетами, которыми мы только что занимались. Это—индивидуализація хозяйственная. Мы видѣли, что экономической ячейкой въ древнѣйшій періодъ была „большая семья". Изучая закрѣпощеніе крестьянъ въ XVI вѣкѣ, вы тщетно станете ея искать: вездѣ передъ вами отдѣльные крестьяне—съ ихъ семьями, правда, съ женами и съ дѣтьми, но это маленькая семья, знакомая и нашему времени, а не большая, первобытная. Крестьянъ закрѣпощали не „печищами", а какъ отдѣльныхъ лицъ. Крестьянская „порядная" XVI—XVII вѣковъ, договоръ, заключаемый крестьяниномъ съ помѣщикомъ—и, обыкновенно, бывшій исходной точкой крѣпостной неволи—самый яркій памятникъ разложенія первобытнаго строя, какой только можно себѣ представить. Характерно, что „печище" какъ разъ и уцѣлѣло тамъ, куда не проникло крѣпостное право, на далекомъ сѣверѣ, въ нынѣшной Архангельской губерніи. Но еще характернѣе, что этотъ индивидуализмъ рабства вносилъ индивидуалистическія черты и въ правовой строй самихъ рабовладѣльцевъ. Еще въ началѣ XVI вѣка земельныя имѣнія у насъ обыкновенно принадлежатъ семейной группѣ: отцу съ дѣтьми, дядѣ съ племянниками, нѣсколькимъ братьямъ вмѣстѣ. Къ XVII столѣтію помѣстье становится чисто индивидуальной собственностью—отъ „родового" владѣнія сохраняются лишь слабые остатки, живущіе и до сихъ поръ. Земли, которыя Грозный давалъ своимъ опричникамъ, давались на такихъ же личныхъ основаніяхъ, на какихъ сами помѣщики давали участки своимъ крестьянамъ: „а сынъ его въ ту службу не пригодится, ино то помѣстье отдать иному". И какъ индивидуализировалось землевладѣніе, то же было и съ рабовладѣніемъ. Раньше холопъ принадлежалъ цѣлой семьѣ. Въ половинѣ XVI вѣка у насъ быстро начинаетъ развиваться типъ холопства кабальнаго („долгового", буквально: кабала—долговая расписка), которое носитъ личный характеръ. Кабальный человѣкъ былъ крѣпокъ тому, у кого онъ взялъ деньги, до его смерти: затѣмъ отношенія прерывались—дѣтямъ владѣльца по кабалѣ до его кабальныхъ холоповъ дѣла не было. Чтобы обойти это пра-

вило, нѣкоторые владѣльцы — люди консервативнаго образа мыслей, безъ сомнѣнія, не любившіе новшествъ—начали писать кабалы на два имени, на себя и на сына. Въ началѣ XVII вѣка это было строго запрещено—московское правительство оказалось на сторонѣ индивидуализма. И нетрудно понять логическую связь, ведшую отъ кабалы къ личному кабальному холопству: въ долгъ человѣкъ бралъ деньги или вещь, бралъ движимость. Но движимость по своему происхожденію всегда личное достояніе—даже въ періодъ первобытнаго семейнаго строя оружіе или одежда принадлежать, обыкновенно, лицу, а не семьѣ. Теперь отношенія, основанныя на движимости, на продуктахъ ремесленнаго труда, охватываютъ все общество сверху до низу. И закрѣпощенная Россія XVII вѣка оказывается страной болѣе индивидуалистическаго хозяйства, чѣмъ кіевская Русь въ началѣ своей исторіи, когда еще цѣло было свободное славянское крестьянство.

Библіографія.

Изъ затрагиваемыхъ въ настоящей главѣ вопросовъ, вопросъ о происхожденіи крѣпостнаго права имѣетъ колоссальную литературу. Не пытаясь исчерпать ея хотя бы приблизительно, укажемъ, какъ новѣйшій и и лучшій общій обзоръ, соотвѣтствующія страницы книги проф. М. А. Дьяконова „Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси“ (2-е изд. Спб. 1908) стр. 313—395. Указанія на предшествующую, по времени, литературу тамъ же. Изъ работъ, вышедшихъ послѣ книги проф. Дьяконова, можно указать статьи П. Михайлова о старожильствѣ (въ „Журналѣ Министерства Народ. Просвѣщ“. 1910 г. май, 1911 г. февраль и 1912 г. январь), при всей обстоятельности по существу мало измѣняющія дѣло сравнительно съ изображеніемъ Дьяконова. Важнѣйшіе документы по вопросу собраны въ изданіи: „Памятники исторіи крестьянъ XIV—XIX вв.“, подъ ред. А. Э. Вормса, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтера и А. П. Яковлева (изд. Н. Клочкова, М. 1910). Для исторіи сельско-хозяйственной техники, цѣнъ, организаціи обмѣна и т. д. огромный матеріалъ собранъ въ книгѣ Н. А. Рожкова „Сельское хозяйство московской Руси въ XVI вѣкѣ“ (М. 1899). Изложеніе очень спеціальное: начинающимъ лучше предварительно познакомиться съ краткимъ изложеніемъ вопроса по небольшой брошюрѣ того же автора „Городъ и деревня въ русской исторіи“ или по соотвѣтствующимъ главамъ „Русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ“ пишущаго эти строки (сюда относятся III глава перваго тома и первые раздѣлы IX и X главъ второго тома). Для развитія ремесла, кромѣ соотвѣтствующихъ главъ

названныхъ ранѣе книгъ Аристова и Довнаръ-Запольскаго (глава X „Обрабатывающая промышленность“ одна изъ наиболѣе удачныхъ въ I томѣ „Исторіи русскаго народнаго хозяйства“). см. еще А. И. Никитскаго: „Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода“ (М. 1893) и того же М. В. Довнаръ-Запольскаго: „Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв.“ (М. 1910) и „Организація московскихъ ремесленниковъ въ XVII в.“ (статья въ Журн. Минист. Народнаго Просвѣщ. 1910 г., сентябрь).

3.

Торговый капитализмъ.

Московская Русь XVI вѣка, подобно кіевской XII, перешла уже, выражаясь по старинному, отъ „натуральнаго“ хозяйства къ „денежному“. Обмѣнъ въ ней не только существовалъ—онъ существовалъ и существуетъ всегда и вездѣ,—но игралъ уже видную экономическую роль: населеніе московской Руси работало, въ значительной степени, не только для удовлетворенія своихъ непосредственныхъ потребностей, но и для обмѣна, для рынка. На рынкѣ сырье обмѣнивалось на произведенія обрабатывающей промышленности, продукты ремесленнаго труда. У этого обмѣна были, однако же, особенности, отличающія его отъ торговли нашего времени. На описанныхъ нами маленькихъ мѣстныхъ рынкахъ производители непосредственно встрѣчались съ потребителями; въ лавкахъ московскихъ рядовъ сидѣли тѣ самые ремесленники, которые изготовили товары, продававшіеся въ этихъ лавкахъ—а на базарѣ капусту или куръ продавалъ тотъ самый крестьянинъ, который привезъ ихъ изъ деревни. На Сухаревской площади москвичи еще и теперь могутъ наблюдать такого рода торгъ, по базарнымъ днямъ: и любители дешево купить ходятъ именно „на Сухаревку“. Ибо особенностью такой торговли является большая дешевизна товара. Одинъ иностранецъ, бывшій въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ, разсказываетъ, что въ московскихъ рядахъ можно было необыкновенно дешево купить серебряныя пуговицы: почти за столько, сколько стоило серебро, изъ котораго онѣ были сдѣланы. Московскій ремесленникъ не требовалъ себѣ барыша, того, что теперь называютъ „пред-

принимательской прибылью", потому что онъ и не былъ предпринимателемъ. Онъ на свое производство не затрачивалъ капитала, и желалъ только, чтобы покупатель возмѣстилъ ему стоимость сырого матеріала да заплатилъ ему за работу—по-божески, что людямъ платятъ. Ремесленнику нужно было, чтобы работа его кормила: а такъ какъ потребности у него были скромныя, а съѣстные припасы дешевы, то „заработная плата" ремесленника и не могла составить большой суммы.

Непосредственное соприкосновеніе производителя и потребителя, и отсутствіе предпринимательской прибыли, какъ особой категоріи, составляютъ характерныя отличія до-капиталистическаго обмѣна. Торговыхъ посредниковъ, купцовъ, тутъ или вовсе не существуетъ или, если они и встрѣчаются—когда рѣчь идетъ о торговлѣ заграничными товарами, напримѣръ,—ихъ дѣятельность тоже носитъ ремесленный характеръ. Древне-русскій „купецъ", какъ правило—мелкій торговецъ, путешествующій по странѣ со своимъ возомъ или даже просто съ котомкой за плечами, подобно теперешнему коробейнику. Оттого въ крупныхъ торговыхъ центрахъ того времени, въ родѣ Торжка, служившаго передаточнымъ пунктомъ между Новгородомъ и „низовскими землями", мы встрѣчаемъ, по лѣтописи, тысячи такихъ торговцевъ, и даже въ захолустьяхъ, въ родѣ Переяславля Залѣсскаго, сотни. И это вовсе не значитъ, конечно, какъ думаютъ нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи, что въ древней Руси было „необыкновенно развита" торговля. Это значитъ только, что тогда не было, или почти не было—мы сейчасъ увидимъ, какія нужно сюда внести поправки—концентраціи торговли и торговаго капитала. „Купецъ" думалъ тоже не о барышахъ, а о томъ, чтобы прокормиться своимъ промысломъ.

Уже въ первой половинѣ XVII вѣка въ Москвѣ отношенія не были такъ просты. Въ 20-хъ годахъ этого столѣтія московское правительство, встревоженное ростомъ хлѣбныхъ цѣнъ въ столицѣ, пыталось ввести таксу на печеный хлѣбъ. Чиновникъ, которому это было поручено, сталъ на ремесленную точку зрѣнія. Онъ высчиталъ, сколько стоитъ мука, прибавилъ къ этому, что стоилъ прокормъ самого хлѣбо-

пека—и получилъ справедливую, по его мнѣнію, цѣну. Сдѣлалъ онъ все это не зря, а весьма осмотрительно: самъ закупилъ муку, самъ сосчиталъ харчи работниковъ—словомъ, произвелъ правильный экспериментъ и былъ увѣренъ, что подъ его таксу не подкопаешься. Но московскіе булочники подняли страшный вопль и заявили, что при такой таксѣ имъ ничего не остается, какъ закрыть свои заведенія. Авторъ справедливой таксы былъ очень возмущенъ поведеніемъ булочниковъ и обвинялъ ихъ въ томъ, что они, не довольствуясь справедливой платой за трудъ, „нынѣ хотятъ прибыли на хлѣбы и на калачи". Но его оппоненты не только не смутились попрекомъ, а въ своемъ отвѣтѣ сами, безъ зазрѣнія совѣсти, употребили то же самое слово „прибыль". „И въ томъ мы, сироты ваши, до конца погибли", плакались они въ своей челобитной государямъ—ихъ было тогда сразу два, Михаилъ Ѳеодоровичъ да его отецъ, патріархъ Филаретъ: „и впредь намъ тѣхъ хлѣбовъ и калачей безъ прибыли печь не изъ чего". И тутъ же приводили фактъ, явно свидѣтельствовавшій объ экономической отсталости сочинителя таксы: а что онъ, говорили булочники, „въ той роспискѣ (таксѣ) написалъ за работу восемь денегъ, и то, Государи, идетъ... наймитамъ, которые наймиты пироги и калачи пекутъ, и въ квашни мѣсятъ, и тѣсто перетираютъ, и валяютъ, и въ печь сажаютъ, пекутъ, и всякую работу работаютъ около калачей, и пироговъ, и хлѣбовъ: а намъ, сиротамъ вашимъ, ни одной деньги не выложено на тягло (налоги) и на промыселъ, чѣмъ намъ, сиротамъ вашимъ, сытымъ быти". Какъ видимъ, отъ ремесленической терминологіи не отдѣлались и авторы челобитной: и они, какъ будто, хлопочутъ только о томъ, чтобы имъ „сытымъ быти"—не больше. Но это уже одни только слова: на самомъ дѣлѣ мы видимъ, что пекли-то хлѣба не они, а наемные рабочіе, по отношенію къ которымъ челобитчики были предпринимателями. И „сытымъ быти" они надѣялись отъ предпринимательской прибыли, которой такса ихъ лишила. Ихъ промыселъ заключался въ томъ, что они устраивали заведенія, чтобы эксплуатировать въ нихъ трудъ пекарей-рабочихъ. Хлѣбопекарный промыселъ въ Москвѣ Ми-

хапла Өеодоровича былъ организованъ уже на капиталистическихъ началахъ. Конечно, это былъ капитализмъ еще очень мелкій, и тогдашняя хлѣбопекарня, вѣроятно, не далеко ушла отъ ремесленной мастерской, гдѣ хозяинъ работаетъ не одинъ, а съ подмастерьемъ и ученикомъ. Но та же челобитная даетъ понять, что возможна была и слѣдующая, высшая ступень концентраціи капитала: въ челобитной говорится о какихъ-то „хлѣбныхъ и калачныхъ прасолахъ"—какъ надо думать по названію, это были люди, закупавшіе хлѣбъ и калачи оптомъ, для того, чтобы продавать ихъ потомъ въ розницу.

Если пекари Москвы въ 1620-хъ годахъ представляютъ собою зачатокъ капитализма промышленнаго, то „хлѣбные и калачные прасолы" были представители капитализма торговаго. Торговый капитализмъ гораздо старѣе промышленнаго: стремленіе къ прибыли появилось у купца гораздо раньше, чѣмъ у ремесленника. Крупные зачатки торговаго капитализма мы имѣемъ уже въ кіевской Руси. Русская Правда уже имѣетъ понятіе о торговой прибыли: у нея для этого есть терминъ—пригостить, получить прибыль на вложенный въ торговлю капиталъ [1]). Торговля была обычнымъ помѣщеніемъ свободныхъ денегъ—купецъ Русской Правды обычно ведетъ свое дѣло на занятый капиталъ. Соотвѣтствующая статья Правды и поясняетъ намъ, откуда онъ бралъ этотъ послѣдній. Разсказывая о порядкѣ взысканія денегъ съ обанкрутившагося купца, Правда, какъ и полагается памятнику княжескаго законодательства, прежде всего оберегаетъ интересы князя: „если будутъ за нимъ въ долгу княжескія деньги, то взыскать напередъ ихъ, а остальное въ раздѣлъ". Тутъ мы имѣемъ одинъ изъ самыхъ старыхъ источниковъ „первоначальнаго накопленія". Какъ въ исторіи древнѣйшаго крупнаго хозяйства большую роль играло прямое насиліе, прямой захватъ „челяди", открытый и наглый грабежъ крестьянства—словомъ, „внѣ-экономическіе" факторы, такъ тѣ же внѣ-экономическіе факторы еще болѣе видную роль играли въ образованіи древнѣйшаго торговаго капитала. Война сосредоточивала

---

[1]) „Гостить"—торговать; „гость"—торговецъ, „гостьба"—торговля.

въ рукахъ князей и боярства огромныя количества движимости. Не говоря уже объ усобицахъ—здѣсь, поскольку рѣчь шла о князьяхъ, дѣло сводилось къ перекладыванію изъ одного кармана въ другой,—походы въ степь „добрыхъ страдальцевъ за русскую землю“ вознаграждали этихъ „страдальцевъ“ весьма щедро. Какъ стереотипнымъ концомъ усобицы въ лѣтописи является фраза „ополонишася челядью“, такъ удачная экспедиція противъ половцевъ не менѣе стереотипно кончается словами: „взяли тогда скотъ, и овецъ, и коней“. Это уже было приращеніе не имущества отдѣльнаго князя на счетъ другого, какъ въ случаѣ усобицы,—а чистый приростъ княжескаго достоянія вообще: и мы знаемъ, какъ дорогъ былъ въ древней Руси именно скотъ. Отчасти, конечно, князь утилизировалъ свою добычу непосредственно, путемъ раздачи скота прикрѣпляя крестьянъ къ своимъ землямъ. Но большую часть приходилось „реализировать“—сбывать на рынокъ, „челядь“ преимущественно на заграничный, а скотъ—на внутренній. Недаромъ пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ, мечтая о военныхъ удачахъ русскихъ князей, придаетъ этимъ мечтамъ такую своеобразную форму: „была бы тогда чага (рабыня) по ногатѣ, а кощей (рабъ) по рѣзанѣ!“ Побѣда означала, прежде всего, дешевизну живого товара, и двуногаго и четвероногаго. И вотъ, въ рукахъ князя побѣдителя, вмѣсто скота и людей, оказывалось серебро и золото [1]). Въ какомъ количествѣ, покажетъ одинъ примѣръ изъ безчисленнаго множества аналогичныхъ: въ 1158 году князь Глѣбъ Всеславичъ—вовсе не изъ самыхъ крупныхъ—далъ Кіево-Печерскому монастырю 600 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота. Гривна серебра, слитокъ, вѣсомъ около полуфунта (180—200 граммовъ), равнялась, по тогдашней цѣнѣ металла, теперешнимъ 100 рублямъ: 600 гривенъ представляли собою нѣчто, соотвѣтствующее капиталу въ 60,000 рублей. Золото, въ средніе

[1]) Въ нашей литературѣ довольно твердо держится убѣжденіе, что кіевская Русь знала только счетъ на серебро: была страною серебрянаго монометаллизма, какъ теперь Китай, напримѣръ; это совершенно невѣрно: лѣтопись и бытовые памятники, напр., Печерскій Патерикъ, на каждомъ шагу считаютъ и на серебро, и на золото. Украинцы XII—XIII вѣковъ были биметаллистами.

ѣка, обычно было въ 10—12 разъ дороже серебра: 50 гри-
енъ золота, по минимальной оцѣнкѣ, соотвѣтствовали те-
ерешнему капиталу въ 50,000 р. Итого князь Глѣбъ пожерт-
овалъ Печерскому монастырю 110,000 р. на наши деньги,
ри чемъ ни откуда не видно, чтобы князь отдалъ при этомъ
се свое достояніе; напротивъ, и послѣ его смерти княгиня-
дова продолжала жертвовать серебро и золото. Понятно,
очему князья у насъ были первыми банкирами, и нѣкото-
ые даже спеціализировались въ этой области, какъ кня-
кившій въ Кіевѣ въ концѣ XI и началѣ XII вѣка Свято-
олкъ Изяславичъ. Но разсказъ о кончинѣ этого князя
амѣчаетъ намъ и другую силу, которая могла конкуриро-
ать съ князьями на денежномъ рынкѣ. Когда умеръ этотъ
нязь-ростовщикъ, то въ Кіевѣ, по разсказу лѣтописи,
спыхнули большіе безпорядки. Народъ разграбилъ дворъ
ысяцкаго, правой руки князя, погромилъ иновѣрныхъ
остовщиковъ, евреевъ, а потомъ обнаружилъ явное намѣ-
еніе продолжать ту же работу надъ кіевскими монасты-
ями. Этого не выдержалъ благочестивый князь Влади-
міръ Всеволодовичъ Мономахъ: онъ пришелъ въ Кіевъ,
усмирилъ безпорядки, но тутъ же нашелъ нужнымъ издать
спеціальныя постановленія, сильно ограничивавшія ростов-
щичество. Пикантная позиція, занимаемая въ безхитрост-
номъ разсказѣ лѣтописи монастырями, давно получила
должную оцѣнку; во всей древне-русской, до-московской,
литературѣ нѣтъ мѣста, гдѣ экономическая роль древне-
русскаго монастыря выступила бы ярче. Въ публикѣ очень
распространенъ взглядъ на древне-русскій монастырь, какъ
на рабочую общину, своего рода „коммуну“. Но когда вы
возьмете Кіево-Печерскій Патерикъ, авторы котораго отнюдь
не желали писать сатиры на свою обитель, вы на каждомъ
шагу встрѣчаете образчики нравовъ, въ высшей степени
противоположныхъ всякому коммунизму. Въ Печерскомъ
монастырѣ былъ черноризецъ, именемъ Ареѳа, разсказываетъ
Патерикъ. „Много богатства имѣлъ онъ въ келіи своей и ни-
когда ни одной цаты, ни даже хлѣба не подалъ убогому,
и такъ былъ скупъ и немилосердъ, что и самого себя голо-
домъ морилъ“. Дальше слѣдуетъ назидательный разсказъ
о томъ, какъ за эти малопохвальныя качества Ареѳа былъ

наказанъ; но изъ другихъ мѣстъ Патерика видно, что если его поведеніе не было образцовымъ въ смыслѣ добродѣтели, то оно, во всякомъ случаѣ, было цѣлесообразно и отвѣчало сложившимся въ монастырѣ нравамъ. Вотъ другой братъ, Аѳанасій; велъ онъ жизнь святую и богоугодную, а когда померъ, то цѣлый день оставался безъ погребенія: „былъ онъ очень бѣденъ, ничего не имѣлъ отъ міра сего, и потому былъ въ небреженіи у всѣхъ. Богатымъ только всякій старается послужить, какъ въ жизни, такъ и при смерти, чтобы получить что-нибудь въ наслѣдство". И это правило житейскаго поведенія такъ строго проводилось въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, что безъ денегъ и постричься было нельзя: одинъ братъ очень хотѣлъ постричься въ схиму, „но по нищетѣ его братія пренебрегала имъ". Само собою разумѣется, что въ монастырѣ ничего не дѣлалось даромъ: когда монастырскій могильщикъ, Маркъ, ничего не бралъ за рытье могилъ, это вмѣнялось ему въ особую добродѣтель, за которую онъ и былъ почтенъ даромъ чудотворенія. И когда монастырскій иконописецъ, знакомый намъ Алимпій, безвозмездно писалъ иконы для монастыря, это тоже отмѣчается его біографомъ съ похвалою: а что тотъ же Алимпій, какъ мы видѣли, нѣсколько безцеремонно обращался съ „мірскими" заказчиками, это смущаетъ біографа всего менѣе. И то хорошо, что хоть со своихъ ничего не бралъ. Написанныя кіево-печерскими иноками простодушные разсказы о чудесахъ подвизавшихся въ древнѣйшемъ изъ русскихъ монастырей угодниковъ Божіихъ остаются самымъ древнимъ—и очень яркимъ, въ то же время—памятникомъ буржуазнаго настроенія и буржуазнаго міросозерцанія въ Россіи.

Московская Русь и въ этомъ отношеніи даетъ намъ картину развитія, параллельную кіевской. Еще московскіе князья XIV вѣка продолжали играть роль банкировъ: въ завѣщаніи Ивана Даниловича Калиты упоминаются сто рублей (около 10,000 р. на теперешнія деньги), которыми онъ ссудилъ какого-то Еску. Когда въ XVI вѣкѣ англичане „открыли" Россію, и въ московскихъ предѣлахъ стала дѣйствовать англійская торговая компанія, царь принималъ участіе въ ея оборотахъ, и на банкротствѣ одного изъ чле-

новъ компаніи, Мярша, потерялъ 2700 рублей [1]), которые, согласно съ традиціей, установленной еще Русской Правдой, были взысканы въ первую голову—остальные кредиторы Мярша могли удовольствоваться остатками. При первыхъ Романовыхъ, царь, по словамъ одного иностранца, былъ „первымъ купцомъ своего государства". Царская казна объявила своей монополіей всѣ важнѣйшія статьи русскаго вывоза того времени—отъ мѣховъ и шелка (торговлю шелкомъ, получавшимся изъ Персіи, московское правительство чрезвычайно ревниво держало въ своихъ рукахъ) до икры, рыбьяго клея и ревеня: а когда иностранцы впервые заинтересовались русскимъ хлѣбомъ, былъ объявленъ царской монополіей и хлѣбный экспортъ. Такъ продолжалось и при Петрѣ, когда, по словамъ другого иностранца, царскій дворъ сплошь и рядомъ напоминалъ купеческую контору. И что можно сказать о московскомъ князѣ, великомъ князѣ или царѣ, то же можно повторять и о московскомъ монастырѣ. Какъ Кіево-Печерскій монастырь былъ крупнѣйшимъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ торговцемъ солью (объ этомъ мы узнаемъ изъ того же Патерика), такъ въ московское время ту же роль, солянаго прасола, играли Соловки. Торговля солью была главнымъ источникомъ монастырскихъ доходовъ: „монастырь—мѣсто невотчинное, пашенныхъ земель нѣтъ" плакались соловецкіе отцы въ своихъ челобитныхъ: „развѣ что соли продадутъ, тѣмъ и запасъ всякой на монастырь купятъ и тѣмъ питаются". Съ такою скромностью упоминаемый промыселъ занималъ въ первой половинѣ XVII вѣка 700 рабочихъ и давалъ на московскій рынокъ 130,000 пудовъ соли. И роль монастыря, какъ банкира, въ московской Руси не только не пала—наоборотъ, здѣсь мы по документамъ можемъ прослѣдить то, о чемъ для Кіева приходилось все же догадываться. „Еще въ кіевской Руси монастырь былъ обычнымъ мѣстомъ „поклажи", т.-е. храненія имущества

[1]) Рубль конца XVI вѣка, по своей покупной силѣ, соотвѣтствовалъ 60 единицамъ того же названія конца XIX столѣтія и содержалъ въ себѣ втрое болѣе серебра, чѣмъ нашъ рубль: отношеніе цѣны металла тогдашней и теперешней было, такимъ образомъ, 1 : 20.

мірянъ", говоритъ одинъ изслѣдователь. „То же значеніе сохранилъ онъ и въ XVI вѣкѣ; и въ это время онъ принималъ на храненіе деньги и разный домашній скорбъ... Но особенно важное значеніе имѣло скопленіе въ монастыряхъ значительныхъ денежныхъ капиталовъ, благодаря постоянному приливу вкладовъ на поминовеніе и большимъ доходамъ съ монастырскихъ вотчинъ". Деньгамъ, и отданнымъ на храненіе и собраннымъ монастырскою казною, монастырь не давалъ лежать втуне. Ко времени Грознаго московская старая знать была опутана густою сѣтью долговыхъ обязательствъ передъ „непогребенными мертвецами": и недаромъ перья боярскихъ публицистовъ усваивали „непогребеннымъ мертвецамъ" еще и другіе, менѣе трагическіе, эпитеты—„сребролюбцевъ-ненасытныхъ", „жидовиновъ-ростовщиковъ". Въ сочиненіи того же изслѣдователя можно найти необычайно выразительную картинку изъ исторіи отношеній князей Ухтомскихъ и ихъ „молитвенника", Кириллово-Бѣлозерскаго монастыря. Въ 1556—57 гг. кн. Дан. Дан. Ухтомскій съ тремя сыновьями продалъ монастырю село Карповское съ 17 деревнями и „починками"; четыре года спустя ему же пришлось продать кирилловобѣлозерскимъ отцамъ еще 4 деревни: а тѣмъ временемъ въ 1558—59 гг. тѣ же отцы купили у другого Ухтомскаго село Никитино и 21 деревню. И опять это былъ не конецъ: четыре года спустя этотъ другой Ухтомскій занимаетъ у монастыря 290 рублей, „а заложилъ въ деньгахъ село Семеновское съ 13 деревнями и всѣми угодьями". По тогдашнему залоговому праву монастырь, за проценты, эксплуатировалъ вотчину: заложившій имѣніе помѣщикъ долженъ былъ изъ него „вывезтись", а на его мѣсто въѣзжалъ монастырскій приказчикъ, который отнынѣ и собиралъ всѣ доходы на монастырь. Это была, такимъ образомъ, мертвая петля: черезъ два года село Семеновское было уже полной монастырской собственностью. А еще три года спустя мы видимъ тотъ же монастырь покупающимъ имѣніе еще третьяго Ухтомскаго. Такъ экспропріировалась, понемногу, цѣлая удѣльная династія: и когда пришла опричнина Грознаго, съ ея массовыми конфискаціями удѣльныхъ земель, ей пришлось, въ сущности, только додѣлывать то, что давнымъ-

давно, тихо и скромно, безъ казней и опалъ, было начато смиренными иноками.

Ближайшимъ, географически, къ капитализму княжескому и монастырскому былъ тотъ способъ первоначальнаго накопленія, который былъ тѣсно связанъ съ древне-русской финансовой системой. Жалуясь на запустѣніе земли, древне-русскіе люди, рядомъ съ „ратями", войною, постоянно упоминаютъ „продажи"—уголовные штрафы. Эти штрафы (о нихъ, какъ объ историко-юридическомъ явленіи, будетъ идти рѣчь ниже) въ кіевской Руси были однимъ изъ главныхъ источниковъ обогащенія княжеской казны, если не считать войны. Другой подобный же источникъ, „дань"—т.-е. прямые налоги—была въ тѣ времена еще гораздо менѣе централизована. Централизація дани сдѣлала крупный шагъ впередъ со времени татарскаго завоеванія. Какъ разъ отъ этой эпохи мы и имѣемъ первый образчикъ „финансоваго" накопленія. Подъ 1362 годомъ лѣтопись разсказываетъ, какъ откупщики податей своими „рѣзами", т.-е. процентами, поработили „многія души христіанскія": то-есть, оказывая населенію, не располагавшему большимъ количествомъ наличныхъ денегъ, кредитъ на очень тяжелыхъ условіяхъ, откупщики потомъ безъ зазрѣнія совѣсти продавали въ рабство тѣхъ, кто не могъ имъ уплатить въ срокъ проценты. То была ростовщическая операція очень крупнаго стиля: лѣтопись говоритъ объ этомъ, какъ объ общерусскомъ явленіи. Но откупщики были „бесурмене"—на русской почвѣ происходило накопленіе татарскаго капитала, хотя, легко можетъ статься, онъ и оставался потомъ въ Россіи, ссужаемый „въ гостьбу" русскимъ купцамъ. Это было, однако же, только начало: съ легкой руки татаръ, отдача податей на откупъ прочно укоренилась въ московской Руси. Особенно привилась откупная система къ сбору питейнаго налога—продажа водки уже съ Ивана III была царской монополіей; но и всѣ другіе косвенные налоги, напримѣръ, таможенный, также сдавались крупнымъ торговцамъ или на откупъ или „на вѣру"; разница была въ томъ, что откупщикъ самъ долженъ былъ запасать товаръ и, кромѣ того, обязывался внести въ казну опредѣленную сумму—иными словами, долженъ былъ располагать уже порядочнымъ ка-

питаломъ, чтобы приняться за свое дѣло, тогда какъ „вѣрный“ (=присяжный) сборщикъ получалъ водку отъ казны и не былъ связанъ строго опредѣленнымъ платежомъ—съ него требовали лишь, примѣрно, такого дохода, который казна привыкла получать; иными словами, „вѣрная служба“ была доступна и мелкимъ капиталистамъ, не только крупнымъ, какъ откупа. Но наживанію крупныхъ капиталовъ „вѣрные сборы“ помогали нисколько не меньше—ихъ тоже приходится разсматривать, какъ одинъ изъ способовъ первоначальнаго накопленія. О размѣрахъ послѣдняго даютъ понятіе размѣры отдѣльныхъ откуповъ, какіе намъ извѣстны. Въ 1630 годахъ за однимъ неважнымъ провинціальнымъ откупщикомъ по документамъ можно насчитать разныхъ сборовъ до 6000 рублей тогдашнихъ—35—40 тысячъ рублей теперешнихъ. Обычной нормой предпринимательской прибыли тогда было 20%: этотъ средній московскій буржуа „зарабатывалъ“, такимъ образомъ, семь-восемь тысячъ рублей; при чемъ мы отнюдь не можемъ быть увѣрены, что это весь его доходъ, и что въ документахъ (податныхъ) этотъ доходъ не показанъ ниже настоящаго. Иностранцы даютъ гораздо болѣе высокія цифры для откупныхъ операцій: по ихъ словамъ, только три новгородскихъ кабака давали ежегодно до ста тысячъ рублей на теперешнія деньги; въ Москвѣ были отдѣльные кабаки, сдававшіеся за десять и даже за двадцать тысячъ рублей тогдашнихъ (65—130 тысячъ нынѣшнихъ). „Откупщикъ“ въ московской Руси былъ уже синонимомъ „крупнаго капиталиста“, какимъ онъ оставался почти вплоть до эпохи освобожденія крестьянъ. Благодаря нашей классической литературѣ, онъ остается для насъ такимъ и до сихъ поръ, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ уничтоженія откуповъ: читатель уже, навѣрное, вспомнилъ крыловскую басню „Откупщикъ и сапожникъ“ и гоголевскаго Муразова.

Въ экономической литературѣ гораздо большее значеніе, чѣмъ всѣмъ, до сихъ поръ перечисленнымъ, источникамъ торговаго капитала, придается земельной рентѣ. „Извѣстно, что первоначальной формой капитала, въ который превращаются накопленныя земельныя ренты, является торговый денежный капиталъ“, говоритъ, напримѣръ, одинъ

изъ новѣйшихъ изслѣдователей аграрной эволюціи Россіи. Какъ разъ въ Россіи, однако же, наживаніе этимъ путемъ шло медленнѣе, нежели многими другими. Земельная рента могла послужить источникомъ образованія крупнаго капитала въ двухъ случаяхъ: или когда помѣщикъ велъ крупное хозяйство для рынка, или когда онъ, посредствомъ оброка, извлекалъ денежный доходъ изъ большого числа мелкихъ хозяйствъ. Но случаи крупнаго, предпринимательскаго, сельскаго хозяйства для XVI—XVII вѣковъ у насъ наперечетъ—массовымъ явленіемъ такое хозяйство становится гораздо позже, въ первой половинѣ XIX вѣка. Къ этому времени торговый капиталъ уже давнымъ-давно существовалъ и успѣлъ уже, отчасти, превратиться въ промышленный. Что же касается денежнаго оброка съ крестьянъ, то хотя онъ и существовалъ у насъ въ XVI и даже въ концѣ XV вѣка, но распространенъ онъ былъ только на монастырскихъ, да на „черныхъ", государевыхъ земляхъ. Онъ тутъ помогалъ накопленію, давно уже шедшему другими путями. Въ свѣтскихъ рукахъ оброчныхъ имѣній было гораздо меньше. Тамъ, однако же, гдѣ въ однѣхъ рукахъ сходилось оброку много, мы наблюдаемъ именно то явленіе, котораго ожидаютъ экономисты. Въ числѣ кредиторовъ упоминавшагося выше Мярша, обанкрутившагося англійскаго купца XVI вѣка; мы встрѣчаемъ не только государя, не только гостей и торговыхъ людей и монастырскаго старца Іону, но и бояръ, и дворянъ. Самымъ крупнымъ кредиторомъ и былъ какъ разъ бояринъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, предъявившій на Мярша двѣ „кабалы" (векселя), одну на 5.700 рублей, другую на 3.000. Всего Борисъ Ѳеодоровичъ вложилъ въ предпріятіе неудачника-англичанина, на наши деньги, до 225.000 рублей—цѣлое состояніе даже и по теперешнимъ понятіямъ. На этотъ капиталъ, какъ видно изъ кабалъ, онъ разсчитывалъ получить 20% чистаго барыша. Годуновскія деньги взыскивались потомъ съ Мярша такъ же полностью, какъ и царскія: но это было индивидуальное исключеніе въ пользу вліятельнаго царскаго родственника; другіе землевладѣльцы должны были довольствоваться половиной, наравнѣ съ купцами; среди нихъ были тоже очень крупные кредиторы—напримѣръ, дворянинъ

Романъ Пивовъ, давшій Мяршу 2400 руб. (=60,000 теперешнихъ). Это соединеніе въ одномъ лицѣ крупнаго землевладѣльца и крупнаго капиталиста провожаетъ насъ и позже, черезъ весь XVII вѣкъ, вплоть до петровской эпохи. Въ XVII вѣкѣ яркимъ образчикомъ этого типа были Строгановы, владѣльцы огромныхъ вотчинъ и оптовые торговцы солью въ то же время, вѣроятно, самые богатые люди тогдашней Руси: ихъ ежегодный оборотъ былъ, на наши деньги, значительно болѣе милліона, а чистый доходъ—тысячъ триста, что, по тогдашнему уровню прибыли, равнялось капиталу милліона въ полтора. Документы, на которые опирается этотъ расчетъ (податные), даютъ, несомнѣнно, минимальныя цифры: на самомъ дѣлѣ, строгановское состояніе было раза въ два больше. Россія временъ Михаила Ѳеодоровича (цифры относятся къ 1630 годамъ) уже знала, такимъ образомъ, настоящихъ милліонеровъ. Во времена Петра крупнѣйшее промышленное предпріятіе—шелковая мануфактура съ основнымъ капиталомъ до милліона рублей на наши деньги—принадлежала также тремъ крупнымъ помѣщикамъ: адмиралу Апраксину, вице-канцлеру Шафирову и Петру Толстому. Можно, однако, сомнѣваться, чтобы собранный ими капиталъ былъ результатомъ накопленія ими земельной ренты; скорѣе, онъ прямо или косвенно происходилъ изъ царской казны.

Всего меньше играла роль въ накопленіи—и всего позже начала эту роль играть—собственно торговля, торговый барышъ. Торговля, даже заграничная, очень долго носила ремесленный характеръ. Для оцѣнки ея размѣровъ въ кіевско-новгородскую эпоху (XI—XIV вѣка) у насъ есть весьма любопытный документъ. Это уставная грамота, данная княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ (внукомъ Мономаха) новгородской церкви св. Ивана на Опокахъ. Первоначальная ея редакція относится къ 1135—36 гг., но до насъ она дошла въ текстѣ конца XIV вѣка. Ею утверждались привилегіи гильдіи новгородскихъ купцовъ, торговавшихъ воскомъ и группировавшихся, какъ вообще группировались средневѣковые торговцы, около церкви Іоанна Предтечи—такія церкви въ то время служили обыкновенно и торговыми складами. При церкви Ивана на Опокахъ стояли и

вѣсы, на которыхъ вѣшали воскъ—и главная привилегія „иванскаго“ купечества въ томъ и состояла, что исключительное право вѣшать воскъ для всего новгородскаго рынка принадлежало ему. Тутъ же, какъ при самой старой и почтенной купеческой корпораціи, былъ и торговый судъ, но члены его избирались не только „иванскими“ купцами, а и всѣми новгородскими торговцами („житьими людьми“). Такъ вотъ, изъ этой грамоты мы узнаемъ, что членомъ „иванской“ корпораціи могъ быть всякій, кто въ состояніи былъ внести 75 гривенъ серебра—50 гривенъ, какъ свой торговый пай, а 25 въ казну св. Ивана. Гривна серебра, какъ мы упоминали выше, это около 100 рублей теперешнихъ—торговый пай „иванскаго“ купца, члена самой богатой и вліятельной гильдіи Новгорода, не превышалъ, такимъ образомъ, 5000 рублей—вкладного пая теперешняго артельщика большой биржевой артели. Изъ иностранныхъ источниковъ мы знаемъ, что и капиталъ нѣмецкаго купца тѣхъ дней, торговавшаго съ Новгородомъ, составлялъ около 10.000 марокъ на нынѣшнія деньги—тѣ же 5000 рублей: можно думать, что русскій уставъ въ этомъ пунктѣ подражалъ заграничнымъ образцамъ. Съ такими капиталами велась тогда оптовая торговля! Что представляла изъ себя розничная торговля, даже въ несравненно болѣе позднее время, показываютъ слова одного иностранца, видѣвшаго Москву XVII столѣтія: „бо̀льшая часть лавокъ такъ малы и узки, что продавецъ еле можетъ повернуться среди своихъ товаровъ“. По его же отзыву, „изъ одной амстердамской лавки того времени можно было бы сдѣлать десять, и даже больше, московскихъ“. А накопленіе чисто купеческаго капитала къ XVII вѣку все же сдѣлало большіе успѣхи. Для учета московскаго торговаго капитала временъ Михаила Ѳеодоровича, 1620—40-хъ годовъ, у насъ есть очень солидный источникъ въ документахъ, касающихся взысканія пятой деньги, экстреннаго подоходнаго налога съ торговли и промысловъ, взимавшагося въ размѣрѣ 20% съ торговаго оборота. Организація сбора была поручена московскимъ гостямъ, крупнѣйшимъ капиталистамъ въ государствѣ: совершенно ясно, что себя гости оцѣнили наивозможно дешевле—такъ что для крупнѣйшаго капитала того времени

мы имѣемъ цифры минимальныя и, вѣроятно, даже ниже минимума. Зато по всей странѣ данныя о „пятинныхъ деньгахъ“ должны быть близки къ дѣйствительному положенію вещей, въ особенности, если брать не абсолютныя цифры, но отношенія, сравнивая результаты пятиннаго сбора за разные годы. Для 1616—17 гг. сборъ „пятой деньги“ далъ, по всей Россіи, около 200.000 рублей на тогдашнія деньги—около 1.400.000 р. на теперешнія. Это составляло $^1/_5$ всего московскаго торговаго оборота—весь онъ, значитъ, былъ около 7 милліоновъ на наши деньги. Восемнадцать лѣтъ спустя тотъ же сборъ далъ уже 300.000 руб.—2.100.000 нашихъ: другими словами, за первую половину царствованія Михаила Ѳеодоровича русскій торговый капиталъ выросъ въ полтора раза, торговые обороты повысились съ 7 милліоновъ рублей до $10^1/_2$. На первомъ мѣстѣ по оборотамъ стояла Москва—не меньше 3.150.000 р., но надо имѣть въ виду, что какъ разъ московскіе капиталисты имѣли наибольшую возможность скрывать свои обороты. На второмъ Казань, съ оборотами нѣсколько ниже милліона, на третьемъ Ярославль—нѣсколько больше полумилліона (мы вездѣ считаемъ на теперешнія деньги), лишь на четвертомъ Нижній, торговля котораго въ тѣ дни достигала едва половины торговли Ярославля. Немного выше Новгорода Нижняго стоялъ Новгородъ Великій (до 350.000 руб. нашихъ) и совсѣмъ низко старый торговый центръ сѣверо-запада, Псковъ, которому дорого обошлась соціальная борьба, достигшая чрезвычайнаго обостренія во время смуты: обороты Пскова стояли ниже даже Калуги и едва превышали, на теперешній счетъ, сто тысячъ рублей. Чтобы придать этимъ цифрамъ большую наглядность, ихъ можно сопоставить, во-первыхъ, съ государственнымъ бюджетомъ: бюджетъ Московскаго государства середины XVII столѣтія доходилъ до 1.300.000 р. (=9 милліонамъ теперешнихъ), а обороты торговли—до полутора милліона (=болѣе 10 теперешнихъ). Въ концѣ XIX столѣтія обороты русской торговли нѣсколько превышали 10 милліардовъ рублей,—а нашъ бюджетъ тогда составлялъ полтора милліарда. Въ концѣ XIX вѣка бюджетъ составлялъ только 15% всего торговаго оборота,—а въ серединѣ XVII почти 90% по минимальной оцѣнкѣ этого оборота и, вѣ-

роятно, не менѣе 60% по настоящей. Во-вторыхъ, можно сравнить торговлю Московскаго государства съ торговлей средневѣковой Европы. Въ XIV вѣкѣ, въ дни расцвѣта ганзейской торговли, ежегодные обороты Любека составляли $4^1/_2$ милліона марокъ на теперешнія деньги, Гамбурга $3^1/_2$, Штральзунда болѣе 3, четырехъ главныхъ городовъ ганзейскаго союза вмѣстѣ взятыхъ $15^1/_2$ милл. марокъ—около $7^1/_2$ милл. рублей. Какъ видимъ, торговля Московскаго государства середины XVII вѣка не уступала торговлѣ ганзейскаго союза XIV, и Москва торговала вдвое шибче, чѣмъ средневѣковой Любекъ. Въ то же время на каждаго россійскаго обывателя конца XIX вѣка приходилось торговаго оборота на 7 р. 70 коп., а на каждаго подданнаго царя Михаила Ѳеодоровича всего около 65 коп. Московское государство далеко уже не было страною „натуральнаго" хозяйства, но концентрація капитала въ царской казнѣ далеко превышала концентрацію его въ частныхъ рукахъ: и московскіе „гости" были представителями торговаго капитализма не столько по своимъ личнымъ достаткамъ, сколько какъ царскіе агенты или откупщики казенныхъ доходовъ. Всѣ казенныя монополіи фактически были въ ихъ рукахъ—и по поводу, напримѣръ, торговли хлѣбомъ, голландскимъ уполномоченнымъ приходилось разговаривать не столько съ боярами и дьяками, сколько съ гостемъ Надѣемъ Свѣтешниковымъ. „Гости—царскіе коммерціи совѣтники и факторы, они неограниченно правятъ торговлей во всемъ государствѣ", говоритъ неоднократно нами цитированный иностранный наблюдатель русской торговли XVII вѣка (Кильбургеръ). „Они разсѣяны по всему государству и во всѣхъ мѣстахъ по своему званію пользуются привилегіей покупать первыми, хотя бы они дѣйствовали и не за царскій счетъ. Такъ какъ они одни, однако же, не въ состояніи справиться со столь широко раскинувшейся торговлей, то во всѣхъ городахъ у нихъ есть подставныя лица, въ лицѣ двухъ или трехъ изъ проживающихъ тамъ виднѣйшихъ купцовъ, которые въ качествѣ царскихъ факторовъ пользуются привилегіями гостей, хотя не носятъ этого имени, и ради своей частной корысти всюду причиняютъ различныя стѣсненія торговлѣ. Простые

купцы замѣчаютъ и знаютъ это очень хорошо, говорятъ о гостяхъ плохо, и можно опасаться, что, въ случаѣ возстанія, чернь всѣмъ гостямъ свернетъ шею".

Какъ ремесленники XVI—XVII вѣковъ были зачаткомъ мелкой буржуазіи въ Россіи, такъ „гости" были зачаткомъ буржуазіи крупной. Въ Московскомъ государствѣ этой эпохи намѣчаются уже, такимъ образомъ, общественные классы — московское общество было классовымъ обществомъ. Привыкнувъ считать московскую Русь исключительно боярской и дворянской страной, историки долго не замѣчали нашей старинной буржуазіи, какъ общественной силы. Выходило такъ, что правили исключительно землевладѣльцы, какъ и въ древнѣйшій періодъ. „Посадскіе" (городское населеніе) изображались, какъ забитый, задавленный элементъ общества, который только и дѣлалъ, что терпѣлъ всякія напасти и всяческое угнетеніе отъ своихъ дворянскихъ правителей. Теперь больше рисовать такой картины нельзя. Мы сейчасъ видѣли, что иностранцамъ, видавшимъ Москву XVII вѣка, гости представлялись угнетателями, а не угнетенными,—а еще раньше мы видѣли, что „гости" играли большую роль въ финансовомъ управленіи: отъ нихъ зависѣла раскладка такого важнаго налога, какъ „пятая деньга". Люди, имѣвшіе такое большое значеніе въ повседневномъ быту, должны были явиться серьезной политической силой въ критическія минуты существованія Московскаго государства. Такъ и было: ни при одномъ переворотѣ въ Москвѣ, въ XVI—XVII вѣкахъ, и даже ранѣе, дѣло не обходится безъ участія буржуазіи. Уже въ XIV вѣкѣ, при нападеніи на Москву Тохтамыша, городъ защищаютъ „посадскіе"— безъ князя, потому что Дмитрій Ивановичъ Донской бѣжалъ на сѣверъ; въ слѣдующемъ столѣтіи захватъ Иваномъ III Новгорода сопровождался такими шагами московскаго правительства (переводъ новгородскихъ купцовъ насильно въ Москву и закрытіе нѣмецкаго двора), которые ясно показываютъ буржуазную подкладку всей московской политики въ этомъ вопросѣ: недаромъ расправа съ новгородцами была такъ популярна среди москвичей. Но полнаго расцвѣта вліяніе московской буржуазіи достигаетъ при

внукѣ Ивана III, Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. То, что раньше изображалось, какъ результатъ дворовыхъ интригъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается крупными народными движеніями, при чемъ „народъ“ здѣсь—это именно буржуазное населеніе Москвы, московскіе „посадскіе“. Опираясь на нихъ, держались такъ досадившіе Грозному въ юности его опекуны, князья Шуйскіе: семья Шуйскихъ, владѣвшая множествомъ промышленныхъ вотчинъ въ нынѣшней Владимірской губерніи, всегда была тѣсно связана съ буржуазными кругами. Когда Шуйскіе были низвергнуты, московскій посадъ, въ свою очередь, низвергъ и убилъ ихъ враговъ и преемниковъ, князей Глинскихъ: этотъ московскій бунтъ 1547 года былъ исходной точкой такъ называемыхъ „реформъ Грознаго“. Въ томъ переворотѣ 1564 года, который избавилъ Грознаго отъ опеки боярства, московская буржуазія принимала самое живое участіе. Къ ней была обращена царская грамота, обличавшая бояръ въ разныхъ злоупотребленіяхъ: лѣтопись опредѣленно говоритъ, что Грозный прислалъ грамоту „къ гостямъ и къ купцамъ и ко всему православному христіанству города Москвы“, и читали грамоту „передъ гостями и передъ всѣми людьми“. Когда въ результатѣ государственнаго переворота 1564 года была учреждена опричина, всѣ крупные торговые города были причислены къ ней, а вскорѣ послѣ верхушки московскаго купечества получили и спеціальную награду: въ 1566 г. „царь и великій князь отпустили со своею бологодѣтью отъ своей казны своихъ гостей и купцовъ въ поморскія государства“—въ Антверпенъ, въ Персію и въ Англію. Это одно изъ первыхъ указаній на тѣсныя связи московской царской казны и московскаго торговаго капитала, какое мы встрѣчаемъ. При преемникахъ Грознаго вліяніе крупнаго московскаго купечества еще усиливается—въ 1587 г., напримѣръ, „гости“ вмѣшиваются въ весьма деликатное дѣло о разводѣ Ѳеодора Ивановича съ его женою, царицей Ириною, сестрой Годунова. При неудачѣ этого дѣла нѣкоторые изъ „гостей“ поплатились своими головами—но самая попытка купцовъ вмѣшаться въ царскія семейныя дѣла показываетъ, какъ велико было ихъ политическое значеніе. Ихъ противникъ въ этомъ именно

дѣлѣ, Борисъ Годуновъ, самъ былъ тѣсно связанъ съ коммерческими кругами, какъ мы видѣли выше, а еще тѣснѣе былъ съ ними связанъ царь Василій Шуйскій. Этого и на престолъ посадило купечество—„купцы, сапожники и пирожники“ были, по презрительному отзыву одного иностранца, главными дѣйствующими лицами при избраніи Шуйскаго царемъ. Четыре года помощью „посадскаго“ населенія Шуйскій держался противъ своихъ враговъ,—какъ онъ самъ это призналъ, разсылая похвальныя грамоты волжанамъ, бѣлозерцамъ, устюжанамъ, каргопольцамъ, сольвычегодцамъ, тотьмичамъ, важанамъ, двинянамъ, костромичамъ, галичанамъ, вятчанамъ „и иныхъ разныхъ городовъ старостамъ и посадскимъ людямъ“. Перечень городовъ любопытенъ съ точки зрѣнія коммерческой географіи Московскаго государства: мы видимъ сплошь города сѣверные, расположенные по воднымъ путямъ отъ Москвы къ Бѣлому морю. Со времени „открытія“ англичанами Россіи, въ XVI столѣтіи, и до Петра Великаго, вся русская заграничная торговля шла черезъ Архангельскъ—Сѣверная Двина была самымъ бойкимъ торговымъ путемъ, и нынѣшнія Архангельская и Вологодская губерніи—мѣстностями наиболѣе развитого денежнаго хозяйства. Въ этомъ отношеніи съ Двиною могла поспорить только Волга—такая же столбовая дорога на Востокъ, къ Каспійскому морю, и Сибирь, съ ея мѣховыми богатствами, какъ Двина на западъ, въ Европу. Когда сѣверные города были окончательно истощены, а Московскій посадъ бросилъ Шуйскаго, онъ палъ, и на царскомъ престолѣ временно утвердился боярско-дворянскій кандидатъ, царевичъ Владиславъ: но и при немъ „гости“ продолжали держаться у власти, и „торговый мужикъ“ Ѳедоръ Андроновъ былъ самымъ вліятельнымъ лицомъ въ государствѣ, къ великой зависти и конфузу бояръ и дворянъ. А во главѣ сопротивленія Владиславу стали теперь города поволжскіе, на первомъ мѣстѣ Нижній-Новгородъ: они и сформировали ополченіе, выгнавшее изъ Москвы поляковъ и посадившее на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Какъ говоритъ одна современная грамота, „въ Нижнемъ Новгородѣ гости и всѣ земскіе посадскіе люди, ревнуя по Богѣ, по православной христіан-

кой вѣрѣ, не пощадя своего имѣнія, дворянъ и дѣтей боярскихъ смольянъ и иныхъ многихъ городовъ сподобили неоскуднымъ денежнымъ жалованьемъ". При этомъ роль „всѣхъ земскихъ посадскихъ людей", ремесленной массы, была болѣе пассивная: во главѣ движенія мы всегда встрѣчаемъ „гостей", откупщиковъ и тому подобныхъ представителей торговаго капитала. Политическое значеніе этого послѣдняго засвидѣтельствовано каждой страницей исторіи Смуты, и самымъ выразительнымъ памятникомъ этого значенія осталась присяга, данная царемъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ: „у гостей и у торговыхъ людей, хотя который по суду и по сыску дойдетъ и до смертной вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отнимать, будетъ съ ними они въ той винѣ невинны". Этимъ на московское купечество распространялась привилегія, которой изъ подданныхъ московскаго царя пользовалось только боярство: какъ у боярина вотчину, такъ нельзя было по произволу отнять у купца его лавку[1]).

Вліятельный внутри государства, торговый капиталъ былъ едва ли не еще болѣе вліятельнымъ во внѣшней политикѣ. Объектомъ этой послѣдней для Московскаго, какъ и для всякаго средневѣковаго, государства были или захватъ новыхъ земель или захватъ торговыхъ путей. Въ первомъ случаѣ она отвѣчала классовымъ интересамъ землевладѣльцевъ, бояръ и дворянъ: такой войной были казанскіе походы Грознаго и всѣ войны съ Литвой и Польшей, и тогда, и раньше, и послѣ. Если торговые интересы въ нихъ и были замѣшаны, то на второмъ планѣ. Но въ XVI вѣкѣ мы имѣемъ большую войну, ливонскую войну Грознаго, гдѣ торговый интересъ игралъ самую главную роль, ибо это была война не столько за новыя земли, сколько за балтійскія гавани, одна изъ которыхъ, Нарва, уже тогда очень много значила для русскаго экспорта. Но Грозный хотѣлъ захватить и Ревель,—а если можно, и Ригу. Обшир-

---

[1]) Изъ дальнѣйшаго читатель увидитъ, что практическаго значенія дарованная Шуйскимъ гарантія не имѣла—ни для бояръ, ни для купцовъ: но для насъ важно, что тѣ и другіе юридически были поставлены на одну доску. См. отдѣлъ II.

ность плана и была причиной его неудачи: ни Польша, ни Швеція не могли помириться съ тѣмъ, чтобы юго-восточное побережье Балтійскаго моря перешло къ Москвѣ. Послѣдней пришлось вести не одну, а много войнъ, и съ тою и съ другою, прежде, чѣмъ надежды московскаго купечества XVI вѣка стали совершившимся фактомъ. Но, пока этого не случилось, московская политика полтораста лѣтъ подъ-рядъ неоднократно возвращалась къ этой задачѣ. И величайшая изъ русскихъ войнъ XVII—XVIII вѣковъ, такъ называемая Великая Сѣверная война, вдохновлялась именно торговой идеей, формулированной за пятьдесятъ лѣтъ до нея однимъ торговымъ человѣкомъ, хотя не русскимъ, но хорошо понимавшимъ коммерческія отношенія, существовавшія въ ту пору на востокѣ Европы. Этимъ человѣкомъ былъ шведскій торговый агентъ де-Родесъ, еще въ 1650-хъ годахъ доказывавшій своему, шведскому, правительству, насколько болѣе было бы въ интересахъ торговаго капитала, чтобы заграничная торговля Россіи шла черезъ Балтику, а не черезъ Бѣлое море, какъ это тогда было на дѣлѣ. На Бѣломъ морѣ, гдѣ навигація возможна только 3—4 мѣсяца въ году, капиталъ могъ обернуться только однажды въ годъ, а на Балтійскомъ, гдѣ навигація прерывается только на 3—4 мѣсяца, капиталъ могъ имѣть въ теченіе года двойной или тройной оборотъ—принимая во вниманіе, что и разстояніе отъ береговъ Балтики до портовъ западной Европы вдвое менѣе, чѣмъ отъ Архангельска. Де-Родесъ заботился объ интересахъ шведской торговли, но его теорія совершенно годилась и для русской, и русскіе сумѣли ее использовать въ своихъ интересахъ лучше, чѣмъ шведы. По ништадскому миру (1721 г.), и Рига, и Ревель стали русскими городами, на Финскомъ заливѣ сталъ новый русскій портъ, Петербургъ, и старый кружный путь черезъ Архангельскъ былъ заброшенъ — планъ де-Родеса осуществился. Въ то же время торговые интересы начинаютъ не только вліять на русскую политику, но прямо господствовать въ ней: при Петрѣ Россія опредѣленно вступаетъ на путь меркантилизма,—путь, намѣтившійся, впрочемъ, уже при его отцѣ. „Во всѣхъ окрестныхъ государствахъ свободные и прибыльные торги счита-

ются между первыми государственными дѣлами; остерегаютъ торги съ великимъ береженьемъ и въ вольности держатъ для сбора пошлинъ и для всенародныхъ пожитковъ мірскихъ“, писалъ въ новомъ торговомъ уставѣ Ординъ-Нащокинъ въ 1667 году. Дѣйствительно ли торговля — и притомъ заграничная, которую, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду Уставъ—имѣла такое капитальное значеніе для русскаго народнаго хозяйства—„всенародныхъ мірскихъ пожитковъ“—это другой вопросъ: но что русскіе политическіе дѣятели того времени вдохновлялись интересами торговли и были орудіемъ въ рукахъ крупной буржуазіи, это Нащокикъ доказалъ всей своею дѣятельностью въ достаточной мѣрѣ.

Но сознательное отношеніе къ экономическимъ вопросамъ вовсе не составляло привилегіи офиціальныхъ круговъ, къ которымъ принадлежалъ Нащокинъ. И онъ далеко не былъ первымъ, кто объ этихъ вопросахъ началъ разсуждать. Первымъ, хронологически, памятникомъ экономической мысли въ Россіи былъ извѣстный „Домострой“—сочиненіе или, по крайней мѣрѣ, компиляція духовника Ивана Грознаго, протопопа Сильвестра. Изъ болѣе интимнаго и несомнѣнно принадлежащаго послѣднему „Посланія и наказанія отъ отца къ сыну“ мы знаемъ, что протопопъ былъ крупнымъ коммерсантомъ. На него работало множество всякаго рода ремесленниковъ—„иконники, книжные писцы, серебряные мастера, кузнецы, плотники, каменщики, кирпичники, стѣнщики и всякіе рукодѣльники“; онъ ихъ кредитовалъ, а они должны были расплачиваться съ нимъ или готовыми издѣліями, какъ ремесленники въ тѣсномъ смыслѣ, напримѣръ, иконописцы, или своимъ трудомъ—какъ строительные рабочіе. Въ „Посланіи“ мы встрѣчаемъ, такимъ образомъ, впервые на Руси, производство на скупщика—ту раннюю форму промышленнаго капитализма, которая составляетъ теперь основу такъ называемыхъ „кустарныхъ промысловъ“. Передовой по своему времени предприниматель, протопопъ Сильвестръ, былъ, что еще болѣе любопытно, первымъ насадителемъ у насъ коммерческаго и техническаго образованія. Онъ обучалъ сиротъ и дѣтей своихъ холоповъ „всякимъ многимъ рукодѣліямъ—

и иныхъ всякими многими торговлями научилъ торговать". Одни изъ его воспитанниковъ стали ремесленниками и лавочниками, а другіе поднялись и до заграничнаго торга: „многіе гостьбу дѣютъ, въ различныхъ земляхъ, всякими торговлями". Съ иноземцами велъ торгъ и самъ протопопъ. У такого человѣка мы должны ожидать максимума экономической сознательности для своей эпохи. И дѣйствительно, Сильвестръ много разсуждаетъ на экономическія темы, и въ посланіи, и въ Домостроѣ. Но эти разсужденія свидѣтельствуютъ, что практика у насъ, какъ всюду, опережала теорію. Нашъ крупный предприниматель XVI вѣка еще съ чисто средневѣковой пугливостью относится къ кредиту: онъ хвастается тѣмъ, что никому не далъ на себя кабалы, т.-е. векселя. „Прасолъ", скупщикъ (а онъ самъ былъ такимъ прасоломъ!) въ его глазахъ существо зловредное, котораго нужно остерегаться: у него поневолѣ и худое за хорошее купишь, да еще втридорога дашь. И Домострой настойчиво предупреждаетъ своего читателя, при каждомъ удобномъ случаѣ, что закупать все нужно изъ первыхъ рукъ, непосредственно у самихъ производителей. Но самому не слѣдуетъ упускать случая нажиться на перепродажѣ: „а коли чего изобильно запасено въ дешевую пору, такъ во время дороговизны можно и продать; ино самъ ѣлъ, и пилъ, и носилъ даромъ— а деньги опять дома!" Въ общемъ мы, однако, не найдемъ у Силивестра ясно формулированнаго понятія торговой прибыли. Домострой—памятникъ экономической идеологіи городского, ремесленнаго хозяйства, хотя самъ Сильвестръ на практикѣ былъ уже представителемъ торговаго капитализма. Зато торговля ради прибыли отчетливо рисуется другому писателю, такому же самородному экономисту, какъ и Сильвестръ, но стоящему не въ началѣ, а въ концѣ изучаемаго періода — современнику Петра В., Посошкову. Онъ уже не ограничивается совѣтами—перепродавать съ барышомъ, что дома оказалось лишнимъ, а рекомендуетъ торговать и тѣмъ, чего самъ не употребляешь—производить исключительно ради торговли. Въ Россіи можно разводить табакъ, такъ строго осуждавшійся добродѣтельными людьми московской Руси: отчего бы намъ не завести

„табачные заводы, и столько бы намъ можно его напасти, что за море кораблями можно было бы его отпускать". Въ Россіи онъ обойдется не дороже копейки фунтъ, а за границей его продаютъ по тридцати копеекъ: „намъ такъ можно его размножить, что милліонная отъ него прибыль будетъ". И Посошковъ не чуждъ воспоминаній о ремесленномъ производствѣ: онъ бредитъ иногда „справедливой цѣной", осужденной еще московскими калачниками временъ Михаила Ѳеодоровича, и съ любовью вырисовываетъ рядъ совершенно дѣтскихъ полицейскихъ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью принудить купцовъ брать „настоящую цѣну". Но онъ уже не боится кредита и толкуетъ о ссудахъ купцамъ за 6%, изъ царской казны: практически, мы знаемъ, такія ссуды получали купцы уже при Иванѣ Грозномъ, а теорія добралась да нихъ только при Петрѣ В. У него уже ясно намѣчается тотъ пунктъ, гдѣ торговый капитализмъ переходитъ въ промышленный. „Кои матеріалы гдѣ родятся, тамо бы и въ дѣло происходили. Если бы ленъ и пеньку, за море не возя, дѣлать тутъ, гдѣ что родилось, то полотно обходилось бы вдвое или втрое дешевле заморскаго, а люди бы россійскіе богатились". Центральная мысль развитого меркантелизма—такъ называемаго „кольбертизма"—что нужно сбывать за границу не сырье, а фабрикаты, была уже отчетливо осознана при Петрѣ, и теорія здѣсь опять только съ трудомъ поспѣвала за практикой: изучая развитіе промышленнаго капитализма въ Россіи, мы увидимъ, что вся система петровскихъ мануфактуръ была направлена на завоеваніе заграничнаго рынка. И въ тѣ дни, когда самъ царскій дворъ походилъ на купеческую контору, совсѣмъ не новостью звучалъ панегирикъ Посошкова тому самому прасолу, отъ котораго такъ пугливо сторонился еще прасолъ Сильвестръ. Но, неновыя сами по себѣ, слова Посошкова заслуживаютъ того, чтобы ихъ привести, какъ памятникъ самосознанія, до котораго поднялась русская буржуазія на порогѣ XVII и XVIII вѣковъ: „Безъ купечества никакое не только великое, но и малое царство стоять не можетъ. Купечество и воинству товарищъ: воинство воюетъ, а купечество помогаетъ и всякія потребности ему уготовляетъ... Какъ душа безъ тѣла не

можетъ быть, такъ и воинство безъ купечества пробыть не можетъ. И царство воинствомъ расширяется, а купечествомъ украшается". Никогда эти слова не были такъ кстати, какъ во время Великой Сѣверной войны. Только параллель Посошкова, безъ ущерба для исторической истины, можно бы перевернуть: въ петровской политикѣ роль души приходилась на долю купечества, а воинство было тѣломъ, той матеріальной силой, которая „уготовляла потребности" торговому капиталу.

Библіографія.

Для исторіи русской торговли, кромѣ соотвѣтствующихъ главъ въ упоминавшихся выше трудахъ Аристова, Довнаръ-Запольскаго и Никитскаго, занимающихся торговлей до-московскаго періода, спеціально для послѣдняго основнымъ пособіемъ является „Очеркъ торговли Московскаго государства" Костомарова (томъ XX „Историческихъ монографій и изслѣдованій"). Написанный въ 1862 году, „Очеркъ" въ смыслѣ свѣжести матеріала стоитъ на одномъ уровнѣ съ книгой Аристова. Имя Костомарова не должно обманывать читателя: превосходный разсказчикъ тамъ, гдѣ приходилось излагать событія, Костомаровъ былъ совсѣмъ не мастеръ рисовать широкія культурныя картины. „Очеркъ", за исключеніемъ нѣсколькихъ страницъ повѣствовательнаго характера, очень сухая книга, годная болѣе для справокъ, чѣмъ для чтенія. Анализъ совершенно отсутствуетъ,—фактическій матеріалъ сведенъ въ нѣсколько рубрикъ чисто внѣшняго характера, напр.: „предметы царства ископаемаго", „предметы царства растительнаго" и т. под. Для отдѣльныхъ сторонъ „накопленія": о княжескихъ капиталахъ много, но не всегда удачно, говоритъ проф. Довнаръ-Запольскій; о роли монастырей, кромѣ соотвѣтствующихъ мѣстъ въ книгѣ проф. Рождественскаго: „Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI в." Спб. 1897, (оттуда взяты приведенные въ текстѣ примѣры экспропріаціи монастырями удѣльныхъ династій), см. особенно превосходно написанный маленькій очеркъ Ключевскаго: „Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря" (написанный еще въ 60-хъ годахъ, перепечатанный въ „Опытахъ и изслѣдованіяхъ", Москва 1912). Ни тотъ, ни другой не ставятъ себѣ спеціальной задачей изслѣдованія роли монастыря и вообще церкви, какъ банкира. О значеніи земельной ренты можно читать въ книгѣ П. И. Лященко: „Очерки аграрной эволюціи Россіи", т. I, Спб. 1908 (глава II—гдѣ есть и вообще о торговомъ капиталѣ въ московской Руси). Данныя о размѣрахъ торговыхъ оборотовъ и торговаго капитала въ Московскомъ государствѣ первой половины XVII в. заимствованы изъ статьи г. Сташевскаго: „Пятина 142 года и торго-промышленные центры Московскаго государства" (Журн. Минист. Народн. Просвѣщенія, 1912 г. апрѣль—май). Пере-

водъ цѣнъ XVI—XVII вв. на современныя сдѣланъ, очень приблизительно, на основаніи извѣстнаго изслѣдованія Ключевскаго о русскомъ рублѣ XV—XVIII вв. (перепечатано въ названномъ изданіи „Опыты и изслѣдованія"), и имѣющихся въ литературѣ данныхъ о количествѣ серебра въ русскомъ рублѣ различныхъ эпохъ, ибо у Ключевскаго дана сравнительная покупная сила не реальныхъ, металлическихъ рублей, а монетныхъ единицъ, носившихъ названіе „рубль" и вѣсившихъ въ XV, напр., вѣкѣ нѣсколько менѣе четверти фунта, въ XVI—$^1/_6$ фунта, и т. д.— пока, въ началѣ XVIII, онѣ не приблизились къ теперешнему вѣсу. О Посошковѣ см. Брикнера: „Иванъ Посошковъ. I. Посошковъ, какъ экономистъ". Спб. 1876. Цѣнны, почти исключительно, однѣ цитаты. Тамъ же и о Домостроѣ, во введеніи. Для заграничной торговли, которой мы почти не касаемся въ настоящемъ очеркѣ, см. обстоятельное изложеніе Никитскаго, для древнѣйшей эпохи, и XIV-ю главу тома III нашей „Русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ", для московской эпохи; кромѣ цитированнаго тамъ изслѣдованія Кордта о русско-голландской торговлѣ XVII вѣка (116-й томъ Сборника Русскаго Историческаго Общества), теперь можно назвать еще книгу г-жи Любименко объ англійской компаніи въ Москвѣ въ XVI вѣкѣ.

4.

Крѣпостное хозяйство.

Уже къ восемнадцатому вѣку торговый капиталъ въ Россіи вполнѣ завладѣлъ процессомъ обмѣна. Но производство стало у насъ капиталистическимъ лишь гораздо позже—не ранѣе второй половины девятнадцатаго столѣтія. До этого времени, въ промежуткѣ, хронологическими границами котораго являются, съ одной стороны, реформы Петра (1690—1720 г.г.), съ другой—реформы Александра II (1860—1870 гг.), въ Россіи господствовалъ смѣшанный типъ хозяйства: на капиталистическихъ началахъ обмѣнивались продукты не капиталистическаго, ремесленнаго производства—преимущественно продукты крестьянскаго труда. Крестьянинъ, самостоятельный мелкій производитель, продавалъ добытое имъ сырье—хлѣбъ, ленъ, пеньку и т. под.— купцу, который, сосредоточивая въ своихъ рукахъ массу этого сырья, являлся уже не мелкимъ, а крупнымъ сбытчикомъ. Крестьянинъ и раньше, какъ мы знаемъ, работалъ не только для собственнаго потребленія, но и для рынка.

Но это былъ мелкій мѣстный рынокъ, на который крестьянинъ являлся со своими продуктами самъ и продавалъ ихъ тѣмъ, кто въ нихъ нуждался, безъ посредниковъ: если при этой торговлѣ и получался какой-нибудь „торговый барышъ", онъ попадалъ въ карманъ тому же крестьянину. Притомъ этотъ барышъ былъ случайностью: какъ общее правило, ремесленное производство не знало прибыли. Цѣлью всей дѣятельности купца была именно прибыль. Чтобы получить ее, онъ долженъ былъ покупать какъ можно дешевле, продавать какъ можно дороже. Сырье, дешевое въ Россіи, было уже очень дорого тогда въ Западной Европѣ и, до 20-хъ годовъ XIX вѣка, все дорожало: пшеница, напримѣръ, стоившая въ Англіи въ восемнадцатомъ столѣтіи средней цѣною $40^2/_3$ шиллинга за квартеръ (около 12 русскихъ пудовъ), въ 1801—10 гг. стоила уже 74 шиллинга, въ 1811—20 уже 87,5 шиллинга и лишь къ 1821—30 упала до 59,3 шилл. за квартеръ, т.-е. все же оставалась почти въ полтора раза дороже среднихъ цѣнъ восемнадцатаго вѣка. Ниже этихъ послѣднихъ она спустилась только къ концу девятнадцатаго столѣтія (1881—90 гг. 35,8 шилл. за квартеръ, 1891—95 даже 27,9 шилл.). Совершенно естественно, что русская торговля сырьемъ въ XVIII—XIX вв. стремилась стать все болѣе и болѣе заграничной торговлей: внутренняя торговля у насъ была уже достаточно развита во второй половинѣ XVIII в., но крупно-капиталистическій характеръ она пріобрѣтаетъ только съ появленіемъ парового транспорта, преимущественно послѣ 1861 года. Ранѣе этого, русскій купецъ-капиталистъ—главнымъ образомъ экспортеръ, или человѣкъ, такъ или иначе работающій для экспорта. Оставаясь въ предѣлахъ того же примѣра, пшеницы, мы для роста русскаго экспорта имѣемъ такія цифры: 1801 г. 6.836.000 пудовъ; 1820—13.873.000 пуд.; 1830—25.506.000 пуд.; затѣмъ, подъ вліяніемъ паденія цѣнъ съ 20-хъ годовъ, вывозъ начинаетъ падать—и до 1850 года остается на уровнѣ 20—25 милліоновъ пудовъ ежегодно; съ новымъ подъемомъ цѣнъ въ 40-хъ годахъ вывозъ достигаетъ 41.911.000 пуд. въ 1860 г. и 96.594.000 пуд. въ 1870-мъ. За семьдесятъ лѣтъ вывозъ пшеницы изъ Россіи увеличился, такимъ образомъ, въ пятнадцать разъ. Но купцу-капиталисту нужно было,

какъ мы сказали, не только возможно дороже продавать, а и возможно дешевле покупать: онъ стремился отобрать продуктъ у крестьянина по минимальной цѣнѣ. Само собою разумѣется, что было бы странно ожидать отъ крестьянина уступчивости въ этомъ вопросѣ по его, крестьянина, доброй волѣ. Его нужно было заставить продавать свой хлѣбъ за грошъ. Отчасти этого достигало косвенными мѣрами государство,—какъ мы видѣли, находившееся подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ торговаго капитализма: съ вѣдома и разрѣшенія государства откупщики спаивали народъ, пропивавшій при этомъ не только хлѣбъ, но и всякое вообще свое имущество. Но на подобныхъ вспомогательныхъ средствахъ хозяйство торговаго капитализма держаться, конечно, не могло: ему нужна была система. Эту систему онъ нашелъ готовой въ лицѣ крѣпостного права. Помѣщикъ охотно взялся выжимать изъ крестьянина „прибавочный продуктъ"— на условіи, конечно, „участія въ прибыляхъ". Помѣщикъ получалъ добрую долю торговаго барыша въ свою пользу (купцы жаловались, что даже слишкомъ добрую—имъ мало оставалось), а за это поставлялъ на рынокъ до возможнаго предѣла удешевленный хлѣбъ. Это была далеко не такая простая операція—пришлось приспособить весь механизмъ помѣщичьяго хозяйства къ этой цѣли, превративъ имѣніе въ „фабрику для производства хлѣба". Такимъ путемъ на русской почвѣ сложился совершенно своеобразный типъ хозяйства. Именно его застала реформа 19 февраля: когда мы говоримъ о „крѣпостномъ правѣ", именно его мы вспоминаемъ, какъ наиболѣе къ намъ близкій и намъ знакомый образчикъ крѣпостного права. Отсюда и будетъ правильно назвать этотъ типъ крѣпостнымъ хозяйствомъ по преимуществу.

Когда мы теперь стараемся себѣ представить большое барское хозяйство крѣпостной эпохи, намъ рисуется картина огромнаго предпріятія—множество рабочаго скота, машинъ и т. д., только вмѣсто наемныхъ батраковъ около всего этого хлопочутъ крѣпостные, не нанятые, а купленные владѣльцемъ предпріятія. Нѣтъ спору, что мечта о такомъ хозяйствѣ не была чужда нашимъ стариннымъ помѣщикамъ. Среди нихъ встрѣчались такіе, которые не прочь были бы

всѣхъ своихъ крестьянъ превратить въ крѣпостныхъ батраковъ— не оставить имъ ни пяди земли, поселивъ ихъ всѣхъ при усадьбѣ и выдавая имъ продовольствіе отъ себя. Такія картинки мы встрѣчаемъ и въ художественной литературѣ конца XVIII вѣка, напримѣръ, у Радищева, и у тогдашнихъ писателей-агрономовъ, напримѣръ, у Рычкова. Съ другой стороны, изъ переписки Ростопчина мы знаемъ о попыткахъ помѣщиковъ начала девятнадцатаго столѣтія выписывать изъ-за границы усовершенствованныя сельскохозяйственныя орудія, машины и машинистовъ. Много чертежей и описаній такихъ машинъ—тогда еще не съ паровымъ, а съ коннымъ приводомъ—можно найти въ тогдашнихъ „Трудахъ вольнаго экономическаго общества". Но все это, какъ и печатавшіеся въ тѣхъ же Трудахъ проекты освобожденія крѣпостныхъ, было исключеніемъ, а не правиломъ. Интенсивное крупное хозяйство, какъ массовое явленіе, не старѣе у насъ 1860-хъ годовъ. Ранѣе этого помѣщичье замледѣліе было настолько мало интенсивно, что даже такая элементарная мѣра, какъ удобреніе, примѣнялось далеко не вездѣ. На нечерноземномъ сѣверѣ къ этому вынуждало качество почвы; какъ только лѣса бывали сведены и подсѣчное хозяйство оказывалось невозможнымъ, быстро являлся вопросъ, какъ же заставить землю родить хлѣбъ? Первоначальнымъ удобреніемъ служила зола выжженнаго подъ пашню лѣса: какъ только ея не стало, пришлось искать ей замѣстителей, и покупка навоза, ради удобренія, встрѣчается намъ, въ единичныхъ случаяхъ, уже въ концѣ XVII вѣка. Агрономы второй половины слѣдующаго столѣтія говорятъ о ней, какъ объ обычномъ явленіи, но еще не менѣе обычно было и то, что крестьянская земля, особенно дальнія полосы, не удобрялась вовсе. Это въ нечерноземной полосѣ, гдѣ хлѣбъ, какъ правило, не шелъ дальше мѣстнаго рынка. Но настоящимъ райономъ „хлѣбныхъ фабрикъ" были черноземныя губерніи, и здѣсь даже въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія удобренія еще не знала не только крестьянская, но и барская земля. Нѣмецкій путешественникъ Гакстгаузенъ, ѣздившій по Россіи въ половинѣ 40-хъ годовъ, подробно описываетъ одно образцовое имѣніе Казанской губерніи, хозяинъ котораго, вдобавокъ, былъ

нѣмецъ. У него на скотномъ дворѣ стояло всего нѣсколько коровъ, для молока,—а земли запахивалось ежегодно не меньше нѣсколькихъ сотъ десятинъ. Гакстгаузенъ не безъ удивленія отмѣчаетъ эту особенность русскаго образцоваго хозяйства, и при этомъ добавляетъ, что на черноземѣ это вездѣ такъ: нигдѣ не держатъ скота для удобренія, а только ради молока или какъ рабочую силу. О примѣненіи машинъ, не въ видѣ опыта, а постоянно, дѣловымъ образомъ, въ крѣпостныхъ имѣніяхъ, мы ничего не слышимъ ни отъ Гакстгаузена, ни отъ другихъ очевидцевъ. По справедливому замѣчанію одного русскаго агронома временъ Александра I, „первымъ, да и единственнымъ капиталомъ“ тогдашняго помѣщика были его крѣпостные крестьяне. Къ утилизаціи рабочей силы этихъ послѣднихъ сводилась вся техника крѣпостного хозяйства. Ростъ прибавочнаго продукта достигался не тѣми или другими химическими или механическими усовершенствованіями, а исключительно эксплуатаціей самой личности крѣпостного работника. Кто читалъ, въ теперешнихъ газетахъ, о системѣ Тайлора (иначе „хронометражѣ“), тотъ можетъ довольно живо представить себѣ основную черту описываемой нами хозяйственной системы. Тайлоръ старается, какъ извѣстно, въ минимумъ времени извлечь изъ работника максимумъ „полезнаго“ труда—не путемъ усовершенствованія машинъ и т. под., а путемъ „усовершенствованія“ мускуловъ и нервовъ самого работника, такъ, чтобы этотъ послѣдній самъ, лично, представлялъ собою идеальный рабочій механизмъ. Теоретики крѣпостнаго хозяйства работали надъ тою же самой задачей: только они имѣли дѣло не съ индивидуальнымъ работникомъ, а съ тягломъ, т.-е. съ крестьянской семьей. Ибо опорой крѣпостного хозяйства, его, такъ сказать, основной ячейкой, была именно крестьянская семья, иначе говоря,—мелкое самостоятельное крестьянское хозяйство. Къ болѣе или менѣе искусной организаціи повинностей крестьянской семьи сводилась вся „наука“ крѣпостной агрономіи—этой темѣ въ XVIII и первой половинѣ XIX в. посвящались цѣлые трактаты.

Въ центрѣ этихъ повинностей стояла барщина. Уже въ предшествующій періодъ часть земли въ деревнѣ паха-

лась крестьянами не для себя, а на барина. Но сначала эта часть была очень невелика, и барская пашня не имѣла никакого коммерческаго значенія. Собиравшійся на ней хлѣбъ шелъ отчасти на потребленіе самого барина съ его дворней, отчасти, можетъ быть, и на мѣстный рынокъ—наравнѣ съ крестьянскимъ хлѣбомъ: по размѣры барской пашни XV и даже XVI столѣтія ясно показываютъ, что дѣло тутъ шло не о „сельскохозяйственномъ предпріятіи", во всякомъ случаѣ. У самаго богатаго боярина, какого только мы находимъ въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ, собственной запашки было всего $37^1/_2$ десятинъ. Въ церковныхъ и дворцовыхъ селахъ временъ Грознаго и его отца крестьяне пахали на барина одну десятину изъ пяти, или даже изъ шести. Къ концу XVI вѣка размѣры боярской пашни замѣтно увеличиваются и доходятъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, до 50% всей площади пахотной земли. Въ первой половинѣ XVIII вѣка пахать „десятину на десятину" считалось максимумомъ: извѣстный историкъ Татищевъ, составившій въ 1742 году „краткія экономическія до деревни слѣдующія записки", требуетъ, чтобы каждое тягло („мужъ съ женою") сработало на помѣщика „въ каждомъ полѣ по десятинѣ" (у Татищева была четырехпольная система); „притомъ смотрѣть, чтобы не менѣе крестьянину досталось земли мужу съ женою десятины въ полѣ". Во второй половинѣ этого столѣтія не менѣе извѣстный авторъ мемуаровъ, Болотовъ, считалъ 50% барской пашни средней нормой, если не минимумомъ. „По большей части почитается за правило,—писалъ Болотовъ въ своемъ „Наказѣ для прикащика", составленномъ около 1770 года,—чтобы крестьянинъ столько же земли пахалъ на господина, сколько онъ для себя вспахать можетъ, или сколько подъ собою имѣетъ, и потому слѣдовало бы то число земли раздѣлять пополамъ, сколько крестьяне силами своими вспахать и надлежащимъ образомъ въ годъ уработать въ состояніи, и одну половину оставлять ему, а другую на господина. Легче и способнѣе сего для нихъ быть уже не можетъ, ибо часто случается, что они и гораздо болѣе половины на господина пашутъ". Въ Каширскомъ уѣздѣ, гдѣ жилъ Болотовъ, барская и крестьянская пашня

при этомъ не раздѣлялись—та и другая лежали черезполосно, половину полосъ крестьяне пахали на себя, половину на барина. Объ организаціи производства прѣчи быть не могло—барскую пашню крестьяне пахали, какъ и свою, своими сохами и на своихъ, крестьянскихъ, лошадяхъ: только что развѣ барскія полосы нѣсколько тщательнѣе удобрялись, чѣмъ крестьянскія, иной разъ никогда не видавшія навоза. При такой системѣ капитальнымъ вопросомъ для агрономовъ того времени было поддержаніе въ неприкосновенности крестьянскаго тягла. Уже Татищевъ требовалъ, чтобы „каждой крестьянинъ мужъ съ женою“ имѣли у себя 2 рабочихъ лошадей, 2 воловъ (Татищевъ предпочиталъ ихъ лошадямъ: „пахать лучше на волахъ плугомъ, а не сохою на лошади“), 5 боровов, 10 овецъ, 2 свиней, кромѣ того гусей и куръ; „а кто пожелаетъ имѣть больше—дозволяется, а меньше вышеписаннаго положенія отнюдь не имѣть“. Но это, наравнѣ съ запрещеніемъ раздѣловъ, былъ еще самый элементарный и, такъ сказать, консервативный способъ огражденія помѣщичьихъ интересовъ. Татищевъ былъ очень передовой по своему времени, но и очень трезвый и практическій помѣщикъ, утопіями онъ не увлекался. Люди съ болѣе широкимъ полетомъ фантазіи шли гораздо дальше. Мало не давать развалиться наличнымъ крестьянскимъ семьямъ: нужно придумать такую форму крестьянской семьи, которая бы служила вѣрной гарантіей отъ распаденія. Такою задачею задался управитель Царскаго Села, надворный совѣтникъ и Вольнаго экономическаго общества членъ Ѳедотъ Удоловъ. Кто знаетъ что-нибудь о военныхъ поселеніяхъ временъ Александра I, тотъ, читая обширный удоловскій трактатъ, напечатанный въ трудахъ Вольнаго экономическаго общества подъ скромнымъ заглавіемъ „Собраніе экономическихъ правилъ“, не безъ удивленія увидитъ, что организаторъ поселеній, графъ Аракчеевъ, ничего новаго не выдумалъ: его мысли уже носились въ воздухѣ за пятьдесятъ лѣтъ до него. Идеалъ Удолова—создать своего рода земледѣльческую армію, которая устремлялась бы на обработку барской пашни съ такимъ же самоотверженіемъ, съ какимъ настоящая армія устремляется въ бой съ врагомъ. Сравненіе съ арміей

принадлежитъ не намъ, а самому Удолову. „Прежде всего надлежитъ стараться,—пишетъ онъ,—чтобы земледѣльцы и бобыли о своихъ дѣлахъ разсуждали такъ, что они не для своей только собственной пользы упражняются въ земледѣліи и другихъ принадлежащихъ для ихъ званія трудахъ: но тѣмъ обязаны служить, во-первыхъ, государю, потомъ помѣщику и всему обществу, и быть безпрекословными данниками, не воображая никакихъ въ своемъ званіи невозможныхъ случаевъ. А притомъ представлять себѣ въ примѣръ военныхъ людей, которые за отечество предаются во всѣ опасности и жертвуютъ самою жизнью". Тягло было самой мелкой „тактической единицей", взводомъ этого земледѣльческаго войска. Этотъ взводъ долженъ былъ состоять, всегда и неизмѣнно, изъ 6 мужчинъ и 6 женщинъ въ возрастѣ отъ 17 и до 65 лѣтъ—болѣе молодые и болѣе старые не считались. Предлагалось стараться, чтобы тягло совпадало съ семьей—состояло изъ отца съ сыновьями, родныхъ братьевъ или дяди съ племянниками. Но это было не обязательно: „ежели три мущины и женщинъ столько же и родства неимѣющіе между собою согласятся и опредѣленное число скота объявятъ, тѣхъ писать особымъ тягломъ". Съ другой стороны, если во время переписи въ семьѣ оказывалось болѣе шести человѣкъ возрастомъ свыше 17 лѣтъ, лишнихъ писали „на праздныя мѣста въ другія тягла" или формировали изъ нихъ прямо новыя тактическія единицы. Какъ при этомъ поступали со „священными узами" брака, сыновней и родительской любви и тому подобнымъ, Удоловъ не поясняетъ: онъ не былъ лицемѣромъ, а къ сельскохозяйственному производству все это не имѣло отношенія. Зато семейная дисциплина была для производства очень существенна и поддерживалась въ земледѣльческой арміи со строгостью, истинно военной. Хозяинъ тягла имѣлъ право требовать безпрекословнаго себѣ повиновенія со стороны всѣхъ остальныхъ его членовъ. Въ случаѣ непослушанія онъ ихъ наказывалъ, а если никакія наказанія не помогали, онъ, съ вѣдома сотскаго и управителя, могъ выгнать непослушнаго изъ тягла. Такихъ выключенныхъ „отдавали въ солдаты или въ черную работу, съ зачетомъ въ рекрута", т. е. по просту, ссылали на ка-

торгу. „А женщинъ выключенныхъ, если онѣ будутъ безмужнія, отдавать на прядильный дворъ и на фабрики“. Само собою разумѣется, что такое же наказаніе ждало и того кто посмѣлъ бы нарушить обще-армейскую дисциплину, будь онъ самъ хозяинъ тягла. Было, напримѣръ, строго предписано, сколько избъ строить на усадьбѣ каждаго тягла, и гдѣ именно, гдѣ поставить баню, гдѣ хлѣвъ, гдѣ житницы. „А если кто самовольно построитъ, тотъ лишится всего, что имѣетъ, и отданъ будетъ въ солдаты, или въ черную работу съ зачетомъ помѣщику въ рекруты“. Съ еще большею неуклонностью предлагалось „искоренять“ „злодѣевъ и возмутителей“. А „народными возмутителями“ считались, главнымъ образомъ, тѣ, „кто будетъ такія положенія, которыя установлены для общей пользы и многими уже исполняются, толковать людямъ къ исполненію невозможными и разорительными“, а также тѣ, „кто станетъ отводить людей отъ исполненія земскихъ законовъ или помѣщиковыхъ повелѣній“. Удоловъ не только предвосхитилъ основную идею аракчеевскихъ военныхъ поселеній, но предвидѣлъ и ихъ судьбу.

Любопытно, что, проектируя свою каторгу, Удоловъ вовсе не имѣлъ въ виду какой-нибудь особенно тяжелой хозяйственной эксплуатаціи своихъ крестьянъ. Назначаемая имъ барщина ниже средней, по тому времени: каждое тягло должно было получить 27 десятинъ пахотной земли, а на помѣщика обрабатывало только 6. При этомъ, кромѣ барщины, крестьяне никакихъ повинностей не несли: „во всѣхъ опредѣленныхъ правилахъ земледѣльцы помѣщику никакими податьми не обязаны, а только должны исправлять опредѣленныя работы безпрекословно и неупустительно“. За всѣмъ тѣмъ Удоловъ надѣялся имѣть доходу не менѣе 45 рублей съ тягла—т.-е. 7 р. 50 к. (35—40 рублей теперешнихъ) съ мужской души. Это былъ доходъ совершенно исключительный по тѣмъ временамъ, когда 5 рублей оброка съ души считались уже верхомъ блаженства для помѣщика и крайнимъ разореніемъ для крестьянъ. Удоловъ могъ на то разсчитывать потому, что онъ, не ограничиваясь организаціей крестьянскаго труда, предполагалъ чрезвычайно интенсивную земледѣльческую культуру: тщательное удобре-

ніе, тройную вспашку и т. д. И это во всей его утопіи было едва ли не самымъ утопическимъ моментомъ. Тотъ обрусѣвшій нѣмецъ, хозяйство котораго наблюдалъ Гакстгаузенъ, воспроизвелъ удоловскую систему тяголъ съ такой точностью, что невольно рождается мысль о заимствованіи— мало вѣроятномъ, если вспомнить, что Удоловъ писалъ въ 1760 годахъ, а Гакстгаузенъ ѣздилъ по Россіи въ 1840-хъ. Передъ усадьбой, разсказываетъ послѣдній, тянется обширная деревня, построенная съ правильностью, можно сказать, военной. „Широкая, прямая улица раздѣляетъ ее на двѣ части, пересѣкаемыя, въ свою очередь, не менѣе правильными переулками. Каждый четыреугольникъ заключаетъ въ себѣ пять крестьянскихъ домовъ, обитатели которыхъ, по отношенію къ барщинѣ, которою они обязаны передъ бариномъ, составляютъ особый отрядъ работниковъ (une division d'ouvriers). Г. фонъ-Пирхъ (фамилія помѣщика), который имѣлъ случай убѣдиться въ могущественномъ вліяніи, какое имѣетъ на умы крестьянъ чувство родства, позаботился соединить въ одномъ и томъ же отрядѣ, насколько возможно, членовъ одной и той же семьи или, по крайней мѣрѣ, возможно болѣе близкихъ родственниковъ. Тѣмъ охотнѣе они помогаютъ другъ другу не только въ случаѣ опасности, но и тогда, когда требуютъ взаимопомощи ихъ текущія хозяйственныя работы". Въ то же время, какъ мы видѣли, агрономія фонъ-Пирха принадлежала къ самому экстенсивному типу, и удобренія его земли совсѣмъ не знали. Вспашка производилась деревянной сохой, безъ малѣйшаго кусочка желѣза, а бороной служили просто нѣсколько переплетенныхъ сосновыхъ сучьевъ. Выжимать прибавочный продуктъ изъ крестьянскихъ мускуловъ было такъ легко и просто, къ чему же было еще удручать себя заботами о сельскохозяйственной техникѣ?

Какъ настоящій утопистъ, управитель Царскаго Села пренебрегалъ тѣми элементами „порядка", которые можно было найти готовыми въ барщинномъ имѣніи, не предаваясь сочинительству. Создавая искусственныя семьи, онъ шелъ дальше, чѣмъ нужно было. Своеобразная классовая борьба, кипѣвшая въ крѣпостной деревнѣ, приводила къ тому, что крестьяне теряли охоту къ образованію обыкновенной, есте-

ственной семьи. Каждая новая семья—новое тягло, а новое тягло—это новыя повинности. Съ другой стороны, женатый, вышедшій на новое тягло сынъ, выданная замужъ дочь—однимъ работникомъ или работницей меньше въ своемъ тяглѣ: старыя повинности тяжеле. „Довольно примѣчается,—писалъ въ тѣ же годы, о которыхъ идетъ рѣчь (во второй половинѣ XVIII в.), лучшій современный агрономъ, Рычковъ,—что многіе изъ крестьянъ, не желая, чтобы дѣти ихъ были въ тягловыхъ работахъ, а шатались бы въ числѣ малолѣтнихъ и неверстаныхъ, о женитьбѣ сыновей, а еще больше о замужествѣ дочерей своихъ не стараются, и всячески отъ того отводятъ“. А такъ какъ „умноженіе земледѣльцевъ не только для помѣщиковъ, но и для всего государства важнѣйшимъ пунктомъ почитается“, то помѣщикъ, не только какъ хозяинъ, но и какъ гражданинъ и вѣрноподданный, не могъ оставить этого дѣла втуне. Рычковъ настоятельно совѣтуетъ „разумнымъ управителямъ и прикащикамъ“ взять на себя функціи свадебнаго бюро, тщательно наблюдая затѣмъ, „чтобы изъ крестьянъ молодые люди далѣе 18 лѣтъ, а по крайней мѣрѣ свыше 20 лѣтъ, холостыми не шатались. Усматривая таковыхъ, поощрять ихъ отцовъ и ихъ самихъ къ женитьбѣ, пріискивая имъ дѣвокъ, въ тѣхъ же деревняхъ, кои бы согласовали ихъ возрасту, а хотя бы годами двумя или тремя и моложе...“ Другимъ органическимъ, изъ почвы выросшимъ средствомъ дисциплинированія деревни было учрежденіе, хорошо намъ знакомое по свѣжимъ воспоминаніямъ: круговая порука. Идея этого учрежденія чрезвычайно древняя: по круговой порукѣ взыскивались уголовные штрафы съ крестьянъ еще во времена Русской Правды. Тотъ же принципъ примѣнялся и въ XVI вѣкѣ: „если случится убійство, и убійцы не найдутъ“, говоритъ грамота переяславскихъ рыболововъ (1506 г.): „платить виру всѣмъ рыболовнымъ дворамъ“. Но въ томъ же XVI столѣтіи дѣлаются уже попытки перенести этотъ принципъ и въ хозяйственную область: въ крестьянскихъ порядныхъ, тамъ, гдѣ поряжаются сразу нѣсколько крестьянъ, они обыкновенно ручаются другъ за друга въ правильномъ отбываніи повинностей: „а который изъ насъ, поручителей, будетъ налицо, на томъ указъ по сей записи и порука“. Съ этою

взаимною отвѣтственностью крестьянъ связано и происхожденіе поземельной общины: любопытно, что древнѣйшіе ея образчики, въ томъ же XVI вѣкѣ, встрѣчаются нами именно въ барщинныхъ имѣніяхъ. Равное обезпеченіе тяголъ само собою вытекало изъ равенства повинностей, падавшихъ на каждое тягло, при чемъ обезпеченіе этого равенства предоставлялось самимъ крестьянамъ „А землями, и лугами, лѣсомъ, и всякими угодьями верстатися крестьянамъ между собою самимъ полосами или десятинами, на всякую выть (выть—тягло) поровну", говоритъ одинъ документъ 1580 года. Двѣсти лѣтъ спустя эта система была уже прочно укоренившимся, стариннымъ учрежденіемъ. „Ежели крестьяне къ счастью не всѣ еще негодные,—писалъ одинъ теоретикъ барщиннаго хозяйства въ 1809 г., посѣтовавъ на „лѣность" крѣпостныхъ,—то есть еще способъ имѣть отъ всѣхъ ихъ желаемую пользу, возложивъ попеченіе о исправленіи всѣхъ ихъ крестьянскихъ повинностей на весь вообще ихъ крестьянскій міръ. Сей способъ выдуманъ еще предками нашими..." Въ дѣйствительности способа этотъ авторъ не сомнѣвается. „Вѣдь и въ тѣхъ помѣстьяхъ, которыя славятся всѣми своими добротами, не безъ худыхъ людей, такъ какъ въ семьѣ не безъ урода; но изъ-за другихъ или ничего, или весьма мало своимъ господамъ бываютъ ощутительны. Я не думаю, чтобы трудолюбивые крестьяне не употребили тѣхъ же средствъ надъ негодными своими собратіями, какъ пчелы надъ своими трутнями, а особливо подъ прозорливымъ и благоразумнымъ своихъ господъ управленіемъ". Для современнаго читателя, слыхавшаго, что во второй половинѣ XIX вѣка въ общинѣ видѣли чуть ли не залогъ самобытнаго русскаго соціализма, всего любопытнѣе, что помѣщики начала прошлаго столѣтія и не сомнѣвались въ происхожденіи общины сверху, изъ нуждъ барскаго хозяйства: какъ и въ томъ, что „мірское самоуправленіе" обслуживало, главнымъ образомъ, барскіе интересы. Едва ли они не правильнѣе смотрѣли на дѣло, нежели нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи.

Но обработка барской пашни брала далеко не все время барщиннаго крестьянина. Какъ бы тяжела ни была бар-

щина (во второй половинѣ XVIII вѣка встрѣчались „такіе строгіе помѣщики, которые крестьянамъ и одного дня въ недѣлю на себя работать не даютъ“), она, въ общемъ, могла взять у крестьянина не болѣе половины всѣхъ рабочихъ дней: и это по той простой причинѣ, что сельскія работы въ Россіи, по климатическимъ условіямъ, возможны лишь въ теченіе меньшей половины года. Въ средне-русскихъ черноземныхъ губерніяхъ эти работы продолжаются, считая уборку и молотьбу хлѣба, мѣсяцевъ 5, въ сѣверныхъ губерніяхъ даже только четыре, и лишь въ самыхъ южныхъ полгода. Но огромной ошибкой было бы думать, что въ остальное время барщинные крестьяне „отдыхали“. Всего менѣе! Хлѣбъ не только производился, но и доставлялся на рынокъ крестьянами. „Возы возити на господина“ обязывала крестьянина еще Псковская Судная Грамота. Въ XVI вѣкѣ „повозъ“ является вмѣстѣ съ барщиной—и въ половинѣ этого столѣтія онъ былъ организованъ въ имѣніяхъ Соловецкаго, напримѣръ, монастыря очень правильно. Было установлено не только, сколько возовъ должны поставить крестьяне, но и сколько какого хлѣба можно накладывать на каждый возъ: ржи по четыре четверти, а овса по шести, гречневой крупы по 5 четвертей. „А пшеница, и горохъ, и сѣмя, и крупа запарная, и толокно класти противу ржи“. Былъ установленъ и масштабъ крестьянскихъ зимнихъ поѣздокъ: за среднюю норму принималось разстояніе до Вологды, гдѣ былъ ближайшій для селъ Соловецкаго монастыря хлѣбный рынокъ; „а случится повозъ везти къ Москвѣ или на Бѣлоозеро, или ближе Вологды, или далѣ Вологды, и крестьянамъ съ прикащиками въ томъ счетъ противъ Вологды“ (грамота 1561 г.). Двѣсти лѣтъ спустя все это было разработано еще детальнѣе, до „всесовершенной точности“. Хваставшійся такою точностью помѣщикъ возилъ хлѣбъ въ Москву, гдѣ цѣны были самыя выгодныя: по словамъ Болотова, на мѣстѣ продавали хлѣбъ только крестьяне и развѣ самые бѣдные помѣщики; кто побогаче—возили, по крайней мѣрѣ, въ уѣздный городъ или на ближайшую рѣчную пристань, за нѣсколько десятковъ верстъ; а крупные землевладѣльцы не мирились меньше, чѣмъ на Москвѣ, хотя бы у нихъ, какъ

у цитированнаго нами сейчасъ помѣщика, нѣкоторыя имѣнія были не ближе 400 верстъ отъ Москвы. О размѣрахъ повинности можно судить по такому примѣру: въ одномъ имѣніи Рязанской губерніи каждое тягло должно было доставить ежегодно 52 пуда хлѣба въ Москву (эта поѣздка брала двѣ недѣли) и по 52 же пуда къ двумъ мѣстнымъ пристанямъ (къ одной можно было обернуть въ пять дней, къ другой въ три); значитъ, на перевозку барскаго хлѣба крестьяне тратили всего 22 дня—это былъ средній, не особенно тяжелый для крестьянъ случай. Бывали условія, гораздо болѣе тягостныя. Одинъ экономистъ 1840 годовъ высчиталъ, что подвозъ хлѣба къ рынкамъ бралъ зимою не менѣе трети крѣпостного труда—другими словами, къ пяти мѣсяцамъ барщинной работы лѣтомъ необходимо прибавить, по крайней мѣрѣ, 2—2½ мѣсяца такой же работы зимою.

Для крѣпостного хозяйства крестьянинъ съ его лошадью (едва ли нужно пояснять, что помѣщичій хлѣбъ возился на крестьянскихъ лошадяхъ) замѣнялъ не только сельскохозяйственныя машины, а и желѣзную дорогу. Насколько выгодна была перевозка хлѣба посредствомъ натуральной повинности крестьянъ, видно изъ того, что рязанскіе, напримѣръ, помѣщики отправляли хлѣбъ въ Москву, систематически избѣгая пользоваться водными путями—рѣками Окою и Москвою: по этимъ путямъ шелъ купеческій хлѣбъ, но не дворянскій. Какъ ни дешева была рѣчная дорога, сравнительно съ сухопутной, но барку для хлѣба нужно было купить, бурлаковъ нужно было кормить а крѣпостной крестьянинъ везъ барскій хлѣбъ на своей подводѣ и питался самъ, какъ умѣлъ—барину до этого не было дѣла. Баринъ находилъ, что и за всѣмъ этимъ у мужика все же остается слишкомъ много свободнаго времени, и что это для мужика крайне вредно, не только морально, но и физически. „Отъ праздности крестьяне не только въ болѣзнь приходятъ, но и вовсе умираютъ“, писалъ Татищевъ: „спятъ довольно, ѣдятъ много, а не имѣютъ муціону“. Чтобы обезпечить крестьянину „муціонъ“ въ тѣ мѣсяцы, когда онъ не былъ занятъ ни полевыми работами, ни подводной повинностью, самое простое было выгнать его на заработки въ

городъ. Въ подмосковныхъ губерніяхъ такъ и дѣлалось: по расчету одного новѣйшаго изслѣдователя „въ концѣ XVIII вѣка около 20% всего мужского населенія Ярославской губерніи уходило на заработки на сторону“. То же было въ Кашинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, въ Каширскомъ нынѣшней Тульской, и т. д.: экономисты екатерининскихъ и александровскихъ временъ въ одинъ голосъ говорятъ объ огромномъ скопленіи оброчныхъ крестьянъ въ Москвѣ, усматривая въ этомъ даже нѣкоторую опасность для земледѣлія—и уже, конечно, для крестьянской „нравственности“. „Гдѣ онъ (крестьянинъ) научается роскоши, гдѣ вольнодумству, гдѣ высокомѣрію, какъ не въ городѣ?“ патетически восклицаетъ одинъ изъ нихъ. „По природной своей простотѣ онъ скорѣе, нежели кто другой, по самому первому побужденію къ тому, имѣетъ поползновеніе, а сіе, я думаю, потому больше дѣлается, что онъ живетъ не въ природномъ своемъ мѣстопребываніи, но на сторонѣ, а потому и на волѣ, которая, какъ обыкновенно, всякаго почти портитъ“. Чтобы избѣжать такихъ вредныхъ для крестьянъ послѣдствій, болѣе дальновидные помѣщики старались найти имъ работу на мѣстѣ, у себя въ деревнѣ. Самымъ простымъ и болѣе всего ведущимъ къ цѣли способомъ было развитіе въ деревнѣ кустарныхъ промысловъ. Корни этого явленія опять-таки уходятъ въ глубокую старину: изъ одной грамоты XIV вѣка мы узнаемъ, что уже тогда этимъ занимались лучшіе хозяева своего времени, монастыри; „а ленъ дастъ игуменъ въ села и они прядутъ“, говоритъ грамота. Въ XVIII столѣтіи это было уже массовое явленіе, и крестьянскій „мануфактурный“ трудъ былъ правильно введенъ въ рамки барщиннаго хозяйства нечерноземной полосы. Въ томъ же Кашинскомъ уѣздѣ, гдѣ былъ такъ силенъ отходъ крестьянъ на заработки, не было почти ни одного помѣщичьяго дома, „гдѣ бы не было нѣсколькихъ ткачей для тканія полотенъ, которыя въ Москвѣ продаютъ аршинъ по пятьдесятъ и по шестьдесятъ копѣекъ, многіе помѣщики симъ большіе барыши получаютъ“. Полотняное ткачество было здѣсь развито такъ сильно, что своего, мѣстнаго льна иногда не хватало, и его прикупали на ростовской ярмаркѣ. А общее значеніе крѣ-

постного кустарнаго ткачества достаточно иллюстрируется тѣмъ фактомъ, что русскія полотна въ концѣ XVIII вѣка были предметомъ широкаго сбыта за границу: въ 1793—94 гг. ихъ вывозили до пятнадцати милліоновъ аршинъ, на сумму болѣе четырехъ милліоновъ рублей тогдашнихъ (около 10 милліоновъ р. теперешнихъ). Только распространеніе хлопчатобумажныхъ матерій въ XIX вѣкѣ убило эту важную статью крѣпостного хозяйства.

Кустарничество въ наши дни вытѣсняется фабрикой: отъ крѣпостного кустаря одинъ шагъ былъ до крѣпостной фабрики. Первые образчики крупной промышленности, возникшіе въ Россіи въ XVII вѣкѣ желѣзодѣлательные заводы, работали вольнонаемнымъ трудомъ. Это было возможно, потому что эти заводы въ свое время были исключительнымъ явленіемъ: какъ только, въ связи съ развитіемъ меркантилизма, крупное производство начинаетъ принимать у насъ массовый характеръ, свободныхъ рабочихъ рукъ начинаетъ не хватать, и начинаются поиски суррогатовъ свободнаго рабочаго. Рядомъ указовъ, идущихъ съ петровской эпохи, въ распоряженіе фабрикантовъ отдаются арестанты обоего пола, бродяги, нищіе, проститутки и, наконецъ, „солдатскія, матросскія и разныхъ другихъ служилыхъ людей жены“. Но готовый источникъ несвободной рабочей силы былъ подъ руками—это были крѣпостные крестьяне. Странно было бы все время идти обходными путями и не обратиться къ прямому. Шагъ былъ сдѣланъ уже при Петрѣ В. Закономъ 18 января 1721 г. было разрѣшено „какъ шляхетству, такъ и купецкимъ людямъ“ къ заводамъ „деревни покупать невозбранно, съ позволенія Бергъ-и-мануфактуръ коллегіи, токмо подъ такою кондиціею, дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно“. Послѣдняя оговорка была направлена противъ „купецкихъ людей“: опасались, что эти послѣдніе, подъ предлогомъ заведенія крѣпостныхъ фабрикъ, начнутъ себѣ попросту покупать населенныя имѣнія и тѣмъ, втихомолку, присвоятъ себѣ дворянскую привилегію. Опасенія оправдались—и черезъ 40 лѣтъ, въ 1762 г., былъ изданъ указъ, воспрещавшій купцамъ покупать крѣпостныя деревни подъ какимъ бы то ни было ви-

домъ: но это отнюдь не было упраздненіемъ крѣпостной фабрики—только послѣдняя стала теперь, какъ и крѣпостное имѣніе вообще, исключительно „шляхетскимъ“, т.-е. дворянскимъ, дѣломъ. Въ дворянскихъ рукахъ крѣпостная индустрія продолжала процвѣтать, какъ хвастались представители дворянства, еще лучше, нежели въ купеческихъ. „Дворяне, заводя фабрики, весьма умножили разныя рукомесла и трудолюбіе и подали способъ государству довольствоваться тѣми вещами своими, которыя оно прежде отъ другихъ народовъ получало“, говорилъ въ 1767 г. Щербатовъ въ Комиссіи для сочиненія новаго уложенія. По его словамъ, съ 1742 по 1767 годъ количество суконныхъ фабрикъ, благодаря дворянскому предпринимательству, съ 16 увеличилось до 76, а полотняныхъ съ 20 до 88. Въ началѣ XIX вѣка въ спискѣ фабрикантовъ мы встрѣчаемъ самыя громкія имена русскаго дворянства—князей: Барятинскаго, Юсупова, Шаховского, Хованскаго, Урусова, Щербатова, Прозоровскаго, гр. Разумовскаго, Безбородку, Салтыкова и т. д. Появились теоретики дворянскихъ фабрикъ съ крѣпостнымъ трудомъ, какъ раньше были теоретики сельскохозяйственной барщины. Можно повѣрить этимъ теоретикамъ, что вотчинная фабрика могла дать помѣщику „втрое или вчетверо“ болѣе доходу, нежели самый высокій оброкъ съ его крестьянъ. Но этимъ послѣднимъ дѣло представлялось, конечно, съ обратной стороны. „Въ послѣдніе годы появилось новое несчастье для бѣднаго русскаго мужика—суконныя и другія фабрики“, писалъ декабристъ Н. И. Тургеневъ въ своей извѣстной книгѣ о Россіи, изданной при Николаѣ I за границей. „Помѣщики помѣщали сотни крѣпостныхъ, преимущественно молодыхъ дѣвушекъ и мужчинъ, въ жалкія лачуги и силой заставляли работать... Я вспоминаю, съ какимъ ужасомъ говорили крестьяне объ этихъ заведеніяхъ; они говорили: „въ этой деревнѣ есть фабрика“ съ такимъ выраженіемъ, какъ если бы они хотѣли сказать: „въ этой деревнѣ чума“. На этой „чумѣ“ цѣликомъ держались два производства, одно изъ которыхъ имѣло колоссальное значеніе для русскаго народнаго хозяйства, другое пріобрѣло даже значеніе международное. Первымъ было винокуреніе, сдѣлавшееся съ 1765 года дворянской при-

вилегіей. Водка въ Россіи курилась, конечно, и раньше,— но болѣе или менѣе кустарнымъ способомъ. Первыми остзейскіе дворяне, во многомъ учителя русскихъ (между прочимъ, и розги пришли къ намъ изъ Прибалтійскаго края, на смѣну московскимъ „батогамъ“, т.-е. палкамъ), додумались до мысли, что гораздо выгоднѣе сбывать на рынокъ вино, выкуренное изъ хлѣба, нежели самый хлѣбъ: „одна лошадь свезетъ въ городъ настолько вина, насколько шесть лошадей хлѣба“, писалъ одинъ екатерининскихъ временъ агрономъ остзейскаго происхожденія. Въ Лифляндіи винокуреніе быстро развилось до того, что эта область, въ до-петровскія времена массами вывозившая хлѣбъ, во второй половинѣ XVIII вѣка начала его ввозить для своихъ винокурень. И немудрено: винокуреніе давало помѣщику до 100% чистаго дохода, а общій его сбытъ на рынкѣ доходилъ до 20 милліоновъ рублей на наши деньги — половина всего дохода отъ помѣщичьихъ фабрикъ. Вторымъ были уральскіе горные заводы, не только снабжавшіе желѣзомъ всю Россію, но и вывозившіе его за границу милліонами пудовъ, при чемъ на англійскомъ, напримѣръ, рынкѣ оно шло первымъ сортомъ. Вся уральская руда была въ рукахъ крупнаго дворянства—на первомъ мѣстѣ стояли Строгановы (другая уральская династія, Демидовы, купеческая по происхожденію, скоро одворянилась и слилась со знатью). Ея обработкой было занято болѣе 25.000 крѣпостныхъ уже при Екатеринѣ II, при чемъ вольныхъ рабочихъ на Уралѣ вовсе не было. Крупнѣйшая индустрія тогдашней Россіи основывалась, сплошь и безъ исключеній, на рабскомъ трудѣ.

Барщинное хозяйство было наиболѣе прямымъ и непосредственнымъ способомъ выжимать изъ крестьянина „прибавочный продуктъ“, необходимый торговому капиталу. Другая форма, въ которую складывались отношенія помѣщика къ крестьянину при крѣпостномъ правѣ, оброчное хозяйство, тоже было связано съ торговымъ капитализмомъ, но съ другого конца: оброкъ съ крестьянъ былъ наиболѣе простымъ средствомъ добывать наличныя деньги для тѣхъ помѣщиковъ, которые не жили сами въ деревнѣ и непосредственно хозяйства не вели. У всей придворной знати, напримѣръ, имѣнія были на оброкѣ—почему у Екатерины II

получилась иллюзія, будто оброчные крестьяне въ Россіи реобладаютъ. На самомъ дѣлѣ, они преобладали только въ ѣверныхъ, нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ при Екатери-ѣ II оброчные составляли 55% всѣхъ крѣпостныхъ кре-тьянъ, а въ срединѣ XIX в.—58, 9%. Здѣсь были губерніи, дѣ барщинное хозяйство удержалось только въ мелкихъ имѣ-іяхъ,—это были, преимущественно, губерніи промышлен-ыя или близкія къ столицамъ: такъ, въ 1850-хъ гг., въ рославской губерніи, въ имѣніяхъ, содержавшихъ болѣе 100 ушъ крестьянъ, на барщинѣ было всего 9% душъ, а во ладимірской даже 8,5%. Напротивъ, въ черноземной полосѣ брочныхъ было въ XVIII вѣкѣ 26,1%, а въ девятнадцатомъ 8,8%,—почти три четверти крестьянъ были на барщинѣ. ыстрый ростъ оброка въ нечерноземной полосѣ связанъ съ азвитіемъ въ Россіи промышленнаго капитализма — оброч-ые крестьяне Владимірской или Московской губерніи, это абричные или строительные и т. под. рабочіе. Но было бы шибкой думать, что съ капитализмомъ торговымъ оброчная истема имѣла только, такъ сказать, „потребительную“ связь, оставляя помѣщикамъ деньги для жизни въ городѣ и, освенно, обогащая этимъ городскихъ торговцевъ, способ-твуя развитію привоза заграничныхъ товаровъ и т. д. Нѣтъ, брокъ служилъ и прямо той же цѣли, что и барщина — оставкѣ на рынокъ продуктовъ крестьянскаго труда по ми-имальной цѣнѣ. Дѣло въ томъ, что никакихъ нормъ, опре-ѣлявшихъ оброкъ, хотя бы обычныхъ, какъ это было ъ Западной Европѣ въ средніе вѣка, въ Россіи не было: омѣщикъ всегда требовалъ себѣ максимумъ того, что мо-етъ вынести крестьянское хозяйство, и иногда больше аксимума. Какъ энергично вели дѣло въ этихъ случаяхъ омѣщики, покажетъ одинъ примѣръ. Въ Московской гу-ерніи была Гуслицкая волость, до 1762 года принадлежав-ая къ числу „государевыхъ“: въ этомъ году она была по-алована Натальѣ Лопухиной—извѣстной статсъ-дамѣ Ели-аветы Петровны, по приказу этой послѣдней битой кнутомъ сосланной въ Сибирь, а при ея наслѣдникѣ „амнистиро-анной“. Пять лѣтъ спустя наслѣдники Лопухиной, умершей ъ 1763 г., собирали съ этой волости, переводя на деньги всякіе мелкіе поборы, болѣе 16.000 рублей,—а когда во-

лость была государевой, она платила всего съ небольшим 3.000. Помѣщикъ сумѣлъ выжать изъ нея впятеро больш дохода, чѣмъ дворцовое вѣдомство. Аналогичный случа въ Казанской губерніи вызвалъ такое замѣчаніе у губерн тора этой послѣдней (тоже помѣщика, значитъ, хорошо зна шаго деревенскія условія): „что же затѣмъ у крестьянин оставаться можетъ къ содержанію домоводства въ поря кѣ?!“ Разумѣется, ничего не оставалось — другими словам крестьянинъ и въ этомъ случаѣ долженъ былъ весь приб вочный продуктъ, безъ остатка, выбрасывать на рынок чтобы получать деньги на уплату оброка. Отсюда разни между осенними и весеннеми цѣнами на хлѣбъ, хорош знакомая уже и крѣпостной Россіи. Въ 1770-хъ годахъ Владимірскомъ уѣздѣ хлѣбъ въ деревнѣ осенью можно бы купить за 90 коп. четверть рожь и за 1 р. 80 к. четверт пшеницу. А зимою въ городѣ первая стоила уже 1 р. 60 четверть, а вторая 2 р. 30 к. Въ Кашинскомъ уѣздѣ, Тве ской губерніи, рожь осенью стоила 1 р. 60 к. четверть, зимою поднималась до 2 р. 20 к. Явленіе это и сознавалос очень хорошо современниками. Кашинскій корреспондент Вольнаго экономическаго общества, приведя только что вы писанныя нами цифры, прибавляетъ, что осенняя цѣн „уменьшается противъ весенней цѣны по причинѣ сбор подушныхъ и оброчныхъ денегъ; но весною, когда кре стьянинъ небольшое количество родившагося хлѣба съѣст оставя малую часть для посѣва, цѣна возвышается“. Лѣт семьдесятъ спустя другой помѣщикъ подтвердилъ и обоб щилъ это наблюденіе: „при наступленіи весны и даже ещ раньше,—говоритъ онъ,—тотъ же самый крестьянинъ н томъ же самомъ рынкѣ купитъ обратно весь свой хлѣбъ, д еще съ прибавкой... заплатитъ за него вдвое дороже то цѣны, за которую самъ продалъ“. Въ результатѣ, при боль шой интенсификаціи оброка, для его уплаты не хватало ча сто всего дохода крестьянина съ его надѣла—отходъ въ го родъ на заработки является для него вынужденнымъ: инач ему нечѣмъ было бы существовать. Такимъ образомъ, в нечерноземной полосѣ оброчная система приводила къ по слѣдствіямъ, совершенно аналогичнымъ пролетаризаці крестьянства. Тогдашніе помѣщики и это прекрасно пони

али, — но въ такого рода пролетаризаціи они не видѣли, о большей части, ничего дурнаго. Цитированный нами ка-инскій корреспондентъ Вольн. экон. общества съ укориз-ою говоритъ о крестьянахъ, которые „все дома сидѣли и очитали за страхъ ходить по землямъ куда-нибудь въ боль-іе города работать, и тѣмъ доставать себѣ хлѣбъ и деньги. апослѣдокъ, когда многіе помѣщики зачали ихъ ь тому принуждать, то вступили они въ походъ“... отъ эпохи опять-таки лѣтъ на семьдесятъ болѣе поздней насъ дошелъ и образчикъ помѣщичьяго понужденія—до го выразительный, что стоитъ его привести цѣликомъ. Зы всѣ для меня, крестьяне, равны“, писалъ своимъ крѣ-остнымъ одинъ костромской помѣщикъ въ началѣ 30-хъ довъ: „за что же другіе платятъ болѣе,—гдѣ я живу, по р. ассигнаціями. У насъ, если два тягла на оброкѣ, одинъ ходитъ въ Петербургъ или въ работники, другой остается ма и всѣ исправляетъ работы свои и барскія, и во-время бирается, не имѣя лишняго въ домѣ. А вы лѣтнее все емя, все семейство, остаетесь дома... Чѣмъ лѣто лежать ѣмъ дома, не лучше ли вамъ, хотя и кажется трудно по упости вашей, медвѣдямъ, отойтить, гдѣ есть семейные, дальнюю работу...“ Такъ различалась идеологія владѣльца рочнаго имѣнія отъ идеологіи помѣщика, хозяйничавшаго и помощи барщиннаго труда своихъ крѣпостныхъ: мы ви-ли, что послѣдній считалъ пребываніе крестьянъ въ го-дѣ источникомъ всякихъ нравственныхъ золъ, — первый, оборотъ, объяснялъ нежеланіе идти въ городъ исключи-льно мужицкой лѣностью. Дворянство, по отношенію къ ѣпостному праву, не представляло собой однородной мас-—мы увидимъ, что во время крестьянской реформы эта зница сказалась съ большой силой и дошла до размѣровъ нфликта между двумя группами помѣщиковъ.

Но для того, чтобы мысль объ этой реформѣ пріобрѣла актическое значеніе, необходима была огромная перемѣна идеологіи обѣихъ группъ. Долгое время для объясненія ой перемѣны привлекались къ дѣлу исключительно идеаль-ые факторы: вліяніе просвѣщенія, изящной литературы, роповѣди „лучшихъ представителей“ дворянства и т. под.; лучалась, приблизительно, такая картина: помѣщики дер-

жались крѣпостного права пока были тупы, невѣжественны нравственно неразвиты. По мѣрѣ того, какъ они стали умственно и нравственно развиваться, они все болѣе начали проникаться мыслью, что крѣпостное право есть „мерзость“— потомъ долго держались этой мерзости уже только по привычкѣ, наконецъ, у нихъ хватило духу вовсе отъ нея отказаться. Не говоря уже о томъ, что объясненіе это фактически невѣрно — на принципіальную защиту крѣпостного права выступали самые образованные помѣщики своего времени, въ XVIII в. кн. Щербатовъ, въ началѣ XIX в. Карамзинъ—оно совершенно ненаучно. Основное требованіе науки заключается въ томъ, что каждая перемѣна въ той или другой категоріи явленій должна объясняться, прежде всего изъ условій этой категоріи: привлекать къ дѣлу посторонния причины можно только тогда, когда въ кругу данныхъ явленій никакого объясненія перемѣны найти нельзя. Крестьянская реформа есть, прежде всего, грандіозный экономическій переворотъ: переходъ отъ крѣпостного хозяйства къ буржуазному, проникновеніе капиталистическихъ отношеній изъ сферы обмѣна въ область производства. Для экономической перемѣны нужно искать, прежде всего, экономическихъ же причинъ: привлекать къ дѣлу вмѣсто этого, нравственное и умственное развитіе, значит уподобляться средневѣковымъ людямъ, которые затменія луны или солнца объясняли людскими грѣхами. Какія экономическія условія заставили помѣщиковъ придти къ мысли что вольнонаемный трудъ на пашнѣ будетъ для нихъ выгоднѣе крѣпостного? Для отвѣта на этотъ вопросъ надо прежде всего, имѣть въ виду, что малая производительность барщиннаго труда отлично сознавалась помѣщиками даже во время расцвѣта барщины. Вполнѣ естественно, что, съ точки зрѣнія помѣщика, дѣло объяснялось крестьянской лѣнью: жалобы на лѣность барщинныхъ крестьянъ мы встрѣчаемъ уже у Татищева, совѣтующаго своему читателю „всего наивящше смотрѣть“, чтобы „лѣтомъ во время работы ни малой лѣности и дальняго покою крестьянамъ происходить не могло“. Представитель слѣдующаго поколѣнія, Рычковъ, въ своемъ наставленіи приказчику, даетъ очень конкретныя указанія

насчетъ тѣхъ „пакостей“, какія крестьяне имѣютъ обыкновеніе дѣлать во время барщинной работы: „когда пашутъ, то стараются сдѣлать недопашку и завалить ее пластомъ или рыхлою землею, когда сѣютъ, то зерно мечутъ непорядочно и дѣлаютъ обсѣвки, на которыхъ мѣстахъ хлѣбъ уже не родится и бываютъ прогалины. Во время полотья и жнитва очень много втаптываютъ въ землю хлѣба такъ, что плутовства ихъ распознать невозможно“. Къ „лѣности“, такимъ образомъ, присоединяется здѣсь еще „плутовство“. Принадлежащій къ еще слѣдующему, дальнѣйшему помѣщичьему поколѣнію Швитковъ прямо уже признаетъ, что и „самые дѣятельные и самые промышленные крестьяне часто не весьма усердствуютъ пользѣ своихъ господъ“. Побужденіемъ къ оброчному хозяйству для многихъ дворянъ и было именно то, что оброкъ можно было выколотить при помощи одной „строгости“, а на барщинѣ и строгость не помогала. Русскимъ предшественникамъ Тайлора приходилось слиться со своимъ хозяйствомъ—вставать утромъ на разсвѣтѣ и проводить весь день на припекѣ въ полѣ, съ нагайкой въ рукахъ, а осень на току, гдѣ молотятъ хлѣбъ. При хорошемъ знаніи хозяйственной техники такой хозяинъ могъ выбить изъ своихъ мужиковъ много, но въ такомъ чистомъ видѣ система была примѣнима только въ маленькихъ имѣніяхъ. Оттого-то мелкопомѣстные дворяне и цѣплялись съ такою жадностью за крѣпостное право—и почти всѣ экономически погибли на другой день реформы 19 февраля. Въ крупномъ, даже среднемъ имѣніи довольно рано должна была явиться мысль о созданіи для крестьянъ какихъ-либо иныхъ побужденій къ труду, кромѣ голаго принужденія. Для детальной исторіи помѣщичьяго хозяйства представляютъ огромный интересъ тѣ эксперименты, которые дѣлались въ этомъ направленіи различными помѣщиками первой половины XIX вѣка. Наиболѣе оригинальными изъ нихъ были попытки извѣстнаго славянофила Хомякова, который обрабатывалъ свои поля наемнымъ трудомъ своихъ же оброчныхъ крестьянъ, оброкъ на которыхъ былъ наложенъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы они никакъ не могли существовать, не нанимаясь въ батраки къ своему барину, и не менѣе извѣстнаго агронома своего времени Стремоухова, отдававшаго крестьянамъ $^2/_3$

урожая: интенсивность работы получалась такая, по его словамъ, что остававшаяся помѣщику $^1/_3$ была больше того, что можно было получить отъ трехневной барщины „при самомъ строгомъ присмотрѣ“. Въ концѣ-концовъ, къ 50-мъ годамъ, взяло верхъ самое простое рѣшеніе задачи: замѣна крѣпостного работника на барской пашнѣ вольнонаемнымъ. Насколько послѣдовательно была проведена эта мысль и что изъ этого получилось, мы увидимъ въ слѣдующей главѣ. Но прежде, чѣмъ перейти къ перевороту 1861 года, необходимо отвѣтить на вопросъ, который давно уже, навѣрное, поставилъ намъ читатель: что же задерживало переворотъ, разъ его основная идея—невыгодность барщиннаго труда—давно вошла въ сознаніе помѣщиковъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ придется нѣсколько осложнить картину, съ которой мы начали нашъ очеркъ крѣпостнаго хозяйства: картину русскаго экспорта. Мы говорили о значеніи, которое имѣлъ вывозъ русскаго сырья за границу, и привели въ примѣръ пшеницу. Но именно съ вывозомъ русскаго хлѣба дѣло обстояло не такъ просто и благополучно, какъ можетъ показаться. Чтобы не тратить много словъ, позволимъ себѣ предложить вниманію читателя небольшую таблицу:

Вывозъ хлѣба изъ Россіи. (тысячи пудовъ).				Цѣны на хлѣбъ на берлинскомъ рынкѣ (въ маркахъ за центнеръ).	
Года.	Пшеница.	Рожь.	Десятилѣтія.	Пшеница.	Рожь.
1820	13,873	3,924	1821—30	6,07	4,46
1830	25,506	8,669	1831—40	6,91	5,16
1840	18,091	1,409	1841—50	8,38	6,30
1850	26,166	5,592	1851—60	10,57	8,48
1860	41,911	20,247	1861—70	10,21	7,93

Мы видимъ, что за двадцать лѣтъ, съ 1820 по 1840 годъ, хлѣбныя цѣны въ Западной Европѣ росли очень медленно: въ то же время вывозъ хлѣба изъ Россіи за границу увеличился очень незначительно. Съ 40-хъ годовъ цѣны на хлѣбъ растутъ все выше и выше—все быстрѣе и быстрѣе растетъ русскій хлѣбный вывозъ. И скоро даже небольшое паденіе цѣнъ оказывается не въ силахъ его остановить. Въ эволюціи хлѣбныхъ цѣнъ и заключается отвѣтъ на вопросъ: почему крестьянская реформа задержалась у насъ на 30

лѣтъ—на все царствованіе Николая Павловича, съ 20-хъ по 50-е годы. При низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ за границей не окупались издержки вывоза: а разъ русскій хлѣбъ не имѣлъ доступа на міровой рынокъ, помѣщичье хозяйство не имѣло повода расширять производство хлѣба далѣе извѣстныхъ границъ. Даже при барщинномъ хозяйствѣ Тамбовская, напримѣръ, губернія николаевскаго времени страдала отъ перепроизводства хлѣба: какой же былъ смыслъ увеличивать это производство? По разсчетамъ Гакстгаузена, за три года 1834, 1835 и 1836 (читатель замѣтитъ, что средина тридцатыхъ годовъ—какъ разъ разгаръ аграрнаго кризиса) въ Тамбовской губерніи было собрано отъ 80 до 90 милліоновъ четвертей различныхъ хлѣбовъ. Вычитая изъ нихъ 34 милліона, пошедшихъ на сѣмена, на продовольствіе, на винокуреніе, на прокормъ скота, въ запасные магазины и т. под., мы получаемъ остатокъ, по меньшей мѣрѣ, въ 45 милл. четвертей, который могъ бы быть вывезенъ: а на самомъ дѣлѣ, за эти три года вывезено было изъ Тамбовскихъ пристаней по Цнѣ всего $7^1/_2$ милліоновъ четвертей, да еще цнинскими пристанями пользовалась не одна Тамбовская губернія, а и сосѣдніе уѣзды Пензенской и Саратовской. Если бы не періодическіе неурожаи, быстро истощавшіе хлѣбные запасы, накопленный тамбовскій хлѣбъ просто сгнилъ бы и былъ поѣденъ мышами. Неурожаи выравнивали хлѣбный балансъ, но неурожаи сами были результатомъ экстенсивной культуры. Интенсифицировать эту послѣднюю значило, помимо всего прочаго, закрывать послѣднюю дверь, черезъ которую можно еще было спастись отъ кризиса. Картина рѣзко измѣнилась, какъ только кризисъ сталъ проходить. Былъ прямой расчетъ усилить производство до послѣднихъ возможныхъ предѣловъ. Вспоминая старыя времена, безпокоились только объ одномъ: можно ли вести хозяйство въ Россіи наемнымъ трудомъ, найдутся ли работники? Вѣдь при Петрѣ ихъ даже для фабрикъ не удалось найти,—а теперь рѣчь идетъ не о нѣсколькихъ десяткахъ фабрикъ, а о всей земледѣльческой Россіи. Гакстзаузену часто приходилось слышать эти опасенія (естественно было, что прусскій баронъ вращался среди помѣщиковъ) и, подъ вліяніемъ помѣщичьихъ разговоровъ, онъ высказы-

вается за то, что радикальная крестьянская реформа, освобожденіе сразу всѣхъ крѣпостныхъ—рискованная мѣра. Но если бы онъ довѣрялъ своимъ глазамъ больше, нежели разсказамъ помѣщиковъ, онъ могъ бы успокоить своихъ собесѣдниковъ на основаніи своихъ же наблюденій во время путешествія. Ему приходилось видать по дорогѣ не только земледѣльческія казармы и лагери во вкусѣ фонъ-Пирха, а и совсѣмъ другія картины. Въ Никольскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи онъ—съ огромнымъ интересомъ, какъ онъ самъ признается—наблюдалъ образчики чисто-буржуазнаго хозяйства. Онъ останавливался во дворѣ одного мѣстнаго „крестьянина", состояніе котораго оцѣнивалось во 100.000 р ассигнаціями (на теперешнія деньги, принимая во вниманіе измѣненіе цѣнъ, это составитъ тысячъ 75 рублей). У него было „очень обширное хозяйство". Онъ держалъ восемь батраковъ, въ томъ числѣ 4 годовыхъ, и пять батрачекъ; у него было 8 лошадей и 25 коровъ. Такихъ фермъ было въ уѣздѣ не одна—и всѣ онѣ были „въ очень цвѣтущимъ состояніи". Никольскій уѣздъ былъ населенъ государственными крестьянами—крѣпостныхъ въ немъ почти не было. Нѣмецкій путешественникъ, видимо, съ крайнимъ любопытствомъ приглядывался къ совершенно новой для него въ Россіи фигурѣ „сельскаго буржуа"—и недаромъ, смотря на него, онъ вспомнилъ о Вестфаліи. Но ему пришлось сейчасъ же познакомиться съ оборотной стороной этой европеизаціи. За столомъ у крестьянина-помѣщика, правда, подавали портвейнъ—да только ничѣмъ на накормили проголодавшагося путника, заставивъ его съ тоскою вспомнить „настоящихъ" крестьянъ—бѣдныхъ, но гостепріимныхъ...

Итакъ, хозяйство съ наемнымъ трудомъ было возможно и выгодно, въ 1840 годахъ, даже въ нечерноземной полосѣ Россіи. Тамъ, гдѣ производство хлѣба, по климатическимъ условіямъ, было главнымъ мѣстнымъ промысломъ, да еще когда кризисъ прошелъ, и хлѣбныя цѣны „отвердѣли", оно было необходимо—помѣщикъ съ его привычками тамъ не могъ хозяйничать. Въ Новоузенскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, откуда несся на міровой рынокъ потокъ лучшей въ Европѣ пшеницы, помѣщику, по его собственной оцѣнкѣ, ничего не оставалось дѣлать, какъ сда

вать землю въ аренду. А тамошніе крестьяне въ это время говорили: „тотъ не мужикъ, у кого на два тягла нѣтъ девяти лошадей“, и нанимали по 50 и по 100 десятинъ земли въ прибавокъ къ своей надѣльной. Пахали здѣсь исключительно плугомъ, при чемъ у зажиточныхъ было плуга по четыре. А вопросъ о рабочихъ рукахъ былъ центральнымъ экономическимъ вопросомъ для всего края. „Если вы хотите видѣть край, гдѣ хозяинъ связанъ по рукамъ и ногамъ, а рабочій диктуетъ ему свои условія, которыя тотъ со смиреніемъ принимаетъ, — пріѣзжайте сюда во время жатвы“, писалъ одинъ новоузенскій помѣщикъ за годъ до крестьянской реформы. И хотя этотъ помѣщикъ не безъ опасенія говоритъ о послѣдствіяхъ освобожденія крестьянъ но это уже „голосъ крови“, въ своемъ родѣ: никакого слѣда крѣпостнаго хозяйства во всей его статьѣ вы не найдете. Хлѣбный экспортъ давно его здѣсь убилъ.

Библіографія.

Чтобы найти яркую и рельефную картину крѣпостного хозяйства, приходится обращаться къ беллетристикѣ; „Пошехонская Старина“ Салтыкова (IX томъ полнаго собранія сочиненій), въ особенности очеркъ „Образцовый хозяинъ“, имѣетъ всю цѣну хорошихъ историческихъ мемуаровъ. Но мемуары все же лишь матеріалъ: въ дѣлѣ разработки матеріала наша научная литература далеко отстала оть беллетристики. Быть можетъ, пробѣлъ будетъ восполненъ давно возвѣщенной, но въ ту минуту, когда пишутся эти строки, еще не вышедшей книгой г. П. Струве „Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства“ [1]). Его же журнальныя статьи (въ „Мірѣ Божьемъ“, 1901, X—XII), такъ же, какъ работа кн. Волконскаго: „Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ“ (Труды рязанск. учен. архивн. комиссіи, 1897 г., т. XII, в. 2—3) представляютъ собою лишь первоначальныя развѣдки чрезвычайно цѣнныя въ свое время, когда историко-экономическое пониманіе крѣпостнаго хозяйства совершенно отсутствовало, но далеко не исчерпывающія вопроса. Связь крѣпостнаго хозяйства съ торговымъ капитализмомъ хорошо освѣщена въ цитированной уже книгѣ П. И. Ля-

---

[1]) Книга г. Струве вышла, когда нашъ „Очеркъ“ былъ уже набранъ. Съ сожалѣніемъ должны констатировать, что наши надежды не оправдались: авторъ просто собралъ, подъ отдѣльной обложкой, свои старыя статьи, снабдивъ, впрочемъ, главную изъ нихъ (названную въ текстѣ ниже) цѣнными фактическими дополненіями. Новаго, болѣе полнаго, изслѣдованія вопроса онъ не далъ.

щенко „Очерки аграрной эволюціи Россіи“, т. I. Главнымъ недостаткомъ книги является то, что авторъ, слѣдуя традиціи, прочно укоренившейся въ нашей экономической литературѣ со временъ Кеппена (статистика 40-хъ годовъ), не придаетъ значенія заграничному вывозу, какъ фактору эволюціи крѣпостнаго хозяйства. Кеппенъ для своего времени былъ правъ: какъ разъ въ тѣ годы въ этомъ вывозѣ наступилъ застой, какъ было указано выше въ текстѣ. Но странно въ XX в. на всю полуторавѣковую эволюцію смотрѣть сквозь очки 40-хъ годовъ. Уже для конца этого десятилѣтія взгляды Кеппена оказались устарѣлыми, а для 50-хъ, 60-хъ и т. д. годовъ—тѣмъ болѣе. Наконецъ, обширный матеріалъ читатель найдетъ въ работахъ, посвященныхъ исторіи крестьянства, В. И. Семевскаго „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II“, т. I., изд. 2-е, исправленное и дополненное, Спб. 1903, и И. И. Игнатовичъ „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“, Спб. 1902 (есть болѣе новое изданіе). Первый трудъ является классическимъ для исторіи русскаго крестьянства XVIII вѣка, второй носитъ болѣе бѣглый характеръ, но для читателя не-спеціалиста даетъ достаточный и достаточно хорошо подобранный матеріалъ. Надо только имѣть въ виду, что оба автора интересуются не крѣпостнымъ хозяйствомъ, какъ извѣстной стадіей экономическаго развитія, а крестьянствомъ, какъ извѣстной соціальной группой. Соотвѣтствующіе факты у нихъ разбросаны, поэтому, въ различныхъ мѣстахъ и взяты не подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, какой нуженъ историку-экономисту. Желающіе имѣть болѣе цѣльную картину хорошо сдѣлаютъ, если прочтутъ цитированныя въ текстѣ „Экономическія правила“ Удолова и два „Наказа для прикащика“, Рычкова и Болотова: напечатаны въ Трудахъ Вольнаго экономическаго общества, тт. XV и XVI. Никакихъ почти предварительныхъ свѣдѣній для своего пониманія эти работы не требуютъ, но, конечно, онѣ не принадлежатъ къ художественной литературѣ, какъ очеркъ Салтыкова, и удовольствія ихъ чтеніе доставить не можетъ. Для начальной фазы буржуазнаго сельскаго хозяйства см. замѣчательныя „Письма изъ деревни“ Кавелина, во II томѣ собранія его сочиненій, стр. 663—688; это, наоборотъ, почти беллетристика, но, какъ и у Салтыкова, основанная на подлинныхъ наблюденіяхъ, и потому исторически необычайно цѣнная.

5.

Современный капитализмъ.

Какъ мы видѣли въ предшествующей главѣ, крѣпостное хозяйство ставило росту прибавочнаго продукта довольно тѣсныя границы: иначе говоря, было мало производительно. Мы видѣли также, что фактъ этотъ, болѣе или менѣе отчетливо, болѣе или менѣе смутно, сознавался и руководите-

лями крѣпостного хозяйства, помѣщиками, владѣльцами барщинныхъ имѣній. Пока эти имѣнія, по тѣмъ или другимъ причинамъ, располагали лишь незначительнымъ рынкомъ сбыта, можно было довольствоваться барщиннымъ трудомъ. Расширеніе рынка, открытіе для русскаго хлѣба, съ конца 40-хъ годовъ девятнадцатаго вѣка, рынка международнаго, должно было сдѣлать барщинный трудъ явно невыгоднымъ для помѣщиковъ—поставить вопросъ о ликвидаціи крѣпостнаго хозяйства. Для пониманія крестьянской реформы 1861 года, этого было бы совершенио достаточно: но картина развитія капитализма въ Россіи была бы не полна, если бы мы ограничились только этимъ. Современный капитализмъ зародился у насъ не въ барщинномъ имѣніи, а на фабрикѣ: первымъ типомъ крупнаго капиталистическаго производства было у насъ, какъ и всюду, промышленное производство, а не сельскохозяйственное. Аграрный капитализмъ у насъ, какъ и всюду въ Старомъ свѣтѣ, даже и не достигъ, до настоящихъ дней, своего полнаго развитія: цѣлый рядъ причинъ этому мѣшалъ и мѣшаетъ до сихъ поръ. Промышленный капитализмъ является вездѣ не только самымъ раннимъ, но и самымъ полнымъ и законченнымъ типомъ капиталистическаго производства.

Это послѣднее характеризуется, какъ извѣстно, двумя главными, основными признаками. Во-первыхъ, громадной концентраціей самаго процесса производства: ремесленную мастерскую съ 2—3, максимумъ 10 работниками, смѣняетъ предпріятіе, гдѣ этихъ послѣднихъ 100, 200 даже 1000 человѣкъ. Въ Россіи 1909 г. треть всѣхъ рабочихъ была занята въ предпріятіяхъ, имѣющихъ болѣе 1000 рабочихъ каждое. Но этого признака одного, самого по себѣ, было бы еще недостаточно: въ барщинномъ имѣніи тоже могли работать сразу на полѣ сотни крѣпостныхъ. Но каждый изъ нихъ работалъ на своей лошади, своей сохой или бороной—тѣми самыми, при помощи которыхъ онъ воздѣлывалъ и свое собственное поле. Тысячи рабочихъ современной фабрики работаютъ орудіями, принадлежащими фабриканту: имъ самимъ ничего не принадлежитъ, кромѣ ихъ собственныхъ мускуловъ. Притомъ, эти орудія не имѣютъ никакого отношенія къ домашнему хозяйству рабочаго,

если оно у него имѣется: въ Россіи еще возможны случаи, что отецъ семьи на фабрикѣ состоитъ при электрическомъ моторѣ, а остальные ея члены въ это время обрабатываютъ въ деревнѣ свой надѣлъ при помощи сохи, въ которой „нѣтъ ни одного кусочка желѣза". Итакъ, полное „открѣпленіе" рабочаго отъ орудій производства—иначе говоря, полная пролетаризація рабочаго: вотъ—второй основной признакъ капиталистическаго производства. Полнотѣ этой пролетаризаціи нисколько не мѣшаетъ тотъ фактъ, что у отдѣльнаго рабочаго можетъ быть сотня—другая рублей въ сберегательной кассѣ, на черный день, или свой маленькій надѣлъ въ деревнѣ: достаточно, чтобы у него не было ничего собственнаго въ томъ производствѣ, въ которомъ онъ занятъ, и которое даетъ ему средства къ жизни. Идеальный пролетарій, у котораго такъ-таки совсѣмъ ничего нѣтъ, кромѣ ежедневнаго заработка, такая же отвлеченная категорія, какъ и идеальный буржуа, который занятъ исключительно извлеченіемъ предпринимательской прибыли изъ своихъ рабочихъ—и ничѣмъ болѣе. Большинство авторовъ прибавляетъ къ этимъ двумъ признакамъ еще третій: современный рабочій—человѣкъ свободный, работающій по „добровольному" соглашенію съ хозяиномъ. Но этотъ признакъ требуетъ уже гораздо болѣе значительныхъ оговорокъ. Если подъ свободой понимать отсутствіе юридической обязанности даннаго рабочаго работать непремѣнно на даннаго хозяина, это совершенно правильно: этимъ капиталистическое хозяйство отличается отъ крѣпостного; но не отличается еще отъ ремесленнаго—потому что ремесленный подмастерье тоже не прикрѣпленъ къ данному хозяину—мастеру. Но обыкновенно понимали „свободу" въ болѣе широкомъ смыслѣ. Такъ какъ впервые объектомъ научнаго наблюденія капиталистическое хозяйство сдѣлалось въ Англіи, а въ этой странѣ очень рано развились начала индивидуальной свободы, то съ капиталистическимъ производствомъ связывали, какъ нѣчто неизбѣжное, политическую свободу рабочихъ. Блестящее развитіе промышленнаго капитализма въ странахъ, не знавшихъ политической свободы, какъ Россія, или знающихъ о ней весьма мало, какъ Японія, совпаденіе расцвѣта капита-

листической промышленности въ той или другой странѣ съ упадкомъ политической свободы (Франція въ дни второй имперіи)—давно разбили эту иллюзію. Капитализмъ автоматически не обезпечиваетъ еще политической свободы—ее и при господствѣ капитализма надобно еще завоевать.

Зато исторически будетъ вполнѣ правильно присоединить еще одинъ признакъ—не наиболѣе, пожалуй, существенный, но наиболѣе показательный, наглядный. Мы указали, что современное капиталистическое производство, это, прежде всего, производство крупное. Притомъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ оно все становится крупнѣе: на англійскихъ бумагопрядильняхъ, напримѣръ, среднее число веретенъ на одну фабрику въ 1850 году составляло 155, а въ 1885 уже 213. Это все возрастающее окрупнѣніе производства не есть какая-либо таинственная врожденная черта капитализма: оно связано съ совершенно опредѣленнымъ матеріальнымъ условіемъ—примѣненіемъ машинъ въ новѣйшемъ производствѣ. Машина тѣмъ экономнѣе, т.-е. тѣмъ производительнѣе, чѣмъ она крупнѣе. Впервые съ этою истиной пришлось познакомиться англійскимъ ремесленникамъ послѣ изобрѣтенія паровой машины. Всѣ попытки сердобольныхъ людей спасти мелкое производство при господствѣ пара имѣли самые жалкіе результаты. Пробовали, напримѣръ, устраивать одинъ центральный паровикъ среди цѣлой деревни ткачей, каждый изъ которыхъ получалъ паровую силу на домъ (т. наз. cottages-factory). За 12 лѣтъ разорилось болѣе 300 такихъ предпріятій, и затѣю пришлось бросить. Когда появились двигатели не паровые (газовые, электрическіе, керосиновые и т. п). надежды защитниковъ мелкаго производства оживились: новый типъ двигателя, казалось, допускалъ дробленіе энергіи въ очень широкихъ размѣрахъ. Памятникомъ этого оживленія въ нашей русской литературѣ остался одинъ очеркъ Глѣба Успенскаго, изображавшій самыми розовыми красками будущій промышленный рай, гдѣ вольные самостоятельные кустари будутъ работать каждый у себя дома, пользуясь электрической энергіей, „нанятой“ на сосѣдней станціи. Опытъ и здѣсь очень скоро заставилъ разочароваться. Бюхеръ, въ своей статьѣ объ упадкѣ ремесла въ Германіи, приводитъ

такой расчетъ сравнительной стоимости одной лошади ной силы въ 1 часъ въ зависимости отъ размѣровъ дви гателя (переводимъ цѣны на русскія деньги)

	1 сила.	3 силы.	6 силъ.
Паръ	15 коп.	9 коп.	$7^1/_2$ коп.
Электричество . . .	23 „	$18^1/_2$ „	— „
Газъ	12 „	$8^1/_2$ „	$7^1/_2$ „
Керосинъ.	30 „	14 „	11 „

Итакъ, чѣмъ крупнѣе двигатель, тѣмъ дешевл обходится 1 сила: электричество и газъ нисколько н ласковѣе къ ремесленнику, сравнительно съ паромъ. Есл капитализмъ не даетъ автоматически свободы, то совершен но автоматически онъ все болѣе и болѣе увеличиваетъ раз мѣры предпріятій. Съ 1904 по 1909 годъ въ Россіи числ рабочихъ на фабрикахъ, имѣвшихъ менѣе 100 рабочихъ уменьшилось, имѣвшихъ отъ 100 до 500 рабочихъ увеличи лось лишь весьма незначительно—а число фабричныхъ в предпріятіяхъ болѣе, чѣмъ съ 1000 рабочихъ каждое, воз росло на 20%. Въ эти годы застоя мелкое производств въ Россіи сократилось, среднее застыло на одномъ уровн а крупное продолжало расти, какъ ни въ чемъ не бывал настолько выгодны для него были условія конкуренціи.

Крупное промышленное производство существовало в Россіи задолго до нашего времени: на отдѣльныхъ ману фактурахъ петровскаго времени бывало по 700, 800, даже п 1000 рабочихъ. Но современный капитализмъ въ Россіи в детъ начало не отъ этихъ петровскихъ мануфактуръ: он напротивъ, почти всѣ исчезли въ теченіе XVIII вѣк вмѣсто нихъ народились новыя, и также исчезли. Причи ной такой недолговѣчности отчасти былъ спекулятивный ха рактеръ предпріятій. При Петрѣ, напримѣръ, въ одно Москвѣ возникло цѣлыхъ пять шелковыхъ мануфактуръ: в расчетѣ на дешевизну шелка-сырца, на очень выгодных условіяхъ получившагося прямо изъ Персіи, у насъ надѣялис завалить всю Европу русскими шелковыми товарами. По пытка оказалась очень наивной: по качеству русскія шел ковыя ткани далеко уступали западно-европейскимъ, и наш шелкоткацкія фабрики лопнули одна за другой. Но одно

той причиной объяснить дѣла нельзя. Изслѣдователи отмѣчали любопытный фактъ: на мѣстѣ погибшихъ мануфактуръ XVIII вѣка во многихъ мѣстахъ у насъ возникли кустарные промыслы. Кустарное ткачество полотенъ въ Шуйскомъ уѣздѣ ведетъ свое начало отъ основанной въ Петровскія времена фабрики Тамеса, въ селѣ Кохмѣ. Главнымъ центромъ льняного ткачества вообще является село Великое, Ярославскаго уѣзда, но раньше кустарей мы находимъ тамъ фабрику Затрапезнаго. Повидимому, особенное значеніе имѣли помѣщичьи фабрики, гдѣ рабочіе набирались принудительно изъ опредѣленнаго района, и гдѣ почти все взрослое мужское населеніе должно было пройти черезъ мануфактурную выучку. Полотняное ткачество села Никольскаго, напримѣръ, той же Ярославской губ., обязано своимъ возникновеніемъ вотчинной фабрикѣ Салтыковыхъ: фабрика ихъ закрылась въ первые годы XIX вѣка, и съ того времени „въ крестьянскихъ избахъ всего окружающаго района быстро распространяется „самостоятельное“ кустарное ткачество“. Одинъ изслѣдователь 30-хъ годовъ даже всю льняную промышленность ярославскаго района сводилъ къ вліянію помѣщичьихъ фабрикъ—преувеличеніе, которое самою своею возможностью ясно показываетъ, насколько фактъ былъ распространенъ.

Но тутъ необходимо на минуту остановиться,—ибо читателя, навѣрное, уже поразили два факта. Во-первыхъ, крупное производство, оказывается, можетъ спасовать передъ мелкимъ, да еще производство капиталистическаго типа передъ ремесленнымъ, какимъ обычно представляется намъ кустарное. А во-вторыхъ, вѣдь это ремесленное кустарное производство есть результатъ дальнѣйшаго развитія „народныхъ“ промысловъ, искони вѣковъ существовавшихъ въ той или другой мѣстности и только расширившихся съ теченіемъ времени, по мѣрѣ расширенія рынка. Кустари такъ и зовутъ иногда свой промыселъ „искобиной“: „искобинѣ“ искаженное „искони бѣ“, т.-е. „всегда было“. Насколько можно полагаться на „крѣпкую народную память“, этотъ вопросъ, впрочемъ, разрѣшить всего легче. Сукнодѣлы Владимірской губерніи вполнѣ искренно считаютъ свой промыселъ исконнымъ въ этой мѣстности: „тыщи лѣтъ назадъ

наши прадѣды и прапрадѣды работали шерсть,—говорят
они,—и насъ обучили". Но мы имѣемъ точныя свѣдѣні
что первое прядильное колесо было занесено сюда одним
крестьяниномъ, Савеліемъ Селезнемъ, во второй половин
XVIII столѣтія, изъ Москвы, гдѣ Селезень работалъ н
фабрикѣ. Обучившись у Селезня, мѣстные прядильщицы
чесальщики артелями стали отходить въ голодные годы в
заработки въ Москву; позже они стали брать матеріалъ от
московскихъ фабрикантовъ и пряли уже у себя на дому
Сложнѣе два другіе вопроса. Убѣжденіе, что кустарно
производство есть такой же органическій продуктъ народ
ной жизни, какъ и сельская община, далеко не столь тверд
теперь, какъ было оно въ 90-хъ годахъ: но окончательн
разбитымъ этотъ предразсудокъ не приходится считать
нынѣ, какъ это имѣетъ мѣсто и по отношенію къ об
щинѣ. И теперь нельзя считать „само собою разумѣю
щимся", что общинное землевладѣніе возникло подъ да
вленіемъ помѣщичьихъ интересовъ въ сравнительно но
вое время — въ XVII—XVIII вѣкахъ: хотя, мы видѣли, по
мѣщики начала XIX столѣтія еще отчетливо сознавал
этотъ фактъ. И теперь не будутъ, поэтому, безполезным
нѣсколько примѣровъ, иллюстрирующихъ то положені
кустарное производство есть особая разно
видность крупнаго капиталистическаго про
изводства — русская параллель той формѣ этого послѣд
няго, которая въ Англіи получила названіе „домашне
системы". Во-первыхъ, дѣйствительно ли, какъ правило
кустарные промыслы развились изъ домашняго производств
крестьянъ? Вѣдь, владимірскіе сукнодѣлы могутъ быть
исключеніемъ, ихъ примѣръ доказываетъ только, что н
воспоминанія самихъ кустарей [1]) нельзя полагаться. Н

---

[1]) Слово „кустарь" принято объяснять искаженіемъ нѣмецкаго Kunst, Kü
stler; объясненіе это едва ли вѣрно: въ дѣловомъ языкѣ и въ мѣстныхъ г
ворахъ первой половины XIX в. оно имѣетъ и болѣе распространенную форм
„кустарникъ". Если можно понять исчезновеніе носового звука въ средин
слова, то откуда могло взяться чисто русское окончаніе? Притомъ, одинъ из
авторовъ того времени прямо указываетъ, что это — не терминъ, а насмѣшл
вое прозвище, данное мелкому домашнему промышленнику фабрикантом
Фабриканты (начала XIX в., не забудемъ этого) постоянно жаловались н
конкуренцію кустарей и объясняли ее, во-первыхъ, тѣмъ, что послѣдніе з

вотъ что говоритъ о кустарныхъ промыслахъ подмосковнаго района историкъ русской фабрики. „Самымъ распространеннымъ ткацкимъ промысломъ центральной Россіи является бумажное ткачество. Хлопчатая бумага — иноземный продуктъ, въ Россіи никогда не добывавшійся; ситцы начали выдѣлываться въ Россіи въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ въ концѣ XVIII вѣка; въ началѣ они были дороги (бумажная пряжа по цѣнѣ почти равнялась шелковой) и употреблялись только высшими классами общества. То же слѣдуетъ сказать и о шелкоткацкомъ промыслѣ. И этотъ промыселъ возникаетъ въ центральной Россіи (преимущественно въ Московской губерніи) только въ XVIII в., и шелковыя ткани отнюдь не были предметомъ крестьянскаго потребленія. Если мы возьмемъ списокъ различныхъ промысловъ, зарегистрированныхъ земскими статистиками, то во многихъ случаяхъ уже по самому характеру промысла вполнѣ очевидно, что промыселъ этотъ не возникъ изъ домашняго производства. Возьмемъ, напримѣръ, патронный промыселъ (клееніе гильзъ для папиросъ), дающій занятіе въ Московской губерніи 8 тысячамъ работницъ. Вѣдь нельзя же думать, что крестьяне выдѣлывали папиросныя гильзы сначала для собственнаго употребленія, а затѣмъ стали пускать ихъ въ продажу? То же можно сказать и о шитьѣ лайковыхъ перчатокъ (этимъ промысломъ занято въ Московской губ. болѣе 3 тысячъ работницъ): когда же крестьяне носили лайковые перчатки? Или, напримѣръ, позументное ткачество — выдѣлка офицерскихъ и солдатскихъ погоновъ, галуновъ и т. д. Развѣ это предметы крестьянскаго потребленія?“ Всего изъ 141 тысячи крестьянъ, занятыхъ въ Московской губ. въ мелкомъ производствѣ, не менѣе 82 тыс., т.-е. 59%, заняты въ промыслахъ, которые никакъ не могутъ быть выведены изъ условій первоначальнаго, „натуральнаго“, хозяйства. Но обратимся къ промысламъ,

---

нимались промыслами, не платя гильдейскихъ пошлинъ, а во вторыхъ — ихъ недобросовѣстностью въ работѣ. Примѣняясь къ этому объясненію, можно толковать прозвище такъ, что „кустарь“ — тотъ, кто промышляетъ украдкой, незаконно, „изъ-за куста“. Можетъ быть, тутъ оказало свое вліяніе и знакомое московскимъ документамъ XVI—XVII вв. названіе мошенника вообще — „костаря“.

которые по внѣшности имѣютъ вполнѣ „крестьянскій“ характеръ. Возьмемъ, напримѣръ, сапожное производство: существованіе сапога на Руси засвидѣтельствовано лѣтописью для временъ Владиміра Святого. Оставимъ Московскую губернію—она столичная, и этою особенностью можетъ объясняться характеръ ея промысловъ. Возьмемъ сердцевину нашего черноземнаго района, Курскую губернію. Здѣсь очень распространенъ сапожный промыселъ: и, казалось бы, гдѣ искать большей „искобины“, нежели на этой исторической окраинѣ русской земли? Но мѣстные статистики, люди совершенно безпристрастные и не зараженные зловреднымъ „марксизмомъ“, очень категорически заявляютъ, что о сапожномъ промыслѣ до конца XVIII вѣка здѣсь ничего не было слышно. Были, конечно, отдѣльные сапожники, какъ и всюду, но промысла не было. Главнымъ типомъ „народнаго производства“ здѣсь было тогда „винокуреніе“ и тѣсно связанный съ нимъ бондарный промыселъ. Объясняется это тѣмъ, что тогда южные уѣзды нынѣшней Курской губерніи причислялись къ Малороссіи и пользовались правомъ свободно гнать вино, что въ остальной Россіи составляло прерогативу однихъ дворянъ. Народное производство поддерживалось здѣсь, очевидно, сбытомъ водки (тайно, контрабанднымъ путемъ, конечно) въ сосѣднія великорусскія губерніи, гдѣ торговля виномъ составляла казенную монополію и была въ рукахъ откупщиковъ. Въ это время куряне „прямо-таки лопатой загребали золото“, по словамъ старожиловъ. Но въ 1773 г. право свободнаго винокуренія было отнято у украинскихъ губерній, и винокуры, какъ и бондари, обратились въ сапожниковъ. Такая метаморфоза „народнаго производства“ можетъ ошеломить съ перваго взгляда: не стали же крестьяне вмѣсто водки употреблять сапоги? Но ларчикъ легко откроется, если прибавить, что сапоги носили не тѣ, кто ихъ шилъ, и даже не ихъ сосѣди. Одинъ наблюдатель 1860-хъ гг., священникъ Левицкій, далъ намъ такую картину тогдашняго сапожнаго производства Курской губерніи, которая удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ экономиста - историка. „Все кожевенное сапожное производство ведется здѣсь по подряду“, пишетъ этотъ изслѣдователь. „Здѣсь не дѣлается

такъ, чтобы каждый кожевенникъ-сапожникъ, выдѣлавши кожи и пошивши сапоги, продавалъ ихъ у себя на базарѣ или на ближайшихъ ярмаркахъ. Ольшанскихъ (Ольшанка — центръ курскаго сапожнаго производства того времени) кожевенно-сапожныхъ издѣлій на мѣстѣ стороннему покупателю и пріобрѣсти невозможно, — развѣ только у самого торговца, и то по высокой цѣнѣ. Происходитъ это оттого, что всѣ производители работаютъ круглый годъ не для себя и не изъ своего матеріала, а исключительно для торговцевъ и по ихъ заказамъ". „Что же касается подрядчиковъ, то сами они не имѣли у себя на дому кожевенныхъ и сапожныхъ заведеній. Они только привозили сюда сырыя кожи, закупая ихъ цѣлыми партіями въ далекой Украинѣ, въ Екатеринославской, въ Херсонской губ., въ Области войска Донского, и затѣмъ, по пріѣздѣ домой, отдавали ихъ производителямъ въ работу".

Итакъ, не курскій сапожникъ-кустарь постепеннымъ расширеніемъ производства создалъ для себя рынокъ, а рынокъ создалъ курскаго кустаря. Въ 40—60-хъ годахъ, когда всѣ украинскія ярмарки были завалены здѣшнимъ сапожнымъ товаромъ, хозяйственное положеніе кустаря было довольно сносное. Но создавшій его рынокъ и погубилъ его, когда измѣнились условія этого рынка. Съ проведеніемъ Курской желѣзной дороги въ Украину хлынулъ кимрскій и московскій сапогъ, своими качествами сразу же забившій мѣстное производство. „Крупные капиталисты-подрядчики, ворочавшіе прежде всѣмъ производствомъ и державшіе въ немъ постоянно по 10—30 тысячъ рублей, бросили это занятіе и взялись за коммерческія предпріятія другого рода: обратили свои капиталы въ хлѣбную и земельную торговлю, такъ какъ это оказалось болѣе выгоднымъ". Съ уходомъ капиталовъ „народное производство" сразу рухнуло. Отвыкшій отъ земледѣлія, не имѣвшій большею частью даже лошади, кустарь долженъ былъ или стать сельскимъ рабочимъ-пролетаріемъ, продавать свой трудъ въ мѣстныхъ крупныхъ экономіяхъ, или уйти, куда глаза глядятъ, обыкновенно, дальше на югъ, гдѣ еще была надежда примѣнить свои промышленные навыки. Въ Ольшанкѣ, которую описывалъ въ 60-хъ гг. свящ. Левицкій, считалось 508 семей,

занятыхъ кожевенно-сапожнымъ производствомъ: въ 1888 г., когда ту же Ольшанку описывалъ Добротворскій, тамъ осталось всего 230 семей сапожниковъ.

Итакъ, побѣда кустаря надъ „фабрикой“ отнюдь не была побѣдой до-капиталистическаго мелкаго производства надъ крупнымъ капиталистическимъ: это была борьба двухъ различныхъ формъ промышленнаго капитализма. Точнѣе говоря, это была борьба промышленнаго капитализма въ собственномъ смыслѣ этого слова съ торговымъ. Почему послѣдній — форма болѣе ранняя, болѣе архаическая, какъ будто — оказался сильнѣе? Мы недаромъ только что поставили въ кавычки „фабрику“: всѣ сокрушенныя кустаремъ крупныя предпріятія держались ручнымъ трудомъ — были мануфактурами въ точномъ смыслѣ этого слова. Но преимущества мануфактуры передъ домашнимъ производствомъ вовсе не такъ велики. Ихъ видятъ, обыкновенно, въ томъ, что въ мануфактурѣ допустимо очень большое и очень сложное раздѣленіе труда: производство одной вещи разбивается на нѣсколько мелкихъ процессовъ, каждый изъ которыхъ сосредоточивается въ рукахъ одного рабочаго, такъ что фабрикатъ на пути къ окончательной отдѣлкѣ проходитъ нѣсколько рукъ. Но, во-первыхъ, эти процессы могутъ производиться и въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ: шварцвальдскіе часы — характерный образчикъ западно-европейскаго кустарнаго производства — никогда не дѣлаются цѣликомъ однимъ ремесленникомъ; одна семья, или даже одна деревня, занимается обтачиваніемъ колесиковъ или сборкой внутренняго механизма, другая приготовляетъ только коробки для часовъ, третья расписываетъ циферблаты. А во-вторыхъ, число этихъ рукъ вовсе не особенно велико: классическая булавочная мануфактура, использованная, какъ примѣръ, Адамомъ Смитомъ, дѣлила все производство булавокъ не болѣе, чѣмъ на 10 частей. Чтобы оцѣнить, какъ еще не далеко ушла въ этомъ направленіи мануфактура, возьмемъ примѣръ изъ области машиннаго производства: механическая обувь есть результатъ 64 различныхъ процессовъ надъ сырымъ матеріаломъ, а машинное производство часовъ состоитъ изъ 370 самостоятельныхъ процессовъ. Такого сложнаго мастерства до-

мой не перенесешь, а большинство мануфактурныхъ производствъ легко это допускало. Лишній разъ мы убѣждаемся, какое громадное значеніе для развитія современнаго капиталистическаго производства имѣютъ машины. Если прибавить къ этому, что въ отношеніи производительности между ручнымъ трудомъ и машиннымъ невозможна никакая конкуренція (достаточно привести одинъ примѣръ: въ XVIII в, при ручномъ производствѣ, для очистки 1 фунта хлопка отъ сѣмянъ требовался цѣлый рабочій день; благодаря изобрѣтенію въ 1793 г. машины для этой цѣли, стало возможно очищать въ одинъ рабочій день 100 фунт.), то мы поймемъ, когда долженъ былъ пробить смертный часъ „домашнему производству“: когда въ данной отрасли промышленности машины окончательно брали верхъ надъ ручной работой. Это прекрасно сознавали современники описываемыхъ нами фактовъ. Около 50-хъ годовъ прошлаго вѣка въ нашихъ промышленныхъ кругахъ начинаютъ слышаться жалобы на плохую работу и „недобросовѣстность“ кустарей. Послѣдніе становятся, очевидно, не нужны. Почему же? Одинъ авторъ-фабрикантъ даетъ на это опредѣленный отвѣтъ: „одно средство избавиться отъ всѣхъ этихъ непріятностей,—говоритъ онъ, — механическія ткацкія заведенія“. Въ 1846 году появилась въ Россіи первая механическая бумаготкацкая фабрика: въ это время большинство ткачей работало еще на дому. Двадцать лѣтъ спустя такихъ фабрикъ было уже 42: только $^2/_5$ ткачей продолжали работать на дому, остальные на фабрикѣ. Къ концу 70-хъ годовъ на домашнюю промышленность приходилось уже только четверть рабочихъ, занятыхъ въ бумаготкацкомъ производствѣ — три четверти работали на фабрикахъ. Одинъ статистикъ того времени писалъ: „въ Серпуховскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ еще двадцать лѣтъ тому назадъ почти во всякомъ крестьянскомъ домѣ работали миткаль — въ настоящее время тамъ нѣтъ ни одного миткалеваго стана“.

Изъ этого примѣра видно, однако же, что машинное производство развивалось въ Россіи, въ первой половинѣ XIX вѣка, довольно медленно. Въ самомъ дѣлѣ, первая паровая фабрика вообще появилась у насъ еще въ концѣ XVIII сто-

лѣтія. Это былъ петербургскій машиностроительный завод Бэрда, существующій и до сихъ поръ (заводъ Франко-Рус скаго общества). Онъ строилъ паровыя машины, пароход и бралъ на себя оборудованіе фабрикъ. Послѣдней цѣл служила также казенная Александровская мануфактура основанная въ 1798 году: отъ нея получали машины пер выя русскія механическія прядильни, которыя появилис въ 1808 году, а къ 1812 ихъ насчитывалось уже болѣе де сятка. Въ первой четверти XIX в. русскій промышленны капитализмъ переживалъ періодъ сильнаго подъема. „Н только многіе богатые коммерсанты и дворяне, но изъ раз наго состоянія люди приступили къ устройству фабрикъ заводовъ разнаго рода, не щадя капиталовъ и даже вход въ долги“, писалъ въ 1820-хъ годахъ авторъ одной доклад ной записки, носившей витіеватое заглавіе: «Патріотическо разсужденіе московскаго коммерсанта о внѣшней россійско торговлѣ». „Разсужденіе“ доказывало необходимость дл Россіи покровительственной системы и высокихъ таможен ныхъ пошлинъ. Достовѣрность его фактическихъ показані подтверждается съ разныхъ сторонъ — въ томъ числѣ из источниковъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ россій скимъ патріотизмомъ, ни съ россійскою коммерціей. В 1811 г. французскій посланникъ Коленкуръ доносилъ На полеону, что въ Россіи открывается одна фабрика за дру гой—то суконная, то шелкопрядильная, то свеклосахарны или винокуренный заводъ. Въ 1812 году въ Россіи счита лось 2332 фабрики, въ 1814—уже 3253, въ 1828—5244. Осо бенно росло хлопчатобумажное производство—и на это была вполнѣ опредѣленная причина. До начала XIX вѣка Россію какъ и весь европейскій континентъ, снабжала хлопчато бумажными тканями Англія. Въ 1806 году Наполеонъ, же лая подорвать англійскую промышленность, установилъ такъ наз. континентальную блокаду: торгъ съ Англіей былъ запрещенъ какъ во Франціи, такъ и во всѣхъ союзныхъ съ ней и зависѣвшихъ отъ нея странахъ. По Тильзитскому миру 1807 года Россія должна была присо-единиться къ „континентальной блокадѣ“: ввозъ англій-скихъ товаровъ къ намъ почти прекратился. Но хлопокъ въ сыромъ видѣ получался не изъ Англіи, а изъ Америки—

и ввозъ его въ Россію сталъ расти съ головокружительной быстротой: отъ полумилліона фунтовъ въ 1809 году онъ дошелъ почти до 10 милліоновъ фунтовъ къ 1811-му. Въ это время ни одна европейская страна не ввозила столько хлопка, какъ Россія (германскій, напримѣръ, ввозъ немного превышалъ два милліона фунтовъ). Такъ какъ „разнаго состоянія люди“ не имѣли своихъ крѣпостныхъ, подобно старымъ суконнымъ и полотнянымъ фабрикантамъ или желѣзозаводчикамъ, то на вновь основывавшихся хлопчатобумажныхъ фабрикахъ преобладали вольнонаемные рабочіе: къ 1825 году изъ 210 тысячъ рабочихъ на русскихъ фабрикахъ и заводахъ 114 тысячъ, болѣе половины, были нанятые. Ростъ заработной платы въ это время служитъ еще новымъ доказательствомъ промышленнаго подъема. Въ первые годы XIX вѣка вольнонаемный рабочій получалъ въ Россіи отъ 6 до 10 рублей въ мѣсяцъ. Въ 30-хъ годахъ, по словамъ одного офиціальнаго изданія, „хорошій ткачъ шелковыхъ матерій“ могъ пріобрѣсти въ Москвѣ по 3—4 рубля въ день. Правда, что этотъ рубль — ассигнаціонный — сильно упалъ въ цѣнѣ и стоилъ теперь 27—28 копеекъ; правда и то, что офиціальный авторъ, вѣроятно, прикрашивалъ дѣйствительность: но если даже произвести соотвѣтственный учетъ на цѣнѣ рубля и понизить, кромѣ того, показанія этого автора вдвое, мы все же получимъ увеличеніе заработной платы, по крайней мѣрѣ, на 50% (10 и 15 рублей въ мѣсяцъ). Наблюденія надъ колебаніями заработной платы въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ даютъ увеличеніе, за первые двадцать лѣтъ XIX столѣтія, % на 25. По словамъ знакомаго намъ Гакстгаузена „ни въ одной странѣ заработная плата (фабричныхъ рабочихъ) не достигала такой высоты, какъ въ Россіи“. „Даже денежная заработная плата въ Россіи, въ общемъ, выше, чѣмъ въ Германіи. Что же касается до реальной платы, то преимущества русскаго рабочаго передъ заграничнымъ въ этомъ отношеніи еще значительнѣе“ — потому, конечно, что всѣ съѣстные припасы въ Россіи 40-хъ годовъ стоили гораздо дешевле, чѣмъ въ Германіи.

Здѣсь мы имѣемъ не только яркій симптомъ роста русской промышленности въ царствованіи Александра и Нико-

лая Павловичей, но и объясненіе сравнительной медленности этого роста и долговѣчности кустарныхъ промысловъ. Въ самомъ дѣлѣ, „вольные“ рабочіе русскихъ фабрикъ въ началѣ XIX столѣтія, были, въ дѣйствительности, крѣпостными крестьянами, отпущенными по оброку. Встрѣчались, конечно, между ними и государственные крестьяне: были и рабочіе, прикрѣпленные къ фабрикамъ (т. наз. „поссессіонные“). Но непроизводительность фабричной барщины была еще болѣе общимъ мѣстомъ, нежели барщины полевой. Свеклосахарные заводы, работавшіе крѣпостнымъ трудомъ, давали едва 3% чистаго дохода; тогда какъ Гакстгаузена купцы, примѣнявшіе на фабрикахъ вольный трудъ, увѣряли, что въ Россіи никто не станетъ затрачивать капитала на промышленное предпріятіе, если оно даетъ менѣе 20—25% барыша: и по отношенію къ купеческимъ фабрикамъ это была правда. Въ то время какъ въ Англіи въ 30—40 годахъ на каждаго работника выплавлялось въ годъ 312½ пуд. чугуна, у насъ на Уралѣ, гдѣ работники были крѣпостные, всего 144 пуда. Если въ сельскомъ хозяйствѣ могли быть споры относительно вольнонаемнаго труда, тутъ даже и споровъ быть не могло. Недаромъ наши фабриканты-помѣщики были первыми господами, которые ввели заработную плату для своихъ крѣпостныхъ рабочихъ, фабриканты-купцы, владѣвшіе своими фабричными на „поссессіонномъ“ правѣ [1]), поспѣшили избавиться отъ поссессіонныхъ рабочихъ при первой возможности. Эту возможность имъ доставилъ законъ 18 іюля 1840 г.,—вызванный многочисленными ходатайствами и петиціями самихъ фабрикантовъ. Въ этихъ петиціяхъ фабриканты жаловались министерству финансовъ—въ вѣдѣніи котораго они находились—что „производство на фабрикахъ работы поссессіонными людьми не только неудобно, но и наноситъ постоянно важные убытки“, что „производить работы посредствомъ поссессіонныхъ фабричныхъ, коихъ содержаніе сравнительно съ вольнонаемными обходится слишкомъ дорого“,

---

[1]) „Поссессіонные“ рабочіе были прикрѣплены къ фабрикѣ, но работали все же недаромъ, а за плату, размѣръ которой, въ виду ихъ закрѣпощенности, всецѣло опредѣлялся, разумѣется, произволомъ владѣльца.

„совершенно не выгодно“. Эта „совершенная невыгодность“ крѣпостного труда и приводила къ тому, что еще до закона 1840 года болѣе половины (54%) рабочихъ на русскихъ фабрикахъ были вольнонаемные. Но „вольнонаемный“, повторяемъ, не значитъ „вольный“: вольнонаемные были тѣ же оброчные крѣпостные крестьяне, по большей части. Въ ихъ заработной платѣ заключался оброкъ, который они должны были платить своему барину. Косвенно, фабрикантъ, такимъ образомъ, обязанъ былъ выплачивать помѣщику, подъ видомъ заработной платы рабочимъ, часть его поземельной ренты: вотъ секретъ высокихъ заработныхъ платъ первой половины XIX столѣтія. Поперекъ дороги развитію обрабатывающей промышленности стояло крѣпостное право. Его упраздненіе было необходимо въ интересахъ развитія „современнаго“ капитализма въ Россіи на мѣсто болѣе ранняго капитализма торговаго. А такъ какъ—мы это увидимъ впослѣдствіи—современный капитализмъ въ Россіи до начала XX столѣтія гораздо больше опирался на привозный, западно-европейскій, капиталъ, нежели на результаты мѣстнаго „накопленія“—туземное накопленіе до послѣдняго времени росло въ Россіи медленнѣе, нежели нашъ промышленный капитализмъ—то находитъ себѣ извѣстное оправданіе странная и, на первый взглядъ, совершенно нелѣпая легенда, циркулировавшая среди мелкихъ помѣщиковъ послѣ Севастопольской войны. Легенда эта гласила, будто секретной статьей Парижскаго мира 1856 г. Александръ II обязался, между прочимъ, дать въ Россіи свободу крестьянамъ. Само собою разумѣется, что фактически ничего подобнаго никогда не было—никакихъ секретныхъ статей этого рода парижскій трактатъ въ себѣ не содержалъ. Но онъ закрѣпилъ побѣду надъ николаевской Россіей буржуазной капиталистической Европы; тотчасъ послѣ Крымской войны начался притокъ въ Россію заграничныхъ капиталовъ—основанное въ 1857 г. „Главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ“ было созданіемъ парижскаго банкира Перейры. „Освобожденіе“ труда въ Россіи было логическимъ послѣдствіемъ этого факта—мужика нужно было открѣпить отъ барина и, хотя отчасти, отъ земли, чтобы создать „ре-

зервную армію“ пролетаріата, безъ которой не можетъ существовать капиталистическое производство. И недаромъ въ числѣ чествовавшихъ Александра II за его освободительную иниціативу, на московскомъ банкетѣ 28 декабря 1857 г., мы на первомъ мѣстѣ встрѣчаемъ виднѣйшаго тогда представителя русскаго капитализма—откупщика Кокорева.

Мы понимаемъ теперь, почему обслуживавшій интересы промышленниковъ „Журналъ Мануфактуръ и Торговли“, первое изъ офиціальныхъ изданій, началъ развивать въ 1830 годахъ идею о преимуществахъ „вольнаго“ труда передъ барщиннымъ, натверживая своимъ читателямъ мысль, что „всякая работа, въ которой принужденіе есть единственная пружина, никогда не будетъ производиться успѣшно“. И мы видимъ, гдѣ эта идея должна была встрѣтить наибольшее себѣ противодѣйствіе. Не среди владѣльцевъ барщинныхъ деревень: эти послѣдніе давно на опытѣ провѣрили эту идею. Только низкія цѣны на хлѣбъ мѣшали имъ сдѣлать послѣдній шагъ. Но по мѣрѣ роста ихъ сознательности росло и число попытокъ хозяйничать по-новому. Тутъ любопытно совпаденіе двухъ рядовъ явленій: размноженіе въ Россіи обществъ сельскаго хозяйства, съ одной стороны, случаевъ примѣненія сельскохозяйственныхъ машинъ, съ другой. Въ 1765 г. было основано Вольное экономическое общество въ Петербургѣ: и съ тѣхъ поръ до 1819 года въ собственной Россіи не возникло ни одного общества этого рода. Въ этомъ году основано Московское общество сельскаго хозяйства, въ 1828 г. южно-русское (въ Одессѣ), въ 1832 г.—ярославское, въ 1838 г.—пензенское, въ 1839 г.—казанское, въ 1847 г.—лебедянское, въ 1849 г.—калужское, въ 1858 г. смоленское и симбирское. Параллельно съ этимъ въ 1832 году возникаетъ въ Москвѣ первый въ Россіи заводъ для изготовленія сельскохозяйственныхъ машинъ—знаменитая фирма Бутенопъ; до 1860 г. ею было продано своихъ издѣлій на милліонъ слишкомъ рублей; въ концѣ 50 годовъ она выпустила первые въ Россіи локомобили—въ иллюстрированныхъ изданіяхъ тѣхъ дней можно видѣть рисунки этого удивительнаго изобрѣтенія, съ восторженными описаніями. Все это кажется очень

наивно и некрупно теперь, когда локомобили въ Россіи считаются десятками тысячъ, а десятками милліоновъ рублей годичное производство земледѣльческихъ машинъ и орудій: восемьдесятъ лѣтъ назадъ знаменательно было уже то, что мѣсто мужицкихъ мускуловъ стали занимать паръ и желѣзо. Не менѣе знаменательна была и другая перемѣна. Крѣпостное хозяйство, мы видѣли, держалось на крестьянскомъ инвентарѣ—отсюда заботы барщинныхъ помѣщиковъ о сохраненіи въ неприкосновенности крестьянскаго тягла. Къ половинѣ XIX столѣтія помѣщики находятъ выгоднымъ для себя снабжать крестьянъ своимъ инвентаремъ—въ Харьковской, напримѣръ, губерніи передъ 1861 годомъ до половины крестьянъ не имѣли своихъ воловъ и лошадей и получали ихъ отъ помѣщика. А послѣдній зато отбиралъ у крестьянина большую часть его надѣльной земли: въ Полтавской губерніи около $^2/_5$ крѣпостныхъ, въ Черниговской $^1/_3$, въ ту же эпоху, не имѣли ни десятины пахатной земли. Земля въ барщинномъ имѣніи начинаетъ цѣниться дороже, чѣмъ обрабатывавшіе ее крестьяне: такъ невысока была, въ глазахъ тогдашняго помѣщика, цѣнность крѣпостнаго работника. Любопытный образчикъ этихъ новыхъ отношеній и взглядовъ приводитъ въ своей статьѣ только что упоминавшійся нами Кокоревъ. „Я недавно купилъ въ Орловской губерніи 2.200 десятинъ земли, безъ крестьянъ, у гр. Р. за 100.000 р. сер.,—разсказывалъ онъ,—и отдалъ эту землю въ аренду за 9000 р. въ годъ, тогда какъ имѣніе съ крестьянами никогда не можетъ дать такихъ процентовъ. Въ той же губерніи мнѣ предлагаетъ кн. О. 3.500 десятинъ земли по той же расцѣнкѣ, какъ я купилъ у гр. Р., но я не могъ на это согласиться потому только, что на этой землѣ живутъ 500 крестьянъ, значитъ, и нѣтъ возможности пріобрѣсти эту землю купцу, а владѣніе подъ чужимъ именемъ никому не по нутру. Надобно вамъ сказать, что за 500 лицъ крестьянъ никакой не полагалось цѣны“. Кн. О., такимъ образомъ, весьма не прочь былъ бы просто прогнать на всѣ четыре стороны „500 лицъ крестьянъ“, обитавшихъ въ его имѣніи,—но, на его бѣду, устарѣвшее законодательство, не признававшее освобожденія безъ земли,

мѣшало ему это сдѣлать. Что ходъ мыслей кн. О. долженъ былъ быть именно такой, и что онъ отнюдь не представлялъ собою исключенія среди своихъ собратій, черноземныхъ помѣщиковъ, показываетъ одно дошедшее до насъ письмо одной помѣщицы, какъ разъ той же Орловской губерніи, о которой трактовала и статья Кокорева. „Въ Орловской губерніи земля очень цѣнна,—говорится въ этомъ письмѣ,—ибо ненаселенное имѣніе считается вдвое выгоднѣе населеннаго, а работники дешевы“; дворяне охотно согласятся „взять всю землю себѣ“. „Здѣшніе помѣщики до того ослѣплены, что не видятъ возможной опасности въ конечномъ разореніи народа... Говорятъ, что именно дорога власть сослать въ Сибирь по капризу, отдать въ солдаты, высѣчь и проч. Но сослать и отдать въ солдаты стоитъ денегъ, а безъ земли можно просто безъ расходовъ уморить съ голоду, выславъ со всею семьей изъ дому. Слѣдовательно, власть казнить остается при помѣщикахъ“.

Итакъ, тѣ помѣщики, у которыхъ крестьяне были на барщинѣ,—т.-е. тѣ, которые сами вели хозяйство въ своихъ имѣніяхъ (а къ такимъ принадлежало большинство помѣщиковъ черноземной полосы), передъ 1861 годомъ ничего не имѣли противъ освобожденія крестьянъ. Оговорку надо сдѣлать только по отношенію къ самымъ мелкопомѣстнымъ—владѣльцамъ десятковъ „душъ“, которые эксплуатировали личность своихъ крѣпостныхъ, продавая ихъ въ рекрута въ болѣе богатыя имѣнія, торгуя „на выводъ“ крестьянскими дѣвушками и т. под.: эти, конечно, потерпѣли бы убытокъ отъ упраздненія самого „крѣпостного права“, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Но соціальное значеніе этой группы было ничтожно—никакого вліянія она не имѣла и ничему помѣшать не могла. Для болѣе же крупныхъ вопросъ шелъ не о томъ, освобождать или не освобождать, а о томъ „съ землей или безъ земли?“ Около этого долженъ былъ бы разгорѣться бой, если бы въ Россіи всѣ имѣнія покрупнѣе были на барщинѣ. Если въ исторіи „освобожденія“ оказались „крѣпостники“, то потому, что въ Россіи большое количество имѣній было на оброкѣ (цифры мы приводили выше, стр. 131), и въ нечерноземной полосѣ такихъ

имѣній было большинство. На первый взглядъ это звучитъ парадоксомъ—оброчныя имѣнія представляются намъ болѣе близкими къ свободѣ, менѣе крѣпостными, чѣмъ барщинныя: недаромъ Онѣгинъ „яремъ барщины старинной оброкомъ легкимъ замѣнилъ“, чѣмъ и стяжалъ благословенія своихъ „рабовъ“. Правда, „легкій“ оброкъ существовалъ больше въ литературѣ: на практикѣ, во времена Пушкина оброкъ въ 60 рублей (ассигнаціями) съ тягла считался „еще не великимъ“—и крестьяне многоземельныхъ имѣній могли съ нимъ справиться; а это на наши деньги около 45 рублей въ годъ съ семьи, гдѣ могло быть не больше 2—3 взрослыхъ работниковъ. Только, если имѣніе было малоземельное, крестьянамъ приходилось иногда прибѣгать, для уплаты оброка, къ экстреннымъ мѣрамъ, въ родѣ воровства сосѣдняго казеннаго лѣса, а помѣщику, для взысканія—къ продажѣ крестьянскихъ коровъ и лошадей. Но за всѣмъ тѣмъ, оброчное хозяйство, чисто экономически, было ближе къ свободному крестьянскому хозяйству, нежели барщинное: и именно потому, что здѣсь крѣпостного права было гораздо больше, чѣмъ крѣпостного хозяйства, юридическую границу было труднѣе переступить. „Особенно заботитъ меня имѣніе новоторжское“, писалъ, при первыхъ слухахъ о крестьянской реформѣ, одинъ помѣщикъ нечерноземной полосы: „потому что оно оброчное и запашки (барской) въ немъ нѣтъ... земля ничего не стоитъ, и крестьяне ходятъ всѣ въ Петербургъ, слѣдовательно, платятъ оброкъ не за землю“... Что бы сталъ дѣлать помѣщикъ этого имѣнія послѣ освобожденія его крестьянъ по „черноземному“ образцу, т.-е. даромъ, но безъ земли? Завелъ бы барскую запашку на землѣ, которая „ничего не стоила“ и, очевидно, при обычномъ экстенсивномъ хозяйствѣ никакого дохода давать не могла? А чтобы завести интенсивное хозяйство, нуженъ былъ капиталъ. Передъ владѣльцами оброчныхъ имѣній оставалось два выхода: или добиваться полученія кыпитала путемъ выкупа у нихъ, казною, самихъ крѣпостныхъ—этой дорогой предполагалъ идти авторъ только что цитированнаго мною письма. Онъ проектируетъ такой расчетъ: „у помѣщика 100 душъ, каждая душа работаетъ 100 дней, итого 10.000 дней. Считая рабочій день по 20 коп.,

100 душъ даютъ 2.000 р. Крестьянамъ будетъ предоставлено право внести помѣщику капиталъ, который, считая 6%, далъ бы такой доходъ, слѣдовательно 33.000 рублей". Расчетъ, какъ видимъ, весьма „умножительный"—крестьянская душа фактически работала въ Петербургѣ, а не въ новоторжскомъ имѣніи, и, съ экономической точки зрѣнія, „выкупать" ей было рѣшительно нечего. Но безъ этого помѣщикъ оброчнаго имѣнія при реформѣ потерялъ бы все—вотъ почему расчета новоторжскаго помѣщика, съ различіями въ оттѣнкахъ, держались всѣ „либералы" нечерноземной Россіи, начиная съ шедшихъ въ авангардѣ освободительной арміи тверскихъ дворянъ. Такой же выкупъ, въ сущности, личности крестьянина, лежалъ въ основѣ и знаменитаго проекта Кавелина. Но „либералы" за деньги пытались продать крестьянамъ, по крайней мѣрѣ, настоящую свободу. Была другая группа оброчныхъ помѣщиковъ, политически несравненно болѣе вліятельная, которая рѣшала вопросъ консервативнѣе. „Знатные и богатые помѣщики", употребляя терминологію одной офиціальной записки 1859 года, желавшіе „создать у насъ поземельную аристократію, подобно англійской", разсчитывали просто напросто сохранить выгодную для нихъ экономическую комбинацію, поступившись только, въ угоду времени, юридической терминологіей. Они соглашались, чтобы крестьяне были объявлены свободными,—но требовали, чтобы они не получили, при этомъ, пахатной земли, во-первыхъ, и были прикрѣплены къ этой, не перешедшей въ ихъ собственность, землѣ, во-вторыхъ. Къ этимъ двумъ пунктамъ—обезземеленію и прикрѣпленію къ землѣ крестьянъ одновременно—сводился, въ основныхъ чертахъ, проектъ „освобожденія", выработанный въ 30-хъ годахъ Киселевымъ—и онъ же легъ въ основу знаменитаго рескрипта 20 ноября 1857 г., съ котораго офиціально началась крестьянская реформа Александра II. По этому рескрипту, въ собственность къ крестьянамъ поступали только ихъ усадьбы—надѣлы же переходили только въ ихъ пользованіе, при чемъ первая уступка дѣлалась „въ видахъ предотвращенія вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населеніи". Нѣтъ надобности говорить, что и проектъ, и рескриптъ возникли именно въ

средѣ „знатныхъ и богатыхъ помѣщиковъ“, которые засѣдали въ николаевскихъ секретныхъ комитетахъ по крестьянскому дѣлу и въ „Главномъ комитетѣ“ 1857 года. Среди нихъ были люди, лично близкіе къ Александру II и пользовавшіеся громаднымъ придворнымъ вліяніемъ; соціальной же опорой этого вліянія служилъ тотъ фактъ, что почти половина дворянскихъ земель была именно въ рукахъ такихъ владѣльцевъ. По 10-й ревизіи (1857—1859 гг.) 44% всѣхъ крѣпостныхъ принадлежали помѣщикамъ, владѣвшимъ каждый болѣе, чѣмъ 500 душъ— а сами эти помѣщики составляли всего 4% дворянъ-землевладѣльцевъ. 37% были въ собственности помѣщиковъ, имѣвшихъ отъ 100 до 500 душъ каждый—и составлявшихъ 20% всей дворянской массы. И лишь 19% принадлежали мелко-помѣстнымъ владѣльцамъ, менѣе, чѣмъ со 100 душами каждый, а эти владѣльцы давали $^3/_4$ всего числа помѣщиковъ. Мы видимъ, какъ соціально ничтожна была группа, заинтересованная въ сохраненіи неприкосновеннымъ крѣпостного права: но и средніе помѣщики располагали немного болѣе, чѣмъ третью всей дворянской собственности. Большинство этой послѣдней, если не абсолютное, то относительное, принадлежало „знатнымъ и богатымъ“: экономически совершенно естественно, что крестьянская реформа приняла такой видъ, какой былъ нуженъ имъ—остальныя группы должны были удовлетвориться уступками, но цѣликомъ того, что имъ было нужно, не получили. Главною изъ этихъ уступокъ была нарѣзка крестьянамъ земли въ собственность—мѣра, въ нечерноземной полосѣ Россіи безусловно необходимая для помѣщиковъ всѣхъ разрядовъ: „знатные и богатые“ возставали здѣсь противъ нея исключительно по своему экономическому невѣжеству. По словамъ же одного изъ лучшихъ знатоковъ вопроса въ то время, Кошелева, освобожденіе по проекту знати „разорило бы въ край половину помѣщиковъ, т.-е. почти всѣхъ, имѣющихъ свои земли въ промышленныхъ губерніяхъ, ибо крестьяне, лишенные своей вѣковой осѣдлости, ушли бы въ страны болѣе хлѣбородныя“. Помѣщики, собиравшіеся переходить къ интенсивному хозяйству, потеряли бы при этомъ своихъ батраковъ: но и тѣ крупные землевладѣльцы, которые сами

хозяйничать не собирались, а искали въ „освобожденныхъ“ крестьянахъ прочныхъ и невольныхъ (именно потому и прочныхъ, что невольныхъ) арендаторовъ, также лишились бы всѣхъ своихъ доходовъ. Дальнѣйшей уступкой въ пользу средняго землевладѣнія нечерноземной полосы (уступкой, само собою разумѣется, нисколько не задѣвавшей интересовъ „знатныхъ и богатыхъ помѣщиковъ“) была преувеличенная, почти двойная оцѣнка тѣхъ земель, которыя отошли къ крестьянамъ—т.-е. тѣхъ надѣловъ, какими владѣли крестьяне при крѣпостномъ правѣ. Рыночная стоимость всѣхъ этихъ надѣловъ составляла въ 60 годахъ 180 милліоновъ рублей, а получили за нихъ помѣщики 342 милліона. Въ ихъ рукахъ оказался, такимъ образомъ, капиталъ въ 162 милліона рублей на переходъ къ интенсивному хозяйству. Обыкновенно эта цифра цитируется, какъ образчикъ жадности помѣщиковъ—и, само собою разумѣется, объ ихъ безкорыстіи она не свидѣтельствуетъ. Но благодаря тому, что реформу вели не помѣщики-хозяева, а группа, не заинтересованная въ полученіи капитала на хозяйство, съ крестьянъ взяли меньше, чѣмъ предполагалось прожектерами этого лагеря. Мы сейчасъ видѣли, что крестьянская земля была оцѣнена почти вдвое выше ея дѣйствительной стоимости: другими словами, въ каждомъ рублѣ выкупной платы только 50% шли, собственно, за землю—остальнымъ крестьянинъ выкупалъ свою „душу“. Но по расчету Кавелина крестьянская „душа“ въ нечерноземной полосѣ стоила втрое дороже крестьянской земли: если бы установить выкупные платежи по этому расчету, крестьянину пришлось бы платить 25% за землю и 75% за „душу“, т.-е. заплатить помѣщикамъ не 342, а около 700 милліоновъ рублей. Что кавелинскія вычисленія не съ неба упали, а были взяты изъ практики, показываютъ расцѣнки крестьянскаго надѣла, проводившіяся „губернскими комитетами“ нечерноземныхъ губерній во время крестьянской реформы. Комитеты эти, состоявшіе, какъ извѣстно, исключительно изъ дворянъ, въ большинствѣ выбранныхъ мѣстными помѣщиками, а въ меньшинствѣ назначенныхъ правительствомъ, цѣнили крестьянскую землю гораздо дороже, чѣмъ „редакціонныя комиссіи“, составлявшіяся изъ чиновниковъ и дво-

янъ, назначенныхъ правительствомъ. Ярославскій, напри-
тѣръ, комитетъ, оцѣнивалъ крестьянскіе надѣлы своей
уберніи, смотря по мѣстности, отъ 166 до 270 рублей, а
омиссіи не считали возможнымъ назначить больше 75—
66 рублей. Между тѣмъ, и комиссіи цѣнили не самую
емлю, по ея рыночной стоимости, а выводили стоимость
рестьянскаго надѣла изъ платимаго крестьянами оброка,
апитализируя его изъ 6%—т.-е. помножая на $16^2/_3$. Но мы
наемъ, что оброкъ въ нечерноземной Россіи крестьяне пла-
или не за землю—оброкъ былъ выше дохода съ земли. По-
ѣщики желали, однако же, получить слишкомъ вдвое
ыше даже этой повышенной оцѣнки. Только тогда, по ихъ
асчету, у нихъ оказался бы въ рукахъ капиталъ, доста-
очный для перехода къ интенсивному хозяйству. Но „знат-
ые и богатые“ ихъ собратья не думали ни о какомъ интен-
ивномъ хозяйствѣ—они цѣнили въ освобождаемомъ кре-
тьянинѣ будущій источникъ земельной ренты, будущаго
рендатора барской земли, и не видѣли никакой выгоды
ля себя въ томъ, чтобы разорить этого будущаго „фермера“
окончательно. Экономическая отсталость тѣхъ, что стояли во
лавѣ крестьянской реформы, оказалась на руку крестья-
амъ. Владѣльцы большихъ оброчныхъ имѣній лучше знали
изнь двора и петербургскихъ канцелярій, нежели деревен-
ое хозяйство. Имъ казалось, что они оберегли интересы
омѣщика какъ не надо лучше, и что слышавшіеся изъ
еревни вопли средняго землевладѣльца свидѣтельствуютъ
олько о строптивости этого послѣдняго. На самомъ же дѣлѣ,
омимо своего сознанія и вѣдома, они помѣшали ему про-
ести реформу такъ, какъ это было нужно помѣщикамъ, и
тавили мужику больше, нежели этого требовали дворянскіе
нтересы.

Если, такимъ образомъ, даже двѣ группы оброчныхъ помѣ-
иковъ не могли столковаться между собою, еще глубже
олжно было оказаться противорѣчіе между „знатными и бо-
тыми“ владѣльцевъ оброчныхъ имѣній и владѣльцами
рщинныхъ имѣній черноземной полосы. На поверхностный
глядъ можетъ показаться, что обѣ группы стремились къ
ному и тому же: къ обезземеленію своихъ крестьянъ. Но
о было бы недоразумѣніе: обезземеленіе каждая изъ нихъ

понимала по-своему. Барщинному помѣщику нуженъ былъ безземельный батракъ, который бы не имѣлъ своего хозяйства и экономически вынужденъ былъ наниматься работать въ барской экономіи: сельскій пролетарій, однимъ словомъ. Лэндлорду англійскаго типа, привыкшему жить оброкомъ со своихъ крѣпостныхъ, такой пролетарій былъ совершенно не нуженъ, а по воспоминаніямъ о нѣкоторыхъ событіяхъ въ Западной Европѣ (1848 годъ былъ въ свѣжей памяти) онъ былъ ему страшенъ. Онъ не желалъ дать крестьянину земли въ собственность, чтобы тотъ вынужденъ былъ арендовать барскую землю. Но, чтобы арендовать эту послѣднюю, крестьянинъ непремѣнно долженъ былъ сохранить свое хозяйство—свой инвентарь и, хотя небольшой, клочокъ земли—ибо нельзя же было представить себѣ сельскаго хозяина съ инвентаремъ, висящаго въ воздухѣ. Вотъ отчего первоначальные руководители крестьянской реформы и соглашались оставить крестьянину даже весь его прежній надѣлъ, но не на правахъ собственности, а лишь „въ пользованіе", т.-е. за тотъ же оброкъ, но увѣковѣченный подъ именемъ „установленныхъ закономъ повинностей". Когда выяснилось, что, во имя интересовъ самихъ же дворянъ нечерноземной полосы, надо поступиться принципомъ дворянской „собственности" (крестьяне сами всегда считали свои надѣлы своей, крестьянской, собственностью—такъ что противоположная точка зрѣнія составляла, именно, дворянскую особенность), надѣлъ согласились „уступить" крестьянамъ и совсѣмъ, а не только „въ пользованіе". При этомъ его сильно обрѣзали, правда, отнявъ у крестьянъ отъ 20 до 40% ихъ земли, по разнымъ черноземнымъ губерніямъ различно (максимумъ въ Самарской—44%, минимумъ въ Курской—22%), и оцѣнили на 20% дороже его дѣйствительной стоимости (по рыночнымъ цѣнамъ земля стоила 284 милліна руб., а заплатили за нее крестьяне 342 милліона), и черноземный крестьянинъ все же сохранилъ свой надѣлъ и свое хозяйство. Того, что было нужно черноземному помѣщику, безземельнаго батрака, онъ не получилъ—и опять-таки крестьянина спасла экономическая отсталость тѣхъ, кто велъ реформу: „знатнымъ и богатымъ помѣщикамъ былъ нуженъ арендаторъ, а не батракъ.

Не можетъ быть сомнѣнія, что въ крестьянофильской по-
литикѣ придворныхъ и высшихъ бюрократическихъ круговъ
извѣстную роль игралъ прямой политическій расчетъ. Опа-
сенія крестьянской революціи настойчивѣе всего слышались
изъ этихъ круговъ. Съ другой стороны, либерализмъ пере-
довыхъ помѣщиковъ—либерализмъ, отлично сочетавшійся
съ крайней жадностью по отношенію къ крестьянской землѣ
и къ крестьянскому грошу—долженъ былъ возбудить про-
тивъ нихъ вражду тѣхъ, кто составлялъ правительство, т.-е.
именно „знатныхъ и богатыхъ". Во внѣшней исторіи кре-
стьянской реформы конфликтъ на этой почвѣ играетъ очень
видную роль—не учитывая его, нельзя понять многихъ
шаговъ правительства. Но уже въ основѣ этого конфликта
лежала не политическая случайность, а глубокая экономи-
ческая логика. Прогрессивный помѣщикъ, надѣявшійся вести
хозяйство на буржуазныхъ началахъ, былъ и политически
ближе къ буржуазіи, нежели къ старому, феодальному дво-
янству: недаромъ изъ рядовъ этихъ прогрессивныхъ помѣ-
щиковъ раздались первыя требованія безсословнаго суда, без-
сословнаго земства, а позже, въ отдѣльныхъ случаяхъ, даже и
требованіе отмѣны дворянскихъ привилегій. При консерва-
тивности русской промышленной буржуазіи до начала XX
столѣтія (причины этой консервативности мы сейчасъ уви-
димъ) либеральный помѣщикъ, „лѣвый земецъ", сдѣлался у
насъ даже типомъ буржуазной оппозиціи вообще. Но и не-
зависимо отъ этого конфликта, поведеніе владѣльцевъ боль-
шихъ оброчныхъ имѣній не могло быть инымъ—тутъ была
экономическая логика еще болѣе глубокая. Они стремились
сохранить какъ можно больше изъ крѣпостного хозяйства,
пожертвовать какъ можно меньшимъ. Но крѣпостное хозяй-
ство помѣщика держалось на крестьянскомъ тяглѣ—на са-
мостоятельномъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Кто хотѣлъ вообще
спасти старину, долженъ былъ спасать и тягло, и всячески
предотвращать образованіе сельскаго пролетаріата. Руково-
дители крестьянской реформы, творившіе волю правитель-
ства, это самое и дѣлали. И, чтобы не оставалось сомнѣнія,
что они руководятся не интересами крестьянина, какъ мел-
каго земельнаго собственника, а именно экономическимъ
консерватизмомъ, вмѣстѣ съ тягломъ они спасли и пере-

несли въ по-реформенную Россію другое учрежденіе, нѣкогда спеціально созданное для обезпеченія того же крѣпостного хозяйства: поземельную общину. Какія бы чаянія и ожиданія ни связывала съ этимъ учрежденіемъ тогдашняя радикальная интеллигенція, сами дѣятели крестьянской реформы смотрѣли на него со строго „исторической“ точки зрѣнія. „Общинное устройство теперь, въ настоящую минуту, для Россіи необходимо“, писалъ Александру II генералъ Ростовцевъ, предсѣдатель редакціонныхъ комиссій, „народу нужна еще сильная власть, которая замѣнила бы власть помѣщика. Безъ міра помѣщикъ не собралъ бы своихъ доходовъ, ни оброкомъ, ни трудомъ, а правительство своихъ податей и повинностей“. Тутъ была та же логика, что и въ сохраненіи въ деревнѣ другого устоя крѣпостного хозяйства — тѣлесныхъ наказаній. Все должно было остаться, по возможности, по старому—перемѣны не должны были выходить изъ области словъ или въ крайнемъ случаѣ, писаной бумаги. Это не былъ лозунгъ всего дворянства, какъ часто думали: передовое дворянство готово было идти навстрѣчу буржуазнымъ отношеніямъ гораздо радикальнѣе, чѣмъ это случилось. Но это былъ лозунгъ руководящей группы, отъ которой зависѣлъ „ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса“.

Для „знатныхъ и богатыхъ“ результатъ реформы получился именно тотъ, какой былъ имъ нуженъ. Крупнѣйшее землевладѣніе и послѣ 19 февраля 1861 г. осталось господствующимъ, какъ оно было до него. По статистикѣ 70-хъ годовъ 10% помѣщиковъ, владѣвшихъ каждый болѣе, чѣм 1.000 десятинъ земли, принадлежало $^3/_4$ всей дворянской земельной собственности, при чемъ $^3/_5$ этой крупной собственности было въ рукахъ крупнѣйшихъ владѣльцевъ, имѣвшихъ болѣе 5.000 десятинъ на каждаго. Наоборотъ, тремъ четвертямъ всей дворянской массы принадлежало всего 14% общаго количества дворянской земли. Гибли и разорялись именно мелкопомѣстные—крупныя имѣнія, за индивидуальными исключеніями, благополучно дожили до 1905 года. Арендныя цѣны росли, какъ и предсказывалъ въ свое время Кокоревъ, и съ начала 60-хъ до начала 80-хъ годовъ поднялись въ $2^1/_2$—$3^1/_2$ раза, мѣстами даже и г

раздо больше, въ 8—10 разъ. „Арендаторъ“ оказывался гораздо выгоднѣе „оброчнаго мужика“—и хлопотъ съ нимъ было меньше. Сохраненіе крестьянскаго тягла оказалось очень мудрой мѣрой,—освобожденный отъ обработки барской земли крестьянинъ могъ лучше заняться своей землей, и урожайность крестьянской пашни, какъ надѣльной, такъ и арендованной, повысилась: по семи черноземнымъ губерніямъ средняя урожайность въ эпоху реформы была 3,8, а въ 70-хъ годахъ—4,7. На душу населенія въ эпоху реформы приходилось 3,32 четверти чистаго сбора, а въ 1870—79 гг.—3,88 четв. Зато надежда тѣхъ среднихъ помѣщиковъ, которые мечтали объ интенсивномъ хозяйствѣ, развѣялась, какъ дымъ, особенно въ нечерноземной полосѣ. Уцѣлѣвшее крестьянское хозяйство оказалось грознымъ конкурентомъ помѣщичьяго—и конкуренція эта давала себя чувствовать самыми различными и подчасъ неожиданными способами. Расчетъ на дешевыя рабочія руки оказался миѳическимъ—руки въ деревнѣ были дешевы, когда былъ неурожай, т.-е. когда и на барской пашнѣ дѣлать было нечего: при хорошемъ урожаѣ крестьянамъ было достаточно работы на своихъ надѣлахъ, и они „ломили“ цѣну, отъ которой баринъ приходилъ въ ужасъ. Оборотнаго капитала было мало—полученныя за крестьянскіе надѣлы выкупныя свидѣтельства были проѣдены въ переходный періодъ, въ то же время „знатные и богатые“ не позаботились организовать дешеваго казеннаго кредита для своихъ среднеземельныхъ собратій—даже существовавшія въ крѣпостное время кредитныя учрежденія были закрыты; частный же кредитъ, при огромномъ спросѣ на капиталы для постройки желѣзныхъ дорогъ, былъ непомѣрно дорогъ (не менѣе 7% годовыхъ номинально—фактически еще болѣе). Наконецъ, самое проведеніе желѣзныхъ дорогъ, мѣра, о которой прогрессивные помѣщики и ихъ представители въ литературѣ хлопотали уже съ конца 30-хъ годовъ, дало совершенно неожиданные результаты. Ближайшая цѣль—оживленіе сношеній съ европейскимъ рынкомъ и поднятіе хлѣбныхъ цѣнъ—была, правда, этимъ достигнута: вывозъ хлѣба съ 8.780.000 четвертей въ концѣ 50-хъ годовъ поднялся до 18.154.000 четвертей въ концѣ 60-хъ; четверть пшеницы под-

нялась съ 5—6 руб. до 8, четверть ржи съ 2 руб. 50 коп. или 3 руб. до 4—5. Но отъ этого выиграли не тѣ губерніи и не тѣ слои населенія, которые возлагали на желѣзныя дороги такія большія надежды. Съ проведеніемъ юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ, главнымъ образомъ, линіи Орелъ—Царицынъ (1870 годъ), за границу хлынулъ поволжскій хлѣбъ. Ранѣе отсюда вывозились, въ виду дороговизны транспорта, только самые цѣнные сорта хлѣба—пшеница-бѣлотурка, напримѣръ, теперь пошла и русская пшеница, и даже рожь. Въ результатѣ, въ то время, какъ въ Саратовѣ хлѣбныя цѣны поднялись на 100%, въ Орлѣ онѣ поднялись только на 66%, а въ Рыбинскѣ даже только на 50. Между тѣмъ, въ нижнемъ Поволжьѣ земля продолжала еще давать урожаи при очень экстенсивномъ хозяйствѣ, безъ большихъ предварительныхъ затратъ,—тогда какъ въ нечерноземной полосѣ экстенсивное хозяйство уже не давало урожаевъ: конкуренція была немыслима. И въ довершеніе своихъ бѣдъ, какъ разъ отъ проведенія желѣзныхъ дорогъ, помѣщикъ центральной Россіи потерялъ главное свое преимущество, всей выгодности котораго онъ и не сознавалъ при крѣпостномъ правѣ: монополію сбыта хлѣба на рынкѣ. Только располагая сотнями даровыхъ крестьянскихъ подводъ, можно было доставить хлѣбъ туда, гдѣ стояли выгодныя цѣны—на одинъ изъ главныхъ рынковъ. Теперь, гдѣ была желѣзнодорожная станція, тамъ былъ и рынокъ; изъ любого захолустья хлѣбъ шелъ безъ перегрузки въ Ригу или Одессу. Вмѣстѣ съ желѣзною дорогой появились рои мелкихъ агентовъ, которые покупали хлѣбъ у кого угодно—у помѣщика, у крестьянина, у мелкаго мѣстнаго скупщика. Прежде мужикъ долженъ былъ терпѣливо дожидаться, пока продастъ свой хлѣбъ баринъ, да еще возить барскій хлѣбъ въ городъ на своей лошади—теперь баринъ долженъ былъ равняться подъ „мужицкія“ цѣны. Но мужикъ, не знавшій наемнаго труда и интенсифицировавшій свое хозяйство при помощи своихъ мускуловъ—которые онъ, въ простотѣ души, считалъ даровыми—всегда могъ продавать хлѣбъ дешевле помѣщика. Въ результатѣ всего этого помѣщичье хозяйство средней Россіи послѣ крестьянской реформы стало чуть ли не болѣе

еще экстенсивнымъ, чѣмъ было ранѣе. „Почти всѣ владѣльцы нашего околотка оставались, какъ и крестьяне, при прежнихъ сельскохозяйственныхъ порядкахъ, которые были еще пригодны, пока пашни дѣлали хорошіе урожаи безъ удобренія, и существовалъ крѣпостной трудъ, но которые съ истощеніемъ почвы и при вольнонаемномъ трудѣ ведутъ къ неизбѣжному разоренію“,—писалъ Кавелинъ о Тульской губерніи начала 70-хъ годовъ. „Мѣсто прежняго расчета, и, если хотите, своего рода теоріи, заступила рутина, въ которой никто не отдаетъ себѣ отчета, которой слѣдуютъ только по привычкѣ“. „Послѣ Положенія (19 февраля) прошло уже 12 лѣтъ,—писалъ въ то же время о Смоленской губерніи Энгельгардтъ,—но система хозяйства осталась у большинства все та же. Сѣютъ по-старому рожь, на которую нѣтъ цѣнъ и которую никто не покупаетъ, чуть у крестьянъ порядочный урожай, овесъ, который у насъ родится очень плохо; обрабатываютъ поля по-старому, нанимая крестьянъ съ ихъ лошадьми и орудіями; косятъ также плохіе лужки, скотъ держатъ, какъ говорится, для навоза, кормятъ плохо и считаютъ скотъ хорошо выдержаннымъ, если коровъ по веснѣ не приходится подымать“. Оба автора даютъ явленію субъективное объясненіе, т.-е. объясняютъ дѣло лѣностью, инертностью, непредусмотрительностью помѣщиковъ, которые не хотятъ „стряхнуть“ съ себя крѣпостническихъ привычекъ. На самомъ дѣлѣ, явленіе было объективно необходимо: крупное земледѣльческое хозяйство могло держаться въ средней Россіи только при томъ искусственномъ подчиненіи ему мелкаго, которое и называлось крѣпостнымъ правомъ. Какъ только оба хозяйства, мелкое и крупное, стали въ одинаковыя условія конкуренціи, мелкое при данной обстановкѣ должно было взять верхъ. Оставалось поступить наоборотъ: поставить крупное хозяйство въ зависимость отъ мелкаго, т.-е. отдавать барскую пашню въ аренду крестьянамъ. Большинство помѣщиковъ такъ и дѣлало и, пока на хлѣбномъ рынкѣ держались „твердыя“ цѣны, кое-какъ выпутывалось изъ затрудненій. Настоящій кризисъ начался лишь тогда, когда цѣны на международномъ хлѣбномъ

рынкѣ упали[1]): тогда уже никакимъ путемъ, даже посредствомъ отдачи въ аренду, нельзя было извлекать дохода изъ своихъ земель, и понадобились мѣры политическія, извѣстныя подъ именемъ „контръ-реформъ“ Александра III. Но прежде чѣмъ перейти къ нимъ, надо посмотрѣть, какіе результаты дало паденіе крѣпостного права для развитія современнаго капитализма внѣ области аграрныхъ отношеній.

Пролетаризованный работникъ нуженъ былъ не только владѣльцамъ черноземныхъ имѣній: онъ нуженъ былъ также и фабриканту. Задержавъ пролетаризацію крестьянства, „знатные и богатые“ помѣщики разрушили надежды не только своихъ среднеземельныхъ собратій, но и промышленной буржуазіи. Подъ первымъ впечатлѣніемъ реформы 19 февраля русская обрабатывающая промышленность не только не пошла впередъ гигантскими шагами, но едва ли не попятилась назадъ. Количество выплавленнаго въ Россіи чугуна съ 1860 по 1867 годъ упало съ $20^1/_2$ милліоновъ пудовъ до $17^1/_2$ милліоновъ; количество обработаннаго на русскихъ фабрикахъ хлопка застыло за этотъ же періодъ времени почти на одной цифрѣ—около 3 милл. пудовъ. Въ самую первую минуту даже расчетъ на пониженіе заработной платы казался лопнувшимъ. Получивъ земельные надѣлы, въ нечерноземной полосѣ довольно порядочные по размѣрамъ, всѣ тѣ оброчные крестьяне, которыхъ загнала на фабрики барская воля (мы помнимъ, какъ заботились помѣщики о развитіи отхожихъ промысловъ), а не ихъ собственный интересъ, поспѣшили оттуда уйти. Фабрикантамъ, чтобы удержать остальныхъ, пришлось повысить заработную плату—и если послѣ этого она опять скоро начала прогрессивно падать, то не столько въ связи съ тѣми или другими результатами крестьянской реформы, сколько благодаря введенію машинъ, гнав

---

[1]) Цѣна гектолитра пшеницы во франкахъ:

Годы.	Франція.	Англія.	Пруссія.	Италія.	Соед. Штаты.
1862— 71	20,67	21,96	22,98	21,03	20,17
1891—900	16,80	12,11	15,48	17,88	8,97

шихъ внизъ заработную плату и до 19 февраля [1]). Въ то же время, сохранивъ въ деревнѣ до-буржуазныя отношенія, главнымъ образомъ, общину съ ея круговой порукой, реформа не оправдала надеждъ и на расширеніе внутренняго рынка. До 19-го февраля этотъ послѣдній туго развивался, между прочимъ, и потому, что крестьянство барщинныхъ имѣній, почти не видя денегъ (гдѣ бы оно ихъ заработало?), поневолѣ жило въ условіяхъ полу-натуральнаго хозяйства—старалось ничего почти не покупать, удовлетворяя свои, искусственно пониженныя до минимума, потребности, своими, домашними, средствами. Фабрика обслуживала городскую Россію и оброчное крестьянство, жившее отхожими промыслами. Послѣ 19-го февраля въ этомъ отношеніи дѣло мало измѣнилось. Черноземный крестьянинъ на своемъ „кошачьемъ" надѣлѣ попрежнему сводилъ свои потребности къ минимуму и не оставлялъ пріобрѣтенной въ крѣпостное время привычки покупать какъ можно меньше. Съ этой точки зрѣнія, любопытно сравнить бюджеты крестьянъ Воронежской губерніи—типичной черноземной—80-хъ годовъ прошлаго столѣтія: въ то время какъ у крестьянъ-„собственниковъ", т.-е. получившихъ надѣлы, денежная часть составляла менѣе половины бюджета, у крестьянъ-„дарственниковъ", фактически-пролетаризованныхъ [2]), деньгами покрывалось три четверти бюджета; лишь четверть того, что они потребляли, они извлекали изъ собственнаго хозяйства. Мы видимъ, какія преграды развитію денежнаго хозяйства въ деревнѣ ставило пресловутое „освобожденіе крестьянъ съ землей", которымъ такъ хвастались творцы реформы 19-го февраля и ихъ поклонники: т.-е., въ

---

[1]) Мѣсячная заработная плата въ селѣ Ивановѣ:

	Около 1850 года.	Около 1860 года.
набойщика	6—12 р.	5—8 р.
механическаго ткача .	12—16 р.	10—13 р.
ткача ручного	3 р. 50 к.—4 р.	3 р.—3 р. 50 к.

[2]) Въ видѣ „поправки" къ реформѣ помѣщикамъ было предоставлено право ликвидировать свои отношенія къ крестьянамъ, уступивъ имъ даромъ $^1/_4$ надѣла, безъ выкупа—т.-е. фактически ихъ обезземеливъ.

дѣйствительности, сохраненіе крестьянскаго тягла, ибо земли-то какъ разъ крестьянамъ было дано въ обрѣзъ.

Совершенно естественно, что въ первыя десятилѣтія послѣ реформы промышленный капиталъ въ Россіи росъ довольно медленно. Изъ общей суммы капиталовъ акціонерныхъ предпріятій, возникшихъ въ Россіи между 1861 и 1873 гг., всего 1.115. 600.000 руб., только 128,9 милл. р. было вложено въ различныя промышленныя предпріятія (въ томъ числѣ на прядильныя и ткацкія фабрики приходилось только 6 милліоновъ), тогда какъ въ банки и кредитныя учрежденія было вложено 226,9 милл. р., а въ постройку желѣзныхъ дорогъ 698,5 милл. р. Мы видимъ, кто больше всего выигралъ отъ реформы: давній и вѣрный союзникъ крупнаго феодальнаго землевладѣнія, торговый капиталъ. Ибо созданіе сѣти желѣзныхъ дорогъ, крупнѣйшее капиталистическое предпріятіе по-реформенной Россіи, въ первую голову служило интересамъ именно торговаго капитала. Этимъ интересамъ отвѣчалъ, прежде всего, планъ сѣти, какъ онъ возникъ еще въ концѣ 50-хъ годовъ: по этому плану „непрерывнымъ черезъ 26 губерній желѣзнымъ путемъ“ должны были соединиться „три столицы (Петербургъ, Москва и Варшава), главныя судоходныя рѣки наши, сосредоточіе хлѣбныхъ нашихъ избытковъ, и два порта на Черномъ и Балтійскомъ моряхъ, почти весь годъ доступные (Либава и Ѳеодосія): облегчится симъ образомъ вывозъ заграничный, обезпечится привозъ и продовольствіе внутреннее“. Отъ этого плана были потомъ частичныя уклоненія, но основная его идея—соединеніе хлѣбородныхъ губерній съ вывозными портами—проводилась неуклонно. Хлѣбные грузы составили главную категорію русскихъ желѣзнодорожныхъ грузовъ, и % ихъ все росъ: въ 1870 году они составили 27,5% всей массы товаровъ малой скорости, а въ 1876 г. уже 42%. На отдѣльныхъ дорогахъ хлѣбъ достигалъ 73 и даже 88% всѣхъ грузовъ. Въ то же время облегченіе „хлѣбныхъ нашихъ избытковъ“, путемъ выбрасыванія все большихъ и большихъ массъ хлѣба за границу, производилось съ такою же неуклонной правильностью. Понятіе объ этомъ можетъ дать слѣдующая табличка, гдѣ сопоставлены: ростъ желѣзнодо-

рожной сѣти, ростъ нашего хлѣбнаго вывоза и % отношеніе этого вывоза къ чистому сбору хлѣбовъ.

Годы.	Длина желѣзн. дор.	Вывозъ (тыс. четв.)	% отнош. къ сбору.
1871— 5	10.202 вер.	22.483	12,2
1876—80	17.626 —	32.185	18,0
1881— 5	21.155 —	33.441	17,0
1887—90	24.229 —	46.585	22,0
1891— 6	27.093 —	50.345	22,0

Такъ какъ населеніе все это время росло (по послѣдней, 10-й, ревизіи до-реформенной эпохи въ Россіи считалось 74 милліона жителей, а по переписи 1897 года оказалось 130 милліоновъ), то, несмотря на ростъ производства хлѣба (со 184 милл. четвертей въ пятилѣтіе 1871—75 гг. до 288 мил. четв. за пятилѣтіе 1890—95 гг.), остатка на душу населенія за вывозомъ получалось все меньше и меньше: въ 1870 году этотъ остатокъ былъ 2,4 четверти, а въ 1895 менѣе 2 четвертей (1,99). При этомъ пудъ пшеницы въ началѣ этого періода стоилъ 1 р. 44 коп., а въ концѣ только 74; пудъ ржи упалъ съ 78 коп. до 54. Основная задача крѣпостного хозяйства—доставка на рынокъ все большаго и большаго количества все болѣе и болѣе дешеваго хлѣба вполнѣ удовлетворительно разрѣшалась, такимъ образомъ, и послѣ реформы, какъ до нея. Только работа выжиманія изъ крестьянина прибавочнаго продукта, ранѣе выполнявшаяся индивидуально каждымъ отдѣльнымъ помѣщикомъ, теперь была централизована: мѣсто помѣщичьихъ оброка и барщины заняли теперь правительственныя подати. По извѣстнымъ вычисленіямъ проф. Янсона, въ 70-хъ годахъ, прямые налоги всякихъ наименованій составляли отъ 120 до 200% чистаго дохода съ крестьянскаго надѣла въ черноземной полосѣ, и отъ 200 до 270% въ нечерноземной. Крестьянинъ вынужденъ былъ для покрытія податей продавать свой хлѣбъ, едва онъ поспѣлъ, какъ можно скорѣе и не стѣсняясь цѣной: отсюда общеизвѣстный фактъ, что осеннія цѣны на хлѣбъ въ Россіи, тотчасъ послѣ урожая, всегда ниже весеннихъ: въ среднемъ (по даннымъ за 1888—1900 года) на 10%, но иногда и гораздо болѣе.

Но такъ какъ теперь, послѣ 19 февраля, крестьянинъ былъ

юридически свободенъ, то эффектъ дѣйствія податного пресса былъ нѣсколько иной, чѣмъ пресса барщинно-оброчнаго. Этотъ послѣдній разорялъ крестьянство, опуская его жизненный уровень до минимума въ барщинныхъ имѣніяхъ, часто и ниже минимума въ оброчныхъ: но, какъ общее правило, онъ не лишалъ крестьянина его хозяйственной самостоятельности—на тяглѣ держалась вся система, съ исчезновеніемъ тягла исчезла бы и она. Реформа сохранила тягло, но теперь на мѣстахъ некому было о немъ заботиться. Администрація, взыскивавшая подати, зависѣла не отъ положенія крестьянъ на мѣстѣ, какъ зависѣлъ отъ него помѣщикъ въ своемъ бюджетѣ, а отъ петербургскихъ настроеній: помѣщику важно было свести концы съ концами, а чиновнику важно было угодить начальству. Находились же администраторы, которые на уплату податей продавали не только крестьянскій скотъ, но и крестьянскія постройки. То, чего такъ старалось избѣгнуть правительство императора Александра II въ 1861 году, пролетаризація крестьянства, подъ вліяніемъ податной политики этого самаго правительства, шла медленно, но неуклонно, и притомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе. За промежутокъ съ 1888 по 1893 годъ въ девяти центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ число лошадей, главнаго рабочаго скота, у крестьянъ упало на 931 тысячу, при общемъ числѣ, въ началѣ періода, въ 4 съ небольшимъ милліона: т.-е. уменьшилось почти на 25%. А число лошадныхъ дворовъ, т.-е. дворовъ, способныхъ къ самостоятельному хозяйству, „тяголъ“ въ старомъ, крѣпостномъ, смыслѣ, упало на 116,8 тысячъ изъ неполныхъ $2^1/_2$ милліоновъ—на 4,5%. Фактическій ростъ пролетаріата былъ, конечно, гораздо сильнѣе, чѣмъ можно подумать, имѣя въ виду только эти цифры. Во-первыхъ, пролетаризація имѣло мѣсто не только въ земледѣльческой полосѣ, но и въ центральныхъ промышленныхъ губерніяхъ: хотя, характернымъ образомъ, пролетаризація этого рода, увеличеніе числа безлошадныхъ дворовъ, слабѣе выражена въ промышленномъ районѣ, чѣмъ въ земледѣльческомъ. Въ первомъ населеніе менѣе зависѣло отъ хлѣбнаго рынка. А во-вторыхъ, значительная доля населенія на черноземѣ фактически была обезземелена, какъ мы знаемъ, еще во

время реформы, благодаря „дарственному“ надѣлу. Если причислить къ „дарственникамъ“ всѣхъ, получившихъ „низшіе“ надѣлы, доходъ съ которыхъ, по Янсону, былъ втрое ниже казенныхъ податей, то процентъ пролетаризованныхъ на черноземѣ въ 1861 году поднимется до 20—25% всего крѣпостного населенія. Этого было мало, чтобы снабдить батраками всѣ имѣнія, до 19 февраля состоявшія на барщинѣ, но, само по себѣ безотносительно, это была крупная цифра. Изслѣдователи конца XIX вѣка опредѣляли, приблизительно, количество пролетаріевъ въ Россіи цифрою 10 милліоновъ; перепись 1897 года насчитала 9.156.080 человѣкъ, живущихъ наемнымъ трудомъ,—блестяще подтвердивъ такимъ образомъ гадательный расчетъ изслѣдователей-марксистовъ. Около половины этого количества, милліоновъ, приходилось на сельскій пролетаріатъ. Но другая половина должна была находить приложеніе своему труду въ промышленности. Промышленный капиталъ не могъ бы теперь пожаловаться на недостатокъ рабочихъ рукъ. Но накопившейся, вопреки всѣмъ предвидѣніямъ и мѣрамъ предосторожности, резервною арміей труда воспользовался не столько русскій капиталъ, сколько капиталъ заграничный. Завоеваніе Россіи европейскимъ (главнымъ образомъ, французско-бельгійскимъ) капиталомъ составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ моментовъ въ исторіи развитія „современнаго“ капитализма въ Россіи: безъ него не было бы той русской промышленности, которую мы, видимъ сейчасъ. Дѣло въ томъ, что какъ разъ въ то время, когда сталъ расти понемногу русскій пролетаріатъ и расширяться, благодаря, отчасти, именно пролетаризаціи крестьянства, внутренній рынокъ, русское туземное накопленіе, наоборотъ, пошло медленнѣе. Такъ какъ единственнымъ товаромъ, который сбывала Россія, былъ хлѣбъ, то накопленіе капитала въ Россіи тѣсно связано съ хлѣбными цѣнами: а онѣ къ концу XIX столѣтія, какъ мы видѣли, стали рѣзко падать. Только когда, въ самыхъ послѣднихъ лѣтъ этого вѣка, цѣны на хлѣбъ начали вновь „крѣпнуть“, стало расти и наше туземное накопленіе:

Годы.	Накопленіе туземн. капитала (милліоны рублей).	Цѣнность русск. вывоза (тоже).	Цѣна ржи на берлинск. рынкѣ (въ маркахъ за тонну).
1893— 96	103,7	661,4	122,5
1897—900	111,8	700,5	141,2
1901—904	209,4	907,4	138,0
1905—908	339,1	1055,2	173,0

Но довольно долго туземное накопленіе не могло догнать притока иностраннаго капитала въ Россію:

Годы.	Капиталъ туземный (милл. рублей).	Капиталъ заграничный (милл. рублей).
1893— 96	103,7	144,9
1897—900	111,8	450,7
1901—904	209,4	181,6
1905—908	339,1	370,7
1909—911	913,1	284,0

Какъ видимъ, только въ самые послѣдніе годы современный капитализмъ въ Россіи сталъ опираться, почти исключительно, на русскіе капиталы. Задолго до этого русская обрабатывающая промышленность уже росла въ гигантской пропорціи. Выплавка чугуна въ Россіи съ 31 милліона пудовъ въ 1885 г. поднялась до 87 милліоновъ въ 1895 и до 166 милл. пудовъ въ 1905; въ 1910 она составляла болѣе 185 милліоновъ пудовъ. Количество переработаннаго хлопка съ 8 милл. пуд. въ 1890 г. до 16 милліоновъ въ 1900 и до 22 милл. п. въ 1910. Въ то же время самый типъ производства становится все болѣе и болѣе „современнымъ". Кустарь все больше уступаетъ мѣсто фабрикѣ. Въ 1866 году изъ всего числа рабочихъ, занятыхъ въ хлопчатобумажномъ производствѣ, приблизительно $^3/_5$, 95 тысячъ, работали на фабрикѣ—остальные 66 тысячъ у себя на дому; въ 1895 году на 242 тысячи фабричныхъ приходилось уже только 20 тысячъ кустарей. Въ новѣйшее время это таяніе „домашней системы" идетъ еще быстрѣе: въ 1904 году домашнихъ рабочихъ считалось еще 90 тысячъ человѣкъ, къ 1909 ихъ число сократилось до 75 тысячъ. При этомъ фабрика прямо и непосредственно вытѣсняетъ кустарное производство. „Вновь открытыя фабрики выстроились въ тѣхъ же районахъ, гдѣ раньше дѣйствовали раздаточныя конторы

(откуда кустари получали пряжу), пишетъ владимірскій фабричный инспекторъ въ своемъ отчетѣ за 1906 годъ, „и ручные ткачи, кустари создали главный контингентъ рабочихъ этихъ фабрикъ. Обученіе и пріобрѣтеніе навыка къ механическому ткачеству миткалей, требуя не болѣе 4—6 недѣль, не могло служить препятствіемъ къ такому переходу, который, въ виду вдвое большаго заработка механическихъ ткачей сравнительно съ ручными, былъ для нихъ крайне желательнымъ". Но и мелкая паровая ткацкая фабрика, возникающая на мѣстѣ кустарной „свѣтелки" (иногда буквально на томъ же мѣстѣ: построятъ рядомъ со свѣтелкой сарай для паровичка, и „фабрика" готова) является лишь переходнымъ типомъ: ее самое быстро вытѣсняетъ предпріятіе гигантъ, съ сотнями и тысячами рабочихъ. Въ 1909 году болѣе трети всѣхъ рабочихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ фабричному надзору, было занято въ предпріятіяхъ, имѣвшихъ болѣе 1000 рабочихъ каждое (672 тысячи изъ 1788 тысячъ); если взять соотвѣтствующую цифру 1904 года за 100, то 1909 годъ дастъ 120—тогда какъ вообще число фабричныхъ рабочихъ за это время увеличилось только на 7%.

Вопросъ о томъ, что вызвало притокъ иностранныхъ капиталовъ въ Россію, начиная съ конца 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, лежитъ внѣ предѣловъ исторіи русской культуры. На него, впрочемъ, едва ли можно отвѣтить одинаково для всѣхъ странъ, ввозившихъ къ намъ свои „сбереженія". Такъ, для Франціи, которой принадлежала львиная доля ввоза, рѣшающимъ условіемъ было совпаденіе краха ея колоніальной политики (неудача тонкинской экспедиціи 1883 года) со слабымъ развитіемъ ея собственной индустріи: по выплавкѣ чугуна еще въ 1900 году Франція стояла на одномъ изъ послѣднихъ мѣстъ въ Европѣ, притомъ ниже Россіи. Съ тѣхъ поръ ея металлическое производство увеличилось въ полтора раза, она уже давно обогнала Россію, въ то же время ея колоніальная политика вновь приняла благопріятный оборотъ (захватъ Марокко). По старой памяти за капиталами еще обращаются и теперь въ Парижъ: но найти свободныя деньги иногда теперь легче въ Москвѣ или Петербургѣ. Но это объясненіе, годное для

Франціи, не годится, напримѣръ, для Бельгіи. Общими для всѣхъ европейскихъ странъ условіями была необыкновенная дешевизна капиталовъ на Западѣ въ 90-хъ годахъ (деньги можно было достать, подъ наиболѣе солидное обезпеченіе изъ 3%, — французская трехпроцентная рента стояла выше номинальной цѣны, тогда какъ теперь, напримѣръ, она расцѣнивается въ 85—87 за сто), съ одной стороны, и необыкновенная высота русскихъ таможенныхъ пошлинъ, съ другой: русскій тарифъ 1891 года пошлину на чугунъ, напримѣръ, поднялъ съ 7 коп. за пудъ до 45—52 коп., на бумажную пряжу съ 4 р. 81 к. до 7 р. 20 к. Это создавало для русскихъ предпринимателей исключительно выгодныя условія и сулило имъ такіе барыши, какихъ нигдѣ уже въ Европѣ получить было нельзя: понятно, стремленіе многихъ французовъ, бельгійцевъ и нѣмцевъ стать „русскими“ предпринимателями. Повышеніе таможенныхъ пошлинъ отчасти было предпринято сознательно, именно съ цѣлью привлечь въ Россію иностранные капиталы: но отчасти это было автоматическимъ послѣдствіемъ работы того налоговаго пресса, о которомъ говорилось выше; жали со всѣхъ сторонъ, и въ области прямыхъ налоговъ и въ области косвенныхъ: должно было подняться и таможенное обложеніе.

Въ 1891 году прессъ казался завинченнымъ такъ туго, что странѣ, повидимому, грозила смерть отъ задушенія въ самомъ близкомъ будущемъ. Неурожай этого года, о которомъ, по наслышкѣ, знаетъ и теперь всякій, представлялся началомъ агоніи. На дѣлѣ оказалось, однако же, что русское народное хозяйство способно вынести и еще большее давленіе. Гнетъ казался максимальнымъ для низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ: стоило начать подниматься этимъ послѣднимъ, и даже въ крестьянскомъ хозяйствѣ (а уже изъ него ли не выкачивали въ десятки рукавовъ?) стали возможны прогрессивныя тенденціи. Ужъ около 1900 года деревянная соха на черноземѣ была вытѣснена желѣзнымъ плугомъ, и крестьяне, до тѣхъ поръ неуклонно терявшіе лошадей, стали ихъ прикупать: „вся рабочая сила накинулась на хлѣбопашество“, писалъ одинъ современный наблюдатель. Но крестьянство, въ районѣ старой крѣпостной Россіи, было такъ

рѣпко сжато, что здѣсь далеко дѣло пойти не могло. Го-
здо рѣзче сказывались новыя тенденціи въ хозяйствѣ
омѣщичьемъ или у крупнаго крестьянства русскихъ окраинъ,
, родѣ Новороссіи, Кубанской области и т. под. Самымъ
авнымъ показателемъ перехода къ капиталистическому
рою въ этой области было потребленіе сельскохо-
йственныхъ машинъ. Еще въ 1876 году ихъ про-
валось въ Россіи на сумму менѣе 4 милліоновъ рублей
егодно: къ 1890-му эта цифра выросла больше, чѣмъ
вое, до $7^1/_2$ милліоновъ; а по даннымъ за 1912 годъ Рос-
я потребляетъ ежегодно сельскохозяйственныхъ машинъ
110 милліоновъ рублей: за двадцать лѣтъ капитализмъ
сельскомъ хозяйствѣ выросъ въ 15 разъ. За то же время
876—1912 гг.) производство сельскохозяйственныхъ машинъ
Россіи увеличилось въ 23 раза (съ 2, 3 милл. р. до
милліоновъ). Не однѣ только гигантскія фабрики позво-
ютъ говорить о Россіи, какъ о капиталистической странѣ:
ревня также переходитъ къ буржуазному типу хозяйства.
ридическое упраздненіе общины (начавшееся отмѣной
уговой поруки въ 1904 году и продолжавшееся законода-
льствомъ 1906—10 гг. о выдѣлахъ изъ общины ея отдѣль-
ихъ членовъ) было одною изъ сторонъ этого перехода: но
я буржуазнаго хозяйства мало однихъ отрицательныхъ
ръ—на мѣсто стараго права, экономически уже немысли-
го, должно стать новое. Какъ проходилъ у насъ процессъ
испособленія правовой оболочки къ мѣнявшимся эконо-
ическимъ условіямъ, это мы увидимъ въ слѣдующихъ гла-
хъ „Очерка“.

Библіографія.

Дать сколько-нибудь полный обзоръ существующей литературы по
овременному капитализму“ въ Россіи еще менѣе возможно, нежели ис-
опать литературу по крѣпостному праву. Ограничиваемся главнѣйшимъ.
просу въ цѣломъ посвящена извѣстная книга Вл. Ильина „Разви-
капитализма въ Россіи“ (СПБ. 1899—есть нов. изд.). Книга трактуетъ
енно о „современномъ“ капитализмѣ: болѣе раннія фазы капиталистиче-
го развитія не затронуты, и даже характеристика новѣйшихъ фазъ
та въ очень узкой хронологической рамѣ, за 70—90-е гг. Для про-
ышленнаго капитализма предшествующаго времени см. не менѣе
вѣстную „Русскую фабрику въ прошломъ и настоящемъ“ М. Туганъ-
арановскаго (т. I, СПБ., 1900 г., — 2-е изданіе; есть 3-е),—гдѣ, на-

оборотъ, историческая часть гораздо сильнѣе главъ, посвященныхъ н
вѣйшему времени. Что касается крестьянской реформы, то юб
лей 19 февраля, въ 1911 г., вызвалъ къ жизни чрезвычайно обширну
литературу, опирающуюся, за немногими исключеніями, на давно извѣс
ный печатный матеріалъ, и не сходящую съ традиціонной точки зр
пія на реформу, какъ на ударъ мечомъ сверху по гордіеву узлу: наскол
ко этотъ взглядъ живучъ, показываетъ повтореніе его, въ очень упрям
формѣ, въ цитированной на стр. 139, книгѣ г. Струве. Архивная разр
ботка вопроса только что начинается: между тѣмъ, лишь она може
внести нѣчто существенно новое. Пока этого не случилось, мы не дале
ушли отъ старой работы покойнаго И. Иванюкова „Паденіе крѣпос
ного права въ Россіи“ (М. 1882—есть новое изданіе), которую и пр
ходится рекомендовать начинающимъ, какъ вполнѣ удовлетворительну
внѣшнюю исторію реформы: внутреннюю же нужно считать просто е
не написанной. Для аграрныхъ отношеній послѣ реформы см. П. П. М
слова „Аграрный вопросъ въ Россіи“ (нѣсколько изданій). Роль желѣ
ныхъ дорогъ обстоятельно разсмотрѣна въ названной неоднократно р
ботѣ П. И. Лященко „Очеркъ аграрной эволюціи Россіи“, т. I. Д
положенія иностраннаго капитала въ русск. хозяйствѣ см. книгу д-
Ischhanian „Die auswärtigen Elemente in d. russischen Volkswirtschaf
Berlin 1913, а также ст. С. Н. Прокоповича въ „Современникѣ“ 19
іюль. Обширный статистическій матеріалъ по исторіи народнаго хозяйст
въ Россіи въ новѣйшее время см. въ соотв. отдѣлахъ статьи „Росси
словаря Брокгауза и Ефрона (полутомы 54—55 и 4-й дополн.).

ОТДѢЛЪ II.

Государственный строй.

1.

Военно-финансовая организація.

Хозяйственныя отношенія, которыя мы разсматривали въ рвомъ отдѣлѣ нашего очерка, представляютъ собою нѣчто учее, изъ дня въ день мѣняющееся. Разглядѣть на этой, чно волнующейся, поверхности нѣкоторыя постоянныя, редѣленныя, теченія можно, только оглядываясь назадъ событія, a posteriori. Современники этихъ постоянныхъ иденцій обычно не замѣчаютъ. Происходящія на каждомъ гу перемѣны кажутся имъ случайными. Но жить подъ етомъ случайности никому не пріятно: первое, и довольестественное, стремленіе всякаго человѣка—изъ подъ этого ета выбиться. А такъ какъ естественныя нормы общеенной жизни остаются неизвѣстными, то люди стремятся дать нормы искусственныя: это и есть то, что мы зываемъ „законами", „правомъ". Искусственность эта ратъ по мѣрѣ приближенія къ нашимъ временамъ, по мѣ- того, какъ хозяйство становится сложнѣе, жизненныя ношенія запутаннѣе. Первобытные люди принимаютъ, обыовенно, какъ норму, то, что постоянно случается: древйшее право это обычное право. Если отрѣшиться на нуту отъ мысли, что на свѣтѣ „все течетъ", все ежемитно мѣняется, и завтрашній день не будетъ уже вполнѣ хожъ на сегодняшній: а мысль эта далеко не такъ ясна овобытному человѣку, какъ современному, и первобытный

человѣкъ отчасти правъ, потому что на раннихъ ступеня
развитія перемѣны, дѣйствительно, совершаются гораз
медленнѣе и незамѣтнѣе, чѣмъ въ наши дни — если отр
шиться отъ эволюціонной точки зрѣнія, то обычное пра
окажется самымъ близкимъ къ праву естественном
Эта естественность обычнаго права дѣлаетъ то, что для по
держанія его не нужно никакихъ искусственныхъ средств
и до сихъ поръ въ тѣхъ мелкихъ дѣлахъ, гдѣ все рѣш
ется еще обычаемъ,— ну, хотя бы при игрѣ въ шашки, н
примѣръ,—никому не придетъ въ голову обращаться къ суд
полиціи и тому подобнымъ охранителямъ закона. Хранит
лемъ обычая въ первобытномъ обществѣ было все плем
нарушитель обычая наталкивался на такой моральный бо
котъ, что ему оставалось только уйти или подчиниться. Н
вотъ сталкиваются два племенные обычая, одно племя п
коряетъ другое. Является вопросъ, чей же обычай сильнѣ
Разумѣется, обычай побѣдителя: но для побѣжденныхъ он
не имѣетъ никакой внутренней принудительной силы. Ит
можно заставить повиноваться этому чуждому обычаю, н
нельзя заставить въ него вѣрить. Племени - побѣдите
придется устроить какую-нибудь внѣшнюю, механическу
такъ сказать, организацію. На первыхъ порахъ, господст
выражается въ томъ, что господа, побѣдители, отбираю
въ свою пользу часть продуктовъ, производимыхъ побѣжде
нымъ: собирать дань самый простой способъ власт
вать. Въ языкѣ это сохранилось до нашихъ дней: подда
ный, это тотъ, кто „подъ данью“, кто платитъ дань. Итак
цѣль первоначальной принудительной организаціи, ка
надо догадываться, была финансовая: принужденіе впо
вые понадобилось для сбора налоговъ побѣдителями съ п
бѣжденныхъ. А для того, чтобы достигать этой цѣли, пр
ходилось, фактически или только въ видѣ угрозы, повторя
актъ завоеванія: если не рубить мечомъ снова, то, по кра
ней мѣрѣ, показывать мечъ. Древнѣйшій сборщикъ подат
всегда человѣкъ военный; древнѣйшій способъ сбора под
тей хожденіе князя съ дружиною, т.-е. со своими воо
ными слугами, на „полюдье“. Первоначальная, древнѣйша
принудительная организація—военно-финансовая.
если не въ смыслѣ фактической точности, то съ точки зр

нія исторической логики лѣтопись глубоко права, пріурочивая „начало русскаго государства“ къ появленію на Руси норманновъ. Вполнѣ возможно, что у насъ были зачатки „государственности“ и раньше норманновъ: лѣтопись упоминаетъ о туземныхъ князьяхъ у древлянъ. Ибо суть дѣла, конечно, не въ норманнахъ, а въ подчиненіи одного племени другимъ, а это могло случаться и между славянскими племенами. Вѣроятнѣе всего, однако, что тутъ слово „князь“ имѣло иное значеніе. Но варяжское нашествіе самый крупный случай племенного завоеванія, какой мы встрѣчаемъ на зарѣ нашей исторіи: притомъ норманны завоевали всѣ племена восточныхъ славянъ; такъ что общерусской государственной организаціи, во всякомъ случаѣ, положили начало они [1]).

Основу этой организаціи составляла упомянутая сейчасъ княжеская „дружина“, „своимъ появленіемъ положившая начало русскому государству“, по справедливому опредѣленію новѣйшаго историка Кіевской Руси. Князья были только предводителями этой дружины, безъ ея согласія ничего не предпринимавшими [2]). Въ ближайшую къ намъ эпоху, единственно доступную изученію, дружина уже не имѣла племенного норманскаго характера: составъ ея былъ международный, въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, съ крупной долей восточныхъ степныхъ инородцевъ. Но имена древнѣйшихъ дружинниковъ, до насъ дошедшія, показываютъ, что ядро ея составляли, нѣкогда, варяги. Дружина была коннымъ войскомъ: на русской равнинѣ морской викингъ сталъ наѣздникомъ, какъ сталъ онъ коннымъ рыцаремъ на равнинахъ сѣверо-западной Франціи и Англіи. Въ этомъ было стратегическое превосходство дружины надъ мѣстнымъ, славянскимъ племеннымъ ополченіемъ, воями, которыхъ „сгоняли пѣшцѣ“, а если съ лошадьми, то для обоза.

---

[1]) Читатель видитъ, что мы не придаемъ никакого историческаго значенія лѣтописной легендѣ о призваніи первыхъ варяговъ править Русью. Легенда эта (или странствующее сказаніе, аналогичныя легенды мы встрѣчаемъ и у другихъ народовъ) попала въ лѣтопись очень поздно, вѣроятнѣе всего, уже въ XII в., со спеціальной цѣлью облагородить княжескую династію и возвысить моральное значеніе княжеской власти вообще.

[2]) Подробнѣе объ этомъ см. ниже, отдѣлъ „Центральная власть“.

Выше мы уже указывали, что въ древнѣйшій періодъ лошадей у населенія было и не очень много, такъ что у иностранцевъ явилось представленіе, будто лошадей на Руси имѣетъ только князь. Это представленіе находитъ себѣ поддержку и кое въ какихъ извѣстіяхъ нашей лѣтописи. Въ 1068 г., когда княжескія дружины были разбиты половцами, и въ Кіевѣ была паника, кіевляне требовали у князя „оружія и коней“: значитъ, своихъ коней, по крайней мѣрѣ боевыхъ, у кіевлянъ не было. Съ другой стороны, изъ показанія лѣтописи, пріуроченнаго къ еще болѣе раннему времени (княженію Владиміра Св.), мы узнаемъ, что уголовные штрафы,—виры, платившіяся князю (о нихъ см. ниже — отдѣлъ „Судъ“), должны были идти, главнымъ образомъ, на покупку коней и оружія: кони опять являются княжескимъ достояніемъ по преимуществу. При господствѣ исключительно холоднаго оружія и отсутствіи военной дисциплины въ современномъ смыслѣ этого слова, перевѣсъ конницы надъ пѣшимъ ополченіемъ былъ громаденъ. Чтобы нагляднѣе представить себѣ дѣло, мы должны сравнивать не кавалерію съ пѣхотой, а взять, напримѣръ, драгуновъ или казаковъ, съ одной стороны, и уличную толпу, съ другой: тогда мы поймемъ, какимъ образомъ съ небольшими дружинами (максимальныя дружины отдѣльныхъ князей не выходили изъ первой тысячи) потомки варяжскихъ конунговъ могли „володѣть“ сотнями тысячъ славянскаго населенія. Только при столкновеніяхъ съ тоже конными ополченіями степныхъ кочевниковъ дружины одной оказывалось мало, и князьямъ приходилось привлекать къ дѣлу городскіе полки, устроенные и организованные, какъ нужно думать, по образу дружиннаго ополченія и, прежде всего, тоже конные. Вооруженное купечество: вотъ та сила, которая являлась ближайшимъ резервомъ дружины въ „національныхъ“ войнахъ того времени, въ походахъ на половцевъ, напримѣръ. Если мы припомнимъ характеръ торговли древнѣйшей эпохи, торговли „разбойничьей“, намъ не понадобится большого напряженія мысли, чтобы понять, почему торговый классъ древней Руси былъ организованъ по-военному, почему купцы дѣлились на сотни, подобно позднѣйшимъ казакамъ, и имѣли во главѣ „тысяцкаго“,

-е. полковника. Военное значеніе древне-русскаго города амъ еще понадобится впослѣдствіи: имъ объясняется, блиайшимъ образомъ, независимая, иногда даже командуюая, позиція городского вѣча по отношенію къ князю. Пока ля насъ важно, что, будучи ближайшимъ товарищемъ ружины въ военномъ строю, городъ не былъ объектомъ ружинной дѣятельности: городъ, какъ правило, дани е платилъ; если на городъ накладывалась дань, это мѣло такое же значеніе, какъ современная военная конрибуція. Дань платилась смердами, крестьянами, и для ихъ это положеніе казалось до такой степени естественымъ, что на языкѣ лѣтописи „смердъ“ и „данникъ“ синоимы. Въ деревнѣ конное рыцарство, у насъ, какъ и на заадѣ Европы, было силой абсолютно, внѣ всякаго возможаго сравненія, преобладающей. И, если не считать прямыхъ рабежей, съ одной стороны, уголовныхъ штрафовъ, съ ругой, древне-русская деревня была главнымъ источикомъ, откуда пополнялась княжеская казна. Пользуясь етодомъ переживаній, мы можемъ составить себѣ весьма аглядное представленіе о древнѣйшей дани и способахъ собиранія. Въ глухихъ уголкахъ Полѣсья долго послѣевской эпохи, подъ властью уже литовскихъ князей, въ V, даже XVI вв., сохранились тѣ самыя финансовыя тношенія, обрывки которыхъ тамъ и сямъ мелькаютъ ередъ нами въ Русской Правдѣ и лѣтописяхъ: между ьмъ, какъ для литовской Руси мы имѣемъ уже довольно гатый документальный матеріалъ. Чрезвычайно архаична, режде всего, самая дань, въ ея конкретной формѣ: подчиенные литовскимъ князьямъ полѣшуки платили ее медомъ, знакомство съ которымъ предковъ теперешняго наленія Европы мы можемъ прослѣдить, какъ мы помнимъ, предѣлы даже арійской древности. Но эта „медовая дань“ бросла уже болѣе новыми наслоеніями, къ ней прибавилась литовской Руси (судя по нѣкоторымъ указаніямъ лѣтописи, ке и въ кіевской) дань „грошовая“, по литовско-русской рминологіи ,т.-е. денежная. Затѣмъ, въ литовской Руси о былъ уже только старый обычай, въ кіевской самая серьная, главная часть дани, населеніе обязано было доставлять князю и его слугамъ мѣха и воскъ. Сохранился

и древній терминъ полюдье, „полюдованье“, для обозначенія экспедиціи за данью. Какъ въ древнѣйшее время племена восточныхъ славянъ, такъ и литовско-русскіе данники XVI в., собирать дань обязаны были сами. „Медовые“ и „серебряные“ старцы, отдаленные потомки племенныхъ старшинъ какихъ-нибудь древлянъ или радимичей, обязаны были заготовить все уложенное количество меду, воску, денегъ и мѣховъ ко времени появленія въ волости „ѣздока“, непремѣнно военнаго человѣка, дружинника, посланнаго княземъ для сбора дани. Онъ ѣздилъ изъ волости въ волость, кормясь на счетъ населенія и на его подводахъ. Но если дань платили исправно, онъ не смѣлъ оставаться въ волости больше, чѣмъ было необходимо нужно: онъ пріѣзжалъ къ обѣду и, переночевавши, на другой день послѣ обѣда уѣзжалъ, увозя съ собою собранныя населеніемъ деньги и припасы. Только въ томъ случаѣ, если послѣдніе поступали медленно и неисправно, на волость посылали „лежня“, карательную экспедицію, въ видѣ дружинника, который долженъ былъ „лежать“ въ волости, жить тамъ на счетъ населенія, пока то не исправится и не заплатитъ, что слѣдуетъ. Въ XVI в. и въ Полѣсьѣ все это мелко и обыденно: но древнѣйшія экспедиціи этого рода къ могучимъ племенамъ обросли легендой въ народной памяти и лѣтопись даетъ намъ трагическую иллюстрацію къ смѣшноватому на первый взглядъ обычаю, разсказывая, какъ князь Игорь заплатилъ головой за попытку „полежать“ у древлянъ.

Въ сѣверо-восточной Руси не сохранилось такихъ выразительныхъ остатковъ кіевской старины, какъ въ западной, вѣроятнѣе всего, потому, что въ основу московскихъ податныхъ порядковъ легла татарская финансовая организація, стершая или, по крайней мѣрѣ, закрывшая все предшествовавшее. Одной этой финансовой организаціи было бы достаточно, чтобы опровергнуть ходячее мнѣніе, будто татарское нашествіе было разгромомъ культурной страны дикими кочевниками. Татары, во-первыхъ, были родоначальниками русской податной статистики: они начали съ того, что „положили въ число“, переписали все податное населеніе, показавъ этимъ, что ихъ интересовало не только то

сколько нужно взять дани, но и сколько ея можно взять. Древне-русскіе князья съ ихъ дружинниками, повидимому, знали только двѣ нормы—размѣры собственнаго аппетита и обычай: вопросъ о „платежеспособности“ населенія передъ ними не вставалъ. Поэтому и дань ими накидывалась сразу на цѣлую область, жители которой разверстывали податную тяготу между собою, какъ хотѣли и умѣли. Татарская работа была гораздо тоньше. Въ основу податной разверстки они положили отдѣльное хозяйство, „соху“, т.-е. двухъ работниковъ, такъ объясняетъ одинъ старинный текстъ. Впослѣдствіи, соха приравнивалась тремъ работникамъ. Созданное татарскими переписями „сошное письмо“ провожаетъ насъ черезъ всю московскую исторію, до XVII вѣка. Московское правительство разработало эту систему, до большой виртуозности, какъ мы сейчасъ увидимъ: предшествовавшіе же московскимъ царямъ удѣльные князья сѣверо-восточной Руси, кажется, и не пытались поправлять своихъ учителей, исходя изъ татарской статистики, какъ изъ чего-то установленнаго однажды навсегда. Такъ какъ за аккуратность сбора татарской дани отвѣчали именно князья, то они тщательно наблюдали, чтобы „письменные“ или „численные“ люди не уходили изъ того княженія, гдѣ застала ихъ татарская перепись. „А численныхъ людей блюсти намъ за одинъ“, говорятъ между-княжескіе договоры: и о томъ же наставляютъ князья своихъ наслѣдниковъ, въ своихъ духовныхъ грамотахъ. Это была своеобразная круговая порука не населенія (та существовала своимъ чередомъ), а его „хозяевъ“—порука въ нерушимости татарской старины. Принять къ себѣ „численнаго“ человѣка изъ чужого удѣла значило спутать статистическія основанія татарской дани, а основанія эти свято береглись даже послѣ того, какъ дань давно перестали платить татарамъ, и она поступала уже въ карманы самихъ князей. Нѣтъ спора, что и при сборѣ своей дани—сосуществовавшей, само-собою разумѣется, съ татарскою—князья руководились тою же сошною раскладкою. Организація взиманія, раздѣленіе платящаго населенія на сотни, съ сотниками во главѣ (которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ военными дѣленіями и военными начальниками купеческаго ополченія), по всей вѣроятности, тоже татар-

скаго происхожденія. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, терминологія оказалась еще долговѣчнѣе „сошнаго письма“: и „цоцкай“ чеховскаго разсказа до нашихъ дней напоминаетъ намъ, какъ прочно строили „дикіе монголы“. Увеличили ли они податное бремя, лежавшее на „смердахъ“, своими финансовыми мѣропріятіями? Въ одномъ отношеніи, несомнѣнно, да: въ до-татарской Руси платило одно крестьянство—въ татарское „число“ писались горожане и сельчане одинаково; даже Великій Новгородъ, какъ ни было ему тягостно и обидно, сталъ данникомъ. Тяжеле ли стала дань сельскаго населенія, у насъ нѣтъ матеріаловъ, чтобы судить объ этомъ вопросѣ, если не считать неопредѣленныхъ жалобъ лѣтописей на тяжесть татарской дани, да возстаній населенія, какъ подтвержденія этихъ жалобъ: но возстанія шли, обычно, изъ городовъ. Ясно одно, что къ дани татары прибавили еще новые налоги, оказавшіеся не менѣе долговѣчными, чѣмъ „сошное письмо“: то были „ямъ“ и „тамга“. Зачатки таможенныхъ сборовъ, пошлинъ съ провозимыхъ товаровъ, мы встрѣчаемъ и до татаръ—подъ именемъ мыта (откуда классическій „мытарь“ и названіе села „Мытищи“, подъ Москвою). Тамга была попыткою обложить товары пошлиною не случайно, по тѣмъ или другимъ мѣстнымъ условіямъ—потому, напримѣръ, что въ данномъ пунктѣ былъ мостъ или переправа,—а всюду, гдѣ они продавались, на всѣхъ рынкахъ: это была попытка централизаціи таможенныхъ пошлинъ по всей Руси, и этой попытки опять хватило надолго; татарская тамга перестала собираться только въ XVII вѣкѣ. Нѣтъ надобности прибавлять, что уже съ XV она шла не въ пользу татарскаго хана. Но наиболѣе выразительнымъ памятникомъ организаціонной дѣятельности монголовъ остался ямъ: татары первые устроили въ Россіи, насчетъ и средствами мѣстнаго населенія, правильныя почтовыя сообщенія. Они, повидимому, пользовались ямскою повинностью сначала исключительно для своихъ надобностей: русскіе ямщики обязаны были возить татарскихъ чиновниковъ. Но примѣръ и тутъ оказался чрезвычайно кстати: по образцу татарскаго яма была организована ямская гоньба всей московской Руси, и только, опять-таки, въ XVII в. у насъ появилась почта на западно-европейскій образецъ.

Древнѣйшія основы русской финансовой организаціи были, такимъ образомъ, результатами двухъ завоеваній. Они отвѣчали военнымъ потребностямъ, но не самой Россіи, а ея завоевателей. Два слѣдующіе этапа въ развитіи этой организаціи, реформы середины XVI-го и начала XVIII вв., тоже непосредственно отражаютъ собою военные интересы, но уже туземные. Господство чужого племени смѣнилось господствомъ класса — если придираться къ этнографическому его составу, тоже не совсѣмъ „своего“: по подсчету Ключевскаго, въ рядахъ московскаго дворянства XVI—XVII вв. „русскія“, т.-е. велико-русскія, фамиліи составляли всего 33%, „нѣмецкихъ“, т.-е. западно-европейскихъ („варяжскихъ“, сказали бы въ кіевское время), было 25%, а восточныхъ, „татарскихъ“ — 17%. Какъ бы то ни было, политически это не было чужеземное владычество. Какъ мы уже видѣли въ первомъ отдѣлѣ (см. стр. 62 и сл.), командующее положеніе этой разноплеменной массы имѣло своей основой крупное землевладѣніе. Такъ какъ земля первоначально обрабатывалась или своими руками, или рабскимъ трудомъ, то крупнымъ землевладѣльцемъ раньше всего становился тотъ, у кого было много рабовъ, а больше всего ихъ бывало у военныхъ людей, у тѣхъ же дружинниковъ, тѣмъ болѣе у князей: первыми крупными землевладѣльцами и были, поэтому, князья и дружинники. Мы видѣли, въ связи съ какими хозяйственными процессами произошла демократизація этой массы землевладѣльцевъ въ XVI в. Одной изъ сторонъ этой демократизаціи было то, что право носить оружіе и пользоваться имъ, военная „служба“, стала при Грозномъ доступна каждому землевладѣльцу крупнѣе крестьянина. Это было именно право или, если угодно, привилегія: повинностью военная служба стала только гораздо позже, къ концу XVII вѣка. Къ этому послѣднему моменту дворянство успѣло обжиться въ своихъ помѣстьяхъ и неохотно шло въ ряды новой, регулярной арміи, съ ея томительной муштрой и принижающей дворянское достоинство дисциплиной. Прадѣды бѣгавшихъ отъ службы петровскихъ помѣщиковъ, наоборотъ, любили войну: періодъ наиболѣе активной внѣшней политики Грознаго, борьба за Ливонію, приходится какъ разъ на то время,

когда у власти стояли наиболѣе демократическіе слои дворянской массы, на время опричнины. Но, конечно, они вели войны не за свой собственный счетъ—какъ и прежніе дружинники, ихъ соціальные предки, они имѣли въ виду разбогатѣть на войнѣ, а не разориться изъ-за нея. Военные расходы должно было нести на себѣ населеніе не вооруженное, тяглое. Расходы эти настолько увеличились, что ни дани, ни тамги, ни яма, ни поборовъ, унаслѣдованныхъ отъ варяговъ, ни оставленныхъ въ наслѣдство татарами, уже не хватало: отсюда середина XVI в. ознаменована установленіемъ цѣлаго ряда новыхъ налоговъ, самыя названія которыхъ чрезвычайно характерны. Мы встрѣчаемъ тутъ стрѣлецкую подать, пищальныя деньги (пищаль—старинное фитильное ружье) ямчужныя деньги (ямчугъ—селитра), полоняничныя деньги. Наиболѣе, пожалуй, любопытна послѣдняя подать, введенная постановленіемъ Стоглаваго собора 1551 г.: спеціальный налогъ для выкупа плѣнниковъ могъ явиться только, какъ отраженіе той острой нужды въ рабочихъ рукахъ, которая въ ту же эпоху повела и къ установленію крѣпостного права. При чемъ работники были нужны, конечно, помѣщикамъ, а платили „полоняничную“ подать, какъ и другія, разумѣется, крестьяне. Остальные налоги едва ли нуждаются въ поясненіяхъ: ихъ названія точно показываютъ, въ чемъ было дѣло. Въ половинѣ XVI в. приходилось отъ холоднаго оружія переходить къ огнестрѣльному—стрѣльцы были у насъ первой пѣхотой, вооруженной „огненнымъ боемъ“. Но содержать приходилось не только ихъ, служилые землевладѣльцы тоже не имѣли въ виду служить даромъ и,—одни чаще, другіе рѣже—получали за службу отъ государя „жалованье“. Необходимость снабдить этимъ послѣднимъ огромную, сравнительно, массу народа—служилое ополченіе въ концѣ XVI в. считало до 70.000 человѣкъ—привело къ самой крупной финансовой реформѣ Грознаго: уничтоженію кормленій. Пока дружина была немногочисленна, князья предоставляли дружинникамъ самимъ выбирать свое „жалованье“ съ плательщиковъ. Та или другая волость давалась „въ кормленіе“ тому или другому дружиннику. Послѣдній въѣзжалъ туда со своими слугами, замѣнявшими ему мелкихъ финансовыхъ

полицейскихъ агентовъ, и собиралъ всѣ причитавшіеся
язю доходы—судебные штрафы, таможенныя и иныя по-
лины, разные другіе налоги, часть, обыкновенно половину,
сылая въ княжескую казну, остальнымъ „кормясь“ самъ.
рмленщика довольно удачно—въ смыслѣ литературной
тафоры удачно—сравнивали съ арендаторомъ современ-
го крупнаго имѣнія: только роль хозяйственныхъ статей
рали различныя отрасли „государственнаго“ дохода. Кор-
енщицкое правленіе постоянно вызывало жалобы мѣстнаго
селенія, и тѣмъ больше, чѣмъ экономически развитѣе
ла та или другая мѣстность. Кормленщикъ былъ не столько
еденъ этому населенію, сколько совершенно и очевидно
зполезенъ: заботясь о своемъ карманѣ, онъ „ходилъ и
оего прибытка смотрѣлъ“, по выраженію одного тогдаш-
го документа; ни на что другое онъ не обращалъ вниманія.
жду тѣмъ, общество уже не представляло собою въ мо-
овской провинціи однородной массы, связанной прочнымъ
еменнымъ обычаемъ. Оно разслаивалось на классы. Земле-
адѣлецъ не довольствовался уже трудомъ своихъ холоповъ
начиналъ крѣпостить крестьянина. Зараждавшаяся тор-
зая буржуазія начинала эксплуатировать выдѣлившихся
ь крестьянской массы ремесленниковъ. Этимъ „органи-
торамъ народнаго труда“ нуженъ былъ элементарный по-
цейскій порядокъ—а кормленщики и его не могли обез-
чить. Вотъ отчего, одновременно съ повышеніемъ соціаль-
го значенія буржуазіи и переходомъ политической вла-
и изъ рукъ бояръ въ руки дворянъ, царь Иванъ Василье-
чъ Грозный „кормленіями пожаловалъ всю землю“. Кор-
енщики были выведены изъ волостей, и собиравшіеся ими
знообразные доходы были замѣнены круглою суммой де-
жнаго ежегоднаго оброка, доставлявшагося выборными
ь населенія въ Москву, царскимъ казначеямъ. Въ то же
емя полицейско-судебныя обязанности и полномочія были
зложены на мѣстныхъ помѣщиковъ (объ этихъ губныхъ
реждeніяхъ см. ниже, главу „Судебная органи-
ція“). Хотя реформа (такъ наз. „земская реформа Грозного“) не имѣла повсемѣстнаго характера, не коснувшись болѣе отсталыхъ областей, тѣмъ не менѣе только
этого времени можно говорить, съ нѣкоторымъ правомъ,

о „финансахъ московскаго государства“: раньше была кн
жеская казна, но обще-государственнаго финансоваго упр
вленія не было, и большая часть мѣстныхъ сборовъ до це
тральной кассы никогда не доходила. Для самого прав
тельства Ивана Грознаго главнымъ во всемъ дѣлѣ было ув
личеніе дохода, чего оно и не думало скрывать, мотивиру
въ уставныхъ земскихъ грамотахъ, реформу тѣмъ, что „н
ши дани и оброки“ отъ плохого кормленщицкаго управл
нія „сходятся не сполна“. Въ Москвѣ виднѣе всего бы
непосредственная нужда въ деньгахъ, созданная нов
военной организаціей; на мѣстахъ представляли себѣ дѣ
сложнѣе, и очень характерно, что въ „земской реформ
Грознаго“ провинція руководила Москвою: кормленія бы
отмѣнены по челобитьямъ мѣстнаго населенія, которое са
же и предложило планъ новой финансовой организаці
Москвѣ оставалось только согласиться.

„Реформъ Грознаго“ хватило, приблизительно, на сто лѣт
до середины слѣдующаго, XVII-го, столѣтія мы не встр
чаемъ ничего принципіально новаго. Основанія же сам
податной раскладки были, все это время, еще старше и Гро
наго: татарская „соха“ дожила до первыхъ Романовых
Но это не значитъ, чтобы экономическая эволюція прош
безслѣдно для русскихъ финансовъ. Присматриваясь ближ
мы видимъ, что подъ прежними формами—можно бы да
сказать „подъ прежними словами“—скрывается совершен
новое содержаніе. Татарская соха была единицей х
зяйства: когда мы читаемъ, что въ XVII вѣкѣ на со
клалось столько-то посадскихъ (городскихъ) дв
ровъ, мы чувствуемъ, что, кромѣ звуковъ, тутъ нѣтъ у
ничего, напоминающаго ордынское „число“. Московская с
ха XVI—XVII столѣтій не единица хозяйства, а толь
единица обложенія: экономическое же содержаніе, с
отвѣтствующее этой финансовой формѣ, можетъ быть весь
различное. Даже тамъ, гдѣ терминологія еще всего ближ
къ экономической дѣйствительности, въ деревнѣ, въ кру
аграрныхъ отношеній, соха второй половины XVI в.
имѣетъ никакой связи съ количествомъ рабочей силы. Соха
это извѣстное количество четвертей земли, количест
мѣнявшееся, въ зависимости отъ того, о какой землѣ ш

ь: о монастырской, дворцовой или помѣщичьей, хоро-
, средней, „худой“ или „добре худой“. „Четверть земли“
четверть сѣва—та площадь, на которую высѣвалась
жи, тогдашняя четверть, составлявшая ровно поло-
у нынѣшней. На десятину сѣялось, обыкновенно, 2 чет-
ти зерна, почему впослѣдствіи (въ XVIII в.) четверть
равнивалась полудесятинѣ. По руководству податной
кладки середины XVI в. (такъ наз. „книгѣ сошнаго
ьма“), въ соху клалось „доброй земли“ 800 четвертей,
она была помѣщичья, и 600 если она была монастыр-
: монастырь былъ обложенъ на 30% выше нежели дворя-
ь; „худой земли“ считали на соху 1200 четвертей у по-
ика и 800 у монастыря. Это были нормы, установив-
ся, повидимому, въ эпоху финансовыхъ реформъ Грознаго.
намѣчали только начало дворянскихъ привилегій: въ
ь годахъ XVI в. барская пашня въ помѣщичьихъ имѣ-
ъ была совершенно изъята изъ податной раскладки, а
первой половинѣ XVII-го „соха“ для помѣщичьихъ
ль была замѣнена новой раскладочной единицей, „жи-
ей четвертью“. Буквально, это названіе обозначало дѣй-
тельно распаханную землю въ противоположность всей
ще площади имѣнія,—гдѣ могъ быть и перелогъ, и
ое поле“, земля заброшенная или никогда еще не па-
паяся. Такъ какъ послѣ смуты количество перелога въ
тошенныхъ областяхъ Россія очень увеличилось, то
длогомъ—замѣнить счетъ на сохи счетомъ на живу-
четверти, послужили именно опустошенія, произведен-
смутой. Но классовое значеніе этой мѣры становится
насъ совершенно ясно, когда мы сравнимъ положеніе
ныхъ земель“ русскаго сѣвера, гдѣ не было помѣщи-
и крѣпостного права, и помѣщичьей средней Россіи
новой системѣ обложенія. „Съ одной четверти, т.-е. съ
десятины—черносошный крестьянинъ русскаго сѣвера
кенъ былъ платить столько же, сколько землевладѣлецъ
льной Россіи платилъ съ 7—10 крестьянскихъ дворовъ“,
ритъ историкъ русскаго государственнаго хозяйства:
какъ и „живущая четверть“ очень скоро утратила зна-
е реальной, конкретной мѣры пахатной земли, и стала
вной единицей обложенія, какъ ея предшественница,

„соха". Только въ нее клали уже не самое землю, а дво сидѣвшихъ на землѣ крестьянъ; послѣдніе все больше превращались въ „капиталъ" помѣщичьяго имѣнія, и ц ность послѣдняго стали опредѣлять уже количество дворовъ, въ ожиданіи еще болѣе реалистическаго простого счета, на крестьянскія души.

Переходъ отъ татарской сохи въ 3 работника къ моск ской во столько-то четвертей земли отмѣтилъ собою пе воротъ въ сельскохозяйственной техникѣ: смѣну подсѣчн земледѣлія, когда землю не имѣло смысла мѣрять еди цами площади, ибо на ней не оставались и ея было, скол хочешь, перелогомъ и трехпольемъ, когда землю уже п ходилось мѣрять, такъ какъ количество ея было уже огра чено. Переходъ отъ сошнаго счета къ подворному отмѣти перемѣну въ положеніи крестьянина, ставшаго частью я вого помѣщичьяго инвентаря. Въ обоихъ случаяхъ мы выходимъ еще изъ области аграрныхъ отношеній. Но XVII в. все болѣе и болѣе даетъ чувствовать свое влія торговый капиталъ: нельзя ожидать, чтобы эта но стадія экономическаго развитія не отразилась на воен финансовой организаціи. Наиболѣе непосредственно тор вый капитализмъ далъ себя почувствовать двумя неуд ными финансовыми мѣропріятіями: соляной пошлин 1646 г. и мѣдными рублями. Первая открыла соб серію попытокъ положить въ основу бюджета вмѣсто п мыхъ налоговъ, какъ это было испоконъ вѣку, со време варяжской дани, налоги косвенные: предвосхитить что осуществилось, какъ извѣстно, въ наши дни, когда п мые налоги составляютъ не болѣе 8% государственнаго хода, а косвенные 21%, а вмѣстѣ съ „регаліями" (вин монополіей и т. д.) значительно болѣе половины. Царс указъ предписывалъ „со всее земли и со всякихъ лю наши доходы, стрѣлецкіе и ямскіе деньги сложити и зап тити..... тѣми соляными пошлинными деньгами". Соля пошлина была при этомъ повышена вчетверо. Для того, ч бы понять экономическое значеніе мѣры, нужно вспомни что торговля солью приняла крупно-капиталистическій рактеръ раньше, чѣмъ какимъ бы то ни было другимъ пр метомъ первой необходимости: въ XVII в. уже сотни тыся

если не милліоны, пудовъ соли сосредоточивались въ однѣхъ рукахъ. Переносъ на соль всѣхъ государственныхъ налоговъ давалъ крупному капиталу случай къ спекуляціямъ въ совершенно неслыханныхъ до тѣхъ поръ размѣрахъ, тѣмъ болѣе, что и сборъ соляной пошлины, какъ всѣхъ косвенныхъ налоговъ, были, конечно, въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ, съ московскими гостями во главѣ (см. выше стр. 97). Но капиталъ размахнулся шире, чѣмъ могъ захватить. Легко было повысить сразу цѣну на соль въ нѣсколько разъ, труднѣе было организовать торговлю солью на новыхъ началахъ: народныя массы остались безъ главнаго предмета питанія, соленой рыбы, и взбунтовались. Затѣю пришлось бросить — соляная пошлина не прожила и двухъ лѣтъ. Нѣсколько лѣтъ спустя была сдѣлана другая попытка предвосхитить далекое будущее. Удачная порча серебряной монеты — иностранныя деньги перечеканивались въ русскіе рубли съ „прибылью", доходившей до 50%, при чемъ на внутреннемъ рынкѣ это, по крайней мѣрѣ въ первое время, замѣтно не отразилось — навела на мысль выпустить деньги, совершенно лишенныя самостоятельной цѣнности, покупная сила которыхъ обезпечивалась бы исключительно поставленнымъ на монетѣ правительственнымъ штемпелемъ. Мѣра не была такъ дика, какъ это казалось нѣкоторымъ новѣйшимъ историкамъ, не представлявшимъ себѣ иныхъ отношеній, кромѣ сложившихся въ наши дни въ Европѣ. На самомъ дѣлѣ, матеріалъ денегъ довольно безразличенъ—все можетъ служить деньгами, отъ раковинъ (нѣкогда самая распространенная валюта во всѣхъ тропическихъ странахъ) до кусковъ камня включительно. Несомнѣнно, что если бы мѣдныхъ рублей было начеканено столько, сколько требовалось оборотами тогдашняго московскаго рынка, они были бы не хуже всякихъ другихъ ассигнацій съ принудительнымъ курсомъ, — а такими ассигнаціями большія страны, въ томъ числѣ и Россія, жили впослѣдствіи десятилѣтіями при условіяхъ гораздо болѣе развитаго хозяйства. Но тогдашній крупный капиталъ и здѣсь ухватился прежде всего за спекулятивную сторону дѣла. Пользуясь своимъ финансовымъ вліяніемъ, московскіе гости скупали мѣдь и превращали ее въ монету, не стѣсняясь количествомъ. Въ результатѣ, мѣд-

ная копейка (наиболѣе ходячая тогда монета — рубль былъ счетной единицей) упала до $^1/_{17}$ цѣны копейки серебряной. Всѣ рыночныя цѣны повысились въ той же пропорціи — а жалованье служилыхъ людей осталось прежнее. Одного этого было бы достаточно, чтобы финансовое нововведеніе провалилось: бунтъ, вспыхнувшій изъ-за „мѣдныхъ рублей“,— въ которомъ видное участіе приняли мелкіе служилые—былъ скорѣе поводомъ, нежели причиной ихъ отмѣны.

Но попытка завести ассигнаціи не только технически связана съ торговымъ капитализмомъ — она была результатомъ его вліянія и въ чисто-политическомъ отношеніи. Мѣдные рубли стали чеканить потому, что нужны были деньги для войны съ Польшей и Швеціей: но ничто не можетъ быть характернѣе для новой эпохи русскаго народнаго хозяйства, какъ большія войны XVII вѣка. Мимоходомъ мы уже касались этого вопроса въ главѣ „торговый капитализмъ“. Сѣверная война Петра В. не свалилась съ неба—она была лишь заключительнымъ звеномъ цѣлаго ряда попытокъ захватить въ русскія руки торговые пути на западъ: только эти попытки имѣли на первыхъ порахъ такіе же результаты, какъ мѣдные рубли и соляная подать. Военная реформа XVII—XVIII вв., закончившаяся созданіемъ въ Россіи постоянной арміи по европейскому образцу, косвенно, такое же дѣло торговаго капитала, какимъ мѣдные рубли были прямо — только дѣло болѣе удачное: а эта военная реформа повела къ ряду финансовыхъ реформъ, поставившихъ русское государственное хозяйство на тѣ рельсы, по которымъ оно катилось до 1861 года (а отчасти катится и до днесь), и отмѣченныхъ, опять-таки, уже непосредственной печатью торговаго капитализма. Военно-финансовую исторію Россіи со временъ Алексѣя Михайловича до Николая I приходится разсматривать, какъ одинъ, цѣльный отдѣлъ. Рекрутчина, подушная подать и откупа являются такими же характеристическими мѣтками этого отдѣла, какъ „служилые люди“ и „сошное письмо“ для предшествующаго.

Дворянское ополченіе, составлявшее основу русской военной организаціи до Смутнаго времени включительно, уже въ первой половинѣ XVII в. годится только для оборонительной службы. Его собираютъ для того, чтобы сторожить

южную, степную границу отъ татарскихъ набѣговъ. А когда пристепная полоса, непрерывно колонизировавшаяся, достаточно заселилась, его (съ 1640-хъ гг., примѣрно) перестаютъ собирать и для этой цѣли, предоставивъ оборону мѣстнымъ силамъ. Въ государственномъ бюджетѣ уже Михаила Ѳедоровича эта старая московская армія играетъ незначительную роль: она стоила не дороже 130.000 рублей тогдашнихъ — менѣе милліона теперешняго, ежегодно. Нѣсколько дороже (до 145 тыс. руб.) стоили стрѣльцы — главная полицейская сила эпохи, столь обильной бунтами, являвшимися отпоромъ закрѣпощаемаго крестьянства и эксплуатируемаго мелкаго ремесла помѣщику и крупному капиталисту. Стрѣлецкое войско, если не появившееся, то получившее окончательное устройство при Грозномъ, представляло собою городскую часть служилаго ополченія, какъ помѣщики — сельскую. Стрѣльцы не были похожи на современныхъ солдатъ, живущихъ на всемъ готовомъ и, по отношенію къ хозяйству, являющихся только потребителями. У каждаго стрѣльца было свое хозяйство — это были, по большей части, мелкіе ремесленники и торговцы. Спеціалистами военнаго дѣла они были лишь отчасти, и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше. Въ 1630-хъ гг. они годились уже больше для ловли „разбойниковъ“ (имя, въ то время охватывавшее чрезвычайно разнообразныхъ нарушителей существующаго порядка, какъ и имя „воровъ“ — равнозначительное теперешнему „злоумышленники“), или для укрощенія уличнаго бунта. На войну шли теперь солдатскіе полки, вымуштрованные по западно-европейскому образцу и смѣнившіе въ полѣ стрѣльцовъ, какъ помѣщичьи ополченія смѣнили рейтары (кирасиры) и драгуны. Эта настоящая, военная армія стоила гораздо дороже прежней. По одной смѣтѣ второй половины XVII стол. одни „рейтары“ должны были обойтись въ 400.000 рублей: только одинъ родъ оружія новой арміи стоилъ въ три раза дороже всей арміи стараго типа. Общій расходъ по „военному министерству“ выросъ за XVII в. вдвое, если не втрое (275 тысячъ и 700 тыс. руб.). По отношенію къ общей суммѣ бюджета 1680 г. (1.125 тыс. руб.) военные расходы составляли болѣе 60%: таково цифровое выраженіе активной политики

торговаго капитала. Въ 1701 г. армія Петра В. стоила уже болѣе 1.800 тыс. руб. и поглощала болѣе 80% всего бюджета: къ 1705 г. первая цифра поднялась до 3.200 тысячъ, что по отношенію къ общей массѣ расходовъ составляло уже 95%. Такъ какъ отъ 2 до 3% бюджета тратилось на дипломатію и не менѣе этой цифры приходилось на „финансовыя операціи", т.-е. на расходы для того, чтобы добыть денегъ, то выходитъ, что внѣшняя политика исчерпывала почти весь бюджетъ. Надо было откуда-нибудь достать средства на покрытіе двойныхъ, если не тройныхъ расходовъ: военная реформа опять вела за собою финансовую.

Мы видѣли, какъ торговый капиталъ сначала пытался достать денегъ на новые расходы. Въ государственномъ хозяйствѣ онъ прибѣгнулъ къ тѣмъ пріемамъ, какими увеличивалъ свою частную прибыль: къ спекуляціи. Но въ области широкой спекуляціи онъ былъ слишкомъ мало опытенъ — дѣло кончилось крахомъ. Изъ каталога спекуляціонныхъ средствъ вошло въ нравы одно, самое простое — порча монеты. Изъ этого источника петровское правительство еще въ 1701—2 гг. извлекало болѣе, чѣмъ по 700 тыс. прибыли въ годъ. Но именно энергія, съ которой велась „операція", быстро изсушила источникъ: въ 1709 г. прибыли на перечеканки монеты было уже немного болѣе 150 тыс. руб., потому что вся полноцѣнная монета прежняго чекана была уже испорчена — а спуститься прямо до мѣдныхъ, или почти мѣдныхъ, рублей боялись. Ближайшимъ слѣдующимъ средствомъ, послѣ спекулятивныхъ мѣръ, была эксплуатація плодовъ чужой спекуляціи — эксплуатація торговаго барыша. Такой смыслъ имѣли знакомыя намъ пятинныя деньги — 20% налога съ торговаго оборота: къ этому средству прибѣгли тотчасъ послѣ смуты и примѣняли его неустанно въ теченіе всего XVII в. За двадцать пять лѣтъ только, съ 1654 по 1680 г. „дважды собиралась пятая деньга, пять разъ 10-я, одинъ разъ 15-ая" [1]). Съ перваго взгляда можетъ показаться, что торговый капиталъ, въ данномъ случаѣ, облагалъ самого себя: мы уже знаемъ,

[1]) П. Милюковъ „Госуд. хозяйство Россіи и реформа Петра В.", стр. 77.

о этого не было. Раскладка „пятой деньги“ поручалась мымъ крупнымъ капиталистамъ государства—московскимъ стямъ — а платить приходилось мелкому провинціальному печеству, которое и бѣжало отъ налога въ разныя сто-ны. Подать носила, такимъ образомъ, опредѣленный клас-овый характеръ и доканчивала то, что было начато рговою конкуренціей: концентрацію капитала, поглощеніе лкихъ торговыхъ предпріятій крупными. По мѣрѣ завер-енія процесса, разоренія провинціальнаго купечества, из-калъ и этотъ источникъ. Эксплуатацію мелкаго капитала иходилось дополнить эксплуатаціей всего свободнаго селенія. Окладъ стрѣлецкой подати съ „сохи“ въ 1630 г. ставлялъ 95 рублей — а въ 1670 г. 822 руб. Старый воен-ый налогъ выросъ почти въ 9 разъ. Въ 1679 г. и была ѣлана первая попытка — объединить всѣ старые прямые логи (дань, ямскіе, полоняничныя и т. д.) въ одной воен-ой подати: подворная стрѣлецкая подать этого да, по 1 руб. 30 коп. съ двора, должна была замѣнить ѣ ихъ. Прообразъ будущей подушной подати Петра В. ылъ данъ, такимъ образомъ, за 40 лѣтъ до ея введенія. о, хотя и подворная, новая стрѣлецкая подать собиралась, къ и старая, посошная, только съ городовъ и сѣверныхъ ѣздовъ, гдѣ не было крѣпостныхъ. Раскладка новой пода-, весьма характерно, была поручена гостямъ. Высосавъ елкій торговый и ремесленный людъ, высасывая свободное веpное крестьянство, торговый капиталъ подошелъ теперь лотную къ самой крупной послѣ него силѣ страны. Пе-дъ нимъ оставались только помѣщики съ ихъ крѣпост-ыми: тронуть этихъ послѣднихъ значило тронуть самихъ омѣщиковъ. Для того, чтобы рѣшиться на это, нуженъ ылъ большой подъемъ: его дала Сѣверная война. Поло-ить въ равный со всѣми податной окладъ не только крѣ-остныхъ крестьянъ, но и холоповъ, до тѣхъ поръ не латившихъ никакихъ податей, рѣшилось только правитель-во Петра В. Въ 1717 г. Петръ приказалъ разсчитать „со колькихъ работныхъ персонъ можетъ содержанъ быть одинъ еловѣкъ пѣшій со всѣмъ, что къ нему надлежитъ, въ годъ, акже конный, лошади, палатки, телѣги и прочее“. Въ слѣ-ующемъ году была назначена первая поголовная перепись

населенія—а въ 1722 г., въ виду недостаточности резуль
товъ переписи, ея пересмотръ — ревизія, давшая, дѣйст
тельно, на милліонъ душъ больше, чѣмъ сама переп
Такъ какъ дальнѣйшія переписи, по мѣрѣ увеличенія на
ленія, являлись провѣркою провѣрки, то названіе „провѣрк
„ревизіи“, такъ и осталось за переписями „податного“ на
ленія вплоть до ихъ отмѣны (послѣдняя ревизія бы
въ 1857 г.). По табели 1720 г. петровская армія стоила у
4 милліона рублей: одинъ кавалеристъ 40 р. $50^1/_2$ коп.
одинъ пѣхотинецъ — 28 р. $52^1/_2$ коп. Считая, приблизите
но, 5 милліоновъ душъ населенія (считались только „раб
ныя персоны“, подъ чѣмъ разумѣли мужчинъ—но всяк
возраста, для простоты), на каждую „душу“ приходил
80 копеекъ подушной подати: въ такомъ размѣрѣ она и
ла введена указомъ 11 января 1722 г.

Уже черезъ годъ она была понижена до 74 коп.; а не
дленно по смерти Петра — до 70. Предлогомъ было то,
первая ревизія дала больше 5 милліоновъ податного на
ленія (5.570 тысячъ душъ). Фактическая причина была д
гая — она вскрывается исторіей подушной подати за в
XVIII вѣкъ. Помѣщичій крестьянинъ, обложенный въ 172
70-копеечной податью, семьдесятъ лѣтъ спустя, въ 1794
платилъ всего рубль: между тѣмъ, цѣна денегъ
это время упала въ 4 раза, и рубль 1794 года р
нялся четвертаку 1725 г. Норма подушныхъ для чер
сошныхъ, не помѣщичьихъ, свободныхъ крестьянъ и п
способлялась къ измѣненіямъ въ цѣнѣ денегъ: въ 1725 г.
платилъ 1 р. 10 к.—въ 1794 г. 4 рубля. Подушная под
помѣщичьихъ крестьянъ въ теченіе всего XVIII в. уме
шалась фактически: и это уменьшеніе, начавшееся на д
гой день послѣ введенія самой подати, было результат
дворянской реакціи, очень скоро послѣ смерти Пе
принявшей такія острыя формы (попытка ограничить са
державіе въ 1730 г.), что не считаться съ нею не могло
одно правительство XVIII вѣка. Вопреки довольно рас
страненному мнѣнію, всѣ эти правительства не были „д
рянскими“ — т.-е. средне-помѣщичьими: какъ и п
вительство Петра В., они были коалиціями крупнѣйш
земельной знати съ крупнымъ торговымъ капиталомъ.

отъ дворянъ зависѣли всѣ они — а весна торговаго капитализма, давшая такой пышный цвѣтъ въ реформахъ начала XVIII в., не повторялась болѣе [1]). Приходилось придумывать такія формы эксплуатаціи народнаго труда, которыя не очень задѣвали бы интересы непосредственнаго эксплуататора, владѣльца крѣпостныхъ душъ.

Размѣръ тяжести, которая упала на этого послѣдняго тотчасъ послѣ введенія подушной подати, иллюстрируется двумя цифрами: въ знакомомъ намъ бюджетѣ 1680 г. прямые налоги составляли 33,7%, въ бюджетѣ на 1724 г. они дали уже 55,5%, въ томъ числѣ 54,1% приходилось на подушную подать. Семьдесять лѣтъ спустя эта послѣдняя давала только 38% государственнаго дохода, падая иногда, въ теченіе восемнадцатаго столѣтія, и до 33%; за то питейные, соляные и таможенные сборы составляли, въ бюджетѣ этой эпохи, не менѣе 40% — а иногда до 45. Въ этомъ числѣ одни питейные сборы заполняли 25% всего бюджета. Типичнымъ финансовымъ предпріятіемъ для этой эпохи и является винный откупъ. За время съ 1724 по 1765 г. питейные сборы болѣе чѣмъ утроились — въ то время, какъ подушныя не увеличились даже въ два раза. Въ 1767 г. окончательно введена откупная система продажи вина: и съ этого года по 1796 г. питейный доходъ утроился номинально, а фактически, принимая во вниманіе паденіе цѣны ассигнаціоннаго рубля, увеличился болѣе, чѣмъ въ два раза. Къ началу царствованія Александра II (при которомъ отмѣнены были откупа) въ Россіи не только абсолютно, но и относительно выпивалось всемеро болѣе вина, чѣмъ за сто лѣтъ ранѣе: при Елизаветѣ Петровнѣ, офиціально, расходъ вина составлялъ 14 ведеръ на 100 жителей Россійской имперіи, въ 1858 г. этотъ расходъ составлялъ 87 ведеръ на 100 жителей. Какъ бы сильно ни было развито въ предшествующемъ столѣтіи „корчемство“ (тайное винокуреніе и тайная продажа водки), однимъ этимъ объяснить разницы нельзя: тѣмъ болѣе, что корчемство имѣло мѣсто конечно, и въ XIX в., хотя бы и въ меньшихъ размѣрахъ. Суть дѣла, очевидно, въ томъ, что умѣнье

---

[1]) Подробнѣе обо всемъ этомъ см. ниже — въ 3-й главѣ настоящаго отдѣла.

спаивать народъ за время дѣйствія откупной системы сдѣлало большіе успѣхи. И какъ ему было этихъ успѣховъ не сдѣлать, когда, со введеніемъ откуповъ, населеніе было всецѣло отдано въ руки торговцевъ водкою? Право курить вино и пользоваться имъ для собственнаго обихода было оставлено однимъ дворянамъ: но и они могли пользоваться этимъ правомъ только у себя въ имѣніяхъ. Въѣзжая въ городъ, дворянинъ обязанъ былъ показать особымъ надсмотрщикамъ, которыхъ содержалъ откупъ, имѣвшіяся у него бутыли или боченки съ водкой. Эти послѣдніе запечатывали—и печати снимались лишь при выѣздѣ изъ города: въ городѣ и дворянинъ долженъ былъ пить откупное вино. Но съ помѣщиками обращались, все-таки, вѣжливо: откупщицкая таможня не имѣла права задерживать его при въѣздѣ въ городъ, и должна была дожидаться, пока онъ самъ остановится; его нельзя было обыскивать—нужно было довольствоваться тѣмъ, что онъ самъ покажетъ. Съ „подлыми людьми“ церемоній было гораздо меньше. Крестьянскія подводы останавливались на заставѣ и ощупывались особыми щупами. На жалованьи у откупщика была спеціальная военно-полицейская команда, съ отставными офицерами во главѣ. Эта своего рода внутренняя „пограничная стража“ имѣла право пускать въ ходъ и оружіе при ловлѣ внутреннихъ контрабандистовъ, корчемниковъ. Во всякое время дня она имѣла право производить обыскъ всюду, гдѣ подозрѣвалось корчемное вино. Контора виннаго откупа была присутственнымъ мѣстомъ, гдѣ большую часть царствованія Екатерины II стояло и зерцало, какъ въ любомъ присутствіи: только въ концѣ XVIII в. зерцало сняли — но орелъ на питейномъ домѣ остался. Цѣловальникъ (такъ, по старой памяти, отъ московскихъ еще временъ, назывался продавецъ вина: въ московскую эпоху присягавшій, цѣловавшій крестъ, что онъ ничѣмъ не покорыствуется) былъ полицейской властью у себя въ кабакѣ: тогда какъ общая полиція входила туда только по приглашенію цѣловальника — развѣ что въ стѣнахъ кабака начинала происходить явная уголовщина, кого-нибудь рѣзали, грабили и т. под. Точно такъ же, какъ администрація и того, и позднѣйшаго времени сама расправлялась со своимъ персоналомъ, откупъ

амъ судилъ своихъ служащихъ — и даже постороннихъ за роступки, совершенные въ стѣнахъ „питейнаго дома“: азвѣ-что, опять-таки, возникало уголовное дѣло. А жало-аться на откупщика можно было только высшей мѣстной дминистраціи — со времени учрежденія губерній губерна-ору. Если прибавить, что (тутъ уже мы выходимъ изъ бласти писаннаго права, и входимъ въ сферу обычая) тотъ послѣдній получалъ отъ откупа болѣе или менѣе равильное содержаніе, то намъ станетъ ясно, до чего влія-еленъ былъ въ русской до-реформенной провинціи торго-ый капиталъ, въ лицѣ „содержателя виннаго откупа“, и акъ ошибочно представленіе объ этой провинціи, какъ о плошномъ дворянскомъ царствѣ. Дворянинъ только поль-овался, въ данномъ случаѣ, своего рода иммунитетомъ, не олѣе: но и то лишь за себя лично — на его крестьянъ, олгое время даже на его имѣніе, этотъ иммунитетъ не рас-ространялся; до 1771 г. откупщикъ могъ занять подъ вою торговлю любую пустую, необрабатываемую и неза-троенную землю, кому бы она не принадлежала. Только ь этого года это право было ограничено землями казен-ыми. Создавъ откупщику привилегированное юридиче-кое положеніе, правительство старалось всячески облаго-одить и его промыселъ, и его личность. Историческое азваніе „кабака“, доселѣ удержавшееся въ разговорной ѣчи, офиціально было замѣнено наименованіемъ „питей-аго дома“, „понеже отъ происшедшихъ злоупотребленій азваніе кабака сдѣлалось весьма подло и безчестно“. Самъ ткупщикъ получилъ право носить шпагу — отличительный ризнакъ дворянина въ XVIII столѣтіи. Всякое усовершен-твованіе въ винокуреніи признавалось общественной за-лугой: „уставомъ о винокуреніи“, 1765 г., объявлено было, то всякій, устроившій по англійскому образцу усовершен-твованный кубъ для перегонки водки, будетъ признанъ не о своей только пользѣ пекущимся, но о пользѣ госу-арства ревнительнымъ сыномъ отечества“.

Было бы совершенной ошибкой думать, что всѣ эти льго-ы и привилегіи диктовались выгодами отвлеченнаго „госу-арства“, — такъ часто фигурирующаго подъ перомъ исто-иковъ въ подобныхъ случаяхъ. Не подлежитъ сомнѣнію,

что со введеніемъ откуповъ государство, какъ таковое проще говоря, казна—не выиграло, а проиграло. Достаточ сравнить двѣ пары цифръ. Наканунѣ откупной систем къ 1766 г. (раньше она примѣнялась, но спорадически только съ 1767 г. откупщикъ сдѣлался монополистомъ продажѣ водки) питейные сборы давали 4.339.000 р., п издержкахъ на ихъ собираніе почти ровно въ милліо черезъ 30 лѣтъ существованія откупа, въ 1796 г. перв цифра поднялась до 15 милліоновъ, а вторая до семи. ч стый доходъ увеличился менѣе, чѣмъ вчетверо, а расходъ сбору въ семь разъ! Прежде на каждый рубль, полученн казною, только около двугривеннаго попадало въ чей-другой карманъ; теперь въ этотъ карманъ шло уже ок полтинника на рубль казеннаго дохода. Само собою ра мѣется, что тутъ идетъ рѣчь только объ издержкахъ каз (на покупку вина, которое казна поставляла откупщика и т. под.): издержки, какъ и барыши, самого откупщика, кругу его личныхъ операцій, въ учетъ не попадали. такъ какъ мы знаемъ, что не было лучшаго средства с латься милліонеромъ въ тогдашней Россіи, какъ взять в ный откупъ — почему „милліонеръ“ и „откупщикъ“ бы тогда синонимами — то мы, навѣрное, не погрѣшимъ п тивъ исторической истины, если примемъ, что торгов капиталъ получалъ, въ видѣ барыша, никакъ не ме того, что платилъ въ казну. Если въ вопросѣ о подушны интересъ отвлеченнаго „государства“ сталкивался съ ин ресомъ помѣщика — и пасовалъ передъ нимъ, то въ дѣ винной монополіи происходило такое же столкновеніе мея казною и торговымъ капиталомъ: и результатъ не бы иной. Попытка построить бюджетъ на водкѣ давала та же отрицательный результатъ, какъ и попытка постро его на подушной подати. Уже въ 1784 г. на 40 милл государственнаго дохода приходилось расходу 58 милл. въ 1788 для расхода въ $63^1/_2$ милліона нашлось средс только $42^3/_4$ милл. р. Дефицитъ составлялъ 20 милліоно два года спустя, къ 1790 г., онъ поднялся до 30 милліон ($73^1/_2$ милл. р. расхода на $44^1/_2$ дохода). Чтобы заткн брешь, приходилось искать новаго средства: оно было н дено въ ассигнаціяхъ.

Средство было пущено въ ходъ впервые одновременно съ
купами: манифестъ о выпускѣ ассигнацій появился 29 де-
бря 1768 г. Для того, чтобы понять условія, въ которыхъ
явились въ Россіи бумажныя деньги, надо имѣть въ ви-
, что ходячей монетой въ то время была не серебряная,—
мъ болѣе не золотая—а мѣдная. При сколько-нибудь
рупныхъ платежахъ это представляло огромное техниче-
ое неудобство: 1000 рублей въ мѣдной монетѣ вѣсили
пудовъ — кладь основательнаго ломовика; но даже и
цѣлковыхъ были „тяжестью неудобоносимой" — полтора
да никто съ собою таскать не станетъ. Въ особенно за-
уднительномъ положеніи оказывались уѣздныя казначей-
ва, въ пору сбора подушныхъ, и тѣ же откупныя конторы.
ѣлые обозы съ мѣдными пятаками, „алтынами" и копей-
ми тянулись изъ деревень въ города,—что, помимо всего
рочаго, было и небезопасно, при изобиліи лихихъ людей
тогдашнихъ дорогахъ. Учрежденный манифестомъ 29 де-
бря 1768 г. ассигнаціонный банкъ (изъ двухъ
дѣленій — въ Петербургѣ и Москвѣ) и служилъ, повиди-
му, совершенно невинной цѣли — облегчить положеніе
къ казны, такъ и крупныхъ ея плательщиковъ, замѣняя
рупныя количества мѣди легкой и занимающей минималь-
е мѣсто бумажкою. При чемъ бумажки были сначала не
нѣе 25 р. мѣдью каждая — для болѣе мелкихъ платежей
тавалась мѣдь въ натурѣ. Мы прибавили выше слово
овидимому", потому что съ самаго начала это была лишь
асная, офиціальная цѣль: фактически же предполагалось
пустить бумажекъ болѣе, чѣмъ хранилось мѣди въ ас-
гнаціонномъ банкѣ, — для того, чтобы добыть денегъ на
шенную уже тогда турецкую войну. Совершенно есте-
венно, что, по мѣрѣ того, какъ продолжалась эта послѣд-
я, продолжались и выпуски ассигнацій, и ко времени
ончанія войны ихъ было въ обращеніи на 20 милл. р.,
гда какъ въ началѣ предполагалось выпустить не болѣе
½ милліоновъ. Тѣмъ не менѣе, онѣ размѣнивались на
ѣдь, и даже на серебро, 100 за 100: обороты внутренней
рговли такъ быстро росли во второй половинѣ XVIII в.,
о излишества въ денежныхъ знакахъ не чувствовалось.
о второй турецкой войны Екатерины II ростъ торговаго

оборота и увеличеніе количества ассигнацій шли болѣе ил
менѣе въ ногу: въ 1786 г. ассигнацій было въ обращені
на 46 милл., а курсъ ихъ на серебро былъ 98 за сто. Въ э
время захватъ Россіей сѣверныхъ береговъ Чернаго мор
(присоединеніе Крыма 1783 г.)—шагъ, экономически сове
шенно неизбѣжный, открывавшій европейскій хлѣбный р
нокъ для нашихъ черноземныхъ губерній — поставилъ
очередь новую турецкую войну. Опытъ съ крупными асси
націями былъ соблазнителенъ: что, если выпустить и ме
кія? Подъ предлогомъ недостатка въ денежныхъ знаках
„обновляющихъ торговлю, рукодѣлія, ремесла и земледѣліе
количество бумажныхъ денегъ было сразу увеличено вдвое
до 100 милл. р., при чемъ были выпущены бумажки пят
и десяти-рублевыя. Курсъ сразу упалъ до $92^3/_5$; къ кон
царствованія Екатерины ассигнацій было въ обращеніи
157 милл., и стоили онѣ уже только по $70^1/_2$ коп. за рубл
Къ концу царствованія Павла курсъ упалъ до $65^1/_3$: хара
терно, что и при такомъ курсѣ московское купечество н
находило возможнымъ жаловаться на недостатокъ въ обр
щеніи денежныхъ знаковъ и хлопотать о новыхъ выпуска
ассигнацій — вѣрный знакъ, что отъ упадка цѣны послѣ
нихъ страдалъ, во всякомъ случаѣ, не торговый капитал
Къ этому времени всякія „техническія“ иллюзіи, относ
тельно неудобныхъ мѣдныхъ денегъ и удобныхъ бумажек
были уже оставлены: въ 1797 г. ассигнаціи были, безъ ок
личностей, признаны государственнымъ долгомъ. Съ тѣм
вмѣстѣ правительство обязалось, рано или поздно, возст
новить ихъ курсъ: иначе оно уподоблялось должнику, ра
считывающемуся со своими кредиторами по полтиннику
рубль. Уже при Павлѣ были сдѣланы нѣкоторые шаги
этомъ направленіи—фиксаціей курса ассигнацій; Александ
Павловичъ собирался идти по тому же пути: новые выпу
ки бумажныхъ денегъ, уже рѣшенные, были пріостановл
ны. Но тутъ надвинулась серія „наполеоновскихъ войнъ“
и не прошло десяти лѣтъ, какъ отъ добрыхъ намѣрен
осталось не больше, чѣмъ отъ дыма аустерлицкихъ пушек
Къ 1810 г. въ обращеніи было на полмилліарда ассигнац
(533 милл. р.), и курсъ ихъ составлялъ только $33^1/_3$ %. Что
нагляднѣе представить себѣ эту цифру, надо имѣть въ в

ду, что русскій бюджетъ того времени былъ менѣе 300 милл. р.: положеніе, значитъ, было такое же, какъ если бы теперь, въ 1914 г., въ Россіи циркулировало на 5 милліардовъ бумажныхъ денегъ (въ дѣйствительности ихъ теперь, какъ извѣстно, съ небольшимъ на милліардъ). Послѣ войны двѣнадцатаго года количество ассигнацій дошло до 825 милл., а курсъ до 20 коп. за рубль. Уже тогда всякія надежды на то, что государство когда-нибудь сможетъ уплатить этотъ свой долгъ рубль за рубль, должны были быть оставлены: но прошло четверть столѣтія, прежде чѣмъ съ этой мыслью примирились. На протяженіи этой четверти столѣтія Россія еще воевала нѣсколько разъ (войны персидская и турецкая Николая I, начало безконечнаго „покоренія Кавказа", и борьба съ возставшею Польшей въ 1831 г.)— и цифра бумажныхъ рублей, съ колебаніями, оставалась прежняя (1832 г. — 823 милліона). Такъ какъ, однако же, обороты внутренней торговли все увеличивалась, и потребность въ денежныхъ знакахъ росла, то курсъ ассигнацій нѣсколько улучшился, и дошелъ, къ концу 30-хъ гг., до 27—28 к. за рубль. Болѣе благопріятныхъ условій ждать не приходилось—и въ 1839—43 гг. ассигнаціонный долгъ былъ ликвидированъ, по разсчету $3^1/_2$ рублей ассигнаціонныхъ за 1 металлическій. Но при помощи разныхъ пріемовъ, которые нѣтъ надобности здѣсь подробно описывать, устроили такъ, что настоящія золотыя и серебряныя деньги остались, по большей части, въ казенномъ сундукѣ: а въ руки публики попали деньги все же бумажныя, даже юридически безусловно размѣнивавшіяся на золото и серебро только въ Петербургѣ; уѣздныя казначейства не имѣли права мѣнять ихъ на металлъ въ количествѣ, большемъ 100 рублей. Какъ видимъ, этимъ кредитнымъ билетамъ немногаго не хватало до настоящихъ ассигнацій. Достаточно было большой войны, чтобы это маленькое разстояніе было пройдено. Въ началѣ Крымской кампаніи, 1 января 1854 г., въ обращеніи было 333 милліона р. кредитн. билетовъ: къ 1 января 1858 г., два года послѣ нея, ихъ было на 735 милл. р. Металлическое обезпеченіе въ первомъ случаѣ составляло 39,4%, а во второмъ — всего 16,2%. Въ 1858 г. размѣнъ былъ прекращенъ, и если новыя бумажныя деньги не впол-

нѣ постигла участь екатерининскихъ, то лишь потому, что, экономически болѣе просвѣщенное, правительство Александра II лучше умѣло поддерживать равновѣсіе между количествомъ денежныхъ знаковъ, необходимыхъ странѣ, и печатаемыхъ экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ. Въ 1875 г. въ обращеніи было кредитныхъ билетовъ на 797 милл. р., а курсъ кредитнаго рубля былъ на серебро 92%, на золото—86: т.-е., относительно, весьма порядочный. Въ 1876 году русско-турецкая война уже совершенно ясно обозначилось въ перспективѣ: курсъ упалъ до 80 коп. на золото. Въ этомъ году было напечатано новыхъ бумажныхъ денегъ на 252 милл. р.; въ 1877 г. на военные расходы понадобилось вновь напечатать на 453 милліона, въ 1878, для финансовой ликвидаціи войны — еще на 490. На 1 января 1879 года курсъ былъ уже только 75 за сто. Въ послѣдній годъ царствованія Александра II курсъ былъ 65 коп. зол. за рубль—а къ 1886 г. кредитный рубль свалился до 58,9 коп. Причиной тутъ уже было не излишнее количество денежныхъ знаковъ (количество кредитныхъ билетовъ въ обращеніи за 1880 — 86 гг. даже нѣсколько уменьшилось), а неблагопріятный платежный балансъ—иными словами, задолженность Россіи передъ заграницей. Мы подходимъ къ четвертому—и послѣднему—періоду въ развитіи нашей финансовой системы, когда основой русскаго финансоваго благополучія становится заграничный кредитъ.

Но, прежде чѣмъ перейти къ этому отдѣлу, остановимся на минуту у предыдущаго. Читателю не могъ не броситься въ глаза своего рода „эмпирическій законъ“: ассигнація въ Россіи, въ ея ли откровенномъ и невинномъ первоначальномъ видѣ, или замаскированная кредитнымъ билетомъ, „обезпечивающимся всѣмъ достояніемъ государства“, всегда является у насъ спутницей войны. Въ весьма мирномъ помѣщеніи экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ работала грандіозная военная машина: все то блестящее развитіе „силы и могущества Россіи“, которымъ такъ любуется націоналистическая исторіографія, держалась на эфемерныхъ продуктахъ этой скромной и безобидной фабрики. Вотъ почему крайне наивно смотрѣть на

исторію бумажныхъ денегъ въ Россіи только, какъ на образчикъ плохого, нерасчетливаго управленія государственнымъ хозяйствомъ. Ассигнаціи выполняли экономико-политическую функцію колоссальной важности: это былъ рычагъ, которымъ орудовалъ примитивный русскій имперіализмъ—орудовалъ русскій капиталъ, сначала торговый, потомъ промышленный, въ своихъ попыткахъ захватить новыя торговыя дороги и новые рынки. Сравнимъ только слѣдующія цифры:

Годы.	Количество ассигнацій въ обращеніи.	Размѣры дѣйствующей („полевой") арміи.
1761	0	183 тыс. чел.
1796	157 милл.	368½ „
1825	болѣе 800 милл.	822 „

Каждый милліонъ напечатанныхъ бумажекъ давалъ липнюю тысячу солдатъ. Мы нарочно взяли только дѣйствующую армію, т.-е. только орудіе наступленія: цифра войскъ, предназначавшихся для поддержанія внутренняго порядка или для обороны отдаленныхъ границъ только сдѣлала бы картину менѣе ясной. Чѣмъ активнѣе была внѣшняя политика, тѣмъ энергичнѣе выпускались бумажныя деньги. Если бы русское казначейство было осуждено продовольствоваться металлической валютой, Россія никогда не сдѣлалась бы „великой державой", несмотря на то, что за одно царствованіе Николая Павловича добыча золота въ Россіи увеличилась въ 40 разъ (съ 400 тыс. р. до 16 мил. р. ежегодно). Неудобства, связанныя съ бумажной валютой, были такимъ образомъ „жертвою на алтарь отечества"—почти буквально. Только кто приносилъ эту жертву? Тѣ ли, кто всего сытнѣе питался около этого алтаря? Мы видѣли, что купечество никогда не тяготилось изобиліемъ денежныхъ знаковъ—и всегда находило, что ихъ слишкомъ мало. Въ самомъ дѣлѣ, заработная плата росла внѣ всякой пропорціи съ курсомъ ассигнацій. Съ 50-хъ по 80-ые годы цѣна бумажнаго (кредитнаго) рубля сильно упала, какъ мы видѣли: а реальная заработная плата рабочихъ на шуйскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ, напримѣръ, понизилась за это время на 20—30%. Вообще же, покупная сила ассигнаціоннаго рубля

внутри страны всегда была значительно выше его курса на заграницу. Это дѣлало бумажную валюту прямо выгодной тѣмъ, чьи доходы строились на сбытѣ русскаго сырья, притомъ, чѣмъ ниже былъ курсъ, тѣмъ она была выгоднѣе. Когда, въ концѣ 1880-хъ гг., курсъ кредитнаго рубля неожиданно сталъ подниматься, это вызвало настоящую панику среди хлѣбныхъ экспортеровъ и помѣщиковъ. Опасенія послѣднихъ раздѣлялись и министерствомъ финансовъ, которое офиціально писало, что дальнѣйшее повышеніе курса „отзовется весьма гибельно на нашей отпускной торговлѣ и причинитъ значительный ущербъ нашимъ производителямъ". „Цѣны могутъ дойти до такого уровня, что отпускъ нашего хлѣба сдѣлается невозможнымъ". Вотъ почему наша реакціонная печать, съ Катковымъ во главѣ, съ такою яростью отстаивала въ 80-хъ гг. бумажныя деньги. Нуженъ былъ расцвѣтъ промышленнаго капитализма для того, чтобы сдѣлать возможной реформу Витте—введеніе въ 1897 г. металлическаго обращенія. Итакъ, тѣ общественные классы, которымъ нужна была активная внѣшняя политика, основанная на ассигнаціяхъ, отъ неудобствъ бумажно-денежной системы не страдали. Платились за нее массы населенія, переплачивавшія на всѣхъ продуктахъ обрабатывающей промышленности: такъ какъ цѣны на эти послѣдніе, при господствѣ протекціонной системы, обусловливались прежде всего, цѣнами на нихъ за границей—дешевле, чѣмъ стоилъ заграничный товаръ съ провозомъ и таможенною пошлиной, подобнаго же русскаго товара никто, конечно, не продавалъ, а за границей русскій рубль имѣлъ меньшую покупную силу, чѣмъ внутри страны. Ассигнаціи, такимъ образомъ, были особой формой эксплуатаціи, формой, свойственной, главнымъ образомъ, эпохѣ торговаго капитализма. Съ переходомъ вліянія отъ этого послѣдняго къ капитализму промышленному должна была пасть и бумажно-денежная система. И для промышленнаго капитала нужна была активная, внѣшняя политика; и онъ не чуждался, первоначально, испытаннаго, традиціоннаго средства ея обезпеченія. Но расцвѣтъ обрабатывающей промышленности въ Россіи оказался немыслимымъ безъ содѣйствія европейскаго, международнаго капитала: а европейскій капиталъ не

елъ въ Россію, пока она была отдѣлена отъ всего остальго капиталистическаго міра бумажно-денежною стѣной. ссигнаціи національзировали русскій рынокъ: для того, тобы сдѣлать его европейскимъ, на немъ должны были арствовать не бумажки, имѣющія цѣну только въ Россіи, имѣющее цѣну всегда и всюду золото.

Къ заграничному кредиту Россія прибѣгала и въ предествующія эпохи, но болѣе или менѣе случайно и не въ ень значительныхъ размѣрахъ. Первая попытка заклюить заграничный заемъ была сдѣлана при Петрѣ В.—она ла неудачна. При Екатеринѣ II, одновременно съ введемъ ассигнацій, передъ 1-ой турецкой войной, попытка ла повторена, на этотъ разъ успѣшно: въ 1769 г. былъ ключенъ первый русскій внѣшній заемъ въ Голландіи. атерина II и Александръ I, неоднократно прибѣгали къ ому источнику, обыкновенно, на очень тяжелыхъ услоихъ—съ платежомъ на менѣе 6% годовыхъ номинально, фактически еще болѣе: въ это время внутри Россіи правительство свободно доставало деньги изъ 4%. Правда, что утри страны оно получало ассигнаціи, а изъ-за границы лото. Стѣсняли русскій заграничный кредитъ, какъ это ни ранно, именно „сила и могущество Россіи", въ связи съ ществовавшей тогда въ ней формою правленія. При неограниченной, юридически, власти русскаго императора, о могъ бы заставить этого государя выполнять свои долзыя обязательства? Къ заграничной публикѣ, непосредзенно, тогда и не пробовали обращаться. Займы велись резъ посредство группъ особенно привилегированныхъ цъ, носившихъ названіе „придворныхъ банкировъ"; подсывались на русскія бумаги не столько по довѣрію къ сскому правительству, сколько довѣряя тѣмъ банкиримъ домамъ, которые брали на себя заемъ. Только въ мистерство Канкрина, при Николаѣ I, займы стали заключься на болѣе нормальныхъ условіяхъ. Но какую нижную, сравнительно, роль игралъ заграничный кредитъ въ его время, покажетъ пара цифръ. Передъ выходомъ нкрина въ отставку, въ 1843 г., весь внѣшній долгъ ссіи составлялъ 246 мил. р. на серебро: а бюджетъ тогдалей Россіи не выходилъ изъ 240—250 милліоновъ. Для

сравненія надо припомнить, что русскій бюджетъ 1909 г
сводился къ $2^1/_2$ милліардамъ р., а долгъ—къ 9 милліар
дамъ, въ круглыхъ цифрахъ. При Николаѣ I долгъ тольк
равнялся бюджету—теперь онъ въ $3^1/_2$ раза превышает
его. Относительная европеизація русскихъ порядковъ посл
1861 г. (въ чисто финансовой области сюда относятся
опубликованіе государственной росписи, ранѣе составлявше
тайну, учрежденіе государственнаго контроля также с
гласными, печатными отчетами, и разрѣшеніе газетамъ ка
саться, хотя и съ оглядкою, вопросовъ государственнаг
хозяйства) вызвала значительное расширеніе заграничнаг
кредита: къ 1880 г. заграничный долгъ нѣсколько превы
силъ милліардъ рублей (бюджетъ 700 милліоновъ), распре
дѣленныхъ на 26 разновременныхъ займовъ. Европейскі
деньги и теперь еще туго шли въ русскій казенный сун
дукъ: средній % по займамъ былъ $5^3/_4$,—тогда какъ внут
ренніе займы обходились не дороже $5^1/_2$. Причины довольн
откровенно объяснилъ Ротшильдъ въ разговорѣ съ тогдаш
нимъ русскимъ министромъ финансовъ, Грейгомъ: „есл
бы у васъ была конституція, вамъ легче было бы достават
деньги". За не менѣе откровенную передачу этого разговор
Грейгъ получилъ отставку. Но его собесѣдникъ былъ лиш
отчасти правъ: ближайшей причиной было то, что загра
ницѣ деньги были „самой нужны", въ связи съ энергичным
желѣзнодорожными стройками (въ 40—70-хъ гг. какъ раз
создавалась европейская желѣзнодорожная сѣть), войнам
60—70-хъ годовъ и т. д. Какъ только обстоятельства изм
нились (см. выше, стр. 177), Европа, въ частности Франці
предоставила свои сбереженія къ услугамъ Россіи, и в
требуя „конституціи". Въ 1882 г. государственный долг
Россіи составлялъ 4.356 милл. р. при чемъ въ этомъ числ
было почти на милліардъ кредитныхъ билетовъ. Къ 1902
эта послѣдняя категорія долговъ совершенно исчезла, бл
годаря возстановленію металлическаго обращенія (точнѣ
введенію золотой валюты) въ 1897 г., и, тѣмъ не менѣ
общая цифра долга доходила уже до 6.431 милліона. Европ
снабдила насъ за 20 лѣтъ тремя новыми милліардами, т.-
за 20 лѣтъ дала въ два раза больше, чѣмъ за предшествук
щія 120. При этомъ средній годовой % былъ, фактическ

не выше $4^1/_2$ (номинально, послѣ „конверсій“ конца 80-хъ г.,—4%). Объ экономическихъ послѣдствіяхъ этого потопа иностранныхъ капиталовъ, мы уже говорили выше (стр. 175 ссл.). Теперь насъ интересуютъ только политическія. Еще войну 1877—78 гг. пришлось вести при помощи поистинѣ героическихъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ. Къ 1904 г. Россія, возстановивъ металлическое обращеніе, имѣла возможность тратить на сухопутную армію почти вдвое болѣе 1877 г. (бюджетъ военнаго министерства 190 мил. р. и 350 мил. р.), построивъ, кромѣ того, флотъ, котораго почти не было въ 1877 г. вовсе (бюджетъ морского министерства 28 мил. и 113 мил. р.). Война 1904—5 гг. не заставила разстаться съ золотой валютой: только долгъ выросъ до 7.481 милліона. Кажется, ни одной неудачной войны въ своей исторіи Россія не провела такъ благополучно въ финансовомъ отношеніи, какъ маньчжурскую кампанію: даже наполеоновскія войны, когда мы пользовались щедрыми англійскими субсидіями, дали больше трещинъ въ казенномъ сундукѣ. Но заграничный кредитъ не только далъ возможность перенести войну, а и ликвидировать вызванныя ею внутреннія осложненія. Къ 1909 году, благодаря этому, долгъ возросъ до 8.835 мил. р., и дѣло приняло столь благополучный видъ, что новаго займа не понадобилось до 1914 года.

Бѣглый обзоръ одного изъ новѣйшихъ бюджетовъ покажетъ намъ, какъ отражаются до сихъ поръ въ русскомъ государственномъ хозяйствѣ различныя, подмѣченныя нами, финансовыя наслоенія. Мы помнимъ, что Петръ В. мечталъ построить весь русскій бюджетъ на прямыхъ налогахъ, даже на единомъ прямомъ налогѣ, подушной подати. Въ 1882 г., когда подушныя доживали свои послѣдніе дни, прямые налоги заполняли еще 25% бюджета; съ исчезновеніемъ подушной подати, отмѣненной при Александрѣ III, въ 1892 г. на долю ихъ приходилось уже только 16%; въ бюджетѣ 1912 г. они представлены скромной цифрой 14,1% [1]). Отъ петровскаго бюджета почти ничего не осталось—даже и названія главной податной категоріи. Но мы видимъ, что по-

---

[1]) Вмѣстѣ съ пошлинами.

раженіе подушныхъ началось на другой же день посл
смерти Петра—и что уже XVIII вѣкъ нашелъ имъ суррога
въ доходѣ отъ продажи водки. Въ бюджетѣ 1882 г. это
доходъ фигурируетъ цифрой 252 мил. р.—что составляет
около 35% всего „обыкновеннаго“ дохода за этотъ год
„пореформенная“ Россія перещеголяла екатерининскую, ког
откупа покрывали не болѣе 25% бюджета. Въ 1912 г. %
приходящійся на годичный доходъ (теперь уже не отъ н
лога на вино, а отъ монопольной продажи его), нѣсколь
скромнѣе: менѣе 30. Но абсолютная цифра выросла въ тр
раза, сравнительно съ 1882 г.: до 751 милліона. Вообще я
косвенные налоги (съ винной монополіей) покрывают
въ 1912 г. почти половину бюджета (48,6%)—а въ сущ
ности, далеко большую его часть, ибо почти треть его (28,5%
заполняется доходами отъ казенныхъ предпріятій
главнымъ образомъ, желѣзныхъ дорогъ (по росписи
этого года 634 мил.): т.-е. доходами отъ частнаго хозяйств
государства, если такъ можно выразиться. Идея торговых
капиталистовъ XVII в.—замѣнить всѣ прямые налоги к
свенными, дабы „никто въ избылыхъ не былъ“, близка къ ос
ществленію въ началѣ XX столѣтія. Только соль (солян
налогъ отмѣненъ въ 1880 г.) замѣнили другіе предметы ма
сового потребленія: табакъ, сахаръ, керосинъ, спички—и во
вообще фабрикаты, произведенія обрабатывающей промыш
ленности. Мы уже упоминали объ экономическомъ зна
ченіи покровительственнаго таможеннаго тарифа. Тепер
надо прибавить, что онъ имѣетъ и непосредственное фи
нансовое значеніе: въ 1912 г. онъ далъ казнѣ 328½ мил
ліоновъ,—больше, чѣмъ какой бы то ни было косвенны
доходъ, кромѣ питейнаго. Заставлять массы оплачивать по
литику высшихъ классовъ—эта задача въ XX в. разрѣшается
такъ же успѣшно, какъ и въ XVIII.

Въ доходной части бюджета мы не найдемъ, конечно
главнаго рычага военной машины нашего времени,—как
не нашли бы въ свое время и устарѣвшаго теперь рычаг
прежнихъ временъ, ассигнацій. Государственный кре
дитъ нужно искать въ графѣ расходовъ. Платежи по
государственнымъ займамъ въ 1912 г. составляли 404,5 мил. р
По отношенію къ общей массѣ бюджета это составляет

13,5%. Пятнадцать лѣтъ назадъ Россія платила по займамъ 258 мил. р. ежегодно, а тридцать лѣтъ назадъ, въ 1877 г., 149 милліоновъ: но этотъ расходъ въ первомъ случаѣ равнялся 20%, а во второмъ 25% всего бюджета. Если относительное уменьшеніе платежей на разстояніи отъ 1877 до 1897 объясняется тѣмъ удешевленіемъ кредита, о которомъ говорилось раньше, то къ періоду 1897—1912 это объясненіе неприложимо: за послѣдніе годы деньги не только не подешевѣли на рынкѣ, но, наоборотъ, подорожали [1]). Суть дѣла въ томъ ростѣ внутренняго накопленія, о которомъ говорилось въ концѣ экономическаго отдѣла: рессурсы страны начинаютъ расти быстрѣе задолженности. Но употребляются эти новые рессурсы на старое назначеніе. Чтобы получить военные расходы 1912 г., надо сложить, во-первыхъ, бюджеты военнаго министерства (обыкновенный—494,3 мил. р., и чрезвычайный, на „хозяйственно-операціонные расходы»—70 м. р.), морского (164,2 м. р.) и государственнаго коннозаводства, которое, если имѣетъ какое-нибудь „государственное“ значеніе, то только въ связи съ кавалерійскимъ ремонтомъ (2,2 м. р.). Но это не все: нѣтъ сомнѣній, что чисто-военные расходы мы найдемъ, напримѣръ, въ бюджетѣ министерства путей сообщенія (обыкнов. 567,2 м. р. и на сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ 116,7 м. р.), ибо часть русскихъ желѣзныхъ дорогъ—стратегическія, построены исключительно въ томъ предвидѣніи, что по нимъ придется возить войска въ случаѣ войны; въ коммерческомъ отношеніи онѣ представляютъ собою предпріятіе чисто убыточное. Съ другой стороны, подавляющее большинство госуд. займовъ заключено тоже на военныя цѣли, какъ мы видѣли. Если мы, игнорируя желѣзнодорожные расходы, будемъ считать „военными“ расходами всѣ платежи по займамъ, то, нѣтъ сомнѣнія, если мы и ошибемся, то въ сторону преуменьшенія военнаго бюджета, а никакъ не въ сторону его преувеличенія. Складывая соотвѣтствующія цифры, мы получимъ 1135 мил. р.: ко всему

---

[1]) Послѣдній заемъ русскаго правительства—парижскій „желѣзнорожный“ 1914 г., заключенъ—фактически, изъ 5%. Почти вернулись къ нормамъ начала 1880-хъ годовъ!

бюджету это составляетъ 38%. Въ расцвѣтѣ военной сил
имперіи Николая Павловича, въ 1847 г., эти расходы давал
50% всего бюджета: Россія 1912 г. можетъ показаться н
сколько менѣе военной страной, чѣмъ Николаевская Россі
Но это иллюзія, объясняемая тѣмъ, что современна
армія, относительно, обходится гораздо деше
ле, чѣмъ армія Николая I. Начиная съ середин
XVII в. и до второй половины XIX русское войско напо
нялось при помощи рекрутскихъ наборовъ—или, как
въ московскую эпоху это называли, „даточными людьми
Это очень характерное названіе: армія комплектовалас
людьми, которыхъ „давали“ государству помѣщики. Рекру
чинѣ подлежали не одни крѣпостные,—но послѣдніе соста
ляли большинство, и оно окрашивало цѣлое. Изъ этого вы
текало, что къ рекрутчинѣ правительство должно было отн
ситься такъ же бережливо, какъ и къ подушной подати: как
эта послѣдняя вынимала рубли, въ сущности, изъ карман
помѣщика, такъ первая отнимала работниковъ у помѣщичьяг
хозяйства. Рекрутчина была, какъ иногда ее и сравнивал
„военной барщиной“—но нужно было, чтобы она не мѣшал
настоящей барщинѣ. Какой ужасъ представляла собой ре
рутчина съ точки зрѣнія интересовъ семьи рекрута, тер
вшей своего сына или брата навсегда, фактически,—это вс
знаютъ. Какъ варварски обращались съ личностью солдат
и каковы были гигіеническія условія тогдашней казарм
это тоже, болѣе или менѣе, извѣстно [1]). Но эти ужасы отч
сти выкупались тѣмъ, что жертвою ихъ становилась далек
меньшая часть населенія, сравнительно съ тою, котора
теперь попадаетъ въ ряды арміи. Мы съ трудомъ предста
вляемъ себѣ, что въ моментъ наивысшаго военнаго напря
женія крѣпостной Россіи, въ эпоху наполеоновскихъ войн
подъ ружьемъ былъ всего 1 человѣкъ изъ 22 душъ муж
пола, тогда какъ во время маньчжурской кампаніи, далек
не „отечественной“ по значенію и размѣрамъ, не рѣдкост
было видѣть цѣлыя деревни, гдѣ изъ мужчинъ осталис

---

[1]) За 25 лѣтъ царствованія Николая I (1826—1851) по офиціальнымъ да
нымъ, было убито въ бояхъ 30.233 чел. нижн. чиновъ, умерло отъ болѣзне
1.062.839 чел. и дезертировало 155.857 чел.

только старики да мальчики—все взрослое мужское населеніе было взято на войну. Если бы что-нибудь подобное случилось въ двѣнадцатомъ году, помѣщики, владѣльцы этихъ деревень, подняли бы такой крикъ, что миръ былъ бы заключенъ задолго до прихода Наполеона въ Москву. Именно этой скупостью на рекрутовъ и объясняются невѣроятно продолжительные сроки тогдашней службы (20 лѣтъ въ гвардіи и 25 въ арміи). Почти всѣ наличные солдаты все время оставались въ казармахъ; запаса почти не было—и мобилизованная армія менѣе, чѣмъ на 20% отличалась отъ немобилизованной: тогда какъ теперь количество обученныхъ солдатъ, которыхъ можно призвать подъ ружье въ случаѣ мобилизаціи, въ четыре раза превышаетъ число солдатъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ. Но зато теперь большая часть мужчинъ рабочаго возраста, въ любой моментъ, можетъ быть облечена въ военный мундиръ. Если бы теперешнюю армію (1.800 тыс. человѣкъ по штатамъ военнаго времени, не считая ополченія и мѣстныхъ войскъ) содержать на тѣхъ же началахъ, какъ армію Николая I, она стоила бы не пол-милліарда, а добрыхъ полтора. Это удешевленіе арміи было главнымъ эффектомъ всеобщей воинской повинности (1874 г.), которую въ публикѣ, очень часто, смѣшивали въ одно цѣлое со всѣми „великими реформами“ Александра II, но которая въ глазахъ самого военнаго начальства имѣла вполнѣ опредѣленную техническую цѣль—увеличить, по возможности, количество обученныхъ солдатъ при возможномъ уменьшеніи числа солдатъ, постоянно находящихся на казенномъ содержаніи въ казармахъ. Связь этой реформы съ 19 февраля, тѣмъ не менѣе, совершенно опредѣленная: только „освобожденіе“ крестьянъ, отнявъ у помѣщика интересъ къ личности его бывшихъ крѣпостныхъ, позволило ввести всеобщую воинскую повинность. Что она распространилась и на дворянскихъ дѣтей, это всего менѣе ломало традицію: гвардейскій „сержантъ“ или „капралъ“ временъ Екатерины II, „юнкеръ“ николаевской эпохи и „вольноопредѣляющійся“ нашихъ дней это лишь различныя инсценировки одного и того же явленія. Дворянская молодежь привыкла—не только въ Россіи—начинать свою карьеру съ военной службы. И нельзя себѣ

представить командующаго класса, который бы не стремился занять командующаго положенія въ арміи—въ XX вѣкѣ, какъ и въ X-мъ являющейся наиболѣе конкретнымъ выраженіемъ „государственности". Экономически это и находитъ себѣ выраженіе въ томъ фактѣ, что нашъ бюджетъ на всемъ протяженіи его исторіи является, прежде всего, военнымъ бюджетомъ. Въ XX вѣкѣ, какъ въ X-мъ, „данью" оплачивается содержаніе „дружины".

Библіографія.

Въ противоположность экономической исторіи Россіи, ея финансовая исторія изучена, сравнительно, очень хорошо. Для древне-русской дани см. соотвѣтствен. стран. называвшейся выше книги акад. Дьяконова („Очерки обществ. и госуд. строя древней Руси") и, кромѣ того, статью А. Я. Ефименко „Литовско-русскіе данники и ихъ дани" (Журн. Мин. Нар. Просв. 1903 январь). Для московской и петровской эпохъ до сихъ поръ сохранили всю цѣну классическія работы П. Н. Милюкова „Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства", С-пб. 1892 и, въ особенности, „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII стол. и реформа Петра В." (С-пб. 1892, есть новое изданіе). Обѣ написаны очень спеціально, популярнымъ изложеніемъ является очеркъ III перваго выпуска „Очерковъ по исторіи русской культуры" того же автора. Продолженіемъ работъ Милюкова служатъ статьи проф. Чечулина „Очерки по исторіи русск. финансовъ при Екатеринѣ II" (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1904 январь, 1905 январь—мартъ, 1906 мартъ) менѣе основательныя, какъ изслѣдованіе, но зато доступнѣе написанныя. Для XIX в. общимъ пособіемъ является книга И. Бліоха „Финансы Россіи въ XIX столѣтіи", сильно уже устарѣвшая; свѣжѣе работы проф. Мигулина „Русскій государственный кредитъ" (Харьковъ 1899) и др.—съ массою данныхъ объ ассигнаціяхъ, займахъ и т. п.

2.

Судъ.

Финансовая организація, какъ мы видѣли, тѣснѣе всего связана съ задачами внѣшней политики. Въ область политики исключительно „внутренней" мы попадаемъ съ организаціей судебной. Какъ подати и налоги, такъ и судъ касаются каждаго: это наиболѣе массовое явленіе об-

щественной жизни. Разсматривая эту послѣднюю снизу, со стороны народной массы, судъ, поэтому, приходится поставить на первое мѣсто—раньше организаціи центральной власти, напримѣръ. Съ этою послѣднею населенію не такъ часто приходится имѣть дѣло, какъ съ судомъ; степень свободы того или другого народа гораздо больше измѣряется его судебно-полицейскими порядками, нежели тѣмъ, напримѣръ, парламентскій или конституціонный у него государственный строй. Англія и Франція обѣ являются странами парламентскаго режима, Германія—образчикъ конституціонной монархіи въ ея чистомъ видѣ, тѣмъ не менѣе, подданный англійскаго короля болѣе свободный человѣкъ, чѣмъ гражданинъ французской республики, а этотъ послѣдній, со стороны его независимости отъ произвола сверху, не далеко ушелъ отъ подданнаго императора Германіи. И это потому, что Франція, перейдя къ парламентскому строю со всеобщей подачей голосовъ и т. д., почти во всей неприкосновенности сохранила тотъ судебно-полицейскій аппаратъ, какой у нея былъ во времена имперіи.

Читатель замѣтилъ, что мы говоримъ о „судебно-полицейскомъ“ аппаратѣ, соединяя въ одно цѣлое два понятія, которыя юристы-теоретики всячески стремятся раздѣлить: судъ и полицію. Какъ бы важно ни было это раздѣленіе съ точки зрѣнія теоріи, исторически оно не имѣетъ никакого смысла. Оба учрежденія выросли на одномъ корню, преслѣдовали одну и ту же цѣль—поддержаніе общественной дисциплины (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ „порядкомъ“: нѣтъ порядка безъ дисциплины, это правда, но вполнѣ можно себѣ представить свирѣпую до звѣрства дисциплину безъ всякаго порядка, въ настоящемъ смыслѣ этого слова), и даже въ своей дѣятельности долгое время были неотдѣлимы одно отъ другого: а въ такихъ странахъ, гдѣ, какъ въ Россіи, существуютъ внѣ-судебныя наказанія (административная ссылка, напр.) и разнаго рода исключительные суды, ихъ и теперь можно отдѣлить другъ отъ друга только теоретически, если не считать того внѣшняго отличія, что у чиновниковъ судебнаго вѣдомства форма съ зеленымъ кантомъ, а у полицейскихъ кантъ красный. Можно только замѣтить одно: въ дѣлѣ поддержанія дисци-

плины судебныя учрежденія, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, являются основными—они раньше появились, ихъ вѣдѣнію подлежатъ наиболѣе крупные случаи нарушенія дисциплины, они назначаютъ и самыя крупныя наказанія. Даже въ Россіи, напримѣръ, за послѣдніе годы можно найти лишь немного случаевъ смертной казни въ административномъ порядкѣ: въ то же время даже во Франціи болѣе мелкія правонарушенія судятся административнымъ, чиновничьимъ судомъ, который такъ и называется „судомъ простой полиціи“ (tribunal de simple police). Есть, поэтому, всѣ основанія изученіе органовъ общественной дисциплины начать съ суда и на немъ сосредоточить,—обращаясь къ полиціи лишь попутно.

Въ древнѣйшее, доступное нашему наблюденію, время, общественная дисциплина держалась исключительно на обычаѣ. Хозяйственный строй непосредственно отражался въ общественномъ строѣ—то, что экономически было необходимо, являлось правиломъ, нарушать которое внутри данной хозяйственной организаціи едва ли кому приходило даже въ голову. Вотъ почему о разрѣшеніи столкновеній внутри хозяйственной единицы, семьи, мы ничего не узнаемъ изъ нашихъ сборниковъ права: они заняты исключительно возможными столкновеніями между различными семьями. Только сохранившійся, по случайному поводу, въ документахъ XVI в. намекъ на „судъ старыхъ родителей“ даетъ понять, какъ рѣшались внутри-семейныя дѣла, когда они возникали: художественнымъ воспроизведеніемъ этого суда является извѣстная сцена Тараса Бульбы съ его измѣнникомъ—сыномъ. „Я тебя породилъ, я тебя и убью“. О какой либо судебной процедурѣ тутъ и рѣчи, разумѣется, не было—не было, поэтому, нужды и записывать подобныхъ судебныхъ обычаевъ, не говоря уже о томъ, что, по абсолютному безграмотству древнѣйшей эпохи, записать невозможно было физически. Но, въ связи съ хозяйственной эволюціей, семьи, какъ мы знаемъ, складывались въ племена. Племенной обычай уже далеко не столь элементаренъ, какъ семейный; недоразумѣній на его почвѣ можетъ возникнуть гораздо болѣе; въ то же время, когда восточные славяне переходили къ племенному быту, къ нимъ уже успѣло про-

никнуть искусство письма. А еще раньше къ нимъ проникли иноплеменники, норманны и, кажется, это-то и дало ближайшій толчекъ къ записи племенного обычая самаго культурнаго изъ восточно-славянскихъ племенъ, кіевскихъ полянъ. Эта запись сохранилась въ одной новгородской лѣтописи и составляетъ такъ называемую древнѣйшую редакцію Русской Правды: „Русская Правда“ — это общее названіе для всѣхъ сборниковъ древне-русскаго права, сборниковъ, какъ сейчасъ увидимъ, весьма различнаго происхожденія. Древнѣйшую запись относятъ теперь, съ большими основаніями, къ первой половинѣ X столѣтія. Она, значитъ, современница русско-греческихъ договоровъ, о которыхъ говорилось выше (см. стр. 61). Она даетъ очень живую картину докняжескаго обычая русскихъ славянъ. Общественная дисциплина обезпечивалась всецѣло самообороной. Человѣкъ, котораго ударили, гнался за тѣмъ, кто ударилъ, а догнавъ, расправлялся, какъ хотѣлъ и могъ. Если онъ самъ не въ силахъ былъ это сдѣлать, расправлялись его „чада“, его семейные. Месть за своего была не только правомъ—она, какъ и у теперешнихъ примитивныхъ народовъ, была обязанностью: въ этомъ смыслѣ и приходится понимать первую статью Русской Правды, перечисляющую кровомстителей. Долгое время, не будучи въ состояніи отрѣшиться отъ современной, „государственной“ точки зрѣнія, видѣли въ этомъ перечнѣ попытку ограничить, якобы, кровную месть опредѣленными степенями родства. Но, какъ сейчасъ увидимъ, ограничивать было некому, ибо никакой общественной власти, которая по обязанности вмѣшивалась бы въ столкновенія между членами племени (точнѣе говоря, между семьями, составлявшими племя), не знаетъ древнѣйшій текстъ Русской Правды. Единственный трибуналъ, ему знакомый, это третейскій судъ, импровизируемый въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ самими тяжущимися. Если одинъ человѣкъ обвиняетъ другого, говоритъ Правда, что тотъ взялъ какую-нибудь вещь, а тотъ начнетъ запираться, то идти имъ на „сводъ“ (или „изводъ“) передъ 12 человѣками. Какъ видимъ, сакраментальное число 12 присяжныхъ идетъ изъ чрезвычайно глубокой старины—но не видно, чтобы эти древнѣйшіе присяжные получали свои пол-

номочія отъ кого бы то ни было, кромѣ самихъ спорящихъ. Смягченіе обычая кровной мести есть въ нашемъ памятникѣ, но оно выражается совсѣмъ въ другомъ: въ отвѣтъ на убійство разрѣшается уже не убивать, а взять съ убійцы деньги. Тутъ отразилась та экономическая перемѣна, которая раньше всего покачнула семейно-племенный бытъ: появленіе торговли, познакомившей восточнаго славянина съ силою денегъ. Все можно было обратить въ деньги, включая и трупъ убитаго родственника. И очень характерно, что, если въ спискѣ мстителей мы встрѣчаемъ перечень родни, чрезвычайно архаическій, съ отзвуками материнскаго права, то въ спискѣ тѣхъ, за кого можно получить деньги, мы встрѣчаемъ пришлыхъ, безродныхъ людей — наемнаго солдата („гридѣнь", „мечникъ"), купца и просто „изгоя" (получившаго свободу холопа). У нихъ не было мстителей по обязанности, а мстители по праву, ихъ товарищи, были люди коммерческіе, предпочитавшіе деньги крови.

Въ явную насмѣшку надъ разсказомъ лѣтописи о томъ, будто первые князья были „призваны" изъ-за моря, чтобы „судить по праву", древнѣйшій памятникъ русскаго права ни однимъ звукомъ не упоминаетъ о судебной роли князя. Читая его, можно подумать, что находишься въ настоящей республикѣ. Проходитъ сто лѣтъ слишкомъ—и отъ второй половины XI столѣтія мы имѣемъ новый сборникъ обычаевъ (его нельзя назвать „новой редакціей", хотя обыкновенно его такъ и титулуютъ, ибо содержаніе его совсѣмъ другое), напоминающій намъ, что если князь пришелъ и не за тѣмъ, чтобы судить, то, во всякомъ случаѣ, придя и посидѣвъ достаточно долго, онъ забралъ въ руки и судебную власть. Слова „князь", „княжій" на каждомъ шагу мелькаютъ предъ нами въ этой „второй редакціи". Первое же постановленіе наталкиваетъ насъ на княжескаго „огнищанина" (дворянина, по-теперешнему—члена княжескаго двора, „огнища"—сравни „печище"). За убійство своего придворнаго князь желалъ получить очень круглую сумму—80 гривенъ (до 2000 р. на теперешнія деньги); за своего приказчика онъ требовалъ только 600 рублей (12 гривенъ), а за своего работника или за крестьянина, смерда—и всего 125 (5 гривенъ): изъ этого постановленія мы узнаемъ, что княжескій

колопъ и „свободный“ крестьянинъ стояли, передъ княземъ, на одной доскѣ. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ князь, очевидно, судитъ: это онъ назначаетъ 80 или 5 гривенъ штрафа. Но ни откуда не видно, чтобы онъ судилъ, какъ представитель общественной власти. Его приговору подчиняются, потому что онъ самый сильный человѣкъ въ странѣ—противъ его рѣшенія не возразишь, по крайней мѣрѣ, въ одиночку. Но едва ли кто-нибудь уполномочивалъ его произносить приговоръ, какъ тѣхъ 12 присяжныхъ, съ которыми мы встрѣчались выше. Напротивъ, есть много основаній думать, что самая запись „второй редакціи“ была результатомъ извѣстнаго ограниченія княжескаго самоуправства. Эта редакція относится ко времени сыновей Ярослава Владиміровича (умершаго въ 1054 г.)—Изяслава, Всеволода и Святослава—и представляетъ собою результатъ ихъ взаимнаго соглашенія. Времена тогда были очень смутныя—Изяслава, старшаго изъ братьевъ, дважды выгоняли изъ Кіева, первый разъ кіевляне, второй разъ его же братья. Этимъ послѣднимъ лѣтопись опредѣленно усваиваетъ демократическія, такъ сказать, тенденціи. Они заступались за Кіевъ передъ старшимъ братомъ, отличавшимся, судя по лѣтописи, качествами настоящаго тирана. Можно предположить, что съѣздъ Ярославичей былъ предпринятъ съ цѣлью обуздать лютаго Изяслава—и, при извѣстномъ давленіи снизу, эта попытка удалась. Первыя же три статьи „второй редакціи“ носятъ явный характеръ уступки: князь обязуется не взыскивать за убійство огнищанина по круговой порукѣ, если убійство совершено „въ обиду“—т.-е. въ ссорѣ; тогда отвѣчаетъ только самъ убійца. Круговая порука примѣняется лишь, если огнищанина убьютъ разбойники, или убійцъ не найдутъ. Еще выразительнѣе третье постановленіе, вовсе освобождающее отъ штрафа за убійство огнищанина, если того захватили на кражѣ лошадей, или вообще скота („у клѣти“). Это бросаетъ какъ нельзя быть болѣе яркій свѣтъ на отношенія между княжеской дружиной и населеніемъ—и показываетъ, что и въ XI в. князь, во всякомъ случаѣ, не былъ воплощеніемъ порядка. Никакъ нельзя предположить, поэтому, что право князя брать въ свою пользу штрафъ за всякое убійство, не только своего слуги, право, встрѣчающееся въ

самой распространенной, 3-й редакціи Правды, возникшей въ XII в.,—чтобы это право было предоставлено князю населеніемъ. Какъ князь его захватилъ, ни Правда, ни лѣтопись не даютъ яснаго отвѣта. Видно только, что вопросъ былъ возбужденъ еще при Владимірѣ Св., по почину византійскаго духовенства, которое требовало, собственно, введенія въ Россіи смертной казни по византійскому образцу. Это гуманное домогательство не прошло, но, кажется, именно опираясь на духовенство, всячески старавшееся изъ варяжскаго „конунга" сдѣлать государя по образу и подобію греческаго императора, князь и далъ своеобразное толкованіе своей „государственной" прерогативѣ, начавъ извлекать пользу для своей казны изо всякаго убійства. Рядомъ съ „головничествомъ" — выкупомъ отъ кровной мести—начинаетъ взыскиваться княжеская „вира": едва ли въ качествѣ выкупа отъ смертной казни, какъ думаютъ нѣкоторые ученые. Смертная казнь—явленіе гораздо болѣе поздней эпохи, и она замѣнила именно частную месть. Въ то время, когда вырабатывалась Русская Правда, князь, пользуясь своей силой, могъ, конечно, безнаказанно убить всякаго „смерда", а при случаѣ (съ бо̀льшимъ рискомъ) и горожанина. Но онъ это дѣлалъ, когда ему было нужно (послѣ возстанія, напримѣръ)—къ уголовному праву это не имѣетъ никакого отношенія.

Итакъ, на ряду съ данью, въ число княжескихъ доходовъ попали и судебные штрафы—виры, если дѣло шло объ убійствѣ, продажи, если рѣчь была о воровствѣ, либо другомъ мелкомъ преступленіи. Такъ какъ послѣднія случались, конечно, чаще, чѣмъ убійства, то „продажа" была, въ бытовомъ отношеніи, популярнѣе виры: стереотипной жалобой лѣтописца является „оскудѣніе земли отъ ратей и продажъ". Мы видимъ, что судебная власть князя въ глазахъ населенія была такимъ же бѣдствіемъ, какъ война: и что гораздо правильнѣе было бы отнести эту судебную власть къ финансовому вѣдомству, чѣмъ къ юстиціи. Тутъ опять характеренъ языкъ: „судъ" въ нашихъ старинныхъ документахъ значитъ, во-первыхъ, „судебное рѣшеніе", а во-вторыхъ „судебный доходъ". Эта двусмысленность приводитъ сплошь и рядомъ къ сочетаніямъ, прямо пикантнымъ

ь нашей, современной точки зрѣнія. „Пожаловали есмя“ итаемъ мы въ какой-нибудь грамотѣ „слугу своего (такого-о) селомъ (такимъ-то) со всѣмъ тѣмъ, что къ тому селу по-нгло, и съ хлѣбомъ землянымъ, опроче (кромѣ) ушегубства и разбоя съ поличнымъ“. Въ пер-ую минуту можетъ даже показаться, что душегубство мѣетъ какое-то отношеніе къ „земляному хлѣбу“—т.-е. по-вянной уже озимой ржи. Но нѣтъ—это душегубство не мѣетъ въ себѣ ничего аграрнаго. Это самое обыкновенное головное преступленіе—только оно разсматривается съ той е точки зрѣнія, какъ и озимая рожь: и то, и другое—„до-одныя статьи“. То же и со словомъ „самосудъ“: это зна-итъ не столько „самоуправство“, на древне-русскомъ язы-ь, сколько лишеніе князя или его слугъ слѣдующаго имъ хода. Кто-нибудь поймалъ вора съ поличнымъ и, по до-отѣ душевной, поколотивъ его, отпустилъ на всѣ четыре ороны: это „самосудъ“; не то, что вора поколотили—это, роятно, даже и самъ избитый считалъ въ порядкѣ вещей—то, что его не „явили“ волостелю или иному княжескому иновнику, и тѣ не получили причитающихся съ дѣла шлинъ.

Мы видѣли, что поддержанію общественной дисциплины дебныя полномочія князя служили всего менѣе—сейчасъ и увидимъ, что иногда ничто не мѣшало такъ этой дисци-инѣ, какъ наличность княжаго „суда“ въ старомъ смыслѣ ова. Но, однако же, скажетъ читатель, „порядокъ“ какъ-будь поддерживался? Тѣми же средствами, какъ и во емена древнѣйшей редакціи Русской Правды—самоуправ-вомъ, самосудомъ не въ древне-русскомъ, а въ нашемъ ыслѣ этого слова. „Кровная месть“ въ принципѣ продол-ла жить до XVI столѣтія: эволюціонировала, мѣнялась, ѣ всякаго вліянія княжеской власти, повидимому, ея рма. Въ позднѣйшее время мы не встрѣчаемъ уже между-мейной войны, какая была возможна въ X вѣкѣ. Безпо-дочная драка—„кто кого смогъ, тотъ того и съ ногъ“—ѣнилась дракой въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ обычаемъ, ловіяхъ: „месть“ перешла въ „судебный поединокъ“. Спо-щіе надѣвали броню и шеломъ, вооружались палицами и дубинами (въ болѣе древнее время, какъ мы знаемъ

изъ показаній иностранцевъ, мечами—замѣна остраго ору жія тупымъ была дальнѣйшимъ смягченіемъ обычая) и от правлялись въ такомъ видѣ на „изводъ“ рѣшать свой спор Кто оставался на мѣстѣ, тотъ, вмѣстѣ съ жизнью, проигры валъ и свое дѣло. Первоначально бой былъ публичным встрѣчающееся намъ въ Судебникѣ Ивана III (1497 г.) огра ниченіе публичности, разрѣшеніе присутствовать при дра только „стряпчимъ и поручникамъ“ (секундантамъ), отм чаетъ собою уже вымираніе судебнаго поединка. Такимъ ж симптомомъ вымиранія является и право сторонъ нанимат за себя бойцовъ: право, которымъ прежде всего воспользо валось, кажется, духовенство—монахъ не обязанъ былъ сам идти „на поле“, а могъ поставить „наймита“. Въ этом смягченіи суроваго обычая для себя, повидимому, и выр зилось, главнымъ образомъ, вліяніе на поединки духовно власти. Характерно, что послѣднія, по времени, упоминан о судебныхъ поединкахъ, относятся именно къ монасты скимъ имѣніямъ: по отношенію къ своимъ „подданным церковь обнаружила въ данномъ случаѣ большой консе ватизмъ. И если Стоглавый соборъ (1551 г.) возстаетъ пр тивъ „поля“, то, кажется, главнымъ образомъ потому, ч польщики прибѣгали къ гаданьямъ, колдовству и тому п добнымъ „языческимъ“ средствамъ склонить судьбу на сво сторону. Изъ всѣхъ сторонъ судебнаго поединка, кровопр литіе могло смутить всего менѣе тѣхъ, кто первый загов рилъ о необходимости смертной казни въ Россіи [1]).

Настоящія причины исчезновенія самораспра́вы даже в смягченномъ ея видѣ хорошо рисуетъ намъ одинъ эпизод случившійся въ княженіе отца Грознаго, вел. князя Вас лія Ивановича. „Боярскимъ дѣтямъ“, т.-е. по-теперешнем

---

[1]) Основываясь на благихъ пожеланіяхъ отдѣльныхъ церковныхъ писа лей—которые, случалось, осуждали и рабство, и взиманіе процентовъ, слово многое изъ того, чѣмъ церковь, какъ учрежденіе, пользовалась прежде всѣ другихъ и лучше, чѣмъ другіе—наша историческая литература создала гр діозную картину борьбы церкви противъ судебнаго поединка: при чемъ ока лось, напримѣръ, что Русская Правда не упоминаетъ о „полѣ“ изъ этически соображеній, подъ вліяніемъ духовенства! На самомъ дѣлѣ это свидѣте ствуетъ лишь, что „поле“ сложилось и существовало помимо княжеской влас Правда широкой редакціи—памятникъ княжескаго суда.

дворянамъ, помѣщикамъ, пришлось „лѣзть на поле“ противъ крестьянъ: и они отказались, заявивъ, что дворянинъ можетъ драться только съ дворяниномъ. Тогдашнее общественное мнѣніе еще высказалось противъ нихъ, какъ оно всегда высказывается противъ всякаго новшества. Но упрямыя боярскія дѣти открыли своимъ отказомъ новую эру. Дворянинъ съ дворяниномъ продолжали драться и въ XIX столѣтіи: объ этомъ хорошо знаетъ исторія русской литературы, которой „поле“ стоило Пушкина и Лермонтова. Но это не имѣло уже никакого отношенія къ праву—юридически это даже было не средство возстановленія права, а прямое правонарушеніе. Возстановлять же свое право старыми „племенными“ средствами было анахронизмомъ уже въ XVI вѣкѣ, потому, что единаго, цѣльнаго, племени болѣе не было: было общество, раздѣленное на классы, и уголовное право, какъ вся система права вообще, служила поддержанію господства высшаго класса надъ низшимъ. Эта классовая юстиція звучитъ уже весьма явственно въ томъ же судебникѣ Ивана III, рядомъ съ вымирающими остатками племенного обычая. На ряду съ „полемъ“ мы встрѣчаемъ въ этомъ памятникѣ и смертную казнь, и перечень случаевъ, гдѣ она примѣнялась въ высокой степени поучителенъ. Смертью казнили, во 1-хъ, крестьянина или холопа, убившаго своего барина; во 2-хъ, мятежника („коромольника“); въ 3-хъ, человѣка, укравшаго что-либо церковное; въ 4-хъ, поджигателя—въ эпоху закрѣпощенія крестьянъ „красный пѣтухъ“ въ деревнѣ имѣлъ очевидно, то же аграрное значеніе, что и теперь; наконецъ, профессіональнаго вора и разбойника—„вѣдомаго лихого человѣка“, широкое и неопредѣленное понятіе, подъ которое можно было подвести всякаго „злоумышленника“ противъ интересовъ господствующаго класса, и человѣка, дѣйствительно жившаго грабежомъ чужой собственности, и примитивнаго революціонера, протестовавшаго противъ угнетенія.

Лишь одинъ только типъ преступника, по Судебнику достойнаго висѣлицы, не уложится въ эти рамки—но любопытенъ этотъ типъ не менѣе. Судебникъ предписываетъ „живота не дати“, между прочимъ, и подметчику. Что это

такое? Въ своемъ переводѣ Судебника Ивана III одинъ современный иностранный путешественникъ подробно растолковалъ это истинно-русское понятіе, а памфлетная литература XVI в. дала намъ къ нему яркія бытовыя иллюстраціи. Подметчикомъ называютъ, говоритъ этотъ путешественникъ, человѣка, который подбрасываетъ тайкомъ краденыя вещи въ чей-либо домъ, чтобы „сдѣлать процессъ", поднять кляузу противъ хозяина этого дома. Изъ памфлетовъ мы узнаемъ, что подбрасывали не только вещи, но и мертвыя тѣла,—дѣло объ убійствѣ было, конечно, еще доходнѣе, чѣмъ о воровствѣ,—и что занимались этимъ тѣ самые люди, которые жили „судомъ" наравнѣ со всякими другими „данями и пошлинами", чины „княжеской администраціи", по теперешнему говоря,—знакомые намъ кормленщики (см. стр. 191). Вы удивлены: вѣдь, это же и есть „органъ порядка". Но удивляться рано: вспомните княжескаго слугу, „огнищанина" Русской Правды, котораго можно было поймать съ поличнымъ „у клѣти" и убить „во пса мѣсто", какъ собаку. Сама государственная власть XVI в. нисколько не смущалась признаваться, что кормленщикъ былъ именно „органомъ безпорядка". „Что намъ били челомъ, а сказывали" говоритъ буквально царская грамота на Вагу (1552 г.), „что де у нихъ въ Шенкурьѣ и въ Вельску на посадѣхъ многіе дворы, а въ станѣхъ и во волостѣхъ многія деревни запустѣли отъ прежнихъ нашихъ Важескихъ намѣстниковъ, и отъ ихъ тіуновъ, и отъ доводчиковъ, и отъ обыскныхъ грамотъ, и отъ лихихъ людей, отъ татей и отъ разбойниковъ и отъ костарей, а Важескаго де имъ намѣстника и пошлиныхъ людей впредь прокормити немочно, отъ того де у нихъ въ станѣхъ и въ волостяхъ многіе деревни запустѣли и крестьяне де у нихъ отъ того насильства, и продажъ, и татебъ съ посадовъ разошлись по инымъ городамъ..." Намѣстникъ и разбойникъ, „продажи" и татьба (воровство)—все это рядомъ и результаты отъ всего этого получаются одинаковые; и царская власть нисколько не скандализована этимъ страннымъ совмѣщеніемъ. Она, эта власть, вполнѣ признаетъ справедливость жалобъ и даетъ имъ удовлетвореніе. Фактъ былъ слишкомъ обыченъ—и вольно же было видѣть позднѣйшимъ

ученымъ въ княжеской администраціи племенного періода представителей „государства“. Когда пришлось заводить настоящую судебно-полицейскую администрацію, за это принялись съ того, что старыхъ княжескихъ слугъ отвели отъ дѣла вовсе.

Уже Судебникъ Ивана III ставилъ новый способъ расправы, смертную казнь, въ зависимость не отъ усмотрѣнія кормленщиковъ. Послѣдніе были въ этомъ случаѣ скорѣе исполнительнымъ органомъ мѣстнаго населенія, представленнаго „дѣтьми боярскими пятью или шестью человѣками“ или „добрыми христіанами цѣловальниками“ въ такомъ же числѣ. Дворянинъ, какъ видимъ, и здѣсь имѣлъ первое мѣсто и перевѣсъ: его слушали и безъ присяги, а крестьянинъ долженъ былъ присягать, чтобы его голосъ имѣлъ значеніе. Притомъ и къ присягѣ допускался только крестьянинъ „добрый“, т.-е. зажиточный: гдѣ не было помѣщиковъ, какъ это имѣло мѣсто на всемъ сѣверѣ Россіи, ихъ замѣняла сельская буржуазія. Разъ въ пользу обвиненія было нужное число помѣщиковъ или богатыхъ крестьянъ, и было „поличное“ (мы только что видѣли, какъ его, при случаѣ, подбрасывали), обвиняемаго казнили безъ дальнѣйшаго разбирательства; не было „поличнаго“, т.-е. былъ только голый оговоръ, безъ доказательствъ, обвиняемый отвѣчалъ своимъ имуществомъ — опять-таки безъ суда. Сущность „губного“ сыска послѣдующаго времени, расправа съ подозрительными людьми безъ суда, уже на лицо въ концѣ XV вѣка. И классовой характеръ этой расправы, и направленіе сверху внизъ также уже достаточно намѣтилось. Оставалось дать мѣстнымъ „добрымъ“ людямъ соотвѣтствующій исполнительный органъ: какъ мало годился для этой роли кормленщикъ, мы уже видѣли. Этотъ органъ и появляется передъ нами, по документамъ, въ 1539 г. въ лицѣ „губныхъ головъ“, непремѣнно изъ боярскихъ дѣтей— другихъ древнѣйшія губныя грамоты не знаютъ. „Лучшіе люди-крестьяне“ являются ихъ помощниками. Чтобы сдѣлать доступнѣе нашему пониманію губной сыскъ, нужно представить себѣ соединеніе чрезвычайной охраны или военнаго положенія съ круговою порукой. Подобно военному положенію, губное устройство (отъ слова „губа“—судебно-

полицейскій округъ) не знало никакихъ гарантій: „да которыхъ разбойниковъ поимаете съ поличнымъ или безъ поличнаго... и вы бъ тѣхъ разбойниковъ казнили смертью“, говоритъ древнѣйшая грамота. Разъ человѣкъ „вѣдомый лихой“, т.-е. „добрымъ“ мѣстнымъ людямъ ненавистный, его всегда можно поставить на пытку, и, вымучивъ признаніе, отправитъ на висѣлицу. Только, если „признанія“ даже пыткой нельзя было добиться, ограничивались сажаніемъ въ тюрьму „на смерть“, т.-е. вѣчнымъ заключеніемъ. Сами грамоты предвидятъ возможность всякихъ деликатныхъ осложненій: вліяніе споровъ изъ-за земли, или другой какой-нибудь ссоры,—но ограничиваются на этотъ счетъ моральными увѣщаніями, совѣтомъ „обыскивать въ правду, безъ хитрости“. Что дѣлать, если увѣщанія не помогутъ, и казнить людей будутъ не за настоящую вину, а для сведенія мѣстныхъ счетовъ, грамоты умалчиваютъ. Зато онѣ очень краснорѣчиво говорятъ, что случится, если не всѣ разбойники будутъ пойманы: населеніе тогда отвѣчало за всѣ причиненные разбойниками убытки по круговой порукѣ вдвое, опять-таки безъ суда; а сверхъ того, двухъ или трехъ изъ числа „лучшихъ“ людей били кнутомъ. Послѣднее касалось, конечно, только крестьянъ: дворяне отвѣчали лишь имущественно. Характерно, что въ числѣ возможныхъ обвиняемыхъ губные наказы тоже не знаютъ дворянъ,—а знаютъ „боярскихъ людей“, т.-е. крестьянъ и холоповъ. Противъ кого направлены были губныя учрежденія, такимъ образомъ, достаточно ясно. Но ихъ соціальная характеристика не ограничивается тѣмъ, что это былъ дворянскій судъ для крестьянъ,—этой своей стороной они отражаютъ одинъ экономическій процессъ XVI вѣка, образованіе крѣпостного хозяйства, основаннаго на безпрекословномъ повиновеніи крестьянъ барину. Но мы знаемъ, что этимъ экономическая характеристика московской Руси не исчерпывается: эта Русь была страною не только крѣпостного права, но и городского хозяйства, мелкихъ замкнутыхъ хозяйственныхъ округовъ, лишь очень непрочно, немногими нитями, связанныхъ другъ съ другомъ. Если бы мы не имѣли чисто экономическихъ доказательствъ существованія у насъ такого городского хозяйства, мы косвенно могли бы

ывести его наличность изъ губныхъ грамотъ. Самая орга-
изація сыска, по губамъ, по отдѣльнымъ округамъ, сно-
ившимся непосредственно съ Москвою—но обслуживав-
шимся всецѣло мѣстными силами, эта юридическая само-
тоятельность округа предполагаетъ, какъ необходимую эко-
омическую основу, его хозяйственную самостоятельность.
. затѣмъ, сыскъ направленъ не только сверху внизъ—но и
тъ „своихъ“ къ „чужимъ“. И граница хозяйственнаго
круга была настолько высока, что за этой границей даже
ворянское званіе дѣйствовало плохо. „И какъ къ вамъ ся
аша грамота придетъ“, говоритъ одинъ такой документъ:
и вы бы, прикащики Троицкіе (рѣчь идетъ о селахъ Троиц-
аго монастыря) и крестьяне, часа того, въ тѣхъ селахъ и
еревняхъ учинили межъ себя у десяти дворовъ десятскаго,
пятидесяти дворовъ пятидесятскаго, у ста дворовъ сот-
каго. Которые люди торговые или дѣти боярскія про-
зжіе учнутъ у васъ ставитися ночевати, или въ которыхъ
елахъ торговати, и вы бы межъ себя тѣхъ людей являли
есятскимъ, а десятскіе являли пятидесятскимъ, а пятиде-
ятскіе являли сотскимъ; а сотскіе съ пятидесятскими и съ
есятскими осматривали и записывали, какіе люди въ ко-
оромъ дворѣ ставятся. А которые люди проѣзжіе, не-
бычные и незнамые, въ которыхъ дворахъ въ тѣхъ
елахъ и въ деревняхъ станутъ сказыватися неимянно и не
утно, и вы бъ тѣхъ людей имали да про нихъ обыскивали
акрѣпко вправду, безхитростно, по нашему крестному цѣ-
ованью, какіе они люди...“ Какъ видимъ, сходство съ
резвычайной охраной нашихъ дней доходило даже до „обя-
ательной прописки паспортовъ“.

По мѣрѣ развитія крѣпостного хозяйства, „сыскъ“, какъ
азывалась новая форма судебной расправы въ отличіе отъ
тараго „суда“, все больше и больше бралъ верхъ надъ по-
лѣднимъ, пока при Петрѣ Вел., всякое различіе ме-
ду гражданскимъ и уголовнымъ процессомъ
овершенно стушевалось. Въ эпоху Уложенія царя
лексѣя Михайловича (1649 г.) отъ „суда“, въ смыслѣ Рус-
кой Правды и Судебниковъ, оставалось еще довольно много.
Гражданская тяжба еще очень напоминала собою борьбу.
Стороны „слались“ на опредѣленное количество людей (10)

опредѣленнаго качества: для крупной тяжбы требовалас ссылка не меньше, чѣмъ на подъячаго (мелкаго чиновника или сотника стрѣлецкаго (пѣхотнаго офицера); для мелко можно было сослаться и на крестьянъ. Но это не были сви дѣтели въ нашемъ смыслѣ этого слова. Это были „послухи" остатокъ учрежденія, такъ хорошо знакомаго Русской Правд гдѣ, въ свою очередь, они были остаткомъ еще болѣе сѣдо старины. Въ древнѣйшее время, каждый являлся на суд или на драку, съ толпой своихъ родственниковъ и сосѣдей которые и помогали ему „отстаивать свое право" въ самом буквальномъ смыслѣ слова, кулаками и дубинами. Еще в XV в. приходилось запрещать подобные процессуальны пріемы—такъ были они живучи. Но обычай уже въ XII в зналъ только смягченную форму такого пособничества: при ходившіе на судъ помогать, должны были дѣлать это н кулакомъ, а языкомъ и губами. Они должны были слово в слово подтвердить то, что утверждаетъ ихъ сторона, и под крѣпить это цѣлованіемъ креста. Достаточно было одном изъ „послуховъ" сбиться хотя бы въ одномъ словѣ—и ег сторона считалась проигравшей. „А будетъ кто въ тѣх искахъ на такихъ людей, которые писаны выше сего по шлется изъ виноватыхъ (sic)", говоритъ Уложеніе: „и т люди по допросу скажутъ не противъ его ссылки или противъ его ссылки да не всѣ въ одну рѣчь, хот одинъ не по немъ скажетъ... и его тѣмъ обвинить" Но Уложеніе предусматриваетъ случай и настоящей драк на судѣ, и подробно занимается вопросомъ, что дѣлат если одна сторона другую „обезчеститъ непригожимъ сло вомъ", „рукою зашибетъ, а не ранитъ", „замахнется оружьем или ножемъ, а не ранитъ", наконецъ „ранитъ" или „убьет до смерти", при чемъ считается возможнымъ, что въ драк попадетъ и судьямъ. Гипотеза совсѣмъ не праздная,—из документовъ XVI в. мы знаемъ о случаяхъ, когда судьям приходилось отсиживаться, запершись въ избѣ, отъ недо вольной ихъ рѣшеніемъ стороны. Въ эпоху Уложенія эт все уже преступленія, за которыя бьютъ кнутомъ или „казнятъ смертію безъ всякой пощады". Но и легальная узаконенная Уложеніемъ, борьба далеко не ограничивалас словеснымъ препирательствомъ. Во времена племенного суд

стороны и ихъ „послухи“ дрались не только крестнымъ цѣлованіемъ: въ болѣе серьезныхъ случаяхъ племенной обычай требовалъ „дати имъ правду желѣзо“. Спорящіе схватывались за раскаленный кусокъ желѣза, и кто дольше выдерживалъ, былъ правъ. Изъ этихъ „ордалій“ и на Западѣ, и у насъ, какъ правильно догадываются изслѣдователи, развилась пытка. Характерно, что въ эпоху Уложенія, пытки требовали стороны, не каждая для себя, а другъ для друга, разумѣется. Отвѣтчикъ, по живописному выраженію одного документа, „на кожу свою не слался, а слался на его истцову кожу“. Кто выдерживалъ пытку, тотъ и выигрывалъ дѣло,—смыслъ былъ тотъ же, что и при испытаніи желѣзомъ.

Читатель замѣтилъ, что Уложеніе, говоря о гражданскомъ спорѣ, употребляетъ выраженія „виноватый“: и для эпохи царя Алексѣя различіе между уголовнымъ и гражданскимъ процессами уже стиралось. Нужно, впрочемъ, оговориться: древность вообще этого различія не знала, но не знала его въ томъ смыслѣ, что для племеннаго обычая всякое дѣло, даже и убійство, напримѣръ, было дѣломъ „гражданскимъ“—споромъ сторонъ. Уголовный процессъ у насъ явился вмѣстѣ съ губнымъ „сыскомъ“: дальнѣйшая эволюція и состояла въ томъ, что эта новая форма заполонила весь процессъ. „Сыскъ“ сталъ такимъ же универсальнымъ пріемомъ, какимъ раньше былъ „судъ“. Уже въ XVII в. и тамъ и тутъ примѣнялся „повальный обыскъ“: поголовный опросъ мѣстнаго населенія о доброкачественности тяжущихся или обвиняемыхъ. Что представляли изъ себя повальные обыски на практикѣ, это очень хорошо нарисовалъ Татищевъ—историкъ начала XVIII в., помнившій эпоху Уложенія по собственнымъ юношескимъ впечатлѣніямъ. Обыскныхъ людей собирали часто изъ дальнихъ мѣстъ—ничего они по данному дѣлу не знали, но потребовавшая повальнаго обыска сторона поила ихъ до пьяна, и когда они уже совершенно не понимали, что дѣлаютъ, имъ подсовывали для рукоприкладства „обыски“. Противная сторона, однако, тоже не дремала: бывали случаи, что на пьяныхъ обыскныхъ людей внезапно налетала ватага отвѣтчика и била ихъ смертнымъ боемъ.

Эти картинки нравовъ, съ образными выраженіями въ

родѣ „слаться на кожу истца“ и т. под., лучше многаго другого дастъ намъ понять, какъ могла появиться та, невѣроятная на нашъ взглядъ, процедура, которая явилась при Петрѣ В. подъ именемъ „Воинскаго процесса“. Между отвѣтчикомъ въ гражданскомъ процессѣ и обвиняемымъ въ уголовномъ преступленіи тутъ уже нѣтъ никакой разницы. И тотъ, и другой одинаково арестовывались—исключеніе дѣлалось для чиновъ не ниже генеральскаго. Пытка является универсальнымъ средствомъ открытія истины—притомъ пытаютъ не только истца или отвѣтчика, но и свидѣтелей: „когда свидѣтель въ большихъ и важныхъ гражданскихъ дѣлахъ обробѣетъ или смутится, или въ лицѣ измѣнится, то пытанъ бываетъ“, говоритъ Воинскій процессъ. Само собою разумѣется, что въ болѣе важныхъ случаяхъ свидѣтелей арестовывали, какъ и отвѣтчика, и держали въ тюрьмѣ до конца дѣла. Читатель видитъ, что боязнь русскаго простонародья „попасть въ свидѣтели“ вовсе не глупый предразсудокъ, а имѣетъ подъ собою солидныя историческія основанія.

Вопреки распространенному мнѣнію, что прогрессъ смягчаетъ нравы, мы видимъ, такимъ образомъ, что переходъ къ эпохѣ торговаго капитализма—съ экономической точки зрѣнія несомнѣнный прогрессъ—отмѣченъ у насъ все возрастающей жестокостью судебной расправы. Эпоха Русской Правды знала, повидимому, только одинъ видъ лишенія жизни—да и то не въ качествѣ обычнаго уголовнаго наказанія: повѣшеніе. Время Петра В. знало цѣлый рядъ способовъ несравненно болѣе утонченныхъ: закапываніе живымъ въ землю (жены за убійство мужа—и вообще за убійство родственниковъ: закапывали лишь по грудь, такъ что казненныя мучились иногда по нѣскольку сутокъ, прежде, чѣмъ умирали), посаженіе на колъ (съ тѣми же послѣдствіями: смерть наступала иногда только черезъ 50 часовъ!), „колесованіе“—казненному раздробляли суставы рукъ и ногъ, при чемъ онъ опять-таки умиралъ лишь долго спустя, „копченіе“—поджариваніе на медленномъ огнѣ. Четвертованіе—отрубленіе рукъ и ногъ, а затѣмъ головы,—могло считаться еще очень гуманнымъ способомъ лишенія жизни—тутъ все кончалось въ нѣсколько минутъ. Самое наказаніе кнутомъ,

столь же обычное, какъ арестантскія роты въ наши дни, представляло собою, въ сущности, варварскую пытку. Кнутъ, какъ орудіе расправы, только по имени похожъ на невинный инструментъ, которымъ въ недавнее еще время русскій извозчикъ стегалъ свою лошадь (въ деревнѣ стегаетъ и до сихъ поръ, надо думать). „Судебный“ кнутъ—это тяжелая ременная плеть, съ жесткимъ, какъ дерево, кускомъ кожи на концѣ, загнутымъ въ видѣ когтя. Плеть была такъ тяжела, что съ одного удара могла перебить позвоночникъ казнимаго—а коготь рвалъ его мясо кусками. Практически, наказаніе кнутомъ очень часто равнялось смертной казни—„бить кнутомъ нещадно“, въ сущности, и значило „забить до смерти“. Но палачъ былъ виртуозомъ своего дѣла, и онъ могъ, при желаніи, обставить наказаніе такъ, что высѣченный отдѣлывался нѣсколькими лоскутками кожи. Для этого нужно было или, чтобы палачъ получилъ хорошую мзду, или чтобы отъ начальства былъ приказъ—не усердствовать. Въ дѣйствительности, людей высшихъ классовъ забивали на смерть кнутомъ только въ дѣлахъ, имѣвшихъ политическій характеръ—или такихъ, которымъ этотъ характеръ хотѣли придать. Вотъ почему избавленіе дворянства отъ тѣлесныхъ наказаній (по жалованной грамотѣ 1785 г.) носило опредѣленно выраженный характеръ политической льготы—а возстановленіе кнута для дворянъ при Павлѣ было органически связано съ политической реакціей. Въ обычномъ, уголовномъ порядкѣ, всѣ эти ужасы обрушивались на тотъ общественный классъ, который именно въ это время былъ уподобленъ „военнымъ людямъ, за отечество предающимся во всѣ опасности и жертвующимъ самою жизнью“. Судопроизводство XVIII в. было конкретной формой того внѣ-экономическаго принужденія, на которомъ держалось крѣпостное хозяйство. А такъ какъ это послѣднее служило торговому капиталу, какъ мы видѣли, то свирѣпая уголовная юстиція вовсе не была національнымъ, русскимъ явленіемъ—результатомъ вліянія татарщины, напримѣръ, какъ часто писали. Напротивъ, мы видимъ, что чѣмъ больше европеизируется Россія, тѣмъ жесточе становится ея уголовное право: ибо и Западная Европа, въ аналогичную эко-

номическую эпоху, знала тѣ же формы уголовной репрессіи. Колесованіе было знакомо и Франціи XVII—XVIII вв.; кнутъ имѣлся и въ австрійскомъ уголовномъ уложеніи. „Внѣ-экономическое принужденіе“ нужно было всюду, пока крестьянинъ не былъ въ достаточной степени открѣпленъ отъ земли, а рабочій отъ орудій производства. Отнять продуктъ у самостоятельнаго еще производителя можно было только путемъ террора—и уголовное право крѣпостной Россіи было заключительнымъ звеномъ цѣлой системы. Эта система давала себя чувствовать уже задолго до того, какъ выступилъ на сцену судебно-полицейскій аппаратъ государства. До сихъ поръ мы намѣренно отвлекались отъ того факта, что государственный судъ въ Россіи XVIII в. былъ, такъ сказать, „праздничной“, исключительно торжественной формой юстиціи—ея „будничная“ форма, примѣнявшаяся въ тысячу разъ чаще, это былъ судъ помѣщичій. Помѣщикъ судилъ своихъ крѣпостныхъ, вѣроятно, въ $^{9}/_{10}$ случаевъ всѣхъ правонарушеній. Собственно, только убійство и разбой начисто были исключены законодательствомъ XVII—XVIII вв. изъ помѣщичьей юстюціи: но и тутъ барину принадлежало право произвести предварительное слѣдствіе—а оно тогда было неразрывно связано съ пыткой. Пытка въ помѣщичьемъ судѣ была, пожалуй, болѣе распространена и держалась дольше, чѣмъ въ государственномъ. Въ этомъ послѣднемъ началъ ее ограничивать уже Петръ, въ 1722 г. предлагавшій сенату „размотрѣть о пыткахъ, понеже и въ малыхъ дѣлахъ пытки чинятъ, чтобы оное унять“. Въ половинѣ вѣка пытки примѣняются только въ политическихъ и крупнѣйшихъ уголовныхъ дѣлахъ—а при Екатеринѣ II онѣ юридически исчезаютъ вовсе, оставаясь, конечно, на правахъ „бытового явленія“. Помѣщикъ, преимущественно сталкивавшійся съ „малыми дѣлами“, имѣлъ, иногда, у себя застѣнокъ лѣтъ черезъ сорокъ послѣ смерти Петра—и такой застѣнокъ, что онъ могъ бы потягаться съ петровскимъ „преображенскимъ приказомъ“: у орловскаго помѣщика Шеншина, напримѣръ, „работало“ сразу до 30 палачей съ помощниками. Русская Правда знала „потокъ и разграбленіе“, конфискацію всего имущества и продажу въ рабство самого виновника только какъ возмездіе

за разбой: по судебнику гр. Румянцева, составленному имъ въ 1751 г. для своихъ вотчинъ, такая судьба постигала виновнаго въ простомъ воровствѣ, хотя бы на самую малую сумму. У вора отбирали все имѣніе, самого его сѣкли плетьми и отдавали „въ первую работу, куда потребно будетъ“ или въ рекруты. Ссылать своихъ крѣпостныхъ на каторгу помѣщики получили право только въ 1765 г.—такъ что Румянцевъ еще не могъ использовать этой дворянской привилегіи. Когда она была дана, помѣщики пользовались ею съ энергіей, приводившей въ ужасъ екатерининскихъ администраторовъ. Дѣянія помѣщиковъ на этой почвѣ новгородскій губернаторъ Сиверсъ не могъ назвать иначе, какъ „самыми возмутительными“, а сибирскій губенаторъ Чичеринъ доносилъ сенату, что изъ присылаемыхъ „въ работу“ за „продерзости“, многіе оказываются безрукими и безногими—и что среди нихъ не безъ дряхлыхъ стариковъ, которыхъ въ Сибири ни на какую работу использовать нельзя. Цѣль тутъ была, правда, очень часто не юридическая—т.-е. косвенно-экономическая, а экономическая непосредственно: стремленіе избавить крѣпостную „армію“ отъ безполезныхъ ртовъ. Но свирѣпости помѣщичьей расправы и въ этомъ случаѣ отрицать не приходится: базисомъ утонченно-жестокому „правосудію“ XVIII вѣка служило именно крѣпостное хозяйство, со сложившимися въ немъ нравами и обычаями.

Возвращаясь къ государственному суду, надо отмѣтить еще одну его черту, дорисовывающую его террористическій обликъ: тайну, тяготѣвшую надо всѣмъ судопроизводствомъ. Еще Уложеніе грозило кнутомъ подъячему, который „судное дѣло истцу или отвѣтчику кажетъ“, приравнивая такое ознакомленіе сторонъ съ судебными документами „поноровкѣ“. Тайна достигала своего апогея въ большихъ уголовныхъ или политическихъ процессахъ. Суда въ собственномъ смыслѣ слова, древнѣйшемъ ли или теперешнемъ, судоговоренія, не было вовсе. Изолированные другъ отъ друга и отъ всего міра подсудимые видѣли только своихъ слѣдователей—они же были и судьи. Цѣль послѣднихъ была весьма проста: всѣми возможными способами заставить обвиняемаго наговорить на себя и товарищей какъ

можно больше. Въ XVIII вѣкѣ эта говорливость подсудимаго подстрекалась ударами кнута на дыбѣ: „кнутъ развяжетъ языкъ“, гласила тогдашняя судебная поговорка. Въ XIX в. прибѣгали къ менѣе грубымъ средствамъ. Продолжительное одиночное заключеніе, эффектъ котораго усиливался ловко пропускаемыми за стѣны тюрьмы „слухами“, „вѣстями отъ родныхъ“—иногда, въ болѣе важныхъ случаяхъ и съ болѣе крѣпкими людьми, прямыми обѣщаніями, которыхъ потомъ, разумѣется, и не думали исполнять,—все это доводило заключеннаго до такого нервнаго возбужденія, что онъ начиналъ чувствовать неудержимую потребность высказаться передъ кѣмъ бы то ни было и чего бы ему это ни стоило. Невѣроятная, на нашъ взглядъ, откровенность декабристовъ и петрашевцевъ больше, чѣмъ на половину, объясняется этой, вѣками выработанной и испытанной, практикой стараго суда. Затѣмъ, когда словъ—иногда прямо истерической болтовни—въ рукахъ слѣдователей было достаточно, оставалось изъ этого лѣпкаго матеріала надѣлать формальныхъ уликъ, а это мало-мальски опытному судьѣ было уже легче легкаго. Если и въ позднѣйшее время, при гласномъ судопроизводствѣ, иногда не стѣснялись приписывать подсудимому то, чего онъ никогда и не думалъ, основываясь на нѣсколькихъ вырванныхъ на удачу и вкривь и вкось перетолкованныхъ фразахъ, то какія же препятствія могли существовать для этого въ то время, когда заключенія суда становились извѣстны подсудимому одновременно съ приговоромъ? Ибо отвѣты слѣдователямъ и выслушаніе приговора, это были единственные моменты, когда обвиняемый соприкасался съ судомъ. Все остальное творилось въ четырехъ стѣнахъ канцеляріи, подъ непроницаемымъ покровомъ судебной тайны.

Канцелярское судопроизводство должно было отличаться крайней сложностью и медленностью. Такъ оно и было: еще въ 40-хъ годахъ XIX в. требовалось иногда двѣнадцать лѣтъ, чтобы только „дать дѣлу ходъ“; былъ случай, что понадобилось 46 понужденій, чтобы получить простую справку. Притомъ судъ этотъ, какъ установилось съ XVI вѣка, былъ сословный дворянскій. Уже въ XVII в. дворянскій губной староста не только преслѣдовалъ разбойни-

ковъ, но могъ и вообще судить: а гдѣ его не было, судилъ воевода, опять-таки всегда дворянинъ, только не выбранный мѣстными помѣщиками, а назначенный сверху. Въ 1702 г. губные старосты были уничтожены, но дворянскіе засѣдатели, подъ разными именами и различнымъ образомъ назначавшіеся, сохранились и при творившихъ судъ въ XVIII в. губернаторахъ и воеводахъ (которые были теперь помощниками губернаторовъ—управляли частями губерніи, „провинціями"). Центральное судебное учрежденіе, юстицъ-коллегія, созданная Петромъ (ранѣе каждый „приказъ" московскаго государства судилъ самостоятельно тѣхъ, кѣмъ онъ завѣдывалъ—и только крупнѣйшія уголовныя дѣла были сосредоточены въ особомъ учрежденіи, „Разбойномъ приказѣ"), была избрана при участіи всѣхъ дворянъ, находившихся тогда въ Петербургѣ. При Екатеринѣ II сложилась окончательно система дореформенныхъ судебныхъ учрежденій: двѣ низшія инстанціи, уѣздный судъ и верхній земскій судъ, были выборные отъ дворянства; палаты гражданскаго и уголовнаго суда были, сначала, назначенныя, но тоже изъ дворянъ, разумѣется; при Александрѣ I и палаты стали выборными отъ дворянства (при чемъ исчезъ верхній земскій судъ). Въ низшихъ инстанціяхъ появились выборные и отъ крестьянъ (некрѣпостныхъ), но они имѣли чисто-декоративное значеніе. Сложный, медленный и помѣщичій по своему составу судъ—какъ могъ онъ удовлетворять потребностямъ того класса, который на Руси народился, росъ и развивался какъ разъ въ эту эпоху—буржуазіи? Казалось, на пути развитія капитализма въ Россіи судебная ея организація стояла непреодолимымъ препятствіемъ. Но это иллюзія. Государственная власть умѣла обойти препятствіе: буржуазія уже съ XVII вѣка и до реформы 60-хъ годовъ въ своихъ, буржуазныхъ дѣлахъ, была неподсудна общимъ судамъ. Губной староста или воевода еще могъ судить уѣздныхъ лавочниковъ (въ 1699 г. онъ потерялъ и это право), но гостя, крупнаго капиталиста, онъ судить не могъ: гостя судили только въ Москвѣ, органы центральнаго правительства. Начиная съ Петра, купечество вообще, не только крупное, имѣетъ у насъ свои особыя судебныя учрежденія, въ образѣ „магистратовъ". Но, что го-

раздо важнѣе, буржуазія выработала у насъ свою форму суда, спеціально для коммерческихъ дѣлъ: это былъ, такъ называемый, таможенный судъ. Его отличительными чертами были устность и скорость. Дѣло разбиралось, примѣрно, такъ же, какъ теперь въ камерѣ мирового судьи; рѣшали споръ документы и свидѣтельскія показанія, и рѣшеніе немедленно приводилось въ исполненіе. Та тяжелая форма гражданскаго процесса, съ повальнымъ обыскомъ, пыткой, безконечнымъ бумагописаніемъ и безчисленными взятками во всевозможныхъ инстанціяхъ (при Екатеринѣ II число ихъ доходило до шести, не считая прошенія на Высочайшее имя), которая намъ знакома по Уложенію царя Алексѣя и документамъ XVIII столѣтія, касалась только земельныхъ тяжебъ—и отношеній между дворянами, ибо купцы владѣть землею не могли. Это было естественное дополненіе системы крѣпостного хозяйства—буржуазное хозяйство, поскольку оно существовало, не было стѣснено этими устарѣвшими пріемами. Когда, въ срединѣ XIX в., элементарной формы „таможеннаго“ суда оказалось уже мало, и началось заимствованіе европейскихъ буржуазныхъ учрежденій, какъ разъ для русской буржуазіи они не представляли собою абсолютной новости. Здѣсь былъ не крутой разрывъ съ прошлымъ, а рядъ постепенныхъ переходовъ: недаромъ и первые проекты судебной реформы 60-хъ гг. относились не къ уголовному, а къ гражданскому судопроизводству (самымъ первымъ было положеніе о присяжныхъ повѣренныхъ).

Дворянскій судъ держался ровно столько времени, сколько крѣпостное хозяйство: на другой же день послѣ 19 февраля онъ оказался ненуженъ и вреденъ. Идея судебной реформы была у насъ всегда параллельна идеѣ крестьянской реформы. Первые, неясные проблески „новаго суда“ современны тѣмъ годамъ царствованія Екатерины II, когда она смутно мечтала еще объ освобожденіи крестьянъ. Послѣдовавшій затѣмъ расцвѣтъ барщиннаго хозяйства погасилъ самую мысль о возможности судебныхъ преобразованій—и даже отмѣна пытки была встрѣчена дворянствомъ съ ропотомъ. Вновь обѣ реформы сразу ставятся на очередь проектами Сперанскаго)—и вмѣстѣ съ этими проектами рушатся. Въ проек-

тахъ декабристовъ упраздненіе крѣпостного права и судъ присяжныхъ опять встрѣчаются рядомъ. Николай I почти все свое царствованіе собирался приступить къ освобожденію крестьянъ—и хотя такъ и не осуществилъ этого своего намѣренія, но кнутъ отмѣнилъ именно онъ (въ 1845 г.), и къ его же царствованію относятся первые проекты общей судебной реформы. Наконецъ, при Александрѣ II обѣ реформы трогаются въ путь вмѣстѣ (1857—1858 годы). Какъ извѣстно, ихъ внутренняя связь подчеркнута, хотя и неудачно, и государственнымъ совѣтомъ въ его мотивировкѣ судебныхъ преобразованій: государственный совѣтъ находилъ, что 19 февраля, упразднивъ помѣщичьи суды, поставило на очередь вопросъ о новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ; на самомъ дѣлѣ, исчезновеніе крѣпостного хозяйства сдѣлало неизбѣжными новыя формы суда. Старое орудіе крѣпостной дисциплины становилось болѣе не нужно, и его съ тѣмъ большей радостью спѣшили сбросить, что и дворянской рукѣ нелегко было имъ владѣть. Крѣпостное хозяйство и здѣсь, какъ интенсификація барщины, оказывалось общей тюрьмой—и для мужика, и для барина. Никто, при Екатеринѣ II, не отстаивалъ съ большею убѣдительностью цѣлесообразности крѣпостного права, чѣмъ кн. Щербатовъ. Но посмотрите какъ онъ тоскуетъ по буржуазнымъ формамъ суда. „Говоря о безопасности личной, не могу я не помянуть и того, чего бы ради каждому по уголовному дѣлу обвиняемому человѣку не дать стряпчаго или совѣтника, который бы могъ спомоществовать ему оправдаться? Въ малой или великой вещи имѣнія нашего имѣемъ мы прибѣжище къ совѣту стряпчихъ; но какъ скоро касается до нашей жизни и чести, тутъ въ робости, смущеніи и въ трепетѣ духа, лишенные совѣту и помощи, сами должны отвѣчать и искать себѣ оправданій... Говоря о содержаніи подъ стражей, не могу я умолчать объ аглинскомъ установленіи, габеасъ корпусъ называемомъ, по коему каждый, въ какомъ бы уголовномъ дѣлѣ не былъ обвиняемъ, имѣетъ право, сыскавъ по себѣ поручителей, отъ содержанія подъ стражей избѣжать и пользоваться свободой. Чего же бы ради сего у насъ не учредить? Ибо примѣръ аглинской намъ доказуетъ, что отъ сего никакого зла не происходитъ“. Дворянству судеб-

ныя гарантіи нужны были, какъ политическія гарантіи— и тутъ была антиномія (внутреннее противорѣчіе) крѣпостного строя; онъ могъ держаться лишь безграничнымъ гнетомъ сверху, и если подъ прессъ попадалъ дворянинъ, ему уже не приходилось жаловаться. Отсюда другая связь— связь судебной реформы съ проектами реформъ политическаго строя Россіи въ XVIII—XIX вв. Новые суды не только практически были нужны, какъ орудіе новаго хозяйственнаго строя, но и были симпатичны, какъ символъ новыхъ политическихъ порядковъ. Введеніе въ дворянской Россіи относительно демократическаго суда присяжныхъ невозможно объяснить внѣ этой политической связи. Но эта сторона дѣла ближе относится къ предмету слѣдующихъ главъ—тамъ мы ею и займемся.

Библіографія.

Внѣшняя исторія суда въ Россіи изучена еще лучше, нежели исторія финансовъ; тутъ, помимо всего прочаго, помогало еще практическое условіе—наличность въ университетахъ спеціальной каѳедры „исторіи русскаго права", а, стало быть, необходимость вырабатывать и соотвѣтствующіе курсы. Изъ этихъ послѣднихъ лучшіе Владимирскаго-Буданова „Обзоръ исторіи русскаго права" (нѣсколько изданій, начиная съ 1880-хъ гг.) и Сергѣевича „Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права" (также нѣсколько изданій, самое полное—первое, 1883 г.). Само собою разумѣется, что это работы чисто юридическія—и что авторы ихъ скорѣе готовы допустить вліяніе права на хозяйство, чѣмъ наоборотъ. Ближе къ правильной точкѣ зрѣнія стоятъ работы историковъ, пока касавшіяся только древнѣйшаго періода. Для этого послѣдняго см. очень хорошій, по обыкновенію, краткій очеркъ въ уже названномъ соч. проф. Грушевскаго („История Украіни-Русі", т. III) и, особенно болѣе крупную работу Н. А. Рожкова, „Очерки юридическаго быта по Русской Правдѣ" (Журн. Мин. Нар. Просв., 1897, №№ 11—12). Послѣдней досталась совершенно исключительная въ русской литературѣ честь—не остаться безъ вліянія на западно-европейскую науку: новѣйшая работа о Русской Правдѣ проф. Геца (L. K. Goetz, „Das Russische Recht" 1910—13, 3 тома) испещрена ссылками на Рожкова. Для болѣе новыхъ періодовъ приходится пользоваться или вышеназванными „курсами", или старыми работами описательнаго типа. Наибольшее значеніе сохранила изъ нихъ до сихъ поръ „Исторія судебныхъ инстанцій" Ѳ.М. Дмитріева, охватывающая періодъ съ XV по XVIII в. (вышла первоначально въ 1859 г., переиздана, какъ I томъ „Сочиненій" Д-ва, въ 1899 г.). Для исторіи возникновенія „новаго суда" см. В. Гессена „Судебная реформа" (въ серіи „Великія реформы 60-хъ гг.", вып. II.)—живо написанный но чисто внѣшній очеркъ.

3.

Центральная власть.

Познакомившись съ военно-финансовой и съ судебной организаціей, мы узнали главныя функціи государственной власти: остается узнать теперь, какъ была организована сама эта власть на протяженіи русской исторіи. Иными словами, какова была политическая организація господствующихъ классовъ въ Россіи отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Читатель, конечно, не ожидаетъ отъ насъ разсказа о постепенномъ возникновеніи русскаго государства, независимо отъ русскаго общества. Это раздѣленіе „общества“ и „государства“, очень характерное для той поры, когда буржуазія была уже соціальной силой, но не владѣла еще политической властью, теперь утратило всякое значеніе, даже публицистическое. Для историка же, въ особенности для историка-матеріалиста, такое раздѣленіе и никогда не имѣло бы смысла.

Но, возразитъ намъ читатель, общественные классы появляются, вѣдь, въ исторіи довольно поздно: вы сами относите появленіе ихъ въ Россіи къ XVI, примѣрно, столѣтію. А была какая-нибудь государственная власть и раньше. Если бы мы захотѣли придираться къ словамъ, мы могли бы просто отвѣтить: нѣтъ, не было. Потому что тѣ, сначала племенныя, потомъ военно-торговыя, позже феодально-землевладѣльческія ассоціаціи, какія мы встрѣчаемъ въ Россіи до образованія московскаго государства Ивана IV, весьма мало были похожи на то, что мы называемъ „государствомъ“. Отличительнымъ признакомъ послѣдняго являются единство территоріи и единство верховной власти. Мы не можемъ себѣ представить, чтобы въ Москвѣ былъ одинъ законъ—а въ Клину другой: или чтобы въ Россіи были одновременно два правительства, издающія законы независимо другъ отъ друга. То-есть, мы не можемъ себѣ этого представить юридически: практически, какъ мы знаемъ, все бываетъ, только, когда что-либо подобное случается, мы начинаемъ говорить именно объ отсутствіи го-

сударства, объ „анархіи". Но въ средніе вѣка, не только въ Россіи, а и всюду, не было ни того, ни другого условія: территорія была раздроблена самымъ причудливымъ образомъ и—„что ни колокольня, то особый законъ". А власть, на отдѣльныхъ кускахъ территоріи, была раздроблена еще болѣе: еще въ XVIII вѣкѣ въ Россіи трудно было размежевать въ имѣніи власть государя-императора и мѣстнаго государя-помѣщика; и первый молчаливо признавалъ, что населеніе крѣпостного имѣнія не непосредственно зависитъ отъ него, представителя центральной власти,—при перемѣнахъ на русскомъ престолѣ въ XVIII в. крѣпостные къ присягѣ на вѣрность новому государю не приводились; за нихъ присягали ихъ помѣщики. А это было уже въ эпоху вымиранія русскаго феодализма: можно себѣ представить, какая черезполосица въ этомъ отношеніи господствовала въ періодъ его расцвѣта. Единство территоріи и единство власти становятся возможны только съ появленіемъ классоваго общества, и проходитъ довольно много времени прежде, чѣмъ эта возможность превращается въ дѣйствительность. Тѣмъ не менѣе „до-государственныя", какъ сказали бы въ старое время, формы политической ассоціаціи представляютъ, исторически, большой интересъ, и стоятъ того, чтобы мы ими нѣсколько занялись.

Первичное „государство" вполнѣ совпадало съ первичнымъ хозяйствомъ: большая семья была и основной экономической и основной политической единицей первобытной, для Россіи до-исторической, эпохи. Выразительный слѣдъ этого остался, до XV—XVI в., въ политической зависимости холопа отъ своего барина и за предѣлами даннаго хозяйства. Въ Новгородѣ судья не судилъ холопа иначе, какъ въ присутствіи его „государя"; въ Московскомъ великомъ княжествѣ начала XVI в. дѣло шло еще дальше—должникъ, отрабатывавшій долгъ во дворѣ у своего кредитора, подлежалъ суду этого послѣдняго: „а кто человѣка держитъ въ деньгахъ, и онъ того человѣка судитъ самъ, а окольничіе (княжескіе чиновники) въ то у него не вступаютъ", говоритъ московскій вел. князь въ одной своей грамотѣ. Такъ какъ рѣчь идетъ о грамотѣ смоленской, то

возможно, что это былъ мѣстный, западно-русскій, обычай: какъ бы то ни было, для насъ онъ характеренъ, какъ переживаніе той далекой поры, когда „семья“ и „государство“ совпадали. Это стадія, соотвѣтствующая древнѣйшему земледѣльческому хозяйству. Характерно, что лѣтопись, въ тѣхъ своихъ записяхъ, которыя восходятъ еще ко второй половинѣ XI вѣка, помнитъ объ этой стадіи. [1]) „Родъ“ нашей лѣтописи—это и есть большая семья первобытныхъ земледѣльцевъ. Если вѣрить ей, то „родовой бытъ“ удержался у насъ до появленія норманновъ въ IX столѣтіи. Но вѣрить тогдашнему писателю буквально относительно того, что было на 200 лѣтъ раньше, было бы, конечно, неосторожно. Въ кругъ торговыхъ интересовъ восточной Европы русскіе славяне втянулись, вѣроятно, до прихода варяговъ, во всякомъ случаѣ, до ихъ окончательнаго утвержденія. Лѣтопись и объ этомъ сохранила смутное воспоминаніе. Миѳическому Кію, основателю города Кіева, и его братьямъ она усвоиваетъ, какъ профессіональное занятіе, охоту: „бяху ловяще звѣріе“. Но охота, какъ профессія, относится, мы знаемъ, къ довольно позднему времени—она приняла характеръ постояннаго промысла, по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ торговлей мѣхами—что очень хорошо вяжется съ другой легендой той же лѣтописи, о путешествіяхъ охотника-Кія въ Царьградъ. Въ преданіи, пріуроченномъ къ опредѣленному лицу, отразилась цѣлая эпоха народной жизни. Подъ вліяніемъ охоты и охотничьихъ интересовъ семьи сомкнулись въ племена: что норманны, придя на восточно-европейскую равнину, застали тамъ уже племенную организацію славянъ, въ этомъ та же лѣтопись не оставляетъ никакого сомнѣнія. Варяжскіе конунги имѣютъ дѣло не съ „родами“ Кія или кого-нибудь другого, а съ Полянами, Кривичами, Древлянами и т. д. Лѣтописецъ утверждаетъ даже, что у каждаго изъ этихъ племенъ было „свое княженіе“: и этою неловкою обмолвкой онъ, конечно, уничтожаетъ свой же позднѣйшій разсказъ, о томъ, какъ норманновъ призвали,

---

[1]) „Живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстахъ, володѣюще кождо родомъ своимъ“, говоритъ она о Полянахъ (обитателяхъ Кіевской земли).

чтобы имѣть князей, которые бы „судили по праву“. Мы уже знаемъ, что историческіе, варяжскіе князья именно никого и не судили. Что дѣлали ихъ славянскіе предшественники, это опять просвѣчиваетъ въ одномъ разсказѣ лѣтописи, гдѣ древляне, жалуясь Ольгѣ на ея, убитаго ими, мужа, Игоря, сравнивая его съ „волкомъ, который расхищалъ и грабилъ“, противополагаютъ ему своихъ „добрыхъ“ князей, которые „пасутъ“ землю, какъ пастухъ овецъ. Это кроткое сравненіе показываетъ, что древнѣйшій князь рисовался современникамъ и ближайшему потомству не военачальникомъ и не собирателемъ дани. Сопоставляя этотъ отзывъ съ профессіей миѳическаго Кія, его можно представлять себѣ, какъ организатора племенного промысла, охоты—функція, весьма обычная для вождя теперешнихъ охотничьихъ племенъ. У негровъ центральной Африки племенной вождь, если не идетъ на охоту самъ, то назначаетъ распорядителей охоты—и ему же принадлежитъ, по обычаю, лучшая добыча, шкура льва или леопарда, напримѣръ.

Передъ такими „добрыми“ князьями норманнскій вождь со своею „дружиной“ долженъ былъ играть такую же роль, какъ вооруженныя шайки арабскихъ работорговцевъ въ центральной Африкѣ нашихъ дней. Исторія тѣхъ же древлянъ показываетъ, что получалось изъ столкновенія глинянаго горшка съ желѣзнымъ. Племенные князья, видимо, ничего не сумѣли организовать, когда изъ охотниковъ они, со своими подданными, превратились въ объектъ охоты. Въ лѣтописи, племенное славянское княжество очень быстро закрывается отъ насъ варяжскимъ княжествомъ. По прежде, чѣмъ оставить племенной бытъ, необходимо отмѣтить, что князь вовсе не единственный представитель племенной организаціи, о какомъ упоминаетъ лѣтопись. Она знаетъ и племенное вѣче. Передавая народную сказку, о томъ, какъ поляне испугали своихъ побѣдителей хозаръ, предложивъ имъ, въ видѣ дани, мечъ, лѣтопись говоритъ, что поляне сдѣлали это „сдумавше“. „Думать“ на лѣтописномъ языкѣ, значитъ совѣщаться: сказка изображаетъ полянъ собравшимися на сходку и разсуждающими что имъ предложить хозарамъ? Сказка очень старая—въ Кіевѣ XI вѣка едва ли не-книжники помнили хазарское на

шествіе. Полянская „дума“ едва ли отражаетъ собою позднѣйшее, городское вѣче—вѣрнѣе, мы имѣемъ тутъ опять подлинный отзвукъ старинныхъ, до-норманнскихъ, порядковъ.

Мы отдѣляемъ это древнѣйшее, племенное вѣче (было бы совершенно напраснымъ трудомъ пускаться въ домыслы о томъ, каковъ былъ его составъ, права и полномочія) отъ позднѣйшаго, городского, потому что связывать эти два явленія, какъ послѣдовательныя звенья одной цѣпи развитія, столь же мало основаній, какъ и устанавливать преемственную связь между земскими соборами XVII в. и теперешней государственной думой. Кіевское городское вѣче возникаетъ, можно сказать, на нашихъ глазахъ, въ совершенно опредѣленной соціально-экономической обстановкѣ: нѣтъ ни малѣйшаго смысла искать ему отдаленныхъ предковъ. Какой пережитокъ племеннаго вѣча дожилъ до исторической поры, мы сейчасъ увидимъ. На первыхъ порахъ варяжскій князь является, по отношенію къ покореннымъ славянамъ, со всѣми чертами „самодержавнаго монарха“—если позволить себѣ такую модернизацію относительно „государя“, который только и дѣлалъ, что собиралъ дань и „воевалъ всюду“: къ этому сводилась вся его „политическая дѣятельность“. Это не значитъ, чтобы его личная воля не знала никакихъ сдержекъ: индивидуальный деспотизмъ противорѣчилъ бы всѣмъ отношеніямъ и понятіямъ этой эпохи. Норманнскій конунгъ очень и очень долженъ былъ считаться съ мнѣніемъ своихъ боевыхъ товарищей—а когда главнѣйшіе норманнскіе отряды слились въ одну общую организацію, главный конунгъ долженъ былъ считаться съ мнѣніями второстепенныхъ вождей. Въ договорахъ съ греками все варяжское начальство выступаетъ передъ нами, какъ мы видѣли (см. выше, стр. 61—62), общей массой—и „великій князь“ въ этой массѣ скорѣе „первый между равными“—исполнительный органъ общихъ рѣшеній; а позади „всего княжья“, основнымъ фономъ картины, рисуется „вся Русь“, всѣ члены военно-торговаго товарищества, извѣстнаго намъ подъ красивымъ именемъ „дружины“. Но чего мы не видимъ въ договорахъ—это племенныхъ вождей покореннаго славянства и вообще какихъ бы то ни

было представителей послѣдняго. Они выступили на сцену поколѣніе—два спустя.

Расцвѣтъ норманнскаго княжества падаетъ на времена, для лѣтописи уже полу-легендарныя. Конецъ X вѣка, эпоха св. Владиміра, это не весна, и даже не лѣто, а яркая осень варяжскаго господства—а немедленно послѣ смерти его сына, Ярослава, власть конунга падаетъ до такого уровня, что подъ перомъ новѣйшихъ историковъ появляется для него совсѣмъ непочтительное названіе: „наемный сторожъ". Такими не были еще, конечно, даже Владиміръ и Ярославъ—а по отношенію къ Святославу Игоревичу, самому блестящему представителю варяжскаго княжья, слово „сторожъ" даже грамматически не примѣнимо, ибо онъ какъ разъ ничего не „сторожилъ", все свое вниманіе отдавая захватамъ чужого. „Блескъ" этой эпохи имѣлъ вполнѣ опредѣленную историческую основу подъ собой: „держава" Олега и Святослава обязана своимъ возникновеніемъ ряду удачныхъ войнъ съ Византіей. Народная фантазія очень украсила потомъ эти войны: для византійскихъ историковъ, „руссы" вовсе не являются самыми страшными изъ враговъ имперіи. Но, даже и по ихъ показаніямъ, былъ все же моментъ, когда среди этихъ враговъ русскій князь стоялъ на первомъ планѣ: это было въ дни борьбы именно Святослава съ Цимисхіемъ (967—971 гг.). Крахъ экспедиціи Святослава въ Болгарію, его смерть отъ руки состоявшихъ на византійской службѣ печенѣговъ, были тяжелыми ударами для основанной Олегомъ „державы". Преемнику Святослава пришлось ужъ удовольствоваться положеніемъ вассала восточнаго императора: какъ бы мы ни разсматривали принятіе христіанства Владиміромъ съ точки зрѣнія религіозной эволюціи (объ этомъ будетъ рѣчь ниже), политическая сторона этого событія совершенно ясна; по тогдашнимъ понятіямъ, всякій православный христіанинъ былъ подданнымъ императора—и для варварскаго вождя креститься по греческому обряду значило вступить въ ряды византійскаго вассалитета. Греки сейчасъ же и учли это событіе, отведя русскому князю опредѣленное мѣсто въ рядахъ своей придворной іерархіи—и нѣтъ никакихъ основаній думать, что Владиміръ своего положенія не понималъ. Онъ только ста-

рался сдѣлать его возможно болѣе почетнымъ, получивъ въ жены византійскую принцессу; но и это удалось ему не сразу—и, кажется, даже не совсѣмъ: есть основанія думать, что принцессу за него выдали не настоящую, не сестру императора, а одну изъ отдаленныхъ его кузинъ, такъ сказать, только „княжну крови императорской". Ярославъ Владиміровичъ сдѣлалъ послѣднюю попытку возобновить походы на Византію, но она кончилась такою катастрофой, что болѣе объ „активной политикѣ" въ этомъ направленіи мы ничего уже не слышимъ.

„Разбойничья торговля" нашла барьеръ, черезъ который она не въ силахъ была перешагнуть. Славяне, казавшіеся сначала, вѣроятно, только первой ступенью (Святославъ гордо называлъ „срединой земли своей" только что захваченную имъ Болгарію, игнорируя Поднѣпровье—а когда къ нему пришли за княземъ изъ далекаго Новгорода, онъ презрительно спрашивалъ: „да кто же къ вамъ пойдетъ?") оставались теперь единственнымъ объектомъ эксплуатаціи. Приходилось устраиваться среди нихъ—и какъ-нибудь ладить съ ними. Ибо та истина, что „на штыкахъ (для той эпохи слѣдовало бы сказать „на копьяхъ") сидѣть нельзя", хорошо сознавалась умными норманнскими разбойниками: это они показали всюду, не только въ Россіи, а и въ Англіи, Нормандіи, южной Италіи. Въ совѣтѣ Олега и Игоря мы не встрѣчаемъ никакихъ „представителей мѣстнаго населенія"; въ совѣтѣ Владиміра Св., рядомъ съ епископами, представителями византійскаго сюзерена Руси, мы находили и старцевъ или старѣйшинъ по всѣмъ городамъ. Это была славянская племенная старшина, сидѣвшая въ думѣ Владиміра бокъ о бокъ съ епископами и варяжскими дружинниками—боярами и гридями. Но уступка были уже запоздалой, и племенная старшина не представляла болѣе населенія. Княжеская власть еще держалась, пока шла удачно ея ближайшая „внѣшняя политика"—борьба со скотоводами сосѣднихъ степей. При Ярославѣ (если еще не при Владимірѣ), потомокъ норманскихъ конунговъ даже сдѣлалъ, повидимому, удачную попытку расширить свою компетенцію, захвативъ въ свои руки судъ: какъ первый князь-судья Ярославъ и остался въ заголовкѣ Русской

Правды, хотя она, какъ мы видѣли, и древнѣе его въ своей первоначальной редакціи. Но когда въ южно-русскихъ степяхъ разбитые Ярославомъ печенѣги смѣнились свѣжими и энергичными половцами, и дружины сыновей Ярослава побѣжали передъ ними съ поля битвы на р. Альтѣ, давно клонившійся къ низу престижъ варяжскихъ завоевателей рухнулъ окончательно. „Люди кіевскіе" поднялись, и выгнали Ярославичей, взявъ себѣ князя изъ чужой, полоцкой династіи. Характерно, что изъ всѣхъ сыновей Ярослава на своемъ, черниговскомъ, столѣ усидѣлъ Святославъ,—которому посчастливилось разбить направившійся въ его сторону отрядъ половцевъ. Старшему Ярославичу удалось потомъ вернуться въ Кіевъ, но только съ помощью изъ-за границы, отъ поляковъ—и онъ могъ держаться, только пока поляки не отказали ему въ помощи. Его сыну, Святополку, удалось умереть кіевскимъ княземъ, но на другой же день послѣ его смерти новая революція окончательно сбросила съ Кіевскаго стола старшую линію Ярославова потомства (объ этой революціи, съ ея экономической стороны, см. на стр. 93). Владиміръ Мономахъ (1113—1125) былъ, фактически, уже выборнымъ княземъ—и эпитетъ „наемнаго сторожа" подходилъ къ нему въ достаточной степени: его популярность, главнымъ образомъ, держалась на удачныхъ войнахъ съ половцами.

Чьихъ же рукъ дѣло была кіевская революція? Конечно, не старыхъ племенныхъ вождей, которые еще сидѣли въ совѣтѣ Владиміра. Оба раза, и въ 1068, и въ 1113 г., мы видимъ на сценѣ городскую толпу. Мы видѣли, что кіевская Русь уже знала крупные зачатки городского хозяйства и торговаго капитализма. Движеніе, свергнувшее варяжскій абсолютизмъ, шло отъ новаго общества, созданнаго этими новыми экономическими силами. Это хорошо отразилось въ законодательствѣ, вызванномъ къ жизни второю кіевской революціей (1113 г.). Центръ тяжести тѣхъ статей Русской Правды, которыя объединяются общимъ именемъ „устава Владиміра Мономаха"—въ борьбѣ съ ростовщичествомъ: даются льготныя условія для старыхъ долговъ, и запрещается впредь брать болѣе 20% годовыхъ. Отчасти, эти мѣры шли на пользу задолжавшему кре-

стьянству, „закупамъ“ (см. стр. 57), но непосредственно уставъ Мономаха имѣлъ въ виду не ихъ, а купцовъ, для которыхъ онъ ввелъ чрезвычайно важную льготу—отмѣну рабства за долгъ въ случаѣ банкротства „несчастнаго“, отъ пожара, кораблекрушенія или войны. Какъ прогрессивно было для своей эпохи это нововведеніе, показываетъ тотъ фактъ, что должникъ отвѣчалъ у насъ за долгъ своею личностью еще въ XVI столѣтіи, въ эпоху Грознаго. Съ классовой стороны это нововведеніе шло на пользу именно мелкому купечеству—т.-е. тѣмъ ремесленникамъ-торговцамъ, о которыхъ говорилось выше (см. стр. 89). Кредитуясь у крупныхъ капиталистовъ, они всего больше страдали отъ ростовщичества—и, несомнѣнно, это они и шли въ главѣ „людей кіевскихъ“ въ возстаніи 1113 г. Что городское ополченіе этой эпохи также состоитъ, главнымъ образомъ, изъ купцовъ (см. стр. 184)—это какъ нельзя лучше вяжется съ общей картиной. Мелкій людъ города, ремесленники и чернорабочіе, шли за купечествомъ, съ которымъ они были матеріально связаны.

Мы не будемъ разсматривать аналогичнаго новгородскаго движенія—почти ровно на сто лѣтъ моложе кіевскаго (новгородская революція, двойникъ кіевскаго 1113 г., приходится на 1209 годъ.) Какъ болѣе поздняя, она осложнилась еще нѣкоторыми новыми чертами,—но насъ сейчасъ интересуетъ не эволюція демократическаго движенія въ древней Руси, а его политическіе результаты. И въ Кіевѣ, и въ Новгородѣ они были совершенно одинаковы,—выдѣленіе Новгорода со Псковомъ въ какія-то „вѣчевыя общины“, гдѣ будто бы, порядки были иные, чѣмъ въ остальной Руси, основано на предразсудкѣ еще Карамзинскихъ временъ—на представленіи о Россіи, какъ искони монархической странѣ. А такъ какъ относительно Новгорода не можетъ быть сомнѣнія, что онъ былъ городской республикой, то пришлось его „вывести за скобку“, и разсматривать его, какъ исключеніе. На самомъ дѣлѣ, такой же городской республикой былъ и Кіевъ XII в. И въ Новгородѣ, и въ Кіевѣ, князь могъ сѣсть на столъ, только „утвердившись съ людьми“, т.-е. заключивъ договоръ съ вѣчемъ. Договоръ скрѣплялся обоюднымъ крестоцѣлованіемъ—это не была присяга

на вѣрность государю со стороны горожанъ, а торжественное обязательство соблюдать контрактъ. Такъ же цѣловали крестъ другъ передъ другомъ и сами князья, заключая между собою договоры. Князь и обращался къ вѣчу, какъ къ равному: „братья Кіевляне“, говорилъ онъ—и тѣ отвѣчали ему, „братъ нашъ“. Въ чемъ заключалась главная функція этого брата кіевлянъ, совершенно ясно тому, кто станетъ читать лѣтопись, отрѣшившись отъ представленія современнаго намъ права о „государѣ“. Потерявъ неограниченную власть надъ городомъ, князь со своей дружиной сохранилъ и для города свое военное значеніе. Городъ тоже былъ вооруженъ, но лишь очень поздно, въ концѣ новгородской исторіи, и подъ вліяніемъ условій, совершенно исключительныхъ—огромной колоніальной области, принадлежавшей Новгороду—торговый капиталъ сталъ выдвигать способныхъ военныхъ вождей. У Кіева не успѣло образоваться такой военно-купеческой аристократіи; и ему, и въ теченіе долгихъ вѣковъ самому Новгороду, немыслимо было вести войны безъ профессіоналистовъ военнаго дѣла. А между тѣмъ, на войнахъ держалась вся тогдашняя крупная торговля. Безъ войнъ не было ни „челяди“, ни „дани“: главныя статьи тогдашняго экспорта, рабы, мѣха, воскъ, отпадали, разъ не было войны; продолжительный миръ былъ равносиленъ неурожаю—притомъ, его даже и сохранить нельзя было, ибо города грабили другъ друга, ослабѣвшій въ военномъ отношеніи городъ становился добычей конкурентовъ, какъ это и случилось съ Кіевомъ въ концѣ XII в. Вопросъ о способномъ военномъ вождѣ иногда могъ стать вопросомъ жизни и смерти—и какого-нибудь „удалого“ князя на расхватъ брали по всей Руси, какъ теперь на расхватъ берутъ моднаго доктора или актера. А неспособнаго въ военномъ дѣлѣ князя гнали просто потому, что онъ былъ неспособенъ: „ѣхалъ съ рати впереди всѣхъ“, убѣжалъ съ поля сраженія—какой же это князь? Это обвиненіе являлось въ Новгородѣ совершенно достаточной мотивировкой, чтобъ лишить князя стола. Но потомки норманскихъ конунговъ не часто давали поводъ къ подобному обвиненію; въ общемъ варяжская династія являлась готовымъ разсадникомъ способныхъ генераловъ, военачальство было для нея наслѣд

ственной профессіей—и въ этомъ секретъ „господства“ этой династіи надъ Россіей долго послѣ того, какъ она утратила реальное господство надъ городами, и гораздо раньше, чѣмъ князь сталъ во главѣ мѣстнаго общества въ качествѣ крупнѣйшаго землевладѣльца.

Но если князь былъ только главнокомандующимъ,—его отношеніе къ суду выражалось, какъ мы видѣли, лишь въ томъ, что „судомъ“ онъ кормился (см. стр. 224),—то кто жебудь отправлялъ въ городѣ другія „государственныя“ функціи? Эту эволюцію древне-русскаго города-государства мы можемъ прослѣдить только на сѣверномъ образчикѣ типа. Въ Новгородѣ постепенно сложился рядъ настоящихъ республиканскихъ магистратуръ,—выборный посадникъ, выборный тысяцкій, наконецъ, верховный совѣтъ, гдѣ бывшіе посадники и тысяцкіе были на первомъ планѣ, какъ въ древнемъ Римѣ бывшіе консулы и преторы, но куда въ важныхъ случаяхъ собиралось все, что было крупнаго и вліятельнаго въ городѣ. Задача этого выборнаго начальства, между прочимъ, заключалась въ томъ, чтобы держать въ границахъ наслѣдственнаго главнокомандующаго [1]): и въ томъ, на все время новгородской самостоятельности, сохранялось воспоминаніе о томъ, что городская свобода добыта была когда-то за счетъ княжеской власти. Въ Кіевѣ городская республика не успѣла отлиться въ такую опредѣленную форму: не нужно забывать, что онъ завоевалъ себѣ свободу, окончательно, лишь во второмъ десятилѣтіи XII вѣка,—а къ началу слѣдующаго столѣтія онъ потерялъ уже всякое значеніе. Между 1113 годомъ и 1169—когда Кіевъ былъ взятъ и до тла разграбленъ суздальцами—прошло немного болѣе 50 лѣтъ. Остатки стараго не успѣли еще вымереть, когда пришло уже новое рабство. Можно только догадываться, что выборныя должности начинали складываться и въ Кіевѣ: лѣтопись упоминаетъ о княжескомъ тіунѣ, нѣчто въ родѣ намѣстника въ данномъ случаѣ, который былъ посаженъ „по волѣ“ кіевлянъ, т.-е., надо думать, выбранъ ими, хотя,

---

[1]) Хотя въ Новгородѣ княжеская власть и не передавалась, какъ правило, отъ отца къ сыну, но фактически князей брали всегда изъ одной и той же династіи.

быть можетъ, изъ числа княжескихъ дружинниковъ. Но дальше зачатковъ дѣло не пошло.

Князь былъ нуженъ городу не только потому, что онъ былъ военнымъ организаторомъ. Это лишь внѣшняя сторона ихъ взаимной связи: въ ней была извѣстная внутренняя необходимость, которую мы, въ сущности, уже видимъ мимоходомъ,—но на которой нужно настаивать, чтобы стала понятна судьба древне-русской городской республики. Городъ—это купцы: но откуда городской купецъ древней Руси бралъ свой товаръ? Читатель уже давно догадался, что этимъ товаромъ были дань и добыча, „заработанныя“ дружиной. Только принявъ за исходную точку эту сторону дѣла, можно оцѣнить всю глубокую экономическую необходимость той своеобразной ассоціаціи, которая характеризуется терминами „князь и вѣче“, т.-е. дружина и купечество, ибо князя, конечно, всего менѣе приходится представлять себѣ, какъ самостоятельную личность, независимую отъ той группы, которая вела всю военно-финансовую „работу“. Князь „рядился“ къ тому или другому столу (въ то время такъ и говорили: „урядиться съ людьми“, „положить рядъ“) не одинъ, конечно, кому онъ одинъ былъ бы нуженъ? И вотъ, изъ этой функціи дружины, какъ аппарата, поставлявшаго древне-русскому городу товаръ, вытекало своеобразное политическое противорѣчіе: ревностно охраняя свободу въ городскихъ стѣнахъ, вѣче не только не заботилось объ этой свободѣ за стѣнами города, но, кажется, даже склонно было всячески содѣйствовать князю въ его безграничномъ властвованіи надъ древне-русской деревней. Одного изъ новгородскихъ князей прогнали именно потому, что онъ „не смотрѣлъ за смердами“. „Смердъ“, крестьянинъ, былъ почти холопомъ князя; князь бралъ съ него дани, сколько хотѣлъ (чѣмъ больше товару, тѣмъ лучше!); наслѣдовалъ его имущество; могъ его „мучить“—подвергать тѣлесному наказанію. Городу до этого не было дѣло—въ дѣлѣ эксплуатаціи деревни „дружина“ и „купцы“ были связаны круговой порукой. Вотъ отчего древне-русскую военно-финансовую организацію и можно было разсматривать независимо отъ вѣчевыхъ порядковъ: исключивъ себя изъ объектовъ княжескаго хозяйствованія, городъ былъ прямо заинтересо

ванъ въ томъ, чтобы это хозяйничанье безпрепятственно продолжалось въ деревнѣ. Когда это хозяйничанье въ областяхъ старой славянской колонизаціи, на Днѣпрѣ и его притокахъ, пришло къ своему логическому концу—деревня была здѣсь въ лоскъ разорена—князь ушелъ дальше на сѣверо-востокъ, въ области колонизаціи новой. Но городу некуда было уйти: онъ просто потерялъ значеніе. Остался Новгородъ, колоніальная область котораго, охватывавшая весь сѣверъ Россіи, до Урала и даже далѣе, до рѣки Оби, практически была неистощима. Но Новгороду пришлось, въ концѣ концовъ, имѣть дѣло не съ отдѣльными князьями, а съ огромной ассоціаціей землевладѣльцевъ, называвшейся „великимъ княжествомъ московскимъ“: и оно даже этому крупному вѣчевому центру было уже не по плечу.

Почему на новыхъ мѣстахъ не повторилось буквально старой исторіи—образованія новыхъ городскихъ центровъ, которые вступили бы снова въ борьбу съ княжеской властью, и т. д. до безконечности, это мы уже видѣли (см. стр. 67): по географическимъ условіямъ, здѣсь отпадала крупнѣйшая торговля Кіевской Руси—торговля рабами. Невозможность продавать живой товаръ помѣшала сѣверо-восточнымъ городамъ стать такими же очагами республиканской свободы, какимъ сталъ Кіевъ. Такимъ парадоксомъ разрѣшилась исторія нашихъ городскихъ республикъ XI—XIII вѣковъ! Ибо торговый капиталъ того времени только на невольничьемъ торгѣ и держался: оптовой торгъ мѣхами былъ, опять-таки по географическимъ условіямъ, сосредоточенъ въ Новгородѣ—а все остальное было слишкомъ мизерно. Городъ изъ господина деревни сталъ дополненіемъ къ деревнѣ: стало медленно развиваться настоящее, типичное „городское хозяйство“, не чужеядное, и потому несравненно болѣе прочное. Но основой того раздѣленія труда, на которомъ это хозяйство держалось, была крупная вотчина, гдѣ впервые произошло выдѣленіе ремесленника изъ крестьянской массы. Пока не сложились, къ XVI вѣку, новые городскіе центры, крупная вотчина и стала основной экономической, а, стало быть, и основной политической организаціей. На этой почвѣ развился въ Россіи феодализмъ.

Основнымъ политическимъ признакомъ феодализма

является соединеніе землевладѣнія со властью надъ людьми, которые живутъ на землѣ даннаго землевладѣльца. Представимъ себѣ, что домохозяинъ могъ бы своихъ жильцовъ арестовывать, казнить, собирать съ нихъ налоги въ свою пользу—требовать, чтобы съ каждаго фунта говядины, принесеннаго въ его домъ, ему платили одну копѣйку, напримѣръ—и мы получимъ очень наглядное изображеніе феодальныхъ порядковъ. Русское крѣпостное имѣніе первой половины XIX в. было несомнѣннымъ остаткомъ феодальнаго строя: а такъ какъ остатокъ отъ чего же-нибудь да остается, то одного этого было бы достаточно, чтобы утверждать существованіе на Руси феодализма въ древнѣйшую эпоху. Для историка-матеріалиста, характеризующаго тотъ или другой общественный строй по господствующей въ немъ системѣ хозяйства, и по методологическимъ соображеніямъ не могло бы возникнуть никакого сомнѣнія въ томъ, что Россія имѣла свой „феодальный періодъ". Хозяйство русской боярской вотчины XV—XVI вв. ничѣмъ не отличается отъ хозяйства большого имѣнія Западной Европы X—XII вв.: та же система повинностей, то же распредѣленіе земли и т. д. Стало быть, и политической разницы быть не должно бы. Но исторію нашихъ государственныхъ учрежденій начали разрабатывать не экономисты, а юристы. Для нихъ въ феодализмѣ оказался главнымъ второстепенный юридическій признакъ: наличность договорныхъ отношеній между землевладѣльцами различныхъ категорій. Въ Западной Европѣ этотъ „феодальный контрактъ" былъ разработанъ до большихъ тонкостей. У насъ этихъ тонкостей мы не находимъ: значитъ, заключали историки-юристы, въ Россіи феодализма вовсе не было, или онъ погибъ, не успѣвъ развиться, въ самыхъ зачаткахъ. Взглядъ этотъ, особенно въ его послѣдней варіаціи, о ранней гибели зачатковъ феодализма, пріобрѣлъ въ русской исторической литературѣ прочность предразсудка—его повторяютъ иногда даже историки-матеріалисты. Вотъ отчего очень важно было, что одному недавно умершему, историку, Павлову-Сильванскому, удалось установить наличность въ Россіи не только самаго контракта, но даже тѣхъ формальностей и обрядностей, которыми этотъ контрактъ сопровождался на Западѣ. Такъ как

на западѣ, и у насъ, контрактъ этотъ очень плохо соблю-
али, то, собственно, для пониманія сущности феодальныхъ
тношеній онъ совсѣмъ не важенъ: но въ исторической ли-
ературѣ сложившіеся предразсудки иногда больше затем-
яютъ дѣйствительное положеніе вещей, нежели недоста-
окъ фактическихъ свѣдѣній. Установленные Павловымъ-
ильванскимъ факты не имѣютъ первостепеннаго исто-
ическаго значенія: но онъ разрушилъ первостепенное исто-
ическое предубѣжденіе—въ этомъ очень большая заслуга.
Корни феодальныхъ порядковъ древней Руси мы уже ви-
ѣли: „судъ старыхъ родителей", власть барина надъ его
олопомъ, не только у себя дома, но и передъ лицомъ
бщественной власти, которая не смѣла наложить руки на
олопа безъ согласія барина—все это и есть пережитки того
роя, изъ котораго развился феодализмъ семейнаго
роя. Надо представить себѣ, какъ развивалась въ древ-
ѣйшее время „большая семья". По мѣрѣ увеличенія коли-
ества ея членовъ, младшія поколѣнія выселялись на от-
ѣльные дворы—вокругъ первоначальной „деревни" росли
очинки", по условіямъ подсѣчнаго земледѣлія разбро-
анные въ лѣсу довольно далеко другъ отъ друга и отъ
еревни. Но связь сохранялась,—связь, прежде всего, эконо-
ическая: въ извѣстныхъ случаяхъ (первымъ же была рас-
истка лѣса подъ пашню) „колонисты" не могли обойтись
зъ содѣйствія „метрополіи"—помогать имъ (слово „помочь",
омочи" и до сихъ поръ, какъ извѣстно, сохранилось въ
естьянскомъ быту) сходилось все населеніе деревни. На
ономической связи держалась и юридическая: деревенскіе
тарики" оставались властью и для молодежи, выселив-
ейся на „починокъ". Позже мы увидимъ, что оставалась
религіозная связь, въ видѣ „культа предковъ". Сѣть по-
инковъ росла, починки сами превращались въ деревни и
чинали разбрасывать вокругъ себя новую сѣть починковъ,
связь со старымъ гнѣздомъ сохранялась. Древне-русскіе
кументы сохранили намъ и эпитетъ, прилагавшійся къ
кой родовой деревнѣ: она называлась „великою"—въ одной
оленской грамотѣ XII в. мы встрѣчаемъ „Вержавлянъ Ве-
кихъ"; къ этимъ Вержавлянамъ Великимъ тянуло 9 „пого-
овъ", т.-е. уже большихъ поселковъ, не считая мелкихъ.

Когда появилось у насъ, на основѣ холопскаго труда пер
воначально, крупное землевладѣніе и начало кабалить окре
стное крестьянство (процессъ этого описанъ выше, на стр
62—64), „бояринъ“, баринъ, унаслѣдовалъ всѣ права дере
венскихъ „стариковъ“. Онъ часто и не упразднялъ ихъ вовсе—
и въ XVI в., и въ позднѣйшихъ крѣпостныхъ имѣніяхъ мы
на каждомъ шагу встрѣчаемъ мѣстныя крестьянскія власти
черезъ посредство которыхъ помѣщикъ распоряжается сель
скимъ „міромъ“. Мѣсто „великой“ деревни заняло тепер
„село“, гдѣ стояла барская усадьба, была церковь: и центр
культа основался прежній, только культъ былъ другой, но
вый. Но все, экономически тяготѣвшее къ этому селу, про
должало и юридически отъ него зависѣть. Для населені
тутъ не было никакого разрыва съ прошлымъ—оно даже
называть продолжало новое начальство, барина, „батюшкой“
какъ звало оно своихъ стариковъ когда-то, „батюшкой“ ж
былъ и христіанскій священникъ, смѣнившій тѣхъ же ста
риковъ въ роли ходатая передъ „силами нездѣшними“.
какъ у отца-батюшки нельзя было спрашивать отчета, по
чему онъ поступаетъ со своими дѣтьми-подданными так
а не иначе, безотчетно распоряжался и баринъ-батюшк
Вопросъ о какомъ-нибудь новомъ правѣ могъ возникну
лишь въ томъ случаѣ, если бы въ имѣніи завелось хозя
ство по новому—помѣщикамъ XVIII в. пришлось прибѣ
нуть къ спеціальнымъ „судебникамъ“ для крестьянъ. Но в
дни расцвѣта русскаго феодализма и хозяйство было т
кимъ же обычнымъ, какъ право. И формулировать влас
землевладѣльца приходилось не по отношенію къ рабочем
сельскому населенію, сидѣвшему на „его“ земляхъ, а по о
ношенію къ тѣмъ свободнымъ, т.-е. чужимъ, посторонним
людямъ, которые на эти земли попадали или на нихъ ок
зывались. Свободные люди не были случайностью въ кр
постномъ феодальномъ имѣніи. Была одна повинность, к
торая, фактически, могла выполняться только свободны
людьми—и, по тѣмъ временамъ, эта повинность была о
ною изъ самыхъ важныхъ. Уже древняя Русь знала, ч
холопъ не можетъ быть хорошимъ солдатомъ: если вра
на котораго шли, хотѣли унизить—а себя подбодрить—е
называли „холопомъ“. Военная повинность требовала с

бодныхъ людей. Древне-русскій холопъ сопровождалъ своего барина и на войну—но, обыкновенно, въ той роли, какую играютъ теперешніе деньщики или обозные солдаты. Если ему удавалось совершить ратный подвигъ, баринъ его освобождалъ или, по крайней мѣрѣ, оставлялъ ему свободу по духовному завѣщанію. Такъ или иначе, отличившійся холопъ становился свободнымъ „послужильцемъ“: на языкѣ Западной Европы, болѣе привычномъ, въ данномъ случаѣ, для насъ—вассаломъ. Но свободный человѣкъ феодальной эпохи, если это не былъ городской ремесленникъ (а эта профессія была мало совмѣстима съ военной службой, хотя изрѣдка относительно военнаго человѣка древней Руси мы и встрѣчаемъ отмѣтку въ служилыхъ спискахъ: „портной мастеришка“), долженъ былъ самъ имѣть холоповъ и крестьянъ, которые бы на него работали и его кормили: „послужилецъ“ неизбѣжно становился помѣщикомъ. Самый терминъ: „помѣщикъ“, „помѣстье“ и сложился у насъ именно въ связи съ военнымъ вассалитетомъ—такъ назывались первоначально участки, дававшіеся „за службу“ мелкимъ служилымъ людямъ. При чемъ это вовсе не были, обязательно, люди, служившіе государству: изъ 574 землевладѣльцевъ, перечисленныхъ въ одной писцовой книгѣ первой половины XVI в., только 230—менѣе половины—служили великому князю; 60 служили владыкѣ тверскому, а 30—князю Микулинскому, богатому боярину, но князю лишь по титулу—онъ нигдѣ не княжилъ, а самъ служилъ великому князю московскому. Мы видѣли, что въ московской Руси, такъ и въ средневѣковой Франціи или Германіи, не только владѣтельные князья, но и архіереи, и всѣ вообще крупные землевладѣльцы имѣли своихъ вассаловъ. А большая часть мелкихъ землевладѣльцевъ состояли чьимъ-нибудь вассаломъ: изъ 574, перечисленныхъ въ упоминавшейся выше писцовой книгѣ, не служили никому только 150 человѣкъ. Кто не могъ держать своей дружины (о „боярскихъ дружинахъ“ прямо говоритъ Русская Правда), поступалъ въ чужую: если военный человѣкъ непремѣнно былъ свободнымъ человѣкомъ, то и для свободнаго человѣка не было другой карьеры, кромѣ военной. Вотъ почему не слѣдуетъ думать, что дре-

вне-русскій вассалитетъ складывался исключительно изъ бывшихъ холоповъ (такое мнѣніе высказывалось иногда даже и въ литературѣ). Свободныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ среди него было гораздо больше. А въ дружины самыхъ крупныхъ владѣтелей,—въ дружину московскаго великаго князя, напримѣръ—поступали и не только мелкіе землевладѣльцы: мы сейчасъ тамъ видѣли князя—и этотъ князь былъ не единственнымъ; верхніе ряды великокняжеской дружины этого времени сплошь состояли изъ людей, украшенныхъ княжескимъ титуломъ, и нѣкоторые изъ нихъ еще сидѣли намѣстниками въ тѣхъ самыхъ областяхъ, которыми ихъ отцы и дѣды правили, какъ государи. Ибо великокняжеская дружина этого времени была уже цѣлой арміей, въ ней были не только офицеры, но и генералы: карьера заманчивая даже для человѣка, который самъ велъ свой родъ отъ того же миѳическаго Рюрика, что начиналъ собою родословную и московскаго государя.

Если съ крестьянами никто и не думалъ церемониться, и они сами не заикались о своихъ правахъ,—если мелкій „послужилецъ“ такъ еще не высоко стоялъ надъ крестьяниномъ, что ему приходилось запрещать продаваться въ холопы (такое спеціальное запрещеніе содержится въ царскомъ Судебникѣ 1550 г.), то къ боярину, который пришелъ на службу со своею собственной дружиной, тѣмъ болѣе къ бывшему удѣльному князю отношеніе должно было быть иное. „Феодальный контрактъ“ вырабатывался именно въ этой средѣ. Бояре „приказывались“ въ службу—или „отказывались“ отъ нея, „отъѣзжали“, юридически, до XV в. вполнѣ свободно; „а боярамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и слугамъ между нами вольнымъ воля“, говорили междукняжескіе договоры. На практикѣ, отъ слабаго „сюзерена“ (употребляя болѣе популярное западно-европейское выраженіе) къ сильному всегда можно было отъѣхать: а за переходъ въ противоположномъ направленіи всегда можно было поплатиться вотчиной, а иногда и головой. Нѣтъ ничего болѣе легковѣснаго, нежели такъ тщательно вырабатывавшіеся и обставленные такими торжественными обрядами договоры между феодальными землевладѣльцами. Но если по отношенію къ отдѣльному „вольному слугѣ“ у сюзерена былъ

остаточно развязаны руки, то этого никакъ нельзя сказать про всю совокупность служилыхъ землевладѣльцевъ. На то они были и свободные люди, чтобы ихъ баринъ считался съ ихъ голосомъ. Ставшее шаблономъ въ западно-европейской исторіи противоположеніе феодальнаго сюзерена—государю въ настоящемъ смыслѣ этого слова, суверену, вполнѣ приложимо и къ древне-русскимъ феодальнымъ „государствамъ“, до московскаго великаго княжества включительно. Исторія Грознаго и Годунова будетъ для насъ закрытой книгой, если мы забудемъ, что въ XVI в. въ Россіи происходило то самое крушеніе феодальныхъ порядковъ, какое имѣло мѣсто во Франціи, напримѣръ, двумя столѣтіями раньше. Отецъ и дѣдъ Ивана Грознаго, и самъ онъ 1565 г.—до учрежденія опричнины—были именно сюзеренами, договорными хозяевами десятковъ крупныхъ, сотенъ среднихъ и тысячъ мелкихъ вассаловъ. Что нужды, что и тѣ, и другіе, и третьи одинаково раболѣпно били челомъ въ землю передъ своимъ сюзереномъ: эта феодальная формальность имѣла значенія не болѣе, чѣмъ всякія иныя формальности. На дѣлѣ, не столковавшись съ генеральнымъ штабомъ феодальнаго войска, нельзя было предпринять ни одного рѣшительнаго шага: а передъ шагами наиболѣе рѣшительными совѣтовались и со всѣмъ войскомъ, какъ это дѣлалъ Иванъ III передъ походомъ на Новгородъ и его внукъ въ критическую минуту Ливонской войны, въ 1566 г. Московскаго великаго князя,—даже той поры, когда къ нему перешло идейное наслѣдство византійскихъ императоровъ и титулъ верховныхъ государей Руси съ XIII по XV вѣкъ, татарскихъ хановъ – „царей“, по древне-русской терминологіи—нельзя себѣ представить ни въ одномъ дѣлѣ текущаго управленія безъ боярской думы, и ни въ одномъ торжественномъ случаѣ его политической жизни—безъ земскаго собора.

На боярскую думу древней Руси долгое время готовы были смотрѣть сквозь то, полу-комическое изображеніе, какое оставилъ намъ дьякъ XVII столѣтія Котошихинъ. „Неученые“ и „нестудированные“ люди, сидящіе „уставя бразы“ въ царскомъ совѣтѣ только ради своей „великой породы“, не раскрывая рта, или поддакивая тому, что говорятъ

настоящіе, не показные царскіе совѣтники—это картина такъ же хорошо знакома всѣмъ изъ учебниковъ, какъ и портретъ „величайшаго самодержца во всемъ свѣтѣ“, царя Московскаго, передъ которымъ всѣ подданные—холопы, и послѣдній холопъ завтра же можетъ сдѣлаться первымъ министромъ. Обѣ картины одинаково далеки отъ исторической истины. Основывать на нихъ свое представленіе о московскомъ государствѣ было бы такъ же наивно, какъ принимать серьезно формулы, употребляемыя въ нашихъ современныхъ письмахъ, начинающихся „милостивымъ государемъ“ и кончающихся „вашъ покорнѣйшій слуга“. Никому не придетъ въ голову, читая такое письмо, счесть себя въ самомъ дѣлѣ „государемъ“, а своего корреспондента своимъ „слугою“. Государь холоповъ-бояръ XVI вѣка, прежде всего, не властенъ былъ въ ихъ личномъ составѣ. Съ кѣмъ онъ долженъ былъ совѣтоваться, опредѣлялось извѣстными обычаями, получившими въ литературѣ названіе „мѣстничества“, отъ того конкретнаго случая, въ которомъ проявлялся обычай—спора изъ-за мѣстъ на царской службѣ. Каждая боярская семья занимала опредѣленное мѣсто среди другихъ семей—это мѣсто называлось „отечествомъ“—и его царь измѣнить не могъ: „за службу царь жалуетъ деньгами и помѣстьемъ, но не отечествомъ“, такъ формулировали этотъ обычай еще бояре первыхъ Романовыхъ. Эти послѣдніе, по свидѣтельству того же Котошихина, не были съ силахъ сломить обычая даже въ пользу своихъ родственниковъ—посадивъ ихъ (царскихъ зятьевъ, напримѣръ) выше, чѣмъ слѣдовало по „разрядамъ“ и „родословцу“. Только къ концу XVII в. торговый капиталъ выдвинулъ наверхъ такую массу „случайныхъ“ людей, что старая знать потонула въ ней со всѣми своими мѣстническими традиціями. Но въ XVII в., послѣ смуты, феодальный строй вообще держался на правахъ „переживанія“. Реально, его политическое существованіе закончилось XVI столѣтіемъ – когда попытки закрѣпить феодальные обычаи искусственно показывали уже, что собственными силами они держались плохо. Изъ одной такой попытки (приписки къ упоминавшемуся надавно царскому судебнику) мы и узнаемъ, что законодательство московской Руси того времени проис

ходило при непремѣнномъ участіи „всѣхъ бояръ“, т.-е. всѣхъ, кто по мѣстническимъ счетамъ имѣлъ право входа въ царскую думу. Изъ другихъ документовъ мы узнаемъ, что и окончательной судебной инстанціей была та же боярская дума—и что только судъ царя „съ бояры своими“ феодальное общественное мнѣніе соглашалось разсматривать „судомъ истиннымъ“. Наконецъ, изъ одного документа временъ смуты мы узнаемъ, что, „не поговоря съ бояры“, не въ обычаѣ было „доходы государскіе прибавливати“: непремѣннымъ участникомъ въ составленіи бюджета была та же боярская дума,—хорошо знакомая и западно-европейскому строю, гдѣ она носила латинское названіе куріи.

То „объединеніе Руси около Москвы“, о которомъ такъ много говорится въ учебникахъ, гораздо больше обезпечивалось, въ XVI в., этимъ всероссійскимъ совѣтомъ крупныхъ землевладѣльцевъ, нежели управленіемъ самого московскаго великаго князя и его чиновниковъ. Для страны, разбитой на сѣть мелкихъ городскихъ округовъ, экономически самостоятельныхъ, централизованное управленіе не было необходимостью. Старыя „удѣльныя княжества“, которыя смѣнили „городовыя волости“ послѣ упадка городовъ, вполнѣ удовлетворяли политическимъ потребностямъ „городского хозяйства“: давно уже подмѣчено, что княжество, обыкновенно, точно соотвѣтствовало рѣчному бассейну (отсюда и старинныя княжескія фамиліи: Ухтомскіе отъ р. Ухтомы, Сицкіе отъ Сити, и т. под.). Стольный городъ такого княжества былъ мѣстнымъ узловымъ торговымъ пунктомъ—крупнѣйшимъ мѣстнымъ рынкомъ. Что сѣть такихъ пунктовъ къ началу XVI в. подпала власти Москвы, это былъ однимъ изъ характернѣйшихъ признаковъ надвигающагося торговаго капитализма. Административно-судебная централизація и нашла у насъ себѣ мѣсто, сначала, именно въ этой области: гости, крупнѣйшіе капиталисты, судились только въ Москвѣ, центральной властью. Но судъ вообще въ московской Руси далеко не былъ централизованъ: мы помнимъ, какъ были организованы важнѣйшія судебно-полицейскія учрежденія, губныя (см. стр. 229 сл.); существованіе въ Москвѣ какъ бы „центральныхъ“ административно-финансовыхъ учрежденій, приказовъ, мо-

жетъ подать поводъ думать, что хотя финансовое управленіе было объединено: ближайшее знакомство съ приказами показало, что и этого не было. Въ приказахъ были механически собраны доходы и дѣла различныхъ городовъ, при чемъ не только въ одномъ и томъ же приказѣ (департаментѣ), но даже въ одномъ и томъ же „повытьѣ“ (отдѣленіи) вѣдались города, не имѣвшіе между собою ничего общаго ни въ какомъ отношеніи—Галичъ и Коломна, Тотьма и Клинъ. „Систематическіе“ приказы, вѣдавшіе дѣла извѣстнаго рода на всемъ протяженіи государства, складываются только въ XVII в.—подготовляя этимъ дѣйствительную административную централизацію петровскаго времени. Ранѣе этого, крупнѣйшей попыткой объединенія была опричнина Грознаго, когда около половины государства было стянуто къ государеву „двору“; но опричнина была временной диктатурой, а не постояннымъ учрежденіемъ. До опричнины, т.-е. до 60-хъ годовъ XVI в., если можно говорить о московскомъ царствѣ, какъ о единомъ цѣломъ, то только благодаря боярской думѣ.

Опричнина положила конецъ „удѣльному періоду“: потомки удѣльныхъ князей, въ качествѣ вассаловъ великаго князя московскаго или его намѣстниковъ еще сидѣвшіе на своихъ удѣлахъ въ первой половинѣ XVI в., были сдвинуты со своихъ мѣстъ, и должны были уступить свои земли людямъ новымъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ государева двора. Читатель уже замѣтилъ хронологическое совпаденіе этого переворота съ упраздненіемъ кормленій и замѣной великокняжескихъ намѣстниковъ и волостелей тоже средне-дворянскими губными старостами. Это все, дѣйствительно, только различныя стороны одной и той же перемѣны: пораженія стариннаго крупнаго землевладѣнія и выступленія на его мѣсто землевладѣнія средняго, смѣны „бояръ“ „дворянами“. Экономической основой переворота былъ переходъ къ болѣе интенсивнымъ формамъ хозяйства (см. стр. 71 и сл.). Здѣсь насъ интересуютъ его политическіе результаты. Курія крупныхъ вассаловъ не могла, разумѣется, играть прежней роли послѣ разгрома крупнаго землевладѣнія. Новый общественный классъ нуждался въ новомъ объединяющемъ центрѣ—и не случайно на другой же день, можно сказать,

послѣ появленія опричнины на первомъ планѣ сцены оказывается земскій соборъ. Новѣйшіе изслѣдователи совершенно справедливо указываютъ, что этотъ, съ нашей точки зрѣнія, капитальный фактъ — появленіе „народнаго представительства“!—современниками вовсе не былъ отмѣченъ, какъ что-то новое и необычное. Лѣтопись говоритъ о соборѣ 1566 г., какъ о заурядномъ дѣлѣ. Въ самомъ дѣлѣ, формально тутъ не было никакого новшества: совѣщаться со всѣми своими вассалами, а не только крупнѣйшими, московскій государь могъ и раньше, и дѣлалъ это, можетъ быть, гораздо чаще, чѣмъ мы можемъ судить по сохранившимся до насъ свѣдѣніямъ. Но раньше это былъ придатокъ къ боярской думѣ: теперь это была попытка ее замѣнить. „Представительства“ же никакого тутъ не было ни раньше, ни послѣ: теперь можно считать вполнѣ установленнымъ, что на первые земскіе соборы, до Смуты, приглашали просто все наиболѣе видное среди московскаго и провинціальнаго дворянства и столичнаго купечества, совершенно не интересуясь тѣмъ, какъ относятся къ „избраннымъ“ ихъ рядовые товарищи. Сказать, что земскіе соборы „не имѣли никакого политическаго значенія“, значило бы обнаружить полное непониманіе феодальнаго общества, его политическихъ привычекъ и задачъ: но сказать, что земскіе соборы отнюдь не представляли собою политической гарантіи подданныхъ отъ произвола сверху, какъ теперешніе парламенты монархическихъ государствъ, будетъ совершенно правильно. Гарантія могла понадобиться послѣ того, какъ сложилась сильная центральная власть современнаго типа. Ничего подобнаго въ XVI в. не было—говорить тогда можно было не о произволѣ со стороны „власти“, а о произволѣ со стороны крупнѣйшаго землевладѣнія, „боярства“: но когда выдвинулся на аванцену земскій соборъ, боярство только что было повержено въ прахъ (государственный переворотъ 1564 г., вызвавшій къ жизни опричнину), и съ нимъ расправлялись не при помощи гарантій, а посредствомъ кола и висѣлицы. Соборъ, какъ и дума, не былъ ни политической гарантіей, ни, тѣмъ менѣе, органомъ власти, еще не существовавшей: какъ и дума, онъ былъ самъ властью, политической организаціей того

класса, который свергнулъ боярство при Грозномъ. Вѣрнѣе было бы сказать: „тѣхъ классовъ“, потому что переворотъ былъ проведенъ среднимъ землевладѣніемъ при участіи и поддержкѣ торговаго капитала, который и былъ представленъ въ соборѣ 1566 г. всѣмъ наличнымъ комплектомъ гостей и верхушками второстепеннаго купечества.

Консерватизмъ формы новаго учрежденія шелъ такъ далеко, что на его собраніяхъ присутствовала и старая боярская дума въ полномъ составѣ—очищенная предварительно, само собою разумѣется, отъ „неблагонадежныхъ“ элементовъ. Вообще, очень характерно, что безъ бояръ побѣдившіе боярство дворяне обойтись, видимо, совершенно не умѣли. Только когда торговый капиталъ постепенно выработалъ себѣ свой бюрократическій аппаратъ въ лицѣ дьяковъ, отчасти и вышедшихъ прямо изъ рядовъ торговаго класса, отчасти слившихся съ нимъ, сдѣлавшись уже на службѣ крупными капиталистами, бояръ оказалось возможно вовсе убрать со сцены. Раньше этого, ихъ политическіе навыки и таланты оказывались совершенно необходимыми для новыхъ людей: провинціальнаго „сына боярскаго“ хватало на то, чтобы, въ качествѣ губного старосты, ловить разбойниковъ въ своемъ уѣздѣ, но вести переговоры съ Польшей или Швеціей, командовать арміей или даже удовлетворять потребностямъ придворнаго обихода—все это было ему совершенно не по плечу. То, что и послѣ боярской катастрофы XVI вѣка списки московскихъ дипломатовъ и генераловъ, не говоря уже о придворныхъ, испещрены именами тѣхъ самыхъ княжескихъ фамилій, которыхъ Грозный губилъ „всеродно“, должно насъ удивлять нисколько не больше того, что третья французская республика держитъ на своей дипломатической и военной службѣ людей, которые самое слово „республика“ не могутъ слышать безъ негодованія. А теперешняя французская буржуазія по своимъ культурнымъ средствамъ куда богаче, казалось бы, московскаго дворянства! Не нужно забывать, что дворянство вышло изъ круга того же „городского“ хозяйства и отличалось всею тою узостью политическихъ горизонтовъ, какую только и могло породить это хозяйство. Задачи же московскаго государства, по мѣрѣ экономическаго его прогресса, становились все шире

и шире. Вотъ отчего земскому собору не помогло и появленіе въ немъ, со времени Смуты, настоящаго представительства—выборныхъ отъ мѣстнаго населенія, преимущественно отъ тѣхъ же помѣщиковъ: эти, уже совсѣмъ сѣрые, провинціальные люди еще меньше могли стать конкурентами представителей аристократическихъ фамилій или торговаго капитала. На соборахъ они только кланялись передъ блестящей аристократіей и говорили, что „бояре—вѣчные наши господа промышленники". Дѣлать изъ этого выводъ, что земскіе соборы были подавлены боярствомъ (какъ поступилъ одинъ изслѣдователь) было бы, конечно, неосторожно. „Вѣчные господа" сами въ это время не много значили, какъ ни казались они великолѣпны въ глазахъ наивныхъ провинціаловъ. И боярская дума и земскій соборъ, одинаково, становятся въ теченіе XVII в. торжественной формальностью. Ихъ появленіе еще необходимо, напримѣръ, въ такой моментъ, какъ вступленіе на престолъ новаго государя: юридически (вѣрнѣе было бы сказать „номинально") всѣ московскіе цари этого столѣтія были „обираны на царство" земскимъ соборомъ съ думою во главѣ. Но это была лишь торжественная церемонія—на дѣлѣ выбирать приходилось только Михаила Ѳеодоровича, да и его, какъ находятъ новѣйшіе ученые, и бояре, и дворяне послушно приняли изъ рукъ казачества, стоявшаго за Михаила Романова, какъ за сына Тушинскаго патріарха—первосвятителя всего казачьяго стана. У его сына, тѣмъ болѣе у его внуковъ, никакихъ конкурентовъ не было, и „обраніе на царство" было простымъ обрядомъ. Формальность характерна—она показываетъ, какъ живучи были традиціи феодализма въ Россіи даже наканунѣ петровской реформы: сюзеренъ не былъ настоящимъ сюзереномъ, пока не призналъ его весь вассалитетъ. Но реальная власть не была въ это время ни въ рукахъ думы, ни въ рукахъ собора: она была въ рукахъ тѣхъ, кто представлялъ собою новую экономическую силу, торговый капитализмъ, а это были царь съ его семьей и кружкомъ крупныхъ магнатовъ, его торговые агенты—и, въ то же время, крупнѣйшіе капиталисты своего времени,—гости и, орудіе всѣхъ этихъ силъ, техники военной, финансовой и дипломатической службы, чиновничество. Если

боярская дума и земскій соборъ были двумя подготовительными ступенями въ дѣлѣ объединенія Россіи въ одно государство, централизованная бюрократическая администраціи завершила эту работу.

Такъ какъ о царскихъ капиталахъ и монополіяхъ, о роли гостей и торговаго капитала вообще достаточно говорилось выше (см. стр. 103 и сл.), то намъ остается сказать нѣсколько словъ о силѣ, выступающей передъ нами впервые—о чиновничествѣ, бюрократіи. Послѣдняя была излюбленнымъ орудіемъ торговаго капитализма не только въ Россіи, а и всюду—и не трудно понять, почему такъ было. Въ противоположность промышленности, результаты которой у всѣхъ на виду, ихъ никуда не спрячешь, торговля любитъ тайну. Во Франціи, гдѣ преобладаетъ до сихъ поръ торговый капиталъ—въ его новѣйшей формѣ, капитала банковаго—до сихъ поръ, оказывается, невозможно ввести подоходный налогъ—ибо французскому „народному духу“ въ высшей степени противно всякое откровенное объясненіе насчетъ доходовъ: и во главѣ противниковъ подоходнаго налога, подъ руководствомъ крупной буржуазіи, идутъ лавочники, трактирщики и т. под. Въ промышленныхъ же странахъ какъ Англія или Германія, подоходный налогъ существуетъ издавна, и тамошній „народный духъ“ нисколько не чувствуетъ себя имъ задѣтымъ. Продолжая сравненіе, можно еще отмѣтить, что изъ этихъ трехъ странъ нигдѣ такъ не сильны бюрократическіе порядки, какъ во Франціи. „Канцелярская тайна“ старой Россіи и старой Европы вообще была естественнымъ продолженіемъ „коммерческой тайны“. Государственныя дѣла велись такъ же, какъ ведутся дѣла торговой фирмы—въ сторонѣ отъ нескромныхъ глазъ. И недаромъ въ числѣ московскихъ приказовъ первыхъ Романовыхъ мы встрѣчаемъ такой, какого не бывало на Москвѣ раньше, и который такъ и назывался Приказомъ тайныхъ дѣлъ: при чемъ тайною его дѣла были и для членовъ боярской думы, которые „въ тотъ приказъ не ходили и дѣлъ тамъ не вѣдали“. А вѣдалъ всѣ дѣла государевъ дьякъ съ нѣсколькими подъячими. И учрежденія съ эпитетомъ „тайный“ (тайная канцелярія, тайная экспедиція) провожаютъ насъ черезъ весь XVIII вѣкъ: при чемъ одно время

этотъ эпитетъ приклеивается даже къ высшему въ империи мѣсту, воплощавшему самое центральную власть—это было, когда Россіей правилъ, съ 1725 по 1730 годъ, Верховный Тайный Совѣтъ. Наоборотъ, открытыя учрежденія, конституціоннаго типа, были въ высшей степени противны „духу“ торговаго капитала—конституціонныя попытки XVIII в. всѣ идутъ, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, не изъ буржуазной, а изъ дворянской среды. [1]) Но помимо этого соціологическаго родства бюрократизма съ торговымъ капиталомъ, послѣдній имѣлъ и политическія основанія предпочитать замкнутые кабинеты открытымъ собраніямъ всякаго рода. Мы видѣли, что капиталистическій характеръ прежде всего пріобрѣтаетъ внѣшняя торговля, тѣсно связанная съ дипломатіей и войной: но ни та, ни другая уже технически не допускаютъ откровенности. Если даже въ современныхъ государствахъ съ демократическими конституціями не разрѣшаютъ оглашать какихъ бы то ни было извѣстій о ходѣ военныхъ дѣйствій, кромѣ офиціальныхъ, разрѣшенныхъ военной цензурой, а о дипломатическихъ соглашеніяхъ первостепенной важности парламенты узнаютъ заднимъ числомъ—то можно себѣ представить, что было двѣсти лѣтъ назадъ? Для военно-дипломатическихъ операцій торговому капиталу опять-таки былъ нуженъ не говорливый „народный представитель“, а скромный и умѣющій молчать чиновникъ.

Чиновника знала уже удѣльная, до-московская Русь. Въ духовныхъ грамотахъ тогдашнихъ князей мы встрѣчаемъ дьяковъ и казначеевъ—въ числѣ холоповъ, отпускаемыхъ на волю. Такъ скромно начинали будущіе правители Россійской имперіи! Не мудрено, что дьяки тогдашними феодалами разсматривались, какъ „чинъ худой“, и родство съ дьякомъ въ мѣстническихъ счетахъ губило человѣка безвозвратно. Но уже тогда это была необходимая шестерня правительственнаго механизма: „судити судъ бояромъ и окольничимъ, а на судѣ быти у бояръ и у окольничихъ

---

[1]) Исторія этихъ попытокъ, какъ и всякаго рода „проектовъ“ см. въ отд. V, „Политическія идеологіи“: здѣсь мы имѣемъ дѣло только съ объективной дѣйствительностью.

дьякомъ“, говоритъ Судебникъ Ивана III (1497 г.). При его внукѣ, Иванѣ IV, бѣжавшіе отъ опричнины за литовскій рубежъ московскіе эмигранты увѣряли уже, что на Москвѣ дьяки „всѣмъ правятъ“. Въ это время мы встрѣчаемъ дьяковъ въ числѣ крупныхъ землевладѣльцевъ. Поколѣніемъ позже, въ концѣ XVI в., дьяки Щелкаловы уже дѣйствительно управляли—если не всѣмъ московскимъ государствомъ, то, по крайней мѣрѣ, внѣшнею его политикой. Имя одного изъ нихъ иностранцы поминаютъ на ряду съ именемъ перваго боярина своего времени, Никиты Романова (дѣда царя Михаила)—оба имъ казались „царями“, до того были они вліятельны. Съ вліяніемъ Щелкаловыхъ приходилось считаться Годунову, подготовляя свою кандидатуру на престолъ—и одинъ изъ нихъ умеръ членомъ боярской думы. Это было во время Смуты—когда не только дьяки попадали въ дворяне, но и и дворяне подчасъ просились въ дьяки. Если въ XVI в. мы находимъ дьяковъ въ числѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, то въ XVII цѣлый рядъ ихъ найдется въ рядахъ крупнѣйшихъ собственниковъ государства. Ихъ богатство кололо глаза провинціальному дворянству—что и вызвало извѣстную жалобу дворянъ и дѣтей боярскихъ, во время собора 1642 г., на дьяковъ, покупившихъ многія вотчины и построившихъ себѣ „палаты каменныя такія, что неудобь-сказаемыя: блаженныя памяти при прежнихъ государяхъ и у великородныхъ людей такихъ домовъ не бывало“. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, сынъ дьяка, Артамонъ Матвѣевъ былъ бояриномъ и, фактически первымъ министромъ московскаго государства: а немного позже дьяческая фамилія Лопухиныхъ дала московскому царству его послѣднюю царицу, первую жену императора Петра I.

Тѣсныя связи русскаго чиновничества съ капиталистическими кругами тянутся черезъ всю нашу новую исторію—отъ вице-канцлера Петра, Шафирова, одного изъ совладѣльцевъ крупнѣйшей фабрики своего времени, до министра финансовъ Александра III, Вышнеградскаго, который былъ крупнымъ биржевымъ дѣльцомъ раньше, чѣмъ сдѣлался министромъ финансовъ. Наиболѣе типичнымъ—и наиболѣе извѣстнымъ, въ то же время—образчикомъ перехода изъ

коммерціи въ бюрократію служитъ знаменитый Канкринъ, министръ финансовъ Николая I, начавшій свою карьеру бухгалтеромъ у откупщика. Случаи обратнаго перехода гораздо чаще. Въ дни „великихъ реформъ“ 60-хъ гг. рѣдкій видный чиновникъ не засѣдалъ въ полудюжинѣ совѣтовъ различныхъ акціонерныхъ обществъ и желѣзнодорожныхъ компаній. Въ 1868 г. это было запрещено—а при Александрѣ III правительственная служба вообще была объявлена несовмѣстимой съ частной. Но было бы наивностью думать, что явленіе исчезло вслѣдствіе этого формальнаго запрещенія. Во главѣ банковъ и промышленныхъ предріятій и теперь сплошь и рядомъ стоятъ крупные чиновники—только, временно, числящіеся въ отставкѣ, что не мѣшаетъ имъ, конечно, возвращаться на службу вновь, когда „по ходу дѣла“ это требуется. Будучи органомъ буржуазіи, бюрократія не представляетъ собою, разумѣется, какого-нибудь особеннаго класса. Наивное представленіе о бюрократіи, какъ о какой-то грозной, самодовлѣющей силѣ, властвующей надъ страной, унаслѣдовано современнымъ русскимъ либерализмомъ отъ его соціальныхъ предковъ—оппозиціонныхъ помѣщиковъ первой половины XIX в. Не умѣя разобраться въ подкладкѣ происходящаго передъ нимъ, не умѣя разглядѣть изъ-за чиновничьяго вицъ-мундира купеческаго кафтана, помѣщикъ съ естественной для него простоватостью вопилъ, что отъ вицъ-мундирныхъ людей жить нельзя, что „чиновникъ-бюрократъ“ все задушилъ. Такъ мелкая мѣщанка совершенно искренно убѣждена, что высокія цѣны на масло или мясо—результатъ плутовства лавочниковъ, и что, если „умѣть торговаться“, всегда можно купить дешево. На самомъ дѣлѣ, цѣны строитъ не лавочникъ, но рынокъ—а помѣщика душилъ не бюрократъ, но торговый капиталъ. И не „душилъ“, въ собственномъ смыслѣ—а только уменьшалъ нѣсколько ту долю „прибавочнаго продукта“, которая шла въ карманъ помѣщика. Казалось бы, какъ мало должны быть солидарны съ помѣщикомъ теперешніе публицисты: а, между тѣмъ, фразы о „бюрократіи“ повторяютъ и они. Законъ исторической косности, скажетъ читатель. Не совсѣмъ онъ одинъ: современная буржуазная публицистика гораздо больше отражаетъ интересы „совре-

меннаго“ капитализма, чѣмъ стараго, „торговаго“; а капиталистъ новѣйшаго типа надѣется самъ справиться съ государственной машиной, не прибѣгая къ услугамъ вицъ-мундирныхъ людей. И если разсматривать вопли о засильи бюрократіи, какъ агитаціонный пріемъ, нельзя не признать этотъ пріемъ раціональнымъ и естественнымъ.

Первая попытка буржуазіи обойтись безъ бюрократа, впрочемъ, почти современна проявленію самой бюрократіи: реформа 1699 г., первая изъ „петровскихъ реформъ“ хронологически, передала все управленіе городами—и, кстати, „черными землями русскаго Сѣвера“, гдѣ не было помѣщиковъ и крѣпостного права—выборнымъ властямъ, бурмистрамъ, подъ верховнымъ надзоромъ московскаго купечества („Ратуша“). Только помѣщичья Россія осталась внѣ вѣдѣнія этой буржуазной администраціи. Ратуша была первымъ опытомъ финансовой централизаціи Россіи—но опытъ сразу же не былъ доведенъ до конца, какъ мы сейчасъ видѣли, и очень скоро обнаружилъ на практикѣ свою преждевременность. Военныя потребности—въ конечномъ счетѣ созданныя тою же торговой политикой меркантилизма—повели къ раздѣленію Россіи, около 1708 г., на губерніи, и поставленные во главѣ новыхъ областныхъ дѣленій губернаторы изъ крупныхъ землевладѣльцевъ быстро „растащили“ Ратушу по клочкамъ. Замѣнившій ее въ 1711 г. Сенатъ не покончилъ съ „растаскиваніемъ“. Сенатъ, учрежденный Петромъ со скромной цѣлью вести текущія дѣла въ его отсутствіи (онъ отправлялся воевать съ турками), часто сравнивали съ боярской думой. Сравненіе не вполнѣ точное, даже, если брать только организаціонную сторону дѣла: дума, хотя и весьма несовершенно, объединяла все московское царство—сенатъ пользовался неограниченными полномочіями только на пространствѣ одной московской губерніи, прочіе губернаторы сносились съ нимъ на равной ногѣ и даже писали ему иногда „указомъ“. Но сравненіе становится совершенно неправильнымъ, если брать оба учрежденія со стороны политической: дума была сама властью, законы выходили „по великаго государя указу и всѣхъ бояръ приговору“, сенатъ же былъ лишь органомъ власти, которая разговаривала съ

нимъ, подчасъ, весьма суровымъ тономъ. Требуя, чтобы къ опредѣленному сроку были доставлены войска въ Малороссію, Петръ писалъ сенату: „сіе все, что надлежитъ къ войнѣ, какъ наискорѣе управить сенату, подъ жестокимъ истязаніемъ за неисправленіе". Немного раньше онъ требовалъ къ себѣ сенаторовъ „съ полными вѣдомостями, что по даннымъ вамъ указамъ сдѣлано и чего недодѣлано, и зачѣмъ". Состоя изъ второстепенныхъ, по рангу, чиновниковъ, сенатъ и не могъ прекратить „растаскиванія": оно прекратилось само собой, когда стала подходить къ концу война, и „верховные господа" изъ губерній пособрались въ Петербургъ. Они сами засѣли тогда въ сенатъ,—а бюрократическая организація получила законченную форму въ видѣ коллегій (1718 г.). Чрезвычайно характерной чертой этихъ первыхъ, правильно-бюрократическихъ, учрежденій въ Россіи является бросающееся въ глаза преобладаніе въ нихъ экономико-финансоваго интереса. Изъ 9 коллегій 2 посвящены промышленности и торговли (бергъ-и-мануфактуръ-и коммерцъ-коллегіи) и 3 государственному хозяйству (каммеръ-штатсъ-и ревизіонъ-коллегіи). Въ то же время мы не найдемъ спеціальнаго учрежденія не только для народнаго образованія, но даже и для полиціи: нѣтъ коллегіи, которая бы соотвѣтствовала теперешнему министерству внутреннихъ дѣлъ. На бюрократическую систему Петра торговый капитализмъ поставилъ такой отчетливый штемпель, что только упорные идеалистическіе предразсудки прежнихъ русскихъ историковъ могли скрыть отъ нихъ дѣйствительную связь явленій—и обратить все ихъ вниманіе на совершенно второстепенный признакъ „коллегіальности". Въ каждой коллегіи, юридически, вершило дѣла не одно лицо, а нѣсколько, „президентъ" съ „совѣтниками" и „ассессорами": долгое время это и казалось главнымъ новшествомъ Петра.

Напротивъ, если въ его административной системѣ было что новое, то это какъ разъ былъ ея индивидуализмъ, объясняющійся изъ тѣхъ же условій, какъ и индивидуалистическія черты русскаго права XVII в. вообще (см. стр. 86—87). Раньше всего, въ періодъ учрежденія сената, этотъ индивидуализмъ нашелъ себѣ выраженіе въ системѣ

надзора. Прежде надзоръ осуществлялся путемъ круговой поруки: члены каждой общественной группы—крестьяне одной деревни, помѣщики одного уѣзда и т. д. другъ за друга отвѣчали и, естественно, должны были другъ за другомъ слѣдить. Въ началѣ XVIII в. этого было уже мало—и при сенатскомъ управленіи мы видимъ фискаловъ, спеціальныхъ чиновниковъ для надзора. Но гораздо крупнѣе были послѣдствія индивидуализаціи въ политической области. То, чего напрасно было бы искать въ московскомъ царствѣ времени Ивана Грознаго, индивидуальный деспотизмъ, было осуществимо и отчасти осуществлено при Петрѣ. Органомъ этого индивидуальнаго деспотизма при сенатѣ явился генералъ-прокуроръ, „око государево", который долженъ былъ слѣдить, чтобы сенатъ „въ своей должности праведно и нелицемѣрно поступалъ", и чтобы сенаторы занимались своимъ дѣломъ „истинно, ревностно и порядочно, безъ потерянія времени". Ни одно дѣло не могло войти въ сенатъ помимо „генералъ-прокурора"—и ни одно не могло помимо него выйти: при чемъ самъ онъ отъ сената совершенно не зависѣлъ, его можно было только въ случаѣ явной измѣны, въ отсутствіе государя, арестовать—но судить его сенатъ и тутъ не смѣлъ безъ разрѣшенія императора. Генералъ-прокуратура была естественнымъ, логическимъ завершеніемъ петровской системы надзора—но „верховнымъ господамъ", засѣвшимъ въ сенатѣ съ 1718 г., это не могло нравиться, и тотчасъ послѣ смерти Петра они поспѣшили избавить себя отъ надзирателей, устроивъ (въ 1726 г.) надъ сенатомъ Верховный тайный совѣтъ, куда они сами и вошли, и переведя сенаторовъ опять на положеніе чиновниковъ второго ранга. Верховный тайный совѣтъ не ограничился этой отрицательной задачей—онъ взялъ на себя и положительную, попытавшись воскресить боярскую думу, въ качествѣ носительницы центральной власти, но тутъ потерпѣлъ неудачу [1]). Центральное же бюрократическое учрежденіе сохранилось, надъ коллегіями и сенатомъ, въ теченіе всего XVIII вѣка, подъ различными именами: кабинета министровъ, конференціи, совѣта при высочайшемъ дворѣ и

---

[1]) См. о проектахъ „верховниковъ" ниже, IV-ый отдѣлъ.

проч. Каковъ былъ соціальный составъ этого учрежденія, хорошо иллюстрируется тѣмъ маленькимъ фактомъ, что, когда была въ совѣтѣ прочитана жалованная грамота дворянству (1785 г.), совѣтъ „изъявилъ ея императорскому величеству глубочайшую благодарность, какъ отъ себя, такъ и отъ лица всего вообще дворянства". Это были все тѣ же „верховные господа"—крупнѣйшіе землевладѣльцы имперіи. Безъ ихъ согласія не могло рѣшиться ни одно важное дѣло—но управляли непосредственно не они. Управлялъ генералъ-прокуроръ, фактически первый министръ, сначала съ коллегіями, и съ Екатерины II собственно даже и не съ коллегіями, а со своею канцеляріей: настоящее дѣловое чиновничество имѣло свой центръ именно здѣсь. Крупная знать непосредственно заинтересовалась дѣлами лишь въ то время, когда, съ развитіемъ заграничной торговли, крупное землевладѣніе оказалось въ ней близко заинтересованнымъ. Тогда „верховные господа" изъ неопредѣленнаго по своимъ полномочіямъ совѣта переселились въ весьма опредѣленныя по своимъ функціямъ министерства (1802 г.). Не видно, чтобы дѣло пошло у нихъ очень удачно: весьма скоро во главѣ всего появляется снова профессіональный чиновникъ, Сперанскій [1]), „знать" же находитъ себѣ окончательное прибѣжище, уже на цѣлое столѣтіе, въ Государственномъ совѣтѣ (1810 г.).

Въ настоящее время, когда исчезли всякія практическія побужденія затушевывать истину, не приходится сомнѣваться, что первоначальный, 1810 г., Государственный совѣтъ былъ пробной конституціей. Это ясно для всякаго, кто внимательно прочтетъ его „образованіе". „Всѣ законы, уставы и учрежденія въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ предлагаются и разсматриваются въ Государственномъ совѣтѣ", говорится тамъ: „и потомъ дѣйствіемъ державной власти поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію. Никакой законъ, уставъ и учрежденіе не исходитъ изъ совѣта и не можетъ имѣть своего совершенія безъ утвержденія державной власти". Послѣдняя фраза была бы

---

[1]) О его проектахъ, см. опять IV-ый отдѣлъ.

лишена всякаго смысла, если бы совѣтъ съ самаго начала былъ тѣмъ, чѣмъ онъ на практикѣ сдѣлался—законосовѣщательнымъ собраніемъ, подающимъ государю совѣты, которыхъ тотъ не обязанъ слушать. Какимъ образомъ простой совѣтъ могъ получить силу закона? Если пришлось оговаривать, что безъ подписи императора рѣшенія Государственнаго совѣта силы закона не имѣютъ, значитъ это учрежденіе вмѣстѣ съ императоромъ, дѣйствительно, законодательствовало, выполняло ту именно функцію какую выполняютъ представительныя собранія конституціонно-монархическихъ государствъ. Такое пониманіе „образованія“ совершенно подтверждается и формулой, въ какой отнынѣ должны были обнародоваться новые законы: „внявъ мнѣнію государственнаго совѣта, постановляемъ или учреждаемъ“. Но если бы мы и не имѣли всѣхъ этихъ текстовъ, мы могли бы догадаться объ истинномъ значеніи шага, предпринятаго въ 1810 г., послушавъ, что говорило объ этомъ шагѣ главное заинтересованное лицо—императоръ Александръ I. Когда совѣтъ утвердилъ на 80 мил. р. новыхъ налоговъ, Александръ, въ разговорѣ съ французскимъ посломъ Коленкуромъ, такъ пояснялъ роль новаго учрежденія: „всѣ умы во всей имперіи отнесутся къ этой мѣрѣ съ большимъ довѣріемъ, когда увидятъ вмѣстѣ съ указомъ мнѣніе совѣта, скрѣпленное подписями его членовъ, принадлежащихъ всей имперіи, изъ которыхъ нѣкоторые даже прямо происходятъ отъ старинныхъ московскихъ бояръ“. Итакъ, Александръ видѣлъ въ государственномъ совѣтѣ не собраніе чиновниковъ, обязанныхъ только служить государю своею дѣловой опытностью, а выраженіе общественнаго мнѣнія, притомъ мнѣнія именно знати.

Изъ пробной конституціи ничего не вышло—попробовавъ, кушать не стали. Изъ Государственнаго совѣта на практикѣ получилось именно собраніе старыхъ чиновниковъ, обсуждающихъ—и то больше формальности ради—проекты новыхъ законовъ, но ничего не рѣшающихъ: было принято за правило, что императоръ можетъ согласиться съ мнѣніемъ и большинства, и меньшинства, и даже отдѣльнаго члена совѣта—и даже совсѣмъ съ нимъ не согласиться, а обнаро-

довать новый законъ въ формѣ „именного указа“. При чемъ, собственно дѣловое обсужденіе новыхъ законовъ и происходило-то не въ самомъ совѣтѣ, а въ болѣе интимныхъ и тѣсныхъ собраніяхъ: Николай Павловичъ особенно любилъ секретные комитеты. Не попадавшіе туда менѣе вліятельные члены совѣта отлично знали, что даже въ ихъ мнѣніи, по-настоящему, никто не нуждается—и очень рѣдко затрудняли своихъ дѣловыхъ собратій даже преніями. А текущую работу дѣловое чиновничество вело по прежнему въ комитетѣ министровъ. Фактически, комитетъ былъ при Александрѣ I высшей законодательной, судебной и административной инстанціей по всѣмъ дѣламъ, не исключая военныхъ дѣйствій и дипломатическихъ переговоровъ: только въ первые годы по учрежденіи Госуд. совѣта комитетъ изрѣдка вспоминалъ, что то или иное попавшее къ нему дѣло „принадлежитъ до разсмотрѣнія государственнаго совѣта“, и направлялъ его туда. Впослѣдствіи, комитетъ министровъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ два рода дѣлъ: во-первыхъ, высшую чрезвычайную полицію („дѣла, относящіяся до общаго спокойствія и безопасности, до продовольствія народнаго и по всякому чезвычайному происшествію; дѣла о воспрещеніи сообществъ“) и, во-вторыхъ, наиболѣе важные вопросы, затрогивающіе интересы капиталистическаго міра (уставы акціонерныхъ компаній, постройка желѣзныхъ дорогъ, распоряженія относительно пароходства, вообще концессіи всякаго рода). „Учрежденіе комитета министровъ“, такимъ образомъ, еще разъ, уже въ юридической формѣ, подтверждаетъ два положенія, установленныя нами выше историческимъ путемъ: высшая власть въ Россіи носитъ бюрократическій характеръ—и бюрократическій режимъ въ Россіи чрезвычайно тѣсно связанъ съ развитіемъ капиталистическаго хозяйства.

Въ дальнѣйшемъ развитіи, бюрократія должна была оказаться для капитализма кремневымъ ружьемъ. Предприниматель, чѣмъ дальше, тѣмъ больше желаетъ непосредственно участвовать въ законодательствѣ и управленіи. Если онъ мирится съ бюрократическимъ режимомъ, то только въ силу его военно-дипломатической выгодности:

чтобы доказать свою пригодность капиталисту, бюрократическое правительство должно побѣждать, захватывать новые торговые пути, гнать съ рынка конкурентовъ, наконецъ, завоевывать и новые рынки. Каждая неудача на этомъ пути—будетъ ли это невыгодный торговый договоръ, вынудившій понизить таможенныя пошлины, или проигранная война, заставившая проститься съ мечтами о новыхъ рынкахъ, вызываетъ въ буржуазіи рѣзкій подъемъ оппозиціоннаго настроенія. До послѣднихъ лѣтъ XIX вѣка, слабый ростъ туземнаго накопленія, не отвѣчавшій росту промышленности, давалъ лишнюю опору бюрократическому режиму: чиновникъ умѣлъ доставать деньги изъ-за границы—а безъ нихъ было не обойтись. Но вотъ заграница заявила категорически, что именно чиновнику она не вѣритъ—въ то же время, съ подъемомъ хлѣбныхъ цѣнъ, туземное накопленіе пошло ускореннымъ темпомъ: бюрократическій режимъ оказался отжившимъ и въ Россіи. Общественные классы стали другъ противъ друга непосредственно. Чисто классовая организація центральной власти,—вопросъ завтрашняго дня. Но такъ какъ всякая исторія, по долгу своего званія, занимается вчерашнимъ днемъ, то мы и останавливаемъ здѣсь наше изложеніе.

Библіографія.

Для такъ называемаго „вѣчевого“ періода русской исторіи исчерпывающимъ, въ смыслѣ полноты фактическаго матеріала, пособіемъ является появившаяся первоначально еще въ 60-хъ гг. работа В. И. Сергѣевича „Вѣче и князь“, перепечатанная, какъ I-й выпускъ II тома „Русскихъ юридическихъ древностей“ (Спб. 1893). Новѣйшее изслѣдованіе о княжеской власти этого періода (А. Е. Прѣсняковъ, „Княжое право въ древней Руси“, Спб. 1909) интересно кое-какими—не очень систематическими—параллелями съ западно-европейскими учрежденіями аналогичной стадіи развитія. Для государственнаго строя древней Руси, вообще, и спеціально для боярской думы, см. извѣстную книгу Ключевскаго („Боярская Дума древней Руси“: третье, дополненное изданіе 1902 г.). Для вопроса о древне-русскомъ феодализмѣ см. Н. Павлова-Сильванскаго, „Феодализмъ въ древней Руси“ Спб. 1907 и главу III перваго тома „Русской исторіи“ пишущаго эти строки (изд. тов. „Міръ“). По вопросу о происхожденіи земскихъ соборовъ главной по прежнему является работа Ключевскаго, „Составъ представительства на земскихъ соборахъ XVI в.“ (первоначально въ „Русской Мысли“

1890—92 г., перепечатано въ „Опытахъ и изслѣдованіяхъ“, М. 1912). Изъ новѣйшихъ наиболѣе цѣнна ст. проф. Заозерскаго о земскихъ соборахъ (Журн. Мин. Народн. Просв. 1909, іюнь), развивающаго дальше точку зрѣнія Ключевскаго. Остальную литературу и очеркъ исторіи З. С. см. въ называвшейся неоднократно кн. акад. Дьяконова, „Очеркъ обществ. и госуд. строя древн. Руси“. Для петровскихъ учрежденій пособіемъ является прежде всего уже названная книга Милюкова о государственномъ хозяйствѣ Россіи при Петрѣ Вел. Спеціально для сената I—II томы юбилейнаго изданія, „Исторія правительствующаго сената“ (6 тт., Спб. 1911). Для учрежденій XIX в. основное пособіе—„Начала русскаго государственнаго права“ А. Д. Градовскаго (къ нашей темѣ ближайшее отношеніе имѣетъ книга 2-я II тома). См. также юбилейное изданіе „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ“, Спб. 1902—1903).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе (стр. III).

Предварительныя замѣчанія. Что такое культура? Исторія культур ной исторіи (стр. 1—2). „Историческая косность"; вліяніе историка и историю; бытовые корни историческаго идеализма (стр. 2—4). Побѣд матеріализма, сознательнаго и безсознательнаго; что такое историче скій матеріализмъ? Матеріализмъ и детерминизмъ (стр. 4—8) Попытки устранить детерминизмъ изъ исторіи (стр. 9—11). Техническі несовершенства исторіи, какъ науки: непосредственное наблюденіе опытъ въ исторіи (стр. 11—13). Исторія и соціологія; исторія культуры- одна изъ естественныхъ наукъ (стр. 13—14). Планъ „Очерка"; развит русскаго народнаго хозяйства, какъ его первая и основная часть (стр. 15 Исторія хозяйства и исторія общества; значеніе юридическихъ норм соціальная роль религіи (стр. 15—17). Исторія идеологій; эстетическі отраженія общественнаго развитія: искусство и литература (стр. 17—19 Фазеологическій методъ; почему онъ не могъ быть проведенъ въ „Очеркѣ" (стр. 19). Границы „русской" культуры (стр. 20). Библіографія (стр. 21—22

ОТДѢЛЪ I.

Экономическій строй.

1. Первобытное хозяйство. Традиціонная схема экономическаго ра витія; на чемъ она основана? (стр. 23—24). „Законъ" Левассера и дѣ ствительное отношеніе между ростомъ населенія и общественнымъ ра витіемъ (стр. 24—27). Какъ шло развитіе хозяйства на самомъ дѣл Земледѣліе, какъ самый ранній видъ правильнаго хозяйства; истор нашей сохи (стр. 27—29). Схема Бюхера (стр. 29—31). Ея предразсуд вліяніе экономическаго индивидуализма; его неисторичность (стр. 31—3 Было ли когда-нибудь хозяйство безъ обмѣна? (стр. 33—35). Что остает отъ схемы Бюхера? Три основные періода хозяйственнаго развитія; и смѣна въ русской исторіи (стр. 35—39). Источники исторіи первобытна хозяйства; лингвистика и археологія (стр. 39—42). Славянскіе языки земледѣліе (стр. 42—45). Охота (стр. 45—46). Скотоводство (стр. 46—48 Древнѣйшій общественный строй и первобытное земледѣліе; „больша

емья (стр. 48—51). Передвиженія восточныхъ славянъ; вліяніе геограической и этнографической среды (стр. 52—53). „Возмущающіе факторы“: орманское нашествіе IX—X вв.; „разбойничья“ торговля и ея вліяніе тр. 54—57). Библіографія (стр. 57—58).

2. **„Городское“ хозяйство.** „Современное“ земледѣліе въ древней Руси: ва типа хозяйства (стр. 58—60). Происхожденіе нашего крупнаго землеладѣнія; з-іе и рабовладѣніе (стр. 60—63). Закрѣпощеніе свободнаго рестьянства; ссуды скотомъ и ихъ значеніе (стр. 63—64). „Происхождеіе крѣпостного права“; аналогія и различіе Кіевской и Московской Руси тр. 64—68). Эволюція крѣпостныхъ отношеній въ этой послѣдней; какъ ее бычно себѣ представляютъ (стр. 68—70). Экономическіе корни прикрѣпленія; новая земледѣльческая техника (стр. 70—72). Идея давности, какъ ридическая форма; старожильство (стр. 72—74). Диференціація насеенія; выдѣленіе ремесла и экономическія послѣдствія этого факта: тѣбъ—товаръ (стр. 74—80). Выдѣленіе ремесла въ Кіевской Руси (стр. 1—83). Перехожее ремесло (стр. 83—84). Ремесло въ Московскомъ госуарствѣ; зародыши цеховъ (стр. 84—85). Соціальные результаты реесленнаго хозяйства (стр. 85—87). Библіографія (стр. 87—88).

3. **Торговый капитализмъ.** Торговля ремесленнаго періода (стр. 88—9). Новыя черты въ московской торговлѣ XVII столѣтія (стр. 89—91). ервоначальное накопленіе въ древней Руси; княжескіе капиталы (стр. 1—93). Монастырское хозяйство (стр. 93—97). Финансовыя предпріятія: емельная рента (стр. 97—100). Торговый барышъ; размѣры новгородской рговли; московская торговля XVII в. (стр. 100—104). Московское общество, какъ классовое общество; роль буржуазіи; политическое значеніе рговаго капитала (стр. 104—107). Торговый капитализмъ и внѣшняя олитика (стр. 107—109). Зачатки экономической теоріи; протопопъ Сильестръ (стр. 109—110). Посошковъ (стр. 110—112). Библіографія (стр. 112—13).

4. **Крѣпостное хозяйство.** Вліяніе торговаго капитала на эволюцію рѣпостной деревни; значеніе хлѣбнаго экспорта (стр. 113—115). „Фабрика для производства хлѣба“; техника; „тягло“; барщина (стр. 115—119). рѣпостная утопія XVIII в. и дѣйствительность 1840-хъ гг. (стр. 119—122). рактическія мѣропріятія; размноженіе тяголъ; круговая порука (стр. 22—124). Крѣпостное право и организація обмѣна (стр. 124—126). Подобные доходы крѣпостного хозяйства; развитіе въ деревнѣ кустарныхъ ромысловъ (стр. 126—128). Крѣпостная фабрика (стр. 128—130). Оброчое хозяйство (стр. 130—133). Экономическія предпосылки крестьянской реформы; непроизводительность барщиннаго труда; идея эмансипаціи и грарный кризисъ 1820—30-хъ гг. (стр. 133—137). Попытки буржуазнаго озяйства въ деревнѣ до 19 февраля (стр. 137—139). Библіографія (стр. 39—140).

5. **Современный капитализмъ.** Его характеристическія черты: концентрація производства, пролетаризація рабочаго, роль машинъ (стр. 40—144). Подготовка промышленнаго капитализма торговымъ: ману-

фактура и кустарные промыслы; обычное представленіе о послѣднихъ; ихъ дѣйствительное происхожденіе; кустарь и машина (стр. 144—151). Внѣшнеполитическія условія развитія крупной индустріи въ Россіи (стр. 151—153). Соціальныя условія: заработная плата и поземельная рента; обрабатывающая промышленность и крѣпостное право (стр. 153—156). Проникновеніе капитализма въ сельское хозяйство (стр. 156—158). Конфликтъ чернозема и суглинка, барщины и оброка (стр. 158—159). „Либералы“ и „феодалы“ оброчной Россіи; главныя черты „феодальнаго“ проекта; соотношеніе силъ въ дворянской массѣ (стр. 160—164). Феодальная программа и интересы крестьянства; „тягло“ и „міръ“ въ реформѣ 19 февраля (стр. 165—166). Экономическіе итоги реформы; конкуренція крестьянина и помѣщика (стр. 166—170). Реформа и обрабатывающая промышленность (стр. 170—171). Реформа и торговый капиталъ; хлѣбный экспортъ и желѣзныя дороги; податная политика и пролетаризація крестьянства (стр. 172—174). Хлѣбный экспортъ, туземное накопленіе и заграничный капиталъ въ русской промышленности (стр. 175—178). Капитализмъ въ сельскомъ хозяйствѣ новѣйшаго времени (стр. 178—179). Библіографія (стр. 179—180).

ОТДѢЛЪ II.

Государственный строй.

1. Военно-финансовая организація. Хозяйство и право. Происхожденіе принудительной общественной организаціи; ея цѣль (стр. 181—183). Дружина и дань; „смерды“ и горожане (стр. 183—186). Финансовая политика татаръ; „сошное письмо“, „число“, „ямъ“, „тамга“ (стр. 186—188). Военно-финансовыя реформы Грознаго; „кормленія“, „земское“ самоуправленіе (стр. 189—192). „Соха“ XVII столѣтія; начало дворянскихъ привилегій (стр. 192—194). Первые шаги торговаго капитализма: соляная пошлина и мѣдные рубли (стр. 194—196). Военная реформа XVII—XVIII вв. и ея финансовые результаты: пятинныя деньги, подворная подать, подушная подать (стр. 196—200). Дворянская реакція (стр. 200—201). Торговый капиталъ и финансовая система XVIII в.; откупа (стр. 201—204). Ассигнаціи; бумажныя деньги и внѣшняя политика (стр. 205—211). Заграничный кредитъ (стр. 211—213). Бюджетъ 1912 г.: прямые и косвенные налоги; военные расходы; армія Николая I; значеніе всеобщей воинской повинности (стр. 213—218). Библіографія (стр. 218).

2. Судъ. Историческая роль суда (стр. 218—220). Періодъ „обычнаго права“; семейный обычай; племенной обычай (стр. 220—221). Первая и вторая редакціи Русской Правды (стр. 221—224). Финансовое значеніе суда: виры, продажи (стр. 224—225). Кровная месть и судебный поединокъ (стр. 225—226). Исчезновеніе самосправы и классовая юстиція (стр. 226—227). Ея органы; губной сыскъ (стр. 228—230). Связь губныхъ учрежденій съ „городскимъ“ хозяйствомъ (стр. 230—231). Торжество сыска въ XVII в.; Уложеніе и „Воинскій процессъ“ (стр. 231—234). Торговый капитализмъ и судебный терроръ (стр. 234—235). Судопроизводство XVIII в.

и внѣ-экономическое принужденіе (стр. 235—236). Помѣщичій судъ (стр. 236—237). Канцелярская тайна (стр. 237—238). Классовый составъ суда; буржуазный судъ въ до-реформенную эпоху (стр. 238—240). Судебная реформа и крестьянская реформа; тяжесть стараго суда для дворянъ; кн. Щербатовъ (стр. 240—242). Библіографія (стр. 242).

3. Центральная власть. Государство и общественные классы; „государственныя“ учрежденія въ до-классовый періодъ; „родовой бытъ“; племя, какъ отраженіе слѣдующей экономической стадіи (стр. 243—247). Варяжское княжество; древнѣйшій абсолютизмъ; „держава“ Олега и Святослава; остатки племенного строя (стр. 247—249). Кіевская революція 1113 г.; ея классовой смыслъ (стр. 250—251). Вѣчевыя общины; значеніе князя; выборныя магистратуры (стр. 251—254). Экономическая связь дружины и вѣча (стр. 254—255). Древне-русскій феодализмъ; вопросъ о существованіи феодализма въ Россіи; „большая семья“ и вотчина; древне-русскій вассалитетъ (стр. 255—261). Феодальныя учрежденія: боярская дума (стр. 261—264); земскій соборъ (стр. 265—267). Чиновничество; связь бюрократіи съ торговымъ капитализмомъ; соціальный ростъ чиновничества; представляетъ ли оно собою особый классъ? (стр. 267—272). Буржуазно-бюрократическій смыслъ петровской реформы; ея индивидуализмъ (стр. 272—275). Государственный совѣтъ 1810 г. (стр. 275—276). Комитетъ министровъ (стр. 277). Бюрократія и „современный“ капитализмъ (стр. 277—278). Библіографія (стр. 278—279).

Оглавленіе (стр. 280—283).

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

М. Н. ПОКРОВСКАГО, при участіи **Н. М. Никольскаго** и **В. Н. Сторожева.**

Изданіе ставитъ себѣ цѣлью подвести итоги тому, что сдѣлано до сихъ поръ въ области исторіи русской культуры, принимая это слово въ наиболѣе широкомъ его значеніи (хозяйство, общественный строй, право, государственныя учрежденія, религіозная жизнь и т. д.). Текстъ „Русской исторіи“ стремится къ наглядности и конкретности, стараясь дать не только схему, но и **возможно богатую фактами картину культурнаго развитія,** такъ чтобы читатель, не принимая на вѣру данной схемы, имѣлъ возможность составить себѣ самостоятельное представленіе о ходѣ **русскаго культурнаго развитія.** Кромѣ того, эта картина культурнаго развитія воспроизводилась до извѣстной степени также **иллюстраціями бытового характера** съ особымъ текстомъ. Въ интересахъ той же конкретизаціи изложенія русской исторіи, а равно предоставленія читателю извѣстной возможности самостоятельнаго сужденія о различныхъ фактахъ русскаго прошлаго, даны особыя приложенія, заключающія въ себѣ **характернѣйшія выдержки изъ первоисточниковъ** съ сжатымъ комментаріемъ, иногда переводомъ на современный языкъ и всегда съ обозрѣніемъ историографической роли цѣлаго памятника.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ: „Оригинальные очерки Покровскаго очень любопытны. **И свѣжесть мысли, свѣжесть матеріала особенно къ нимъ привлекаютъ...** Въ научно-популярныхъ изданіяхъ подчасъ слишкомъ трудно обосновать детально свои взгляды, а у г. Покровскаго они есть въ изложеніи эпохи Грознаго, и въ изложеніи Смуты, особенно тамъ, гдѣ авторъ выясняетъ роль въ соціальной жизни тогдашней, такъ сказать, буржуазіи. Не безъ интереса читаются и очерки г. Никольскаго, посвященные церкви и религіи...“ *„Русскія Вѣдомости“*, № 233, отъ 11 октября 1911 г.

„Собственно, имя автора, достаточно говорящее за качество разсматриваемаго труда, избавляетъ насъ отъ необходимости вдаваться въ сколько-нибудь подробную оцѣнку внутреннихъ достоинствъ изданія. **Живое безпристрастное изложеніе, популярный языкъ, дѣлающій книгу доступной самому широкому кругу читателей, также составляетъ отличительную черту всего того, что выходитъ изъ-подъ пера М. Н. Покровскаго.**

Изданіе отпечатано на превосходной бумагѣ, четкимъ убористымъ шрифтомъ, снабжено массой прекрасныхъ фототипій съ древнихъ памятниковъ родной исторіи и картинъ русск. художниковъ историческаго жанра“. *„Утро“*, № 1579, отъ 22 февраля 1912 г.

„Обширный и цѣнный трудъ по русской исторіи, предпринятый М. Н. Покровскимъ въ сотрудничествѣ съ Н. М. Никольскимъ и В. Н. Сторожевымъ, успѣшно подвигается впередъ... Читатели знаютъ наше общее отношеніе къ этому труду: **мы признаемъ его чрезвычайно важнымъ и интереснымъ. Всякому, кто интересуется вопросами русской исторіи, слѣдуетъ не только прочитать, но и внимательно изучить** и третій томъ разбираемаго труда, какъ и два предыдущіе“. *„Современный Міръ“*, январь 1912 г.

„Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ“ содержитъ болѣе **100** печатныхъ листовъ большого формата въ **5** томахъ. Изданіе богато иллюстрировано снимками съ историческихъ картинъ русскихъ художниковъ и наиболѣе цѣнныхъ и характерныхъ въ культурномъ отношеніи историческихъ памятниковъ (будетъ дано до **100** иллюстрацій на отдѣльныхъ листахъ). Для иллюстраціи геологической исторіи Россійской равнины къ соотвѣтствующему очерку приложены **14** схематическихъ географическихъ картъ распредѣленія суши и воды въ разные геологическіе періоды и **5** таблицъ фауны и флоры. Всѣ иллюстраціи воспроизводятся способами Mezzotinto, Duplex и Mattdruckkunst и исполняются художественнымъ институтомъ *Ф. Брукманъ въ Мюнхенѣ.*

Цѣна изданія въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ съ кожанымъ корешкомъ **(въ 5 томахъ) 30** руб.

Допускается разсрочка платежа отъ **2** рублей въ мѣсяцъ.

ИЗДАНІЕ ЗАКОНЧЕНО.

□ □ □ **Главная контора изданій Т-ва „МІРЪ“: Москва,** Знаменка, 9. □ □ □
Отдѣленія: Петроградъ, Невскій, 55. **Кіевъ,** Прорѣзная, 7. **Харьковъ,** Валеріановская, 82. **Одесса,** Софіевская, 23.

Замѣченныя опечатки.

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Слѣдуетъ читать:*
9	20 сверху	отказваться	отказаться
18	17 „	кульурной	культурной
44	4 снизу	сукна	сука
109	12 сверху	Нащокикъ	Нащокинъ
159	5 снизу	кыпитала	капитала
163	5 „	владѣльцевъ	владѣльцами
230	7 сверху	отправитъ	отправить
258	11 „	основался	оставался
261	14 „	о	до
272	8 „	проявленію	появленію

М. Н. ПОКРОВСКИЙ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В XX ВЕКЕ

ПОПУЛЯРНЫЙ ОЧЕРК

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУН. УН-ТА
ИМ. Я. М. СВЕРДЛОВА—МОСКВА—1926

пересматривающий, если не стоит на одном уровне с Лениным, то, по меньшей мере, стоит к нему в таком же отношении, в каком Энгельс стоял к Марксу. От автора в высшей степени далека подобная смешная претензия. Автор думает, что то, что говорилось насчет самодержавия Лениным, вполне правильно и по сей день. Возможность изменения классового содержания царизма Ленин допускал—он не был бы диалектиком, если бы он не допускал его принципиально,—но от возможности до действительности очень большой шаг, и, по Ленину, самодержавие за время своего существования этого шага не сделало. Впрочем, лучше всего говорить словами самого Ленина. Я приведу два наиболее важные в этом отношении отрывка. Первый относится к 1909 году и неоднократно цитировался, но без начала и без конца, что совершенно искажало его смысл.

«И самодержавие, и конституционная монархия, и республика суть лишь разные формы классовой борьбы, при чем диалектика истории такова, что, с одной стороны, каждая из этих форм проходит через различные этапы развития ее классового содержания, а с другой стороны, переход от одной формы к другой нисколько не устраняет (сам по себе) господства прежних эксплоататорских классов при иной оболочке. Например, русское самодержавие XVII века с боярской думой и боярской аристократией не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма» и от обоих резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное «сверху» освобождать крестьян, разоряя их, открывая дорогу капитализму, вводя начало местных представительных учреждений буржуазии. К XX веку и эта последняя форма полуфеодального, полупатриархального самодержавия изжила себя. Переход к представительным учреждениям национального масштаба стал необходимостью под влиянием роста капитализма, усиления буржуазии и т. д. Революционная борьба 1905 года обострилась особенно из-за того, кто и как соберет первое всероссийское представительное учреждение. Декабрьское поражение решило этот вопрос в пользу старой монархии, а при таких условиях иной конституции, кроме черносотенно-октябристской, и быть не могло.

На новом поприще, при учреждениях бонапартистской монархии, на более высокой ступени политического развития борьба начинается опять с устранения прежнего врага, черносотенного самодержавия» *).

Итак, самодержавие, несмотря на изменение внешней формы, оставалось «полуфеодальным, полупатриархальным» до начала XX века и продолжало оставаться «черносотенным» (т.-е. крепостнически-помещичьим) еще в 1909 г. при действии столыпинской конституции. Этот совершенно ясный и единственно возможный вывод из слов Ленина и был сделан им самим в 1917 году.

«Первая революция и следующая за ней контр-революционная эпоха (1907—1914) гг. обнаружила всю суть царской монархии, довела ее до «последней черты», раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверство семьи Романовых,—этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, революционеров,—этих «первых среди равных» помещиков, владеющих миллионами десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохранения этой своей и своего класса «священной собственности». И далее, перечисляя „три политических лагеря, три основные политические силы“, имевшиеся налицо накануне революции 1917 г., Ленин начинает перечень так: „царская монархия, глава крепостников-помещиков, глава старого чиновничества и генералитета“ **).

Никакого «перерождения» самодержавия из политического возглавления крепостного хозяйства в политическую организацию промышленного капитализма у Ленина найти нельзя. Самодержавие могло стать «буржуазной монархией» в полном смысле этого слова, т.-е. на 100% уподобиться империи Наполеона I или Наполеона III, но оно ею не стало. До конца своих дней оно продолжало оставаться «исполнительным комитетом» крепостников-помещиков—и, стало быть, их союзника—купеческого капитала,—ибо отрицать связь крепостного хозяйства с торговым капитализмом еще никто у нас не пробовал.

---

*) «Сочинения», XI, ч. I, стр. 203. (Разрядка моя. М. П.).

**) «Сочинения», XIV, ч. I, стр. 5—6. (Курсив Ленина. М. П.).

В заключение два слова о заглавии: я думаю, что, назвав свою брошюру «Внешняя политика России в XX веке» я поступил правильно: в 1920 году, на котором останавливается изложение, СССР еще не было. В то же время внешняя политика РСФСР после 1920 года слишком тесно связана с политикой Советского Союза, чтобы их можно было рассматривать раздельно. Еще одно замечание. На стр. 45-й у меня говорится о взаимной ненависти „сербов и болгар". Я полагаю, что всякий читатель и сам догадается, что речь идет о болгарской и сербской буржуазии, а никак не о сербских и болгарских рабочих или крестьянах. Но лучше и это оговорить.

22/V—1922.

М. П.

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ

Ленин говорил о внешней политике, что «выделять внешнюю политику из политики вообще, а тем более противополагать внешнюю политику внутренней, есть в корне неправильная, не марксистская, не научная мысль». Это как будто заранее уничтожает тот маленький курс, который я собираюсь вам прочесть. Но если вы вспомните, сколько есть статей у самого Ленина, посвященных специально внешней политике, то вы поймете, что под «противоположением» Ленин здесь разумел не то, что нельзя отдельно говорить о внешней политике, а разумел, совершенно очевидно, что и внешняя и внутренняя политика государства определяются, в конечном счете, одной и той же силой. Вслед за тем отрывком, который я взял, Ленин это иллюстрирует примером, говоря, что империализм одинаково враждебен демократии как во внешней политике, так и во внутренней. Империализм есть единственная сила, которая определяет одинаково как внешнюю политику империалистских стран, так и внутреннюю их политику. Вот что он хотел сказать. Поэтому из этих слов Ленина отнюдь не следует, что мы с вами не можем заняться отдельно внешней политикой, а значит только, что наше понимание внешней политики России должно быть увязано тесным образом с тем внутренним политическим процессом, какой в России происходил и который вы, как мне кажется, изучили.

И внутренняя и внешняя политика России конца XIX и начала XX века, в последние два или три десятилетия перед революцией, как и раньше, нужно сказать, определялась той господствующей силой, которая направляла общие судьбы нашей, в те времена несчастной, страны,—самодержавием. Самодержавие было руководящим началом как внутренней, так и внешней политики.

А что такое самодержавие? Самодержавие, как я уже ска-

зал однажды и как я имею все основания повторять, несмотря на всякую критику и возражения, это есть та политическая организация, которая свойственна торгово-капиталистическому государству или, как я выразился короче, это есть политическая организация торгового капитала.

Так как вы изучали внутреннюю политику царской России, то я не буду вам приводить тех фактов, вам хорошо, конечно, известных, которые иллюстрируют эту мысль примерами из внутренней политики: как самодержавие создавало крепостное право, в какой связи это крепостное право, или, точнее—крепостное хозяйство, стояло со всей системой торгового капитализма,—это вы все хорошо знаете и нет надобности к этому возвращаться.

Значит, внутренняя и внешняя политика России была политикой торгово-капиталистического государства. Прежде всего позвольте отвести одно возражение, которое вы, вероятно, слышали, которое повторялось и будет повторяться. Говорят, что это противоречит диалектике. Как? в XVI веке Россия—государство торгового капитала; в XVIII веке Россия—государство торгового капитала, в XIX веке тоже, в начале XX века тоже. Это, говорят, явное отрицание диалектики. Покровский не диалектик, Покровский метафизик, для него все вещи неподвижны. Прежде всего, позвольте привести маленький пример. Что Англия XVIII века—капиталистическое государство или нет?—Капиталистическое. А Англия XX века, теперешняя Англия,—страна капиталистическая?—Капиталистическая. Отрицание диалектики! Как же, и 200 лет тому назад Англия была страной капиталистической и сейчас она капиталистическое государство. Нельзя. За это время должны были произойти какие-то перемены. Если в XVIII веке Англия—страна капиталистическая, то сейчас она, значит, не капиталистическая. На этом примере позвольте указать, что я нахожусь в весьма хорошей компании по этой части, в очень хорошей, даже в чересчур хорошей компании. Если вы развернете «Коммунистический манифест», то вы там прочтете в одном месте, что «неизменное сохранение старого способа производства было первым условием существования всех прежних (до-капиталистических) промышленных классов».

Значит, с торжеством заключил бы один из моих милых критиков, до капитализма не было диалектики! Караул! Маркс и

Энгельс—метафизики. Я говорю, что слишком хорошая компания. Очевидно, что и Маркс и Энгельс не хотели сказать буквально, что отношения были неподвижны, а они хотели сказать, что развитие при господстве мелкого производства шло столь медленно, что его не замечали, оно не бросалось в глаза.

А теперь, что такое эпоха торгового капитала? Это и есть та эпоха, когда обмен централизован капиталистически, а производство—мелко-ремесленное, то самое, о котором Маркс и Энгельс говорят в «Коммунистическом манифесте», что при господстве этого мелкого ремесленного производства развитие идет так медленно, что его можно не заметить, что, как в математике бывает, величина бесконечно малая приравнивается к нулю. Вот какое значение имеют эти слова Маркса и Энгельса в «Коммунистическом манифесте». Значит, диалектика и быстрота развития—это совсем не одно и то же. Диалектика и кинематограф—это совсем не одно и то же; это две вещи различные. Вовсе необязательна кинематографическая быстрота для того, чтобы было диалектическое развитие.

Как медленно идет развитие в торгово-капиталистических странах, покажет один пример. От одного, весьма компетентного, человека мне пришлось слышать, что в Китае торговый капитализм начал складываться за три столетия до христианской эры. А сейчас, какой капитализм в Китае?—Почти преобладает система капитализма торгового; в промышленный капитализм Китай только вступает. Тут уже видите, товарищи, не 400 лет, как у меня—с XVI по XX век,—а 22 столетия, 2200 лет встречаетесь вы с тем же торговым капитализмом. Чем это об'ясняется? Пример Китая тут очень хорош. Китай—это государство с 300 миллионым населением,—колоссальное политическое тело. Для того, чтобы торговый капитализм прососался во все поры этого громадного тела, овладел всем оборотом, для этого нужно было громадное количество времени, особенно принимая во внимание, что Китай был изолирован и что процессы, в нем происходившие, совершались в нем, как в закупоренной коробке. При таких условиях, естественно, этот процесс развития торгового капитализма в Китае потребовал тысячелетий. У нас масса была менее грузная, чем в Китае, не 300 миллионов, а под конец всего сто миллионов населения, но все же масса была довольно большая, и мы видим, как долго торговый капитализм

не мог добраться до первичной ячейки нашего земледелия, до крестьянского двора и до крестьянина. В течение 2-х с лишним столетий торговый капитализм дирижировал этим крестьянином через посредство помещика; он не мог просочиться непосредственно в деревню. Только в середине XIX века торговый капитализм решается подойти к мужику вплотную, взять его в руки непосредственно, отказаться от помещика, как от своего агента, ибо помещик был до известной степени агентом торгового капитала; этим его функции не исчерпывались, но, между прочим, он был агентом торгового капитала. И только тому назад лет 60-70 торговый капитал начинает считать возможным обойтись без этого агента и эксплоатировать крестьянина непосредственно. Вот почему торговый капитализм развивался у нас так медленно и вот почему понадобились три столетия для того, чтобы он окончательно проник во все поры народного хозяйства. Так что медленность тут в достаточной степени оправдывается самой сутью дела.

Какой ошибки надо избегать? Надо избегать той ошибки, чтобы представлять себе капитализм, как какое-то одноцветное сукно. Из Ленина вы знаете, что у нас сейчас в советской стране имеются пять типов хозяйства: патриархальное, мелкое товарное, частно-хозяйственный капитализм, государственный капитализм и социализм. А в других странах и в другие времена этого не было? Это свойственно только России? Всегда было. В XVI веке у нас существовал не только торговый капитализм и патриархальное крестьянское хозяйство в неизмеримо более распространенном виде, нежели оно существует сейчас, но и мелкое торговое, мелко-товарное хозяйство точно так же, как существует сейчас. В XIX веке к концу картина становится еще пестрее, потому что тут начинает действовать диалектика развития капитализма вообще, и торговый капитал рождает своего антагониста—промышленный капитал. Значит, к торговому капиталу и ко всем патриархальным и прочим видам хозяйства прибавляется еще промышленный капитализм. Картина становится еще пестрее. Но значит ли это, что эта картина не представляет ничего целого, что она ползет в разные стороны?—Нисколько не значит. Что, сейчас у нас есть какое-нибудь определяющее начало, какой-нибудь стержень? Социалистическое хозяйство является определяющей силой. И тогда был один определенный стержень. Этим определенным стерж-

нем был торговый капитализм, торгово-капиталистическая система, которая заставляла себе подчиняться все остальные типы хозяйства, какие существовали рядом, подчиняться, конечно, опять-таки не безусловно. Вы прекрасно знаете, что господство социалистического типа хозяйства не мешает нисколько тому, что мы даем дышать кулаку, сознательно даем ему дышать, что у нас существуют нэпманы, существуют концессии, хотя в небольшом количестве и т. д. Точно также, как вы видите, государство торгового капитализма не мешало у нас в России тому, что в нашей политике,—она не наша была, а царская,—все равно—в царской политике,—проявлялась известная тенденция и других видов хозяйства. Это совершенно верно. Но определяющим стержнем был именно торговый капитализм.

Ярче всего это видно, именно, на нашей внешней политике. Что вы хотите делайте с фактической стороной русской истории, как вы над ней ни мудрите, вы топором не вырубите того факта, что если стержнем всей нашей хозяйственной системы в то время был торговый капитал, то стержнем нашей внешней политики была борьба за торговые пути. Против этого ничего нельзя возразить, потому что это совокупность фактов, осознанных, понятых еще в то время; для того, чтобы отрицать это, нужно все эти факты выкинуть из истории.

Вся наша внешняя политика была борьбой за торговые пути. Сначала с Грозного до Петра Романова, с XVI по начало XVIII века, это была борьба за Балтийское море, за северный торговый путь. Со второй половины XVIII века, с Екатерины II и до Николая II включительно, это была борьба за Черное море и проливы, ведущие из Черного моря в Средиземное, борьба за южные торговые пути. Все войны, которые вела Россия за это время, все классифицируются по этим двум задачам, решительно все. Так называемая Великая северная война, которую вел Петр, это была борьба за Балтийское море. Затем турецкие войны Екатерины II, так называемые восточные войны Николая I, Александра II и, наконец, последняя война Николая II, это все была борьба за торговые пути на юге, за Черное море, за его проливы,—факт, не подлежащий никакому сомнению. Если кажется, что Россия воевала за что-нибудь другое, то, покопавшись, вы увидите, что в корне лежала опять та же самая основная цель. Александр I сначала в союзе с Англией воевал против Наполеона. Позже, разбитый фран-

цузами, он с ними боролся против англичан. Из-за чего? Он это сам сказал. Когда Александр I приехал в Эрфурт на свидание с Наполеоном, что он просил у Наполеона? Он просил у Наполеона Константинополь. Даже когда война шла очень далеко от этого места, и, казалось, его вовсе не касалась, стержнем борьбы была борьба за проливы и Константинополь.

И вот, как будто исключением в этой области и является японская война, о которой мне сейчас придется говорить вам. Как будто тут никакие проливы и никакой Константинополь не при чем.

Но прежде, чем перейти к этой истории происхождения японской войны, позвольте вам наглядно охарактеризовать, в чем же разница между политикой торгово-капиталистического государства, какой являлась русская политика, и внешней политикой промышленного капитала. Этот пример очень хорошо привести, потому что иначе вам может показаться: ну, что же такого, что борьба велась за торговые пути? Ведь всегда война велась из-за этого. Вот мы сейчас с вами и посмотрим. В 1870 году Германия воевала с Францией. Франция была разбита. Был заключен Франкфуртский мир в 1871 году. И вот, когда заключали этот Франкфуртский мир, было ли хоть одно слово сказано о торговых путях? Требовала ли Германия от Франции, чтобы Франция уступила ей, скажем, Брест, крупнейший порт на Атлантическом океане? Мы плохо себе географию представляем. Германия имеет прямые выходы на океан, или нет?—Она их не имеет. Она выходит одним концом на Балтийское море, а другим концом на Северное или Немецкое море, это залив Атлантического океана. Но в открытый океан Германия не имеет выхода. Представьте себе, что Германия—торгово-капиталистическое государство, которое борется за торговые пути. Она к чему стремилась бы?—Чтобы получить выход на океан. Какой?—Да вот во Франции есть Брест. Он находится на крайнем западом выступе Западной Европы, в Бретани, и врезается клином в Атлантический океан. Об этом ни слова никто не говорил, никто этим не интересовался. А о чем шел спор между Францией и Германией при заключении Франкфуртского мира, после войны? Шел спор из-за Саарского бассейна и из-за этого началась война. Там уголь. Для Франции об этом шел спор. А для Германии из-за чего шел спор? Из-за лота-

рингской руды. Почему французы, живущие в Лотарингии, должны были моментально превратиться в немцев?—Потому что у этих несчастных под ногами была та руда, которая была абсолютно необходима германской промышленности. Когда определяли границы между Германией и Францией при заключении мира, то в пограничную комиссию Бисмарк, германский канцлер, который руководил германской политикой, требовал включения горных инженеров, которые должны были при проведении границы сообразоваться с тем, где есть руда и где нет руды. Значит, из-за чего шла борьба между этими двумя государствами—Францией и Германией?—Из-за угля, с одной стороны, и из-за руды, с другой стороны, а не из-за торговых путей. Вот вам наглядный пример разницы тех целей, которые ставят себе во внешней политике торговые и промышленно-капиталистические страны. Прибавлю, что в предыдущий торгово-капиталистический период, и Франция знала войны за торговые пути: весь XVIII век она вела борьбу с Англией из-за Средиземного моря, великой водной дороги из Западной Европы в Азию. Последним эпизодом этой борьбы была египетская экспедиция Наполеона в 1798 г.

Повторяю, товарищи, как будто бы исключением из этой характеристики русской внешней политики в XIX и в начале XX века, той характеристики, которая гласит, что это была борьба за торговые пути, т.-е. политика, свойственная торгово-капиталистическому государству, — как будто бы исключение представляет японская война. О самой японской войне, об ее предпосылках я буду говорить в следующий час, а сейчас позвольте этот подход к японской войне высказать, может быть, в несколько парадоксальной форме. На берегах Тихого океана царская Россия воевала за те же самые проливы. Там другие проливы, и, казалось бы, что общего между этими проливами и теми? Между ними расстояние должно быть не меньше 15 тысяч километров, но тем не менее борьба шла из-за того же самого. Борьба за проливы в середине XIX века привела к столкновению России Николая I с так называвшимися тогда морскими державами. Когда борешься за торговые морские пути, то, конечно, скорей всего можешь встретить у себя на дороге те страны, корабли которых плавают по морям. Этих «морских держав» (термин чрезвычайно характерный для наших политиков XIX в.) тогда было две: Франция и Англия. С ними про-

изошло столкновение в середине XIX века. Я не буду об'яснять подробностей этого столкновения, но кончилось оно тем, что нас разгромили. Английские и французские войска высадились в Крыму, взяли Севастополь, и по Парижскому миру в 1856 году Россия была лишена права держать флот на Черном море. Это был, как казалось тогда противникам России, смертельный удар русской политике в борьбе за проливы. Не имея военного флота на Черном море, Россия, конечно, и мечтать не могла ни о каком захвате проливов. Александр II вынужден был подписать этот мир, потому что у него внутри страны было очень неблагополучно к концу войны. Крестьяне волновались и волновались в таких размерах, что все большее и большее количество военных сил от задач внешней политики, от борьбы с французами и англичанами приходилось отвлекать для борьбы с русским мужиком. Такое положение вещей, конечно, было слишком опасно для Александра II, и он подписал этот мир, подписал, как он публично выражался, в минуту трусости. Этой минуты трусости он простить себе не мог. Когда он посетил развалины Севастополя в 1861 году, он писал оттуда своему сыну Николаю, умершему потом, старшему брату Александра III: «Я не умру спокойно, пока не увижу Черноморского флота возрожденным».

Таким образом, возрождение Черноморского флота, аннулирование результатов Парижского мира становится стержнем всей политики Александра II. На этой почве он сближается с Германией, помогает ей разгромить Францию в 1870—71 г. и, ввиде взятки за эту помощь, в 1871 году добивается отмены той статьи Парижского трактата, которая запрещала России держать флот на Черном море. А с возрождением Черноморского флота начинается снова та же борьба за проливы. В 1877 г. Александр II об'являет войну Турции. Русские войска доходят до Константинополя, но под Константинополем они встречают обращенные на них пушки английских броненосцев, а в тылу России изменяет Австро-Венгрия, с которой перед войной был заключен договор. Русские этот договор нарушили, австрийцы этим воспользовались и выступили с тылу. У Александра II опять наступила минута трусости и он подписал новый трактат, соглашение, по которому Россия не получила ни Константинополя, ни проливов. Это было крушение, можно сказать, всей жизни Александра II. Когда он вернулся с войны, то долго его не видавший министр Валуев записал в своем

дневнике: «коронованная полуразвалина». Такое впечатление производил тогда Александр II в то время. Народовольцы только добили эту «коронованную полуразвалину». Александру II навсегда не удалась эта попытка завладеть Константинополем и проливами; и это был уже конченный человек.

После его смерти борьбу продолжает его сын. Александр III, заключает целый ряд договоров, имевших ввиду получить для России Константинополь, но до войны он не дошел. У него был тот же союзник—Германия—и тот же враг. Я сказал, что под Константинополем русские войска наткнулись на пушки английских броненосцев; другими словами, как под Севастополем в 1855 г., так и под Константинополем в 1877—78 г. одинаково поперек дороги России стояла одна и та же сила. Под Севастополем стояли обе морские державы—Англия и Франция. Франция была теперь разбита и лизала руки у того же Александра III, но Англия продолжала стоять на ногах, и поскольку она стояла на ногах и владычествовала над морями, с ней приходилось иметь дело. Вот почему русско-турецкая война 1877—78 года была связана с рядом высшей степени показательных фактов. В самом ее начале, еще война не началась с турками из-за Константинополя, а уже есть проект Скобелева предпринять поход из русского Туркестана, теперешнего Узбекистана, в Индию, при чем Скобелев делает вполне реальные попытки в этом направлении. Он сам пробует перейти с войсками и артиллерией через Гиндукуш, доказывает, что это возможно и что вторгнуться в Индию можно. А когда русские увидели под Константинополем пушки английских броненосцев, то дело пошло еще дальше. В Афганистане появляется миссия генерала Столетова, который агитирует афганцев за союз с Россией. Туркестанский военный округ мобилизуется и заранее распределяется, как по трем направлениям три колонны из Туркестана пойдут в Индию. Таким образом, война с Англией совсем почти у порога. Берлинский мир оборвал это развитие. Два года спустя после этого экспедиция Скобелева, первого русского генерала того времени, «полководца, Суворову равного», как было написано на его надгробном венке,—высаживается на восточных берегах Каспийского моря; происходит завоевание теперешнего Туркменистана; русские захватывают Закаспий и захватывают с большим расчетом; строят железную дорогу, которая за ними идет, явно двигаясь к «воротам Индии»—к Герату.

Возобновляется наступление на Англию. Англичане попробовали сагитировать афганцев на свою сторону, но афганский отряд решившийся загородить дорогу русским, был разбит. Это было в 1885 году. Совсем, казалось, на волоске была война с Англией, но и на этот раз до войны не дошло. Англичане проглотили ту неприятность, которую им нанесли русские войска под Кушкой, разбив афганцев,—не решились начать борьбу с Россией, потому что они в то время были лишены всяких континентальных союзников. С Германией Александр III был в союзе, с Францией у Англии еще не наладились отношения, у Александра III был уже кое-какой флот, так что английской торговле он повредить мог—была реальная опасность для Индии,—а России на сухом пути Англия была бессильна что-либо сделать. Был опять заключен худой мир. На этот раз фактически мира не было, потому что фактически и войны не было, но к войне продолжали готовиться с обеих сторон—строится чрезвычайно энергично Черноморский флот, некоторые единицы которого вы можете видеть на фильме «Броненосец Потемкин». Все это—флот, построенный на Черном море Александром III. И вот, именно, это столкновение с Англией и дало толчек к дальневосточной авантюре. Именно в этой связи Александр III начинает интересоваться Дальним Востоком. Почему?—На Дальнем Востоке нам принадлежала одна гавань—Владивосток, вам хорошо известный. Совершенно ясно было, что если в этом Владивостоке держать хорошую крейсерскую эскадру и в момент войны выпустить ее на Тихий океан, то она может нанести жестокий удар дальневосточной торговле Англии, разорить Гон-Конг, угрожать Австралии или, по крайней мере, связям Англии с Австралией, угрожать Индии. Такая крейсерская эскадра у России тех дней была. После столкновения в 1877 г. был создан так называемый «добровольный флот». Это были отчасти купленные, отчасти вновь построенные быстроходные пароходы, которые в мирное время возили арестантов на Сахалин, а обратным рейсом, из Китая в Россию—чай, но они были приноровлены для военных целей, на них имелись пушки и другие приспособления, и они могли быть в очень короткое время—в пару недель—превращены в военные крейсера. Это была, таким образом, довольно грозная крейсерская эскадра, тем более, что в 80-х годах в ней были уже довольно хорошие, быстроходные пароходы.

Опорной базой их мог быть тогда только Владивосток. Но когда стали об этом думать, то натолкнулись на такое затруднение: а как доставить во Владивосток все, что нужно, чтобы он сделался базой и как доставлять все, что нужно для кораблей, верфей и тому под.: машины, материалы, уголь и т. д.? Как? —Только по морю. А по морю англичане пустят?—Конечно, не пустят. Ясное дело, что Владивосток может быть заблокирован в любой момент англичанами. А тогда что?—Тогда не угодно ли гужем везти из центральной России за 10 тысяч километров к Владивостоку все, что нужно. Мыслимая это вещь?—Конечно, не мыслимая. И вот, под впечатлением событий 80-х годов, Александр III решает во что бы то ни стало построить сибирскую дорогу, связать рельсовой колеей центральную Россию с берегами Тихого океана. Тогда по этим рельсам можно будет подвезти и пушки, и уголь, и солдат, и все, что угодно, и тогда Владивосток действительно может стать грозной морской базой, которая держала бы под шахом Англию на Дальнем Востоке, подвергая ее всегда возможности нападения со стороны России. Вы видите, как борьба на берегах Средиземного и Черного моря привела к борьбе на берегах Тихого океана.

Итак, то, что носит название «дальне-восточной авантюры», зародилось в середине 80-х годов, и если называть царя, который начал эту авантюру, то приходится назвать Александра III, который начал во второй половине 80-х годов строить Сибирскую ж. д.,—по выражению Витте, царского министра, человека, несомненно, осведомленного в этом деле,—самую стратегическую изо всех русских железных дорог. Ни из каких других соображений, кроме стратегических, вы постройки Сибирской ж. д. не поймете. Но это не была, конечно, самодовлеющая стратегия. Строили вовсе не ради отвлеченных военных соображений, а строили потому, что интересы русского торгового капитала требовали господства России на проливах,—на Босфоре и Дарданеллах, а это привело к столкновению с Англией; Англию же было всего легче уязвить на Тихом океане; поэтому нужно было стать на Тихом океане твердой ногой.

Вы видите, что дальне-восточная авантюра есть один из эпизодов в русско-английской борьбе. Я не знаю—достаточно то аудитории ясно, или нет. Я обо всех этих проливах гово-

рил в общих чертах, представляя себе, что значение их торгово-капиталистическое ясно, потому что это был путь для русской пшеницы в Западную Европу, а главным товаром, на котором русский торговый капитал строил свое благополучие, был, как вы знаете, хлеб. Может быть полезно несколькими цифрами это иллюстрировать. Как у нас рос вывоз хлеба перед турецкими войнами в XVIII веке, покажут следующие цифры. Первая турецкая война началась в 1769 г. За десятилетие перед этим вы знаете, во сколько вырос вывоз русского хлеба? Почти в десять раз. Если мы примем цифру 60-го года за 100, то цифра 69-го года будет 958. Так просился наружу русский хлеб. И вот под давлением этого русского хлеба, который, конечно, просился не в своей натуральной форме—форме мешков с рожью,—он в таком виде лежал спокойно, но купец, который хотел продать его за высокую цену во Франции и в Италии, старался его вывезти.

Теперь значение для этого хлебного вывоза этих проливов Черного моря. В 1906—8 гг. из всего хлеба, который Россия вывозила за границу, только 11% шло через порты Балтийского моря и 89% шло через порты Черного моря. Вы видите, какое огромное значение для русского хлебного вывоза имело Черное море и проливы, соединяющие его со Средиземным. Эти цифры я привел, чтобы вам нагляднее было, какое значение торгово-капиталистическое имели эти проливы и борьба за проливы.

Теперь я возвращусь к тому, с чего я начал—что появление России на Дальнем Востоке и, прежде всего, постройка Сибирской ж. д. Александром III в конце 80-х годов было эпизодом борьбы России и Англии. Если Россия в то время была еще в торгово-капиталистическом периоде,—хотя в ней уже был развит промышленный капитализм, но стержнем, которым определялась внешняя политика, был торговый капитал,—то в это время Западная Европа вступила в империалистский период, и интересы русского торгового капитала вклинились в систему империалистских антагонизмов, империалистских стремлений Западной Европы. И как только Россия появилась на берегах Тихого океана, это сейчас же заметил главный империалистский враг Англии,—это заметила Германия. Вот в какой обстановке правильны слова Ленина, что русско-японская война была империалистической войной. Для России она не была империа-

листической войной, потому что Россия только после 1906 г., т.-е. после русско-японской войны, вступила в полосу империализма, но так как русско-японская война попала на фон англо-германских столкновений, так как, можно сказать, она была передовой стычкой между Англией и Германией, прологом империалистской войны 1914 г., то в этом смысле это была империалистская война. Позвольте вам иллюстрировать это более детально фактами. В руках у меня переписка Вильгельма II с Николаем II,—один из ценнейших документов по истории русской внешней политики. И вот что писал Вильгельм Николаю II меньше чем через год после вступления на престол Николая II, в 1896 году.

Позвольте, однако, сначала немного издалека подойти к этому 1895 г., потому что Вильгельм начинает с намека на одно событие, о котором вы, вероятно, не знаете. В конце 1880 г. русский царь начал строить железную дорогу через Сибирь на берега Тихого океана. Это предприятие, само по себе понятное и простое, стало осложняться различного рода подробностями. Во-первых, выяснилось, что Владивосток—база не совсем удобная для русской крейсерской эскадры, потому что климат там чрезвычайно суровый. Хотя Владивосток находится на одной параллели с Батумом—и кто из вас бывал в Батуме, тот знает, какая там температура,—но климат во Владивостоке московский: средняя температура января там такая же, что в Москве—12°. Благодаря этому, гавань Владивостока четыре месяца в году заперта льдом. Значит, в течении только 8 месяцев Владивосток годится, а в течении 4 месяцев никуда не годится. Это первый минус. Второй минус заключался в том, что если вы возьмете карту тогдашней России на Дальнем Востоке (она и теперь годится, потому что граница почти та же), то вы увидите, что граница Китая выгибается к северу, и если строить железную дорогу к Владивостоку по русской территории, то ее придется строить дугой вдоль реки Амура. Во-первых, там условия стройки чрезвычайно трудные, это одна из труднейших железных дорог в мире. А во-вторых, получается лишних 2 тысячи километров, по сравнению с прямым направлением. Но это прямое направление идет через китайскую область, через Манчжурию. Это та Восточно Китайская жел. дор., о которой вы много читали в последнее время в газетах. Это направление укорачивает на 2 тыс. километров и облегчает самую построй-

ку железной дороги, потому что через Манчжурию строить очень легко.

Значит, построение военно-морской базы на берегах Тихого океана поставило две другие задачи: во-первых, как добиться прямого пути, когда на дороге Манчжурия, китайская территория; а с другой стороны, как добиться такого порта, который был бы открытым в течении круглого года, а не в течении 8 месяцев? Одно условие тянуло за собой другое. И вот русское правительство стало искать удобных случаев для того, чтобы разрешить обе эти задачи.

Удобный случай скоро представился. В 1894 г. разразилась война Японии с Китаем. Китай был вдребезги разбит, японские войска заняли будущий Порт-Артур, юг Манчжурии, японцы стояли на дороге к Пекину, Китай стоял на коленях, искал всюду помощи и, конечно, помощь ему подал великодушный русский царь. Это великодушие русский царь всегда показывал. Вся борьба за проливы пропитана этим великодушием русского царя. Так, например, в 30-х годах XIX века Николай I явился великодушно защищать турецкого султана от восставшего на него египетского паши. Турки испугались «помощи» Николая I больше всех пашей в мире, обратились к англичанам и французам, а те русских, буквально выражаясь, прогнали без войны,—просто дипломатическим нажимом заставили уйти. В 1877 году, я вам рассказывал, Александр II захотел завоевать Константинополь. Но разве так было дело официально? По официальной версии восстали наши единокровные, единоверные братья-славяне и мы их выручать пошли; это злые люди выдумали, что за Константинополь шла война. Опять великодушный жест. И такой же великодушный жест мы имеем и в 1895 г. Русский император поднял грозную руку и сказал японцам: «Стой! Не смейте»! И японцы ушли. Надо иметь в виду, что тогда японская военная мощь была только в самом начале; японский флот был в полтора раза слабее русского на Тихом океане. При таких условиях японцы не решились воевать и очистили занятую ими китайскую территорию. Китай за это должен был заплатить большую военную контрибуцию, которую опять великодушно предложил достать русский царь. Он был свой человек во всех парижских банках, всюду его охотно принимали и заем в 500 миллионов был сделан. Китайцы, зная великодушие русского царя, с трепетом ждали: спас,—что же

дальше будет? А дальше вот было что. В 1896 г. Николай II короновался, что было, как вам известно, ознаменовано ходынскими происшествиями. Ходынские происшествия стали хорошо известны всему миру, а в это время без особого грома и шума приехал в Россию китайский представитель Ли-Хун-Чанг и поместился на I-й Мещанской, в доме крупнейшего чаеторговца Перлова. Чрезвычайно характерно это совпадение: русско-китайской «дружбы» и крупнейшего представителя русского торгового капитала в Китае. С Ли-Хун-Чангом завязались переговоры о том, чтобы Китай за все благодеяния, оказанные русским царем, разрешил построить русскую железную дорогу по китайской территории на Дальнем Востоке. Ли-Хун-Чанг придал этому русскому проекту чрезвычайно странное толкование. Ему показалось, что тут есть какое-то покушение на китайскую землю. Он долго вертелся и высказывался против русской железной дороги, говорил, что китайцы сами ее построят. Но тут нетрудно было Ли-Хун-Чанга убедить, что для того, чтобы строить, деньги нужны, а вот вы и для контрибуции Японии деньги могли достать только через наше посредство. У вас денег нет. В силу этого китайцы должны были согласиться на предложение Николая II. Но тогда Ли-Хун-Чанг внес в договор о железной дороге статью, что постройка этой железной дороги не послужит захвату русскими Манчжурии и вообще—к нарушению прав китайцев на этой территории. Что это такое? При чем здесь захват Манчжурии? Но Ли-Хун-Чанг был очень умный, хитрый китаец и он еще оговорил, чтобы русские военные поезда, проходя через Манчжурию (дорога стратегическая, военная и ясно, что будут возить и пехоту и артиллерию и кавалерию), чтобы они останавливались в Манчжурии только для перемены паровоза, а не для каких-нибудь других надобностей, чтобы они быстрей-быстрей проходили. На все эти маленькие уступки русские пошли. Даже разрешили Китаю выкупить эту дорогу по истечении 39 лет, причем Витте предусмотрительно об'ясняет в докладной записке, что, конечно, Китай никогда ее не выкупит, потому что было поставлено условие, что при выкупе Китай обязуется уплатить не только стоимость постройки железной дороги, но и все убытки, которые эта дорога (стратегическая и никаких доходов от нее быть не может) принесет в течение этого времени. Это, говорит, такая операция при которой приобретение этой дороги будет явным вредом для

Китая и поэтому на этот вред Китай не пойдет, конечно. Им не удастся заплатить такую сумму, да и дохода они с этой дороги никогда не получат. А так как северная Манчжурия страна довольно пустынная, населения там мало и, кроме того, население «дикое»,—«дикость» его выражается в том, что он ни слова по-русски не понимает,—то явное дело, что нужно было принять меры предосторожности, и хотя русские военные поезда могли останавливаться в Манчжурии только для пере мены паровозов, но вдоль всей железной дороги была поста влена постоянная охрана, которая состояла из нескольких де сятков тысяч войск. Целые дивизии пехоты, артиллерии, кава лерии. Эти войска как будто бы и не служили русскому царю, а были на службе у общества по постройке этой дороги, общество состояло при русско-китайском банке, банк бы создан в свое время для развития русских торговых операций Китае. Как вы легко догадаетесь, солдаты были в русской форме офицеры были русские, все было русское; целый корпус рус ских войск был расположен вдоль этой дороги. После этого н могло быть спора о том, чья эта железная дорога и кто действительности являлся хозяином северной Манчжурии.

Это была одна сторона дела. Я вам сказал, что минусо наших сообщений с Тихим океаном было это злосчастное за мерзание гавани Владивостока. Тут, по всей вероятности, уро географии дали Николаю II японцы. Нужно рассеять легенду что только свердловцы не знают географии. Старые царски министры географии тоже не знали, и урок географии дали нам повидимому, японцы, ибо нигде в русских документах не слы хать о Порт-Артуре до того момента, когда японцы его занял во время японско-китайской войны. А тут вот Порт-Арту вспоминают. Оказывается, что на юге Манчжурии есть прекра ная гавань, не замерзающая, очень хорошая, удобная гаван Туда пришли японцы. После того, как русский царь показал и кулак, они оттуда ушли, но гавань осталась. На что она китай цам? Если у них какой флот и был, то японцы его уничтожили Им никакой военной гавани не нужно. Японцев оттуда прогнали Кто-то эту гавань должен занять и Николай II из этого урок географии вывел политический урок. Нам нужна незамерзаю щая гавань. Японцы показали, что есть такая незамерзающа гавань на юге Манчжурии—Порт-Артур. Нужно его занять а железную дорогу свернуть на юг. Она уже через северну

Манчжурию идет. Построим ветку, которая идет на южную Манчжурию и затем в руках России будет незамерзающий порт на Тихом океане. А так как Китай уже удалось убедить разрешить руским построить через северную Манчжурию эту дорогу, значит удастся убедить построить дорогу и на юге Манчжурии. И опять на счастье или на несчастье Николая II,—как хотите,—но Китай испытал такой оглушительный удар, что в состоянии этого оглушения с ним все, что угодно, можно было сделать.

В 1897 году в гостях у Николая II был германский император Вильгельм II в Петергофе. Раз этот германский император, возращаясь со смотра в коляске с Николаем II, небрежно сказал последнему: китайцы позволили уже твоему флоту заходить в гавань Киао-Чау, но я слышу, что твои корабли туда не заходят. Может быть, ты разрешишь туда моему флоту заходить? Николай II ответил, не подумавши: ну, что ж, пожалуй. У меня, кстати, имеется ввиду другая гавань для русского флота. И тут же сам себя, наверно, выругал за то, что проговорился, но уже ничего не поделаешь. Немедленно после того, как Вильгельм вернулся к себе домой—не в Германию, а еще в Петергофе—его канцлер прислал русскому министру иностранных дел заявление: так как его величество, император всероссийский, заявил, что гавань Киао-Чау ему не нужна и что он имеет ввиду какой то другой порт, который он предполагает занять, то и т. д. и т. д. Дело было сделано. Вильгельм ожидал соответствующей обстановки и дождался, что в Китае убили двух католических попов. Попы были католические, а сам Вильгельм протестант. В Европе они сильно между собою дрались, но на Дальнем Востоке совсем другое дело. В отместку за убийство попов Вильгельм решил занять Киао-Чау. Попов убили не жители Киао-Чау, а просто разбойники, но вышло так, что взяли жителей Киао-Чау и из китайцев превратили их в немцев. Словом, гавань Киао-Чау была занята немцами к величайшему удивлению китайского правительства. Ну, убили попов, так тогда суди виновников, предай смерти и т. д., но чтобы за убийство двух попов занимали гавань—это было для китайцев совершенно непонятное, совершенно неестественное дело. О сделке Вильгельма с Николаем китайцы ничего не знали. Пришел германский крейсер в Киао-Чау, высадил дессант и готово дело: китайская гавань стала германской гаванью.

И вот, когда китайцы находились в состоянии такого оглушения, тут к ним подошел Николай II со своими предложениями и говорит: вот еще у вас есть Порт-Артур. Может быть вы его нам в аренду отдадите? Китай говорит: зачем? Русские отвечали: мы же ваши союзники. Мы вам помогать хотим. Как же мы будем вам помогать, когда у нас нет ниодного незамерзающего порта? Как же мы будем вас защищать без этого? Отдайте Порт-Артур. Китайцы пришли в смятение и бросились жаловаться на своего благодетеля англичанам и японцам. Англичане и японцы их приободрили и заявили, что с Киао-Чау придется проститься, а на Порт-Артуре поупирайтесь, нельзя сразу отдавать. Тогда Николай пустил в ход такую тактику: в Пекин был переведен 1 миллион рублей и было предписано войти в переговоры с двумя главными китайскими министрами: с Ли-Хун-Чангом и Джан-Ин-Хуаном. Ли-Хун-Чанг качал головой и говорил: дело трудное.Но так как из миллиона на его долю приходилось пятьсот тысяч, то он постарался—произнес блестящую речь в совете министров и кое-как «убедил» их. С другим мандарином вышло хуже, он попался в этом деле, и имеется телеграмма, что только-только ему собирались передать пятьсот тысяч рублей, как его арестовали. Для русской казны на этом получилась огромная экономия: вместо пятисот тысяч ему дали всего 15 тысяч; дали, чтобы показать китайским чиновникам, что они и в случае несчастья не будут оставлены русским царем.

Таким путем добились арендного договора на Порт-Артур. Порт-Артур из китайской крепости, побывав на короткое время японской крепостью, превратился в русскую крепость. Туда пришла русская эскадра, высадились русские войска и чтобы убедить окончательно, что Порт-Артур «взят в аренду», китайский флаг был торжественно спущен, а русский флаг был торжественно поднят. Русские военные власти, которые явились в Порт-Артур, стали затем прекрасно собирать подати с китайцев, которые жили около Порт-Артура. Словом, «аренда» была полная.

Вот каким образом «естественным» путем развертывалось постепенно русское наступательное движение на Дальний Восток. Это наступательное движение уперлось не только географически в Порт-Артур, но и политически уперлось в сеть тех политических противоречий, которые тогда складывались. Борьба между Германией и Англией уже началась в то время—борьба

дипломатическая. Обе стороны стремились друг друга окружить; это окружение очень интересно и проскальзывает в той переписке Вильгельма и Николая, отрывок из которой я хотел вам прочесть. После того, как русский царь показал кулак Японии и японцы должны были очистить Порт-Артур, Вильгельм писал Николаю:

«Я был рад, что мог показать, как тесно связаны наши интересы на Дальнем Востоке, и что мои суда получили приказ помогать твоим в случае надобности, если бы положение стало сомнительным. Европа должна быть благодарна тебе за то, что ты так быстро понял, какую великую роль должна играть Россия в деле насаждения культуры в Азии и в деле защиты креста и старой христианской европейской культуры против вторжения монголов и буддизма; если Россия занялась этим гигантским делом, то естественно, что ты хотел бы, чтобы в Европе все было спокойно, и тебе не грозила бы опасность с тылу; и, разумеется, именно я должен позаботиться об этом и воспрепятствовать всякому, кто бы вздумал мешать тебе и нападать с тыла в Европе в то время, как ты исполняешь великую задачу, возложенную на тебя небом».

Это очень важный текст. Это было написано в 1895 году. Вы видите, что Вильгельм II гарантировал Николаю II тыл с запада: не бойся, мы на тебя не нападем. Почему Вильгельм эту гарантию давал?—Потому что для него Англия была в это время гораздо более опасным врагом, нежели Россия. Он прекрасно понимал связь вещей, прекрасно понимал, что Порт-Артур, по существу дела, направлен против англичан, в первую голову, и желал, чтобы Россия, которую он собирался сделать своей подопечной сиротой, там распоряжалась. Эта связь между занятием Порт-Артура и русско-английским конфликтом проглядывает очень хорошо в одном националистически-черносотенном анекдоте по этому поводу. Этот анекдот гласит, что через несколько часов после того, как эскадра адмирала Дубасова (того самого Дубасова, что так хорошо вам известен по 1905 г.) стала на якорь у Порт-Артура, с открытого моря показался английский крейсер. Он подошел, увидел, что стоят русские корабли, повернулся и ушел обратно в море. Смысл этой басни тот, что если бы Дубасов опоздал хоть на несколько часов, то англичане заняли бы Порт-Артур за свой счет. Я думаю, что это легенда, и что английский крейсер приходил только с ре-

когносцировочной целью; но так или иначе, в этом анекдоте ярко отразился смысл этих действий. Порт-Артур был новым Севастополем, который должен был специально служить орудием наступления против тех же морских держав, в данном случае против Англии. Вот в чем был смысл занятия Порт-Артура, и вот почему Вильгельм так решительно стал в этом случае на сторону России, обещался ей гарантировать тыл и т. д.

Что касается Японии, то на нее в это время сравнительно мало обращали внимания. Она так легко сдалась в 1895 году, так легко испугалась поднятого царского кулака, что с ней считались, как с величиной маленькой и старались ее приручить мелкими подарками. После занятия Порт-Артура Японии уступили кое-какие права и преимущества в Корее, что показывает, что в это время Корея не особенно интересовала Николая II и его правительство, иначе он ни под каким видом не уступил бы Японии ее в 1898 году. Таким образом, главным врагом продолжали и тут оставаться англичане. Это необходимо не упускать из виду, потому что это связывает дальневосточную авантюру с общей политикой Романовых в XIX в.

Но тут вклинивается один эпизод, чрезвычайно характерный и который долгое время в глазах историков закрывал настоящую связь, в которой возникла русско-японская война. Это была авантюра в авантюре, это была уже авантюра № 2, личная авантюра Николая II. Это была знаменитая история с концессиями в Корее. Я в своем сжатом очерке довольно обстоятельно излагаю внешнюю обстановку, в которой появилась в мозгу Николая II мысль об этих концессиях. Предполагалось, что Корея обладает огромными минеральными богатствами, что там есть залежи не только каменного угля и железа, и пр., но огромные золотые россыпи и что эти богатства можно арендовать у корейцев на тех же основаниях, на каких был арендован Порт-Артур у китайцев. С этой целью был отправлен в Корею некий тайный советник Непорожнев, который вступил в переговоры с корейским императором. Корейский император был самым несчастным существом в мире в те времена, ибо одно время он был между двумя штыками: японским и китайским, а когда эта опасность миновала, явились русские благодетели, которые спасали не только Китай, но и Корею, при чем русские действовали так, что они вызвали всеобщее возмущение против корейского императора, и этот несчастный корейский

император должен был постыдно бежать из своего дворца в русское посольство, где и жил все время, уже этим фактом выражая крайнюю свою зависимость от России. Поэтому русские этого императора просто переуступили японцам. И несмотря на то, что этот корейский император находился в величайшем угнетении, все-таки с Непорожневым он говорил очень осторожно и не согласился подписать концессию на эксплоатацию «недр» его империи, а дал только неопределенное обещание притти в русское посольство, переговорить о концессиях.

У Николая, таким образом, оказался еще на Дальнем Востоке, кроме интереса обще-царского, еще интерес личный или, если хотите, семейный, потому что он, как любящий семью человек, больше хлопотал о жене, детях, племянниках, нежели о себе. У него денег было достаточно, но семью нужно было обеспечить: для этого и понадобились эти концессии. Так как официально Корея была только что уступлена Японии, т.-е. японцы могли там устраивать всякие предприятия и т. д., то официальное русское министерство иностранных дел и русское министерство финансов, строившие железную дорогу в Манчжурии, вмешиваться в это дело не могли, да и не хотели. Они считали, что это дело крайне опасное и ненужное. И тут начинается своеобразная диалектика, т.-е. расщепление на две части внутри русского правительства. Появляются два правительства на Дальнем Востоке: с одной стороны, официальное правительство, министерство иностранных дел и министерство финансов и, с другой стороны, Николай II и его агенты—сначала полковник Вонлярлярский, затем Безобразов, Непорожнев и т. д. Целая система, целое новое министерство иностранных дел, которое ведет свою политику. Смысл этой политики заключался в том, чтобы приобрести минеральные богатства Кореи и вообще захватить себе возможно больше реальных ценностей как в Корее, так и в южной Манчжурии. Постепенно пришлось для согласования действий этих двух правительств устроить особое согласительное учреждение, особую согласительную комиссию под названием дальневосточного комитета, где сидели: Безобразов—частный министр иностранных дел Николая и Ламсдорф—официальный министр иностранных дел русской империи; и этот комитет вершил все дела.

В этой связи приходится понимать дальнейшее развитие событий. С точки зрения интересов русского торгового капитала,

было совершенно достаточно тех успехов, какие были достигнуты Николаем II, т.-е. захвата Порт-Артура. Далее оставалось превратить Порт-Артур в сильнейшую военно-морскую базу. Это был бы кулак, занесенный над дальневосточным противником в лице Англии. Словом, это было бы крупнейшее орудие в борьбе за проливы в Европе. Но этот осложняющий момент, тяга Николая к миллионным богатствам Кореи, стремление захватить в свои руки то, что плохо лежит, создание своего личного министра иностранных дел, явились, как выражаются по научному, «возмущающим фактором». Официальная Россия, в лице Витте и его орудия—Ламсдорфа, страшно бесилась от этого возмущающего фактора, но ничего не могла поделать, потому что личные или, точнее, семейные, династические интересы Николая II толкали его в этом направлении.

В чем заключалась суть той перемены, которая здесь произошла? Раньше был интересен север Манчжурии для проведения дороги к Владивостоку, затем—Порт-Артур и район, который ведет к нему. Но нужно ли было нам захватывать южную Манчжурию, а тем паче Корею для этих целей?—Пока не нужно. Если эта надобность могла представиться, то только в более или менее отдаленном будущем, а Безобразов, частный министр Николая II, сидел в южной Манчжурии и смотрел на Корею, а всем остальным интересовался очень мало. Что нужно было, чтобы русские могли спокойно распоряжаться в Порт-Артуре?—Мирные, налаженные отношения с китайским населением. В этом мы убедились на собственном примере вчера. Очень неприятно входить в соглашательские отношения с такими господами, как Чжан-Дзо-Лин, но нужно поддерживать более или менее дружественные мирные отношения с окружающим населением и с китайской властью. Витте и стремился к тому, чтобы наладить отношения. Но Безобразов стоял на другой точке зрения. Ему нужны были, как он выражался в письме к Николаю II, существенные ценности; а для того, чтобы эти существенные ценности добыть, нужно было попросту грабить. Тут складывается любопытнейший союз и его надо подчеркнуть, ибо он чрезвычайно характерен для личной линии Николая II, это союз Безобразова с хунхузами.

Хунхузы—это китайские бандиты. Безобразов увидел, что в Манчжурии имеются две силы: китайская администрация и банды этих хунхузов, и он решил, что эти банды хунхузов—

это есть своеобразная оппозиция и на эту оппозицию он решил опереться против китайской администрации. Что из этого получилось, вы без труда догадаетесь. Представитель русского правительства в крае оказывается почти открытым союзником бандитов. Это, разумеется, должно было сразу же радикальным образом испортить отношения русского правительства с китайской администрацией в тех местах и вообще создать чрезвычайную смуту на месте, потому что, опираясь на бандитов, идя рука об руку с бандитами, нельзя было не обострить до крайности отношения к местному населению, к местной китайской администрации в частности.

Таким образом, атмосфера становилась все более и более горячей. Как скоро привела бы к войне первая авантюра—сказать трудно. Конечно, привела бы. Она привела бы к войне хотя бы в силу переплета русских интересов и интересов германского империализма. Это столкновение рано или поздно произошло бы, но оно было страшно ускорено всей этой серией чисто личных моментов, которые были сюда внесены Николаем II и его личным министром Безобразовым. Затем, они, прежде всего, географически перенесли центр тяжести на южную Манчжурию и Корею. Этим они очень обеспокоили Японию; однако, сама по себе одна Япония, вероятно, не решилась бы ответить войной. Но вот в чем заключался просчет Николая II. Он позабыл в этой своей личной политике исходную точку своего движения—борьбу с Англией, т.-е. прежде всего он позабыл, что он имеет и на Дальнем Востоке Англию в качестве главного врага. В 1902 году был заключен англо-японский союз, который был грозным предзнаменованием. Ясно было, что в случае столкновения придется иметь дело не только с Японией, но и с англичанами, но отступать назад было трудно.

Манчжурия только что в 1900 г. была занята русскими войсками,—под предлогом «восстания» т. наз. «боксеров», но, в сущности,—в результате настоящей, хотя и очень легкой для России, войны с Китаем. Но англо-японский союз был сам по себе еще не так страшен. За этими 2-мя силами на Дальнем Востоке против России выдвигалась третья сила, о существовании которой Николай догадался буквально накануне катастрофы. Он говорил об этой силе за несколько дней до войны. Дело в том, что захват Россией южной Манчжурии, который можно было рассматривать, как начало захвата Китая, вызвал

на сцену силу, которая до сих пор в этих делах не участвовала — Соединенные Штаты. Американцы домогались всюду открытых дверей. Николай, захватив южную Манчжурию, посадил в Инкоусской таможне русских чиновников, и американские товары не могли проникать в южную Манчжурию. Одновременно с этим Россия не позволила осуществлять на деле, заключенный американским правительством с китайским, договор о так называемых американских «сетлементах», поселениях в южной Манчжурии. Все это вместе взятое для американцев, людей достаточно дальновидных, служило явным признаком, что Россия хочет запереть Манчжурию для Америки. А за Манчжурией пойдет северный Китай, а за северным Китаем и весь Китай. Американцы—народ предусмотрительный: и президент Рузвельт стал, фактически, во главе коалиции, которая составилась из Англии, Японии и Соединенных Штатов. Соединенные Штаты помогают строить японский флот, который побил русских при Цусиме, а главное—дают Японии денег на войну. В последние дни перед об'явлением войны между Токио и Вашингтоном шла ежечасная телеграфная переписка. Америка фактически держала в своих руках все русско-японские переговоры, и президент Рузвельт в частных письмах признавался, что самым неприятным было бы для него, если бы Россия помирилась с Японией.

Вы видите, что перенесение центра тяжести с севера Манчжурии и Порт-Артура в южную Манчжурию и Корею, которая, с точки зрения основных интересов русского торгового капитализма, вовсе еще не была нужна, было самой опасной из всех возможных авантюр, потому что она сталкивала нас с Соединенными Штатами, которые, попросту говоря, и помогли Японии вышибить русских из Манчжурии. Этого противника мы навязали себе на шею совершенно зря, ибо можно было великолепнейшим образом американцев не трогать и открыть Манчжурию для американских товаров, потому что русские товары туда посылались в самом незначительном числе, и товары туда больше попадали немецкие.

Вот каким образом, товарищи, с продвижением на Дальний Восток интересы русского торгового капитала втянули нас в переплет империалистских связей и интересов, противоречивых взаимоотношений целого ряда стран, которые потом столкнулись в империалистической войне. Тут все они налицо: Германия, Англия, Япония, Соединенные Штаты—силы, которые

будут бороться с 1914 до 1918 года; они уже сталкиваются на Дальнем Востоке, но выступают прикрыто и за кулисами. И это последнее обстоятельство создавало у Николая II радужные иллюзии. Что такое Япония?—Такая ничтожная держава, которой показали кулак в 1895 году—и она спряталась. «Новое Время» писало, как вы знаете, что для Японии об'явление войны России равносильно самоубийству. Плеве говорил: «Россия решала все вопросы внешней политики всегда не дипломатическими нотами, а штыками» и чего тут бояться японцев? Куропаткин составил план кампании, который кончался гордыми словами: «пленение микадо». А что за японцами стоит такая сила, как Соединенные Штаты, стоит прикровенно, не говоря уже об открыто стоявшей за ними Англии, об этом не знали или позабыли; а благодаря помощи этих двух сил Япония в 1905 году оказалась совсем не тем, чем она была в 1895 году. В 1895 г. японский флот был в полтора раза слабее русского, а в 1905 году он оказался сильнее. В 1895 г. у Японии была армия в 80 тысяч человек, а в 1904 армия в 1 миллион штыков. Чем это дело кончилось, вы знаете.

Таким образом, в чем, собственно, заключается главная и основная ошибка Николая II?—В том, дорогие товарищи, что он ни в малейшей степени не был диалектиком. Он не понимал, что нельзя к Японии 1904 года подходить так, как в 1895 году, он не умел конкретизировать положение каждого определенного исторического периода, он был типичнейший метафизик, и от этого он и погиб.

Вот в очень сжатом виде характеристика японской войны. Я пропускаю массу моментов, чтобы сжать это на протяжении одного часа. Я пропускаю все боксерское восстание. Вы отчасти найдете это в сжатом очерке.

Русско-японская война была, таким образом, поражением, нанесенным России не только Японией, но также Англией и Соединенными Штатами. Смысл русского разгрома под Мукденом и Цусимой в том и заключался, что из двух комбинаций будущей империалистической войны, куда могла пойти Россия, комбинаций германской и английской, под Цусимой и Мукденом, решительно победила английская комбинация, и с 1907 года Россия из союзницы Германии категорически становится союзницей Англии. Вот в чем заключался мировой смысл японской войны.

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ

Основную линию внешней политики царской России давал торговый капитал, который имел своего агента в лице помещика. Помещик стоял у власти. Вся система самодержавия—это было государство помещиков, и в результате через помещиков торговый капитал давил на всю политику самодержавия—внутреннюю и внешнюю. Значит, интересами торгового капитала определялась эта политика вообще. Об этом нам придется еще говорить сегодня. Но, товарищи, совершенно не диалектическим, чисто метафизическим пониманием этого утверждения было бы говорить: а, значит, промышленный капитализм, который развивался в России в конце XIX века, никакого влияния не имел?—Конечно, это неверно. Торговый капитализм и его интересы определяли основную линию русской внешней политики. Если мы вынем торговый капитал, его интересы, мы ничего не поймем. Но это не значит, чтобы за торговым капиталом, петушком-петушком, не бежал и промышленный, и чтобы промышленный капитал вовсе не был заинтересован в тех предприятиях внешне-политического характера, которые выдвигались торговым капиталом в его интересах. Возьмите дальневосточную авантюру. Я все время ее изображал так, что это была своеобразная форма русско-английского конфликта, борьбы между Россией и Англией. Основным об'ектом этой борьбы были проливы—Босфор и Дарданеллы. Дальше я приведу цифры и вы увидите, какое значение для русской торговли имели Босфор и Дарданеллы, какое значение они имели для той торговли, которая составляла стержень самого русского торгового капитализма, для хлебного экспорта и, значит, для помещиков и их интересов и т. д. Это было основное. Но, скажем, для того, чтобы этот конфликт с Англией, перенеся его на Дальний Восток, разрешить благополучно для себя, русский торговый капитал что должен был сделать?—Строить сибирскую железную

дорогу. Что, постройка сибирской дороги интересовала сколько нибудь промышленный капитал?—Конечно. Из моего «Сжатого очерка» вы знаете, что южно-русские металлургические заводы главным образом производили рельсы, что они на постройке сибирской железной дороги развивались, и что, как только кончилась постройка сибирской железной дороги, страшно обострился кризис в области металлургии. Я об этом прошлый раз ничего не говорил, ибо я имею слабость предполагать, что своим уважаемым слушателям мой «Сжатый очерк» знаком, что они его читали; там все это есть и все это об'яснено. Таким образом, вот вам одна связь между интересами торгового и промышленного капитала. Далее, постройка флота, который пошел ко дну под Цусимой, в этом был заинтересован промышленный капитал?—Конечно был заинтересован; поэтому изображать дело так: а, у вас только один торговый капитал, а где промышленный?—нельзя. Вот он где. В то же время, когда нам говорят, что наша политика на Дальнем Востоке в первую голову преследовала цели захвата Китая, как рынка для русской мануфактуры, то это уже оказывается неверным, или, в лучшем случае, страшно преувеличенным. В известной степени и тут, конечно, было кое-что. Не даром одновременно с тем, как строили Порт-Артур для того, чтобы занести кулак над англичанами, строили и Дальний—порт для будущего вывоза товаров в Китай и на Дальний Восток. Но это была настолько отдаленная перспектива для самого строителя Дальнего —Витте, что об этом говорить не приходится. Что вывозили в первую голову?—В первую голову вывозили только керосин, а не мануфактуру. И даже в то время, когда Манчжурия была занята русскими войсками, туда шла мануфактура преимущественно японская и английская, а не русская. Китайский рынок имел для русской текстильной промышленности в три раза меньшее значение, чем персидский рынок; а нельзя сказать, что персидский рынок—это пуп земли, и чтобы около него вращалась вся внешняя политика царской России. Русский ввоз в Китай был в три раза меньше вывоза Китая в Россию, причем Китай ввозил в Россию не только чай, но и чесучу, которая в образе чесучевого пиджака сделалась для русской интеллигенции чем то вроде национального костюма в летнее время.

Таким образом, вы видите, что эта сторона дела,—захват Китая, как рынка для русской мануфактуры,—это было

самой отдаленной возможностью, и, конечно, из-за этого одного никакой войны не было бы. Никто бы из-за таких ничтожных интересов не сдвинул бы ни одной русской батареи, ни одного русского полка на Дальний Восток. Раз Персию, которая в три раза большее значение имела для промышленности, не пытались завоевать, тем паче нельзя этим об'яснить завоевание Манчжурии и войну с Японией.

Но тут, товарищи, я перехожу к тому, что составляет новое. То, что до сих пор говорилось, это вещь весьма известная; материал об этом можно найти и у меня, и в иной литературе, но то, что я скажу сейчас, это нужно подчеркнуть, как нечто новое.

Дело в том, что русско-японскую войну нельзя вывести только из национальных интересов России и Японии. Эти национальные интересы отлично могли бы размежеваться на Дальнем Востоке мирно, без войны. После 1905 года, после Портсмутского мира Россия заключила, как теперь выяснилось, 4 конвенции с Японией о разделе сфер влияния в Манчжурии и Монголии в 1907, 1910, 1912 и 1916 годах. Могли же мирно размежеваться. А почему же раньше было нельзя?—Точно также можно было бы. И, несомненно, если бы на сцене были только Россия, с одной стороны, и только Япония, с другой стороны, то тоже до войны не дошло бы. Не взирая на все интересы торгового капитала и т. д.; все эти интересы были не в такой степени обострены, чтобы толкать на войну.

Когда Ленин говорил, что русско-японская война была империалистической войной, то это не следует понимать так, что Россия 1904 года была уже страной монополитического капитализма, подобно Англии или Германии—такой Россия не стала в полне даже к 1914 году. Ленин был прав в том смысле, что русско-японскую войну нельзя выводить из национальных интересов России и Японии. Это был конфликт гораздо более широкий. Что, не только дало Николаю смелость начать войну на Дальнем Востоке, но что физически сделало возможной для него эту войну? Что дало ему эту возможность?—То, что он мог совершенно оголить свой западный фронт. Мы знаем из записок Сухомлинова, что западный фронт был буквально голый, и что Вильгельм имел основания попрекать потом Николая своей лойяльностью, что, дескать, он, Вильгельм, имел возможность в любую минуту занять и Польшу и Прибалтийские губернии, но

будучи весьма честен и добросовестен, этого не сделал. Если бы Николай не чувствовал себя прикрытым с тылу Германией, он никогда не решился бы на японскую войну.

Другими словами, в основе русско-японской войны с русской стороны лежит, не оформленный, правда, в первое время письменно, русско-германский союз. На Дальнем Востоке Россия представляла интересы не только свои, но и в гораздо большей степени интересы германского империализма, а Япония на Дальнем Востоке представляла в гораздо большей степени, чем свои национальные интересы, интересы английского и американского империализма. Русско-японская война была форпостной стычкой, передовым авангардным боем империалистической войны 1914 года. Вот в чем ее значение и вот почему она должна быть названа империалистической войной. Ее из национальных мотивов исключительно об'яснить нельзя ни торгово-капиталистических, ни промышленно-капиталистических. Поскольку мы ограничены сферой национальных интересов одной стороны и другой стороны,—мы ее не поймем. Мы ее поймем только тогда, когда перед нами развернется система империалистических противоречий, уже тогда охвативших весь мир. В этом смысле Ленин был совершенно прав, когда говорил, что русско-японская война была империалистической войной.

Разгром России на Дальнем Востоке означал разрыв последнего русско-германского союза, какой вообще существовал на земном шаре, и крутую перемену ориентации русской внешней политики: поворот от союза с Германией к союзу с ее противницей—Англией. Вот каков был политический вывод в плоскости международных отношений из японской войны и русского разгрома в Манчжурии. Вильгельм это чувствовал, и недаром в самую последнюю минуту перед заключением Портсмутского мира он отчаянно ухватился за Николая и (летом 1905 г.) в Биорке буквально изнасиловал его, заставив подписать русско-германский договор, направленный прямо против Англии и косвенно против Франции. Но Николай этого договора никогда не исполнял, и сам Вильгельм понял, что требовать исполнения этого договора—совершенная бессмыслица. Как Николай мог бороться с Англией? Его флот был на дне моря. Но еще труднее было положение с Францией. Николай был разорен очень сильно этой войной; разорен, можно сказать, влоск; денег не было. Витте был накануне того, чтобы прекратить размен,

то-есть об'явить государственное банкротство. Во время империалистической войны, будучи в союзе с богатейшими странами Западной Европы, Англией и Францией, можно было прекратить размен, но что значило прекратить размен в разгар русской революции, имея Англию и Францию против себя? Что значило бы, когда вдруг вся эта масса мелких сберегателей, мещан, зажиточных крестьян увидела бы, что у них вместо настоящих золотых и серебряных денег—бумажки, которые стоят половину или четверть их цены?—Это была бы катастрофа всего романовского режима, и Николай был на вершок от этого. Мог его из этой беды выручить Вильгельм?—Очевидно, нет. Германская промышленность росла так бурно, что у Германии не было лишних денег, которыми можно было бы снабдить Россию. Реализовать заем в два миллиарда франков можно было только на парижской бирже, а парижская биржа говорила, в лице французского премьера Рувье: пока не заключите мира с Японией (т.-е. пока не разорвете с Германией—это одно и тоже)—ни сантима. Такое заявление сделал Рувье Витте, когда последний ехал в Портсмут на переговоры.

Итак, совершенно ясно, что Биоркский договор Николай исполнить просто физически не мог и этот договор остался мертвой буквой. Русско-германский союз существовал между концом XIX и началом XX века, а в 1907 году был заключен русско-английский договор по вопросам, внешним образом, размежевания в Персии и в Афганистане: северная часть Персии предоставлена была, как сфера влияния, России, южная—Англии, а середина была об'явлена нейтральной,—но, по существу, это было размежевание с Англией по всем азиатским делам, потому что одновременно было заключено соглашение с Японией по поводу Манчжурии, о котором я говорил. В то же время, в порядке частных разговоров, английский посол говорил русскому министру иностранных дел Извольскому, что, если Россия поставит вопрос о своих интересах в проливах—в Дарданеллах и в Босфоре,—то Англия не будет против этого. Таким образом, неофициально был поставлен тот вопрос, из-за которого Россия ввязалась в войну 1914 г.

Повторяю, фактически русско-английский договор 1907 г. был соглашением по всем азиатским делам. Азиатский спор между Россией и Англией был ликвидирован. Против кого он был ликвидирован? А вот на этот вопрос дает ответ один

интересный документ, который я несколько раз цитировал и который полезно напомнить, документ, совершенно неожиданный для внешней политики. Этим документом был допрос, который производили частью эсеры, частью большевики, в том числе К. А. Попов, адмирала Колчака в Иркутске, в январе месяце 1920 г. Вот что говорил, между прочим, там Колчак:

«Еще в 1907 году мы пришли к определенному выводу» (обратите внимание на дату: 1907 год—год русско-английского размежевания и окончательного разрыва отношений с Германией) «о неизбежности большой европейской войны. Изучение всей обстановки военно-политической, главным образом, германской, изучение ее подготовки, ее программы военной и морской и т. д., совершенно определенно и неизбежно указывало нам на эту войну, начало которой мы определяли в 1915 г. указывало на то, что эта война должна быть. В связи с этим надо было решить следующий вопрос: мы знали, что инициатива в этой войне, начало ее, будет исходить от Германии; мы знали, что в 1915 г. она начнет войну. Надо было решить вопрос, как мы должны на это реагировать».

«После долгого и весьма детального изучения исторического и военно-политического было решено как морским, так и сухопутным штабами, что мы будем на стороне противников Германии» (это решено было, конечно, не штабами, а теми комбинациями, о которых я говорил), «что союза с Германией заключать будет нельзя, и что эта война должна будет решить, в конце-концов, вопрос о славянстве: быть или не быть ему в дальнейшем. Были известные группы, которые резко расходились с этой точкой зрения и указывали на необходимость союза с Германией, но та политическая обстановка, которая была положена в основание, показывала, что война произойдет против союза срединных империй. Я хочу только подчеркнуть, что вся эта война была совершенно предвидена, была совершенно предусмотрена. Она не была неожиданной, и даже при определении начала ее ошиблись только на полгода. Да и то немцы сами признают, что они начали ее на полгода раньше, чем предполагали».

Это голый вздор, вы увидите из дальнейшего, что не «немцы начали войну раньше», а их противники спровоцировали их на войну раньше, чем Германия была готова: в сущности, и Колчак почти прямо в этом признается.

«Таким образом, в связи с общим политическим положением, была разработана судостроительная программа, долженствовавшая быть законченной к 1915 г. К этому времени относится период чрезвычайно тесных сношений обоих штабов с Государственной Думой, которая принимала в этом деле большое участие. В этот период 1906—1907 гг. различные политические группы, политические организации—все интересовались военными вопросами. Мне приходилось постоянно бывать там в качестве докладчика и эксперта на многих заседаниях. Там часто ставились вопросы о надводном и подводном флоте, и вообще общество чрезвычайно интересовалось этой войной (!), и военным и морским делом. Этот период был чрезвычайно оживленным в этом смысле. К этому времени относится чрезвычайно близкая связь между обоими штабами и Государственной Думой и ее военными комиссиями. В этих военных комиссиях я был в качестве эксперта и присутствовал на всех решительно обсуждениях, которые касались флота».

Когда Колчак говорит о Государственной Думе, как особенно заинтересованной во всех военных приготовлениях, то вы догадываетесь, что он имеет в виду не социал-демократическую фракцию Государственной Думы, а некоторые другие группировки. Та же самая окраска происходит и везде. Никогда не было столь наглого человека, который мог бы сказать прямо: я с 1907 года начал готовить нападение на Германию. До такой наглости дошел только Сухомлинов, который в своих записках, вышедших за границей, пишет, вспоминая свой разговор с Жоффром: «Нашей задачей было во чтобы то ни стало раздавить Германию, а момент для этого должны были указать дипломаты». Сухомлинов писал после войны и революции, а Колчак еще придерживался обывательски-оборонческой фразеологии. Но он говорит, что была возможность выбора: мы могли стать на сторону противников Германии и на сторону Германии. И выбрали Англию. Почему выбрали Англию—я это об'яснил.

Соглашение с Англией в 1907 году было, таким образом, исходной точкой подготовки войны 1914 г. и участия в ней России. Вот в какую связь приходится ставить русско-японскую войну. Это не было каким то оторванным эпизодом, который имел значение только для интересов одной, двух стран. С этой точкой зрения по отношению к русско-японской войне

надо покончить. Она была связана с развертыванием всей сети империалистических противоречий, которые вели к войне 1914 года.

Теперь мне остается дать некоторое представление,—и этим я закончу первый час,—о том, какие же конфликты конкретно создали эту империалистическую войну. В чем тут конкретно были противоречия? Я сказал: система империалистических противоречий. В чем же состояла эта система? Тут приходится выделить три конфликта. В основе лежал конфликт англо-германский; затем следующий за ним по значительности был конфликт германо-французский и, наконец, самым слабым из всех конфликтов был конфликт, по существу, не русско-германский, а русско-турецкий из-за проливов, но так как за спиной Турции стояла Германия, то, в конце-концов, фактически этот конфликт связывался с русско-германским конфликтом.

Вкратце об этих конфликтах надо сказать, тем более, что их не всегда правильно понимают.

Германско-английский конфликт долгое время перед войной об'ясняли, как конфликт двух промышленных капитализмов—английского и германского, которым будто бы было тесно на мировом рынке. Поскольку ясно было, что английский экспорт усиливается очень быстро бок-о-бок с германским экспортом, люди, которые так смотрели, логически должны были притти к выводу, что конфликт вовсе не такой острый, как это кажется, и один из наших авторитетных марксистских писателей выпустил в 1912 г. книжку под заглавием «Невозможная война». Невозможная война, война, которая ему казалась невозможной в 1912 г., это была война Англии и Германии. Исходя из того факта, что оба эти промышленные колосса пока что находят себе место единовременно на мировом рынке, что рынок этот вовсе не до такой степени узок, чтобы за него драться, писатели этого лагеря полагали, что война между ними невозможна. Откуда же эти упорные слухи о войне? Это просто реклама военных промышленников и больше ничего. Для того, чтобы строить броненосцы, пушки и пр. и продавать их государствам, нужно поддерживать военную шумиху. Это была тенденция не только в нашей марксистской литературе, но и вообще в мировой литературе. Одновременно появилась книга Н. Энжеля «Великая иллюзия», где тоже доказывалось, что война между Англией и Германией невозможна. Упускался из

виду другой конфликт, гораздо более близкий и острый. Англичане—народ предусмотрительный. Конечно, если непосредственно сопоставить английскую продукцию и германскую продукцию, то они друг друга не подавляли; тут они могли размежеваться. Но была область конкуренции, где Англия совершенно определенно начинала чувствовать нажим Германии, и это была та область конкуренции, где Англия была особенно сильно заинтересована. Англия—владычица морей, и ничто так не затрагивает интересов Англии, ничто так ее не беспокоит, как соперничество в области морского транспорта, тем более, что в конечном счете обладание мировым рынком зависит от того, кто обладает океаном. Кто хозяин океана, тот, в конце-концов, имеет не экономическую, а политическую и военную возможность обладать мировым рынком,—а, это нужно твердо запомнить, ближайшей и непосредственной причиной всякого рода столкновений бывают, конечно, политические комбинации. Эти политические комбинации опираются на экономическую базу, но ближайшим образом определяют дела в политике эти политические комбинации, а не экономика. Эту старую точку зрения экономического материализма, которая пыталась из количества произведенных и вывезенных пудов сделать непосредственные политические выводы, нужно оставить. После империалистической войны и после русской революции она совершенно никуда не годится, потому что ни того, ни другого явления, с этой точки зрения, вывезенных пудов, не об'яснишь. Нужно почаще вспоминать слова Энгельса, что экономика определяет политику; но только в конечном счете.

Так вот, несмотря на то, что Германия и Англия могли еще между собою размежеваться экономически, рост германского флота и торгового, и военного,—одно с другим тесно связано,—представлял огромную угрозу для Англии в смысле ее монополии на океане. Эта океанская монополия Англии была сильно подорвана. Я приведу несколько цифр, которые это иллюстрируют.

Из всех 47 миллионов мирового тоннажа Англии принадлежало перед войной около 20 миллионов, Германии принадлежало 6 мил. Остальные 20 миллионов принадлежали остальному земному шару, причем ни одна из стран не располагала более чем 2½ миллионами тонн. Только одна Германия имела 6 миллионов тонн. Это,—если мы возьмем тоннаж, т.-е. вме-

стимость судов в грубом виде. Но надо иметь в виду, что сюда входят не только океанские суда, не только орудия мирового транспорта, а входит и всякий каботажный флот, и рыбачьи суда и пр. Наиболее крупной в этом списке является Норвегия с 2½ миллионами тонн. Там, большею частью, рыбачий и каботажный флот, который обслуживал бесконечные норвежские фиорды. Если же мы возьмем специально океанский флот, то увидим, что тут соперничество было еще более острым и еще менее благоприятным для Англии. Если возьмем количество пароходов и рост их с 1870 г. у Германии и Англии, то у Англии число пароходов увеличилось втрое, а вместимость их— в десять раз, а в Германии число пароходов увеличилось в 13 раз, а вместимость —в 28 раз. Вы видите, до какой степени германский флот рос быстрее, чем английский флот. А если мы возьмем пароходы-гиганты вместимостью более 12 тыс. тонн, то мы такие цифры получим: в 1910 году таких пароходов было во всем мире 80, из них 42 принадлежало Англии, 22—Германии и 16—всем остальным странам, вместе взятым. Таким образом, вы видите, что тут уже Германия догоняла Англию чрезвычайно близко, и вы поймете, какое настроение это должно было вызывать в английском обществе; поймете слова сэра Эдуарда Грея—английского министра иностранных дел—Сазонову, русскому министру иностранных дел, осенью 1912 г., когда Грей заявил, что, в случае войны Англии с Германией, употребит все усилия, чтобы раздавить германское морское могущество; поймете слова более грубые и прямые близнеца Николая II—Георга V (они похожи друг на друга, как близнецы): «Мы будем топить всякий германский торговый корабль, который попадется в наши руки». Так выражался Георг V в разговоре с Сазоновым. Вот что направляло ненависть этих прирожденных моряков, властителей морей, против неожиданно выросшей молодой морской державы, которая угрожала Англии. Вот главный конфликт между Англией и Германией, —борьба из-за океана.

Второй конфликт, ближайший по остроте, это германо-французский, в области металлургии. Тут надо иметь в виду, что французская металлургия росла чрезвычайно быстро в начале XX века. В 1890 году Франция добывала 26 миллионов тонн угля и выплавляла около 1,9 миллиона тонн чугуна. А 1913 году она добывала 40 миллионов тонн угля и выплавляла чугуна

5,2 миллиона тонн. Другими словами, выплавка чугуна увеличи лась почти в 3 раза, а добыча угля не увеличилась даже в 1 раза. Значит, прежде всего французской металлургии нуже был уголь, и вы поймете, почему Германия по отношению Франции обложена угольной данью, почему Германия обязан поставлять Франции ежегодно определенное количество угля Потому что раньше дань шла в обратном направлении. В 1907 году Франция ввезла угля из-за границы на 70 миллионо франков, в 1912 г.—на 136 миллионов франков. Французска промышленность, французская металлургия была данницей гер манской угольной промышленности. Германская угольная про мышленность держала за горло Францию и стесняла метал лургическое развитие Франции. Так как для металлургии, кром угля, нужна и руда, а руда тоже находилась, главным образом в Лотарингии, которая была отнята немцами у французов 1871 г., то вы догадаетесь, что получить обратно Лотаринги и Саарский угольный бассейн—это было священной обязан ностью всякого французского патриота.

Наконец, третий конфликт—это конфликт русско-турец кий, по внешности, из-за проливов. Тут позвольте привест несколько цифр, которые иллюстрируют, как постепенн увеличивалось значение проливов для русской хлебной торговли Если мы возьмем 1875—79 годы, то получим, что через бал тийские порты вывозилось ежегодно 54% всего русского хлеба а через черноморские—только 46%. Если возьмем 1900—1902 г то увидим, что только 27% русского хлебного экспорта иде через балтийские порты, а 73% идет через черноморски порты. В 1907 году только 11% русского хлеба идет чере балтийские порты, а 89% русского хлеба идет через Босфор Дарданеллы. И вы догадываетесь, что по мере роста этих цифр все более и более должна была расти у русского правитель ства, у русского торгового капитала, тенденция к тому, чтоб эти проливы заполучить в свои руки, тем более, что как ра в этот период, около 1911 года, русский капитал почувствова на своем кармане, что значит, когда эти проливы находятся чужих руках. С 1911 года идет целый ряд войн, в которы участвовала Турция: турецко-итальянская война в 1911 году Балканская война в 1912 году и т. д. И вот какой это дал эффект. В то время как в последнем мирном году Россия вы везла хлеба на 735 миллионов рублей, в 1912 г., когда проливы

ыли уже частью заперты, благодаря войне, она вывезла только а 547 миллионов рублей. По вычислениям тогдашних русских инансистов на запертых Дарданеллах русская торговля ежемесячно теряла около 30 мил. рублей. 30 мил. рублей вывалились из кармана русского торгового, в то время облеченного банковскую форму, капитала из-за того, что в проливах идели «неверные» турки и что эти «неверные» турки для того, тобы защитить Константинополь от нападения то итальянцев, о еще кого-либо, заграждали проливы минами и проч., что елается во время военных действий. Совершенно ясно, при этом очетании цифр, колоссально возросшее значение Дарданелл для усской торговли и совершенно ясно, какой должен был олучиться громадный стимул у русского торгового капитала, акое должно получиться громадное побуждение, чтобы пытаться эти проливы завоевать. Если бы Россия была бы одна, о и тут, вероятно, до войны дело не дошло бы, как не дошло о нее в 80-х и 90-х годах. Но на этот раз соблазн был в ом, что на сцене была Англия с ее конфликтом с Германией Франция тоже с конфликтом с Германией. Таким образом, у оссии было два союзника, и на почве этих комбинаций кладывается громадная коалиция против Германии, которая и аставила, в конце-концов, Германию воевать. Когда какой-ибудь политик или дипломат говорит: о, этот человек неременно на меня нападет, вы можете быть уверены, что он ам собирается нападать на этого человека. Это всегда так ывает. Как это конкретно происходило, позвольте вам расказать в следующий час.

Чрезвычайно любопытно, что, хотя наиболее острым из характеризованных мною конфликтов был конфликт англо-германский, а наименее острым был конфликт русско-германский, ем не менее, стремление завязать драку распределяется как аз в обратно-пропорциональном порядке. Англия, которая была сновным врагом Германии, выступает позже всех, как будто ы нехотя, как будто бы только потому, что немцы нарушили ельгийский нейтралитет. Франция, конфликт с которой по строте своей стоял на втором месте, раньше обнаруживает ольшую боевую готовность, но все-таки выступает, как честный рыцарь, как друг России, на защиту России. А русские омещики и Николай II, их коронованное возглавление, броаются в драку первыми; они затевают всю эту войну, хотя

этот конфликт был наименее острым. Это тем и об'ясняется, что для Англии тут жизнь стояла на карте, а когда для человека или для целого государства на карте стоит все, то он десять раз подумает, прежде чем начать драку. А Россия в это время находилась в управлении людей, которые чрезвычайно легко относились ко всему происходящему. Примером этого является переписка Николая II с Александрой Федоровной, где в одном из писем (в феврале 1917 г.) Александра Федоровна пишет мужу, что мальчишки и девчонки бегают по улице и кричат, что будто бы нет хлеба,—и все для того, чтобы создать беспорядки. А через несколько дней она и Николай II полетели с пр[illegible] стола. Они были чрезвычайно большими оптимистами и им казалось, что затеять войну—это чрезвычайно пустяковое дело. Таким образом, готовность воевать об'ясняется не значением конфликта, а легкомысленностью самой верхушки. Англия—это был сплоченный, хорошо сколоченный колосс; она двигалась медленно, а Россия—она бежала, как мальчишка, который кричит, размахивает кулаками и т. д. Вот почему, в порядке подготовки войны, Россия выступает на первое место, и кажется, что царская Россия есть главная виновница войны. Но тут я должен сделать оговорку. Главной виновницей войны, конечно, была не Россия. Когда пускают какого-нибудь мальчишку, чтобы он влез в форточку и помог сломать окно, то главным виновником является не этот мальчишка, а те матерые бандиты, которые его послали. Так было и тут. Мы не знаем секретных английских документов,—хотя англичане их опубликовывают, но, конечно, с подчистками, поправками и т. д.; мы не можем сказать, какую роль играла Англия в подготовке. Насчет Франции мы имеем переписку Извольского, и из нее роль Франции, в частности Пуанкаре, достаточно видна. Эту оговорку необходимо сделать вначале.

Что касается России, то уже весной 1908 года русский министр иностранных дел, тот же Извольский, ставит вопрос о проливах. Но его одернул Столыпин, который показал себя тут действительно умным человеком. Он заявил, что война в условиях 1908 года была бы безумным бредом ненормального правительства, и что он никогда такой сумасшедшей вещи не допустит, не позволит Россию втянуть в эту авантюру. Извольский попытался получить проливы косвенно, путем соглашения с Австрией, был обманут и проведен Австрией в самом лучше

иде, как только можно быть проведенным, оказался в дураках, отерял портфель, переселился в качестве посла в Париж и тал оттуда подготовлять войну, но медленнее и гораздо сторожнее.

Примерно, к 1912 году, и не какой-нибудь легкомысленный Извольский, а русское правительство в целом, совершенно пределенно начинает подготовлять вооруженное столкновение, обстановку, которая бы дала возможность России начать ойну, выступить. Это был знаменитый сербско-болгарский догоор 1912 года. Надо вам сказать, что братья славяне, именуемые ербами и болгарами, ненавидят друг друга с такой остротой, как сли бы одна нация была краснокожая, а другая черная. Это была ольшая победа русской дипломатии, что ей весной 1912 года далось состряпать сербско-болгарский союз. Удалось этого остигнуть только благодаря очень жирной приманке,—ни более, и менее, как раздела Европейской Турции между Сербией и Болгаией. Это клюнуло, и, как сербы и болгары ни ненавидели друг руга, но увидев, что при помощи России можно отнять и Макеонию, и Фракию, они на это пошли, и союз был заключен. После олгих споров,—а Болгария и Сербия спорили из-за каждой урецкой деревни, и мирил их русский военный агент в Софии, полковник Романовский,—этот Романовский начертил границу между будущей Сербией и будущей Болгарией, и удовлетворил и Сербию, и Болгарию. Таким образом, договор был заключен. Когда этот догоор увидел французский президент Пуанкаре, человек, достаточно умудренный опытом, он воскликнул: „это же орудие войны“! Совершенно ясно, что это был договор, который можно было осуществить только путем войны и притом, вероятнее всего войны не местной, а войны европейской. Это был договор о разделе Европейской Турции между Сербией и Болгарией. Ожидать, что Турция отдаст свои европейские владения даром, без выстрела, было совершенно невозможно. Словом, Пуанкаре совершенно правильно определил этот договор, и в своих лекциях о войне Пуанкаре всячески открещивается от этого догоора, говорит, что ничего о нем не знал, говорит, что это было за его спиной, что он тут не при чем. Ясно, что это вещь явно нереальная; ясно, что Пуанкаре все отлично знал, во все был посвящен, но признаваться в этом не хотел—таков был договор, определенный Пуанкаре совершенно правильно. Этот договор был заключен весной 1912 г. В сентябре этого года русский

министр Сазонов был в Англии и там вел разговоры, которы
я цитировал. Это было в сентябре 1912 г., а в октябре 1912
началась действительная война Болгарии, Сербии и Греции про
тив Турции. По всем вероятиям, русский расчет был такой
турки, организованные немцами, разгромят сербов и болгар,
России сейчас же мобилизуется «общественное мнение»—сербов
болгар обижают, на помощь сербам и болгарам и т. д. Н
вышло то, чего никто совершенно не предвидел: турки сраз
были разбиты наголову, болгары чуть-чуть не оказалис
хозяевами Константинополя. Крест на святой Софии гото вилс
водружать болгарский царь Фердинанд, заказавший уже себ
и костюм византийского императора. Никто не ожидал, что та
может повернуться дело. В Петербурге были чрезвычайно не
довольны и одно время даже болгарский национальный гим
«Шуми, Марица» был запрещен. Болгария оказалась победитель
ницей. Словом, комбинация явно расстроилась. А Германия, уви
дев, как дело оборачивается, вмешиваться, конечно, не стала
тем более, что имеются известные основания предполагать, чт
Фердинанд, болгарский, действовал по указанию Германии
Австрии. Таким образом, мировой войны из этого не получилось
но тем не менее положение получилось крайне напряженно
для России, и за эту авантюру русский торговый капитал бы
наказан штрафом, составляющим столько раз 30 мил. рублей
сколько месяцев Дарданеллы были заперты из-за этой войны
Положение оказалось в достаточной степени глупым и в то
же самое время крайне острым.

Болгария была, в конце-концов, наказана, на нее спустили
с цепи Румынию. Румыния не участвовала первоначально в
драке, но когда драка кончилась, у Болгарии начались нелады
с Сербией из-за дележа Македонии; они поссорились из-за
добычи; Румыния вмешалась против Болгарии, и последняя была
разгромлена. Естественно, возникал вопрос: что будет дальше?
Из разговоров Грея с Сазоновым можно видеть, что Англия
готова была порвать с Германией, но в то же самое время она
давала понять, что она не может вмешаться в войну, не имея
достаточно солидных доводов для своего «обществен-
ного мнения». То же самое говорил и Пуанкаре. Пуанкаре
тоже обнаруживал готовность поддерживать Россию. С этого
он начал, когда с 1912 г. он стал министром иностранных
дел. Но он тоже говорил: имейте в виду, что французское

общественное мнение пойдет на войну только, если ему будут пред'явлены серьезные основания. Так, зря, Францию в войну не втянешь. Тут демократический обман, при помощи которого управляют эти правительства, и английское, и французское, создавал своеобразную обстановку. Нужно было что-то, чтобы всколыхнуть массы. Вот почему до 1914 г. и не удавалось эту войну инсценировать. В это время велись всякие переговоры. С одной стороны, была заключена русско-французская морская конвенция, но она была мало интересна, поскольку русско-французский союз был официальным, здесь интересна только одна оговорка в последней русско-французской военной конвенции, что выражение «оборонительная война» не следует рассматривать, как оборонительные военные действия. Наоборот, русские и французы могут и должны со всей энергией напасть на противника. Конечно, для всякого военного человека понятно,— это элементарная вещь, что противнику не нужно давать инициативы в руки, но нападать самому. Эта оговорка русско-французской военной конвенции интересна в том отношении, что она отразилась в одном любопытном документе, который нам придется в дальнейшем припомнить. Этот документ был заготовлен,—а по уверению немцев и разослан,—это было высочайшее повеление, гласившее, что об'явление всеобщей мобилизации в России, в случае столкновения с Германией и Австрией, должно быть рассматриваемо, как приказание немедленно начать военные действия против Австрии и Германии. Только для начатия военных действий против Румынии требовался специальный приказ. Таким образом, уже решено было действовать наступательно; повторяю, в это время Жоффр разговаривал с Сухомлиновым, что главная задача—раздавить Германию, а когда давить,—об этом скажет дипломатия.

Более любопытна русско-английская морская конвенция, переговоры о которой велись в 1913—14 году. Так как между Россией и Англией официального договора не было, то переговоры об этой конвенции тщательно скрывались, но, тем не менее, переговоры эти велись, хотя подписана конвенция ко времени об'явления войны еще не была. Русское правительство собиралось настаивать, чтобы англичане заблаговременно сосредоточили достаточное количество английских грузовых пароходов в русских портах Балтийского моря для того, чтобы Россия могла предпринять высадку в Померании. Это любопыт-

но потому, что все время все стояли на той точке зрения, что Германия напала, что она об'явила войну, а между тем, за два месяца до войны понадобились английские пароходы, чтобы везти русских в Померанию. Суть этой конвенции заключалась в том, что английский флот в Северном море должен был оттягивать германский флот на Северное море, чтобы облегчить положение русского флота в Балтийском море. Эта была основная деловая мысль, а вопрос о высадке в Померании—это было уже «увлечение». Эти переговоры велись весной 1914 года, до войны России с Германией, до «нападения» последней на первую.

Для нас совершенно неизвестно,—должен заранее признаться в своем невежестве,—каковы были мотивы, которые заставили союзников—Англию, Францию и Россию—вызвать войну летом 1914 года. Что они готовились к войне, именно, летом 1914 года, это подтверждается, прежде всего, кое-какими разоблачениями с английской стороны. Один английский офицер генерального штаба, работавший в то время в качестве переводчика, напечатал статью, где рассказывает, что ему пришлось переводить с французского языка на английский, весной 1914 года соглашение об условиях содержания английского дессантного корпуса во Франции в случае войны, причем его поразил тот факт, что там был точно указан курс франка и курс фунта стерлингов. Вы, конечно, знаете, что курс денег—это вещь меняющаяся, и что было бы в высокой степени нелепо, хотя бы за год или за два устанавливать такие расчеты. Ведь курс же измениться может. Но курс был высчитан точно тот, который был весной 1914 года. Таким образом, войну предполагалось начать не позднее лета 1914 года. Но, повторяю, какие, именно, мотивы побудили выступить—это сказать трудно, поскольку мы имеем односторонний русский и отчасти сербский материал. Но что Россия выступила—это не подлежит в настоящее время никакому сомнению. Долгое время нам, кто искал причины войны, казалось загадочным убийство 28 июня 1914 года наследника австрийского престола эрцгерцога (великого князя) Франца-Фердинанда. Оно было исходной точкой в той цепи событий, которые развернулись в дальнейшем; результатом его был ультиматум, пред'явленный Австрией Сербии, потому что убийцами были сербы, хотя убийство было произведено и не на сербской территории,—непринятие или

неполное принятие этого ультиматума Сербией послужило поводом к об'явлению Австрией войны Сербии. Россия вступилась за Сербию, и лавина покатилась. Казалось, в основе лежало случайное событие, и мы могли оперировать общим соображением, что, поскольку было напряженное положение, война могла возникнуть по самому незначительному поводу. Теперь мы знаем, что убийство Франца-Фердинанда вовсе не было случайностью, что оно было организовано из Белграда, причем в организации принимало участие, с одной стороны, сербское правительство во главе с премьером Пашичем, которому отлично были известны убийцы. Сербское правительство извлекло даже из этого своеобразное оправдание для себя, предупредив Франца-Фердинанда о готовящемся на него покушении, но не там, где и когда оно должно было совершиться. С другой стороны, тут участвовал русский военный агент и русский главный штаб. Внешняя связь событий была такова: Франц-Фердинанд уехал на маневры в Боснию. Босния—это сербская область, в настоящее время входящая в состав Юго-Славии и лежащая на запад от Сербии. Русский главный штаб дал телеграмму, что маневры—это только ширма и что, на самом деле, под видом этих маневров подготовляется нападение австрийской армии на Сербию. Это известие страшно всполошило Сербию, и глава сербской разведки, Димитриевич, решил предупредить это несчастие самым странным образом, а именно—убить этого Франца-Фердинанда. Кажется, всякий, даже маленький ребенок в возрасте 7 лет может догадаться, что таким путем можно было только возбудить войну, а не предупредить ее, и что это было явным вызовом, брошенным в лицо Австрии. Но Димитриевич, человек, чрезвычайно умный и горячий сербский патриот (расстрелянный потом самими же сербами), вывел такое странное заключение, что нет другого способа предупредить войну между Австрией и Сербией, как убить Франца-Фердинанда. В настоящее время совершенно определенно доказано, что никакого нападения на Сербию не подготовлялось, что маневры были направлены в сторону Италии, а не Сербии, что сам Франц-Фердинанд в то время был больше озабочен австро-итальянскими отношениями, нежели австро-сербскими. Словом, совершенно ясно, что телеграмма русского главного штаба, на которую ссылался Димитриевич, была тем, что называется провокацией.

Несколько сербских националистов отправляются в Сараево, столицу Боснии, и там убивают Франца-Фердинанда. Австрия на это реагировала ультиматумом Сербии, потому что, хотя она не знала всей этой связи вещей, но правильно догадывалась, что убийство подготовлено было на сербской территории. В результате Австрия нападает на «невинную» Сербию, Россия вступается за «невинную» Сербию и т. д. Недели за две до этого события мы имеем телеграмму из русского министерства иностранных дел в Сербию, где говорится о согласии Николая II на приобретение Сербией 120 тысяч русских трехлинейных винтовок с соответствующим количеством патронов. Весьма любопытный факт. Еще никакого австрийского ультиматума не было, никто не нападал, сербы совершенно невинны, они ни о чем этом не думают, но как предусмотрительны: 120 тысяч винтовок. Потом, очевидно, Николай думал: вот какая удача, что 120 тысяч винтовок я во-время предложил. Словом, все это сшито настолько белыми нитками, что позвольте на этом больше не останавливаться.

Как и следовало ожидать, убийство Франца-Фердинанда расшевелило не только Австрию, но и Германию. Австрия выступила против Сербии, Россия выступила против Австрии, а Германия должна была выступить на защиту Австрии. Нужно сказать, что германский император Вильгельм вел себя в это время до необычайности глупо. Он был, видимо, страшно взбешен убийством его личного друга. Франц-Фердинанд был его личный друг, причем убийство было совершено не какими-нибудь анархистами, а сербскими националистами, и он в припадке рыцарства всячески начинает поддерживать Австрию и ее натиск на Сербию. Таким образом, получается такая картина, что два огромных зверя—Германия и Австрия—лезут на несчастную, маленькую Сербию. В первое время в России думали, что уже этого достаточно, но когда поговорили с англичанами—те сказали: нет, это не возьмет, наше английское общественное мнение этим не заинтересуется. Нужно что-нибудь посерьезнее. Кабы на вас немцы напали—то другой разговор, а то это что ж, знаете, из этого ничего не выйдет. Таким образом, с самого начала приходилось разжигать конфликт все шире.

Что это в Петербурге отчетливо сознавали, видно из двух фактов. Во-первых, из восклицания, которое вырвалось у Сазонова при первом известии об австрийском ультиматуме: «Это

европейская война»! Ясно, что человек понимал, что это не местное столкновение, а начало мировой войны. Второй—еще лучше. Как только Австрия начинает грабеж Сербии, Россия в первую голову мобилизует, как вы думаете, что?—Балтийский флот. Вы географию, надеюсь, достаточно знаете и догадываетесь, что попасть в Балтийское море австрийцам возможности нет, а Балтийский флот был мобилизован. Ясно, что с самого этого момента готовилась война против Германии, и Германия так себя вела в первую минуту, что была надежда, что это случится само собою. Вильгельм, взбешенный убийством Франца-Фердинанда, лезет в бой, пишет самые настойчивые телеграммы, всячески поощряет Австрию и т. д. Но в то же самое время Вильгельм был убежден, что Англия не вмешается. Когда он,—это был замечательный день 28 июля,—узнал от своего посла в Лондоне, что Англия непременно вмешается в конфликт, если он примет большие размеры, он сразу дал задний ход. Германия вдруг становится необычайно миролюбива. Вильгельм обращается с письмом к Николаю за посредничеством, радуется, что Сербия хотя полуприняла ультиматум—и отлично, что хоть полуприняла—значит, войны не будет. Словом, внезапно Вильгельм становится пацифистом, потому что война с Англией совсем не была для него приятным сюрпризом. Тут-то перед русским правительством, перед настоящим правительством, а не перед Николаем II, перед Сазоновым, Сухомлиновым и другими, возник вопрос, как бы устроить так, чтобы «европейская война», которой так нетерпеливо ждали, не лопнула, как мыльный пузырь. Тогда и решено было мобилизовать всю русскую армию. Немцам отлично было известно, что мобилизация всей русской армии означает открытие военных действий против Австрии и Германии; на такую вещь, как мобилизация всей русской армии, Германии нечем было ответить, как об'явлением войны.

Оставалось теперь втянуть в войну союзников. Об'явление войны Германией России для Франции было совершенно достаточно, поскольку она связана была с Россией формальным союзом: Франция вступила в войну против Германии. Но для Англии этого оказалось мало. Уверенность английского министра иностранных дел, сэра Эдуарда Грея, что войны Германии с Россией будет достаточно, чтобы втянуть Англию, эта уверенность оказалась ошибочной, и в самом английском кабинете

возникли разногласия. Кабинет был смешанный: там были либералы и консерваторы, и либералы тоже трусили, как трусил Вильгельм, и заявляли, что на войну итти нельзя. И тут-то понадобилось знаменитое нарушение Германией бельгийского нейтралитета. Насколько это нарушение нейтралитета было «неожиданным выступлением коварных немцев», видно из того, что английский дессантный корпус был предусмотрительно снабжен огромным количеством материалов для постройки мостов, переправ и т. д., т.-е. имелось в виду действовать в стране болотистой, изрезанной каналами, иными словами,—в западной Бельгии. Французские военные писатели задолго до войны доказывали, что немцам и негде больше итти, как через Бельгию, потому что германо-французская граница на $^2/_3$ заперта Вогезскими горами, а промежуток между этими горами и бельгийской границей, так называемая «Вогезская дыра», слишком узок, чтобы на нем можно было развернуть миллионную германскую армию, да и заперт французскою крепостью Верденом, которую немцы не могли взять и в 1916 году. Я вам привожу все это для того, чтобы показать на наглядном примере, как буржуазия инсценирует войну и как она к ней подготовляется. Все это, конечно, совершенно не было известно широкой публике. Широкая публика знала одно, что злые немцы об'явили войну России, что злые немцы нарушили бельгийский нейтралитет и т. д. Таким образом, приходится сказать, что Вильгельм был пойман в ловушку. Взбесившись до полной потери здравого смысла от убийства Франца-Фердинанда, вступив в коалицию с Австрией, Вильгельм поставил себя в такое положение, что ему ничего другого не оставалось, как об'явить России войну.

Вот какова была связь фактов, определивших возникновение мировой империалистской войны. Ясно, что люди, которые эту войну постарались инсценировать, имели все основания добиваться того, чтобы война как можно дольше не кончалась. Англия уже с самого начала решила вести войну до тех пор, пока Германия не будет совершенно раздавлена. И Кичинер, английский главнокомандующий, с величайшим хладнокровием заявлял, что для этого англичанам понадобится не менее трех лет. Ну, что же, будем воевать три года, убьем десять миллионов народу и, в конце-концов, немцев раздавим. Правда, что другой английский деятель, Ллойд-Джордж, выражался еще более

цинично. Он говорил, что Англия будет воевать до последнего русского солдата. Этого, однако, ему не пришлось дождаться. Русский солдат ушел гораздо раньше, чем англичанам было угодно кончить войну.

Дипломатические интриги во время войны представляют большой интерес. Мир мог быть заключен уже в сентябре 1914 года. Уже в сентябре 1914 года, одержав блестящую победу над русскими в Восточной Пруссии и благополучно избежав полного разгрома на Марне, Вильгельм обратился к посредничеству американского президента Вильсона. Известие об этом произвело величайший переполох в Лондоне. Английский король призвал к себе русского посла Бенкендорфа и стал ему говорить, что нельзя нам говорить о мире не только с Америкой, но и между собой, ибо немцы могут об этом услыхать и сделать из этого соответственный вывод. Самое слово «мир» должно быть из словаря изгнано. Это было передано Николаю. Николай послал телеграмму, где значилось, что он согласен с каждой мыслью английского короля, и что он будет бороться до конца. Как вы знаете, слово он сдержал и до своего конца воевал. Почему англичане так действовали,—это понять не трудно, поскольку вы знаете, что английский конфликт был основным конфликтом войны и поскольку англичанам важно было доконать немцев. Но что руководило Николаем? Это чрезвычайно любопытная сторона, на которой следует остановиться. Россия воевала, как я говорил, за проливы—Босфор и Дарданеллы. Но проливы были юридически, официально в руках Турции, а Турция в сентябре 1914 года еще не воевала, несмотря на всякие русские провокации. Начала же Турция с совершенно необычайного выступления—с того, что она предложила России свой союз. Это был момент величайшего смущения в «Петрограде», когда вместо известия, что мы воюем с Турцией, приходит от русского посла в Турции телеграмма, что Энвер-паша, фактический глава турецкого кабинета, но и юридически главнокомандующий турецкой армией, заявил русскому военному атташе, генералу Леонтьеву, что Турция предлагает свои услуги России. Энвер был слишком хитрый человек, чтобы не понять, что Турции больше всего может достаться, тем более, что тогда еще Болгария не воевала, еще Сербия не была разгромлена. Значит, Турция была отрезана от Германии широкой полосой нейтральных или враждебных стран. Каким образом Германия

гридет на помощь Турции? Положение турок было критическое, и Энвер сделал из него по своему гениальный вывод, решив стать на сторону России. Как ты тогда займешь проливы? В Петербурге это тогда произвело настоящую панику. Сначала Леонтьеву предложили тянуть разговоры, но Турция спешила. Энвер посвятил в свой план великого визиря, а великий визирь призвал к себе русского посла и нажимал на него. Тот соблазнился и телеграфировал начальству, что это единственный случай в истории раз навсегда закончить мирно, полюбовно наш спор с Турцией. В «Петрограде» бесились на непонятливость посла, но неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не помогли.. немцы. Немцам, конечно, было желательно удержать на своей стороне Турцию и поэтому, узнав, что в Константинополе происходят такие своеобразные колебания, немцы поспешили послать на поддержку своей партии один броненосец и один крейсер. Это были «Гебен» и «Бреслау». С этими кораблями турки на море оказывались сильнее России, опасность войны с ней стала не так велика, и это решило вопрос в пользу немцев. Турция сначала перестала предлагать свой союз России—благо та ничего не отвечала на предложения,—потом заключила секретное соглашение с Германией, а в октябре месяце об'явила войну России, т.-е., в сущности говоря, об'явили войну те же «Гебен» и «Бреслау», начав обстреливать русские порты,—но, так или иначе, Россия и Турция оказались в состоянии войны.. И можно было официально поставить вопрос о проливах.

Вот вам образчик того, как велись переговоры во время войны и пример того, как мир мог бы быть заключен в сентябре, но он не был заключен, потому что все три основные конфликта, которые имелись налицо, не были разрешены. Я не буду рассказывать о дальнейших переговорах во время войны. Тут был целый ряд перекрестных переговоров. Но я расскажу только в заключение нынешней лекции, как, в конце-концов, закрепила за собой юридически проливы Россия. Это было дело не такое простое, хотя англичане и втравили Россию в войну перспективой, именно, получения проливов. Ни одного писанного слова, которое гарантировало бы, что проливы, действительно, достанутся России, дано не было. Когда во время войны затеяли с англичанами переговоры на эту тему, они отмалчивались и, наконец, об'явили буквально, как дельфийская пифия,

что «вопрос о проливах будет разрешен по окончании войны, согласно с интересами России». Что это значит? И вот пришлось России применять очень сложную дипломатическую комбинацию для того, чтобы постепенно вынудить у англичан письменное обещание, что по окончании войны проливы достанутся России. Для этого пришлось ни более, ни менее как инсценировать призрак русско-австрийского мира. Подробностей я вам рассказывать не буду. Но в конце 1914 года по всем дипломатическим перекресткам Европы стали ходить слухи, что Австрия предлагает мир Сербии, а мир Австрии и Сербии заключал в себе мир Австрии с Россией, ибо Россия стала воевать с Австрией за Сербию. Таким образом, коалиция центральных держав как будто бы разрывалась сторонниками выхода из войны. Болгария еще не воевала, Румыния была нейтральной. С выходом Австрии из войны, Турция оставалась совершенно на жертву русским: от Германии она снова была бы наглухо отрезана, и Николаю, как будто, ничего не стоило бы захватить Константинополь. Англичане ответили на эту возможность попыткой захватить проливы и Константинополь раньше, чем русские туда придут. В марте 1915 года они атаковали Дарданеллы, но прорыв английского флота не удался. И вот в этот то момент, момент бешеной, но неудачной попытки Англии захватить проливы, Россия вынудила англичан дать со скрежетом зубов обещание, что по окончании войны Константинополь будет русским, причем в этом замечательном документе, меморандуме английского привительства, Константинополь был самым циничным образом обозначен, как «богатейшая добыча всей войны». Таким образом, из этой бумаги можно убедиться, что война велась не только в интересах «свободы и цивилизации», как об'являлось во всех газетах, но из-за каких то добыч, самой богатой из которых являлся Константинополь.

Вы видите, что в арсенал дипломатического оружия царской России входила не только провокация, но и шантаж, и потом этот шантаж продолжался долго. Николай II был в непрерывной переписке с германскими родственниками своей жены через посредство последней. Эта переписка неоднократно упоминается в письмах к нему Александры Федоровны. Правда, самих писем мы не нашли, потому что Керенский дал Николаю возможность их уничтожить. Николай был настолько глуп, что записал это в своем дневнике. Из дневника Николая мы узнаем,

что первые дни в Царском селе после отречения были посвящены тому, что он разрывал и жег бумаги. Так он сжег письма Эрнеста Гессенского к Александре Федоровне, где имелись мирные предложения и многое другое. Но, будучи добрым семьянином и весьма любя свою жену, пожалел сжечь ее письма, откуда мы и узнаем о русско-германских переговорах или попытках их завязать.

В 1916 году один такой случай стал известен: приятель Распутина и будущий министр, Протопопов, когда он ездил во Францию и в Англию в качестве члена делегации от государственной думы, по дороге, в Стокгольме, имел свидание с германским агентом Варбургом, и это получило широкую огласку. Что после этого Протопопов стал министром внутренних дел,— а министром иностранных дел стал Штюрмер, которого считали чуть не прямо германским агентом; это союзники должны были намотать себе на ус. Николай явно начинал становиться подозрителен—и это отразилось на отношении союзных послов к его падению. Последнее отнюдь не было для союзников неприятностью—неприятностью было образование Совета рабочих депутатов. Но я не собираюсь рассказывать здесь истории мартовской революции—я говорю обо всем этом лишь для того, чтобы вы получили ясное представление о нравах империалистических государств, и о том, что обман является не только излюбленным их оружием по отношению к народным массам, но что и друг друга они обманывают не хуже, чем массы. Отвратительный запах, который идет от буржуазных газет этой эпохи кажется почти благовонием, когда вы развернете секретные дипломатические документы.

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ

Уже к концу 1916 года становилось совершенно ясно, что войну вести Россия больше не может. В январе или, самое позднее, в начале февраля 1917 г. группа думцев, думских депутатов, во главе с знаменитым Родзянко, подала Николаю II записку, обрисовывавшую экономику России в тот момент. Эта замечательная записка опубликована нами. Она была найдена одной из слушательниц Института Красной Профессуры, Чаадаевой, и опубликована в «Красном Архиве», но, так как я имею основания полагать, что не все здесь присутствующие являются усердными читателями «Красного Архива», то позвольте два отрывка из этой записки воспроизвести, причем я обращаю ваше внимание, что я воспроизвожу только отрывки, характеризующие положение, дающие наиболее яркую иллюстрацию этому положению, но вся записка состоит из ряда таких же фактов. Прежде всего по вопросу о продовольствии:

«Разверстка, предпринятая министерством земледелия,— говорит Родзянко,—определенно не удалась. Вот цифры, характеризующие ход последней. Предполагалось разверстать 772 миллиона пудов. Из них по 23 января было теоретически,— (заметьте, — теоретически),—разверстано: 1) губернскими земствами 643 миллиона пудов, т.-е. на 129 миллионов пудов меньше предположенного, 2) уездными земствами 228 миллионов пудов и, наконец, 3) волостями только 4 миллиона пудов».

Другими словами, не теоретически, а практически разверстано только 4.000.000 пудов.

«Эти цифры свидетельствуют о полном крахе разверстки»,— кончает Родзянко совершенно правильно.

Товарищи, мы очень ругали наш Наркомпрод, который в обстановке гражданской войны, в обстановке интервенции, окружения нас всевозможными империалистическими гадами, ухитрился собрать только каких-нибудь 160—180 миллионов пудов.

И каких только анекдотов об этом Наркомпроде не рассказывали. Но вот посмотрите на это творчество николаевской России и на революционное творчество. Они без гражданской войны, окруженные не врагами, а друзьями, фактически собрали 4 миллиона, а мы, окруженные врагами со всех сторон и в обстановке гражданской войны, собрали 180 миллионов пудов, и при этом мы сами себя ругали и говорили: это чорт знает что такое; а там только в секретной переписке писали, что разверстка определенно не удалась.

Теперь дальше:

«В зимний сезон Москве (речь идет о Москве, потому что тут по городам записка рисует положение; я беру Москву, как наиболее яркий и наиболее близкий нам пример: ведь живем то мы в Москве) нужно ежедневно 475 тыс. пудов дров, 100 тыс. пудов каменного угля, 100 тыс. пудов нефтяных остатков и 15 тыс. пудов торфа. Между тем, в январе, до начала морозов привозилось в Москву ежедневно в среднем по 430 тыс. пудов дров, 60 тыс. пудов каменного угля и 75 тыс. пудов нефти, так что недовоз, в переводе на дрова, составлял ежедневно 220 тыс. пудов; с 17 января прибытие дров в Москву упало до 300—400 вагонов в день, т.-е. до половины нормы, установленной порайонным комитетом, а нефти и каменного угля почти совсем не поступало. Запасы топлива к зиме на фабриках и заводах в Москве были заготовлены примерно на 2-месячную потребность, но вследствие недовоза, начавшегося еще в ноябре, эти запасы свелись на-нет. Вследствие недостатка топлива, многие предприятия, даже работающие на оборону, уже остановились или скоро остановятся. Дома с центральным отоплением имеют топлива в размере всего 50%, а дровяные склады пусты. Городской газовый завод с 28 января сократил свою работу более чем на ¾, и газовое освещение улиц совершенно прекратилось».

Мы, сидя тогда за границей, не подозревали, что вначале 1917 г. газовые фонари в Москве уже не горели. Когда я приехал в Москву в августе 1917 г. и увидел такую картину, я думал, что это — результат революции, а оказывается, что это был вовсе не результат революции, а результат войны.

«Городской трамвай в ближайшие дни останавливает вечернее и ночное движение, и не исключена возможность полного прекращения. Городские лазареты закрываются один за другим. В квартирах обывателей редко температура поднимается

выше 11—12° Р., а в домах с центральным отоплением падает до 10—9°. В учебных заведениях и многих учреждениях занятия крайне затруднены, так как термометр держится в их помещениях на 6—8°. В городе развилась масса заболеваний инфлуэнцией и воспалением легких, а на почве недоедания—желудочные и кишечные расстройства. Благодаря недостатку топлива, — сообщает общество заводчиков и фабрикантов московского промышленного района, — стоят фабрики: Т-во Даниловской мануфактуры, Т-во А. Гюбнер, Ткацкая фабрика Бабищева, завод сельско-хозяйственных машин Головина, суконная фабрика Жучковой, Подольский снарядный завод Земгора, ряд мукомольных мельниц; остановлено производство аэропланов на заводе акционерного общества «Дукс» (идет война, а производство аэропланов останавливается), остановлено производство малых моторов на заводе Динамо, стоит Докторовский химический завод; с 26 ноября остановлена работа литейных мастерских на Коломенских заводах, грозит полная остановка фабрикам Симонова, т-ва Гурьева, Склянина и бр. Карповых, дрожжевому заводу Гивартовского, снаряжательному заводу Второва, заводам братьев Бромлей, формалиновому заводу, Московскому вагоностроительному заводу, электрической станции Рыбинской городской управы, т-ву Трехгорной Прохоровской мануфактуры. Грозит частичная остановка: Куваевской мануфактуре, механическим заводам т-ва Доброва и Набгольца, Люберецкому заводу сельско-хозяйственных машин, Московским обозным мастерским, юфтевому заводу Савина, т-ву Московского металлического завода, Ростовской льняной мануфактуре, Московскому электролитическому заводу, механическому заводу Пелевина, заводу «Проводник», заводам Сормово, Тверскому вагоностроительному заводу, Тульскому меднопрокатному заводу, Тульскому оружейному заводу и целому ряду других».

Длиннейшее поминание умерших или умирающих заводов, обслуживающих войну, военную промышленность. Такое положение было в начале 1917 года, до Февральской революции, приблизительно за месяц — за два до Февральской революции. Это что касается тыла. Теперь то, что касается фронта. Это по протоколу совещания главнокомандующих в ставке 17—18 декабря 1916 года.

«Генерал Рузский... Рига и Двинск — несчастье Северного фронта, особенно Рига. Это два распропагандированных гнезда».

«Генерал Брусилов: Действительно, 7-ой Сибирский корпус прибыл из Рижского района совершенно распропагандированным, люди отказывались итти в атаку: были случаи возмущения, одного ротного командира подняли на штыки, пришлось принять крутые меры, расстрелять несколько человек, переменить начальствующих лиц, и теперь корпус приводится в порядок».

Это было в декабре 1916 г., за четыре месяца до Февральской революции. Ленина еще не было в теперешнем Ленинграде, никакой большевистской пропаганды, о которой вопили разные Алексинские, не велось. Она велась, конечно, поскольку были большевики в подполье, но не велась открыто и не могла вестись, потому что существовал царский режим, и, тем не менее, вот какие настроения были в войсках.

Таким образом, для всякого разумного человека уже в декабре 1916 года и январе—феврале 1917 года было ясно, что войну дольше вести нельзя, что для этого нет ни экономической возможности, нет ни настроения в армии. Настроение точно отражало эту экономическую невозможность вести войну, шло на мир. Вы догадываетесь, как при такой обстановке у так называемого прогрессивного блока, т.-е. у империалистической русской буржуазии, с одной стороны, и у английского посла Бьюкенена, с другой, явилась мысль убрать царя, убрать неспособного, непопулярного Николая и особенно непопулярную Александру Федоровну и на место их посадить императора общественного доверия, Михаила. Вы знаете, что в этом направлении был сорганизован целый заговор, целый план дворцового переворота, который оборвала внезапно для этих людей вспыхнувшая Февральская (точнее «Мартовская») революция. Она вспыхнула внезапно только для этих людей, потому что даже царская охранка уже в январе доносила, что настроение очень напоминает то, какое было в начале 1905 года. Так что даже полицейские, имевшие известный опыт, сумели охарактеризовать положение соответствующим образом. Но прогрессивному блоку его замысел не удался, Милюков, по словам Палеолога, был совершенно растерян, и для него все это налетело чрезвычайно внезапно.

Рассказывать вам о Февральской революции я не буду, мои лекции посвещены не этому. Но спрашивается: какой же смысл имела Февральская революция в такой обстановке, и какие результаты она должна была дать? О смысле определенно говорит Суханов в своих записках о революции. Он говорит, что

темой всех уличных митингов в начале марта был мир. Французский посол Палеолог, куда он ни приходил, везде встречал заявления: война кончена. Война умерла, надо заключать мир. Война есть труп, и этот труп вам не удастся даже гальванизировать. И вот, к величайшему удовольствию Палеолога, он нашел, по крайней мере, гальванизатора трупа. Вы догадываетесь, что настроение Палеолога, французского посла, было довольно мрачное. Что же в самом деле, — война кончается, восточный фронт перестает существовать. Что же тогда делать? Как тогда с немцем драться? И вот Палеологу указали,— он прямо говорит: мне указали,—на одного многообещающего и энергичного молодого человека из среды советов. Палеолог по этому поводу высказывает такую сентенцию: теперь, говорит, можно настоящих людей отыскать только в советах. Значит, во временном правительстве никакого настоящего человека не найдешь. А вот маленькая выдержка из воспоминаний английского посла Бьюкенена: «Керенский был единственным министром, личность которого хотя и не вполне симпатичная, заключала в себе нечто останавливающее внимание и импонирующее. В качестве оратора он обладал гипнотизирующей силой, очаровывавшей аудиторию, и в первые дни революции он непрерывно старался сообщить рабочим и солдатам частицу своего собственного патриотического пыла... Благодаря своему уменью владеть массами, личному влиянию на товарищей по правительству и отсутствию сколько-нибудь способных соперников, Керенский был единственным человеком, от которого мы могли ожидать, что он сумеет удержать Россию в войне».

Итак, многообещающим для Бьюкенена и Палеолога, т.-е. для Антанты,—оказался именно А. Ф. Керенский. Это было еще в марте. Так что вы видите, что возвышение Керенского было не случайностью. Дело императора Михаила лопнуло, как мыльный пузырь. Когда он обратился к Родзянко с вопросом: можете ли вы мне гарантировать жизнь (скромность чрезвычайная для императора), то Родзянко отвечал, что он и этого гарантировать не может, после чего Михаил Александрович подписал свое отречение. Император лопнул, надо было выдвигать какую-то силу, которая действовала бы в том же направлении, т.-е. продолжала бы войну. Эту силу обрели в лице Керенского. При поддержке его из-за кулис Антантой, Керенский начинает выдвигаться. Я не питаю ни малейшего сомнения на счет того, что

Керенский был прекрасно осведомлен об этом. В самом деле, что это за сказочная красавица, от которой все английские и французские послы сходят с ума, а она этого не знает и ни на кого не обращает внимания. Это совершенно неправдоподобная вещь. Ясно, что Керенский, как человек очень честолюбивый, знал, какую роль он должен был играть, и роль эту играл с большой сноровкой, она ему нравилась, ему нравилось то, что ему выпадает роль „спасителя цивилизации и свободы". Вы ведь знаете, что война велась во имя спасения цивилизации, культуры, свободы и пр. У нас есть драгоценнейший документ, который я часто цитировал и который, связи ради, не могу не процитировать и здесь. Он характеризует сразу и значение Керенского, и значение мероприятий, и наступлений, предпринятых Керенским в июне—июле месяце 1917 года, и положение армии на фронте тотчас после Февральской революции. Этот документ—письмо Керенского к Ллойд-Джорджу. Вот, что писал ему Керенский накануне своего падения (письмо относится к началу октября 1917 года):

«Как бы трудно ни было положение России, с точки зрения общего дела, мы можем утверждать, что оно лучше, чем было прошлой весной. Тогда на нашем фронте установилось фактически состояние перемирия—результат пропаганды, „братания" и упадка военной дисциплины. Это положение тем больше внушало беспокойство, что немцы с ним считались, воздерживаясь от всяких военных действий на нашем фронте, в надежде использовать освобождающиеся таким путем военные силы против наших союзников. Признавая всю опасность положения, временное правительство решилось положить ему конец во что бы то ни стало. Наше наступление, несмотря на успех в начале, кончилось неудачей. Тем не менее, его главная цель—положить конец состоянию перемирия и возобновить войну—должна рассматриваться, как достигнутая ценою великих жертв».

Этот документ вскрывает не только причину наступления нашего летом 1917 года, но и весь смысл знаменитого коалиционного правительства Керенского. Это было правительство воскресения войны или, точнее говоря, это был гальванизатор трупа. Война умирает, она умерла в феврале 1917 года. Я принес с собою целый ряд выписок, характеризующих настроение армии в первые месяцы после революции в марте. Я нарочно взял данные, относящиеся к самому началу революции—к марту

амое позднее, началу апреля. К июню в Петербурге шла от-рытая большевистская пропаганда, издавалась «Окопная Прав-а» и т. д., тут можно сказать, что это результат большевистской пропаганды, но в марте этого еще не было. В то же ремя, я нарочно беру данные, относящиеся к фронту: в тылу, алеко от германских пуль, настроение было несравненно более оинственным, и этот факт слегка сбивал с толку даже нас, ольшевиков. Многие принимали оборонческое настроение пет-оградского гарнизона, как нечто действительно реально суще-твующее и выражающее настроение „армии". Вот вам маленькая иллюстрация к тому, насколько это оборонческое настрое-ие было реальностью на факте. Это я беру из письма коман-ующего 5-ой армией ген. Рузскому. В этом письме говорится:

«Они (фронтовые солдаты) заявляют, что те части в Пет-ограде и других городах России, которые ходят в манифеста-иях, кричат и вывешивают флаги „война до полной победы", олжны быть поставлены в окопы и испытать на себе, как до-тигается победа, а нам, послужившим в окопах и на войне очти три года, стать на место тех».

Вот какая картина была на настоящем фронте. Там, го-орят, в Петербурге пустяки, они ходят с красными флагами, а от ты в окопах посиди.

Затем дальше:

«В 3-ей Туркестанской дивизии ходят по рукам листки ледующего содержания». Дальше следует листок явно написан-ый солдатом. Никакой большевик не мог этого написать, отому что этот листок совершенно безграмотен и гласит сле-ующее:

«Братья, просим вас не подписываться которому закону очут нас погубить, хочут делать наступление, не нужно хо-ить, нет тех прав, что раньше было, газеты печатают, чтобы е было нигде наступление по фронту, нас хотят сгубить на-альство. Они изменники, наши враги внутренние, ни хотят опять, чтобы было по старому закону. ы хорошо знаете, что каждому генералу скостили жалованье, от они и хочут сгубить нас, мы только выйдем до проволоч-ых заграждений, нас тут вот побьют, нам все равно не про-зать фронт неприятеля, нас тут всех сгубят, я разведчик хо-ошо знаю, что у неприятеля наставлено в десять рядов рога-ок и наплетено заграждение и через 15 шагов пулемет от

пулемета. Нам нечего наступать; пользы не будет: если пойдем, то перебьют, а потом некому будет держать фронт. Передавайте, братья, и пишите сами это немедленно. С почтением писал лес».

Это относится к марту. Это идет речь не о том наступлении, которое повел Керенский в июне месяце, а это относительно проектов наступления еще в самом начале, в марте месяце. Можно подумать по этому поводу, что солдат был совершенно несознательный, ничего не понимал, все сводил к уменьшению генеральского жалованья и т. д. Но вот вы дальше из доклада членов государственной думы, Янушкевича и Филоненко, которые ездили на фронт тоже в марте месяце, узнаете следующее:

«Серьезным вопросом для солдат является участие или неучастие в выборах в учредительное собрание. Говорили: «За нас никто решать не может». Ставили вопрос: «Будем ли мы принимать участие» (Интереснейший разговор между солдатами, которые, совершенно явно, вполне понимают значение учредительного собрания, и этими членами государственной думы, один из которых, Филоненко—эсэр). «Мы на свой страх отвечали: «В той или другой форме, конечно, ваше слово будет сказано». Они заинтересовались, будет ли республика или монархия. Мы отвечали, что этот вопрос решит учредительное собрание. Я должен сказать откровенно, насколько я видел, настроение сплошь республиканское. Спрашивали: арестован ли Романов со своей семьей. Как только сказали, что арестован, стали кричать «ура» и т. д.».

Любопытно очень, как настроение армии различно отражалось по чинам, так сказать:

«Затем всех волновал вопрос, останется ли главнокомандующим Николай Николаевич. Офицеры говорили: «Как можно удалять такого популярного человека? Что скажут войска? Когда солдаты задавали нам этот вопрос,—газеты не приходили туда три дня,—то мы говорили им, в виде слуха, что вопрос этот решается. Они говорили: «Довольно с нас Романовых, нам не нужно великого князя, пусть будет кто угодно».

«Солдаты в речах постановили об удалении «всех баронов, фонов и прочих шпионов», а также офицеров, коим было выражено недоверие запасным батальоном в Царском Селе».

Словом, настроение на фронте было, несмотря на безграмотность цитированного письма, которое являлось безграмотным технически, а не по существу, определенно республиканское и вполне сознательно антивоенное.

Дальше есть отрывок, говорящий, что кроме учредительного собрания солдаты чрезвычайно заинтересовались и землей, конечно. И даже, как видно из ряда мест, они заинтересовались и учредительным собранием, главным образом, в связи с землей. «Тут попалось много старых солдат, которые говорили: «А что же говорят про землю»? Вообще про землю очень часто говорили. Мы отвечали, что вопрос этот будет решен после учредительного собрания: «И ты голос подашь, и я, а сейчас мы этого не можем решать. Но, во всяком случае, земельный вопрос так или иначе, а решен будет». А один солдат говорит, «Что земля!..... если меня не будет, то мне и земли не надо».

Вы видите, что Керенскому приходилось попотеть, чтобы спасти войну, и что положение на фронте развивалось так, что мир становился все более и более неизбежным. Эти восемь месяцев, если брать их с точки зрения внешней политики, и были отчаянной борьбой кучки империалистов и русских, и международных, стоявших за Керенским, которые тщетно поддерживали войну во что бы то ни стало,—и развитием самой русской революции, которая шла к миру. Поскольку эта революция, как социальная революция в основе, хотя она в феврале носила еще буржуазный характер,—была революцией против империализма, она не могла не быть революцией против войны. Всюду в мире тогда, во всех воевавших странах, революционное настроение выражалось прежде всего в протестах против войны. Так было не только у нас, так было и в Германии, где произошло это знаменитое восстание в германском флоте, внушившее нам некоторые надежды, даже преждевременные, в связи с Брестским миром. Так было и во Франции именно весной 17-го года, когда целые дивизии бунтовались на фронте и их приходилось уводить. Французская цензура эти факты всячески скрывала, но после революции это стало известно, и все это шло под лозунгом: «долой войну, немедленно заключайте мир». Вот почему, товарищи, та партия, которая возглавила тогда революционное движение, имела под собой прочную базу. Одним из своих лозунгов, имея лозунг мира, она отражала настроение широчайших масс, включая и весь фронт. Вот почему Ленин

был совершенно прав, что нужно было как можно скорей сбросить правительство Керенского. Он уже в сентябре настаивал на необходимости выступления и низвержения Керенского; только колебания в рядах нашей партии и различные случайные обстоятельства оттянули революцию до конца октября. Опять-таки я не буду о самой революции рассказывать—это не входит в задачи моих лекций,— а я буду касаться только внешне-политических последствий этой революции. Декрет о мире просто вытекал из всей сущности дела и нам не приходится теперь ставить вопрос зачем, почему был издан декрет о мире и т. д. Приходится ставить другие вопросы: почему, во-первых, мир, как и сама социалистическая революция, остался местным русским явлением; почему, несмотря на то, что было повсеместное движение к миру, и в то же самое время революционное движение во Франции, Германии и т. д., мир в мировом масштабе не состоялся? И во-вторых, почему, несмотря на то, что, казалось бы, кроме лозунгов: мир, земля и т. д., у нас, у большевиков, в октябре 1917 года ничего не было, не было никакой реальной силы, нам удалось реально заключить мир? Для того, чтобы заключить мир, нужны две стороны. Недостаточно, чтобы одна сторона желала мира, чтобы он был заключен. Почему Германия пошла на мир?

Прежде всего, чтобы закончить этот час, я остановлюсь на том, какой же об'ективный смысл, с точки зрения международной политики и развития империалистской войны, имела вся эта возня с Керенским? Казалось бы, об'яснение простое: старались поддержать русский фронт, держать Россию в войне для того, чтобы продолжать войну. Это самое элементарное об'яснение. Но если вы несколько детальнее всмотритесь в это дело, то увидите, что, в сущности говоря, союзники в 1917 г. Россию, как серьезную боевую силу, уже не рассматривали. В этом смысле мы имеем, во-первых, доклад одного агента Англии, агента Ллойд-Джорджа, в августе 1917 года, и кое-какие кусочки опять-таки из переписки Керенского. В этой переписке Керенский сообщает, что, как ему, в свою очередь, сообщают с фронта, много доставляется Англией бракованной артиллерии. Гаубицы, присылаемые из Англии, не выдерживают минимального числа выстрелов. Что это значит, когда союзника снабжают бракованным оружием, т.-е. дают ему всякую заваль?

—Это значит, что к этому союзнику серьезно не относятся. В Лондоне и Париже вовсе не были так глупы, чтобы верить, что Керенский действительно может возродить войну. Там превосходно понимали, что происходит гальванизация трупа. Зачем же нужно было гальванизировать труп?—А вот зачем. С февраля месяца 1917 года Соединенные Штаты разорвали дипломатические сношения с Германией. На военную сцену вступила колоссальная экономическая сила, ибо Соединенные Штаты уже и тогда были самой богатой страной мира. Самое выступление Соединенных Штатов об'ясняется, конечно, германской подводной блокадой, так как Соединенные Штаты до сих пор жили тем, что они обслуживали войну, вся американская промышленность росла на военных заказах, то очевидно, что прекращение торговых сношений с Европой, в частности, с Англией, для них было чрезвычайно тяжелым ударом, и об'явление подводной блокады было вызовом, который Германия бросила Соединенным Штатам. Соединенные Штаты приняли этот вызов,—и с замечательной меткостью, в марте 1917 года, как только совершилась русская революция, Соединенные Штаты формально об'являют войну Германии. Как только выбывает один боец, так выступает другой. Но Соединенные Штаты могли появиться на театре войны не раньше, как через год. Соединенные Штаты, как и Англия, постоянной армии почти не имели. Им нужно было организовать и сформировать эту боевую силу. На это нужен был год. И, действительно, американская армия появилась на театре войны, и сыграла решающую роль именно летом 1918 года. Русский фронт нужно было поддержать до тех пор, пока на западном фронте появятся американские войска. Вот вам и секрет одновременно и гальванизации трупа войны в России, и тех бракованных пушек, которые посылала Англия в 1917 году: пускай Россия уходит. Когда на сцене будут американцы, тогда восточный фронт нам не так важен, но до тех пор нужно продержаться во что бы то ни стало. Вот почему, когда у власти были большевики, американцы со свойственным им деловым цинизмом приходили к Николаю Васильевичу Крыленко, который был тогда главковерхом, и предлагали ему по сто рублей (не бумажных, а настоящих золотых рублей), по 50 долларов за каждого удержанного на фронте русского солдата, а так как солдат было несколько миллионов, то вы догадываетесь, что сумма была довольно значительная.

Крыленко не только не хотел этой операции, но, по правде сказать, и осуществить ее не мог бы, потому что армия разбредалась с фронта совершенно неудержимо. Вот вам подкладка всей этой истории, которая развертывается далеко за пределы местных русских событий. Во чтобы то ни стало нужно было, чтобы восточный фронт продержался до прихода американцев, а он крахнул за шесть месяцев до этого прихода.

Брестский мир для нас, большевиков, интересен с двух сторон. Во-первых, с точки зрения той партийной борьбы, которая разыгралась около Брестского мира; а во-вторых, с точки зрения тех об'ективных условий, в которых мир был заключен. Я не буду касаться совершенно первой стороны, потому что она, что касается дискуссии внутри ЦК, достаточно освещена и изображена в приложениях к XV тому собрания сочинений Ленина, а сочинения Ленина у вас у всех на руках, и вы можете там об этом прочесть. Я остановлюсь исключительно на об'ективной стороне Брестского мира, которая, к сожалению, нигде до сих пор не изображена, и на которой приходится остановиться просто потому, что нет у вас в руках материалов, где бы эта сторона была дана в более или менее обозримом виде. Вот почему я начинаю изложение истории Брестского мира, смотря со стороны Германии и ее союзников. Что касается Германии, то, благодаря «гениально организованному голоду», как говорили в то время, она, сравнительно лучше держалась. Тут ей много помогал захват двух сельскохозяйственных районов—Польши и Литвы, откуда Германия получала хлеб, жиры, мясо и т. д. Благодаря этому, условия существования в Берлине все время были хотя очень тяжелые, но все же терпимые. Достаточно сказать, что обычный германский хлебный паек составлял 210 граммов, т.-е. более половины фунта хорошего хлеба, и в самых крайних случаях падал до 170 граммов, тогда как у нас он падал до 120 граммов хлеба, перемешанного с соломой. Таким образом, как это ни курьезно, та страна, которая надеялась выморить немцев голодом,—ибо в начале войны господствовало мнение, что с первого января 1915 года немцы начнут умирать с голоду,—эта страна начала голодать гораздо раньше самой Германии. Я могу говорить тут по собственным впечатлениям. Я помню хорошо, как в Вильне я получил обед лучше того, который в Петербурге и в Москве давали за десять рублей,—за три марки, т.-е. за полтора цел-

ковых. Правда, это—около фронта, в самой Германии было хуже. Но надо прибавить, что немцы чрезвычайно умело организовали отправку продовольственных посылок с фронта. Солдаты этим путем подкармливали своих родственников; это поддерживало настроение внутри Германии и внушало известные надежды. Совершенно отчаянным было положение других союзников Германии, которые сорганизоваться не умели. По докладу австрийского генерал-интенданта еще в самом начале осени 17-го года, т.-е. задолго до Октябрьской революции, Австрия могла прокормиться только до февраля—марта 1918 года, а дальше, говорил генерал-интендант, должен наступить настоящий голод, хлеба не будет вовсе. Откуда-нибудь нужно будет достать,—он так прямо и говорил,—новый источник продовольствия. В таком же положении находилась и Турция. Константинополь голодал еще сильнее, нежели Вена. И вот оттуда, от союзников, еще до нашей Октябрьской революции, поднялся вопль, обращенный к германскому правительству и к германскому командованию: или добудьте нам где-то хлеба, или заключите мир, мы больше держаться не можем; при этом Австрия доходила до прямых угроз заключения сепаратного мира, выхода из войны. Вот что толкало на мир, по крайней мере, с Россией центральные европейские державы. Вот в чем секрет того, что едва мы успели усесться у власти, как немцы сейчас же охотно пошли на переговоры с нами сначала о перемирии, а потом о мире.

Но в этом лагере было два течения. Одно течение, это то, которое представляли австрийцы, вообще союзники, и к которому присоединялась значительная часть самой германской буржуазии. Это было течение за настоящий мир с Россией,—настоящий мир, который даст настоящий хлеб, во-первых; а во-вторых, даст настоящий хлопок для германской индустрии, даст настоящего покупателя для германской мануфактуры и т. д. Перед войной один крупный германский экономический деятель сказал одному французскому публицисту такую фразу: «Мы работаем для вывоза. Если мы перестанем вывозить—мы умрем». А между тем за время войны вывоз совершенно прекратился. И если военный рынок выручал металлургию и химическую промышленность, то, например, легкую индустрию и текстильную промышленность он выручал очень мало, так что в самой Германии была определенная группа буржуазии, герман-

ских капиталистов, которые стояли за мир. Но ей противостояла другая группа,—это как раз тяжелая индустрия, химическая промышленность и юнкерство, возглавлявшее все. Эта группа хотела не мира с Россией, а разгрома России, и считала, что этот разгром—сравнительно очень легкое дело. Во главе этой группы стоял теперешний германский президент, фельдмаршал Гинденбург, а за ним стоял фон-Людендорф, самый талантливый из германских генералов империалистской войны, а его помощником являлся начальник штаба восточного фронта генерал Гофман. Последний служит характерным примером того, как не нужно отождествлять военную партию и юнкерскую партию. Гофман не юнкер, а буржуа—он вышел из буржуазной среды; он не фон-Гофман, а просто Гофман. Гофман—чрезвычайно видная фигура во всей этой милитаристической группировке, которая стояла за разгром России. Отчасти этот круг руководствовался тем, что они видели разложение русского фронта и хотели это использовать. Вот как рисовал дело Людендорф: «Чтобы воспрепятствовать самим большевикам образовать новый восточный фронт, мы должны были нанести короткий, но сильный удар расположенным против нас русским войскам, который позволил бы нам при этом захватить большое количество военного снаряжения. Дальнейшее развитие операций на востоке не имелось в виду на ближайшее время. На Украине надо было подавлять большевизм и создать там такие условия, чтобы иметь возможность извлекать из нее военные выгоды и вывозить хлеб и сырье. Для этого мы должны были сильно углубиться в страну; другого выхода для нас не оставалось».

Я вам привел этот отрывок потому, что он чрезвычайно важен. Это вся программа Брестского мира, как он был заключен: и короткий удар, и захват Украины и т. д. Но Людендорф миром интересовался меньше всего. Ему нужно было ликвидировать восточный фронт, ликвидировать начисто, что я выразил иными словами: разгромить Россию. Что для этого нужно было?—Нужно было, конечно, воспользоваться, с военной точки зрения, тем разложением русской армии, которое происходило в эти месяцы, происходило стихийно, неудержимо: фронт таял, люди с фронта уходили. Надо было выжидать, пока этот процесс достигнет максимума, и тогда—этот короткий и сильный удар, который сразу заканчивает все. Когда начались перего-

воры в Бресте, перед нами и вырисовались эти две группы со всей ясностью. Мы совершенно определенно увидели группу «миролюбиво» настроенных германских промышленников, капиталистов, возглавляемых Кюльманом, тогдашним немецким министром иностранных дел, а рядом с ними—группу этих несчастных союзников, которые даже внешним видом производили весьма жалкое впечатление. Самостоятельнее других держались турки, упорно не желавшие, например, даже разговаривать на немецком языке—ради них, когда они участвовали, переговоры велись на традиционном французском. Но уже австрийцы, начиная с их главы, Чернина (австрийского министра иностранных дел), имели вид запуганный и взволнованный—а о болгарах лучше не говорить.

Это была одна группа, которая стояла за мир с нами, желала добиться его возможно скорее. И рядом с этим был генерал Гофман, который ударял кулаком по столу в нужную минуту и всегда ухитрялся найти такой ультиматум, который делал для нас подписание мира невозможным. Ясно было, что человек шел на срыв мира. Его планов мы не знали, но чувствовали, что Гофман хочет сорвать мир, что ему не нужен мир, а что ему нужно что-то другое. Как мы реагировали на все это? Тут нужно коснуться и нашей партийной политики. У нас внушил очень большие, несколько преждевременные, надежды бунт германских моряков осенью 1917 года. Из этого восстания германского флота мы вывели заключение, что Германия в буквальном смысле слова накануне революции,—а она действительно была накануне революции, но, к сожалению, не в буквальном смысле. Когда я приехал в Петербург к т. Троцкому, отправляясь на Брестские переговоры (меня и тов. Павловича высылали дополнительно, когда Иоффе, Каменев и другие уже были там), первое, чем он меня встретил, был рассказ о будтобы только-что происшедшем грандиозном восстании у немцев: 30 тысяч солдат взбунтовалось и укрепилось где-то между Гродно и Белостоком, и с фронта сняли несколько дивизий, чтобы ликвидировать восстание. В чем должна быть наша тактика?—Тянуть, пока германская армия окончательно разложится, пока в Берлине вспыхнет восстание рабочих, затем заключить не мир, а братский союз с германским советом народных комиссаров, с Карлом Либкнехтом во главе. Вот какая рисовалась картина. Ленин однажды, под сердитую руку, назвал эти рас-

суждения революционной фразой, но, конечно, это было в сердцах сказано: кое-какие основания были для этого. Помимо восстания в германском флоте, нужно учесть тут и движение, которое произошло в январе в Берлине и Вене,—рабочее движение, которое в Вене дошло до образования Совета рабочих депутатов, а в Берлине картина была такая, что приезжавшие из Германии рассказывали о поваленных вагонах трамвая, из которых были сделаны баррикады, и говорили, что ничего подобного Берлин не видел никогда. Действительная ошибка Троцкого состояла в том, что он думал, что там началось, а на самом деле там только начиналось.

Словом, употребляя выражение Плеханова, правда, по другому поводу, можно сказать, что второй месяц беременности приняли за девятый и, благодаря этой ошибке, оказались на одном пути с Людендорфом. Тому нужно было тянуть, пока разложится русский фронт, который, к сожалению, действительно разлагался, и очень быстро, а нам нужно было, чтобы разложился германский фронт, который разлагался гораздо медленнее. Мы это сами видели, когда ехали в Брест. У нас были брошенные окопы, разрушенные землянки и кучи солдат, уходивших с фронта. Нам они встречались на всем протяжении чуть не целыми полками,—по тысяче человек сразу. На германской же стороне все было в порядке: часовые на местах, окопы великолепно содержатся, никакого разложения нет. Нет сомнения, что сочувствие к революции уже завладевало и германским солдатом. Тов. Сокольников упоминает, как один немецкий содат хотел уехать вместе с русской делегацией. Германские часовые относились к нам с явной симпатией: позволяли разговаривать с русскими пленными и предостерегали, когда приближался германский офицер. На нашей квартире нас обслуживала немецкая прислуга, и разговоры, которые с нами вели наши германские денщики, действительно, показывали, что в Германии «начинается», ибо ясно было, как они ненавидят свое офицерство и чиновничество, ненавидят кайзера. Они желали нам всяческого успеха и один из них, прощаясь с нами, говорил, что надеется нас увидеть в красном Берлине, в революционном Берлине. Но все это только начиналось и основываться на этом было неосторожно.

И вот на этом нашем недоразумении немцы начинают играть. В основе их игры лежало разложение русского фронта,—

поэтому нам заключать мир нужно было возможно скорее: ибо 1-го декабря мы имели на фронте больше реальных штыков, чем 1-го января, а 1-го января—больше, чем 1-го февраля, а что к 1-му марта осталось—я и изобразить не могу—фронт был почти совершенно пустой. А. А. Самойло, который брал потом Архангельск у белых, а тогда был главою нашей военной миссии в Бресте, говорил мне, что на фронте стояло 2.000 орудий без всякого прикрытия. Вот почему, если правильно указание одного товариша,—он не подкрепляет это никакими документами,—Ленин еще в конце ноября перед фракцией большевиков в Совнаркоме (вы помните, что Совнарком был тогда неоднороден; там были большевики, были и левые эсэры),—перед большевистской фракцией Совнаркома настаивал на немедленном заключении мира. Я повторяю—это никакими документами не закреплено. Но, во всяком случае, если Ленин уже в конце ноября настаивал на заключении мира, как можно скорее, он был совершенно прав, ибо чем раньше мы заключили бы мир, тем менее он был бы для нас тяжелым.

Опасение и беспокойство, что с этой стороны не все благополучно, у меня появилось при первом моем появлении в Бресте в самом начале декабря. Тот немецкий офицер, который должен был меня и Павловича провожать в Брест, сказал: «а я только что провожал представителя Украины, который тоже ехал в Брест». От представителя Украины уже дурно пахло: мы тогда были в войне с украинским правительством. Одновременно с известием о восстании в германской армии я услыхал от т. Троцкого и другую новость: «вчера мы пред'явили ультиматум Раде», сказал он мне. И вот оказалось, что когда я ехал в Брест, в это же время представитель Украинской Рады тоже едет в Брест. От этого пахло совершенно определенно, но в то время, в декабре, еще партия Кюльмана была достаточно сильна. Нам тогда предлагали самые выгодные условия. Во-первых, воображая, что мы—лицемеры и болтуны, что мы сами не верим ни в какие наши коммунистические фразы,—нам пред'явили декларацию, наполненную громкими словами о самоопределении народов, свободе морей и тому подобных вещах—самую анти-империалистическую декларацию, какую можно придумать. Когда мы получили эту немецкую декларацию,—мы просто не знали, что думать, что с ними случилось? Потом, на другой день, это об'яснилось, потому что на другой день, с ти-

пичной грубостью и торопливостью людей, которые действуют в обстановке военного времени и спешат, Кюльман поставил вопрос о ввозе и вывозе, о таможенных условиях и т. д. Ясно было, что декларация была одной «словесностью», а что суть заключалась в том, чтобы возобновить торговые сношения с Россией, удовлетворить ту группу капиталистов, которая нуждалась в сбыте своей продукции, добыть сырья, хлопка, нефти и пр. В этом было все дело. Но нам нужны были вовсе не фразы—нам нужны были факты. Вы говорите о самоопределении национальностей? Хорошо. Когда же вы очищаете Польшу, Литву, Латвию и прочие территории, которые вы заняли, чтобы живущие на них национальности могли самоопределиться? И тут выступил Гофман. Когда один из членов нашей военной миссии спросил его, за обедом, как скоро немцы очистят первую зону, и какое пространство они намерены очистить в качестве такой зоны,—обычный военный вопрос,—то на вопрос какое пространство они очистят, Гофман ответил: «Ни одного миллиметра». Наш военный уполномоченный пришел к нам и передал нам слова Гофмана. Мы, разумеется, как с неба свалились: после всех прекрасных слов, после декларации, разговоров о торговле—что же это значит? После обеда, рядом со столовой, собралась неофициальная, но, пожалуй, самая важная конференция: Кюльман, Чернин и Гофман, а с другой стороны наша делегация. Мы стали спрашивать,—как это понять? Есть декларация, мы говорим о торговле и о совершенно мирных вещах, а немцы ни одного миллиметра территории не собираются очищать. Гофман об'яснил: территория будет очищена после окончания общей войны и после заключения общего мира. А когда будет заключен общий мир и окончена война,—никому не известно. Пока же идет война, мы очистить территорий не можем—у нас тут и фабрики военные, и продовольствие мы отсюда получаем. Что же вы хотите, чтобы мы это все бросили? С чисто военной точки зрения, надо сознаться, все это было довольно разумно. Гофман был по своему прав. Тут мы поняли, что мы попали в самую дурацкую ловушку. Что же мы скажем нашим полякам, литовцам,—в нашей делегации они были, хотя и неофициально,—что мы скажем полякам, литовцам, в особенности нашим латышам, вернейшим союзникам, таким энергичным деятелям нашей революции, что мы им скажем? Что, де, вот мы заключили мир без всякого ваше-

го самоопределения, оставив вас на жертву немцам. Тогда они плюнут нам в лицо и скажут: какой же это мир, на что нам нужен такой мир?

Кюльман, а в особенности Чернин, были этим обстоятельством чрезвычайно смущены и, видимо, старались как-то наладить дело, но Гофман, за которым стояло все германское главнокомандование, с его огромным политическим весом, был неумолим и стоял на своем.

Разрыв переговоров получился сам собою, безо всяких усилий с нашей стороны. Мы сказали, что мы никаких уступок в этом отношении сделать не можем, и с этим вернулись в Петербург.

Затем наступил промежуток. Надо сказать, что мы смотрели на переговоры в Бресте, как на переговоры предварительные и настаивали, чтобы окончательные переговоры велись на нейтральной территории. Мы предлагали Стокгольм. Из дневника Чернина видно, до какой степени это предложение о Стокгольме было неприятно нашим противникам:

«Перенесение конференции в Стокгольм было бы для нас концом всего, потому что оно лишило бы нас возможности держать большевиков всего мира вдалеке от нее. Таким образом, стало бы неизбежно именно то, чему мы с самого начала и изо всех сил старались воспрепятствовать: поводья оказались бы вырванными из наших рук, и верховодство делами перешло бы к этим элементам. Теперь нужно выждать, что принесет завтрашний день: или победу, или окончательный разрыв переговоров».

Таким образом, совершенно ясно, что мы очень метко выбрали, с точки зрения дипломатической игры, Стокгольм, как базу для переговоров, где мы могли бы надавить в сторону революции и против империализма. Первая наша неудача заключалась в том, что на Стокгольме нам настоять не удалось. Как только прошел срок, который мы назначили для перерыва, в Петербург пришла телеграмма, спрашивающая, когда мы приезжаем в Брест. Мы совсем не хотели выезжать в Брест и поэтому мы долго обсуждали вопрос, ехать нам в Брест или нет. Я привожу это, как факт. Я не берусь этого оценивать, сделали мы ошибку или нет, что поехали вторично в Брест, но я не могу не прочесть отрывка, рисующего настроение

наших противников перед возобновлением брестских переговоров. Вот как рисует его в своем дневнике Чернин.

«Настроение как у нас, так и у германцев, весьма подавленное. Нет сомнения, что если русские решительно прервут переговоры, положение станет весьма тягостным. Единственный выход из положения заключается в быстрых и энергичных переговорах с украинской депутацией, и мы поэтому приступили к делу в тот же день. Итак, у нас есть надежда, что мы придем к желанному результату, по крайней мере, в этих переговорах.

«Вечером после ужина пришла телеграмма из Петербурга, сообщающая о предстоящем прибытии делегации вместе с министром иностранных дел Троцким. Было занимательно наблюдать, с каким восторгом это известие было встречено немцами; лишь внезапное и бурное веселье, охватившее всех, показало, какой над ними висел гнет, как сильно было опасение, что русские не вернутся. Нет сомнения, что это знаменует собою большой успех, и у нас у всех чувство, что сейчас мир фактически на пути к осуществлению».

Я не знаю, повторяю, можно ли было поступить иначе или нет. Это всецело зависело от положения нашего фронта. Конечно, если бы мы не поехали, а у нас на фронте оказалось бы, что драться совершенно некому, то это, действительно, была бы только фраза и пустая угроза. Для этого нам нужно было очень точно знать положение вещей на нашем фронте в то время, в конце декабря 1917 г. и в начале января 1918 г. Я прочитал этот отрывок, для того, чтобы показать, до какой степени важна была наша первая неудача, что мы отказались от Стокгольма и поехали в Брест. Это отразилось сразу и чисто внешним образом. Когда мы в первый раз были в Бресте в декабре, нас принимали с необычайной внешней предупредительностью и наш «хозяин», главнокомандующий восточного германского фронта, принц Леопольд Баварский, бывший друг Александра II, говорил о «могущественной русской республике» таким тоном, как будто он действительно имел дело с могущественной державой, могущей разговаривать с Германией на равной ноге. А о тов. Каменеве Леопольд не без почтительности осведомлялся, правда ли, что это зять «самого» тов. Троцкого? Для него этот факт, что Каменев—зять Троцкого, играл большую роль. Это была главная фигура. Теперь в январе в Брест приехал не зять Троцкого, а сам Троцкий, но тем не менее

прием был холоднее, по крайней мере, на 20 градусов; на нас совсем не обращали внимания, с нами почти не разговаривали. Что-то явно переменилось. Что переменилось—это можно было видеть воочию. Там сидел не один украинец, а сидела целая украинская делегация. Эти петлюровцы (хотя тогда еще Петлюры не было, но их приходится называть петлюровцами), эта петлюровская делегация была совершенно серенькая, но, тем не менее, она была явным образом в центре внимания немцев, с ней велись все переговоры. При помощи нее немцы надеялись получить легальный титул на ограбление России. А с нами они просто тянули. Отлично,—рассуждали они,—мы тянем, а русский фронт тем временем разлагается. Мы фактически прервали переговоры с немцами, и нас чрезвычайно мало тревожили. Я, помню, вел очень гигиенический образ жизни, гулял целыми часами в окрестностях Бреста. Словом, это были чрезвычайно своеобразные и грустные каникулы. Чтобы подействовать на наше настроение, Гофман и К-о не стеснялись прибегать к довольно грубым эффектам. В один прекрасный день мы были разбужены ураганным огнем, как нам показалось. Что это такое? Говорят, артиллерия стреляет. Настроение у всех нервное, напряженное. Что же это, военные действия что ли открываются? Потом я во время своих прогулок набрел на секрет этого эффекта. Оказывается, что на одном островке реки Буга немецкие солдаты упражнялись в бросании ручных гранат. Можно, вероятно, было бросать и не начиненные гранаты или гранаты, не производящие такого грохота. Это был явный немецкий трюк, расчитанный на то, чтобы подергать наши нервы.

Наконец, когда мир с Украиной был подписан (надо сказать, что Украинская Рада тогда владычествовала только над одним уездом Волынской губернии), нам немедленно был пред'явлен ультиматум—которого с нетерпением ждал Людендорф. Мирная партия, с Кюльманом во главе, и в эту минуту шла на максимальные уступки. Нам, например, предлагали в «сопользование» все гавани Балтийского моря—Ригу, Либаву и Виндаву. Мы могли там построить свои склады для товаров и везти потом эти товары прямо в Россию без таможенного досмотра и т. д. Это была крупная и для нас выгодная уступка. Вы знаете, что потом за доступ к Ревельскому порту (а о нем тогда и спору не было, Эстония еще была прочно в наших руках) нам пришлось заплатить библиотекой Юрьевского Университета;

получить доступ в Ригу стоило тоже порядочных расходов, а тогда это предлагалось даром. Но подписать империалистический мир и на этих условиях мы не могли, так что все эти предложения ни к чему не привели, и мы, в, конце-концов, согласно директиве, данной Ц. К., оставили немцам заявление, где излагали, что войну прекращаем, армию демобилизуем, но империалистского договора с Германией не подписываем. Тогда нам рисовалось, что мы сделали какой-то необычайно красивый жести, что из этого что-то выйдет. В значительной степени нас вводили в заблуждение и выступления германской «миролюбивой» партии, с Кюльманом во главе. На наш вопрос, не нападет ли Германия после этой декларации на нас, следовал гордый ответ: «Мы не разбойники». Кригге, глава немецкой экономической делегации, приходил к т. Иоффе, вел с ним переговоры насчет будущего плана торговых сношений и т. д. Первое неприятное ощущение мы испытали, когда мы, по приезде в Петербург, узнали, что Мирбах—глава германской делегации по обмену пленных—получил приказание экстренно выехать из Петербурга и уехать в Германию. От этого пахло дурно. А через несколько дней Германия пред'явила ультиматум, и, не дожидаясь ответа, начала военные действия. Немцы захватили Двинск, Псков. Это тот короткий и сильный удар, о котором говорит в своих мемуарах Людендорф. Война кончается, но не так, как хотелось нам и даже не так, как хотелось мирно настроенной партии в Германии, а так, как хотелось военной партии. Все те две тысячи орудий, которые оставались без прикрытия, достались в руки немцев. Этих военных припасов было такое огромное количество, что немцы их использовать не успели, и после германской революции значительная часть их попала снова в наши руки.

Так или иначе, мир мы должны были заключить. Ленин был совершенно прав, но мы заключили мир во много раз более тяжелый, чем могли бы заключить до того. Сейчас положение было такое, что граница подошла к самой столице, тогдашнему Петербургу, столицу пришлось переносить в Москву и т. д. Словом, наше стратегическое положение чрезвычайно ухудшилось. Так вышли мы из войны, вышли, как видите, благодаря в значительной степени нашей дипломатической неопытности, хуже, чем могли бы выйти. Мы вышли из войны с Германией, но не вышли из войны вообще, потому что вслед за этой войной началась в разных формах интервенция. О ней—в следующий раз.

ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Интервенцию можно разделить на две большие главы ервую из которых можно назвать попытками возрождения осточного фронта, а вторую—борьбой с большевизмом. Собтвенно, совершенно отчетливо борьба с большевизмом, как адача, ставится Антантой,—Англией, Францией, Америкой и т. д., олько в этот второй период. Причиной тут была, как вы видите, германская революция. В первый период дело идет о осстановлении восточного фронта, который был, как вы помите, необходим уже с той точки зрения, что американская рмия еще не поспела, ее ждали к весне 1918 г.; фактически на появилась на сцене только к июлю 1918 г., и нужно было адержать возможно большие массы германских и австрийских ойск в России, чтобы они не были переброшены на западный ронт. Вы увидите из моего дальнейшего изложения, что тут ыл стратегически совершенно правильный расчет. На большеизм Антанта (это слово «Антанта» я не об'яснял, думая, что но большинству из вас известно: так назывался союз Англии, ранции и одно время России, так называемое тройственное огласие—«Triple Entente»,—я его описывал,—образовавшееся, римерно, около 1907 г. и державшееся до 1917 г., когда из нтанты вывалилась Россия, так что в Антанте остались Англия Франция с их союзниками), смотрела, как на явление местное,—то русская болезнь,—совершенно так, как у нас говорят о французской болезни», поэтому обращать на это внимание не тоит. Большевиками могут быть только русские. Большевизм—е заразителен. Другие народы по отношению к нему иммунированы. Правда, с самого начала так не смотрели немцы, оторые принимали меры против заразы. Но, может быть, руская болезнь передается немцам, а другим народам—французам англичанам, она не опасна.

Особенно же считали себя иммунизированными от этой болезни американцы. Позиция Соединенных Штатов по отношению к русским и русской революции была иной, чем позиция Антанты. Соединенные Штаты стояли на более широкой точке зрения и смотрели вперед гораздо более далеко. Они имели ввиду не непосредственное участие только России в войне, но и возможность эксплоатации ее в будущем, как арены для помещения американского капитала. В связи с этим первая глава интервенции, которую я назвал попыткой восстановления восточного фронта, в свою очередь, распадается на два отдела, из них первый отдел может носить название, которое, конечно, вас удивит,—попытки восстановить восточный фронт в союзе с большевиками, а второй отдел,—это попытка восстановить восточный фронт против большевиков, несмотря на большевиков и, значит, свергая их в случае надобности. Первый отдел, собственно, имеет интерес наиболее археологический, наиболее мимолетный, но он наименее известен, поэтому о нем стоит сказать два слова.

Я вам сказал, что американцы не связывали своей судьбы с Керенским. Керенский пал, а американцы остались и, «ничто же сумняшеся», возобновили переговоры с Лениным. Американский полковник Робинс, представитель Американского Красного Креста, вел эти переговоры в течение всей зимы 1917—18 г. К марту 1918 г. дело дошло уже до письменных документов в плоскости этих переговоров. Надо сказать, что хотя Ильич стоял все время за заключение мира, но Ильич, во-первых, никогда не был пацифистом, никогда не был противником войны в духе буржуазных американских романистов, которые думают, что можно искусственными мерами помешать людям воевать. Ильич никогда на этой точке зрения не стоял; а во-вторых, он нисколько не обманывался насчет характера того мира, который он вынужден был заключить.

Благодаря огромному запозданию,—потому, что следовали не политике Ильича, а другой политике,—условия мира страшно ухудшились. В декабре мы могли заключить мир, сохранив советскую Эстонию, советскую Финляндию, не платя ни копейки контрибуции, потому что в декабре немцы стояли на такой позиции, что взаимные претензии погашаются; а в марте мы потеряли советскую Эстонию, которая была занята немецкими войсками;

мы потеряли советскую Финляндию, которая была занята немецкими войсками; мы потеряли Украину, которая, за исключением одного уезда, перед этим уже была занята вся Красной гвардией, будущей Красной армией,—она была уже вся большевистской; потеряли Донбасс, криворожскую руду и т. д. Это был, об'ективно рассуждая, один из самых тяжелых миров, какие когда-либо заключала какая бы то ни было страна. И Ленин не скрывал того ни от себя, ни от других. Он так и называл этот мир похабным; сравнивал этот мир, заключение этого мира с прохождением через чрезвычайно грязный хлев. Но, поскольку не было уже у нас никакого фронта, наша армия совершенно развожилась, мы должны были принимать какие угодно условия. Людендорф тут хорошо сыграл. Он довел до такого момента, когда на фронте у нас ничего не было и сопротивляться было нечем.

Совершенно естественно, что Ленин при этих условиях искал, на кого бы можно было опереться, чтобы от этого немецкого хищничества как-нибудь оборониться; кроме того, немцы—империалистические немцы—уже показали, что они способны на чисто разбойничьи, по их собственному определению, поступки, что от них можно ожидать какого угодно обмана. В этой связи надо понимать тот документ, который я вам прочитаю.

«В случае, если Всероссийский С'езд Советов откажется ратифицировать мир с Германией, или, если германское правительство, нарушив мирный договор, возобновит наступление с целью продолжать свой грабительский набег, или, если Советское правительство вынуждено будет действиями Германии отказаться от мирного договора, до или после его ратификации, возобновить военные действия,—во всех этих случаях для военных и политических планов Советской власти чрезвычайно важно получить ответ на следующие вопросы:

1. Может ли Советское правительство рассчитывать на поддержку Соединенных Штатов Северной Америки, Великобритании и Франции в его борьбе против Германии?

2. Какого рода поддержка может быть оказана в ближайшем будущем и на каких условиях—военным снаряжением, средствами транспорта, субсидиями, с'естными припасами?

3. Какого рода поддержка может быть оказана в частности и специально Соединенными Штатами?

Если бы Япония—в силу открытого или молчаливого со глашения с Германией, или без такого соглашения—попыта лась захватить Владивосток и Восточно-Китайскую дорогу что угрожало бы отрезать Россию от Тихого океана и серьез но помешало бы сосредоточению советских войск в Уральско области,—в таком случае, какие шаги будут предприняты дру гими союзниками, в частности специально Соединенными Шта тами, для предупреждения японской высадки на Дальнем Вос токе и для обеспечения непосредственных сношений с Россие по Сибирской дороге?

По мнению Соединенных Штатов, в каких размерах—пр вышеупомянутых обстоятельствах—могла бы быть обеспечен помощь от Великобритании через Мурман и Архангельск? Каки шаги могло бы предпринять правительство Великобритани чтобы обеспечить эту свою помощь и лишить основания слух о яко бы враждебных планах Великобритании против России ближайшем будущем?»

Такого рода вопросник был передан Робинсу, представ телю Американского Красного Креста в Ленинграде, тогдашне Петербурге, и должен был быть Робинсом послан президент Вильсону, который должен был на это дать точный и ясны ответ. Причем Ленин, будто-бы—я подчеркиваю «будто-бы»: эт мы знаем только от Робинса,—обещался не ратифицироват Брестского договора до получения этого ответа, но при этом конечно, поставил определенный срок, в течение которого отве должен был быть дан. Робинс рассказывает в своих воспомин ниях, что Ленин будто-бы до самого созыва 4-го С'езда Сов тов спрашивал его, есть ответ или нет. Робинс никакого фо мального ответа не получил, но когда открылся 4-й С'е Советов, то мы все и вы, вероятно, с явным изумлением пр читали в газетах приветственную речь Вильсона по адре этого 4-го Всероссийского С'езда Советов, речь довольно благ желательную. Тогда мы не поняли, что это значит, но Вильсо потом об'яснял, что речь была ответом именно на эти вопро и ответом благоприятным. Значит, не связывая себя никаки документами, он как будто-бы обещал России поддержку. У н нет такого лицемерия в крови, мы не поняли такого ответа, я помню, над бедным Вильсоном просто поиздевались. Как э так Вильсон, глава империалистического правительства, и вдр стал отпускать комплименты по адресу большевиков? А Вил

он это истолковывал так, что это был благоприятный ответ а вопросы, поставленные Робинсу. Поскольку «тупоголовые ольшевики» этого не поняли,—вы знаете, что на 4-м С'езде оветов мы ратифицировали Брестский мир, и всякие попытки озрождения восточного фронта в союзе с большевиками могли читаться провалившимися.

Этот документ опубликован Робинсом за границей, так то за текст его я полного ручательства не могу дать, но акт самих переговоров есть факт несомненный. Во-первых, я наю это из слов Владимира Ильича, который в одном разгоре со мной об этом упоминал, а во-вторых—от американцев, оторые, не понимая наших внутри-партийных отношений и слепленные тогдашним моим высоким званием председателя Московского Совета, ходили ко мне много раз и разговаривали аже о деталях этой помощи, что они привезут и т. д. Так то, в сущности, они ответ давали, но ответ давали, опять-аки, в частных разговорах, притом неофициального американского агента, а нам нужен был ответ от американского равительства, от Вильсона, и этого формального ответа мы е получили.

Но хотя, таким образом, возрождение восточного фронта союзе с большевиками лопнуло, сама задача возрождения осточного фронта осталась перед Антантой и Соединенными Штатами, и даже в это время обострилась. Как раз весной 918 г., с марта по май, немцы, освободившись от восточного ронта, предпринимают грандиозное наступление на фронте ападном и достигают успехов, каких они не имели с 1914 г. нглийская армия была разбита совершенно; она потеряла 00.000 пленных и 2½ тысячи орудий. Это был полный разгром. ранция была накануне полного разгрома. В направлении к аманшу немцы продвинулись на 65 километров. В то время родвижение на 5 километров считалось громадным успехом, они продвинулись на 65 километров. Они едва не захватили мьен, который являлся точкой связи между английским и ранцузским фронтами. Если бы они его захватили, то англий-кая армия не только была бы разбита,—она была уже разби-а,—но она наглухо была бы отрезана от французского фронта. Шампани, на южном фронте, немцы продвигаются вперед а 50 километров. Американской армии пока не было. Америанская армия поспела только к июлю. Хотя принимались са-

мые экстренные меры, чтобы американскую армию переправить в Европу, хотя в Европу направляли одних солдат, набивая их в пароходы в тройном размере сверх нормы, причем снаряжения и лошадей не брали, потому что всем этим должны были снабдить союзники,—несмотря на эти экстренные меры, только к июлю американская армия поспела на западный фронт.

Таким образом, в тот момент, когда попытка восстановить восточный фронт при помощи большевиков лопнула, в это время в восстановлении восточного фронта Западная Европа нуждалась особенно остро. В этой связи нужно понимать интервенцию, которая отмечена восстаниями чехо-словаков, Комитетом членов Учредительного Собрания, взятием Казани и всем тем, что было летом 1918 года. Нужно было во что бы то ни стало восстановить восточный фронт, чтобы оттянуть некоторое количество германских дивизий с фронта западного.

Потерпев неудачу в попытке ориентироваться на большевиков, американцам было совершенно естественно обратиться к их противникам. В этой связи стоит заключенный, приблизительно в мае 1918 г., договор французской и английской миссии с эсэрами. Когда мы судили эсэров в 1922 г., мы еще не имели в руках всех документов этого договора, и хотя эсэровские цекисты с чрезвычайным великодушием брали на себя личную вину, все же уличить их партию в том, что она заключила этот договор, мы не могли. А теперь мы знаем, что договор французов и англичан был заключен именно с эсэровской партией, с ее ЦК. Эсэры обязались поднять восстание. Обязались правые, но, по существу, и левые тут не без греха, и восстание левых эсэров 6-го июля нужно ставить в эту связь. Схема была такая: поднять восстание против большевиков, сбросить их, и при помощи Франции, Англии и т. д. воссоздать этот самый восточный фронт. Но, как вы догадываетесь, в тех обстоятельствах, в каких в то время находился западный фронт, никакой серьезной военной силы послать в Россию было нельзя. Англичане заняли Мурман и Архангельск в качестве залога, и как ворота, через которые будущий восточный фронт должен был снабжаться; но дальше пойти они не могли. Сила их была там ничтожная: 20—25 тысяч человек. Поэтому нужно было отыскать внутри России вооруженную силу, на которую можно было опереться. Этой силой оказался чехословацкий стрелковый корпус, составлявший к этому времени

силу около 50 тыс. штыков и шашек,—силу не разложившуюся. В то время как наша русская армия разложилась до конца, чехо-словаки не разложились и представляли собой вполне боеспособную силу. Под тем предлогом, что их повезут через Владивосток,—это, очевидно, было подстроено,—они заняли всю Сибирскую железную дорогу от Пензы до Владивостока, таким образом заняв ту артерию, по которой должна была итти американская и японская поддержка. Единственная армия, которую можно было бы послать для восстановления восточного фронта, это была японская армия. Об этом мне американские агенты говорили совершенно откровенно и вычисляли, какое количество японских дивизий могло быть брошено на Волгу. Это они говорили, когда собирались восстановить восточный фронт в союзе с большевиками, но и после крушения этой попытки стратегический план оставался тот же самый. Таким образом, была захвачена Сибирская жел. дорога, а затем была придумана юридическая оболочка для всего этого. Этой юридической оболочкой был Комитет членов Учредительного Собрания («Комуч»), который завладел Самарой, Симбирском, Казанью, Уфой и т. д.,—получил некоторую территорию. Это был законный титул, легальный титул, законная оболочка для всего этого. Нельзя же было действовать в России просто от имени французов, англичан, японцев, американцев и т. д. Надо было изобразить, что какая-то часть русского народа желает тоже поддержать это движение. Насколько мы в это время были слабы,—этого нечего скрывать,—следует хотя бы из того, что Казань взяли 700 человек—300 чел. офицерского батальона и 400 чехов,—взяли Казань, где было несколько десятков тысяч красноармейцев. Красная армия с тех пор имела такие великие заслуги, что они давно это покрыли. Но тогда она существовала только на бумаге. Люди были только что взяты, они еще совершенно не были обучены. В массе своей крестьянская молодежь вовсе не хотела сражаться. Словом, мы были тогда действительно крайне слабы. Но был один пункт, и этот пункт нужно подчеркнуть, потому что он характерен для всего будущего, был один пункт, и в этом пункте ошиблась Антанта и ее союзники в России—эсэры. Этот пункт тот самый, который об'ясняет слабость Красной армии в то время. Если наш крестьянин в то время, летом 1918 года, не обнаруживал особенной охоты сражаться за Советскую

власть,—это надо прямо сказать,—то еще меньше он имел охоты сражаться за Учредительное Собрание и возобновлять войну с Германией. И первая же попытка эсэров произвести мобилизацию и обложить податями население, что необходимо было для того, чтобы существовать правительству, ведущему войну, моментально подняла это население на ноги против эсэров. А рабочие, по заявлению самих эсэров, были против них с самого начала. Таким образом, получалась та картина, которую один из эсэров, Климушкин, описал весьма выразительно: единственной силой, которая поддерживала членов Учредительного Собрания,—были чехо-словаки. Комитет членов Учредительного Собрания, выступавший от имени всего населения России, сразу оказался на положении иностранного завоевателя, притом завоевателя чрезвычайно слабого физически, ибо, по мере того, как Красная армия улучшалась, те ничтожные силы, которыми оперировал Комитет членов Учредительного Собрания,—эти ничтожные силы все больше таяли.

Таким образом и эта попытка возобновить восточный фронт против Советской власти тоже не удалась. Неудача об'ясняет нам, почему эсэров тотчас же прогнали. Антанта и Соединенные Штаты—это были люди практичные: они смотрели в суть вещей; им важна была не декорация Учредительного Собрания; они эту декорацию выдвинули,—ничего не выходит, никого этим не приманишь. Тогда они поворачиваются к Комитету членов Учредительного Собрания спиной и обращаются к форменным монархистам—к Колчаку, Деникину, Юденичу, начинают оперировать с ними. Эсэры вертелись и барахтались всячески, пока не получили телеграмму Пишона, французского министра иностранных дел, который раз'яснял, что Комитет членов Учредительного Собрания не есть Учредительное Собрание. Кучка в 50—70 человек не есть Учредительное Собрание, которое состояло из 500 человек и представляло собою не одних эсэров, но и другие партии. Курьезно, что французский министр иностранных дел должен был раз'яснять эсэрам азбучные истины государственного права.

Итак, первая глава интервенции—попытки восстановить восточный фронт сперва в союзе с большевиками, а потом против большевиков,—кончилась неудачей. Но к тому времени, когда вся эта возня закончилась, перестал быть практически нужным и сам восточный фронт, ибо в октябре-ноябре 1918 года

Германия рухнула. Если бы она рухнула просто под натиском американской, французской и т. д. армий, то это, вероятно, на первое время просто прекратило бы всякую интервенцию. Но Германия рухнула в обстановке грандиознейшей революции, какая разыгралась в Европе после русской революции, в обстановке германской революции. Эта германская революция, которая сразу же приняла советский облик, выразившийся в том, что немцы образовали Советы Солдатских и Рабочих Депутатов, явно клонилась к господству спартаковцев, т.-е. коммунистов. Спартаковцы—это зародыш германской коммунистической партии. Эта революция страшно напугала Антанту и даже Америку, ибо стало совершенно очевидно, что учение, будто бы большевизм есть русская болезнь,—это учение совершенно не оправдалось; большевизм, оказывается, может охватить и Европу. Он захватил центральную Европу. Уже советы есть в Вене, Берлине и Мюнхене. А что же дальше? Почему большевизм не может захватить Англии, Франции и т. д? И тут начинается паническая попытка интервенции уже в борьбе с большевизмом. Тут дело идет уже не о восстановлении восточного фронта, а о том, чтобы раздавить большевиков, потому что большевизм оказывается не русской, а всемирной болезнью, и нужно стремиться уничтожить ее очаг, как какой-нибудь очаг чумы где-нибудь в Китае или Индии.

Но страх Антанты был так в это время велик еще, что в ней сначала наметились две струи. Одна из этих струй очень мало известна, и о ней можно сказать, что эта была попытка Антанты столковаться с большевиками. Если раньше пытались с большевиками в союзе восстановить восточный фронт, то теперь имеется попытка: нельзя ли большевиков взять на капитуляцию. Они слабы. Ясно, что они голодают. На Западе голод наш рисовался в самых ужасных чертах. Говорили, что улицы Москвы поросли травой, что на этих улицах валяются трупы, и т. д.

Конечно, нам жилось тогда очень плохо, но все-таки до таких размеров дело не доходило, а главное дело,—положение хотя медленно, но постепенно улучшалось, так что было не так плохо. Но на Западе казалось, что хуже быть не может. Так нельзя ли большевиков взять на капитуляцию, добиться того, чтобы они действительно национализировались сами: сиди смирно у себя, там и большевистствуй, сколько влезет, но

нас не трогай? Позвольте вам прочесть циркуляр, который разослал Ллойд-Джордж в марте 1919 года:

«Величайшую опасность,—писал Ллойд-Джордж,—настоящего положения я вижу в том, что Германия может соединить свою судьбу с большевиками и предложить все свои средства, все свои способности, все свои громадные организаторские силы в распоряжение революционных фанатиков, которые мечтают силою оружия завоевать весь мир для большевизма».

Что мы мечтали завоевать весь мир для большевизма,—это факт,—но только не силою оружия, но это все равно.

«Если Германия,—продолжает Ллойд-Джордж,—перейдет в руки спартаковцев, то она неизбежно соединится с русскими большевиками. Раз это случится, вся восточная Европа будет втянута в орбиту большевистской революции, и через год мы будем свидетелями зрелища, как 300 миллионов человек, организованных в огромную Красную армию, под руководством германских инструкторов и германских генералов, вооруженную германскими пушками и пулеметами, возобновят атаку на Западную Европу»...

Я должен сказать, что Ллойд-Джордж обнаружил большую проницательность. Представьте себе, что мы не были бы разбиты под Варшавой в августе 1920 г. и прорвались бы в Германию,—эта картина осуществилась бы несомненно. Но не Ллойд-Джордж, а наши друзья американцы первые вступили на эту дорогу, первые практически попробовали: а нельзя ли в самом деле сговориться с большевиками?

И вот, почти одновременно с этим циркуляром Ллойд-Джорджа (циркуляр относится к марту, а то, что я рассказываю относится к февралю) в Москве снова появляется агент Вильсона—Буллайт. Он вступает в переговоры с Лениным, а так как Ленину было важно выиграть время, то Ленин охотно идет на проект такого договора:

«Все существующие де-факто правительства в России и Финляндии сохраняют власть на принадлежащей им территории, исключая случаи, которые может предусмотреть конференция,—что народы, обитающие на территории, управляемой правительством де-факто, сами пожелают переменить правительство».

Я думаю, что всякий тут видит прищуренный глаз Ильича. Очень хорошо. Мы не будем свергать ни Колчака, ни Деникина,

но если само население, сама Сибирь пожелает прогнать Колчака,—конечно, не можем же мы мешать?

«При этом должно быть гарантировано общим взаимным обязательством не применять силы для низвержения какого-бы то ни было из этих правительств, включая Финляндию, Польшу, Галицию, Румынию, Армению, Азербейджан и Афганистан».

Это то, что мы уступаем. Мы не звери, мы самые кроткие ягнята, сидим себе в Москве, кушаем преимущественно вегетарианскую пищу, потому что другой не имеем. А вот что мы желаем за это получить:

«2. Экономическая блокада снимается и восстановляются взаимные торговые сношения.

3. Советскому правительству предоставляется беспрепятственный транзит по всем железным дорогам и пользование всеми портами, принадлежавшими прежней Российской империи и Финляндии.

4. Граждане охватываемых соглашением стран имеют право свободного в'езда, проживания и перемещения в полной безопасности под условием невмешательства во внутреннюю политику других стран. Взаимно обеспечивается право посылать официальных представителей, которые не должны обязательно иметь все права дипломатических чиновников, но пользуются правом иммунитета.

5. Об'является общая амнистия всем политическим противникам, преступникам и пленным в России и для всех, кто преследуется или может быть преследуем вне России за оказание помощи Советской России. Все военнопленные должны быть возвращены.

6. Немедленно по подписании этого соглашения все иностранные войска отзываются из России, и прекращается всякая военная поддержка анти-советских правительств. Все армии, стающиеся в России, переводятся на мирное положение.

7. Правительства России и Финляндии отвечают за финансовые обязательства прежней империи перед странами, участвующими в этом соглашении и их подданными. Дальнейшие постановления на этот счет согласуются с этими основными принципами».

Я не знаю, помните вы или нет, как нас всех ошарашило тогда, в 1919 г., радио Чичерина, где впервые признавалось, что на известных условиях РСФСР согласна рассмотреть

вопрос о возмещении кредиторов России за те долги, которые мы отказывались платить. Так что ничего нового нет в тех переговорах, которые мы ведем сейчас с Францией. Надо вспомнить только радио Чичерина еще в 1919 году.

Буллайт должен был вернуться в Америку, получить подпись того же знаменитого Вильсона под этим договором, и затем должен был наступить мир и в «человецех благоволение». Этого не случилось потому, что если в Америке и даже в Англии плохо понимали взаимоотношения большевиков и белых правительств, находившихся на территории России, то белые-то правительства отлично понимали, что, в сущности, этот договор означает их низвержение через год—два, так как ясно было, что массы их не поддерживали и что при наличности свободной большевистской пропаганды, которая осуществлялась по договору несомненно, и вообще при развязывании рук большевикам белые, конечно, так или иначе, будут свергнуты в весьма близком будущем. Поэтому ни одно из белых правительств на это и не согласилось, и, очевидно, под влиянием прежде всего их протестов, Вильсон договора не подписал.

Но с этим договором связан один об'ективный факт. Всех поразило,—почему французы вдруг ушли с северных берегов Черного моря, куда они высадились? Об'ясняли это различно: во-первых, разложением французской армии. Это верно, она разложилась, и об этом я еще буду говорить. Затем, об'ясняли это чрезвычайно энергичной деятельностью местных большевистских организаций. Один из одесских большевиков пишет: так мы этих французов напугали, что ничего им больше не оставалось, как убежать. Конечно, я уверен, наши большевики в Одессе превосходно действовали, но, чтобы их испугался такой зверь, как Антанта,—я очень сомневаюсь.

Дело было не в этом. Если мы сопоставим события, вспомним, что французы очистили Одессу в начале апреля, к 10 апреля, к тому сроку, к которому Вильсон должен был дать ответ, то вы поймете, в чем было дело. Тут начиналась подготовка к исполнению обязательств Буллайта,—но осуществлены они не были. Кто тут виновник,—я сказать не могу, но, вероятно, не считая уже отмеченного выше протеста белых, виновники скорее всего англичане, которым к этому времени удалось взять дирижерскую палочку, а главное, удалось захватить наиболее выгодные куски территории бывшей Российской империи. Как

только Германия рухнула, так первое, к чему устремились почтенные союзники, это—вступить в права наследства. Если вы проследите, как интервенты и белые занимали различные части СССР, то увидите, что занимались те части, которые были под контролем Германии. Украина была занята немцами. Туда высаживаются французы и всякие их клиенты, греки и т. д. Дальше окрестностей Одессы они не пошли, но они собирались итти до Харькова и Киева. Англичане занимают Закавказье, Батум, Баку, где стояли союзники немцев—турецкие войска. Мы знаем проект генерала Деникина занять белыми и антантовскими войсками всю пограничную полосу: и Белоруссию, и Латвию, и Эстонию и т. д. Это все не удалось и не вышло. Почему не удалось и не вышло,—этим я закончу лекцию, а факт тот, что не вышло. А план такой был. Англичане захватили Закавказье, захватили Сибирь, потому что Колчак был их агентом: Колчак был агентом англичан. Он, правда, не был привезен генералом Нокcом в своем вагоне в Омск,—это фактически неверно, но, если фактически неверно относительно Нокса и вагона, то это было правильно по существу. Колчак был устроен на своем месте англичанами. Англичане все это желали удержать в своих руках. Вот почему они настаивали на продолжении войны с большевиками, которая им казалась обещающей большие перспективы. Вот почему они ремонтировали, вооружили армию Деникина на 250 тысяч человек, снабжали армию Колчака. Как раз весной 1919 года Колчак имел большие успехи. Он быстро продвигался вперед, захватил Пермь, угрожал Казани и т. д. Это способствовало тому, что договор не был подписан и что интервенция продолжалась. Я не стану гадать, что было бы, если бы состоялось это соглашение,—ускорило бы оно ход вещей или задержало бы, прекратило бы гражданскую войну, или затянуло бы, но факт тот, что соглашение не состоялось и попытка во что бы то ни стало столковаться с Россией лопнула.

В этой связи стоит и приглашение, присланное Ллойд-Джорджем нам и всем правительствам на русской территории на конференцию на Принцевых островах, под Константинополем,—о чем достаточно писали в газетах. На эту конференцию мы поехали бы с величайшим удовольствием, но белые никто не поехал, и конференция не состоялась.

После этого начинается упорная попытка нас низвергнуть исключительно силой оружия. Я вам не буду рассказывать под-

робности этой попытки, т.-е., подробности нашей гражданской войны, а перейду к тем международным условиям, которые обеспечивали провал этой попытки. В самом деле, это как будто-бы загадка. Настоящая голая, в буквальном смысле слова, голая страна, у которой ничего как будто-бы нет,—ни хлеба, ни мануфактуры, ничего,—заводы не работают, производительность труда упала до последнего минимума и т. д.; на нее лезет та Антанта и те Соединенные Штаты, которые сейчас только что раздавили такого колосса, как Германию; и вот, такой колосс как Германия, оказался сплющенным в лепешку, а голая Россия отстоялась. Почему так было?—Внутренние условия вы знаете,—я их не буду повторять. Эти условия заключались в том, что по мере того, как белая сторона этой гражданской войны падала, как дело от Учредительного Собрания переходило к явно-монархического типа командованию, масса крестьянского населения перекачнулась на нашу сторону, и мужик с белыми не пошел. Это и об'ясняет нам крах всех белых правительств. Как только они начинали мобилизовать крестьян и собирать подати, они вызывали против себя партизанщину. На истории колчаковщины мы можем это проследить чрезвычайно близко. Мобилизация, подати и партизанщина идут в Сибири друг за другом, до необычайности тесно. К этому надо прибавить и ряд случайных, с точки зрения внутренних наших отношений, обстоятельств. Возьмите хотя бы германскую революцию, крушение германского восточного фронта. Это отдало в наши руки колоссальное количество снаряжения, и только благодаря этому мы могли выдержать войну не только с белыми, но и с Польшей. Но всего этого мало для об'яснения нашей победы. Повторяю, тут приходится взять в расчет международные условия, как международные в смысле отношений между странами, так и международные—внутри отдельных стран. Оба эти условия, которые я охарактеризую, интересны потому, что они продолжают действовать и до сих пор. Это не только нечто историческое, но и актуальное, что и теперь сохраняет все свое значение.

Прежде всего, несмотря на трогательное название «Антанта»—взаимное согласие,—несмотря на формальный союз, несмотря на Лигу Наций и прочие прекрасные вещи, отношения внутри этого лагеря очень напоминали те отношения между сербами и болгарами, о которых я говорил на одной из

предшествующих лекций. Когда я читал эти лекции свердловцам, то в качестве образчика я приводил роман Пьера Бенуа «Владетельница Ливанского замка»,—авантюрный роман. Иногда авантюрные романы прекрасно рисуют быт. Там изображены взаимоотношения англичан и французов, быт французского офицерства в Сирии, т.-е. там, где происходит сейчас война. На чем вертится этот роман?—На том, что один французский офицер изменил. В чем заключается измена?—В том, что он поступил на службу к англичанам. Видите-ли: двое союзников—англичане и французы, и один из них совершает черную измену тем, что переходит на службу... к кому?—К союзнику,—к Англии. В это время отношения Франции и Англии в колониях превращались в форменную войну. Война шла не из-за России, но она отражалась на отношениях союзников внутри России. В то время как французы убрали войска с северных берегов Черного моря, англичане снарядили Колчака, Юденича, Деникина и бросили их на Россию. Одним словом, согласия между двумя этими сторонами не было.

Но еще более сложный переплет получается, если мы возьмем Сибирь и Дальний Восток. Там главная сила, которая могла бы быть использована как для воссоздания восточного фронта, так и для борьбы с большевизмом, была Япония. Пока речь шла о восстановлении восточного фронта, японцев допускали высаживать сколько угодно солдат на сибирском континенте. Но как только рухнула Германия, американский министр иностранных дел запрашивает японцев: что означает семидесятитысячная японская армия в Сибири, и на каком основании японцы туда пришли? Японцы говорят: мы воюем против большевизма. Да, но 70.000 солдат зачем; достаточно и 8.000. В конце концов, японцы должны были ограничиться одной дивизией. Но этого было еле-еле достаточно, чтобы удержать Владивосток и его окрестности. До какой степени все вертелось на конкуренции Японии с Соединенными Штатами и Англией, видно из факта интронизирования, посажения на престол Колчака. Накануне этого события стоит телеграмма главнокомандующего войсками эсэровской директории Болдырева к японцам с просьбой о помощи. Сегодня он послал телеграмму, а завтра он летит к чорту, при благосклонном содействии представителей Англии, которые в это время находились в Омске.

Это первое условие, которое осудило интервенцию на неудачу. Этим условием было то, что при буржуазном строе никакая Антанта, никакая Лига Наций не может создать такого монолитного целого, которое действовало бы единым фронтом. На короткое время такая спайка может быть, но вы помните, как они обманывали друг друга во время империалистской войны. Теперь вы видите, как это мешало им в интервенции. Надо прибавить к этому кое-какие суб'ективные моменты, вроде того, что Англия вовсе не хотела восстановления единой России, а стремилась добиться раздробления России, в этой связи она не брала тогдашнего Петрограда, хотя имела возможность это сделать, и мешала Юденичу его брать. Посылая орудия на одном пароходе, англичане посылали замки к ним на другом. Это был определенный, явный саботаж; белые говорят, что англичанам ничего не стоило взять тогдашний Петроград, но они этого не делали, потому что взятие Петрограда страшно приблизило бы победу белых. Победа белых означала бы воссоздание единой России, а единая Россия англичанам совсем не была нужна, потому что единая Россия пришла бы с векселем на Константинополь и проливы. Если вы эти подробности припомните, то поймете, почему по самой сути буржуазной политики и буржуазного строя интервенты не могли столковаться. Вот почему такие огромные звери, которые лезли на нас, были нами отбиты, хотя с огромным трудом,—эти звери передрались между собою.

На этом сыграла, и мастерски сыграла, наша дипломатия, т.-е. дипломатия Ленина, ибо внешнюю политику вел он лично.

Это то, что касается отношений между странами интервенции. Но, товарищи, этого мало. Эти страны грызлись между собою и в то же самое время, грызясь между собою, имели врагов внутри себя. Возьмите вы 1919 год: январь,—почти всеобщая забастовка в Англии, причем забастовка углекопов прокатывается по всей стране и за ней следом прокатывается забастовка по всем профессиям и областям. Затем, в июне забастовка текстильщиков, в сентябре всеобщая железнодорожная стачка. И на этом фоне телеграмма Черчиля, который, давая об'яснения, почему англичане очистили Архангельск и Мурманск, откровенно говорит: «Настроение английского общественного мнения, а в особенности рабочих, было таково, что мы вынуждены были отозвать свои войска».

Во Франции, благодаря ее промышленной, сравнительно, отсталости, не было таких всеобщих забастовок, какие были в Англии, но, если вы возьмете 1919 год, то там непрерывный перекат забастовок то в одной профессии, то в другой, то в третьей.

Вот какая перед нами картина; картина, с одной стороны, буржуазного мира, который, в силу того, что он буржуазный, в силу классовых основ капиталистического строя, разделен, грызется между собою, а, с другой стороны, картина рабочего класса, который, не будучи формально об'единен, ибо в это время только завязывался III Интернационал (в конспиративном заседании в феврале 1919 года в Кремле; первый настоящий С'езд Коминтерна был в июле—августе 1920 года), действует дружно, локоть к локтю. Если вы сравните эту солидарность рабочего класса, действующего коллективно, в силу общности интересов, помогающего друг другу, не сговариваясь,—ибо не мы устраивали стачку железнодорожников или углекопов в Англии, а они сами,—а, с другой стороны, коалицию этого грызущегося буржуазного мира, то вы увидите, что это не только история, а это великое обещание и залог будущего. Нас могут постигнуть несчастия, но нужно помнить одно, что раздробленный, разделенный буржуазный мир никогда не одолеет внутренне-связанного и спаянного своими интересами пролетариата, и в конечном счете победа останется за рабочим классом, как это великолепно понимает и сама буржуазия, которая начинает об этом говорить все откровеннее.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие . . . . . 3—6

Лекция 1-ая . . . . . 7—31

Мнение Ленина о внешней политике; как его следует понимать. Самодержавие—аппарат торгового капитализма; противоречит ли диалектике существование в России самодержавия до начала XX в. Историческая диалектика, мелкое производство и торговый капитализм; Китай; пестрота нашего хозяйственного развития (стр. 7—11).

Борьба за торговые пути, как стержень внешней политики царской России с XVII по начало XX в.; отличие этой политики от политики промышленно-капиталистических государств (стр. 11—13).

Ближний и дальний Восток во внешней политике царизма; англо-русский конфликт середины XIX в. и Сибирская жел. дорога (стр. 13—17). Вопрос о незамерзающей гавани и о Манчжурии; «соглашение» с Ли-Хун-Чангом и соглашение с Вильгельмом II; захват Порт-Артура (стр. 17—24). Русско-германский союз на Дальнем Востоке, как основной фактор дальневосточной политики Николая II; личная авантюра этого последнего, ее роль, ее место в истории конфликта и ее влияние на течение этого последнего (стр. 25—29). Роль Соединенных Штатов; столкновение на Дальнем Востоке двух коалиций: Англия—С. Штаты—Япония и Германия—Россия; поражение последней (стр. 29—31).

Лекция 2-ая . . . . . 32—56

Роль промышленного капитала в дальневосточной авантюре; что значит: «русско-японская война б. империалистической войной» (стр. 32—35).

Крушение русско-германского союза и русско-английский договор 1907 г. Его настоящее значение; подготовка русско-германской войны; показания Колчака (стр. 35—39). Основные конфликты, ведшие к войне: англо-германский (стр. 39—41), германо-французский (стр. 41—42), русско-турецкий (стр. 42—43).

Постепенное развертывание этого последнего конфликта, сербско-болгарский союз и балканские войны 1912—1913 гг. (стр. 43—46). Русско-французские и русско-английские военные соглашения (стр. 46—48). Непосредственные причины и непосредственные виновники войны; значение русской мобилизации (стр. 48—52).

Дипломатическая борьба во время войны; как Николай добывал Константинополь; русско-германские переговоры во время войны и влияние их на судьбу Романовых (стр. 52—56).

Лекция 3-ья . . . . . 57—78

Разруха тыла и анти-военные настроения перед февральской революцией; дворцовый переворот, как попытка предупредить революцию; анти-военный смысл этой последней; роль Керенского и Антанты; смысл «Коалиции»; состояние фронта непосредственно после февраля; об'ективный смысл удержания России в войне (стр. 57—68).

Брестский мир; что толкало к миру Германию; Германия и союзники, «военная» и «мирная» партии в самой Германии; план Людендорфа (стр. 68—71). Наша политика во время брестских переговоров; чем она мотивировалась и в чем была ее ошибка; роль украинской рады (стр. 71—73); ген. Гофман и самоопределение национальностей; первый разрыв; вопрос о Стокгольме; вторая Брестская делегация; «не мир—не война»; германский ультиматум (стр. 73—78).

Лекция 4-ая . . . . . 79—95

Ленин и Брестский мир; можно ли было опереться на «союзников»? Вопросник, переданный Робинсу и ответ на него Вильсона (стр. 79—83). Попытка восстановления восточного фронта против большевиков; чехо-словацкое восстание и Комуч (стр. 83—86). Германская революция и угроза «мирового большевизма»; циркуляр Ллойд-Джорджа и переговоры Буллайта (стр. 86—91). Крах переговоров и вооруженная интервенция; причины ее неудачи (стр. 91—95).

А. Николаевъ.

ИСТОРІЯ РУССКАГО КРЕСТЬЯНСТВА

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ

ПОПУЛЯРНЫХЪ ЛЕКЦІЯХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій, 40.
Издательство „ВѢСТНИКА ЗНАНІЯ“
(В. В. Битнера).
1909.

Предисловіе.

Мы наканунѣ пятидесятилѣтія освобожденія крестьянъ отъ к
постной зависимости, событія, равнаго которому по его значенію
всего народа пока еще русская исторія не знаетъ. А между тѣмъ,
сихъ поръ въ нашей литературѣ не имѣется хотя бы въ краткихъ ч
тахъ исторіи крестьянства, какъ отдѣльнаго сословія, которое являе
краеугольнымъ камнемъ всего нашего государства.

А. А. Николаевъ, авторъ многихъ трудовъ въ области обществен
экономической литературы, хорошо извѣстный нашимъ читателямъ,
дался цѣлью восполнить этотъ пробѣлъ, написавъ краткую исторію р
скаго крестьянства въ четырехъ небольшихъ лекціяхъ.

Справедливость требуетъ замѣтить, что задача, которую постав
себѣ авторъ, была въ значительной степени затруднена небольшими р
мѣрами книжки и современными условіями печати, въ силу которы
многіе вопросы нельзя было освѣтить всесторонне, другіе пришл
совсѣмъ обойти молчаніемъ. И если, несмотря на такія тяжелыя усло
мы всетаки рѣшились выпустить настоящую книжку, то это объясняе
увѣренностью, что значительная часть фактовъ, о которыхъ авто
пришлось умолчать, достаточно хорошо извѣстна читателямъ, такъ ка
они являются современниками событій послѣднихъ лѣтъ.

В. Битнеръ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера, Фонтанка, 96.
1909.

Лекція I.

Отъ свободы къ крѣпостной зависимости.

Заселеніе русской равнины и общинное землевладѣніе.

„Тогда какъ на западѣ Европы уже со времени переселенія наро-
въ чуть не каждый клочекъ земли имѣетъ свою межу, своего владѣльца,—
насъ черезъ всю исторію красной нитью проходитъ процессъ разселенія
телей на пустыхъ и никому не принадлежащихъ пространствахъ",—
воритъ въ своихъ „Очеркахъ по исторіи русской культуры" г. Милю-
въ. И если это безграничное обиліе свободныхъ земель наложило свою
чать на всю исторію нашей родины, то на исторію русскаго крестьян-
ва этотъ земельный просторъ долженъ былъ оказать особенно сильное
іяніе.

Вотъ поэтому-то, какъ кажется намъ, исторію русскаго крестьянства
до начинать не съ вопроса о томъ, изъ какихъ племенъ и народностей—
авянъ, финновъ, литовцевъ, татаръ и т. д. — сложилось оно, и также
съ вопроса о томъ, какія причины гнали все новыя и новыя волны
рода на новыя земли: поиски-ли за новымъ счастіемъ, страхъ-ли передъ
чевниками, боязнь-ли религіозныхъ преслѣдованій, распорядительность-ли
авительственныхъ чиновниковъ,—а съ вопроса о „дикомъ полѣ", о без-
аничномъ земельномъ просторѣ и о томъ вліяніи, которыя эта „ничья",
ожья" земля оказала на взгляды, привычки и дѣятельность русскаго
естьянина, взятаго въ массѣ.

Русское крестьянство, то есть земледѣльческое населеніе нашей
дины, врѣзывалось въ это „дикое поле", мало-по-малу, постепенно,
лѣдъ за охотничьими и скотоводными группами, которыя передъ этимъ
поромъ отодвигались все дальше и дальше—туда, куда еще не ступала
одна человѣческая нога.

Но и само крестьянство, самъ русскій земледѣлецъ не сразу обык-
венно становился осѣдлымъ. Онъ самъ предпочиталъ не связывать себя
этомъ безграничномъ просторѣ однимъ постояннымъ мѣстомъ. Пока
зяйство его было несложнымъ, онъ бралъ съ цѣлины рядъ жатвъ, а
мъ со всей своей семьей и со всѣмъ своимъ немудренымъ скарбомъ
нимался съ мѣста и уходилъ искать среди лѣсовъ и болотъ новаго уголка,
торый бы ему приглянулся.

Такъ появилось на „дикомъ полѣ" бродячее, кочевое крестьянство.
нъ, этотъ бродячій земледѣлецъ, среди ничьей, Божьей земли во мно-
мъ опредѣлилъ будущій ходъ исторіи русскаго крестьянства. „Этотъ
ріодъ",—пишетъ г. Качоровскій въ своемъ трудѣ „Русская Община",—
ріодъ въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ „броженія" населенія
редъ тѣмъ, какъ оно окончательно осядетъ на землю,—очень важенъ.
ъ немъ предопредѣляется типъ земледѣлія и землевладѣнія. Во-первыхъ,

уже въ этотъ періодъ опредѣляется, будетъ ли землевладѣніе общинным если бы заселеніе шло постоянно хуторами, а деревни образовывали какъ исключеніе, то этимъ уже почти предопредѣлено было бы въ буд щемъ подворное, а не общинное владѣніе; но и затѣмъ, при разселен деревнями, открывающемъ возможность общиннаго владѣнія, важенъ ти и размѣръ этихъ поселеній, такъ какъ онъ въ будущемъ можетъ имѣ рѣшающее значеніе для дальнѣйшихъ измѣненій въ системѣ земледѣл и формахъ землевладѣнія".

Посмотримъ, какъ же шло это разселеніе на нашей русской ра нинѣ. Вотъ какую картину этого процесса въ общихъ чертахъ дае тотъ же г. Качоровскій.

Русскій крестьянинъ съ самаго перваго своего появленія на „дико полѣ" нашей равнины избѣгалъ селиться въ одиночку, хуторами. Не мнѣнно, что на это было много причинъ: боязно было лихихъ люде страшно было лѣсного звѣря, трудно было пролагать дороги и т. д. какъ бы то ни было, являясь на Божью, ничью землю, русское кр стьянство сразу же стало покрывать ее не обособленными хуторами, отдѣльными деревнями и деревушками. Насколько разрасталось въ отдѣл ности каждое изъ этихъ поселеній, зависѣло отъ тѣхъ условій, въ кот рыя попадала крестьянская работа въ той или другой части нашей ра нины. Если поселокъ заложенъ былъ въ лѣсу, гдѣ почва отличает малымъ плодородіемъ и большимъ разнообразіемъ по своему качеству, г нѣтъ недостатка въ водѣ въ видѣ рѣкъ, рѣчекъ, ручьевъ, озеръ, г наконецъ, на раздѣлку нивы приходится затратить много труда и вложи много удобренія,—тамъ каждая семья старается устроиться поближе своей пашнѣ. Въ степи же, гдѣ почва ровная и вездѣ плодородная, г недостатокъ чувствуется не въ хорошемъ участкѣ подъ пашню, а водѣ, возлѣ которой должно быть поставлено жилье,—тамъ селятся обы новенно большими деревнями.

Но будетъ ли крестьянское населеніе разбросано большими дере нями—по нѣсколько сотъ дворовъ въ каждой, какъ въ губерніяхъ Вор нежской, Самарской, Саратовской, Черниговской, Таврической, или кр шечными деревушками въ какой-нибудь десятокъ дворовъ, какъ губерніяхъ Псковской, Вятскойи Пермской,—важнымъ является то обст тельство, что русское крестьянство всѣми силами стремилось усѣсть на землѣ сообща, а не въ одиночку.

Какое же вліяніе на жизнь и дѣятельность крестьянства могъ ок зать такой способъ разселенія? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, пр смотримся къ тому, какъ могло идти разрастаніе поселка и какъ пр исходило выдѣленіе изъ него новыхъ поселковъ.

Когда нѣсколько семействъ устроятся на облюбованномъ мѣстечк они начинаютъ выбирать для себя въ ближайшей округѣ мѣста, подх дящія подъ пашню и покосъ. Когда всѣ такія мѣста по сосѣдству жильемъ разобраны, то семьи посильнѣе, у которыхъ оказалось и рабо иковъ, и скота побольше, начинаютъ выхватывать изъ „дикаго поля частки подальше отъ ихъ теперешняго жилья и обращаютъ ихъ под пашню или подъ покосъ. Такъ образуются „наѣздныя" заимки. На эти заимкахъ хозяева остаются недѣлю-другую, справляютъ нужную рабо и затѣмъ возвращаются къ себѣ, въ деревню. Мало-по-малу такія н ѣздныя заимки уходятъ все дальше и дальше отъ деревни. Выѣжа туда приходится на долгій срокъ: малую заимку на такомъ большо разстояніи брать не стоитъ, а съ большой скоро не управишься; нуж

ачить, поставить хлѣвъ для скота, какую-нибудь амбарушку, куда рать урожай, какую-нибудь хибарку, гдѣ можно было бы самому рыться отъ непогоды. На такихъ заимкахъ крестьянинъ проводилъ огда цѣлое лѣто, оставляя на ближайшихъ къ деревнѣ поляхъ рабо-ть другихъ членовъ своей семьи. Когда же семья настолько разросталась, о на старомъ пепелищѣ становилось тѣсно, тогда на дальней заимкѣ авилась изба, привозилось полное хозяйство, и на него засаживался ать или взрослый сынъ со своей семьей. Заимка становилась жилой; новому хозяину пристраивался еще новый, и заимка обращалась въ ый поселокъ, починокъ, а починокъ со временемъ становился деревней. ъ заимки къ починку, отъ починка къ деревнѣ, отъ деревни къ новой мкѣ и т. д.—вотъ тотъ путь, по которому шло разселеніе русскаго естьянства всюду, гдѣ въ жизнь его не вторгались никакія посторонніе чины.

Само собою разумѣется, что такое разселеніе свободно и безъ боль-хъ затрудненій происходитъ до тѣхъ поръ, пока „дикое поле", „ничья" ля, находится неподалеку отъ деревни, пока не чувствуется никакого ельнаго утѣсненія и есть, куда податься тому, кто ищетъ свободной ли. Но вотъ всѣ годные для земледѣлія участки разобраны, „дикое е" отодвинулось далеко отъ деревни, и хозяинъ начинаетъ сталки-ться въ заимкахъ со своими сосѣдями. Прежде всего онъ не можетъ ерь объявлять и считать своей землей всякій участокъ, „куда его оръ, коса и соха ходили", какъ раньше. Начинаются споры о гра-ахъ захваченныхъ заимокъ. Кто можетъ тутъ быть судьей? Кто можетъ обрать эти споры такъ, чтобы рѣшенію подчинились обѣ спорящія роны? Очевидно — только собраніе всѣхъ жителей той деревни или ъ деревень, къ которой или къ которымъ принадлежатъ спорщики. ько тутъ всѣ, сообща, они могутъ припомнить, кто и когда захватилъ или другую заимку, когда онъ ее забросилъ, когда къ ней подошелъ ый хозяинъ, какъ онъ ее взялъ, сколько труда онъ вложилъ и почему, конецъ, одинъ долженъ уступить другому. Обыкновенно споръ рѣшался пользу того, кто вложилъ въ этотъ участокъ, въ эту заимку больше да. Подобнымъ же образомъ сообща разрѣшались споры, когда по-ялись разногласія между двумя сосѣдними деревнями.

Разобрать, вспомнить, какъ и когда слагалось владѣніе той или гой заимкой, конечно, легче всего, призвавъ къ участію всѣхъ жите-деревни, изъ которыхъ одинъ вспомнитъ одно, другой подтвердитъ гое, но откуда же у сидящихъ является сознаніе необходимости под-иться этому рѣшенію? Прежде всего, когда по сосѣдству съ какой-будь деревней появится новая деревня или новый починокъ, то старо-лы будутъ указывать новымъ поселенцамъ, чтобы они ходили добывать ѣ заимки вотъ въ ту сторону, „а вотъ въ этой сторонѣ, хотя земля и разобрана, но ея не трогайте, потому что мы хотимъ ее оставить себя, чтобы заняться ею, когда старыя заимки будутъ выпаханы и ользованы". Такимъ образомъ, каждый житель этой старой деревни етъ сказать про свою заимку—это *моя* земля, а про остальную землю, орую деревня оставила про запасъ для себя: это *наша*, деревенская, ля. Ясное дѣло, что этой общей землей они вскорѣ станутъ и поль-аться только съ общаго согласія, потому что всѣ однодеревенцы ьютъ одинаковое право на захватъ этой земли. Но вѣдь, и тѣ старыя мки, про которыя теперь старожилы говорятъ: „моя земля", были ты изъ дикаго поля, изъ „земли ничьей", на которую всѣ пришедшіе

сюда имѣли одинаковое право. Такъ, само собой изъ порядка заселен изъ порядка пользованія землей слагается убѣжденіе въ томъ, что в деревня, вся община имѣетъ право вмѣшиваться въ споры, а потомъ вводить свои порядки на тѣхъ земляхъ, на которыхъ работаютъ чле этой деревни, этой общины. Такъ естественно съ первыхъ шаговъ ис ріи русскаго крестьянина складывалось *общинное землевладѣніе.*

Общинное землевладѣніе было выработано, слѣдовательно, сами русскимъ крестьянствомъ, оно находилось въ строгомъ соотвѣтствіи тѣми условіями, въ которыхъ протекала жизнь русскаго крестьянина, оказало огромное вліяніе на всю дальнѣйшую его исторію.

Демократическія основы общественнаго быта у восточны славянъ.

На первыхъ же шагахъ нашего изложенія намъ необходимо о вориться, что всѣ выводы, которые историческая наука дѣлаетъ о организаціи и устройствѣ русскаго крестьянства въ первые годы е выступленія на историческую арену нашей родины, отличаются больш спорностью, а часто и большой неопредѣленностью. „Въ виду того с стоянія",—читаемъ мы, напр., у большого знатока даннаго вопроса, пр Лаппо-Данилевскаго,—„въ которомъ находятся источники и литерату предмета, трудно въ настоящее время вполнѣ удовлетворительно выясни какъ сложились главные классы русскаго крестьянства, и какимъ об зомъ оне пріобрѣли сословное значеніе. Многіе источники по исто русскихъ крестьянъ, конечно, утрачены; многіе остаются въ рукопися и только часть ихъ, да и то довольно случайно подобранная, извѣст въ печати; отсюда пробѣлы въ нашихъ свѣдѣніяхъ даже о важнѣйши явленіяхъ русской крестьянской жизни въ ея прошломъ... Плохимъ с стояніемъ археографіи предмета отчасти объясняются и тѣ разногла которыя обнаруживаются въ его литературѣ: изслѣдователи исторіи к стьянъ сильно расходятся въ научномъ объясненіи такихъ крупны явленій, какъ возникновеніе крестьянской общины, прикрѣпленіе к стьянъ и др."...

Само собою разумѣется, что при такомъ состояніи ис рической науки картина разселенія русскаго народа и параллельна образованія поземельной общины, набросанная нами на основаніи одн изъ новѣйшихъ работъ, оспаривается другими историками. И если в всѣхъ соотвѣтственныхъ теорій мы отдаемъ предпочтеніе теоріи г. К чоровскаго, такъ это только потому, что эта теорія опирается на фак взятые почти изъ современной жизни и потому зарисованные опытн рукою современныхъ изслѣдователей во всей ихъ дѣйствительной обс новкѣ. Процессъ разселенія русскаго крестьянства, какъ мы видѣл проходитъ красной нитью черезъ всю исторію русскаго народа. Это процессъ затянулся до нашего времени и въ существенныхъ черта оставался неизмѣннымъ все время: то же „дикое поле", то же нехит хозяйство, то же безразличное отношеніе, которое проявляло наше п вительство къ вопросу о формахъ владѣнія, вырабатываемыхъ крестьи ствомъ на участкахъ, имъ занятыхъ. Вотъ что даетъ намъ пр сдѣлать предпочтеніе той теоріи, которую мы изложили въ началѣ э книги. Въ другихъ вопросахъ, касающихся исторіи первыхъ шаго русскаго крестьянства, у насъ уже нѣтъ такой увѣренности, а пото мы ограничимся лишь самыми общими указаніями относительно друг сторонъ быта русскаго крестьянства въ эпоху его образованія.

Мы видѣли, какъ сложилась та область правоотношеній, которая опредѣляется „властью земли“. Это было въ громадномъ большинствѣ случаевъ право общиннаго землевладѣнія на различныхъ ступеняхъ его развитія, въ различной степени его напряженія. Но какъ ни была проста жизнь земледѣльца того времени, она во всякомъ случаѣ не могла исчерпаться только этой стороной взаимныхъ отношеній; внѣ этой области земельныхъ вопросовъ оставались вопросы религіозные, юридическіе, вопросы взаимной защиты и нападенія и такъ далѣе. Какъ же была организована эта сторона гражданскихъ и политическихъ отношеній у крестьянства того времени? Какія типичныя черты должны быть выдвинуты изъ этой области взаимныхъ отношеній,—черты, которыя какъ же сильно давали бы чувствовать себя въ послѣдующей исторіи крестьянства, какъ и общинное землевладѣніе?

Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны прежде всего указать, что въ первое время своего существованія русское крестьянство отнюдь не представляло какой-либо обособленной общественной группы. „Крестьяне-пахари“, — пишетъ проф. Бѣляевъ, — „не составляли въ древности отдѣльнаго сословія и не носили какого-либо особаго имени; весь народъ занимался земледѣліемъ, торговлею и другими промыслами, каждый членъ русскаго общества, смотря по своимъ средствамъ и способностямъ и соображаясь со временемъ года и мѣстомъ жительства, то воздѣлывалъ землю, то ходилъ въ лѣсъ для звѣриныхъ промысловъ, то по рѣкамъ и озерамъ ловилъ рыбу, то торговалъ своими или купленными произведеніями... По нашимъ лѣтописямъ, и горожане, и сельчане одинаково занимались земледѣліемъ и другими промыслами; такъ, Ольга говоритъ осажденнымъ коростенцамъ: „а вси гради ваши придашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлаютъ нивы своя и земли своя.“ (Лавр. лѣт. 25)... Если новыя мѣста на дикомъ лѣсѣ, куда выдвигались колонисты изъ старыхъ городовъ и селъ, были уже заняты какимъ-либо инопеплеменнымъ населеніемъ, финскимъ или латышскимъ, которое нужно было оттѣснить, отъ котораго приходилось обороняться, то русскій земледѣлецъ—крестьянинъ принималъ на себя характеръ частью земледѣльца, частью воина, казака, повольника. Но и здѣсь еще не было зародыша условій: казакъ повольникъ до тѣхъ поръ только былъ казакомъ и повольникомъ, пока было съ кѣмъ бороться; но прекращалась борьба, земцы-иноплеменники или удалялись, или сливались съ русскими колонистами, и казакъ и повольникъ обращался въ мирнаго земледѣльца и промышленника“.

Ясно, что при такихъ условіяхъ все общество являлось устроенным на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ... Что же представлялъ собою русскій народъ на зарѣ своей исторіи въ гражданскомъ и политическомъ отношеніяхъ? Къ сожалѣнію, историческая наука не даетъ о этомъ отношеніи сколько-нибудь согласованнаго отвѣта. Одни, съ С. М. Соловьевымъ во главѣ, доказываютъ, что первоначальное общественное устройство славянскихъ племенъ, заложившихъ основаніе русскому государству, представляло не что иное, какъ развитіе родового быта; другіе, съ легкой руки К. С. Аксакова, доказываютъ, напротивъ, что общественное устройство славянъ того времени было не чѣмъ инымъ, какъ союзомъ въ высокой степени самостоятельныхъ отдѣльныхъ единицъ. Сколько блестящихъ поправокъ (см., напр., теорія родового быта въ переработкѣ А. И. Никитскаго или теорія общиннаго быта въ переработкѣ Ѳ. И. Леонтовича) ни вносилось въ обѣ эти теоріи, сколько ни

работала по этимъ вопросамъ русская историческая мысль, но споръ такъ и остался не разрѣшеннымъ до настоящаго времени. Слѣдовательно, сколько-нибудь точнаго отвѣта объ общественной организаціи нашего крестьянства того времени дать мы не можемъ. Одно только несомнѣнно признается всѣми выдающимися историками,—это именно крайняя демократичность общественнаго быта тогдашняго крестьянства. Достаточно для нашей цѣли сослаться хотя бы на тѣ факты и соображенія, которые выдвинуты двумя выдающимися представителями двухъ названныхъ теорій общественнаго быта восточныхъ славянъ — основателей русскаго государства. „Въ лѣтописи",—пишетъ К. С. Аксаковъ,—„встрѣчаемъ ряд политическихъ событій, въ которыхъ принимаетъ участіе вся земля, весь народъ. Въ договорахъ съ греками посольство правится отъ великаго князя, князей, бояръ, купцовъ и всей земли... Въ разсказѣ объ отношеніяхъ Игоря къ древлянской землѣ выступаютъ всѣ древляне, вся древлянская земля... Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ дальнѣйшемъ повѣствованіи выступаетъ кіевское вѣче, заявляющее князьямъ свою самостоятельную волю... дѣйствуютъ „всѣ кіяне", собраніе всѣхъ безъ различія свободныхъ людей... Наконецъ, кромѣ отдѣльныхъ конкретныхъ фактовъ, лѣтопись даетъ намъ и общее наблюденіе: „Новгородци бо изначала, и Смолняне и Кыяне, и Полочане, и вся власти (т. е. волости земли), якоже на думу, на вѣча сходятся"... Со своей стороны С. М. Соловьевъ такимъ образомъ очерчиваетъ демократическія начала славянъ того времени: „Старшій имѣлъ обязанность блюсти выгоды рода, думать и гадать объ этомъ, имѣть всѣхъ родичей, какъ душу; права его состояли въ уваженіи, которое оказывали ему, какъ старшему; къ нему относились во всѣхъ дѣлахъ, касающихся рода; безъ его вѣдома и согласія ничего не дѣлалось: онъ былъ распорядителемъ занятій, раздавателемъ пищи и одежды, онъ судилъ и наказывалъ... Но всѣ эти распоряженія получали силу только при общемъ согласіи, когда всѣ видѣли, что старшій поступаетъ съ ними, какъ отецъ, наблюдаетъ строгую справедливость; власть старшаго основывалась на согласіи младшихъ; это согласіе было для старшаго единственнымъ средствомъ къ дѣятельности, къ обнаруженію своей власти, вслѣдствіе чего младшіе были совершенно обезпечены отъ насилій старшаго, могущаго дѣйствовать только черезъ нихъ"...

Такимъ образомъ, можно считать дѣйствительно доказаннымъ, что крайняя демократичность являлась одной изъ главнѣйшихъ основъ общественнаго быта крестьянства того времени.

Итакъ, мы можемъ сказать, что въ историческомъ багажѣ русскаго крестьянства къ тому времени, когда оно выступило на историческую арену своей родины, были два великихъ навыка: *привычка къ общинному землевладѣнію* и *привычка къ демократическому устройству общества*...

Выдѣленіе крестьянскаго сословія.

Но это была демократія стараго типа: демократія, которая устанавливала равенство по отношенію къ своимъ и допускала самое грубое нарушеніе равенства, включительно до рабства, по отношенію къ чужимъ. И восточные славяне долгое время пользовались институтомъ рабства. Рабы должны были составлять значительную часть славянскаго населенія уже по одному тому, что они служили предметомъ оживленнаго торга. Такъ, греческіе и арабскіе писатели сохранили воспоминаніе о том

что русскіе-славяне торговали рабами не только въ Греціи, но и въ Западной Европѣ.

Рабъ былъ лишенъ всѣхъ гражданскихъ правъ; онъ былъ просто вещью, принадлежавшей хозяину. Несмотря на это, съ рабами обращались, повидимому, довольно мягко; во многихъ мѣстахъ (у задунайскихъ славянъ) рабъ, по прошествіи извѣстнаго срока, отпускался даже на волю за опредѣленный выкупъ; одинъ изъ арабскихъ писателей IX—X в.в. подтверждаетъ, что и „руссы" также хорошо обращались со своими рабами.

Къ этой природной мягкости славянскаго характера необходимо прибавить еще и смягчающее вліяніе христіанскаго ученія, которое начало все больше и больше распространяться среди восточнаго славянства и должно было оказать свое дѣйствіе въ первые періоды русской законодательной мысли. По крайней мѣрѣ, этому вліянію можно приписать появленіе въ послѣднихъ редакціяхъ Русской Правды статей, которыя или ограничивали источники рабства, или указывали условія, при которыхъ прекращалась рабская зависимость. Но тѣмъ не менѣе рабъ всетаки оставался рабомъ, и, слѣдовательно, уже въ первыя столѣтія существованія русскаго славянства внизъ отъ массы свободнаго пахаря-славянина отдѣлился слой зависимыхъ и обездоленныхъ людей. Однако этотъ слой не былъ рѣзко ограниченъ отъ свободнаго населенія русской равнины. Напротивъ, онъ былъ связанъ со свободнымъ славянствомъ цѣлымъ рядомъ переходныхъ формъ и ступеней. Это было очень важное условіе, которое давало одно изъ направленій для дальнѣйшаго развитія русскаго крестьянства. „Благодаря существованію такихъ переходныхъ ступеней",—пишетъ г. Лаппо-Данилевскій,—„человѣкъ, терявшій свободу, могъ превратиться въ полусвободнаго, а не полнаго холопа; но тѣмъ самымъ, съ теченіемъ времени, стало возможнымъ и превращеніе свободнаго крестьянина въ крѣпостнаго человѣка, процессъ, столь пагубно отразившійся на крестьянской волѣ XVI—XVII в.в.".

Если книзу отъ свободнаго родового пахаря-славянина отдѣлился слой рабовъ, то кверху отъ него начали скопляться тѣ, которые, благодаря-ли своему уму, или удачливости, или особой беззастѣнчивости, сумѣли создать себѣ лучшее общественное положеніе, чѣмъ всѣ остальные. Выдѣленіе и накопленіе этихъ „лучшихъ людей" началось опять-таки съ первыхъ вѣковъ русской исторіи. Такъ,—указываетъ проф. Бѣляевъ, — Несторъ, разказывая о посольствахъ древлянъ къ Ольгѣ, въ одномъ случаѣ говоритъ: „и послаше Древляне лучшіе мужи, числомъ двадесять, въ ладьи къ Ользѣ", а въ другомъ: „древляне избраша лучшіе мужи, иже держаху Деревскую землю, и послаша по ню". Очень быстро это различіе, по крайней мѣрѣ, въ имущественномъ отношеніи достигаетъ весьма значительныхъ размѣровъ. „Такъ",—пишетъ проф. Бѣляевъ,—„въ 1018 году, во время сборовъ Ярослава Новгородскаго въ походъ на Святополка, новгородцы, собиравшіе деньги для найма варяговъ, уже ясно не составляли сплошной безразличной массы, но дѣлились на простолюдиновъ и бояръ; въ лѣтописи сказано. „начаша скотъ сбирати отъ мужа по 4 куны, отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ". Это страшное различіе въ сборѣ денегъ по общественной раскладкѣ съ одного класса по 18 гривенъ, а съ другого по 4 куны, т. е. въ 135 разъ меньше, показываетъ сильное различіе и въ общественномъ значеніи и въ зажиточности того и другого класса"...

Къ этой мѣстной аристократіи надо прибавить еще аристократію

служилую, которая также очень быстро стала выдѣляться изъ общей массы земледѣльческаго славянства. Это были „княжьи мужьи“, люди, находившіеся на службѣ въ дружинѣ у князя. По самому своему положенію, по самой близости къ князю, они выдѣлялись уже изъ общей толпы, законъ очень быстро начинаетъ отличать ихъ и особенными правами, и особой защитой. По „Русской Правдѣ“, напримѣръ, за „убійство въ разбоѣ“ людина—рядового жителя—платили виру вдвое меньше, чѣмъ за убійство мужа, находившагося на службѣ у князя. Само собою разумѣется, что многіе изъ этихъ дружинниковъ во время походовъ и сбора дани сумѣли также сколотить себѣ порядочный капиталецъ, и это ихъ, конечно, сближало съ „лучшими мужами“ изъ туземнаго населенія. Такъ появились зачатки привилегированнаго сословія.

Какъ же отразилось такое появленіе привилегированнаго класса на рядовомъ пахарѣ?—Прежде всего его роль въ общественной жизни значительно понизилась. Это видно уже изъ того, что высшіе классы всѣми силами стараются всячески отъ него отмежеваться. Разъ есть „лучшіе мужи,“ то должны быть и „меньшіе мужи“,—меньшіе не по возрасту, а по своему общественному положенію. Было время, когда все свободное населеніе называлось „мужами“. Теперь считается уже не удобнымъ прилагать это имя безразлично ко всѣмъ свободнымъ людямъ. Теперь уже есть, такъ сказать, не полные мужи, уменьшенные мужи, не „мужи“, а „мужики“. И этотъ самый уменьшенный терминъ, приложенный къ свободному хлѣбопашцу, явно свидѣтельствуетъ объ уменьшенномъ положеніи въ обществѣ и самого хлѣбопашца. Этотъ „мужикъ“ во многихъ случаяхъ сталъ называться „крестьяниномъ“, „христіаниномъ“, какъ онъ самъ, вѣроятно, выдѣлялъ себя въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ему пришлось соприкасаться съ языческимъ населеніемъ. Къ этому „мужику“ все чаще и чаще въ нашихъ законодательныхъ памятникахъ стали примѣнять терминъ „смердъ“, которымъ раньше обозначалось, вообще, сельское населеніе. Все это указываетъ на ту настойчивость, съ которой привилегированные классы, одни только и имѣвшіе какое-либо отношеніе къ письменнымъ памятникамъ, старались отмежеваться отъ уменьшеннаго мужа, „мужика“.

Правда, прямыхъ указаній относительно преуменьшеній правъ мужика-смерда сначала въ нашемъ законодательствѣ какъ будто не замѣчается, ибо это преуменьшеніе было въ то время скорѣе дѣломъ факта, чѣмъ дѣломъ права. Въ самомъ дѣлѣ, по „Русской Правдѣ“, за убійство смерда, повидимому, взималась вира; смерда никто не могъ наказывать безъ „княжья слова“, т. е. безъ суда; у смерда было свое собственное имущество и т. д. Однимъ словомъ, „Русская Правда“ признаетъ за смердомъ какъ личныя, такъ и имущественныя права въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ это дѣлается ею по отношенію къ каждому свободному человѣку.

И тѣмъ не менѣе, въ той же „Русской Правдѣ“ можно подмѣтить глухія и отдаленныя указанія относительно того, что „мужику“, дѣйствительно, пришлось уже ощущать значительное и неблагопріятное для него давленіе со стороны „лучшихъ“, болѣе сильныхъ людей. Особенно это давленіе сказывалось, конечно, на тѣхъ „мужикахъ“, на тѣхъ смердахъ, которымъ пришлось осѣсть на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, въ большинствѣ случаевъ тѣхъ „мужей“, которые нашими лѣтописями называются „лучшими“. Такіе смерды—крестьяне получили въ „Русской Правдѣ“ названіе „*ролейныхъ закуповъ*“. Эти закупы жили и работали на

ужой землѣ и очень часто хозяйскимъ инвентаремъ. Само собою разу-
ѣется, что такая форма хозяйствованія ставила ролейныхъ закуповъ въ
есьма зависимое положеніе отъ господина и этимъ самымъ открывала еще
ольше возможности производить давленіе на крестьянина-арендатора. Въ
акую же сторону было направлено это давленіе особенно явно и особенно
астойчиво? Очевидно, въ ту сторону, съ которой „Русская Правда“ по-
ыталась возвести преграду вожделѣніямъ хозяевъ. Что же мы видимъ
ъ этомъ отношеніи въ „Русской Правдѣ“?

Прежде всего „Русская Правда“ напоминаетъ лучшимъ людямъ о
омъ, что ролейные закупы не должны смѣшиваться съ рабами. Она
рямо говоритъ, что за обиду закупа должна быть назначена такая же
еня, какъ за свободнаго человѣка: „якоже въ свободномъ платежъ и
ъ закупѣ“. Она открыто напоминала дальше о гражданской личности
акупа, разрѣшая вызывать его въ качествѣ свидѣтеля въ малозначи-
ельныхъ случаяхъ. Она разрѣшала ему, какъ свободному человѣку, за-
щищать себя отъ обидъ судомъ, даже противъ своего господина. Она
апоминала объ его правѣ отходить отъ своего господина, выплативши
анятыя деньги или разсчитавшись по заключеннымъ обязательствамъ...
ля чего же законодателю представлялось необходимымъ произвести всѣ
ти напоминанія, выдѣлить особо всѣ эти права ролейныхъ закуповъ?
чевидно, не безъ основанія. Очевидно, потому, что именно въ этомъ на-
равленіи „лучшіе мужи“ особенно настойчиво вели свою линію; потому,
то въ этой сферѣ особенно часто производились правонарушенія, осо-
енно открыто производились насилія „лучшихъ мужей“ надъ смердами,
отя бы попавшими въ особое отношеніе къ хозяевамъ. Эти соображенія
окончательно подтверждаются угрозой законодателя. „Господинъ“,—ука-
ываетъ проф. Бѣляевъ,—„осмѣлившійся продать закупа или заложить
ъ рабы, не только лишался своихъ правъ на закупа, но даже терялъ
раво и на тѣ деньги, по которымъ закупъ вступилъ къ нему въ закупы
сверхъ того, долженъ былъ заплатить закупу за обиду 12 гривенъ,
амую большую неуголовную пеню по „Русской Правдѣ“: „продастъ ли
осподинъ закупа обѣль, то наймиту свобода во всѣхъ кунахъ, а госпо-
дину за обиду платити 12 гривенъ продажѣ“...

Но защита „Русской Правдой“ крестьянства все же была недо-
таточно внимательной. Русское законодательство того времени все же
ставляло много неяснаго въ отношеніяхъ между „мужикомъ“ и „луч-
шими мужами“. Этими неясностями и должны были воспользоваться
а первыхъ порахъ люди болѣе состоятельные, люди болѣе капиталь-
ные. Такъ законодательство того времени неясно отличаетъ *закуповъ
олейныхъ* отъ *закуповъ неролейныхъ*, то есть положеніе арендато-
овъ-крестьянъ неясно отдѣлено отъ положенія лицъ, продавшихъ
ебя въ рабы; и вообще „Русская Правда“ слишкомъ мало позаботилась
томъ, чтобы состояніе смерда было точно опредѣлено по закону.
е трудно поэтому понять, какая огромная брешь для всякаго свое-
олія надъ „мужикомъ“ со стороны „лучшихъ людей“ была пробита
ъ XII вѣку.

Отграниченіе свободнаго пахаря въ крестьянское сословіе про-
сходило, однако, не только со стороны капитала, но и съ другихъ
оронъ,—по крайней мѣрѣ, еще двухъ сторонъ.

Такъ сельское населеніе въ лицѣ своихъ „меньшихъ мужей“ все
ольше и больше начало отграничиваться отъ населенія городского.
то обстоятельство опредѣлялось, конечно, тѣмъ, что по мѣрѣ развитія

народнаго хозяйства, самый типъ горожанина началъ измѣняться, разница между „смердомъ“—землевладѣльцемъ и купцомъ—„гостемъ и по общественному положенію, и по общественнымъ интересамъ все больше и больше увеличивается. Это различіе начинаетъ мало-по-малу все чаще и чаще подчеркиваться и въ письменныхъ памятникахъ, въ правительственныхъ актахъ. Такъ, напр., въ 1289 году крестьяне за неповиновеніе князю были обложены разными натуральными сборами „со всякаго ста“; „горожане“ были обозначены при этомъ отдѣльно, и штрафъ имъ былъ назначенъ деньгами. Мало-по-малу различіе оказалось настолько значительнымъ, что въ вѣчевыхъ собраніяхъ города смерды-крестьяне перестали принимать участіе, и пригородам приходилось принимать то, что „старѣйшіе сдумаютъ“.

Все это выдѣленіе „меньшихъ мужей“ въ отдѣльную общественную группу еще больше закрѣплялось тѣмъ, что это сельское населеніе, что эти родовые пахари, какъ видно изъ той же „Русской Правды“, имѣли уже въ то время своихъ особыхъ старостъ, то есть обладали своимъ обособленнымъ управленіемъ.

Вотъ тѣ черты, которыя особенно бросаются въ глаза въ затяжномъ, мало отчетливомъ и плохо обрисованномъ въ памятникахъ процессѣ выдѣленія крестьянства, какъ обособленной общественной группы.

Въ заключеніе я считаю полезнымъ привести то резюме, которое дѣлаетъ проф. Лаппо-Данилевскій по отношенію къ только что рассмотрѣнному періоду:

„Въ древній періодъ нашей исторіи“, — говоритъ онъ,—„зарождается тотъ порядокъ общественныхъ отношеній, который получил дальнѣйшее развитіе и опредѣлился въ московскомъ государствѣ. Из безсословнаго русскаго населенія уже выдѣлились холопы, и стал выдѣляться низшій слой свободныхъ людей, вѣроятно, сидѣвших частью на своихъ, частью и на чужихъ земляхъ и фактически не сколько отличавшихся отъ другихъ слоевъ родомъ своихъ занятій Между рабствомъ и сельскимъ состояніемъ уже обнаружилось нѣкоторое сближеніе: въ рабствѣ появились градаціи, сглаживавшія различ между нѣкоторыми видами холоповъ и свободными сельскими жит лями; а среди послѣднихъ обозначились такіе разряды, какъ ролейны закупы, при извѣстныхъ условіяхъ превращавшіеся въ холоповъ. Сам смерды продолжали еще оставаться свободными и соединялись в особаго рода организованные союзы, но теряли политическое значен вмѣстѣ съ тѣмъ права ихъ были слишкомъ мало обезпечены законом закрѣпившимъ ихъ приниженное положеніе въ обществѣ, и имъ уг грозила зависимость отъ землевладѣльцевъ, къ которой начинало пр выкать правительство“...

Аграрная политика первыхъ князей.

Не трудно видѣть, что для наличности того процесса, который нами только что описанъ, на аренѣ русской исторіи долженъ был появиться новый факторъ—частный землевладѣлецъ. Этотъ частны землевладѣлецъ выдвинулся изъ числа „лучшихъ мужей“ и тотчасъ ж какъ мы видѣли, началъ орудовать надъ мужикомъ въ той его част которая попадала на его частновладѣльческую землю. Не надо забыват однако, что ролейные закупы все же не могли представлять преобл дающее явленіе русской жизни, что основной процессъ состоялъ в

установленіи не арендаторскихъ отношеній, а общиннаго землевладѣнія. Этотъ арендаторскій процессъ, судьбы этихъ ролейныхъ закуповъ давали лишь намекъ о томъ направленіи, по которому могла пойти исторія русскаго крестьянства.

Первоначальная слабость этого процесса невольно бросается въ глаза при первомъ соприкосновеніи съ памятниками того времени. Законодательство какъ-то вяло и неопредѣленно относится къ вожделѣніямъ, направленнымъ у частныхъ владѣльцевъ къ закрѣпощенію своихъ арендаторовъ. Съ одной стороны, оно ставитъ ихъ жадности извѣстный предѣлъ, съ другой—оно оставляетъ большой просторъ ко всякаго рода злоупотребленіямъ въ этомъ отношеніи, не заботясь о сколько-нибудь точномъ опредѣленіи правового положенія крестьянина-смерда. Оно, въ концѣ концовъ, не беретъ окончательно подъ свое покровительство ни ту, ни другую сторону. Чувствуется, что „сферы", которыя кристаллизуются вокругъ князя и имѣютъ непосредственное вліяніе на ближайшій ходъ законодательства, сравнительно мало интересуются аграрнымъ вопросомъ. „Пока", —пишетъ г. Энгельманъ,— „князья со своими дружинами вели воинственную жизнь странствующихъ варяжскихъ витязей и переходили съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за лучшими и богатѣйшими княжествами, стараясь, въ концѣ концовъ, захватить кіевскій великокняжескій столъ, до тѣхъ поръ они мало заботились о пріобрѣтеніи земельной собственности". До тѣхъ поръ они и не вели своей собственной аграрной политики. Это отдѣленіе князя съ его дружиной отъ землевладѣнія было такъ велико, что великій Новгородъ клалъ это отдѣленіе краеугольнымъ камнемъ своихъ договоровъ съ княземъ. Какъ извѣстно, избранный Великимъ Новгородомъ князь и княжьи мужи не только не получали въ собственность и одного клочка новгородской территоріи, но еще обязывались и не пріобрѣтать земель въ Новгородской области и на свои средства. И никому подобное ограниченіе страннымъ не казалось: князья и ихъ дружины, какъ сказано, очень долгое время и сами не интересовались землей. Война и набѣги—вотъ были пока главные источники ихъ богащенія. „Оже пойдемъ къ Новугородку", разсуждаютъ южные князья, „а тамъ уже татарове извоевали все, пойдемъ гдѣ къ цѣлому ѣсту"... Вотъ куда устремлялись помыслы первыхъ нашихъ князей, для того, чтобы они обратили свое вниманіе на земли своихъ княженій, для того, чтобы они захотѣли сами стать землевладѣльцами, для того, чтобы они облюбовали для себя хоть самую примитивную аграрную политику, въ жизни русскаго края должны были произойти серьезныя соціальныя измѣненія.

Только тогда, когда число князей сильно размножилось, когда передвиженіе изъ одного удѣла въ другой становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ,—русскіе князья стали обращать на землю своей области все больше и больше вниманія. Если русская жизнь не выработала къ данному моменту подходящей для князя формулы, то эту формулу принесли съ собою монгольскія орды изъ глубины азіатскихъ степей. „У монголовъ",—читаемъ мы у г. И. Энгельмана,— „дѣйствовало правило: вся земля принадлежитъ хану--царю, всѣ подданные—его рабы, и тотъ, кто владѣетъ землею, получаетъ ее отъ царя для того, чтобы служить царю—живому воплощенію государства"... Это-то міровоззрѣніе мало-по-малу и впиталось во взгляды и отношенія великихъ московскихъ князей, а оттуда пошло гулять и по всей

Руси. Само собою разумѣется, что оно много способствовало том что князья въ большинствѣ случаевъ стали на мѣстахъ самыми кру ными землевладѣльцами, что они почувствовали не только необход мость, но и право вмѣшиваться въ земельныя отношенія своихъ по данныхъ.

То же татарское иго давало еще одинъ толчокъ правительства удѣльныхъ князей въ сторону аграрной политики. До появленія тата князья собирали со своихъ подданныхъ извѣстную дань; но дань э почти нигдѣ не отличалась ни большой правильностью, ни больши постоянствомъ. Татары въ этомъ отношеніи повели свое хозяйство иную ногу. „Это видно",—пишетъ г. Милюковъ,—„изъ того, что д взиманія татарской „дани" потребовалось вновь привести въ извѣс ность количество плательщиковъ. Два раза въ XIV в. татары пр изводили общія переписи и поставили платежное населеніе подъ на зоръ собственныхъ чиновниковъ. Когда же въ XIV вѣкѣ сборъ тата ской дани перешелъ въ руки князей,—князья унаслѣдовали и вв денную татарами финансовую администрацію. Теперь уже самому ру скому правительству приходилось сбирать подати для татаръ въ опр дѣленномъ и значительномъ количествѣ и отвѣчать передъ ордой правильное поступленіе сбора".

Такимъ образомъ русскіе князья должны были стать лицомъ лицу съ сельскимъ населеніемъ не только потому, что они сами сд лались крупными землевладѣльцами, не только потому, что они усвои отъ татаръ идею верховенства надъ своей территоріей, но и потом что они сдѣлались отвѣтственными агентами за все населеніе пере огромной и страшной посторонней силой.

Однако, была и еще одна причина, которая заставляла прав тельства удѣльныхъ русскихъ князей все больше и больше пуска корни въ область аграрныхъ отношеній. Это именно процессы „соб ранія земли русской".

„Русское государство, какъ извѣстно, первоначально образовало не завоеваніемъ",—думаетъ проф. Бѣляевъ. Но это въ сущности н вѣрно. Процессъ „собиранія земли" нельзя ничѣмъ инымъ считат какъ процессомъ завоевательнымъ. Вспомните хотя бы въ самы общихъ чертахъ исторію отношеній великаго князя Ивана Васильеви къ Новгороду. Послѣ того, какъ вѣчевой порядокъ былъ разруше въ 1477 году, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ Новгородъ былъ оставле въ покоѣ. Но это была особая политика: дать успокоиться народу д того, чтобы вѣрнѣе и спокойнѣе впослѣдствіи продолжать свое дѣл И, дѣйствительно, вскорѣ къ Новгороду начинаетъ настойчиво прим няться завоевателемъ глубоко продуманная система: выводъ новгоро цевъ изъ новгородской волости въ Москву и водвореніе на ихъ м стахъ новыхъ московскихъ людей. „Начало такому сліянію Новгоро съ Москвой",—пишетъ проф. Сергѣевичъ,—„Иванъ Васильевичъ и п ложилъ въ 1484 году. Мѣра рѣшительная, и осуществлена она бы въ большихъ размѣрахъ. Въ 1484 году было выведено изъ Новгоро болѣе семи тысячъ житьихъ людей. Да кромѣ того, государевъ нам стникъ Яковъ Захарьичъ многихъ еще пересѣкъ и перевѣшалъ: нихъ пало подозрѣніе въ желаніи убить его. Въ 1489 году послѣд валъ новый выводъ новгородскихъ бояръ, житьихъ людей и гостей; этомъ году перевели въ Москву болѣе тысячи человѣкъ. Имъ да помѣстья въ Володимірѣ, Муромѣ, Нижнемъ, въ Ростовѣ и других

ородахъ"... Однимъ словомъ, этотъ завоевательный процессъ „собиранія земли русской" затрагивалъ самымъ существеннымъ образомъ землевладѣніе древней Руси. Надо замѣтить при этомъ, что тѣ измѣненія, которыя онъ несъ съ собой, касались не однихъ высшихъ классовъ общества. Нѣтъ, изъ писцовыхъ книгъ того времени мы видимъ, что предпринятыя Иваномъ Васильевичемъ мѣры касались, вообще, всѣхъ новгородскихъ своеземцевъ. А между тѣмъ, „послѣдніе новгородскіе своеземцы представляютъ чрезвычайно широкій классъ, который внизу начинается крестьянами-собственниками и восходитъ до людей, могущихъ жить доходами съ своихъ земель, не прикладывая къ нимъ собственныхъ рукъ", какъ указываетъ проф. Сергѣевичъ.

Такимъ образомъ въ аграрную политику правительства того времени вплетаются не только элементы экономическихъ расчетовъ, но и элементы серьезныхъ политическихъ задачъ... И однако, несмотря на всю силу этихъ мотивовъ, которые заставляли правительство хорошенько заняться аграрнымъ вопросомъ, войти въ жизнь землевладѣльца и земледѣльца, внести въ нее новыя начала, болѣе соотвѣтствующія интересамъ государства, и повернуть стихійный процессъ завоеванія человѣкомъ „дикаго" поля въ ту или другую сторону,—несмотря на все это, правительство не сумѣло сколько-нибудь глубоко затронуть народную жизнь, стать самостоятельнымъ творческимъ началомъ, которое перестраиваетъ основы народнаго міросозерцанія.

Посмотримъ, напр., въ какомъ видѣ дошли до народныхъ массъ такія важныя финансовыя мѣропріятія, какъ уплата огромной татарской дани; повліяли ли эти мѣропріятія на формы землевладѣнія и внутреннихъ распорядковъ общинной жизни? Отнюдь нѣтъ! Напротивъ, правительство поспѣшило воспользоваться этой готовой формой общежитія. Оно пріурочило общину къ фискальнымъ цѣлямъ, къ цѣлямъ собранія дани, установивъ при помощи ея круговую поруку.

То же самое пассивное отношеніе правительства къ формамъ жизни, которыя вырабатывалъ трудовой народъ, проявлялось во всѣхъ сношеніяхъ правительства съ земледѣльцемъ. Выступалъ-ли великій князь и правительство въ качествѣ крупнаго земледѣльца, строгаго завоевателя, или осторожнаго охранителя степныхъ границъ, или рѣшителя трудныхъ финансовой задачи,—вездѣ правительственные акты касались только поверхности народной жизни, не затрагивая основъ его міровоззрѣнія.

Чѣмъ же можетъ быть объяснено такое положеніе вещей? Прекрасный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ г. Качоровскій въ своей работѣ „Народное Право".

„*Страна наша велика и обильна, но порядку въ ней нѣтъ:* если поставить вмѣсто „порядка" болѣе общее и точное выраженіе *культуры въ ней нѣтъ*, то мы получимъ форму, не только вѣрную въ общемъ до сихъ поръ, какъ и тысячу лѣтъ назадъ, но въ которой обобщены *основныя особенности* какъ прошлаго и настоящаго, такъ, очевидно, и ближайшаго будущаго Россіи... Великость страны, огромность территоріи означала и означаетъ крайнюю рѣдкость населенія по сравненію съ остальными культурными странами (эта разрѣженность населенія долго искусственно поддерживалась въ Россіи азіатскими разгромами, частью и западными нападеніями, сметавшими съ лица земли цѣлыя поколенія). Эта рѣдкость населенія (въ связи съ зависящей отчасти отъ нея же трудностью путей сообщенія) обусловливала и обусловливаетъ необщенность его: само населеніе разобщено область отъ области, все

оно разобщено съ Западомъ и съ просачивающейся оттуда культуро разобщено и съ „собиравшей землю“ властью и *съ ея законодательн административнымъ воздѣйствіемъ* (курсивъ нашъ)“... И затѣ дальше: „хотя въ процессѣ безпрерывной внутренней и внѣшней войн изъ однороднаго, сравнительно, общинно-родового быта и выдѣлили группы завоевателей и поднялись высоко надъ трудовыми массами вершину экономической и политической власти, но эти верхи почти окультурились (развѣ чисто внѣшне и технически, преимущественно военной и полицейской техникѣ), почти не создалась между ними и на шими трудовыми массами цементирующая прослойка культурныхъ сре нихъ слоевъ. И вотъ, благодаря тому, что у этихъ верховъ такъ сла и элементарна была собственная культура, и тому, что ихъ отдѣля отъ низовъ такая глубокая пропасть, эти низы такъ и остались пр томъ „первобытномъ“ строѣ, въ томъ союзно-трудовомъ бытѣ, котор сложился у нихъ самостоятельно первоначально“...

Эти соображенія, высказанныя г. Качоровскимъ, вполнѣ оправд ваются историческими фактами, и потому справедливость ихъ можно сч тать безспорной.

Частное землевладѣніе удѣльной Руси.

И, въ самомъ дѣлѣ, изъ кого же могла состоять эта болѣе кул турная прослойка, черезъ которую правительство могло бы воздѣйств вать на бытъ и нравы огромнаго, разбросаннаго среди лѣсовъ и боло крестьянскаго населенія?

Своей собственной бюрократіей государство еще не обладало. Оче долгое время всѣ отношенія его къ крестьянамъ-смердамъ исчерпывали простымъ сборомъ дани, который не только не давалъ возможности уст новить сколько-нибудь тѣсныя и постоянныя отношенія между пра тельствомъ и земледѣльческимъ населеніемъ, но не располагалъ даже къ сближенію. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить пр цессъ собиранія дани. „Съ наступленіемъ зимнихъ холодовъ,—разска ваетъ Константинъ Багрянородный,—„Русь, т. е. князь съ его дружин отправляется изъ Кіева по подвластнымъ ей славянскимъ племенамъ сборомъ дани, рѣдко состоявшей изъ денежныхъ платежей, а слагавшей по преимуществу изъ натуральныхъ продуктовъ, какими особенно из биловала страна: мѣховъ, меду и воску. Вся зима проходила въ это трудномъ, подчасъ и опасномъ путешествіи. Весной князь съ дружин возвращались въ Кіевъ съ собранной данью. Къ этому времени пр готовлялись лодки, которыя оснащивались, нагружались всѣмъ тѣмъ, ч было собрано въ видѣ дани, и затѣмъ обширный торговый караванъ вооруженныхъ купцовъ спускался Днѣпромъ и Чернымъ моремъ въ Виза тію, всегда готовый отразить нападеніе дикихъ степныхъ хищников кочевавшихъ въ нижнемъ теченіи Днѣпра,—печенѣговъ, впослѣдст половцевъ“... Ясное дѣло, что при такой постановкѣ сбора дани пра тельство не только не могло оказывать какое-либо дѣйствительное в дѣйствіе на бытъ и нравы населенія, занималось-ли оно звѣроловство скотоводствомъ или земледѣліемъ. И такъ шли вѣка за вѣка Измѣнялись методы воздѣйствія: вмѣсто мѣховъ, воска и меда ста требовать денегъ, вмѣсто выѣзда самого князя объѣзжалъ волости т тарскій сборщикъ или княжескій чиновникъ,—но сущность отношен оставалась той же самой: народъ продолжалъ жить своей собствен самостоятельной жизнью, а правительство ограничивалось періодически

ѣздами для взиманія податей. Такимъ образомъ, необходимой средней ослойки, которая широко проникала бы въ народныя массы и произ-одила въ жизни народа какія-либо уклоненія отъ формъ общежитія, работанныхъ имъ самимъ,—со стороны правительства не было выдѣ-по долгое время.

Но, быть можетъ, такой прослойкой могло служить частное земле-адѣніе? Мы видѣли, что на-ряду съ общиннымъ землевладѣніемъ, очень но народилось и землевладѣніе частное, какъ объ этомъ можно дога-иваться по „Русской Правдѣ", пытавшейся вступиться за участь ролей-ихъ закуповъ, иначе говоря, земледѣльцевъ-арендаторовъ. И, дѣйстви-льно, уже съ самаго начала русскаго государства намѣчается нѣсколько точниковъ частнаго землевладѣнія, которые мы и разсмотримъ здѣсь отдѣльности.

Прежде всего это были тѣ „лучшіе мужи", тѣ счастливцы, тѣ ловни судьбы, которымъ въ силу тѣхъ или другихъ условій удалось дняться надъ среднимъ экономическимъ уровнемъ тогдашняго земле-льца-смерда, захватить хорошіе участки земли, иной разъ заселить ъ купленными холопами и трудомъ послѣднихъ начать свое земледѣльческое яйство. Такимъ счастливцамъ иногда оказывало поддержку и само вительство, передавая въ ихъ собственность болѣе или менѣе значи-льные и доходные участки. Вотъ что, напр., говорится въ одной изъ лованныхъ грамотъ великаго князя Василія Ивановича (1524 г.): „По-ловалъ есмя Двинянъ Наумку, Кобеля, Савина сына, да Давыдка Сте-лова сына... Что ми били челомъ, а сказываютъ, что въ Двинскомъ здѣ, за рѣкою за Двиною, нашли ключи соляные на рѣчкѣ на Юрѣ, лѣсу на Черномъ... А дворы де и пашни на тѣхъ мѣстѣхъ не бывали вѣка, а отъ волости де тѣ мѣста за 20 верстъ со всѣхъ сторонъ, дья де къ тѣмъ мѣстамъ не пришли ни отъ которыхъ волостей... И ъ будетъ такъ, какъ Наумка и его товарищи сказывали: и азъ Князь ликій пожаловалъ Наумку и его товарищевъ, велѣлъ есми имъ на тѣхъ тахъ ключи соляные чистить, и лѣсъ сѣчи, и дворы ставити, и пашни ати, и пожни чистити, и людей къ себѣ звати на тѣ мѣста, нетяг-ъ и неписьменныхъ, добрыхъ, а не татей и разбойниковъ"...

Но само собою разумѣется, что подобныя жалованныя грамоты ялись для земледѣльческаго населенія въ очень рѣдкихъ, исключи-льныхъ случаяхъ уже въ силу одного того, что, какъ было сказано, вительство не имѣло возможности вступить въ глубокое соприкосно-ie съ населеніемъ и выдѣлить оттуда элементы, которые могли бы со-ѣтствовать цѣлямъ и взглядамъ его.

Съ другой стороны, накопленіе капитала на мѣстѣ при помощи ьскаго хозяйства того времени было въ высшей степени затруднитель-ъ. Не надо забывать, что какъ земледѣльцу, такъ и землевладѣльцу ходилось вести очень тяжелую борьбу съ природой, а потому куль-ная площадь нарастала съ крайней медленностью. Эксплуатація земли могла приносить большихъ доходовъ и накопленіе капиталовъ съ земли привлеченіе капиталовъ къ землѣ, говоря вообще, было незначитель-ъ. Слѣдовательно, изъ этого источника частное землевладѣніе раз-таться сильно не могло.. Да вѣдь, къ тому же эти землевладѣльцы и были плотью отъ плоти, костью отъ кости рядового крестьянства, отому ни въ какомъ случаѣ не могли играть роль культурной про-йки, черезъ которую стали бы проникать въ народныя массы новые яды на землю и отношеніе человѣка къ ней.

Другой группой быстро растущихъ землевладѣльцевъ были монастыр
Во многихъ мѣстахъ имъ принадлежали огромныя угодья. Начало мон
стырскаго владѣнія относится еще къ XI вѣку: князь Изяславъ пожал
валъ Печерскому монастырю цѣлую гору, а въ 1096 году, какъ сообщ
щаетъ лѣтописецъ, пожертвовалъ свои села тому же монастырю какой-
Ефремъ. „Такъ сразу",—замѣчаетъ по этому поводу г. Рожковъ,—„в
мѣтились и два источника, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, и впослѣ
ствіи пополнялись монастырскія вотчины: княжеское пожалованіе и вкла
частныхъ лицъ"... Если теперь принять во вниманіе формальную рел
гіозность общества того времени, если имѣть въ виду, что земли пре
ставляли главную цѣнность, которую можно было легко передать
видѣ вклада, то не трудно понять, почему такъ быстро и такъ насто
чиво разрасталось монастырское землевладѣніе удѣльнаго періода.

Но могъ ли явиться этотъ разрядъ землевладѣльцевъ въ видѣ ку
турнаго прослойка между правительствомъ и огромной массой крестья
ства? Конечно, нѣтъ. Прежде всего, вѣдь, монастырская братія пополн
лась, главнымъ образомъ, изъ рядовъ того же самаго некультурнаго крес
янства. Но, быть можетъ, вступая въ обитель, становясь въ атмосфе
болѣе высокихъ идеаловъ и помысловъ, широко соприкасаясь съ книжн
мудростью того времени, которая почти цѣликомъ входила въ церковн
книги, вчерашній мужикъ быстро становился интеллигентомъ, поднимал
на болѣе высокую степень культуры, чѣмъ это доступно было для р
дового крестьянства? Однако, и этого нѣтъ; чтобы убѣдиться въ этом
достаточно пробѣжать хотя бы нижеслѣдующую цитату: „Мысли",—п
шетъ г. Милюковъ,—„вообще отводилось въ Печерскомъ монастырѣ оче
скромное мѣсто. Когда братъ Ларіонъ или братъ Никонъ занимали
переписываніемъ книгъ, игуменъ, по монастырскимъ воспоминаніям
садился возлѣ нихъ и занимался рукодѣліемъ: онъ „прялъ волну" и
готовилъ нити для будущихъ переплетовъ. На усердное занятіе книга
братія смотрѣла косо; книжная хитрость легко могла повести къ духо
ной гордости. Въ одной изъ печерскихъ легендъ любовь къ книжно
чтенію характернымъ образомъ представляется, какъ средство дьяво
скаго искушенія. Одному изъ братій, Никитѣ Затворнику, явился бѣ
въ образѣ ангела и сказалъ: ты не молись, а читай книги: черезъ ни
ты будешь бесѣдовать съ Богомъ, чтобы потомъ подавать отъ нихъ сло
полезное приходящимъ къ тебѣ; а я непрестанно буду молиться о твое
спасеніи. И прельстился монахъ, пересталъ молиться, надѣясь на молит
мнимаго ангела, а прилежалъ чтенію и ученію; съ приходящими бес
довалъ о пользѣ души и пророчествовалъ. По одному признаку всѣ узна
однако, что Никита прельщенъ бѣсомъ. Дѣло въ томъ, что ученый бра
зналъ наизусть книги Ветхаго Завѣта, а Евангелія и Апостола не х
тѣлъ ни видѣть, ни слышать. Тогда собрались подвижники и съ обща
совѣта отогнали отъ Никиты бѣса. Вмѣстѣ съ тѣмъ Никита потерялъ
всѣ свои знанія"...

И такъ дѣло обстояло въ самомъ выдающемся изъ монастырей то
времени... Что же можно сказать о заурядныхъ монастыряхъ, котор
тянули свое существованіе среди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ... Оч
видно, что по своему культурному уровню они ничѣмъ не отличали
отъ окружавшей ихъ среды... Очевидно, на міръ они смотрѣли такими
глазами, какъ и рядовое крестьянство... Очевидно, что и монастырск
землевладѣніе не давало той прослойки, которая нужна была бы, если

вительство захотѣло войти въ народную массу съ тѣмъ, чтобы раз-
пить или измѣнить основы ея міросозерцанія.

Не получилось сколько-нибудь подходящей прослойки между кре-
янствомъ и правительствомъ и при помощи раздачи служилымъ лю-
мъ помѣстій. Помѣстная система, какъ извѣстно, состояла въ томъ,
князья начали раздавать своимъ дружинникамъ земли во временное
ьзованіе для того, чтобы они могли нести тяготы государственн й
жбы. Помѣстная система эта начала намѣчаться въ исторіи русскаго
ударства довольно рано. Слѣды ея можно видѣть впервые въ завѣ-
ніи великаго князя Ивана Калиты, составленномъ въ 1328 году. Но
наго своего развитія она достигла лишь къ XV вѣку, когда госу-
ство рѣшило сформировать помѣстныя войска. Помѣщикъ получалъ
лю не столько для того, чтобы вести свое хозяйство, сколько для того,
бы ему было съ чего править военную службу, снаряжать себя и
оженное число слугъ въ государственныя войска. Его часто отрывали
его мирныхъ, земледѣльческихъ занятій и подолгу удерживали на
жбѣ вдали отъ его помѣстій. Уже въ силу одного этого помѣщики
могли войти сколько-нибудь глубже въ жизнь земледѣльческой массы.
помощи этихъ помѣстныхъ элементовъ усилился гнетъ надъ крестьянской
сой, но не создалось того рычага, при помощи котораго можно было
дѣйствовать на міросозерцаніе народной массы и на внутренніе ея
порядки.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о великокняжескихъ
дѣніяхъ. Мы уже упоминали о томъ, какъ московскими великими князьями
ль легко была усвоена татарская идея, что вся земля должна при-
лежать царю-хану. Вотъ почему великіе князья съ такимъ легкимъ
дцемъ начали раздавать служилому классу земли, очень часто съ
нихъ временъ занятыя и расчищенныя крестьянами. Вотъ почему изъ
льной земли, не розданной въ помѣстья, не попавшей въ монастырскія
и и не ставшей частнымъ владѣніемъ (вотчиной) разныхъ „мужей",
кіе князья выхватывали то, что имъ приглянулось. Очень долгое
мя не являлось даже и мысли о томъ, что собственность великокня-
кую нужно отдѣлить отъ собственности государственной.

Таковы были главныя категоріи частныхъ землевладѣльцевъ, ко-
ыя сложились въ средневѣковой Руси.

очему крестьяне селились на частно-владѣльческихъ землях.

Если частные землевладѣльцы разсматриваемаго нами періода были
тожной величиной въ смыслѣ культурнаго вліянія на народныя массы
какую бы то ни было сторону, то во всякомъ случаѣ они представ-
и достаточную величину для того, чтобы заставить крестьянство по-
ствовать новую тяготу въ экономическомъ и правовомъ отношеніяхъ
бенно сильно чувствовалось это землевладѣльческое давленіе въ цен-
льн й части тогдашней Руси. Вообще, надо замѣтить, что все кре-
янство нашей родины имѣетъ не одну, а нѣсколько исторій: въ При-
тійскомъ краѣ, въ Польшѣ, въ Малороссіи. Мы же здѣсь занимаемся
оріей крестьянства Средней Россіи, великорусскаго крестьянства, какъ
ому, что это крестьянство составляло главную массу земледѣльческаго
еленія того времени на площади русскаго государства, такъ и по-

тому, что процессы, которые протекали въ крестьянствѣ здѣсь, на себѣ наиболѣе ясное выраженіе и въ законодательствѣ, и во всей пра тельственной политикѣ дальнѣйшихъ періодовъ...

Итакъ, въ средней полосѣ средневѣковой Руси частное земле дѣніе, хотя и представляло ничтожную величину съ культурной то зрѣнія, количественно выдѣлялось уже въ особую соціальную ма Въ самомъ дѣлѣ, „въ XVI вѣкѣ“,—пишетъ г. Рожковъ,—„было не м уѣздовъ, въ которыхъ почти вся земля сплошь была монастырская помѣстная, и безъ преувеличенія можно сказать, что не было ни од уѣзда (кромѣ сѣверныхъ), въ которомъ помѣстья и монастырскія зе не занимали бы большей части территоріи. Писцовыя книги не оставля въ этомъ ни малѣйшихъ сомнѣній. По нимъ видно, напримѣръ, что новгородскихъ пятинахъ отъ 75 до 94% всей территоріи находилось помѣстномъ владѣніи; въ Казанскомъ уѣздѣ помѣстья занимали 6 всей площади, въ Коломенскомъ 59%, въ Вяземскомъ 97%, а въ М ковскомъ хотя подъ помѣстьями значилось 34% всей территоріи уѣ но 35% приходилось на монастырскія вотчины, такъ что на долю вс другихъ видовъ земельнаго владѣнія оставалось гораздо менѣе тр всей площади“.

Такимъ образомъ, уже къ XVI вѣку русскій крестьянинъ совершен неожиданно для себя оказался въ Средней Россіи на чужой землѣ, х эту самую землю въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній онъ расчищалъ лѣсовъ, поднималъ здѣсь новь, пролагалъ дороги, сушилъ болота. Но мы дѣли, какъ былъ онъ не культуренъ и разобщенъ, а потому не приходи и удивляться, что расхищеніе его земель произошло съ такой легкос и, вѣроятно, безъ всякой сколько-нибудь замѣтной борьбы.

Надо замѣтить, однако, что опасность захвата земли, принадле щей трудовому крестьянству, со стороны властныхъ и сильныхъ элем товъ общества долгое время была въ скрытомъ состояніи. Народ массы долгое время не могли усвоить себѣ, къ чему можетъ приве весь этотъ процессъ. Въ самомъ дѣлѣ, еще задолго до XVI вѣка к стьянская масса нерѣдко съ большою готовностью селилась на част владѣльческихъ, земляхъ. Мы видѣли, что уже „Русская Правда“ вы лила цѣлый особый классъ земледѣльцевъ: ролейныхъ закуповъ, котор доброй волей обращались къ частнымъ владѣльцамъ и заключали ними договоръ о поселеніи на ихъ землѣ. Очевидно, были какія-то п чины, которыя предрасполагали крестьянство вступать въ личныя от шенія съ частными землевладѣльцами скорѣе, чѣмъ обращаться ничьей, Божьей землѣ, врубиться въ дикій лѣсъ, врѣзаться въ ди поле, которыхъ въ то время было совершенно достаточное количест

Не трудно найти эту причину, которая гнала часть земледѣ ческаго населенія на частновладѣльческую землю. Надо помнить, переходъ отъ скотоводства и охоты къ земледѣлію являлся затяжны процессомъ, что во многихъ мѣстахъ большія группы туземцевъ об щались къ земледѣлію въ то время, когда оно уже успѣло въ э мѣстности пустить болѣе или менѣе глубокіе корни, когда можно бы достать и сѣмена, и орудія... Между тѣмъ, такой переходъ требуе какъ выражается г. Рожковъ, значительнаго „потребительнаго запас „Первобытный звѣроловъ, рыболовъ или пчеловодъ“,—говоритъ назва ный авторъ,—„почти совершенно не нуждаются въ капиталѣ для свои производительныхъ цѣлей: не трудно и не дорого устроить тенета д звѣря, и обзавестись рогатиной, сплести сѣти для рыбы; чтобы собра

ку и меду, стоитъ только найти въ лѣсу дуплистое дерево и сдѣлать немъ нехитрыя приспособленія для пчелъ или даже просто отыскать ево, гдѣ пчелы уже живутъ. Не то въ земледѣліи: при занятіи имъ лѣсной странѣ необходимо выжечь лѣсъ, выкорчевать пни, распахать ь, засѣять ее, переборонить поле, сжать и вымолотить хлѣбъ, смолоть по. Всѣ эти операціи требуютъ значительной затраты времени, слѣ-ательно, предполагаютъ уже у земледѣльца наличность извѣстнаго ребительнаго запаса; кромѣ того, операціи эти настолько сложны, что ываютъ употребленіе земледѣльческихъ орудій—плуга, сохи, бороны, ы или серпа, цѣпа и т. д.; если къ этому прибавить необходимость янъ для посѣва, рабочаго скота и хозяйственныхъ построекъ, то нетъ понятной настоятельная нужда земледѣльца въ капиталѣ"... А италъ этотъ, конечно, неоткуда было получить, кромѣ какъ отъ тныхъ землевладѣльцевъ...

Не надо также забывать о кочевомъ характерѣ земледѣлія древней и, на что указываетъ г. Качоровскій. Большая семья или даже цѣлая евня сидитъ нѣсколько лѣтъ на одномъ мѣстѣ, расчищаетъ лѣсъ, хиваетъ новину... Но вотъ всѣ подходящіе въ округѣ участки не ко распаханы, но и выпаханы... Тогда поселенцы отправляются ать другихъ, болѣе плодородныхъ мѣстъ. Тутъ имъ часто предстоитъ выбора: или уйти дальше въ дикій лѣсъ и отвоевать отъ природы ый уголокъ для земледѣлія, или занять старыя расчистки, заброшенныя колько лѣтъ тому назадъ такими же кочевыми земледѣльцами и успѣв-отдохнуть и возстановить свои производительныя силы. Такая старая ня, конечно, во многихъ отношеніяхъ представляла для поселенцевъ стныя удобства: меньше было возни съ лѣсомъ, легче было возстано-дороги, колодцы, тропинки, пастбища; можно было, наконецъ, гда найти уже готовыя хозяйственныя постройки и даже избы... дѣло заключалось въ томъ, что очень часто такія старыя запашки надлежали тѣмъ или другимъ частнымъ землевладѣльцамъ. Само ю разумѣется, что частные землевладѣльцы учитывали всѣ эти бства и въ своихъ договорахъ съ такимъ кочевымъ пахаремъ ста-уже достаточно тяжелыя условія.

Наконецъ, была и третья причина, уже не экономическая, а о политическая,—которая заставляла земледѣльца въ нѣкоторыхъ аяхъ предпочитать частно-владѣльческія земли „дикому полю", ьей, Божьей землѣ. Это именно — тяжесть обложенія разными тями и повинностями, о чемъ рѣчь у насъ будетъ ниже. Люди тые и близкіе къ князю легко добивались для себя и для своихъ ль всякихъ льготъ въ податномъ отношеніи. Кромѣ того, на землѣ го нибудь знатнаго боярина великокняжескіе чиновники уже не ались допускать безправіе въ такихъ размѣрахъ, какъ это ими тиковалось, когда они оставались лицомъ къ лицу съ пахаремъ съ общиной. „Крестьянину",—читаемъ мы у проф. Лаппо-Дани-каго,—„выгодно было сидѣть за сильнымъ землевладѣльцемъ, вот-котораго часто освобождалась отъ разныхъ сборовъ и повинностей, торый защищалъ его отъ произвола и насилій со стороны сосѣдей ѣстныхъ властей: не даромъ князь предоставлялъ монастырю, а гда и владѣльцу изъ мірянъ, разныя льготы, обыкновенно лишь условіемъ, чтобы льготчикъ не принималъ „тутошныхъ волост-ъ" или „тяглыхъ" людей; иногда правительство прямо требовало, ы льготчикъ „съ тяглыхъ черныхъ мѣстъ на льготу крестьянъ

не называлъ". Даже въ позднѣйшее время вольные люди иногда ох
записывались въ крестьяне, чтобы имъ „скитаясь межъ разныхъ
чинъ, не погибнуть напрасно"...

Всѣ эти мотивы были достаточно сильными для того, чт
крестьяне предпочитали во многихъ случаяхъ частное землевлад
своимъ землямъ.

Ростъ экономической власти частнаго землевладѣнія н крестьянствомъ въ средневѣковой Руси.

Ясное дѣло, что при такихъ условіяхъ экономическая вл
частнаго владѣльца надъ крестьяниномъ-земледѣльцемъ должна б
увеличиваться и крѣпнуть. И, въ самомъ дѣлѣ, оказывая крестья
въ томъ или другомъ видѣ „подмогу", отпуская ему въ „ссуду"
томъ или другомъ видѣ земледѣльческій капиталъ, землевладѣ
налагалъ на крестьянина цѣлый рядъ обязательствъ, безъ исполн
которыхъ земледѣлецъ не имѣлъ права покинуть своего хозяи
исполненіе которыхъ должно было быть гарантировано денежной неус
кой—„зарядомъ". Если крестьянинъ не въ силахъ былъ испол
принятыя на себя обязательства, если онъ не могъ внести неустой
„зарядъ", то свобода его передвиженія ограничивалась. Такъ, въ
мальныхъ условіяхъ крестьянинъ на владѣльческой землѣ счит
человѣкомъ свободнымъ и могъ по окончаніи осеннихъ работъ (не
до и послѣ осенняго Юрьева дня, 26 ноября) перемѣнить мѣсто св
хозяйствованія; но теперь эта свобода ограничивалась уже услов
исполненія обязательствъ крестьянина передъ владѣльцемъ земли
противномъ случаѣ, крестьянинъ, ушедшій на новое мѣсто, счит
бѣглымъ, и законъ становился всецѣло на сторону землевладѣл

А между тѣмъ сѣти, которыми частное землевладѣніе начи
опутывать крестьянство, мало-по-малу становились все крѣпч
мельче.

Въ самомъ дѣлѣ, крестьянскія обязанности по отношені
частному владѣльцу очень быстро стали сложными и разнообразн
„При моемъ игуменствѣ",—сообщалъ старый игуменъ Константи
скаго монастыря Царко въ концѣ XIV вѣка,—„такъ было въ Свя
Константинѣ: большіе люди изъ монастырскихъ селъ церковь н
жали, монастырь и дворъ тынили, хоромы ставили, игумновъ жр
весь ролью (пашни) орали врономъ, и сѣяли, и жали, и воз
сѣно косили десятинами и въ дворъ ввозили, ѣзъ били и вешні
зимній, сады оплетали, на неводъ и на бобры въ осенинѣ ход
пруды прудили и истоки забивали... а пѣшеходцы изъ селъ къ пр
нику рожь мололи и хлѣбы пекли, солодъ мололи, пиво варили
сѣмя рожь молотили; а если игуменъ ленъ давалъ, они его пр
сѣжи и дѣли неводныя наряжали"... Кромѣ того, „на Великъ де
на Петровъ день приходили къ игумену, что у кого въ рукахъ
также „давали на праздникъ яловицу; а въ которое село пріѣзж
игуменъ въ братчину и сыпци давали по зобнѣ овса конемъ иг
новымъ".

Со временемъ землевладѣльцы становились все болѣе и б
требовательными по отношенію къ своимъ крестьянамъ. Для сравн
достаточно будетъ указать хотя бы на обязательства крестьянъ хо

твеннаго боярина Морозова: „Нижегородскіе крестьяне Морозова“,— питаемъ мы у проф. Лаппо-Данилевскаго,—„были обязаны платить ему съ выти (въ 12—16 дворовъ): 2 пуда свиного мяса, 1 гуся, 1 поросенка, 30 аршинъ холста или, взамѣнъ холста, 10 гривенокъ (фунтовъ) шерсти на войлоки и епанчи“. Въ иныхъ вотчинахъ того же владѣльца крестьяне сверхъ того давали еще съ выти же: 1 утку, 5 куръ или 8 гривенокъ коровья масла, 100 или 50 яицъ, осьмину, полуосьмину или четверикъ орѣховъ, или вмѣсто орѣховъ четверть хмелю. Вмѣстѣ съ тѣмъ особо съ дыма или съ каждаго двора взималось по одной курицѣ, гривенкѣ масла и 3 яйца; также по гривнѣ шерсти, если шерсть не была положена съ выти. Трудно перечислить всѣ разнообразные „столовые запасы“, которые крестьянамъ приходилось поставлять на барскій дворъ: они мѣнялись въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Вотчинникъ не пропускалъ безъ вниманія и побора никакой мелочи, ни въ производительности почвы и ея разныхъ угодьевъ, ни въ крестьянскихъ промыслахъ; бывали случаи, когда въ виду внезапной прихоти боярина его вотчины облагались особымъ сборомъ: зимою 1659 года, напримѣръ, Морозову понадобились охотничьи скворцы, и онъ велѣлъ приказчикамъ со всѣхъ своихъ вотчинъ „собрать скворцовъ и къ нему прислать“.

А вѣдь, это былъ перечисленъ только мелкій доходъ боярина Морозова, а затѣмъ остаются обычные поборы въ видѣ разнообразныхъ работъ по имѣнію или уплаты денежныхъ сборовъ...

Само собою разумѣется, что поборы эти съ крестьянства, осѣвшаго на земляхъ частнаго владѣнія, сильно измѣнялись въ зависимости отъ мѣстности. Въ одномъ краю преобладала уплата натурой, въ другомъ—денежная, въ третьемъ—работа на барскомъ дворѣ или полѣ. Въ одномъ мѣстѣ поборы—изъ части урожая; въ другомъ они назначались мѣрой и вѣсомъ, безразлично отъ урожая. Но вездѣ съ крестьянина бралось столько, сколько только можно было съ него взять, такъ какъ „вотчинники и помѣщики“ свои подати клали на крестьянъ своихъ сами, сколько съ кого взяти“... Увеличивая же эту сѣть ев зможныхъ поборовъ, землевладѣльцы тѣмъ самымъ все больше и больше отрѣзывали крестьянамъ и путь къ отступленію съ ихъ земель, все больше и больше прикрѣпляли ихъ къ своимъ владѣніямъ.

Къ тому же съ крестьянина тянули не только помѣщики, но и ихъ слуги—приказчики, старосты, доводчики и т. д., увеличивая еще больше то бремя, которое накладывало на крестьянство частное землевладѣніе.

Лекція II-я.

Крѣпостное право.

Улучшеніе положенія крестьянства въ средневѣковой Руси.

Мы уже видѣли, какъ самые зачатки процесса выдѣленія крестьянскаго сословія сопровождались преуменьшеніемъ правъ свободнаго пахаря, какъ крестьяне обратились изъ мужей въ „мужиковъ“.

Прослѣдимъ же дальнѣйшіе этапы отграниченія земледѣльческа класса общества въ крестьянское сословіе и опредѣлимъ наиболѣе сущ ственныя черты его къ концу удѣльной Руси и въ періодъ образовав и укрѣпленія московскаго государства.

Итакъ, каково же было отношеніе правительства того времени к крестьянству? Для того, чтобы дать на этотъ вопросъ наиболѣе убѣд тельный отвѣтъ, мы разберемъ соотвѣтственный матеріалъ съ двухъ сторон Часть—и весьма значительная часть—крестьянства составляли „черны волости, которыя находились въ непосредственномъ вѣдѣніи и подъ н посредственнымъ воздѣйствіемъ правительства; другая часть крестьянст поселилась на частновладѣльческихъ земляхъ, попала въ сильную эк номическую зависилость отъ своихъ хозяевъ и не подлежала, по крайн мѣрѣ, въ очень многихъ случаяхъ непосредственному воздѣйствію пр вительственныхъ чиновниковъ.

Посмотримъ же, какъ относилось правительство къ той части кр стьянства, которое находилось въ его непосредственномъ вѣдѣніи, к крестьянству, сидѣвшему на „черныхъ земляхъ“?

Уже одинъ тотъ фактъ, что черные крестьяне во многихъ случая очень охотно переходили къ бѣломѣстцамъ, къ привилегированнымъ земл владѣльцамъ, показываетъ, что крестьянамъ, находившимся въ непосре ственномъ вѣдѣніи государства, жилось часто хуже, чѣмъ тѣмъ крест янамъ, которые устраивались на земляхъ частнаго владѣнія. Государ ство того времени, слѣдовательно, являлось худшимъ изъ всѣхъ земл владѣльцевъ. И, дѣйствительно, „черные крестьяне платили больше п датей и отправляли больше повинностей; на нихъ, кромѣ податей в собственномъ смыслѣ этого слова, ложилось, кормленіе великокняжеских намѣстниковъ и волостелей“ (Лаппо-Данилевскій, „Очерки исторіи“). М знаемъ также, что правительственный произволъ, отъ котораго страда все крестьянство, особенно былъ силенъ на черныхъ земляхъ, благодар чему еще больше поддерживалось у черныхъ крестьянъ стремленіе п реходить на бѣлыя земли...

Какъ же отвѣчало тогдашнее правительство на эти порывы кр стьянства развязаться съ черными землями, уйти отъ непосредственна управленія государственныхъ чиновниковъ? Постаралось-ли оно облегчит положеніе крестьянъ? Попыталось ли оно сократить произволъ своих чиновниковъ?—Отнюдь нѣтъ...

Черные крестьяне бѣжали съ земель, которыя были объявлен государственными, потому, что житья здѣсь не было... Ну что-жъ! Над силой заставить ихъ оставаться на этой землѣ!.. „Хотя до Уложенія“,— пишетъ проф. Лаппо-Данилевскій,—„не было издано общаго закона прикрѣпленіи черныхъ людей, но московскіе князья давно уже прибе гали къ частнымъ мѣрамъ, стѣснявшимъ свободу ихъ передвиженія н земли владѣльцевъ, получавшихъ льготы“. Еще великій князь Иванъ Ка лита въ жалованной грамотѣ новгородскому Юрьеву монастырю запретил принимать „тяглыхъ людей волоцкихъ“ и „людей изъ его великокня жеской отчины, Москвы“. Въ грамотѣ тверскихъ князей Отрочу мона стырю, написанной въ XV вѣкѣ значатся даже угрозы въ случаѣ не исполненія подобнаго запрещенія, особенно по отношенію къ болѣе мел кимъ служащимъ: если кого приметъ „прикащикъ архимандричь, ино ег казнити“... Но дальше дѣло пошло еще хуже... „Бывали даже случаи“,— продолжаетъ тотъ же авторъ,—„когда московскіе государи предоставляли самимъ „волостнымъ людямъ“ изъ-за монастырей старыхъ (или старинныхъ

оихъ тяглецовъ крестьянъ выводить безсрочно и безпошлинно и са-
ати ихъ по старымъ деревнямъ"... Въ писцовыхъ наказахъ 1645 года
темскимъ и сольвычегодскимъ писцамъ уже велѣно было выводить волост-
ихъ людей за государя на старые ихъ жеребьи. Вслѣдъ за тѣмъ въ
ложеніи постановлено крестьянъ государевыхъ, выбѣжавшихъ изъ чер-
ихъ волостей и жившихъ за всякими вотчинниками и помѣщиками,
возить" вмѣстѣ съ женами и дѣтьми и со всѣмъ ихъ движимымъ иму-
зомъ по писцовымъ книгамъ въ черныя волости на старые ихъ жеребьи"...

Впрочемъ, всѣ эти репрессіи создавались лишь постольку, по-
льку въ черномъ крестьянинѣ государство могло потерять плате-
ика податей,—тяглеца. Черноношному крестьянину еще въ XVII в.
зрѣшалось покидать землю, на которой онъ сидѣлъ, подъ условіемъ,
обы онъ на свое мѣсто посадилъ „садока", который бы тянулъ всѣ
о подати и повинности;—при такомъ условіи разрѣшался, по крайней
рѣ, свободный переходъ „изъ волости въ волость". Не трудно, однако,
нять, что при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ находился черный кре-
ьянинъ, подыскать „садока" на то мѣсто, съ котораго человѣкъ самъ
арался сбѣжать, въ большинствѣ случаевъ представлялось дѣломъ со-
ошенно невозможнымъ. Такимъ образомъ всѣ подобныя распоряженія
ло-по-малу, исподволь, вели къ закрѣпленію крестьянъ на мѣстѣ. Такова
ла политика государства по отношенію къ крестьянству, которое на-
дилось въ его непосредственномъ вѣдѣніи... О стѣсненіяхъ болѣе мел-
го характера,—какъ напр., о стѣсненіи мобилизаціи крестьянской
ственности,—при такихъ условіяхъ и говорить не стоитъ.

Та же самая землевладѣльческая политика проводится и въ общихъ
лансовыхъ мѣропріятіяхъ, выходящихъ изъ рукъ чиновниковъ - земле-
дѣльцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, количество податей и налоговъ, опредѣляе-
хъ особенно военными нуждами правительства, возрастало съ необы-
ной быстротой. Непосильное обложеніе отражалось тяжелыми послѣд-
іями на крестьянскомъ хозяйствѣ того времени. О степени крестьян-
го разоренія можно судить хотя бы по новгородской землѣ. „Сто
ъ московскаго владычества",—пишетъ г. Энгельманъ—„привели къ
у, что размѣръ земельнаго участка, обрабатываемаго крестьянскимъ
ромъ, уменьшился до четвертой, иногда даже до десятой доли преж-
о. Сельское хозяйство пришло въ упадокъ, потому что крестьяне,
аясь скота и мертваго инвентаря, не могли обрабатывать, какъ слѣ-
тъ, своихъ полей. Число населенныхъ дворовъ уменьшилось до не-
оятной степени". При перечисленіи опустѣвшихъ деревень причины
стѣнія объясняются *большею частью* (курс. нашъ) лаконической
ѣткой: „отъ государевыхъ податей и отъ подводъ", иногда отъ
ричнаго правежу", сравнительно рѣдко „отъ свейскихъ нѣмецъ" и
„казаковъ", и только въ 23 случаяхъ отъ „мора и голода"...

Итакъ, крестьянство было разорено, какъ объ этомъ свидѣтель-
ютъ правительственные чиновники, большею частью, „отъ государе-
ѣ податей и подводъ"... Позаботились ли объ уравненіи податей и
инностей и облегченіи участи крестьянъ-плательщиковъ? — Отнюдь
ы! Правительство продолжало итти по старому пути... Достаточно
ѣть привести слѣдующую цитату изъ упомянутой уже работы г. Ми-
ова; „Въ теченіе XVI и XVII вѣка правительство существенно из-
ило систему обложенія въ интересахъ привилегированнаго сословія...
е въ 1550-хъ годахъ, какъ мы только что видѣли, служилое сословіе
гчено было въ платежѣ податей съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель.

Къ концу XVI вѣка правительство пошло дальше: оно стало сов
освобождать отъ податей („обѣлять") барскую запашку, т. е. ту ч
пашни, которую служилый человѣкъ пахалъ непосредственно для себя [1]
въ томъ случаѣ, если онъ несъ дѣйствительную службу. Но и это об
ченіе было еще незначительно сравнительно съ тѣмъ, какое слѣд
было служилымъ людямъ при финансовыхъ реформахъ XVII вѣка.
этого времени, крестьянинъ служилаго человѣка, какъ и крестьян
жившій на своей или государственной землѣ („черный"), платили
наково съ каждой четверти распаханной (или, какъ тогда говор
„живущей") пашни. Но въ началѣ XVII вѣка на земляхъ служил
людей эта „живущая четверть" пашни была превращена въ гор
болѣе льготную платежную единицу. Названіе осталось прежнее; но
„живущей четвертью" стали разумѣть не настоящую четверть распах
ной земли, а по нѣскольку цѣлыхъ крестьянскихъ дворовъ, изъ котор
каждый, конечно, пахалъ не одну четверть, а больше. Въ 1630—1
годахъ служивые люди выхлопотали себѣ у правительства разреше
считать въ живущей четверти отъ 10 до 16 крестьянскихъ дворовъ. Е
предположимъ даже, что каждый дворъ пахалъ не болѣе 4 четвер
(2 десятинъ въ одномъ полѣ), то и тогда въ одной „живущей четвер
будетъ 40—64 *дѣйствительныхъ* четвертей распаханной пашни. Ст
быть, съ 40—64 четвертей служилый человѣкъ платилъ столько же
лога, сколько черный крестьянинъ съ одной четверти. Припомнимъ
перь, что въ началѣ XVII вѣка введены были новыя тяжелыя под
въ десятки разъ превышавшія подати XVI вѣка, и мы поймемъ, ка
смыслъ имѣло введеніе именно въ это время „живущей четверти".
жилый человѣкъ былъ въ десятки разъ облегченъ сравнительно съ че
сошнымъ крестьяниномъ какъ разъ тогда, когда послѣдній сталъ пла
въ десятки разъ больше"... Прибавимъ къ этому, что это облегченіе слу
лаго—землевладѣльческаго класса произошло именно въ то время, к
военное значеніе служилаго человѣка очень сильно упало. „Русс
дворянская конница", замѣчаетъ тамъ же г. Милюковъ,—„уже отжи
свой вѣкъ, когда дворянство добилось податныхъ привилегій"... Вы
нулись сначала рейтарскіе и драгунскіе полки, а за ними пѣхо
Воинская повинность все больше и больше перелагалась на ни
классы, т. е., главнымъ образомъ на крестьянство... Слѣдовательно,
мѣра облегченія служилаго класса ни въ коемъ случаѣ не подсказыва
пользами и нуждами государства.

Переходимъ теперь ко второй части нашего матеріала по
просу о томъ, какой политики держалось русское правительство
времени по отношенію къ крестьянамъ на владѣльческой землѣ...

Какъ было трудно возстановить историческую истину въ э
отношеніи, каждый читатель легко убѣдится, если обратится къ
мѣчательному труду проф. Бѣляева по поводу судебниковъ 149
и 1550 г. Вотъ что тамъ можно прочитать. „По судебникамъ б
утверждены всѣ прежнія права крестьянъ: крестьяне по прежн
всѣ признаны свободными членами русскаго общества, безъ вся
различія, на какихъ бы земляхъ они ни жили: мѣстожительство
прежнему осталось чисто частнымъ гражданскимъ отношеніемъ
стьянъ и въ сущности не измѣняло ихъ общественныхъ отношені

Мы уже могли убѣдиться на выше приведенныхъ историческ

---

[1]) Конечно, крестьянскими руками. А. Н.

фактахъ, насколько ошибочнымъ по отношенію къ чернымъ крестьянамъ является утвержденіе проф. Бѣляева, что „крестьяне по прежнему всѣ признаны были свободными членами русскаго общества". Теперь намъ остается показать, что русское правительство того времени совершенно откровенно встало на сторону землевладѣльцевъ и въ вопросѣ о крестьянахъ, сидѣвшихъ на частновладѣльческой землѣ.

Разбираясь въ поведеніи правительства того времени въ данномъ отношеніи, мы можемъ нащупать, повидимому, нѣсколько пріемовъ.

Одинъ изъ нихъ—путь обходныхъ движеній: путь циркуляровъ, толкованій, объясненій, ограничивающихъ силу дѣйствующаго закона. Такъ дѣло, напр., обстояло съ правомъ суда. Проф. Бѣляевъ, говоря о судебникахъ, съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что „передъ закономъ, передъ судомъ крестьянинъ имѣлъ равное право съ бояриномъ и купцомъ на покровительство и защиту закона"... Да, по судебникамъ выходило такъ... Но на что же тогда жалованныя грамоты... „Въ силу особыхъ княжескихъ и великокняжескихъ жалованныхъ грамотъ большая часть монастырей и многіе служилые люди,—читаемъ мы у г. Энгельмана,—изъятые изъ подъ суда намѣстниковъ и волостелей и подчиненные суду самого князя, получали отъ него право судить крестьянъ, сидѣвшихъ на ихъ земляхъ"... Такимъ образомъ нарушалось равенство передъ судомъ.

Или вотъ еще примѣръ. Существовалъ непріятный для многихъ помѣщиковъ, но удобный для крестьянъ Юрьевъ день съ правомъ „свободнаго" выхода отъ землевладѣльцевъ... И судебники Юрьева дня не трогаютъ... за то административнымъ путемъ, какъ мы видѣли, онъ давно отмѣненъ для государственныхъ крестьянъ; за то „по отношенію къ нѣкоторымъ монастырскимъ и владѣльческимъ землямъ эта отмѣна устанавливалась особыми жалованными грамотами. Первый примѣръ такого пожалованія представляютъ двѣ грамоты Василія Темнаго, данныя Троице-Сергіевскому монастырю около 1460 г.",—читаемъ мы у г. Энгельмана.

Другой методъ воздѣйствія на отношенія между крестьянами и владѣльцами земель заключается въ установленіи прямыхъ законодательныхъ постановленій. И въ этомъ отношеніи судебники сдѣлали все, что только могли.

Въ этихъ законодательныхъ памятникахъ мы встрѣчаемъ слѣдующее требованіе, истинное значеніе котораго выяснилось только послѣ тщательной критики. Требованіе гласитъ слѣдующее: „А хрестіанамъ отказыватися изъ волости и изъ села въ село одинъ срокъ въ году, за недѣлю до Юрьева дни осенняго и недѣлю послѣ Юрьева дни осенняго. Дворы пожилые платятъ въ полѣхъ за дворъ рубль, а въ лѣсѣхъ полтина. А который хрестіанинъ поживетъ за кимъ годъ, да пойдетъ прочь, и онъ платитъ четверть двора. А два года поживетъ да пойдетъ прочь, и онъ полдвора платитъ. А три года поживетъ, а пойдетъ прочь, и онъ платитъ три четверти двора. А четыре года поживетъ, и онъ весь дворъ платитъ"... Представляетъ ли этотъ законъ благо или ущербъ для крестьянъ? Нѣкоторые изслѣдователи склонны думать, что этотъ законъ былъ изданъ въ интересахъ не только землевладѣльцевъ, но и крестьянъ, такъ какъ устранялъ произволъ и устанавливалъ порядокъ, одинаково обязательный для обѣихъ сторонъ. Но не трудно показать, что законъ въ дѣйствительности цѣ-

ликомъ былъ направленъ противъ крестьянства. Въ самомъ дѣлѣ „въ законѣ“.—какъ указываетъ г. Энгельманъ,—„говорится не о двусторонней сдѣлкѣ, не о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ, но только о крестьянахъ и крестьянскомъ „отказѣ“. Права землевладѣльцевъ представляются безспорными, не требующими доказательствъ новаго опредѣленія; рѣчь идетъ только объ ограниченіи крестьянскихъ правъ. Фактически землевладѣлецъ былъ такъ же связанъ, какъ и крестьянинъ; онъ не могъ прогнать крестьянина со своей земли, но у него были другія средства понужденія по отношенію къ крестьянамъ тогда какъ единственнымъ оружіемъ крестьянина было право уйти съ владѣльческой земли“... И дальше: „Если первая часть московскаго закона была невыгодна для крестьянъ лишь по своей формѣ, то вторая противорѣчила ихъ интересамъ и по содержанію. По обычаю крестьянинъ, уходя съ чьей-нибудь земли, долженъ былъ вернуть владѣльцу полностью и въ исправномъ видѣ все, что получилъ отъ него: запасы зерна и корма, хозяйственный инвентарь, постройки. Сверхъ того онъ долженъ былъ уплатить всѣ лежавшія на немъ повинности или, по крайней мѣрѣ, обезпечить ихъ уплату. Понятно, что когда дѣло доходило до суда, землевладѣлецъ долженъ былъ доказывать свое право на вознагражденіе. Крестьянинъ, исполнившій свои обязательства, возвратившій владѣльцу все полученное отъ него, не платилъ больше ничего. Вторая часть цитированнаго закона вводила новое правило: кто жилъ на чужомъ дворѣ, тотъ всегда при переходѣ на другую землю долженъ былъ платить вознагражденіе собственнику прежняго двора и земли; размѣръ вознагражденія опредѣлялся разъ навсегда пропорціонально числу лѣтъ пользованія дворомъ“.

Въ дѣйствительности, дѣло обстояло еще гораздо хуже, чѣмъ это представляетъ здѣсь г. Энгельманъ. Если основываться на словахъ названнаго автора, то можетъ показаться, что, заплативъ „пожилое“ крестьянинъ тѣмъ самымъ погасилъ и свой долгъ за ссуду. Но судебники не потому молчатъ о ссудахъ, что ссуды погашаются „пожилымъ“, а потому, что иски по ссудамъ здѣсь совершенно отдѣлены отъ поземельныхъ расчетовъ. „По Судебникамъ, — замѣчаетъ проф. Бѣляевъ,—ссуда давалась по кабаламъ и ссуднымъ записямъ, а посему и искать ссуды должно было по симъ документамъ мимо поземельныхъ расчетовъ“.

Слѣдовательно, освящая закономъ „пожилое“, правительство, дѣйствительно, лишній разъ закрѣпляло крестьянъ въ рукахъ землевладѣльцевъ. Чтобы лучше понять это, надо посмотрѣть, что такое представлялъ собою рубль того времени. „Рубль“,—читаемъ мы у г. Энгельмана,—представлялъ по тѣмъ временамъ сумму достаточную для прожитія крестьянина въ теченіе года; эту сумму онъ могъ съ трудомъ заработать въ хорошій годъ“. Слѣдовательно, „пожилое“, освященное закономъ заключало въ себѣ въ скрытомъ видѣ прямое запрещеніе всякихъ переходовъ.

Такимъ образомъ ясно, что судебники, вышедшіе изъ рукъ частныхъ землевладѣльцевъ, оберегали исключительно права частныхъ же землевладѣльцевъ.

Итакъ, мы разобрали два метода, которые употреблялись ради обхода крестьянскихъ правъ и преимуществъ: методъ прямого законодательнаго вмѣшательства въ пользу землевладѣльческаго класса и методъ косвеннаго обхода тѣхъ законовъ и обычаевъ, измѣнить которые

открыто правительство того времени не находило въ себѣ силы и рѣшимости. Остается еще одинъ методъ, сыгравшій видную роль въ исторіи нашего крестьянства. Это методъ, если можно такъ выразиться, попустительства.

Мы уже знаемъ, какими неопредѣленными чертами было обрисовано въ „Русской Правдѣ“ правовое положеніе только что выдѣлившагося русскаго крестьянства, какъ неясны были границы между смердомъ и ролейнымъ закупомъ, между ролейнымъ закупомъ и просто закупомъ. Такъ и теперь, въ концѣ того періода, который мы разсматриваемъ, изслѣдователями (напр., Лаппо-Данилевскимъ) констатируется отсутствіе законодательныхъ нормъ, обезпечивающихъ многія изъ важнѣйшихъ крестьянскихъ правъ. На этомъ-то неопредѣленномъ правовомъ фонѣ землевладѣльцы уже и ткали свои дальнѣйшіе историческіе узоры.

Первымъ такимъ узоромъ явилось понятіе „старины“, усиленно поддерживаемое и развиваемое землевладѣльцами того времени. Подъ „стариной“ первоначально подразумѣвался тотъ довольно невинный фактъ, что человѣкъ достаточно долго прожилъ въ данной мѣстности. Но изъ того невиннаго факта землевладѣльцы сумѣли мало-по-малу сдѣлать опасное орудіе для крестьянства. То время было уже таково, что самъ, по доброй волѣ, человѣкъ подолгу на одномъ мѣстѣ не засиживался. Значитъ, если человѣкъ сталъ старожиломъ, живетъ по „старинѣ“, то его къ этому принуждаютъ какія-либо постороннія силы... Что же это могли быть за силы?.. Долгъ землевладѣльцу—вотъ что приходило прежде всего въ голову хозяевамъ земли. Значитъ, за этими старожилами надо приглядывать получше; значитъ, къ этимъ старожиламъ землевладѣлецъ.—въ дѣйствительности или нѣтъ,—можетъ предъявлять бо́льшія права, чѣмъ къ новымъ поселенцамъ. Отсюда готовность правительства оказывать землевладѣльцамъ особыя услуги при рѣшеніи ихъ споровъ съ старожилами. „Старина“ является, такимъ образомъ, аргументомъ противъ свободы крестьянскаго перехода. „Въ 1577 году, напримѣръ,—разсказываетъ г. Лаппо-Данилевскій—между Спасскимъ монастыремъ и приказчикомъ одного изъ дворцовыхъ селъ въ Ярославскомъ уѣздѣ возникъ споръ: дворцовый приказчикъ собирался выводить монастырскихъ крестьянъ въ царскую вотчину, а архимандритъ билъ челомъ государю, ссылаясь на то, что „крестьяне въ монастырскихъ селахъ и деревняхъ—старожильцы, и за монастырь достались тѣ села и деревни съ тѣми крестьянами“... Приверженность землевладѣльцевъ къ старожиламъ стала мало-по-малу доходить до того, что они начали въ нѣкоторыхъ случаяхъ закладывать и завѣщать свои земли „со крестьяны“, подразумѣвая очевидно старожиловъ... „Въ 1566 году, напримѣръ, Нелединскій заложилъ свое Бѣжецкое сельцо Годунову подъ условіемъ: „владѣть ему, Годунову, тою вотчиною за ростъ два года со крестьяны“...

Съ другой стороны, передъ глазами землевладѣльцевъ былъ институтъ холоповъ, какъ и во времена „Русской Правды“. Этотъ институтъ холоповъ приводилъ къ тому, что можно было использовать какъ неопредѣленность правъ крестьянскихъ, такъ и расплывчатость самаго понятія „холопъ“, который цѣлый рядомъ переходныхъ состояній былъ связанъ съ зависимымъ положеніемъ крестьянства. Само собою разумѣется, землевладѣльцы не дремали и постарались изъ такого положенія вещей извлечь все, что можно. А возможнымъ казалось слѣдующее.

Прежде всего землевладѣльцы широко развили институтъ „ка бальныхъ холоповъ“. Кабальные холопы образовались благодаря зай мамъ. Человѣкъ получалъ взаймы извѣстный капиталъ подъ условіемъ что онъ будетъ у кредитора въ службѣ, пока не будетъ уплачен долгъ; служба эта считалась какъ бы процентомъ на капиталъ: „з ростъ“... Въ концѣ концовъ, долгъ въ срокъ не уплачивался и долж никъ оставался кабальнымъ холопомъ до смерти своего кредитора Не трудно догадаться, что при томъ безвыходномъ состояніи, въ ко торомъ находились крестьяне того времени, изъ среды крестьянств немало попадало въ число кабальныхъ холоповъ. „Законъ,—замѣ чаетъ г. Лаппо-Данилевскій,—запрещавшій крестьянамъ вступать в кабальные холопы, касался только крестьянъ тяглыхъ: среди тѣх „вольныхъ“ людей, которые писали на себя служилыя кабалы, п всей вѣроятности, бывали, однако, крестьянскіе братья, дѣти и т. п не записанные въ тягло, а въ дѣйствительности могли быть и кре стьяне тяглые: на это намекаютъ статьи Уложенія 1649 г., запрещав шія землевладѣльцамъ брать (служилыя) кабалы на своихъ крестьян и дѣтей ихъ, а воеводамъ и приказнымъ людямъ давать кому бы т ни было кабалы на бѣглыхъ крестьянъ и на дѣтей крестьянскихъ Такимъ образомъ, часть сельскаго населенія превращалась въ кабаль ныхъ холоповъ и попадала въ ту непосредственную и постоянну личную зависимость отъ господина, которой не знали крестьяне, жив шіе своими дворами и особыми хозяйствами“...

Много способствовалъ юридическому смѣшенію крестьянства с холопствомъ и институтъ такъ называемыхъ „задворныхъ людей“ Нѣкоторые изъ землевладѣльцевъ часть своихъ дворовыхъ холопов сажали на земледѣльческую работу, и тогда эти „задворные люди мало чѣмъ отличались отъ крестьянства; въ число задворныхъ, по видимому, попадали и крестьяне. „Въ Брянскомъ уѣздѣ, напримѣръ,— указываетъ г. Лаппо-Данилевскій,—въ деревнѣ Литвиновой, въ пере писной книгѣ 1678 года, за смоленскимъ рейтаромъ Д. Сорневымъ значился дворъ задворнаго человѣка, который былъ „крѣпокъ ему п отказнымъ книгамъ и написанъ въ отказныхъ книгахъ во крестьянствѣ“ Въ силу такого положенія вещей, дѣйствительно, разница между за дворными людьми (собственно холопами) и крестьянами стиралась ун окончательно. Создавался обычай, опасный для крестьянства и могу чій молчаливымъ попустительствомъ правительства.

Такое положеніе вещей становилось еще болѣе опаснымъ дл крестьянства въ силу того, что еще за много столѣтій до только чт описанныхъ процессовъ, на зарѣ самой исторіи крестьянства, крест янинъ, какъ мы видѣли, какъ-то самъ собой обратился въ преумен шеннаго мужа, „въ мужика“. Землевладѣльческій классъ за это врем выросъ численно, окрѣпъ юридически, захватилъ фактически всю г сударственную власть въ свои руки, а земледѣлецъ, пахарь, как былъ „мужикомъ“, такъ и остался имъ въ теченіи всего періода. „П судебнику, — пишетъ проф. Бѣляевъ, — за безчестье крестьянина по лагалось только рубль, тогда какъ за безчестіе дѣтямъ боярскимъ платилось противъ дохода, ежели было за ними кормленье: „безчест гостямъ, большимъ 50 рублевъ, а торговымъ людемъ и посадским людемъ, всѣмъ середнимъ безчестья пять рублевъ, а боярскому чел вѣку доброму безчестья пять рублевъ“... Мудрено ли, что при таком низкомъ юридическомъ положеніи, при такой экономической завис

сти, при такомъ равнодушіи закона къ отношеніямъ между крестьяниномъ и землевладѣльцемъ, послѣдній все чаще и чаще началъ прибѣгать къ голому насилію надъ крестьяниномъ, и уже въ нѣкоторыхъ памятникахъ XVI вѣка свидѣтельствуется объ „истязаніяхъ чемъ христіанъ, братій нашихъ“...

Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, какъ исподволь „двухвековою практикой“ подготовлялись всѣ элементы крѣпостного права.

змѣнились-ли основы внутренней жизни крестьянства за разсмотрѣнный періодъ?

Мы видѣли, что внѣшнія условія, въ которыхъ протекала жизнь сскаго крестьянства за первые шесть-семь вѣковъ его существованія, измѣнились въ очень значительной степени и въ худшую для го сторону. Свободное и равноправное съ другими свободными одьми крестьянство, какимъ оно было на зарѣ русской исторіи,— гатырь Микула Селяниновичъ нашихъ былинъ,—къ XVII вѣку азалось стѣсненнымъ и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ. Противъ него теперь стоялъ сильный и обширный классъ млевладѣльцевъ, который захватилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всю политическую власть. Благодаря такому положенію вещей, крестьянство все льше и больше сводилось на положеніе простыхъ рабовъ, и хотя оцессъ этотъ въ указанный періодъ не былъ доведенъ до конца, свобода крестьянства была стѣснена во многихъ отношеніяхъ. рочемъ, высшіе классы, въ лицѣ землевладѣльцевъ и правительственихъ чиновниковъ, по прежнему очень мало интересовались внутреннимъ бытомъ крестьянства. Они употребляли всѣ свои усилія лишь тому, чтобы усилить эксплуатацію крестьянства; вопросъ же о мъ, какъ крестьянство справлялось съ трудными финансовыми зачами, выпадавшими на его долю, мало интересовалъ высшіе классы го времени; столь же мало интереснымъ представлялся для нихъ просъ о томъ міросозерцаніи, которымъ было проникнуто крестьянво, и которымъ опредѣлялся его внутренній бытъ. Этотъ высшій ассъ землевладѣльцевъ и самъ былъ слишкомъ некультуренъ для го, чтобы усвоить какое-либо новое міросозерцаніе, болѣе соотвѣтвовавшее его собственнымъ интересамъ; по той же причинѣ онъ лъ слабъ и малодѣятеленъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда приходись касаться перевоспитанія народныхъ массъ. Въ самомъ дѣлѣ, потримъ, какъ относились правительство и землевладѣльцы къ общинному строю крестьянской жизни, который былъ выработанъ, какъ ы видѣли, естественнымъ процессомъ разселенія свободнаго народа лицу ничьей, Божьей земли.

Мы уже говорили о томъ, какъ при первой же крупной финанвой задачѣ—уплатѣ татарской дани— правительство не нашло ничего чшаго, какъ использовать въ этихъ цѣляхъ общинную организацію, язавъ ея членовъ круговой порукой. Эта система была принята и крѣплена нашимъ правительствомъ и во всей послѣдующей его дѣяльности, когда счеты съ татарскимъ владычествомъ были окончены. е трудно видѣть, что если круговая порука и не являлась необходимымъ условіемъ общинной жизни, если круговую поруку можно зсматривать, какъ навязанный придатокъ къ общиннымъ порядкамъ,

то во всякомъ случаѣ круговая порука не могла вліять разлагающ образомъ на общинные порядки и общинное міровоззрѣніе крест ства. «Всѣмъ извѣстно,—пишетъ г. Милюковъ,—какъ раскладываю обыкновенно подати между крестьянами русской деревни. Въ дере рѣдко кто, кромѣ должностныхъ лицъ, знаетъ, какія именно под онъ платитъ. Всѣ денежные платежи крестьянъ, безъ различія, идутъ они въ казну, или земство, или на содержаніе земскихъ властей, дутъ-ли это *подати* въ собственномъ смыслѣ, или, напр., выкуп платежи, т. е. уплата ссуды, данной крестьянамъ казной при освобожденіи,—всѣ эти платежи всей деревни складываются въ о общую сумму. Затѣмъ, міръ дѣлитъ крестьянскую землю на дол раздаетъ эти доли отдѣльнымъ домохозяевамъ. На такое же коли ство долей дѣлится и общая сумма платежей, такъ что на кажд участокъ земли приходится одинаковая доля подати, а затѣмъ кажд домохозяинъ платитъ столько долей подати, сколько онъ получ участковъ земли („тяголъ", или „душъ")».

Такъ происходитъ раскладка податей и повинностей въ сов менной деревнѣ, такъ же происходила она и въ средневѣковой Рос когда была введена круговая порука, такъ какъ при наличности к говой поруки и общинныхъ распорядковъ это—единственный спосо рѣшенія данной финансовой задачи, при которой правительство желаетъ считаться съ каждымъ отдѣльнымъ домохозяиномъ.

Со временемъ подобные порядки сбора податей и повинност еще больше дѣйствовали въ смыслѣ утвержденія власти общины крестьянскомъ бытѣ. Различныя общины были обложены различны количествомъ податей и повинностей, соразмѣрно съ количество пахатной земли, записанной за этими общинами въ „данскихъ", затѣмъ „писцовыхъ" книгахъ, составляемыхъ соотвѣтственными чин никами (платежная единица—„соха"). Но отношеніе между коли ствомъ населенія и количествомъ пахатной земли, записанной за ни не оставалось безъ измѣненія, особенно въ то время, когда населе еще недостаточно отвердѣло во многихъ мѣстахъ. Очень часто о зывалось, что то количество пашни, которое должна была оплачива та или другая община, было не подъ силу оставшемуся на данно мѣстѣ населенію; часть пашни запускалась, не давала уже боль дохода, но по прежнему облагалась податями и повинностями,—обл женіе становилось непосильнымъ для населенія. Отсюда многочисле ныя жалобы со стороны плательщиковъ; отсюда же разрѣшеніе стороны правительства общинамъ возвращать своихъ тяглецовъ мѣста, съ которыхъ они сбѣжали, и на которыхъ не оставили никако плательщика.

Несомнѣнно, читатель уже замѣтилъ, что говоря о привлечен общинъ къ тяглу, говоря о созданіи платежныхъ единицъ, охваче ныхъ круговою порукой, мы говоримъ вмѣстѣ съ тѣмъ о нѣсколь иной группировкѣ, чѣмъ та, которая создавала процессъ свободна разселенія. Несомнѣнно, что эти платежныя единицы („сотни"), уст навливаемыя правительственными чиновниками, очень рѣдко совпада съ границами той общины, которая самопроизвольно образовывала на той или другой территоріи. Такая „сотня" могла быть или уже, и шире фактической поземельной общины. Но не надо забывать того, чт сами-то поземельныя общины слагались нерѣдко въ весьма причудливых комбинаціяхъ. Одна и та же группа домохозяевъ могла входить в

зличныя общинныя сочетанія. Вотъ что читаемъ мы, напр., у г. Ка-
ровскаго. „Въ появленіи и развитіи границъ можно различать два
новныхъ типа: границы появляются или вокругъ извѣстныхъ *групп*ъ
одей, или вокругъ извѣстныхъ *участковъ земли*. Въ первомъ случаѣ
имкѣ, селенію, просто группѣ селеній или группѣ селеній, соста-
яющей сельское общество или волость, — отходитъ *вся* лежащая
рестъ данной поселенной единицы земля со всѣми къ ней относя-
мися угодьями. Во второмъ же случаѣ не всѣ угодья группируются
кругъ данныхъ селеній, а, напротивъ, селенія группируются вокругъ
яныхъ *отдѣльныхъ угодій*... Такимъ образомъ, въ первомъ случаѣ
имѣемъ владѣнія заимочныя, т. е. семейныя, общины-селенія,
щины изъ группъ селеній, сельско-общественныя (т. е. совпадающія
административной единицей, селомъ-обществомъ), волостныя и, на-
нецъ, „юридическія", т. е. входящія въ одну земельную дачу по
фиціальному межеванію. Во второмъ случаѣ изъ селеній, заимокъ
группъ ихъ образуются общины—пахотныя, сѣнокосныя, выгонныя,
сныя, при чемъ не только одно и то же селеніе можетъ входить
пахотную общину съ одними селеніями, въ сѣнокосную—съ дру-
ми, въ выгонную—съ третьими, но даже двѣ части даннаго селенія
гутъ составлять отдѣльныя общины... Интересно отмѣтить,—указы-
етъ тамъ же въ примѣчаніи г. Качоровскій,—что кромѣ этихъ
щинъ, по отношенію къ сельскохозяйственнымъ угодьямъ есть особыя
етанія группъ семей и деревень въ пользованіи участками лѣсовъ
водныхъ пространствъ, первыми, какъ охотничьими, вторыми, какъ
боловными угодьями и какъ механическимъ двигателемъ и запасомъ
орошенія, т. е. особыя охотничьи, рыболовныя, мельничьи, по-
вныя общины и т. д."...

Эта схема образованія общинъ, какъ не трудно видѣть, имѣла
ложеніе въ жизни крестьянства съ самаго начала возникновенія
щинныхъ порядковъ, а потому внесеніе новой фискальной группи-
зки крестьянства въ видѣ „сотенъ", опирающихся на общинное же
левладѣніе, могло произвести въ нѣкоторыхъ случаяхъ извѣстную
регруппировку этихъ общинныхъ связей, могло намѣтить извѣстный
рватеръ, въ который стала вгоняться общинная жизнь, но не могло
снуться существа общинныхъ порядковъ, нанести тяжелый ударъ
щинному міросозерцанію русскаго крестьянства.

Точно такъ же и на частновладѣльческой землѣ общинные порядки
большинствѣ случаевъ не были разрушены новыми хозяевами земли.
стные владѣльцы точно такъ же, какъ и государство, воспользова-
сь готовой формой общежитія для того, чтобы создать изъ нея
ларатъ, при помощи котораго наиболѣе усиленно выкачивались всякіе
дати и поборы изъ крестьянской массы. Приведемъ примѣръ, заим-
вуя его у г. Лаппо-Данилевскаго. Въ 1564 году промежъ крестьянъ
мской волости возникло „смущеніе великое о волостныхъ розру-
хъ и о всякихъ тяглѣхъ"; тогда соловецкій игуменъ Филиппъ, въ
ѣніи котораго сидѣли крестьяне, „посовѣтовавъ съ братіей, напи-
лъ имъ указъ о всякихъ розрубѣхъ и тяглѣхъ"; въ своемъ „указѣ"
ъ предписалъ крестьянамъ для раскладки выбирать „всею во-
стью" особыхъ окладчиковъ: въ случаѣ кто-либо изъ выборныхъ
захочетъ итти въ окладчики, то брать на него монастырскаго до-
дчика и отдавать ослушника на поруки съ обязательствомъ въ
вѣстный срокъ стать къ отвѣту передъ монастырскими властями...;

въ случаѣ же, если кто-нибудь изъ „земскихъ людей и казаковъ о шается и откажется платить, то старостѣ съ крестьянами про у тіуна доводчика и велѣть доправливать на ослушникѣ безсрочно чѣмъ его обложатъ“... Тутъ передъ нами опять-таки уже знак картина: возложеніе на самихъ крестьянъ, иначе говоря, на общины фискальныхъ задачъ, которыя должны быть разрѣшены въ выгодахъ землевладѣльцевъ.

Такимъ образомъ та государственная и землевладѣльческая стройка, которая твердо установилась надъ крестьянскимъ міромъ XVII столѣтію, дѣйсгвительно, не только не разрушила общинн порядковъ и общиннаго міросозерцанія русскаго крестьянства, привела ихъ къ болѣе живому и настойчивому примѣненію въ наваленныхъ извнѣ на крестьянство новыхъ фискальныхъ зад Чтобы убѣдиться въ томъ, что община въ то время представ собою живой и способный къ развитію организмъ, стоитъ только вз нуть на тѣ функціи, которыя она выполняла, и какъ она ихъ вы няла. На первыхъ же шагахъ можно указать, что, исполняя свои занности по раскладкѣ податей и повинностей, община часто об бовывала истинно демократическій принципъ — раскладку сооб доходности каждаго члена. „При раскладкѣ податей,—разсказыва проф. Бѣляевъ,—община со своими выборными начальниками пр мала въ расцѣнку все имѣнье каждаго крестьянина, и дворъ, и машнюю скотину, и пашню, и получаемый съ нея хлѣбъ, промы и работниковъ въ семьѣ, какъ прямо сказано въ одной царской мотѣ на Колмогоры (1578 года)“... „Окладывали бъ земскихъ лю и казаковъ бъ Божію правду, кого чѣмъ пригоже, кто чего достоинъ говорится еще, напримѣръ, въ уставной грамотѣ, выданной Соло кимъ монастыремъ крестьянамъ Сумской волости.

Несомнѣнно, далѣе, что при помощи общины крестьянство ин умѣло добиваться защиты своихъ интересовъ съ неизмѣримо больш успѣхомъ, чѣмъ это было доступно какому-нибудь отдѣльному чл крестьянскаго міра. „Въ уставной грамотѣ Новинскаго монастыр указываетъ проф. Лаппо-Данилевскій, — встрѣчается условіе, въ с котораго „выть“ крестьянина, вышедшаго за волость по сроку съ от зомъ, отдавалась пахать „крестьянамъ того села... а игумену вы выть не вступатися“. Отъ конца XVII вѣка сохранилась челобит старосты, цѣловальниковъ и всѣхъ крестьянъ Зосиминской пустыни, которой они просили монастырскихъ властей убавить число требуем съ нихъ работниковъ: просьба монастырскихъ сиротъ была услыш власти сочли возможнымъ облегчить ихъ „повинности“...

Несомнѣнно также, что и передѣльный механизмъ во многихъ стахъ не оставался безъ постояннаго примѣненія. Въ этомъ отноше являются весьма убѣдительными показанія Судебника царя Ѳедора И новича. Въ этомъ памятникѣ мы находимъ установленіе правилъ, ко рыми должны регулироваться передѣлы и раздѣлы земли между „со дями“ или „складниками“, составлявшими мелкую общинную ячей Вотъ что пишетъ по этому поводу г. Рожковъ: „159-я статья Судебн важна прежде всего въ томъ отношеніи, что констатируетъ господс передѣловъ въ складническомъ землевладѣніи конца XVI вѣка... Та статья убѣждаетъ, что передѣлъ распространялся обыкновенно на угодья—поля, наволоки, вообще, всякія земли и угодья, пожни и тики“... Поводомъ къ такимъ передѣламъ могло послужить появлен

еревнѣ новаго жильца-складочника, заявившаго требованіе „землю де-
ити“, какъ указываетъ ст. 159 того же Судебника; само собою разу-
ѣется, что необходимость передѣла опредѣлялась весьма часто и случаями
ъ родѣ того, который мы видѣли въ вышеприведенной грамотѣ Новин-
каго монастыря, т. е. когда дольщикъ въ землѣ выходитъ, а земля
стается во владѣніи и распоряженіи оставшихся крестьянъ.

Но, быть можетъ, самымъ яркимъ доказательствомъ жизнеспособ-
ости общины того времени является та роль, которую она мѣстами
етаки играла въ политической жизни страны. „Правительство
XVI ст.),—пишетъ проф. Бѣляевъ,—явно стремилось къ тому, чтобы,
обще, поставить общины въ основаніе управленія, оно не только доз-
олило имъ самоуправленіе и самосудъ по ихъ выбору, но и дало право
изни и смерти надъ своими членами и даже надъ выборными началь-
иками. Мало этого: законъ передалъ въ полное распоряженіе общинъ—
правлять ли имъ самимъ собою чрезъ своихъ выборныхъ начальни-
овъ, надъ которыми онѣ имѣли право жизни и смерти, или просить
равителей у государя, которые уже не зависѣли отъ общинъ“... И дѣло
правленія при такихъ условіяхъ шло съ замѣтнымъ успѣхомъ... Не
удно понять, что это возможно было только въ томъ случаѣ, если за-
онъ нашелъ на мѣстѣ достаточно сорганизованную и крѣпкую общин-
ую жизнь.

Такимъ образомъ, всѣ приведенные здѣсь факты и соображенія,
йствительно, подтверждаютъ ту мысль, которую мы высказывали уже
однократно. Наше правительство къ концу XVI и къ началу XVII вѣка
весьма значительной степени стѣснило личныя права крестьянства,
общиннаго строя крестьянства оно не тронуло, находя даже удоб-
имъ воспользоваться готовой формой общежитія для того, чтобы глубже
овести въ народную массу пріемы своей политики.

То же можно сказать и о демократическихъ принципахъ, на кото-
хъ строились взаимныя отношенія земледѣльцевъ другъ къ другу еще
отдаленной эпохи перваго образованія русскаго государства. Адми-
стративныя и судебныя обязанности возлагались на выборныхъ, которыя
лжны намѣчаться внутри общины, повидимому, путемъ всеобщаго,
ямого и равнаго избирательнаго права. Слѣдовательно, демократич-
сть основъ, на которыхъ строились взаимныя отношенія крестьянства
го времени, остается внѣ сомнѣнія.

Эта любовь къ личной самостоятельности, сохранившаяся въ кре-
ьянствѣ, отмѣчается проф. Бѣляевымъ и на слѣдующемъ любопытномъ
ктѣ. Несомнѣнно, что масса крестьянская была очень часто въ такомъ
ккомъ экономическомъ положеніи, что потеря личной свободы, пере-
дъ въ холопство для многихъ и очень многихъ являлся весьма жела-
льнымъ, лишь бы только освободиться отъ тягла, тяготѣвшаго надъ
лей. „Но, — замѣчаетъ указанный авторъ, — очевидно, и въ этомъ
желомъ положеніи любовь крестьянъ къ свободѣ и самостоятельности
ла такъ велика, что сравнительно немногіе рѣшались мѣнять безотрад-
ю и тяжелую жизнь крестьянина на жизнь боярскаго холопа, сво-
ную отъ тяжестей тягла и обезпеченную боярскимъ содержаніемъ;
ишимъ доказательствомъ сему служатъ писцовыя книги, въ которыхъ
сто дворовъ крестьянскихъ не приходилось и десяти дворовъ люд-
ихъ или холопскихъ, несмотря на то, что по Судебнику переходъ
крестьянства въ холопы былъ свободенъ“...

Но какъ же при такихъ условіяхъ оказались, тѣмъ не менѣе, воз-

можными всѣ тѣ пріемы, которыми въ теченіе вѣковъ подготовляли наиболѣе отвратительные элементы крѣпостного права? Отвѣтъ ясен крестьянство было разобщено и некультурно; бѣда закрѣпощенія над галась на него исподволь, въ различной степени и въ различныхъ фо махъ въ различныхъ мѣстахъ; организованному натиску землевладѣльце крестьянство не могло дать организованный отпоръ... Наконецъ, сопр тивленіе и негодованіе крестьянства не достигало сколько-нибудь зн чительныхъ размѣровъ и потому, что долгое время въ его распоряжен оставалось весьма дѣйствительное средство уклоненія—бѣгство съ мѣст къ которому законодательство долгое время должно было относить довольно терпимо.

Когда же возникло крѣпостное право?

Теперь мы уже можемъ отвѣтить на вопросъ, когда же возник крѣпостное право. Нѣтъ такого года, нѣтъ такого одного законодате наго или административнаго распоряженія, которымъ вводилось бы кр постное право. Крѣпостное право, какъ безпросвѣтная ночь, залегш надъ жизнью народа на нѣсколько сотенъ лѣтъ, сотнями же лѣтъ и др крадывалась въ русскую дѣйствительность. Мелкими ограниченіями св боды крестьянства, тонкой сѣтью долговъ крестьянства въ пользу земл владѣльцевъ, расхищеніемъ народныхъ земель—вотъ чѣмъ подготовляли изъ года въ годъ мало-по-малу тѣ до сихъ поръ неизжитые общ ственные порядки, имя которымъ —крѣпостное право. Законодательст на помощь крѣпостному праву пришло позже. Оно оформило и слег только додѣлало то, что уже было сдѣлано въ жизни. Оно сдѣлало э систему крѣпостного насилія только болѣе стройной и болѣе цѣльно Объ этомъ намъ теперь и предстоитъ сказать нѣсколько словъ.

По мѣрѣ того, какъ ухудшалось положеніе крестьянства, по мѣ того, какъ возрастало угнетеніе его со стороны помѣщиковъ, все бол и больше увеличивалось количество бѣглыхъ крестьянъ. Въ XVI-мъ ст лѣтіи, въ царствованіе Іоанна Грознаго, было окончательно сломле могущество татаръ: пали царства Казанское и Астраханское. Вмѣстѣ этой побѣдой московскаго государства для русскаго крестьянства отк вались огромныя приволжскія степи со своими плодородными почва Раньше русскій хлѣбопашецъ не рѣшался проникать въ эту облас изъ боязни татарскихъ набѣговъ. Теперь, послѣ покоренія обои татарскихъ ца ств, татарскіе наѣздники уже не были страшны ру скому крестьянству, и оно устремилось прочь изъ-подъ властной и ж стокой руки русскаго помѣщика. Какъ велико было это бѣгство кр стьянства со своихъ мѣстъ, можно судить хотя бы по слѣдующему пр мѣру. Въ 1566 году въ Муромѣ числилось 587 жилыхъ домовъ, а чере 8 лѣтъ жилыхъ домовъ тамъ было всего уже 111; такимъ образом опустѣло 476 домовъ, то есть осталось на мѣстѣ менѣе одной пят всего прежняго населенія.

Особенно разбѣгалось крестьянство отъ мелкихъ помѣщиковъ, к торые, соприкасаясь близко съ крестьянствомъ, умѣли, какъ говорит вытянуть изъ него послѣднія жилы. Имѣнія этихъ мелкихъ помѣщико обезлюживались не только потому, что крестьянство устремлялось новыя, вольныя земли, но и потому, что оно усиленно переманивало болѣе богатыми и болѣе многоземельными помѣщиками. Вѣдь, земля са сама по себѣ ничего не стоитъ; цѣнной, доходной она становится, толь благодаря труду человѣка. Вотъ почему богатые, многоземельные пом

ники и прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы переманить къ себѣ какъ ожно больше крестьянъ. Они часто платили долги за крестьянъ мелкопо-мѣстныхъ и перевозили этихъ послѣднихъ въ свои имѣнія съ тѣмъ, тобы, конечно, закрѣпить ихъ за собой. Установился даже особый по-ядокъ подобнаго „вывода“ рабочей семьи изъ одного помѣстья въ ругое. Богатые помѣщики держали особыхъ служащихъ, которые назы-ались „отказчиками“. Эти „отказчики“ ѣздили по селамъ и деревнямъ елкихъ помѣщиковъ и уговаривали ихъ крестьянъ воспользоваться своимъ равомъ перехода къ новому владѣльцу около Юрьева дня. Долгъ та-ихъ крестьянъ, какъ было сказано, уплачивался новымъ помѣщикомъ. о этого мало. Отказчики нерѣдко уговаривали крестьянъ просто бѣжать ъ новому помѣщику, безъ всякой уплаты своего стараго долга. Такихъ ѣглецовъ богатому помѣщику не трудно было скрыть въ своихъ обшир-ыхъ помѣстьяхъ; тѣмъ болѣе, что каждаго такого бѣглаго крестьянина адо было укрыть всего лишь на пять лѣтъ, послѣ чего искать его уже е позволялось. Мелкіе помѣщики, конечно, не могли сносить равно-ушно подобнаго сманиванія „своихъ“ крестьянъ: они только и корми-ись мужицкимъ трудомъ, безъ мужика они были обречены на разоренье. ачались между крупными и мелкими помѣщиками ссоры, жалобы. Эта ора, которая поднялась тогда изъ-за крестьянства между самими по-ѣщиками, для правительства была ножъ острый. Трудно было держать ъ рукахъ крупныхъ помѣщиковъ, которые большею частью были близки ъ государеву двору, но и страшно было раздражать мелкихъ помѣ-иковъ, которые въ то время представляли все еще главную енную силу государства. Вотъ это послѣднее соображеніе и взяло, ъ концѣ концовъ, верхъ: правительство приняло сторону мелкихъ по-щиковъ.

Въ 1601 году царь Борисъ запретилъ крупнымъ помѣщикамъ вы-дить крестьянъ, а оставилъ этотъ выводъ только для мелкихъ помѣ-иковъ и то въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Крестьянамъ, конечно, ъ этого стало еще хуже, потому что такимъ образомъ закрѣпощеніе хъ явно освящалось закономъ, и помѣщики могли своевольни-ть во всю, ничѣмъ уже не смущаясь. Дальше пошло для крестьянства ло еще хуже. Въ 1607 году былъ изданъ новый указъ, по которому глый крестьянинъ подлежитъ розыску и возврату даже въ томъ случаѣ, ли бы владѣлецъ и не возбуждалъ дѣла объ его бѣгствѣ; въ то же емя за пріемъ бѣглецовъ налагаются строгія наказанія. Но какіе силь-ые удары свободѣ крестьянства ни наносили эти распоряженія прави-льства, тѣмъ не менѣе все же послѣдняго слова,—слова о прямомъ крѣпощеніи,—пока выговорено закономъ не было. Это послѣднее слово, отъ послѣдній камень надъ могилой свободнаго крестьянства, было мовлено лишь въ Уложеніи 1649 года.

Въ этомъ законодательномъ памятникѣ прямо сказано, что кре-ьянинъ прикрѣпляется къ той землѣ, на которой онъ находится „съ емянемъ вмѣстѣ“. Такимъ образомъ, законъ прикрѣпилъ не только естьянина-домохозяина, но и всю его семью—„ихъ братью, дѣтей и емянниковъ, и внучатъ, съ женами и дѣтьми“. Вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ ложеніемъ были отмѣнены и „урочныя лѣта“, послѣ которыхъ бѣглаго естьянина нельзя было уже искать. Слѣдовательно, каждый кресть-инъ теперь становился прикрѣпленнымъ къ той землѣ, на которой его стала перепись; на эту землю его и его дѣтей должны были возвратить случаѣ его побѣга, сколько бы лѣтъ онъ ни прожилъ на сторонѣ.

Но и теперь въ законѣ не было сказано, что крестьянинъ стан вится рабомъ, холопомъ. Вѣдь, государство прикрѣпляло крестьянина землѣ для того, чтобы онъ кормилъ помѣщика и давалъ этому послѣ нему возможность нести военную государственную службу. Правда, п мѣщики уже давно стали распоряжаться крестьянами, какъ рабам творя надъ ними всякаго рода неправду и насиліе. Но по закону кр стьянинъ все же во многомъ отличался отъ холопа.

По закону, напр., крестьянинъ и теперь имѣлъ право искать и отвѣчать въ дѣлахъ гражданскихъ: законъ установилъ плату за бе честье и увѣчье крестьянина; крестьянинъ могъ даже вступать въ з конныя сдѣлки со своимъ господиномъ и казною. Но вмѣстѣ съ тѣ законъ попрежнему продолжалъ попустительствовать помѣщику. Та напр., въ Уложеніи не установлено наказанія господину за неумышле ное убійство своего крестьянина или за жестокое обращеніе, причинивш ему смерть; дальше землевладѣльцу предоставлялось выступать на су вмѣсто своихъ крестьянъ во всякихъ дѣлахъ, за исключеніемъ убійств разбоя и воровства; въ Уложеніи запрещено также вѣрить доносамъ, слѣдовательно, и жалобамъ крестьянъ на своихъ господъ „опричь вел кихъ дѣлъ", т. е., кромѣ тѣхъ дѣлъ, которыя касаются здоровья гос даря и измѣны. Наконецъ, законъ совершенно не вмѣшивался въ хозя ственные разсчеты крестьянина съ землевладѣльцемъ: онъ не указывал какого размѣра долженъ быть участокъ, онъ не опредѣлялъ, сколь дней крестьянинъ долженъ работать на своего господина; онъ не г ворилъ о томъ, какихъ размѣровъ должны быть платежи крестьяни за арендуемый участокъ; даже больше того: Уложеніе позволяло взыск вать долги землевладѣльца съ крестьянскаго имущества и такимъ обр зомъ какъ бы говорило, что нечего господину дѣлать различіе межд своимъ и крестьянскимъ имуществомъ, что господинъ и на крестья ское имущество можетъ смотрѣть, какъ на свое, что крестьянину н слѣдуетъ имѣть свое имущество. Эти законодательныя поощренія был какъ нельзя, на руку помѣщичьему своеволію. Тѣ жалкія права, к торыя были оставлены за крестьяниномъ, и которыя никакими мѣра не были защищены закономъ, вскорѣ окончательно были позабыты п мѣщиками. Они стали произвольно устраивать браки между своими кре стьянами. Они мѣняли и уступали ихъ другъ другу и съ землей, и без земли, и цѣлыми семьями, и отдѣльными лицами. Такъ же происходила покупка и продажа, при чемъ эти сдѣлки оформливались и оффиціальн и открыто записывались въ холопьихъ приказахъ, которые были устроен лишь для дѣлъ о рабахъ, о холопахъ. А для того, чтобы закабаленно крестьянство находилось въ строгомъ подчиненіи на помѣщичьихъ дво рахъ, были заведены тюрьмы, кандалы, колодки, битье кнутами, сѣчень розгами и даже пытки...

Такъ водворилось во всей своей гнусности и непристойности крѣ постное право, или, вѣрнѣе сказать, крѣпостное безправіе. Дальнѣйш законодательныя мѣры клонились лишь къ тому, чтобы этимъ правом могли пользоваться одни лишь дворяне, и чтобы тѣ остатки правъ, ко торые числились за крестьяниномъ по закону, были отмѣнены.

Правда, крѣпостное право было установлено не для всего кресть янскаго міра, оно простиралось только на помѣщичьихъ крестьянъ, кре стьяне же государственные, черносошные должны были бы оставатьс внѣ крѣпостного права и его порядковъ, такъ какъ они принадлежал государству, а не частнымъ лицамъ. Судьба государственныхъ кре

ьянъ находи.ась въ рукахъ чиновниковъ, а не частныхъ лицъ. Но иновники эти, вѣдь, были почтипоголовно дворянами, по крайней мѣрѣ, ерхи этого чиновничества. Нетрудно понять, что понятія, которыя они ырабатывали въ частной жизни, они примѣняли и къ общественнымъ тношеніямъ.

Итакъ, темная, безпросвѣтная ночь крѣпостной эпохи была темной непроглядной не для однихъ помѣщичьихъ крестьянъ, но и для всего рестьянскаго міра нашей родины.

Лекція III.

Освобожденіе отъ крѣпостного права.

Русское крестьянство никогда не мирилось съ крѣпостнымъ правомъ.

Тяжелыми, безотрадными картинами полна вся эпоха крѣпостго права. Не было ни одного честнаго человѣка, сумѣвшаго сохрать въ себѣ живую душу, который не вспоминалъ бы объ этомъ мени съ глубокимъ отвращеніемъ.

Вотъ что, напр., пишетъ одинъ изъ нашихъ знаменитыхъ соотетвенниковъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Нарисовавъ картину тяжео положенія крѣпостныхъ своего отца, у котораго крѣпостнымъ лось еще сравнительно сносно, онъ продолжаетъ:

„Таковы были дѣла, которыя я самъ видѣлъ въ дѣтствѣ. Картина училась бы гораздо болѣе мрачная, если бы я сталъ передавать, слышалъ въ тѣ годы: разсказы про то, какъ мужчинъ и женщинъ ывали отъ семьи, продавали, проигрывали въ карты, либо вымѣали на пару борзыхъ собакъ, а потомъ переселяли на окраину сіи, чтобы образовать тамъ новое село; разсказы о томъ, какъ имали дѣтей отъ родителей и продавали жестокимъ или же разнымъ помѣщикамъ; про то, какъ съ неслыханной жестокостью дневно пороли на конюшнѣ; про дѣвушку, утопившуюся, чтобы тпсь отъ насилія; про старика, посѣдѣвшаго на службѣ у барина отомъ повѣсившагося у него подъ окнами; про крестьянскіе бунты, ощаемые николаевскими генералами: запарываніемъ до смерти дего или же пятаго и опустошеніемъ деревни. Послѣ военной экзеи оставшіеся въ живыхъ крестьяне отправлялись побираться подъ ми. Что же касается той бѣдности, которую во время поѣздокъ дѣлъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ, въ особенности въ удѣльныхъ,— ѣтъ словъ для описанія всего“...

Не даромъ прошли для русскаго крестьянства вѣка этой тяжкой ли. Русскій крѣпостной крестьянинъ вырождался. Въ послѣднія тилѣтія передъ освобожденіемъ естественный приростъ крѣпостнаселенія пріостановился. Во многихъ мѣстахъ выродился и его ческій типъ. Могучая физическая сила, отвага, смѣтка, лукавая одная рѣчь, которая такъ типична для былиннаго богатыря крестства Микулы Селяниновича, все это сгинуло, все это стерлось тяжелой пятой крѣпостного дворянства. „Ненависть, смѣшанная лобой и стыдомъ, наполняетъ мое сердце, когда я гляжу на этотъ

жестокій упрекъ",—говоритъ знаменитый нашъ писатель Герценъ по поводу картины „Славянскій невольникъ". „Бѣлорусскій мужикъ, без шапки, обезумѣвшій отъ страха, нужды и тяжкой работы, руки по поясѣ, стоитъ среди поля и какъ-то косо и безнадежно смотри внизъ. Десять поколѣній, замученныхъ на барщинѣ, образовали тако парію; его черепъ сузился, его ростъ измельчалъ, его лицо съ дѣтст покрылось морщинами, его ротъ судорожно искривленъ, онъ отвы отъ слова. Звѣриный взглядъ и запуганное выраженіе показывают насколько шаговъ онъ пошелъ вспять отъ человѣка къ животнымъ" Вотъ во что обратился при благосклонномъ содѣйствіи крѣпостно дворянства нашъ богатырь Микула Селяниновичъ!

Но „русскій народъ уступилъ не безъ боя",—пишетъ тотъ Герценъ,—„вспомните, что было послѣ Бориса, во время самозванце и междуцарствія: казалось, все государство было объято огнемъ распадалось, все бродило въ болѣзненномъ волненіи, бралось за оруж Откуда эта возбужденность, эта готовность къ бою, откуда эти по чища тушинскаго вора и другихъ? Сѣверо-востокъ Руси покрыл разбойниками, съ ними воюютъ, какъ съ непріятелями, противъ ни посылаютъ войска и пушки, ихъ вѣшаютъ *сотнями* при царѣ Алекс Михайловичѣ. У Стеньки Разина было цѣлое войско. Столѣтіе спус собралось цѣлое войско вокругъ Пугачева.

„Именемъ Петра Третьяго (которымъ дѣйствовалъ Пугачев котораго народъ не зналъ, мудрено было бы поднять цѣлыя губерн Имя его придавало призрачную законность возстанію. Въ сущно народъ бунтовалъ противъ крѣпостного состоянія".

Эти бунты повторялись, хотя и въ меньшей степени, изъ году годъ. Уже наканунѣ освобожденія, въ царствованіе Николая Павлови за 29 лѣтъ насчитано было 556 крестьянскихъ волненій, т. е. кр лымъ счетомъ по 19 волненій на годъ. Въ нѣкоторыхъ губерні эти волненія повторялись тогда съ особой настойчивостью. Такъ, Тверской губерніи за это время было 24 случая крестьянскихъ в неній, въ Костромской и Смоленской—по 23, въ Московской—21, Новгородской, Саратовской и Черниговской—по 20, въ Кіевской— въ Тамбовской—18, въ Воронежской—17.

Бунты эти, конечно, подавлялись съ неукоснительностью. прибытіи въ деревню",—писалъ императору Павлу въ своемъ всеп даннѣйшемъ отчетѣ посланный для усмиренія крестьянъ калуж вице-губернаторъ,—„не нашелъ никого изъ крестьянъ, *пересѣкъ к томъ жснъ ихъ и средняго возраста дѣтей въ страхъ другим* Вотъ до какой дикости и озвѣрѣнія доходили нерѣдко эти усмирит эти защитники крѣпостного дворянства и сами владѣтели мно крѣпостныхъ душъ... Или вотъ еще, какъ описываетъ усмиреніе уд ныхъ крестьянъ въ 1834 г. одинъ жандармскій полковникъ: „Нач съ семидесятилѣтняго старика, котораго забили до смерти и на м ваго уже надѣли кандалы; затѣмъ били еще 13 человѣкъ и то 14-й послѣ 300 ударовъ объявилъ, что будетъ повиноваться... З ченные ожили: отлили водой".

Кромѣ подобныхъ кровавыхъ мѣръ усмиренія, которыя пра ковались въ большомъ количествѣ, въ менѣе опасныхъ случа употреблялись, если можно такъ выразиться, и болѣе гуманныя м Такъ, нерѣдко, за неповиновеніе помѣщикамъ ссылали въ Сиб Крестьяне, подвергшіеся подобному наказанію по волѣ помѣщ

насчитывались многими тысячами. О мѣрахъ укрощенія строптивыхъ домашними средствами, т. е. кнутомъ, розгами, кандалами и даже пыткой, мы уже говорили... И несмотря на всѣ эти звѣрства, крестьяне продолжали протестовать противъ крѣпостного безправія.

Кромѣ бунтовъ, у крѣпостного крестьянства были и другія „свои средствія"... „А между тѣмъ въ деревняхъ становится неловко",—писалъ тотъ же Герценъ:—„крестьяне посматриваютъ угрюмо. Всякія вѣсти бродятъ. Тамъ-то помѣщика съ семьей сожгли, тамъ-то убили другого цѣпами, тамъ-то приказчика задушили въ полѣ бабы, тамъ-то камергера высѣкли розгами и взяли съ него подписку молчать". И, дѣйствительно, только съ 1835 по 1854 годъ крѣпостными было убито 144 помѣщика. Въ теченіе 9 лѣтъ, съ 1835 по 1843 годъ за убійство помѣщиковъ было сослано 298 мужчинъ и 118 женщинъ. Еще больше было покушеній на убійство помѣщиковъ. Многія изъ такихъ покушеній сохранялись помѣщиками втайнѣ для того, чтобы не наталкивать мысль окружающихъ крестьянъ на возможность подобной расправы. Не мало, далѣе, совершалось поджоговъ. Наконецъ, многіе изъ крѣпостныхъ искали освобожденія отъ крѣпостныхъ оковъ въ побѣгахъ, а когда это не удавалось—даже въ самоубійствахъ.

Такъ упорно изъ года въ годъ протестовало крѣпостное крестьянство противъ цѣпей, въ которыхъ держало крѣпостное право. Красный призракъ пугачевщины, поддерживаемый постояннымъ глухимъ недовольствомъ крестьянства, постоянно стоялъ передъ глазами помѣщиковъ. „Когда извѣстіе о смерти Николая Перваго",—разсказываетъ Крапоткинъ,—„распространилось, ужасъ охватилъ какъ нашъ, такъ и сосѣдніе дома. Передавалось, что народъ на базарѣ держитъ себя крайне подозрительно и не только не выражаетъ сожалѣнія, но, напротивъ, высказываетъ опасныя мнѣнія. Взрослые разговаривали не иначе, какъ шопотомъ, а мачеха твердила постоянно: „Ахъ, не говорите при людяхъ!" Слуги, въ свою очередь, шептались про волю, которую дадутъ скоро. Помѣщики ждали ежеминутно бунтъ крѣпостныхъ, новую пугачевщину"...

Какія причины привели къ паденію крѣпостного права?

Страхъ новой пугачевщины — вотъ первая и, быть можетъ, главная причина, которая все чаще и чаще заставляла задумываться правительство и дворянъ-крѣпостниковъ о необходимости внести существенныя перемѣны въ положеніе крестьянскихъ массъ. Какъ выросла та старая пугачевщина, какъ постепенно подготовлялся тотъ стихійный взрывъ ненависти измученнаго народа,—этого наши крѣпостники не знали, но они хорошо помнили по разсказамъ своихъ бабушекъ и дѣдушекъ о тѣхъ ужасахъ, которыми была полна эта стихійная буря. Они видѣли также, что въ народной массѣ снова крѣпнетъ чувство негодованія противъ крѣпостного безправія. Въ то время все чаще и чаще начинали раздаваться жалобы, что „народъ портится". Эти жалобы свидѣтельствовали о томъ, что крестьянскія массы проявляютъ все большее и большее нетерпѣніе. „Прежняя безропотная покорность крѣпостныхъ людей, доходившая иногда до изумительнаго самозабвенія, слабѣетъ съ каждымъ поколѣніемъ",—писалъ одинъ изъ выдающихся наблюдателей того времени—Самаринъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянскіе бунты начинали принимать все болѣе и болѣе угрожающій характеръ. Такъ, незадолго до освобожденія (въ 1847—

1848 г.г.), броженіе среди крестьянъ въ имѣніяхъ Голицына въ Данковскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи продолжалось два года. На второй годъ этихъ волненій крестьяне прекратили всякія барщинныя работы, смѣнили всѣ сельскія власти и подвергли ихъ тѣлесному наказанію за то, что онѣ проявляли слишкомъ большое усердіе по отношенію къ помѣщику. Въ томъ же 1847 г. грандіозныя крестьянскія волненія охватили Витебскую губернію. Въ движеніи приняли участіе до 10.000 человѣкъ. Огромными толпами крестьяне двинулись на Петербургъ. Передъ выступленіемъ они пріобрѣтали ружья, закупали порохъ, лили пули, перековывали лемехи на пики. Полиція и нѣсколько мелкихъ воинскихъ отрядовъ потерпѣли пораженіе. Это крестьянское войско подвигалось, „сохраняя всѣ военныя предосторожности: впереди обоза шла партія человѣкъ въ полтораста, вооруженныхъ дубинами, пращами, косами и проч.; по сторонамъ, въ серединѣ и въ замкѣ также вооруженные люди“... Позднѣе, во время Крымской кампаніи, крестьянство надѣялось найти себѣ волю, поступая въ ополченіе. Эти надежды вызвали крестьянскія волненія на огромной площади Рязанской, Тамбовской, Владимірской, Нижегородской, Кіевской, Симбирской, Саратовской и Тверской губерній. Для усмиренія одной Кіевской губерніи понадобилось 16 эскадроновъ, двѣ роты саперовъ и батальонъ егерей. „При современномъ настроеніи крѣпостного сословія“,—писалъ тогда тотъ же Самаринъ,— „пьяная рѣчь бѣглаго солдата, превратно понятый указъ, появленіе небывалой болѣзни, пріѣздъ государя въ Москву, всякое происшествіе, почему-либо обращающее на себя вниманіе, можетъ произвести гдѣ-нибудь тревогу и возбудить мгновенно присущую мысль о свободѣ; ничтожный безпорядокъ можетъ также легко перейти въ бунтъ, *а бунтъ развиться до общаго возстанія*“... Вотъ состояніе духа, въ которомъ должно было находиться крѣпостное дворянство и, дѣйствительно, находилось, какъ мы видѣли выше, наканунѣ освобожденія. Вотъ почему слова императора Александра II „лучше, чтобы это (т. е. освобожденіе крестьянъ) произошло свыше, нежели снизу“ были такъ понятны многимъ, наиболѣе разумнымъ изъ крѣпостныхъ дворянъ.

Но къ концу крѣпостного права народилась еще новая сила, которая могла сдѣлать крестьянскую революцію для дворянъ-помѣщиковъ того времени еще болѣе страшною, чѣмъ всѣ предыдущія крестьянскія возстанія. Въ Россіи появилась интеллигенція, въ которой теперь чувствовало нужду государство, но которой оно и боялось. Государственная жизнь становилась все сложнѣе и сложнѣе; государственное управленіе требовало все больше и больше знаній, развитія, а слѣдовательно, и интеллигентности. Но изъ рядовъ русской интеллигенціи начались открытыя выступленія противъ крѣпостного права. Правительство отвѣчало репрессіями, которыя ставили и просвѣщеніе въ невозможное положеніе. Получалось неразрѣшимое противорѣчіе, такъ какъ задерживая ростъ интеллигенціи, правительство само ослабляло себя. Незадолго до освобожденія одинъ изъ публицистовъ того времени, М. П. Погодинъ, писалъ: „Нельзя жить въ Европѣ и не участвовать въ ея движеніи, не слѣдить за ея изобрѣтеніями, открытіями физическими, химическими, механическими, финансовыми, административными, житейскими. Если Австрія и Пруссія могутъ въ одинъ день примчать свои войска къ границамъ Польши, то нельзя намъ волочиться туда два мѣсяца. Если ихъ штуцера берутъ теперь

двѣ тысячи шаговъ, то нельзя довольствоваться намъ тульскими жьями и надѣяться на одинъ штыкъ, который и не доходитъ теперь своего мѣста назначенія. Если ихъ коническія пули уходятъ глубже тѣло и производятъ рану смертельную, то нельзя намъ стрѣлять ежнимъ горохомъ! Если винтъ сообщаетъ ихъ кораблямъ способ-сть двигаться какъ угодно, то нельзя остаться намъ со старыми годами кораблестроенія,—а механика, химія, физика, астрономія зовутъ къ себѣ естественныя науки; естественныя науки приманятъ тематику, высшая математика потребуетъ философію и пр. Нельзя раничить число людей образованныхъ извѣстными цифрами, ибо едѣлы этихъ офиціальныхъ цифръ наполняются, по извѣстному кону, посредственностями и пошлостями; а таланты-то всѣ оста-тся внѣ оныхъ"...

Но какъ бы тамъ ни было, интеллигенція подрывалась подъ ые корни крѣпостного права. Она расшатывала вѣру въ справед-вость этого порядка вещей. Крѣпостное дворянство и правительство только открытой силой поддерживали безправіе крѣпостного вре-ни, но они старались убѣдить народъ, что крѣпостное устройство щества—устройство справедливое и чуть-ли не благословлено са-мъ Господомъ и его святыми. Священники, отъ высшихъ до низ-хъ, поучали крѣпостныхъ повиновенію своимъ господамъ, а госпо-мъ внушали держаться за крѣпостное право. Такъ въ наставленіи воспитанницъ учебныхъ заведеній, изданномъ въ 1852 году, были веденъ многочисленные тексты изъ священнаго писанія, будто бы ящающіе крѣпостное право, при чемъ прибавлялось: „Берегите крѣ-тное право, какъ учрежденіе божественное, какъ Божью заповѣдь"... многіе изъ крѣпостниковъ-дворянъ вѣрили, что крѣпостное без-віе дѣйствительно освящено Богомъ, что, проводя его въ жизнь, исполняютъ высоко справедливое и полезное дѣло.

Вотъ противъ этой-то наивной вѣры и стала возставать нарож-щаяся русская интеллигенція. Незадолго до освобожденія кре-янства выступило нѣсколько талантливыхъ писателей, которые тавили задуматься широкое общество о язвахъ крѣпостного права томъ, что крѣпостной человѣкъ тоже—человѣкъ. А это было ново огромнаго большинства крѣпостниковъ того времени. „Человѣче-чувства",—пишетъ Крапоткинъ,—„не признавались, даже не по-рѣвались въ крѣпостныхъ. Когда Тургеневъ написалъ „Муму", а горовичъ свои повѣсти, въ которыхъ заставлялъ публику плакать несчастіями крѣпостныхъ,—для многихъ читателей то было на-щимъ откровеніемъ. „Возможно-ли это? Крѣпостные любятъ ѣмъ, какъ мы!—восклицали чувствительныя дамы"... Или вотъ той примѣръ дѣйствія новыхъ идей, выработанныхъ тогдашней еллигенціей. Императоръ Александръ II, въ бытность свою наслѣд-омъ, былъ закоренѣлымъ крѣпостникомъ. Но вотъ ему пришлось есть „Записки Охотника", написанныя Тургеневымъ. Съ тѣхъ ъ, по увѣренію императора, мысль объ освобожденіи крестьянъ бе не покидала его. Кромѣ Григоровича и Тургенева, выступили подобными же произведеніями и другіе писатели. Нѣкоторые изъ ающихся профессоровъ, несмотря на всѣ притѣсненія, которыя дѣлались со стороны правительственныхъ чиновниковъ, умѣли показать своимъ слушателямъ ненужность и позорность крѣ-ныхъ цѣпей, которыя тогда лежали на несчастномъ народѣ. Среди

такихъ профессоровъ по своей учености и по своей талантливо
особенно выдѣлялись Мейеръ въ Казани и Кавелинъ въ Москвѣ,
торые имѣли огромное вліяніе на учащуюся молодежь. Такъ под
вались мало-по-малу, но неустанно самые корни крѣпостного пра

Крымская кампанія, окончившаяся паденіемъ Севастополя, об
ружила полную неспособность русскаго государства бороться съ ев
пейскими государствами. Она обнаружила полную непригодность
сударственнаго строя, основаннаго на крѣпостничествѣ. Это разстр
ство государственныхъ дѣлъ началось еще задолго до освобожде
оно давало себя чувствовать въ самые блестящіе, казалось бы,
менты крѣпостной эпохи. „Екатерина (Вторая)", — говоритъ М.
Покровскій,—„была убѣждена, что въ общемъ ея „маленькое хоз
ство" идетъ отлично. Но это была иллюзія: на самомъ дѣлѣ „хозяйст
шло такъ худо, какъ только оно могло идти при подобныхъ порядка
Къ концу ея царствованія Россія почти не знала другихъ дене
кромѣ мѣди и ассигнацій. Серебра въ казначействѣ было такъ ма
что серьезно заходила рѣчь о перечеканкѣ въ монету столовыхъ с
визовъ государыни, и отъ этого отказались только потому, что ден
это дало бы все равно немного, а шумъ вышелъ бы большой. П
дворные актеры по 9 мѣсяцевъ не получали жалованья,—а эта ча
была едва-ли не больше на глазахъ императрицы, нежели какой дру
отдѣлъ управленія. Что дѣлалось за глазами, объ этомъ можно суд
по такому примѣру: во время шведской войны 1788—90 г.г. на р
скихъ корабляхъ часто разрывало пушки; наведенное слѣдствіе об
ружило, что пушки эти отлиты еще Петромъ Великимъ въ Ворон
ѣ, значитъ, служатъ уже около ста лѣтъ: оставалось удивляться
тому, что онѣ подчасъ лопаются, а тому, что въ общемъ онѣ всет
продолжаютъ служить. При этомъ воровство всюду шло соверше
неистовое. „Непостижимо, что происходитъ",—писалъ внукъ Ека
рины, Александръ Павловичъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти
бушки:—„всѣ грабятъ, почти не встрѣчаешь честнаго человѣка—
ужасно"... Для того, чтобы измѣнить такое положеніе дѣла, ну
было измѣнить самый строй государственнаго управленія. Но ника
измѣненія не могли быть проведены безъ того, чтобы не было зат
нуто вмѣстѣ съ тѣмъ и крѣпостное право. Крымская кампанія,
примѣръ, обнаружила крайній вредъ тѣхъ жестокихъ порядковъ,
торые царили въ тогдашней военной службѣ и убивали всякую мы
всякое живое чувство въ нашемъ солдатѣ. Но измѣнить эти поря
не было возможности до тѣхъ поръ, пока существовало крѣпост
право. „Покуда",—пишетъ Джаншіевъ,—„существовало крѣпост
право, покуда это явное надругательство надъ правомъ и справед
востью считалось краеугольнымъ камнемъ „порядка вещей",—ни сл
и раздирающія причитанія семьи, провожающей рекрута на воен
службу, какъ на плаху, ни звонкія затрещины и зуботычины, при
маемыя солдатами отъ начальства, ни несмолкаемые стоны солда
раздававшіеся съ казарменныхъ задворковъ, — не могли никого
заинтересовать, ни удивить, ни растрогать"... Не могло при крѣпо
номъ правѣ быть поставлено и народное образованіе, такъ какъ тол
на розгѣ и на темнотѣ народной и могло держаться крѣпостное пра
Всякое просвѣщеніе грозило въ конецъ подорвать этотъ строй
потому помѣщики-крѣпостники были всегда злѣйшими врагами нар
наго образованія.

Невозможно было упорядочить при крѣпостномъ правѣ и судъ, ...тому что какой же судъ могъ существовать при своеволіи помѣщи...въ и безправіи крестьянскихъ массъ?.. Такъ и съ другими сторо...ми общественной жизни: за что ни возьмись, никакія перемѣны не ...зможны при крѣпостномъ правѣ... А государственныя перемѣны ста...вились все болѣе и болѣе настоятельными, потому что государство ...нымъ образомъ разваливалось... Приходилось, значитъ, скрѣпя ...рдце, браться за крѣпостное право...

Наконецъ, нельзя умолчать и о томъ, что крѣпостной трудъ во ...огихъ мѣстахъ сталъ мало доходнымъ, и нѣкоторые изъ опытныхъ ...зяевъ доказывали, что въ выгодахъ самихъ же помѣщиковъ замѣ...ть его вольнонаемными рабочими.

Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ причины, которыя привели къ па...нію крѣпостного права.

Какъ произошло паденіе крѣпостного права.

Еще задолго до отмѣны крѣпостного права, въ нашемъ прави...льствѣ разсматривались и разрабатывались вопросы о смягченіи ...ѣпостного права. Но долгое время наши офиціальные реформа...ры мечтали устроить это „смягченіе“ крѣпостного права такъ, ...бы всѣ эти смягченія никакимъ образомъ не повліяли на при...легіи дворянства и не раздражали „благороднаго“ сословія. Ко...чно, изъ всѣхъ подобныхъ попытокъ ничего, кромѣ пустыхъ раз...воровъ, не вышло. Даже тамъ, гдѣ правительству хотѣлось про...кій случай запастись расположеніемъ крестьянъ, смягченіе крѣ...стного права все же проводилось съ строгимъ соблюденіемъ инте...совъ дворянства. А такихъ мѣстъ было нѣсколько.

Прежде всего въ данномъ отношеніи обратилъ на себя вниманіе ...шего правительства Прибалтійскій край, гдѣ помѣщиками были ...мцы, а крѣпостными крестьянами – эсты и латыши. Здѣсь крестьяне ...ли освобождены отъ крѣпостной зависимости почти за полвѣка ...крестьянской реформы на Руси. Но при этомъ освобожденіи пра...тельство исключительно прислушивалось лишь къ голосу дворянъ. ...къ, мѣстному дворянству была предоставлена возможность вліять на ...работку закона объ освобожденіи прибалтійскихъ крестьянъ черезъ ...ихъ депутатовъ. Ничего подобнаго этому крестьянамъ не было, ...нечно, предоставлено. Вотъ почему крестьяне здѣсь были освобож...ны безъ земли, и хотя личное рабство ихъ и было уничтожено, но ...лная экономическая зависимость ихъ отъ помѣщиковъ сохранилась ...всей своей полнотѣ. Такимъ образомъ правительство и не по...мало здѣсь сколько нибудь серьезно отстаивать интересы кре...ьянства.

Выгоднымъ считало наше правительство добиться расположенія ...естьянъ, хотя бы до извѣстной степени, и въ губерніяхъ Литов...ихъ, Бѣлорусскихъ, а также Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ. ...ло заключается въ томъ, что многіе изъ помѣщиковъ здѣсь при...длежали къ польской народности, и къ нимъ наше правительство ...питало довѣрія, подозрѣвая ихъ въ стремленіи отдѣлиться въ ...обое государство. Поэтому-то рѣшено было и здѣсь такъ или иначе ...раничить власть помѣщиковъ надъ крестьянами. Средствомъ для ...ого были избраны *инвентари*, сущность которыхъ состояла въ ...бдующемъ. По крѣпостному праву, помѣщикъ являлся полнымъ

хозяиномъ принадлежавшаго ему крестьянина. Онъ могъ ему пр вить земли, могъ и убавить, могъ освободить отъ какой нибудь боты, могъ и поставить на новую, могъ обложить какимъ либо вымъ налогомъ. Здѣсь своя рука у помѣщика была владыка, конечно, онъ беззастѣнчиво, какъ это мы знаемъ, пользова подобнымъ положеніемъ вещей въ свою пользу. Законъ никогда предъявлялъ къ помѣщику сколько нибудь серьезныхъ требова относительно того, чтобы тотъ не злоупотреблялъ своей влас Инвентари и были первой попыткой хоть нѣсколько ограничить изволъ помѣщиковъ. Но опять таки все дѣло составленія инвента въ которыхъ указывалось, чѣмъ долженъ пользоваться крестьянин что отъ него могъ требовать помѣщикъ, а также наблюденіе за т чтобы дворянство исполняло инвентарныя правила, было отдано въ руки самого дворянства, или въ руки чиновничества, состояв изъ того же дворянства. Ну а ужъ извѣстно, что „воронъ вор глазъ не выклюетъ". Такъ и не вышло никакого толку для стьянства и изъ инвентарей.

Нѣкоторымъ благоволеніемъ правительства пользовались и стьяне изъ Царства Польскаго. Во время польскаго возстанія 1831 году польскіе крестьяне оказали русскому правительству боль услуги. Въ этомъ возстаніи главное участіе принимало польское рянство. Крѣпостные крестьяне, конечно, ненавидѣли своихъ госпо а потому хватали ихъ и передавали въ распоряженіе русскихъ стей. Такое положеніе вещей побудило правительство нѣсколько мательнѣе отнестись къ интересамъ польскаго крестьянства.

Итакъ, для крестьянина, оказавшагося на окраинахъ русс государства, тамъ, гдѣ онъ представлялъ политическую силу, все кое-что предпринималось. Для коренного же русскаго крестьян до самаго освобожденія ничего почти сдѣлано не было. „Нѣтъ мнѣнія",—говорилъ еще въ 1842 году въ собраніи Государствен Совѣта императоръ Николай Первый, — „что крѣпостное право нынѣшнемъ его у насъ положеніи, есть зло для всѣхъ ощу тельное и очевидное, но прикасаться къ оному теперь было зломъ еще болѣе гибельнымъ... Я никогда на сіе не рѣшусь; е время, когда можно будетъ къ тому приступить, вообще еще вес далеко, но въ настоящую эпоху всякій помыселъ о семъ былъ лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спок ствіе и благо государства"... Не трудно понять, что, при нал ности такихъ взглядовъ, работы десяти *тайныхъ* комитетовъ, кото разбирали вопросы крѣпостного права въ царствованіе императ Николая Перваго, остались совершенно безрезультатными. Эти ные комитеты, не собрали даже сколько нибудь цѣнныхъ матеріал о жизни крѣпостного народа, которыми можно было воспользоват когда приспѣло время освобожденія.

Когда императоръ Александръ Второй, послѣ крымской вой убѣдился, что государство должно разстаться съ крѣпостнымъ право то, рѣшивши произвести освобожденіе крестьянъ, онъ обратился этимъ великимъ дѣломъ къ тѣмъ же дворянамъ.

Мы уже знаемъ, что отмѣна крѣпостного права представл огромное дѣло, потому что на крѣпостномъ правѣ, какъ на фун ментѣ была построена вся жизнь государства. Разрушая крѣпост

право, надо было перестроить всѣ общественныя отношенія. А между тѣмъ ни правительство, ни общество не были приготовлены къ этому великому дѣлу и не имѣли ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ оно должно быть совершено. Да и немудрено, откуда же было взяться плану или хотя бы простому пониманію дѣла, когда въ теченіе вѣковъ этого вопроса не позволяли касаться не только въ печати, но и въ простыхъ разговорахъ.

Вскорѣ послѣ заключенія мира, закончившаго столь неудачную для насъ крымскую войну, государь сказалъ дворянамъ въ Москвѣ слова, быстро облетѣвшія всю Россію о томъ, что лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, чѣмъ ждать того времени, когда оно будетъ отмѣнено снизу.

И, дѣйствительно, онъ всѣми силами сталъ стремиться къ тому, чтобы дворянство само начало хлопотать передъ правительствомъ и царемъ объ освобожденіи крестьянъ, чтобы освобожденіе крестьянъ представлялось дѣломъ дворянскимъ. Но дворянство однако показалось въ этомъ отношеніи достаточно упрямымъ, и переговоры съ предводителями дворянства, съѣхавшими въ 1856 г. въ Москву на коронацію, ни къ чему не привели. Только въ 1857 году поступило заявленіе отъ виленскаго генералъ-губернатора Назимова о томъ, что дворяне трехъ литовскихъ губерній готовы были бы освободить своихъ крестьянъ, но безъ земли. Мы знаемъ, что въ этихъ губерніяхъ были введены инвентари, которые должны были нѣсколько сократить своеволіе, чинимое дворянами надъ крѣпостнымъ крестьянствомъ. Мы знаемъ также, что до поры до времени эти инвентари очень мало приносили пользы крестьянству. Но теперь, когда о крестьянской реформѣ заговорили рѣшительно, литовскіе дворяне стали опасаться того, что инвентари дѣйствительно могутъ стѣснить ихъ свободу распоряженія, и нашли болѣе выгоднымъ освободить крестьянъ безъ земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ освободить свою землю отъ всякаго надзора со стороны правительства, и на этой-то освобожденной землѣ господствовать надъ освобожденнымъ крестьянствомъ при помощи арендныхъ платъ и дешевой заработной платы не хуже прежняго.

Государь очень обрадовался этому заявленію виленскаго генералъ-губернатора и тотчасъ же обратился къ литовскимъ дворянамъ съ рескриптомъ, въ которомъ излагалъ свой взглядъ на освобожденіе. Вотъ главнѣйшія условія освобожденія крестьянъ, какъ они рисовались Александру II, когда онъ приступалъ къ реформѣ.

1) „Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіи опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее количество земли для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ; получивши землю, они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику“.

2) „Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества; помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція“.

3) „При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ оброковъ“.

Эти условія, на которыхъ предполагалось первоначально осв божденіе крестьянъ, какъ видимъ, были чрезвычайно жалкими. Кр стьяне должны были получить при этомъ освобожденіи лишь „усаде ную осѣдлость“. Что Александръ II-ой подразумѣвалъ подъ словам „усадебная осѣдлость“, въ рескриптѣ выяснено не было, а потом очевидно, этотъ терминъ надо было понимать въ общеупотребител номъ значеніи, т. е. подъ именемъ усадебной осѣдлости счита тотъ жалкій клочекъ земли, который находится подъ постройками дворомъ. Такимъ образомъ почти вся земля оставалась собственность помѣщиковъ, и крестьяне становились ихъ арендаторами. Како должно быть положеніе этихъ арендаторовъ, объ этомъ можно суди уже потому, что помѣщикъ въ своемъ помѣстьѣ облекался полице ской властью. Да и эта земля и «воля» доставались крестьянству сразу, а реформа, какъ предполагалъ государь», должна проводить постепенно, и дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйстве наго устройства помѣщичьихъ имѣній...“

Какъ правительство наше стремилось выставить освобожде крестьянъ дворянскимъ дѣломъ и сложить съ себя отвѣтственно за рискованный шагъ, къ которому его вынуждали историческія услов видно изъ послѣдовавшихъ за тѣмъ событій. Такъ, неожиданно д себя получили рескриптъ, подобный только что приведенному, пете бургскіе дворяне, которые и не думали хлопотать объ освобожде крестьянъ, а вели переговоры лишь объ инвентарныхъ правила Нѣчто подобное произошло и съ нижегородскимъ дворянствомъ, торое дало увлечь себя цвѣтистою рѣчью военнаго губернатора А. Муравьева и 17 декабря 1857 года представило правительству адре съ заявленіемъ о готовности приступить къ устройству крестьянъ началахъ, указанныхъ правительствомъ. Нижегородскіе дворяне оче быстро сообразили, что попали впросакъ и тотчасъ отправили вдогон за адресомъ депутацію, которая должна была заявить, что адре является недѣйствительнымъ, и нижегородскіе дворяне не имѣютъ малѣйшаго желанія освобождать крестьянъ отъ крѣпостной зависимос Однако, въ Петербургѣ адресъ поторопились представить государ и депутаціи не удалось исправить этой дворянской „ошибки“. особенно упорнымъ въ данномъ отношеніи оказалось московское д рянство. Оно отмалчивалось до тѣхъ поръ, пока ему не дали поч ствовать, что поведеніе его считается неприличнымъ. Большинст остальныхъ дворянскихъ собраній понимало, что упорство ихъ тепе ни къ чему не приведетъ, а можетъ вызвать только крестьянскія во ненія, которыхъ они всегда боялись. Впрочемъ, были и такія д рянства, которыя и на этотъ показной шагъ рѣшились только пос усиленнаго давленія изъ Петербурга. Но какъ бы тамъ ни было, іюню 1858 года соотвѣтствующіе адреса были доставлены отъ дворя всѣхъ губерній. Получилось, дѣйствительно, впечатлѣніе, что са дворяне идутъ навстрѣчу освобожденію. Но подъ покровомъ эти адресовъ, къ которымъ дворянство было принуждено правительство наши дворяне употребляли всѣ средства, чтобы затормозить рефор Вотъ что, напр., писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ Я. А. Соловье одинъ изъ современниковъ и общественныхъ дѣятелей эпохи ос божденія: „полнаго *безусловнаго* сочувствія и желанія приступить освобожденію крестьянъ *на указанныхъ правительствомъ основанія* не обнаружилось ни въ одной губерніи. Отовсюду поступали отзы

затрудненіяхъ, препятствіяхъ и даже совершенной непримѣнимости тбликованныхъ началъ устройства крестьянскаго быта". А мы ви-ли, какъ скромны, какъ, можно сказать, ничтожны были эти „начала тройства крестьянскаго быта", которыя были опубликованы прави-льствомъ, и которыя всецѣло отдавали крестьянство въ экономическое бство дворянъ. Такимъ образомъ дворянство оставалось упорнымъ гомъ освобожденія крестьянъ, и тѣмъ не менѣе было отдано о освобожденія крестьянъ въ дворянскія руки. Во всѣхъ ерніяхъ были немедленно образованы *губернскіе комитеты* изъ борныхъ отъ дворянства, и эти-то губернскіе комитеты и должны ли разработать основы реформы.

Первымъ дѣломъ этихъ губернскихъ комитетовъ было поставить, ъ говорится, точки надъ і въ рескриптѣ и обезопасить себя отъ ческихъ реформистскихъ увлеченій со стороны правительства. Въ криптѣ было сказано, что усадебная осѣдлость должна оставаться собственности крестьянства. Конечно, подъ „усадебной осѣдлостью" кновенно подразумѣвается ничтожный клочокъ заселенной земли, другъ тамъ, въ Петербургѣ, подъ этой усадебной осѣдлостью под-умѣвается что-нибудь иное? Надо немедленно же оградить себя подобной опасности, и вотъ огромное большинство губернскихъ итетовъ высказывается за то, чтобы освобожденному крестьянству, всякомъ случаѣ, было отпущено земли меньше того количества, ко-ымъ оно пользовалось при крѣпостномъ правѣ. Но въ самомъ-ли ѣ у крѣпостныхъ крестьянъ были въ распоряженіи излишки земли? ечно, нѣтъ. Извѣстно, какую жалкую жизнь въ большинствѣ слу-въ приходилось вести крѣпостному крестьянству. На тѣхъ надѣлахъ, орыми въ то время располагало надѣльное крестьянство, оно едва-а прокармливало себя. Всякое сокращеніе надѣловъ должно было зваться самымъ тяжелымъ образомъ на крестьянскомъ хозяйствѣ. это все не остановило нашихъ дворянъ-помѣщиковъ, и они со хъ концовъ земли русской вопіяли о томъ, чтобы крестьянамъ въ ѣлъ было отрѣзано земли меньше той площади, которой они въ ствительности пользовались во время крѣпостного права. Нѣко-ые губернскіе комитеты рѣшились даже лицемѣрно утверждать, что ъ больше будетъ земли у мужика, тѣмъ хуже будетъ ему, потому гдѣ нашему крестьянину справиться съ большимъ надѣломъ.

Не лучше дѣло обстояло въ губернскихъ комитетахъ и по во-су о томъ, сколько крѣпостникъ-помѣщикъ получаетъ доходовъ со его имѣнія. Большинство комитетовъ съ виду тутъ какъ будто бы великодушничало. Въ самомъ дѣлѣ, они постановили, чтобы кре-лянинъ за полученный въ *пользованіе* (а не въ собственность) на-ъ отрабатывалъ не три дня въ недѣлю, какъ предлагалъ безре-ьтатно еще императоръ Павелъ, а только два дня въ недѣлю. Та-ъ образомъ барщинныхъ работъ за каждымъ крестьяниномъ въ у насчитывалось бы не 156, а 104 дня. Выходило, какъ будто дво-ство дарило крестьянамъ цѣлыхъ 52 дня барщинныхъ работъ. Но великодушіе осталось въ сущности подъ большимъ сомнѣніемъ. самомъ дѣлѣ, бо́льшую часть рабочихъ дней помѣщикъ отъ каж-о крестьянина могъ потребовать лѣтомъ, какъ впрочемъ это было при крѣпостномъ правѣ, когда барщинныя работы производились мущественно лѣтомъ, а зимой требовали крестьянъ рѣдко. Такимъ азомъ, это дворянское великодушіе стремилось сохранить старый

крѣпостной порядокъ пользованія крестьянской силой, только в маскированномъ видѣ.

Оставался еще одинъ важный вопросъ: въ какую сумму слѣд оцѣнить отдаваемый крестьянамъ надѣлъ? Тутъ губернскіе коми не позаботились сохранить приличіе, хотя бы даже для виду. В момъ дѣлѣ, мы видѣли, что, по мнѣнію губернскихъ комитетовъ, стьянамъ должно быть отведено въ надѣлъ земли меньше того чества, которымъ они пользовались при крѣпостномъ правѣ. Н этотъ уменьшенный надѣлъ г.г. помѣщики желали получить съ стьянъ столько же, сколько они получали при крѣпостномъ пр когда крестьянинъ сидѣлъ у нихъ на большемъ надѣлѣ. Высчит что они должны получать съ крестьянъ за отводимый надѣлъ, гу ские комитеты вспомнили почти всѣ поборы, получаемые помѣщи съ крестьянъ (за исключеніемъ кое-какихъ уже очень мелкихъ). Т расчетъ оплаты отводимаго надѣла былъ несправедливъ не то потому, что надѣлъ предполагался меньшихъ размѣровъ, но и по что по освобожденіи крестьянъ помѣщики освобождались отъ нѣ рыхъ своихъ обязательствъ, которыя должны были бы стоить им негъ. Однимъ изъ такихъ обязательствъ была въ крѣпостное обязанность помѣщиковъ прокармливать своихъ крестьянъ во голода. Это обязательство съ освобожденіемъ крестьянъ отпадало помѣщиковъ; но губернскіе комитеты объ этомъ и не вспомнили

Такимъ образомъ мы видимъ, что только эти три вопроса влекли къ себѣ вниманіе губернскихъ комитетовъ. Все же остально предполагавшейся великой реформѣ дворянами было разрабо крайне поверхностно и недостаточно, хотя нѣкоторые изъ этихъ денныхъ вопросовъ должны были играть въ жизни освобожде крестьянства огромную роль. Таковъ, напр., вопросъ о томъ, должно быть устроено управленіе крестьянами послѣ освобожденія

Впрочемъ, было сдѣлано губернскими комитетами и одно до дѣло. Правительство, стоя на стражѣ дворянскихъ интересовъ, полагало сдѣлать переходъ отъ крѣпостного состоянія къ освобожд постепеннымъ, затянуть реформу на много лѣтъ и дать помѣщи приспособиться къ новымъ условіямъ. Съ этою же цѣлью въ помѣщиковъ передавалась и мѣстная полицейская власть. Но дво помѣщики въ данномъ случаѣ лучше поняли свои интересы, чѣм интересы были поняты правительственными чиновниками, и пре читали поскорѣе покончить съ обязательными отношеніями къ св бывшимъ крѣпостнымъ. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ губернских митетахъ былъ поднятъ вопросъ о *выкупѣ* всей земли, отводимо надѣлъ крестьянамъ въ то время, какъ правительство имѣло въ лишь выкупъ усадебныхъ клочковъ земли. По проэктамъ этих бернскихъ комитетовъ правительство должно высчитать, какой до приносятъ отводимыя крестьянамъ въ надѣлъ земли, разсчитат какого капитала могъ бы быть полученъ такой доходъ и выдать капиталъ деньгами или государственными бумагами, приносящим ходъ. Само собою разумѣется, что эти выкупные платежи дол быть потомъ разложены на крестьянство и въ теченіе нѣсколь лѣтъ возвращены въ государственное казначейство съ соотвѣтст ными процентами и уплатой расходовъ по произведенной опер Такой выкупъ предполагался *обязательнымъ*, т. е. такимъ, от тораго не могли отказаться ни крестьяне, ни помѣщики.

Для крестьянъ идея такого обязательнаго выкупа полевой земли а полезна тѣмъ, что ускоряла полное личное освобожденіе, которое вительство первоначально думало растянуть на много лѣтъ; вопросъ, ечно, заключался только въ томъ, какихъ размѣровъ будетъ на кре-янство наложенъ выкупъ. Но и для дворянъ всей сѣверной полосы сіи идея обязательнаго выкупа представляла огромныя выгоды, и ми-то выгодами и была собственно подсказана мысль объ обяза-ьности выкупа.

Тамъ, гдѣ земля, благодаря своему плодородію, была дорога, а нно во всей южной половинѣ Европейской Россіи,—помѣщики пко держались за землю, и имъ выгоднѣе было отпустить крестьянъ ъ земли, такъ какъ эту землю тѣ же самые крестьяне расхватали бы омъ въ аренду за хорошую цѣну или на этой землѣ самому помѣ-ку можно было бы завести выгодное зерновое хозяйство. Иначе о обстояло въ сѣверной части Россіи, гдѣ земля большимъ плодо-іемъ не отличалась. Помѣщики здѣсь и во время крѣпостного ва получали доходъ не столько отъ своихъ земель, сколько отъ ихъ крѣпостныхъ, которыхъ отпускали на различные заработки и это облагали оброкомъ. Здѣсь помѣщикамъ совершенно не улыба-ъ мысль даромъ,—какъ это предполагало правительство,—выпу-ть своихъ оброчныхъ крестьянъ и остаться при малодоходной землѣ. ъ для этихъ-то помѣщиковъ мысль объ обязательномъ выкупѣ и а якоремъ спасенія. Для этого же была придумана слѣдующая си-ма. Каждую первую десятину, отводимую въ надѣлъ тому или дру-у крестьянскому двору, они рѣшили оцѣнивать выше, чѣмъ вторую; рую выше, чѣмъ третью и четвертую. Это превышеніе цѣны первой торой десятины должно быть настолько значительнымъ, чтобы въ о входила цѣнность самого отпускаемаго на волю раба, какъ ра-ей силы. Таковы были главныя работы дворянскихъ губернскихъ итетовъ, призванныхъ высочайшей властью позаботиться *объ улуч-ніи быта и положенія крестьянъ.*

Работы губернскихъ комитетовъ поступали въ *главный коми-тъ*, составленный государемъ изъ высшихъ чиновниковъ. Этотъ итетъ долженъ былъ собрать, провѣрить и привести въ порядокъ ріалы, поступившіе изъ губернскихъ комитетовъ и подготовить ъ въ видѣ закона. При главномъ комитетѣ работало нѣсколько ко-ссій по отдѣльнымъ вопросамъ. Въ этихъ комиссіяхъ и главномъ итетѣ нашлось нѣсколько лицъ, искренне преданныхъ интересамъ стьянства. Эти-то лица,—изъ которыхъ можемъ назвать здѣсь Ро-вцева и Н. А. Милютина,—и старались смягчить вожделѣнія дво-ства. Кое-что имъ въ этомъ отношеніи и удалось сдѣлать. Это но хотя бы изъ того, что надѣлы, назначенные въ губернскихъ итетахъ, были увеличены въ комиссіяхъ и главномъ комитетѣ ое и болѣе. Впрочемъ, у главнаго комитета и его комиссій не хва-о мужества отстоять крестьянскіе надѣлы въ томъ размѣрѣ, въ омъ крестьяне дѣйствительно пользовались землей при крѣпостномъ вѣ. Вездѣ были утверждены болѣе или менѣе значительные отрѣзы ъ четверти десятины до цѣлой десятины на душу.

Но относительно оцѣнки земли, поступавшей въ надѣлъ. Главный митетъ и его Комиссіи цѣликомъ стали на сторону дворянства и про-и ту высокую оцѣнку съ подраздѣленіемъ на десятины, которая а намѣчена наиболѣе предусмотрительными губернскими комитетами.

Такимъ образомъ помѣщики получили выкупъ не только за землю, а
ас личность крѣпостного крестьянина. Наконецъ, выкупъ этот
ачитался обязательнымъ для помѣщиковъ; но условія его были
столько заманчивы, что помѣщики впослѣдствіи сами охотно шли
выкупъ полевой земли.

Что касается до устройства быта освобожденнаго крестьянст
и тутъ Главный Комитетъ и его комиссіи не оказались на высотѣ
званія. Они почти лишили крестьянство самоуправленія, отдали
подъ опеку чиновничества и сохранили для него тѣлесное наказан

Добавимъ еще, что при надѣленіи крестьянъ землей было с
нено общинное землевладѣніе тамъ, гдѣ оно существовало до па
крѣпостного права. Общинники въ отбываніи повинностей были свя
круговой порукой.

Въ дальнѣйшей судьбѣ закона объ освобожденіи крестьянъ,
того какъ онъ вышелъ изъ нѣдръ Главнаго Комитета, существен
измѣненій произведено не было.

Въ январѣ 1861 года работы Главнаго Комитета поступили
разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Государственный Совѣтъ у
дилъ всѣ предположенія Главнаго Комитета. Но и въ Государствен
Совѣтѣ была внесена одна поправка не въ пользу крестьянъ,
реформа была испорчена еще въ большей степени. По предлож
князя Гагарина, Государственнымъ Совѣтомъ было принято, что
стьяне могутъ отказаться отъ своихъ надѣловъ, и тогда они им
право даромъ получить четвертую часть того, что имъ приходилос
въ надѣлъ. Такой надѣлъ тогда былъ названъ *четвертнымъ*, а
слѣдствіи получилъ названіе *нищенскаго*, такъ какъ крестьяне
подобномъ надѣленіи должны получать такое ничтожное колич
земли, на которомъ не было ни малѣйшей возможности прокорми
Къ сожалѣнію, крестьяне часто не понимали истиннаго значенія
великодушной ловушки, и на нищенскій надѣлъ, въ концѣ концовъ
пало до 600 тысячъ душъ. Особенно много такихъ нищенскихъ н
ловъ оказалось въ черноземной полосѣ Россіи, гдѣ помѣщики
жадно держались за землю, и гдѣ они всѣми правдами и неправ
старались всучить своимъ крестьянамъ нищенскіе надѣлы.

Такъ прошла великая реформа освобожденія крестьянъ... На
въ теченіе всѣхъ правительственныхъ работъ терпѣливо ждалъ к
своего многовѣкового ига На самый ходъ реформы онъ не оказал
малѣйшаго вліянія. Напротивъ того, помѣщики-крѣпостники орудо
во всю и взяли въ свою пользу все, что только можно было взять.
этой реформы народъ въ концѣ концовъ не получилъ ни полной
ни достаточнаго количества земли. Переберемъ же основныя ч
положенія, подписаннаго Государемъ одновременно съ манифес
19-го февраля 1861 года.

Положеніе прежде всего объявляетъ крѣпостныхъ крестьянъ
свободными, но право собственности на всѣ земли (не исключая и
дебныхъ), которыми пользовались крестьяне при крѣпостномъ пр
оставило за помѣщиками. Изъ этихъ помѣщичьихъ земель крестья
отводились въ пользованіе надѣлы. Размѣры надѣла, повинности и
тежи крестьянства за пользованіе ими устанавливались закономъ и
зависѣли отъ произвола помѣщика. Усадебную землю крестьяне им
право выкупить по цѣнамъ, установленнымъ закономъ. Законъ уст

алъ выкупныя цѣны и для остальныхъ угодій, которыя однако и быть выкуплены только при согласіи помѣщика.

Такой порядокъ вещей, установленный Положеніемъ 19 февр., авалъ, слѣдовательно, обязательныя поземельныя отношенія между пиками и ихъ прежними крѣпостными. Вотъ почему освобожденные щичьи крестьяне назывались *временно обязанными*. Въ случаѣ же па надѣла обязательныя отношенія прекращались, и временно анные крестьяне становились *крестьянами-собственниками*. Для ченія выкупа правительство открывало свои средства, при чемъ пныя суммы, взыскивались впослѣдствіи съ крестьянъ. О дарствен- или нищенскомъ надѣлѣ, установленномъ въ Положеніи, мы гово- уже выше.

По каждому имѣнію составлялась *уставная грамота*, въ рой опредѣлялись поземельныя и повинностныя отношенія крестьянъ омѣщику. Эта уставная грамота въ теченіе двухъ лѣтъ съ 19 февр. года должна быть окончательно введена въ дѣйствіе. Но до енія уставной грамоты въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ крестьяне ны были отбывать въ пользу помѣщика повинности на прежнемъ заніи. Такимъ образомъ, хотя своеволіе помѣщика при этомъ было тельно ограничено, но крѣпостное право какъ бы затягивалось, райней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ своихъ отношеніяхъ, еще почти на года.

Но и это болѣе, чѣмъ скромное, надѣленіе землей не распростра- ь на дворовыхъ и на крестьянъ мелко-помѣстныхъ (у которыхъ по визіи числилось менѣе 21 души муж. пола).

Устройство и бытъ удѣльныхъ, государственныхъ и иныхъ кре- ъ впослѣдствіи были подогнаны также къ Положенію 19 фев.

Какъ же отнеслось крестьянство къ Манифесту и Положенію евраля 1861 г. Мы уже говорили, что крестьянство проявило тельное довѣріе къ правительству, рѣшившему покончить съ крѣ- ымъ правомъ. Какъ только разнеслась вѣсть, что правительство упаетъ къ отмѣнѣ крѣпостного права, крестьянскія волненія, какъ , сняло... Народъ ждалъ... Но вотъ появилось и самое Положе- Кто не умилялся въ свое время надъ „Картинкой“ Майкова.

„Посмотри: въ избѣ, мерцая,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки малютки
Собрался кружокъ,
И, съ трудомъ отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.
. . . . . .
. . . . . .
Что жъ такъ слушаютъ малютку?
Аль ужъ такъ умна?..
Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.
И пришлося ей, младенцу
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть!

Самой вѣсти смыслъ покамѣсть
Теменъ имъ и ей;
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней...

Увы! въ этой трогательной картинкѣ въ концѣ концовъ оказа гораздо больше поэтическихъ вольностей, чѣмъ исторической прав Какъ ни старался напустить туману заядлый реакціонеръ митропол Филаретъ, которому императоръ поручилъ исправить манифестъ, ни трудно было написано самое Положеніе тяжелымъ чиновнич языкомъ, но „самый вѣсти смыслъ" не остался для крестьянства „ нымъ". Оно быстро раскусило, что реформа была проведена искл тельно въ интересахъ дворянства. Глубокое разочарованіе и недо ство разлилось въ крестьянской массѣ. Мѣстами снова вспыхнули ненія, залитыя крестьянской кровью...

Лекція IV.

Наше время.

1. Крестьянское разореніе.

Итакъ, при выходѣ „на волю" земля была дана въ недоста номъ количествѣ; болѣе плодородные участки были удержаны помѣ ками за собой; надѣлъ часто былъ нарѣзанъ различными клочками, бросанными на огромномъ пространствѣ; эти куски надѣла ч нарочно были расположены такъ, чтобы крестьяне были отрѣзаны водопоевъ, отъ дорогъ, отъ своихъ выгоновъ, и поэтому вынужд были арендовать помѣщичью землю за какую угодно цѣну; выкупъ эту землю былъ положенъ несоразмѣрно большой. Не трудно вид что при такихъ условіяхъ наше крестьянское населеніе было обре на разореніе.

И, въ самомъ дѣлѣ, крестьянство жадно набросилось на аре помѣщичьей земли. Крестьянину часто приходится арендовать п щичью землю прямо себѣ въ убытокъ. Такъ, напр., въ Горбатовс уѣздѣ Нижегородской губ. десятина арендуемой пашни приноситъ стьянину чистой прибыли 94 к., а платить за такую десятину па приходится 2 р. 86 к., въ Сергачскомъ уѣздѣ той же губерніи чи прибыль съ десятины пашни 4 р. 28 к., а плата 5 р. 94 к., въ Ор ской губ. чистая прибыль 8 р. 76 к., а плата — 15 р. 20 к., въ В нежской губ. чистая прибыль—10 р. 46 к., а плата—14 р. 52 к. пяти уѣздахъ Полтавской губ. чистая прибыль—7 р. 42 к., а пла 11 р. 22 к. И такъ во многихъ другихъ мѣстахъ; а брать приходи потому что иначе и своей землей нельзя пользоваться, какъ слѣдует

Еще хуже дѣло обстояло, когда помѣщики отдавали свою зе не за деньги, а за отработку, т. е. за то, чтобы арендаторы за пол ваніе арендованной землей вспахали, или скосили, или сжали извѣс количество десятинъ. Въ такихъ случаяхъ аренда обыкновенно обх лась крестьянамъ еще дороже. Вообще, плата за сельско-хозяйствен работы стоитъ у насъ на чрезвычайно низкомъ уровнѣ. Такъ, сред годовая плата мужчинѣ у насъ, въ Россіи равняется 62 руб. въ и 46 руб. на содержаніе, а годовая плата взрослой женщины в 34 руб. при 46 руб. на продовольствіе. И подобная оплата труда

очемъ днѣ, достигающемъ иногда 17 часовъ въ сутки! Но эта кая оплата земледѣльческаго труда сокращается еще больше въ одные годы. Въ 1891 голодномъ году, напр., въ Воронежской губ. одающіе крестьяне шли въ работники за 50 коп. въ мѣсяцъ и унта хлѣба въ день; въ Рязанской губ. нанимались по 5 коп. въ ь; въ Уфимской губ. работали изъ-за хлѣба.

Въ то же самое время чрезвычайно быстро и ни съ чѣмъ несо-азно возрастали и налоги, и подати, обременяющія земледѣльческое еленіе. Такъ, за десятилѣтіе съ 1883 г. по 1892 г. населеніе уве-ілось на 10%, а налоги на 20%. Въ слѣдующее десятилѣтіе съ 3 г. по 1902 г. дѣло обстояло въ этомъ отношеніи еще хуже: на-еніе увеличилось лишь на 13%, а налоги уже на 49%. Эти налоги бенно чувствительно отзывались на крестьянскомъ населеніи, такъ ь падали главнымъ образомъ на предметы перв й необходимости каръ, керосинъ, табакъ, спички, желѣзо, чай, ситецъ, вино). Не дре-и и фабриканты, которые, пользуясь покровительственными пошли-и, брали съ населенія втридорога за плохой товаръ. Такъ, вы-тано, что за дорогой уголь переплачивалось населеніемъ около 50 к. души въ годъ, за сахаръ—37 коп., ситецъ—1 руб., желѣзо—3 р. 75 к... го же такія переплаты въ пользу нашихъ отечественныхъ фабрикан-ь въ 1902 г., напр., составили около 5 р. 60 к. съ каждой души еленія.

И всѣ эти увеличивающіеся поборы крестьянинъ долженъ былъ ыть на своемъ недостаточномъ и малоурожайномъ надѣлѣ. По рас-амъ (которые были сдѣланы проф. Янсономъ еще въ 70-хъ годахъ, да и арендныя цѣны на землю и налоги были гораздо ниже) на-ы въ нечерноземной полосѣ для того, чтобы они могли прокормить еленіе и обезпечить уплату податей, — должны были бы равняться менѣе 8 дес. на душу (при землѣ не особенно плохой и при данной темѣ земледѣлія), а между тѣмъ „средніе надѣлы бывшихъ государ-енныхъ не достигаютъ этой цифры, а у бывшихъ помѣщичьихъ они половину меньше". Въ черноземной же полосѣ надѣлы, по утверж-ію того же профессора Янсона, не обезпечиваютъ даже и уплаты атей. Но съ семидесятыхъ годовъ воды много утекло, и въ началѣ вѣка на душу въ среднемъ приходится вдвое менѣе того, что при-ілось при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Вотъ тѣ причины, начало которымъ положено въ эпоху „великихъ ормъ" и которыя неуклонно вели нашу деревню все къ большему ольшему обнищанію. Ужасныя голодовки 1873 г., 1880 г., 1883 г., 1, 1905 и 1906 годовъ показываютъ, что оставлять деревню въ жнемъ ея экономическомъ положеніи дольше нельзя. Эти голодовки, орыя уже давно неизвѣстны западноевропейскому крестьянству, атываютъ часто у насъ огромныя площади. Такъ, при неурожаѣ 1 года пострадало около 20 губерній, при чемъ голодовку пережи-о нѣсколько десятковъ милліоновъ душъ. Не лучше было положеніе стьянства и при послѣднихъ голодовкахъ 1905 и 1906 г.г.

Но и въ обычное время, помимо голодовокъ, наше крестьянство массѣ ведетъ нищенское, полуголодное существованіе. Нѣсколько ъ тому назадъ къ Л. Н. Толстому пріѣзжалъ выдающійся обществен-американскій дѣятель Брайанъ. Онъ попросилъ показать ему, какъ ъ у насъ, въ Россіи, богатые крестьяне, крестьяне средняго до-тка и крестьяне бѣдные. То, что онъ увидалъ, превозошло всѣ его

ожиданія, и онъ могъ только воскликнуть: „нѣтъ, такую ужасную жи американскій гражданинъ вести бы не могъ!“ Такова жизнь русск крестьянина по сравненію съ американскимъ крестьяниномъ“... Да и только съ американскимъ. „Я выросъ въ деревнѣ“,—пишетъ извѣст русскій писатель Діонео, — „но только послѣ возвращенія изъ-за г ницы, послѣ того какъ мнѣ пришлось наблюдать бытъ крестьянъ другихъ странахъ, во всемъ ужасѣ представилось отчаянное положе русской деревни. Послѣ швейцарскихъ или французскихъ деревень, трясающее впечатлѣніе на меня произвели засыпанныя снѣгомъ по сившіяся избы, съ разобранными соломенными крышами и оборванны постоянно голоднымъ населеніемъ... Нигдѣ ни въ одной странѣ я видѣлъ такой послѣдней грани нищеты, какъ на родинѣ“...

Для того, чтобы показать эту дѣйствительную грань нищ нашего крестьянства, надо вспомнить, что за продажей хлѣба уплаты податей и аренды у крестьянина остается въ среднемъ душу всего 15—16 пудовъ, въ то время, какъ для достаточнаго пита человѣку въ годъ нужно, по научнымъ даннымъ, не менѣе 24 пуд И, дѣйствительно, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ на душу среднемъ приходится 62 пуда, въ Даніи — 57 пудовъ, во Франціи 36 пудовъ, въ Швеціи—31 пудъ, въ Германіи—28 пуд., въ Бельгі 27 пуд. и т. д.

Все это ведетъ русское крестьянство и къ физическому выр денію. Объ этомъ, напр., говоритъ дѣтская смертность, достигаю въ нашихъ деревняхъ такихъ размѣровъ, до которыхъ она не до дитъ ни въ одной культурной странѣ.

Правовое положеніе „освобожденнаго“ крестьянства.

Освободившись отъ крѣпостной зависимости, крестьяне тѣмъ менѣе не получили полныхъ правъ гражданства, а остались особ сословіемъ съ преуменьшенными правами. Пахарь все еще не обрат въ мужа, а остался „мужикомъ“...

Крестьянинъ прежде всего оставался привязанъ приписной постью къ своему сословному обществу. Мѣстомъ осѣдлости для крестьян считалось не мѣсто его дѣйствительнаго пребыванія и занятій, к для другихъ привилегированныхъ классовъ, а то сословное общес къ которому онъ приписанъ. Если какому нибудь крестьянину удал получить согласіе своего общества на выходъ изъ него, то онъ медленно долженъ выбрать себѣ для приписки новое общество. Одн каждое общество можетъ безъ объясненія причинъ отказать въ пр новаго члена. Нерѣдко за такую приписку съ новаго члена бер болѣе или менѣе значительную сумму денегъ. Выходъ изъ общества б затрудненъ еще обязательствомъ получить на него согласіе родите выписывающагося. Подобная крѣпостная зависимость крестьянина своего сословія была источникомъ безчисленныхъ неудобствъ и стѣс ній для всякой практической дѣятельности, которой думалъ занят тотъ или другой крестьянинъ. На почвѣ этой зависимости происход также многочисленныя злоупотребленія.

Но эта крѣпостная зависимость личности крестьянина отъ сословнаго общества усиливалась благодаря тому, что каждое общес оставалось связаннымъ круговой порукой по уплатѣ податей и пов ностей. Наконецъ, каждому обществу было дано право предоставл воихъ односельчанъ, признанныхъ извѣстнымъ большинствомъ голос

вредными и порочными", въ распоряженіе правительства для поселенія хъ въ Сибири. О болѣе мелкихъ формахъ зависимости крестьянина отъ го общества упоминать здѣсь не будемъ. Всѣ эти права раньше ринадлежали помѣщику, а теперь перешли къ сельскому обществу. Такимъ образомъ, часть крѣпостного права уцѣлѣла надъ личностью рестьянина въ прежнемъ своемъ видѣ; только распоряженіе личностью рестьянина было отнято у помѣщика.

Пріуменьшеніе гражданскихъ правъ освобожденнаго крестьянства аключалось также и въ томъ, что во многихъ отношеніяхъ своей посседневной жизни оно было изъято отъ дѣйствія общихъ гражданскихъ аконовъ. Для крестьянъ былъ созданъ особый волостной судъ, который олженъ былъ рѣшать дѣла на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту. Волостной судъ разбиралъ всѣ ѣла по обязательствамъ крестьянъ между собой о движимости до 00 руб. и по вопросамъ о землепользованіи въ предѣлахъ надѣла на у же сумму. Это исключеніе крестьянскаго сословія изъ дѣйствія бщихъ законовъ въ области ихъ повседневныхъ отношеній было ѣмъ тяжелѣе для крестьянъ, что твердо установленныхъ обычаевъ въ рестьянской средѣ въ дѣйствительности не существовало... „У всякой абы свой обычай, гдѣ ихъ знать", такъ отвѣчали крестьяне одной ѣстности на вопросы комиссіи сенатора Любощинскаго, которой было ручено въ 70-хъ годахъ обслѣдовать вопросъ объ обычномъ правѣ.

Сказаннаго достаточно для того, чтобы убѣдиться, насколько пріменьшенными оставались гражданскія права крестьянскаго сословія. апомнимъ еще, что для крестьянъ и послѣ освобожденія была сохрана подушная подать, ограниченія въ правахъ при поступленіи на осударственную службу и, наконецъ, тѣлесное наказаніе, которое збуждало къ себѣ всегда такое негодованіе среди всего нашего ителлигентнаго общества и являлось особеннымъ признакомъ униженія рестьянства.

Правда, всѣ эти ограниченія гражданскихъ правъ крестьянства редполагались, какъ временныя мѣры Отчасти въ этихъ ограниченіяхъ грали соображенія фискальнаго характера, желаніе вѣрно и сполна даже съ излишкомъ) получить выкупныя суммы. Отчасти тутъ говоили и крѣпостническія тенденціи господъ освободителей (тѣлесное назаніе). За обособленіе крестьянства въ особое сословіе высказывались извѣстной степени и тѣ, кто стремился въ реформахъ поддержать иболѣе ярко либеральную струю. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ предлагали, что крестьянство, какъ особое сословіе, лучше будетъ защено отъ всякихъ крѣпостническихъ вожделѣній прежнихъ своихъ годъ. Но какъ бы то ни было, всѣ эти ограниченія въ правахъ крестьянства предполагались, какъ временная мѣра, которая въ болѣе или нѣе отдаленномъ будущемъ должна отпасть, и крестьянство должно авняться въ правахъ со всѣми другими сословіями. Однако дѣло порнулось въ дѣйствительности какъ разъ наоборотъ, и крестьянство ло еще больше ограничено въ своихъ правахъ.

Особенно крутой поворотъ въ этомъ отношеніи произошелъ во второй ловинѣ 80-хъ годовъ. Уже въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ правительво обратило вниманіе на все усиливающееся стремленіе къ раздѣламъ крестьянскихъ семействахъ. Это стремленіе къ самостоятельной жизни ло естественнымъ развитіемъ хотя бы отчасти освобожденной личности естьянина. Но правительство этого не поняло и по прежнему не хо

тѣло замѣтить въ немъ развивающуюся личность. Эту точку зрѣнія он сохранило и въ вопросѣ о семейныхъ крестьянскихъ раздѣлахъ. Он рѣшило, что эти крестьянскіе семейные раздѣлы должны ослаблять пла тежную силу крестьянства и рѣшило съ этимъ бороться, хотя бы бор эта приводила къ новому приниженію личности. И вотъ въ 1886 год издается новый законъ о семейныхъ крестьянскихъ раздѣлахъ. Этим закономъ свобода крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ сильно стѣсняетс и ставится подъ надзоръ мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій. Однак семейные раздѣлы продолжались съ прежней силой, потому что вызыва лись къ жизни крайней необходимостью, несмотря на всѣ противодѣ ствія особенно со стороны института земскихъ начальниковъ, только чт тогда введеннаго. А мѣръ воздѣйствія, дѣйствительно, не жалѣли. „Борьба эта, — говоритъ Г. А. Евреиновъ, — велась земскими начал никами мѣстами и на первыхъ порахъ съ энергіей и настойчивость доходившими до жестокости. Земскіе начальники отказывали самоволь отдѣлившимся крестьянамъ въ выдачѣ паспортовъ. По ихъ приказані волостные старшины насильственно водворяли раздѣлившихся крестьян въ общую хату, отбирали подѣленное имущество и складывали въ од кучу. Процедуру эту безуспѣшно продѣлывали по нѣсколько разъ. Са мовольно раздѣлившихся крестьянъ судили уголовнымъ судомъ, но и э не помогало,—по отбытіи наказанія осужденные продолжали жить ра дѣльно“... Такъ характеризуетъ законъ, отмѣтившій явный поворотны пунктъ въ крестьянской политикѣ, писатель, крайняя умѣренность кот раго стоитъ внѣ какихъ бы то ни было сомнѣній...

Не меньшую роль въ ограниченіи правъ крестьянства сыгралъ законъ 1889 г. о земскихъ начальникахъ. По этому закону земск участковые начальники назначаются изъ мѣстныхъ потомственныхъ дв рянъ, владѣющихъ, по крайней мѣрѣ, усадьбой въ предѣлахъ соотвѣ ственнаго уѣзда. Образовательнаго ценза при этомъ никакого не треб валось. Только въ случаѣ отсутствія кандидатовъ со стороны помѣстна и потомственнаго дворянства, министру внутреннихъ дѣлъ разрѣшало пополнять кадры земскихъ начальниковъ изъ среды чиновниковъ, пол чившихъ высшее или среднее образованіе.

Земскому начальнику были подчинены всѣ органы сословнаго кр стьянскаго управленія. Земскій начальникъ являлся, слѣдовательно, д крестьянства высшей администраціей. Больше того, земскій начальни являлся для того же крестьянства и законодателемъ. Въ самомъ дѣл съѣзды земскихъ начальниковъ могутъ пересматривать и отмѣнять всяк приговоры крестьянскихъ сходовъ, „причемъ, — добавляетъ г. Евр иновъ,—велѣнія предоставленной имъ власти замѣняютъ законъ, отсу ствующій въ бытовой сферѣ крестьянскихъ правоотношеній“.

Какъ далеко должна была заходить власть земскихъ начальников и до какой степени она могла быть назойлива, можно видѣть изъ тог что земскому начальнику было поручено „попеченіе о хозяйственно благоустройствѣ и *нравственномъ преуспѣяніи* (!) ввѣреннаго е участка“... Столь же обширны были и средства приведенія въ дѣйств этого закона. Самъ и администраторъ, самъ и законодатель, земскій н чальникъ, конечно, не долженъ былъ стѣсняться въ своихъ дѣйствіях И этотъ просторъ обезпеченъ ему въ законѣ: такова была ст. 61-я п ложенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ. Эта статья даетъ пра земскому начальнику подвергать крестьянъ аресту и денежному взыскані „безъ формальнаго производства, слѣдовательно, безаппеляціонно и п

едленно"... Такимъ образомъ была возстановлена зависимость крестьянъ ъ помѣстнаго дворянства. Но законодательство и на этомъ не остано-илось. Подобно тому, какъ крѣпостное право запрещало крестьянамъ аловаться на своихъ помѣщиковъ, такъ и положеніе о земскихъ на-альникахъ 1889 г. отдаетъ крестьянъ въ полное распоряженіе мѣстнаго иновничества, объявляя постановленія губернскихъ по крестьянскимъ ѣламъ присутствій окончательными и подлежащими немедленному испол-енію.

Въ слѣдующемъ — 1890 году права крестьянъ подверглись еще дальнѣйшему сокращенію: число гласныхъ отъ крестьянъ въ земскихъ обраніяхъ было сокращено, и избираемые на земскихъ собраніяхъ ласные должны были представляться на утвержденіе губернаторамъ. емство теперь окончательно было оторвано отъ народа и отдано во ласть помѣщиковъ-дворянъ.

Бюрократія продолжала двигаться по тому же пути и дальше. Въ 894 г. было издано новое положеніе о видахъ на жительство, которымъ вободѣ крестьянъ былъ нанесенъ еще новый ударъ. Этотъ законъ гла-илъ слѣдующее: „не отдѣленнымъ членамъ крестьянскихъ семействъ, отя бы и совершеннолѣтнимъ, виды на жительство выдаются и возоб-овляются не иначе, какъ съ согласія хозяина крестьянскаго двора". то была явная попытка отдать молодую деревню подъ надзоръ стари-овъ, которые считались въ глазахъ правительства—и часто не безъ снованія—наиболѣе благонадежнымъ элементомъ деревни. Споръ между хозяиномъ" и членомъ семьи долженъ былъ рѣшаться земскимъ начальникомъ, который, конечно, съ легкимъ сердцемъ принималъ всегда сто-ону благонамѣренныхъ стариковъ. Никакому обжалованію рѣшеніе зем-аго начальника уже не подлежало. Кромѣ того, каждый крестьянинъ, олучившій паспортную книжку, долженъ былъ возвратиться и былъ звращаемъ полиціей къ мѣсту своей приписки, если этого требовалъ омохозяинъ, если не были уплачены его подати или если онъ былъ ыбранъ на какую-нибудь сословную должность.

И, наконецъ, уже на порогѣ XX вѣка былъ изданъ законъ 1900 г., оторый расширилъ право сельскихъ обществъ удалять изъ своей среды ѣхъ сочленовъ, „дальнѣйшее пребываніе коихъ въ этой средѣ угрожаетъ ѣстному благосостоянію и безопасности"... Личная свобода крестьянина, акимъ образомъ, подвергалась теперь еще большей опасности.

Еще дальше шли въ своихъ предположеніяхъ тѣ комиссіи, которыя ыли созданы въ первые годы XX столѣтія для пересмотра крестьян-аго законодательства и носили, во-первыхъ, ясно выраженный бюро-ратическій и дворянскій характеръ, а, во-вторыхъ, дѣлали натискъ въ орону обособленія крестьянства въ сословномъ отношеніи и пріуменьенія его гражданскихъ правъ (такова, напр., была комиссія Стишин-аго).

Прогрессивныя теченія въ современномъ крестьянствѣ.

Чѣмъ дальше подвигалось время отъ шестидесятыхъ годовъ, тѣмъ еньше оставалось непосредственныхъ свидѣтелей крѣпостного права, роводившихъ свою молодость въ невыносимыхъ условіяхъ помѣщичьяго асилія и безправія. Какъ ни робки, ни тусклы были реформы шести-есятыхъ годовъ, какъ ни попирались въ нихъ интересы крестьянскіе и ни звеличивались интересы дворянскіе, какъ ни мало способны они были огра-ить деревню отъ разоренія и защитить вполнѣ личность крестьянина

отъ произвола чиновниковъ и помѣстнаго дворянства,—онѣ, эти ре формы, все же ставили личность крестьянина въ неизмѣримо лучші условія, чѣмъ тѣ, въ которыхъ онъ находился при крѣпостномъ прав Эти реформы шестидесятыхъ годовъ не способны были, по свое недодѣланности, вывести нашу родину на прочный и торный путь ра витія, но по сравненію съ крѣпостнымъ прошлымъ они все же бы шагомъ впередъ не только для крестьянства, но и для всего общества.

Мало по малу въ крестьянствѣ стала возрастать грамотност Господскія земства не особенно торопились съ народнымъ образованіем и теперь, спустя полстолѣтія послѣ освобожденія, мы все еще очен далеки отъ всеобщаго обученія,—но все же мѣстами для распространені грамотности было сдѣлано довольно много: таковъ ужъ духъ времен таковы неотступныя потребности жизни. За учебникомъ въ деревн потянулась популярная книжка, за книжкой газета. Любовь и уважені къ печатному слову возрастаетъ въ деревнѣ изъ года въ годъ. Книжк уже нѣсколько десятковъ лѣтъ завоевала себѣ среди крестьянскаго на селенія права гражданства. Уже въ восьмидесятыхъ годахъ изслѣдо ванія Московскаго, Новгородскаго, Воронежскаго земствъ достаточн ясно подтвердили эти предположенія цифровыми данными.

За это же время усилилось общеніе деревни съ городомъ. Нужд гнала крестьянскую молодежь на фабрики. Здѣсь она попадала въ со вершенно новыя городскія условія. Здѣсь она быстро развивалась среди фабричной обстановки, сводящей подъ одну крышу часто тысяч работниковъ, и въ воскресныхъ школахъ, и въ библіотекахъ, и нерѣдк въ тѣсномъ общеніи съ интеллигенціей. — Нужды промышленности за ставляли самихъ фабрикантовъ искать кадры развитыхъ рабочихъ и со дѣйствовать поэтому ихъ образованію. Но та самая нужда, котора гнала деревенскую молодежь на фабрику, поддерживала связь межд городскими работниками и деревенскими жителями. Помощь изъ город ского заработка часто спасала крестьянское хозяйство отъ окончатель наго разоренія. Напротивъ, въ моменты кризисовъ или стачекъ деревн являлась вѣрнымъ хотя бы и временнымъ убѣжищемъ для рабочаго, вы брошеннаго за бортъ промышленной жизни. Это тѣсное общені рабочихъ и крестьянскихъ массъ сильно поднимало развитіе деревни.

Далѣе, даже то жалкое участіе въ изуродованной земской жизн въ качествѣ гласныхъ или участіе въ укороченномъ по всѣмъ напра вленіямъ судѣ присяжныхъ все-таки шевелило крестьянскій умъ, вс же наталкивало его на общественные вопросы, заставляло критиковат существующій строй и подыскивать выходы изъ невозможнаго положені современной деревенской дѣйствительности.

Наконецъ, и глубокія измѣненія, которыя за эти полстолѣтія про изошли въ сельскомъ хозяйствѣ, также шевелили крестьянскій родт также побуждали его отходить отъ прежней сельскохозяйственной ру тины. Усовершенствованныя орудія, искусственныя удобренія, траво сѣяніе,—все это все больше становилось вопросомъ дня для массы кре стьянскихъ хозяйствъ и будило пытливость деревенскаго ума.

За этими мелкими и повседневными задачами деревенской жизн выдвинулась потребность въ общеніи: въ сельско-хозяйственныхъ обще ствахъ, въ кредитныхъ организаціяхъ... Все это шло сначала туг при сильнѣйшемъ противодѣйствіи реакціи, но тѣмъ не менѣе ш впередъ.

Не малую роль въ развитіи деревни сыграло и нарастаніе дере

венской интеллигенціи, не связанной съ землей и эксплоатаціей крестьянскаго труда, а посвящающей свои силы дѣлу культуры. Таковыми являлись врачи, фельдшера, учителя, агрономы...

Вотъ тѣ силы, которыя измѣнили прежнюю крѣпостную деревню до неузнаваемости и создали чисто-крестьянскую интеллигенцію. „Знанія средняго деревенскаго человѣка“, — говоритъ извѣстный изслѣдователь русской деревни г. Щербина, — „замѣтно увеличились количественно и качественно, и собственно сельская школа или, точнѣе, народное образованіе играло въ этомъ отношеніи если не единственную, то во всякомъ случаѣ преобладающую роль. Это всюду отчетливо сказывается въ деревнѣ—и въ общественной ея жизни, и въ семьѣ, и въ костюмѣ или обстановкѣ или, вообще, на людяхъ и на ихъ дѣятельности. Взгляните на совершенно незнакомый вамъ сельскій сходъ — и вы сразу отличите грамотную молодежь отъ неграмотной. Внѣшній видъ, манера держать себя съ другими, несомнѣнное сознаніе собственнаго человѣческаго достоинства замѣтно отличаютъ грамотнаго человѣка между неграмотными сверстниками. Особенно рѣзко выдѣляются молодые крестьяне, окончившіе земскую школу. Говоритъ человѣкъ, прошедшій школу, сдержанно и толково; при сношеніи съ начальствомъ у него не замѣчается наускнаго раболѣпства и обидной приниженности“... Такова эта чисто-деревенская интеллигенція, которая такъ тѣсно связана съ деревенской массой.

Крестьянское возстаніе послѣднихъ лѣтъ.

Первые признаки надвигающейся грозы особенно остро проявились въ 1902 г., когда въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ крестьянскіе безпорядки впервые послѣ освобожденія приняли массовый характеръ. Здѣсь крестьянство особенно было обижено при освобожденіи, и потому каждый голодный годъ отзывался на населеніи особенно тяжело, а 1902 г. опять былъ голоднымъ годомъ для названныхъ губерній... Впрочемъ, на этотъ разъ крестьянскіе безпорядки носили характеръ исключительно голоднаго движенія. Крестьяне являлись въ помѣщичьи экономіи, забирали хлѣбъ, кормъ для скота, сѣмена для посѣва и разъѣзжались по домамъ, не производя никакихъ насилій. Подобнымъ образомъ въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ за нѣсколько дней было „разобрано“ около 80 усадебъ. Правительство прибѣгло къ вооруженной силѣ. Приблизительно въ то же самое время происходили мелкіе безпорядки въ Воронежской, Саратовской, Херсонской, Кіевской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ. Всѣ эти попытки крестьянства выразить свое недовольство быстро подавлялись обычными средствами...

Крестьянство опять притихло... Но ненадолго... Начиная съ 1903 г. учащаются случаи поджоговъ помѣщичьихъ усадебъ, особенно въ Саратовской губерніи. Въ то же самое время не прекращаются и мелкія недоразумѣнія между крестьянами и помѣщиками, которыя кое-гдѣ оканчиваются сопротивленіемъ властямъ (какъ, напр., наиболѣе выдающійся въ этомъ году случай безпорядковъ въ Михайловскомъ у., Рязанской губ., у кн. Гагарина). Подобное же положеніе вещей сохранилось приблизительно и въ 1904 году: глухое броженіе и недовольство чувствовалось во всей толщѣ крестьянства, но рѣзкихъ массовыхъ выступленій еще не было. Бывали и кровавыя столкновенія между властями и крестьянами.

Первые мѣсяцы 1905 г. ознаменовались огромнымъ распростран
ніемъ массовыхъ порубокъ, которыя охватили площадь неизмѣри
большую той, гдѣ происходили „разборки“ помѣщичьихъ усадебъ, и д
леко выходили изъ рамокъ тѣхъ порубокъ, съ которыми приходит
считаться помѣщичьимъ экономіямъ изъ года въ годъ.

„Непосредственнымъ отвѣтомъ правительства на начавшееся дв
женіе“—пишетъ г. Б. Веселовскій,—„послужили, конечно, репрессивны
мѣры: аресты, экзекуціи и т. д. Сѣченіе крестьянъ „въ администрати
номъ порядкѣ“ производилось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ“... С
стоялась даже командировка т. с. Звегинцева, которому были даны ш
рокія права по усмиренію крестьянства вплоть до устройства военн
полевыхъ судовъ. Въ то же самое время были образованы „временн
уѣздныя комиссіи“ (главнымъ образомъ изъ мѣстныхъ дворянъ и чино
никовъ), задачей которыхъ было выяснять лицъ, „участвовавшихъ
преступныхъ скопищахъ“... и опредѣлять размѣры убытковъ, котор
предполагалось взимать безъ разбору со всѣхъ членовъ сельскихъ и с
ленныхъ обществъ, крестьяне которыхъ участвовали въ разгромѣ. Вв
дилась, слѣдовательно, круговая порука въ отвѣтственности за разгро
помѣщичьихъ усадебъ.

Но, несмотря на всѣ эти мѣры, волненія въ крестьянствѣ
прекращались въ теченіе всей весны и всего лѣта 1905 г., хотя и
достигали такого напряженія, какъ въ мартѣ и апрѣлѣ этого года. Во
ненія эти перекинулись и на новыя губерніи, а также и на Прибалті
скій край. Здѣсь, впрочемъ, движеніе началось еще въ 1900 г., а въ 1905
лишь достигло наибольшаго развитія. „Въ мартѣ 1905 г.“,—читае
мы у г. Б. Веселовскаго,—„движеніе значительно усилилось, особен
въ Курляндской и Лифляндской губ.... Во время возникшаго таки
образомъ движенія было разрушено нѣсколько имѣній и волостны
правленій. Съ апрѣля движеніе замѣтно усилилось (въ этомъ мѣся
было сожжено 6 усадебъ), при этомъ особенно участились „противопр
вительственныя“ демонстраціи съ красными флагами. „Въ маѣ и іюн
какъ констатировало правительственное сообщеніе, демонстраціи ста
повторяться почти каждое воскресенье, сначала въ уѣздахъ: венденско
рижскомъ и митавобаусскомъ, а затѣмъ и въ другихъ. Все усиливая
движеніе приняло въ концѣ іюля „угрожающій характеръ“. По до
сеніямъ администраціи, „власти не признаются“, „арендные платежи
вносятся“, „шествія съ красными флагами совершаются ежедневно
и т. д. Въ довершеніе всего, въ концѣ іюля вспыхнула въ восьми уѣзда
забастовка батраковъ. Объявленное вслѣдъ затѣмъ 6 августа военн
положеніе, въ декабрѣ, во время новой вспышки движенія, было распр
странено на весь Прибалтійскій край, и съ тѣхъ поръ тамъ воцарили
карательныя экспедиціи и разстрѣлы безъ суда и слѣдствія“.

Въ это же время стачечное движеніе сельскихъ рабочихъ охвати
многія мѣстности Царства Польскаго и Юго-Западнаго края.

Вотъ въ какомъ состояніи находилось крестьянство Европейск
Россіи, когда осенью 1905 г. надвинулся на нашу деревню нов
голодъ, охватившій 25 губерній, на пространствѣ которыхъ отъ
урожая пострадало около 150 уѣздовъ. Голодавшее населеніе
этомъ исчислялось въ 20 милліоновъ душъ. Этотъ голодъ былъ, пожалу
болѣе страшнымъ, чѣмъ всѣ предыдущія голодовки. Послѣдовала нов
вспышка крестьянскихъ волненій.

„Востаніе“, — читаемъ мы у г. Б. Веселовскаго. — „началось

ередипѣ октября, почти одновременно въ нѣсколькихъ губерніяхъ, и атѣмъ съ огромной силой перекинулось на большое пространство, охвативъ въ концѣ октября и въ теченіе ноября около 140 уѣздовъ въ 7 губерніяхъ, не считая Кавказа, Польши и Прибалтійскаго края. За то время было сожжено, „разобрано" и вообще уничтожено свыше 000 усадебъ, при чемъ убытки помѣщиковъ только по 10 наиболѣе заронутымъ губерніямъ опредѣляются, по оффиціальнымъ даннымъ, въ 9 милліоновъ рублей".

На это возстаніе правительство отвѣтило обычными мѣрами. Почти ся Россія съ того времени была переведена на военное положеніе или а положеніе чрезвычайныхъ или усиленныхъ охранъ. Законы потеряли овсюду свою силу.

Возстаніе снова было задавлено тѣмъ болѣе, что въ огромномъ ольшинствѣ случаевъ оно носило характеръ стихійныхъ вспышекъ. Но ъ 1906 г. съ середины лѣта движеніе опять усилилось, особенно въ Воронежской губерніи, гдѣ мѣстами были сметены съ лица земли почти сѣ дворянскія усадьбы.

Этотъ же 1906 годъ ознаменовался также широко разлитымъ тачечнымъ движеніемъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, которое правительство хотѣло предупредить „правилами противъ возникновенія стачекъ реди сельскихъ рабочихъ" (изданными 15 апрѣля).

Заключеніе.

Итакъ, мы видѣли, что въ 60-хъ годахъ оборвалась цѣпь, на оторой крѣпостной крестьянинъ сидѣлъ у помѣщика-крѣпостника. Правда, на мѣсто цѣпей крѣпостныхъ люди придумали много ныхъ"... Личность крестьянина оторвалась отъ личности помѣщика, о крестьянское сословіе попрежнему оставалось на цѣпи у помѣстаго дворянства и бюрократіи. Конечно, эта цѣпь была болѣе прогорной, чѣмъ цѣпь крѣпостная... Но все и эта цѣпь была цѣпью яжелой, которая пригибала народную душу книзу, не давала разить ей всей ея предпріимчивости, всѣхъ ея богатыхъ талантовъ, сѣхъ ея глубокихъ общественныхъ навыковъ. Это была цѣпь, оторую при всякихъ удобныхъ обстоятельствахъ старались сдѣлать окороче (особенно съ 80-хъ годовъ).

Но старую политику прижимки крестьянскихъ массъ пришлось ставить. Однако этотъ переломъ въ политикѣ произошелъ не сразу...

При первомъ движеніи крестьянскихъ массъ въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ, въ правящихъ кругахъ была мысль о томъ, то крестьянство недостаточно скручено „близкой" властью земскихъ начальниковъ. Соотвѣтственно этому явился законъ 5 мая 1903 г. ъ учрежденіи полицейскихъ стражниковъ. Этотъ законъ былъ прямымъ отвѣтомъ на Харьковскіе и Полтавскіе безпорядки, и проведеніе го въ жизнь должно было обойтись около 10 милльоновъ рублей. Институтъ стражниковъ въ теченіи 1905—1908 г. окончательно былъ роведенъ въ жизнь.

Впрочемъ, мы были бы несправедливы, если бы не отмѣтили ной законодательной попытки, предшествовавшей закону о стражникахъ и проявлявшей нѣкоторую заботливость о крестьянствѣ и нѣоторое желаніе облегчить его узы. Это именно отмѣна круговой поуки,—законъ, изданный 12 марта 1903 г. Дѣйствительно, круговая

порука имѣла единственную цѣль освободить и чиновниковъ, и пом щиковъ отъ необходимости видаться съ каждымъ отдѣльнымъ кр стьяниномъ. При круговой порукѣ передъ помѣщикомъ или чиновн комъ стояла не та или другая личность, а сѣрая, безразличная с словная масса, которая и была обложена извѣстными податями сама обязана была являться аппаратомъ, обезпечивающимъ пр вильность по исполненію податей и повинностей. Круговая пору облегчала сначала дѣло помѣщичьяго управленія, а затѣмъ вносил то же самое облегченіе и въ дѣло чиновничьяго хозяйства. Одна опытъ показалъ, что эта мѣра даже съ чиновничьей фискальн точки зрѣнія годится только при наличности примитивныхъ хозя ственныхъ отношеній. Когда же хозяйственныя отношенія достигаю извѣстной сложности, то аппаратъ круговой поруки становится мал пригоднымъ и скорѣе даже тормазитъ, чѣмъ облегчаетъ дѣло. Та именно было и съ круговой порукой въ нашей деревнѣ. Ког хозяйственная жизнь ея въ достаточной степени усложнилась, круг вая порука перестала представлять какія либо преимущества д фиска. И дѣйствіе ея было отмѣнено для мелкихъ селеній и ослабле для крупныхъ селеній еще въ 1899 г. Съ тѣхъ поръ сложность эк номической жизни нашей деревни еще больше увеличилась, и кругов порука въ интересахъ самого фиска перестала примѣняться къ дѣл Фактически, слѣдовательно, круговая порука отпала еще до зако 1903 года, и правительство своей отмѣной круговой поруки не внес какого либо дѣйствительнаго облегченія въ жизнь крестьянства, лишь признало тотъ порядокъ, который установился самъ собой. Но то же время была усилена и зависимость крестьянина отъ адми страціи. Сельское самоуправленіе, которое вѣдалось со сборами п датей и налоговъ при наличности круговой поруки, теперь было о дано въ этомъ отношеніи подъ особенный надзоръ дворянства чиновничества. „Взиманіе окладныхъ сборовъ“, — гласитъ соотвѣ ственная статья закона—„возлагается на должностныхъ лицъ волос ного и сельскаго общественнаго управленія, подъ руководствомъ зе скаго начальника и податного инспектора“...

Подъ вліяніемъ развертывающихся событій были сдѣланы вско и дальнѣйшіе шаги въ сторону реформы крестьянскаго состоянія. П поводу рожденія наслѣдника престола былъ изданъ 11 августа 1904 новый манифестъ, которымъ, во-первыхъ, отмѣнялись тѣлесныя нак занія для крестьянъ по приговору волостныхъ судовъ, и, во-вторых складывались со счетовъ всѣ недоимки по выкупнымъ платежам земскимъ и казеннымъ сборамъ, накопившіяся на надѣльныхъ земля къ 1 янв. 1904 г.

Что касается до второй изъ этихъ мѣръ, то она является без словно запоздалой. Дѣло въ томъ, что неправильное обложеніе раз ившагося крестьянства создало во многихъ мѣстахъ такое положені при которомъ мужикъ зарылся въ недоимки съ головой, и при кот ромъ недоимки превышали годовой окладъ иногда во много раз При такихъ условіяхъ недоимки, конечно, въ огромномъ большинст случаевъ являлись совершенно безнадежными и только загромождал счеты волостныхъ правленій и казначействъ. Снять эти недоим было важно прежде всего для чиновничьяго аппарата.

Что же касается до отмѣны тѣлесныхъ наказаній, то она нес мнѣнно являлась важной уступкой, сдѣланной подъ напоромъ крест

янской волны. Розга,—эта эмблема насилія,—считалась такимъ вѣрнымъ средствомъ для обузданія мужика, что бюрократія ни за что не хотѣла разстаться съ ней, несмотря на то, что въ обществѣ и въ народѣ эта крестьянская привилегія всегда возбуждала къ себѣ глубокое отвращеніе... Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній для крестьянства устраняло одно изъ важнѣйшихъ препятствій для сближенія сословій въ законодательствѣ. И скоро правительство почувствовало себя вынужденнымъ сдѣлать и дальнѣйшій шагъ въ данномъ направленіи: 12 декабря 1904 г. былъ изданъ указъ, въ которомъ дается обѣщаніе «привести законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ Имперіи",—иначе говоря, дается обѣщаніе покончить съ сословной обособленностью крестьянства. Однако, въ концѣ того же самаго мѣсяца министръ внутреннихъ дѣлъ Святополкъ-Мирскій уже выступаетъ съ попыткой объяснить, что указъ 12 декабря „отнюдь не исключаетъ сохраненія крестьянскаго сословнаго строя"... Но попытки эти оказались, какъ увидимъ, неудачными: и сословныя перегородки начали трещать все больше и больше...

Указомъ 5 апрѣля 1905 г. были сложены съ населенія недоимки по продовольственному долгу, накопившіяся по день рожденія наслѣдника престола, т. е. къ 30 іюля 1904 года... Болѣе серьезной мѣрой можетъ показаться манифестъ 3 ноября 1905 года, которымъ выкупные платежи съ крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, государственныхъ и удѣльныхъ, уменьшены съ 1 января 1906 г. наполовину, а съ 1 января 1907 г. взиманіе этихъ платежей объявляется прекращеннымъ. Однако, „бывшіе помѣщичьи крестьяне", — читаемъ мы у г. Б. Веселовскаго,—„уплатили къ 1 января 1901 г. за доставшуюся имъ землю 1.544.189.000 р.; въ то время какъ первоначальный ихъ долгъ равнялся 867 милл. рублей. Такимъ образомъ, они уплатили съ избыткомъ какъ первоначальный долгъ, такъ и %% на этотъ долгъ. Въ виду этого взимать выкупные платежи послѣ 1 янв. 1906 г. правительство не имѣло даже права, и взиманіе ихъ въ 1907 г., хотя бы въ половинномъ размѣрѣ, не является актомъ особой милости. На бывшихъ государственныхъ крестьянахъ числилось 1.053 милліона выкупного долга казнѣ, и къ 1906 г. этотъ долгъ былъ также погашенъ съ избыткомъ. О выкупныхъ платежахъ удѣльныхъ крестьянъ (около 51 мил. р.) — нечего и говорить, этотъ долгъ былъ уплаченъ давно»...

Столь же несущественнымъ является для крестьянства и обѣщаніе того же манифеста 3-го ноября „дать крестьянскому банку возможность успѣшнѣе помогать малоземельнымъ крестьянамъ въ расширеніи покупной площади ихъ землевладѣнія, увеличивъ для сего средства банка и установивъ болѣе льготныя правила для выдачи ссудъ". Несущественнымъ для крестьянства это обѣщаніе является потому, что всѣ операціи Крестьянскаго Банка содѣйствовали, въ теченіи всей его дѣятельности, а особенно за послѣднее время, — лишь перепродажѣ дворянскихъ земель по крайне высокимъ цѣнамъ.

Наконецъ, крестьянскія права снова подвинулись нѣсколько впередъ въ сторону уравненія съ другими сословіями. Указомъ 5 октября 1906 г. крестьяне сравнены съ другими сословіями въ правахъ гражданской службы; относительно поступленія въ учебныя заведенія, свободнаго выбора мѣста жительства, семейныхъ раздѣловъ; нѣсколько

большую самостоятельность получили сельскіе и волостные сходы; крестьянство, далѣе, освобождено отъ административныхъ каръ земскихъ начальниковъ; земскіе гласные, избираемые (въ прежнемъ же жалкомъ количествѣ) не подлежатъ уже утвержденію губернатора... Конечно, до полнаго устраненія сословнаго начала тутъ еще далеко. Но этимъ указомъ наносится рѣшительный ударъ прежнему изолированному положенію крестьянства. Остальное уравненіе крестьянскихъ правъ сама жизнь, повидимому, додѣлаетъ теперь въ сравнительно уже непродолжительное время.

Вслѣдъ за этимъ указомъ однако правительство сдѣлало рѣшительный шагъ къ тому, чтобы разъединить возможно сильнѣе крестьянскія массы, разбить деревенскія связи, которыя оказались такими значительными къ началу XX вѣка. Мы видѣли, какъ самимъ процессомъ разселенія создалась земельная община. Мы видѣли, что свою общину народъ пронесъ черезъ всѣ испытанія крѣпостного права. Мы можемъ сказать теперь, что, по мѣрѣ того какъ народныя массы становятся сознательнѣе, и общинные порядки, какъ это показали прекрасныя работы Качоровскаго и его сотрудниковъ, начинаютъ оживать и служить дѣлу демократическаго строительства. Однако, въ правящихъ кругахъ взгляды на общину въ началѣ XX вѣка круто измѣнились, и институту общинной жизни былъ нанесенъ тяжелый ударъ закономъ 9-го ноября 1906 г.

О тѣхъ же мѣропріятіяхъ правительства, которыя играютъ роль ничтожныхъ палліативовъ (усиленіе переселенческаго движенія, передача въ землеустр. комиссіи для распродажи каз. и удѣльныхъ земель и т. п.) мы говорить здѣсь не будемъ.

Что читать по исторіи русскаго крестьянства?

Въ своемъ краткомъ очеркѣ исторіи русскаго крестьянства мы могли только бѣгло остановиться на важнѣйшихъ моментахъ историческихъ судебъ его. Для тѣхъ, кто пожелалъ бы глубже познакомиться съ этимъ вопросомъ, имѣющимъ огромную важность для всей русской жизни, мы приводимъ слѣдующія библіографическія указанія. Эти библіографическія указанія имѣютъ въ виду исключительно интересы средняго русскаго читателя, а потому не претендуютъ на исчерпывающую полноту. Курсивомъ мы отмѣчали книги и журнальныя статьи, которыя должны быть выдвинуты на первую очередь. Остальныя книги и журнальныя статьи, помѣщенныя въ текстѣ, могутъ быть отнесены во вторую очередь и, наконецъ, авторы, указанные въ примѣчаніи, могутъ быть отложены на третью очередь.

Въ виду того, что „вслѣдствіе недостаточной разработки исторіи крестьянъ по отдѣльнымъ эпохамъ и въ различныхъ мѣстностяхъ мы не имѣемъ до сихъ поръ и общей исторіи крестьянъ въ Россіи“ [1]), мы съ первыхъ же шаговъ очерка распредѣляемъ библіографическій матеріалъ по тѣмъ рубрикамъ, которыхъ мы держались на страницахъ предыдущаго изложенія.

Считая, что главную роль въ исторіи русскаго крестьянства сыграли процессы разселенія трудового народа на просторѣ русской равнины, мы прежде всего рекомендуемъ усвоить характеръ этого разселенія и характеръ того общенія, который возникъ изъ процесса этого разселенія. Для этого наиболѣе пригодной мы считаемъ книжку *П. Веніаминова „Крестьянская Община“* (Что она такое, къ чему идетъ, что даетъ и что можетъ дать Россіи.— По матеріаламъ, съ введеніемъ и подъ редакціей К. Качоровскаго). Изд. „Трудового Союза“. 1908 г., ц. 55 к. Книга написана общедоступно и очень живо. Основныя идеи, изложенныя въ книгѣ г. Веніаминова, научно и полно разработаны въ работахъ г. Качоровскаго „Русская Община“. Книгоизд. „Новое Товарищество“, 2-е изд., ц. 1 р. 75 к. М. 1906, и его же „Народное Право“. Книгоизд. „Молодая Россія“, М. 1906 г., ц. 90 к. Полезно къ этимъ книжкамъ г. Качоровскаго добавить работу А. А. Чупрова „Общинное Землевладѣніе“, помѣщенную во второмъ томѣ сборника „Нужды деревни“, изд. Львова и Стаховича, ц. 3 р. 50 к. Въ этой работѣ А. А. Чупрова тщательно разобраны всѣ возраженія, которыя дѣлаются противъ общины съ агрономической точки зрѣнія [2]).

---

[1]) В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II, т. I стр. XXXIII.

[2]) Для дальнѣйшаго изученія вопроса объ общинѣ, какъ основной формѣ общежитія русскаго крестьянства, можемъ указать: В. Черновъ „Пролетаріатъ и трудовое крестьянство“ (Приложеніе. Русская крестьянская община). Изд. „Новаго Товарищества“ ц. 20 к. В. В. „Къ исторіи общины въ Россіи“, ц 1 р 25 к. А. Карелинъ „Общинное владѣніе въ Россіи“, ц. 1 р. 50 к. А. Кауфманъ.

Ознакомившись съ той основной формой общежитія, въ которую отлился соціальный строй русской деревни, мы должны перейти къ вопросу о томъ, какъ въ политическомъ отношеніи крестьянство сложилось въ особую сословную группу, и какъ эта группа мало по-малу потеряла всѣ свои общегражданскія права. Основной работой для нашего читателя, по нашему мнѣнію, въ этой области долженъ быть *„Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи“*, А. С. Лаппо-Данилевскаго въ сборникѣ „Крестьянскій Строй“, т. I Изд. кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого, СПБ. 1905, ц. 2 р. 50 к. Далѣе слѣдуетъ прочитать П. Милюкова „Очерки по исторіи русской культуры“, ч. I. (Населеніе, экономическій, государственный и сословный строй), изд. „Міръ Божій“, ц. 1 р.; взглядъ этого писателя на общину далеко не соотвѣтствуетъ тѣмъ взглядамъ, которые развиты въ вышеупомянутыхъ произведеніяхъ, обращаемъ особое вниманіе на прекрасную обрисовку въ его трудѣ роста экономическаго порабощенія крестьянскаго сословія. Сюда же слѣдуетъ отнести и оригинальную работу Павлова-Сильванскаго „Феодализмъ въ древней Руси“ (въ серіи „Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время“) 1)

Разобравшись въ вопросѣ о томъ, какъ сложилось крѣпостное право, слѣдуетъ уяснить себѣ положеніе закрѣпощенной крестьянской массы. Съ этой цѣлью необходимо прочесть двѣ книжки: *А. Н. Радищева. „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“* СПБ. 1905 г. ц. 2 р. и *Салтыкова* (Щедрина) *„Пошехонская старина“* (имѣется нѣсколько изданій; между прочимъ эта книга дана была въ приложеніи къ „Нивѣ“, а потому можетъ быть пріобрѣтена не за дорогую цѣну у букинистовъ). Классической работой для характеристики крѣпостного права въ эпоху его наибольшаго расцвѣта является книга В. И. Семевскаго „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II“. 2 т. Изд. 2-е СПБ. 1903 г. ц., 7 руб. 2)

Много поучительнаго по исторіи русскаго крестьянства можно даже найти въ слѣдующихъ книгахъ: *Д. Мордовцевъ. Самозванцы и понизовая вольница.* 2 т. 2-е изд 2 р. 50 к. Н. Костомаровъ. Бунтъ Стеньки Разина въ

„Крестьянская община въ Сибири“, ц. 1 р. 50 к. Мануйловъ „Замѣтки объ общинномъ землевладѣніи“ въ сборникѣ „Очерки по крестьянскому вопросу“ т. I.—Популярное изложеніе вопроса о русской общинѣ дано въ моей брошюрѣ „Деревенская община“ въ „Крестьянской Библіотечкѣ“ ц. 5 к. Изд. „Петербургскаго Учебнаго Магазина“. Съ марксистской точкой зрѣнія на общину можно познакомиться по работѣ „Крестьянское право и община передъ Государственной Думой. Къ ликвидаціи законодательства по 87 статьѣ“ Петерб. 1907 г., ц. 25 к. и П. Масловъ, отдѣльн. главы въ 2-хъ-томномъ трудѣ его: „Условія развитія сельскаго хозяйства“ и „Аграрный вопросъ въ Россіи“.

1) Проф. И. Д Бѣляевъ, «Крестьяне на Руси». Изслѣдованіе о постепенномъ измѣненіи значенія крестьянъ въ русскомъ обществѣ» М. 1903 г. Изд. 4-е А. Ступина, ц. 2 р.- цѣнная, но нѣсколько устарѣвшая работа. Чичеринъ «Опыты по исторіи русскаго права» М. 1857 г. 1 р Стр. 142—231 (Холопы и крестьяне въ Россіи до XV вѣка), Рожковъ «Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.» М. 1899 г. ц. 2 р. 50 к. Проф. В. Сергѣевичъ. «Древности русскаго права“ т. III (Землевладѣніе. Тягло. Порядокъ обложенія) ц. 2 р. К. Побѣдоносцевъ „Историческія изслѣдованія и статьи (Истор. оч. крѣпостного права въ Россіи въ XVII в. Спб. 76 г. 2 р. М. Дьяконовъ „Очерки по исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ“. Спб. 98 г. ц. 1 р. Н. Соколовскій „Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ“. Спб. 78 г. 1 р. 70 к.

2) Кн. Н. Волконскій „Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ“ „Труды рязан. архив. комм.“, т. XII—XIII, 1897—8 г. Забѣлинъ „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ“ „Вѣстн. Европы“ 1871 № 11 и 12.—Н. И. Костомаровъ. „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII ст. Монокр. т. XIX.—Е. Лѣткова. „Крѣпостная интеллигенція“. „Отеч. Зап. 1883 г. № 11.

нографіяхъ". *Пушкинъ. Исторія Пугачевскаго бунта* въ каждомъ номъ собраніи сочиненій названнаго автора [1]).

Время наканунѣ паденія крѣпостного права должно быть разсмотрѣно возможной тщательностью. Для этого особенно годится книжка *И. И. натовичъ. „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія"*. Спб. . Л. Ф. Пантелѣева 1902 г., ц. 1 р. (есть и 2-е изд.), а также 2 тома И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой полоѣ XIX в.". Спб. 1888 г.; цѣна каждому тому 3 руб.

Описаніе самой реформы 60-хъ годовъ дано съ достаточной полнотой у *А. Корнилова, „Крестьянская реформа"*. Книгоизд. П. П. Гершуа и К° ц. 1 р. 50 к. Отношеніе самаго акта освобожденія крестьянъ къ ормамъ въ другихъ областяхъ русской жизни прекрасно обрисовано въ ѣстной книгѣ Гр. Джаншіева, 9-е, посмертное, дополненное изд. Спб. 5 г., ц. 2 р. 50 к. [2]).

Здѣсь будетъ умѣстно снова возстановить въ памяти всю исторію русго крестьянства включительно до реформы 60-хъ годовъ, Такимъ общимъ ркомъ, наиболѣе пригоднымъ въ данномъ отношеніи, является статья *Н. Милюкова въ Энцикл. Словарѣ Брокгауза и Ефрона XVI, полут. 32* по исторіи русскаго крестьянства. Можно взять также пюру С. Князькова «Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право въ сіи» Изд. С. Курнина и К° ц. 25 к. [3]).

Сжатый очеркъ исторіи крестьянства съ 60-хъ годовъ до начала 20 вѣка но найти въ брошюрѣ *В. С. Голубева „Крестьяне послѣ освобожія"* Изд. «Свободная Земля» ц. 7 к. Полнѣе тѣ же вопросы разобраны у *А. Евреинова. «Крестьянскій вопросъ въ его современной постакѣ»*. Изд. 2-е Спб. 1904 г. ц. 1 р. (Бѣдность русскаго народа, ея пре- ы и значеніе. Крестьяне въ сословномъ строѣ Россіи прежде и теперь. менный характеръ органиченій полноправности крестьянъ по Положеніямъ февр. 1861 г. Законы 1889 г. Завершеніе личнаго освобожденія креівъ. Устройство правопорядка въ сферѣ семейныхъ и поземельныхъ отноій крестьянъ, Крестьянскія сословныя учрежденія и правительственные аны для управленія крестьянъ). Затѣмъ слѣдуетъ проштудировать оба тома *черковъ по крестьянскому вопросу»*. Сборникъ статей подъ редакціей ф. Моск. унив. А. А. Мануилова (в. I 1 р. 25, в. II 1 р. 75 к.). болѣе нужными будутъ статьи: В. I. Вл. Розенбергъ. Изъ хроники креянскаго дѣла. Вып. II. В. Ю. Скалонъ. Крестьянскій банкъ и его недоики. Проф. А. А. Мануиловъ 1) Аренда земли въ Россіи въ экон. отноіи. 2) Аревдный вопросъ передъ Особымъ Совѣщаніемъ. Проф. В. М. Хвоъ. Аренда земли по русскому и западно-европейскимъ законодательствамъ. К. Брейеръ. Сдача и съемъ надѣльныхъ земель. Проф. М. Я. Герценйнъ. Сберегательныя кассы за послѣднее десятилѣтіе (1895—1904 г.) Вл. Розенбергъ. Проектъ редакц. комиссіи о волости. *Ив. Стаховскій.*

---

[1]) Д. Мордовцевъ. „Политическія движенія рус. народа". Н. Дубровинъ. гачевъ и его сообщники". Полезно также прочитать Д. Мордовцева „Гайдаина" 2-е изд. ц. 2 р. 75, и въ связи съ этой послѣдней книгой В. А. Мяина „Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи" „Рус. Бог." 4 г. № 2 и 4 и А. М. Лазаревскаго „Малороссійскіе посполитные крене" Кіевъ 1908 г.

[2]) Проф. И. Иванюковъ „Паденіе крѣпостного права въ Россіи", 2-е изд. бщ. Пользы", ц. 2 р. 50 к.; А. А. Корниловъ «Очерки по исторіи обществен- о движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи» Спб. 1905 г. ц. 2 р. Гр. Джанвъ «А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ» М. 1894 г., ц. 1 р.

[3]) Энгельманъ. «Исторія крѣпостного права въ Россіи».

Крестьянскія права и учрежденія. Изд. «Общественной Пол
ц. 1 р. 50 к. Къ этой книгѣ можно добавить Н. П. Дружинина. „Оч
крестьянской общественной жизни". Изд Юридическаго Книжнаго Ск
„Право", ц. 1 р. 50 к. [1]). Для уясненія финансовой политики государ
по отношенію къ крестьянству слѣдуетъ ознакомиться съ работами.
В. Пѣшехонова. „Экономическая политика самодержавія", ц. 3
и *Ал. Лосицкаго „Выкупная операція"*. Книгоиздательство „Д
ц. 30 к. [2]). Неудачная финансовая политика государства и отсталыя юр
ческія нормы, задержавшія всякую иниціативу наиболѣе предпріимчи
слоевъ крестьянства, не могли не повести къ разоренію нашей деревни
ныя же рѣзкія проявленія этого разоренія представляютъ періодич
голодовки. Картина этого народнаго бѣдствія ярко нарисована
димиромъ Короленко „Въ голодный годъ" (наблюденія, ра
шленія, замѣтки). Изд. 5-е редакціи журнала «Русское Богатство» ц.
См. также Е. Шмурло „Голодный Годъ". Изд. магаз. «Книжное Дѣло» 19
и А. А. Корнилова «Семь мѣсяцевъ среди голодающихъ крестьянъ»
1893 г. ц. 1 р. Сознаніе безвыходности положенія при старомъ пор
вещей все глубже и глубже проникаетъ въ общество и народныя ма
Впервые это глухое и массовое недовольство существующимъ порядкомъ в
прорвалось въ работахъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной
мышленности, несмотря на искусственный подборъ его членовъ. Критика
ботъ этихъ комитетовъ въ области вопросовъ, наиболѣе сильно затрагивают
интересы крестьянства, дана *А. В. Пѣшехоновымъ „Земельныя нуж
деревни"* Изд. ред. журнала «Русское Богатство» ц. 70 к. [3]). Огром
роль въ исторіи русскаго крестьянства сыграла фабрично-заводская пром
ленность, которая начала развиваться послѣ паденія крѣпостного права.
эту тему надо прочесть *М. Туганъ-Барановскаго «Русская фабрик
прошломъ и настоящемъ»*. Историко-экономическое изслѣдованіе 2-е
О. Н. Поповой, ц. 3 р. 50 к. *В. Черновъ. „Крестьянинъ и рабо
какъ экономическія категоріи"* Изд. «Новаго Товарищества» ц. 15
или А. В. Пѣшехонова „Крестьяне и рабочіе въ ихъ взаимныхъ отношені
Изд. Редакціи журнала „Русское Богатство" ц. 30 к.

Для того, чтобы ознакомиться съ фактической стороной аграрнаго дв
нія послѣднихъ лѣтъ, слѣдуетъ прочесть *Б. Веселовскаго „Крестьянскій
просъ и крестьянское движеніе въ Россіи* (1902 — 1906)". Кн
издательство „Зерно". Спб. 1907 г., ц. 55 к. Далѣе можно рекомендоват
Н. Прокоповича „Аграрный вопросъ въ цифрахъ". Библіотека „Обществе
Пользы" ц. 25 к. Его же „Аграрный вопросъ и аграрное движеніе".
„Донской Рѣчи" ц. 10 к.

О значеніи трудового крестьянскаго хозяйства въ настоящій мом
см. *Н. Огановскаго „Земельный переворотъ въ Россіи, его прич
и слѣдствія"*. Изд. „Трудъ и Борьба" 1907 г., ц. 20 к. и коллекти

---

[1]) Для того, чтобы глубже понять условія, въ которыхъ проходила об
ственная жизнь нашего крестьянства за этотъ періодъ надо обратиться
коллективной работѣ „Мелкая земская единица (в. 1-ый—2 р. 50 к., в. 2
1 р. 50 к.) изд. кн. П. Д. Долгорукова и кн. Д. И. Шаховского, въ которой
татель найдетъ рядъ весьма полезныхъ статей въ данномъ отношеніи.

[2]) Проф. П. П. Мигулинъ „Выкупные платежи", Къ вопросу объ ихъ
нижении, Харьковъ 1904 г., ц. 50 к.

[3]) Полный разборъ работъ этихъ комитетовъ читатель найдетъ
коллективномъ трудѣ „Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нужд
сельскохозяйственной промышленности" т. I, ц. 2 р. 50 к., т. II, ц. 3 р. 5
Изд. Н. Н. Львова и А. Стаховича.

„Борьба за землю“ (Индуктивно-статистическое изслѣдованіе) т. I. Об-
введеніе. ч. I. Захватъ, капиталъ и трудъ въ земледѣліи и землевладѣніи.
оиздательство „Трудъ и Борьба“ 1908 г., ц. 2 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ:

Лекція I.

Отъ свободы къ крѣпостной зависимости.

Заселеніе русской равнины и общинное землевладѣніе . . . . . .
Демократическія основы общественнаго быта у восточныхъ славянъ . . . . . .
Выдѣленіе крестьянскаго сословія . . . . . .
Аграрная политика первыхъ князей . . . . . .
Почему крестьяне селились на частно-владѣльческихъ земляхъ . . . . . .
Ростъ экономической власти частнаго землевладѣнія надъ крестьянствомъ въ средневѣковой Руси. . . . . .

Лекція II.

Крѣпостное право.

Улучшеніе положенія крестьянства въ средневѣковой Руси. . . . . .
Измѣнились ли основы внутренней жизни крестьянства за разсмотрѣнный періодъ?
Когда же возникло крѣпостное право?. . . . . .

Лекція III.

Освобожденіе отъ крѣпостного права.

Русское крестьянство никогда не мирилось съ крѣпостнымъ правомъ . . . . .
Какія причины привели къ паденію крѣпостного права. . . . . .
Какъ произошло паденіе крѣпостного права. . . . . .

Лекція IY.

Наше время.

Крестьянское разореніе . . . . . .
Правовое положеніе освобожденнаго крестьянства. . . . . .
Прогрессивныя теченія въ современномъ крестьянствѣ . . . . . .
Крестьянское возстаніе послѣднихъ лѣтъ . . . . . .
Заключеніе. . . . . .

THEORIE UND PRAXIS DES RÄTESYSTEMS.

ERSTER BAND.

DIE RÄTEREPUBLIK.

VERLAG „SKYTHEN"
BERLIN-MAILAND.

ТЕОРІЯ и ПРАКТИКА
СОВѢТСКАГО СТРОЯ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

РЕСПУБЛИКА СОВѢТОВЪ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СКИѲЫ"
БЕРЛИНЪ-МИЛАНЪ.

Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ допускается закономъ.

Alle Rechte vorbehalten, insbesondere das Übersetzungsrecht in fremde Sprachen.

БОРИСЪ КАМКОВЪ.

Органическій недугъ.

Политическая борьба всегда является и борьбой классовой, рѣдко оберегающей такт простыя требованія „морали и права“, которыя считалъ обязательными даже самый крупный идеологъ „аморальной“ матеріалистической философіи — Карлъ Марксъ.

И чѣмъ эпоха катастрофичнѣе, чѣмъ противорѣчія разныхъ общественныхъ группъ острѣе, чѣмъ борьба ожесточеннѣе, тѣмъ меньше считаются съ великими велѣніями внутренняго голоса „правды и чести“, тѣмъ повелительнѣе говоритъ и диктуетъ линію поведенія жестокій законъ целесообразности.

Съ этимъ неизбѣжнымъ зломъ приходится считаться всякой массовой политической партіи и ея идейнымъ вдохновителямъ. Для соціалистическихъ партій „пріятіе“ этого зла смягчается сознаніемъ, что оно не вѣчно, а преходяще, поскольку торжество соціализма, уничтоживъ классовое строеніе общества, уничтожаетъ въ конечномъ счетѣ и политическую борьбу со всѣми ея порой отвратительными сторонами и наслоеніями.

Но есть тѣмъ не менѣе какая то грань, которую ни при какихъ условіяхъ соціалистическія партіи, какъ носительницы высшихъ, въ томъ числѣ и моральныхъ цѣнностей, переходить не должны, не смѣютъ. Было бы наивной почти схоластической задачей пытаться опредѣлить, фиксировать эту грань „допустимаго“ и „недопустимаго“. Но всякій идейный работникъ соціализма при всякихъ обстоятельствахъ ее воспринимаетъ, по ней оріентируется.

Когда недавно какой то субъектъ, именующій себя „большевикомъ - коммунистомъ“ выступилъ въ большевистской газетѣ съ проповѣдью примѣненія пытокъ при допросахъ, то всѣмъ доподлиннымъ соціалистамъ было ясно, что если авторъ этого геніальнаго проэкта и не былъ заправскимъ дѣятелемъ царскаго охраннаго отдѣленія, то лишь по чисто случайнымъ, отъ него независящимъ причинамъ; что у него — всѣ данные быть въ томъ лагерѣ и никакихъ — въ соціалистическомъ. То-же можно сказать и о почтенной редакціи „Еженедѣльника В. Ч. К.“,*) которая на звѣрское предложеніе ввести въ систему „диктатуры пролетаріата“ пытки, „принципіально“ ничего возразить не могла.

---

*) Органъ „Всероссійской Чрезвычайной Комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей, спекуляціей и саботажемъ“.

Революціонный приливъ, какъ и морской, подымаетъ со дна много мусора и выноситъ его на поверхность. Только политическія институтки готовы отъ этого падать въ обморокъ, не понимая, что борьба съ революціонной накипью можетъ весь [illegible] тѣми, кто въ огнѣ революціи, а не отгородились отъ нея китайской стѣной.

Важно, чтобы политическіе отбросы не засоряли, не отравляли самаго источника революціоннаго движенія, чтобы они не находились у самыхъ родниковъ его. А опасность такая, къ сожалѣнію, велика и особенно въ странахъ съ низкимъ культурнымъ уровнемъ.

Нѣтъ ничего болѣе легкаго, чѣмъ въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ 70% безграмотныхъ, гдѣ еще совсѣмъ недавно самодержавію удавалось мобилизовать довольно внушительные кадры для еврейскихъ погромовъ, свести великую идею „экспропріаціи экспропріаторовъ" къ простому „грабежу награбленнаго", свести великую идею „диктатуры трудящихся", какъ временную гарантію противъ буржуазной реставраціи, къ верховному праву штыка и приклада.

Это и случилось. Революція наша органически и серьезно больна, она систематически вырождается. Долгъ честнаго революціонера, не заинтересованнаго въ дешевомъ казенномъ оптимизмѣ, сказать это открыто, во всеуслышаніе.

Но мало сказать это. Нужно вскрыть причину болѣзни, поставить правильный діагнозъ, ибо только тогда открывается возможность правильнаго цѣлесообразнаго лѣченія. А лѣчить нужно быстро и радикально, если мы не относимся спокойно къ печальной перспективѣ предстать на великомъ торжествѣ мірового соціалистическаго переворота не въ видѣ полноправнаго, жизнеспособнаго организма, а въ видѣ полупрогнившаго трупа.

Мы знаемъ сколь широко распространено и въ рядахъ трудящихся мнѣніе, что корень зла — въ политической неразборчивости, въ безсовѣстной демагогіи, въ безчестности самихъ идейныхъ „верховъ" и руководителей той партіи, которая ходомъ вещей была поднята на гребень революціонной волны, которая подъ лозунгами „власть трудящимся" (власть совѣтовъ) не стѣсняясь въ средствахъ, проводитъ власть своей партійной клики.

Не намъ, лѣвымъ эсерамъ рука объ руку съ большевиками проходившимъ самый тяжелый путь сверженія буржуазнаго господства, провозглашенія и проведенія диктатуры трудящихся, знающимъ ихъ не по наслышкѣ, испы-

тавшимъ всѣ прелести клеветы, лжи, граничащаго съ преступностью аморализма и неразборчивости въ средствахъ, — не намъ отрицать, что партійные „верхи" большевизма часто переходятъ ту грань „допустимаго" которая лежитъ между жестокой тактикой революціоннаго соціализма и низменной спекуляціей на культурную и политическую отсталость массъ. Но сказать это и только это — значитъ лишь констатировать общеизвѣстный фактъ. Наша же задача — познать явленіе, опредѣлить его соціальную природу.

Классовая революція, которую мы переживаемъ съ первыхъ дней крушенія самодержавія, слишкомъ грандіозное и многогранное явленіе, чтобы тѣ или иные изгибы ея, ея восходящую или нисходящую, сводить къ моральной и политической честности, или даже къ прозорливости отдѣльныхъ лицъ и небольшихъ коллективовъ, какъ бы показательно и даже кричаще не была ихъ роль въ тотъ или иной моментъ.

Октябрьская побѣда въ силу цѣлаго ряда причинъ, стала также побѣдой принципа диктатуры пролетаріата. А диктатура пролетаріата на практикѣ, въ условіяхъ русской дѣйствительности не могла не вести къ матеріальному и моральному разложенію революціи, къ ея гибели. И та партія, которая, являясь принципіальной сторонницей диктатуры пролетаріата, оказалась въ силахъ проводить ее въ жизнь, неизбѣжно должна была на себѣ отразить это разложеніе, пропитаться его атмосферой.

Россія къ началу войны лишь вступала на путь промышленнаго развитія, представляла собою въ сравненіи со странами развитаго капитализма маленькое и при томъ рахитичное созданіе. Въ связи съ этимъ роль пролетаріата въ хозяйственной жизни страны не могла быть рѣшающей.

Страна наша, какъ была, такъ и осталась земледѣльческой, крестьянской. Не только количественно (75—80% всего населенія), но и по своему значенію въ хозяйственной жизни страны, трудовое крестьянство было призвано при классовой революціи играть первую скрипку, являться соціальной базой новыхъ отношеній.

При существующемъ положеніи вещей пролетаріатъ могъ быть лишь застрѣльщикомъ, болѣе сознательнымъ и идеалогически зрѣлымъ авангар-

домъ революціоннаго движенія. Всякая иная постановка вопроса являлась кабинетно-безжизненной— глубоко авантюристической.

Если считать, какъ это дѣлаютъ марксисты всѣхъ мастей, — и большевики и меньшевики, — лишь пролетаріатъ способнымъ къ соціалистическому строительству, трудовое крестьянство же относить къ буржуазіи, заинтересованной въ сохраненіи буржуазнаго общества, тогда попытка насажденія соціализма есть попытка съ негодными средствами, есть преступное по отношенію къ интересамъ самого пролетаріата эксперементированіе.

Меньшевики, эти до конца послѣдовательные ученики Маркса и Энгельса — сдѣлали изъ своего отношенія къ трудовому крестьянству всѣ политическіе выводы: отказались отъ всякихъ попытокъ соціалистическаго переустройства Россіи.

Такая задача по ихъ мнѣнію подъ силу лишь пролетаріату развитыхъ капиталистическихъ странъ, гдѣ главный нервъ хозяйственной жизни—промышленность, гдѣ пролетаріатъ количественно и по своему значенію уже является основной опредѣляющей силой. Россія не только исторически не призвана итти во главѣ соціалистическаго движенія, но даже въ хвостѣ его она займетъ весьма скромное мѣсто далеко отставшаго арьергарда.

Въ связи съ этимъ меньшевики вполнѣ законно относились крайне отрицательно къ идеѣ захвата власти пролетаріатомъ, ибо при „антисоціалистичности" трудового крестьянства, (т. е. 80% населенія), пролетаріатъ вынужденъ былъ бы дѣлать не свое пролетарское, а буржуазное дѣло: содѣйствовать развитію капитализма въ городѣ и деревнѣ, дальнѣйшей пролетаризаціи среднихъ производителей, т. е. выполнять ту миссію, которая исторически возложена на буржуазію, которая въ странахъ развитаго капитализма уже почти ею закончена.

Въ мелкобуржуазной, по преимуществу аграрной, странѣ разумная и исторически прогрессивная задача пролетаріата заключается въ созданіи независимыхъ отъ государственной власти, сильныхъ классовыхъ организацій, способныхъ охранять интересы труда въ періодъ неизбѣжнаго буржуазнаго господства. Буржуазно-демократическій строй даетъ наибольшія гарантіи рабочему классу для проведенія въ жизнь программы минимумъ соціалистическихъ партій; поэтому преступленіемъ пролетаріата передъ собственнымъ классомъ было бы, если бы онъ отказался отъ осуществленія и защиты этихъ реальныхъ своихъ за-

воеваній, увлекаясь несбыточной фантастической мечтой сразу перескочить, игнорируя несоціалистичность подавляющей массы населенія, въ царство соціализма. Съ такими утопистами нужно бороться, ибо они злѣйшіе враги рабочаго класса, ибо они лишаютъ его „синицы", которую онъ имѣетъ въ рукахъ во имя „журавля" въ небѣ, котораго онъ поймать безсиленъ. —

Такова концепція меньшевиковъ, послѣдовательныхъ сторонниковъ такъ называемаго „научнаго" соціализма. И нужно отдать имъ справедливость, они дѣлаютъ правильный логическій выводъ изъ своей основной посылки, что только пролетаріатъ способенъ осуществить соціализмъ, исторически къ этому призванъ.

Для насъ, революціонныхъ работниковъ (лѣвыхъ соціалистовъ революціонеровъ) эти выводы необязательны, потому что мы не согласны съ основнымъ положеніемъ марксистовъ, не согласны съ тѣмъ, что соціализмъ является исторической привилегіей странъ развитого капитализма, что только въ фабричномъ котлѣ вываривается коллективистическое сознаніе, что только пролетаріатъ является Мессіей грядущаго соціалистическаго блаженства.

Мы всегда считали (и это отдѣляло насъ отъ марксистовъ — и большевиковъ и меньшевиковъ) трудовое крестьянство не буржуазіей (хотя бы и мелкой), а рабочимъ классомъ деревни, экономически заинтересованнымъ въ уничтоженіи классоваго буржуазнаго общества, психологически способнымъ воспринять и идею соціализаціи земли и идею соціализаціи всѣхъ средствъ и орудій производства.

Вотъ почему не фарисействомъ, а глубокимъ классовымъ анализомъ была продиктована намъ линія политическаго поведенія, направленная къ полному сверженію господства буржуазіи, не дожидаясь ни пролетаризаціи нашей деревни, ни примѣровъ старшихъ братьевъ — западно-европейскихъ пролетаріевъ.

Въ отличіе отъ марксистовъ мы всегда указывали, что развитіе капитализма имѣетъ не только свою „шуйцу", но и „десницу", что работая одной рукой для соціализма, капитализмъ другой своей рукой приковываетъ пролетаріатъ къ буржуазному строю, приспособляетъ его, дѣлаетъ его реформистскимъ, нереволюціоннымъ, оппортунистскимъ.

Примѣры Германіи, Англіи и Америки, гдѣ съ ростомъ капитализма и переходомъ его въ новые, болѣе высокіе стадіи своего развитія вплоть до банковскаго, финансоваго капитализма — буржуазный строй не разслаблялся, а непомѣрно укрѣплялся, пріобрѣталъ большую эластичность,

стойкость и прочность, — ясно говорили намъ, что свергать господство буржуазіи легче въ странахъ отсталыхъ, чѣмъ передовыхъ, легче тамъ гдѣ она слаба, находится въ видѣ тонкаго слоя на поверхности, гдѣ она еще не проникла во всѣ поры хозяйственнаго и „правового" организма.

Но совершенно ясно, что въ странѣ, гдѣ пролетаріатъ составляетъ 3—5% населенія, задача эта ему не подъ силу, что онъ долженъ пріобщить къ своему освободительному дѣлу болѣе широкія массы народа, что онъ можетъ быть лишь застрѣльщикомъ, а главный бой придется выдержать другимъ классовымъ силамъ. Но имѣются ли онѣ на лицо?

Кто, какъ марксисты, считаетъ крестьянство буржуазнымъ, тотъ долженъ отказаться — въ Россіи — отъ соціальной революціи, честно указавъ пролетаріату на его изолированность, безсиліе, на неминуемую кровавую неудачу его максималистскихъ притязаній.

Такъ поступили меньшевики. И какова бы ихъ роль не была объективно, субъективно они, несомнѣнно, поступили логически послѣдовательно и честно. Какъ объективно послѣдователенъ и честенъ признанный вождь марксистовъ — Каутскій, когда по тѣмъ же соображеніямъ онъ считаетъ разгонъ учредительнаго собранія, какъ органа, который долженъ былъ закрѣпить буржуазно-демократическій строй, не революціоннымъ, а контръ-революціоннымъ шагомъ, а октябрьскую революцію не великимъ завоеваніемъ, а сокрушительнымъ пораженіемъ рабочаго класса.

Конечно, легко Ю. Стеклову,*) этому „безъ году недѣля" „большевику", отмежевавшемуся еще въ іюльскіе дни 1917 года отъ „большевистской авантюры", считать этотъ вопросъ исчерпаннымъ. Нѣсколько труднѣе дать честный отвѣтъ на тѣ прямые вопросы, которые ставитъ жизнь, которые ставятъ недавніе соратники — меньшевики.

Когда въ октябрьскіе дни большевики признали нашу аграрную программу соціализаціи земли, когда они согласились на наше требованіе составить верховный органъ совѣтской власти на паритетныхъ началахъ изъ пролетаріата и трудового крестьянства, когда, наконецъ, на 3-емъ

*) Теперь главный редакторъ „Извѣстій Всер. Центр. Исполн. Ком." Сталъ большевикомъ незадолго до октябрьской революціи 1917 г. Еще въ іюлѣ 1917 г. во время извѣстнаго большевистскаго возстанія въ Петроградѣ — всѣми силами отмежевывался отъ большевиковъ.

Съѣздѣ Совѣтовъ они дали свою подпись подъ выработаннымъ нами (подъ руководствомъ тов. Ильи Майорова) закономъ о соціализаціи земли, — мы имѣли право предполагать, что большевики отказались отъ традиціоннаго марксистскаго взгляда на „буржуазность" и „антисоціалистичность" трудового крестьянства и вмѣстѣ съ нами отвергаютъ реакціонную въ условіяхъ русской дѣйствительности идею диктатуры пролетаріата, противопоставляя ей здоровую идею диктатуры всѣхъ трудящихся какъ города, такъ и деревни.

Исходя изъ такой увѣренности, наша партія выразила въ первый же день переворота полное довѣріе Совѣту Народныхъ Комиссаровъ, приняла активное участіе въ переворотѣ и, наконецъ, что явилось рѣшающимъ для судебъ октябрьской революціи, преодолѣла на 2-омъ крестьянскомъ Съѣздѣ Совѣтовъ недовѣріе крестьянства къ большевикамъ, слила трудовое крестьянство съ пролетаріатомъ въ объединенномъ Центр. Исп. Комитетѣ и, въ результатѣ этой гигантской борьбы, давшей впервые прочную опору октябрьской революціи, вошла, отъ имени трудового крестьянства, въ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ.

Будущее нашей революціи казалось обезпеченнымъ, соціальная база ея обширной и незыблемой.

Постоянныя оговорки, что революція наша одна побѣдить не можетъ, что побѣда ей обезпечена лишь въ атмосферѣ международнаго соціалистическаго переворота — не означали вовсе, будто мы эксперементируемъ надъ судьбами и жизнью многомилліонныхъ трудящихся массъ Россіи, играя „ва банкъ" на немедленную или даже очень близкую міровую соціалистическую революцію. Дальнѣйшее показало, что и здѣсь у лѣвыхъ соц.-рев. большое разногласіе съ большевиками.

Когда мы указывали на связь русской революціи съ грядущей международной, мы имѣли въ виду, что соціалистическія преобразованія въ нашей странѣ могутъ быть задержаны, скованы въ своемъ поступательномъ развитіи наличностью буржуазно-капиталистическихъ отношеній во всемъ остальномъ мірѣ, постояннымъ давленіемъ ихъ. Но цѣлый рядъ переходныхъ отъ капитализма къ соціализму мѣръ мы считали незыблемыми и устойчивыми при самой неблагопріятной международной коньюнктурѣ. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ, конечно, выдвигается соціализація земли, націонализація фабрикъ и заводовъ, желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ и другихъ естественныхъ богатствъ страны. Наконецъ, и самый переходъ власти въ руки трудящихся,

поскольку, дѣйствительно, трудящіеся осуществляли бы эту власть, могъ явиться не эпизодическимъ, а устойчивымъ фактомъ, независимымъ отъ ближайшихъ комбинацій на аренѣ международной борьбы труда съ капиталомъ. Поэтому наша политика была совершенно лишена элементовъ авантюризма. Она исходила не только изъ учета международныхъ отношеній, но и изъ правильнаго учета классовыхъ отношеній внутри страны. Поскольку во всѣхъ проводимыхъ мѣропріятіяхъ заинтересованъ не только пролетаріатъ, но и трудовое крестьянство всей своей многомилліонной массой, постольку эти мѣропріятія пріобрѣтаютъ громадную устойчивость и способность пережить даже сравнительно длинный періодъ, отдѣляющій насъ отъ полной побѣды угнетенныхъ классовъ въ интернаціональномъ масштабѣ.

А будетъ ли этотъ періодъ краткимъ или длительнымъ, никому знать не дано.

Аналогія съ Россіей, которой главнымъ образомъ пользуются большевики для установленія дней и сроковъ міровой революціи, совершенно неубѣдительна.

Жизнеспособность капиталистическаго общества и спеціально способность буржуазіи сопротивляться натиску трудящихся, весьма ничтожна въ странахъ капиталистически отсталыхъ и весьма велика въ странахъ развитого капитализма.

Традиціонное марксистское представленіе, гласящее, чѣмъ старше и выше капитализмъ, тѣмъ ближе онъ къ смерти, оказалось глубоко ошибочнымъ, хотя и называлось „научнымъ". Сейчасъ можно смѣло и съ большими данными утверждать обратное: чѣмъ выше по своей структурѣ капитализмъ, тѣмъ онъ эластичнѣе и жизнеспособнѣе.

Природа финансоваго капитала, этого дѣтища послѣднихъ десятилѣтій, тѣмъ и характерна, что преодолѣвъ въ значительной степени анархическіе элементы буржуазнаго хозяйства (конкуренцію, кризисы, ухудшеніе положенія рабочаго класса, обостреніе классовыхъ противорѣчій и т.д.) дала капитализму новыя свѣжія силы, укрѣпила его позиціи. Вырожденіе соціалистическаго движенія, нашедшее свое выраженіе во 2-омъ интернаціоналѣ, было лишь логическимъ слѣдствіемъ происшедшей эволюціи, ея исторически законнымъ спутникомъ.

Имперіалистская война несомнѣнно нарушила естественную эволюцію капитализма, подорвала его сокруши-

тельную силу, подготовила экономически и психологически почву для революціоннаго низверженія его. Но непосредственно соціалистическая революція въ міровомъ масштабѣ родилась бы изъ имперіалистской войны лишь при одномъ условіи: если бы военное равновѣсіе двухъ имперіалистскихъ трестовъ удержалось бы до конца, если бы побѣда одного изъ нихъ оказалась бы невозможной. Тогда, несомнѣнно, ликвидація „войны безъ конца" выпала бы на долю третьей силы: возставшаго рабочаго класса. Радикально мѣняется картина при томъ поворотѣ событій, свидѣтелями котораго мы являемся. Одинъ изъ имперіалистскихъ трестовъ поверженъ сейчасъ въ прахъ, а другой повелительно диктуетъ свою волю побѣжденному. При такомъ положеніи вещей цѣлая группа крупнѣйшихъ имперіалистскихъ государствъ и десятки мелкихъ государствъ-попутчиковъ выходятъ изъ непосредственной опасности соціалистической революціи, получаютъ, выражаясь популярнымъ сейчасъ терминомъ, нѣкоторую „передышку". Крушеніе буржуазнаго правопорядка въ этихъ странахъ явится естественно уже не непосредственнымъ слѣдствіемъ безысходности положенія на фронтѣ имперіалистской войны, а слѣдствіемъ безысходности созданной войной разрухи, экономическаго разоренія, безработицы, задолженности и т. д. Но скажется это, конечно, не въ первые дни ликвидаціи войны, а лишь спустя нѣкоторый, возможно продолжительный промежутокъ времени, когда обнаружится банкротство всѣхъ палліативныхъ буржуазныхъ мѣръ лѣченія надорваннаго войной хозяйственнаго организма.

И здѣсь, такимъ образомъ, съ заглядываніемъ въ будущее нужно обращаться крайне осторожно, чтобы не повторить „научныхъ" ошибокъ марксистовъ, которые уже десятки разъ съ астрономической точностью предсказывали неминуемое крушеніе капитализма въ силу безысходныхъ внутреннихъ экономическихъ противорѣчій.

Рѣшающимъ факторомъ явится не экономическая „необходимость" соціализма, ибо таковая съ точки зрѣнія интересовъ трудящихся существуетъ уже давно, а революціонная способность рабочаго класса перейти отъ словъ къ дѣлу, способность выковать классовую дѣйственную волю. Если разлагающая проповѣдь о „саморазрушеніи" капитализма, о предопредѣленности соціализма съ ея развращающей тактикой приспособленія и маленькихъ заплатъ будетъ находить откликъ въ широкихъ массахъ, не исключена возможность, что капитализмъ справится съ

тяжелымъ наслѣдствомъ войны и выйдетъ опять побѣдителемъ.

Но и въ странахъ побѣжденныхъ, въ Германіи, Австріи, Болгаріи и Турціи, дѣло обстоитъ, къ сожалѣнію, далеко не такъ, какъ это изображаютъ наши казенные публицисты.

Раньше всего сама „демократизація" Германіи, нашедшая свое политическое выраженіе въ парламентаризмѣ и коалиціонномъ правительствѣ, есть не столько результатъ давленія массъ на феодально-буржуазную клику, сколько результатъ уступокъ англо-американскому имперіализму, какъ предварительное условіе для переговоровъ о мирѣ.*) Историки не разъ указывали, и справедливо, что всеобщее избирательное право въ рейхстагъ не завоеванное, а „дарованное" Бисмаркомъ, преслѣдовавшимъ задачи національной спайки всѣхъ германскихъ племенъ, такъ и осталось мертворожденнымъ дѣтищемъ. Непоколебима истина, что только въ борьбѣ обрѣтенныя права являются прочными. И если у имперіалистовъ согласія найдется достаточно классово-здоровой прозорливости, чтобы не „добивать" лежачаго, насильно толкая этимъ въ пропасть имперіалистскую германскую клику и вызывая стихію соціальныхъ потрясеній, буржуазный строй при поддержкѣ Шейдемановъ и Давидовъ можетъ временно удержаться, отсрочить часъ своей гибели.

И даже въ томъ случаѣ, если коалиціонное министерство явится калифомъ на часъ, что больше, чѣмъ вѣроятно, если Максы Баденскіе и не Баденскіе вынуждены будутъ ходомъ вещей всецѣло уступить мѣсто соціалистамъ, что уже и случилось, — даже въ этомъ случаѣ доподлинно соціалистическая революція является не вполнѣ обезпеченной. Какъ германскій имперіализмъ, ставшій хозяиномъ на территоріи совѣтской Россіи, сознательно толкалъ ее въ пропасть, дѣлая „соціалистическое" большевистское правительство слугой интересовъ германской буржуазіи, такъ точно „соціалистическое" правительство Германіи, капитулирующее передъ англо-американскимъ имперіализмомъ, можетъ стать слугой вождѣленій и плановъ чужеземнаго капитала. Большевики передъ лицомъ всего міра показали, какъ подъ громкими революціонными и соціалистическими фразами, лозунгами и декретами можетъ уютно прикрыться прозаическое шкурное приспособленіе къ интересамъ сильной штыками иностранной биржи, и мы нисколько не

*) Писано въ началѣ 1919 г.

удивимся, если г. г. Шейдеманы, усвоивши эту тактику, станутъ апостолами соціалистическаго, а чего добраго, совѣтскаго государства, съ тѣмъ, чтобы на практикѣ приспособиться къ видамъ англо-американской буржуазіи. Вѣдь трудящіеся Германіи не менѣе, чѣмъ Россіи, устали отъ войны, а если Шейдеманъ усвоитъ тактику Ленина и демагогически начнетъ спекулировать на этой усталости, приспособляясь къ психологіи деклассированныхъ солдатскихъ элементовъ, онъ будетъ опираться на „большинство", можетъ быть еще болѣе сильное, чѣмъ Ленинъ получилъ на 4-мъ Съѣздѣ Совѣтовъ,*) гдѣ подписывался смертный приговоръ русской революціи, какъ доподлинно соціалистической, непримиримой, къ международной буржуазіи.

Шейдеманъ и Давидъ умнѣе г. г. Керенскихъ и Дановъ и далеко не исключена возможность, что они усвоятъ не ихъ тактику, а тактику большевиковъ, дадутъ народу долгожданный „миръ", пусть и „архитяжелый", „похабный", „грабительскій", какой угодно.

И тогда положеніе ихъ въ странѣ будетъ довольно прочнымъ, ибо будирующей противъ соглашательства оппозиціи, послѣдовательно интернаціоналистскимъ группамъ, выпадетъ мало популярная на первое время миссія проповѣдниковъ войны, пусть революціонной, соціалистической, но войны.

Вся та демагогическая шкурная проповѣдь, которая развивалась въ Россіи партіей большевиковъ противъ лѣвыхъ эсеровъ, въ Германіи будетъ развита шейдемановцами противъ непримиримыхъ интернаціоналистовъ. И успѣхъ такой кампаніи, несомнѣнно, будетъ большой, если учесть усталость отъ войны трудящихся, если учесть, что возможность сопротивляться притязаніямъ англо-американскаго имперіализма сейчасъ во много разъ меньше у Германіи, чѣмъ была у Россіи въ дни насилія надъ нею германской буржуазіи.

Насъ нисколько не удивитъ, если шейдемановцы, ставши у власти пойдутъ на соглашеніе съ имперіалистами Согласія, направленное противъ русской революціи, поскольку это дастъ болѣе легкія условія мира для Германіи.

И здѣсь опытъ большевиковъ, торговавшихъ украинской и финляндской революціей для спасенія своего „оазиса", вступившихъ въ „дѣловыя сношенія" съ украин-

*) На которомъ былъ ратифицированъ Брестскій Миръ.

ской и финляндской бѣлой гвардіей, разстрѣливавшихъ вмѣстѣ съ германскими имперіалистскими войсками повстанцевъ, перешедшихъ на сѣверѣ демаркаціоннную линію, — пойдетъ на пользу Шейдеманамъ.

Все это, конечно, гадательно и проблематично.*) Событія могутъ повернуться и иначе. Но вѣроятность именно такого оборота велика. Лиха бѣда начать. Послѣ „Бреста" мы можемъ пережить цѣлую полосу взаимныхъ предательствъ, гдѣ революціонныя страны, „спасая" себя, будутъ отдавать на потокъ и разграбленіе своихъ ближнихъ, гдѣ соціалистическіе и „интернаціоналистическіе" правительства будутъ выступать въ роли Пилатовъ.

Но если въ Германіи, національно однородной, классовая борьба можетъ возродиться въ силу традиціоннаго оппортунизма рабочихъ массъ, и подъ физическимъ давленіемъ побѣдоноснаго имперіалистскаго треста, то въ разноплеменной Австро-Венгріи дѣло обстоитъ значительно хуже. Сейчасъ по всему лицу Австро-Венгріи идутъ не классовыя революціи, а національно освободительныя, лишь осложненныя классовыми элементами. Какъ скоро будетъ изжита полоса общенаціональнаго подъема и сепаратныхъ національно-государственныхъ строительствъ, опредѣлить никому не дано. Запутанность національныхъ и связанныхъ съ ними территоріальныхъ проблемъ можетъ сдѣлать процессъ кристаллизаціи новыхъ государственныхъ формацій крайне болѣзненнымъ и сложнымъ, на время затушевывая и парализуя классовоосвободительное движеніе.

Отсюда совершенно ясно, что вся внутренняя и внѣшняя политика революціонной Россіи, оріентируясь на международную соціалистическую революцію, должна въ то же время строиться на прочномъ и широкомъ классовомъ фундаментѣ, чтобы устоять и въ томъ случаѣ, если міровое соціалистическое движеніе потребуетъ сравнительно длительный періодъ времени для своего благополучнаго завершенія. Только авантюристы могутъ игнорировать это и, играя „ва банкъ", ставить судьбы многомилліонныхъ тружениковъ Россіи и судьбы грядущаго раскрѣпощенія всѣхъ угнетенныхъ въ зависимость отъ дней и часовъ міроваго побѣдоноснаго пролетарскаго возстанія.

Наша партія, согласно со своимъ міровоззрѣніемъ, эту незыблемую базу точно опредѣлила. Это — про-

*) Мы видимъ теперь, что многое изъ сказаннаго здѣсь за эти полтора года вполнѣ оправдалось.

летаріатъ и трудовое крестьянство. Партія большевиковъ главнымъ образомъ штыками трудового крестьянства взобравшаяся на министерскія кресла, въ медовый мѣсяцъ октябрьскаго переворота, какъ уже указано, сдала въ архивъ свою чисто пролетарскую теорію и стала на общую почву съ нами. На второмъ крестьянскомъ сѣздѣ, гдѣ естественно, въ подавляющемъ количествѣ были лѣвые эсеры, Ленинъ каялся въ своихъ былыхъ вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеніяхъ и заблужденіяхъ, приведшихъ его къ пресловутымъ „отрѣзкамъ", вмѣсто соціализаціи земли, и отъ имени своей партіи призывалъ все трудовое крестьянство поддержать соціалистическія мѣропріятія.

Но медовый мѣсяцъ прошелъ, а вмѣстѣ съ нимъ и лѣво-эсеровское повѣтріе въ большевистскихъ рядахъ. Чуждые трудовому крестьянству, не знающіе его и даже враждебные ему по старой памяти, большевистскіе верхи шагъ за шагомъ начали попятное движеніе въ сторону установленія диктатуру одного пролетаріата, въ сторону устранечія трудящихся на землѣ отъ активнотворческой роли въ революціонномъ строительствѣ.

Снова на носъ были водружены марксистскіе очки, и трудовое крестьянство взято подъ подозрѣніе въ мелкобуржуазности, реакціонности и даже контръ-революціонности.

Власть на мѣстахъ, даже въ чисто крестьянскихъ, не промышленныхъ губерніяхъ, гдѣ доподлиннымъ пролетаріатомъ и не пахнетъ, искусственно конструировалась такъ, чтобы голосъ тружениковъ сохи заглушался, чтобы вліяніе ихъ на судьбы революціи сводилось къ нулю. И чтобы углубить этотъ процессъ изоляціи пролетаріата и превращенія трудового крестьянства изъ субъекта соціалистическаго стоительства въ объектъ эксперементированія и использованія въ интересахъ другого класса, представлять который хотѣли большевистскіе верхи, походъ противъ трудового крестьянства былъ продолженъ до самыхъ низовыхъ организацій, до уѣздныхъ, волостныхъ и сельскихъ совѣтовъ. Повсемѣстный разгромъ совѣтовъ крестьянскихъ депутатовъ и насажденіе штыками и пулеметами карательныхъ отрядовъ комитетовъ „бѣдноты" изъ люмпенпролетарскихъ, деклассированныхъ и потенціально-контръ-революціонныхъ элементовъ, къ которымъ и перешла власть на мѣстахъ, достойно завершилъ путь отъ дикта-

туры пролетаріата и трудового крестьянства къ партійной большевистской олигархіи, которая рекламировалась въ казенной печати, какъ диктатура пролетаріата.

Ходомъ русской революціи, рожденной четырехлѣтней войной, промышленность наша катастрофически разрушалась, пролетаріатъ лишался своей экономической классовой базы, распылялся, обвѣтривался. Подавляющая масса его оказалась не въ роли производительнаго класса, а въ роли безработныхъ, частью устроившихся на землѣ, поскольку связь съ деревней не была окончательно ликвидирована, частью попавшихъ въ тяжелое морально развращающее положеніе пенсіонеровъ государства. Въ связи съ этимъ диктатура пролетаріата становилась фикціей, абстрактной формулой, за которой скрылось довольно своеобразное содержаніе.

Въ деревнѣ, какъ уже указано, диктатура пролетаріата выродилась въ возстановленіе дореволюціонныхъ порядковъ, гдѣ трудящимися массами волею штыка и приклада командовали небольшіе кучки назначенныхъ чиновниковъ, именующихъ себя „комитетами бѣдноты", но фактически ставшихъ привилегированной кастой, насильно присвоивающей все, что плохо лежитъ. Положеніе стало настолько несноснымъ, что сами „геніальные" авторы контрреволюціоннаго проэкта насажденія комитетовъ бѣдноты вынуждены были на чрезвычайномъ съѣздѣ своей партіи, названномъ по тактическимъ соображеніямъ „шестымъ съѣздомъ совѣтовъ", принять „постановленіе" о необходимости вновь создать „крестьянскіе совѣты". Много было бы хорошаго и въ этомъ запоздаломъ признаніи своего преступленія передъ революціей, если бы... если бы не было новаго обмана. Созывъ и наблюденіе за „благонадежностью" создающихся совѣтовъ поручается тѣмъ же злополучнымъ „комбедамъ", а это значитъ, что „комбедамъ" приказано перемѣнить флагъ и отнынѣ называться совѣтами. Вотъ и все. Трудовое крестьянство, въ томъ числѣ и бѣднѣйшее, испытавшее на своемъ горбу художество большевистской диктатуры, никакого участія въ новомъ маскарадѣ не приметъ. Какъ было, такъ и останется оно активно-враждебнымъ къ полицейской коммунистически комбедской опекѣ.

Въ городѣ дѣло обстоитъ не лучше. Сохранившая свою базу часть пролетаріата, (работающая на заводахъ, фабрикахъ, желѣзныхъ дорогахъ и т. д.), не можетъ не задумываться надъ общей судьбой революціи, не можетъ не видѣть, что революція за-

гнана въ тупикъ и несется на всѣхъ парусахъ къ полной катастрофѣ. И чѣмъ ближе, осязательнѣе соціалистическое преобразованіе міра, тѣмъ острѣе и больнѣе воспринимается передовымъ отрядомъ пролетаріата — та искусственная изоляція, къ которой его привела правящая партія, тѣмъ острѣе и больнѣе воспринимается ими и та экономическая, финансовая и политическая вакханалія, которая инсценируется оторвавшейся отъ низовъ, безтолковой, громоздкой бюрократической машиной, которая сводитъ на нѣтъ подлинныя соціалистическія преобразованія. Это классово — здоровая часть пролетаріата естественно то же взята подъ подозрѣніе въ „мелкобуржуазности" и „контръ-революціонности". Она терроризована и отстранена отъ политической роли почти въ той же мѣрѣ, что и трудовое крестьянство. Выборы въ городскіе совѣты въ связи съ этимъ свелись тоже къ каррикатурѣ на подлинное рабочее представительство. Своеобразная система „выборовъ", возмутительные методы ихъ проведенія, аргументы отъ штыка и пулемета — бытовое явленіе. Поэтому много честнѣе поступили нѣкоторые большевистскіе комитеты, хотя имъ и досталось, вѣроятно, отъ начальства за откровенность, объявивъ на мѣстахъ власть своихъ партійныхъ комитетовъ и переставъ спекулировать именемъ совѣтовъ. Диктатуру трудящихся въ городахъ осуществляютъ сейчасъ ставленники правительства, за рѣдкимъ исключеніемъ не пользующіеся никакимъ довѣріемъ рабочихъ. Ставленники эти естественно вербуются изъ рядовъ „пенсіонеровъ" государства, т. е. изъ деклассированной, матерьяльно зависимой части пролетаріата, также изъ политически неразборчивыхъ элементовъ, готовыхъ служить и прислуживаться всякому начальству, хорошо платящему.

Объективнымъ ходомъ вещей „диктатура пролетаріата", которую намѣрены были осуществить большевики въ земледѣльческой по преимуществу Россіи, выродилась въ диктатуру городского и деревенскаго люмпенпролетаріата.

Только понявши это, можно понять внутреннюю (и внѣшнюю) политику партіи большевиковъ. Больше чѣмъ о комъ бы то ни было, можно о нихъ сказать, что сейчасъ они всецѣло во власти деклассированныхъ элементовъ и поскольку теперешнее правительство хочетъ держаться у власти, оно вынуждено приспособляться къ ихъ политическимъ и соціальнымъ инстинктамъ.

Основная проблема, которую должна была разрѣшить трудовая Россія, это организація правильнаго товарообмѣна между городомъ и деревней. Нужно было компенсировать разрушенный спекулятивный аппаратъ, замѣнить его государственной организаціей, преслѣдующей исключительно интересы широкихъ трудовыхъ массъ. Задача весьма сложная, требовавшая большихъ организаціонныхъ талантовъ и, главное, большой классовой сознательности и выдержки. Деклассированные войной деревенскіе и городскіе элементы, естественно, тяготѣли въ сторону упрощенія проблемы, съ которой связаны вопросы питанія, и начали разрѣшать ее примитивными средствами вооруженныхъ экспропріацій и дѣлежа имѣющихся подъ рукой небольшихъ запасовъ и сбереженій. Это, конечно, нарушало всѣ раціонально построенные планы продовольственной политики, внося хаосъ, путаницу, кровавую борьбу и столкновенія въ ряды самихъ трудящихся. Вмѣсто рѣшительной борьбы съ реквизиціями, экспропріаціями и карательными походами въ деревню, большевистское правительство, приспособляясь къ психологіи деклассированныхъ элементовъ, само дало лозунгъ вооруженнаго похода изъ города въ деревню за хлѣбомъ. Деревенскій кулакъ, спекулировавшій на голодѣ и укрывавшій большіе запасы хлѣба, чтобы ихъ тайкомъ сбывать по сказочнымъ цѣнамъ и трудовой крестьянинъ, урвавшій нѣсколько десятковъ пудовъ для обмѣна на жизненно необходимые продукты города (мануфактуру, кожу, керосинъ, сахаръ, чай, земледѣльческія орудія и т. д.) были скоро уравнены штыками реквизиціонныхъ отрядовъ. Даже больше того, кулаки, враждебные совѣтской власти, опасаясь ея, заранѣе приняли мѣры для скрытія запасовъ, часто же просто откупались взятками. Трудовое же крестьянство, не ожидая никакой напасти отъ своей власти, открыто держало свои небольшіе запасы и стало болѣе легкой добычей вооруженныхъ нападеній. Невѣроятно низкая расцѣнка стоимости въ сравненіи съ тѣми баснословными спекулятивными цѣнами, которыя крестьяне вынуждены платить за продукты города, поставило трудовое крестьянство въ неслыханно тяжелое положеніе и главное открыло ему глаза на тотъ фактъ, что именующее себя „рабоче-крестьянскимъ", большевистское правительство жизненныхъ интересовъ трудового крестьянства не защищаетъ, его представителемъ не является.

Былъ моментъ въ исторіи послѣоктябрьской революціи, когда пролетаріатъ, напуганный разрушеніемъ всей про-

мышленной жизни, явно сталъ отходить отъ платформы совѣтской власти и опорой ея были не городскіе, а губернскіе т. е. крестьянскіе совѣты. Сліяніе городскихъ и губернскихъ совѣтовъ въ цѣломъ рядѣ мѣстъ, устройство совмѣстныхъ засѣданій и голосованій по важнѣйшимъ вопросамъ было продиктовано очень часто необходимостью усиленія крестьянскими голосами совѣтскихъ партій въ борьбѣ съ противосовѣтскими меньшевисткими и правоэсеровскими элементами. Намъ неизвѣстенъ ни одинъ уѣздный или губернскій съѣздъ крестьянскихъ депутатовъ, который не стоялъ бы на платформѣ совѣтской власти, который активно не поддерживалъ бы насъ въ борьбѣ со всѣми противосовѣтскими силами. Разгромъ крестьянскихъ совѣтовъ, исключеніе изъ нихъ самыхъ вліятельныхъ и авторитетныхъ въ крестьянской средѣ лѣвоэсеровскихъ фракцій, наконецъ, повальный разгонъ и подтасовка уѣздныхъ и губернскихъ совѣтскихъ съѣздовъ, все это лишило современную власть главной соціальной опоры въ странѣ.

Продовольственная и „комбедовская" политика окончательно подорвала довѣріе трудового крестьянства къ современной власти, неизбѣжно толкая его даже на вооруженную борьбу съ „рабоче-крестьянскимъ" правительствомъ. Разлились волной крестьянскія возстанія не „кулаковъ", роль которыхъ слишкомъ ничтожна въ нашей деревнѣ, а обездоленныхъ крестьянскихъ массъ. И не вина труженниковъ деревни, если они не всегда разбираются въ причинахъ своего политическаго и классоваго безправія, если иногда они направляютъ свой гнѣвъ противъ совѣтскаго принципа, какъ такового, отожествляя его съ большевистской карикатурой на подлинно рабоче-крестьянскую власть.

Всѣмъ намъ понятно то недовѣріе къ совѣтской власти, которое было занесено на Украину Антоновскими и Муравьевскими отрядами. Всѣмъ намъ памятно, какъ ничтожно было въ связи съ этимъ сопротивленіе рабочихъ и крестьянъ, оказанное имперіалистскимъ войскамъ Германіи, изгнавшимъ совѣтскіе отряды. Лишь тяжелый и сравнительно длительный опытъ жестокой оккупаціи сгладилъ нѣсколько эти воспоминанія, и совѣтская власть стала вновь популярной и то порой, какъ „меньшее зло". Только этимъ можно объяснить тотъ фактъ, что Украинская Рада въ массахъ понынѣ еще окончательно не убита, что Петлюра и его сподвижники еще являются возможными претендентами на украинскій престолъ.

Проводимая подъ давленіемъ деклассированныхъ элементовъ, упрощенная экспропріаторская продовольственная политика, которая стала возможной послѣ устраненія классово-здоровыхъ трудовыхъ элементовъ отъ активной политической роли, создаетъ у насъ прочное антисовѣтское настроеніе, подготовляетъ благопріятную почву для легкой побѣды внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ соціалистической революціи.

Рабочая и финансовая политика современнаго правительства идетъ также подъ знакомъ гегемоніи люмпенпролетарскихъ элементовъ.

Широкіе планы реорганизаціи на новыхъ началахъ всей національзованной промышленности остаются запечатлѣнными лишь въ многочисленныхъ декретахъ многочисленныхъ вѣдомствъ и подвѣдомствъ, а на практикѣ все ограничивается безчисленными субсидіями и подачками отъ печатнаго станка полуразрушеннымъ, почти ничего не производящимъ руинамъ. Полный развалъ промышленности, уничтоженіе пролетаріата, какъ производительнаго класса, идетъ паралельно со сказочными, астрономическими расходами на „поддержаніе промышленности". Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства и Комиссаріатъ Труда выродились въ грандіозныя филантропическія учрежденія и въ концѣ концовъ безъ всякаго ущерба могли бы стать отдѣлами Комиссаріата Соціальнаго Обезпеченія. Погоня за ставками приняла головокружительный темпъ и разоренная полунищая Россія довела благополучно свой бюджетъ до такой цифры, отъ которой упалъ бы навѣрно въ обморокъ комиссаръ финансовъ міровой федераціи соціалистическихъ республикъ.

О государственныхъ доходахъ при такихъ условіяхъ говорить не приходится. Въ общемъ итогѣ ихъ значеніе равно нулю. Чтобы хоть нѣсколько сгладить удручающее впечатлѣніе отъ почти стомилліарднаго бюджета (такъ его опредѣлилъ, и сравнительно точно, бывшій комиссаръ финансовъ Гуковскій) государственная власть опять таки идетъ по пути наименьшаго сопротивленія. Раціональная финансовая политика разсчитанная на правильное и постоянное налоговое пропорціональное обложеніе всего населенія, подмѣняется единовременной контрибуціей въ 10 милліардовъ руб., которая естественно выродится въ массовый грабежъ населенія вооруженными отрядами, пройдетъ подъ знакомъ произвола и личнаго усмотрѣнія власть имущихъ, которая послужитъ почвой для безконеч-

ныхъ крупныхъ и мелкихъ злоупотребленій. Конечно съ населенія, въ большинствѣ трудового, послѣ повальнаго бѣгства буржуазіи, взыскать единовременно десять милліардовъ не удастся, сколько бы пулеметы не работали.*) Но изъ суммы, которая будетъ взыскана путемъ террора, угрозъ и вымогательствъ, добрая половина расползется по карманамъ взыскующихъ, увеличивая уже созданную касту новой злостной „буржуазіи", которая, какъ воронье, облѣпила гніющее экономическое тѣло нашей государственности. Что экономически здоровые классы, классы будущаго, трудовое крестьянство и пролетаріатъ, не заинтересованы въ такой финансовой „политикѣ", что она продиктована интересами, навыками и психологіей разлагающагося люмпенпролетаріата — доказывать не приходится.

„Соціалистическое государство", бюджетъ котораго регулируется и опредѣляется одними лишь техническими возможностями станковъ, печатающихъ денежные знаки, есть вовсе не государство трудящихся, а тѣхъ — кто живетъ за счетъ трудящихся.

Для полноты картины нельзя не упомянуть о централистскихъ тенденціяхъ правительства большевиковъ. За послѣднее время они приняли столь угрожающія формы, что даже изъ партійныхъ большевисткихъ рядовъ доносятся недоумѣвающіе и протестующіе голоса. На первый взглядъ становится, дѣйствительно, непонятнымъ организованный походъ противъ всякой мѣстной иниціативы, сосредоточеніе всего аппарата государственной власти въ рукахъ нѣсколькихъ человѣкъ, построеніе всей машины управленія по старому бюрократическому принципу, который гласилъ: высшее начальство приказываетъ, низшее подчиняется и выполняетъ. Компетенція мѣстныхъ, — областныхъ, губернскихъ и уѣздныхъ — органовъ власти сейчасъ приравнена къ компетенціи бывшихъ генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и исправниковъ; они служатъ не лабораторіей коллективнаго творчества трудящихся, а слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ партійно-подобраннаго центральнаго коллектива, выступающаго то подъ именемъ Центральнаго Исполнительнаго Комитета, то подъ именемъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ.

Къ такимъ уродствамъ привела проводимая желѣзной рукой централизація. Бюрократическая волокита и нера-

*) Теперь мы знаемъ что контрибуція эта, несмотря на всѣ драконовыя мѣры взыскана не была — буржуазія всѣми способами уклонялась, трудовое же населеніе, хотя и было разграблено, такихъ суммы дать не могло.

дѣніе превосходятъ все, что видѣла страна. Попытки все наладить сверху ведутъ къ невѣроятному осложненію всей жизни, создаютъ такія громоздкія, неподвижныя и аморфныя организаціи, которыя однимъ своимъ существованіемъ парализуютъ всякую иниціативу и подлинное строительство.

Взяточничество, слѣпое прислуживаніе и непотизмъ пустили глубокіе корни, питаясь еще неизжитыми традиціями, унаслѣдованными отъ самодержавія.

„Совѣтскій бюрократизмъ опаснѣй всякой контрреволюціи" — такое мнѣніе не разъ высказывали печатно даже офиціальные представители большевисткой власти. Но они безсильны съ нимъ бороться. Ибо централизмъ, бюрократизмъ со всѣми его отрицательными сторонами есть слѣдствіе всей политики теперешней власти, подмѣнившей совѣтскій принципъ принципомъ партійной диктатуры, опирающейся на деклассированные слои общества. Эти элементы къ самостоятельному творчеству, къ отвѣтственной государственной работѣ не пригодны и держать ихъ въ ежевыхъ рукавицахъ неизбѣжно. Ясная тенденція взять все и вся подъ свой контроль, проводимая Чрезвычайной Комиссіей есть тоже результатъ общей политики недовѣрія къ трудящимся массамъ и неспособности къ органической и честной работѣ деклассированныхъ массъ.

Поскольку Совѣтовъ, какъ свободно избранныхъ полномочныхъ органовъ рабочихъ и крестьянъ, больше не существуетъ, постольку путь бюрократизма, централизма и суровой опеки надъ всѣми органами власти разныхъ Чрезвычаекъ является фатально неизбѣжнымъ. Бороться съ этими язвами палліативными средствами есть сизифова работа. Все это лишь симптомы тяжкой болѣзни, поразившей совѣтскій организмъ; болѣзни, требующей самаго серьезнаго радикальнаго лѣченія.

Сейчасъ, когда домокловъ мечъ международнаго капитала высоко поднятъ надъ головой революціонной Россіи, когда судьба ея, какъ очага мірового освободительнаго движенія, зависитъ главнымъ образомъ отъ силы ея сопротивляемости, организованности и устойчивости, сейчасъ рѣшительный поворотъ отъ диктатуры партіи большевиковъ и люмпенпролетарскихъ элементовъ въ сторону возстановленія диктатуры трудящихся является вопросомъ жизни и смерти.

Теперешняя Россія не есть жизнеспособный организмъ. Она агонизируетъ, чтобы преодолѣть неслыханную вну-

треннюю разруху, чтобы быть способной оказать серьезное сопротивленіе натиску побѣдоноснаго англо-американскаго имперіализма, она должна вновь прикоснуться къ землѣ, связаться глубокими корнями съ многомилліонными трудящимися массами, почерпнуть у нихъ свѣжія бодрящія силы.

Москва, Январь 1919 г.

АЛЕКСАНДРЪ ШРЕЙДЕРЪ.

Федеративная Совѣтская Республика.

(Проектъ конституціи и объяснительная записка.)

Вступленіе.

Совѣтская конституція разрабатывалась въ разныхъ комиссіяхъ въ теченіи болѣе чѣмъ трехъ мѣсяцевъ (по нашему времени срокъ огромный) и все же была написана въ нѣсколько дней. Если мы сравнимъ проектъ представленный V съѣзду Совѣтовъ Комиссіей Всер. Центр. Испол. Ком. (не раньше 3—5 іюля) съ окончательнымъ текстомъ, принятымъ съѣздомъ 10-го іюля 1918 года, мы увидимъ, что отъ проекта В. Ц. И. К. осталось очень мало, что къ нему прибавлено слишкомъ много. Но Комиссія*) представила съѣзду даже не первый проектъ, подвергавшійся обсужденію въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, а проектъ видоизмѣненный ею въ послѣдніе дни. Не удивительно, что конституція, даже съ внѣшней стороны, вышла въ высшей степени неудачной и кривобокой. Что же касается содержанія, то подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій 6—7 іюля 1918 г. ему былъ приданъ оттѣнокъ стремительности „чрезвычайно-коммунистической".

Прѣсная „декларація правъ и обязанностей трудящихся" очень похожая на любую изъ передовицъ „Извѣстій" (не даромъ первый набросокъ ея былъ сдѣланъ Ю. Стекловымъ), очевидно, была признана недостаточно внушительной и вовсе отброшена.

Такъ какъ новой деклараціи подъ руками не было, время же было „боевое" и о деклараціяхъ думать было трудно, а безъ нихъ все же прожить не рѣщались — то и вышли изъ затрудненія поставивъ на ея мѣсто уже принятую 3-мъ съѣздомъ совѣтовъ декларацію, несмотря на нѣкоторую ея устарѣлость.

Излагая нашъ проектъ, мы будемъ, попутно, разбирать недостатки и глубокія внутреннія противорѣчія конституціи 10-го іюля. Сейчасъ же укажемъ лишь на основной ея мотивъ. П. Стучка совершенно справедливо назвалъ

---

*) Комиссія по выработкѣ конституціи приступила къ работамъ въ мартѣ 1918 г. Она состояла изъ 5 членовъ, избранныхъ В. Ц. И. К. (Я. Свердловъ, Ю. Стекловъ и М. Покровскій отъ большевиковъ Д. Магеровскій и А. Шрейдеръ отъ лѣвыхъ соц.-рев.); отъ максимолистовъ съ совѣщательнымъ голосомъ былъ Бердниковъ. Кромѣ того въ качествѣ представителей вѣдомствъ были: Сталинъ, М. Боголѣповъ. М. Рейснеръ и Лацисъ. секретаремъ комиссіи былъ В. Аванесовъ

ее „конституціей гражданской войны". Еще вѣрнѣе было бы назвать ее „диспозиціей большевистской аттаки". Ея временный, лагерный, походный характеръ, — явно вызванный обостреніемъ внутренней разладицы, бросается въ глаза, даже при бѣгломъ чтеніи.

Ея походная легкость сказалась и въ томъ, что при дальнѣйшемъ развитіи „наступательныхъ дѣйствій" на внутреннія волости и уѣзды Россіи, большевики умудрились нарушить предписанія даже этой „конституціи" ...

Нашъ проектъ поневолѣ также долженъ принимать во вниманіе боевое строеніе Совѣтской Россіи; приходится вводить нѣкоторыя временныя мѣры, отказаться отъ нѣкоторыхъ требованій; однако, мы нигдѣ, въ угоду временному, не отступали отъ основныхъ нашихъ принциповъ, ибо вѣримъ, что наиболѣе полное ихъ проведеніе въ жизнь именно и дастъ возможность поскорѣе изжить всѣ временныя бѣды и горести Совѣтской Россіи.

При составленіи нашего проекта мы руководствовались постановленіями и резолюціями совѣтовъ и съѣздовъ партіи лѣвыхъ соціалистовъ-революціонеровъ (интернаціоналистовъ). Настоящій проектъ есть воплощеніе въ юридическія, законченныя формы всѣхъ пожеланій этихъ авторитетныхъ органовъ нашей партіи.

Мы использовали какъ дѣйствующій текстъ конституціи 10-го іюля, такъ и первоначальные его проекты составленные Комиссіей В.Ц.И.К. Въ основу, однако, мы положили другой проектъ, болѣе научно и тщательно разработанный. Этотъ проектъ былъ составленъ Народнымъ Комиссаріатомъ Юстиціи подъ редакціей М. А. Рейснера и А. Г. Гойхбарга.

Въ дальнѣйшемъ мы повсюду будемъ указывать откуда заимствована та или иная статья нашего проекта, и чѣмъ мотивируется видоизмѣненіе его редакціи или же введеніе новыхъ, ни въ одномъ изъ проектовъ не имѣющихся, положеній.

Москва, Бутырки,
Іюнь. 1919 г.

Проектъ Конституціи Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общія начала основного закона.

Статья первая. Вся власть въ предѣлахъ С. Ф. С. Республики принадлежитъ трудящимся, объединеннымъ въ Совѣты Депутатовъ, для удовлетворенія всѣхъ нуждъ населенія.

Статья вторая. Принадлежащую имъ власть трудящіеся осуществляютъ, образуя Совѣты Депутатовъ въ городахъ и селеніяхъ.

Примѣчаніе. Въ большихъ городахъ кромѣ общегородского Совѣта могутъ образоваться Совѣты раіонные. Число ихъ и компетенція устанавливается общегородскимъ Совѣтомъ.

Статья третья. Всѣ совѣты городовъ и селеній образуютъ на началахъ Федераціи тѣсный, братскій Союзъ Совѣтовъ, именуемый Соціалистической Федеративной Совѣтской Республикой.

Статья четвертая. Во главѣ С. Ф. С. Республики стоитъ Федеральный Съѣздъ Совѣтовъ, а въ промежуткахъ между его сессіями избираемый имъ Центральный Исполнительный Комитетъ.

Статья пятая. Совѣты областей отличающихся особыми бытовыми или хозяйственными или этнографическими или политическими условіями могутъ объединяться въ областные союзы, пользующіеся полной автономіей. Объединеніе можетъ произойти не иначе какъ на съѣздѣ заинтересованныхъ совѣтовъ.

Статья шестая. Во главѣ Областныхъ Союзовъ стоитъ Областной Съѣздъ Совѣтовъ, а въ промежуткахъ между его сессіями избираемый имъ Областной Исполнительный Комитетъ.

Статья седьмая. Областные Союзы не могутъ быть распущены иначе, какъ по постановленію Областныхъ съѣздовъ.

Примѣчаніе. Мѣстные Совѣты, входящіе въ составъ объединеній, могутъ выдѣляться изъ нихъ не иначе, какъ послѣ гласнаго заявленія объ этомъ на областномъ съѣздѣ Совѣтовъ. Делегаты могутъ дѣлать подобныя заявленія лишь по спеціальному мандату представляемыхъ ими Совѣтовъ.

Статья восьмая. Власть Совѣтовъ, ихъ съѣздовъ и Исполнительныхъ Комитетовъ осуществляется въ предѣлахъ настоящей конституціи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О совѣтской власти на мѣстахъ.

Статья девятая. Мѣстные Совѣты, ихъ съѣзды и Союзы осуществляютъ всю полноту власти трудящихся въ предѣлахъ мѣстностей подвѣдомственныхъ этимъ Совѣтамъ, Съѣздамъ и Союзамъ и проводятъ въ жизнь въ предѣлахъ подвѣдомственныхъ имъ мѣстностей постановленія центральной власти.

Статья десятая. Изъ круга вѣдѣнія Совѣтовъ, ихъ Съѣздовъ и Союзовъ на мѣстахъ изъемлются всѣ тѣ дѣла, которыя настоящей Конституціей предоставляются исключительному вѣдѣнію Центральной Власти, (статьи четвертая и двадцать вторая).

Статья одиннадцатая. Всѣ декреты, положенія, узаконенія, постановленія или распоряженія мѣстныхъ Совѣтовъ, ихъ Съѣздовъ или Союзовъ, которые нарушаютъ предѣлы ихъ вѣдомства, установленные настоящей конституціей, либо нарушаютъ ея постановленія, почитаются ничтожными и какъ бы вовсе не имѣвшими мѣста. Оповѣщеніе населенія обо всѣхъ подобныхъ актахъ возлагается на Центральную Власть.

Статья двѣнадцатая. Всѣ споры Совѣтовъ, ихъ Съѣздовъ и Союзовъ между собою, поскольку они не подлежатъ вѣдѣнію судовъ, окончательно разрѣшаются Федеральнымъ Съѣздомъ Совѣтовъ.

Статья тринадцатая. Мѣстные Совѣты, ихъ Съѣзды и Союзы могутъ входить между собой въ соглашенія и создавать общія установленія, для веденія дѣлъ въ предѣлахъ компетенціи этихъ Совѣтовъ, Съѣздовъ или Союзовъ.

Статья четырнадцатая. Мѣстные Совѣты, Съѣзды и Союзы устанавливаютъ, соотвѣтственно, по взаимному соглашенію границы Совѣтовъ (городовъ и селеній) и ихъ объединеній (волостныхъ, уѣздныхъ, губернскихъ) и Союзовъ (областныхъ).

Статья пятнадцатая. Порядокъ выборовъ въ Мѣстные Совѣты и Съѣзды, нормы представительства и возрастной цензъ самостоятельно опредѣляются этими Совѣтами и Съѣздами, равно какъ и срокъ полномочій депутатовъ и порядокъ и форма организаціи Совѣтовъ.

Примѣчаніе первое. Порядокъ выборовъ въ Областные съѣзды совѣтовъ, а также форма организаціи областныхъ Союзовъ устанавливается на томъ же съѣздѣ заинтересованныхъ Совѣтовъ, на которомъ произошло объединеніе (часть вторая пятой статьи).

Примѣчаніе второе. При первоначальномъ избраніи Совѣтовъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ таковыхъ еще не имѣется, или при переизбраніи ихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они были избраны до опубликованія настоящей конституціи, мѣстные совѣты образуются слѣдующимъ образомъ:

а) въ городахъ съ населеніемъ свыше десяти тысячъ жителей по расчету: одинъ депутатъ на каждую тысячу человѣкъ населенія, но въ числѣ не менѣе 50 и не болѣе тысячи.

б) въ городахъ съ населеніемъ менѣе десяти тысячъ человѣкъ по расчету: одинъ депутатъ на 150 человѣкъ, но не менѣе 10 и не болѣе 65.

в) въ селеніяхъ (деревняхъ, селахъ, станицахъ, мѣстечкахъ, аулахъ, хуторахъ и пр.) по расчету: одинъ депутатъ на сто человѣкъ, но не менѣе трехъ и не болѣе пятидесяти. Въ селеніяхъ, гдѣ это будетъ признано осуществимымъ, вопросы управленія разрѣшаются въ совѣтахъ, составленныхъ изъ всѣхъ избирателей даннаго селенія.

Примѣчаніе третье. Первые съѣзды волостей уѣздовъ и губерній, въ которыхъ вновь избраны совѣты или же переизбраны послѣ опубликованія настоящей конституціи, составляются слѣдующимъ образомъ:

а) волостные-изъ представителей совѣтовъ въ селеніяхъ по расчету одинъ депутатъ на 10 членовъ совѣта. Совѣты селеній въ которыхъ менѣе 10 членовъ посылаютъ на волостной съѣздъ совѣтовъ по одному представителю.

б) уѣздные-изъ представителей совѣтовъ селеній и городовъ, населеніе которыхъ не превышаетъ десяти тысячъ жителей, но не свыше 300 депутатовъ на весь

уѣздъ. Совѣты селеній, насчитывающихъ менѣе тысячи человѣкъ, для избранія на уѣздный съѣздъ-объединяются.

в) Губернскіе-изъ представителей городскихъ совѣтовъ и совѣтовъ селеній по расчету одинъ депутатъ на 5 000 жителей, но не болѣе 500 на губернію. Совѣты селеній насчитывающихъ менѣе 5000 жителей, для избранія делегатовъ на губернскій съѣздъ объединяются.

Примѣчаніе четвертое. Выборы, о которыхъ сказано выше, въ примѣчаніяхъ второмъ и третьемъ настоящей статьи, должны производиться, по возможности, тайнымъ голосованіемъ. При невозможности организаціи тайныхъ выборовъ по техническимъ условіямъ избирателямъ должна быть, во всякомъ случаѣ, предоставлена возможность свободно и безпрепятственно проявить свою волю. Отвѣтственность за неисполненіе настоящаго постановленія возлагается на тѣ временные органы власти, которые дѣйствуютъ на мѣстахъ до образованія тамъ полномочныхъ совѣтовъ.

Примѣчаніе пятое. Правомъ избирать и быть избранными въ совѣты на выборахъ, о которыхъ говорится въ примѣчаніяхъ второмъ и третьемъ къ настоящей статьѣ, пользуются лишь трудящіеся, достигшіе восемнадцатилѣтняго возраста.

Статья шестнадцатая. Избиратели, пославшіе депутата въ совѣтъ или на съѣздъ совѣтовъ, имѣютъ право во всякое время отозвать его и произвести новые выборы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Объ избирательномъ правѣ.

Статья семнадцатая. Не избираютъ и не могутъ быть избранными въ совѣты:

а) лица, прибѣгающія къ наемному труду съ цѣлью извлеченія прибыли;

б) лица, живущія на нетрудовой доходъ, какъ-то: проценты съ капитала, доходы съ предпріятій, поступленія съ имущества и т. п.;

в) частные торговцы, торговые и коммерческіе посредники;

г) служащіе и агенты бывшей полиціи, особаго корпуса жандармовъ и охранныхъ отдѣленій, а также члены царствовавшаго въ Россіи дома;

д) лица, признанныя въ установленномъ порядкѣ душевно-больными или умалишенными, а равно лица, состоящія подъ опекой;

е) лица, осужденныя за корыстныя и порочащія преступленія на срокъ, установленный закономъ или судебнымъ приговоромъ.

Статья восемнадцатая. Право избирать и быть избраннымъ въ совѣтъ и съѣздъ совѣтовъ, не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ пола, вѣроисповѣданія, національности, государственной принадлежности либо осѣдлости избирателей или избираемыхъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О предѣлахъ власти и объ обязанностяхъ Центральныхъ органовъ власти.

Статья двѣнадцатая. Мѣстные совѣты, волостные, уѣздные, губернскіе и областные съѣзды и ихъ исполнительные органы, Федеральный съѣздъ совѣтовъ и Центральный Исполнительный Комитетъ—въ предѣлахъ своей компетенціи, установленной настоящей конституціей, издаютъ правила, положенія, постановленія, законы декреты и вообще всѣ необходимые для удовлетворенія нуждъ населенія и интересовъ организованнаго труда акты законодательнаго и распорядителнаго характера, за нижеслѣдующими изъятіями:

I. Трудящіеся не могутъ быть лишены права на примѣненіе труда по своей спеціальности и за вознагражденіе, установленное для этого рода работы. Трудящіеся потерявшіе (временно или навсегда) трудоспособность, равно и несовершеннолѣтніе, не могутъ быть лишены права на соціальное обезпеченіе.

II. Воспрещается вводить частную собственность на землю или отмѣнять проведеніе въ жизнь закона о соціализаціи земли, объявившаго весь земельный фондъ общенароднымъ достояніемъ и передавшій его трудящимся безъ всякаго выкупа на началахъ уравнительнаго землепользованія.

III. Воспрещается передача въ частную собственность лѣсовъ, земельныхъ нѣдръ и водъ общаго пользованія.

IV. Воспрещается передача въ частную собственность изъятыхъ изъ частнаго владѣнія отраслей промышленности, ровно какъ и всевозможныхъ предпріятій сельско-хозяйственной и городской индустріи.

V. Не можетъ быть отмѣнена національзація банковъ; не могутъ быть отмѣнены мѣропріятія, которыя имѣютъ цѣлью аннулированіе займовъ, заключенныхъ русскими правительствами до 25-го октября 1917 г.

VI. Не можетъ быть запрещено или пріостановлено всеобщее вооруженіе трудового населенія городовъ и селеній.

VII. Трудовое населеніе городовъ и селеній не можетъ быть лишено права устраивать собранія, митинги, шествія и т. п. подъ открытымъ небомъ и права пользоваться всѣми пригодными для устройства народныхъ собраній помѣщеніями съ обстановкой, освѣщеніемъ и отопленіемъ.

VIII. Воспрещается вводить особыя званія и преимущества для служащихъ въ совѣтской арміи или въ другихъ совѣтскихъ учрежденіяхъ, признавать или устанавливать дворянскіе и тому подобные феодальные титулы и вводить какіе бы то ни было знаки отличія.

IX. Воспрещается отмѣна отдѣленія церкви отъ государства и школы; не могутъ чиниться препятствія какъ религіозной, такъ и антирелигіозной пропагандѣ.

X. Не могутъ быть допущены какія-либо преимущества или привилегіи на основѣ различія расъ и національностей.

XI. Не можетъ быть возстановлена смертная казнь; народные судьи и засѣдатели не могутъ быть лишены права уменьшать положенное въ законѣ наказаніе по своему убѣжденію вплоть до условнаго или полнаго освобожденія обвиняемаго отъ всякаго наказанія.

XII. Не можетъ быть отмѣнено установленное въ предѣлахъ С. Ф. С. Республики право убѣжища для иностранцевъ, подвергшихся преслѣдованіямъ за религіозныя или политическія убѣжденія.

XIII. Не могутъ быть изданы постановленія, отмѣняющія или ограничивающія свободу печати трудящихся или затрудненіе или ограниченіе для нихъ пользованія всѣми техническими и матеріальными средствами для изданія и распространенія ихъ органовъ печати и другихъ произведеній.

XIV. Не могутъ быть отмѣнены постановленія, обезпечивающія трудящимся право полученія безплатнаго воспитанія и образованія въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ видовъ и ступеней.

XV. Трудящіеся не могутъ быть лишены свободы союзовъ и прочихъ объединеній и возможности дѣйствительнаго пользованія свободой организацій.

XVI. Не можетъ быть возстановлено отмѣненное право наслѣдованія, какъ по закону, такъ и по духовному завѣщанію. Не могутъ быть отмѣнены введенныя ограниченія правъ безвозмездной передачи имущества.

Статья двадцатая. Всѣ указанныя въ предыдущей статьѣ (статьѣ девятнадцатой) положенія могутъ быть отмѣнены, измѣнены или дополнены лишь въ порядкѣ измѣненія настоящей конституціи.

Всѣ акты, изданные въ нарушеніе постановленій настоящей (двадцатой) и предыдущей (девятнадцатой) статей почитаются ничтожными и какъ бы вовсе не имѣвшими мѣста. Народные суды не могутъ ставить въ вину неисполненіе повелѣній, распоряженій или постановленій, заключенныхъ въ подобныхъ актахъ; всѣ, приводящіе ихъ въ исполненіе, подлежатъ личной отвѣтственности (какъ уголовной, такъ и гражданской).

Оповѣщеніе населенія обо всѣхъ актахъ, изданныхъ Центральной властью въ нарушеніе настоящей (двадцатой) и предыдущей (девятнадцатой) статей — возлагается на Верховный Судебный Контроль (статья пятьдесятъ вторая).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О предметахъ вѣдѣнія Центральной власти.

Статья двадцать первая. Вѣдѣнію Федеральнаго съѣзда совѣтовъ и Центральнаго Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ подлежатъ, въ предѣлахъ установленныхъ настоящей конституціей, всѣ вопросы общегосударственнаго значенія.

Статья двадцать вторая. Исключительному вѣдѣнію центральной власти С. Ф. С. Республики (статья четвертая) принадлежатъ:

I. Установленіе и измѣненіе границъ, а равно отчужденіе частей территоріи Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики или принадлежащихъ ей правъ.

II. Принятіе въ составъ С. Ф. С. Республики новыхъ сочленовъ Совѣтской Республики и признаніе выхода изъ Совѣтской Федераціи отдѣльныхъ частей ея.

III. Объявленіе войны и заключеніе мира.

IV. Заключеніе таможенныхъ и торговыхъ договоровъ, а равно сношенія съ иностранными государствами.

V. Установленіе и измѣненіе системы мѣръ, вѣсовъ и денегъ на территоріи С. Ф. С. Республики.

VI. Утвержденіе общегосударственнаго бюджета и общегосударственныхъ налоговъ и повинностей.

VII. Установленіе основъ организаціи вооруженныхъ силъ С. Ф. С. Республики.

VIII. Общее положеніе о судебномъ устройствѣ и судопроизводствѣ; соціальное и уголовное законодательство.

IX. Организація и управленіе желѣзныхъ дорогъ, почты, телеграфа и телефона, морскихъ и рѣчныхъ водныхъ путей, шоссейныхъ дорогъ, поскольку всѣ эти средства сношенія имѣютъ общегосударственное значеніе; постановленія о морскомъ флагѣ, гавани и портѣ, лоцманы и мореходные знаки, маячные огни и т. п.

Примѣчаніе. Мѣропріятія перечисленныя въ первыхъ трехъ пунктахъ настоящей статьи подлежатъ исключительному вѣдѣнію Федеральнаго Съѣзда Совѣтовъ.

Статья двадцать третья. Если мѣстный Совѣтъ или Съѣздъ совѣтовъ найдетъ, что права его нарушены какимъ-либо постановленіемъ Ц. И. К. — его отдѣла или президіума, онъ объ этомъ долженъ разослать всѣмъ совѣтамъ Ф. С. Республики и Центральному Исполнительному Комитету циркулярное мотивированное извѣщеніе. Ц. И. Комитетъ долженъ пересмотрѣть оспариваемое постановленіе. Въ случаѣ, если бы онъ не согласился его отмѣнить, вопросъ объ отмѣнѣ долженъ быть рѣшенъ на ближайшемъ съѣздѣ совѣтовъ.

Если мѣстный совѣтъ или съѣздъ совѣтовъ найдетъ, что права его нарушены постановленіемъ Фед. Съѣзда Совѣтовъ, онъ долженъ также разослать указанное въ первой части настоящей статьи извѣщеніе; вопросъ объ отмѣнѣ долженъ быть рѣшенъ на ближайшемъ слѣдующемъ Фед. Съѣздѣ.

Ц. И. Комитетъ можетъ до рѣшенія вопроса съѣздомъ пріостановить дѣйствіе оспариваемаго постановленія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Объ актахъ совѣтской власти и объ отвѣтственности Совѣтовъ и служебнаго персонала.

Статья двадцать четвертая. Акты законодательнаго и распорядительнаго характера центральной

власти С. Ф. С. Республики и совѣтовъ на мѣстахъ получаютъ обязательную силу, первые со дня ихъ обнародованія, въ „Собраніи Узаконеній и Распоряженій", вторые со дня опубликованія въ соотвѣтственномъ мѣстномъ органѣ, если въ самомъ актѣ не будетъ установленъ другой срокъ.

Статья двадцать пятая. Законодательные и распорядительные акты не имѣютъ обратной силы, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда это положительно оговорено въ текстѣ или тѣхъ случаевъ, когда въ нихъ устанавливаются новыя правила судоустройства или судопроизводства или если въ нихъ наказаніе назначается болѣе мягкое, нежели въ ранѣе дѣйствовавшихъ законахъ.

Статья двадцать шестая. Совѣтъ, Съѣздъ совѣтовъ и ихъ исполнительные органы отвѣтственны за ущербъ, нанесенный законнымъ правамъ и интересамъ гражданъ изданными ими актами, (законами, декретами, постановленіями, приказами, распоряженіями и т. п.).

Статья двадцать седьмая. Совѣты, Съѣзды совѣтовъ и ихъ исполнительные органы отвѣтственны за ущербъ, нанесенный законнымъ правамъ и интересамъ гражданъ дѣйствіемъ общественно-необходимыхъ установленій, управленіе, завѣдываніе, контроль или наблюденіе за которыми входитъ въ кругъ обязанностей означенныхъ Совѣтовъ, съѣздовъ или исполнительныхъ органовъ, которые также отвѣтственны и за дѣянія служебнаго персонала вышеозначенныхъ установленій, совершаемыя имъ во время и во исполненіе служебныхъ обязанностей.

Статья двадцать восьмая. Служебный персоналъ означенныхъ въ предыдущей, двадцать седьмой статьѣ, общественно-необходимыхъ установленій лично отвѣтственъ за ущербъ законнымъ правамъ и интересамъ гражданъ, нанесенный дѣяніями, хотя и произошедшими во время исполненія служебныхъ обязанностей, но этимъ обязанностямъ чуждыми и посторонними или вызванными мотивами и дѣйствіями, не имѣющими къ исполненію служебныхъ обязанностей прямого отношенія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О Федеральномъ Съѣздѣ Совѣтовъ.

Статья двадцать девятая. Федеральный съѣздъ совѣтовъ собирается 1-го марта и 1-го октября каждаго года силою самой конституціи.

Статья тридцатая. Чрезвычайные съѣзды созываются внѣ установленныхъ въ предыдущей двадцать

девятой статьѣ сроковъ, либо по постановленію Федеральнаго Съѣзда, либо Центральнаго Исполнительнаго комитета, либо по требованію совѣтовъ мѣстностей, насчитывающихъ не менѣе одной третьей части населенія Республики.

Статья тридцать первая. Федеральный съѣздъ совѣтовъ образуется изъ депутатовъ, избираемыхъ передъ каждымъ съѣздомъ совѣтами городовъ и селеній.

Статья тридцать вторая. Порядокъ выборовъ, норма представительства и возрастной цензъ депутатовъ Федеральнаго съѣзда опредѣляется его постановленіями, съ соблюденіемъ ограниченій, установленныхъ въ статьѣ семнадцатой настоящей конституціи.

Федеральный съѣздъ опредѣляетъ также продолжительность своей сессіи, порядокъ и форму работъ и дѣлопроизводства и внутренній распорядокъ съѣзда.

Примѣчаніе. На первый Федеральный съѣздъ перевыбранныхъ послѣ изданія настоящей конституціи совѣтовъ депутаты избираются Совѣтами городовъ и селеній по расчету — одинъ депутатъ на двадцать пять тысячъ избирателей.

Совѣты городовъ и селеній насчитывающихъ менѣе двадцати пяти тысячъ избирателей для избранія депутата на Федеральный съѣздъ — объединяются.

Статья тридцать третья. Члены Федеральнаго съѣзда во время его сессій, а также члены Ц. И. Комитета, когда онъ замѣняетъ Федеральный съѣздъ, не могутъ быть подвергнуты задержанію, либо аресту или привлечены къ уголовной отвѣтственности безъ разрѣшенія съѣзда.

Въ случаѣ обнаруженія члена Федеральнаго съѣзда или Ц. И. Комитета на мѣстѣ преступленія, онъ можетъ быть задержанъ, но о таковомъ задержаніи немедленно долженъ быть извѣщенъ съѣздъ или Ц. И. Комитетъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О Центральномъ Исполнительномъ Комитетѣ.

Статья тридцать четвертая. Центральный Исполнительный Комитетъ избирается очереднымъ съѣздомъ (статья двадцать девятая) на срокъ до избранія слѣдующимъ очереднымъ Федеральнымъ съѣздомъ новаго состава Ц. И. Комитета.

Статья тридцать пятая. Число членовъ Ц.И.К. и порядокъ ихъ избранія каждый разъ опредѣляется избравшимъ его Федеральнымъ съѣздомъ.

Статья тридцать шестая. Ц. И. К. устанавливаетъ порядокъ своихъ работъ и дѣлопроизводства, число и время засѣданій, очередныхъ и чрезвычайныхъ, избираетъ свой Президіумъ, опредѣляетъ число его членовъ, организуетъ свои отдѣлы, опредѣляетъ предѣлы ихъ компетенціи, руководитъ ихъ дѣятельностью и объединяетъ и контролируетъ ихъ законодательную и правительственную работу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О Президіумѣ Центральнаго Исполнительнаго Комитета.

Статья тридцать седьмая. Президіумъ Ц.И.К. распредѣляетъ между своими членами завѣдываніе отдѣлами организованными Ц. И. К.

Примѣчаніе. Предсѣдателю Ц. И. К. не можетъ быть поручено завѣдываніе какимъ-либо отдѣломъ.

Статья тридцать восьмая. Президіумъ Ц.И.К. исполняетъ всѣ постановленія и порученія Федеральнаго съѣзда и Ц. И. К., издаетъ въ предѣлахъ установленныхъ ст. ст. 19-ой и 22-ой настоящей Конституціи декреты и распоряженія, и вообще принимаетъ всѣ мѣры необходимыя для правильнаго и непрерывнаго теченія государственной жизни въ цѣляхъ обезпеченія интересовъ населенія, и руководитъ всей правительственной и законодательной работой Ц. И. К. и его отдѣловъ.

Статья тридцать девятая. Обо всѣхъ законодательныхъ и правительственныхъ актахъ, разсмотрѣнныхъ и утвержденныхъ Президіумомъ, онъ дѣлаетъ докладъ въ началѣ ближайшаго очередного засѣданія Ц. И. К.

Статья сороковая. Всѣ законодательные или правительственные акты принятые Президіумомъ могутъ быть отмѣнены, измѣнены или дополнены постановленіями Ц. И. К.

Статья сорокъ первая. Президіумъ Ц. И. К. самостоятельно организуетъ свое дѣлопроизводство и устанавливаетъ порядокъ своихъ работъ.

Статья сорокъ вторая. За всѣ свои дѣйствія, а также за дѣйствія отдѣловъ, руководимыхъ его членами, Президіумъ Ц. И. К. несетъ солидарную отвѣт-

ственность передъ Ц. И. К., которому онъ обязанъ представить отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ или предположеніяхъ, по требованію Ц. И. К.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Объ отдѣлахъ Центральнаго Исполнительнаго Комитета.

Статья сорокъ третья. Отдѣлы Ц. И. К. образуются изъ членовъ Ц. И. К. (по спискамъ утвержденнымъ Ц. И. К.) для веденія всѣхъ дѣлъ и руководства всѣми общественно-необходимыми установленіями, причисленными къ данному отдѣлу Ц. И. К., въ центрѣ — непосредственно, а на мѣстахъ при посредствѣ соотвѣтствующихъ отдѣловъ мѣстныхъ совѣтовъ.

Статья сорокъ четвертая. Общія собранія отдѣла, состоящія изъ всѣхъ членовъ Ц. И. К., входящихъ въ отдѣлъ и его завѣдующаго, назначеннаго Президіумомъ Ц. И. К. и являющагося также предсѣдателемъ общаго собранія, ведутъ всю законодательную и правительственную работу отдѣла, устанавливаютъ порядокъ работъ, распредѣляютъ работу между подъотдѣлами и отдѣленіями, контролируютъ и провѣряютъ дѣятельность всѣхъ работающихъ въ отдѣлѣ и его завѣдующаго, и разрабатываютъ всѣ законодательныя предположенія, входящія въ сферу компетенціи отдѣла какъ по порученію Ц. И. К., такъ и по собственной иниціативѣ.

Статья сорокъ пятая. Для веденія текущихъ дѣлъ отдѣла имъ избирается Бюро, количество членовъ котораго отдѣлъ опредѣляетъ самостоятельно.

Предсѣдателемъ Бюро является завѣдующій отдѣломъ.

Статья сорокъ шестая. Бюро отдѣла руководитъ всей работой его, организуетъ дѣлопроизводство, принимаетъ всѣ необходимыя рѣшенія и постановленія въ предѣлахъ компетенціи отдѣла.

Бюро обязано отчетомъ о своихъ дѣйствіяхъ предъ общимъ собраніемъ, которое можетъ отмѣнить, измѣнить или дополнить всякое постановленіе Бюро.

Статья сорокъ седьмая. Завѣдующій отдѣломъ въ правѣ единолично принимать рѣшенія по всѣмъ вопросамъ, подлежащимъ вѣдѣнію соотвѣтствующаго Бюро отдѣла. Обо всѣхъ принятыхъ имъ рѣшеніяхъ завѣдующій обязанъ доводить до свѣдѣнія Бюро. Въ случаѣ несогласія Бюро съ рѣшеніемъ, принятымъ завѣдующимъ,

оно (или отдѣльные члены его) можетъ обжаловать такое постановленіе на общемъ собраніи отдѣла, которое можетъ измѣнить, дополнить или отмѣнить всякое постановленіе завѣдующаго отдѣломъ.

Статья сорокъ восьмая. Въ случаяхъ конфликтовъ между завѣдующимъ отдѣломъ и общимъ собраніемъ отдѣла, вопросъ переносится въ Президіумъ Ц. И. К., который можетъ измѣнить, дополнить или отмѣнить всякое постановленіе какъ общаго собранія отдѣла, такъ и его завѣдующаго.

Статья сорокъ девятая. Общее собраніе отдѣла избираетъ изъ числа членовъ Бюро замѣстителя завѣдующаго отдѣломъ, который имѣетъ въ Президіумѣ, въ случаѣ отсутствія завѣдущаго, право голоса по всѣмъ вопросамъ, входящимъ въ компетенцію представляемаго имъ отдѣла, и правомъ совѣщательнаго голоса по всѣмъ остальнымъ, разбираемымъ въ Президіумѣ Ц. И. К., вопросамъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О судѣ.

Статья пятидесятая. Всѣ споры трудящихся между собой, а также споры между трудящимися и общественно-необходимыми совѣтскими установленіями рѣшаются исключительно единымъ коллегіальнымъ народнымъ судомъ, избираемымъ совѣтомъ. Единый народный судъ наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ Совѣтской Республики и караетъ за ихъ нарушеніе, при чемъ народные засѣдатели рѣшаютъ не только вопросъ о фактѣ преступленія, но и о мѣрѣ наказанія.

Статья пятьдесятъ первая. Рѣшенія народнаго суда не подлежатъ аппеляціи. Въ случаѣ нарушенія судомъ Законовъ Республики или въ случаѣ явно несправедливаго рѣшенія суда, таковое можетъ быть кассировано. Постановленія кассаціонныхъ судовъ окончательны и никакому обжалованію не подлежатъ.

Право принесенія кассаціоннаго протеста на приговоры и рѣшенія народнаго суда принадлежитъ всякому гражданину Республики.

Статья пятьдесятъ вторая. Для достиженія единства кассаціонной практики учреждается Верховный Судебный Контроль. Верховный Судебный Контроль по собственной иниціативѣ отмѣчаетъ противорѣчія въ толкованіи законовъ кассаціонными судами и издаетъ

объединяющія рѣшенія и разъясненія, впредь обязательныя для судовъ.

Статья пятьдесятъ третья. Члены судовъ первой инстанціи, равно какъ и кассаціонныхъ судовъ и Верховнаго Судебнаго Контроля, могутъ быть во всякое время отозваны и переизбраны совѣтами.

Статья пятьдесятъ четвертая. Предварительное слѣдствіе производится слѣдственными комиссіями, избираемыми совѣтами и, равно какъ и судъ, производится гласно при участіи сторонъ и ихъ представителей,

Статья пятьдесятъ пятая. Для содѣйствія суду въ обнаруженіи истины образуются при Совѣтахъ коллегіи правозаступниковъ изъ лицъ избираемыхъ совѣтами. Стороны, равно какъ и судъ, могутъ поручать правозаступникамъ обвиненіе или защиту.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

О пересмотрѣ и измѣненіи Конституціи.

Статья пятьдесятъ шестая. По почину совѣтовъ на мѣстахъ, ихъ съѣздовъ, Федеральнаго съѣзда или Ц. И. К. можетъ быть предложенъ пересмотръ конституціи въ цѣломъ или отдѣльныхъ ея статей на ближайшемъ очередномъ Федеральномъ съѣздѣ совѣтовъ.

Всякія дополненія къ конституціи происходятъ въ томъ же порядкѣ, что и пересмотръ ея.

Статья пятьдесятъ седьмая. Всякая инстанція, которая беретъ на себя починъ пересмотра, должна не позднѣе, чѣмъ за три мѣсяца до созыва очередного съѣзда совѣтовъ, циркулярно извѣстить всѣ совѣты и Ц. И. К. о предполагаемомъ измѣненіи конституціи.

Извѣщеніе должно содержать: 1) указаніе статьи конституціи или части ея, которую предполагается измѣнить, 2) текстъ, которымъ иниціаторы предполагаютъ замѣнить указанныя статьи и 3) стенограмму (или, въ случаѣ невозможности ее добыть, подробное изложеніе) преній по вопросу объ измѣненіи, дополненіи или пересмотрѣ Конституціи въ той инстанціи, которая это измѣненіе, дополненіе или пересмотръ предлагаетъ.

Статья пятьдесятъ восьмая. Всѣ совѣты и Ц. И. К. по полученіи упомянутаго въ статьѣ пятьдесятъ седьмой извѣщенія обсуждаютъ его и выносятъ по поводу него то или иное постановленіе, защищать которое поручаютъ своему делегату на Федеральномъ съѣзда совѣтовъ.

Статья пятьдесятъ девятая. Ц. И. К. по полученіи извѣщенія и во всякомъ случаѣ не позднѣе, чѣмъ за мѣсяцъ до созыва Федеральнаго съѣзда, упомянутаго въ статьѣ пятьдесятъ седьмой, опубликовываетъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе.

Статья шестидесятая. Всякое предложеніе о пересмотрѣ, дополненіи или измѣненіи конституціи, иниціаторы котораго исполнили предписанія статьи пятьдесятъ седьмой, обязательно разсматривается на ближайшемъ Федеральномъ съѣздѣ.

Ни одно предложеніе о пересмотрѣ, дополненіи или измѣненіи конституціи не можетъ быть разсмотрѣно, если предварительно не исполнены предписанія статьи пятьдесятъ седьмой.

Статья шестьдесятъ первая. Принятыя Федеральнымъ съѣздомъ измѣненія пріобрѣтаютъ силу конституціоннаго закона сейчасъ же по опубликованіи ихъ въ „Собраніи Узаконеній и Распоряженій", причемъ опубликовывается какъ отмѣняемый текстъ, такъ и вновь принятый, а вслѣдъ за тѣмъ и вся конституція въ измѣненномъ видѣ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

О введеніи въ дѣйствіе настоящей конституціи.

Статья шестьдесятъ вторая. Настоящая конституція вступаетъ въ дѣйствіе немедленно по опубликованіи ея въ „Собраніи Узаконеній и Распоряженій".

Статья шестьдесятъ третья. Немедленно по вступленіи въ дѣйствіе настоящей конституціи должны быть произведены во всѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ еще не были избраны Совѣты — выборы, а въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ Совѣты уже функціонировали — перевыборы Совѣтовъ на основаніяхъ, изложенныхъ въ примѣчаніяхъ второмъ, третьемъ, четвертомъ и пятомъ къ статьѣ пятнадцатой настоящей Конституціи.

Объяснительная записка.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общія начала основного закона.

1. Мысль первой статьи — „вся власть принадлежитъ Совѣтамъ“ — выражена почти тождественно, и достаточно ясно, какъ въ Конституціи 10-го іюля, такъ и во всѣхъ предшествующихъ проектахъ. Мы постарались только приблизить формулировку ея къ боевому лозунгу, во имя котораго была совершена революція 25—26 октября 1918 г. Мы бы и вовсе не измѣняли этого лозунга („Вся власть въ центрѣ и на мѣстахъ принадлежитъ Совѣтамъ“), если бы онъ не грѣшилъ такъ сильно противъ юридической точности выраженія, столь необходимой въ Конституціи. Власть въ центрѣ и на мѣстахъ осуществляется трудящимися различно. На мѣстахъ*) власть осуществляется непосредственно, въ центрѣ же Совѣты осуществляютъ ее при посредствѣ Съѣздовъ и ихъ полномочныхъ органовъ. Для того, чтобы подчеркнуть, что въ Совѣтской республикѣ власть можетъ быть дана лишь въ той мѣрѣ, въ какой она необходима носителю власти для исполненія точно опредѣленныхъ обязанностей — мы уже въ этой первой статьѣ указали цѣль и смыслъ предоставленія всей власти совѣтамъ: „удовлетвореніе всѣхъ нуждъ населенія“.

2. Основнымъ вопросомъ этой главы (да и всей Конституціи) является точное и ясное опредѣленіе характера

*) Дѣйствующая конституція говоритъ о „городскихъ и сельскихъ“ Совѣтахъ, какъ основныхъ ячейкахъ Совѣтской Власти. Тоже выраженіе мы находимъ и во всѣхъ остальныхъ проектахъ. Оно однако неточно. Село лишь одинъ изъ видовъ внѣгородского селенія. Это можетъ вызвать недоумѣнія. Включены ли въ число сельскихъ Совѣтовъ такъ же Совѣты въ деревняхъ, станціяхъ, мѣстечкахъ, аулахъ, хуторахъ и пр.? Для того чтобы избѣжать этого недоумѣнія мы остановились на родовомъ наименованіи, подъ которое подходятъ всѣ виды негородскихъ населенныхъ пунктовъ; „селеніе“. Это наименованіе послѣ долгихъ обсужденій было принято Комиссіей Ц. И. К. въ главѣ 11-ой ея 1-го проекта. Его же мы встрѣчаемъ и въ пунктѣ „б“ 57-ой статьи конституціи 10-го іюля. Однако здѣсь сплошная путаница. Къ „селеніямъ“ (вопреки проекту Комиссіи) отнесены также „города“ съ населеніемъ менѣе 10000 человѣкъ. Въ пунктѣ „а“ той же статьи говорится о городскихъ совѣтахъ вообще. Если и правильно увеличить число представителей въ небольшихъ городахъ, это можно было сказать въ примѣчаніяхъ къ пункту „а“. Смѣшивать же понятія города и селенія, которое именно и означаетъ негородской населенный пунктъ, совершенно недопустимо.

Федеративнаго устройства Совѣтской Республики. Является ли Республика Федераціей Совѣтовъ или Федераціей Областей? Ни въ Конституціи, ни въ предшествующихъ проектахъ мы не находимъ точнаго и яснаго отвѣта на этотъ основной вопросъ. Съ внѣшней стороны Конституція (и проектъ) считаетъ, какъ будто, Совѣтскую Республику Федераціей Областей. 2-ая часть 11-ой статьи говоритъ о томъ что „автономные областные союзы входятъ на началахъ Федераціи въ Р. С. Ф. С. Респ." Только въ этой статьѣ о Федеративной связи и упомянуто, такъ что конституція предполагаетъ, очевидно, существованіе ея лишь между областями. Да и методологически все заставляетъ притти въ такому выводу. Сначала говорится объ отдѣльныхъ Совѣтахъ, затѣмъ объ ихъ областныхъ союзахъ, а затѣмъ и о союзѣ Областей. Это обычный типъ всѣхъ Федерацій донынѣ существовавшихъ. Коммуны объединяются въ кантоны, кантоны (штаты) въ общій государственный союзъ. Однако, въ конституціи 10-го іюля этотъ принципъ, который предполагаетъ, по самому своему существу, обязательную принадлежность всякаго совѣта къ какой — либо области не проведенъ до конца.

Было бы дикимъ и политически невозможнымъ вхожденіе въ Швейцарскій Федеративный Союзъ на равныхъ началахъ кромѣ всего Ваадскаго кантона, какъ опредѣленной политической единицы, еще отдѣльно, какой нибудь, „Commune de Lutry", которая пожелала бы стать внѣ Ваадскаго кантона и войти въ особыя сношенія съ общефедеральной властью.

Конституція же 10-го іюля, да и помимо нея — жизнь Русской Революціи, знаетъ, по большей части, именно такія, непосредственныя, связи между Совѣтами на мѣстахъ и Центромъ. Естественно, что, несмотря на всю противорѣчивость, Конституція должна была признать областныя объединенія лишь факультативными („могутъ объединяться въ автономные союзы и т. д." ст. 11-я.)

Нашъ проектъ окончательно и рѣзко выводитъ Конституцію изъ этого протоиврѣчія. Мы считали наиболѣе соотвѣтствующимъ какъ духу Революціи, такъ и общему тону всѣхъ нашихъ партійныхъ постановленій, признаніе Россіи Федераціей Совѣтовъ.

3. Однако, на ряду со этимъ мы признали возможнымъ и широкое существованіе областныхъ Союзовъ. Въ этомъ нѣтъ противорѣчія. Руководствуясь самыми различными соображеніями цѣлесообразности, мѣстные Совѣты могутъ отказаться отъ нѣкоторой части принадлежащей

имъ власти въ пользу Областного Союза, какъ они, согласно Конституціи, отказываются отъ многихъ своихъ правъ въ пользу власти Центральной. Они не порываютъ, однако, федеративной связи съ центромъ. Въ верховный органъ Совѣтской власти (ст. 4-я нашего проекта) избираютъ Совѣты въ отдѣльности, какъ автономныя и полноправныя части Федераціи.

Въ этомъ вопросѣ въ Конституціи 10-іюля также туманъ. Признавая права непосредственнаго участія Совѣтовъ во всероссійскихъ Съѣздахъ (ст. 25-я). Конституція, въ то же время говоритъ: „въ случаѣ, если областной Съѣзъ Совѣтовъ непосредственно предшествуетъ Всероссійскому Съѣзду Совѣтовъ, то делегаты на послѣдній могутъ быть посланы областнымъ Съѣздомъ Совѣтовъ" (Примѣчаніе 2-е къ ст. 25-й). Какъ понимать это постановленіе? Въ случаѣ избранія делегатовъ на областномъ съѣздѣ, очевидно, мѣстные совѣты этой области должны быть лишены права посылать таковыхъ непосредственно, и Областной Съѣздъ долженъ послать полностью количество делегатовъ причитающихся на данную область — (по нормамъ Конституціи 10-го іюля — $^1/_5$ своего состава) иначе будетъ двойное представительство, да и никакъ нельзя будетъ установить числа делегатовъ посылаемыхъ отъ Областного Съѣзда и отъ мѣстныхъ Совѣтовъ. Получится полная путаница и къ тому же крайне вредное и недопустимое нарушеніе основныхъ правъ мѣстныхъ Совѣтовъ. На практикѣ эта путаница и нелѣпость происходила почти всегда. Такъ, напримѣръ, на 5-й съѣздъ Совѣтовъ въ іюлѣ 1918 г. было допущено съ правомъ рѣшающаго голоса нѣкоторое, совершенно произвольное число представителей отъ Московскаго Областного Съѣзда и въ то же время были допущены представители городовъ и губерній, входившихъ въ Московское областное объединеніе.

Въ этомъ отношеніи нашъ проектъ, становясь на точку зрѣнія Федераціи Совѣтовъ, занимаетъ совершенно ясную и опредѣленную позицію.

Самый характеръ областныхъ объединеній мы понимаемъ значительно шире нежели Конституція 10 го іюля, на которой отразился очень явственно централистическій уклонъ большевистской программы. Конституція признаетъ право на автономію лишь за такими областями, которыя отличаются „особымъ бытомъ и національнымъ составомъ". Въ этомъ яркое отраженіе вынужденно — федералистской позиціи большевиковъ. Признавая, въ принципѣ, преимущества централизаціи, какъ метода управленія, большевики

должны поневолѣ сдѣлать уступку сепаратистскимъ стремленіямъ національныхъ единицъ, ранѣе входившихъ въ „единую и нераздѣльную Россійскую Имперію".

Не дашь-все равно возьмутъ. Лучше дать.

Стоя на діаметрально противоположной точкѣ зрѣнія, мы расширили до крайнихъ предѣловъ возможность областныхъ объединеній. Для насъ несомнѣнно, что въ соображеніяхъ хозяйственно-экономической цѣлесообразности, какъ это показалъ и опытъ, весьма цѣнно образованіе областныхъ объединеній и внутри однородныхъ по національному составу областей. Недоумѣніе можетъ, пожалуй, вызвать лишь предоставленіе права образовывать областные союзы по „политическимъ" соображеніямъ. Однако, и такіе часто необходимы. Не можетъ быть большей разницы, напримѣръ, чѣмъ между бытомъ, хозяйственнымъ строемъ и національнымъ составомъ Псковской губерніи и ея непосредственныхъ сосѣдей на западѣ — Прибалтійскихъ Областей. И однако, по соображеніямъ чисто политическимъ, можетъ быть крайне цѣлесообразнымъ объединеніе этихъ мѣстностей въ одинъ Союзъ.

Изъ этихъ нашихъ общихъ построеній вытекаютъ, естественно, два слѣдствія, изложенныя во 2-й части 5-ой статьи и въ ст. 7-ой.

Признавая, что образованіе областного Союза есть отказъ отъ нѣкоторой части принадлежащей мѣстнымъ Совѣтамъ власти, мы естественно должны были заключить, что такое образованіе можетъ произойти лишь согласно свободно и непосредственно выраженной волѣ самихъ совѣтовъ. Постановленіемъ центральной власти Областное Объединеніе не можетъ быть образовано ни въ коемъ случаѣ. Другое естественное слѣдствіе: лишь та же инстанція, которая образовала областной Союзъ, можетъ и распустить его. Всякій декретъ центральной власти о прекращеніи существованія того или иного областного Союза долженъ почитаться противорѣчащимъ Конституціи.

Здѣсь необходимо разрѣшить еще одно большое затрудненіе. Могутъ ли совѣты самостоятельно и противъ воли областныхъ Съѣздовъ выходить изъ состава Союза? Теоретически для насъ не можетъ быть сомнѣній: конечно, могутъ. Но практически это могло бы повести къ крайней неурядицѣ и полному развалу. Не понравилось мѣстному Совѣту какое-нибудь постановленіе областной власти и онъ въ отвѣтъ на него шлетъ посланіе: исполнять не станемъ, выходимъ изъ Союза. Поэтому выходы эти необходимо было ввести въ организаціонныя рамки. Они

могутъ происходить лишь на областныхъ съѣздахъ. (Примѣчаніе къ статьѣ 7-ой нашего проекта).

Тѣми же практическими соображеніями вызвано и другое постановленіе этого примѣчанія. Делегаты могутъ дѣлать столь отвѣтственныя заявленія лишь по спеціальному мандату пославшаго ихъ совѣта. Иначе они, случайно недовольные какимъ-либо постановленіемъ Областного Съѣзда, могли бы тутъ же дѣлать свои заявленія, безъ предварительнаго обсужденія вопроса въ Совѣтѣ.

4. Въ пятой статьѣ проекта мы говоримъ о полной автономіи областныхъ Союзовъ. Однако, въ шестой мы говоримъ о стоящемъ во главѣ Союза Областномъ Съѣздѣ и его исполнительныхъ органахъ. Можетъ показаться, что мы какъ бы въ самой конституціи уже нарушаемъ провозглашенную автономію. Это, конечно, невѣрно. Указаніе на то что во главѣ Союзовъ стоитъ Съѣздъ и Исполнительной Комитетъ-единственное вмѣшательство во внутренній строй автономной области, и вмѣшательство необходимое. Было бы крайне страннымъ и нелѣпымъ доводитъ автономію областей до допушенія во главѣ ихъ управленія, напр., Учредительнаго Собранія, или президента или совѣта министровъ. Областные союзы должны быть Совѣтскими республиками, въ противномъ случаѣ они не могутъ быть терпимы въ Федераціи Совѣтовъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О Свѣтской власти на мѣстахъ.

1. Въ вопросѣ о власти совѣтовъ на мѣстахъ нашъ проектъ исходитъ изъ принциповъ діаметрально противоположныхъ тѣмъ, которые легли въ основу Конституціи 10-го іюля.

Конституція считаетъ высшей властью въ странѣ Съѣздъ Совѣтовъ, который представляетъ Россію, какъ нѣкоторое юридическое лицо. Совѣты на мѣстахъ призваны лишь проводить въ жизнь постановленія высшей власти (ст. 61-я.) Съѣздъ же и Ц. И. К. „суверенны". Ихъ дѣятельность не имѣетъ предѣловъ, рѣшенію подлежатъ „всѣ вопросы, которые они признаютъ подлежащими ихъ разрѣшенію" (ст. 50-ая). Сфера же дѣятельности мѣстныхъ Совѣтовъ строго ограничена, введена въ опредѣленныя и довольно узкія рамки.

Мы стоимъ на совершенно противоположной точкѣ зрѣнія. Для насъ главной основой власти является не центральная власть, представляющая волю нѣкоего „юриди-

ческаго лица" — Россіи или „трудящейся Россіи", — а Совѣты какъ дѣйствительныя, реальныя объединенія, защищающія интересы организованнаго труда. Поэтому мы почти вовсе не даемъ плана дѣятельности мѣстныхъ совѣтовъ. Они носители всей власти, они въ правѣ рѣшать всѣ вопросы за исключеніемъ тѣхъ, которые они добровольно передали, согласно настоящей Конституціи въ исключительное вѣдѣніе власти Центральной. (ст. 10-ая проекта). Или правильнѣе сказать: они исполняютъ всѣ возложенныя на нихъ обязанности по организаціи Совѣтской Республики, кромѣ тѣхъ, которыя возложены ими, какъ имъ самимъ приходящіяся не подъ силу — на центръ.

Разница практическая получается громадная. „Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ", по дѣйствующей Конституціи, какъ суверенъ, считаетъ себя въ правѣ касаться всѣхъ вопросовъ.

Къ чему это ведетъ? Провозгласивъ, сначала, автономію областей онъ этимъ самымъ ее вполнѣ отнимаетъ. Вѣдь если сфера дѣятельности его неограничена, онъ въ любой моментъ эту автономію сможетъ нарушить. Да и сама Конституція 10-го іюля, вполнѣ проникнутая духомъ централизма, и вполнѣ усвоившая идею о „высшей центральной власти", все время приноситъ въ жертву этой власти самостоятельность и самодѣятельность Совѣтовъ, ихъ объединеній и Союзовъ. Она тщательно регламентируетъ всѣ малѣйшія и мельчайшія проявленія ихъ жизни. Границы областей, образованныхъ, даже согласно ея же постановленія, путемъ соглашенія Совѣтовъ,— устанавливаетъ . . . Центръ (п. „Г." ст. 49), онъ же и „утверждаетъ" эти объединенія (п. „Е." ст. 49).

Это, конечно, явная нелѣпость. Въ равной мѣрѣ совершенно неправильно и недопустимо нарушеніе хозяйственной автономіи областей. По пункту „К" ст. 49, установленіе хозяйственнаго плана (и даже плана отдѣльныхъ отраслей хозяйства) принадлежитъ лишь Центру. Такимъ образомъ можетъ получиться, что Совѣты, объединившіеся въ союзъ благодаря общимъ хозяйственнымъ задачамъ по эксплоатаціи, напр., угля или лѣса — не смогутъ установить плана такой эксплоатаціи. Смыслъ автономнаго союза исчезаетъ.

Все это слѣдствія неправильнаго, навѣяннаго остатками буржуазной юрисдикціи, толкованія Центральнаго Представительнаго Органа, какъ носителя верховной власти, какъ представителя „Самодержавнаго Народа" (или что такъ же абстрактно: „всѣхъ трудящихся"). Все это зло-

получные остатки общественнаго договора Руссо, которые такъ въѣлись въ умы людей, что попали совершенно контрабанднымъ путемъ даже въ ту Конституцію, которая всей сущностью своей должна была бы быть протестомъ противъ всѣхъ этихъ старыхъ бреденъ.

Для насъ, повторяемъ, властью пользуется не нѣкое, трудно уловимое въ смутныхъ своихъ очертаніяхъ, „юридическое лицо" (personne morale), не „трудящіеся" вообще, а нѣкоторыя реальныя политическія группировки трудящихся — Совѣты.

Именно имъ и принадлежитъ вся, полная власть. Но самое понятіе „власти" не имѣетъ для насъ никакого абсолютнаго характера, какое мыслится при понятіи о „суверенитетѣ". Если мы признаемъ за нѣкоторыми лицами или учрежденіями — власть, то вовсе не въ силу какого либо первичнаго акта, не въ силу того, что представляютъ они „олицетворенную націю" или „массу трудящихся", а лишь потому, что эта власть необходима имъ для исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей. И только поскольку они обязанности исполняютъ, постольку и могутъ пользоваться властью. Совѣты могутъ въ соображеніяхъ цѣлесообразности отказываться — не посредствомъ мнимаго „договора", а путемъ реальнаго, дѣйствительнаго акта — отъ нѣкоторой доли своей власти, освобождаясь одновременно отъ нѣкоторой части обязанностей. Однако, какъ и всегда въ публично-правовой области, этотъ отказъ не ведетъ за собой потери личности отказывающагося. Въ частно-правовыхъ отношеніяхъ довѣритель отвѣтственъ за дѣянія своего довѣреннаго такъ, какъ будто бы самъ эти дѣянія совершалъ. Съ публично-правовыми отношеніями такое пониманіе довѣренности не вяжется. Дѣянія довѣреннаго лица, депутата, делегата или собранія депутатовъ, парламента, Съѣзда — обязываетъ довѣрителя лишь постольку, поскольку онъ дѣйствія эти путемъ ли молчаливымъ — (чаще всего), или гласно — признаетъ. Они перестаютъ его обязывать съ того момента, какъ онъ перестаетъ ихъ признавать и заявляетъ объ этомъ.

Въ отношеніяхъ между Съѣздомъ Совѣтовъ и отдѣльнымъ совѣтомъ происходитъ то же самое. Постановленіе Съѣзда обязываетъ отдѣльный совѣтъ лишь постольку, поскольку онъ это постановленіе признаетъ. Практически непризнаніе постановленія Съѣзда должно было бы влечь для Совѣта единственное слѣдствіе — выходъ изъ состава Ф. С. Респ.; разрывъ сношеній съ нею. И здѣсь мы

этотъ выходъ не можемъ вдвинуть даже въ какія-либо ограничительныя рамки, какъ мы это сдѣлали при выходахъ Совѣтовъ изъ областныхъ Союзовъ, ибо здѣсь идетъ вопросъ объ самомъ бытіи или небытіи даннаго Совѣта, какъ члена Ф. С. Респ. Тамъ же онъ — членомъ Республики оставался и выходилъ лишь изъ одного изъ звеньевъ, изъ одного изъ Союзовъ, внутри Республики... Правда, de facto, подобный выходъ почти невозможенъ. Первое слѣдствіе его — разрывъ сношеній —, долженъ влечь за собой еще одно изъ двухъ неминуемыхъ слѣдствій: либо рѣшеніе вопроса путемъ вооруженнаго столкновенія — тогда побѣдитъ не право, а сила; либо, т. сказать, полюбовное, третейское рѣшеніе спора. Въ послѣднемъ случаѣ будетъ не проявленіе единоличной воли одной изъ спорящихъ сторонъ, а добровольное подчиненіе обѣихъ воль третьей, ими избранной.

Какъ ни рѣдко можетъ быть фактическое примѣненіе этого права полнаго самоопредѣленія, принципіальное признаніе его необходимо и обязательно. Имъ опредѣляется весь „духъ" Конституціи. На позиціи, подобной нашей въ разбираемомъ вопросѣ стоитъ и проектъ Нар. К-та Юстиціи (ст. 78-ая проекта Н. К. Ю.). Правда, онъ отъ нея довольно часто отступаетъ. Объ этихъ отступленіяхъ мы будемъ еще имѣть случай говорить.

2. Поскольку Совѣты не порываютъ связи съ С.Ф.С. Респ., конституція, которую они добровольно принимаютъ, должна ихъ связывать вполнѣ — они не могутъ нарушать ее. Подобныя нарушенія должны почитаться ничтожными и какъ бы не имѣвшими вовсе мѣста. Это какъ будто безспорное положеніе не находится ни въ Конституціи, ни въ какомъ-либо изъ проектовъ. Взамѣнъ этого, въ Конституціи говорится о правѣ отмѣны рѣшеній дѣйствующихъ въ ихъ районахъ Совѣтовъ, предоставленномъ губернскимъ и областнымъ Съѣздамъ и Исполкомамъ (ст. 62-я). Хотя ясно нигдѣ не говорится, но подразумѣвается право Центральной власти отмѣнять рѣшенія Областей (основаніе: ст. 12-я; 32-я; 49-я — введеніе: 49-я — пункты „Г", „Е" и „К"; ст. 50-я).

Проектъ Н. К-та Юст. противорѣчивъ; съ одной стороны онъ говоритъ (ст. 17-я пр. Н. К. Ю) о томъ, что неконституціонныя постановленія мѣстныхъ Совѣтовъ отмѣняются по требованію изъ центра, а съ другой въ немъ мы находимъ ст. 72-ю, почитавшую не имѣющимъ никакой силы актъ изданный въ „отмѣну", Конституціи. Очевидно, подъ этимъ послѣднимъ мы должны бы понимать

всякій актъ, нарушающій постановленія Конституціи, ибо нарушая ее, онъ отмѣняетъ ее, если не цѣликомъ, то частично.

Между положеніемъ нашего проекта и постановленіями Конституціи 10-го іюля разница огромная.

Постановленія отмѣняемыя, впредь до ихъ отмѣны, — имѣютъ, во всякомъ случаѣ для третьихъ лицъ, туже силу, что и постановленія, изданныя законно. Всѣ обязательства, принятыя сторонами на основаніи подобныхъ постановленій должны быть приведены въ исполненіе; договоры, опирающіеся на нихъ, законны и т. д. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло, если постановленія противорѣчащія Конституціи считаются съ самаго своего возникновенія ничтожными, и какъ бы вовсе не имѣвшими мѣста. Никто на нихъ ссылаться и опираться не можетъ, самое исполненіе ихъ должно караться судомъ, какъ нарушеніе основного закона...

Пояснимъ это различіе примѣромъ. Предположимъ, что какой-либо Совѣтъ, вопреки Конституціи, предоставляющей заботу о вооруженныхъ силахъ Республики исключительно Центральной Власти, издалъ бы постановленіе объ организаціи имъ своей арміи и флота. На основаніи этого постановленія онъ объявилъ бы мобилизацію, заказалъ бы дредноуты и танки, пригласилъ бы инструкторовъ и т. д.

По правиламъ нашего проекта и Конституціи 10-го іюля результаты были бы весьма отличные.

При Конституціи 10-го іюля такое постановленіе было бы, разумѣется, Центральной Властью отмѣнено. Но всѣ обязательства заключенныя до дня отмѣны имѣли бы законную силу. Заводчикъ имѣлъ бы право требовать уплаты за заказанное вооруженіе или неустойку, въ случаѣ отмѣны заказа; инструкторы и солдаты могли бы требовать жалованіе и т. д. Съ другой стороны, никто не могъ бы законно отказываться отвѣчать на мобилизаціонный призывъ, пока постановленіе не отмѣнено. Совѣтъ могъ бы даже возбуждать судебное преслѣдованіе противъ уклоняющихся отъ мобилизаціи...

Совсѣмъ иная картина получится при соблюденіи правилъ нашего проекта. Всякіе договоры считались бы ничтожными. Заводчикъ долженъ былъ знать, что постановленіе направлено противъ конституціи и не имѣлъ права заключать условія о поставкѣ, такъ что о вознагражденіи его не можетъ быть и рѣчи. Если бы была

установлена съ его стороны злая воля, возникъ бы даже вопросъ объ уголовной отвѣтственности; точно такъ же солдаты, инструкторы и пр. не только не могли бы требовать жалованіе, но подлежали бы отвѣтственности за то, что, отвѣтивъ на мобилизаціонный призывъ, нарушили основной законъ республики.

Эта строгость и четкость необходимы, когда дѣло идетъ о нарушеніи конституціи, которая должна быть извѣстна всѣмъ гражданамъ. Мы имѣемъ право требовать отъ нихъ сознательнаго отношенія къ своимъ правамъ и обязанностямъ.

Итакъ, неконституціонныя постановленія отпадаютъ механически. На Центральную Власть возлагается лишь чисто техническая задача оповѣщенія населенія о такихъ постановленіяхъ. У Центральной Власти для этого долженъ быть контрольный аппаратъ, который слѣдилъ бы за ходомъ законодательной работы на мѣстахъ (контрольный отдѣлъ Ц. И. К.), разумѣется, не вмѣшиваясь ни мало въ эту работу.

3. Статья двѣнадцатая нашего проекта можетъ дать какъ будто нѣкоторый поводъ къ обвиненію насъ въ измѣнѣ основнымъ нашимъ принципамъ, согласно которымъ власть Совѣтовъ на мѣстахъ, первѣе, „выше", такъ сказать, производной, отраженной, „делигированкой" власти Всер. Съѣзда — въ ней мы говоримъ о томъ, что споры Совѣтовъ между собою, поскольку они не подлежатъ вѣдѣнію судовъ, окончательно рѣшаются Федеральнымъ Съѣздомъ!

Противорѣчіе только кажущееся, разумѣется.

Здѣсь рѣчь идетъ, конечно, не о признаніи верховенства, преобладанія власти Съѣзда. Съѣздъ здѣсь оперируетъ лишь въ роли добровольно избраннаго самими Совѣтами (во время голосованія конституціи) арбитра. Какъ всякій третейскій судья, онъ власть надъ сторонами получаетъ отъ нихъ же самихъ.

Можетъ вызвать недоумѣніе также и указаніе на то, что нѣкоторые споры между совѣтами подлежатъ вѣдѣнію судовъ. Это у насъ, въ Россіи, нововведеніе революціи, которое, однако (послѣ октября), стоитъ теперь — въ теоріи только, разумѣется — вполнѣ твердо. Еще статья 15-ая декрета № 2 „о судѣ" говоритъ о томъ, что „дѣла казенныхъ и общественныхъ учрежденій разбираются на одинаковыхъ съ дѣлами частныхъ лицъ началахъ". Та же пятнадцатая статья добавляетъ, однако, что „судебные иски между разными учрежденіями не допускаются". Это

послѣднее распоряженіе вызвано тѣмъ соображеніемъ — что, въ общемъ, безразлично, въ которой изъ государственныхъ кассъ будетъ находиться спорное имущество. Необходимо избѣгнуть лишней волокиты и не заставлять тягаться между собою правый и лѣвый карманы одного и того же человѣка. Однако, въ отношеніи Совѣтовъ, это не вполнѣ точно. Совѣты — автономныя единицы съ самостоятельными кассами. Въ то же время совѣты могутъ быть и казначеями Центральной власти на мѣстахъ. Только въ спорахъ о суммахъ, касающихся общегосударственнаго фонда, это правило должно соблюдаться, когда же идетъ споръ о суммахъ кассъ автономныхъ, намъ кажется, что статья 15-ая не примѣнима къ спорамъ между Совѣтами. (Она, разумѣется, сохраняетъ силу въ спорахъ внутри совѣтскихъ территорій: напр., одного отдѣла совѣта съ другимъ.)

Пояснимъ примѣромъ. Напр., идетъ споръ о томъ, какому изъ Совѣтовъ собирать доходы со смежныхъ угольныхъ копей. Если копи эти имѣютъ общегосударственное значеніе и доходъ собирается Совѣтомъ, но затѣмъ передается имъ въ общую казну — можетъ возникнуть лишь вопросъ о томъ, которому изъ Совѣтовъ взять на себя организацію этого сбора. Но не можетъ быть и рѣчи ни объ искѣ о возвращеніи суммъ, уже собранныхъ другимъ Совѣтомъ, ни о возмѣщеніи расходовъ по организаціи сбора и т. д. Совершенно безразлично, черезъ посредство котораго изъ спорящихъ Совѣтовъ были произведены расходы по сборамъ и получены государственные доходы.

Другое дѣло, если копи могутъ эксплоатироваться самими Совѣтами. Тогда вопросъ объ искѣ можетъ встать, и намъ кажется, что было бы неправильно въ такомъ искѣ отказать.

Проектъ Н. К. Ю. рѣшаетъ вопросъ о спорахъ между совѣтами нѣсколько иначе. Они рѣшаются либо судомъ, либо „установленіями Центральной власти". Въ этомъ нельзя не усмотрѣть отступленія отъ признаваемаго проектомъ Н. К. Ю. принципа „суверенитета" мѣстныхъ Совѣтовъ. Вѣдь эти „установленія Центральной власти" никакъ нельзя признать за добровольно признаннаго самими Совѣтами третейскаго судью, такъ какъ „установленія" эти могутъ быть созданы Центральной Властью даже помимо вѣдома Совѣтовъ (напр., отдѣлы Ц. И. К.). Проектъ Н. К. Ю. вводитъ попросту іерархическій контроль и отмѣну распоряженій „низшей" власти — властью „высшей" (см. ст. 16 и 15 проекта Н. К. Ю.).

4. Признавая автономію Совѣтовъ, мы не можемъ отказать имъ въ правѣ входить между собой въ соглашенія не только характера постояннаго, каковы областные Союзы, но и характера текущаго, временнаго, ad hoc, для опредѣленныхъ спеціальныхъ цѣлей. Они могутъ также создавать общія установленія для веденія нѣкоторыхъ дѣлъ на территоріи нѣсколькихъ Совѣтовъ (напр., одинъ общій отдѣлъ продовольствія на нѣсколько волостей и т. п.). Разумѣется, расширяя территорію вліянія, эти установленія не могутъ расширять компетенцій (ст. 13-ая проекта; сравн.: ст. 10-ая проекта Н. К. Ю.).

5. Статья четырнадцатая нашего проекта подчеркиваетъ вытекающее изъ самаго существа автономіи Совѣтовъ ихъ право устанавливать, по взаимному соглашенію, границы подвѣдомственныхъ имъ территорій (сравн. ст. 11 проекта Н. К. Ю.). Въ дѣйствующей конституціи это право, какъ мы уже говорили, у Совѣтовъ отнято. „Административное" раздѣленіе республики принадлежитъ Центральной Власти (см. пунктъ „Е" статьи 49-ой).

6. Послѣдовательно, проводя вездѣ теорію о полной автономіи Совѣтовъ, нашъ проектъ предоставляетъ на полное ихъ благоусмотрѣніе установленіе порядка выборовъ, нормъ представительства, возрастного ценза и, само собою разумѣется, ихъ внутренняго бытія. Конституція 10-го іюля идетъ путемъ совершенно противоположнымъ. Всѣ вопросы нашей пятнадцатой статьи тамъ тщательно регламентируются.

Проектъ Н. К. Ю. о порядкѣ выборовъ не говоритъ вовсе, очевидно подразумѣвая, что этотъ порядокъ, норма и пр. опредѣляются самими Совѣтами (по аналогіи; см. ст. 13-й проекта Н. К. Ю.).

Установивъ общій принципъ, мы натолкнулись на очень большое затрудненіе. Вѣдь не вездѣ имѣются Совѣты. Огромныя части бывшей „Россійской Имперіи" теперь только, постепенно приходятъ къ Совѣтскому строю, по мѣрѣ роста побѣднаго движенія Революціи. Кто же въ этихъ областяхъ будетъ вѣдать порядкомъ выборовъ? Нужно поручить это благоусмотрѣнію тѣхъ временныхъ властей, которые въ первые дни торжества Революціи будутъ созданы наспѣхъ? Конечно, это невозможно. Для созданія этихъ первоначальныхъ Совѣтовъ должны быть даны твердыя нормы.

Однако и этого мало. Во всей Россіи сейчасъ дѣйствуютъ органы власти, которые лишь носятъ славное имя Совѣтовъ, но по существу своему ничего

общаго съ Совѣтами, какъ ихъ понимаемъ мы, какъ ихъ создала Революція и закрѣпила даже Конституція 10-го іюля, не имѣютъ. Это разбросанныя по всей Россіи филіальныя отдѣленія партіи большевиковъ, состоящія изъ наполовину откровенно назначенныхъ, наполовину „избранныхъ" незначительными группами делегатовъ, которые никакъ не могутъ называться „носителями власти" организованнаго труда: они не исполняютъ даже элементарныхъ обязанностей по отношенію самыхъ насущныхъ нуждъ трудящихся. Что же, имъ предоставить право назначать новые выборы? Мы знаемъ къ какихъ „выборамъ" они имѣютъ склонность. Для вновь избираемыхъ Совѣтовъ должны быть даны точныя твердыя правила. Въ главѣ о проведеніи въ жизнь настоящей Конституціи будетъ спеціальная статья о томъ, что тотчасъ же послѣ опубликованія Конституціи должны быть произведены перевыборы всѣхъ Совѣтовъ на мѣстахъ согласно правиламъ и нормамъ, изложеннымъ въ примѣчаніяхъ къ ст. пятнадцатой.

Въ этихъ примѣчаніяхъ мы даемъ схему выборовъ привычную для Совѣтской Россіи (до іюля 1918 г.) и въ общемъ довольно вѣрно зафиксированную Конституціею. Лишь въ четырехъ случаяхъ мы сочли необходимымъ уклониться отъ правилъ Конституціи 10-го іюля:

Мы вовсе не говоримъ о какихъ либо нормахъ для Областныхъ Союзовъ. Они устанавливаются на томъ самомъ Съѣздѣ на которомъ образуется Союзъ (примѣчаніе первое).

Мы сочли правильнымъ выдѣлить изъ числа „селеній" города съ населеніемъ ниже 10.000 жителей, (см. нашу объяснительную записку, глава первая примѣчаніе къ § 1-му) и установить для нихъ норму среднюю между принятой для крупныхъ центровъ и селеній, одинъ деп. на 150, но не менѣе 10 и не болѣе 65 (примѣчаніе второе, пунктъ „б").

Мы считали ни въ коемъ случаѣ недопустимымъ, чтобы болѣе „узкій" Съѣздъ могъ избирать на болѣе „широкій". Мы всюду сохранили непосредственное представительство отъ Совѣтовъ на мѣстахъ (ср. нашу объяснит. записку глава первая § 3). Кромѣ того мы уничтожили неравенство представительства отъ городовъ и селеній, установивъ для всѣхъ мѣстностей однообразную норму (одинъ депутатъ на 5.000) — (примѣчаніе 3-е).

Мы высказали пожеланіе о томъ чтобы выборы по возможности производились тайно и возложили отвѣт-

ственность за правильность выборовъ на фактическую власть, временно дѣйствующую въ моментъ ихъ производства.

Срокъ полномочій, сказали мы въ статьѣ пятнадцатой нашего проекта, устанавливается самими Совѣтами. Однако, если-бы делегаты вздумали злоупотребить довѣріемъ избирателей, если бы какой либо Совѣтъ вздумалъ объявить себя избраннымъ пожизненно или на какой либо чрезмѣрно большой срокъ, какъ поступить тогда? Не проще ли, какъ это сдѣлала Конституція 10-го іюля — назначить общій срокъ полномочій—3 мѣсяца? „Можно ли доводить до такой степени приверженность теоріи автономіи Совѣтовъ?"—спросятъ централисты. Можно и должно. Только противъ возможной болѣзни нужно сдѣлать заранѣе предохранительную прививку. А такую мы находимъ въ самой Конституціи 10-го іюля. — Наша статья шестнадцатая о томъ, что „избиратели... имѣютъ право во всякое время отозвать" депутата „и произвести новые выборы" — почти дословно передаетъ содержаніе статьи 78-й Конституціи. Гарантія эта совершенно достаточна и лишь общимъ централистскимъ духомъ Конституціи 10-го іюля можно объяснить то, что она ею не удовлетворилась, а совершенно безполезно лишній разъ нарушила автономію Совѣтовъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Объ избирательномъ правѣ.

1. Въ этой главѣ мы должны раскрыть содержаніе того общаго понятія: „трудящіеся", которое мы до сихъ поръ употребляли безъ объясненій. Кого почитать „трудящимся"? Кому принадлежитъ вся власть въ Совѣтской Республикѣ?

Конституція 10-го іюля пробуетъ дать положительное опредѣленіе понятію „трудящіеся". Согласно 64-ой статьи таковыми почитаются: а) „Всѣ добывающіе средства къ жизни производительнымъ и общественно-полезнымъ трудомъ, а также лица, занятыя домашнимъ хозяйствомъ, обезпечивающимъ для первыхъ возможность производительнаго труда — какъ то: рабочіе и служащіе всѣхъ видовъ и категорій, занятые въ промышленности, торговлѣ, сельскомъ хозяйствѣ и проч.; крестьяне и казаки-земледѣльцы, не пользующіеся наемнымъ трудомъ съ цѣлью извлеченія прибыли; б) солдаты арміи и флота; в) граждане, входящіе

въ категоріи перечисленные въ пунктахъ „а“ и „б“ настоящей статьи, потерявшіе въ какой-нибудь мѣрѣ трудоспособность.“

Прежде всего бросается въ глаза внутренняя противорѣчивость этой статьи. „Рабочіе и служащіе всѣхъ видовъ и категорій“, явно, могутъ заключать въ себѣ и такихъ, которые ни въ коемъ случаѣ ни съ какой точки зрѣнія не могутъ почитаться занимающимися „общественно-полезнымъ трудомъ.“ Среди нихъ будутъ, несомнѣнно, ну хотя бы работающіе на фабрикѣ, вырабатывающей какой либо суррогатъ вредный для здоровья? Какъ быть въ такомъ случаѣ? Дать или не дать право голоса такому рабочему? Да и вообще гдѣ критерій „общественной полезности“? Рабочій на фабрикѣ брилліантовыхъ издѣлій, золотыхъ вещей, тонкихъ тюлевыхъ кружевъ, — общественно полезный работникъ? Смотря на чей взглядъ. Это самое непрочное, самое субъективное опредѣленіе. То что для меня почитается явно общественновреднымъ, для другого можетъ казаться самымъ полезнымъ: все зависитъ отъ точки зрѣнія. Дать ли право голоса членамъ В. Ч. К.?*)

Партія большевиковъ, очевидно, будетъ считать ихъ общественно-полезнымъ элементомъ, мы же полагаемъ, что они — члены одной изъ самыхъ вредныхъ организацій, какую только придумать можно. Кто будетъ судьей? Да и можно ли, вообще, дать кому либо право быть судьей въ такомъ дѣлѣ? Вѣдь это значитъ дать судьѣ, безразлично кто бы онъ ни былъ-безусловное право изымать изъ числа избирателей кого ему заблагоразсудится, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, особо „забронированныхъ“ категорій, поименованныхъ въ статьѣ 64-й, въ поясненіе общаго широкаго текста. Но списокъ „забронированныхъ“, естественно, крайне неполонъ — онъ и не можетъ быть полнымъ въ виду многообразія видовъ дѣятельности человѣческой — и кромѣ того, броня его можетъ быть легко пробита. Очень скоро поставленное: „и проч.“ даетъ возможность самыхъ широкихъ толкованій. Редакторъ журнала, писатель — беллетристъ, художникъ, скульпторъ и т. д. — Входятъ они въ число „прочихъ“? Все зависитъ отъ толкователя. Очевидно, общественно — полезнымъ редакторъ будетъ признанъ въ томъ случаѣ, если взгляды

*) „Всероссійская Чрезвычайная Комиссія по борьбѣ съ контрреволюціей и спекуляціей“ — центръ всѣхъ террористическихъ мѣропріятій большевистскаго правительства.

его будутъ соотвѣтствовать воззрѣніямъ толкователя, беллетристъ и художникъ — если творенія ихъ удовлетворятъ его эстетическій вкусъ . . . Мы видимъ, что такъ очень легко выбросить за бортъ добрыхъ ⅔ избирателей. Да и въ самомъ дѣлѣ, въ жизни это случилось. Большевики признали рабочихъ лѣвыхъ соц.-рев. общественно вредными — и не долго думая изгнали ихъ изъ Совѣтовъ, хотя они въ 1918 г. составляли въ нихъ 40 %! Конституція, пожалуй, безполезна, если въ ней имѣются подобныя „опредѣленія."

Кромѣ этой общей внутренней противорѣчивости, еще одна бросающаяся въ глаза несуразность въ статьѣ 64-й Конституціи. „Солдаты Совѣтской арміи и флота" не включены, на ряду съ рабочими и крестьянами, въ число лицъ поименованныхъ для разъясненія общей формулы занятыхъ „общественно — полезнымъ трудомъ", а выдѣлены почему-то въ особую категорію. Если Конституція не считаетъ ихъ элементомъ общественно — полезнымъ, то на какомъ основаніи предоставлять имъ право голоса? Конечно, такое предположеніе невозможно. Разумѣется, Конституція считаетъ ихъ общественно - полезнымъ элементомъ. Даже, вѣрно, авторы ея хотѣли особо подчеркнуть эту полезность, выдѣливъ солдатъ и матросовъ въ особую категорію. Но (какъ это часто случается вообще, съ большевиками) достигли результата обратнаго. Читатель сколько — нибудь разбирающійся можетъ, на основаніи Конституціи, заподозрить полезность Красной Арміи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что положительное опредѣленіе совершенно невозможно, расплывчато, туманно, противорѣчиво. Мы, поэтому, вслѣдъ за проектомъ Н. К. Ю. ограничились однимъ лишь опредѣленіемъ отрицательнымъ: кто не трудящійся и кто не можетъ избирать. Здѣсь ясная, точная норма. (Ст. 17-я нашего проекта; ст 65-я Конст.; ст. 13 проекта Н. К. Ю) Вмѣстѣ съ тѣмъ, это отрицательное опредѣленіе достаточно всеобъемлюще. Едва ли можетъ кто либо удовлетворять требованіямъ этого отрицательнаго опредѣленія и не войти въ одну изъ категорій 64-й статьи Конституціи 10-го іюля. А вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма и весьма возможно входить въ одну изъ категорій этой статьи и въ то же время не удовлетворять требованіямъ отрицательнаго опредѣленія. Конституція сама это признаетъ, ибо въ ст. 65-ой, гдѣ говорится объ отрицательныхъ признакахъ, мы читаемъ что неудовлетворяющіе изложеннымъ здѣсь требованіямъ не могутъ избирать или быть избранными, хотя бы они и входили

въ одну изъ . . . категорій" статьи 64-ой. Этими послѣдними словами авторы Конституціи сами признались въ недостаточности своего положительнаго опредѣленія. Эти слова сдѣлали всю 64-ю статью лишней. Мы и выбросили ее изъ нашего проекта.

2. Какъ мы видимъ, въ этой главѣ затронутъ одинъ изъ очень крупныхъ вопросовъ государственнаго строя Совѣтской Республики, выявлено очень рѣзко одно изъ ея наиболѣе ясныхъ отличій отъ „современныхъ демократій." И изложенныя ограниченія относятся не только къ активному, но и къ пассивному избирательному праву. Господа „демократы", воспитанники Руссо, и ученики прославленныхъ профессоровъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ факультетовъ, совершенно справедливо могутъ указать намъ, что опредѣляя цензъ для пассивно-избирательнаго права, мы нарушаемъ основные принципы всѣхъ современныхъ демократическихъ теорій. Избирательный корпусъ суверененъ, воля его священна; кого бы избиратели ни почтили своимъ довѣріемъ, тотъ долженъ почитаться избраннымъ представителемъ ихъ и выразителемъ ихъ мнѣній, кто бы онъ ни былъ.

Правда, и въ „демократической" буржуазной практикѣ были случаи уклоненія отъ доктрины полнаго суверенитета избирателей.

На родинѣ Руссо въ самый разгаръ профессорства Эсмена, въ той самой Франціи, въ которой еще при выборахъ въ конвентъ явныя насилія надъ нѣкоторыми избирателями освятились тѣмъ, что были признаны большинствомъ избирательнаго корпуса, — появилось въ Конституціи ограниченіе пассивныхъ избирательныхъ правъ прежде царствовавшихъ династій.

Но такіе факты касались, конечно, только крайне небольшого числа лицъ, были вызваны несомнѣнно, лишь соображеніями острой политической борьбы и, во всякомъ случаѣ, почитались явленіемъ нежелательнымъ.

Въ Конституціи же Совѣтской Республики подобное ограниченіе органически необходимо. Безъ него Совѣтская Республика утратитъ свой основной характеръ. Къ сожалѣнію, этого не понимаютъ часто даже самые смѣлые „практики" революціи.*) Дѣло въ томъ, что Сов. Респ. не только представительство воли опредѣленнаго числа избирателей — большинства избирательнаго корпуса — но,

*) Такъ даже Ленинъ полагаетъ, что „лишеніе буржуазіи избирательныхъ правъ не является необходимой предпосылкой Совѣтской власти, а выросло само собой въ ходѣ борьбы." — Ужъ не

и главнымъ образомъ, представительство интересовъ организованнаго труда. Совѣтамъ принадлежитъ власть не потому, что они олицетворяютъ „трудящихся Россіи“, а лишь потому и поскольку они организуютъ удовлетвореніе общественныхъ нуждъ, поскольку они обезпечиваютъ правильное дѣйствіе органовъ власти и устанавливаютъ правильный контроль за распредѣленіемъ общественныхъ благъ.

Но, скажутъ, развѣ любой парламентъ не представляетъ интересовъ той или иной части населенія? Да, конечно. Но вся разница въ томъ, что парламентскій депутатъ представляетъ интересы населенія исключительно въ томъ видѣ, въ какомъ они заключены въ волеизъявленіи избирателей.

Совѣтскій же депутатъ, равно какъ и собраніе депутатовъ (Совѣтъ, Съѣздъ) не только выполняетъ волю своихъ избирателей, сверхъ того, онъ обязанъ, Конституція его къ тому категорически понуждаетъ, защищать интересы труда. Всякій его актъ, направленный противъ этихъ интересовъ, даже если бы онъ выражалъ волю всѣхъ избирателей, — не имѣетъ никакой силы, ничтоженъ, считается какъ бы вовсе несуществовавшимъ.

Но, возразятъ опять, вѣдь и въ буржуазныхъ Конституціяхъ есть нѣкоторые ограничительные пункты. Напримѣръ, свобода совѣсти обезпечивается почти всѣми Конституціями, но изъ этого не слѣдуетъ, что нужно лишать завзятыхъ клерикаловъ права быть избранными въ парламентъ. Если бы они вздумали отмѣнить по своей волѣ свободу совѣсти, этотъ актъ не имѣлъ бы никакой силы, но мнѣніе свое и своихъ избирателей они могутъ довести до свѣдѣнія парламента, они могутъ бороться за проведеніе его въ жизнь, и никакъ невозможно признать правильнымъ зажиманіе имъ рта.

Въ томъ то и вся разница, что въ Совѣтахъ, не искажая ихъ сущности, не можетъ защищаться доктрина, нарушающая такъ или иначе понятые интересы труда. Если бы во французскомъ, напр., парламентѣ сторонники отмѣны отвѣтственности министровъ или свободы совѣсти собрали большинство, Сенатъ и Палата депутатовъ объединившись поѣхали бы въ Версаль и тамъ преспокойно выбросили нежелательный пунктъ изъ конституціи. Отъ этого сущность и существо власти во Франціи не измѣни-

---

дать ли право буржуазіи организовывать свои Bürger-совѣты? Не далеко ушелъ въ теоріи Ленинъ отъ столь жестоко и справедливо критикуемаго имъ Каутскаго. („Ренегатъ Каутскій“, см. страницу 41 и 62-ю изд. 1918.)

лось бы отнюдь. Даже „Республика“ могла бы остаться — вѣдь жила же французская Республика 34 года при режимѣ полуравенства религій. Лишь въ 1905 году была отдѣлена церковь отъ государства. Точно такъ же дѣло обстоитъ со всѣми такъ называемыми конституціонными гарантіями въ буржуазныхъ странахъ. Онѣ всѣ могутъ быть отмѣнены, но сущность самаго строя отъ этого не измѣнится.

Совсѣмъ другое дѣло въ Совѣтской Республикѣ. Самый смыслъ ея, самое бытіе невозможно было бы, если бы какой либо Съѣздъ Совѣтовъ вздумалъ отмѣнить гарантіи, установленныя Конституціей для торжества интересовъ труда.

Но, еще разъ возразятъ намъ, изобрѣтенная вами гарантія — отстраненіе нетрудящихся — вовсе ничего не гарантируетъ. Если воля даннаго округа будетъ опредѣленно выражена, то высказать ее поручатъ любому рабочему или крестьянину, изъ раздѣляющихъ общее мнѣніе — и эффектъ будетъ тотъ же.

Вполнѣ согласны, что гарантія наша — гарантія недостаточная; мы отлично понимаемъ, что рабочіе и крестьяне подчасъ еще настолько темны и мало сознательны, что могутъ пойти противъ себя самихъ, сами себя подвергнуть гибельнымъ испытаніямъ. Но „эффектъ“ все же будетъ не тотъ же. Буржуазія, идя противъ интересовъ труда, защищаетъ свои интересы; никакая агитація, никакое просвѣщеніе и разъясненіе въ этомъ случаѣ не помогутъ. Рабочій же или крестьянинъ, если онъ поддастся гибельному вліянію, или въ припадкѣ временной апатіи или разочарованія возстанетъ противъ Конституціи труда и пойдетъ противъ своихъ интересовъ, все же можетъ быть путемъ агитаціи возвращенъ къ сознанію — просвѣтленіе можетъ быть достигнуто. Онъ пойметъ всю нелѣпость своего шага, вернется къ своимъ избирателямъ, и разъяснитъ имъ ихъ ошибку. Допуская же въ органы управленія нетрудовые элементы мы, — особенно въ Россіи*) — создали бы легальную почву для агитаціи

*) Въ Россіи, въ особенности въ широкой крестьянской средѣ, крѣпко въѣлся взглядъ на власть, какъ на хлопотливую и непріятную повинность, отъ которой нужно бѣжать, если только можно. Это наслѣдіе царскихъ временъ, когда чуть не силкомъ нацѣпленная бляха, давая едва замѣтную тѣнь силы, отнимала у крестьянина время и трудъ, Богъ вѣсть для чего, для дѣлъ ему чуждыхъ и непонятныхъ. Такой страхъ власти еще живъ. И сейчасъ еще широко распространенное явленіе — желаніе „опихнуть“ на должность какого либо нежелательнаго субъекта, особенно всѣми нелюбимаго, всѣмъ надо-

за сверженіе Совѣтской власти и дали бы возможность самымъ рьянымъ врагамъ ея внѣдриться внутрь ея рядовъ и внести въ нихъ дезорганизацію.

Необходимо было, въ видѣ первой и самой основной гарантіи — отстранить людей, которымъ чужды интересы, во имя которыхъ создана Совѣтская Республика.

Конечно, мы сознаемъ, что гарантія эта недостаточна. Но большая пока невозможна. Вѣдь Совѣтскій строй — не окончательный, а переходный. Онъ облегчитъ пришествіе соціальнаго переустройства на синдикально-кооперативныхъ началахъ и будетъ замѣненъ другимъ строемъ, болѣе совершеннымъ, въ которомъ отомрутъ окончательно всѣ пережитки буржуазной государственности. Этотъ новый строй будетъ почти исключительно построенъ на представительствѣ интересовъ. Въ немъ впервые осуществится окончательно основной лозунгъ русскаго народничества: служеніе интересамъ трудящагося народа, хотя бы даже вопреки мнѣніямъ его.

3. Намъ пришлось выше говорить (Глава 2-я § 2 и статья 11-я нашего проекта), что всякія дѣянія мѣстныхъ Совѣтовъ, нарушающія постановленія настоящей Конституціи, должны почитаться ничтожными и какъ бы вовсе не имѣвшими мѣста. Постановленія нашей одиннадцатой статьи не могутъ, однако, быть всецѣло отнесены и къ вопросу объ избирательномъ правѣ, изложенному въ настоящей третьей главѣ. Вѣдь здѣсь идетъ рѣчь не только о правонарушеніи Совѣтовъ. Конечно, если бы Совѣты и ихъ Съѣзды нарушили постановленія семнадцатой или восемнадцатой статей, если бы они отстранили, напримѣръ, отъ выборовъ на Съѣздъ Совѣтовъ кого-либо изъ членовъ Совѣта по мотивамъ вѣроисповѣднымъ, то, разумѣется,

---

ѣвшаго, способъ ему этимъ избраніемъ „насолить“. Явленіе это — почти повсемѣстное, широко распространенное. Не разъ видали, какъ крестьяне всемъ селомъ умоляютъ какого — нибудь толстобрюхаго Ивана Васильевича сдѣлать милость — въ Питеръ, въ Совѣтъ съѣздить. Мы, молъ, народъ темный, а ты грамотѣ обученъ; мы — народъ занятой — а тебѣ что — поторговать и жена можетъ. А Иванъ Васильевичъ этотъ — торговецъ, кулакъ, ростовщикъ, міроѣдъ — всю округу разорилъ. Вообразите, какъ будетъ онъ отстаивать „интересы труда“. А вѣдь много было такихъ „Ивановъ Васильевичей“. — Въ особенности на первомъ Крестьянскомъ Съѣздѣ. Наказъ привозитъ революціоннѣйшій — наказъ — что всѣмъ міромъ стряпали — а самъ такое городитъ только диву даешься!

ничтожность такихъ актовъ вытекала бы полностью изъ существа 11-ой статьи.

Но какъ быть, если правонарушеніе было произведено не Совѣтами, а избирательнымъ корпусомъ? Какова санкція неправильности избранія? Разумѣется, неправильные выборы должны почитаться недѣйствительными, разумѣется также, что каждый гражданинъ можетъ возбудить вопросъ объ ихъ неправильности... Но можно ли считать эти выборы ничтожными и какъ бы не имѣвшими мѣсто? Намъ кажется, что подобное рѣшеніе недопустимо. Мы считали бы въ этомъ случаѣ болѣе правильнымъ примѣнить постановленіе французскаго закона 15—27 марта 1791 года, которое гласитъ: „тѣмъ депутатамъ, правильность избранія которыхъ оспаривается, должны быть временно предоставлены права до тѣхъ поръ, пока выборы не отмѣнены".

Почему мы здѣсь становимся на совершенно другую точку зрѣнія? Развѣ нарушеніе правилъ настоящей главы не столь же гибельно отражается на ходѣ общественной жизни, какъ, напримѣръ, нарушеніе компетенціи Совѣтовъ?

Мы старались подчеркнуть всю важность исполненія предписаній третьей главы — и все же другія, еще болѣе важныя соображенія заставляютъ насъ отказаться отъ крайней санкціи.

Дѣло въ томъ, что если бы мы признали ничтожность такихъ выборовъ, было бы нарушено правильное и безостановочное теченіе аппарата управленія и организаціи. Выбранный депутатъ могъ стать, напр., предсѣдателемъ Совѣта, сдѣлать множество распоряженій, участвовать во многихъ актахъ, и всѣ они должны были бы быть признаны недѣйствительными въ случаѣ, если бы мы признали избраніе депутата ничтожнымъ и не имѣвшимъ мѣста. Вѣдь тогда онъ былъ бы въ глазахъ всѣхъ такимъ же частнымъ лицомъ, какъ и до выборовъ въ Совѣтъ и, конечно, ничѣмъ не могло бы быть оправдано то, что онъ говорилъ и дѣйствовалъ отъ его имени. Легко себѣ представить, какое замѣшательство въ дѣлахъ могло бы произойти, въ особенности если неправильность выборовъ была замѣчена по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго срока. Множество стороннихъ лицъ должно было бы пострадать безъ всякой вины съ ихъ стороны. У неправильно избраннаго были всѣ видимые признаки законнаго избранія, третьи лица не могли знать о томъ, что при выборахъ были нарушены предписанія Конституціи, они не имѣли возможности провѣрить. Здѣсь положеніе совсѣмъ иное, чѣмъ при нарушеніи Совѣтами компетенціи или предписаній

Конституціи. Конституція всѣмъ должна быть извѣстна, каждый вступавшій въ сношеніе съ Совѣтомъ или его представителемъ могъ выяснить, законна или незаконна заключаемая имъ сдѣлка. Естественно, что онъ долженъ нести послѣдствія за сознательное или несознательное участіе въ правонарушеніи. Но здѣсь третьи лица при всемъ ихъ желаніи, при всей осмотрительности и осторожности — предусмотрѣть ничего не могли. Правильно ли признать выборы не имѣвшими мѣста, нанести имъ, быть можетъ, весьма крупный ущербъ?

Конечно, такое рѣшеніе было бы недопустимымъ. Выборы должны почитаться неправильными, но существующими до того момента, пока они не будутъ отмѣнены въ установленномъ порядкѣ.

Изъ этого рѣшенія вытекаетъ одно очень важное слѣдствіе. Если бы избиратели, обнаруживъ неправильность первыхъ выборовъ, считая ихъ несуществовавшими, произвели бы вторичные выборы и избрали бы новаго депутата, эти вторичные выборы должны были бы почитаться незаконными, если предварительно не была достигнута отмѣна первыхъ выборовъ, или если избиратели не отозвали предварительно ранѣе избраннаго ими депутата. Мы видѣли, что въ послѣднемъ случаѣ избиратели должны поступать такъ, какъ они дѣйствовали бы если бы первые выборы произошли правильно. Совѣтъ до признанія выборовъ недѣйствительными не могъ бы признать и принять въ свою среду второго депутата отъ того же избирательнаго корпуса, если бы не получилъ постановленія объ отзывѣ перваго.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О предѣлахъ власти и объ обязанностяхъ Мѣстныхъ и Центральныхъ Органовъ Власти.

1. Мы не разъ уже подчеркивали, что въ нашемъ пониманіи власть не есть какое либо особое право, преимущество, привилегія — а лишь необходимая гарантія, данная носителю власти, для болѣе успѣшнаго исполненія возложенныхъ на него обязанностей. Если бы было возможно правильное функціонированіе всѣхъ общественно-полезныхъ установленій, безъ примѣненія приказа и принужденія — власть отпала бы, какъ ненужный пережитокъ. Мы поэтому отрицали іерархію властей, мы не могли признать одну власть по существу своему выше,

другую ниже. Мы опредѣляли роль и значеніе каждаго органа Власти по цѣли, по тѣмъ задачамъ, которыя передъ нимъ стоятъ. Чѣмъ задачи шире, чѣмъ обязанности больше, тѣмъ по необходимости и кругъ власти — большій. И, наоборотъ, какъ только ограничивается кругъ обязанностей, и сумма власти уменьшается. Какъ таковая, сама по себѣ воля носителя власти не имѣетъ никакой силы, если она не направлена на опредѣленную общественно-полезную цѣль. Совѣтская власть не можетъ издавать какихъ либо приказаній безъ мотивировки. — „Sic volo, sic jubeo" — отходитъ въ область далекихъ преданій. Государство не рисуется уже болѣе, какъ нѣкоторая полу-мистическая сила, самодержавная, „суверенная", главный признакъ которой тотъ, что она приказываетъ. Носители государственной власти почитаются нами лишь за то, что они въ дѣйствительности есть. Это не болѣе, какъ извѣстное число лицъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточена сила, которую они обязаны употребить для удовлетворенія общественныхъ потребностей. За неисполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей они лично или коллективно (смотря по тому въ какой формѣ они обязанности несли) отвѣтственны*).

Гдѣ же предѣлы, ограничивающіе ихъ власть, какъ опредѣлить тѣ обязанности, которыя даютъ право на пользованіе ею? Мы бы исчерпали вопросъ, если бы сказали, что обязанности эти заключаются въ полномъ и всестороннемъ удовлетвореніи нуждъ населенія и гарантированіи неприкосновенности интересовъ организованнаго труда. Однако, такое опредѣленіе, именно въ виду своей широты, слишкомъ расплывчато и неопредѣленно; слишкомъ поддается субъективнымъ толкованіямъ и опредѣленіямъ. Для того чтобы уяснить его, мы должны были его нѣсколько сузить. Въ статьѣ девятнадцатой нашего проекта мы это и дѣлаемъ. Мы не даемъ никакой общей формулы взаимоотношенія обязанностей и права пользованія властью для ихъ исполненія. Мы предоставляемъ это рѣшать каждый разъ самимъ органамъ власти въ

---

*) Не являются ли слова объ отвѣтственности пустымъ звукомъ, во всякомъ случаѣ по отношенію къ центральной власти, въ рукахъ у которой вся сила? Разумѣется, нѣтъ. Мы знаемъ способъ привлеченія къ отвѣтственности даже центральной власти. Революція — верховный трибуналъ для всякаго правительства, нарушившаго права гражданъ или не исполняющаго своихъ обязанностей. Право на сверженіе подобнаго правительства — есть вмѣстѣ съ тѣмъ и основная обязанность всѣхъ гражданъ Ф. С. Республики.

предѣлахъ тѣхъ задачъ, которыя передъ каждымъ изъ нихъ стоятъ, и какъ они опредѣлены въ соотвѣтствующихъ статьяхъ нашей Конституціи.

Но для того, чтобы влить всѣ мѣропріятія въ единое русло, мы должны были опредѣлить нѣкоторыя основныя задачи, стоящія передъ всѣми органами власти. Революція дала трудящимся Россіи нѣкоторыя завоеванія, которыя обезпечиваютъ возможность дальнѣйшаго развитія, которыя обезпечиваютъ основныя интересы трудящихся. Совѣтская власть должна ширить и развивать эти завоеванія — это основная ея задача. Но прежде всего и раньше всего она должна охранять эти завоеванія, должна защищать ихъ отъ всякихъ покушеній и, что само собой разумѣется, сама не нарушать ихъ.

Мы постарались дать перечень основныхъ завоеваній революціи, которыя должны храниться нерушимо. Самый подходъ нашъ къ вопросу въ достаточной мѣрѣ объясняетъ, почему мы объ этихъ завоеваніяхъ говоримъ не въ декларативной формѣ, какъ это дѣлаетъ, напр., Конституція 10-го іюля. Вѣдь не Конституціей они дарованы, не Конституціей они и закрѣплены. Ихъ добыла революція, закрѣплены они въ огнѣ борьбы. Сейчасъ Конституція должна только смотрѣть за тѣмъ, чтобы завоеванія революціи не были попраны. Большая часть повелѣній нашей 19 ой статьи заключается въ декларативной формѣ и въ нѣсколько другой редакціи въ первомъ и второмъ раздѣлахъ Конституціи 10-го іюля. Нѣкоторые изъ нихъ взяты нами изъ проекта Н. К. Ю. Этотъ проектъ идетъ тѣмъ же путемъ, что и мы. Но онъ перечисляетъ, въ отрицательномъ видѣ, всѣ невозможности правонарушеній не въ спеціальной главѣ, а въ той, въ которой говорится о компетенціи „Всер. Съѣзда Совѣтовъ". Очевидно, авторы проекта полагали, что этого достаточно. Ходъ ихъ разсужденій ясенъ: если даже В. Съѣзду не разрѣшено сего предѣла преступать, то ужъ другимъ и подавно. Мы такъ разсуждать не могли — это опять одно изъ обычныхъ отступленій проекта Н. К. Ю. отъ принимаемой имъ теоріи автономіи Совѣтовъ въ сторону фикціи государственнаго суверенитета. Мы, стоящіе на точкѣ зрѣнія реалистической, чуждой совершенно всякихъ метафизическихъ построеній, не могли, разумѣется, исходить изъ идеи поглащенія всѣхъ реальныхъ дѣйствующихъ воль одной верховной волей Центральнаго Органа. . . Нѣкоторые изъ перечисленныхъ нами ограниченій вводятся нами впервые; они не заключены ни въ Конституціи, ни въ проектѣ Н. К. Ю.

2. Нельзя, кажется, нанести болѣе чувствительнаго удара догмѣ о суверенитетѣ, чѣмъ это сдѣлало одно изъ наиболѣе яркихъ завоеваній русской Революціи, гласящее: „Всѣ трудоспособные граждане имѣютъ право на примѣненіе труда по своей спеціальности и за вознагражденіе, установленное для этого рода работъ". (Статья 10-ая „Кодекса законовъ о трудѣ". Собр. Указ. Расп. 10-го декабря 1918 г. № 7 — 88; срав. пунктъ I статьи девятнадцатой нашего проекта). Въ самомъ дѣлѣ, признать за трудящимися право на трудъ — это значитъ возложить на власть тяжелую обязанность организаціи всѣхъ областей труда и наблюденіе за правильнымъ функціонированіемъ всего сложнаго хозяйственнаго аппарата. Возможно ли послѣ провозглашенія такого принципа держаться догмы мертваго суверенитета съ его „правомъ" безпредѣльнаго командованія? Не ушли ли большевики послѣ 10-го декабря 1918 года отъ устарѣлыхъ цитатъ изъ Руссо, которыя они проповѣдывали 5 мѣсяцевъ предъ тѣмъ въ Конституціи 10-го іюля? О нѣтъ! Догма суверенитета и понынѣ прекрасно уживается у нихъ съ признаніемъ права на трудъ. Здѣсь произошла та же исторія, что сто тридцать лѣтъ назадъ. Тогда французскіе буржуа, которые, по остроумному выраженію проф. Duguit, были въ той же мѣрѣ собственниками, какъ и государственниками, рядомъ съ непреложной догмой суверенитета осуществляли не менѣе непреложныя и неотъемлимыя права собственности. И „декларація правъ человѣка и гражданина" торжественно заявляла, что за всяко лишеніе собственности даже для самыхъ законныхъ нуждъ государства владѣлецъ долженъ быть достойно вознагражденъ (ст. 17-ая). Куда дѣвалось право парламента дѣлать в с е? Онъ не можетъ даже свободно отнять у буржуа его огородъ, хотя бы для того, чтобы воздвигнуть статую въ честь Меркурія, бога воровъ и купцовъ! Когда столкнулись въ тѣсной схваткѣ эти двѣ догмы — побѣдила догма собственности. О, конечно, никто не говоритъ объ отвѣтственности государства, объ ограниченіи его суверенитета: говорятъ лишь о защитѣ священныхъ правъ собственности. — То же у большевиковъ. Они, конечно, въ еще большей степени, чѣмъ государственники — идеологи труда (этого отнять у нихъ нельзя) и когда эти двѣ идеологіи встрѣтятся — предпочтеніе, разумѣется, отдается труду. Но въ то же время мирно благоденствуетъ и царитъ во всѣхъ другихъ областяхъ догма суверенитета. И никому это не кажется дикимъ!

Русская революція, впервые послѣ неудачной попытки „государственныхъ мастерскихъ“ (Луи Блана въ 1848 г.) провела въ жизнь дѣйствительныя положительныя права свободы — право на трудъ, сопутствующее ему обязательное право на обезпеченіе инвалидности (т. е. право на существованіе — см. замѣчательный декретъ 28-го августа 1919 года объ обезпеченіи несовершеннолѣтнихъ и нетрудоспособныхъ членовъ семей умершихъ трудящихся; см. также вторую часть нашего перваго пункта), право на землю, право на воспитаніе и образованіе.

Пункта соотвѣтствующаго нашему пункту первому нѣтъ ни въ Конституціи ни въ проектахъ.

Пунктъ 2-й нашей девятнадцатой статьи — о запрещеніи отмѣнять законъ о соціализаціи земли — формулированъ почти также, какъ и пунктъ „а“ статьи 3-й Конституціи 10-го іюля и пунктъ 1 ст. 27-й проекта Н. К. Ю.

Формулировку пункта третьяго мы заимствовали изъ проекта Н. К. Ю. (ст. 27, 2). Мы внесли въ нее только нѣкоторыя поправки принципіальнаго характера. Стоя за допущеніе децентрализованнаго пользованія лѣсами, нѣдрами и пр., мы говорили не о національзаціи ихъ, а о воспрещеніи передачи въ частную собственность. Мы вполнѣ допускаемъ возможность, напр., перехода лѣсовъ въ вѣдѣніе автономныхъ Союзовъ, входящихъ въ составъ С. Ф. С. Респ. По этой же причинѣ мы говоримъ о водахъ не „общегосударственнаго значенія“, а „общаго пользованія“.

Въ пунктѣ IV-мъ объ изъятіи изъ частнаго владѣнія промышленныхъ предпріятій — соединены пунктъ „в“ Конституціи, вторая часть статьи II-й и статья III-я проекта Н. К. Ю. Но и здѣсь мы не говоримъ о національзаціи. Мы представляемъ себѣ возможность децентрализованнаго управленія промышленностью. Важно отмѣтить лишь то, что она не можетъ быть передана частному капиталу. Проектъ Н. К. Ю., говоря о національзаціи предпріятій, выдѣляетъ типографіи, съ очевидной цѣлью подчеркнуть, что этимъ обезпечивается „дѣйствительная свобода печати“. Намъ кажется такое пристегиваніе вопроса о печати къ вопросу о предпріятіяхъ — методологической ошибкой. Говоря о предпріятіяхъ вообще, мы тѣмъ самымъ говоримъ и о типографіяхъ. Вопросу же о свободѣ печати мы посвящаемъ отдѣльный пунктъ, тѣмъ болѣе, что для осуществленія ея однѣхъ типографій недостаточно; необходима бумага, оборудованіе и пр.

Пунктъ V-ый о національзаціи банковъ и аннулированіи займовъ — съ нѣкоторыми, чисто редакціонными измѣненіями, введенными лишь для большей ясности (поставлено число, съ котораго займы не дѣйствительны) — передаетъ содержаніе пунктовъ „г“ и „д“ ст. 3-й Конституціи и пункта IV проекта Н. К. Ю.

Пунктъ VI-ый о вооруженіи трудящихся — почти буквально передаетъ содержаніе пункта V проекта Н.К.Ю.; мысль этого пункта имѣется въ пунктѣ „т“ статьи 3-й Конституціи. Сколько разъ нарушали эту статью большевики!

Пунктъ VII-ой — о свободѣ собраній — заимствованъ у проекта Н. К. Ю. (ст. 27, VI), та же мысль изложена въ статьѣ 15-й Конституціи. Ни одна изъ статей Конституціи не осталась въ такой мѣрѣ мертвой буквой, какъ эта.

Пунктъ VIII-ой — объ особыхъ званіяхъ и привилегіяхъ — съ незначительными редакціонными поправками воспроизводитъ мысль пункта VII ст. 27-й проекта Н. К. Ю. Въ болѣе общей и, пожалуй, болѣе туманной формѣ находимъ подобное же постановленіе въ статьѣ 23-й Конституціи. — Даже эта статья теперь нарушена большевиками...

Пунктъ IX-ый — объ отдѣленіи церкви отъ государства и школы — передаетъ содержаніе ст. 13-й Конституціи. Въ проектѣ Н. К. Ю. имѣется еще одно запрещеніе: „за церковными обществами не могутъ быть признаны права юридическаго лица“. Мы категорически отвергаемъ правильность и необходимость такого ограниченія. Небольшой примѣръ яснѣе всего покажетъ всю внутреннюю противорѣчивость и ненужность такого запрещенія.

Церковному обществу нужны свѣчи къ Рождеству. Оно хочетъ заказать ихъ заранѣе свѣчному заводу. Заключать сдѣлку оно однако, какъ таковое, какъ „церковное общество“ не можетъ. Но все же свѣчи нужны. И вотъ оно поручаетъ какому либо довѣренному лицу заключить сдѣлку на свое имя. Всѣмъ, разумѣется, извѣстно, что Иванову или Петрову сотни пудовъ свѣчъ не нужны, что онъ ихъ заказываетъ не для себя. Далѣе. Свѣчной заводъ, предположимъ, къ сроку заказа не выполнилъ или выполнилъ плохо, или не доставилъ достаточнаго количества и т. п. Дѣло доходитъ до суда. Истецъ, конечно, не „церковное

общество", а Ивановъ или Петровъ. Судья, быть можетъ, даже долженъ былъ прибѣгнуть къ опросу священно-служителей для установленія фактовъ. Всѣ понимаютъ, что свѣчи предназначались для церкви. Собственно говоря, сдѣлка должна быть признана фиктивной, но едва ли даже самый строгій судья на это пойдетъ; вѣдь это значило бы закрыть всѣ церкви. И потому всѣ мирятся съ узаконеннымъ лицемѣріемъ.

Внеся ненужныя слова: „правъ юридическаго лица они не имѣютъ" въ статью 12-ю „декрета о свободѣ совѣсти, церковныхъ и религіозныхъ обществахъ" — Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ значительно испортилъ проектъ коллегіи Народнаго Комиссаріата Юстиціи, въ которомъ этого добавленія не было. Но доводы — докладчиковъ К-та Юстиціи тогда не были приняты въ соображеніе: казалось, что съ этой фразой декретъ будетъ революціоннѣе. Въ дѣйствительности же ничего не измѣнилось. Въ обычномъ порядкѣ, общество могло бы само поручить какому либо довѣренному лицу совершить сдѣлку, но это лицо совершало бы ее открыто — для и отъ имени общества. Сейчасъ оно дѣлаетъ видъ, что дѣйствуетъ отъ своего имени, но по существу, вѣдь это безразлично.

Насколько нелѣпо введеніе положенія о лишеніи церковныхъ обществъ правъ „юридическаго лица" видно изъ того, что во второй части слѣдующей (13-й) статьи тотъ же декретъ самъ нарушаетъ только что установленное имъ правило. Тамъ говорится, что зданія отдаются „въ безплатное пользованіе соотвѣтственныхъ религіозныхъ обществъ". Какъ можно это сдѣлать, не признавъ за ними гражданской правоспособности? Опись имущества будетъ совершать не общество „вообще", а какое нибудь лицо отъ имени его, по его довѣрію. А выдача довѣренности есть юридическій актъ, который можетъ быть совершенъ лишь опредѣленнымъ граждански-правомочнымъ субъектомъ. Если церковныя зданія будутъ разрушены, отвѣчать будетъ „общество", которому дали ихъ въ пользованіе. Но вѣдь оно не можетъ быть привлечено къ суду: какъ „общество", оно въ судебномъ процессѣ участвовать не можетъ. Кто же будетъ отвѣчать? Скажутъ: тѣ кто фактически наблюдалъ за исправностью зданій. Предположимъ. Но, во первыхъ, какъ ихъ найти? А если это были члены общества по очереди? Во вторыхъ — и это главное — государство сдавало имущество не имъ, а „обществу",

какъ такому (ст. 13-я декрета!*) такъ что было бы, съ точки зрѣнія юридической, крайне нелѣпо требовать чего то съ тѣхъ лицъ, которыя въ договорѣ не участвовали (не участвовали даже частью, если фактически завѣдовали зданіями не члены общества). Мы должны признать, что отнятіе отъ церковныхъ обществъ правъ такъ называемаго юридическаго лица, не выдерживаетъ критики ни въ какой мѣрѣ. Мы не могли его санкціонировать въ Конституціи.

Ограниченіе гражданской правоспособности церковныхъ обществъ въ Европейскихъ и Американскихъ законодательствахъ (напримѣръ, во французскихъ законахъ 9-го декабря 1905 г., 2-го января 1907 г. и 13-го апрѣля 1908 г.) было вызвано опасеніемъ, что эти общества, накопляя богатства, смогутъ превратиться въ крупную общественно-опасную силу. Боялись пріобрѣтенія церквами земельной собственности, боялись крупныхъ дареній и пожертвованій въ ихъ пользу, опасались того, что по завѣщаніямъ, имъ будутъ оставляться большія суммы. Но всѣ эти опасенія совершенно неосновательны и нелѣпы въ Россіи. Права собственности на землю пріобрѣсти невозможно по общимъ законамъ Совѣтской Республики, право дареній крайне ограничено и находится подъ контролемъ Совѣтской Власти, наслѣдованіе по духовному завѣщанію отмѣнено... Совершенно излишне выдѣлять церковныя общества — обычное право достаточно гарантируетъ невозможность ихъ превращенія въ давящую силу капитала.

Пунктъ X — о равноправіи религій и національностей — взятъ нами безъ измѣненій изъ Конституціи (ст. 22) мы придали ему лишь нѣсколько иную форму. (Ср. п. X ст. 27 проекта Н. К. Ю.)

Пунктъ XI, объ отмѣнѣ смертной казни и свободѣ судебныхъ приговоровъ вводится нами впервые. Въ проектѣ Н. К. Ю. (пунктъ XI ст. 27) говорится лишь о томъ что „Съѣздъ не имѣетъ права издавать законы, въ которыхъ устанавливалось бы назначеніе обязательной смертной казни за какое бы то ни было преступленіе". Этого недостаточно.

---

*) Инструкція „о порядкѣ проведенія въ жизнь декрета" (Извѣстія Ц. И. К. 30 авг. 1918 г), конечно, сглаживаетъ это противорѣчіе, говоря о передачѣ имущества не „церковному обществу", а „группѣ лицъ", „изъявившихъ желаніе получить въ пользованіе вѣроисповѣдное имущество". Но также несомнѣнно, что эта ст. 7-я инструкціи находится въ полномъ противорѣчіи со ст. 13-й декрета и отмѣняетъ ее.

Вторая часть нашего пункта освѣщаетъ признанное революціей и декретами Совѣтской Власти (декретъ № 2 „О судѣ“ ст. 15-я; „положеніе“ о единомъ судѣ ст. 23) право суда отмѣнять или смягчать положенную въ законѣ мѣру наказанія. Проектъ Н. К. Ю. именно это право судей только и защищаетъ. Судьѣ не можетъ быть дано приказаніе присудить обязательно къ смертной казни. Но тѣмъ самымъ какъ бы подразумѣвается, что самъ то судъ смертный приговоръ вынести можетъ. Мы рѣзко и ясно поставили вопросъ. Смертная казнь не можетъ имѣть мѣста въ Россіи.

Пунктъ XII — о правѣ убѣжища — повторяетъ положеніе ст. 21-й Конституціи и пунктъ XII ст. 27-й проекта Н. К. Ю.

Пунктъ XIII — о свободѣ печати — повторяетъ статью 14-ю Конституціи. Эта статья звучитъ горькой насмѣшкой въ Конституціи 10-го іюля.

Пунктъ XIV — о безплатномъ образованіи и воспитаніи — повторяетъ статью 17-ю Конституціи. Единственная статья Конституціи 10-го іюля, проводимая большевиками въ полной мѣрѣ въ жизнь.

Пунктъ XV повторяетъ статью 15-ю Конституціи. Нужно, однако, признать, что у большевиковъ имѣется большая тенденція этой статьи не исполнять. Если у насъ ясно выражено стремленіе превратить государство въ свободный союзъ союзовъ, у большевиковъ, какъ разъ наоборотъ, имѣется уклонъ превратить всѣ союзы въ отдѣлы и въ подъотдѣлы комиссаріатовъ и Совѣтовъ. Да это и понятно — большевики, вѣдь, вполнѣ заимствовали догму суверенитета, догму единой Центральной Власти, говорящей отъ имени олицетвореннаго пролетаріата, который вступилъ на мѣсто „олицетворенной націи“, въ томъ только и разница. Союзы же по существу своему противоположны такой концепціи. Не даромъ законъ ле Шапелье (14—17 іюня 1791 г.) запрещалъ всякія профессіональныя объединенія.

Пунктъ XVI вводится нами впервые, его нѣтъ ни въ Конституціи 10-го іюля ни въ одномъ изъ проектовъ. Когда писалась и принималась декларація правъ трудящихся (принято третьимъ Съѣздомъ въ январѣ 1918 года) законы объ отмѣнѣ наслѣдованія и объ ограниченіи правъ безвозмездной передачи имущества не были еще изданы, такъ что естественно не вошли въ нее. Эта декларація была механически приставлена въ Конституціи. Ее не

перерабатывали. Только этимъ и можно объяснить, что столь важное завоеваніе революціи не было внесено въ Конституцію. Проекты не заключали этого ограниченія явно по недосмотру.

3. Выдѣляя перечисленныя основныя черты Совѣтскаго Строя и особо ограждая ихъ неприкосновенность, мы хотѣли, разумѣется, придать имъ особую долговѣчность и устойчивость. Но это вовсе не значитъ, что они никогда не могутъ быть измѣнены, что они дѣйствительны навсегда. Навсегда вообще ничего нельзя дѣлать въ государственной и общественной жизни. Грядущія поколѣнія должны быть свободны отбрасывать устарѣвшее — это ихъ обязанность въ той же мѣрѣ, какъ ихъ право. И никакое бумажное закрѣпленіе какой-либо мѣры „навсегда" не можетъ заставить удержать ее, если она противорѣчитъ правосознанію эпохи. Есть всегда широкій путь къ ея отмѣнѣ — революціонный подъемъ массъ. Поэтому закрѣпляя даже самыя лучшія, съ нашей точки зрѣнія, мѣропріятія, мы совершали бы актъ несомнѣнно реакціонный. Однако, не менѣе ложенъ и тотъ путь, на который вступила Конституція 10-го іюля. Она представляетъ измѣненіе Конституціи обычному Съѣзду Совѣтовъ въ порядкѣ очередной законодательной работы. Это недопустимо. Нужно дать возможность предварительно тщательно обсудить и обдумать требуемую перемѣну, нужно знать спеціальное мнѣніе по данному вопросу всѣхъ Совѣтовъ. Поэтому мы и устанавливаемъ особую процедуру для измѣненія Конституціи. О формахъ ея мы будемъ говорить въ спеціальной главѣ. Только въ порядкѣ измѣненія Конституціи, гласитъ наша 20-я статья, могутъ быть отмѣнены и дополнены основныя положенія статьи 19-ой.

4. Мы уже говорили выше о томъ, что значитъ и какія послѣдствія имѣетъ постановленіе о ничтожности дѣйствій, направленныхъ противъ Конституціи. Въ 20-ой статьѣ мы только еще болѣе ясно подчеркнули нѣкоторыя слѣдствія такой ничтожности: право и обязанность всякаго гражданина ихъ не исполнять и исполненію ихъ противиться.

5. Когда Конституція нарушалась мѣстными Совѣтами — объ актахъ ничтожныхъ, изданныхъ ими, призвана была оповѣщать населеніе Центральная Власть. Въ статьѣ 19-ой мы предвидѣли возможность такого нарушенія со стороны самой Центральной Власти. Кто будетъ оповѣщать населеніе о ея неконституціонныхъ актахъ? Разумѣется, съ точки зрѣнія чисто юридической оповѣщеніе цѣны никакой

не имѣетъ. И до него и внѣ всякой зависимости отъ него неконституціонный актъ, нарушающій постановленія статьи 19-ой ничтоженъ и почитается какъ бы вовсе не имѣвшимъ мѣста. Но съ точки зрѣнія практики управленія подобныя оповѣщенія очень полезны и даже необходимы — они помогаютъ гражданамъ оріентироваться въ массѣ законодательнаго матеріала, они предотвращаютъ многія, совершенно излишнія пертурбаціи происходящія отъ незнакомства съ тѣмъ, что актъ ничтоженъ.

Мы поручили эту обязанность высшему судебному органу. Постановленіе о Верховномъ Судебномъ Контролѣ находится въ декретѣ № 2 о судѣ. Въ новомъ „положеніи" о единомъ судѣ (30-го ноября 1918 г.) о немъ не упоминается. Однако, никакимъ законодательнымъ актомъ существованіе Верховнаго Судебнаго Контроля не было признано ненужнымъ. И, дѣйствительно, послѣ изданія „положенія" необходимость его чувствуется еще сильнѣе. „Положеніе" еще увеличило число кассаціонныхъ инстанцій. Это, конечно, хорошо, такъ какъ ускоряетъ производство и приближаетъ Судъ къ населенію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя по кассаціонному суду въ каждой губерніи и сохраняя согласно Конституціи (пунктъ „о" ст. 49-й), единые законы и общіе кодексы, какъ матеріальнаго, такъ и процессуальнаго права — необходимо подумать объ объединеніи всѣхъ кассаціонныхъ толкованій о приданіи имъ единства. Иначе „единые" кодексы будутъ лишь благочестивой фикціей, и у насъ очень скоро будетъ столько различныхъ законовъ, сколько губерній. Верховный Судебный Контроль долженъ быть созданъ въ самый ближайшій срокъ.

Въ моментъ изданія декрета № 2 о судѣ у насъ еще не было писанной Конституціи и, конечно, не могло быть и рѣчи о возложеніи на Верх. Суд. Контроль обязанности освѣдомленія населенія обо всѣхъ „ничтожныхъ" актахъ, изданныхъ Центральной Властью. Однако, ни одному другому учрежденію не можетъ быть сколько — нибудь успѣшно поручено это дѣло.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О предметахъ вѣдѣнія Центральной Власти.

1. Попытка сколько — нибудь точно перечислить всѣ области и отдѣлы, которые подлежатъ вѣдѣнію Центральной Власти, неминуемо обречена на неудачу. Можно попытаться дать лишь общую характеристику дѣлъ, подвѣ-

домственныхъ ей. Намъ кажется, что самымъ правильнымъ, даже единственнымъ критеріемъ подвѣдомственности дѣлъ Центру является общегосударственный ихъ характеръ. Но вѣдь установленіе значенія того или иного мѣропріятія есть вопросъ факта. Поэтому мы могли выдѣлить лишь небольшую серію дѣлъ, какъ несомнѣнно и исключительно общегосударственнаго значенія. Всѣ остальныя дѣла могутъ стать передъ Центральной Властью, если за ними будетъ признанъ ею общегосударственный характеръ.

Не является ли это нарушеніемъ автономіи Совѣтовъ? — спросятъ насъ. Можно ли поручать самой Центральной Власти опредѣлять свою компетенцію?

Въ нѣкоторой мѣрѣ это необходимо. Мы отвергли постановленіе Конституціи 10-го іюля, которымъ представляется Центру полная широта выбора, но мы не могли дать ему какихъ либо строго опредѣленныхъ рамокъ, сухого перечня дѣлъ. Такой перечень былъ бы безжизненнымъ, онъ былъ бы вѣчнымъ балластомъ, который все время душилъ бы иниціативу и широту размаха Центральной Власти. Центральная Власть должна лишь имѣть возможность всегда отвѣтить на вопросъ: почему она нашла дѣло себѣ подвѣдомственнымъ? По Конституціи 10-го іюля она могла ограничиться лишь заявленіемъ: — такова была моя воля — и вопросъ былъ бы исчерпанъ. По нашей же Конституціи она всегда должна имѣть возможность доказать, что акты ея имѣли значеніе общегосударственное. И мы не знаемъ лучшей гарантіи того, чтобы Центральная Власть не выходила изъ рамокъ своихъ полномочій, — какъ поставить ее подъ контроль самихъ Совѣтовъ. Если какой либо мѣстный Совѣтъ сочтетъ, что Центръ нарушилъ его права, онъ долженъ протестовать противъ этого, извѣстивъ мотивированно всѣ Совѣты о поведеніи Центральной Власти и требуя отмѣны постановленія, нарушившаго его автономію.

Но, — возразятъ намъ опять, — развѣ и здѣсь нѣтъ различнаго отношенія къ власти на мѣстахъ и къ Центру? Когда мѣстные Совѣты нарушаютъ предѣлы своей власти — актъ ихъ почитается ничтожнымъ, не имѣвшимъ мѣста, а когда это сдѣлаетъ Центръ, дѣйствія его подлежатъ лишь отмѣнѣ, т. е. до отмѣны, будетъ существовать и производить всѣ слѣдствія законныхъ актовъ. — Разумѣется, здѣсь нѣтъ никакого намека даже на противорѣчіе или на возвращеніе къ подраздѣленію власти на высшую и низшую. Дѣло въ томъ, что тамъ, гдѣ нарушали свою компетенцію

мѣстные Совѣты, — они шли противъ точнаго и опредѣленнаго текста, который всѣмъ извѣстенъ и для всѣхъ ясенъ. Имъ предоставлена вѣдь вся власть, за исключеніемъ опредѣленныхъ областей ея, точно перечисленныхъ въ особомъ текстѣ нашей Конституціи (въ ст. 22-ой). Всякій гражданинъ, всякое заинтересованное лицо можетъ безъ труда выяснить, дѣйствовалъ ли мѣстный Совѣтъ въ предѣлахъ своей компетенціи или зашелъ въ запретную область. Здѣсь же точнаго и опредѣленнаго текста нѣтъ, и какъ мы старались показать, не можетъ, и не должно быть. Здѣсь вопросъ переходитъ въ область спора между Совѣтами о предѣлахъ власти. Рѣшеніе спора зависитъ отъ установленія факта. Рѣшеніе его невозможно безъ предварительнаго разсмотрѣнія. Третьи лица не могутъ сами являться рѣшающими инстанціями въ такомъ вопросѣ. Они не могутъ знать, который изъ Совѣтовъ правъ въ своихъ утвержденіяхъ. Это должны рѣшить сами Совѣты, и до тѣхъ поръ пока не будетъ постановленіе отмѣнено, оно должно имѣть обязательную силу для всѣхъ — иначе будетъ внесена полная разруха въ государственную жизнь Республики. Какъ же рѣшить споръ Совѣтовъ? Если этотъ споръ произошелъ между Ц. И. К.-омъ и мѣстнымъ Совѣтомъ, то онъ рѣшается, въ общемъ порядкѣ, ближайшимъ Федер. Съѣздомъ Совѣтовъ, (см. ст. двѣнадцатую нашего проекта и объяснительную записку глава вторая § 3-й.) Предварительное извѣщеніе Совѣтовъ необходимо для того чтобы они могли подготовиться къ рѣшенію, т. к. споръ имѣетъ не мѣстное, а общее значеніе — рѣчь идетъ объ отмѣнѣ постановленія, ранѣе обязательнаго для всей Республики. Сложнѣе дѣло, если споръ возникнетъ между Всер. Съѣздомъ и мѣстнымъ Совѣтомъ. Но и здѣсь мы не должны искать новыхъ путей, а придерживаться уже ранѣе намѣченнаго способа разрѣшенія конфликтовъ. Слѣдующій Съѣздъ будетъ судьей. Это обычный судебный порядокъ: та же инстанція, но въ другомъ составѣ.

Однако, нарушеніе можетъ быть вызвано недоразумѣніемъ, неосвѣдомленностью Съѣзда или обстоятельствами, открывшимися уже послѣ Съѣзда; — можетъ быть, что тотчасъ послѣ извѣщенія заинтересованнаго Совѣта нарушеніе его автономіи станетъ совершенно безспорнымъ. На этотъ случай мы предоставили Ц. И. Комитету право пріостановить дѣйствіе оспариваемаго постановленія до тѣхъ поръ, пока полномочный третейскій судья между Совѣтами не рѣшитъ вопроса окончательно. Но возни-

каетъ опять вопросъ; почему предоставлять это право именно Ц. И. К-у? Почему бы не предоставить его, напримѣръ, тому Совѣту, который считаетъ свою автономію нарушенной? Для этого есть много причинъ. Ц. И Комитетъ непосредственно въ спорѣ не участвуетъ, мѣстный же Совѣтъ, пріостанавливая дѣйствіе оспариваемаго постановленія, былъ бы судьей въ своемъ же дѣлѣ. Есть и другая причина. Власть мѣстнаго Совѣта распространяется лишь на ограниченную территорію. Постановленіе же было издано въ общефедеральномъ масштабѣ, оно могло быть важно для другихъ мѣстностей, могло касаться интересовъ лицъ, находящихся за предѣлами территоріи заинтересованнаго Совѣта. На нихъ не могло бы распространить свое дѣйствіе его рѣшеніе. Ц. же И. Комитетъ по широтѣ территоріальнаго захвата своей власти равенъ Съѣзду, и его рѣшеніе о пріостановленіи будетъ имѣть обязательную силу для всѣхъ лицъ и учрежденій Республики.

2. Намъ не разъ приходилось уже отмѣчать и фактически доказывать, что въ основѣ большевистскаго пониманія государства лежитъ все та же старая идея о суверенитетѣ. Измѣнился только хозяинъ, но въ вопросѣ о существѣ власти не измѣнилось больше ничего. Большевики ушли назадъ даже отъ передовыхъ линій буржуазныхъ теоретиковъ публичнаго права, давно уже осудившихъ догму Руссо и 1789 года. Не удивительно поэтому, что и методы управленія у большевиковъ такъ разительно походятъ на методы старой власти. Государственный суверенитетъ и его повелительная воля не могутъ дробиться. Государство суверенное не можетъ терпѣть внутри себя силы равной. Оно должно быть всемогущимъ. Оно представляетъ волю тѣхъ, кому принадлежитъ право дѣлать все. Естественно отвращеніе такой власти ко всякимъ попыткамъ раздробленія. Если большевизмъ принужденъ, скрѣпя сердце, терпѣть (больше на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ) показной націоналистическій федерализмъ, изъ соображеній исключительно политическихъ, онъ, съ тѣмъ большей силой, стремится обуздать то теченіе, которое, конечно, здоровѣе и жизненнѣе, чѣмъ чисто націоналистическое стремленіе къ обособленности, — обуздать движеніе въ сторону децентрализаціи управленія, перенесенія центра тяжести на мѣста, и, въ особенности, территоріально, на хозяйственныя объединенія, — столь популярное въ Россіи почвенное „областничество“. Если смотрѣть на существо власти, какъ на право командованія, если не признавать,

что власть можетъ быть дана лишь въ мѣру исполненія обязанностей и для ихъ исполненія — необходимо придти къ заключенію, что всякая „конкуренція“ должна быть исключена, все должно идти отъ единаго центра, онъ же есть представитель „всѣхъ трудящихся“, выразитель абсолютной ихъ воли.

Мы указывали уже мелькомъ на политику большевиковъ по отношенію къ профессіональнымъ союзамъ, къ стремленію превратить ихъ въ органы центральной государственной власти. Такая политика весьма понятна. Вѣдь профессіональный союзъ, больше всякаго другого объединенія, наноситъ безпощадные удары всепоглощающему единству суверенной власти. На ряду съ непререкаемой волей суверена, онъ подымаетъ свой властный голосъ, издаетъ настоящіе приказы и законы для своихъ членовъ; законы, которые могутъ расходиться или, во всякомъ случаѣ, не считаться съ видами центральной государственной власти. Почти столь же опаснымъ соперникомъ для центральной суверенности является автономія мѣстныхъ органовъ управленія. Проповѣдывавшіе въ свое время особенно рьяно необходимость взятія всей власти Совѣтами на мѣстѣ, — большевики, какъ только сами стали у власти, постарались эту власть „мѣстъ“, по возможности, сократить. Конституція 10-го іюля — завершаетъ дѣло укрощенія непокорныхъ и строптивыхъ, не въ мѣру поднявшихъ голову Совѣтовъ на мѣстахъ. Ихъ всевластію большевики рѣшили положить конецъ. Совѣты на мѣстахъ превращаются постепенно, подъ властью большевиковъ, въ спаянные желѣзной организаціонной цѣпью финансовой и экономической зависимости исполнительные органы Центральной Власти.

Не удивительно, что списокъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію Центра, непомѣрно великъ какъ въ Конституціи, такъ и въ проектѣ Н. К. Юстиціи.

3. Изъ статьи 49-й Конституціи 10-го іюля мы прежде всего удалили пункъ „б“, какъ совершенно излишній. Онъ говоритъ о томъ, что Центральной Власти „принадлежитъ общее руководство всей внѣшней и внутренней политикой.“ Или эти слова просто повторяютъ то, что было сказано многократно, что Центральная Власть вѣдаетъ всѣми дѣлами общегосударственнаго значенія, а также то, что сказано будетъ ниже объ ея правахъ и обязанностяхъ въ вопросахъ сношенія съ иностранными государствами — тогда пунктъ излишенъ. Либо онъ говоритъ настолько много и настолько „ново“, что его необходимо исключить.

Безспорно, что всѣ сношенія съ иностранными государствами, имѣющія общеполитическій характеръ принадлежатъ Центру, но какимъ образомъ рядомъ стоитъ и „внутренняя" политика? Что должны означать эти слова? Если Центръ будетъ осуществлять свое руководство внутри съ той же широтой, какъ и во внѣ, что останется отъ автономіи Совѣтовъ? Пунктъ въ высшей степени туманный и могущій дать поводъ къ самымъ широкимъ и нежелательнымъ толкованіямъ. По причинамъ близкимъ, изложеннымъ сейчасъ и уже подчеркнутымъ нами выше, мы исключили и пункты „г" и „е", предоставляющіе Центру право устанавливать границы и компетенцію мѣстныхъ Совѣтовъ и ихъ объединеній. Мы считаемъ, что это право не можетъ быть отнято у Совѣтовъ (см. ст. 14-ю нашего проекта, объяснительную зап. гл. II §§ 4-й и 5-й); по той же причинѣ мы исключили и пунктъ „к", лишающій мѣстные Совѣты возможности самостоятельнаго установленія хозяйственнаго плана (см. объяснит. зап. гл. II § 1). Мы сочли необходимымъ исключить и пунктъ „р" объ изданіи „общихъ постановленій о пріобрѣтеніи и утратѣ правъ россійскихъ гражданъ". Для насъ несомнѣнно, что и Центральная Власть можетъ издавать подобныя постановленія, но въ той же мѣрѣ для насъ безспорно, что какъ отдѣльные Совѣты, такъ и областные Союзы могутъ самостоятельно принимать въ свою среду иностранцевъ, предоставляя имъ права гражданства, и могутъ по этому поводу издавать постановленія, къ которымъ мы предъявляемъ лишь обычное требованіе: не нарушать Конституціи. „Гражданство" пункта „р" очень похоже на Всероссійское подданство.

Почти то же можно сказать о „правѣ амнистіи общей и частной". Прежде всего, терминологія негодная. Нельзя говорить о „правѣ амнистіи". Амнистія есть сложный актъ, вызванный опредѣленными общественно - политическими условіями. Осуществленіе этого акта возлагается на опредѣленныя лица или учрежденія. Терминъ „право" очень односторонне и неправильно характеризуетъ постановленіе объ амнистіи. Амнистія, конечно, имѣетъ характеръ закона: она общеобязательна и издана въ общемъ порядкѣ для извѣстной категоріи поступковъ. Но почему изданіе закона должно быть предоставлено лишь Центру? Мы понимаемъ, когда объ этомъ говорятъ представители „демократическихъ" теченій „суверенного" толка. Для нихъ общеобязательную силу могутъ имѣть лишь акты, изданные учрежденіемъ представляющимъ суверенную волю всего народа — царемъ, парламентомъ и т. д. Но мы разъ на всегда

отвергли эту догму. Общеобязательныя правила („законы") могутъ быть изданы всякимъ установленіемъ, вѣдающимъ дѣла общественно-необходимаго характера. Совѣты на мѣстахъ въ предѣлахъ своей компетенціи могутъ издавать „законы" столь же обязательные, какъ и Центральная Власть. Поэтому вопросъ объ амнистіи долженъ рѣшаться въ порядкѣ общемъ. Имѣетъ амнистія общегосударственное значеніе, желаетъ ее законодатель распространить на всю территорію С. Ф. С. Республики — постановленіе будетъ издано Центральной Властью; если она имѣетъ лишь мѣстное значеніе (напримѣръ, амнистированіе всѣхъ нарушившихъ постановленіе даннаго Совѣта объ обязательной личной повинности по очисткѣ улицъ и т. п.) — ее съ полнымъ правомъ можетъ провозгласить мѣстный Совѣтъ. — Революція наша знаетъ этому примѣры. Петроградскій Совѣтъ не разъ издавалъ постановленія объ амнистіи и какъ ни хмурился большевистскій Центръ, постановленія эти не могутъ быть признаны неправильными.

Въ проектѣ Н. К. Ю. списокъ пополненъ еще цѣлымъ рядомъ дѣлъ, которыя изымаются изъ вѣдѣнія мѣстныхъ Совѣтовъ. Параграфъ 2-й 18-ой статьи этого проекта предоставляетъ Центральной Власти не только рѣшать вопросы о предоставленіи правъ гражданства, но еще 1) о „правѣ осѣдлости и жительства", 2) о „колонизаціи и переселеніи". Первое изъ добавленій вызываетъ только недоумѣніе. Какимъ образомъ власть (безразлично какая, центральная или мѣстная) можетъ рѣшать вопросъ объ осѣдлости? Какъ можетъ представиться такой случай? Врядъ ли даже самые строгіе сторонники полнаго государственнаго суверенитета, тѣ, которые полагаютъ, что государственная власть можетъ сдѣлать все за исключеніемъ превращенія женщинъ въ мужчинъ и мужчинъ въ женщинъ — могутъ себѣ представить, чтобы было законно предоставлено ей право, напримѣръ, заставить всѣхъ жителей города перемѣнить свой образъ жизни и пуститься въ кочевье, а кочевниковъ изъ восточныхъ степей — осѣсть на ихъ мѣсто! Или же авторы проекта имѣли въ виду нѣчто въ родѣ еврейской черты „осѣдлости и права жительства"! (Для буржуазіи, напримѣръ?) Естественно, что мы весь этотъ анекдотическій элементъ изъ Конституціи постарались удалить.

Что касается вопроса о переселеніи и колонизаціи особенно важнаго въ Россіи, то предоставленіе его исключительно Центру кажется намъ совершенно недопустимымъ;

практически — крайне вреднымъ, теоретически — невѣрнымъ. Какъ „вселеніе“, такъ и „выселеніе“ можетъ происходить только въ согласіи съ мѣстными Совѣтами.

Духомъ крайняго централизма вѣетъ отъ параграфа 3-го ст. 18-й проекта Н. К. Ю., поручающаго исключительнымъ заботамъ Центра: „общія постановленія о правахъ и обязанностяхъ гражданъ Республики, о печати, объ отношеніи государства къ религіознымъ и церковнымъ обществамъ, о союзахъ и соединеніяхъ, о правахъ національностей и народовъ...“ Мы отвергаемъ этотъ параграфъ по тѣмъ же соображеніямъ, что отвергли пунктъ „б“ ст. 49-й Конституціи. Онъ говоритъ такъ много, что его нужно заставить молчать. Отъ автономіи Совѣтовъ ничего не остается. Всѣ эти вопросы должны рѣшаться на общемъ основаніи, смотря по объему своему.

Такимъ же централистскимъ духомъ проникнутъ и параграфъ 10-й, предоставляющій Центру исключительное право издавать „общія положенія о землепользованіи и землевладѣніи (откуда вдругъ земле-владѣніе, послѣ закона о соціализаціи земли?), земельномъ устройствѣ, о земельныхъ нѣдрахъ и ихъ использованіи, о лѣсахъ и другихъ угодіяхъ“. Мы уже говорили, что представляемъ себѣ возможность и необходимость использованія этихъ богатствъ децентрализованными путями (объяснит. зап. гл. 4-я параграфъ 2-й).

Мы исключили, наконецъ, параграфъ 14-й, предоставляющій Центральной Власти исключительное право издавать „общія постановленія культурнаго и просвѣтительнаго характера, а также завѣдованіе учебными просвѣтительными и учеными учрежденіями и заведеніями, содержимыми за счетъ общихъ средствъ С. Ф. С. Р.“. Если эти „общія постановленія“ имѣютъ, дѣйствительно, общегосударственное значеніе, Центральная Власть ихъ сможетъ издать въ обычномъ порядкѣ. Если же предоставить ей исключительное право, что станетъ, напримѣръ, съ автономной національной школой въ областныхъ союзахъ, составленныхъ по національному признаку? Установленіе зависимости между подвѣдомственностью и финансированіемъ кажется намъ также не безупречнымъ. Часто школы, содержимыя за счетъ общефедеральной Казны, могутъ и, съ большой пользой, должны быть предоставлены въ вѣдѣніе мѣстныхъ Совѣтскихъ отдѣловъ просвѣщенія. Въ особенности это можетъ касаться дѣтскихъ садовъ и т. п. учрежденій.

4. Въ статьѣ двадцать второй нашего проекта первые три параграфа предоставляютъ исключительно Центру заботу о сохранности Федераціи, какъ цѣлаго. Намъ кажется, что не можетъ быть сомнѣній и въ томъ, что всѣ перечисленные здѣсь вопросы (объявленіе войны, заключеніе мира, установленіе границъ Республики, отчужденіе ея частей, принятіе новыхъ членовъ Федераціи) могутъ быть успѣшно рѣшены лишь Центральной Властью. Всѣ эти вопросы къ тому же настолько важны — отъ нихъ зависитъ судьба Республики — что мы считали возможнымъ предоставить рѣшеніе ихъ лишь Съѣзду. Такъ же несомнѣнно, что общеполитическія сношенія съ иностранными Державами, которыя касаются всѣхъ частей Республики, такъ какъ могутъ привести къ общему для всѣхъ горю — войнѣ, — должны вестись Центромъ. Тоже само собой разумѣется и по отношенію къ торговымъ и таможеннымъ договорамъ. Различіе въ этомъ отношеніи, какъ и въ чисто политическомъ, ведетъ лишь къ ослабленію Республики, какъ цѣлаго. Не можетъ быть болѣе гибельной внѣшней политики, какъ предоставленіе въ ней полной самостоятельности отдѣльнымъ членамъ федераціи. Примѣръ германскихъ государствъ, очень долгое время не имѣвшихъ одной международной экономической и политической оріентаціи, достаточно нагляденъ и предостерегающъ. Займы и финансовыя соглашенія общегосударственнаго характера по той же причинѣ должны заключаться Центромъ: это обезпечитъ болѣе выгодныя ихъ условія, но, разумѣется, мѣстные Совѣты не лишаются возможности заключать заграничные займы для своихъ мѣстныхъ нуждъ.

Изъ мѣропріятій внутренней политики Центральной Власти, разумѣется, должно быть прежде всего предоставлено право ввести единую систему денегъ, мѣръ и вѣсовъ, различіе которыхъ крайне затрудняло бы сношеніе между отдѣльными частями Республики.

Общегосударственныя нужды, довѣренныя Центральной Власти, требуютъ расходовъ, общегосударственныя предпріятія даютъ доходы — общая сводка ихъ не должна и не можетъ быть разбита по частямъ, только централизованный бюджетъ можетъ дать дѣйствительную картину финансовой жизни Республики. Естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ исключительнаго права Центральной Власти объявлять войну является представленіе въ исключительное ея распоряженіе всей военной силы Республики. Оставленіе права организовывать самостоятельныя боевыя единицы за мѣстными Совѣтами могло бы привести къ

самымъ плачевнымъ результатамъ при разрѣшеніи споровъ между ними. Мы не предопредѣляемъ формъ и организаціи вооруженной силы. Мы намѣренно не говоримъ о Красной Арміи. Такая, какъ сейчасъ, она для насъ непріемлема. Мы всегда полагали и полагаемъ и сейчасъ, что постоянная, казарменная, насильно набранная армія не можетъ существовать не только въ соціалистической Республикѣ, но и просто въ демократическомъ государствѣ. Мы всегда раздѣляли и раздѣляемъ и сейчасъ мнѣніе Герцена о томъ, что „постоянныя войска — это зло, при существованіи котораго можно отложить всякую мысль о прогрессѣ и разумномъ государствѣ", что „они убійственны для права, разорительны для финансовъ и не нужны для защиты". Мы также, вмѣстѣ съ Герценомъ, думаемъ, что „corps francs" (вольныя дружины) и внутренняя стража — „il popolo armato" (вооруженный народъ)... должны замѣнить армію", что „безъ этого нѣтъ шагу впередъ". (Письмо къ Грановскому, 6-го сентября 1848 г.) Мы твердо увѣрены, что это станетъ скоро яснымъ всѣмъ соціалистамъ, что скоро вольныя дружины придутъ на смѣну насильственнымъ полкамъ...

Въ пунктѣ VIII нашей статьи мы относимъ къ исключительному вѣдѣнію Центра „общее положеніе о судебномъ устройствѣ и судопроизводствѣ" и „соціальное и уголовное законодательство". Не есть ли въ этомъ нарушеніе автономіи Совѣтовъ? Конечно, нѣтъ. Общіе кодексы должны были бы быть у всего человѣчества, какъ и общія деньги. Мѣра того, что можно, и того, что запрещено, должна быть, по возможности, одинакова повсюду — иначе крайне затрудняются сношенія между людьми. А въ этихъ сношеніяхъ залогъ новой жизни.

Пунктъ IX передаетъ въ вѣдѣніе Центра всѣ средства сношенія, поскольку они имѣютъ общегосударственное значеніе. Можетъ показаться, что этотъ пунктъ излишенъ, вѣдь коли что-нибудь имѣетъ общегосударственное значеніе, то оно уже тѣмъ самымъ, въ общемъ порядкѣ, по статьѣ двѣнадцатой, подлежитъ вѣдѣнію Центра. Это возраженіе не вполнѣ правильно въ данномъ случаѣ. Мы прежде всего хотѣли констатировать, что, вообще, средства сношенія должны въ принципѣ считаться дѣломъ общегосударственной важности; это нужно было подчеркнуть, такъ какъ оно не всегда и не всѣми признается. Однако, вѣдь есть, напримѣръ, городскія желѣзныя дороги, которыя явно такого значенія не имѣютъ; мы упоминаемъ объ общегосударственномъ значеніи именно только для

того, чтобы исключить всѣ средства сношенія значенія мѣстнаго.

Было бы крайне вредно, если бы мы предоставили всѣмъ приморскимъ Совѣтамъ или хотя бы ихъ областнымъ Союзамъ право имѣть свой собственный флагъ, свои особыя правила о лоцманахъ, огняхъ и т. п. Это вызвало бы сильную путаницу и крайне затруднило бы сношеніе съ иностранными государствами, поэтому во второй части § 11 мы оставляемъ всѣ эти вопросы въ исключительномъ вѣдѣніи Центральной Власти.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Объ актахъ Совѣтской Власти и объ отвѣтственности Совѣтовъ и служебнаго персонала.

1. Въ ст. 24-й, заимствованной изъ ст. 73-й проекта Н. К. Ю. узаконяется порядокъ, установленный въ Совѣтской Россіи. Акты дѣйствительны лишь послѣ опубликованія — центральные въ „Собраніи Узаконеній", мѣстные въ соотвѣтствующемъ Совѣтскомъ органѣ — (обычно, въ „Извѣстіяхъ" мѣстнаго Совѣта).

2. Какъ общее правило, законъ обратной силы не имѣетъ. Но было бы страннымъ судить преступника по правиламъ признаннымъ устарѣвшими и неудовлетворяющими задачамъ правосудія, хотя бы онъ и совершилъ преступленіе до изданія новаго положенія о судебномъ строѣ. Такъ же недопустимо оставлять въ силѣ старое наказаніе, признанное новымъ закономъ слишкомъ суровымъ и преходящимъ мѣру, необходимую для защиты общественной безопасности. (Сравн. ст. 75-ю проекта Н. К. Юстиціи).

3. Мы говорили уже, что признаніе „права на трудъ" наноситъ жестокій ударъ идеѣ суверенитета. Съ утвержденіемъ теоріи отвѣтственности законодателя, ея дни сочтены. Намъ приходилось неоднократно (см. „объясн. зап." гл. I § 4 и 5) упоминать объ отвѣтственности разныхъ лицъ и учрежденій по поводу нарушенія Конституціи. Но тамъ до отвѣтственности законодателя или автора того или иного распорядительнаго акта не могло дойти. Въ самомъ дѣлѣ, если бы, напримѣръ, какой-нибудь Совѣтъ издалъ постановленіе о наложеніи на крестьянъ выкупа за землю въ видѣ арендной платы и послалъ своего представителя для сбора этой аренды, — отвѣчалъ бы за нарушеніе Конституціи этотъ представитель. — Онъ не могъ не знать, что постановленіе Совѣта ничтожно и не

имѣетъ никакой силы. Иски о взысканіи убытковъ должны были бы предъявляться къ нему лично — онъ дѣйствовалъ, какъ узурпаторъ, безъ всякой даже хотя лишь видимой, внѣшней легальности. Но, скажутъ, какъ же его привлекать къ отвѣтственности, если онъ дѣйствовалъ безкорыстно? Аренду всю внесъ въ кассу Совѣта и т. д. Не долженъ ли Совѣтъ отвѣчать за него? Разумѣется, нѣтъ. Если будетъ доказано на судѣ, что такой-то дѣйствовалъ по неразумію, по невѣжеству, по слѣпотѣ, — судья освободитъ его отъ уголовной кары, но никакъ не отъ гражданской отвѣтственности. Все, что онъ взялъ безъ всякаго основанія, должно быть имъ же возвращено. Безразлично, куда бы внесъ деньги: въ банкъ или въ кассу Совѣта. Здѣсь можетъ возникнуть другое дѣло: искъ самого сборщика къ Совѣтской кассѣ, его требованіе возвратить всѣ ошибочно внесенныя суммы. И, конечно, если бы Совѣтъ отказалъ добровольно выдать деньги, судъ въ удовлетвореніи такого иска отказать не могъ бы. Но здѣсь объ отвѣтственности Совѣта не можетъ быть и рѣчи; онъ возмѣщаетъ не убытокъ, имъ причиненный, а лишь возвращаетъ ему не принадлежащую сумму, къ нему попавшую случайно, по ошибкѣ, невѣдѣнію или невѣжеству сборщика податей. Здѣсь искъ носитъ, приблизительно, такой же характеръ, какъ искъ къ казнѣ гражданина, по ошибкѣ внесшаго дважды или двойную сумму причитающагося съ него налога. Общественная казна такъ же, какъ и частное лицо, не можетъ обогащаться за счетъ другого.

Сейчасъ же мы подходимъ къ вопросу совершенно иного порядка. Наша двадцать шестая статья говоритъ о томъ, что Совѣты, Съѣзды Совѣтовъ и ихъ исполнительные органы отвѣтственны за ущербъ законнымъ правамъ и интересамъ гражданъ, нанесенный изданными ими актами. Здѣсь Совѣты должны не отдавать неправильно взятое, а возмѣщать изъ своихъ средствъ убытки; здѣсь дается всѣмъ гражданамъ нѣкоторое обязательство, по которому Совѣты должны платить, если наступятъ извѣстныя условія, и рѣчь идетъ не о неправильно изданныхъ актахъ, а объ актахъ совершенно законныхъ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Какъ объяснить такую отвѣтственность? Можетъ ли она, въ дѣйствительности, имѣть мѣсто? Мы уже мелькомъ указали на одинъ изъ случаевъ такой отвѣтственности, какъ разъ наиболѣе рельефный и яркій. Пунктъ „а“ 46-й ст. „Кодекса Законовъ о трудѣ“ („раздѣлъ пятый, о переводѣ и увольн-

неніи трудящихся") говоритъ о томъ, что трудящійся можетъ быть уволенъ изъ предпріятія, учрежденія или хозяйства „вслѣдствіе полной или частичной ликвидаціи даннаго учрежденія, предпріятія или хозяйства, либо при упраздненіи отдѣльныхъ обязанностей или работъ". Параграфъ II Введенія къ тому же закону говоритъ о томъ, что всѣ правила его относятся не только къ общественнымъ, частнымъ и домашнимъ хозяйствамъ, предпріятіямъ и учрежденіямъ, но и къ Совѣтскимъ. Такимъ образомъ, и вполнѣ справедливо, Совѣтскія установленія имѣютъ право свободно ликвидировать учрежденія или предпріятія, которыя имъ кажутся вредными или безполезными для правильнаго теченія общественной жизни. Вотъ теперь представимъ себѣ, что предъ нами суверенъ. Онъ распорядился съ полнымъ правомъ о закрытіи учрежденія; съ него никто не можетъ спрашивать отвѣта, онъ можетъ не возмѣщать никакихъ убытковъ, можетъ самъ, по своей волѣ назначить вознагражденіе пострадавшимъ, ежели того пожелаетъ, можетъ и ничего не назначить. Его суверенная воля! Другое дѣло, если передъ нами не суверенъ, а лица, обязанныя блюсти общіе интересы гражданъ, обязанныя наблюдать за правильнымъ или безостановочнымъ ходомъ общественной жизни. Эти лица не могутъ просто отмахнуться: закрыто предпріятіе, такова моя воля. Они должны выполнить взятыя на себя обязательства передъ всѣми тѣми, кто отъ подобнаго ихъ распоряженія пострадалъ и, дѣйствительно, Совѣтскій Кодексъ законовъ о трудѣ это обязательство признаетъ вполнѣ. Работающій долженъ быть предупрежденъ о ликвидаціи за двѣ недѣли, т. е. ему дается возможность заранѣе приготовиться къ перемѣнѣ—работодатель не можетъ просто и рѣзко его вывести изъ привычной колеи, онъ считается съ его удобствами, нуждами. Это только введеніе, такъ сказать, моральнаго характера. Далѣе идутъ—отвѣтственность гражданская и, такъ сказать, „соціальная". Совѣтская власть возмѣщаетъ убытки:—уволенный со дня предупрежденія почитается безработнымъ и со дня лишенія работы начинаетъ получать изъ кассы безработныхъ свое былое вознагражденіе полностью. (См. ст. ст. 1-ю и 6-ю правилъ о безработныхъ и о выдачѣ имъ пособій. —„Приложеніе къ ст. 79-й Кодекса законовъ о трудѣ".) Кромѣ того Совѣты должны блюсти еще и соціальные интересы, они обязаны не только гражданской отвѣтственностью передъ пострадавшимъ трудящимся, но и соціальной отвѣтственностью передъ всѣми

остальными трудящимися, которые тоже страдаютъ, ибо 1) изъ общей казны выплачивается непроизводительно сумма, 2) теряется нѣкоторая производительная сила, которая уменьшаетъ общую сумму богатства. Поэтому Совѣты обязаны еще позаботиться о предоставленіи уволенному трудящемуся мѣста по его спеціальности. Онъ занимаетъ очередь въ спискахъ „Отдѣла Распредѣленія Рабочей Силы" (ст. 48-я Кодекса), а это значитъ, что онъ имѣетъ право на предоставленіе ему постоянной работы по его спеціальности. (ст. 4-я „Правилъ о безработныхъ"). Такимъ образомъ мы видимъ, что Совѣты отвѣтственны за самыя законныя свои дѣянія, что эту отвѣтственность можно объяснить лишь взглядомъ на власть не какъ на суверенного командира, а какъ на организатора общественной жизни и общественно-необходимыхъ установленій.

И, дѣйствительно, тамъ, гдѣ присутствуетъ догма суверенитета, нѣтъ и вопроса объ отвѣтственности законодателя. Доктрина протестуетъ, она разражается филиппиками, увѣщаніями въ трактатахъ и примѣчаніяхъ къ судебнымъ и административнымъ рѣшеніямъ, а все же возъ и нынѣ тамъ. Можно быть пессимистомъ или оптимистомъ, можно надѣяться, какъ проф. Duguit (Дюги), что скоро всѣ страны неизбѣжно станутъ на путь признанія отвѣтственности власти, можно, напротивъ, какъ профессоръ Jèze (Жезъ) полагать, что буржуазныя страны очень далеки отъ этого—однако, нельзя не признать факта, констатированнаго Жезомъ, что до сихъ поръ даже во Франціи, наиболѣе передовой странѣ въ смыслѣ судебно-административнаго контроля надъ актами распорядительной власти, не было ни одного судебнаго или судебно-административнаго рѣшенія, которое бы либо провѣряло правильность законодательнаго акта, его соотвѣтствіе праву или Конституціи, либо устанавливало отвѣтственность государства за его акты. (Gaston Jèze. Principes généraux du Droit Administratif. 2-e éd, Paris, 1914 p. 214 note 2). Тамъ еще вполнѣ раздѣляется мнѣніе юристовъ практиковъ изъ Государственнаго Совѣта вродѣ Теисье, который еще въ совсѣмъ недавніе годы писалъ, точно сто лѣтъ назадъ: „законы это по преимуществу акты суверенитета, и всякій убытокъ, учиняемый ими гражданамъ, не можетъ привести къ какой-либо отвѣтственности государства ни передъ административнымъ судилищемъ, ни передъ судебной властью". „Такъ какъ власть Парламента, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не имѣетъ границъ, законы, принятые имъ, не могутъ быть подвергнуты какому

либо оспариванію, даже въ случаѣ, если они нарушаютъ Конституцію, если только они правильно обнародованы". (Teissier „Responsabilité de la puissance publique" 17 et 18 p. 15).

Такой взглядъ понятенъ, если мы будемъ помнить, что въ основѣ его лежитъ положеніе Руссо о томъ, что законъ есть адекватное выраженіе общей воли, и что по этому слѣдственно всякій законъ правъ, ибо „никто не можетъ быть несправедливымъ по отношенію къ себѣ самому!" („Общественный договоръ" книга II глава 4-я). Этотъ „руссоизмъ" лежащій въ основѣ всей современной „демократической" буржуазной государственности еще вполнѣ владѣетъ умами, и потому приходится констатировать, что отвѣтственность законодателя за законно и правильно изданные имъ акты—существуетъ (еще не въ теоріи, а лишь на практикѣ) въ одной Россіи. У насъ неизбѣжно и въ теоріи должно побѣдить теченіе, которое показываетъ, что отвѣтственность законодателя есть необходимая составная часть самого отправленія законодательныхъ функцій, что это, такъ сказать, „законодательный рискъ". Власти, которой поручается самое отвѣтственное изъ общественно-необходимыхъ установленій (service public), законодательный органъ—приходится учитывать, что дѣйствіе этого установленія—самое правильное и безупречное — ведетъ неизбѣжно къ нѣкоторому „риску", связанному съ самимъ существомъ законодательной работы. Такъ фабрикантъ или торговецъ, организуя свое предпріятіе, долженъ учитывать „профессіональный" рискъ—возможность затопленія шахтъ, гибели товара, обвала зданія, порчи машинъ и т. п. „Законодательный рискъ" долженъ неизбѣжно сопутствовать функціонированію главнѣйшаго изъ общественно-необходимыхъ установленій—законодательства.

Эта реалистическая теорія необходимо должна побѣдить въ странѣ, гдѣ жизнь сама уже перещеголяла теоріи и указываетъ ей путь. Жизненная необходимость настоятельно, однако, требуетъ и во всѣхъ другихъ странахъ признанія отвѣтственности государства. На каждомъ шагу, лицомъ къ лицу встрѣчается практика съ необходимостью рѣшать коллизію между нарушеннымъ интересомъ гражданина и „волей законодателя". Однако, подъ властью старыхъ традицій „отвѣтственность" мыслится лишь тамъ, гдѣ есть „вина". Теорія отвѣтственности лишь за „вину" государства побѣждаетъ понемногу — это первый шагъ къ признанію отвѣтственности, какъ гарантіи. Въ той области, которую мы характеризовали, какъ „законодатель-

ный рискъ", правда, крайне односторонне и нелѣпо, начинаетъ въ буржуазныхъ странахъ приходить на смѣну строгому единству догмы суверенитета — новая теорія о необходимости соотвѣтствія закона Конституціи, т. е. о „винѣ" единаго законодателя, нарушающаго высшую и для него обязательную норму. Въ признаніи Конституціи „высшимъ закономъ" есть несомѣнное отрицаніе существа суверенитета парламента. Если онъ, вообще, выражаетъ волю полноправнаго суверена—народа, то на пути его не можетъ быть никакихъ преградъ. Властелинъ можетъ сегодня отмѣнить то, что рѣшилъ вчера. Какъ мы видѣли, наиболѣе послѣдовательные сторонники суверенитета такъ и полагаютъ. Однако, доктрина и практика Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ силу историческихъ условій должна была нарушить строгость догмы и признать возможность судебной провѣрки Конституціонныхъ законодательныхъ актовъ. На торжество этой доктрины вліяло какъ федеративное устройство Штатовъ и связанная съ нимъ необходимость примиренія и синтеза мѣстнаго законодательства съ центральнымъ, такъ и старая, еще колоніальная, необходимость согласованія мѣстнаго законодательства съ законами метрополіи, невозможность выхода за тѣсныя рамки, поставленныя метрополіей.

Каждый судъ можетъ въ Соединенныхъ Штатахъ признать законъ не конституціоннымъ и отвести его, какъ не имѣющій силы; можетъ удовлетворить просьбу о возмѣщеніи убытковъ, нанесенныхъ примѣненіемъ такого неконституціоннаго закона. Мы видѣли, что въ нашей Конституціи не можетъ быть даже поставленъ вопросъ въ эту плоскость. „Законъ", изданный въ нарушеніе Конституціи, почитается ничтожнымъ, не имѣвшимъ мѣста, такъ что самое его примѣненіе недопустимо; въ Соединенныхъ же Штатахъ пока самъ парламентъ не отмѣнитъ закона, онъ существуетъ и не можетъ и мысли возникнуть привлекать къ отвѣтственности чиновника, который станетъ выполнять его — наоборотъ, государство можетъ взыскать съ чиновника, правда, лишь въ дисциплинарномъ порядкѣ (ибо на судѣ этотъ законъ будетъ отведенъ) за неисполненіе его.

Та же теорія вины приводитъ въ большомъ количествѣ странъ практиковъ и ученыхъ къ мысли объ отвѣтственности государства за дѣйствія распорядительнаго характера, производимыя его агентами и за неправильное функціонированіе государственнаго аппарата.

Здѣсь, опять таки, ссылаются на практику граждан-

скаго права. Говорятъ, что отвѣтственность за вину падаетъ на лицо, не только за лично совершенныя имъ дѣянія, но и за дѣйствія тѣхъ, кто подчиненъ его волѣ, или находится подъ его присмотромъ и наблюденіемъ, а также за неправильное функціонированіе того предпріятія, которое его наблюденію и завѣдованію поручено. И здѣсь, отвѣтственность лица можетъ быть выявлена лишь въ случаѣ, если со стороны пострадавшаго не было неосторожности или вины или ошибки. Такъ, фабрикантъ отвѣтствененъ за пораненіе рабочаго, произведенное неисправно — дѣйствовавшей машиной, если будетъ показано, что со стороны рабочаго не вызвано это пораненіе никакой виной или неосторожностью. Купецъ отвѣтствененъ за своего приказчика, обмѣрившаго покупателя. Онъ долженъ былъ слѣдить, чтобы этого не произошло. Строитель отвѣтствененъ за изувѣченіе, принесенное камнемъ, упавшимъ за ограду, которой была огорожена постройка. Но если прохожій самъ неосторожно зашелъ въ ограду — онъ одинъ отвѣствененъ за свою неосторожность. Всѣ эти принципы съ полной точностью вздумали примѣнять къ государственной власти. Но вѣдь отвѣтственнымъ можетъ быть лишь тотъ, кто имѣетъ волю, кто дѣйствуетъ, кто можетъ почитаться активнымъ носителемъ этой воли. „Вина“ безъ воли немыслима. Для того, чтобы выйти изъ затрудненія, была построена сложная и часто до крайности тонкая и субтильная теорія. Государство рисуется, какъ цѣльный организмъ, органы его (администрація всѣхъ родовъ) исполняютъ его волю. Дѣйствія представителей государства есть дѣйствія самого государства, оно проявляетъ свою волю черезъ ихъ посредство какъ организмъ черезъ посредство рукъ, ногъ и т. д. И потому, вполнѣ естественно, что государство отвѣтственно за дѣйствія своихъ уполномоченныхъ; можетъ ли организмъ не отвѣчать за дѣйствія органовъ? Эта теорія несомнѣнно должна была признать отвѣтственность государства за всѣ и всякія дѣйствія администраціи во время и по случаю отправленія служебныхъ обязанностей, даже если они противорѣчатъ „разуму“ государства — организма, его законамъ. Въ самомъ дѣлѣ, могъ ли бы человѣческій организмъ „отказаться“ отъ дѣйствій руки, хотя и явно противорѣчащихъ велѣніямъ разума?

Эта, такъ называемая „органическая“, теорія государства была впервые изложена Гирке (Gierke) и блестяще развита Еллинекомъ, а во Франціи — съ нѣкоторыми измѣненіями — Hauriou (Opiy) и Michoud (Мишу). Не-

сомнѣнно, подъ, вліяніемъ этой теоріи нѣмецкій гражданскій кодексъ, введенный въ дѣйствіе съ 1-го января 1900 года въ нѣсколькихъ статьяхъ особо формулировалъ пункты объ отвѣтственности союзовъ частно и публично — правового характера за лицъ, дѣйствующихъ отъ ихъ имени; статья 31-я (отдѣлъ 2-й „о юридическихъ лицахъ" § 1 о союзахъ глава 1 общія положенія) говоритъ о томъ, что „союзъ отвѣтствененъ за ущербъ, который могли нанести третьимъ лицамъ директоръ или кто либо иной изъ его членовъ или согласно уставу назначенный представитель, дѣйствіемъ, совершеннымъ во время даннаго ему порученія и влекущаго за собой отвѣтственность;" ст. 89-я (отдѣлъ 2-й, § 3-го „о юридическихъ лицахъ публичнаго права"); это особо подтверждается вторымъ проектомъ кодекса, который вполнѣ справедливо распространяетъ дѣйствіе ст. 31-й на казну и другія публично — правовыя установленія (переводъ зъ французъ. „Code civil allemand" 3e éd. A. Pedone, Paris 1910).

Практика административной юстиціи, въ особенности во Франціи, много разъ присоединялась къ этой теоріи. Государство было многократно признано отвѣтственнымъ за дѣйствія своихъ органовъ. Но можно ли и здѣсь допустить идею „вины"? Дѣйствительно, отвѣтственно ли государство лишь въ случаѣ неисправности, незакономѣрности дѣйствій его подчиненныхъ? Намъ кажется, какъ разъ наоборотъ, именно въ случаяхъ незаконности дѣйствій отвѣтственны сами дѣйствующіе, власть же отвѣтственна именно тогда, когда „никакой вины" нѣтъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ (изъ практики французской административной юстиціи): — полицейскій въ погонѣ за бѣшенной собакой сбилъ съ ногъ прохожаго, который сломалъ себѣ ногу; жандармъ, стрѣляя по убѣгающему грабителю, попалъ въ прохожаго; взрывомъ на броненосцѣ ранены были проходившіе по берегу и т. д.

„Вины" здѣсь никакой не усмотришь. Жандармъ и полицейскій дѣйствовали, строго исполняя свои обязанности, что доказываетъ не вину, а заслугу власти, которая должна была наладить установленія жандармеріи и полиціи; то, что во время исполненія обязанностей пострадали третьи лица — лишь чистая случайность. Никакой вины нѣтъ и въ третьемъ случаѣ. Взрывъ произошелъ случайно отъ самовозгоранія газовъ. И здѣсь мы должны на мѣсто вины поставить иное понятіе. — Мы сказали, что здѣсь дѣло идетъ объ „административномъ рискѣ". Власть, которая налаживаетъ извѣстный общественно-необходимый аппаратъ

(un service public) должна быть отвѣтственна за ущербъ, приносимый его дѣйствіемъ не только злостнымъ или неправильнымъ, но и совершенно законнымъ и нормальнымъ. — Но если такъ, то несомнѣнно, что власть не можетъ отвѣчать за всѣ и всякія дѣйствія совершенныя ея уполномоченными. И въ этомъ отношеніи старыя законодательства большинства странъ, предвидящія возможность личной отвѣтственности за превышеніе власти или злоупотребленіе ею, гораздо жизненнѣе, нежели учёная теорія. Намъ приходилось уже не однажды разсматривать случаи личной отвѣтственности служебнаго персонала. Во всѣхъ этихъ случаяхъ была отвѣтственность за узурпацію власти. Чиновникъ опирался на несуществующій актъ — его дѣйствіе было ни на чемъ не основано, это былъ чистый произволъ. Здѣсь не то. Вотъ жандармъ, который ранитъ или бьетъ арестованнаго, вотъ полицейскій, арестующій человѣка изъ личной мести, вотъ учитель, который поноситъ религіозныя ученія или, наоборотъ, проповѣдуетъ православіе въ государственной школѣ, вотъ курьеръ, заставляющій давать ему лошадей даромъ и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ агенты власти дѣйствуютъ во время и во исполненіе служебныхъ обязанностей, — и все же отвѣтственны за эти дѣйствія должны быть лишь они лично. Это объясняется тѣмъ, что дѣйствія эти по характеру своему чужды или посторонни общественной службѣ, либо вызваны мотивами, не имѣвшими къ ней отношенія. Какъ же узнать, какое дѣйствіе имѣетъ, и какое не имѣетъ, отношенія къ службѣ? Развѣ не можетъ быть даже явная личная вина агента власти, за которую все же будетъ отвѣчать государство? Конечно, можетъ быть. Напримѣръ, въ приведенномъ выше случаѣ, если будетъ установлено, что прохожій былъ раненъ лишь оттого, что жандармъ не умѣлъ достаточно хорошо стрѣлять, все же будетъ отвѣтственно государство. Жандармъ въ мѣру силъ своихъ — которыя должны быть государству извѣстны, — дѣйствовалъ при исполненіи своихъ обязанностей.

Намъ кажется, что наиболѣе простой и практически удобный критерій для распознанія случаевъ отвѣтственности власти или персонала лично — слѣдующій: всякій разъ, когда третьи лица имѣютъ право законно воспрепятствовать совершенію того или иного акта, въ случаѣ его совершенія — отвѣтственны лично его авторы.

Во самомъ дѣлѣ, никто не могъ законно воспрепятствовать полицейскому гнаться за бѣшенной собакой; пре-

пятствующій самъ бы подвергся отвѣтственности за нарушеніе правильнаго дѣйствія государственнаго аппарата; но помѣшать учителю проповѣдовать православіе на урокахъ въ школѣ, въ которой согласно закону объ отдѣленіи церкви отъ государства, никакая религіозная пропаганда недопустима — имѣетъ право всякій гражданинъ, равно какъ онъ имѣетъ право воспрепятствовать жандарму бить арестованнаго и т. д.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О Федеральномъ Съѣздѣ Совѣтовъ.

1. Самымъ крупнымъ недостаткомъ Конституціи, вносящимъ въ нее полную дисгармонію и искажающимъ истинную сущность Совѣтскаго Строя — является введеніе въ систему Совѣтской Власти чуждаго ей по существу элемента — „Совѣта Народныхъ Комиссаровъ".

Существованіе Совѣта Нар. Комиссаровъ — это наиболѣе яркое свидѣтельство того, что большевики въ публичномъ правѣ не сумѣли отрѣшиться отъ самаго коренного „буржуазнаго" предразсудка о необходимости раздѣленія властей, не сумѣли отрѣшиться отъ внѣшнепарламентарнаго строя.

Система Совѣтовъ, по существу своему, не можетъ заключать двухъ органовъ съ отличными — законодательной и исполнительной — функціями. Совѣтъ — единая власть труда, данная для несенія опредѣленныхъ обязанностей, заключающихся въ поддержаніи правильнаго и непрерывнаго теченія государственной жизни, и для управленія и завѣдованія общественно-необходимыми установленіями. Все, что необходимо для исполненія этихъ задачъ, входитъ въ сферу компетенціи Совѣта и совершенно безразлично, съ точки зрѣнія права, въ какую форму выльется постановленіе — въ форму ли общеобязательной юридической нормы или конкретнаго распоряженія.

Но не является ли такая форма опасной для торжества справедливости и права? Не правильнѣе ли, дѣйствительно, поступила Конституція 10-го іюля, отдѣливъ хотя бы въ центрѣ власть „исполнительную" отъ „законодательной"? Намъ кажется, что какія бы то ни было опасенія при дѣйствительномъ Совѣтскомъ Строѣ по меньшей мѣрѣ неосновательны. Вѣдь въ Совѣтскомъ Строѣ усвоена также одна изъ формъ раздѣленія властей или, правильнѣе сказать, употребляя терминологію Коршунова, одна изъ

формъ „совмѣстнаго властвованія". Это третій случай „совмѣстнаго властвованія", указанный Коршуновымъ, и заключается онъ въ томъ, что „однимъ и тѣмъ же органомъ различные функціи осуществляются различнымъ порядкомъ" (Коршуновъ „Лекціи по общей теоріи права" § 48 „Совмѣстное Властвованіе" стр. 274 изд. 9-е Спб. 1919 г.).

Въ Совѣтахъ естественно должна была создаться такая форма раздѣленія власти: она наиболѣе выгодна и удобна съ точки зрѣнія экономіи силъ.

Совѣтъ въ общемъ своемъ собраніи является органомъ, по преимуществу, законодательнымъ и контрольно-наблюдательнымъ; общее собраніе не имѣетъ возможности вести дѣла и направлять работы; — исполнительныя и правительственно-организаціонныя функціи принадлежатъ отдѣламъ и президіуму Совѣта.

Это не значитъ, разумѣется, что и общее собраніе не можетъ принимать рѣшеній конкретно-индивидуальнаго типа, ни того, что отдѣлъ не можетъ издавать постановленій законодательнаго характера. Это значитъ только, что рѣшенія какъ того, такъ и другого типа, по преимуществу въ силу удобства работы, распредѣляются между общимъ собраніемъ и отдѣлами Совѣта.

Различіе между законодательнымъ и административнымъ актомъ здѣсь стирается окончательно. И тотъ и другой выступаютъ здѣсь лишь какъ формы проведенія въ жизнь общественно необходимыхъ установленій или руководства общественно необходимыми предпріятіями.

Главнымъ отличіемъ законодательнаго акта отъ административнаго въ большинствѣ „буржуазныхъ" странъ является то, что административное распоряженіе всегда можетъ быть оспорено въ судебномъ порядкѣ, тогда какъ въ отношеніи актовъ законодательныхъ судья лишенъ права разсматривать законность акта. Въ лучшемъ случаѣ, ему принадлежитъ право провѣрять его „конституціонность" (въ Соед. Штат.), т. е. соотвѣтствіе иному, болѣе широкому законодательному акту, или же лишь правильность его изданія (Франція), т. е. ему разрѣшается провѣрять лишь внѣшнее соотвѣтствіе закона установленнымъ формамъ (былъ ли проголосованъ обѣими палатами, правильно ли обнародованъ и т. д.).

Наука давно уже, въ особенности въ лицѣ представителей реалистической школы Duguit и Jeze'a, оспариваетъ правильность такого подраздѣленія.

Jeze доказываетъ, что подобное различіе произошло лишь исторически, такъ какъ актъ, изданный парламентомъ,

считавшійся отраженіемъ національной воли, не могъ быть ограниченъ, по господствовавшей во время французской революціи теоріи Монтескье, какой либо иной властью, дабы не нарушалось государственное равновѣсіе. Революція съ тѣмъ большей охотой провозгласила принципъ раздѣленія и независимости властей, что она опасалась вреднаго реакціоннаго вмѣшательства со стороны устарѣлыхъ судебныхъ учрежденій. Традиція оставила за законодательнымъ актомъ преимущественное право безконтрольнаго бытія. Однако, въ существѣ его нѣтъ ничего, что противорѣчило бы возможности юрисдикціоннаго контроля.

Въ нашемъ проектѣ особенно ясно подчеркнуто (въ статьяхъ двѣнадцатой и двадцать седьмой) отвѣтственность Совѣтовъ за нарушеніе законныхъ правъ гражданъ изданными актами или нарушеніе ихъ интересовъ, благодаря дѣйствію подвѣдомственныхъ Совѣтамъ учрежденій.

Каждый актъ Совѣтской Власти, каждое его распоряженіе можетъ быть подвергнуто спору, если нарушаетъ права или интересы трудящихся.

Вотъ самая большая гарантія правильнаго дѣйствія общественно — необходимыхъ установленій. Надъ ними всѣми поставленъ контрольный аппаратъ въ видѣ надѣленнаго правами публичнаго обвиненія гражданина, интересы котораго такъ или иначе нарушены. Но не значитъ ли это, спросятъ насъ, подчинить всѣ проявленія властвованія — законодательные и административные — суду? Не станетъ ли судъ въ Совѣтскомъ строѣ тѣмъ, что сейчасъ въ буржуазныхъ странахъ палата депутатовъ? Это, разумѣется, невѣрно. Судъ въ Совѣтской Россіи не отдѣленъ отъ всей системы управленія. Онъ состоитъ подъ непосредственнымъ контролемъ Совѣтовъ, которые избираютъ судей и имѣютъ право въ любое время ихъ смѣнить или отозвать. Этимъ возстанавливается гармоническое теченіе государственной жизни, въ которой ни одно изъ общественно-необходимыхъ установленій не получаетъ возможности тормозить или задерживать правильное развитіе дѣятельности другихъ установленій. Судъ такимъ обра омъ — это тоже одинъ изъ „отдѣловъ“ Совѣта, наиболѣе самостоятельный, конечно, но все же только отдѣлъ. Это его положеніе нисколько не мѣняется отъ того, что въ задачи его, какъ отдѣла, входитъ возможность контроля дѣятельности всѣхъ другихъ отдѣловъ и Совѣта въ цѣломъ.

2. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ въ центрѣ и институтъ „комиссаровъ"-исполнителей на мѣстахъ появились въ силу историческихъ условій. Совѣтская практика шла впереди теоріи Совѣтскаго государства. Когда она должна была воплотиться въ жизнь, этой теоріи не было вовсе. Неудивительно поэтому, что когда въ историческую ночь съ 25 на 26 октября 1917 года нужно было взять власть у правительства Керенскаго пошли путемъ обычнымъ — образовали новое правительство по старому типу „Совѣта Министровъ".

Никому не пришло тогда и, пожалуй, не могло придти въ голову, что это для Совѣтскаго строя нелѣпость, что власть должна была перейти къ Ц. И. К. и его президіуму непосредственно.

Образованію Совѣта Народныхъ Комиссаровъ содѣйствовало также и то, что власть нужно было создать быстро, тогда какъ Ц. И. К. не былъ избранъ, не было выяснено, войдутъ ли въ него правые соціалисты и т. д. Времени же терять нельзя было, необходима была сильная и твердая власть.

То же самое и съ институтомъ комиссаровъ на мѣстахъ. Совѣты были еще далеко не вездѣ. Тамъ, гдѣ они были, они все еще, очень часто, были проникнуты духомъ оппортунизма и готовы были себя признать лишь органами совѣщательнаго характера. Необходимо было послать на мѣста людей опытныхъ, испытанныхъ для проведенія въ жизнь завоеваній соціальной революціи.*)

Однако, очень скоро уже неправильность, непослѣдовательность и недопустимость такого построенія стали бросаться въ глаза. Партія лѣвыхъ с.-р. повела опредѣленную борьбу за выпрямленіе Совѣтскаго строя. Уже на первомъ Съѣздѣ партіи лѣвыхъ с.-р., въ ноябрѣ 1917 г., говорилось, правда, еще не вполнѣ ясно, о необходимости передачи всей власти въ руки Совѣтовъ, о необходимости отнять ее у комиссаровъ всѣхъ ранговъ и типовъ.

На второмъ Съѣздѣ партіи лѣвыхъ с.-р., въ мартѣ 1918 года, была уже дана полная политическая программа, въ которой мы видѣли первые попытки обоснованія Совѣтскаго режима. Тамъ уже ясно и опредѣленно гово-

---

*) Примѣчаніе 2-ое къ ст. 4-ой „Инструкціи и о правахъ и обязанностяхъ Совѣтовъ" отъ 24-го декабря 1917 г. говоритъ опредѣленно: „Какъ временная мѣра, допускается назначеніе комиссаровъ въ тѣ губерніи и уѣзды, гдѣ власть Совѣта недостаточно укрѣпилась или гдѣ не признаютъ полноты Совѣтской власти." (Собр. узак. № 12.)

рится, что вся власть принадлежитъ лишь Совѣтамъ, которые въ пленарныхъ своихъ засѣданіяхъ осуществляютъ законодательную и контрольную функціи, а въ отдѣлахъ — правительственныя и административныя.

Съ тѣхъ поръ лозунгъ: „долой комиссаро-державіе и да здравствуетъ истинная власть Совѣтовъ" сталъ боевымъ кличемъ партіи лѣвыхъ с.-р. Дѣйствительно, комиссары и въ центрѣ и на мѣстахъ показали и ясно доказали, что они способны внести лишь дисгармонію въ Совѣтскій строй. Вмѣсто республики труда получилась партійная олигархія. „Личныя вліянія" опять появились на политической аренѣ. Злоупотребленія были на каждомъ шагу. Совѣты были превращены въ подручныхъ комиссаровъ, а комиссары въ слѣпыхъ исполнителей воли партійныхъ большевистскихъ центровъ.

Естественно, что къ іюлю 1918 года, когда вырабатывалась Конституція, она не могла быть измѣнена въ смыслѣ отмѣны власти комиссаровъ. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ стоялъ уже твердо и готовъ былъ защищаться до конца отъ всякихъ покушеній на его права. Естественно, что Конституція, принятая одними большевиками, послѣ того, какъ $^2/_3$ Съѣзда, состоявшихъ изъ лѣвыхъ с.-р., были арестованы — не могла принять иного текста, кромѣ того, который былъ продиктованъ Ц. К. большевиковъ или, что то же — Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ.*)

Однако, и въ Конституціи, правда, какъ всегда криво, отразилось требованіе, объединить всю исполнительную власть въ Отдѣлахъ Ц. И. К.

Статья 35-ая Конституціи гласитъ, что „В. Ц. И. К. Совѣтовъ образуетъ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ для общаго управленія дѣлами Р. С. Ф. С. Республики и отдѣлы (Народные Комиссаріаты) для руководства отдѣльными отраслями управленія." Далѣе ст. 36-ая говоритъ, что члены В. Ц. И. К. „работаютъ въ отдѣлахъ Народныхъ Комиссаріатовъ". А вслѣдъ затѣмъ говорится, что „Народными Комиссаріатами" руководятъ комиссары, а „общее управленіе" и „объединеніе дѣятельности всѣхъ народныхъ комиссаровъ" принадлежитъ Совѣту Народныхъ Комиссаровъ.

Такимъ образомъ получается самая невѣроятная неразбериха и сумятица. Съ одной стороны, народные ко-

*) Смотри подробно о событіяхъ 6—7 іюля 1918 г. въ книгѣ „La Russie Socialiste" Genève, 1918.

миссаріаты, какъ будто, образуются Ц. И. Комитетомъ и составляютъ его отдѣлы, т. е. подлежатъ непосредственному руководству президіума Ц. И. К., а съ другой стороны этими самыми отдѣлами завѣдуютъ комиссары и коллегіи при нихъ, члены которыхъ „утверждаются Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ“ (ст. 44-ая).

Совершенно непонятно также, что значитъ, что члены Ц. И. К. „работаютъ“ въ Нар. Ком.? Не въ качествѣ же дѣлопроизводителей и писарей? Коллегія утверждается не Ц. И. К., а Сов. Нар. Ком. и можетъ быть составлена вовсе не изъ членовъ В. Ц. И. К. Да если бы она и состояла изъ членовъ В. Ц. И. К., ихъ вліяніе было бы крайне ограничено, такъ какъ Народный Комиссаръ имѣетъ право единоличнаго рѣшенія, и Сов. Нар. Ком. можетъ издавать постановленія, безусловно обязательныя для коллегіи.

Большевистская практика вышла изъ этого сумбура, игнорируя вполнѣ Конституцію. Отдѣлы В. Ц. И К. существуютъ независимо отъ народныхъ Ком.; ихъ функціи крайне неясны и туманны, влачатъ они жалкое существованіе. Народные Комиссаріаты образуются не В. Ц. И. К., а Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ и всецѣло и нераздѣльно ему подчинены.

Половинчатость Конституціи была мертворожденной. Она должна и можетъ быть замѣнена лишь дѣйствительнымъ Совѣтскимъ строемъ, сущность котораго изложена въ нашемъ проектѣ.

3. Согласно ст. 26-й Конституціи 10-го іюля „Всерос. Съѣздъ“ созывается В. Ц. И. К-омъ „не рѣже двухъ разъ въ годъ.“ Мы сочли болѣе правильнымъ пойти путемъ указаннымъ въ статьѣ 19-ой проекта Н. К. Ю. и фиксировать постоянныя даты для Всер. Съѣздовъ. Практика показала, что Ц. И. К. можетъ злоупотребить своимъ правомъ созывать Федеральный Съѣздъ и путемъ несозыва Съѣзда отдалять иногда весьма значительно срокъ окончанія своихъ полномочій. Мы, однако, сочли болѣе правильнымъ оставить годичное количество Съѣздовъ, установленное Конституціей. — Изъ проекта Н. К. Ю. мы исключили 3-й очередной Съѣздъ, который созывался спеціально съ учредительными цѣлями. Въ нашемъ проектѣ пересмотръ Конституціи и ея дополненія, какъ увидимъ ниже, принадлежитъ, при соблюденіи извѣстныхъ условій, каждому очередному Съѣзду.

Сроки Съѣздовъ, кажется намъ, выбраны проектомъ Н. К. Ю. не вполнѣ удачно. Вмѣсто 1-го января, 1-го мая

и 1-го сентября мы остановились на 1-го марта и 1-го октября. Это сроки наиболѣе удобные для большинства населенія Россіи — для крестьянства. 1-го марта весеннія работы еще не начались, 1-го октября осеннія уже закончены.

Въ случаяхъ крайней необходимости могутъ быть созваны Чрезвычайные Съѣзды — либо по почину очередного Съѣзда или Ц. И. К., либо по требованію Совѣтовъ, насчитывающихъ по крайней мѣрѣ 1/3 населенія республики. Проектъ Н. К. Ю. говоритъ не о количествѣ населенія въ Совѣтскихъ Территоріяхъ — а о количествѣ Совѣтовъ. Для созыва Съѣзда требуется 1/3 „всѣхъ мѣстныхъ Совѣтовъ" и ихъ Съѣздовъ, имѣющихъ право представительства на Всер. Съѣздѣ. Система Конституціи 10-го іюля кажется намъ болѣе правильной. Хотя, конечно, юридически всѣ Совѣты несомнѣнно равны, но фактически, они представляютъ очень часто слишкомъ различныя суммы интересовъ. Поэтому критерій количества населенія, интересы котораго Совѣтъ защищаетъ и представляетъ, долженъ быть выдвинутъ на соотвѣтствующее мѣсто.

4. И въ этой главѣ, какъ и въ главѣ о мѣстныхъ Совѣтахъ мы не считали возможнымъ ограничивать права Съѣзда конституціоннымъ закрѣпленіемъ порядка выборовъ, нормъ представительства, возрастного ценза депутатовъ и т. п. Всѣ эти вопросы самостоятельно рѣшаются Съѣздомъ съ соблюденіемъ, разумѣется, конституціонныхъ гарантій, чистоты и цѣльности Совѣтскаго Строя. Такъ же само собою понятно, что вопросы внутренняго распорядка Съѣзда принадлежатъ исключительному его вѣдѣнію.

Мы, однако, не могли ограничиться этими постановленіями. Мы уже указывали, что считаемъ необходимымъ въ самой Конституціи обезпечить правильность избранія первыхъ по ея опубликованію Совѣтскихъ установленій. Въ примѣчаніи къ ст. 32-й мы указали тѣ нормы, которыя считаемъ наиболѣе правильными и цѣлесообразными. Онѣ нѣсколько отличаются отъ нормъ, установленныхъ Конституціей 10-го іюля.

Конституція 10-го іюля различно опредѣляетъ нормы представительства для „городскихъ" (рабочихъ) и „губернскихъ" (т. е. крестьянскихъ, по преимуществу) Совѣтовъ. Тогда какъ „городскіе Совѣты" посылаютъ по одному депутату на каждые 25 000 избирателей, представители „губернскихъ Съѣздовъ Совѣтовъ" по одному депутату на 125 000 жителей (ст. 25-я). Сторонники Конституціи 10-го

іюля увѣряютъ, что различія здѣсь нѣтъ, что послѣднее распоряженіе вызвано лишь техническимъ удобствомъ, т. к. — очень трудно сосчитать количество сельскихъ избирателей; крестьяне не составляютъ подавляющаго большинства жителей губерніи, такъ что количество жителей можно почти безошибочно считать за количество лицъ, интересы которыхъ представлены въ Совѣтахъ. Статистика показываетъ, что средняя русская семья состоитъ изъ 5-и человѣкъ, т. е. указанные 125 000 жителей и должны дать безошибочно 25 000 избирателей.

Разсужденіе это совершенно невѣрно. Вѣдь теперь избирательными правами пользуются во всякомъ случаѣ 2 человѣка въ семьѣ, и мужъ и жена, такъ что на 25 000 семействъ (125 000 жителей) придется не меньше 50 000 избирателей. Но мы совершенно произвольно исключаемъ всѣхъ достигшихъ 18-и лѣтняго возраста членовъ семействъ, которыхъ статистики, конечно, причисляли къ „семьямъ". По Конституціи 10 іюля представительство крестьянъ сокращено по сравненію съ представительствомъ рабочихъ по крайней мѣрѣ въ два, а можетъ быть и въ три раза. Мы не могли, разумѣется, оставить въ силѣ подобную несправедливость. Мы уравняли представительство крестьянъ и рабочихъ — остановившись на количествѣ одинъ депутатъ на 25 000 избирателей. Техническія затрудненія, какъ показали хотя бы выборы въ Учредительное Собраніе (въ ноябрѣ 1917 г.) — врядъ ли серьезны. Кромѣ того Конституція устанавливаетъ для крестьянскихъ (губернскихъ) Совѣтовъ двухстепенные выборы (а иногда и трехстепенные). Депутаты избираются не непосредственно Совѣтами, а лишь губернскими Съѣздами, т. е. второй или даже третьей инстанціей (волостные, сельскіе, уѣздные).

Разумѣется, это въ корнѣ противорѣчитъ духу нашего времени. У насъ выборы установлены прямые.

5. Статья 33-я нашего проекта, гарантирующая неприкосновенность личности депутатовъ Ц. И. К. и Федер. Съѣздовъ можетъ показаться излишней. Въ самомъ дѣлѣ, могутъ возразить и возражали намъ, подобная гарантія имѣетъ смыслъ, когда необходимо гарантировать членовъ законодательныхъ палатъ отъ административнаго или судебнаго произвола, вы же сами въ своемъ проектѣ подчеркиваете, что всѣ три отрасли управленія гармонически слиты въ Совѣтѣ—противъ кого же дается гарантія депутату? Не противъ ли самого себя? Всѣ эти и подобныя возраженія имѣли бы значеніе, если бы они не

упускали изъ виду одного, самаго существеннаго пункта: самостоятельности мѣстныхъ Совѣтовъ. И Ц. И. К. и Съѣздъ дѣйствуютъ на территоріи какого либо изъ мѣстныхъ Совѣтовъ; судъ, администрація, полиція-подвѣдомственны (или подконтрольны, какъ судъ) этому Совѣту. Ни Ц.И.К., ни Съѣздъ не могутъ простымъ распоряженіемъ отмѣнить даже самое незначительное распоряженіе мѣстнаго Совѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ судьба депутатовъ Ц. И. К. и Федер. Съѣздовъ должна быть, несомнѣнно, поставлена въ зависимость лишь отъ этихъ установленій. Иначе мѣстный Совѣтъ, на территоріи котораго происходятъ засѣданія центральныхъ органовъ, могъ бы, если бы захотѣлъ, парализовать ихъ дѣятельность. Наша 33-я статья становится необходимой. Мы придали ей редакцію ст. 14-й „французскаго конституціоннаго закона 16-го іюля 1875 года и ст. 121 франц. „Code Pénal", какъ наиболѣе ясную и точную.

Мы считали необходимымъ гарантировать неприкосновенность депутатовъ лишь въ случаяхъ „уголовнаго" преслѣдованія. Гражданскіе иски, которые не грозятъ свободѣ депутатовъ, могутъ быть, разумѣется, вчинены. Формулировка проекта Н. К. Ю. о томъ, что депутатъ не можетъ быть привлеченъ къ „судебной отвѣтственности" (ст. 28 проекта Н.К.Ю.), кажется намъ поэтому слишкомъ широкой и расплывчатой. Въ Конституціи 10-го іюля гарантіи неприкосновенности депутатовъ нѣтъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О Центральномъ Исполнительномъ Комитетѣ.

Ц. И. К., избираемый очереднымъ Федер. Съѣздомъ, является его замѣстителемъ вплоть до слѣдующаго Съѣзда. Онъ ведетъ текущую законодательную и правительственную работу. По нашему проекту онъ очень сильно отличается отъ буржуазныхъ парламентовъ и скопированнаго съ нихъ нынѣшняго большевистскаго Ц. И. К. Только въ общемъ своемъ собраніи Ц. И. К. по нашему проекту исполняетъ обычную законодательную и контрольно-правительственную парламентскую работу. Глава восьмая нашего проекта именно и говоритъ объ этой обычной работѣ Ц. И. К. Подобно всѣмъ Совѣтскимъ установленіямъ онъ пользуется, разумѣется, полной автономіей своей внутренней жизни. Работа его ограничена лишь постановленіями Конституціи. Число членовъ Ц. И. К. устанавливается избирающимъ его очереднымъ Федер. Съѣздомъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О Президіумѣ Центральнаго Исполнительнаго Комитета.

Главы девятая и десятая даютъ конкретное содержаніе той формы совмѣстнаго властвованія, о которой мы говорили въ главѣ 7-й и которая является самой характерной для Совѣтскаго строя.

Только въ общемъ своемъ собраніи Ц. И. К. нашего проекта походитъ на обычный парламентъ. Разбиваясь на отдѣлы, онъ превращается въ „министерства" или какъ теперь говорятъ въ „Совѣтской Россіи" — „комиссаріаты". Однако эти отдѣлы-министерства въ то же время сохраняютъ характеръ обычныхъ парламентскихъ комиссій (или нынѣшнихъ „отдѣловъ В. Ц. И. К."). Отдѣлы Ц. И. К. по нашему проекту не только разрабатываютъ законодательныя положенія или исполняютъ спеціальныя порученія пленума В. Ц. И. К., подобно обычнымъ парламентскимъ комиссіямъ, но и ведутъ текущую государственно-организаціонную работу подобно министерствамъ.

Во главѣ Ц. И. К. — и его отдѣловъ по нашему проекту стоитъ президіумъ, который ведетъ не только обычную работу парламентскаго президіума, но и замѣняетъ Совѣтъ Министровъ (или Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ). Каждый членъ президіума вѣдаетъ опредѣленнымъ отдѣломъ; у себя въ отдѣлѣ онъ несетъ чисто административныя функціи, но въ то же время онъ является и предсѣдателемъ во время обсужденія законодательныхъ предположеній. Какъ членъ президіума, онъ солидарно отвѣтственнен за всѣ его дѣйствія передъ Ц.И К., а какъ предсѣдатель отдѣла онъ отвѣтственнен передъ президіумомъ за правильное дѣйствіе отдѣла. Самъ президіумъ in corpore является активнымъ руководителемъ государственной жизни. Онъ, какъ сказано у насъ въ проектѣ, „принимаетъ всѣ мѣры, необходимыя для правильнаго и непрерывнаго теченія государственной жизни въ смыслѣ обезпеченія интересовъ населенія". Ц. И. К. долженъ быть постоянно въ курсѣ всѣхъ рѣшеній президіума. Онъ можетъ всегда отмѣнить или измѣнить ихъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Объ отдѣлахъ Ц. И. К.

Каждый членъ Ц. И. К. долженъ принадлежать къ одному изъ отдѣловъ. Онъ самъ избираетъ отдѣлъ, въ которомъ хочетъ работать — общее собраніе Ц. И. К.

утверждаетъ списки депутатовъ, причислившихъ себя къ тому или иному отдѣлу. Всѣ депутаты, включенные въ списокъ членовъ даннаго отдѣла, составляютъ его общее собраніе, которое ведетъ законодательную работу отдѣла и контролируетъ дѣятельность своего исполнительнаго органа (Бюро), задачи котораго вести текущую работу отдѣла по преимуществу административнаго характера, а также направленіе и организація законодательныхъ работъ общаго собранія отдѣла. Завѣдующій отдѣломъ (членъ президіума) является и предсѣдателемъ Бюро. Бюро всецѣло отвѣтственно передъ общимъ собраніемъ отдѣла, которое можетъ измѣнить или отмѣнить всякія его рѣшенія.

Мы считали совершенно необходимымъ предоставить завѣдующему отдѣломъ широкія полномочія. Часто во время засѣданія президіума или въ другихъ случаяхъ необходимо принять срочное рѣшеніе въ предѣлахъ компетенціи Бюро отдѣла. Завѣдующій можетъ это сдѣлать единолично, съ тѣмъ однако, что онъ доведетъ объ этомъ до свѣдѣнія Бюро. Такъ же, какъ и постановленія Бюро, рѣшенія завѣдующаго могутъ быть отмѣнены, дополнены или измѣнены общимъ собраніемъ отдѣла.

Мы считали правильнымъ (опытъ показалъ намъ это) ввести „замѣстителей" завѣдующихъ отдѣлами, которые въ случаѣ отсутствія завѣдующаго должны защищать въ президіумѣ или въ В.Ц.И.К. рѣшенія своего отдѣла. По всѣмъ вопросамъ своего отдѣла они вполнѣ замѣняютъ завѣдующаго и пользуются правомъ рѣшающаго голоса. По вопросамъ же общей политики они могутъ пользоваться лишь голосомъ совѣщательнымъ, такъ какъ при выборѣ завѣдующаго общее собраніе Ц. И. К. могло руководствоваться не только его техническими познаніями, но, напр., его партійностью. Замѣститель же, избранный отдѣломъ, а не общимъ собраніемъ Ц. И. К. можетъ не отвѣчать всѣмъ требованіямъ, предъявленнымъ этимъ послѣднимъ къ завѣдующему отдѣломъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О судѣ.

Ни въ Конституціи 10-го іюля ни въ проектѣ Н. К. Ю. нѣтъ указаній объ организаціи и сферѣ дѣятельности суда. Это и понятно. Авторы этихъ проектовъ хотѣли создать Конституцію гражданской войны, когда вмѣсто суда, по образному выраженію одного изъ руководителей большевистской юстиціи, должна быть лишь расправа. Для творцовъ Конституціи 10-го іюля слова о значеніи суда были

всегда лишь лѣво-эсеровской ересью. Но это не единственная причина. И здѣсь, какъ и въ другихъ отдѣлахъ Конституціи, большевики не вполнѣ освободились отъ власти прошлаго, отъ „буржуазнаго“ пониманія государства и его значенія и строя. Они не могли еще внутренне отречься отъ теоріи раздѣленія властей и не видѣли того, что выбросивъ изъ Конституціи главу о судѣ, они лишили ее смысла, не давъ ей законченности — вѣдь первая Совѣтская Конституція именно и должна была особенно ярко подчеркнуть наиболѣе характерныя черты Совѣтскаго Строя — и въ первую голову идею „совмѣстнаго властвованія“.

Мы не считали нужнымъ и правильнымъ, разумѣется, фиксировать въ Конституціи подробности судебнаго строя Совѣтской Республики. Мы дали только общую схему, а также тѣ основныя начала, которыя должны лечь въ основу законовъ о судѣ. Вопросъ о судебномъ устройствѣ подвергся въ Россіи наиболѣе тщательной и многократной разработкѣ. Въ этомъ вопросѣ особенно ярко отразились разногласія между нашей партіей и большевиками. Въ то короткое время (декабрь 1917 — мартъ 1918 г.), что завѣдованіе дѣлами юстиціи было въ рукахъ членовъ нашей партіи, было сдѣлано все, чтобы поставить судъ на должную высоту Затѣмъ все опять было взято назадъ, но нѣкоторые принципы, положенные въ основу „Судебной Конституціи“ (декретъ № 2 „о судѣ“) остались въ силѣ и, вѣроятно, на очень долгій срокъ получили права гражданства въ русской юридической мысли.

Каковы же эти основы?

Прежде всего, народный судъ, коллегіальный и состоящій изъ судей и засѣдателей, имѣющихъ равное право рѣшать вопросъ о фактѣ преступленія и о мѣрѣ наказанія, долженъ быть единственнымъ хранителемъ законности. Всѣ чрезвычайные и спеціальные суды должны быть упразднены. Декретъ № 1 (24-го ноября 1917 года) это сдѣлалъ на бумагѣ, но, увы, еще не было ни одного періода въ Революціи, когда бы этотъ здоровый принципъ былъ осуществленъ въ полной мѣрѣ. И, однако, только его проведеніе въ жизнь можетъ обезпечить справедливый и нелицепріятственный судъ.

Какъ же долженъ быть организованъ этотъ единый судъ? Прежде всего въ немъ основную роль долженъ играть „перемѣнный элементъ“, „засѣдатели“. Именно этотъ элементъ вноситъ въ судъ „правду народную“, дѣлаетъ его близкимъ массамъ, обезпечиваетъ за нимъ авторитетъ и силу. Всѣ вопросы должны рѣшаться коллегіально.

Послѣдній, 4-й декретъ о народномъ судѣ (30-го ноября 1918 года) очень сильно грѣшитъ противъ коллегіальности, и хотя онъ называется „положеніемъ о единомъ судѣ", въ дѣйствительности онъ устанавливаетъ и узаконяетъ четыре различныхъ судебныхъ инстанцій. —

1. „Революціонный трибуналъ" для дѣлъ политическихъ.
2. Единоличный судъ — для рѣшенія вопросовъ о примѣненіи нѣкоторыхъ декретовъ объ актахъ гражданскаго состоянія.
3. Судъ изъ трехъ лицъ (судья и два засѣдателя), какъ обычная судебная инстанція.
4. Судъ изъ 7-и лицъ (судья и шесть засѣдателей) для дѣлъ особо важныхъ.

Намъ кажется, что стремясь создать единый судъ, мы прежде всего должны, конечно, упразднить всякія временныя наслоенія въ родѣ Революціоннаго Трибунала. Но и этого мало. Нужно создать дѣйствительно единый судъ и для остальныхъ дѣлъ. Декретъ № 2 принужденъ былъ сохранить на ряду съ „народными мѣстными судами" также и „окружные суды". Это было необходимой переходной мѣрой, чтобы ликвидировать наслѣдіе старыхъ судовъ.

„Положеніе 30-го ноября" въ этомъ отношеніи сдѣлало шагъ впередъ — оно собрало всѣ судебныя установленія подъ одной крышей — но это еще не все. Мало, чтобы судебныя установленія были въ одномъ помѣщеніи, нужно, чтобы они были спаяны внутреннимъ единствомъ. Чтобы они представляли одинаковыя гарантіи справедливости для всѣхъ разбираемыхъ дѣлъ.

Вопросъ о предоставленіи засѣдателямъ права судить не только о фактѣ преступленія, но и мѣрѣ наказанія — не встрѣчаетъ больше возраженія въ Россіи. Слишкомъ ясно бросается въ глаза преимущество судебнаго единства передъ былымъ раздѣленіемъ на „коронную" и „народную" части — это былъ вѣчный источникъ несправедливости.

Также не встрѣчаетъ, кажется, болѣе сторонниковъ въ Россіи и идея аппеляціи. Противъ аппеляціи въ юридической литературѣ ведется давняя и ожесточенная борьба. Но только Русская Революція упразднила этотъ ненужный пережитокъ шемякинской волокиты. Вмѣсто этого широко примѣняется кассація. По „положенію 30-го ноября 1918 года", кассаціонными инстанціями являются Совѣты мѣстныхъ Судей.

Мы сочли необходимымъ закрѣпить въ Конституціи одно положеніе, которое всегда казалось намъ справед-

ливымъ и необходимымъ, но которое до сихъ поръ не имѣло широкаго примѣненія: „право кассаціоннаго протеста... принадлежитъ всякому гражданину Республики.“ Въ самомъ дѣлѣ, это постановленіе — наиболѣе характерно для Совѣтскаго Строя. Каждый гражданинъ есть активный членъ политическаго общежитія, и нарушеніе законовъ общежитія — есть нарушеніе правъ каждаго гражданина. Каждый можетъ, долженъ, даже обязанъ — блюсти справедливость.

Какъ ни странно, этотъ принципъ, наиболѣе подчеркивающій права и свободу гражданъ, впервые выраженъ (и болѣе не повторенъ нигдѣ) въ декретѣ, который наиболѣе безразсудно нарушаетъ элементарныя права свободнаго самоопредѣленія трудящихся — въ пресловутомъ „положеніи о революціонныхъ трибуналахъ“ отъ 12-го апрѣля 1919 года (ст. 28-я). Таковы „курьезы“ русской жизни. Наряду съ самыми высокими принципами — кровь и грязь чрезвычаекъ. Рядомъ съ предоставленіемъ гражданамъ высшаго права наблюденія за законностью — преданіе ихъ (въ томъ же декретѣ) въ полное и безконтрольное распоряженіе трехъ человѣкъ, которымъ предоставляется „неограниченное право въ опредѣленіи мѣры репрессіи! (ст. 1-я и ст. 5-я „положенія“ 12-го апрѣля 1919 года)...

Намъ уже приходилось говорить о роли и значеніи Верховнаго Судебнаго Контроля. При наличіи единыхъ кодексовъ — такое объединяющее учрежденіе необходимо, иначе силою судебной практики законы были бы доведены до необычайной пестроты и разнообразія — на протяженіи нѣсколькихъ губерній, что крайне затрудняло бы общеніе между жителями этихъ мѣстностей и являлось бы такимъ образомъ явленіемъ вреднымъ, реакціоннымъ. (См. объяснительную записку глава 4-я, § 5).

Мы говорили также, что судъ не можетъ быть чѣмъ то стоящимъ внѣ общей цѣпи Совѣтскихъ установленій, что онъ является только наиболѣе автономнымъ отдѣломъ Совѣта. Мы указывали, что естественнымъ регуляторомъ власти суда является право Совѣтовъ отзывать и переизбирать его членовъ. Въ ст. 53-й мы это правило фиксируемъ особо. (См. объяснит. зап., глава 7, § 1-й in fine).

Въ статьяхъ 54-й и 55-й мы считали необходимымъ закрѣпить созданные декретами о судѣ: институтъ слѣдственныхъ комиссій — въ замѣнъ единоличныхъ слѣдователей; коллегіи правозаступниковъ — въ замѣнъ отдѣльныхъ институтовъ „прокуроровъ“ и „защитниковъ“. Правозаступникъ

можетъ быть привлеченъ судомъ или сторонами и къ защитѣ и къ обвиненію—это не спеціалисты того или другого, а лишь „говорящіе судьи", помощники суда въ раскрытіи истины. Таковъ въ общихъ чертахъ народный судъ, которому мы придаемъ особое значеніе въ жизни Совѣтской Республики.*)

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

О пересмотрѣ и измѣненіи Конституціи.

Въ Конституціи 10-го іюля не установлено особой процедуры для измѣненія Конституціи. Любой очередной Съѣздъ Совѣтовъ можетъ ее измѣнить, дополнить, отмѣнить. Это вполнѣ согласуется съ временнымъ боевымъ характеромъ Конституціи. Вѣдь въ ней не программа дѣятельности, а перечисленіе средствъ борьбы. Нельзя связывать бойца, ему порою необходимо мѣнять оружіе. И мы и авторы проекта Н. К. Ю. стоимъ на иной точкѣ зрѣнія. Не считая положенія Конституціи вѣчными и незыблимыми, мы все же понимаемъ, что имъ необходимо придать нѣкоторую устойчивость, безъ которой невозможно прочное строительство новой жизни. Ибо, особенно въ наше бурное время, надо строить на камнѣ, вѣдь построенное на пескѣ, падаетъ именно тогда, когда идетъ дождь великій, разливаются рѣки и дуютъ буйные вѣтры.

И паденіе было великое...

Мы однако устанавливаемъ технику пересмотра, совершенно отличную отъ техники проекта Н. К. Ю. Тамъ предполагались созывы чрезвычайныхъ „Учредительныхъ" Съѣздовъ разъ въ годъ спеціально для пересмотра и поправокъ Конституціи. Это излишне. Поправки могутъ являться не ежегодно да и часто не имѣетъ смысла собирать спеціальный Съѣздъ для какой либо, можетъ быть очень простой, поправки или несущественнаго измѣненія.

Мы считали необходимымъ дать нѣкоторыя дѣйствительныя гарантіи того, что всякое измѣненіе Конституціи будетъ серьезно обсуждено, и принято съ вѣдома всѣхъ Совѣтовъ, входящихъ въ Федерацію. Для этого согласно 57-й статьи нашего проекта иниціаторы пересмотра извѣщаютъ Центральную Власть и всѣ Совѣты о принятомъ ими рѣшеніи. Они должны представить мотивы своего

---

*) Подробно принципы новаго суда, какъ ихъ понимаетъ наша партія, изложены въ моей книгѣ „Народный Судъ", Москва 1918 г. (См. также Alexandre Schreider „L'organisation judiciaire de la Russie des Soviets", Genève, 1918).

рѣшенія, а также стенограммы и отчеты тѣхъ засѣданій, гдѣ рѣшеніе обсуждалось. Это облегчитъ всѣмъ другимъ Совѣтамъ оріентированіе въ вопросѣ. Наконецъ, проектъ объ измѣненіи долженъ быть опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе, чтобы общественное мнѣніе было тоже услышано. Иниціаторы должны извѣстить всѣ Совѣты за три мѣсяца до Съѣзда, чтобы дать имъ возможность обсудить вопросъ детально и не спѣша.

Такимъ образомъ, согласно нашему проекту такъ же, какъ и по Конституціи 10-го іюля, любой Съѣздъ можетъ измѣнить Конституцію, но для того, чтобы избѣжать необдуманныхъ рѣшеній, мы ввели нѣкоторую довольно сложную, но необходимую предварительную процедуру.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

О введеніи въ дѣйствіе Конституціи.

Какъ и всякій законъ, Конституція получаетъ силу тотчасъ по опубликованіи. Послѣдняя статья нашего проекта особо подтверждаетъ то, о чемъ мы уже говорили выше: необходимость переизбранія всѣхъ Совѣтовъ на основахъ, предложенныхъ въ примѣчаніяхъ и статьѣ 15-й нашего проекта, тотчасъ же по опубликованіи этой Конституціи. Вѣдь дѣйствующіе нынѣ Совѣты только носятъ это славное имя — въ дѣйствительности же это лишь назначенныя филіальныя отдѣленія партійныхъ коммунистическихъ центровъ. (См. Объяснит. зап. глава 2-я.)

Заключеніе.

Мы постарались дать въ нашемъ проектѣ планъ организаціи того государственнаго строя, который, по нашему убѣжденію, способенъ быстрѣе и легче, чѣмъ всякій другой строй, привести трудящихся къ царству труда и справедливости.

И вотъ теперь, кончая объяснительную записку, мы должны отвѣтить на самый важный изъ вопросовъ, который задаютъ обычно колеблющіеся и сомнѣвающіеся: жизненъ ли Совѣтскій строй? Имѣетъ ли онъ шансы на долгое и прочное существованіе, или это только досужій вымыселъ кабинетныхъ идеологовъ, навязывающихъ Совѣтскій строй трудящимся?

Совѣтскій режимъ не случайно явился впервые въ Россіи. Въ зачаткахъ онъ хранился давно въ традиціяхъ и навыкахъ русскаго народа. Если мы присмотримся ближе къ тому единственному въ теченіе многихъ вѣковъ народному органу управленія, который существовалъ въ Россіи — къ земельной, хозяйственной, крестьянской общинѣ — мы увидимъ, что въ основаніи ея лежатъ тѣ же принципы, которые положены сейчасъ въ основу Совѣтскаго строя. Русскій „міръ", поле дѣятельности котораго было, правда, крайне ограничено и сводилось почти исключительно къ земельнымъ и хозяйственнымъ вопросамъ мѣстнаго значенія — это эмбріонъ Совѣтскаго строя.

Въ сходахъ могли участвовать не всѣ жители даннаго мѣста, а только трудящіеся („хозяева" и „работники"). Міръ не зналъ раздѣленія властей и творилъ судъ, издавалъ постановленія и приводилъ ихъ въ исполненіе черезъ своихъ довѣренныхъ. Всѣ члены міра, наконецъ, смотрѣли всегда на власть не какъ на право, а какъ на обязанность, тяжелую и отвѣтственную. Старый русскій міръ, такимъ образомъ, по терминологіи Михайловскаго, это лишь „низшая степень высокаго типа" организаціи, высшей степенью которой является Совѣтъ.

Совѣты рабочихъ депутатовъ оттого такъ и привились въ Россіи, что они явились ничѣмъ инымъ, какъ „урбанизаціей" общины — перенесеніемъ исконныхъ принциповъ земледѣльческаго, крестьянскаго самоуправленія въ индустріальные центры.

Что же касается Совѣтовъ Крестьянскихъ Депутатовъ, то въ ихъ основѣ и понынѣ лежитъ „сельскій сходъ" (см. прим. къ пункту б ст. 57-ой конституціи 10-го іюля) и они были лишь завершеніемъ развитія принциповъ общиннаго управленія. Поэтому съ такой необыкновенной быстротой покрылась вся Россія крестьянскими Совѣтами, поэтому Совѣтская идея въ крестьянской средѣ еще сильнѣе, чѣмъ въ рабочей, поэтому даже теперь, когда имя большевиковъ стало пугаломъ въ деревнѣ, лозунгъ „за Совѣты!" пользуется тамъ огромной популярностью.

Совѣтскій строй — истинный совѣтскій строй, а не его пародія, въ видѣ олигархіи партійныхъ комитетовъ — имѣетъ глубокіе корни въ русской жизни. Мы старались показать, что это не только наиболѣе привычный для русскаго рабочаго и крестьянина строй, но и наиболѣе соотвѣтствующій интересамъ труда и осуществляющій въ наибольшей мѣрѣ основныя требованія соціалистическаго общежитія.

Москва, октябрь 1919 г.

Приложеніе первое.

Проектъ Конституціи, составленный Коллегіей Народнаго Комиссаріата Юстиціи подъ редакціей

М. Рейснера и А. Гойхбарга.

(іюнь 1918 г.)

. . . . . .

13. II Норма представительства на Совѣтахъ и Съѣздахъ устанавливается исключительно соотвѣтственно количеству рабочаго населенія въ данной мѣстности.

III Избирателямъ обезпечивается право безпрепятственнаго отзыва и перевыборовъ.

. . . . . .

15. Всѣ декреты, положенія, узаконенія, постановленія или распоряженія мѣстныхъ Совѣтовъ и ихъ Съѣздовъ, которыя нарушаютъ предѣлы ихъ вѣдомства, установленные настоящей Конституціей, отмѣняются по сообщенію о томъ заинтересованныхъ лицъ или установленій центральной власти Республики (ст. 6-я).

16- Всѣ споры Совѣтовъ и Съѣздовъ между собою, поскольку они не подлежатъ вѣдѣнію судовъ, окончательно разрѣшаются въ порядкѣ ст. 15-й.

17. Въ случаѣ нарушенія со стороны отдѣльныхъ Совѣтовъ и ихъ Съѣздовъ настоящей Конституціи и установленнаго ею соціалистическаго и совѣтскаго устройства, Всероссійскому Центральному Исполнительному Комитету Республики принадлежитъ право: 1) роспуска соотвѣтственныхъ установленій съ назначеніемъ новыхъ выборовъ и 2) принятія всѣхъ необходимыхъ мѣръ, включая мобилизацію Совѣтской арміи и военнаго вмѣшательства.

---

16. Проектъ этотъ былъ напечатанъ въ журналѣ „Революція и право.“ Въ приведенномъ спискѣ по причинамъ, отъ издательства независящимъ, пропущены первые параграфы проекта.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О компетенціи Центральной власти Р. С. Ф. С. Республики.

18. Исключительному вѣдѣнію Центральной власти Р. С. Ф. С. Р. подлежатъ:

1) Измѣненіе границъ территоріи Республики и опредѣленіе границъ ея округовъ и областей.

2) Общія постановленія о пріобрѣтеніи и утратѣ правъ гражданства Р. С. Ф. С. Р., и о правѣ осѣдлости и жительства, о правахъ иностранцевъ на территоріи Республики, колонизаціи и переселеніи.

3) Общія постановленія о правахъ и обязанностяхъ гражданъ Республики, о печати, объ отношеніи государства къ религіознымъ и церковнымъ обществамъ, о союзахъ, о соединеніяхъ, о правахъ національностей и народовъ.

4) Общія постановленія о составѣ, организаціи, предѣлахъ власти, кругѣ вѣдомства учрежденій центральнаго управленія, равно какъ о предѣлахъ автономіи областныхъ и мѣстныхъ союзовъ.

5) Внѣшнія сношенія съ иностранными государствами, объявленіе войны и заключеніе мира.

6) Организація, управленіе и командованіе вооруженными силами Совѣтской Республики, а также общая организація Совѣтской милиціи, поскольку означенная милиція служитъ общимъ цѣлямъ Республики.

7) Общія постановленія о мѣрѣ и вѣсахъ, торговлѣ и промышленности, внѣшняя торговля, таможенные сборы и учрежденія.

8) Желѣзныя дороги, почта и телеграфъ, водные пути, шоссейныя дороги, поскольку послѣднія имѣютъ общегосударственное значеніе.

9) Мореходное дѣло, постановленія о морскомъ флагѣ, гавани и портѣ, лоцманы, мореходные знаки, маячные огни и т. п.

10) Общія постановленія о землепользованіи и землевладѣніи, земельномъ устройствѣ, о земельныхъ нѣдрахъ и ихъ пользованіи, о лѣсахъ и другихъ угодіяхъ.

11) Общія постановленія объ охранѣ и организаціи труда и трудящихся, о рабочемъ контролѣ, объ общественномъ обезпеченіи и соціальномъ попеченіи, профессіональныхъ соединеніяхъ и страхованіяхъ.

12) Общія постановленія о податяхъ и налогахъ, а также другихъ тяготахъ и повинностяхъ, налагаемыхъ на

населеніе Республики, о предѣлахъ правообложенія областныхъ и мѣстныхъ союзовъ.

13. Общее, соціальное и уголовное законодательство, общее положеніе о судебномъ устройствѣ и судопроизводствѣ, а также провозглашеніе амнистій.

14. Общія постановленія культурнаго и просвѣтительнаго характера, а также завѣдываніе учебными, просвѣтительными и учеными учрежденіями и заведеніями, содержимыми за счетъ общихъ средствъ Р. С. Ф. С. Р.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О Всероссійскомъ Съѣздѣ Совѣтовъ.

19. Всероссійскій Съѣздъ собирается въ слѣдующіе сроки: 1-го января, 1-го мая и 1-го сентября каждаго года силою самой Конституціи.

20. Чрезвычайные Съѣзды созываются внѣ установленныхъ выше сроковъ, либо по постановленію Всероссійскаго Съѣзда либо Центральнаго Исполнительнаго Комитета, либо по рѣшенію Совѣта Народныхъ Коммиссаровъ, или по требованію не менѣе $^1/_3$ части всѣхъ мѣстныхъ Совѣтовъ и ихъ Съѣздовъ, имѣющихъ право представительства на Всероссійскомъ Съѣздѣ.

21. Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ образуется изъ депутатовъ, избираемыхъ передъ каждымъ Съѣздомъ мѣстными Совѣтами и ихъ Съѣздами.

22. Порядокъ выборовъ и норма представительства депутатовъ Всероссійскаго Съѣзда опредѣляется его постановленіями, съ соблюденіемъ ограниченій, установленныхъ въ ст. 13-й.

23. О созывѣ Всероссійскихъ Съѣздовъ объявляетъ В. Ц. И. К. во всеобщее свѣдѣніе.

24. Всероссійскій Съѣздъ избираетъ Президіумъ въ общемъ собраніи. Число членовъ Президіума опредѣляется Съѣздомъ.

25. Съѣздъ устанавливаетъ продолжительность своей сессіи, а также порядокъ своего дѣлопроизводства.

26. Съѣздъ провѣряетъ правильность избранія своихъ членовъ и дѣйствительность депутатскихъ мандатовъ. Имѣетъ право подвергать своихъ членовъ дисциплинарнымъ взысканіямъ и можетъ исключать ихъ $^2/_3$ голосовъ изъ своего состава.

27. Въ предѣлахъ своей компетенціи Всероссійскій Съѣздъ издаетъ положенія, законы, декреты, правила и

всѣ вообще необходимые законодательные и правительственные акты, за нижеслѣдующими изъятіями:

I. Воспрещается вводить частную собственность на землю или отмѣнять объявленіе всего земельнаго фонда общенароднымъ достояніемъ, или пріостанавливать передачу его трудящимся безъ выкупа на началахъ уравнительнаго землепользованія.

II. Воспрещается передача въ частную собственность лѣсовъ, земельныхъ нѣдръ, и водъ общегосударственнаго значенія, а равно и объявленныхъ національнымъ достояніемъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій, съ ихъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ.

III. Не можетъ быть утвержденъ ни одинъ актъ, который отмѣнялъ бы національзацію промышленности или передавалъ въ собственность частныхъ лицъ и обществъ уже національзированныя ея отрасли, въ томъ числѣ и національзацію типографій, обезпечивающую дѣйствительную свободу печати рабочаго населенія.

IV. Не можетъ быть отмѣнена національзація банковъ и тѣ мѣропріятія, которыя имѣютъ своею цѣлью аннулированіе займовъ, заключенныхъ за счетъ русскаго народа прежнимъ правительствомъ.

V. Съѣздъ не имѣетъ права запретить или пріостановить всеобщее вооруженіе рабочаго какъ сельскаго, такъ и городского населенія.

VI. Съѣздъ не можетъ издавать постановленія о лишеніи рабочаго населенія права устраивать собранія, митинги, шествія и т. п. подъ открытымъ небомъ и права пользоваться всѣми пригодными для устройства народныхъ собраній помѣщеніями, съ обстановкой, освѣщеніемъ и отопленіемъ.

VII. Воспрещается вводить особыя званія и преимущества для чиновниковъ и офицеровъ, признавать и устанавливать дворянскіе и имъ подобные титулы и вводить какія бы то ни было отличія.

VIII. Не могутъ быть отмѣнены ограниченія избирательнаго права, установленныя въ ст. ст. 13 и 32 настоящей Конституціи.

IX. Не допускается признаніе за религіозными и церковными обществами правъ юридическаго лица или отмѣна отдѣленія церкви отъ государства и школы.

X. Не могутъ быть допущены какія либо преимущества и привилегіи на основѣ различія кастъ и

національностей или введено угнетеніе одной національности другою.

XI. Съѣздъ не имѣетъ права издавать законы, въ которыхъ устанавливалось бы назначеніе обязательной смертной казни за какое бы то ни было преступленіе.

XII. Не можетъ быть отмѣнено установленное въ предѣлахъ Р. С. Ф. С. Республики право убѣжища иностранцевъ, подвергаемыхъ политическимъ преслѣдованіямъ.

Всѣ указанныя въ настоящей статьѣ положенія могутъ быть отмѣнены, измѣнены или дополнены лишь въ порядкѣ измѣненія настоящей Конституціи.

28. Члены Всероссійскаго Съѣзда не могутъ быть подвергнуты задержанію, либо аресту, или привлечены къ судебной отвѣтственности безъ разрѣшенія Съѣзда.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О Всероссійскомъ Центральномъ Исполнительномъ Комитетѣ.

29. Всероссійскій Ц. И. К. избирается Всероссійскимъ Съѣздомъ каждаго созыва на срокъ до избранія слѣдующимъ Съѣздомъ новаго состава В. Ц. И. К.

30. Число членовъ В. Ц. И. К. и порядокъ ихъ избранія каждый разъ опредѣляется Всероссійскимъ Съѣздомъ.

31. В. Ц. И. К. избираетъ свой Президіумъ и опредѣляетъ число его членовъ.

32. В. Ц. И. К. выполняетъ всѣ порученія Съѣзда, готовитъ для его разсмотрѣнія законодательныя предположительные акты и представляетъ ему надлежащіе отчеты.

33. В. Ц. И. К. осуществляетъ отъ имени Республики какъ активное, такъ и пассивное право посольства.

34. Въ промежутокъ времени между закрытіемъ сессіи Съѣзда одного созыва и открытіемъ сессіи слѣдующаго, В. Ц. И. К. вѣдаетъ всѣ дѣла, входящія въ компетенцію Съѣзда, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что онъ:

1. не можетъ вносить никакихъ измѣненій въ настоящую Конституцію;
2. не можетъ отмѣнять или измѣнять тѣхъ постановленій, которыя приняты Съѣздомъ.
3. Ратификація мирныхъ договоровъ, объявленіе войны и принятіе общаго бюджета Республики принадлежитъ исключительно вѣдѣнію Съѣзда.

Примѣчаніе: Въ тѣхъ случаяхъ, когда чрезвычайныя обстоятельства требовали бы отъ В. Ц. И. К. какихъ-либо мѣропріятій въ нарушеніе п. п. 2-го и 3-го

настоящей статьи В. Ц. И. К. принимаетъ эти мѣры на свою отвѣтственность и представляетъ о нихъ отчетъ на рѣшеніе ближайшаго Съѣзда.

35. В. Ц. И. К. самостоятельно устанавливаетъ порядокъ дѣлопроизводства, организуетъ свои отдѣлы, даетъ имъ инструкціи, приглашаетъ свѣдущихъ лицъ и принимаетъ всѣ мѣры для осуществленія своихъ задачъ.

36. В. Ц. И. К. образуетъ изъ своей среды рабоче-крестьянское правительство путемъ избранія Совѣта Народныхъ Комиссаровъ.

37. Всѣ законодательные и правительственные акты, разсмотрѣнные и утвержденные въ Совѣтѣ Народныхъ Комиссаровъ, сообщаются немедленно Президіуму В Ц.И.К.

38. Всѣ законодательные и правительственные акты, принятые Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ, могутъ быть отмѣнены, измѣнены или дополнены постановленіями В. Ц. И. К.

39. В. Ц. И. К. осуществляетъ общій надзоръ за соблюденіемъ постановленій, декретовъ и распоряженій Совѣтской власти, слѣдитъ за правильностью дѣйствія всѣхъ Совѣтскихъ установленій и съ этой цѣлью можетъ производить обозрѣніе дѣлопроизводства и ревизіи во всѣхъ Совѣтскихъ учрежденіяхъ.

40. В. Ц. И. К., въ случаѣ открытія злоупотребленій или нарушенія существующихъ Конституцій, декретовъ и постановленій принимаетъ всѣ надлежащія мѣры для возстановленія надлежащаго хода дѣлъ и охраны соціалистическаго и Совѣтскаго порядка.

41. В. Ц. И. К. въ случаѣ надобности прибѣгаетъ къ мѣрамъ воздѣйствія, указаннымъ въ ст. 17.

42. В. Ц. И. К. объявляетъ всеобщую и частичную мобилизацію, такъ же какъ отдѣльныя мѣстности Республики на военномъ положеніи.

43. В. Ц. И. К. представляетъ отчетъ о своей дѣятельности Всероссійскому Съѣзду, передъ которымъ онъ несетъ отвѣтственность за всѣ свои дѣйствія.

44. Члены В. Ц. И. К. не могутъ быть подвергнуты задержанію, либо аресту или привлечены къ отвѣтственности безъ разрѣшенія В. Ц. И. К.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О Совѣтѣ Народныхъ Комиссаровъ.

45. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ есть центральная Коллегія Рабоче-Крестьянскаго Правительства.

46. Въ составъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ входитъ, кромѣ избранныхъ В. Ц. И. К. Народныхъ Комиссаровъ и Представителя Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства, членъ президіума В. Ц. И. К. по его уполномочію.

47. В. Ц. И. К. избираетъ изъ своей среды Предсѣдателя Совѣта Народныхъ Комиссаровъ.

48. Число членовъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ, а также распредѣленіе между ними предметовъ вѣдомства и отдѣльныхъ отраслей управленія утверждается В. Ц. И. К. по представленію Совѣта Народныхъ Комиссаровъ.

49 В. Ц. И. К. имѣетъ право рѣшеніемъ своего общаго собранія отозвать изъ Состава Совѣта Народныхъ Комиссаровъ входящихъ въ него членовъ или весь составъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ цѣликомъ.

Примѣчаніе 1. Вопросъ объ отзывѣ ставится заблаговременно на повѣстку засѣданія, съ извѣщеніемъ о томъ соотвѣтственнаго Комиссара и Предсѣдателя Совѣта Народныхъ Комиссаровъ.

Примѣчаніе 2. Для отзыва всего состава Совѣта Народныхъ Комиссаровъ въ цѣломъ необходимо большинство $^2/_3$ Общаго Собранія В. Ц. И. К.

50. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ устанавливаетъ порядокъ своего дѣлопроизводства, такъ же какъ организацію и порядокъ дѣлопроизводства состоящихъ при немъ установленій.

51. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ исполняетъ всѣ постановленія и порученія Всероссійскаго Съѣзда и В. Ц. И. К., издаетъ въ предѣлахъ настоящей Конституціи декреты и распоряженія, отдаетъ приказы, осуществляетъ надзоръ за всѣми подвѣдомственными ему учрежденіями и руководитъ ихъ дѣятельностью.

52. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ образуетъ Коллегіи Народныхъ Комиссаровъ на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

а) С. Н. К. опредѣляетъ кругъ вѣдомства каждой Коллегіи;

б) опредѣляетъ число членовъ Коллегіи сверхъ входящаго въ ея составъ Народнаго Комиссара;

в) избираетъ какъ замѣстителя Народнаго Комиссара, такъ и остальныхъ членовъ Коллегіи.

53. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ по уполномоченію В. Ц. И. К. ведетъ всѣ внѣшнія сношенія Р. С. Ф. С. Республики.

54. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ въ случаяхъ военной опасности принимаетъ всѣ мѣры къ защитѣ

Р. С. Ф. С. Республики, представляя о нихъ немедленно докладъ В. Ц. И. К.

55. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ имѣетъ право избирать чрезвычайныхъ комиссаровъ для выполненія особыхъ порученій и опредѣляетъ предѣлы ихъ полномочій и кругъ ихъ вѣдомства, о чемъ немедленно сообщаетъ В. Ц. И. К.

56. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ несетъ солидарную отвѣтственность за всѣ дѣйствія такъ же, какъ за дѣятельность подвѣдомственныхъ ему учрежденій, какъ передъ Всероссійскимъ Съѣздомъ, такъ и передъ В. Ц. И. К.

57. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ представляетъ полные отчеты о своей дѣятельности Всероссійскимъ Съѣздамъ и обязанъ представлять отчеты по всякому о томъ требованію В. Ц. И. К.

58. Члены Совѣта Народныхъ Комиссаровъ подвергаются аресту и подлежатъ судебной отвѣтственности на общихъ основаніяхъ съ соблюденіемъ ст. 44 настоящей Конституціи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О Народныхъ Комиссаріатахъ.

59. Во главѣ каждаго Народнаго Комиссаріата стоитъ Коллегія, состоящая изъ Народнаго Комиссара, его замѣстителя и членовъ Коллегіи.

Примѣчаніе: Коллегіальное устройство обязательно и для всѣхъ иныхъ учрежденій, которыя приравнены къ Народнымъ Комиссаріатамъ.

60. Каждая Коллегія въ соотвѣтствіи съ Конституціей и постановленіями высшей Совѣтской власти образуетъ подвѣдомственныя ей центральныя учрежденія, даетъ имъ наказы и инструкціи и приглашаетъ входящихъ въ ихъ составъ сотрудниковъ.

61. Каждая Коллегія издаетъ постановленія и дѣлаетъ распоряженія въ строгомъ соотвѣтствіи предписаніямъ настоящей Конституціи и въ предѣлахъ своего вѣдомства, установленныхъ какъ В. Ц. И. К., такъ и Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ.

62. Народные Комиссаріаты имѣютъ право образовывать на мѣстахъ установленія и учрежденія по своимъ спеціальнымъ вѣдомствамъ на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

I. Мѣстныя установленія, подвѣдомственныя Народнымъ Комиссаріатамъ, не могутъ выходить изъ круга вѣдомства, опредѣленнаго для центральной власти Республики въ ст. 18 настоящей Конституціи.

II. Мѣстныя установленія, подвѣдомственныя Народнымъ Комиссаріатамъ, могутъ быть либо образованы въ составѣ мѣстныхъ Совѣтскихъ установленій и поставлены въ непосредственную съ ними связь, либо подчинены контролю мѣстныхъ Совѣтовъ и Съѣздовъ.

III. Содержаніе подвѣдомственныхъ Народнымъ Комиссаріатамъ мѣстныхъ установленій обезпечивается соотвѣтственнымъ ассигнованіемъ изъ средствъ Республики.

IV. Порядокъ организаціи указанныхъ выше мѣстныхъ учрежденій и подчиненности ихъ Народнымъ Комиссаріатамъ утверждается и обнародывается во всеобщее свѣдѣніе Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ.

V. Въ случаѣ избранія мѣстными Совѣтами и Съѣздами состава указанныхъ въ первой части п. II настоящей статьи мѣстныхъ установленій, Народнымъ Комиссаріатамъ принадлежитъ право отвода.

VI. Мѣстные Совѣты или Съѣзды имѣютъ право переноса изданныхъ въ порядкѣ IV настоящей статьи постановленій на разсмотрѣніе В. Ц. И. К., а также разногласій на основѣ пункта V на разрѣшеніе въ общемъ порядкѣ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ.

VII. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ, или по его уполномочію Народные Комиссаріаты, имѣютъ право въ случаяхъ серьезныхъ безпорядковъ и разстройства дѣятельности въ мѣстныхъ установленіяхъ, указанныхъ въ настоящей статьѣ, устранять виновныхъ отъ должности и въ случаѣ надобности предавать ихъ суду.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О пересмотрѣ и измѣненіи Конституціи.

63. Всѣ предположенія пересмотра и поправокъ настоящей Конституціи ежегодно вносятся на разсмотрѣніе Съѣздовъ, созываемыхъ 1-го мая каждаго года, которые именуются майскими Учредительными Съѣздами.

64. Починъ пересмотра и поправокъ настоящей Конституціи можетъ исходить: 1) отъ избирателей, имѣющихъ право выбора въ Совѣты, 2) отъ мѣстныхъ Совѣтовъ и ихъ Съѣздовъ, 3) отъ Всероссійскаго Ц. И. К., 4) отъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ и 5) отъ депутатовъ

Всероссійскаго Съѣзда за подписью, по крайней мѣрѣ, 50 лицъ.

65. Предположенія пересмотра и поправокъ, исходящія непосредственно отъ избирателей или отдѣльныхъ мѣстныхъ Совѣтовъ и Съѣздовъ, поступаютъ на предварительное разсмотрѣніе во В. Ц. И. К., который рѣшаетъ вопросъ объ ихъ дальнѣйшемъ направленіи.

66. Предположенія, которыя вносятся отъ имени не менѣе одной четвертой части всѣхъ мѣстныхъ Совѣтовъ и Съѣздовъ, имѣющихъ право представительства на Всероссійскомъ Съѣздѣ поступаютъ во В. Ц. И. К., который обязанъ представить ихъ въ разработанномъ видѣ со своимъ заключеніемъ на усмотрѣніе ближайшаго Учредительнаго Съѣзда.

67. Предположенія, вносимыя остальными упомянутыми въ ст. 63 лицами и учрежденіями, передаются черезъ В. Ц. И. К. или Президіумъ Съѣзда непосредственно на разсмотрѣніе Учредительнаго Съѣзда.

68. Всѣ предположенія пересмотра и поправокъ Конституціи, вносимыя на основаніи ст. 65, 66 и 67 настоящей Конституціи на разсмотрѣніе Учредительнаго Съѣзда, опубликовываются во всеобщее свѣдѣніе, по крайней мѣрѣ, за одинъ мѣсяцъ до его созыва.

69. Внѣ указаннаго въ ст. 63 времени могутъ быть созываемы В. Ц. И. К. Чрезвычайные Учредительные Съѣзды, если бы этого потребовало большинство всѣхъ мѣстныхъ Совѣтовъ и Съѣздовъ, представленныхъ на Всероссійскомъ Съѣздѣ.

Примѣчаніе: Въ послѣднемъ случаѣ срокъ созыва, программа Съѣзда, а равно предположенія поправокъ и измѣненія Конституціи опредѣляются согласно требованію вышеозначенныхъ Совѣтовъ и Съѣздовъ.

70. Принятыя на Майскихъ Учредительныхъ Съѣздахъ измѣненія Конституціи пріобрѣтаютъ силу Конституціоннаго закона, если въ теченіе двухмѣсячнаго срока во В. Ц. И. К. не будетъ представлено возраженій противъ ихъ принятія въ цѣломъ со стороны большинства мѣстныхъ Совѣтовъ и Съѣздовъ, представленныхъ на Всероссійскомъ Съѣздѣ.

71. Принятыя на Чрезвычайныхъ Учредительныхъ Съѣздахъ измѣненія и поправки Конституціи вступаютъ въ силу немедленно послѣ ихъ обнародованія.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О законодательныхъ и правительственныхъ актахъ.

72. Никакой законъ, декретъ, положеніе, уставъ, инструкція, или иной законодательный, либо правительственный актъ не можетъ быть изданъ въ отмѣну настоящей Конституціи. Такой актъ почитается не имѣющимъ никакой обязательной силы.

73. Законодательные и правительственные акты центральной власти Р. С. Ф. С. Республики получаютъ обязательную силу со дня ихъ обнародованія въ Собраніи Узаконеній и Распоряженій Рабоче-Крестьянскаго Правительства, если въ самомъ актѣ не будетъ установленъ другой срокъ.

74. Декреты и правительственные акты не имѣютъ обратной силы, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда это положительно оговорено въ текстѣ.

75. Законодательные и правительственные акты не имѣютъ обратной силы, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда это положительно оговорено въ текстѣ.

76. Законодательные и правительственные акты центральныхъ установленій Республики лишь въ предѣлахъ точно установленной компетенціи отмѣняютъ силою самаго факта своего изданія таковые же акты остальныхъ Съѣздовъ и Совѣтовъ.

77. Всѣ законодательные и правительственные акты болѣе широкихъ по территоріи Союзовъ и ихъ Съѣздовъ лишь въ предѣлахъ точно опредѣленной ихъ компетенціи отмѣняютъ силою самаго факта своего изданія таковые же акты какъ болѣе узкихъ по своей территоріи Союзовъ и ихъ Съѣздовъ, такъ равно и мѣстныхъ Совѣтовъ.

78. Всѣ предметы, не указанные въ компетенціи болѣе широкихъ Союзовъ и ихъ Съѣздовъ, почитаются въ силу настоящей Конституціи, предоставленными, прежде всего, законодательной и правительственной дѣятельности болѣе узкихъ и въ частности мѣстныхъ Союзовъ и Совѣтовъ.

79. Всѣ случаи спора и столкновенія законодательныхъ и правительственныхъ актовъ центральной власти и мѣстныхъ Союзовъ и Совѣтовъ разрѣшаются на вышеуказанныхъ началахъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О бюджетѣ Республики.

80. Всѣ доходы и расходы Р. С. Ф. С. Р. объединяются въ періодически установленномъ бюджетѣ.

81. Общій бюджетъ устанавливается Всероссійскими Съѣздами, которые опредѣляютъ какъ виды доходовъ и сборовъ, входящихъ въ бюджетъ Республики, такъ равно и предѣлы обложенія мѣстныхъ Совѣтовъ и ихъ Съѣздовъ.

82. Мѣстнымъ Совѣтамъ и ихъ Съѣздамъ могутъ быть предоставлены центральною властью Республики особые кредиты на слѣдующихъ основаніяхъ:

I. Кредиты открываются лишь тѣмъ мѣстнымъ Совѣтамъ и ихъ Съѣздамъ, которые ведутъ строгій учетъ своимъ финансамъ и обладаютъ упорядочнымъ бюджетомъ.

II. Кредиты открываются подъ отчетъ лишь на нужды имѣющія обще-государственное значеніе.

III. Кредиты открываются мѣстнымъ Совѣтамъ и Съѣздамъ по смѣтамъ отдѣльныхъ Народныхъ Комиссаріатовъ или равныхъ имъ установленій.

IV. Ссуды и пособія непосредственно на удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ ассигнуются исключительно В. Ц. И. К.

V. Получившія кредиты и ссуды мѣстныя Совѣтскія учрежденія подчиняются вѣдѣнію Государственнаго Контроля.

83. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ отдѣльныя ассигнованія внѣ общаго бюджета могутъ быть произведены постановленіями В. Ц. И. К. или С. Н. К.

Примѣчаніе. Въ этихъ случаяхъ ассигнованіе не можетъ быть произведено безъ истребованія предварительно заключеній Народнаго Комиссаріата Финансовъ и Государственнаго Контроля.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О гербѣ и флагѣ Р. С. Ф. С. Республики.

84. Гербъ Р. С. Ф. С. Республики состоитъ изъ изображеній на красномъ фонѣ въ солнца лучахъ золотыхъ серпа и молота, помѣщенныхъ крестъ-на-крестъ рукоятками книзу, окруженныхъ вѣнцомъ изъ колосьевъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

О введеніи въ дѣйствіе настоящей Конституціи.

86. Настоящая Конституція по одобреніи ея V Всероссійскимъ Съѣздомъ Совѣтовъ вступаетъ въ дѣйствіе немедленно по ея опубликованіи въ Собраніи Узаконеній и Распоряженій Рабоче-Крестьянскаго Правительства.

87. Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтамъ и Съѣздамъ, имѣющимъ право представительства на Всероссійскомъ Съѣздѣ, предоставляется въ теченіе двухъ мѣсяцевъ рѣшить, угодно ли имъ созвать 1-го сентября или позже Чрезвычайный Учредительный Съѣздъ для пересмотра и измѣненія настоящей Конституціи, или нѣтъ.

88. Если бы болѣе половины упомянутыхъ въ ст. 87 Совѣтовъ и Съѣздовъ рѣшили вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, то 1-го сентября или въ иной, болѣе поздній срокъ по назначенію В. Ц. И. К. будетъ созванъ Учредительный Съѣздъ для соотвѣтственныхъ измѣненій Конституціи въ порядкѣ ст. 71 настоящей Конституціи.

Приложеніе второе.

Конституція (основной законъ) Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики.

Постановленіе 5-го Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ, принятое въ засѣданіи 10 Іюля 1918 г.

Утвержденная 3-мъ Всероссійскомъ Съѣздомъ Совѣтовъ, въ январѣ 1918 года, декларація правъ трудящагося и эксплоатируемаго народа, вмѣстѣ съ утверждаемой 5-мъ Съѣздомъ Конституціей Совѣтской Республики, составляетъ единый основной законъ Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики.

Этотъ основной законъ вступаетъ въ дѣйствіе съ момента его опубликованія въ окончательной формѣ въ „Извѣстіяхъ В. Ц. И. К.". Онъ долженъ быть распубликованъ всѣми мѣстными органами Совѣтской власти и выставленъ во всѣхъ Совѣтскихъ учрежденіяхъ на видномъ мѣстѣ.

5-й Съѣздъ поручаетъ Народному Комиссаріату Просвѣщенія ввести во всѣхъ безъ изъятія школахъ и учебныхъ заведеніяхъ Россійской Республики изученіе основныхъ положеній настоящей Конституціи, а равно и ихъ разъясненіе и истолкованіе.

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Декларація правъ трудящагося и эксплоатируемаго народа.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1. Россія объявляется Республикой Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ. Вся власть въ центрѣ и на мѣстахъ принадлежитъ этимъ Совѣтамъ.

2. Совѣтская Россійская Республика учреждается на основѣ свободнаго союза свободныхъ націй, какъ федерація Совѣтскихъ національныхъ республикъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

3. Ставя своей основной задачей уничтоженіе всякой эксплотаціи человѣка человѣкомъ, полное устраненіе дѣленія общества на классы, безпощадное подавленіе эксплоататоровъ, установленіе соціалистической организаціи общества и побѣды соціализма во всѣхъ странахъ, III Всеросс. Съѣздъ С. Р. С. и Кр. Деп. постановляетъ далѣе:

а) Въ осуществленіе соціализаціи земли, частная собственность на землю отмѣняется и весь земельный фондъ объявляется общенароднымъ достояніемъ и передается трудящимся безъ выкупа, на началахъ уравнительнаго землепользованія.

б) Всѣ лѣса, нѣдра и воды общегосударственнаго значенія, а равно весь живой и мертвый инвентарь, образцовыя помѣстья и сельско-хозяйственныя предпріятія объявляются національнымъ достояніемъ.

в) Какъ первый шагъ къ полному переходу фабрикъ, заводовъ, рудниковъ, желѣзныхъ дорогъ и прочихъ средствъ производства и транспорта въ собственность Совѣтской Рабоче-Крестьянской Республики, подтверждается Совѣтскій законъ о рабочемъ контролѣ и о Высшемъ Совѣтѣ Народнаго хозяйства въ цѣляхъ обезпеченія власти трудящихся надъ эксплоататорами.

г) Какъ первый ударъ международному банковому, финансовому капиталу, III Съѣздъ Совѣтовъ разсматриваетъ Совѣтскій законъ объ аннулированіи (уничтоженіи) займовъ, заключенныхъ правительствомъ царя, помѣщиковъ и буржуазіи, выражая увѣренность, что Совѣтская власть пойдетъ твердо по этому пути вплоть до полной побѣды международнаго рабочаго возстанія противъ ига капитала.

д) Подтверждается переходъ всѣхъ банковъ въ собственность рабоче-крестьянскаго государства, какъ одно изъ условій освобожденія трудящихся массъ изъ подъ ига капитала.

ж) Въ интересахъ обезпеченія всей полноты власти за трудящимися массами и устраненія всякой возможности возстановленія власти эксплоататоровъ, декретируется вооруженіе трудящихся, образованіе соціалистической красной арміи рабочихъ и крестьянъ и полное разоруженіе имущихъ классовъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

4. Выражая непреклонную рѣшимость вырвать человѣчество изъ когтей финансоваго капитала и имперіализма, залившихъ землю кровью въ настоящей, преступнѣйшей изъ всѣхъ войнъ, III Съѣздъ Совѣтовъ всецѣло присоединяется къ проводимой Совѣтской властью политикѣ разрыва тайныхъ договоровъ, организаціи самаго широкаго братанія съ рабочими и крестьянами воюющихъ нынѣ между собой армій и достиженія во что бы то ни стало революціонными мѣрами демократическаго мира трудящихся, безъ аннексій и контрибуцій, на основѣ свободнаго самоопредѣленія націй.

5. Въ тѣхъ же цѣляхъ III Съѣздъ Совѣтовъ настаиваетъ на полномъ разрывѣ варварской политики буржуазной цивилизаціи, строившей благосостояніе эксплоататоровъ въ немногихъ избранныхъ націяхъ на порабощеніи сотенъ милліоновъ трудящагося населенія въ Азіи, въ колоніяхъ, вообще, и въ малыхъ странахъ.

6. III Съѣздъ Совѣтовъ привѣтствуетъ политику Совѣта Народныхъ Комиссаровъ, провозгласившаго полную независимость Финляндіи, начавшаго выводъ войскъ изъ Персіи, объявившаго свободу самоопредѣленія Арменіи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

7. III Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ Р. С. и Кр. Депутатовъ полагаетъ, что теперь, въ моментъ рѣшительной борьбы пролетаріата съ его эксплоататорами, эксплоататорамъ не можетъ быть мѣста ни въ одномъ изъ органовъ власти. Власть должна принадлежать цѣликомъ и исключительно трудящимся массамъ и ихъ полномочному представительству — Совѣтамъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ.

8. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стремясь создать дѣйствительно свободный и добровольный, а слѣдовательно, тѣмъ болѣе и прочный, союзъ трудящихся классовъ всѣхъ націй Россіи, III Съѣздъ Совѣтовъ ограничивается установленіемъ коренныхъ началъ федераціи Совѣтскихъ Республикъ Россіи, предоставляя рабочимъ и крестьянамъ каждой націи принять самостоятельно рѣшеніе на своемъ собственномъ полномочномъ Совѣтскомъ Съѣздѣ: желаютъ ли они и на какихъ основаніяхъ участвовать въ федеральномъ правительствѣ и въ остальныхъ федеральныхъ Совѣтскихъ учрежденіяхъ.

РАЗДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Общія положенія Конституціи Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

9. Основная задача разсчитанной на настоящій переходный моментъ Конституціи Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики заключается въ установленіи диктатуры городского и сельскаго пролетаріата и бѣднѣйшаго крестьянства въ видѣ мощной Всероссійской Совѣтской власти въ цѣляхъ полнаго подавленія буржуазіи, уничтоженія эксплоатаціи человѣка человѣкомъ и водворенія соціализма, при которомъ не будетъ ни дѣленія на классы, ни государственной власти.

10. Россійская Республика есть свободное соціалистическое общество всѣхъ трудящихся Россіи. Вся власть въ предѣлахъ Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики принадлежитъ всему рабочему населенію страны, объединенному въ городскихъ и сельскихъ Совѣтахъ.

11. Совѣты областей, отличающихся особымъ бытомъ и національнымъ составомъ, могутъ объединяться въ автономные областные союзы, во главѣ которыхъ, какъ и во главѣ всякихъ могущихъ быть образованными областныхъ объединеній вообще, стоятъ областные Съѣзды Совѣтовъ и ихъ исполнительные органы.

Эти автономные областные союзы входятъ на началахъ федераціи въ Россійскую Соціалистическую Федеративную Совѣтскую Республику.

12. Верховная власть въ Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республикѣ принадлежитъ Всероссійскому Съѣзду Совѣтовъ, а въ періодъ между съѣздами, — Всероссійскому Центральному Исполнительному Комитету.

13. Въ цѣляхъ обезпеченія за трудящимися дѣйствительной свободы совѣсти, церковь отдѣляется отъ государства и школа отъ церкви, а свобода религіозной и антирелигіозной пропаганды признается за всѣми гражданами.

14. Въ цѣляхъ обезпеченія за трудящимися дѣйствительной свободы выраженія своихъ мнѣній, Р. С. Ф. С. Р. уничтожаетъ зависимость печати отъ капитала и пре-

доставляетъ въ руки рабочаго класса и крестьянской бѣдноты всѣ техническія и матеріальныя средства къ изданію газетъ, брошюръ, книгъ и всякихъ другихъ произведеній печати и обезпечиваетъ ихъ свободное распространеніе по всей странѣ.

15. Въ цѣляхъ обезпеченія за трудящимися дѣйствительной свободы собраній, Р. С. Ф. С. Р., признавая право гражданъ Совѣтской Республики свободно устраивать собранія, митинги, шествія и т. п., предоставляетъ въ распоряженіе рабочаго класса и крестьянской бѣдноты всѣ пригодныя для устройства народныхъ собраній помѣщенія съ обстановкой, освѣщеніемъ и отопленіемъ.

16. Въ цѣляхъ обезпеченія за трудящимися дѣйствительной свободы союзовъ, Р. С. Ф. С. Р., сломивъ экономическую и политическую власть имущихъ классовъ и этимъ устранивъ всѣ препятствія, которыя до сихъ поръ мѣшали въ буржуазномъ обществѣ рабочимъ и крестьянамъ пользоваться свободой организаціи и дѣйствія, оказываетъ рабочимъ и бѣднѣйшимъ крестьянамъ всяческое содѣйствіе, матеріальное и иное, для ихъ объединенія и организаціи.

17. Въ цѣляхъ обезпеченія за трудящимися дѣйствительнаго доступа къ знанію, Р. С. Ф. С. Р. ставитъ своею задачей предоставить рабочимъ и бѣднѣйшимъ крестьянамъ полное и всестороннее безплатное образованіе.

18. Р. С. Ф. С. Р признаетъ трудъ обязанностью всѣхъ гражданъ республики и провозглашаетъ лозунгъ: „Не трудящійся, да не ѣстъ!".

19. Въ цѣляхъ всемѣрной охраны завоеваній великой рабоче-крестьянской революціи, Р. С. Ф. С. Р. признаетъ обязанностью всѣхъ гражданъ Республики защиту соціалистическаго отечества и устанавливаетъ всеобщую воинскую повинность. Почетное право защищать революцію съ оружіемъ въ рукахъ представляется только трудящимся, на нетрудовые же элементы возлагается отправленіе иныхъ военныхъ обязанностей.

20. Исходя изъ солидарности трудящихся всѣхъ націй, Р. С. Ф. С. Р. предоставляетъ всѣ политическія права россійскихъ гражданъ иностранцамъ, проживающимъ на территоріи Россійской Республики для трудовыхъ занятій и принадлежащимъ къ рабочему классу или къ не пользующемуся чужимъ трудомъ крестьянству, и признаетъ за мѣстными Совѣтами право предоставлять такимъ иностранцамъ, безъ всякихъ затруднительныхъ формальностей, права россійскаго гражданства.

21. Р. С. Ф. С. Р. предоставляетъ право убѣжища всѣмъ иностранцамъ, подвергающимся преслѣдованію за политическія и религіозныя преступленія.

22. Р. С. Ф. С. Р., признавая равныя права за гражданами независимо отъ ихъ расовой и національной принадлежности, объявляетъ противорѣчащимъ основнымъ законамъ Республики установленіе или допущеніе какихъ либо привилегій или преимуществъ на этомъ основаніи, а равно какое бы то ни было угнетеніе національныхъ меньшинствъ или ограниченіе ихъ равноправія.

23. Руководствуясь интересами рабочаго класса въ цѣломъ, Р. С. Ф. С. Р. лишаетъ отдѣльныхъ лицъ и отдѣльныя группы правъ, которыя использовываются ими въ ущербъ интересамъ соціалистической революціи.

РАЗДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Конструкція Совѣтской Власти.

А. Организація Центральной власти.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О Всероссійскомъ Съѣздѣ Совѣтовъ Рабочихъ, Крестьянскихъ, Казачьихъ и Красноармейскихъ Депутатовъ.

24. Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ является высшей властью Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики.

25. Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ составляется изъ представителей Городскихъ Совѣтовъ, по разсчету 1 депутата на 25000 избирателей, и представителей Губернскихъ Съѣздовъ, по расчету 1 депутата на 125 тысячъ жителей.

Примѣчаніе 1. Въ случаѣ, если Губернскій Съѣздъ Совѣтовъ не предшествуетъ Всероссійскому Съѣзду, то делегаты на послѣдній посылаются непосредственно Уѣздными Съѣздами.

Примѣчаніе 2. Въ случаѣ, если Областной Съѣздъ Совѣтовъ непосредственно предшествуетъ Всероссійскому Съѣзду, то делегаты на послѣдній могутъ быть посланы Областнымъ Съѣздомъ.

26. Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ созывается Всероссійскимъ Центральнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ не рѣже двухъ разъ въ годъ.

27. Чрезвычайный Всероссійскій Съѣздъ созывается Всероссійскимъ Центральнымъ Комитетомъ по собственному почину или по требованію Совѣтовъ мѣстностей, насчитывающихъ не менѣе 1/3 всего населенія Республики.

28. Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ избираетъ В. Ц. И. К. въ числѣ не свыше 200 человѣкъ.

29. Всероссійскій Ц. И. К. всецѣло отвѣтственъ передъ Всероссійскимъ Съѣздомъ Совѣтовъ.

30. Въ періодъ между Съѣздами высшей властью Республики является Всероссійскій Центральный Исполнительный Комитетъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О Всероссійскомъ Центральномъ Исполнительномъ Комитетѣ.

31. В. Ц. И. К. является высшимъ законодательнымъ, распорядительнымъ и контролирующимъ органомъ Р. С. Ф. С. Р.

32. В. Ц. И. К. даетъ общее направленіе дѣятельности рабоче-крестьянскаго правительства и всѣхъ органовъ Совѣтской власти въ странѣ, объединяетъ и согласуетъ работы по законодательству и управленію и наблюдаетъ за проведеніемъ въ жизнь Совѣтской конституціи, постановленій Всероссійскихъ Съѣздовъ Совѣтовъ и центральныхъ органовъ Совѣтской власти.

33. В. Ц. И. К. разсматриваетъ и утверждаетъ проекты декретовъ и иныя предложенія, вносимыя Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ или отдѣльными вѣдомствами, а также издаетъ собственные декреты и распоряженія.

34. В. Ц. И. К. созываетъ Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ, которому представляетъ отчетъ о своей дѣятельности и доклады по общей политикѣ и отдѣльнымъ вопросамъ.

35. В. Ц. И. К. образуетъ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ для общаго управленія дѣлами Р. С. Ф. С. Р. и отдѣлы (народные комиссаріаты) для руководства отдѣльными отраслями управленія.

36. Члены В. Ц. И. К. работаютъ въ отдѣлахъ (народныхъ комиссаріатахъ) или выполняютъ особыя порученія В. Ц. И. К.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О Совѣтѣ Народныхъ Комиссаровъ.

37. Совѣту Нар. Ком. принадлежитъ общее управленіе дѣлами Р. С. Ф. С. Р.

38. Въ осуществленіе этой задачи, Сов. Нар. Ком. издаетъ декреты, распоряженія, инструкціи и, вообще, принимаетъ всѣ мѣры, необходимыя для правильнаго и быстраго теченія государственной жизни.

39. О всѣхъ своихъ постановленіяхъ и рѣшеніяхъ Сов. Нар. Ком. немедленно сообщаетъ В. Ц. И. К.

40. В. Ц. И. К. вправѣ отмѣнить или пріостановить всякое постановленіе или рѣшеніе Сов. Нар. Ком.

41. Всѣ постановленія и рѣшенія Сов. Нар. Ком., имѣющія крупное общеполитическое значеніе, представляются на разсмотрѣніе и утвержденіе В. Ц. И. К.

Примѣчаніе. Мѣропріятія, требующія неотложнаго выполненія, могутъ быть осуществлены Сов. Нар. Ком. непосредственно.

42. Члены Сов. Нар. Ком. стоятъ во главѣ отдѣльныхъ народныхъ комиссаріатовъ.

43. Народныхъ Комиссаріатовъ образуется 17, а именно:

а) по иностраннымъ дѣламъ;
б) по военнымъ дѣламъ;
в) по морскимъ дѣламъ;
г) по внутреннимъ дѣламъ;
д) юстиціи;
е) труда;
ж) соціальнаго обезпеченія;
з) народнаго просвѣщенія;
и) почтъ и телеграфовъ;
і) по національнымъ дѣламъ;
к) финансовъ;
л) путей сообщенія;
м) земледѣлія;
н) торговли и промышленности;
о) народнаго продовольствія;
п) государственнаго контроля;
р) Высшій Сов. Нар. Хозяйства;
с) здравоохраненія.

44. При каждомъ Народномъ Комиссарѣ, подъ его предсѣдательствомъ, образуется коллегія, члены которой утверждаются Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ.

45. Народный Комиссаръ вправѣ единолично принимать рѣшенія по всѣмъ вопросамъ, подлежащимъ вѣдѣнію соотвѣтствующаго комиссаріата, доводя о нихъ до свѣдѣнія коллегіи. Въ случаѣ несогласія коллегіи съ тѣмъ или инымъ рѣшеніемъ Народнаго Комиссара, коллегія, не пріостанавливая исполненія рѣшенія, можетъ обжа-

ловать его въ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ или Президіумъ В. Ц. И. К.

То же право обжалованія принадлежитъ и отдѣльнымъ членамъ коллегіи.

46. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ всецѣло отвѣтственъ передъ Всероссійскимъ Съѣздомъ Совѣтовъ и В. Ц. И. К.

47. Народные Комиссары и коллегіи при Народныхъ Комиссаріатахъ всецѣло отвѣтственны передъ Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ и передъ В. Ц. И. К.

48. Званіе Народнаго Комиссара принадлежитъ исключительно членамъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ, вѣдающаго общими дѣлами Р. С. Ф. С. Р., и никакимъ инымъ представителямъ Совѣтской власти, какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ, присваиваемо быть не можетъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О предметахъ вѣдѣнія Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ и Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета.

49. Вѣдѣнію Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ и Всероссійскаго Центр. Исп. Ком. подлежатъ всѣ вопросы общегосударственнаго значенія, какъ то:

а) Утвержденіе, измѣненіе и дополненіе Конституціи Р. С. Ф. С. Р.

б) Общее руководство всей внѣшней и внутренней политикой Р. С. Ф. С. Р.

в) Установленіе и измѣненіе границъ, а равно отчужденіе частей территоріи Р. С. Ф. С. Р. или принадлежащихъ ей правъ.

г) Установленіе границъ и компетенціи областныхъ Съѣздовъ Совѣтовъ, входящихъ въ составъ Р. С. Ф. С. Р., а также разрѣшеніе споровъ между ними.

д) Принятіе въ составъ Р. С. Ф. С. Р. новыхъ сочленовъ Совѣтской Республики и признаніе выхода изъ Россійской Федераціи отдѣльныхъ частей ея.

е) Общее административное раздѣленіе территоріи Р. С. Ф. С. Р. и утвержденіе областныхъ объединеній.

ж) Установленіе и измѣненіе системы мѣръ, вѣсовъ и денегъ на территоріи Р. С. Ф. С. Р.

з) Отношенія съ иностранными государствами, объявленіе войны и заключеніе мира.

и) Заключеніе займовъ, таможенныхъ и торговыхъ договоровъ, а равно финансовыхъ соглашеній.

к) Установленіе основъ и общаго плана всего народнаго хозяйства и отдѣльныхъ его отраслей на территоріи Р. С. Ф. С. Р.

л) Утвержденіе бюджета Р. С. Ф. С. Р.

м) Установленіе общегосударственныхъ налоговъ и повинностей.

н) Установленіе основъ организаціи вооруженныхъ силъ Р. С. Ф. С. Р.

о) Общегосударственное законодательство, судоустройство и судопроизводство, гражданское, уголовное законодательство и пр.

п) Назначеніе и смѣщеніе какъ отдѣльныхъ членовъ С. Н. К., такъ и всего С. Н. К. въ цѣломъ, а также утвержденіе Предсѣдателя С. Н. К.

р) Изданіе общихъ постановленій о пріобрѣтеніи и утратѣ правъ россійскаго гражданства и о правахъ иностранцевъ на территоріи Республики.

с) Право амнистіи, общей и частичной.

50. Сверхъ перечисленныхъ вопросовъ, вѣдѣнію Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ и Всероссійскаго Ц. И. К. подлежатъ всѣ вопросы, которые они признаютъ подлежащими ихъ разрѣшенію.

51. Исключительному вѣдѣнію Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ подлежатъ:

а) Установленіе, дополненіе и измѣненіе основныхъ началъ Совѣтской Конституціи.

б) Ратификація мирныхъ договоровъ.

52. Разрѣшеніе вопросовъ, указанныхъ въ пунктѣ в и з ст. I, предоставляется Всероссійскому Ц. И. К. лишь при невозможности созыва Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ.

Б. Организація Совѣтской власти на мѣстахъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О Съѣздѣ Совѣтовъ.

53. Съѣзды Совѣтовъ составляются слѣдующимъ образомъ:

а) Областные—изъ представителей городскихъ Совѣтовъ и уѣздныхъ Съѣздовъ, по расчету 1 депутатъ на 25 тысячъ жителей, а отъ городовъ по 1 депутату на 5 тысячъ избирателей, но не болѣе 500 делегатовъ на всю область, либо изъ представителей губернскихъ Съѣздовъ Совѣтовъ, избираемыхъ по той же нормѣ, если этотъ

Съѣздъ собирается непосредственно передъ областнымъ Съѣздомъ.

б) Губернскіе (окружные) — изъ представителей городскихъ Совѣтовъ и волостныхъ Съѣздовъ по расчету 1 депутатъ на 10 тысячъ жителей, а отъ городовъ по 1 депутату на 2 тысячи избирателей, но не свыше 300 депутатовъ на всю губернію (округъ), при чемъ въ случаѣ созыва уѣзднаго Съѣзда Совѣтовъ непосредственно передъ губернскимъ, выборы производятся по той же нормѣ не волостными, а уѣзднымъ Съѣздомъ.

в) Уѣздные (районные)—изъ представителей сельскихъ Совѣтовъ, по расчету 1 депутатъ на тысячу жителей, но не свыше 300 депутатовъ на весь уѣздъ (районъ).

г) Волостные- изъ представителей всѣхъ сельскихъ Совѣтовъ волости, по расчету 1 депутатъ на каждые 10 членовъ Совѣта.

Примѣчаніе 1. Въ уѣздныхъ Съѣздахъ участвуютъ представители Совѣтовъ городовъ, населеніе которыхъ не превышаетъ 10 тысячъ человѣкъ; сельскіе Совѣты мѣстностей, насчитывающихъ менѣе 1 тысячи человѣкъ населенія для избиранія депутатовъ на уѣздный Съѣздъ объединяются.

Примѣчаніе 2. Сельскіе Совѣты, насчитывающіе менѣе 10 членовъ, посылаютъ на волостной Съѣздъ по 1 представителю.

54. Съѣзды Совѣтовъ созываются соотвѣтствующими по территоріи исполнительными органами Совѣтской власти (Исполнительными Комитетами) по усмотрѣнію послѣднихъ или по требованію Совѣтовъ мѣстностей, насчитывающихъ не менѣе $^1/_3$ всего населенія даннаго района, но, во всякомъ случаѣ, не рѣже двухъ разъ въ годъ по области, одного раза въ три мѣсяца по губерніи и уѣздамъ, и одного раза въ мѣсяцъ по волости.

55. Съѣздъ Совѣтовъ (областной, губернскій, уѣздный, волостной) избираетъ свой исполнительный органъ — Исполнительный Комитетъ, число членовъ котораго не должно превышать: а) по области и губерніи—25, б) по уѣзду—20, в) по волости—10. Исполнительный Комитетъ всецѣло отвѣтственъ передъ избравшимъ его Съѣздомъ Совѣтовъ.

56. Въ границахъ своего вѣдѣнія Съѣздъ Совѣтовъ (областной, губернскій, уѣздный, волостной), есть высшая въ предѣлахъ данной территоріи власть; въ періодъ же между Съѣздами такой властью является—Исполнительный Комитетъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О Совѣтахъ Депутатовъ.

57. Совѣты Депутатовъ образуются:

а) Въ городахъ — по расчету 1 депутатъ на каждые 1000 человѣкъ населенія, но въ числѣ не менѣе 50 и не болѣе 1000 членовъ.

б) Въ селеніяхъ (деревняхъ, селахъ, станицахъ, мѣстечкахъ, городахъ съ населеніемъ менѣе 10 000 человѣкъ, аулахъ, хуторахъ и пр.) — по расчету 1 депутатъ на каждые 100 человѣкъ, но въ числѣ не менѣе 3 и не болѣе 50 депутатовъ на каждое селеніе.

Срокъ полномочій депутатовъ — 3 мѣсяца.

Примѣчаніе: Въ тѣхъ сельскихъ мѣстностяхъ, гдѣ это будетъ признано осуществимымъ, вопросы управленія разрѣшаются общимъ собраніемъ избирателей даннаго селенія непосредственно.

58. Для текущей работы Совѣтъ Депутатовъ избираетъ изъ своей среды исполнительный органъ (Исполнительный Комитетъ), въ количествѣ не свыше 5 человѣкъ въ селеніяхъ, а въ городахъ по расчету 1 на каждые 50 членовъ но не менѣе 3 и не болѣе 15 (Петербургъ и Москва не болѣе 40). Исполнительный Комитетъ всецѣло отвѣтственъ передъ избравшимъ его Совѣтомъ.

59. Совѣтъ Депутатовъ созывается Исполнительнымъ Комитетомъ по усмотрѣнію послѣдняго или по требованію не менѣе половины членовъ Совѣта, но не рѣже 1 раза въ недѣлю въ городахъ и 2 разъ въ недѣлю въ селеніи.

60. Въ границахъ своего вѣдѣнія Совѣтъ, а въ случаѣ, предусмотрѣнномъ въ § 57 (примѣчаніе), общее собраніе избирателей есть высшая въ предѣлахъ данной территоріи власть.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

О предметахъ вѣдѣнія органовъ Совѣтской власти на мѣстахъ.

61. Областные, губернскіе, уѣздные и волостные органы Совѣтской власти, а также Совѣты Депутатовъ имѣютъ предметомъ своей дѣятельности:

а) проведеніе въ жизнь всѣхъ постановленій соотвѣтствующихъ высшихъ органовъ Совѣтской власти;

б) принятіе всѣхъ мѣръ къ поднятію данной территоріи въ культурномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ;

в) разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, имѣющихъ чисто мѣстное (для данной территоріи) значеніе;

г) Объединеніе всей Совѣтской дѣятельности въ предѣлахъ данной территоріи.

62. Съѣздамъ Совѣтовъ и ихъ Исполнительнымъ Комитетамъ принадлежитъ право контроля надъ дѣятельностью мѣстныхъ Совѣтовъ (т. е. областнымъ — право контроля надъ всѣми Совѣтами данной области, губернскимъ — надъ всѣми Совѣтами данной губерніи, кромѣ городскихъ, не входящихъ въ составъ уѣздныхъ съѣздовъ и т. д.), а областнымъ и губернскимъ съѣздамъ и ихъ исполнительнымъ Комитетамъ — кромѣ того, право отмѣны рѣшеній дѣйствующихъ въ ихъ районѣ Совѣтовъ, съ извѣщеніемъ объ этомъ въ важнѣйшихъ случаяхъ Центральной Совѣтской власти.

63. Для выполненія возложенныхъ на органы Совѣтской власти задачъ при Совѣтахъ (городскихъ и сельскихъ) и Исполнительныхъ Комитетахъ (областныхъ, губернскихъ, уѣздныхъ и волостныхъ) образуются соотвѣтствующіе отдѣлы во главѣ съ завѣдующими отдѣлами.

РАЗДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Активное и пассивное избирательное право.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

64. Правомъ избирать и быть избранными въ Совѣты пользуются, независимо отъ вѣроисповѣданія, національности, осѣдлости и т. п., слѣдующіе обоего пола граждане Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики, коимъ ко дню выборовъ исполнилось восемнадцать лѣтъ:

а) Всѣ добывающіе средства къ жизни производительнымъ и общественно полезнымъ трудомъ, а также лица, занятыя домашнимъ хозяйствомъ, обезпечивающимъ для первыхъ возможность производительнаго труда, какъ то: рабочіе и служащіе всѣхъ видовъ и категорій, занятые въ промышленности, торговлѣ, сельскомъ хозяйствѣ и проч., крестьяне и казаки-земледѣльцы, не пользующіеся наемнымъ трудомъ съ цѣлью извлеченія прибыли.

б) Солдаты Совѣтской арміи и флота.

в) Гражцане, входящіе въ категоріи, перечисленныя въ пунктахъ 1 и 2 статьи 82, потерявшіе въ какой-либо мѣрѣ трудоспособность.

Примѣчаніе 1: Мѣстные Совѣты могутъ, съ утвержденія Центральной власти, понижать установленную въ настоящей статью возрастную норму.

Примѣчаніе 2: Изъ лицъ, не вступившихъ въ число россійскихъ гражданъ, пользуются активнымъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ также лица, указанныя въ ст. 20. (Раздѣлъ второй, глава пятая).

65. Не избираютъ и не могутъ быть избранными, хотя бы они входили въ одну изъ вышеперечисленныхъ категорій:

а) лица, прибѣгающія къ наемному труду съ цѣлью извлеченія прибыли:

б) лица, живущія на нетрудовой доходъ, какъ-то: проценты съ капитала, доходы съ предпріятій, поступленія съ имущества и т. п.;

в) частные торговцы, торговые и коммерческіе посредники;

г) монахи и духовные служители церквей и религіозныхъ культовъ;

д) служащіе и агенты бывшей полиціи, особаго корпуса жандармовъ и охранныхъ отдѣленій, а также члены царствовавшаго въ Россіи дома;

е) лица, признанныя въ установленномъ порядкѣ душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящія подъ опекой;

ж) лица, осужденныя за корыстныя и порочащія преступленія, на срокъ, установленный закономъ или судебнымъ приговоромъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

О производствѣ выборовъ.

66. Выборы производятся, согласно установившимся обычаямъ, въ дни, устанавливаемые мѣстными Совѣтами.

67. Выборы производятся въ присутствіи избирательной комиссіи и представителя мѣстнаго Совѣта.

68. Въ тѣхъ случаяхъ, когда присутствіе представителя Совѣтской власти оказывается технически невозможнымъ, его замѣняетъ предсѣдатель избирательной комиссіи, а за отсутствіемъ таковаго, предсѣдатель избирательнаго собранія.

69. О ходѣ и результатѣ выборовъ составляется протоколъ за подписью членовъ избирательной комиссіи и представителя Совѣта.

70. Подробный порядокъ производства выборовъ, а равно участіе въ нихъ профессіональныхъ и иныхъ рабочихъ организацій, опредѣляется мѣстными Совѣтами, согласно инструкціи В. Ц. И. К.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

О провѣркѣ и отмѣнѣ выборовъ и объ отзывѣ Депутатовъ.

71. Весь матеріалъ по производству выборовъ поступаетъ въ соотвѣтственный Совѣтъ.

72. Совѣтъ для провѣрки выборовъ назначаетъ мандатную комисссію.

73. О результатахъ провѣрки мандатная комиссія докладываетъ Совѣту.

74. Совѣтъ рѣшаетъ вопросъ объ утвержденіи спорныхъ кандидатовъ.

75. Въ случаѣ неутвержденія того или иного кандидата, Совѣтъ назначаетъ новые выборы.

76. Въ случаѣ неправильности выборовъ въ цѣломъ, вопросъ объ отмѣнѣ выборовъ разрѣшается высшимъ по порядку органомъ Совѣтской власти.

77. Послѣдней инстанціей по кассаціи Совѣтскихъ выборовъ является В. Ц. И. К.

78. Избиратели, пославшіе въ Совѣтъ депутата, имѣютъ право во всякое время отозвать его и произвести новые выборы, согласно общему положенію.

РАЗДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Бюджетное право.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

79. Финансовая политика Р. С. Ф. С. Р. въ настоящій переходный моментъ диктатуры трудящихся способствуетъ основной цѣли экспропріаціи буржуазіи и подготовленія условій для всеобщаго равенства гражданъ Республики въ области производства и распредѣленія богатствъ. Въ этихъ цѣляхъ она ставитъ себѣ задачей предоставить въ распоряженіе органовъ Совѣтской власти всѣ необходимыя средства для удовлетворенія мѣстныхъ и общегосударственныхъ нуждъ Совѣтской Республики, не останавливаясь передъ вторженіемъ въ право частной собственности.

80. Государственные доходы и расходы Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики объединяются въ общегосударственномъ бюджетѣ.

81. Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ или Всероссійскій Центральный Исполнительный Комитетъ опредѣляютъ какіе виды доходовъ и сборовъ входятъ въ общегосударственный бюджетъ и какіе поступаютъ въ распоряженіе мѣстныхъ Совѣтовъ, а равно устанавливаютъ предѣлы обложенія.

82. Совѣты устанавливаютъ обложеніе налогами и сборами исключительно на нужды мѣстнаго хозяйства. Потребности общегосударственныя удовлетворяются за счетъ средствъ, отпускаемыхъ изъ государственнаго казначейства.

83. Ни одинъ расходъ изъ средствъ государственнаго казначейства не можетъ быть произведенъ безъ представленія на него кредита въ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ или путемъ изданія особаго постановленія Центральной власти.

84. На удовлетвореніе потребностей, имѣющихъ общегосударственное значеніе, въ распоряженіе мѣстныхъ Совѣтовъ предоставляются подлежащими Народными Комиссаріатами необходимые кредиты изъ государственнаго казначейства.

85. Всѣ предоставленные Совѣтамъ кредиты изъ средствъ государственнаго казначейства, а равно кредиты, утвержденные по смѣтамъ на мѣстныя нужды, расходуются ими въ предѣлахъ смѣтныхъ подраздѣленій (параграфы и статьи) по прямому назначенію и не могутъ быть обращаемы на удовлетвореніе какихъ-либо иныхъ потребностей безъ особаго постановленія В. Ц. И. К. и С. Н. К.

86. Мѣстные Совѣты составляютъ полугодовыя и годовыя смѣты доходовъ и расходовъ на мѣстныя нужды. Смѣты сельскихъ и волостныхъ Совѣтовъ и Совѣтовъ городовъ, участвующихъ въ уѣздныхъ съѣздахъ, а также смѣты уѣздныхъ органовъ Совѣтской власти утверждаются соотвѣтственно губернскими и областными съѣздами или ихъ исполнительными комитетами; смѣты городскихъ, губернскихъ областныхъ органовъ Совѣтской власти утверждаются Всероссійскимъ Центральнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ и Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ.

87. На расходы, не предусмотрѣнные смѣтами, а также, въ случаѣ недостаточности смѣтныхъ назначеній, дополнительные кредиты Совѣты испрашиваютъ у подлежащихъ народныхъ Комиссаріатовъ.

88. Въ случаѣ недостаточности мѣстныхъ средствъ для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, необходимыя для покрытія неотложныхъ расходовъ пособія или ссуды изъ

средствъ государственнаго казначейства мѣстнымъ Совѣтамъ разрѣшаются Всероссійскимъ Центральнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ и Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ.

РАЗДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

О гербѣ и флагѣ Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

89. Гербъ Р. С. Ф. С. Р. состоитъ изъ изображеній на красномъ фонѣ въ лучахъ солнца золотыхъ серпа и молота, помѣщенныхъ крестъ-на-крестъ рукоятками къ низу, окруженныхъ вѣнцомъ изъ колосьевъ, и съ надписью:

а) Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика, и

б) Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь.

90. Торговый, морской и военный флагъ Р. С. Ф. С. Р. состоитъ изъ полотнища краснаго (алаго) цвѣта, въ лѣвомъ углу котораго у древка, наверху, помѣщены золотыя буквы Р. С. Ф. С. Р. или надпись: Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика.

Предсѣдатель 5-го Всеросс. Съѣзда Сов. и В. Ц. И. К.
Я. Свердловъ.

Члены Президіума В. Ц. И. К.

Т. И. Теодоровичъ.
Ф. А. Розинъ.
А. П. Розенгольцъ.
А. Х. Митрофановъ.
К. Г. Максимовъ.

Секретарь В. Ц. И. К.

В. А. Аванесовъ.

РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ ЕВГЕНІЯ АЛ. ГУЗНОВА
БЕРЛИН S.W. BRIESENSTRASSE 60-62

Оглавленіе.

Стр.

Б. КАМКОВЪ

Органическій недугъ 7

А. ШРЕЙДЕРЪ

Федеративная Совѣтская Республика 29

Приложеніе первое

Проектъ Конституціи Народнаго Комиссаріата Юстиціи 116

Приложеніе второе

Конституція 10 іюля 1918 г. 129

А. ЛУНАЧАРСКИЙ

БЫВШИЕ ЛЮДИ

ОЧЕРК ИСТОРИИ ПАРТИИ ЭС-ЭРОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1922

I.

Мелкая буржуазия.

Нынешний момент мировой истории определяется могучим и роковым столкновением капитала и труда. Общество распалось на две полярно противоположных силы,—на сравнительно небольшую кучку промышленных, торговых и особенно финансовых капиталистов, держащих в своих руках огромные богатства, главным образом, в виде средств производства, подчинивших своему влиянию все без исключения правительства (кроме, конечно, пролетарских советских республик) и вступивших в период империализма, характеристикой которого является стремление подчинить себе гигантские массы культурно-недоразвившегося человечества, закрепить свое абсолютное господство над рабочим классом культурных наций и создать среди них иерархию, которая увенчивалась бы гегемонией промышленно-финансового капитала одной какой-нибудь страны.

На этой почве возникает бешеная конкуренция, приведшая к катастрофе Всеевропейской войны и грозящая теперь войной всемирной. Кошмарные перспективы, которые капитализм роковым образом развертывает перед человечеством, могут быть устранены толькой мощной волей пролетарского протеста. Многомиллионный пролетариат, — будь он до конца сознателен, будь ему известны его интересы и методы борьбы,—мог бы победить без большого труда, как класс не только многочисленный, но и самими капиталистами тесно сплоченный и организованный и к тому же могущий реально взять в свои руки промышленность, которая доминирует над всем мировым производством. Да, он мог бы без большого труда «экспроприировать экспроприаторов» и покончить с капиталистическим строем.

Самым большим препятствием в победе пролетариата над капитализмом, рядом с сознательностью и организованностью капиталистов, огромным весом их главного орудия—государства, является наличность очень большой массы промежуточных элементов.

К таким промежуточным элементам относятся все лица, живущие более или менее своим трудом, на основе личной собственности или высоко-квалифицированных знаний и умений, и не принадлежащие ни к капиталистам, эксплоататорам рабочих масс, ни к пролетариату, т.-е. к эксплоатируемым, не обладающим никакой частной собственностью. Сюда относятся крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы, интеллигенция.

ждая из этих групп в силу своего промежуточного характера внутренне далека от единства. Крестьянин-кулак приближается вплотную к буржуа-капиталисту. Безлошадный крестьянин приближается к типу земельного батрака-пролетария. Крупный ремесленник, имеющий несколько подмастерьев и учеников, есть не что иное, как маленький капиталист. Не имеющий впереди никаких видов подмастерье или бедняк, занимающийся починочной работой, собственность которого сводится к какому-нибудь шилу и дратве, есть, конечно, пролетарий, только не об'единенный фабрикой, не слившийся, так сказать, с пролетарским морем. Мелкий коммерсант, эксплоатирующий пару приказчиков, целиком будет стоять за сохранение частной собственности, между тем как какой-нибудь разносчик, капитал которого заключается в лотке с папиросами, есть настоящий пролетарий, часто влачащий жизнь гораздо худшую, чем фабричный рабочий. Знаменитый врач, берущий баснословные гонорары, или директор фабрики, импонирующий самому капиталисту, почти ничем от капиталиста не отличаются. Мелкий чиновник, голодный студент и другие подобные типы составляют большой слой интеллигентного пролетариата.

Беда этих промежуточных слоев, которые можно обозначить одним термином «мелкая буржуазия», заключается в том, что их полупролетарские элементы, в отличие от фабрично-заводского пролетариата, разрознены и поэтому склонны к расплывчатым идеологиям анархистов или мечтательного утопического социализма, даже в своей наиболее сознательной части.

Средние же слои как раз являются носителями высокой культуры. Это, главным образом, интеллигенция. Во всяком случае интеллигенция играет среди этих средних слоев мелкой буржуазии руководящую роль. Но, в свою очередь, социально-дезорганизованная, неразрывными нитями связанная с высшим слоем мелкой буржуазии, эта интеллигенция неопределенна в своих настроениях, мечется из стороны в сторону, испытывает на себе давление разных классов.

В результате мелкая буржуазия распадается на множество политических групп, вокруг самых различных знамен, из которых особенно заметными являются буржуазный радикализм, анархизм во всех его разновидностях, различного рода оппортунистический социализм, а вместе с тем и отвратительный антисемитизм, порожденный конкуренцией национальной мелкой буржуазии с играющей во многих странах большую роль мелкой буржуазией чисто городского в настоящее время и интернационального народа—еврейского.

Было время, когда эта мелкая буржуазия имела полную возможность сыграть весьма эффектную революционную роль. Это было тогда, когда пролетариата еще не было или он находился в зародыше. Мелкая буржуазия, опираясь на крестьянство (во многом родное ей по духу), произвела крупнейшие революции: крестьянские войны в Германии XVI века, английская революция в конце XVII века, американская революция половины XVIII века, французская революция в конце XVIII века.

Правда, мелкая буржуазия, в силу своей разрозненности, никогда не могла закрепить завоеванных ею позиций, и, способствуя мощному распаду остатков феодализма и крушению абсолютизма, в конце-концов

вынуждена бывала уступить фактически руководящую роль в обществе крупной буржуазии, капиталистам, к которым в значительной степени и переходила после этого на службу.

Тем не менее нельзя отрицать, что заслуги мелкой буржуазии в эту пору, умевшей, по выражению Маркса, плебейски доводить революцию до конца, очень велики и что они являются в этом смысле предшественниками пролетариата, который чтит память крупнейших из руководителей мелкой буржуазии в ее истинно-революционную пору.

Однако позднее, когда пролетариат определил свои цели и его авангард стал энергично вмешиваться в политическую жизнь, половинчатая мелкая буржуазия постепенно отошла на враждебную к нему позицию. Конечно, низшие слои мелкой буржуазии так неразрывно сцеплялись с пролетариатом, особенно в первое время, что часто получалась амальгама или, вернее, мешанина, в которой мелкая буржуазия засоряла ясное сознание пролетариата. Пролетариат же, в свою очередь, увлекал мелкую буржуазию за собою.

Но чем дальше, тем яснее становилось, что эти два класса могут итти по одному пути только постольку, поскольку мелкая буржуазия, в конце-концов, подчинилась бы безраздельно гегемонии пролетарской диктатуры. Мелкая буржуазия в ее радикальных элементах насыщалась социализмом и создавала формы социалистически-окрашенного радикализма (например: Прудон или Луи Блан) и мелко-буржуазно-окрашенного социализма (например, идеология большинства вождей Парижской Коммуны).

Карл Маркс говорит, что к 1847 году не было ни одного сколько-нибудь выдающегося политика мелкой буржуазии, который ради привлечения симпатий пролетариата, коего боевое значение было для всех ясно, не называл бы себя социалистом. Во Франции в 1848 году мелко-буржуазная партия Ледрю-Ролэна, воображавшая, что она является прямой продолжательницей великих террористов конца XVIII века, назвала себя характерно—социал-демократией.

Однако, вместе с рабочими совершив февральскую революцию 48 года в июньские дни, она целиком перешла в противоположный лагерь и помогла генералу Кавеньяку устроить кровавую баню пролетариату.

Карл Маркс и Энгельс беспощадно разоблачали гнусную, бесцветную и предательскую роль, какую сыграла мелкая буржуазия в истории революции середины XIX века в Германии и Австрии.

Вся дальнейшая история мелкой буржуазии явилась только развитием роли ее в 1848 г. Она от времени до времени почти примыкала к пролетариату, никогда не будучи его прочным союзником, и в огромном большинстве случаев, в особенности в лице зажиточного крестьянства, являлась главной опорой буржуазии в ее борьбе с пролетариатом.

Самым худшим, самым вредоносным, быть-может, проявлением мелкой буржуазии явилось засорение ею пролетарского сознания в больших рабочих партиях демократического типа, составлявших II Интернационал. Мелкая буржуазия нашла в пролетарской среде определенные круги родственного ей типа. Такими кругами были большею частью высоко-квалифицированные рабочие. Они хотя и работали на фабриках и заводах, но на особом положении, почти примыкая уже к техническо-

му, руководящему персоналу, имея крупно-мещанский жизненный уклад, известные перспективы впереди, принадлежа в некоторой степени сами больше к привилегированным, чем к эксплоатируемым.

Еще ближе к мелкой буржуазии стоял слой партийных и профессиональных чиновников: секретарей, казначеев, редакторов и т. д. Частью он уже сразу набирался из интеллигенции, частью же из рабочих, которые, отрываясь от станка, приобретали бюрократические навыки. В постоянном трении с буржуазией за период фактически мирного сожительства и парламентаризма, они к ней притирались, они устанавливали с ней довольно гармонические, удобные для себя отношения. Партия обросла как бы корой, которая, с одной стороны, оформляла, а с другой стороны, сдерживала ее силы и, в конце-концов, при об'явлении войны оказалась организацией подчинения пролетариата буржуазному режиму. Парламентаризм с его депутатами, одним из худших сортов партийного чиновничества, сыграл тут пагубную роль. Так называемые социал-оппортунисты, социал-патриоты или меньшевики— это целиком мелко-буржуазные партии, опирающиеся, главным образом, на эти будто бы пролетарские элементы. Несмотря ни на какую марксистскую окраску, элементы эти не могут не чувствовать величайшего тяготения к мелко-буржуазным партиям, пытающимся опереться главным образом, на интеллигенцию и крестьянство.

В России партии меньшевиков и эс-эров являются, таким образом, яркими и закономерными представителями мелко-буржуазных тенденций, осужденными вопреки, быть-может, своей воле, быть орудием контр-революции. При этом запомним то, что сказал Маркс по поводу их суб'ективного самосознания: «Политические этикетки отличаются от торговых тем, что обманывают не только потребителей, но и носителей их». Другими словами, эс-эры и меньшевики отнюдь не думают, что они являются выразителями мелкой буржуазии и слугами крупной буржуазии. Они полагают, что они самые настоящие социалисты, но, как говорит Маркс: «Людей и эпохи надо судить не по их мнению о себе, но по их делам». Дела сразу выясняют перед нами, с кем мы встречаемся.

II.

Мелко-буржуазная партия в России.

Тов. Ленин писал о мелкой буржуазии:

«Во всех капиталистических странах пролетариат неизбежно связан тысячами переходных ступеней со своим соседом справа—мелкой буржуазией. Во всех рабочих партиях неизбежно образование правого крыла, которое в своих взглядах, в своей тактике выражает тенденции мелко-буржуазного оппортунизма. В такой мелко-буржуазной стране, как России, в эпоху буржуазной революции эти тенденции не могли не проявиться гораздо резче, определеннее и ярче, чем где бы то ни было в Европе».

Революционная работа мелко-буржуазной партии в России делится на две полосы: до возникновения рабочей социалистической партии

после нее. Русские народники и русские террористы, примыкавшие по своему социальному составу целиком к мелкой буржуазии, играли в России ту же положительную роль, какую играли мелко-буржуазные революционеры в упомянутых нами революциях XVII и XVIII веков. Они были единственными представителями подлинных революционных настроений и подготовляли почву к дальнейшему революционному движению. Будучи героическими борцами против самодержавия, они густо окрашивали свои тенденции социалистической идеей. Об'яснялось это теми причинами, на которые мы указывали. Капитализм и пролетарское движение развились в Западной Европе до такой степени, социализм играл такую огромную роль в мировом революционном движении, что в запоздавших странах и мелкая буржуазия принимала социалистические идеалы и социалистические теории, конечно, видоизменяя их.

Так и русское народничество, несмотря на некоторую связь с марксизмом, далеко не восприняло в чистоте эту пролетарскую доктрину, а, так сказать, омужичило ее теорией общины и другими фантастическими ересями.

По мере того, как оказалось, что социалистически мыслящая мелкая буржуазия оторвана от масс и не может вызвать массового движения, она перешла, так сказать, к единоборству с самодержавием, в виде террора. Социалистические идеи тогда отступили на задний план, и на первый план выдвинулась борьба не на жизнь, а на смерть с самодержавием. Во всяком случае, энергия отчаяния, с которой велась эта борьба, и социалистические увлечения тогдашней мелкой буржуазии (из которых многие, если бы дожили до рабочего движения, несомненно, полностью к нему примкнули бы) делают великую честь тогдашней мелкой буржуазии, поэтому-то мы нисколько не отрекаемся от традиции народников и народовольцев, хотя и сознаем их ошибки, которые являются ошибками времени.

Совсем другое дело мелко-буржуазные партии (меньшевики и с.-р.), возникшие после начала развития рабочего движения, рядом с ним и в процессе его. Здесь мелкая буржуазия могла служить только помехой правильному развитию рабочего класса, засорять его, сталкивать его с настоящего пути. Кроме того, можно было ждать, что при развитии подлинной пролетарской революции эти партии совершенно так же, как французская и немецкая мелкая буржуазия в середине прошлого столетия, фактически окажутся по ту сторону баррикад.

Народническое движение в начале 80-х годов было совершенно разбито. В течение десяти лет продолжалось собирание единиц по кружкам и кружков в более сложные организации на почве старого народничества. Возникшая постепенно, таким образом, партия полагала, что она исправит ошибки народников, включив некоторые стороны марксизма в свои теоретические предпосылки и признав рабочий класс рядом с крестьянством и интеллигенцией важнейшим фактором грядущей революции.

На самом же деле возродившаяся таким образом партия являла лик, гораздо более спутанный и эклектичный, чем ее предшественники. К концу 90 годов работа продвинулась довольно далеко. К 1900 году

сложилась уже так называемая южная партия с.-р. и северный союз с.-р., которые в 1901 г. слились. Этот год и надо считать годом официального рождения эс-эровской партии. Социал-демократические органы, подобные «Рабочему делу», т.-е. сами «углубившие» марксизм до мелко-буржуазного понимания, приветствовали партию с.-р. и находили, что ей попросту надо пойти в рядах с.-д-ской партии,—до такой степени ее программа была расплывчата и вкорне как будто бы не противоречила социал-демократии. Даже орган «Искра» хотя и отнесся более критически к эс-эровской программе, тем не менее находил ее очень родственной своей программе. Это, однако, казалось только на вид и было несомненным заблуждением, что и вскрыл второй с'езд Р. С.-Д. Р. П., охарактеризовав партию с.-р. как такую, которая свой буржуазный радикализм, ко вреду для революционного значения, окутывала плохим социализмом, а свой социализм разбавляла вредными мелко-буржуазными ересями.

Эс-эровская партия, под руководством своего вождя Виктора Чернова, которого на третьем с'езде в хвалебной речи в его честь назвали «молодым гигантом, держащим на своих плечах тяжесть партийного быта», заняла сейчас же анти-марксистскую позицию. Ум расплывчатый, ставший во главе спутанно думающей мелкой буржуазии,—Чернов, конечно, абсолютно не смог вместить стальных форм пролетарского миросозерцания. Думая их углубить и расширить, он на самом деле разбавлял их всяческой водичкой.

Эклектизм, который принимался за широту, сделался основной чертой эс-эрства. В политическом отношении правое крыло эс-эрства целиком смыкалось с земской оппозицией, с либерализмом. Уже тогда отличить правого эс-эра от левого либерала представляло большие трудности.

Аграрная программа эс-эров представляла из себя путаницу, которая, в конечном счете, под видом социализации, т.-е. об'явления земли народной собственностью, приводила к минимому уравнению и мелкособственническому распылению (так называемые трудовые наделы), фактически к утопии, ибо уравненная собственность, хотя бы и условная, как это понимал еще Бабеф, обязательно должна из своей уравнительности выйти и процесс пауперизации на одном полюсе и капитализации на другом с силою стихии должен был начаться.

Факт, что мы сами после Октябрьской революции приняли эс-эровскую программу, поскольку ею пропитана была более активная часть крестьянства, отнюдь не доказывает правильности этой программы. Мы сделали это потому, что принятием такой программы и проведением ее в жизнь,—на что отнюдь не решалась и против чего боролась эс-эровская партия, когда оказалась у власти,—мы ознаменовали наш союз с крестьянством. Мы прекрасно понимали, что дело не может остановиться на этой утопической ступени и уже новый закон о землеустройстве, проходящий в В. Ц. И. К. в тот самый день, когда я пишу эти строки, является огромным шагом прочь от утопии к реальной жизни. Подлинные же наши пути по отношению к крестьянству как нельзя лучше указаны в речи тов. Ленина на XI с'езде партии. Это—реальная политическая и экономическая смычка с кре-

тьянством, электрификация, как база полного преображения техники земледелия и—на этой почве—рост крестьянского коллективизма.

Самые сношения эс-эров с крестьянами были в высшей степени слабы. Когда же позднее выделилось некоторое количество подлинно крестьянских революционеров, введших в практику аграрный террор, то эс-эровская партия отшатнулась от них и осудила их, так что они позднее создали свою собственную организацию эс-эров-максималистов, породившую много мелко-буржуазной путаницы, но энергичную, во многом подлинно социалистическую, что и привело, наконец, максималистов в значительной части в ряды коммунистической партии, а в остальной части к прочному союзу с коммунистами. Если вычесть работу будущих максималистов из деревенской работы эс-эров, то не получится ничего, кроме разве организации кулацких восстаний против пролетариата.

Работа эс-эров среди рабочих была еще гораздо более вредной. Здесь, пользуясь полукрестьянским составом фабрик и заводов, эс-эры активно боролись против действительной пролетаризации нашего рабочего класса, против проникновения его духом своего класса, т.-е. марксизмом, в последнем счете коммунизмом. Они удерживали развитие многих лучших среди рабочих, направляя их по линии наименьшего сопротивления. Мелко-буржуазному яду, живущему в сердце неоторвавшегося от деревни пролетария, придавали лишнюю и часто пагубную силу. Является как бы трагическим символом результатов работы эс-эров в рабочем классе фигура убийцы Володарского Сергеева. Этот маленький маляр, идеалист, мечтатель, был настолько сбит с толку эс-эрами, что, постоянно повторяя о своей мечте сделать что-нибудь для революции, в конце-концов, осуществил эту мечту путем убийства одного из преданнейших, энергичнейших, влиятельнейших вождей подлинной революции своего класса.

Наиболее выигрышной работой эс-эров, доставившей им временно весьма широкую популярность, является их террористическая борьба, в которой они также выступали в качестве продолжателей дела великих народовольцев.

Надо, однако, сразу сказать, что как политическое оружие, не говоря уже об отрицательных сторонах террора, которому я посвящаю следующую главу этой брошюры, террор имел чрезвычайно странный вид в руках этой мелкой буржуазии. Народовольцы, те, как известно, стремились к тому, чтобы дезорганизовать, разбить вдребезги государство правящих классов, при чем они несколько по-бакунински верили, что народ, так сказать, помимо своей воли раскованный, немедленно выступит, как творческая стихия, и создаст своеобразный общественно-артельный социализм.

Это было, может быть, наивно, но во всяком случае грандиозно. Грандиозно настолько, что даже Карл Маркс, видя гигантские усилия и выдающийся героизм борцов, допускал минутами их победу, хотя, конечно, и представлял себе дальнейшее развитие России идущим другими путями, чем думали народовольцы.

В руках же эс-эров террор превратился в веский аргумент кадетского типа. Так, «тигр революции», проницательный, энергичный, ловкий Гершуни, несомненно крупнейший человек, какого имело эс-эрство за последнее время, бесконечно возвышающийся над эклектиком и болтуном Черновым, при том же практик терроризма и в некоторой степени его создатель, в листовке, выпущенной после убийства министра Сипягина, писал: «Занимается заря великой борьбы, грозящей ужасами и бедствиями наполнить всю страну... Предотвратить ее возможно только одним,—предоставить народу мирным и культурным способом сдерживать произвол представителей власти».

Так писал революционнейший из эс-эров, который, таким образом, в сущности говоря, держа в руке револьвер, направленный на того или другого министра, заявлял: «Дайте нам куцую конституцию, при помощи которой мы могли бы сдерживать ваш произвол, и мы моментально сложим все наши бомбы в музей».

В таком же духе говорил Гершуни даже в своей знаменитой защитительной речи. Он и там подчеркивал, что правительство не дает возможности мирно бороться с собою, а поэтому ироническая формула: «Кадеты говорят правительству: «уступите нам, а не то эс-эры стрелять начнут», т.-е., другими словами, если вы уступите нам, эс-эры стрелять перестанут, — эта формула совершенно правильна и полностью выявляет политическую физиономию террора. Никакие сантиментальные россказни «бабушки» Брешко-Брешковской о том, что террор есть народный суд над тиранами, что это есть глубоко этическое служение народу, что, кроме того, самоотвержение, которого требует террор, возвышает душу эс-эров,—такая сантиментальная болтовня, которая на самом деле опровергается фактами, о чем мы будем еще говорить,—не может скрыть этот политический характер террора: вымогательства у правительства более *либерального* курса под угрозой бомбы или револьвера.

И не надо думать, что мы можем сослаться только на Гершуни для доказательства этого мизерного и, так сказать, минималистского характера эс-эровского терроризма. Нет, когда эс-эры попали в Думу (во вторую), их официальные ораторы поставили все точки над и. Так эс-эр Ржехин на заседании 12 марта 1906 года сказал: «Я утверждаю и говорю, что если только у нас будет политическая свобода, если только наше отечество будет развиваться на основах права, если будет введено всеобщее избирательное право и будет, таким образом, собран народ и народ будет управлять страной, то, конечно, ни о каких террористических актах не может быть ни речи, ни помину».

Итак, и здесь ясно, что террор был направлен не как социалистическое оружие против капитализма, а как либеральное оружие к «максимальным» достижениям, вроде всеобщего избирательного права.

Еще яснее высказывался другой депутат эс-эров, Архангельский на заседании 13 марта. Он сказал: «До тех пор, пока не будет дана возможность народу избрать полновластную Думу, до тех пор война будет стихийно подсказываться самым ходом дела,—до тех пор револю-

ционно настроенный народ будет прибегать к старым приемам действия». В этом месте правые кричали: «Позор, убийцы» и Архангельский находчиво ответил: «Этот позор (?!) будет для того строя, при котором нет возможности для мирной культурной работы, и мы говорим, что нужно нам всем создать такие условия, при которых не было бы такого позора».

Тут выходит даже, что гражданин Архангельский считал террор действительно позором, а не возвышающим душу героизмом, как утверждала Брешко-Брешковская. но что только позор этот он возлагал на голову людей, не дающих Думе достаточно прав. Ни одного слова о борьбе классов.

Если мы вспомним, что Плеханов говорил об эс-эрах: «Их революция никак не связана с социализмом, а их социализм никак не связан с революцией», то мы можем сказать, что самая энергичная их революция, т.-е. террор, действительно никак не связана с социализмом, и в этом смысле эс-эры играли роль револьвера в кармане или в руках у буржуазии.

III.

О терроре.

В предыдущей главе мы указали на то, какую политическую роль играл террор. Мы упоминали и о высокой аттестации, выданной этому методу борьбы «бабушкой» Брешко-Брешковской. На самом же деле террор глубочайшим образом разложил партию, послужил основой того неслыханного падения большой революционной партии, богатой, во всяком случае, и здоровыми силами, какого свидетелями мы сейчас являемся.

Конечно, мелко-буржуазные партии по половинчатости своей, по своему двойственному положению всегда, в конце-концов, в достаточной степени морально отвратительны. Но, именно, то, что в русской обстановке мелко-буржуазная партия вынуждена была принять на себя систематическую борьбу путем террора, ускорило ее разложение и придало ему особенно отталкивающие формы.

Мы настаиваем на этом, потому что некоторые эс-эры еще и сейчас думают, что их террористическая деятельность является непобедимым козырем в их руках. Мы говорили о Гершуни, как первом подлинном создателе нового эс-эровского террора. Гершуни, несомненно, был выдающийся человек. Характерно, что при встрече его с Зубатовым, самой тонкой полицейской ищейкой, он околпачил Зубатова. Характерен тот огромный, непререкаемый авторитет, который Гершуни имел в своей партии. Но методы его работы, работы этого лучшего среди организаторов террора, тем не менее заслуживают всяческого порицания.

С одной стороны, Гершуни очень часто строил дело на своеобразном гипнотизировании слабовольных или неразвитых людей, которых пре-

вращал затем в свое оружие. Мы не знаем всех фактов деятельности Гершуни, но достаточно указать хотя бы на то, что им выбраны были совсем юные Григорьев и Юрковская для покушения на генерала Клейгельса, что дети эти струсили, покушения не произвели и изо всех сил старались потом выйти как-нибудь из эс-эровских сетей.

Конечно, если Гершуни приходилось для своей деятельности пользоваться часто негодным материалом, то он не мог не приходить в восторг, когда встречал хорошего т е х н и к а террористической работы. Таким был Евно Азеф. Евно Азеф начал свою работу в тайной полиции и среди эс-эров одновременно. Он дурачил и тех, и других. Он предавал большое количество своих партийных товарищей, он устраивал целый ряд покушений, он заручился огромным реномэ в охранке и в то же время довел до конца покушение на Плеве, допустил убийство Сергея Александровича, а в последнюю пору своей деятельности, когда подозрения сгустились над его головой, ревностно организовывал покушение на Николая II.

Но фигура Евно Азефа достаточно известна. Мы не можем только не подчеркнуть того факта, что «умный и хитрый» Гершуни был до такой степени обманут Азефом, что когда незадолго до смерти Гершуни количество прямых указаний, граничивших с исчерпывающими доказательствами, казалось бы, должно было всякому колоть глаза,—Гершуни своим огромным авторитетом разрушил всю эту атаку на предателя и предлагал ему вместе с собой ехать на какой-нибудь террористический акт, чтобы геройской гибелью реабилитировать себя. На одном заседании, где Азеф был на три четверти разоблачен, Гершуни кричал, что сегодня заподозрили честнейшего Азефа, а завтра заподозрят его самого. Что же говорить о людях, которые и на половину не были так умны, вроде, например, Чернова? Он и после смерти Гершуни, когда уже яснее дня было предательство Азефа, продолжал защищать его, как рыцарь свою даму.

С согласия центрального комитета Савинков распорядился убить Татарова, при чем в оправдание этому убийству приводился не только тот факт, что Татаров тоже был провокатором, но и в особенности то, что он осмелился попытаться замарать Азефа.

Ц. К. эс-эровской партии, вызывая Бурцева для суда с Азефом, не скрывал ни от кого, что Бурцев будет приговорен к смерти за дискредитацию партии, если не докажет преступности Азефа. И только тот случай, что Бурцеву удалось попасть в одно купэ с директором департамента полиции Лопухиным и вырвать у Лопухина признание, которое он позднее подтвердил и приехавшему к нему члену Ц. К. П. С. Р. Аргунову (за что Лопухин, между прочим, был сослан на каторгу),—только этот почти случайный факт спас Бурцева от того, чтобы быть принесенным в жертву провокатору Азефу, а партию эс-эров—от того, чтобы быть дальнейшей жертвой этого мерзавца [1]).

---

[1]) Т.-е. Азефа. Ибо квалификация «мерзавец»—увы!—теперь подходящ и для его разоблачителя!

Что Азеф был мерзавцем, это было написано на его лице. Все знавшие его, кроме, конечно, близких приятелей по террору, говорили о нем, как об очень отталкивающей наружно и внутренне личности. Его приемы террористической борьбы, даже если не принимать во внимание, что они были двойственны, что он играл роль в обоих лагерях, отличались холодною жестокостью и огромным умением выгородить себя от действительной опасности. Но ничто не заставляло господ с.-р-ов поколебаться в своей вере в Азефа, так как он был прекрасный техник. Он доставлял славу партии политическими убийствами, а раз так, то нечего де такому коню особенно пристально в зубы смотреть. И с.-р-овская партия, чувствуя, что ее техник есть стержень, на котором она держится, с бешенством защищала его от обвинений в провокации.

Но Азеф не был единственным провокатором. Таким был близкий к Ц. К. Татаров, таким был Жученко-Гернгросс и многие другие. Комиссия, которая расследовала уже после разоблачения Азефа все относящиеся сюда факты и которая не могла не найти позорным то обстоятельство, что господа члены Ц. К., отправившись втроем на квартиру Азефа, зная уже, что он предатель, постановили (!?) не убивать его и даже не брать оружия с собою и тем самым дали ему возможность бежать,—нашла вместе с тем в себе мужество указать на самые корни этого явления. Она написала в своем постановлении следующие знаменательные слова:

«Основным условием партийной жизни, давшим Азефу успешно вести свою провокаторскую деятельность, было то преувеличенное значение, какое при основании партии эс-эров придавалось руководящими ее сферами террору. Это преувеличенное значение выразилось, с одной стороны, в создании вполне обособленной надпартийной боевой организации, требования которой удовлетворялись в ущерб другим отраслям партийной деятельности, с другой стороны, в преувеличенной оценке тех членов партии, которые умели успешно вести боевое дело».

Такая же преувеличенная оценка сказалась и в отношении Бориса Савинкова. Я лично знал Савинкова в пору его относительной порядочности, в Вологде, и тогда уже он произвел на меня впечатление глубоко отвратительного типа. Самоуверенный и заносчивый, необыкновенно наклонный к какой-то трагической, хулиганской позе, Савинков по совершенно непонятным для меня причинам имел довольно большое влияние не только на с.-р-скую среду, но и на некоторых с.-д., признававших в нем весьма дельного человека. Да, Савинков показал потом, что дело для него настолько выше принципа, что оно могло, в конце концов, выродиться для него в беспринципное дело.

Этот господин, несомненно, находчивый и смелый, самовлюбленный и жаждущий авантюры, типичное дитя неврастеническо-декадентской интеллигенции, принимал участие в террористических актах, зачастую руководил ими. Он считался ближайшим помощником Азефа. Но, конечно, нечего и говорить, что этот проницательный психолог и будущий романист Ропшин ни на одну секунду не сомневался в честности Азефа.

Дело, однако, не только в этом, а во всем аморальном подходе к работе. Правда, жертвой такого аморализма становился иногда и сам Савинков. Так, когда Татарова, о котором мы уже говорили, по поручению Савинкова, убил ножем в присутствии его стариков родителей Назаров, то в убийстве этом, которое общественное мнение находило недостаточно обоснованным, обвиняли Савинкова, непосредственно бывшего школьным товарищем Татарова. Савинков хлопотал, чтобы партия заявила, что она берет на себя моральную ответственность за это убийство, но партия не пожелала этого сделать и только тремя годами позднее сделала соответствующую публикацию.

Это мы просим заметить читателя, потому что приблизительно такую же подлую роль сыграл Ц. К. партии и по отношению к убийце Володарского и покушавшейся на убийство тов. Ленина—Каплан. Это в духе с.-р-ской партии: совершить тот или другой акт и умыть руки. И как можно удивляться этому двуличию? Когда Рутенберг сообщил Ц. К. партии, что Рачковский, начальник охранного отделения, предлагает ему через Гапона сделаться предателем, то Ц. К. поручил ему сделать вид, что он входит в сношение с Рачковским. Рутенберг пришел в ужас, так как понимал, что, став на этот путь, можно поскользнуться и неожиданно для себя оказаться в глазах всего общества провокатором. Однако его заставили это сделать, при чем Савинков, описывая эти события в своих воспоминаниях, цинично заявляет: «Рутенберга план этот смутил. Его смущала щекотливая сторона его фиктивного Гапону согласия и весь план, построенный на лжи. Он не привык еще к тому, что в с е боевые дела неизбежно и неизменно строятся не только на самопожертвовании, но и на обмане».

Таким образом по Савинкову всякий террорист неизбежно проходил огромную школу лжи, вплоть до возможной фиктивной провокации. Конечно, это не могло оставаться бесследным в какой угодно душе, кроме, разве, совершенно исключительной и героической. Савинков же купался в этой атмосфере, подготовляясь таким образом к своей грядущей роли контр-революционного преступника и, разумеется, настолько перестал различать правду от лжи, что пропитанная ложью натура Азефа казалась ему идеально эс-эровской.

Рутенберг, в конце-концов, убил Гапона, и эс-эровская партия, которая позднее должна была себя показать в одинаковой мере блудливой и трусливой, уже тогда дала ясное тому доказательство. Так, в журнале «Былое» за 1909 г. в записке «Дело Гапона» Рутенберг писал: «Обвиняю Ц. К. П. С. Р.: а) в замалчивании смерти Гапона, совершенной членами партии на основании фактически состоявшегося приговора партии; б) во введении в заблуждение публичного мнения сделанным Ц. К. заявлением в печати в мае 1906 г., где говорилось, что партия никаких сношений с Гапоном не имела; в) в том, что своим поведением Ц. К. поставил меня в морально-двусмысленное положение по поводу сношений с Рачковским, инициатива которых исходила от Ц. К. и которые фактически были одобрены всем его составом, исключая одного голоса».

Итак, вы видите ложь не только по отношению к врагам, но и к собственным сочленам. Кто не поверит теперь Семенову и Коноплевой

что Гоц науськал их на вождей великой революции и спрятался потом в кусты, если мы имеем такие документы, как отказ Ц. К. с.-р. от ответственности по делам Татарова и Гапона?

Еще несколько слов о Савинкове. Если Азеф нанес партии почти смертельный удар своим предательством, то и Савинков сделал нечто подобное. Постепенно отходя от террора, Савинков под фамилией Ропшина напечатал сначала двусмысленную повесть «Конь бледный», а затем в журнале, руководимом Черновым, гнуснейший роман «То, чего не было», получивший по пикантности сюжета и по некоторым неоспоримым литературным достоинствам европейское распространение, в котором все его товарищи по партии изображались в виде злостных карикатур. Самая деятельность этой партии, в том числе ее террор, обливались помоями, и только сам Савинков под именем Жоржа царил, как некий Иван-царевич, над всем. Это предательство возбудило негодование во многих эс-эрах. За подписью всех почти активных представителей партии, Чернову, как редактору журнала, направлено было письмо, в котором они «отказывались от солидарности с редакцией, решившейся поместить произведение Ропшина». Среди подписавшихся мы находим Волховского, Авксентьева, Лункевича, Ракитникова, Натансона, Фейта, Аргунова, Минора и многих других.

Но на что же существует Чернов, как не на то, чтобы сначала попускать, а потом покрывать всякую партийную подлость? Чернов написал критическую статью на роман Ропшина, в которой упрекал ласково Савинкова: «Все, кроме Вани, склоняются перед Жоржем. Все пасуют. Во всех встречах его и столкновениях, в особенности с людьми партийными, он неизменно торжествует. Он всех посрамляет и выходит с глубоким сознанием собственного превосходства. Остальные лица, особенно партийные, точно нарочно подобраны, чтобы оттенить своим ничтожеством Жоржеьо великолепие и почтительно давать дорогу к триумфальному шествию на коне бледном. Это все пешие. Куда нам!.. И зачем понадобилось автору превращать образы партийных людей в какие-то карикатуры?»

Но одновременно с этим Чернов заявлял, что он намерен защищать «широкую, действительную, а не фиктивную свободу мысли и критики». Таким образом возвеличивать себя за счет окарикатуривания своей партии это, оказывается, действительная свобода. Все остальное, очевидно, фиктивная. Во всяком случае, Чернов и в партийных кругах продолжал после предательства Ропшина защищать всячески Савинкова, и только теперь, когда последующее поведение Савинкова (совершенно, впрочем, в духе всей тактики эс-эров, но гораздо более решительное и бесшабашное, чем действия в одинаковой степени блудливого и трусливого Ц. К. партии) расцвело во всей красе,—эс-эровская партия с ужасом говорит: «Как это могут коммунисты ставить нам в укор деятельность такого фрукта, как Савинков, которого мы исключили из партии?!»

Усилиями террористов указанного пошиба и их покровителей вроде Чернова, эс-эровская партия доведена была до полного почти уничтожения. Когда из Ц. К.—к сожалению, временно—выбросили Чернова и других потакателей Азефа, то член нового Ц. К. Зензинов, об'ехав некоторые провинциальные комитеты партии, заявил: «Мы старались пре-

жде всего, чтобы тлеющий огонек нашей партии не погас окончательно С этим совпадает и заявление департамента полиции, что, в сущнос говоря, в России партии эс-эров больше нет.

Однакоже тлеющий огонек не мог погаснуть. Он не только вспы нул, но и загорелся было ярким пламенем после Февральской революци Это потому, что в костер было подброшено невероятное количество ме ко-буржуазного мусора. Мелко-буржуазная Россия, как сказано в прив денных словах Ленина, не могла не дать хотя бы временного успеха ме ко-буржуазной партии. И будь эс-эровская партия немножечко подар витее, она могла бы сыграть гораздо бо́льшую роль. Но неимоверно ра дувшийся февральский эс-эровский пузырь лопнул, огонь погас оконч тельно и породил только тот ужасный контр-революционный чад, кот рым мы и вынуждены, главным образом, заниматься в этой брошю

Я считаю полезным привести характеристику честного критика Д левского и не пожалею выписать пару страниц из этого портрета во бо рост эс-эровской партии. Такова она была, таковой и осталась.

«История азефщины находит свое об'яснение, главным образом, тех организационных нравах, которые привились в официальной «П тии Социал-Революционеров» со времени ее основания. Партия с само начала создавалась и организовалась сверху. С самого начала она име централистический характер. С самого начала она строилась и воспит валась в духе идей и воззрений небольшой группы ее основателей...

«Центр партии создал ортодоксию, он же был и оставался ее верх ным блюстителем. Он определял, что следует считать правоверием и ересью. Он выражал свои сентенции в официальной литературе и по ляризировал их через своих агентов и через покорные ему учрежден «Периферия беспрекословно принимала теории и мнения, декрети ванные сверху. Трудно найти пример другой социалистической парт столь послушной ее руководителям, столь слепо воспринимавшей их д маты, столь мало участвовавшей своим коллективным творчеством идейной работе, как «партия с.-р.».

... «Небольшой кружок спевшихся между собою деятелей, вошедш в руководящий центр, фактически присвоил себе монополию идейно-ореческой работы и инициативы. Создана была атмосфера, которой давлялась идейная самодеятельность работников, и партия отталкив от себя индивидуальности, критическая мысль которых не укладывал в Прокрустово ложе освященного эклектического миросозерцания о циальной партии. Партийная масса была воспитана на официаль катехизисе и дисциплинирована в чувствах слепого преклонения пе центром партии, как единственным источником партийной мудрости, торому следовало всегда подчиняться «не за страх, а за совесть».

... «С монополией идейного руководительства соединилась монопо организационного руководительства. Управление партии сосредоточил в руках проникнутой бюрократическим духом касты. Бюрократичес нравы и навыки постепенно сообщались от верхов партии к комите и к другим официальным инстанциям партии.

«Высшая администрация партии являлась замкнутой группой лю связанных тесной солидарностью не только совместной работой с са

основания партии или вообще в течение долгого времени на службе партии, но и общим для них сознанием своей особой миссии, своего особого престижа, своего особого значения для партии—центра, как совокупности, и каждого его члена в отдельности. В глазах многих, партия—это были преимущественно центр и близкие к центру деятели.

... «Основатели партии слишком склонны были смотреть на свою общественную деятельность почти, как на личное дело. Ради содействия делу, они прежде всего привлекали и выдвигали на первый план своих жен, родственников и близких друзей. Так, римские императоры, смотревшие на империю, как на собственную вотчину, сосредоточивали управление ею в руках своих министров-рабов.

... «В той социалистической и революционной партии, где генеральство и лакейство, карьеризм и непотизм получили право гражданства, слишком часто забывают об обязанности считаться с моральными качествами личностей, принимаемых в партию и потом в ней подвизающихся.

«Как рабство деморализует господ и самих рабов, так и бюрократические отношения в партийном союзе развращают деятелей, стоящих на различных ступенях партийной иерархии. Высокомерие и заносчивость по отношению к низшим или слабым, раболепие и пресмыкательство по отношению к высшим или сильным—вот заурядные явления, наблюдаемые не только в отношениях между членами партии, но и в отношениях между фракциями, но и между партиями...

...«Другой фактор, который действовал деморализующим образом на партийные круги, это — власть денег в самой партии.

...«В революционной среде развивается уважение к деньгам и к силе. К деньгам льнут, перед деньгами пресмыкаются.

...«А с тех пор, как революционные организации стали получать в свое распоряжение большие денежные средства, в особенности после совершенных колоссальных экспроприаций, к тому виду революционного карьеризма, который был направлен на получение власти и влияние в партии или через партию, прибавился еще другой вид революционного карьеризма с вполне осязательной экономической подкладкой, со стремлением пристроиться к партийной бюрократии исканием места места или платной работы в самой партии».

Многие из этих пороков грозят всякой подпольной партии, всякой партии, со всех сторон окруженной врагами и нуждающейся в полувоенной организации. Иные из этих пороков отмечались, конечно, в несравненно более слабой степени и в рядах коммунистов. Но могучая массовая коммунистическая партия с ее изумительными по демократизму и полновластности с'ездами, с ее внутренним здоровым инстинктом, с ее закаленными старыми бойцами и свежим молодым материалом, со всех сторон к ней приливающим, умеет справляться с этими пороками, в то время, как в среде мелко-буржуазной партии они разрослись и заглушили окончательно даже то немногое доброе, что в этой партии было, превратив людей не только савинковского типа, но и казавшегося совершенно частным Бурцева, безусловно искреннюю Брешко-Брешковскую, несомненно выдающегося Авксентьева в подлинных, сла-

бовольных и несомненных контр-революционеров. Все честное
пенно бежит из партии эс-эров, и ни один человек, понявший до дн
и историю этой партии, не может не присоединиться к пожеланию,
она поскорее исчезла, унеся с собой в небытие своих уродливых де
оставив в наследство подлинной революции оставшиеся в ней здо
элементы.

IV.

От февраля до октября 1917 года.

Как ни печальны итоги дофевральской деятельности партии
только что нами приведенные, мы все же должны признать, чт
была лучшая эпоха в истории партии.

Террор при всех его отрицательных сторонах, как это метко
тил тов. Троцкий, именно благодаря массовой пропаганде социал
кратов, особенно левых, которые подчеркивали его значение, со
ему порядочный политический резонанс, как никак играл в об
целом свою положительную роль в революции.

Между тем, в последующей борьбе с.-р-ов он сначала естест
стерся, ибо эс-эры оказались правящей партией, а затем высту
отталкивающей контр-революционной форме уже в первой речи
нова против большевиков после Октябрьской революции. То, что
сомнительным оружием, но во всяком случае оружием революции
ло отвратительным преступлением, чудовищным обманом и сам
ном определенно контр-революционного характера.

Влияние пролетариата на эс-эровскую партию в дофевральск
риод обнаружилось также и в отношении международной пол
Как никак Чернов и несколько других с.-р-ов (в особенности гл
нами уважаемый покойный Натансон) добрались до относительно
шины циммервальдско-кинтальского интернационализма. Но да
как сказано в уже цитированной статье Троцкого, последовал
вищный зигзаг», и Чернов оказался самым ярым защитником пр
ных наступлений, организованных русскими империалистами, по
кровительством правительства Керенского.

Но если, таким образом, в описываемый в этой главе период,
более в последующий период послеоктябрьский, эс-эровская пар
моральном и политическом отношении совершила неудержимое па
по сравнению с уже описанным периодом, то с внешней стороны
вые месяцы после февраля принесли для нее небывалый расцвет

Чем он об'ясняется? Конечно, не достоинствами партии с.-р.,
достатками, путанностью ее программы, теоретическим эклект
политической неразборчивостью. Все могли валить на широкий эс
ский двор. Чувствовалось, что кадетская партия по общему ра
движения не может стать выразителем сколько-нибудь широких
Вместе с тем партия эс-эров ни к чему не обязывала. Поэтому она
бухала не по дням, а по часам. Она чем далее, тем более стано
той революционно-демократической партией, роль которой так
восходно предсказана Энгельсом: «Так во всех революциях,—писал

асти приходит партия самая ручная, но сохраняющая еще способ-
, управлять именно потому, что побежденные господствующие клас-
олько в ней видят последнюю возможность спасения. Конечно,
вя ожидать, что к моменту кризиса за нас (коммунистов) было бы
инство избирателей, большинство нации. Весь буржуазный класс,
тки феодального владеющего класса, большая часть мелкой буржуа-
и сельского населения группируются всегда вокруг той крайней
уазной партии, которая тогда на словах выставляет себя крайне
люционной. Я считаю весьма вероятным, что она займет место во
енном правительстве и даже возможно окажется временно в боль-
стве».

Нынешний друг и покровитель эс-эров Гильфердинг в своем «Финан-
м капитале», еще являясь более или менее верным истолкователем
Энгельса, так же хорошо предвидел это явление.

«При империализме,—писал он,—исчезает старая противополож-
ь интересов между буржуазией и мелкой буржуазией. Последняя
тически становится охранным войском крупного капитала. В конце-
ов, все буржуазные слои все более об'единяются общностью инте-
в против поступательного движения рабочего класса».

Этот конгломерат «чистой демократии» Маркс еще в 1850 году
ал более опасным, чем откровенный буржуазный либерализм. Ко-
ю, и часть пролетариата примыкает в таких случаях к чему-то вро-
«великого революционного и демократического национального
тра».

Маркс и Энгельс писали: «Демократическая мелкая буржуазия стре-
ся к тому, чтобы втянуть рабочих в партийную организацию, где
одствуют общие социал-демократические фразы (или эс-эровские,—
ицы нет), за которыми скрываются их особые интересы и в кото-
определенные требования пролетариата ради «гражданского мира»
должны выдвигаться. Подобное об'единение служит целиком к невы-
пролетариата».

Говоря о роли демократии в Германской революции в письме к Бе-
о в 1887 г., Энгельс пишет: «Что касается участия демократии и
роли в будущем, то я полагаю, что в момент революции на короткий
к она может приобрести временное значение в качестве самой край-
буржуазной партии, какой она выступала уже в феврале в роли
леднего якоря спасения всего буржуазного и даже феодального хо-
ства. В такой момент все реакционные массы группируются вокруг
и усиливают ее. Все, что было реакционным, выступает тогда в ка-
тве демократии» [1]).

Курьезнее же всего то, что сами эс-эры позднее оценили эту свою
бухшую партию почти в таких же выражениях. В самом деле. Вот
писал Центральный Комитет партии с.-р. в своей статье «Пути и
дства борьбы» уже в 1919 г., характеризуя именно момент, о ко-
ом мы сейчас говорим:

---

[1]) Эти превосходные цитаты из сочинения Энгельса и Маркса взяты
ю из особенно ценной именно этими цитатами брошюры тов. Быстрян-
го: «Эс-эры и меньшевики в русской революции».

«Вернулись в партию все отчаявшиеся и разочарованные годов революции. Вошли вновь все, кто, поверхностно воспринимая боевые лозунги партии, искал в ее рядах лишь практической работы, чуждый ее революционной психологии, без сколько-нибудь серьезного изучения и понимания ее программы.

«Среди этой массы тонули единицы старых партийных работников, ее настроениями определялась тактика партии, часто до неузнаваемости искажалось ее истинное лицо.

«Партия не являлась монолитом, спаявшим идейно единые элементы. В ее рядах смешались все элементы революции от буржуазно-демократических слоев кооперации до анархических сподвижников большевизма. Результатом этого было, что на протяжении революции то правительство, в составе которого были официальные представители партии, арестовывало членов своей партии Устинова и Прошьяна, что лишь накануне отколовшиеся левые сажают на скамью подсудимых свою же партию, в лице ее центрального органа.

«Партия была пестрым конгломератом из всех течений, выплывших на поверхности революционной России».

Самое понимание революции эс-эрами находится в полнейшем соответствии с предсказаниями о них Маркса и Энгельса. Так, например, причудливо соединяющий глупенький сантиментализм и черную контрреволюционную злобу Зензинов в своей курьезной книжке «Из жизни революционера» пишет:

«Что может быть радостнее чувства победы! Враг, с которым мы так долго вели ожесточенную, кровавую борьбу, лежал теперь у наших ног обезоруженный и раздавленный. Страна наиболее отсталая с ее деспотическим политическим строем одним ударом становилась впереди других и теперь вдруг сделалась самым демократическим государством в мире. Осуществились все гражданские свободы,—для всех партий открылась свободная арена политической деятельности, родилась свободная, независимая печать, начались свободные митинги».

Видите, какая идиллия! Если же мы присмотримся к тому, что под этой идиллией лежало, то увидим, что февральское рабочее движение, вызванное голодом, войной, ненавистью к буржуазии, не меньшей, чем ненавистью пролетариата к монархии, было предано мелкой буржуазией эс-эровско-меньшевистского типа в строгом соответствии с предсказаниями Энгельса: «Как до сих пор, так и в этой борьбе мелкая буржуазия в массе будет держаться как можно более медлительно, нерешительно и пассивно, чтобы потом, когда победа будет решена, захватить ее в свои руки и призвать рабочих к спокойствию и к возвращению к своему труду, предупредить так называмые эксцессы и лишить пролетариат плодов победы».

Именно это и было произведено эс-эрами вкупе и влюбе с меньшевиками. Думские кадеты и Родзянки были сами, как свидетельствуют о том одинаково и левый меньшевик Суханов, и правый кадет Милюков, удивлены, когда им преподнесена была власть людьми, фактически имевшими полную возможность взять ее в свои руки в качестве представителей пролетариата и крестьянства. Уже из Швей-

марии Ленин орлиным взором усмотрел всю ситуацию и в незабвенных фразах определил ее в своем знаменитом «Письме издалека». Он писал так:

«Мы, марксисты, должны трезво глядеть правде в глаза, не смущаясь ни ложью, казенной, слащаво-дипломатической ложью дипломатов и министров первой воюющей группы империалистов, ни подмигиванием и хихиканием их финансовых и военных конкурентов другой воюющей группы. Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольство с их агентами и «связями», давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать «сепаратным» соглашениям к сепаратному миру Николая Второго (но будем надеяться и добиваться этого—последнего) с Вильгельмом II, непосредственно стремились к смещению Николая Романова.

«Не будем делать себе иллюзий. Если революция победила так скоро и так—по внешности, на первый поверхностный взгляд—«радикально», то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации слились вместе, и замечательно дружно слились, совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К° к захвату власти в интересах продолжения империалистской войны, в интересах еще более ярого и упорного ведения ее, в интересах избиения новых миллионов рабочих и крестьян России для получения Константинополя... Гучковыми, Сирии... французами, Месопотамии... английскими капиталистами и т. д. Это—с одной стороны. А с другой стороны—глубокое пролетарское и массовое-народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за хлеб, за мир, за настоящую свободу.

«Революционные рабочие и солдаты разрушили до основания гнусную царскую монархию, не восторгаясь и не смущаясь тем, что в известные, короткие, исключительные по кон'юнктуре исторические моменты на помощь им приходит борьба Бьюкэнена, Гучкова, Милюкова и К°, желавших только смены одного монарха другим».

Таким образом, по мнению Владимира Ильича, «появилось совсем готовое, новое правительство, которое захватило власть после первых же ударов пролетарской борьбы. Это правительство было не случайным сборищем. Это были представители нового класса, поднявшегося к политической власти в России, класса капиталистов, помещиков и буржуазии, которые давно правят каждой страной капиталистов».

«Рядом с этим правительством,—в сущности, простым приказчиком миллиардных «фирм»: Англии и Франции, с точки зрения данной войны,—возникло новое, неофициальное, неразвитое еще, сравнительно слабое рабочее правительство, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения. Это—Совет Рабочих и Солдатских Депутатов в Питере».

И далее. (При этом я нисколько не извиняюсь за эти длинные выписки, т. к. лучше характеризовать фон дальнейших выступлений эс-эров, чем словами Владимира Ильича, невозможно.)

«Единственная гарантия свободы и разрушения царизма до конца есть вооружение пролетариата, укрепление, расширение, развитие роли, значения, силы Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Все остальное — фраза и ложь самообман политиканов либерального и радикального лагеря. Помогите вооружению рабочих или хоть не мешайте этому делу,—и свобода в России будет непобедима, монархия невосстановима, республика обеспечена. Иначе народ будет обманут».

«Наша революция буржуазная, поэтому рабочие должны поддерживать буржуазию, — говорят никуда не годные политики из лагеря ликвидаторов. Наша революция буржуазная, говорим мы, марксисты,— поэтому рабочие должны раскрывать глаза народу на обман буржуазных политиканов, учить его не верить словам, полагаться только на свою силу, на свою организацию, на свое об'единение, на свое вооружение.

«У пролетариата два союзника. Во-первых, широкая, много десятков миллионов насчитывающая, громадное большинство населения составляющая масса полупролетарского и, частью, мелко-крестьянского населения в России. Эту массу мы должны теперь, пользуясь свободой нового порядка и Советами Рабочих и Солдатских Депутатов, стараться просветить, организовать прежде всего и больше всего. Вторым союзником русского пролетариата есть пролетариат всех воюющих и всех вообще стран. С этими двумя союзниками пролетариат России может пойти и пойдет, используя особенности теперешнего переходного момента, к завоеванию сначала демократической республики и полной победы крестьянства над помещиками, а затем к социализму, который один даст измученным войной народам мир, хлеб и свободу».

Какое впечатление эта тактика произвела на эс-эров? Воспользуемся опять тем же Зензиновым. Вот как он изображает личное вступление Ленина, а стало-быть и начало проведения коммунистической политики на арене русской революции:

«В первой половине марта приехал из-за границы через Германию Ленин, лидер партии большевиков, и на другой день он уже возвестил свою программу, которой потом и суждено было погубить русскую революцию. Он провозгласил необходимость передать всю власть Советам Рабочих и Солдатских Депутатов, об'явить диктатуру пролетариата и любою ценой покончить с войной. Его программа была встречена тогда не столько с негодованием, сколько с насмешками,—настолько нелепой и надуманной казалась она всем. И тем не менее его программа, в конце-концов, восторжествовала. Об'ясняется это единственно требованиями солдатских масс».

Видите, какая глубина анализа и сантиментального террориста? Он бесконечно радовался тому, что лично мог отвезти в тюрьму какого-то министра. что преисполняло его романтически-авантюристическую грудь необыкновенным восторгом и заставляло его сердце биться так же сильно, как и в тот момент, когда его самого в качестве диктатора повезли какие-то офицеры из Омска в некий хорошо известный Зензинову сарай. Он бесконечно радовался согласию всех «живых сил народа» между собою, потому что ничего общего ни с пролетариатом,

крестьянством, ни с их интересами этот авантюрист, конечно, да не имел, а между тем какую большую фигуру на фоне эс-кой мелкоты представлял собою бездарный Зензинов, потому имен-то совершенно так же думал и уже не столь молодой гигант гра-ин Чернов и будущий верный сотоварищ Зензинова во всей контр-юционной деятельности Авксентьев, и все остальные, иже с ним. нзинов прав, когда заявляет: «С первого же появления Ленина в ии, партия с.-р. начала открытую борьбу с ним и в «Деле Народа» ла ожесточеннейшую кампанию против Ленина и большевиков». Итак, эс-эры, не справляясь с предсказаниями Маркса и Энгельса, олнили все. «Да сбудется реченное в писании через пророка!». Они сторгом и увлечением разыгрывали из себя роль передовой демо-ической партии, связывали воедино все реакционные силы Рос-и вели «ожесточенную борьбу» с единственной партией, которая ла вести революцию до конца и противилась обману масс.

В апреле массы выступили против Милюкова, фактически, волей од эс-эров и меньшевиков, диктатора России, поддерживавшего все я откровенно империалистическую политику. 6 мая в глубоком асии с эс-эрами и меньшевиками возникшее контр-революционное енное правительство князя Львова пало, и буржуазия открыто за-а эс-эрам и меньшевикам, что они должны сами итти в прави-ство; само собою разумеется, на запятки, в качестве ширмы и чиков для посылки, и всеми годами своей каторги, своим террори-еским прошлым, своим «героизмом», своими связями с рабочими кить ширмой, за которой господа министры капиталисты будут про-кать околпачивать народ. Меньшевики и эс-эры несколько кивались. Не очень им хотелось при этой комбинации лезть к вла-Они сознавали, что нарастает огромная волна подлинно народной люции. Но, в конце-концов, мелкая буржуазия всегда может быть ко приказчиком крупной, что бы она ни говорила на словах. И не ко разная мелкота, но и сами Чернов и Церетели надели ливрею грузились в министерские кресла.

С этих пор открылась эра самых деятельных услуг этих господ бур-зии. По этому поводу Владимир Ильич писал: «Мелко-буржуазная а зрения отличается от буржуазной тем, что мелкий буржуа «от-ется» от аннексий, «осуждает» империализм, «требует» от бур-зии, чтобы она перестала быть империалистской, оставаясь в ках всемирных империалистических связей и капиталистического йственного строя. Ограничиваясь этой добренькой, безвредной, пу-декламацией, мелкий буржуа на деле только плетется за буржуа-й, «сочувствуя» кое в чем пролетариату на словах, оставаясь в за-имости от буржуазии на деле, не умея или не желая понять пути, щего к свержению капиталистического ига, единственно способно-збавить человечество от империализма».

Непосредственно освещая значение событий 6 мая, Ленин писал: родники и меньшевики, Чернов и Церетели перенесли контактную ссию из соседней комнаты (той, где заседали министры) в самое

министерскую комнату. Таково и только таково чисто политическое значение события: «новое» министерство».

Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов, бывший в руках меньшевиков и эс-эров, об'явил, что это есть великий отход буржуазии от правительства, и на это Владимир Ильич отвечал: «Великий отход, действительно, начался, но только это был не великий отход буржуазии от правительства, а великий отход вождей меньшевизма и народничества от революции».

«6 мая было выигрышным днем для буржуазии. Ее правительство стояло на краю гибели. Массы были непримиримо против него. Одного слова социалистических и меньшевистских вождей советов было достаточно, чтобы правительство беспрекословно сдало свою власть, и князь Львов на заседании в Мариинском дворце вынужден был открыто признать это. Буржуазия пошла на искусный маневр, который опьянил интеллигентных вождей меньшевизма и народничества». Опьяненные вожди занялись контр-революционной работой, т.-е. всякой помехой росту революционного движения. Всюду, где возникали какие бы то ни было беспорядки, какой бы то ни было протест, отправляли разных Войтинских или Скобелевых, которые и заливали пожар водой своего красноречия.

С крестьянскими восстаниями боролись в полном смысле слова под предлогом того, что учредительный барин приедет и всех рассудит, и министр земледелия Чернов, и министр внутренних дел Авксентьев. Солдат обманом старались втянуть в великое наступление 18 июня.

Первый с'езд советов рабочих и солдатских депутатов, в котором «народ» был представлен грамотеями с фронта, адвокатами, врачами и т. д., которым еще доверяли солдаты, как лицам, ведшим первоначальную стадию борьбы с монархией, умеренными рабочими меньшевистско-эс-эровского типа и кулаковатыми крестьянами, должен был прежде всего оправдать деятельность буржуазного правительства и по требованию Антанты бросить вновь «серую скотинку» против Германии, срывая начинавшееся братание, определенно вступая на путь продолжения империалистической войны. В то время, как меньшевики и эс-эры демонстрировали свою силу большинством этого Совета, на самом деле представлявшего собою быстро образовавшуюся внешнюю корку новой бюрократии всяких солдатских комитетов и тому подобных организаций, большевики хотели противопоставить этому большинству демонстрацию передового вооруженного народа, петроградского гарнизона и рабочих. По этому поводу меньшевики и эс-эры пришли в такую ярость, что в президиуме Чхеидзе истерическим голосом кричал: «Нет другого выбора, как итти на улицу и биться с ними».

Слухи о большевистском заговоре распространились повсюду. Церетели, несомненно, шел на арест большевистских вождей, который сорвался только по случайным комбинациям. Ленин на заседании в своей речи сказал по этому поводу:

«Вопрос стоит так: итти вперед или назад? Стоять в революционное время на одном и том же месте нельзя. И вот почему наступление есть перелом всей русской революции не в стратегическом значении

наступления, а в политическом, экономическом. Наступление теперь есть продолжение империалистической бойни и гибели сотен, тысяч, миллионов людей,—об'ективно, т.-е. независимо от воли, или сознания того или иного министра, из-за задушения Персии и прочих слабых народов. Переход власти к революционному пролетариату при поддержке беднейшего крестьянства есть переход к революционной борьбе за мир в самых обеспеченных, в самых безболезненных, какие только знает человечество, формах, переход к тому, что власть и победа за революционными рабочими будут обеспечены в России и во всем мире».

Итти вперед меньшевики и эс-эры не хотели. В воздухе запахло генералом Кавеньяком, и когда на указание большевиков на готовящийся контр-революционный переворот господа меньшевики заявили, что против Кавеньяка они будут с нами, Ленин ответил:

«Церетели с неподражаемой наивностью выболтал «секретную болезнь» всей мелкой буржуазии, и эс-эровской, и меньшевистской. Эта «секретная болезнь» состоит, во-первых, в полной неспособности к самостоятельной политике; во-вторых, в боязни довериться революционному пролетариату и поддержать его самостоятельную политику безаветно: в-третьих, в неизбежно вытекающем отсюда скатывании к подчинению кадетам или буржуазии вообще» (т.-е. к подчинению Кавеньякам).

Позднее Корнилов и особенно Колчак с полной точностью оправдали это ленинское предсказание.

18 июня произведена была по соглашению с меньшевиками и эс-эрами «безоружная» демонстрация народных масс вообще. В этой демонстрации, как муха в молоке, тонули лозунги «большинства» с'езда советов. Вся гигантская народная река, не менее полумиллиона человек, выступила под лозунгом: «Долой министров капиталистов». Прислужники буржуазии запели песни о якобинстве, громче и громче кричали о готовящемся перевороте. Ленин от имени коммунистической партии отвечал:

«Историки буржуазии видят в якобинстве падение (скатиться вниз). Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших под'емов угнетенного класса в борьбе за освобождение. Якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции и отпора коалиции монархов против республики. Полной победы не суждено было завоевать якобинцами потому, что Франция XVIII века была окружена на континенте слишком отсталыми странами, и потому, что в самой Франции не было материальных основ для социализма, не было банков, синдикатов капиталистов, машинной индустрии, железных дорог.

«Якобинство в Европе, или на границе Европы и Азии, в XX веке было бы господством революционного класса, пролетариата, который, поддержанный беднейшим крестьянством и опираясь на наличность материальных основ для движения к социализму, мог бы не только дать все то великое, неискоренимое, незабываемое, что дали якобинцы XVIII века, но и привести, во всемирном масштабе, к прочной победе трудящихся.

«Буржуазии свойственно ненавидеть якобинство. Мелкой буржуазии свойственно бояться его. Сознательные рабочие и трудящиеся верят в переход власти к революционному, угнетенному классу,—ибо в этом—суть якобинства, единственный выход из кризиса, избавление от разрухи и войны».

Реакция густела. С одной стороны, напряженнее становилась и ненависть народа к правительству и к защитникам и лакеям министров капиталистов и к министрам социалистам, защищавшим наступление, уже кончившееся к тому времени страшной неудачей. Болтали о том, «чтобы социалистическая демократическая Россия обратилась с призывом к демократии всех государств, с тем, чтобы они присоединились к лозунгу «мир без аннексий и контрибуций» и в этом направлении воздействовали на свои правительства».

И вместе с тем откровенно оправдывали империалистическое наступление.

III с'езд партии с.-р. одобрил полностью коалиционное правительство следующей резолюцией:

«III с'езд П. С.-Р. видит в создании коалиционного временного правительства, с одной стороны, новое свидетельство роста силы трудовой демократии городов и деревень, с другой стороны, неизбежный шаг для неотложной борьбы с грозной опасностью всероссийской разрухи,—борьбы, необходимой для укрепления новой революционной России, этой первой цитадели «третьей силы» в современной Европе.

«До тех пор, пока решением социалистической демократии группа министров - социалистов остается в составе временного правительства и через нее осуществляется воля этой демократии и ее контроль над всей внутренней и внешней политикой правительства, последнему обеспечивается самая энергичная поддержка в проведении его мероприятий против всех элементов распада и дезорганизации».

Прошло немного недель со времени этого с'езда, как прорвались июльские события. Партия, как таковая, находила преждевременным это движение. Может быть поэтому, оно отличалось некоторой шаткостью. Большевики в Советах рабочих и солдатских депутатов большинства не имели, и поэтому лозунги; «Вся власть Советам» и «Долой министров капиталистов» сводились как бы к предложению эс-эрам и меньшевикам, эс-эрам в особенности, как наибольшей партии, взять власть в свои руки. И действительно, таков был в основе совет вождей партии, старавшихся в это русло ввести народное движение.

Между тем, Кронштадт и Петроград пошли в этом отношении дальше. Они понимали, что господа Даны и Черновы никуда не годное правительство, что они ничем иным, кроме пособников, министрам капиталистам быть не могут. Вот почему толпа с грозным ревом требовала их к себе и склонна была рассматривать их и поступать с ними, как со своими несомненными врагами, и в этом сказывался здоровый инстинкт масс. Тем не менее, его напряженность свидетельствовала только о революционной сознательности Питера и Кронштадта. Советы, как таковые, оставались еще в руках мелкой буржуазии, и раз мы

говорили о необходимости переворота во имя большинства сплоченных Советами трудовых масс, мы могли выставить только этот лозунг. Не положение: «Давайте, пролетарии, возьмем власть», а положение: «Возьмите же власть, мелко-буржуазные революционеры»!

Конечно, мы прекрасно понимали, что это только переходный момент. Понимали это и эс-эры с меньшевиками и пятились, как бык от обуха, от этой самой власти. Я никогда не забуду того великолепного жеста, с каким Дан заявил: «Расстреляйте нас, но власти мы не возьмем». Поистине охранная армия капиталистов, как предсказывал это Маркс. И эта охранная армия не ограничивалась театральными жестами. Она через своих агентов собрала совместно с самой черной реакцией ту часть гарнизона, которая не была еще революционно сознательной, и начала на улицах Петрограда гражданскую войну. Пролилась кровь. Начался бесшабашный разгром большевистских организаций. Были приведены с фронта войска. Меньшевики и эс-эры не без некоторого внутреннего ужаса смотрели на разгул реакции, на того и гляди имеющий возникнуть военный заговор, в то же самое время потворствовали массовым арестам среди большевиков, разгрому их типографий и редакций и в особенности позорному акту разоружения рабочих.

Однако неудача июльского наступления являлась только переходным моментом к дальнейшему росту революционных сил. Если 3—4 июля народ, еще недостаточно мощный, протянув руку к власти, должен был в то же время признать лозунг власти для мелкой буржуазии, то приблизительно в такое же положение попали и черные реакционные силы. Корниловщина была попыткой ликвидировать революцию под видом помощи мелкой буржуазии с ее фигляром Керенским в борьбе их против большевиков. Но корниловская организация была уже недостаточно сильной. Солдатская масса, которую Корнилов вел против Петрограда, таяла по мере приближения к нему. Эс-эры же и меньшевики, даже сам арлекин Керенский, перепугались, ибо помещики слишком явно показывали свои зубы. Корнилов же даже поторопился заявить через Львова, что он требует отставки Керенского. В результате—провал корниловщины!

В то время я, едва выйдя из тюрьмы, был товарищем городского головы в Петрограде, т.-е. принимал участие в единственных занятиях, в которых эс-эры, кадеты и большевики стояли прямо друг против друга. Все время в городской думе эс-эры, руководимые тем самым Шрейдером, который позднее оказался даже другом Алексеевско-Деникинской добрармии, держались союза с кадетами, делая, впрочем, и некоторые уступки нам, немножко совестясь, когда мы пригвождали их к позорному столбу сдачи демократических позиций кадетам. Но когда выяснилось, что кадеты являются корниловцами с головы до ног, когда выяснилось, что корниловские карты биты, эс-эры постарались стать ближе к нам. Вообще большевики, наиболее способствовавшие разгрому Корнилова, на время как будто бы приобрели невольный вес и уважение в глазах мелкой буржуазии, но, конечно, не надолго.

Реакция продолжала свое дело. Все эти московские демократические совещания, все эти петроградские предпарламенты представляли собою новую консолидацию всей реакции от черносотенцев до эс-эров, в которой причудливо переплетались Церетели, подающий руку крупнейшему капиталисту Бубликову, Керенский, с одной стороны, пикирующийся с генералами, а с другой стороны окруженный ими, фигуры грядущего «спасителя России» вроде Каледина, и т. д., и т. п.

Идя мимо всего этого, мы в течение сентября и октября прямо и определенно заявляли, что в ближайшем будущем, окончательно окрепнув, потребуем, чтобы буржуазно-коалиционное правительство убиралось вон, предупреждая, что если не уберется,—будет выгнано. И это мы говорили на основании совершенно неопровержимого факта грозного под'ема революционных настроений вооруженного народа. Генералы, помещики, капиталисты, Керенский и Чернов ответили на это заговором против Петрограда. Началась знаменитая бессмысленная эвакуация, подготовка к сдаче красной столицы немцам, как это было сделано раньше и столь же предательски с Ригой. Встревоженное рабочее и солдатское население Петрограда, под руководством большевиков, создало свой революционный военный комитет, чтобы не дать разрастись измене. И скоро всем стало ясно, что Рев. Военком имеет больше силы в Петрограде, чем какие - угодно официальные власти.

Второй с'езд Советов должен был собраться, и мы уже знали, что на этом с'езде, наконец, истинно революционная партия будет иметь большинство. Никаких препятствий к передаче власти Советам больше не было. Надо было только, чтобы к самому началу заседания революционное население Петрограда подарило столицу в распоряжение с'езда Советов. Эс-эры с бешенством бессилия присутствовали при этой картине.

Не думайте, однако, что эс-эры совсем глупые люди. Среди них есть люди не глупые, так сказать, крепкие умом, хотя и задним. Я не знаю, кто писал убийственную самохарактеристику, данную позднее, но думаю, что Чернов. Эту характеристику всей описанной сейчас стадии развития русской революции и предательской роли эс-эров в ней мы находим в издании Ц. К. партии в № 3 «Издания и обращения» за 1919 г. Ко всем организациям партии Ц. К. обращается с такой замечательной речью:

«Во все время партия, согласно оценке IV партийного с'езда, к сожалению, не смогла или не сумела во-время ликвидировать отслужившую в свое время систему коалиции с буржуазными партиями, не давшую возможности трудовой демократии разрешить ряд неотложных задач, неразрешение которых растило брожение в низах, обрекало новый строй на неустойчивость и лишало правительство всякой силы и популярности. Частью вследствие несогласия и недостатка дисциплины в собственных рядах, частью вследствие отсутствия союзников, готовых вместе с партией ликвидировать коалиционный период революции и перейти к созданию однородной социалистической власти, частью вследствие огромной трудности задачи создания такой власти в период непосильной для России войны, при упорстве затягивающих ее союзных правительств, частью, наконец, не без основания опасаясь ударов с ты

ла от крайнего левого демагогического крыла русского социализма, партия не встала во главе революции и была обречена на пассивное, скрепя сердце, поддержание быстро сменяющих друг друга все более слабых и непопулярных смешанных правительств, отбрасывающих тень своей непопулярности на нее до тех пор, пока это политическое топтание на одном месте не утомило большинства масс и не довело бы до белого каления более активного меньшинства их. Октябрьский переворот пожал плоды создавшейся политической ситуации».

Надо указать, впрочем, что еще в резолюции о деятельности Центрального Комитета 4-го с'езда, а также в резолюции о текущем моменте этот с'езд, более широко партийный, а потому и более передовой, призывая всемерно защищать Учредительное Собрание, довольно строго осудил, вместе с тем, тактику мелкой буржуазии. Никаких выводов с'езд не умел сделать из мудрости, которую вколотила в него мощь Октябрьской революции.

V.

От Октябрьской революции до чехо-словацкого фронта.

Из приведенной только что характеристики Ц. К. с.-р. его собственной тактики до Октябрьской революции вытекает и тот характер зрелости переворота, который сказывался в каждом его шаге. В сущности говоря, переворот в ночь на 25 октября произошел совершенно бескровно. В борьбе Петрограда единственным пунктом сопротивления явился Зимний дворец, да и там защита была представлена так называемым «бабьим батальоном» (батальон ударниц) и парой сотен подростков-юнкеров. Соответственно с этим революционные войска, бравшие Зимний дворец, действовали с замечательной осторожностью и деликатностью, как будто бы боялись оцарапать как-нибудь женщин и детей, собравшихся грудью отстаивать господ Керенских и Пальчинских. «Аврора», по словам с.-р., бомбардировавшая Зимний дворец, на самом деле не причинила ему ни малейшего вреда и, собственно говоря, хлопала своими пушками, как хлопушками, единственно для того, чтобы произвести эффект на доблестных защитников последнего оплота буржуазно-эс-эровского режима.

В то же самое время в Смольном институте всю ночь заседал 2-й с'езд Советов, с удовлетворением констатировавший, по словам Троцкого, что революционный Петроград предоставляет ему в виде великого дара столицу бывшей Российской империи. Эс-эры вместе с меньшевиками пугали, сколько могли. На кафедры выскакивали один за другим то эс-эры, то меньшевики, говорили горячечные речи и божились, что не будут иметь с нами ничего общего.

Надо, тем не менее, констатировать с полной определенностью, что большевики совершили свой переворот, отнюдь не выгоняя из Совета эс-эров и меньшевиков, а даже (не слишком, впрочем, настаивая) определенно приглашали их продолжать совместную работу. На это, однако,

с их стороны сыпались только проклятия. Даже левые эс-эры ис
лись и в правительство итти не хотели. Некто поручик Кучин, ес
ошибаюсь, меньшевик, громовым голосом читал с кафедры, како
личество армии отвергнет нас и двинется на Петроград. Оказалось
это были все армии и вдобавок еще особая. В то же самое время
видно, что какие-то силы «грозно, медленно, как тучи», двигаютс
Гатчину и Царское Село. С ними был и Керенский.

Торжественная и беспокойная ночь прошла и настал первый
Советской республики. Эс-эров он застал в величайшем смятении.
пишет Семенов:: «В ночь октябрьского переворота в партии с.-р. ца
полная растерянность и организационный хаос. Пленум Ц. К. бе
станно заседал и не приходил ни к каким решениям». Однако
враждебности по отношению к коммунистическому перевороту не
быть никакого сомнения. Немедленно же этот Ц. К. предложил
зать содействие войсковым организациям, комиссарам и командном
ставу в деле окончательной ликвидации большевиков».

Таким образом, Октябрьская революция показалась господам эс-
ликвидацией большевиков, только не окончательной, и все дело
только в том, чтобы прикончить этих беспокойных людей. Для
Ц. К. с.-р. в «Деле Народа» от 28 октября призывал об'едини
вокруг «Комитета спасения родины и свободы».

Присмотримся на одну минутку, что это был за комитет. По
занию Гомбарга, активного члена этого комитета: «В комитет вхо
партии кадетов, н.-с. и с.-р. (меньшевики вскоре отпали). Он ст
своей целью активную борьбу с Советской властью. От кадетов
дили Набоков и графиня Панина».

Таким образом эс-эры, отшатнувшись от народной партии, несм
на решение IV с'езда, можно сказать в ту же минуту организова
вместе с буржуазией. Сами фамилии Набокова и Паниной говоря
себя. Правые кадеты—подлинные контр-революционеры,—вот кто
официально представлен в союзе. На самом же деле его правый
не мог не разрастись, сейчас же прикрыв своим крылом все те
силы России, включительно до от'явленнейших черносотенцев. В
енном отделе этого комитета, который должен был заняться окс
тельной ликвидацией большевиков, был сам Семенов, ныне разс
чающий эс-эров, меньшевик Шеин, Мазуренко, Гомбарг, Борисов,
Онипко, личность чрезвычайно воинственная, Сергей Маслов, н.-с.
ковский, будущий бесславный архангельский президент, и Сомов.
чем, надо сказать, что этот совет сложился окончательно уже
первых военных действий против большевиков. Эс-эры не оста
равнодушными к грозному движению Керенского на Петроград. Г
Семенов полетели разыскивать контр-революционные войска. На
Войтинского, представлявшего столь же воинственный меньшевизм
указал, что Керенский вместе с 3 конным корпусом, командиром
рого был генерал Краснов, приближается к Гатчине. Эс-эры были
чала немножко испуганы. Известно было, что этот корпус состои
крайне реакционных донских казаков. Тем не менее, Семенов взя

себя звание комиссара этого корпуса. Однако, к изумлению Семенова, реакционные донские казаки ударились, так сказать, в противоположную крайность и заявили новоявленному комиссару, что они с петроградскими рабочими воевать не хотят. Семенов пишет: «Под'ема не было совершенно. Керенский нервничал. Отношение к нему казаков было враждебное». Ц. К. с.-р. в поддержку своему «правительству» прислал своего члена Фейта и самого Гоца. Гоц по приезде выяснил, что «наши силы недостаточны». Запасный пехотный полк в Царском Селе категорически высказался против движения на Петроград, и Гоц поехал его уговаривать. Семенов рассказывает, что речь свою на счет контр-революционного выступления Гоц начал ссылкой на то, что в прошлом у него 10-летняя каторга, но сразу же отовсюду раздались возгласы: «Довольно, не хотим». Гоц, прибавляет Семенов, тон сбавил. Выяснилась огромная враждебность к временному правительству и его военной политике. Надежда на ликвидацию большевиков постепенно падала. Как видно, эс-эровская партия решила двинуть, так сказать, самого своего папу, и недостаток военных сил и воодушевления решила заменить приездом самого Чернова, который ночью на 27-е появился в Гатчину и начал совещаться с Керенским.

Однако характерно. «У Чернова,—по словам Семенова,—заметно было стремление не выявлять открыто своей солидарности с Керенским». Вообще, несомненно, что если Ц. К. с.-р. показывал себя почти в одинаковой степени блудливым и трусливым, то здесь, несомненно, сказалось влияние «немолодого гиганта», гражданина Чернова. Утром Чернов выехал в Псков, так сказать, поднять весь фронт против революции. Между тем Семенов заметил, что офицеры тоже недовольны Керенским. Они открыто называли его мямлей и предлагали его арестовать, а в окрестностях, как гиена, бродил Савинков и шушукался с офицерами. Тогда Керенский обратился к Семенову с просьбой организовать ему побег из собственной армии. Побег с переодеванием удался так хорошо, как в любом водевиле. Остальное известно. Войска Краснова были разбиты на-голову при Пулкове, сам Краснов попался в плен, и Владимир Ильич, расчувствовавшись, на честное слово, отпустил этого негодяя, который после этого еще фигурировал на юге в качестве нашего злостного врага.

Между тем, не дремали эс-эры и в самом Петрограде, и в воскресенье 29 мы были разбужены пулеметной трескотней и пушечными выстрелами. Это было восстание юнкеров. Наши юнкерские училища превратились в своего рода вулканы, извергавшие огонь и контр-революцию. Одним из главных организаторов восстания явился Авксентьев, который, однако, как только дело повернулось против юнкеров, не дожидаясь даже возгласов соответственного петуха, от них отрекся. Сейчас из показаний эс-эра Ракитина мы уже доподлинно знаем, что главными организаторами (под руководством Авксентьева) этого выступления были эс-эры, а, именно, сам Ракитин - Броун, Краковецкий, Брудерер. По мнению Ракитина, юнкерское восстание было подавлено не столько действиями Революционно-Военного Комитета, сколько непосредствен-

ным взрывом негодования матросов и солдат. В этом есть много правды, но во всяком случае надо помнить, что великая Октябрьская революция, как созревший гигантский массовый переворот, произошла бескровно, и что кровь, пролитая в Петрограде в первый раз со времени переворота, падает целиком на головы эс-эров. Эти, однако, в своей безумной мечте об окончательной ликвидации большевизма не понимали, что идут против непобедимой стихии, и толкнули бедных дворянских и буржуйных молокососов из юнкерских училищ на глупую и бешеную авантюру.

Так как постоянные отречения эс-еров в случаях неудач или большой ответственности от ими задуманных и начатых преступлений и актов являются крайне характерными, то мы считаем нужным привести здесь несколько показаний, характеризующих отречение Авксентьева в те дни. По показаниям с.-р. Краковецкого:

«В течение нескольких дней были завязаны связи с военными училищами и частями, оставшимися верными правительству. Однако кровавая развязка наступила скорее, чем мы думали. Были получены сведения о готовящемся разоружении наших броневиков и было решено открыть действия немедленно. Решение это было принято в ночь на 29 октября в помещении Всероссийского крестьянского союза. Руководителем выступления был назначен полковник Полковников, при чем видную роль в этом назначении играл член Ц. К. П. С.-Р. Гоц. Тут же были заготовлены приказы военным училищам о выступлении. Эти приказы я лично дал на подпись Авксентьеву—председателю Комитета. После неудачных для нас боев вокруг пехотных училищ мы получили распоряжение от Комитета прекратить дальнейшую борьбу ввиду ее полной безнадежности».

Другой эс-эр Ракитин-Броун показывает:

«В то же время, когда первые шаги наши оказались удачными, мною был составлен приказ ко всему населению Петрограда о свержении большевистской власти, об аресте Революционного Комитета и восстановлении власти Временного Правительства. Ввиду отсутствия в данный момент Гоца и Авксентьева, их подписи получить не удалось, и приказ пошел в печать в копии с печатными подписями на машинке Гоца и Авксентьева. В подлиннике же он был подписан председателем военного отдела меньшевиком Синани и мною, как секретарем Военной Комиссии».

Когда восстание было разбито, то в № 195 газеты «Дело Народа» появилась такая заметка:

«Новая Жизнь» от 30 октября сообщает, что в бюллетене «Комитета спасения родины и революции», № 1, от 29 октября, в 8 час. 30 минут, напечатано «воззвание к населению и войскам Петрограда», подписанное председателем Совета Республики Авксентьевым. Сим заявляю, что о таком воззвании я впервые узнал из «Новой Жизни» и такого воззвания я не подписывал. Петроград, 30 октября. Авксентьев».

По этому поводу участник восстания Ракитин-Броун показывает: «Появившееся в «Воле России» заявление Гоца, Авксентьева и

нания об их отречении от приказа меня глубоко возмутило, ибо оно
хло ренегатством, так как Гоц принимал активное участие, Авксентьев
подписывал боевые приказы, а Синани фактически подписал».

Комментарии излишни. Отметим только лишний раз полное то-
ство этого факта с отречениями Ц. К. от ответственности за убий-
во Володарского и покушение на Ленина.

Я не буду касаться здесь всей серии кровавых событий, которыми
провождался переворот в Москве. Во всех почти других городах Рос-
и переворот произошел с чрезвычайной легкостью [1]). Москва же силь-
пострадала. Крови в ней пролито было много, и здесь ответствен-
сть за это целиком падает на эс-эров. Руднев, с.-ры и меньшевики
анизовали здесь кадетов и юнкеров, офицеров, студентов,—все, что
кно было организовать, и сплотились под одним пестрым знаменем,
и того, чтобы воспрепятствовать рабоче-солдатской стихии. Не толь-
историки, а и мы, современники, должны установить и твердо знать,
основными виновниками гражданской войны были именно эс-эры.
ке не черносотенцы, которые были ошеломлены, которые чувство-
ли полную растерянность, а именно, «чистая демократия», согласно
едсказанию Карла Маркса. Именно они, эс-эры, старались сначала,
ого следуя этому предсказанию, сфальсифицировать революцию, уве-
ть рабочих остановить ее бег, а затем, когда не смогли этого сде-
ть, выступили против них с оружием в руках при поддержке всей
акционной России.

Карты эс-эров были биты, но «Союз спасения» продолжал суще-
вовать и организовываться. Характерно. Семенов повествует: «Эс-
ы всегда старались сделать вид, что у них имеются большие воен-
е силы, что оказывалось неверным». На заседании полковник Пара-
нов являлся, нацепив на себя золотые погоны как в ознаменование
ей воинственности, так и своих политических взглядов, а господа Ту-
кин и Онипко уже тогда выражали мнение, что нужно взять денег
Антанты.

Главным об'ектом был, конечно, петроградский гарнизон, очень рас-
танный и уже в наших глазах совершенно созревший для того, что-
быть в массе распущенным, а в наиболее крепкой части превращен-
м в красную гвардию, а позднее в красную армию.

Когда комитет и его главные работники эс-эры проникли в Пре-
раженский полк, они вскоре убедились, что там работает какая-то
раллельная с ними организация. То же случилось в Семеновском и
ынском полках. Во главе этих организаций оказался Филоненко.

В дни глубокой реакции, перед Октябрьским переворотом, когда
эровско-черносотенная коалиция несколько опомнилась от удара,
несенного ей поражением Корнилова, фамилии Савинкова и Фило-
нко фигурировали как своего рода Мессии. Повсюду говорили: «Вот
стойте, Филоненко и Савинков подтянут. Эти покажут». Вместе с
мне передавали не только о расстрелах, которые эти рыцари смерт-
й казни суровой рукой сеяли среди большевистских частей армии,

[1]) Впрочем, кое-где с.-р.-ам удалось вызвать кровопролития.

но и о каких-то сантиментально-мистических истериках, которые устраи вали оба авантюриста, страдавшие манией величия и выдерживавш себя в стиле рыцарей «коней бледных».

Среда, в которой вращался Филоненко, состояла из эс-эровск авантюристических декадентов и черносотенных палачей. Позднее этой среды вышел восторженный поклонник Филоненко Каннегиссе убийца Урицкого. В свое время я заинтересовался Каннегиссером смог собрать о нем некоторые сведения в московской артистическ среде, где он часто бывал. Чем-то невыразимо душным, извращенны глубоко декадентским пахло от него и ото всех его речей и от все его среды. Вот этот-то сантиментальный буян и самовлюбленный кр вожадный ритор Филоненко и решил, что ему надлежит спасти Ро сию. Для этого он вел длительную работу на чьи-то деньги в петр градском гарнизоне и, натолкнувшись на с.-р., которых он сам, бы ший эс-эр, презирал и ненавидел, предложил им политическое согл шение.

Политическое соглашение должно было состоять в том, что, по ни вержении большевиков, он, Филоненко, становится у власти и созд ет кабинет из оборонно-православного Карташева, анархиста и рабоч ненавистника инженера Пальчинского, обер-прокурора святейшего с нода Львова (того самого, который служил связью в авантюре Корн лова и Керенского, а теперь находит, что сменовеховцы слишком пр вы и создал левую, более близкую (!) к большевикам группу), Пеш хонова, столпа «Русского Богатства», капиталиста Коновалова и Ки кина, прославившегося особенно в период так называемого «Про киша».

Такова должна была быть группа «спасителей России». Что же эры? Семенов обратился в Ц. К. и спросил его, можно ли войти в соглашение с Филоненко? Ц. К. ответил, что нельзя, но «в военн сотрудничество вступить и деньги брать». Не напоминает ли это вестную толстовскую даму, которая, не взирая на ненависть к мужич и его запаху, сказала: «Деньги?—Деньги взять».

Итак, у Филоненко брали деньги и делали вид, что заключили ним соглашение. Готовилось разоружение Преображенского пол Предполагалось использовать и это. На самом деле из всей филоне ковской организации, из всех расчетов на гвардейские полки в Петр граде вышел один сплошной пуф и конфуз, и сам Филоненко, убед шись в том, что ему еще не так скоро удастся сделаться президент России, внезапно куда-то скрылся.

Но на смену этому могучему союзнику выплыла другая фигу какого-то чиновника Иванова. Чиновник Иванов имел другую комб нацию для спасения России и резко расходился с авантюристом Фи ненко. Этот решил держать курс на Германию и звал эс-эров поеха к Людендорфу, поклониться ему и спасать Россию вместе с ним. «Орг низация,—говорит Семенов,—была чисто буржуазная и существова на деньги крупной буржуазии». Ну, и что же? Эс-эровский Ц. К. реш от соглашения с агентом крупной буржуазии, звавшим их к немца воздержаться, но предложил: «военной комиссии поддержать з связь, делая при этом вид, что комиссия идет на соглашение».

Для чего же Ц. К. сделал это? Об этом дал компетентное раз'яснение сидящий ныне на скамье подсудимых Донской. Он заявил, что, главным образом, надо брать у Иванова деньги, ибо «деньги не пахнут» (см. показания Семенова).

Так в ненастные дни занимались они делом и притом, судя по заглавию их газеты, «Народным Делом». Между прочим, эс-еры и к Люндорфу посылали почтеннейшего Постникова, но почтеннейший Постников к Людендорфу ехать отказался. На том временно переговоры и оборвались. Людям, которые по наивности скажут: «Не может быть, чтобы эс-эры готовы были даже немецкие деньги брать», напомним, что Украинская рада, нанесшая удар в спину нашим переговорам в Бресте, наполовину состояла из эс-эров. Вряд ли Ц. К. с.-р-ской партии был так младенчески невинен во всей политике предательства и германофильства, которую вела рада. Ведь надо вспомнить, что французские газеты говорили о рыцарственной Украйне и о том, что она в отличие от продавшихся немцам большевиков честно придерживается своих обязательств, и это признание сделано было за три дня до того, как рада построила специальное соглашение с генералом Гофманом, сорвала наши переговоры и впустила германские войска на Украйну.

«Союз спасения» между тем оканчивал свое существование и заменялся другим, называвшимся «Союзом возрождения». Признано было, очевидно, что «спасти» не удалось, Россия утонула и ее приходилось «рождать вновь».

Что же это был за «Союз возрождения»? Платформа его была такая: 1) непризнание Брестского мира и восстановление России в границах 1914 года, за исключением Польши и Финляндии; 2) возрождение русской государственности путем созыва Учредительного Собрания. На этом сошлись меньшевики, н.-с-ы, эс-эры и кадеты. От эс-эров в союз вошли: Авксентьев, Аргунов, Сергей Маслов и Бунаков. Но так как Ц. К. эс-эров столь же труслив, как и блудлив, то он заявил, что они не являются его представителями, а только отражающими взгляды Ц. К. Дашевский в своем показании говорит, что отношение к организации у эс-эров было весьма двойственное. Еще бы. Желал бы я знать, есть ли на свете вопрос, к которому эс-эры не относились бы весьма двойственно?

Дело в том, однако, что двойственность эс-эров выродилась уже в настоящее раздвоение. Дашевский повествует: «Фактически было два регулирующих политических центра: с одной стороны, комитет партии, избранный на 4-м с'езде, с другой стороны, бюро фракции Учредительного Собрания. В его составе был целый ряд крупнейших представителей партии с.-р., не вошедших в состав избранного на с'езде Центрального Комитета. Большинство из них гнуло значительно правее той политической линии, которая была установлена 4-м с'ездом и которую пытался проводить Ц. К. Последний в их глазах не пользовался особым авторитетом. Они считали совершенно необходимым тесное сотрудничество в борьбе против большевиков с так называемыми демократическими буржуазными кругами. Ц. К. смотрел на эту организацию косо. Однако, хотя он и смотрел косо, но оказывается, что в состав бюро той

фракции, которая на дело смотрела не косо, а достаточно нагло, вход не кто иной, как Гендельман, Эльяшевич, Буров, член Ц. К. и даже Г и, наконец, немолодой гигант Чернов. Таким образом, двойственно была неполная и, может-быть, Чернов ухитрился даже в качестве ч на Ц. К. смотреть на союз с буржуазией косо, а в качестве члена фр ции—прямо [1]). Однако золотые времена, когда обе души уживал в груди гиганта, скоро прошли, и от Союза возрождения стало пахн так скверно, что Ц. К. запретил членам партии с.-р. состоять в Со возрождения. Не подумайте, однако, что они его послушались, ибо с час же после этого Чернов дал раз'яснение. Надо ведь помнить, что эс столько же блудлив, сколько и труслив. «Никаких сношений органи ции, как таковой, с Союзом возрождения не иметь, но отдельным чле препятствий к участию не чинить. Если же в эту организацию бу втянут (?!) член комитета, он должен механически выбывать из сос ва комитета».

Какая замечательная организация! Совершенно, так сказать, ме ническая. Вдруг член оказывается «втянут», и не хотел, а «втянул и сейчас же он «механически» выбывает, тоже без всякого жела с чьей бы то ни было стороны.

Занимаясь либеральной деятельностью в «возрождении», эс-э следовали своей традиции и продолжали быть террористами. Еще время Октябрьского переворота Чернов заявлял в речи на 10-й Пет градской конференции под гром аплодисментов (смотри «Дело Наро от 17/XI): «Мы всегда держались за Учредительное Собрание и во его мы всенародно заявляли: если кто-либо посягнет на него, он зас вит нас вспомнить о старых методах борьбы с насилием, с теми, навязывает народу свою волю».

Прежде всего, когда собрано было Учредительное Собрание, эс-э боевики, люди искренние и деловые, решили, что раз Учредитель Собрание есть высшее завоевание революции, то, стало-быть, надо щищать его до последней капли крови. Такая организация была уст на. В броневом отделе вел работу меньшевик Виктор Шкловский, и ее настолько удачно, что целый ряд броневиков могли выступить приказанию эс-эров. Была связь в различных организациях и гру человек в 40 солдат, вооруженных бомбами, и т. д.

Онипко, Скороделов и Семенов, люди воинственные, выработ такой план: «Мы направляем ожидаемую массовую демонстрацию, главе с броневиком 5-й дивизии и нашими боевыми сооружения инсценируя народное восстание, к Семеновскому полку. Семеновс полк, естественно, по его настроению, при виде этой картины, п соединяется. От Семеновского полка двигаемся к Преображенск втягиваем по возможности дорогою электротехнический батальон другие колеблющиеся части. Все движется к Таврическому дворцу. туда начинаются активные действия».

---

[1]) Недаром же Авксентьев в письме назвал Чернова не „гигантом „роковым для партии косоглазым человеком!“ (sic).

Упомяну здесь еще, что ради этой цели был устроен также так называемый солдатский университет, в который привлекали со всех сторон солдат и прапорщиков, стоявших на точке зрения защиты Учредительного Собрания. Но Ц. К. эс-эров, как известно, столько же труслив, сколько и блудлив. Поэтому он внезапно заявил, что не соглашается на этот план, а предложил: «В случае активного массового выступления, когда войска сами станут на сторону восставших, когда движение выльется в стихийное вооруженное столкновение, взять на себя руководство».

Словом, члены Ц. К. опять желали, чтобы их «втянули» и чтобы они «механически» начали действовать. Однако их так и не «втянуло». Никем не инсценированное народное движение не произошло, а боевики, согласно директиве Ц. К., пассивно выжидали. Тут-то, очевидно, надо было перейти от пустых угроз к делу, и Ц. К. стал подумывать о терроре. Семенов говорит, что «допустимость» и «целесообразность» террористических актов была ясна Ц. К. Вряд ли это вполне так. О соответствующих настроениях и мнениях Ц. К. существуют разные версии. Приведем некоторые любопытные документы по этому поводу.

VI.

Снова террор.

Вопрос о терроре снова был, как рассказывает член Ц. К. Ракитников, поднят в феврале или январе 1918 г., при чем голоса членов Ц. К. П. С.-Р. разделились. Меньшинство высказывалось за террор, а большинство против. Я не знаю, удастся ли следствию предстоящего процесса точно установить, кто именно высказывался за, но факт разделения голосов остается фактом. Сам Ракитников как-то плохо допускает, чтобы Гоц вел после этого двойную политику и, скрывая от большинства свои действия, вошел в соглашение с боевой группой о целом ряде террористических актов. Однако показания Семенова и Коноплевой не оставляют на этот счет никаких сомнений. Факты ими передаются чрезвычайно точно. Ни разу еще не случалось, чтобы то или другое их показание было опровергнуто достойными веры свидетелями и, наоборот, во всех тех случаях, когда мы такими свидетелями располагали, факты подтверждались.

Вместе с тем Ратнер определенно говорит, что из своих сношений с членами Ц. К.,—а их он знал много,—он вынес убеждение о высокой оценке Семенова. «Чернов, Донской, Тимофеев, Евгения Ратнер,—по словам этого свидетеля,—отзывались о Семенове и о работавших с ним боевиках с исключительной теплотой и доверием, неоднократно восторгаясь энергией, храбростью и самоотверженностью входящих в его организацию боевиков и высоко ставили личную и моральную чистоту Семенова. Ото всех без исключения я имел чрезвычайно высокие отзывы, доходившие до благоговения перед Григорием Иванновичем».

Сам Ратнер относился к боевой работе отрицательно, но заявляет: «В боевых организациях, как при самодержавии, так и в борьбе с Советской властью, концентрировались наиболее лучшие, наиболее героические элементы партии, и как бы ни была вредна их работа, они были бесконечно чище, чем центральные работники партии и политические лидеры».

Но за эти показания, которые могут быть заподозрены в суб'ективности, говорит тот факт, что Семенов, во всяком случае, был избран в военное бюро Ц. К. на 4-м с'езде партии, что он занимал целый ряд ответственных должностей в этой области, что ему давался целый ряд конспиративнейших и ответственнейших поручений.

Равным образом и относительно Коноплевой вряд ли при помощи всех клеветнических нападок эс-эрам удастся создать какую-нибудь неблагоприятную атмосферу.

С другой стороны, мы видели, что тактика эс-эровской партии еще в прошлом отличалась беспрестанной двойственностью, и мы неоднократно будем наблюдать ту же двойственность, граничащую с лицемерием, и в действиях партии, о которых нам предстоит рассказать. Если в прошлом боевая организация была в значительной степени независима от Ц. К. или связывалась с ним только через отдельных членов Ц. К., то, повидимому, то же происходило и после революции. Так, тот же Ратнер высказывается о конспирации партийных руководителей следующим образом:

«...Эта абсолютная конспиративность основного ядра Московского бюро (Донской, Тимофеев, Евгения Ратнер, Артемьев, Морозов) не только от активнейших партийных работников, но и от самих членов Московского бюро оправдывалась опасностью провокации и срыва работы, и я с этим примирялся. Сами же эти лица, входившие в это ядро, были подробнейшим образом осведомлены о всех деталях партийной работы, в том числе о боевой террористической работе и об экспроприациях».

Ратнер мог, например, убедиться, что «в этот период (приблизительно тот, о котором я сейчас рассказываю) целый ряд офицеров черносотенного характера, нередко высокого чина, направлялись на Восток, в связи с затевавшейся тогда Самарско-Сибирской авантюрой».

«Во время мимолетной беседы с Тимофеевым, членом Ц. К.,—говорит Ратнер по этому поводу,—в ответ на мое возмущение по этому вопросу, он ответил, что «нам нужны в Самаре не партийные агитаторы, а деловые военные люди, без которых создать армии немыслимо».

Так же точно, несмотря на постоянные уверения, что Ратнеру нечего опасаться за «чистоту риз» партии, ему неоднократно приходилось констатировать из речей уполномоченного эс-эров в Союзе возрождения доктора Павлова или из отзывов Донского по докладу Ратнера о безобразиях на юге, что «Ц. К. взял линию самостоятельную, многим рядовым и даже ответственным эс-эрам непонятную и противную».

К тому же мы имеем все доказательства и с исчерпывающей полнотой приводим факты в этой брошюре, что вообще эс-эровская партия и

сам Ц. К. распадались на несколько недоверявших друг другу групп. Все это как нельзя более склоняет в сторону абсолютного доверия Семенову, раскрывшему тайники право-эс-эровского терроризма, прикрытые трусливыми отрицаниями всякого участия в террористических актах.

Крупные террористические акты совпадали в Петрограде с движением минной эскадры и части рабочих. Я тогда довольно близко стоял к делу, имею по этому поводу ряд личных воспоминаний. Тов. Раскольников уведомил меня о том, что ведется интенсивная эс-эровская, а за нею и офицерско-белогвардейская агитация в минной эскадре флота под нелепым лозунгом «Диктатура флота в Петрограде». Агитация поддерживалась и адмиралом Щастным, тогда стоявшим во главе флота.

Я очень хорошо помню матросское собрание на Васильевском острове, где мне и тов. Раскольникову пришлось вступать в дискуссию перед матросскими массами с руководителями этого движения. Выступал целый ряд офицеров с горячими патриотическими речами и один молодой лейтенант, фамилии которого я не помню, она позднее была выяснена, — развивал целую определенную программу этой «диктатуры флота».

Адмирал Щастный встретил меня и тов. Раскольникова с загадочной и зловещей улыбкой, которую я отчетливо помню. Настроение среди матросов минной эскадры было такое, что во время речи тов. Раскольникова нельзя было быть уверенным, что кто-нибудь не выстрелит в него, или что не произойдет рукопашной. Однако ответственные руководители матросских организаций флота с такой энергией отвечали минным эс-эрам и так определенно заявляли им, что «разделают их под орех» при малейшей попытке к восстанию, что шансы, казалось, уравнивались, и эс-эровские подстрекатели стали говорить будто бы в примирительном тоне. Между тем минная эскадра стояла на таком месте Невы, откуда было два шага до Обуховского завода. Обуховский завод находился в состоянии крайней дезорганизованности и разложения. Лучшие рабочие были высосаны из него разными мобилизациями и оставалось много сора. К тому же постоянные продовольственные недоразумения, тяжелый кризис раздражали малосознательную массу. На эту почву эс-эровские семена падали чрезвычайно для них благотворно. Мы знали, что у минной эскадры и Обуховского завода существует настоящий заговор. Возможны были эксцессы.

20 июня 1918 года тов. Володарский, находившийся на Обуховском заводе, телефонировал Зиновьеву, что считает необходимым крайние усилия, чтобы уговорить обуховских рабочих не итти на столкновение с Советской властью, и для этого просил Зиновьева приехать на завод самому. Володарский хотел подождать Зиновьева на заводе. Тов. Зиновьев попросил меня поехать с ним вместе. Я, как и товарищ Зиновьев, пользовался некоторой популярностью среди петроградских рабочих. Однако нас не слушали, кричали, при чем, конечно, делала это не масса, а попустительстве ее (как я уже сказал, несомненно, враждебно к нам настроенной) кучка крикунов и смутьянов.

Против нас, при поддержке этой кучки выступали меньшевики и эс-эры с самыми наглыми речами. Володарского на заводе мы не заста-

ли, он уже уехал. После того, как мы часа полтора уговаривали рабочих не нервничать и верить в твердость и верность пути, по которому идет Советская власть, мы уехали и по дороге в селе Фарфоровом узнали, что Володарский убит.

Ни на минуту у нас не было сомнения в том, что убийство Володарского (мы считали его почти случайным и думали, что покушение, может быть, готовилось, главным образом, на Зиновьева) исходит из тех же кругов, что работали в минной эскадре и на Обуховском заводе. Тов. Урицкий, которому было поручено следствие по этому делу, установил с несомненностью связь с эс-эрами. Он писал тогда же в «Петроградской Правде»:

«Что касается правых эс-эров, то участие их в деле убийства Володарского несомненно. Выяснено, что задолго до убийства в петроградских районах организации право-эс-эров обсуждался вопрос о целесообразности террора по отношению к Советской власти и партии большевиков. Василеостровский район право-эс-эров еще за три недели до убийства Володарского вынес решение о необходимости и своевременности такого террора».

Но лишь теперь мы знаем настоящую правду об этих событиях. Оказывается, что эс-эры, действительно, вели работу на Обуховском заводе, в Обуховском районе и что руководителями тогдашнего движения были Зотов и Годжумов, что эс-эры имели своих прямых агентов в минной эскадре, что вопрос о совместном выступлении минных матросов и обуховцев рассматривался в Ц. К., но Гоц, по свойственной ему в решительные минуты робости, удерживал от выступления. Тогда Семенов предложил Ц. К. перейти к террористическим актам. Члены Ц. К. Донской и Гоц не только это одобрили, но прямо указали на то, что в Петрограде наиболее желательной целью террора являются Зиновьев и Володарский.

Немедленно Семенов приступил к организации покушения. В назначенный для этого отряд вступили Федоров, Сергеев, Усов, Зеренков, Копоплева и Иванова. Была поставлена слежка, которую вел сам Семенов и Федоров. Часть террористов усиленно практиковалась в лесу в револьверной стрельбе. Семенов находил, что необходимо выбрать для убийства—р а б о ч е г о, и выбор пал на маленького маляра Сергеева, человека совершенно очарованного псевдо-революционными фразами эс-эров, который давно уже ходил и говорил о том, что хотел бы совершить подвиг ради революции. Этой-то наивной готовностью воспользовались эс-эры для того, чтобы направить руку рабочего против одного из искреннейших и энергичнейших защитников рабочего класса. Вскоре «техника» на покушение тов. Володарского была готова, и Семенов попросил Гоца дать санкцию. Однако Гоц опять попросил подождать. «Я вынес из беседы с Гоцем,—говорит Семенов,—определенное впечатление, что у Ц. К. не хватает простой практической решимости, как это часто бывало с ним в действенные моменты». Даже Чернов не решается утверждать, что смерть Володарского не была предрешена и что Семенов действовал не по инициативе эс-эровской организации. Он говорит только, что убийство произошло не во-время, случайно, что не предполагалось убить Володарского именно в этот день. И тут он прав. Ц. К. партии разрешил

устами Гоца это убийство; определенная боевая организация создала все технические предпосылки. Сергеев с Павловым стояли на определенных местах. Предполагалось, однако, что автомобиль Володарского остановят и его убьют в один из последующих дней. Между тем автомобиль сломался, Володарский вышел из него и пошел по улице. Кругом было пусто, и Сергеев, убив Володарского, бежал.

«Ц. К. растерялся,—лаконически говорит Семенов.—На другое же утро после убийства в газетах появилось категорическое заявление Ц. К. что ни партия, ни одна из ее организаций не имели ни малейшего отношения к происшедшему. В то же время Ц. К. стал настаивать на том, чтобы выпроводить боевиков в Москву».

Блудливы, как кошки, трусливы, как зайцы. Эта характеристика, так великолепно подходящая ко всякому мещанству, естественно характеризует собою и руководителей мещанской партии. Между тем, сами эс-эры не скрывали друг от друга своего авторства. Ратнер, сидевший в то время в тюрьме, рассказывает, что к нему пришла на свидание Евгения Ратнер, бывшая тогда членом Ц. К. Он уже знал об убийстве Володарского, и на его немой вопрос посетительница кивнула ему головой и тихо сказала: «Наши».

Несколько иначе обстояло дело с убийством Урицкого. Каннегиссер был член филоненковской организации, связанной также с Савинковым, член и одно время руководитель военной организации «Союза возрождения», юноша дерзкий, довольно способный, до глубины души развратный, такой же типичный декадент из золоченой черни, как Савинков и Филоненко, худшие, преступнейшие отбросы русской интеллигенции, интеллигентской хулиганщины. Поэтому, конечно, эс-эры могут сказать, что с Каннегиссером у них так же мало общего, как с Савинковым и Филоненко, т.-е. что они ими пользовались, брали через них деньги, находились с ними фактически в одном лагере, фактически вместе били, но старались итти порознь, потому что при всем известной блудливости они достаточно трусливы, чтобы не брать на себя ответственность за головорезов, какими являлись эти наиболее решительные их товарищи, вследствие решительности своей и вышедшие из состава эс-эровской партии.

Однако такой отвод не заслуживал бы доверия, ибо оставшиеся в Петрограде боевики, повествует Семенов, во главе с Коноплевой, не прекратили слежку за Урицким. Таким образом, и здесь Урицкий был намечен эс-эровской партией, как жертва, и опять-таки техника была готова. Не убил бы его Каннегиссер, убили бы эс-эры. Но более, чем вероятно, почти несомненно, что Каннегиссер в своем покушении пользовался данными эс-эровской слежки.

Гоц, отрекшись от террора, в то же время не решался одобрить и военное выступление минной эскадры и обуховских рабочих. Он заявил, что эс-эрам следует взять на себя ответственность за это выступление лишь в том случае, если эскадра, «оказав вооруженное сопротивление разоружению, выявит себя, как действительная реальная сила».

Предусмотрительный Гоц! Эс-эры, конечно, расшевелили матросов, науськали их, а потом, по обыкновению, решили выждать, что из этого выйдет. Совершенно такую же тактику вели они позднее с крестьян-

ством, например, в Тамбове. Если жертвы их агитации окажутся разбитыми и покарапными, эс-эры немедленно отрекутся. Разве не сделал этого Авксентьев по отношению к юнкерам? Разве не повторяется эта эс-эровская игра все вновь и вновь? Если же взбулгаченные элементы оказались бы в выгодной позиции, о, тогда господа эс-эры немедленно выступят в их тылу и благосклонно возьмут на себя руководство в смысле использования плодов чужого риска. Но матросы минной эскадры, совершенно обезкураженные убийством Володарского, обуховские рабочие, отброшенные этим фактом ближе к здоровому пролетарскому инстинкту, не оказали ровно никакого сопротивления разоружению, а, равным образом, энергичной чистке Обуховского завода. Дело было ликвидировано с легкостью.

Между тем боевики поехали в Москву не только потому, что Гоц считал их присутствие в Петрограде компрометирующим, но еще и потому, что готовилось покушение на Ленина и Троцкого. Следили за Лениным и Троцким—Семенов, Усов, Коноплева, Ивина и Королев.

И тут приходится сделать довольно большую выписку из брошюры Семенова:

«Для выяснения позиции Центрального Комитета по вопросу о практическом проведении террора я беседовал с Гоцем. Гоц находил, что политический момент достаточно созрел для борьбы путем террора, считая, что убийство Ленина надо осуществить немедленно, что оно будет иметь не меньшее значение для подрыва Советской власти, чем убийство Троцкого. Он предлагал убить первым того, кого будет легче убить технически. Я указал Гоцу, что если Ц. К. намерен отказаться от актов после их совершения, как это было при убийстве Володарского, то я и мои боевики вряд ли согласимся продолжать террористическую работу. Гоц заявил, что, ввиду большой политической важности готовящихся актов, Ц. К. во всяком случае не заявит о непричастности партии к ним; возможно только, что Ц. К., по тем или иным практическим соображениям, замедлит с открытым признанием актов делом партии, но с тем, чтобы через короткое время декларировать открыто о них. Я изложил точку зрения Гоца на собрании боевиков, поставив перед ними следующие вопросы: во-первых, будем ли мы продолжать террористическую работу при условии, что Ц. К., возможно, не сразу после актов открыто признает их; во-вторых, является ли беседа с Гоцем достаточной гарантией тому, что Ц. К., действительно, не отречется снова от актов.

«Некоторые из боевиков считали необходимым, чтобы покушавшийся сразу же, в случае ареста, заявил, что акт является делом партии, и чтобы официальное заявление об этом Ц. К. последовало немедленно. После долгих прений мы решили, что точка зрения Гоца приемлема, но что, поскольку Гоц не дал никаких официальных обещаний от имени Ц. К., у нас должны быть более определенные и более официальные гарантии в том, что Ц. К. поступит после акта, именно, согласно этой точки зрения.

«Снова у меня состоялось свидание с Гоцем, на котором я предложил ему, сообщив о настроении боевиков, дать официальный ответ, гарантирует ли он от имени Ц. К. с.-р., что Ц. К. не отречется от акта. Гоц гарантировал от имени партии своим честным словом, что Ц. К. не заявит о непричастности и признает акт открыто или немедленно, или спустя некоторое время. Мы сочли честное слово Гоца достаточной гарантией».

В этом-то месте и появляется Каплан, также эс-эрка, бывшая анархистка. Она вошла в группу Семенова и старалась ввести туда еще нескольких лиц довольно авантюристического типа, которых, однако Семенов не принял. Мрачная и фанатическая решимость Каплан убить Ленина настолько импонировала Семенову, что он включил ее в число тех четырех лиц (Коноплева, Федоров и Усов), которым поручалось самое убийство. Перед самым актом Каплан повидалась с членом Ц. К. Донским, который специально хотел познакомиться с нею. Донской сказал ей, что Ц. К. ни в каком случае не откажется от ответственности за ее преступление. Как известно, Ц. К. на следующий день после катастрофы отказался энергичнейшим образом от этой ответственности.

«После покушения я стянул всех боевиков на дачи. В газетах появились заявления Ц. К., что партия не принимала участия в акте. Это произвело на нас ошеломляющее впечатление. Увидевшись с Донским, я с негодованием говорил ему о недопустимости такого поведения Ц. К., считая это просто трусостью; указал на честное слово Гоца. Донской об'яснил заявление Ц. К. тем, что Ц. К. считает недопустимым подвергнуть партию, в случае отсутствия такого заявления, разгрому красного террора. Новикову Донской предложил описать акт и сдать материалы в архив партии».

Но эс-эры в своей стране, какой в то время являлось Поволжье, нисколько не скрывали своей радости по поводу происшедшего. Их центральный орган «Земля и Воля» писал по этому поводу.

«Большевистско-советской власти нанесен тяжелый удар: ранен Ленин. Пресловутый предсовнарком на время, а может-быть, и навсегда (судя по тому, что пуля повредила легкое) выбыл из строя.

«Удар нанесен в самое сердце Советской власти. Без Ленина она беспомощна, без Ленина она труслива и глупа».

Террористические акты, которые, конечно, не скрывались от иностранных агентов и шпионов, боевые силы, очень незначительные у эс-эров, но которые они по своему обыкновению преувеличивали, их хвастовство, что они являются крестьянской партией,—все это располагало союзников к тому, чтобы считать их одним из лучших своих партнеров в контр-революционном деле,—в деле превращения России в свою колонию. Наш товарищ Маршан, состоявший сотрудником французского консульства, рассказал мне по моей просьбе и за полной своей ответственностью любопытные факты по этому поводу:

«Французское консульство вступило в сношения с эс-эрами непосредственно после Октябрьского переворота. Сношение с меньшевиками

было поручено Шарлю Дюма. Сношения с эс-эрами вел нынешний депутат Парижа—Эрлих.

«Французская миссия, руководимая Нулансом, считала, что наиболее симпатичной для них партией являются монархисты. Так же точно и Клемансо прислал указание, что, по его мнению, единственно подходящей формой управления для России является монархия. Тем не менее, французское консульство пришло к мнению, что эс-эры являются наиболее крупным контр-революционным центром и что технически надо завязать сношения в особенности с ними.

«Эрлих сносился, главным образом, с Черновым, которого называл своим другом. Он говорил во французском консульстве, что ближайшим актом контр-революции будет создание кабинета министров с Черновым во главе.

«Граф Шевильи заведывал в то время отделом пропаганды и агитации при консульстве. Он давал деньги Донскому, члену Ц. К. П. С.-Р. по 50.000 керенских рублей в месяц [1]).

«Равным образом в постоянном сношении с консульством состоял Тимофеев. Граф Шевильи отнюдь не ограничивался, однако, сношением с эс-эрами и поддерживал самые деятельные сношения с Филоненко. Одной из целей, которая при этом преследовалась, было включить в состав Красной армии как можно больше филоненских офицеров. На Филоненко возлагались очень большие надежды.

«Некто капитан Ролан, бывший официальным членом военной французской миссии, уехал в Париж, затем вернулся, конспиративно поселился где-то на Арбате. В консульстве знали, что он скрывается где-то в Москве, т. к. получали шифрованные телеграммы на его имя. Ролан, несомненно, состоял в связи с боевой организацией эс-эров.

«Деньги в это время стали передаваться через Датское посольство. Получал их Илья Минор. Между тем создалось Уфимское правительство. Французский консул Гренар распорядился, чтобы Эрлих ехал в Уфу в качестве как бы посланника при уфимском правительстве, но, т. к. Эрлих был трус, то он под разными предлогами уклонился от этой посылки.

«Французское консульство организовало также через французских офицеров подрывную работу. Было взорвано несколько товарных поездов. Помогали с.-р. железнодорожники. Однако с.-р. рабочие отказались взрывать пассажирские поезда, что вызвало негодование во французском консульстве, один из агентов которого предложил даже аппарат для механического взрывания поездов. Французы говорили, что с такими людьми нельзя работать, что они народ сантиментальный.

---

[1]) Имея возможность сделать некот. примеч. в последней корр. уже во время процесса, отмечу, что на суде некот. показания М. оказались основанными на недоразумении. Союзники не очень-то предлагали деньги с.-р-ам, последние получали их, повидимому только через поср. Союза Возрождения, да и то ничтожными пачками. Из документов (писем Дюма, Веденяпина, Пишона) ясно, как набивались с.-р-ы союзникам со своими учред. „правами“ и как холодно принимали это союзники.

С.-р. Томашевич говорил во французском консульстве о том, что принимал участие вместе с французскими офицерами в вывозе золота из Казани. Для этого он ездил в Казань приблизительно в июне».

Впрочем, и сами эс-эры ни в малейшей степени не отрицают совместной работы с миссиями. Да и в каком мешке утаишь такое огромное шило? Так Аргунов в своей брошюре: «Между двумя большевизмами» пишет:

«С самых первых шагов своей деятельности союз вошел в правильные и частые сношения с представителями союзных миссий, находящихся в Москве, Петрограде и Вологде, главным образом, при посредничестве французского посланника господина Нуланса. Представители союзников были подробно ознакомлены с задачами союза, его составом и неоднократно выражали свою готовность всячески ему содействовать»...

Неожиданной помощью эс-эрам явились чехо-словацкие военнопленные в Поволжье.

Зензинов лжет, что разоружение их должно было быть произведено по приказу Германии. Ничего подобного, конечно, не было, но столкновение между нами и чехо-словаками, офицерство которых изображало большевиков, как союзников Германии, вылилось в довольно острые формы. А раз началось подобное воспаление—эс-эры тут как тут. Бывший морской министр Керенского Лебедев, член Учредительного Собрания и видный эс-эр, рассказывает по этому поводу:

«Все элементы, в том числе и с.-р., протестующие против большевиков, решили переправляться сами и переправлять все офицерские, партийные и добровольческие организации на Волгу для осуществления этого плана, о чем были поставлены в известность и союзники, выработавшие вместе с представителями этой организации целый план создания Волжского фронта, который должен быть базой операции против Германии и ее союзницы Советской России».

Чехо-словаки были для них манной небесной. Член эс-эровской партии Брушвит вступил в специальные переговоры с чехо-словаками и соблазнил их на прямое выступление против Советской власти, обещая им легкий успех. Сначала чехо-словаки энергично отказывались, но, наконец, убедившись доводами эс-эров, начали свою печальную авантюру.

Самара была захвачена чехо-словаками и, так сказать, предоставлена эс-эрам 8 июня. Там же существовала черносотенная офицерская организация под руководством Галкина, также примкнувшая к эс-эрам. Лебедев повествует об этом:

«В самой Самаре существовала довольно сильная беспартийная офицерская организация во главе с полковником Галкиным. Эта организация находилась в самом тесном контакте с нелегальной организацией партии с.-р., во главе которой стояли пять членов Учредительного Собрания, случайно находившиеся в Самаре: Вольский, Брушвит, Климушкин, Нестеров и Фортунатов.

«Эти две организации выступили в Самаре, и, таким образом, совместными усилиями чехо-словаков и наших русских сил Советская власть была уничтожена».

Приступили сейчас же к организации армии, всемерно убеждая чехо-словаков не уходить, пока таковая не будет создана. Эс-эры действовали также при помощи провокации в Красной армии, что в особенности удалось им благодаря некоему полковнику Махину, бывшему уже давно в связи с ними и занимавшему видный пост. Предательство Махина дало возможность эс-эрам временно занять Уфу. Чрезвычайно любопытно рассказывает обо всех этих событиях Лебедев:

«При взятии Сызрани состоятельные классы ассигновали 550.000 р денег на формирование армии, для которой прибыл сам Лебедев. Падение Уфы произошло благодаря подполковнику Махину, командовавшему советскими войсками, прибывшему на эту должность с разрешения Ц. К. П. С.-Р. с тем, чтобы дезорганизовать советские войска и в нужный момент способствовать их поражению, что он и выполнил на честное слово.

«Итак, образовался эс-эровский фронт из Нарармии, чехо-словаков, Оренбургского и Уральского казачества. В политическом отношении эта вся территория подчинялась комитету членов Учредительного Собрания. Во главе военных сил стоял генерал-майор Чечек, во главе военного министерства—с.-р. Лебедев, Галкин, Взоров и т. п.

«В атаке на Сызрань участвовал среди многих отрядов отряд меньшевиков, соперничавший в мужестве с остальными.

«В это время в Самару прибыл военный французский агент Альфонс Гинэ, который на общем собрании военных руководителей заявил нам, что согласно союзному плану нам необходимо продолжать наши завоевания на Волге, пока не подойдут союзники, что должно быть очень скоро. Это вполне отвечало тому плану, который был выработан союзными и русскими организациями в Москве».

Контр-революция разрасталась.

«Симбирск встретил нас удивительно радушно *). В Казани было взято 30.000 пудов золота и 100.000 рублей кредитными знаками, масса серебра и пр.

«В Казани население встретило нас с беспредельным восторгом. В течение 34 дней, которые мы оставались там, в о в с е х ц е р к в а х с л у ж и л и с ь м о л е б с т в и я».

В то же время савинковская организация со своим полковником Перхуровым устроила восстание в Ярославле. Савинковская организация находилась в то время в контакте с эс-эрами. Савинков даже считает, что главной действующей организацией на Востоке явился не «Союз возрождения», а его собственный союз, называвшийся «Союзом защиты родины и свободы». Как решительный человек, Савинков не отплевывался (как больше для виду делали с.-р.) ни от каких Алексеевых и Деникиных. В этом только и была разница между обоими союзниками. Савинков охотно становился во главе монархистов. В своей брошюре «В борьбе с большевизмом» он так определил свою программу:

«Платформа союза: 1) Организация борьбы с большевиками и немцами, ради чего, на-ряду с созданием российской армии, признавалось

*) Здесь также; по свид. Лебедева, „состоятельные классы собрали 5.500.000 р.“

необходимым и даже неотложным, участие союзных армий. 2) Восстановление народовластия и созыв нового Учредительного Собрания».

В состав центра савинковского союза входили: н.-с-ы, конституционные монархисты, республиканцы, социал-демократы группы Плеханова, с.-р-ы (Деренталь), меньшевики и т. д., по характеристике самого Савинкова.

Кроме ярославского восстания предполагалось еще бунты в Мурмане и Рыбинске, убийство Троцкого и Ленина, наконец, участие в Поволжском чехо-словацком движении.

Таким образом в Ярославле работал эс-эр Деренталь, в Поволжье помогали савинковцы. Да и почему нет? Ведь «Союз возрождения» также состоял из кадетов, н.-с-ов, с.-д. плехановцев, с.-р., наконец, беспартийных военных, торгово-промышленников и кооператоров. И то и другое— одинаковый ковчег с достаточным количеством нечистых и с исчезающим элементом чистых, т.-е. одураченных людей.

Если Савинков определенно шел на союз с монархистами, то далеко ли ушел отсюда Аргунов, который со свойственной ему неумной прямотой выбалтывает такие вещи:

«Что касается уже существующего Всероссийского Учредительного Собрания, то союз В. Р., учитывая все отрицательные стороны, в которых происходили выборы в данное Учредительное Собрание, глубокие изменения, происшедшие с момента выборов в политической обстановке и в самом составе данного Учредительного Собрания, считал невозможным рассматривать его, как носителя верховных прав народа и выразителя его мнений... А если данному Учредительному Собранию суждено еще появиться на арене государственности, в чем существовало сомнение, то задачи его должны быть крайне скромными: как орган демократии, Учредительное Собрание должно ограничиться санкционированием той власти, которая к этому времени создастся, проведением некоторых неотложных мероприятий, вызываемых потребностями войны и выработкой закона о выборах в новое Учредительное Собрание.

«Необходимо отметить, что при всем своем вполне определенном отношении к данному Учредительному Собранию, «Союз возрождения» никоим образом не допускал возможности насильственного его упразднения.

«Большое внимание при разработке платформы союза было обращено на вопрос о характере и типе центральной всероссийской власти. Соглашаясь с тем, что власть должна быть сильной, в смысле твердости, определенности своей программы и быстроты и независимости в действиях, Союз решительно отверг, однако, идею единоличной диктатуры и остановился на директории из пяти или трех членов, принадлежащих по возможности к разным партиям, об'единенным общностью программы».

После завоевания Уфы собралось там так называемое Уфимское совещание, насчитывающее 420 депутатов, из которых 210 человек были члены с.-р-ской партии. Было учреждено временное правительство в следующем составе:

Эс-эры Авксентьев, Зензинов, эс-эрствующий г-л Болдырев и неопределенные Вологодский и Виноградов,

Между тем, в то самое время, как различные правительства, в том числе Сибирское, о котором мы еще будем говорить, Северное и даже Деникин признали полномочия Уфимского правительства (директории), как всероссийского, вся постройка стала распадаться, как карточный домик.

Могучее наступление Красной армии поддерживалось революционным движением рабочих против учредиловцев. На него «чистая демократия» отвечала бешеными репрессиями. Так, Майский, бывший сам министром Самарского правительства, заявляет: «Конечно, в отношении своих левых врагов Учредительное Собрание очень мало стеснялось в применении различного рода репрессивных мер. В августе и октябре 1918 г., когда я был в Самаре, все тюрьмы были переполнены большевиками. В одной Самаре сидело 2.000 человек, и число их не только не уменьшалось, но увеличивалось».

Еще определеннее показывает Святицкий, один из видных эс-эров, позднее отошедший от них, ввиду их крайне контр-революционной деятельности. Он говорит:

«Бушевал настоящий террор как со стороны чехов, так и со стороны черносотенного офицерства. Военное командование широко применяло самовольные расстрелы деятелей Советской власти и посылку карательных экспедиций. Особенные безобразия творились на сызранском фронте, куда для смягчения послан был Лебедев. Лебедев поставил там весьма упрощенную систему военно-полевых судов, руководствовавшихся таким правилом: расстрел всякого, кто уличен в прикосновении к коммунистической партии или органам Советской власти».

Святицкий говорит, что документально можно установить только несколько десятков расстрелянных, но на самом деле их были сотни. Лебедеву в расстрелах помогали эс-эры Климушкин и Рогов. Когда власть покачнулась и начались рабочие восстания, террор усилился. Святицкий говорит:

«Восстание рабочих против власти комитета Учредительного Собрания подавлялось необыкновенно жестоко». Майский рассказывает, что в фабричном центре, неподалеку от Иващенкова, где рабочие поторопились с провозглашением Советской власти, военное командование комитета Учредительного Собрания расстреляло несколько сот человек. Святицкий называет этот расстрел кровавой баней и говорит, что на всех членов комитета он произвел тяжелое впечатление. Такие же массовые расстрелы, по свидетельству Святицкого, Буревого и других членов Ц. К. С.-Р., произведены были в Алафузове. Чтобы дать наглядное представление о тогдашнем терроре «чистой демократии», приведем свидетельства очевидцев:

«Осенью 1918 г. группа эс-эров, сидевших в комитете Учредительного Собрания, силами чехо-словацких полков, поддержанными отрядами старых офицеров, жандармов, полицейских, с белыми повязками на руках, овладели многими городами на Волге.

Красной армии еще не было. В Красную гвардию шли только охотники. Старая дисциплина пала, новая не сложилась.

«Оттеснив речную Советскую флотилию от Шеланги к Свияжску, эс-эры захватили Казань. Кровавую жатву стали собирать они в городе. Председатель Казанского Совета Шейкман, после перестрелки у вокзала, вернулся в город и стал ночевать в госпитале. Когда после бурной, грозовой ночи отряды Учредительного Собрания входили в город, Шейкману предложили немедленно покинуть госпиталь. Он пошел в земскую больницу к знакомой. Квартира оказалась запертой. Он, повязав платком щеку, долго сидел на скамье. А в это время кто-то уже сбегал к эс-эрам и донес. Его повели через толпу врагов и сдали в штаб. Заключенный в камере написал на стене: «Сегодня меня расстреливают. Шейкман». Он оставил большое письмо маленькому сыну. Они уничтожили письмо. Его расстреливали на другой день, во дворе, на глазах арестованных и толпы. Он выкурил папироску и перед залпом бросил в лицо врагов грубые оскорбительные слова. На следующий день газеты учредиловцев сообщили о расстреле двух германских шпионов. Эс-эры знали, что их было не двое а больше и что они были не шпионы.

«Рабочий Комлев, член правления профессионального союза. Его пристрелили на улице и бросили во двор дома Набокова. Он долго мучился.

«Секретарь союза строительных рабочих Гассар, как и Комлев, старый член большевистской организации, был уведен из-под ареста и «пропал без вести». Перед этим в тюрьму приезжал член учредиловской следственной комиссии Иванов и уверял Нессера и других, что расстрелов не будет.

«Комиссар юстиции Межлаук, вытащенный из квартиры, расстрелян на дворе. Он привез с фронта против немцев—болезнь ног, не мог ходить пешком, остался в городе.

«Между крепостью и городской думой расстреляли Асю Хатаевич, девушку 18 лет; при ней нашли большевистские документы. Она гордо выпрямилась и стала к стенке. Когда публика расступилась, учредиловцы вытащили ноганы, она закричала: «Стреляйте. На место одной убитой придут тысячи живых»...

«Стоял яркий солнечный день; учредиловцы ловили большевиков: вытаскивали из квартир, снимали с извозчиков, хватали на улицах. Щелкали затворы, сухо стучали выстрелы, краснели стены Кремля, Думы, театра. Трупы лежали на мостовой, плыли по реке Казанке.

«Член Учредительного Собрания Зензинов занялся устройством военно-полевого суда. Никто не знает, сколько казнено этим судом. Судьи сидели в здании тюрьмы. Приговор исполнялся немедленно, во дворе.

«Полковник Раупет, беспартийный, виновен был в том, что в октябрьские дни не пошел против своей солдатской массы, остался у своего дивизиона, в артиллерийских казармах, на Арском поле, когда солдаты выгоняли командующего войсками, эс-эра от Керенского. Трехчасовая обстоятельная речь старого артиллерийского полковника не помогла. Не спасли боевые заслуги на противо-германском фронте Просьбы жены, матери, троих детей не тронули эс-эровское сердце Калинина и других учредиловцев, впоследствии убитых Колчаком.

«Не пощадили учредиловцы также члена Учредительного Собрания Вахитова, потому что он был интернационалист. «Большевики будут уничтожены, как крысы»,—сказал эс-эр Фортунатов, присяжный поверенный, приехавший из Самары. Вместе с ним действовал Зензинов и другие.

«Три недели расправлялись учредиловцы с рабочими в Казани. 3-го сентября началось восстание на пороховом заводе. Учредиловцы били пороховских рабочих из пулеметов и орудий, а разбив, казнили больше шестисот человек.

«Все напрасно. Через три дня Красная 5-я армия вошла в город. Стояло погожее солнечное утро. Молчал настороженный город. Красные отряды шли следом за учредиловцами, спускаясь за Волгу. Зензинов со своими эс-эрами скрылся глубоко в тылу. Их разыскал впоследствии Колчак».

Итак, все эти реки крови не могли удержать наступления Красной армии. В Уфе стало неблагополучно, и, с некоторым отчаянием в сердце и предчувствуя беду, директория, в том числе Авксентьев и Зензинов, отправилась в Омск. В Сибири сложилось самостоятельное правительство, даже два. Одно из них, более приличное, с Дербером во главе, которое постепенно ушло в Читу и, наконец, во Владивосток, а другое—с Вологодским и Михайловым. Последний был заведомый палач и открыто уличался в убийстве своего товарища министра Новоселова, которого офицеры по его приказанию столкнули в ров и там прикончили револьверными выстрелами.

Сибирское правительство представляло собою определившуюся черносотенную банду. Однако, когда «директория» явилась в Омск, она была очарована любезным приемом. Очарование продолжалось не долго, вскоре начались неприятности. Авксентьев и Зензинов считали необходимым выдерживать «мудрую» политику равновесия между правыми и левыми, при чем левыми были не кто иной, как Ц. К. партии с.-р., а правыми—офицеры монархисты.

История о том, как относились члены партии с.-р., члены ее Ц. К.—Авксентьев и Зензинов к своему Ц. К., так невероятна, что, если бы мне рассказал ее мой ближайший друг и товарищ,—я бы ни за что ему не поверил, но рассказали ее сами Авксентьев и Зензинов, и эту отвратительную повесть партийного развала и социалистической бессовестности я передам здесь исключительно их собственными словами. Слова эти я заимствую из об'яснений, которые Зензинов и Авксентьев дали уже после катастрофы, их постигшей, в особых письмах, напечатанных в свое оправдание Зензиновым в его сборнике материалов.

Дело в том, что на суде, о котором мы еще будем говорить, Зензинова и Авксентьева (в то время отсутствовавших) обвиняли в том, что они слушались своего собственного Ц. К., сносились с ним, считались с его директивами. Ни одно обвинение не возмутило так наших эс-эров, как эта напраслина, и они перед всем миром начали рассказывать о том, какими мудрыми государственными политиками они на самом деле себя показали. В официальной записке, подписанной Авксентьевым, Аргуновым, Зензиновым и Роговским, говорится:

«Утверждение о том, что Авксентьев и Зензинов «были в плену у центрального комитета» (своей партии!) и пр.,—все это фантазия составителей декларации».

Правда, Ц. К. с.-р. издал какой-то, не совсем приятный, призыв к созданию отдельной эс-эровской организации в армии.

«Осведомившись об этом через представителей правых кругов омского общества, которые постарались всячески распространить инструкцию Центрального Комитета, директория единодушно (в том числе, следовательно, и члены социалисты) признала выступление Центрального Комитета антигосударственным и, несмотря на то, что инструкция Ц. К. призывала к поддержке ее, постановила произвести расследование».

Таким образом, эти господчики, поставленные своей партией в правительство, попросту распорядились отдать под суд свой собственный Ц. К. и этим хвастают!

По поводу обвинения в переговорах с Ц. К., они пишут:

«Допустим на минуту (только на минуту, конечно), что переговоры были. Спрашивается, разве сношения сами по себе составляют преступление?

«А между тем члены директории, как политические деятели, естественно, сносились с самыми разнообразными кругами окружающего мира, в том числе и со своими политическими единомышленниками».

Как видите,—«только в том числе». Желал бы я видеть, как выглядел бы коммунист, который заявил бы, что он сносится со всем миром, в том числе и со своим Ц. К. Но это только цветочки, а настоящие ягодки выбалтывает Зензинов. Тут уж, действительно, остается только руками развести. Послушайте. Дело как раз идет о событиях после этого «бестактного» приказа Ц. К.

«К председателю правительства Н. Д. Авксентьеву явился английский генерал Нокс, который заявил протест против «прокламации Ц. К.» и грозил, что при таких условиях правительство не может рассчитывать на помощь союзников, и на всякий случай посоветовал расстрелять Чернова. На все это непрошенное вмешательство английского генерала в нашу внутреннюю политику он, конечно, получил от Н. Д. Авксентьева должный отпор.

«Ввиду этого я по собственному почину вызвал из Екатеринбурга по прямому проводу членов Ц. К. М. Я. Гендельмана и В. Ф. Геодэровича и просил их передать Центральному Комитету мое и Авксентьева мнение о совершенной недопустимости подобного рода обращений. При этом самое обращение было подвергнуто мною очень резкой критике с указанием на те печальные последствия, которые подобные акты Ц. К. могут иметь: я имел в виду визит генерала Нокса к Авксентьеву».

«Товарищ» Зензинов блестяще оправдался. Он сделал выговор своему Ц. К., он сделал намек Чернову, что Нокс не напрасно являлся. Я не уверен, что Авксентьев не жалел потом, что не послушался своего английского друга. В самом деле. Мы в свое время указывали на квалификацию, которая дана была членами партии Чернову: «молодой ги-

гант, держащий на своих плечах»... и т. д., в письме же Авксентьева Чернов именуется «роковым для партии косоглазым человеком».

Но это еще не все, почитайте дальше Зензинова, остающегося и сейчас членом партии и долго остававшегося членом ее Ц. К.

«Вологодский и генерал Болдырев высказывались за немедленный арест Центрального Комитета. Кроме того, Вологодский лично мне поставил вопрос об этом «обращении», так как ему было известно, что до вхождения моего в правительство я был членом Центрального Комитета: «Спрашивал ли у вас Ц. К. разрешения на выпуск подобного рода обращения и что вы имеете в виду сказать по поводу моего предложения об аресте Ц. К.?». Я ответил, что в этом должны разобраться судебные власти.

«Добавлю, наконец, последний штрих,—говорит Зензинов.—Когда генерал Болдырев накануне самого переворота выезжал на фронт, он задал Н. Д. Авксентьеву вопрос, в праве ли будет он принимать на фронте суровые меры до расстрела включительно против лиц, которые будут уличены в разложении армии и создании внутри ее каких-либо особых партийных вооруженных организаций? Н. Д. Авксентьев ответил ему на это утвердительно, и его ответ затем единогласно подтвердили все остальные члены правительства».

И после этого Зензинов пишет: «Такова правда о партийности и противогосударственности временного Всероссийского правительства». И затем еще упоминает что-то о «легенде». Но, конечно, чернее самой черной легенды те сведения о своей «партийности», которые таким образом перед всем миром выболтал господин Зензинов. Подобного человека мы, коммунисты, не только выбросили бы из партии, не только расстреляли бы, в чем я не сомневаюсь ни на одну минуту, но, мне кажется, мы несколько недель не могли бы опомниться от стыда, что подобная личность вообще могла появиться в нашей среде не в качестве случайного гостя, а в качестве члена партии и даже Ц. К. Впрочем, самая возможность подобного явления в нашей среде столь чудовищно невероятна, что и мысль отказывается представить себе его.

Эс-эровские мудрецы, отрекаясь даже от своего архи-умеренного Ц. К., кокетничая с правыми, не спасли себя ничуть, а послужили лишь ступенькой для самой наглой колчаковской реакции. Зензинов, в слабом уме которого зароились всякие надежды, горестно восклицает: «Но судьба решила иначе. Среди участников Государственного Совещания в Уфе, давших свои клятвенные подписи на верность Всероссийскому правительству, нашлись люди, которые подло ему изменили, составили против него заговор и его свергли».

Существует несколько очень красочных повествований о том, как это произошло. Все они, писаны ли они колчаковцами или авксентьевцами, в одинаково жалком виде рисуют эс-эров. Официальное сообщение штаба Верховного Главнокомандующего гласит так:

«Из собранных к 20 ноября сведений выяснились подробности события, имевшего место в Омске в ночь на 18 ноября. Под давлением

широких слоев населения и наиболее сильных в настоящее время общественных групп, партий и организаций, в ночь на 18 ноября был произведен самочинно частями омского гарнизона арест членов директории Авксентьева, Зензинова, заместителя в директории Аргунова и заведывающего милицией Роговского. Причиной к самочинному аресту послужили собранные к этому времени сведения о несомненной связи названных членов директории с политическими деятелями, ведущими антигосударственную деятельность и работу по агитации в молодой русской армии с целью ее разложения и создания чисто-партийного войска в соответствии с выпущенной в Уфе прокламацией комитета партии социалистов-революционеров. Неоднократные заявления высшим представителям русской гражданской и военной власти о готовящемся новом гибельном для возрождения России восстании и систематическом разложении русской армии не приводили ни к каким результатам, что и привело общественные группы, партии и организации к решению: ради ограждения молодой русской армии от неминуемого разложения и для предотвращения гибели всего дела возрождения России использовать наиболее враждебно настроенные к директории части омского гарнизона для производства ареста выше перечисленных лиц.

«Арест был произведен в ночь на 18 ноября, после чего арестованные были доставлены в неприкосновенности в здание сельско-хозяйственного института.

«19 ноября к верховному правителю адмиралу Колчаку явились русские офицеры местного омского гарнизона и сознались в произведенном ими аресте, признавая за собой тяжелую вину в производстве ими без указания высших представителей русской гражданской и военной власти самочинного ареста. Они заявили, что вынуждены были это сделать под давлением широких общественных и военных кругов и что они сами просят предать их военно-полевому суду, при чем все они счастливы будут умереть за возрождение России и спасение родины.

«Согласно приказания верховного правителя и постановления Всероссийского правительства, было начато расследование, следствием которого явилось предание военно-полевому суду виновных в самочинном аресте, вместе с тем, до производства общего следствия, министром юстиции было предложено арестованным членам директории и начальнику милиции Роговскому, после приезда их на квартиру Авксентьева, выйти на свободу, но, ввиду известного названным лицам крайне враждебного к ним настроения населения и гарнизона, все арестованные отказались воспользоваться свободой и обратились ко Всероссийскому правительству с просьбой их на свободу не выпускать, и в целях личной безопасности приставить к ним надежный караул. Вместе с тем те же лица обратились с ходатайством разрешить им беспрепятственный выезд за границу, с обещанием впредь никакого участия в русской активной политике не принимать».

Как видите, документ, описывая факт разрушения директории, прямо упоминает к 19 ноября о верховном правителе. Действительно, верховный правитель, бывший до того военным министром, адмирал Кол-

чак был провозглашен, фактически, двумя членами директории, Виноградовым и Вологодским, и немедленно взял в крепкие руки, опираясь на крайних монархистов и черносотенцев, диктатуру. Правительственные сообщения, последовавшие затем, а также сообщения министерства юстиции разгласили те же факты и сообщали, что виновники в самовольном аресте директории будут преданы суду.

Нельзя не отметить также, что министр юстиции Старынкевич (эс-эр и бывший каторжанин) утверждает, что если Авксентьева и Зензинова продолжали держать под стражей, то по их собственной просьбе, так как они боялись расправы над ними. Пикантно равным образом и заявление правительства, что Авксентьев и Зензинов, так сказать, помилованные и в спешном и насильственном порядке высланные на китайскую границу, дали обязательство отказаться от всякой политической деятельности.

Кстати, несколько слов о Старынкевиче. Я знавал его в Лозанне. Это плюгавенький старикашка, который опустился в Лозанне почти что на дно. Он умильно просил то одного, то другого эмигранта угостить его «рюмашкой коньячишку». От времени до времени лозаннские товарищи делали сборы для того, чтобы удержать его от окончательного падения. Но уфимскому правительству понадобился и такой «министр», благо «каторжанин». На свадьбу у мещан приглашают генерала, хотя бы даже это был тот отставной капитан, которого так мило изобразил Чехов в своем водевиле. Вот так же точно Старынкевича, когда-то честного революционера и каторжанина, но опустившегося до дна, решили использовать в качестве «светлого блика» на довольно темной физиономии Уфимской директории. Старынкевич вел себя соответственно. Мне так и видится, как он в тяжелые моменты всей этой «неприятной истории» выпивал «рюмашки коньяку», громко сморкался и переминался с одной своей слабенькой ножки на другую.

Сам Авксентьев рассказал американцам со всеми прикрасами (красно поле рожью, а речь ложью) всю эту авантюру, но нисколько не красивее звучит она в его изложении. Дадим ему слово, ибо, как пишет американский журналист, который его допрашивал, «описание господина Авксентьева полно драматического интереса».

«В воскресенье 17 ноября Зензинов и я обедали у товарища министра внутренних дел Роговского. Там мы встретились с только что прибывшей через большевистскую Россию делегацией архангельского правительства, которая рассказывала нам о своих испытаниях и о положении дела в Архангельске.

«Было около полуночи, когда мы собрались расходиться по домам. Вдруг мы услышали в коридоре ужасный шум, и группа пьяных офицеров ворвалась в комнату с направленными на нас револьверами. Они спрашивали: «Где здесь Авксентьев?».

«Я вышел вперед и спросил, что им надо. Они об'явили меня арестованным. Я спросил их, знают ли они, кто я, и как смеют они так разговаривать с главой правительства?

«Они заявили, что действуют от имени сибирской армии и что хотя они не имеют приказа о нашем аресте, но возьмут нас силою.

«Я хотел протелефонировать начальнику штаба верховного главнокомандующего, но офицеры вырвали из моих рук телефонную трубку. Они вели себя грубо и вызывающе, и мы каждую минуту ожидали, что они здесь же нас застрелят.

«Затем Зензинов, Роговский и я были выведены на улицу, где нас ждало около 300 вооруженных человек, часть из которых сидели верхами на лошадях. Нас силой посадили на грузовой автомобиль. Затем мы были отвезены в штаб казачьего атамана Красильникова в Омске. Они продержали нас здесь полчаса, здесь же мы нашли и Аргунова, другого члена правительства, который тоже был арестован. Нас снова окружили солдаты и повезли в город.

«Мы пережили страшные мгновения, переезжая через рощу, где теми же казаками 23 сентября был убит министр Сибирского правительства Новоселов. Производивший по этому делу следствие Аргунов как раз недавно осматривал эту местность. Молчаливо мы простились друг с другом, чувствуя, что настал наш конец, но они отвезли нас дальше в сельско-хозяйственную школу, в казарму Красильникова; часть этого здания была отдана под госпиталь и передана американскому Красному Кресту. Нам отвели комнату, поставив внутри и снаружи ее стражу. Эта стража предупредила нас, что если мы подойдем к ним близко, она будет стрелять в нас. Поведение офицеров было грубое».

Тут-то и появляется коньяковый эс-эр Старынкевич, комический министр юстиции Всероссийского правительства.

«Министр юстиции Старынкевич сообщил нам, что он только что узнал о нашем местопребывании, иначе мы были бы освобождены гораздо раньше, но это была неправда. От офицеров мы узнали, что министр юстиции вместе с атаманом Красильниковым был в казармах, где мы были помещены, через два часа после нашего ареста. Все было сделано с ведома Вологодского, Старынкевича, Михайлова, Гинса, Тельберга и, конечно, Колчака, который преспокойно вернулся с фронта в день нашего ареста.

«Мы заявили министру юстиции Старынкевичу, что так как мы освобождены от ареста, то желаем вернуться к себе домой, но он предложил нам остаться в казармах под охраной офицеров, так как в противном случае он не ручается за нашу безопасность. Реакционные офицеры, по его словам, могут ворваться к нам домой и убить нас, правительство же не может допустить этого убийства.

«Мы настаиваем на том, чтобы вернуться домой, если же правительство заинтересовано в нашей безопасности, оно может охранять нас там. В конце концов мы были отвезены ко мне домой, и к нам в виде охраны были прикомандированы три офицера из отряда Красильникова».

Как видите, версия авксентьевская мало чем отличается от официальной версии. Правда, Авксентьев храбро требовал, чтобы его освободили, и «соглашался» только, чтобы правительство охраняло его, если в этом заинтересовано. Между просьбой «освободите меня» и «охраняйте» и утверждением Старынкевича, что Авксентьев сам просил оставить его под стражей, не велика разница, тем более, что фактически-то Авксентьев был-таки оставлен под стражей.

«В конце концов,— говорит Авксентьев,— мы были отвезены к себе домой, и к нам в виде охраны были прикомандированы три офицера из отряда Красильникова», того самого Красильникова, который явился похитителем учредительных директрис Авксентьева и Зензинова, того самого, который и раньше грозил им кулаком и, в конце концов, в ознаменование мрачных предчувствий Зензинова, так и погубил их. В 9 час. вечера дом Авксентьева был окружен солдатами. Авксентьев задался разрешением довольно любопытной проблемы, охраняют ли его из любезности, или считают его арестантом? С этим вопросом он обратился к властям предержащим, при чем только с большим трудом удалось ему подозвать к телефону Старынкевича. Старик, наверное, пропустил не одну рюмашку, но тем не менее даже по телефону Авксентьев чувствовал, что он сконфужен: «Старынкевич был несколько сконфужен»,— повествует он.—Узнав о ночном визите офицеров (которые, между прочим, допрашивали Авксентьева, направив на него револьвер, — хорошенький визит), Старынкевич начал оправдывать последних, «об'яснял их поведение результатом нервной атмосферы». — «Однако, в 11 час. утра (очевидно, еще трезвый), Старынкевич явился и заявил нам, что мы снова арестованы по распоряжению Колчака».

Не будем дальше рассказывать всей этой истории. Факт тот, что господ «директоров» выслали вон. Господа директора не отказываются от того, что дали обещание не вести никакой пропаганды, пока будут на территории Сибири, но за дальнейшее они не ручались, между тем, как колчаковцы утверждают, что с них взята была соответственная подписка. Важно ли это? Гораздо интереснее то, что Зензинов имел неделикатность, или даже бесстыдство, попросить на дорогу 50.000 р. Похитителей обеих эс-эровских Дульциней, бравого черносотенного офицера Красильникова и его дружину судили, при чем на суде выяснилась именно «преступная связь» с.-р. Зензинова и Авксентьева с собственным своим Ц. К., связь, о которой они потом, будучи уже в безопасности, как мы только что видели, столь бесстыдно и позорно отреклись. Ввиду этого компрометирующей связи вместо наказания красильниковским баши-бузуком выражена была всяческая благодарность, и тем колчаковский суд кончился.

Уже после взятия Самары находившееся к тому времени в Челябинске Учредительное Собрание пришло в волнение и стало обсуждать, куда ехать,—в Омск ли, куда отправилась директория, или в Екатеринбург, который считался более демократичным, так как эс-эры полагали, что чехо-словаки дружественнее настроены к ним, чем офицерье.

15 октября в Челябинске, куда прибыл из Уфы весь с'езд учредиловцев, состоялось совещание, на котором решено было поехать в Екатеринбург. Туда эс-эры и прибыли. Сразу же Учредительное Собрание, это высшее правительственное учреждение, «спасенное эс-эрами, оказалось в самом унизительном положении. Вот что комически повествует об этом эс-эр Святицкий в своей книге «К истории Учредительного Собрания»:

«Одно время с'езд устраивал свои заседания в одной из женских гимназий. Начальница любезно разрешила собраться там. В один прекрасный день нам дают понять, что дальнейшие заседания с'езда в гимназии неудобны. Почему? Оказывается, только что собрался родительский совет гимназии, и там один почтенный, «всеми уважаемый» буржуазный родитель возмущался, что гимназия становится притоном банды Чернова, Вольского и компании».

Между тем подоспел арест Зензинова и Авксентьева. Уже на другой день после него 19 ноября все учредиловцы во главе с Черновым и Вольским были арестованы офицерами Уральского драгунского полка. Неизвестно, чем кончилась бы судьба их, если бы не вмешательство чехо-словаков и Гайды, который настоял на освобождении арестованных, кроме, впрочем, Чернова. Чернова каждую минуту могли расстрелять, т. к. рассматривали его, как весьма злостного революционера. Недаром же англичане предлагали эту операцию его другу Авксентьеву незадолго перед тем. Однако и тут генерал Гайда вступился, и Чернов, уезжая, со слезами на глазах рассыпался в благодарностях перед Гайдой, заявляя, что тот спас ему жизнь.

Закончим одним штрихом всю эту унизительную эпопею. Зензинов, этот рядом с Авксентьевым подлейший представитель эс-эрства, ухитрился после всех этих унижений писать:

«Колчак свергнул эс-эров во имя более успешной борьбы с большевиками. Если бы Колчаком эта святая цель была достигнута, то мы, жертва колчаковского переворота, первыми пришли бы к Колчаку и перед ним преклонились».

Разумеется, впечатление, произведенное на сколько-нибудь честных эс-эров всей этой жалкой эпопеей было огромно, а к этому времени учтена была уже ликвидация северного правительства и целый ряд в высшей степени компрометирующих фактов в связи с добрармией, которая ведь устами Деникина признала в свое время авксентьевскую директорию.

Партия начинала понимать, какую жалкую роль она играла. Одни сделали совершенно прямые выводы и заключили с Советской властью так называемое уфимское соглашение, другие на IX Совете хоть косвенно, нелогично, но все-таки временно уклонили линию влево.

Прежде чем я буду рассказывать о политике с.-р. от IX до X Совета, необходимо хоть вкратце рассказать душистую архангельскую эпопею и указать на некоторые вопиющие факты с.-р-ской практики по отношению к Деникину.

VII.

Север.

В середине июля 1918 года союзники уведомили «Союз возрождения России» самым твердым образом, как свидетельствует об этом в своей брошюре о северном правительстве член его В. П. Игнатьев, что

они «произведут высадку в Архангельске и самое позднее дней через десять будут в Вологде».

Действительно, в Архангельске высадился небольшой десант под командой генерала Пуля в несколько сот человек английских солдат. Позднее к ним присоединились маленькие отряды американцев, французов, итальянцев и сербов.

Еще до этого десанта партия с.-р., входившая, как известно, в «Союз возрождения России», отправила в Архангельск своих членов Дедусенко, Маслова и Коварского. В перевороте, произошедшем тотчас же после десанта, принял участие также горский конный дивизион, стоявший в Архангельске, и некоторое количество вооруженных кулаков. Русскими войсками командовал полковник Берг.

Генерал Пуль недоумевал, каким образом возникло сразу в Архангельске правительство, которого он вовсе не предполагал организовывать? Это было дело рук эс-эров и «Союза возрождения». Правительство создалось из эс-эров, н.-с-ов и кадетов. Во главе стал Чайковский. С.-р-ская партия была представлена членом Ц. К. Лихачем, Масловым и Гуковским, а кадеты—Зубатовым и Старцевым. Это было, таким образом, типичное коалиционное правительство.

Однако не прошло и месяца, как полковник Берг, недовольный тем, что его обошли, провозгласил себя верховным главнокомандующим, несомненно, при поддержке Пуля, арестовал все правительство и отправил его в Соловецкий монастырь! Так и кончилось бы, не менее бесславно, впрочем, чем на самом деле, это правительство, если бы не вмешался американский посланник Френзис, который отстоял Чайковского. Его вернули, но эс-эры, предательски содействовавшие всей этой авантюре, увидели, что положение шатко, и удрали в Сибирь. Так сделали и Лихач, и Маслов, и Дедусенко. Военным губернатором назначен был французский военный агент Донон, а генерал-губернатором—полковник Дуров. Между прочим был призван к власти в качестве прокурора черносотенец Деброкар. Эс-эры укатили, и организовано было новое правительство с тем же Чайковским во главе, но сплошь состоящее из белогвардейцев, торгово-промышленников и т. д. Игнатьев по этому поводу в своей брошюре пишет: «В самую сложную и тяжелую минуту, когда нужно было дать твердый отпор домогательствам союзников, эс-эры, члены Верховного управления, сочли за благо удалиться от дел, взвалив всю формальную ответственность за дальнейшие шаги на одного Чайковского. Можно не согласиться с его дальнейшими шагами, критиковать его, даже ругать,—это дело взглядов, но, во всяком случае, можно одно сказать: старик один не бежал с поля сражения».

Не надо думать, однако, что эс-эров вовсе после этого не стало в Архангельске. Напротив, они продолжали играть довольно крупную роль, только вне правительства.

К этому времени предполагавшийся натиск Антанты на юг, на Вологду уже был совершенно парализован. Надо сказать, однако, что и член Ц. К. П. С.-Р Лихач, между прочим с ведома Ц. К. (Гоц), и с.-р. Турба делали все от них зависящее, чтобы устроить переворот в Вологде

и облегчить таким образом работу Антанты. Английский представитель Гелеспи кружил вокруг них и снабжал их деньгами. Вся авантюра приобретала явно антантовский черносотенный характер, что, однако, не смущало с.-р. Может быть, это несколько смущало н.-с. Игнатьева, который, например, рассказывает следующий случай:

«Пароход пристал к Бакарице, и нам совершенно неожиданно англичане предлагают в ней высадиться. Мы отказываемся, говоря, что нам нужно быть в Архангельске; нас не слушают и требуют немедленной высадки. Я успеваю переговорить с Гуковским по телефону, прошу немедленного распоряжения правительства о нашем беспрепятственном пропуске в Архангельск. Тем временем нас ведут в какие-то бараки, полные одетых в английскую солдатскую форму россиян (бывших офицеров). Мы попали в помещение так называемого славяно - британского легиона. Минут через десять нас принудительно, несмотря на наши протесты, разбили по ротам и взводам легиона, зачислив в него на службу и сообщили, что теперь мы без разрешения начальства легиона не смеем выезжать в Архангельск... В воздухе слышен стон от политических разговоров, вернее от ругани по адресу социалистов вообще. Выявляется определенное настроение легионеров построить совместно с англичанами новую, буржуазную, правую власть, расправиться с социалистами, которых они не различают от большевиков.

«Таково было мое первое вхождение в политическую жизнь северного края—через принудительный, из эпохи негритянских наборов, набор, зачисление в славяно-британский легион, осуществляемый просвещенными англичанами в XX веке, в тесном контакте с русскими реакционерами».

Отметим также, что во всей Архангельской истории участвовал также и Филоненко, проявивший здесь свою ловкость и беспринципность, прокладывавший и здесь пути к высокой карьере, исчезнувший и здесь внезапно, когда, как говорит Игнатьев, «понял тщету своих стремлений». Словом, как видите, достаточно теплая компания.

В декабре 1918 года были восстановлены погоны, в марте 1919 года запрещено участие солдат в политических организациях. Крестьян избивали, над ними издевались. Как в своей брошюре, так и своем открытом письме к Чайковскому Игнатьев указывает на многочисленные факты террора, на колодцы, наполненные изрубленными телами, на массовые расстрелы без суда, на ужасающее положение в тюрьмах. Все это Чайковский и Игнатьев терпели, должны были терпеть. Эс-эры, конечно, умывали руки, поскольку их «тройка», долженствовавшая быть в правительстве, во-время убежала. Чайковский уехал за границу, признав предварительно — Уфимское, а затем и Колчаковское правительство Главнокомандующим и губернатором сделался Миллер. Англия эксплоатировала экономический край до невозможности, устанавлилава презрительное отношение даже к своим русским союзникам и жестоко расправлялась с теми, кто заподозревался в попытках сопротивления. Мы знали, что наш северный фронт был слаб численно. Мы знали, что силы Антанты не очень велики, а население севера ни в коем случае не выступить в массовом порядке активно против нас, и, стиснутые со всех

сторон, мы уделяли не очень много силы и внимания северу. Однако все же победа начинала склоняться в нашу сторону. К августу 1919 года союзники поставили перед собой радикально вопрос об уходе. И вот тут-то сказалась вся невозможная трусость руководителей всего этого дела. Игнатьев 14 августа 1919 года уехал в Сибирь, а эс-эры, присутствовавшие на городско-земском совещании, обратились к союзникам с бабьим посланием, которое положительно вчуже стыдно читать. Послание это было послано всем, от Ллойд-Джорджа, Клемансо и Вильсона до Вандервельде включительно. Вот выдержки из этого позорного документа:

«Мы представители северной области... с'ехавшись на земско-городское совещание, с тяжелым чувством узнали об отозвании отсюда английских войск. Во имя спасения родины, исполняя долг пославшего нас народа, мы обращаемся к вам, союзные демократии и правительства, с следующим:

«...В момент неравной вооруженной борьбы пришли ваши войска со словом одобрения, с обещанием братской помощи... Мы поверили вам, восстановили фронт здесь против Германии и ее союзников большевиков... Присутствие ваших войск давало нам моральную поддержку... Мы ошиблись. Вы уводите те немногие тысячи наполовину наших добровольцев, что пришли к нам на помощь во имя человечности... Мы призываем к чувству человеческой правды и верим в ее торжество. Вовлеченные в нынешнюю борьбу, мы не можем закончить ее. Победа большевиков сулит нам смерть, и мы, теряющие родину, не настолько счастливы, чтобы за морями найти себе спасение. Ради святости человеческой жизни вы должны оставить здесь свои силы, дабы в последний страшный час наших испытаний по чувству человечности помочь тем из нас, что останутся в живых. Мы просим вас верить в тот крик отчаяния и боли за народ, который вызывается вашим решением».

Так закончилась бесславная северная эпопея, стоившая русскому народу не мало крови. Игнатьев в настоящее время почти целиком перешел на сторону Советского правительства и в письмах, не лишенных значительности, заявил об этом Чайковскому, полемика с которым ярко рисует окостенелое безумие н.-с-ских мощей Чайковского и духовное перерождение, произошедшее не в одном Игнатьеве.

VIII.

Юг.

Что же делалось в это время на противоположном конце, на юге? Остановимся прежде всего несколько на кавказской авантюре эс-эров, где они действовали вместе с меньшевиками. Мы имеем при этом в виду не позднейшее грузинское правительство, где эс-эры занимали сравнительно невидное место и чью деятельность так блестяще охарактеризовал в известной брошюре тов. Троцкий,—мы имеем в виду время властвования в значительной части Кавказа меньшевика Бичерахова, опиравшегося на мусаватистов и эс-эров.

Летом 1918 года в Баку пала Советская власть с тов. Шаумяном и другими во главе. Провозглашена была правительством диктатура под названием «диктатура Центрокаспия». В то время, как меньшевики в Грузии пропустили турецкие войска, наступавшие на Баку, бакинские меньшевики призвали себе на помощь английские войска. Англия и сделалась фактически господином в Баку. Нашим бакинским товарищам пришлось попытаться покинуть Баку, но они были арестованы. Затем им разрешили выехать, но вместо Астрахани их повезли в Красноводск, где хозяйничали англичане. 19 сентября в Красноводск вывезли наших товарищей, в числе 26 человек, как бы для отправки в Индию в экстренном поезде. Палачи англичан, меньшевиков и эс-эров вывели их в глухой пустыне из вагонов и всем 26 отрубили головы. Эс-эр Чайкин подробно вскрывает несомненную причастность к этому кровавому акту правительства, а следовательно, и эс-эров. Убийство было совершено по приказу капитана британской королевской службы Тиг Джонса, но непосредственно участие в убийстве принимали и эс-эры Седых и Фунтиков, бывшие тогда в исполнительном комитете Закаспийской области.

Англичане установили скоро настоящую террористическую диктатуру по всей области, перед которой трепетали и сами меньшевики и эс-эры. Так, например, член директории с.-р. Зимин заявил Чайкину: «Никто на этой территории не знает, когда он умрет, но всякий верит в это, и я, министр иностранных дел, член суверенной директории, знаю это меньше, чем кто бы то ни было, хотя у дверей моего дома и стоит бессменно часовой».

Яркую характеристику этого эс-эровского правительства, кажется, еще более кровавого, чем восточное и северное, дает бакинская работница Эмма Блок. Она знает, главным образом, то, что происходило в Терской области, знает, что 4 и 5 августа Бичерахов, завладев Владикавказом, вырезал там всех красноармейцев и коммунистов, бесчинствуя и убивая в течение 13 суток. Завоеванная часть города передавалась в руки эс-эров Палюхова, Мамулова, Семенова и Орлова. Однако вся компания была вскоре выгнана из Владикавказа и переехала в Моздок. Летом на станции «Змейской» арестованы были и убиты председатель Терского Совнаркома, левый эс-эр Пашковский, председатель Кисловодского Совета, коммунист Тюленев, левый эс-эр Хейфец, рабочий коммунист Долобков и 17-летняя девушка Блюменталь.

Тов. Блок повествует: «За слово «товарищ» сажали в тюрьму. За переход казака или крестьянина на сторону Красной армии арестовывали всю семью. При сопротивлении иногда людей живыми закапывали в землю, разгромлялись отдельные станицы. При отступлении произведено было колоссальное разрушение, а в Екатеринодарской тюрьме, уходя из Екатеринодара, зарубили шашками 700 человек. Удалось бичераховским эс-эрам и меньшевикам устроить погром против коммунистов и в Грозном. Вследствие предательства эс-эров и меньшевиков в Терской области погибло до 10.000 рабочих и крестьян и их лучшие вожди».—говорит Эмма Блок.

В том же 1918 году при открытии Закавказского сейма в Тифлисе, под руководством эс-эра Авакяна, члена Тифлисского исполкома, произведена была гнусная расправа над большевистским митингом, явившаяся подготовлением к дальнейшей меньшевистской эпопее в Грузии.

На Украйне, как известно, эс-эры поддерживали ту политику рады, которая своим германофильством и лизанием сапог кайзера сорвала наши Брестские переговоры. Незадолго до процесса эс-эров в Москве приговорен к расстрелу бывший эс-эр авантюрист Пашутинский. Его показаниями с точностью установлено, что правые с.-р. доктор Фрумкин и Зарубин соглашались признать заключенный с немцами мир в Бресте, если Украйна немедленно поведет борьбу против большевиков во всероссийском масштабе. Всеукраинский комитет П. С.-Р. отказался от террора против немецких генералов в то самое время, как Гоц одобрил покушение на Ленина. Вообще украинские эс-эры вели себя даже для эс-эровского Ц. К. несносным образом, стараясь легализироваться при Скоропадском и т. д. Порою Ц. К. делал некоторые внушения, но в общем оставался равнодушным, ибо сам не далеко ушел от той же точки зрения. Добрармия, организованная генералом Алексеевым, а затем Деникиным, была откровенно черносотенной и только совсем слегка прикрывалась готовностью признать Учредительное Собрание. Это не мешало крупнейшему эс-эру, работавшему на территории добрармии в начале ее развития, Шрейдеру всемерно их поддерживать. Товарищ председатель Уфимского городского комитета партии с.-р. в своем докладе по поводу переговоров с членами комитета говорит:

«Тов. Донской особенно сильно обращал внимание на необходимость завязать самую тесную связь с югом и, главным образом, с войсками Алексеева (теперь Деникина), ибо это, во-первых, самая сильная армия, во-вторых, не зараженная ядом сепаратизма. Туда, между прочим, послан Руднев и Бунаков, которых Донской просит назначить представителями от Всероссийского Временного Правительства. У Донского мне был представлен штаб-офицер академик А. Т. Гаевский, представитель алексеевской армии, который в информационных целях был послан в Москву, а потом и на территорию Всероссийского временного правительства. Я его в достаточной степени информировал о положении дел у нас, а он, в свою очередь, информировал меня о положении дел у них и, между прочим, сообщил, что в армии Деникина насчитывается до 120.000 человек, хорошо обмундированных и достаточно надежных и что как сам Деникин, так и его войска безусловно стоят на всемерной поддержке Учредительного Собрания, так что Всероссийское временное правительство, ответственное перед Учредительным Собранием, безусловно может рассчитывать на его поддержку. Необходимо с нами установить самую тесную связь».

Не надо думать при этом, что Ц. К. П. С.-Р. не понимал черносотенного характера добрармии. Так, член Ц. К. Иванов показывает, что «характер движения, как анти-демократического, для Ц. К. тогда уже был ясен». И тем не менее в то время, как эс-эры хвастливо утвер-

ждали, будто бы они ведут энергичную борьбу в тылу у Деникина, посланный туда Ратнер приходил в ужас от слабости, с какой эта борьба велась. Этот взгляд на подлинную позицию эс-эров по отношению к Деникину подтверждается тем фактом, что по целому ряду показаний, подтвержденных и членом Ц. К. партии с.-р. Дашевским, Чернов, человек двоедушный, боясь ответственности за прямую поддержку Деникина, хотел опубликовать прокламацию против него, в то время, как Деникин подходил к Туле, но Ц. К. это ему запретил. Чернов умолял дать ему возможность выпустить эту прокламацию хоть лично, но и тут получил запрещение. Екатеринодарская газета «Родная Земля» недвусмысленно поддерживала Деникина, оставаясь формально эс-эровской. Когда Ратнер сам поставил вопрос о серьезной борьбе с Деникиным, то комитет Учредительного Собрания на территории добрармии ответил отказом. «Нежелание это мотивировалось опасностью разгрома добрармии со стороны большевиков и нежеланием проложить дорогу большевикам». Обо всем этом Ратнер довел до сведения члена Ц. К. Донского, но из разговора с ним выяснил, что Ц. К. П. С.-Р. смотрит на все это сквозь пальцы и внутренне сочувствует двойственной политике по отношению к Деникину. Этим должна быть разрушена легенда о мнимо революционной работе эс-эров в тылу у Деникина.

IX.

Политические директивы партии с.-р.

VIII совет партии, состоявшийся в мае 1918 года, принял резолюцию о необходимости немедленной ликвидации большевистской власти, в которой, между прочим, говорилось: «В интересах правительства организованной демократии, опирающейся на национальное законодательное собрание, допускается вступление союзных войск на русскую территорию с чисто стратегическими, а не политическими целями, если в силу соглашения с Россией и в силу формальных гарантий союзная вооруженная сила не будет вмешиваться во внутреннее политическое устройство и будет соблюдать целость русской территории»... Этим об'являлась формальная война Советскому правительству и формальный военный союз с иностранными врагами Советского правительства. Все остальные резолюции совета выдержаны в том же тоне. VIII совет был источником, из которого истекала вышеописанная авантюра на востоке, севере и юге. Результаты опыта были ужасны. Через год сам Ц. К. с.-р. в своем обращении ко всем организациям партии характеризовал вытекавшую отсюда тактику и ее результаты так:

«Первой попыткой перейти от обороны к контр-наступлению было самарское восстание. Эта попытка, однако, была еще запечатлена робостью и неуверенностью. Образовавши почти однородную социалистическую власть на части освобожденной от большевиков территории, на других частях этой территории с.-р. или пассивно терпели образование чужой власти, или даже сами передавали в ее руки судьбы населения и повсюду без исключения они предоставляли организацию

вооруженных сил освобожденной территории сплоченной военной кляке, довольствуясь с ее стороны формальным и неискренним заявлением лойяльности, под которым крылось желание беспрепятственно окрепнуть и сорганизоваться под защитой флага Учр. Собр., чтобы затем его сбросить. Усилиями деятелей правого крыла все слабые стороны этой тактики были доведены до максимума, и первоначальная задача борьбы на два фронта была заменена системой последовательной капитуляции перед правыми, капитуляцией, облегчившей правым медленное, прочное и незаметное, почти безболезненное овладение властью.

«Как вели себя в этом столкновении союзники и прежде всего английское правительство? Тщетно правительство Учр. Собр. пыталось завязать связи с союзными державами. Все его обращения оставались без ответа. Зато достаточно было контр-революции свить себе гнездо в глубоком тылу, за надежным барьером армии Учр. Собр., чтобы там, в безопасной Сибири, оттачивать кинжал, который должен был предательски поразить борющуюся против большевиков трудовую демократию в спину, чтобы на сцене появились союзные миссии с Ноксом во главе, афишируя самую интимную связь с этими заговорщиками, подготовляющими в тиши свой coup d'état в целях политической и социальной реставрации. Их влияние внесло разложение в чехо-словацкие войска, первоначальный национальный революционный энтузиазм которых был быстро угашен навязанной им политикой двусмысленного полунейтралитета в борьбе реакционных заговорщиков против народного представительства. Их поддержка реакционеров заставила в рядах самой демократии отступить и стушеваться более решительные элементы, уступив место слабым, дряблым, готовым на все сделки и компромиссы с поднимающей голову реакцией. При прямом соучастии и худо скрываемой, а иногда и откровенной поддержке агентов союзников, после ряда унизительных капитуляций, последние остатки демократии были ликвидированы русскими бонапартистами, и диктатор Колчак немедленно получил то, в чем отказывали правительству Учр. Собр.—почти полное, почти официальное признание и всяческую поддержку. Дело борьбы за восстановление в России демократии было задушено.

«Но вместе с тем были погублены и лучшие шансы на победу. Деморализация и разложение народно-революционной армии, превращенной в преторианскую армию диктатора, и восстания крестьян и рабочих в тылу дали большевизму в руки победу, за которую он может быть благодарен в немалой мере политическим интриганам и авантюристам, представлявшими в Сибири интересы союзников».

Если Ц. К. П. С.-Р., занимающий всегда в партии с.-р. позицию Буриданова осла, так определенно говорил о неудаче войны с Советской властью в союзе с Антантой, то, конечно, более революционные члены с.-р-ской партии должны были сделать и более резкие вызовы. Партийная конференция 8 февраля вынуждена была: 1) признать недопустимость вооруженной борьбы с Советской властью, в виду того, что

она является прямою помощью реакции, 2) отказаться от коалиции с буржуазией, 3) отказаться от помощи союзников».

Партия с.-р. как будто бы таким образом сдвинулась влево, хотя некоторые резолюции той же конференции шли вразрез с этими будто бы благими намерениями. Решительно вступила на этот путь группа с.-р., в которую входили члены Ц. К. Буревой, Святицкий, Ракитников и Шмелев. Все они в это время были в Уфе и, по сговору между собою, предложили от имени остатков уфимской учредилки сдать свои позиции Советской власти. На обещания их прекратить борьбу против Советской власти В. Ц. И. К. ответил широкой амнистией, открывшей путь для эс-эровской партии к легализации, путем содействия развитию революции и подлинному спасению России. Все бывшие преступления эс-эров амнистировались, поскольку отдельные члены партии впредь не прибегнут к тем же методам борьбы, а, наоборот, докажут свою подлинную лойяльность.

Но Ц. К. П. С.-Р. отнюдь не согласился с этой позицией. В резолюции своей по докладу представителей делегации Ц. К. на Востоке они писали:

«Капитуляция демократии, начавшаяся в Уфе и закончившаяся в Омске пленением директории с первого же момента ее появления на территории Сибирского правительства, является неизбежной расплатой за политику, усвоенную некоторыми руководящими кругами партии и видевшую центр положения своей работы в организации широких народных масс, в тактике «обволакивания» приспособленных к более правым группировкам коалиций во что бы то ни тало.

«Являющийся психологической реакцией против этих промахов и ошибок призыв группы партийных товарищей, возглавляемых Вольским и Святицким, принять по отношению к большевикам ту же тактику «обволакивания» и «коалиции во что бы то ни стало», которая уже показала свою несостоятельность по отношению к правым элементам, может означать для партии только новые капитуляции, отказ от демократических принципов и повторение, только в худших условиях, того же самого плачевного и жалкого опыта, который так дорого обошелся партии левых с.-р., переход к беспорядочному курсу зигзагов и полное извращение смысла всей той политической линии поведения партии, которая определялась последовательными решениями партийных советов и с'ездов».

Вместе с тем Ц. К. заявлял, что «большевизм поставил сам себя вне рядов социализма, что его политика ведет к закабалению крестьян и крестьянского труда, бросающему деревню в об'ятие черной реакции, если только руководство борьбой трудового крестьянства не возьмет на себя трудовая демократия. «Место партии с.-р.,—говорит это воззвание,—как всегда не в стороне, а во главе обретающего свои права народа». Буревой и Ракитников вышли после этого из состава Ц. К.

9-ый совет партии собрался как раз в момент бурного разногласия между группой «Народ», организованной уфимским левым Ц. К., и ушедшей вправо группой Авксентьева. Резолюция 9-го совета гласит:

«В тупике гражданской войны, в который заведена Россия, две основных силы борются друг с другом, взаимно друг друга питая: большевизм и реставрация. Из этого заколдованного круга Россию может вывести только третья сила». Этой третьей силой с.-р. считали крестьянство и, констатируя «перенесение центра тяжести в деревню», ставили перед собой задачу «слиться с трудовыми массами и об'единить под своим руководством назревающее сопротивление народных масс». Поэтому партия комментировала на этот раз решение февральской конференции в таком духе: «Выдвигаемая в настоящее время политическая ситуация отказа партии от вооруженной борьбы с большевиками должна истолковываться лишь как тактическое предложение, продиктованное положением вещей и соображениями целесообразности».

Буридановская политика совета, навязанная ему Ц. К., конечно, не удовлетворяла ни правых, ни левых. Группа «Народ» в составе Бурцевого, Вольского, Дашевского, Ратникова, Либермана, Святицкого, Смирнова и Черненко резко обрушилась на линию, взятую эс-эровским большинством:

«Вооруженная борьба приостановлена, — говорят авторы обращения,—и временные вспышки, восстания и забастовки осуждаются, не предусматривается момент общенародного движения, свергающий обе диктатуры и восстанавливающий демократию во всей ее чистоте. В мае прошлого года было принято такое решение партии... В то время можно было обольщаться надеждой, что трудовой демократии вполне достаточно, чтобы свергнуть это новое иго. Но теперь-то мы увидели, к чему привел этот пункт, к чему он не мог не привести. Не случайностью было то, что власть членов Учредительного Собрания была номинальной, а реальная власть была в руках чехов, а затем русского командного состава... Не случайность, что революционная демократия с партией с.-р. во главе оказалась не в состоянии воспрепятствовать гибельной эволюции Красной Самары в сторону господства разнузданной военщины. Не случайность, что сначала только деловое соглашение с буржуазными организациями скоро в Уфе превратилось в формальное соглашение, а еще позже—в диктатуру Колчака... Сулить в близком будущем какое-то новое организационное движение, которое сметет в одно время и большевиков, и реакцию,—значит опять взять курс на Самару в условиях, неизмеримо менее благоприятных, чем в первый раз».

Кончается обращение призывом ко всем членам партии, находящимся в рядах Красной армии, и ко всем, находящимся в рядах белых войск Деникина, «ничего не прося и ничего не требуя за это у большевиков, с оружием в руках бороться против реакции».

Не меньшее недовольство высказала и заграничная авксентьевская группа. Мы уже познакомились по истории восточной авантюры с этими правыми среди правых. Подводя итог своей восточной политике, Авксентьев из-за границы писал:

«Мы стояли за вооруженную борьбу с немцо-большевиками, организовали и вели эту борьбу, призывали союзников, ждали их, пользовались «братьями-чехо-словаками», ругали союзников, что не приходят, и т. д. Почему? Потому что мы говорили себе, что большевизм не только

предал Россию немцам, но и губит ее и внутри, приводя ее к полной абсолютной метафизической дыре, в которую провалится не только демократия, но и сама Россия. И так действовали и мы, и Ц. К., и партия не только до 11 ноября, т.-е. до перемирия на Западном фронте, но и после перемирия. И здесь партия и Ц. К. в Сибири отнюдь не переменили своей тактики, молчаливо, таким образом, допустив «вмешательство» во внутренние дела. Да это по существу и понятно, ибо, конечно, решение о вмешательстве на 8-м совете с последующим использованием чехо-словаков, чтобы гнать большевиков, было, может быть, политически полезным, но все же лицемерием. Имея директорию, мы вполне искренно во имя России и демократии звали союзников помочь нашему делу».

Жизнь Авксентьева за границей была не сладкой, ибо то же письмо заканчивается такими унылыми признаниями:

«За границей ни в Америке, ни в Европе мы демократии не нашли... Мы здесь нашли или большевистскую демократию, для которой большевики—товарищи и русская революция есть большевизм, или анти-большевиков, но и анти-социалистов, т.-е. демократическую буржуазию. Для первых мы были реакционерами, ибо доказывали, что большевики разрушили демократию и социализм, для вторых мы были полу-большевиками, ибо не лежали на животе перед Колчаком... и до России, до ее криков и стонов никому нет дела... Тяжко теперь жить за границей».

Парижские эс-эры были крайне недовольны тем, что Ц. К. не хочет прямо признать союз с черносотенцами. В своем письме к Ц. К. они писали:

«Нам чужда ваша все растущая терпимость к Советской власти, ваша готовность итти с нею единым фронтом для борьбы с анти-большевистской коалицией. По мнению многих южных эс-эров, деникинщину, как об'ект борьбы, трудно и невозможно в настоящее время изолировать от всей здоровой органически возрождающейся государственности».

Марк Вишняк в письме, частично опубликованным тов. Стекловым в его брошюре «Партия с.-р-ов», пишет:

«Советский строй и коммунизм абсолютно уничтожает всякую возможность прогресса. Колчаковский же режим дает надежду на развитие в сторону подлинного либерализма и демократизма».

Позднее Зензинов, так кровно обиженный Колчаком, сознался, что если бы Колчак, в конце-концов, побил большевиков, он бы ему все простил.

К парижской группе примкнули Авксентьев, Зензинов, Руднев, Роговский, Коварский, Керенский, Аргунов, Минор и некоторые другие. За подписью же этих лиц парижская группа обратилась с воззванием об интервенции.

9-й совет, выступая против этой группы, постановил аннулировать группу, но отнюдь не исключил этих явно буржуазных политиков из своей среды.

9-й совет развил дальше положение о крестьянской тактике. И характерно, что представитель Тамбовской организации, хвастая на

с'езде относительно проделанной большой работы по организации союза трудового крестьянства, хвастал также антоновским движением, уже начинавшимся тогда, и призывал к террору.

20 сентября того же года состоялась конференция, которая окончательно, опираясь на тактику крестьянских восстаний, отменила постановление 9-го совета партии относительно временного прекращения вооруженной борьбы с Советской властью.

Таким образом, большинство эс-эровской партии окончательно отклонило от себя амнистию, и ссылаться на нее в настоящее время отнюдь не имеет права. В резолюции прямо сказано: «Конференцией П. С.-Р. предвидится неизбежность в будущем возобновления партией вооруженной борьбы с большевистской властью».

Печальной истории с окончательным отходом с.-р-ов на прежние контр-революционные позиции полностью и ясно подвел итог член Ц. К. Веденяпин, сторонник меньшинства:

«Поднять массы,—пишет Веденяпин,—нетрудно и равно возможно распространить это движение даже на большой район, но к этому движению сразу примкнут все группировки и повторится в лучшем случае Заволжская история, так как за спиной правых будет стоять непременно Антанта со своей политикой... В результате в данное время, при данном соотношении сил, политика открытой вооруженной борьбы может или только питать начинающий разлагаться большевизм, или проложить дорогу реакционным силам с империализмом Антанты в тылу... Это теперь до очевидности ясно, и, конечно, товарищи, бывшие на конференции, не могли всего этого не видеть. В чем же дело? Почему конференция вступила на этот путь, противоречащий всей линии поведения партии, которую она усвоила за последнее время?.. Появление 16 параграфа резолюции не случайность, а попытка наметить новый курс поведения партии... Многие из наших товарищей рассматривают совершающуюся революцию, как революцию чисто буржуазную, и роль партии с.-р. намечается ими просто: способствовать достижению того правопорядка, когда во главе государства будет буржуазия. И вот теперь, после столь «славных» побед этой тенденции, как это было в Уфе, эта тенденция опять заняла определенную позицию и выявлена в п. 16 резолюции конференции. Этим идет на смарку вся работа «пленного» Ц. К. Как проявление той же тенденции, можно рассматривать действия каких-то с.-р. в Париже, стремящихся сплотиться с кадетами и войти в сношения с представителями Франции».

X.

Антоновщина.

В связи с перенесением центра тяжести своей деятельности в область возбуждения кулацких восстаний, эс-эры тотчас же стали организовывать в некоторых местах России крестьянские союзы.

Бандитское движение, известное под именем «антоновщины» и стоившее коммунистам сотни жизней, а Тамбовской губернии тысячи жизней и разорения трех цветущих уездов, явилось делом рук эс-эров,

Надо только всегда помнить, что эта партия столь же труслива, сколько и блудлива, и поэтому, конечно, эс-эры по своему обыкновению, на которое мы уже несколько раз указывали в этой брошюре, зажигали пожар и затем старались ретироваться и выждать, что из этого получится.

По имеющимся у нас данным, напечатанным в «Революционной России», т.-е. самими эс-эрами, автором которых был Юрий Подбельский, позднее арестованный, дело происходило так.

«Весной 1920 года,—пишет Подбельский,—партией с.-р. был организован Тамбовский союз трудового крестьянства, быстро покрывший тамбовские уезды сетью крестьянских союзов. На своем II с'езде союз высказался против немедленного выступления, но не скрывал от себя неизбежности в будущем вооруженной борьбы. Движение началось 12 августа в селе Каменке. Районный Комитет союза трудового крестьянства постановил воздержаться от участия в каменских событиях в силу безнадежности открытой вооруженной борьбы, но б ы л в т я н у т в движение. Крестьяне село за селом сбрасывали власть Советов и с чем можно было, с винтовками и вилами, устремились в бой. Целиком был перебит крестьянами Верходенский волисполком. Крестьяне решили итти на Тамбов. Попутно села встречали их колокольным звоном, но в самый последний момент подоспела помощь, и повстанцы вынуждены были отступить».

Во главе этого тамбовского крестьянского движения, блудливо раздутого эс-эрами и трусливо ими сдерживавшегося, и стал Антонов. Тип этот в 1905 году был экспроприатором, побывал в тюрьме и на каторге. В 1917 году после революции был начальником милиции в одном из уездов Тамбовской губернии. В 1918 году перешел на нелегальное положение и сделался бандитом - террористом в борьбе с Советской властью. Тамбовский комитет партии, трусивший соседства с этим головорезом, требовал, чтобы Антонов снял с себя звание эс-эра. Но вместе с тем из блудливого желания побольше напакостничать Советской власти никогда не прерывал с ним действительных сношений.

Этот-то Антонов при поддержке эс-эров, которые писали для него прокламации, оказывали ему всяческую поддержку и подчас давали ему распоряжения, и стал во главе кулацких банд в Тамбове.

«Слабой стороной восстания,—говорит Подбельский,—является неопределенность и неясность политических требований. В наши руки попал устав Тамбовского губернского союза трудового крестьянства, свидетельствующий о здоровом настроении повстанцев. В этом уставе сказано в п. 3: «созыв Учредительного Собрания»; в п. 2: «всемерное содействие установлению прочного мира со всеми иностранными державами»; в п. п. 4 и 5: «установление выборной власти на местах и свобода слова, совести, печати» и т. д. В п. 6: «проведение в жизнь закона о социализации земли, утвержденного бывшим Учредительным Собранием». Остальные пункты представляют из себя сплошную галиматью, соответствующую малограмотности составителей, как-то: «открытие широкого государственного кредита личности». или «допущение ино-

странного капитала для восстановления военно-экономической жизни», и т. п..

«Трагедия тамбовского крестьянства, — кончает Подбельский,—была в отсутствии надежных идейных руководителей; развив громадную энергию сопротивления, оно, всеми покинутое, поневоле устремилось за тем, кто оказался у него под рукой, и это могучее восстание выродилось в бесшабашную и нелепую партизановщину».

Как относился эс-эровский центр к этому движению, видно из прокламации от 2-го июля:

«Не прекращающиеся крестьянские волнения и крестьянские восстания часто идут по ложному пути погромов, насилия и убийств. Большевики знают, что движение Антонова рассматривается партией как движение полубандитское, и что в этом движении членов партии нет и что лишь там, где оно носит здоровый характер борьбы с коммунистической диктатурой за утверждение прав трудового народа и где оно решительно отделено от всяких чуждых революции элементов, там члены партии идут в рядах восставших».

Совершенно я в н о, что это значит. Всякий раз, когда произведен был какой-нибудь преступный и явно разбойничий эксцесс, эс-эры могли при этих условиях сказать, что они здесь ни при чем, и всякий раз, как какой-нибудь эс-эр был бы вовлечен в участие в крестьянских восстаниях, он мог заявить, что он был «втянут» в него, считая его здоровым революционным восстанием.

Антоновщина развернула в своем роде целую прокламационную литературу. Во всех прокламациях Антонова стоит вверху эс-эровский мотто: «В борьбе обретешь ты право свое». В одном из этих листков говорится: «Во главе восстания стоит испытанный борец за идеалы свободы эс-эр Антонов». В другом говорится: «Знайте, что к вам на помощь идет ваша крестьянская партия—эс-эры. Только на-днях закончился в Париже с'езд членов Учредительного Собрания, на котором большинство решило всячески поддерживать эс-эров. А эти устами лучших своих вождей Чернова, Керенского, Авксентьева об'явили, что будут вести вооруженную борьбу с большевиками. Итак, помощь не за горами».

Вместе с тем программа, выдвинутая антоновщиной, как мы уже видели, была проникнута буржуазными тенденциями и отчасти являлась прямой чепухой. Как же могло быть иначе? Если, с одной стороны, эс-эры явным образом примыкали к антоновскому движению и в предстоящем процессе будет раскрыта их прямая связь, то с другой стороны, по непререкаемым данным, к движению примазалась и буржуазия. Так, членом генерального штаба Антонова состоял бывший присяжный поверенный Федоров, который являлся также и начальником антоновской контр-разведки. Все местные монархисты вели частью шпионскую, частью прямо военную работу для Антонова. Там были замешаны полковник Таубэ, Миллер, генерал Есипов, генерал Линский и др. По поводу крестьянского движения в Саратовской губернии (бандит Попов) тов. Стеклов с недоумением восклицает: «Как, бандитское движение для восстановления буржуазного порядка?» В самом деле.

На первый взгляд это может показаться парадоксальным, но ведь для буржуазии все одинаково хорошо, и Чернов, и Антонов, лишь бы только они боролись с Советской властью.

Антоновское движение наполнило настоящим террором Тамбовскую губернию. Ужасающими были пытки, которым подвергались пойманные коммунисты. Писатель М. Горький в своей в общем несправедливой статье о жестокостях русского народа приводит ряд жутких фактов из этого восстания, главным образом, ими иллюстрируя свое огульное обвинение против русского крестьянина. Мужики Тамбовской губернии так и говорили про Антонова: «Удалой гуляет». И если первое время тамбовские зажиточные крестьяне рассчитывали на то, что Антонов окажется их защитником в деле укрывания от Советской власти необходимого стране продовольствия, то к концу вся крестьянская масса проникнулась ненавистью к головорезам.

Эс-эровская пресса со смешанным чувством блудливости и трусливости то восхваляла Антонова, то смущенно бормотала: «Воля России», например, писала: «При большой затрате энергии (?!) лозунги, (т.-е. антоновская «чепуха») способны стать общими лозунгами всех восставших крестьян, организующими демократический порядок и указывающими пути для положительного политического и социального творчества».

Или: «Вот уже 7 месяцев, как в Тамбовской губернии гуляет буйная крестьянская вольница. Только деревенское кладбище знает, сколько седых и русых голов сложило тамбовское крестьянство за мужицкую правду».

Или эпически: «По безбрежному полю, по снегам и сугробам скачет мужицкая»... и т. п.

Надо помнить, что подобные же восстания имели место и в Сибири. Здесь также зачинщиками являлись эс-эры. Один из руководителей этого восстания Юдин показывает, что «Краевой комитет запретил членам партии работать по организации Красноярского крестьянского союза, но не запретил партийным организациям участвовать в Сибирском крестьянском союзе, а циркулярное письмо Сибирского краевого комитета и циркулярное письмо Ц. К. партии при организации беспартийного союза давало всем полную возможность продолжать свою работу в инициативной группе».

На каждом шагу та же казуистика, то же двуличие, то же блудливое и трусливое двуручничество. Начиная с «союза спасения» и кончая сибирскими инициативными группами бандистского движения, всегда эс-эровская партия, как седая рыжая лисица, устраивает себе два или три выхода из норы, чтобы и отпереться можно было, и прихватнуть чтобы можно было, выпрашивая из-за границы субсидии, хвастать антоновщиной и «сибирскими крестьянскими восстаниями», и чтобы перед судом сколько-нибудь революционно настроенного общественного мнения, а тем более перед революционным судом суметь отбрехаться и умыть руки.

Такова была практика, возникшая на основе постановления о перенесении центра тяжести работы в деревню,—таковы были те козыри.

которые пред'явили господа эс-эры, за что кадеты и их покровительница Антанта выдвинули их вперед и обещали прямо заменить ими тех Деникиных и Врангелей, которым они до тех пор усердно помогали.

XI.

Новейшая история эс-эровской партии.

Новейшая история эс-эровской партии характеризуется почти полным слиянием с кадетами и тактикой по отношению к Кронштадту. Дело в том, что разгром Врангеля окончательно показал врагам России в Европе, что ставка на открытую реакцию проваливается безнадежно. Это заставило и Антанту и кадетов подумать о более прочном союзе с эс-эрами, которых начали рассматривать как настоящих руководителей грозных крестьянских восстаний. В берлинском (кадетском) «Руле» Милюков цинично заявлял: «Державы не дадут ни копейки, пока кадеты не соединятся с эс-эрами». Эс-эры, в свою очередь, весьма охотно шли на такой союз, в особенности, разумеется, пустоголовые правые эс-эры из Парижа. Еще летом 1919 г. начались интенсивные переговоры буржуазии в лице князя Львова, Коновалова, Маклакова и эс-эров Бунакова, Авксентьева и других. В январе 1920 г. обе группы сговорились на том, что эс-эры уступали по вопросу о возвращении капиталистам фабрик, заводов и банков, а кадеты, в свою очередь, отказывались от мысли об отобрании земли у крестьян. Наконец, в январе 1921 г. под давлением французского правительства был созван с'езд учредиловцев. На нем принимали участие эс-эры Авксентьев, Минор, Руднев, Брешко-Брешковская, Зензинов, Керенский, кадеты Милюков и Родичев, трудовик Булат, октябрист Мейендорф и Чайковский.

Исполнительный Комитет, который был там выбран, состоял из с.-р. Авксентьева, Керенского, Минора и Зензинова и из кадетского большинства в лице Милюкова, Винавера, Коновалова, Максимова и Манквича.

Если вы припомните, что Ц. К. когда-то с горечью признавал ошибочность коалиционной политики, то поймете, что, конечно, Ц. К. партии с.-р., или Буриданов осел с сидящим на нем косоглазым человеком Черновым, пришел в некоторое замешательство. Но здесь мы касаемся столь циничного саморазоблачения Чернова, которое в полной мере граничит с ужасающими признаниями Авксентьева и Зензинова, приведенными нами в главе «Восток». Все письмо Чернова, в подлиннике имеющееся в наших руках, до такой степени типично, что мы не можем не привести здесь почти полностью этого ужасного документа.

«Я вернулся из-за границы,—пишет Чернов,—как раз во время кронштадской завирухи, когда сношения с Россией оборвались. При приезде в Прагу я запросил Зензинова, что за история происходит с совещанием Учредительного Собрания, что, как и почему. Он ответил мне, что... теперь пятиться невозможно, что на с'езд все приглашены и уже с'езжаются. Инициаторами являлись парижане. Левыми с'езд

являются: Сталинский, Слоним, Лебедев, Махин; центром—Зензинов, Минор, Керенский и Грувид; правыми—Авксентьев, Вишняк, Бунаков, Руднев, Роговский и т. д. Центровики замазали, по почину Керенского, трещину, отделявшую их от правых, и создали форму организации, об'единяющую всех, кроме членов партийной делегации. Организация об'явлена межпартийной, но состоит целиком из с.-р., одного меньшевика и одного н.-с. Беспартийность нужна для того, чтобы под сим титулом получить находящиеся у чехо-словаков средства, оставшиеся от комитета членов Учредительного Собрания». Другой целью,—по заявлению Чернова,—была забронированность от контроля делегации партии с.-р. Бюджет организации колоссальный... Решено, что совещание созовут Минор, Керенский и Авксентьев. Инициаторская группа, или беспартийная организация, финансирует предприятие. Одним словом, деньги и средства организации—все осталось в руках правых и центра, и, видимо, центр сделался пленником правых. Сам Чернов в результате повел следующую линию: «Отметив, что Россия не может принять ничего, носящего вид коалиции с буржуазией, я отказался принять участие в конференции, как член Ц. К., на свой личный страх, и как председатель Учредительного Собрания на частном совещании, но... из'явил согласие работать во фракции с целью помочь им выбраться из этого положения.

«В результате совещания было решено, ввиду невозможности произвести об'единение без кадетов, заставить работать комиссию, нечто вроде сеньорен-конвента, или согласительных комиссий. Цель была — лишь представительство за русские интересы и русский народ перед общественным мнением и влиятельными политическими кругами Европы, опираясь на моральный вес своего знания и своих имен. Как видите,—продолжает Чернов,—имя партии я тщательно выгородил из всего этого дела, политика Ц. К. совершенно свободна, руки у него не связаны,—судите. решайте. Однако,—говорит он дальше,—примите во внимание следующее: кронштадтские события были огромным толчком для заграницы, левые сплотились, явилась тяга в Россию и вера в близкое движение воды. Теперь я как раз субсидируюсь Прагой на продолжение издания «Революционной России», теперь можно поставить газеты, которые будут финансированы Прагой. Распустить эту беспартийную организацию было бы ударить по работе... Надо ввести в группу лиц для подкрепления левого крыла, людей центра, необходимо менажировать их, они все продвигаются ближе к партийной позиции, которую вам нужно санкционировать. Зензинов, как вы знаете, вышел из Ц. К., когда получил резолюцию 9-го совета. Теперь он изменил свою точку зрения, как основанную на недоразумении. Согласно обмена мнений, я предлагаю Ц. К. принять резолюцию: признать подачу Зензиновым в отставку непринятой Ц. К. и аннулированной и восстановить его в правах члена Ц. К., включив его в состав заграничной делегации вместе с Русановым, Сухомлином и Черновым. Нельзя, однако, не считаться с тем, что сейчас, после парижского совещания, вопрос крайне осложнился. В комиссии здесь остались работать Керен-

ский, Минор и Зензинов. Уйдут ли они, послушаются ли они Ц. К. не придется ли нам об'явить их вышедшими из партии? Что произойдет после этого со всеми здешними организациями, предприятиями, материальными средствами, затраченными на нужды дела? Наличность в вашей резолюции некоторых недоразумений и неточностей внушила в Праге надежды, что вы пересмотрите вашу резолюцию, и это, конечно, надо сделать. Не надо включать в резолюцию спорных мотивов. Действительно ли, садясь на частном совещании рядом с к.-д., создаете вступление в политическую коалицию с ними... Вы скажете, одно дело—официальное заседание, а другое дело—частное совещание; на первом мы заседаем вместе с кадетами по должности, а на втором—по собственной инициативе и желанию. Аргумент шаткий. Частное совещание отличается от Учредительного Собрания лишь тем, что здесь вместо целого... подобрана часть по признакам членства в Учредительном Собрании. Мыслим и такой случай, что частное совещание соберется, чтобы дать сражение друг другу, идейную битву. Так вы только создадите на почве оппозиции основу для враждебного для нас союза правых, центра и части левой заграничной делегации. Вы, может быть, недовольны мною за то, что я не выступил в Париже более категорически против того, что произошло. Но я и без того все ходил по краю обрыва, и еще один шаг был бы полным разрывом с Зензиновым, Керенским и Минором. Я должен был быть готовым на об'явление их вне партии. Без вас, единолично, я на такую вещь пойти не мог, ваши руки свободны, вы можете итти так далеко, как хотите. Но если вы дорожите пребыванием в партии Керенского, Зензинова и Минора... Умейте наказать, умейте и помиловать. Слишком огульная критика может оказать обратное действие. Может быть, вы деньгами совсем обнищали, может быть, в этом случае попытаться перехватить у беспартийной организации для вас на сей предмет субсидию, если... если сама организация не будет вами окончательно взорвана и ее рессурсы, в результате конфликта, нам не улыбнутся»...

Что ни слово, то цинизм, политиканство, стоящее совершенно на уровне признания Милюковым, что союзники не дадут денег, если не помирятся кадеты с эс-эрами. Вы припомните, что говорил Делевский о фатально возникшей в эс-эровской партии жадности к деньгам. Теперь, когда эс-эрам пришлось влачить существование эмигрантов, когда какие бы то ни были собственные денежные рессурсы иссякли, когда можно было надеяться только на помощь извне, финансовая политика партии должна была, конечно, представить из себя зловоннейшую клоаку. Напрасно говорил когда-то член Ц. К. Донской, что деньги не пахнут. Они удушливо и очень скверно пахнут, и этот запах заражает всю эс-эровскую партию. Чего стоит только эта, поистине, потрясающая фраза: «Может быть, вы деньгами совсем обнищали; может быть, попытаться перехватить у беспартийной организации для вас на сей предмет субсидию?» Дальше в торговле принципами итти некуда.

В отношении к кронштадскому восстанию, которое шло параллельно со сговором эс-эров с кадетами, разницы между обеими партиями не

было никакой. Если Чернов решил сдвинуться со своей учредиловской позиции, идя навстречу кронштадтским матросам, и примкнуть к лозунгу «Советская власть без коммунистов», то ведь и Милюков посчитал для себя этот шаг не слишком левым. С тартареновской развязностью Чернов обратился немедленно после восстания к кронштадтцам с таким письмом:

«Председатель Учредительного Собрания Виктор Чернов шлет свой братский привет героическим товарищам матросам, красноармейцам и рабочим, в третий раз, с 1906 года, свергающим гнет тирании. Он предлагает помощь людьми и свое посредничество для обеспечения Кронштадта снабжением через заграничные и русские кооперативные организации. Сообщите, сколько и чего нужно. Готов прибыть лично и предоставить на службу народной революции свои силы и свой авторитет. Верю в конечную победу рабочего народа, которому переходит власть, в готовность рабочей массы восстать во имя Учредительного Собрания».

Кронштадтские мятежники решили, однако, повременить с вызовом столь могучего союзника.

Впрочем, уже в статье «Уроки Кронштадта» в номере 5-м «Революционной Госсии» Чернов отрекся от своего лозунга советов. Мелкие эс-эры, конечно, в кронштадтской авантюре принимали участие, а вся партия звонила во все колокола, призывала на голову Кронштадта всяческие благословения, призывала все черные силы сплотиться вокруг Кронштадта, как своего авангарда, и снова оказалась вполне верной себе.

В августе 1921 г. состоялся 10-й совет партии. Этот совет в момент, когда наша партия, преодолев самые величайшие трудности, окончательно почувствовала себя окрепшей,—как дурак, певший «со святыми упокой» на свадьбе, констатировал «моральное и политическое банкротство большевиков» и подтвердил боевые позиции партии против Советской власти. Открытие борьбы против Советской власти с целью организации вооруженного восстания поставлено было во весь рост. В соответственном духе велась и линия эс-эров в иностранной политике, когда западно-европейская буржуазия в лице более умной своей части, по ликвидации Кронштадта, провозглашении новой экономической политики, полного прекращения крестьянских восстаний, поняла, что Советская власть прочна, и через Каннскую конференцию пошла к Генуэзской конференции и предстоящей Гаагской.

Еще на Вашингтонской конференции с.-р. Авксентьев вместе с Милюковым интриговал против Советской России. Во время Каннской конференции Милюков и Авксентьев протестовали вместе против плана, принятого Верховным Советом, считая его «соглашением с господствующей теперь в России властью с целью эксплоатации русского народа в интересах иностранных капиталистов».

Остальные же очень неясно отмежевались от этих господ.

В «Голосе России» черновцы (вероятно, Чернов) писали:

«Мы не могли и не можем выступать ходатаями в деле Московского Совнаркома. У нас нет возможности аргументировать за его скорейшее признание, разве лишь ироническим указанием, что ведь признать-то

правительства Антанты его все равно признают, и все нынешние гримасы, как у пьяницы перед чаркой вина, предназначены только для того, чтобы большевистская власть не зазнавалась и в переговорах с нами была бы покладистее».

Даже Милюков по этому поводу написал: «Вместо ответа признать, или не признать,—ироническое указание совсем в черновском стиле».

Есть данные, на которых я, однако, здесь не могу настаивать, относительно попытки эс-эров сговариваться даже с фашистами на предмет срыва успехов русской делегации в Генуе [1]).

XII.

Итоги.

Такова бесславная история эс-эровской партии. Распад на несколько групп, из которых, к сожалению, самые левые, как показала это история левых эс-эров, только тогда становятся более или менее приемлемыми революционерами, когда входят в коммунистическую партию, что случается с отдельными единицами, а самые правые представляют из себя слабовольных, слабоумных и вместе с тем циничных союзников черной реакции при центре, колеблющемся между трусливостью и блудливостью, не решающеемся никого исключить, не решающемся проявить никакой энергии. Атмосфера келейных группировок, внутренней конспирации, интриг, а подчас подкупа,—вот внутренняя картина этой партии. Извне союз со всем, что губило за это время Россию и революцию. Мы нигде не настаивали на связи эс-эров с абсолютно грязным авантюристом Савинковым, хотя и прошлое, и постоянные указания на связь с ним дают возможность сделать эс-эровскую партию в значительной степени ответственной и за этого бандита. Но на много ли облегчается ответственность эс-эров, если освободить их от связи с Савинковым? Чем лучше их авантюры на Дальнем и Ближнем Востоке, на Севере и на Юге, залитые кровью рабочих, сопровождавшиеся разгулом и развратом власти, которая делает отвратительной и смешной попытку эс-эров корить нас теми или другими эксцессами нашей великой революции?

Трусливость и двойственность, но вместе с тем фактически принятый террор в виде убийства из-за угла. Связь с подонками населения, будь то громилы, Антонов или уголовники, помогавшие боевой организации эс-эров в ее омерзительных эксах, о которых я не счел даже нужным упоминать в моей брошюре, но которые, тем не менее, существуют и от которых ничем не отвертишься.

И если хорошенько представишь себе эту авантюристическую, изменническую, кровожадную, мелко-буржуазную партию и если приба-

---

[1]) Чрезвычайно сожалею, что мне уже не удастся использовать новые документы, доказывающие, что правая группа с.-р. совместно с Черновым вела в Кронштадте и ведет сейчас в союзе с черносот. вплоть до „посла“ Бахметьева и с франц. банками подлую войну всюду против Сов. России. Подсудимые заняли по отношению к этим патриотам двойственное положение.

вишь к этому все эти сантиментальные фразы, тремоло косоглазого «великана» Чернова и его бабушки Брешко-Брешковской, которая то каркает, как пиковая дама, то расплывается в сладком, как патока, мещанском сантиментализме, — то испытываешь подлинную гадливость. Понятно, что человек, переживший все фазы развития эс-эров, ушедший от них, как левый эс-эр, а потом от левых к нам, тов. Колегаев. нашел в своем лексиконе для определения эс-эров такие слова, которые мы охотно заимствует у него:

«Среда лжи, двуличности, обмана людей, игры с их именами и благословения их на смерть (я вспоминаю, как Азеф с плачем «благословлял» на террористический акт, кажется, Егора Сазонова, зная, что он сам уже приготовил с охранкой палача для Сазонова); среда, в которой «деньги не пахнут», где с уголовным идут на паях плавить кассу и с наймитами королевского посла Бьюкенена поджигать, взрывать продовольственные склады, где плачут о «бедном народе» и «насильнике-большевике» и секут, вешают этот народ на полях Сибири, Кавказа, Крыма, Польши; среда, где филистерство дало Савинкова, а политическое тупоумие и глуповатая хитрость — Колчака»...

Словом, то, что можно назвать «черновщиной»: отсутствие воли, интеллигентское нытье, попытки перехитрить события, подмаргивая и нашим, и вашим. Смердящий гнойник, который виден теперь всем под всевдонином П. С.-Р., показан всем, имеющим глаза, последними разоблачениями.

Эта атмосфера морального разложения, эта «черновщина» имеет свои глубокие корни в прошлом верхов П. С.-Р.: типичные политиканы («кадеты с бомбой»), оторванные от пролетарской массы с ее единой волей, пытающиеся словоблудием и удачной формулировкой резолюции подменить понимание событий.

Только в такой атмосфере мог годами жить, лгать и предавать Азеф.

Только «черновщина» могла позволить годами жить «азефовщине».

Чем же все это об'ясняется? Тем ли, что в эс-эровскую партию специально собрались авантюристы, трусы, предатели, слабоумные люди, перекрашенные буржуа? Нет. Дело об'ясняется тем, что эс-эр есть мелко-буржуазная партия. Мелкая буржуазия об'ективно не может вести своей собственной политики. Она могла вести ее и даже в героических тонах, когда пролетариата не было и когда, как пишут сами эс-эры, не было борьбы основных двух сил,—большевиков и реакции, т.-е. пролетариата и капитала. С возникновением этой ситуации всякое стремление найти третью силу есть измена пролетариату и слабоумная помощь реакции. В результате реакция презирает эс-эров, пинает их ногой каждый раз, когда чувствует себя сильной, и зовет их как собаку к себе каждый раз, когда ей кажется, что эс-эры могут быть ей полезны. В результате революционный пролетариат ненавидит и презирает эс-эров. В результате мелко-буржуазная партия проваливается все ниже и ниже и грозит увлечь с собою в омут презрения, непоправимого презрения об'ективной истории всех, кто во-время не сумеет вырваться из ее мутного водоворота.

Но если партия эс-эров таким образом морально и политически осуждена, все же факты вроде уступки Милюковым своей газеты Чернову, который-де «для настоящего времени лучше меня сделает наше дело», факты вроде того, что даже Мартов, тоже ведь редко кому могущий уступить по части колебаний и нерешительности, высказывается против принятия эс-эров даже в 2½ Интернационал, так сказать, официальную организацию колебания и нерешительности,—не доказывают, чтобы эс-эры не были опасны. Мы знаем, что реакция готова принять какой-угодно вид. Антанта фактически в военном отношении отброшена нами. Принимая во внимание все условия, мы можем сказать. что вряд ли Антанта в силах в настоящее время атаковать нас прямо с оружием в руках, хотя, конечно, за будущее никто не поручится. Но Антанта ведет против нас другой подкоп, другой подход. Она старается овладеть позициями коммунизма путем экономического и дипломатического давления, отбитых нами на Генуэзской конференции. Она попытается после того, как в Гааге, как этого можно ожидать, в конце концов, будут заключены торговые договоры даже с Англией, просочиться в поры нашего хозяйственного организма и здесь, амальгамируясь с нашим мещанством, с нашими нэпманами, постараться стереть углы нашей красной пятиконечной звезды или даже взорвать Советскую власть изнутри. И в этой своей борьбе Антанта не брезгует ничем. Ее дело делают лицемеры из II Интернационала, а 2½ Интернационал колеблется, поддакивает или ворчит. Она, конечно, готова всячески опереться на эс-эров. Разве мы не видим на каждом шагу, как сменовеховство становится лозунгом для попытки заполучить в руки нэпманов затем хоть часть власти? Разве мы не пережили статьи Чернова чуть не сменовеховского характера, где он заявлял о возможности поправения большевиков и снижения к демократии, при каковом условии он готов был бы протянуть Советской власти руку? (Подумаешь, какая честь и какая опора!) Мы можем ждать впредь от эс-эров и покушения на наших вождей, и стремления использовать каждое наше столкновение с населением (а их довольно много, так как рессурсы наши невелики), будет ли итти дело о профессуре, студенчестве, или, что, конечно, гораздо опаснее, о крестьянстве, о Красной армии. Самый острый сквозной ветер, самые резкие переходы от жара к холоду, глубокие раны не опасны для человека, если вокруг не существует целого мира микробов, пользующихся недостаточным кровоорошением той или другой части организма вследствие охлаждения, развертывающих в глубине каждой язвы свою тлетворную жизнедеятельность. Вот такими микробами и является партия эс-эров. Пережив тяжелый кризис, израненная страна должна озаботиться об асептике, о полном выжигании путем суровости сулемного характера всех этих жизневредителей. Никогда не откажется Советская власть от борьбы с подобными элементами, от применения самых суровых карательных мер, и всякий коммунист бестрепетно примет на себя ответственность за такие меры.

Но еще более важно, бросив яркий свет на эс-эровскую партию, показать и тем честным людям, которые входят в нее, и тем, которые могут находиться в орбите сочувствия к ней, и тем элементам, на кото-

рые эс-эровская партия при тех или других благоприятных условиях может воздействовать,—ее подлинную сущность.

Это будет главной целью начинающегося теперь процесса. К этой же цели стремится и та литература, которая создается теперь вокруг процесса. Брошюры Быстрянского, Вардина, Стеклова, Мещерякова, многочисленные газетные статьи, среди которых блестяще выделяются чудесные, огненные реплики товарища Троцкого,—все это—обеззараживающие средства. В этом походе советской асептики против эс-эров свою скромную роль старается сыграть и моя брошюра о бывших людях.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Вместо предисловия	3
Мелкая буржуазия	5
Мелко-буржуазная партия в России	8
О терроре	13
От февраля до октября 1917 года	20
От Октябрьской революции до чехо-словацкого фронта	31
Снова террор	39
Север	59
Юг	62
Политические директивы партии с.-р.	65
Антоновщина	70
Новейшая история эс-эровской партии	74
Итоги	78

Duke University Libraries
D04537444V